БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ XXXIV 11.
Полка 8 4.
№ 26. 5

КУРСЪ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

КУРСЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ

ДОКТОРА ГЕОРГА ВЕБЕРА,

ПРОФЕССОРА ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГѢ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Е. и В. Корша.

ТОМЪ I:

ИСТОРІЯ. ДРЕВНОСТИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1860.

ИСТОРІЯ ДРЕВНОСТИ.

БИБЛІОТЕКИ
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

211/97

II33E

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 26-го дня 1860 года.

Цензоръ *А. Драшусовъ.*

11336

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Горького

ВВЕДЕНІЕ.

—

1. Первые люди.

§ 1. Первая книга Моисея, древнѣйшій памятникъ человѣческаго знанія, даетъ намъ слѣдующее свидѣтельство о сотвореніи міра и исторіи первыхъ людей: Богъ, первоначально сотворивъ вселенную, украсивъ небо солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами, одѣвъ землю растеніями и плодоносными деревьями и ожививъ ее животными, создалъ по образу и подобію своему человѣка, вѣнецъ творенія, и надѣливъ его разумомъ и даромъ слова, то-есть способностью образовать себѣ языкъ, предназначилъ ему сдѣлаться господиномъ земли. Чиста и крѣпка тѣломъ и духомъ вышла первая чета изъ десницы Творца своего, и жила, не вѣдая добра и зла, съ дѣтскою простотою, въ своемъ первоначальномъ жилищѣ, въ раю (эдемѣ), пока змій-искуситель не соблазнилъ ее вкусить плода отъ древа познанія, и она, нарушивъ такимъ образомъ заповѣдь Божію, не утратила своей естественной невинности и райскаго блаженства. Съ тѣхъ поръ эта чета и потомки ея должны были тяжкимъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе; въ человѣкѣ пробудились страсти, дурныя стремленія, и братоубійство Каина напоило землю впервые пролитою кровью; мирное сожительство людей было нарушено. Каинъ и его потомки въ послѣдствіи жили къ востоку въ «странѣ изгнанія», гдѣ обратились къ городской жизни и устроили свой бытъ разнообразнѣе, благодаря изобрѣтенію музыки и кованія металловъ; потомки Сиѳа остались на своемъ прежнемъ мѣстѣ, при обычной пастушеской жизни, скотоводствѣ, и земледѣліи. Вслѣдствіе усиливавшагося раз-

множенія обоихъ племенъ и смѣшенія между ними, потомки Сиѳа заразились пороками потомковъ Каина; буйныя влеченія дикой, необузданной природы все болѣе и болѣе вовлекали поколѣнія юнаго человѣчества въ пути грѣха, пока наконецъ великій потопъ не истребилъ всѣхъ людей на землѣ, за исключеніемъ Ноя и его семейства. Но вскорѣ племя Ноя до того размножилось, что потомки трехъ сыновей его: Сима, Хама и Іафета, должны были разсѣяться по сосѣдственнымъ землямъ, ибо родина уже не могла вмѣстить ихъ. Тогда пришла имъ мысль построить «изъ кирпича и горной смолы вмѣсто цемента», столбъ Вавилонскій, вершина котораго должна была достигать неба и служить для нихъ постоянною примѣтой. Богъ разстроилъ это высокомѣрное предпріятіе, смѣшавъ ихъ рѣчь, то-есть раздѣливъ ее на языки, такъ что, не понимая другъ друга, люди должны были разсѣяться. Они разошлись во всѣ четыре стороны, населили земли трехъ древнѣйшихъ частей свѣта: Азіи, Африки и Европы, и составили, по различію языковъ, разные народы. Потомство Сима, къ которому относятъ всѣ народы семитическихъ (то-есть симитскихъ) языковъ, каковы Евреи, Халдеи, Сирійцы, Арабы, сохранило свое первоначальное обиталище въ Азіи; потомство Хама распространилось по Египту и Африкѣ, а потомство Іафета населило Малую Азію и большую часть Европы.

2. Раздѣленіе людей по породамъ, языкамъ и образу жизни.

§ 2. Сравненіе особенностей, преобладающихъ между обитателями земнаго шара, привело къ заключенію о существованіи трехъ или пяти породъ, различающихся по духовнымъ свойствамъ и способности къ развитію, а также по сложенію тѣла, устройству головы и лица, и цвѣту кожи. 1. Призванная къ свободѣ и преобладанію кавказская порода, къ которой принадлежатъ народы индогерманскихъ языковъ, т. е. Европейцы (за исключеніемъ Лапландцевъ и Финновъ), жители верхней Азіи, Индіи и сѣверной Африки, по своей способности къ развитію преимущественно составляетъ предметъ

исторіи. Она отличается соразмѣрностію членовъ, красотою тѣла и лица, и заключаетъ въ себѣ разнообразнѣйшіе переходы отъ бѣлаго цвѣта кожи у бѣлокураго сѣвернаго Европейца, до темнаго цвѣта кожи съ черными волосами у южнаго Европейца и Индійца. 2. Негритянская порода, обитающая въ Африкѣ и разселенная посредствомъ торга невольниками въ Америкѣ и Вестъ-Индіи, отличается болѣе или менѣе чернымъ цвѣтомъ лица и черными, курчавыми, шерстистыми волосами. 3. Монгольская порода живетъ въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта (Монголы, Гунны, обитатели нижней Индіи, Китайцы, Японцы, Калмыки, Финны, Лапландцы, Эскимосы и пр.) съ прямыми черными волосами, вдавленнымъ носомъ, прямо-линейно расположенными, далеко отстоящими глазами и цвѣтомъ лица, измѣняющимся отъ желтаго до свѣтлокоричневаго.

Рядомъ съ этими тремя племенами, принадлежащими преимущественно Старому Свѣту, различаютъ еще двѣ второстепенныя, посредствующія породы. 4. Малайская (Австралійская) съ прямыми или слегка курчавыми черными волосами, съ болѣе или менѣе темнымъ цвѣтомъ лица, составляетъ какъ бы переходъ отъ кавказской породы къ эѳіопской. Къ ней принадлежатъ обитатели Новой Голландіи и острововъ Тихаго Океана. 5. Американская—съ мѣднотемнымъ цвѣтомъ лица и рѣдкими, склоченными волосами, заключаетъ въ себѣ еще сохранившихся первоначальныхъ обитателей Америки: Мексиканцевъ, Перуанцевъ и т. д. и составляетъ переходъ отъ кавказской породы къ монгольской.

Эти различія между породами привели многихъ ученыхъ къ тому заключенію, будто каждая часть свѣта или каждая большая группа острововъ имѣетъ своихъ особенныхъ, на мѣстѣ возникшихъ обитателей (автохтоновъ) и что слѣдовательно нельзя допустить происхожденія рода человѣческаго отъ одной пары; другіе, напротивъ, основываясь на иныхъ данныхъ, на сходствѣ жизненнаго процесса у всѣхъ породъ, на единообразіи внутренняго строя и скелета, и на томъ обстоятельствѣ, что смѣшеніе между всѣми породами даетъ плодъ (такъ, въ Америкѣ, родившіеся отъ Европейцевъ и Негровъ называются мулаттами, родившіеся отъ Европейцевъ и Американцевъ — местицами и т. п.), полагаютъ, что различныя породы людей — видоизмѣненія одного и того же первоначальна-

го племени, и что, не смотря на вліяніе климатовъ, нравовъ, обычаевъ, образа жизни и другихъ легко объяснимыхъ особенностей, свойственныхъ отдѣльныхъ породамъ, происхожденіе человѣчества отъ одной пары имѣетъ за себя наибольшую вѣроятность.

Раздѣливъ обитателей земнаго шара на пять упомянутыхъ породъ, пытливый и мыслящій духъ приступилъ къ другой задачѣ — свести всѣ языки, которыхъ насчитываютъ до 2,000, на отдѣльныя вѣтви или корни языковъ и изъ сходствъ между всѣми этими вѣтвями вывесть существованіе одного общаго первоначальнаго языка или доказать первоначальное сродство племенъ, нынѣ разъединенныхъ. 1. Кавказской породѣ принадлежатъ слѣдующія три вѣтви языковъ: а) индогерманская (индоевропейская, или арійская), къ которой относятъ языки обитателей верхней Индіи, персидскій и всѣ европейскіе, за исключеніемъ венгерскаго, языка Басковъ, финскаго и эстонскаго; б) семитическая, свойственная вышеупомянутымъ симитскимъ народамъ, Абиссинцамъ, Финикійцамъ, Пунамъ (Карѳагенянамъ) и друг.; в) сѣверо-африканская, заключающая въ себѣ языки древне-египетскій, коптскій и почти всѣ языки древнихъ обитателей сѣверной Африки. 2. Въ сѣверо-восточной Азіи и Европѣ распространено принадлежащее частію кавказскимъ, частію монгольскимъ народамъ семейство языковъ финско-татарское, или туранское, къ которому относятся многочисленныя племена Финновъ (сюда пріурочиваютъ и Венгровъ въ Венгріи, а также населеніе Эстляндіи и Лифляндіи), Татаръ (сюда входятъ и османскіе Турки, Киргизы, Башкиры и др., многіе монгольскіе народы, Тунгузы, Камчадалы и др.). Важнѣйшимъ общимъ признакомъ туранскихъ языковъ служитъ агглутинація, т. е. образованіе склоненій и спряженій посредствомъ механическихъ и отъемныхъ вставокъ или приставокъ, въ противуположность органическому складу языковъ семитическихъ и въ особенности арійскихъ. Туранскіе языки большею частію кочевые. 3. Въ юго-восточной Азіи господствуетъ свойственная монгольской породѣ китайско-загангская отрасль, состоящая изъ односложныхъ словъ безъ флексій, т. е. безъ перемѣны окончаній въ глаголахъ, именахъ и мѣстоименіяхъ: она распространена въ Китаѣ, нижней Индіи, Тибетѣ и пр., а въ Японіи и на восточно-азіятскомъ архипелагѣ японско-курильская. 4. Языки, употребительные на островахъ Великаго Океана, относятъ къ малайско-полинезскому корню. 5. Языки и нарѣчія американской породы,

которыхъ насчитываютъ до 500, при всемъ своемъ разнообразіи имѣютъ общій первоначальный типъ и потому тоже могутъ быть сведены на одну отрасль — американскую. 6. Пытливый духъ Европейцевъ старался изслѣдовать и привести въ стройный порядокъ даже безчисленныя африканскія племена, но по неизвѣстности внутреннихъ частей Африки, добытые результаты скудны и основанія ихъ шатки.

Въ Южной Америкѣ, до поселенія Европейцевъ, по всему восточному берегу отъ Ріо-де-ла-Платы до Мараньіона, господствовало семейство языковъ гваранійское, на западномъ берегу преобладалъ языкъ Перуанцевъ, повидиму получившихъ свою образованность отъ толтекскаго племени Инковъ, выходцевъ изъ Мексики, а на сѣверѣ Южной Америки — караибское семейство, въ составъ котораго входили болѣе двадцати нарѣчій. Оно было сильно распространено и на материкѣ, и на прилежащихъ къ нему островахъ.—Въ Юкатанѣ, гдѣ въ эпоху испанскаго завоеванія существовала обширная образованность, о которой доселѣ свидѣтельствуютъ пирамидальныя сооруженія и надгробные монументы, господствовалъ языкъ майя, служившій для Испанцевъ посредствующимъ языкомъ. По всему югозападу Сѣверной Америки былъ распространенъ богатый формами, обработанный языкъ Мексиканцевъ, того замѣчательнаго государства, которое Толтеки, эти Пелазги Новаго Свѣта, сдѣлали средоточіемъ своей цивилизаціи, сходной съ цивилизаціей восточной Азіи, пока не были оттѣснены на югъ сильными Ацтеками. Изъ дикихъ племенъ, населявшихъ внутренность Сѣверной Америки, наиболѣе важны: Нодовессы или Сіусы, составлявшіе союзъ двѣнадцати племенъ, на Миссури и верховьяхъ Миссисиппи, и замѣчательные какъ въ численномъ отношеніи, такъ и по языку, отличавшемуся обиліемъ гортанныхъ звуковъ; шесть союзныхъ племенъ Могавковъ (Ирокезовъ), жившихъ около озеръ Онтаріо и Эріе, и Гуроны въ Канадѣ, языкъ которыхъ, бѣдный согласными и формами, богатый нарѣчіями, лучше изслѣдованъ; а на всемъ сѣверѣ, отъ странъ по Гудсонову заливу до большихъ озеръ, господствуетъ далеко распространенное чиппевейско-делаварское, или альгонкійско-могиганское семейство, со многими отраслями и нарѣчіями, сродство и общее происхожденіе которыхъ несомнѣнны; нѣкоторыя нарѣчія этого далеко распространившагося семейства имѣютъ мало формъ или вовсе не имѣютъ ихъ; другія, именно юго-восточная отрасль, богаты флексія-

ми. Относительно африканскихъ языковъ добыты слѣдующіе результаты: берберскія племена на сѣверномъ берегу Африки, на высотахъ Атласа, до самой Степи, на Канарскихъ и Асорскихъ островахъ (Гуанчи), а также обитатели береговъ Нила и прибрежья Чермнаго моря, говорятъ на языкахъ, которые, хотя заключаютъ въ себѣ много чуждыхъ примѣсей и носятъ отпечатокъ передвиженія и взаимныхъ столкновеній многочисленныхъ народовъ, однако всѣ принадлежатъ къ главной египетско-симитской отрасли кавказскаго корня; напротивъ, жители малоизвѣстныхъ странъ между Сагарою и рѣкою Гюльби, именно кроткіе, болѣе мѣдноцвѣтные чѣмъ чернокожіе Фуллы, или Феллаты, какъ по свойству своего, способнаго къ развитію языка, такъ и по всей своей природѣ, составляютъ особенное явленіе, равно отличное отъ Кавказцевъ и Негровъ. Языки собственнонегритянскихъ племенъ средней Африки распадаются на три главныя семейства: мандингское, къ которому принадлежатъ дикіе народцы по Сенегалу и Гамбіи и жители горныхъ мѣстностей къ востоку отъ Сіерра-Леоне; аминскую отрасль на Золотомъ берегу и далѣе внутри страны, обнимающую дикихъ и развратныхъ Фантовъ, мирныхъ Ашантіевъ и многія сосѣднія царства; и конгское семейство, къ которому относятъ жителей Лоанго, Конго, Анголы и др., развращенныхъ торгомъ неграми. Въ южной Африкѣ весьма распространенъ языкъ сильныхъ, темноцвѣтныхъ Кафровъ. Говорятъ, что этотъ языкъ полнозвученъ, мягокъ, пріятенъ для слуха и состоитъ изъ простыхъ, рѣдко больше чѣмъ двусложныхъ словъ. Медленное, выразительное произношеніе и обиліе простыхъ, чистыхъ гласныхъ сообщаютъ этому языку особенную благозвучность. Между Кафрами и Европейцами Капской колоніи живутъ Готтентотты и Босьесманы, остатки большаго, нѣкогда далеко распространеннаго племени, съ особенными, еще мало изслѣдованными нарѣчіями.

§ 3. По разности мѣстопребыванія, люди усвоили себѣ различный образъ жизни и различныя занятія. Обитатели степей и пустынь, гдѣ только мѣстами встрѣчаются плодоносныя пастбища, избрали пастушескую жизнь и кочевали съ мѣста на мѣсто съ своими шалашами и стадами. Они называются кочевниками (номадами), и главное занятіе ихъ — скотоводство. Поселившіеся на удобныхъ морскихъ берегахъ вскорѣ, по мѣрѣ своего развитія и размноженія, стали понимать выгоды своей мѣстности. Они занялись мореплаваніемъ и торговлею, достигли благостоянія и богатства, построили краси-

выя жилища и города, между тѣмъ какъ обитатели негостепріимныхъ береговъ влачили жалкое существованіе съ помощію одной рыбной ловли. Жители равнинъ посвятили себя земледѣлію и мирныхъ занятіямъ, а суровые, огрубѣлые горные народы предались охотѣ, увлеченные стремленіемъ къ необузданной вольности, находили удовольствіе въ бою и войнѣ. Мощными двигателями образованности были торговля и возбужденное ею общеніе между народами. Жители плодоносныхъ равнинъ и благопріятно-расположенныхъ порѣчій вели сухопутную или внутреннюю торговлю, доставляя свои избытки въ другія мѣстности и мѣняя ихъ на чужеземныя естественныя произведенія и фабрикаты. Самымъ распространеннымъ родомъ сухопутной торговли былъ возникшій въ Азіи и Африкѣ караванный торгъ, съ помощію котораго огромные транспорты товаровъ доставлялись съ мѣста въ самые отдаленные края, и который часто подавалъ поводъ къ возникновенію городовъ и торжищъ. Трудности и опасности, съ которыми былъ сопряженъ провозъ товаровъ черезъ обширные края, нерѣдко населенные разбойническими народами, иногда черезъ пустыни, рано дали почувствовать необходимость союзовъ между людьми въ видахъ общихъ предпріятій. Для перевозки тяжестей, въ караванной торговлѣ преимущественно употребляли верблюда, котораго по этому справедливо называютъ «кораблемъ пустыни», а для защиты каравана — кочевыхъ жителей степи, которою проходили. Такъ какъ для странствующихъ караванныхъ купцовъ мѣстами отдыха и временныхъ поселеній, или гощенія, часто служили прославившіеся храмы съ ихъ заповѣдными дорогами и господствовавшимъ надъ ними божіимъ миромъ, то въ древности торговля получила религіозное освященіе и состояла подъ защитою религіи. — Напротивъ, обитатели морскихъ береговъ вели морскую торговлю, которая въ древности собственно была только каботажною, береговою. Сначала мѣняли товары на товары (мѣновая торговля), и лишь съ теченіемъ времени пришли къ мысли назначить опредѣленную цѣнность благороднымъ металламъ и сдѣлать монету искусственнымъ, удобнымъ орудіемъ мѣны. — Жители ровныхъ, мало населенныхъ мѣстностей, приручая дикихъ животныхъ, нашли себѣ въ нихъ необходимыхъ помощниковъ для домашняго обихода, и законами обезпечили за собою собственность, поля, хижины и стада. Оттого-то земледѣліе и называютъ «великимъ проводникомъ человѣчности». Жители городовъ устремили свои усилія на ремесла и изобрѣтенія для обогащенія и

украшенія жизни, и занимались искусствами и науками, раскрывшими все могущество человѣческаго духа въ его разнообразныхъ силахъ и проявленіяхъ.

3. Государства и государственныя формы.

§ 4. Съ теченіемъ времени люди раздѣлились на цивилизованныхъ (образованныхъ) и нецивилизованныхъ, смотря по тому, способствовали ли ихъ наклонности и сношенія развитію духовныхъ силъ, или послѣднему препятствовали тупость народа и пространственная разобщенность. Необразованными народами считаются или совершенно дикія ѳрды, состоящія подъ начальствомъ предводителя, отъ котораго зависитъ судьба каждаго члена орды, или кочующія племена, подъ начальствомъ старшины, который, какъ отецъ семейства, соединяетъ въ себѣ права князя и судьи, и считается представителемъ своихъ родичей передъ лицомъ божества. Ни эти кочующія племена съ своими патріархальными учрежденіями, ни дикія ѳрды, живущія въ невѣдомыхъ песчаныхъ пустыняхъ Африки, въ горныхъ ущельяхъ Азіи и первобытныхъ лѣсахъ Америки, не имѣютъ мѣста въ исторіи. Послѣдняя занимается только цивилизованными народами, которые посредствомъ учрежденій и законовъ составили государства, и соединились нравственно, по взаимному соглашенію или удобству, для мирнаго общенія между собою, соединились въ общество, въ одно нравственное цѣлое.

§ 5. По образамъ правленія или учрежденіямъ, государства раздѣляются на монархическія и республиканскія. Монархіею называется государство, въ главѣ котораго стоитъ и управляетъ одно лицо, пользуясь, смотря по обширности своихъ владѣній, титуломъ императора, короля, герцога, князя и пр. Республикою называютъ такой государственный порядокъ, при которомъ правительственная власть принадлежитъ многимъ. Но республиканскія формы правленія чрезвычайно разнообразны. Если республикою управляютъ только извѣстные роды, отличающіеся своимъ происхожденіемъ (благородное сословіе) или богатствомъ, то государство

называется аристократическою республикою; если это преимущество сосредоточивается въ рукахъ немногихъ фамилій или лицъ, то — олигархіею. Напротивъ, когда отвѣтственные правители избираются всѣмъ народомъ изъ среды его, въ собраніяхъ всѣмъ міромъ или по-общинно, и народъ пользуется законодательною властію, то республика называется демократіей, или демократическою; если при этомъ преобладаетъ вліяніе низшихъ классовъ, то правленіе называется охлократіею, господствомъ массъ. Каждая изъ этихъ трехъ формъ правленія считалась въ древности законною, если правительственная сила поставляла для себя высшею цѣлью общественное благо и общіе интересы цѣлаго государства, и въ то же время признавала надъ собою законъ и обычай; напротивъ, каждая форма считалась искаженною, когда беззаконіе и произволъ замѣняли существующій порядокъ правомъ сильнаго, дѣлали частный интересъ государственнымъ и навязывали его каждому гражданину, какъ законъ. Монархическое правленіе бываетъ или неограниченное (абсолютное), когда наслѣдственный правитель безъ содѣйствія народа издаетъ законы, налагаетъ подати и устроиваетъ управленіе и судъ, или ограниченное (смѣшанное), когда все это дѣлается лишь съ помощію выборныхъ отъ народа. Ограниченная монархія, при которой правитель безотвѣтственъ, но имѣетъ при себѣ отвѣтственныхъ сановниковъ (министровъ), можетъ быть двоякаго рода, смотря потому, имѣютъ ли выборные характеръ всенародныхъ представителей (представительная система, конституціонная монархія), или они только представители отдѣльныхъ сословій народа (сословная система, система государственныхъ чиновъ въ тѣснѣйшемъ, старинномъ смыслѣ). Когда произволъ правителя заступаетъ мѣсто закона, то неограниченная монархія превращается въ деспотію; съ другой стороны, если въ конституціонной монархіи народъ прямо объявленъ источникомъ правительственной власти, то эта монархія приближается къ республиканской государственной формѣ. — Формы правленія выработались у народовъ мало-по-малу, и одна изъ нихъ,— конституціонная монархія, есть созданіе только новѣйшаго времени.

§ 6. Древнѣйшія государства большею частію имѣли стѣснительное для свободы учрежденіе — касты. Подъ этимъ названіемъ разумѣется строгое раздѣленіе людей по сословіямъ и занятіямъ, непзменно переходящимъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, при чемъ не допускаются ни смѣшеніе

между кастами, ни переходъ изъ одной касты въ другую. Первую касту составляли жрецы, одни обладавшіе познаніемъ религіозныхъ установленій и обычаевъ, а также гражданскихъ законовъ, скрывавшіе въ нѣкоторыхъ государствахъ свое знаніе, подъ видомъ тайноученій, отъ другихъ сословій и передававшіе его преемственно только своимъ потомкамъ и ученикамъ. Первоначально власть почти повсемѣстно была въ рукахъ жреческой касты, разобщенной съ другими классами народа строгимъ церемоніаломъ и заученными формами. Позднѣе, каста воиновъ (благородное сословіе, арістократія, дворянство) умѣла стать на ряду съ жреческою, какъ ровная ей по происхожденію, и вмѣстѣ съ тѣмъ или условиться съ нею относительно полюбовнаго раздѣла власти, или же пересилить ее и остріемъ меча основать свѣтскую деспотію (см. § 31). Такъ образовались привилегированныя сословія, превосходившія народъ богатствомъ, образованіемъ и военнымъ искусствомъ, и занявшія высшее общественное положеніе. Къ аристократіи обыкновенно принадлежалъ монархъ, котораго родъ и фамилія были выше другихъ и поэтому названы династіею [1]. Третью и четвертую касту составляли низшіе классы земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Если въ такомъ государствѣ были пастухи, то они составляли низшую и самую презрѣнную касту, частію по необразованности этихъ людей, частію по неопрятности, соединенной съ уходомъ за мелкою скотиной. Раздѣленіе на касты, которому обыкновенно предшествуетъ завоеваніе страны пришлыми народами и порабощеніе туземцевъ искони, сохранялось всего долѣе и чище въ Индіи и Египтѣ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, эти сословія были разграничены такъ рѣзко, что наслѣдственная раздѣльность ихъ не могла быть нарушена ни какимъ смѣшаннымъ, перекрестнымъ бракомъ и даже простиралась до уклоненія отъ чисто-внѣшнихъ сношеній между людьми различныхъ кастъ.

---

[1] Греческое слово, означающее наслѣдственную власть.

4. Религіи языческаго міра.

§ 7. Религія и религіозные обряды, это выраженіе, этотъ отблескъ духовной и душевной дѣятельности отдѣльныхъ народовъ, сложились такъ же разнообразно, какъ формы быта и государства. — Коренясь глубоко въ духѣ и чувствѣ, религія проистекаетъ изъ стремленія души человѣческой къ общенію съ ея духовнымъ, первоначальнымъ источникомъ, изъ внутренняго трепета передъ внѣшнимъ могуществомъ природы, изъ чувства зависимости отъ высшихъ силъ и недостаточности силъ человѣческихъ среди бурь земной жизни. Оттого религія, по существу своему, составляетъ не одну только сторону внутренней жизни нашей, но скорѣе всю эту жизнь въ совокупности: это та божественная искра, изъ которой исходитъ всякая духовная дѣятельность, та почва, на которой всходитъ всякой цвѣтъ духа. Чѣмъ ближе народъ къ природѣ въ общемъ своемъ развитіи, чѣмъ проще его образъ жизни и занятія, тѣмъ ограниченнѣе горизонтъ его мысли, тѣмъ болѣе сливается вся духовная жизнь его съ религіей, тѣмъ болѣе религіозныя его отправленія становятся для внутренняго міра души такимъ же исключительнымъ предметомъ дѣятельности, какъ ежедневныя занятія для физической жизни, тѣмъ болѣе религіозныя и внѣшнія обязанности срастаются въ одно крѣпкое цѣлое, сообщая произведеніямъ рукъ человѣческихъ высшее, божественное освященіе. Въ этомъ взаимномъ соотношеніи практической и религіозной жизни коренится сущность языческихъ религій. Люди поклонялись божественнымъ силамъ, проявлявшимся въ природѣ и сообщавшимъ земной жизни направленіе и цѣль; видя проявленіе ихъ преимущественно въ солнцѣ, дарующемъ свѣтъ и жизнь, въ цвѣтеніи и увяданіи растительнаго царства, они считали ихъ личными существами, одаренными сознаніемъ и волею, и установили въ честь своихъ самодѣльныхъ божествъ религіозные праздники и обряды. Но какъ въ образованіи религіозныхъ представленій, такъ и въ жертвоприношеніяхъ и обрядахъ, обнаружилось большое различіе между народами, которые одарены отъ природы высшею способностью къ развитію, и тѣми грубыми племенами, ко-

11336

торымъ доступны одни интересы земной жизни и одни чувственныя ощущенія. Такъ, ближайшіе къ природѣ, народы Африки и средней Азіи облекли свои первобытныя, данныя чувственнымъ міромъ понятія о божествѣ въ грубыя формы фетишей, поклоняясь этимъ понятіямъ въ образѣ животныхъ или неодушевленныхъ предметовъ, рѣдко въ образѣ человѣческомъ, тогда какъ народы верхней Азіи, гдѣ въ полномъ блескѣ свѣтили солнце, мѣсяцъ и звѣзды, выработали поклоненіе свѣтиламъ (сабеизмъ[1]), а народы, стремившіеся къ высшему образованію, старались или умозрительно постигнуть божественное, допуская его реально разрѣшаться въ предметахъ видимаго міра и считая божество жизнію природы, единымъ дѣйствительно сущимъ во всѣхъ явленіяхъ (пантеизмъ), или возсоздать его художественно, обоготворяя всю внѣшнюю природу и представляя себѣ боговъ въ видѣ совершеннѣйшихъ, выше одаренныхъ людей (политеизмъ, антропоморфизмъ). Тоже различіе обнаружилось въ религіозныхъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ. Грубые, ближайшіе къ природѣ народы, думали склонить къ себѣ фетиша заученными заговорами и молебными формулами, и старались обезопасить себя противъ могущества враждебныхъ духовъ заповѣдными вещами, амулетами и талисманами; напротивъ, образованный человѣкъ вступалъ во внутреннюю связь съ божествомъ чрезъ духовную поэзію, создавалъ рукою художника высокій образъ, въ которомъ человѣческій организмъ возводился въ идеалъ, какъ обликъ и выраженіе божественной природы, и старался усовершенствовать и облагородить свои понятія о божествѣ и вѣчноживомъ духѣ чрезъ наблюденіе небесныхъ свѣтилъ, чрезъ изслѣдованіе природы и ея законовъ. Между тѣмъ какъ сирійскія и финикійскія племена суевѣрно полагали, что могутъ укрощать гнѣвъ божества, принося ему въ жертву любимыхъ дѣтей, которыхъ клали въ объятія раскаленнаго идола — бога огня — Молоха, или снискивать его милость развратомъ и

[1] Отъ Сабы, древней столицы нынѣшней области Іеменъ въ Аравіи, или отъ еврейскаго саба, силы небесныя, свѣтила. Въ славянской Библіи и то, и другое пишется сава.

любострастными обычаями, а грубые народы убивали рабовъ и военноплѣнныхъ у алтарей боговъ своихъ, Греки находили въ своихъ облагороженныхъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ высшее наслажденіе жизни, посвящая богамъ веселыя празднества, на которыхъ въ дружескомъ кругу потребляли закланныхъ въ жертву животныхъ и поднесенные плоды, и въ тоже время наслаждались искусствомъ: поэзіею, музыкой, торжественной хороводною пляской, которыми украшались эти праздники.

§ 8. Языческія религіи Востока. 1. Индійцы. Религіозное ученіе Индійцевъ есть система эманаціи [1], по которой весь видимый и невидимый міръ истекаетъ изъ божества и снова возвращается къ своему источнику. Средоточіемъ ихъ религіи служитъ ученіе о переселеніи душъ, душескитаніи (метемпсихоза). По этому ученію, душѣ человѣка дано земное тѣло лишь въ наказаніе, заслуженное ею прежнимъ бытіемъ, которое предшествовало ея появленію на свѣтъ въ этомъ тѣлѣ, и цѣлью ея стремленій должно быть возсоединеніе съ божественною душой міра. Оттого Индіецъ считаетъ земную жизнь періодомъ кары и испытанія, который можно сократить лишь удаленіемъ отъ грѣха, молитвою и жертвоприношеніями, покаяніемъ и очищеніемъ, или аскетическою жизнію, находящею отраду въ созерцаніи божества и предохраняющею человѣка отъ заразительныхъ соприкосновеній съ испорченнымъ міромъ. Если человѣкъ пренебрежетъ этимъ самоочищеніемъ и, отдаляясь отъ божества, еще глубже погрузится въ зло, то когда душа его сниметъ «свою изношенную плотскую одежду», она переходитъ, по приговору поставленныхъ надъ умершими судей, въ другое, не рѣдко низшее тѣло и снова должна начать свое странствованіе, между тѣмъ какъ душа мудраго, героя или покаявшагося возносится къ свѣтящимъ звѣздамъ и наконецъ соединяется съ духовной первоначальной сущностью, изъ которой она нѣкогда вышла. Въ древнѣйшія времена, когда Индійцы еще жили въ странѣ «Пятирѣчья», они поклонялись силамъ, создавшимъ природу: Индрѣ, богу неба, повелителю солнечныхъ лучей и дождя, утренней зари и вѣтровъ; Агни, силѣ огня и свѣта, и Варунѣ, властителю безпредѣльнаго пространства и морской поверхно-

[1] Латинское слово emanatio означаетъ истеченіе, въ смыслѣ отдѣленія тончайшихъ частицъ, или въ чисто идеальномъ, образномъ значеніи.

сти. Рядомъ съ этими существами, олицетворявшими внѣшнюю природу, которымъ Индійцы приносили особеннаго рода жертву — сомаджага и которыя представляли собою жизнь природы въ троякомъ ея проявленіи: возникновеніи, продолженіи и увяданіи, Индійцы и тогда уже призывали, подъ именемъ Брамы, еще одно таинственное божество, которое считалось духомъ, присущимъ жертвоприношенію и молитвѣ, имѣющимъ власть надъ силами природы и побуждающимъ ихъ внимать людской молитвѣ. Въ послѣдствіи, когда Индійцы предались спокойной и созерцательной жизни въ роскошной странѣ при-Гангской, творческая духовная дѣятельность браминовъ сообщила этому понятію о Брамѣ первое мѣсто въ индійской религіи: Брама былъ признанъ душою міра и первоначальнымъ источникомъ всякаго бытія, а Индра и другія божества, олицетворявшія природу, получили второстепенное значеніе блюстителей міра. Появленіе царственнаго основателя новой религіи, Будды, въ лицѣ котораго ученики поклонялись божественному образцу человѣческой добродѣтели и совершенства на землѣ, привело Индійцевъ къ ученію о воплощеніяхъ, по которому первоначальный духъ Брама, это идеальное единство вселенной, сначала являлся на землю въ трехъ образахъ (тримурти): Брамы, Вишну и Сивы, а потомъ Вишну являлся отъ времени до времени въ человѣческомъ образѣ (въ видѣ Рамы, Кришны и др.), чтобы приводить въ порядокъ міръ, погрязшій въ порокѣ и заблужденіяхъ, и возстановлять силу вѣчной правды и святаго обычая.

Три высшія божества: Брама, Вишну, Сива, приведены въ извѣстное соотношеніе лишь позднѣйшими мыслителями. Первоначально они были тремя главными божествами, которымъ поклонялись различныя племена въ разныхъ частяхъ Индіи, какъ высшимъ богамъ. Даже въ позднѣйшее время отдѣльныя секты признавали одного изъ нихъ выше другихъ. — Бра̀манъ (средній родъ, въ именительномъ падежѣ Бра̀ма) буквально значитъ: велико̀е, отсюда — по преимуществу великое, высшее существо, отъ котораго все имѣетъ свое начало и въ которое все возвращается. Это — вѣчно въ себѣ законченное единство міра и всѣхъ существъ, которое, какъ чистое единство, не можетъ быть ни олицетворено, ни обозначено человѣческими понятіями. Изъ этого отвлеченнаго единства, составляющаго сущность всего, вышло второе, конкретное существо, вѣрное отраженіе существа первоначальнаго, обозначаемое мужескимъ родомъ Бра-

мàнъ (въ именительномъ Брамà). Это первоначальный разумъ, которымъ созданы дѣйствительный міръ и родъ человѣческій. Онъ сообщилъ людямъ священныя книги: Веды, законы Ману и пр. Только этому Брамѣ мужескаго рода воздаютъ внѣшнее поклоненіе, а не отвлеченному первоначальному существу, которое, какъ чистое единство, не можетъ быть предметомъ человѣческаго представленія. Вишну — также личное откровеніе того же первоначальнаго духа; это слово означаетъ или проникающій (отъ корня вис), или защитникъ, хранитель (отъ корня ви и частицы сну, которая по причинѣ гласной переходитъ въ шну). Онъ хранитель, искупитель, вѣчное возстановленіе нравственнаго порядка въ мірѣ, на благо людямъ самъ дѣлается человѣкомъ и борется со зломъ. Между обожателями Вишну онъ считался вмѣстѣ творцомъ, хранителемъ и искупителемъ, т. е. уничтожающимъ старый и установляющимъ новый порядокъ. Поклоненіе этому божеству возникло въ Бенгаліи и на низменностяхъ Ганга, гдѣ плодородіе и благосостояніе зависятъ отъ разлитія рѣки (какъ въ Египтѣ). Почти вся индійская литература принадлежитъ поклонникамъ Вишну. Они кротки, не обижаютъ и не убиваютъ ни одного животнаго. Буддизмъ вышелъ изъ этой секты. — Поклоненіе третьему богу — Сивѣ возникло въ гористыхъ сѣверныхъ частяхъ Индіи и оттуда разлилось по всей странѣ. Главное мѣстопребываніе его въ горахъ, особенно на Гималайѣ; онъ—горное божество. Оттого онъ называется еще горовладыкой, а жена его — Парвати — горпорожденною, и сверхъ того Дургою, не легко доступною. Въ этомъ представленіи есть нѣчто двойственное: съ одной стороны разрушительный, поглощающій свою противоположность элементъ; съ другой стороны огонь и теплота — начало жизни и естественной производительности. Поэтому Сива главнымъ образомъ представляетъ собою дикую жизненную силу вообще и соединяетъ въ себѣ двѣ стороны природы: производящую и разрушающую, которыя вѣчно смѣняютъ одна другую, какъ лѣто и зима. Поклоненіе Сивѣ составляло собственно народную религію въ Индіи, и отличается грубымъ, дикимъ, изступленнымъ характеромъ. Великой силѣ природы (Барани, прозваніе Сивы), все производящей въ соединеніи съ огнемъ, приносились кровавыя, въ особенности человѣческія жертвы. Часто люди жертвовали ей сами себя. Чтобы вполнѣ отдаться этой неограниченной силѣ, бросаются въ истокъ Ганга, у Гималайи. Главный символъ Сивы — половой членъ, но этотъ символъ повидимому приданъ ему позднѣе южными

народами. Быкъ тоже символъ Сивы. Слово сива, какъ прилагательное, значитъ по-санскритски счастливый, первоначально, конечно, блестящій. — По философско-религіозному ученію Будды, изъ пустоты (Нирваны), т. е. вѣчнаго пространства, все изъ себя рождающаго и все въ себя принимающаго, произошли три міра: безтѣлесно-эѳирный, духовно-тѣлесный, и матеріяльный. Онъ училъ, что участь человѣка въ земной жизни обусловлена и строго опредѣлена его дѣлами въ жизни предшествовавшей, что ни одинъ дурной поступокъ не остается безъ наказанія, ни одинъ добрый — безъ награды. Человѣкъ тогда только можетъ избѣгнуть этого рока, властвующаго надъ нимъ при переселеніи душъ, если направитъ свою волю исключительно на мысль объ освобожденіи отъ душескитальства, если останется вѣренъ этому направленію и будетъ ревностно стремиться къ совершенію добрыхъ дѣлъ. Отрекшись отъ всѣхъ страстей, которыя считаются крѣпчайшими оковами, препятствующими избавиться отъ переселенія, онъ достигаетъ желанной цѣли — полной свободы отъ перерожденій. Слѣдовательно, цѣль ученія Будды — смягченіе страданій земной жизни путемъ добрыхъ дѣлъ и человѣколюбія, искупленіе души отъ мукъ переселенія и возвращеніе въ Нирвану.

2. Зенды. Замѣчательное религіозное ученіе выработалось у первобытнаго зендскаго народа въ Иранѣ (Бактріи). Подобно соплеменникамъ своимъ Арійцамъ, жившимъ по рѣкѣ Инду, Иранцы тоже обоготворяли сначала силы природы. Солнце, упраздняющее зимній холодъ и массы снѣга на горахъ; утренняя заря, прогоняющая ночные туманы, вспыхивающій огонь, земной отблескъ небеснаго свѣта, — огонь, который разрастающимся пламенемъ символически обозначаетъ стремленіе души человѣческой къ вѣчному источнику свѣта,представлялись божествами пастушескимъ народамъ восточнаго Ирана, какъ и Арійцамъ на Индѣ. Напротивъ, сухіе вѣтры, ужасы степи и пустыни, гдѣ живутъ духи ночи и разрушенія, внушали имъ страхъ, какъ враждебные демоны. Подъ улыбающимся небомъ Индіи, гдѣ природа выказывается только съ благодѣтельной стороны своей, выработались понятіе о божественной душѣ міра, отъ которой исходитъ все созданное, понятіе о благомъ Провидѣніи; напротивъ въ Иранѣ, гдѣ въ природѣ, въ климатѣ ощутительны величайшія противуположности, развилось лежащее въ основаніи всякой естественной религіи вѣрованіе въ добрыхъ и злыхъ духовъ, въ благодѣтельныя силы свѣта и враждебныя силы мрака.

Этотъ дуализмъ (двойственный взглядъ) въ послѣдствіи перешелъ изъ естественно-символическаго противупоставленія въ область чисто-нравственную. Но какъ въ народныхъ вѣрованіяхъ индійскихъ Арійцевъ первое мѣсто постоянно принадлежало Индрѣ, такъ у Иранцевъ главнымъ божествомъ былъ богъ солнца — Митрасъ. Эта естественная религія рано была приведена въ систему мудрецомъ и основателемъ религіознаго ученія Зороастромъ (Заратуштра): всѣ разрозненныя понятія и правила собраны имъ въ одну священную книгу — Зендъ-Авесту (§ 45). Отправляясь отъ того мнѣнія, что въ природѣ, какъ и въ душѣ человѣческой, добро перемѣшано со зломъ, и опираясь на древнее двойственное воззрѣніе народа, онъ раздѣлилъ вселенную и все созданное на два царства: на чистое царство свѣта, управляемое царемъ боговъ Ормуздомъ (Агурамазда) и заключающее въ себѣ все благое, чистое и святое, и на царство мрака, управляемое «злонамѣреннымъ», «лукавымъ» Аримановъ (Арамайньюсь) и вмѣщающее въ себѣ все злое, порочное, грѣшное. Каждый изъ этихъ высшихъ боговъ имѣетъ полчища богоподобныхъ духовъ, раздѣленныхъ по степени своей важности на классы: Ормуздъ — шесть амшаспадовъ (главныхъ духовъ) съ второстепенными духами — ферверами (фраваши) и изедами (язата), Ариманъ — девовъ (даэва и друджа), тоже раздѣленныхъ на классы. Оба основныя начала — доброе и злое — существовали отъ вѣка; Ормуздъ былъ могущественнѣе, безпрепятственно создалъ священнымъ творческимъ словомъ (гоноверъ) міръ — царство свѣта, заключавшее въ себѣ лишь доброе и чистое; но когда онъ удалился въ свое небесное обиталище, Ариманъ въ змѣиномъ образѣ прошелъ созданный міръ и наполнилъ его враждебными духами, нечистыми и вредными животными, пороками и грѣхами. Въ противуположность Ормузду, творцу свѣта, дня и жизни, Ариманъ былъ творцемъ мрака, ночи и смерти; Ормуздъ создалъ быка, собаку, пѣтуха: Ариманъ — хищныхъ животныхъ, змѣй, вредныхъ насѣкомыхъ; Ормуздъ старался, съ помощію духовъ-ферверовъ, удержать людей на стезѣ добродѣтели и нравственной чистоты; Ариманъ съ своими девами пользуется всякимъ случаемъ, чтобы врасплохъ поселиться въ сердцѣ человѣка и обратить его на путь нечистоты и порока. Такимъ образомъ происходитъ вѣчная борьба между двумя силами за обладаніе землею и человѣчествомъ. Но когда нибудь побѣда должна остаться за добрымъ началомъ: тогда царство свѣта наполнитъ міръ, и наступитъ состояніе вѣчнаго бла-

женства. Тогда поклонники Ормузда, души которыхъ по смерти окажутся незапятнанными послѣ испытанія на мосту Чинаватѣ, получатъ иныя, свѣтлыя тѣла, не бросающія отъ себя тѣни, и будутъ наслаждаться у престола божественнаго свѣта вѣчнымъ счастіемъ и небесною славой. Оттого поклонникъ Ормузда обязанъ, во время земной своей жизни, всѣми силами противиться злымъ духамъ, умилостивлять ихъ и укрощать гнѣвъ ихъ жертвоприношеніями и смиреніемъ, бороться съ ними въ природѣ истребленіемъ вредныхъ животныхъ и прилежнымъ размноженіемъ полезныхъ плодовъ и деревьевъ, а въ собственной груди — исполненіемъ священнаго закона, поклоненіемъ огню и молитвой, добрыми рѣчами и дѣлами, жертвоприношеніемъ коней и быковъ, позднѣе даже людей. Соблюденіе «добраго закона», въ которомъ Ормуздъ открылъ людямъ свою волю, дѣлаетъ человѣка способнымъ противустоять всѣмъ проискамъ девовъ, обитающихъ въ Туранѣ, въ той дикой степной полуночной странѣ, откуда обыкновенно вторгались въ царство свѣта — Иранъ — хищныя кочевыя полчища. Такое воззрѣніе представляло жрецамъ (магамъ) соблазнительную возможность наполнить Зендъ-Авесту множествомъ предписаній, подчинившихъ жизнь Иранцевъ рабскому игу неподвижнаго закона. Зороастръ предписывалъ чистоту въ помышленіяхъ, словахъ и поступкахъ, какъ вѣрнѣйшее предохранительное средство отъ вліянія девовъ, а жрецы сообщили понятію о чистотѣ чисто-внѣшнее значеніе и придумали цѣлую массу внѣшнихъ правилъ, обрядовъ и обычаевъ, съ помощію которыхъ, по ихъ мнѣнію, можно было сохранить чистоту или, утративъ ее по неосмотрительности, возвратить снова. Этими очистительными предписаніями, жертвоприношеніями и обрядовыми обычаями превратили они поклоненіе свѣту въ рабскую покорность буквѣ закона.

3. Египтяне. Какъ вся жизнь Египтянъ обусловливалась природою ихъ страны, такъ и религія ихъ состояла въ тѣснѣйшей связи съ природою. Въ Нильской долинѣ, гдѣ такъ близко соприкасались жизнь и смерть, важнѣйшею потребностію человѣка естественно было ослабить вліяніе смерти, подкрѣпить и возвеличить силы природы, дарующія жизнь. Оттого египетская религія исключительно обращалась къ той естественной силѣ, которая въ круговомъ своемъ теченіи давала странѣ жизнь и плодородіе, — къ солнцу. Какъ ни разнообразно сложились формы божествъ и обряды въ Египтѣ, гдѣ почти каждый городъ имѣлъ своихъ особенныхъ боговъ и только немногимъ боже-

ствамъ поклонялся народъ повсемѣстно, все показываетъ, что поклоненіе солнцу было первоначальнымъ зерномъ и самымъ общимъ началомъ египетскихъ вѣрованій, національнымъ культомъ Египтянъ. Не только множество божествъ, имѣющихъ особенныя имена, обряды и святилища, состоятъ, по существу своему, въ родственной связи съ солнцемъ, его разнообразными дѣйствіями и явленіями, или относительно своего происхожденія, или относительно соединенныхъ съ ними символическихъ представленій; но даже большинству чисто-мѣстныхъ и родовыхъ божествъ, для возвеличенія ихъ могущества, приписывалась связь съ солнцемъ: эти божества или признавались тождественными съ нимъ, или же имена ихъ дополнялись придаточнымъ именемъ Ра, которое считалось древнѣйшимъ обозначеніемъ бога-солнца. Такимъ образомъ не только ѳивское мѣстное божество Аммонъ превратилось въ сильнѣйшаго національнаго бога, подъ именемъ Аммонъ-Ра, но и большинство другихъ мѣстныхъ боговъ: Манту, Атму, Тотъ и др., съ присоединеніемъ слова ра, перешли въ область бога-солнца. Этому Ра или Фра (отсюда фараонъ), отцу и царю боговъ, возсѣдающему въ солнечномъ кругѣ и правящему всѣмъ небеснымъ пространствомъ, особенно поклонялись въ Мемфисѣ и въ «Солнечномъ городѣ» (Геліополисѣ). Здѣсь находилось высокочтимое святилище, куда, по сказанію Египтянъ, каждыя 500 лѣтъ прилетала съ востока птица Фениксъ и сгарала въ благовонномъ ѳиміамѣ, чтобы потомъ выйти юною изъ пепла и на третій день возвратиться на востокъ, въ свою родину: то было символическое выраженіе солнечнаго теченія въ опредѣленные, вѣчно неизмѣнные промежутки времени. Сильнымъ стражемъ неба былъ Сфинксъ, котораго изображали львомъ съ головою бога-солнца. Вмѣстѣ съ Ра наиболѣе поклонялись богамъ Пта и Озирису. Подлѣ храма Пта, «отца свѣта», въ Мемфисѣ, содержался на великолѣпномъ дворѣ священный быкъ Аписъ, который, какъ символъ производительной силы солнца, пользовался такимъ почитаніемъ въ египетскомъ народѣ, что по смерти его вся страна погружалась въ печаль, пока жрецы не находили новаго быка съ извѣстными внѣшними примѣтами: тогда наступало семидневное празднество, возвѣщавшее объ этомъ счастливомъ событіи процессіями и пиршествами. Быкъ Аписъ былъ черный съ бѣлымъ пятномъ на лбу, двойною шерстью на хвостѣ и наростомъ подъ языкомъ; наростъ долженъ былъ имѣть форму священнаго жука. Собственно національнымъ божествомъ Египтянъ былъ богъ солнца Озирисъ съ

своею супругой и сестрою Изидой и сыномъ Горомъ. О немъ одномъ жрецы сложили сказанія, аллегорическимъ содержаніемъ которыхъ служатъ круговое теченіе солнца и сопровождающія ходъ его явленія природы. Озирисъ, благодѣтель страны, убитъ своимъ завистливымъ братомъ Тифономъ (Сетомъ) и 72-мя его сообщниками; трупъ его положенъ въ ящикъ и погруженъ въ рѣку. Сокрушаясь и сѣтуя ищетъ Изида утраченнаго мужа, и нашедши трупъ, приказываетъ похоронить его на священномъ рѣчномъ островѣ Филе. Изъ царства мертвыхъ, гдѣ съ того времени властвуетъ Озирисъ, является онъ сыну своему Гору, возбуждая его къ отмщенію. Сынъ собираетъ своихъ приверженцевъ, побѣждаетъ Тифона и прогоняетъ его съ черными сообщниками въ пустыню. За тѣмъ Горъ вступаетъ на престолъ отца и властвуетъ надъ Египтомъ. Въ этомъ знаменательномъ миѳѣ представлена символически вся естественная жизнь Нильской долины. Тифонъ и его сообщники означаютъ 72 дня томительнаго зноя и засухи. Изида, земля египетская, сѣтуетъ о благословенной влагѣ и призываетъ ее; Озирисъ, та плодотворная сила природы, которая обнаруживается въ разлитіи Нила, удаленъ или покоится въ тѣснинѣ каменныхъ скалъ у водопадовъ Филе и Элефантины, во все время владычества своего враждебнаго брата. Но сынъ его Горъ, свѣжая весна, прогоняетъ, въ избыткѣ юношескихъ силъ, «темнокраснаго, огненнаго» Тиѳона и возвращаетъ странѣ законъ и плодородіе. Смерть Озириса только кажущаяся; онъ живетъ и дѣйствуетъ, какъ на землѣ чрезъ сына своего Гора, мстителя за отца (давшаго объ отцѣ «откровеніе»), такъ и въ подземномъ царствѣ, гдѣ онъ судитъ души умершихъ и пробуждаетъ ихъ къ новой жизни. Къ числу солнечныхъ божествъ принадлежалъ также, по существу своему, греко-египетскій мѣстный богъ позднѣйшей столицы Александріи, Сераписъ, обожанію котораго такъ благопріятствовали Птоломеи, что въ 3-мъ столѣтіи до Р. Х. онъ имѣлъ въ Египтѣ 42 храма. Рядомъ съ этими божествами стояла Нейѳа, таинственное олицетвореніе начала зачатія и рожденія въ природѣ, покровительница («занавѣшенный образъ») Саиса въ Нижнемъ Египтѣ. Въ честь ея совершался ежегодно особенный праздникъ свѣтильниковъ, подобный бѣгу съ факелами, установленному въ Аѳинахъ въ честь дѣвственной Паллады-Аѳины, съ которою не разъ сравнивали ее. Египтяне обожали также священныхъ животныхъ, и это обожаніе до того преобладало въ народной религіи, что еще въ древности возбудило усиленное вниманіе и

нѣкоторыя указанія на причины и смыслъ такого явленія. Не только быкъ Апись, но и коровы, кошки, ибисы, кобчики, собаки, крокодилы и многія другія животныя пользовались почетомъ, какъ боги. Тотъ, кто умышленно убивалъ священное животное, былъ повиненъ смерти. Во время пожара, говоритъ Геродотъ, Египтяне гораздо больше заботятся о спасеніи кошекъ, чѣмъ о тушеніи огня, и когда кошка погибала въ пламени, въ народѣ поднимался сильный вопль. Въ этомъ поклоненіи животнымъ грубое суевѣріе повидимому соединялось съ высшими чаяніями и представленіями; между тѣмъ какъ масса народа вѣроятно предавалась самому дикому фетишизму, принимавшему чувственный предметъ поклоненія за самое божество, посвященные въ тайны религіи руководились болѣе духовными воззрѣніями, созерцая и обожая въ инстинктѣ животныхъ чудесный, непостижимый духъ природы во всей его непосредственности, въ томъ могуществѣ, съ какимъ является онъ, еще не прошедши сквозь пытливую мысль человѣка. Или животнымъ поклонялись какъ символамъ тѣхъ божествъ, которымъ они были посвящены, по скольку эти божества считались представителями преобладающихъ въ природѣ силъ или тѣлъ небесныхъ. Египтяне вѣрили въ загробную жизнь, въ наказаніе злыхъ и награжденіе добрыхъ. Судъ происходитъ въ преддверіи преисподней, въ храмины «двойной справедливости», предъ престоломъ Озириса, гдѣ сердце умершаго взвѣшивается на вѣсахъ правосудія. Души праведныхъ, украшенныя страусовымъ перомъ, переходятъ въ обитель бога-солнца, души грѣшниковъ въ царство мрака. Египтяне раздѣляли съ Индійцами вѣру въ переселеніе душъ. Тѣла праведныхъ находили покой въ могилахъ, жизнь въ смерти, радость въ восточной родинѣ солнца, и только души нечистыхъ, еще не совсѣмъ погибшія, подвергались переселеніямъ, продолжавшимся вѣроятно до тѣхъ поръ, пока онѣ, такимъ образомъ очистившись, могли быть допущенны къ богу-солнцу.

§ 9. Религія Грековъ и Римлянъ. Самый свѣтлый характеръ получилъ политеизмъ у Грековъ, которыхъ сказанія о богахъ (миѳы, отсюда миѳологія) большею частію перешли потомъ къ Римлянамъ, соединившись или слившись съ ихъ собственною религіею. По религіознымъ представленіямъ Грековъ, различавшихъ въ своей миѳологіи періодъ творческихъ силъ природы (ѳеогоническая система) и періодъ управляющихъ міромъ силъ (олимпійскіе боги), вселенная была въ началѣ грубою, безформенною массою, хао-

сомъ, изъ котораго выдѣлились, какъ самостоятельныя божества, широкогрудая Земля (Геа, Ге), Подземный міръ (Тартаръ), Ночная тьма (Эребъ и Стиксъ) и первоначальное творческое существо — Любовь (Эросъ). Земля произвела изъ себя Небо (Уранъ) и Море (Понтъ), а потомъ создала существа необыкновенной величины и силы, Титановъ, которые владычествовали первые, пока существа болѣе духовныя, собравшіяся вокругъ небеснаго царя Зевса (Юпитера), не отняли у нихъ господства, побѣдивъ возставшихъ противъ неба Титановъ и Гигантовъ, и низвергнувъ ихъ въ бездну. Когда такимъ образомъ были укрощены дикія силы природы, Зевсъ воцарился на «многовершинномъ» Олимпѣ, Плутонъ въ мрачномъ подземномъ царствѣ (Гадесъ, Тартаръ, Оркъ), Посейдонъ съ своимъ трезубцемъ въ царствѣ водъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣса и воды, поля и луга, рѣки и озера имѣли безчисленное множество своихъ особенныхъ божествъ: нимфъ, нереидъ, тритоновъ и сиренъ, своимъ волшебнымъ пѣніемъ заманивавшихъ человѣка на вѣрную гибель. Эти божества часто имѣютъ вліяніе на судьбу человѣка. Наконецъ отрасль героевъ, ведущая свое происхожденіе отъ Зевса, служитъ связующимъ звеномъ между людьми и богами, а переходъ отъ человѣка къ животному составляетъ низшій разрядъ боговъ — сатиры и фавны, соединяющіе въ себѣ человѣческія и животныя свойства. Отношенія человѣка къ міру боговъ, одаренныхъ свободою и красотою, и изображенныхъ въ совершеннѣйшихъ созданіяхъ греческаго искусства и поэзіи, чрезвычайно разнообразны. Съ самаго рожденія и во всю свою жизнь каждый человѣкъ имѣетъ своего демона (генія), оказывающаго вліяніе на его намѣренія и дѣйствія, не ограничивая однако свободной его воли. Домашній очагъ есть мѣстопребываніе домашнихъ и фамильныхъ боговъ (ларовъ, пенатовъ), охраняющихъ жилище человѣка отъ зла; мало того: каждое важное событіе въ жизни состоитъ подъ покровительствомъ особаго божества. Небожители удостоивали открывать обитателю земли будущее или совѣтовать ему посредствомъ оракуловъ и вдохновеній. Въ противоположность христіанскому воззрѣнію, по которому земная жизнь есть лишь время испытанія и перехода къ высшей жизни, Греки приписывали всѣ радости земному существованію и считали существованіе тѣней умершихъ въ подземномъ мірѣ лишь печальнымъ продолженіемъ земнаго бытія. Однако они вѣрили въ возмездіе за гробомъ и въ вѣчную жизнь, и доро-

жили связью между умершими и живыми. Вожатый мертвыхъ Гермесъ привожалъ умершихъ къ престолу судей подземнаго царства (Миносъ, Радамантъ, Эакъ) и, по приговору ихъ, умершій поступалъ или въ жилище праведныхъ (Элизій, Счастливые острова), или въ адъ (Тартаръ). Оставшіеся въ живыхъ приносили жертвы на могилахъ душамъ или тѣнямъ (манамъ) умершихъ; ибо какъ тѣни спускаются души въ подземное царство, «подобно облакамъ и бѣглымъ отблескамъ жизни»; но когда вкусятъ крови, въ нихъ пробуждаются, какъ послѣ долгаго сна, сознаніе и память о прежнемъ ихъ состояніи. Важнѣйшіе преступники (каковы Танталъ, Титій, Сизифъ) подвергались мучительнѣйшему продолженію тѣхъ самыхъ пожеланій, которымъ чрезмѣрно предавались при жизни. Множествомъ греческихъ племенъ, изъ коихъ каждое имѣло свои національныя божества, то родственныя съ божествами другихъ племенъ, то совершенно другія, объясняется многочисленность греческихъ божествъ и разнообразіе приданныхъ имъ свойствъ и названій. — Италійскія божества имѣютъ большое сходство съ греческими, частію потому, что духъ человѣческій легко приходитъ къ родственнымъ представленіямъ въ области сверхъестественнаго, частію потому, что въ первобытныя времена уже существовали разнообразныя сношенія между обѣими странами, частію же потому, что позднѣе Римляне — съ свойственною язычеству терпимостію — присоединяли чужеземныхъ боговъ къ своимъ собственнымъ. Въ Италіи не только отдѣльныя племена, но даже роды и фамиліи имѣли свои божества. Вообще относительно политеизма можно принять за правило, что извѣстный образъ жизни народа служитъ самымъ существеннымъ источникомъ его религіи, а чрезъ религію и самыхъ его миѳовъ.

§ 10. Греческая ѳеогонія (система божествъ). Земля (Геа, Ге) произвела Небо (Уранъ) и пустынное, безплодное Море (Понтъ). Отъ нея и Урана родились, кромѣ кующихъ молнію Циклоповъ и Сторукихъ силъ природы (Гекатонхейровъ), каковъ Бріарей и др., еще Титаны. Они частію властвуютъ на землѣ и въ землѣ, какъ напримѣръ рѣчной богъ Океанъ съ его сыновьями и дочерьми, рѣками и источниками, частію принадлежатъ небу и атмосферѣ, какъ напримѣръ различныя божества свѣта — Гиперіонъ (первоначальный свѣтъ), Ѳейа (дневной свѣтъ), Геліосъ (солнце), Селене (луна), Эосъ (утренняя заря), вѣтры (Зефиръ, Борей,

Нотъ, Эвръ), и ночное небо съ звѣздами (Лето и Астерія); частію же представляютъ судьбы и направленія человѣческаго духа, какъ напримѣръ Япетъ съ сыновьями, Атласъ, поддерживающій сводъ небесный, надменный Минотій, лукавый Промеѳей, похитившій у боговъ огонь для человѣка (котораго искру онъ спряталъ въ полость тростника) и за это, какъ первый виновникъ грѣха, прикованный Зевсомъ къ Кавказу, гдѣ коршунъ клюетъ его печень, и слабоумный Эпимеѳей, принявшій къ себѣ прекрасную дѣву Пандору съ ея страшнымъ сосудомъ, изъ котораго вышли на свѣтъ всѣ бѣдствія человѣка, такъ что надежда осталась для него единственнымъ спасительнымъ средствомъ на землѣ; частію представляютъ пріязненныя или враждебныя силы, господствующія въ человѣчествѣ, какъ Ѳемида, почтенная руководительница законнаго и нравственнаго порядка, Мнемозина (воспоминаніе), мать девяти Музъ, и таинственная, страшно-священная Геката, богиня ночи, страха и чародѣйства. Кронъ, послѣдній изъ Титановъ, отнимаетъ власть у отца своего Урана. Изъ капель крови, упавшихъ на землю, произошли Эриніи (Эвмениды, у Римлянъ Фуріи), страшные, властвующіе въ подземномъ царствѣ духи мщенія, змѣеволосые, съ факелами преслѣдующіе нарушителей закона, и Гиганты, самая сильная порода великановъ. Изъ морской пѣны родилась богиня любви (Афродита, Анадіомена, у Римлянъ Венера), прежде пресущая Урану, теперь особое божество. Въ соединеніи съ моремъ (Понтъ) Геа произвела во первыхъ Нерея, море съ его дружелюбною стороною, отъ которой ведетъ свое происхожденіе многочисленный родъ морскихъ нимфъ — Нереидъ; во вторыхъ присущія морю величественныя и страшныя явленія (Ѳаума, Форкисъ, Кето). Дѣти Ѳаумы суть: Прида — радуга, на томъ основаніи, что свѣтъ питается водою, и Гарпіи, хищныя существа, вихри, смерчи, столь частыя въ Греціи. Форкисъ и Кето представляютъ собою страшную и грозную сторону моря: они любятъ другъ друга и производятъ множество сказочныхъ существъ, Грееvъ — трехъ сѣдовласыхъ прародительницъ съ однимъ общимъ зубомъ, Горгонъ (между прочимъ Медузу, змѣевласая голова которой превращаетъ все живое въ камень), Гесперидъ, мило поющихъ дочерей ночи, охраняющихъ въ безвѣстной странѣ запада золотые плоды, и др. Отъ сына Медузы происходятъ чудовища Церберъ, Гидра, Химера. Даже ночь производитъ изъ своей мрачной утробы всякаго рода таинственно-дѣй-

ствующія и часто вредныя существа: Сонъ съ грезами, Смерть, Рокъ (Керъ), и въ особенности трехъ Мёръ (у Римлянъ Парки): Клото, начинающую прясть нить человѣческой жизни, Лахезу, продолжающую это дѣло, и Атропу, неотразимо перерѣзывающую нить. Впослѣдствіи Мёры считались дочерьми Зевса и Ѳемиды, какъ справедливыя властительницы судебъ человѣка.—Послѣ Урана властвовалъ Кронъ (у Римлянъ Сатурнъ), представитель первобытныхъ временъ, счастливаго золотаго вѣка, когда вѣчно поспѣвали новые плоды и не прерывалась жатва. Главными мѣстами поклоненія Крону были острова Эгейскаго моря и Критъ; миѳическое сказаніе о томъ, что онъ пожиралъ всѣхъ дѣтей отъ жены Реи (Цибелы), повидимому указываетъ на сродство его культа съ поклоненіемъ сирійскихъ и финикійскихъ племенъ Молоху. Младшій изъ сыновей его, Зевсъ, спасенъ хитростію матери, при помощи безпокойныхъ Куретовъ и Корибантовъ, и тайно воспитанъ на островѣ Критѣ. Онъ отнялъ власть у отца, принудилъ его возвратить назадъ старшихъ дѣтей, и послѣ страшной борьбы съ мятежными силами природы, основалъ царство олимпійскихъ боговъ. Титаны и Гиганты, возставшіе противъ новаго порядка и пытавшіеся взять небо приступомъ, побѣждены, и всѣ, за исключеніемъ Ѳемиды, Океана и Гиперіона, низвергнуты въ Тартаръ. Даже послѣднее созданіе Геи, Тифонъ, представитель всѣхъ ужасовъ жаркаго лѣта, вихрей и смерчей, бичь небу, страшнѣйшій врагъ небеснымъ богамъ, принужденъ покориться новому порядку. Тогда Крониды раздѣлили между собою власть надъ вселенною.

§ 11. Олимпійскіе боги. Въ царствѣ олимпійскихъ боговъ властитель и царь — Зевсъ (у Римлянъ Юпитеръ). Онъ — главное божество Эллиновъ, поклоненіе которому распространилось изъ Додоны въ Эпирѣ, гдѣ находился древнѣйшій и самый уважаемый Зевсовъ оракулъ, въ Ѳессалію и оттуда по всей Греціи. По первоначальному существу своему, Зевсъ есть олицетвореніе природы, властитель неба и высшей атмосферы (эѳиръ), движеніемъ которой онъ производитъ дни, годы и времена года, возбуждаетъ вѣтры и дожди, посылаетъ снѣгъ и лучи солнца. Оттого онъ отецъ Оръ, которыя вслѣдствіе такого происхожденія представляютъ теченіе года и перемѣну временъ года, и въ тоже время, какъ дочери Ѳемиды (Дика, Эвномія, Кирена), — стройное теченіе человѣческой жизни. Зевсъ — патріархъ и охраняетъ справедливость между людьми: онъ защит-

никъ домашнихъ и семейныхъ правъ, дружбы, гостепріимства, международныхъ и государственныхъ отношеній, онъ даетъ царей, внимаетъ клятвамъ и наказуетъ клятвопреступниковъ, онъ благословляетъ и умножаетъ собственность. Подчиняясь вѣчно властвующей судьбѣ и неизмѣннымъ законамъ природы, онъ тѣмъ не менѣе властелинъ и правитель міра, источникъ всякаго разоблачающаго будущее предсказанія. Супругою и сестрою Зевса (которую особенно чтили въ Аргосѣ и на островѣ Самосѣ) была «волоокая» Гера (у Римлянъ Юнона), женственное божество небеснаго пространства, атмосфера. Какъ покровительница брака, она строго наказуетъ всякое нарушеніе этого священнаго учрежденія и потому считается ревнивою и сварливою спутницей своего, замѣшаннаго во многія любовныя похожденія, мужа. Она преслѣдуетъ всѣхъ возлюбленныхъ Зевса, между прочимъ свою аргосскую жрицу Іо, превращенную Зевсомъ въ бѣлую корову, и сначала велитъ наблюдать за нею стоглазому, всевидящему безсонному Аргусу, а потомъ, когда онъ усыпленъ и убитъ Гермесомъ, посланный Герою шершень гонитъ Іо по всѣмъ странамъ, пока наконецъ она находитъ успокоеніе въ Египтѣ. Глаза Аргуса Гера перенесла въ хвостъ павлина, посвященнаго ей точно такъ же, какъ молніеносный орелъ посвященъ Зевсу. Миѳъ объ Іо имѣетъ связь съ воззрѣніями древнихъ на природу. Іо—рогатая луна. Мѣсяцъ, которымъ любуется богъ неба, принадлежитъ землѣ, и за это Гера наказываетъ его постояннымъ странствованіемъ; онъ уподобляется бѣлой коровѣ въ черную ночь. Іо превращена въ корову, потому что богиню мѣсяца считаютъ рогатою. Стоглазый Аргусъ — не что иное какъ усѣянное звѣздами небо, стерегущее мѣсяцъ. — У Геры двѣ дочери—дѣвственная Геба, подававшая нектаръ на Олимпѣ, пока мѣсто ея не занялъ красивый, похищенный съ земли орломъ Зевса, Ганимедъ, и Эйлейтія, покровительница женщинъ, страждущихъ родами. Богинею-покровительницею Аѳинъ, которые были обязаны ей масличнымъ деревомъ, была «совоокая» Паллада Аѳина (у Римлянъ Минерва), возникшая вооруженною изъ головы Зевса, когда онъ проглотилъ океаниду Метиду (духъ, разумъ). Въ честь ея были установлены въ Аѳинахъ четырехлѣтніе—большіе, и ежегодные—малые панаѳинеи, главный праздникъ аѳинскій. Будучи первоначально богинею свѣтлаго голубаго неба, великолѣпно сіяющаго въ Аттикѣ, она впослѣдствіи слилась со всею духовною и гражданскою жизнію Аѳинянъ. Она изобрѣтательница и покровительница всѣхъ искусствъ и духовныхъ за-

нятій. Изобрѣтеніемъ плуга оживила она земледѣліе; она защитница городовъ и гражданскихъ учрежденій, и потому въ большей части греческихъ городовъ выставлено было изображеніе ея (палладіонъ), какъ городской богини; она изобрѣтательница военнаго искусства и военной науки, и оттого является прикрытая шлемомъ и щитомъ. На этомъ щитѣ (эгидѣ) изображена превращающая все живое въ камень голова Медузы, убитой героемъ солнца и свѣта Персеемъ. Она же — изобрѣтательница врачебнаго искусства, флейты, ткачества и другихъ плодовъ умственной дѣятельности. Къ этому миѳу примыкаетъ миѳъ о Гефестѣ (у Римлянъ Вулканъ), сброшенномъ съ неба на островъ Лемносъ и потому охромѣвшемъ сынѣ Зевса и Геры. Гефестъ—представитель земнаго, служащаго на пользу людямъ, огня. Онъ изобрѣтатель металлическихъ работъ, слѣдовательно двигатель образованости; гора Этна и другіе вулканы служатъ ему мастерскими. Помощниками его въ работахъ были великаны-циклопы, ковцы молніи. — Однимъ изъ важнѣйшихъ божествъ Греціи былъ Аполлонъ, принадлежавшій преимущественно дорійскимъ племенамъ и первоначально вышедшій изъ Темпейской долины въ Ѳессаліи (по другимъ изъ Ликіи, въ Малой Азіи). Позднѣйшее сказаніе называетъ его и Артемиду дѣтьми-близнецами Зевса и Латоны, родившимися на островѣ Делосѣ. Аполлонъ — лучезарный богъ свѣта (Фебъ), впослѣдствіи сливающійся съ богомъ-солнцемъ (Геліосомъ) въ одно божество; онъ святое божество и борется противъ всего темнаго, нечистаго, грязнаго, мрачнаго, повсюду возстановляя порядокъ въ мірѣ физическомъ и нравственномъ: оттого наказуетъ онъ дерзость и преступленіе, и оказываетъ покровительство кающимся и молящимъ о защитѣ, очищаетъ запятнанныхъ убійствомъ и освобожіаетъ ихъ отъ мщенія Эриній. Вооруженный стрѣлою и лукомъ, онъ убиваетъ дракона Пиѳона и овладѣваетъ важнымъ дельфійскимъ оракуломъ, но принужденъ бѣжать съ Олимпа и въ наказаніе исполнять невольничьи работы у царя Адмета. Относительно человѣческой жизни Аполлонъ—отвратитель несчастій, защитникъ дорогъ и домовыхъ воротъ. Какъ пеанъ, онъ божество поражающее и исцѣляющее, отецъ Асклепія (Эскулапа)—родоначальника медицины. Какъ богъ искусствъ, въ особенности музыки и поэзіи, онъ глава девяти Музъ (музагетъ); Кліо (исторіи), Калліопы (Эпоса), Мельпомены (трагедіи), Таліи (комедіи), Эрато, Евтерпы, Терпсихоры, Полигимніи (пѣнія, музыки, танцевъ) и Уранiи (астрономіи), имѣвшихъ свое мѣ-

стопребываніе на страшныхъ горахъ Геликонѣ и Парнасѣ. Сказаніе о томъ, что Аполлонъ по ошибкѣ убилъ дискосомъ (солнечнымъ лукомъ) своего любимца Гіацинта (Іакинѳа), послужило поводомъ къ установленію въ Пелопоннесѣ печальнаго праздника гіацинтій; тамъ же, на праздникѣ карнеяхъ [1], онъ считался копьеноснымъ богомъ войны. Сестра безбрачнаго Аполлона, дѣвственная Артемика (у Римлянъ Діана) — богиня луны и, подобно брату, божество музыки, дающее оракулы. Она охраняетъ дичину, какъ богиня охоты, и потому вооружена лукомъ. Въ Тавридѣ приносили ей варварскія человѣческія жертвы, въ которыхъ участвовали Атриды (Ифигенія и Орестъ), а въ знаменитомъ эфесскомъ храмѣ Діаны изображали ее въ видѣ матери-кормилицы со многими грудями. Въ обоихъ представленіяхъ очевидна примѣсь восточныхъ понятій о естественной и половой богинѣ, требующей отъ своихъ поклонниковъ то безусловной преданности чувственнымъ удовольствіямъ, то полнаго воздержанія и вѣчнаго цѣломудрія. Когда Ніоба, предавшись материнской гордости, поставила себя выше Латоны, потому что имѣла больше дѣтей, всѣ дѣти ея (Ніобиды) были убиты: мальчики — Аполлономъ, дѣвочки — Артемидой, а сама она превращена въ слезящій камень. До сихъ поръ на дальней горѣ Сипилѣ показываютъ будто бы окаменѣлый образъ Ніобы. — Посейдонъ (у Римлянъ Нептунъ) — первобытное божество Пелазговъ, которому сначала покланялись въ Онхестѣ, въ Беотіи, и на (Коринѳскомъ) Перешейкѣ, откуда поклоненіе ему перешло въ сосѣднія мѣстности, преимущественно въ Аттику и въ прибрежныя мѣста Пелопоннеса. Въ Аѳинахъ соперницей его была Паллада Аѳина: онъ даровалъ странѣ коня, какъ она даровала ей масличное дерево. Онъ повелитель моря, вооруженный трезубцемъ, и потому называется потрясающимъ землю, его жена — морская нимфа Амфитрита. Въ тоже время онъ творецъ лошади, укротитель коней и отецъ рожденнаго отъ Медузы крылатаго Пегаса, который, ударяя копытомъ въ землю, производитъ новые источники. — Аресъ (Марсъ) и Афродита (Венера) означаютъ борьбу и любовь. Имъ поклонялись преимущественно въ Ѳивахъ, гдѣ дочь ихъ Гармонія была богинею города и супругою финикійскаго основателя Ѳивъ, Кадма. Аресъ — дикій богъ войны и битвъ, которому въ Аѳинахъ былъ

[1] Карнеи учреждены въ отвращеніе мора, ниспосланнаго Аполлономъ за убійство его любимца, вѣщаго Карна.

посвященъ особый холмъ (арейопагъ); Афродита — богиня красоты и чувственной любви; поклоненіе ей, смѣшанное съ безнравственнымъ азіятскимъ поклоненіемъ Астартѣ или Ашерѣ, было особенно распространено на островахъ Кипрѣ и Цитерѣ и въ городѣ Книдѣ. Сказаніе о любимцѣ ея, красивомъ Адонисѣ, который погибъ на охотѣ отъ вепря и потомъ, въ слѣдствіе воплей Афродиты, получилъ позволеніе Зевса дѣлить жизнь свою между нею и подземною богинею Персефоной, чтобы каждая изъ нихъ могла обладать имъ поочередно шесть мѣсяцевъ, повидимому имѣетъ восточное происхожденіе и аллегорически выражаетъ годичное круговое теченіе природы, ея цвѣтеніе и увяданіе. Оттого въ Греціи и Римѣ, при лѣтнемъ поворотѣ солнца былъ праздникъ въ честь Адониса, и въ первый день этого праздника женщины сѣтовали о смерти его, а во второй съ необузданнымъ весельемъ праздновали его возвращеніе къ жизни. По позднѣйшимъ преданіямъ, сохранившимся у поэтовъ, сыномъ и спутникомъ Афродиты былъ маленькій богъ любви Эросъ (Амуръ, Купидонъ), а его возлюбленною — Психея (душа); къ свитѣ ея принадлежатъ милыя Хариты (Граціи) и Оры, божества временъ года. — Кромѣ названныхъ выше, къ олимпійскимъ богамъ, число которыхъ по позднѣйшимъ миѳамъ простиралось до двѣнадцати, присоединялись Деметра, Гермесъ и покровительница домашняго очага — Гестія (Веста). Такимъ образомъ на Олимпѣ было шесть божествъ мужескаго и шесть божествъ женскаго пола, въ слѣдующемъ порядкѣ: Зевесъ — Гера; Посейдонъ — Аѳина; Аполлонъ — Артемида; Аресъ — Афродита; Гефестъ — Гестія; Гермесъ — Деметра.

§ 12. Боги подземнаго міра. Миѳы о Деметрѣ (Церерѣ), матери-землѣ, принадлежатъ къ числу самыхъ знаменательныхъ и таинственныхъ. Деметра, чистая, высокопочтенная дочь Крона, представляетъ собою творческія силы природы, проявляющіяся въ обновленіи и увяданіи растительнаго царства, дающія хлѣбъ и оплодотворяющія землю; она создала земледѣліе, и въ этомъ смыслѣ мать Триптолема, передавшаго людямъ правила земледѣлія и основаннаго на земледѣліи богатства (плутосъ); она же принимаетъ души умершихъ и потому считается богинею умершихъ. Поклоненіе ей преимущественно господствовало въ Ѳессаліи, Аттикѣ (Элевзисъ) и Сициліи. Сицилія и Элевзисъ были священными мѣстами, откуда, по преданію, дочь ея Кора или Персефона (Прозерпина) была похищена Гадесомъ и унесена въ подземное царство, вслѣд-

ствіе чего исполненная грусти Деметра долго странствовала, чтобы отыскать ее; въ это время земля оставалась безплодною. Наконецъ получила она отъ Зевса обѣщаніе, что Персефона будетъ отыскана Гермесомъ, если она еще ничего не вкусила въ подземномъ царствѣ; оказалось, что она вкусила гранатное яблоко (символъ плодородія), и Деметра должна была согласиться на то, чтобы дочь ея сдѣлалась женою Гадеса и проводила одну часть года въ подземномъ царствѣ, другую—на землѣ. Этотъ миѳъ указываетъ на хлѣбныя сѣмена, скрывающіяся въ землѣ въ зимніе мѣсяцы. Въ честь Деметры происходили многочисленные праздники во время посѣвовъ и жатвы, въ особенности тесмофоріи, большія и малыя элевзиніи и анѳестеріи въ Аттикѣ (срв. § 52).—Гадесъ (Аидъ, невидимый, Плутонъ)—властитель подземнаго міра (Оркъ) и царства мертвыхъ, отдѣленнаго отъ живаго міра многими рѣками (Стиксъ, Ахеронъ, Коцитъ, предающая забвенію Лета и др). Поклоненіе Гадесу, сопряженное съ оракулами и жертвоприношеніями за умершихъ, господствовало въ Эпирѣ, на лакедемонскомъ мысу Тенаронѣ и въ Элидѣ. Онъ называется также подателемъ богатства (Плутонъ), потому что всѣ сокровища находятся въ нѣдрахъ земли. Подземный міръ, раздѣленный на Элизій (обиталище добрыхъ) и Тартаръ (обиталище осужденныхъ), охраняется трехголовою собакой Цербером. Харонъ перевозитъ въ своей лодкѣ тѣни умершихъ, удостоившихся погребенія, черезъ рѣку, а непогребенные осуждены бродить на берегу.—Гермесъ (у Римлянъ Меркурій)—древнее пелазгическое божество, тѣсно связанное съ земледѣльческою и пастушескою жизнію. По первобытному пелазгическому обычаю, въ честь божества складывали на перекресткахъ кучки камней (гермеи), выброшенныхъ съ воздѣлываемаго поля. Въ послѣдствіи онѣ были замѣнены четыреугольнымъ камнемъ, и съ тѣхъ поръ вошло въ обычай поклоняться божеству подъ формою этихъ камней. Гораздо позднѣе на камняхъ начали ставить изображеніе человѣческой головы. Вслѣдствіе такого отношенія къ земледѣлію, Гермесъ—сынъ Зевса и матери-земли, прозванной Майею. Оттого онъ имѣетъ сношенія съ Гадесомъ и Персефоною и, какъ Психопомпъ, доставляетъ души умершихъ къ подземному царству. Онъ вѣстникъ и посланникъ боговъ и потому носитъ на себѣ символъ неприкосновенности—жезлъ герольда (кадуцей), сдѣланный изъ священнаго дерева и обвитый шерстью, а у пятокъ имѣетъ крылья. Такое назначеніе требуетъ ума и смѣтливости, и Гермесъ считается

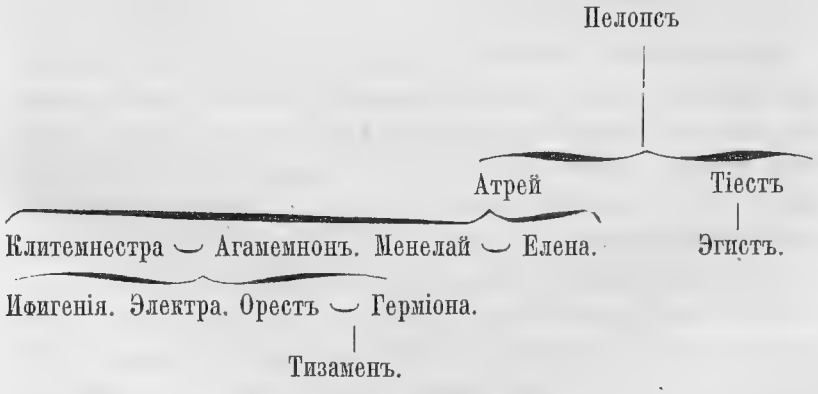
богомъ хитрости, лукавства и всѣхъ тѣхъ занятій, при которыхъ могутъ быть полезны эти свойства: торговой оборотливости, воровства и т. д. Все приносящее выгоды, напримѣръ торговля, даже вѣроломство и обманъ, состоитъ подъ его покровительствомъ. Онъ изобрѣтатель пастушеской свирѣли (сиринксъ), лиры, предоставленной потомъ Аполлону, и буквъ; онъ же богъ языковъ, необходимыхъ въ сношеніяхъ между народами, и ихъ толкованія (герменевтики). Въ горахъ поклонялись ему, какъ благодѣтельному пастушескому богу.—Діонизъ (Вакхъ), родственный съ древнеиталійскимъ Либеромъ,—первобытное пелазгическое божество знаменательнаго, таинственнаго свойства, и потому сдѣлавшееся, вмѣстѣ съ Деметрою, главнымъ предметомъ поклоненія въ мистеріяхъ. Культъ его коренился въ Беотіи, гдѣ Ѳивянка Семела, поглощенная явившимся въ пламени Зевсомъ, считается его матерью. Діонизъ вырванъ Зевсомъ изъ пылающей утробы матери, доношенъ въ отцовскомъ бедрѣ и воспитанъ нимфами. Поклоненіе Діонизу распространилось въ нижней Италіи (Тарентѣ), на островахъ Эгейскаго моря (Лесбосѣ, Наксосѣ, гдѣ онъ вступаетъ въ бракъ съ Аріадной, кудрявою богинею тучной, роскошной почвы), въ Азіи и др. мѣстахъ: на это распространеніе указываетъ весьма употребительный въ искусствѣ миѳъ о походѣ его въ Индію, въ сопровожденіи нимфъ, сатировъ и пьянаго Силена. Впослѣдствіи считали его силою природы, подъ вліяніемъ которой созрѣваетъ виноградъ и ягода получаетъ опьяняющее свойство; въ болѣе общемъ смыслѣ, онъ—богъ зимы, олицетвореніе того, что ей предшествуетъ и что за нею слѣдуетъ, увяданія и оживленія природы, или представитель вина, какъ одного изъ лучшихъ даровъ ея плодоносія. Поклоненіе Діонизу было поводомъ ко многимъ дикимъ и шумнымъ празднествамъ (вакханаліи); такъ въ Аттикѣ были установлены малыя (сельскія) и большія діонизіи; линеи; анѳестеріи; около Дельфъ праздновались зимою тріетерики, на которыхъ собирались женщины и какъ изступленныя (менады, вакханки) бѣгали по Парнасу; множество весеннихъ и осеннихъ праздниковъ были учреждены большею частію въ честь его. Изъ сельскихъ обычаевъ и костюмовъ, употребительныхъ на праздникахъ при сборѣ винограда, возникли драматическія игры, трагедіи и комедіи.—Къ числу подземныхъ боговъ, символически выражающихъ производительныя силы природы, принадлежатъ также пелазгійскіе (или финикійскіе) Кабиры, которымъ поклонялись на островахъ Лемносѣ,

Имбросѣ и Самоѳракѣ. На Критѣ, Родосѣ и другихъ островахъ, Дактилы или Телькины считались изобрѣтателями ремесленныхъ произведеній, преимущественно изъ металла, и чародѣями.

§ 13. Герои. Умершіе герои первобытныхъ временъ, родоначальники племенъ, основатели городовъ и колоній пользовались у Грековъ божескими почестями. Они составляютъ отдѣльный міръ, впрочемъ тѣсно связанный съ міромъ боговъ, отъ которыхъ ведутъ свое происхожденіе. Каждое племя, каждая область, каждый городъ, даже каждый родъ имѣетъ своего героя, въ честь котораго учреждены праздники и жертвоприношенія. Самымъ распространеннымъ и богатымъ сказаніями героическимъ культомъ былъ культъ Алкида Геракла (Геркулеса). Онъ символъ высшаго человѣческаго героизма, который неутомимо побѣждаетъ преграды, повсюду противупоставляемыя ему испытующимъ рокомъ, побораетъ нечистыя силы и ужасы природы и, освободившись отъ человѣческихъ слабостей, уподобляется богамъ. Онъ представитель человѣчества, которое, съ помощію своего полу-божественнаго происхожденія, можетъ вознестись до Олимпа, при всей неблагосклонности къ нему враждебныхъ силъ. Первоначально явившійся въ Беотіи и Аргосѣ, миѳъ о Гераклѣ въ послѣдствіи былъ перемѣшанъ со множествомъ чужеземныхъ сказаній, потому что Греки сливали съ своимъ Геракломъ всѣ подобныя божества, съ которыми знакомились въ своихъ сношеніяхъ съ Финикійцами (Мелькартъ), Египтянами и кельто-германскими племенами. Онъ сынъ Зевса и Ѳивянки Алкмены и родоначальникъ царскихъ родовъ дорійскаго, ѳессалійскаго и македонскаго. Осужденный завистію Геры служить аргивскому князю Эвристею, совершаетъ Геркулесъ, по его порученію, двѣнадцать подвиговъ: освобождаетъ Пелопоннесъ и другія области отъ чудовищъ и хищныхъ звѣрей, очищаетъ конюшни царя Авгіи въ Элидѣ, добываетъ золотыя яблоки изъ садовъ Гесперидъ (въ сѣверной Африкѣ) съ помощію Атласа, за котораго нѣсколько времени держитъ на себѣ небесный сводъ, переходитъ черезъ такъ-называемые Геркулесовы столбы въ Испанію, тамъ уводитъ быковъ у царя Геріона, и потомъ возвращается черезъ Галлію, Италію и Сицилію. Изъ Азіи приноситъ онъ поясъ амазонской царицы Гиполиты, въ Египтѣ — убиваетъ жестокаго царя Бузириса, и выводитъ скованнаго Цербера изъ подземнаго царства. Но и онъ на время подпадаетъ слабости и исполняетъ у лидійской царицы Омфалы женскую службу; вскорѣ однако возвращается къ прежнему, мужест-

ву, предпринимаетъ еще нѣкоторые подвиги и наконецъ самъ лишаетъ себя жизни въ пламени на горѣ Этѣ, когда отравленная одежда, которую прислала ему не подозрѣвавшая бѣды жена его Дейянира, привела героя къ неизбѣжной гибели. По смерти, онъ былъ вознесенъ на Олимпъ и женился на Гебѣ, богинѣ юности. Во всѣхъ странахъ и на всѣхъ берегахъ, куда заносила Герковъ дѣятельная морская торговля, находили они слѣды своего національнаго героя, который предшествовалъ имъ, пролагая дорогу, котораго труды и опасности, побѣжденныя его героизмомъ и настойчивостью, были отраженіемъ ихъ собственной народной жизни. Фантазія Грековъ провела своего любимаго героя отъ крайняго запада, гдѣ Атласскій хребетъ, сады Гесперидъ и столбы Геркулесовы свидѣтельствовали объ его существованіи, до Египта и береговъ Чернаго моря. Солдаты Александра Великаго обрѣтали его даже въ Индіи. — Въ Пелопоннесѣ возникъ миѳъ о треклятомъ родѣ Лидійца или Фригійца Тантала, сынъ котораго Пелопсъ посредствомъ обмана и хитрости завладѣлъ дочерью и областью элидскаго царя Эномая. Сыновья его Атрей и Тіестъ позволяютъ себѣ кровосмѣшеніе, дѣтоубійство и передаютъ своимъ потомкамъ еще большую степень проклятія. Орестъ, сынъ Агамемнона, другъ Пилада, убійца своей матери Клитемнестры и ея любовника Эгиста, возвращеніемъ своей сестры Ифигеніи изъ Тавриды, гдѣ она были жрицею варварскаго поклоненія Артемидѣ, освобождается отъ Эриній и искупаетъ грѣхи всего Танталова рода.

РОДЪ АТРИДОВЪ.



Въ Лакедемонѣ поклонялись героямъ Тиндаридамъ, близнецамъ Кастору и Полидевку (Поллуксу), братьямъ Елены, кото-

рые слились съ діоскурами, свѣтящими звѣздами, покровителями мореходцевъ и матросовъ: думали, что восхожденіе ихъ унимаетъ бурю. — Племеннымъ героемъ Ѳивъ былъ финикіянинъ Кадмъ, искавшій сестру свою Европу, похищенную Зевсомъ, и заведенный коровою въ Беотію. Отъ него происходилъ Лаіосъ, который, испугавшись одного изреченія оракула, велѣлъ бросить своего сына отъ Іокасты, Эдипа, въ горное ущелье. Но сынъ былъ спасенъ, воспитанъ въ Коринѳѣ, и въ послѣдствіи убилъ отца, по незнанію; онъ же, разрѣшивъ одну загадку, освободилъ Ѳиванскую область отъ вреднаго чудовища Сфинкса, и въ награду за это получилъ въ супружество овдовѣвшую царицу, свою собственную мать. Потомъ, когда страну постигли тяжкія бѣдствія, и одинъ престарѣлый жрецъ обнаружилъ страшную тайну, Іокаста сама лишила себя жизни, а Эдипъ слѣпымъ старцемъ покинулъ отечество и кончилъ жизнь въ мѣстечкѣ Колонѣ, въ Аттикѣ; сыновья его Этеоклъ и Полиникъ, проклятые отцемъ, убили другъ друга; дочь его Антигона была обречена на смерть ѳиванскимъ Креономъ за то, что вопреки уставу, предала погребенію трупъ своего брата.

Лаіосъ — мужъ
|
Эдипъ — мужъ
} Іокасты.

Этеоклъ. Полиникъ. Антигона.
|
Лаодамъ.

Братья: пѣвецъ Амфіонъ, супругъ Ніобы, и храбрый, вооруженный дубиною Цетосъ, тоже принадлежатъ Ѳивамъ. Чтобы отомстить за свою мать, оскорбленную нимфою Диркой, привязали они послѣднюю къ хвосту быка и замучили ее до смерти (Фарнезскій быкъ). Въ Беотіи и Аттикѣ утвердилось сказаніе о Терећ, первобытномъ царѣ богатыхъ миѳами ѳракійцевъ, жившихъ вокругъ Копаисскаго озера, и его сестрѣ и своячинѣ Прокнѣ и Филомелѣ, которыя по убіеніи Тереева сына, были превращены — одна въ ласточку, другая въ соловья.—Въ богатой конями Ѳессаліи коренится сказаніе о Кентаврахъ (истребителяхъ быковъ) съ лошадинымъ туловищемъ и ногами, состоявшихъ въ борьбѣ съ Лапиѳами, не разъ изображенной въ ваяніи. Справедливѣйшимъ изъ дикихъ Кентавровъ былъ трево-

вѣдъ Хиронъ, наставникъ Асклепія и Ахилла. — Въ Аѳинахъ народнымъ героемъ быкъ Тезей. Онъ считался основателемъ города, ибо соединилъ разсѣянныхъ жителей въ одну общину. Онъ былъ сынъ аѳинскаго царя Эгея, родился и воспитался въ Трезенѣ у Питѳея; вынувъ мечъ и сандаліи отца изъ-подъ огромной каменной глыбы и тѣмъ доказавъ свою необыкновенную силу, онъ на обратномъ пути на родину очищаетъ перешеекъ отъ дикихъ разбойниковъ (Прокруста и др.) и освобождаетъ Аѳинянъ отъ тяжкой дани изъ семи мальчиковъ и семи дѣвочекъ, которую они должны были посылать каждыя девять лѣтъ критскому Минотавру: Тезей убиваетъ это чудовище, имѣвшее бычачью голову на человѣческомъ туловищѣ, и съ помощію нити, данной ему царскою дочерью Аріадной, находитъ выходъ изъ Лабиринта. (Новѣйшія изслѣдованіи справедливо признаютъ въ миѳѣ о Минотаврѣ намекъ на поклоненіе Молоху, туземное на островѣ Критѣ и соединенное съ человѣческими жертвами). Эгей, полагая, что сынъ его погибъ, ибо при возвратѣ онъ забылъ замѣнить черный парусъ корабля бѣлымъ, въ отчаяніи бросился въ море, которое получило отъ него названіе Эгейскаго. Имя Тезея тѣсно связано съ поклоненіемъ Посейдону, въ честь котораго онъ установилъ истмійскія игры; Посейдонъ же даетъ трагическую развязку любовной исторіи второй супруги Тезея (Федры) съ сыномъ его Ипполитомъ. Сказаніе о Тезеѣ имѣетъ много сродства съ сказаніемъ о Геркулесѣ; и тотъ и другой сходятъ въ подземное царство.

§ 14. Италійскія религіозныя системы. Древнѣйшіе обитатели Италіи были частію единоплеменны греческимъ Пелазгамъ, вслѣдствіе чего такъ сходны ихъ религіозныя воззрѣнія и архитектурные памятники (сокровищницы и пр.), частью туземныя племена, Сабинцы и Оски, частію пришедшіе послѣ народы: на сѣверѣ Галлы, на югѣ и на востокѣ Эллины (см. подробнѣе § 136). Тиренскіе Пелазги составляли главную часть населенія Этруріи, которой религіозныя и жреческія тайны и учрежденія, произведенія искусства и гаданія, въ послѣдствіи перешли къ Римлянамъ. Изъ древне-италійскихъ народовъ, имѣвшихъ самостоятельныя религіи, особенно замѣчательны Сабинцы и Латины. I. Республиканско-федеративное государство Этрусковъ, состоящее изъ двѣнадцати городскихъ общинъ, управляемыхъ іерархическою аристократіей и имѣющихъ своимъ средоточіемъ Тарквиніи, приписываетъ свои религіозныя учрежденія происшедшему отъ земли демону или духу, Тагу. (Таге-

тинскія книги въ этрурскомъ стихотворномъ размѣрѣ, содержащія въ себѣ ученіе о молніи, правила для основанія городовъ и общія предсказанія, служили источникомъ для различныхъ этрурскихъ и римскихъ гадательныхъ книгъ). Этрурское богоученіе весьма сходно съ греческимъ. Тина соотвѣтствуетъ Зевсу, Купра (Квирита, Курита, копьеносная богиня) — соотвѣтствуетъ Герѣ даже во внѣшнихъ обрядахъ; Менфра (Минерва) была, подобно Палладѣ Аѳинѣ, изобрѣтательницею флейты и военной трубы; многообразный Вертумнъ, родственное съ Діонизомъ, важное божество Этрусковъ, представляетъ собою перемѣну временъ года (въ честь его былъ установленъ праздникъ Вертумналіи въ октябрѣ мѣсяцѣ), обиліе и разнообразіе годичныхъ явленій природы. За тѣмъ, важнѣйшими божествами Этрусковъ были слѣдующія: богиня судьбы Норція Вольсинійская, соотвѣтствующая Фортунѣ Анційской, въ послѣдствіи считалась богинею времени; церейская Мать Матута, мать юнаго Дня, была богинею родовъ; Сумманъ, молніеносный властелинъ ночнаго неба, имѣвшій храмъ въ Большомъ Циркѣ, въ Римѣ; Вольтумна, богиня союзнаго храма двѣнадцати городовъ въ Вольсиніяхъ; Сильванъ, лѣсной богъ, которому поклонялись въ славныхъ лѣсахъ церейскихъ, и мн. др. Въ послѣдствіи у Этрусковъ утвердилось и поклоненіе Бахусу, соединенное съ разгульными празднествами (вакханаліи и оргіи). Этрурскія божества распадаются на два разряда: на двѣнадцать высшихъ или сокровенныхъ, безъименныхъ божествъ — темныхъ, тайно дѣйствующихъ силъ, участвующихъ лишь въ важнѣйшихъ явленіяхъ природы, и на двѣнадцать низшихъ божествъ (консентовъ), властителей видимаго міроустройства, соотвѣтствующихъ двѣнадцати мѣсяцамъ. Этрускамъ принадлежатъ также Пенаты—домашнія божества, дающія благословеніе, пищу, споспѣшники въ дѣлахъ и множители имущества; Лары—защитники и предстатели извѣстныхъ округовъ и мѣстностей, большею частію души умершихъ, и вѣра въ генія, присвоеннаго каждому человѣку при самомъ рожденіи. Отъ Этрусковъ эти божества перешли къ другимъ народамъ Италіи. Понятіе о подземномъ царствѣ, гдѣ находятся души отшедшихъ (маны), и гдѣ управляютъ Мантъ и Манія, совершенно совпадаетъ съ греческими понятіями; подземный міръ есть или источникъ благословенія, или обитель ужаса, мѣстопребываніе Фурій. Этруски нерѣдко приносили людей въ жертву, именно невольниковъ и военноплѣнныхъ: ихъ религія, равно далекая отъ свѣтлаго римскаго раціонализма и

греческаго антропоморфизма, отличалась мрачнымъ, фантастическимъ характеромъ и удовлетворялась таинственною игрою въ числа, брубыми, жестокими представленіями и пріемами. Этрускамъ, суевѣрнымъ поклонникамъ религіозныхъ тайнъ и чудесныхъ обрядовъ, обязана своимъ происхожденіемъ цѣлая система гаданій, въ послѣдствіи перешедшая къ Римлянамъ. Гаданія назывались или авгуріями, или фульгуріями, или авспиціями, и имѣли огромное значеніе, ибо въ Римѣ и во всей Италіи ни одно важное предпріятіе не начиналось безъ вопрошенія боговъ и безъ наблюденія знаменій. Авгуріи бывали тогда, когда опредѣлялось будущее по полету или крику извѣстныхъ птицъ, для чего предвѣщатель (авгуръ) избиралъ открытое мѣсто наблюденія (templum) и жезломъ (litus) указывалъ направленіе, въ которомъ полетъ птицъ былъ благопріятенъ или неблагопріятенъ для задуманнаго дѣла, или когда узнавали будущее по ѣдѣ священныхъ куръ. Это искусство обязаны были знать не только жрецы, но и всѣ патриціи, желавшіе достигнуть почетныхъ должностей. — Фульгураторы наблюдали молнію, частію для того, чтобы умилостивлять ее, частію для того, чтобы вопрошать ее о будущемъ или о рѣшеніи боговъ; мѣста, въ которыя ударяла молнія, считались священными и огораживались. Гаданія по внутренностямъ (сердцу, печени и т. п.) жертвенныхъ животныхъ исполнялись гаруспексами. — II. Изъ религіозныхъ понятій Латинянъ нѣкоторыя совпадаютъ съ греческими; другія принадлежатъ имъ однимъ. Къ божествамъ перваго рода относятся: Теллусъ (земля), Сатурнъ (богъ посѣва) и супруга его Опсъ (первоначально богиня земли, потомъ обиліе, богатство), сходные съ Крономъ и Реею и означающіе первоначальное, на земледѣліи основанное счастіе; украшенный многочисленными свойствами и прозваніями Юпитеръ (Jupiter feretrius; Diespater; Dijovis и пр.) съ своею супругой Юноной — божества дневнаго свѣта, содѣйствующія рожденію на свѣтъ людей въ надлежащую пору (Juno Lucina). Къ божествамъ втораго рода относится двулицый Янусъ, богъ круга временъ, богъ всякаго начинанія и входа, оттого богъ порога и двери, храмъ котораго въ Римѣ былъ открытъ во все время, пока городъ велъ какую-нибудь войну. Подлѣ Януса (Діануса), первоначально бога-солнца, стоитъ общая всѣмъ Латинянамъ Діана, богиня луны. Фавнъ и Фавна были вѣщіе лѣсные боги; съ ними въ родствѣ былъ богъ Луперкусъ, которому былъ посвященъ древнѣйшій храмъ у подошвы Палатинскаго холма въ Римѣ

и въ честь котораго установленъ былъ знаменитый праздникъ — Луперкаліи; Пикусъ и Пилумнусъ, древне-римскія и латинскія божества, состоявшія въ связи съ земледѣльческими и полевыми плодами (вѣщунъ Пикусъ—дятелъ, считался, какъ укротитель коней, охотникъ и воинъ, равнозначущимъ съ сабинскимъ Марсомъ). Первобытнымъ латинскимъ божествомъ, которое почиталось и Сабинянами и пользовалось преимущественнымъ обожаніемъ въ Римѣ, до конца 4-го вѣка, была Веста (Гестіа), богиня домашняго очага и осѣдлости, идеальное олицетвореніе дома и прочнаго хозяйства, которые устроиваетъ себѣ земледѣлецъ, вмѣсто легкаго шалаша и кочеваго огнища пастушеской жизни. Въ богатомъ храмѣ ея, на Римскимъ форумѣ, вѣчный огонь поддерживался дѣвственными жрицами (весталками), пользовавшимися большимъ уваженіемъ и многими преимуществами. Онѣ были какъ бы дочерьми римскаго народа, вѣчно хранившими священный огонь общаго очага, въ примѣръ и поученіе гражданамъ. Большимъ почетомъ пользовалась также Фортуна, богиня судьбы въ Пренестѣ и Анціумѣ, дававшая свои оракулы по жребіямъ. Ферентина была богиней латинскаго союза, подобно перешедшей отъ Сабинянъ Фероніи, въ рощѣ которой происходили союзныя собранія. Такъ какъ Латиняне были народъ земледѣльческій, то у нихъ было множество аграрныхъ (полевыхъ) божествъ, состоявшихъ въ связи съ посѣвомъ, плодородіемъ, жатвой, спольемъ.—III. Сабинцы. Племеннымъ богомъ Сабинцевъ былъ предсказывающій будущее Санкъ (небо), отецъ Саба. Богиня сабинскаго союза Феронія была богинею земли, которой приносили въ даръ цвѣты и первинку жатвы. Въ честь ея и подземнаго бога Діеспатера былъ установленъ главный праздникъ на горѣ Соракте. Будучи воинственнымъ народомъ, Сабинцы преимущественно почитали двухъ боговъ войны: Марса и родственнаго ему Квирина. Древнеиталійскій Марсъ гораздо тѣснѣе связанъ съ государствомъ и со всею жизнію народа, чѣмъ греческій богъ военной тревоги. Сначала его чествовали въ образѣ оборонительнаго и наступательнаго оружія, щита и копья, какъ видно изъ римскаго сказанія о щитѣ, упавшемъ съ неба, которому покланялись какъ государственному палладіуму и къ которому присоединили въ послѣдствіи еще одиннадцать щитовъ (такъ называемыхъ анцилій). Къ Марсову культу примыкаетъ у Сабинцевъ Священная Весна (Ver Sacrum), важный для колонизаціи обычай, по которому всѣ люди и животныя, родившіеся въ извѣстномъ году, посвящались богамъ: черезъ двадцать лѣтъ люди выселялись и

основывали новыя колоніи, а животныя тотчасъ приносились въ жертву. Такимъ образомъ произошли Пицены, которыхъ вела священная птица божества — пикусъ (дятелъ), и Гирпинцы, послѣдовавшіе за другимъ, тоже посвященнымъ Марсу животнымъ, — за волкомъ. Квиринъ былъ древнѣйшимъ сабинскимъ божествомъ копья и войны, которое перешло въ Римъ и тамъ слилось съ понятіемъ о Ромулѣ, основателѣ города. Соль (Солнце) и Люна (мѣсяцъ) также были древними сабинскими божествами. — Такъ какъ населеніе Рима состояло изъ Латинянъ, Сабинцевъ и Этрусковъ, то туда же перешли всѣ принадлежавшія этимъ народамъ божества и религіозныя учрежденія. Во главѣ этихъ учрежденій стояли главные жрецы (pontifices), какъ блюстители государственной религіи, и первосвященникъ (pontifex maximus), какъ высшая духовная власть. Главные жрецы были «строителями мостовъ», разумѣвшими тайну мѣръ и чиселъ, вслѣдствіе чего на нихъ лежала также обязанность вести государственный календарь, возвѣщать народу полнолуніе и новолуніе и заботиться о томъ, чтобы каждое богослуженіе и судебное дѣйствіе происходило въ надлежащій день. Въ средѣ этого общества главныхъ жрецовъ возникли начатки исторіи и права. Священные обряды совершались жрецами (flamines); каждое изъ важнѣйшихъ божествъ и святилищъ имѣло одного или многихъ жрецовъ, изъ которыхъ однако наибольшимъ уваженіемъ пользовался жившій на Палатинскомъ холмѣ жрецъ Юпитера (flamen Dialis). Во главѣ религіозныхъ учрежденій въ честь Марса стояла жреческая община двѣнадцати Саліевъ («Плясуновъ»), исполнявшихъ въ мартѣ военную пляску съ припѣвомъ; двѣнадцать арвалійскихъ (полевыхъ) братьевъ служили Янусу, Юпитеру и Юнонѣ, «производящей богинѣ», которую призывали въ маѣ, прося обильной жатвы. Въ позднѣйшее время, когда въ Римъ проникла философія, образовалось множество божествъ, въ основаніи которыхъ лежало пантеистическое воззрѣніе, такъ что эти божества служили только аллегорическимъ выраженіемъ извѣстныхъ понятій, какъ напримѣръ Викторія (побѣда), Конкордія (согласіе), Рома (сила), Фидесъ (вѣрность), Квіесъ (покой), Фебрисъ (лихорадка), Мефитисъ (вредныя испаренія) и мн. др. Позднѣйшія сношенія съ Греками еще увеличили число римскихъ боговъ; поклоненіе вѣщимъ Сибилламъ, въ особенности кумской, и ихъ изреченія — Сибиллинскія книги, повидимому, тоже заимствованы изъ Греціи. — Италійскіе народы, въ особенности Латиняне

и Сабинцы, сначала не имѣли склонности къ богамъ въ образѣ человѣческомъ; божества ихъ были олицетвореніемъ понятій безъ ясныхъ и постоянныхъ образовъ и миѳологіи, и вотъ почему они такъ часто перемѣшивались. Только вліяніе греческой пластики и миѳической поэзіи внесло въ религію италійскихъ народовъ болѣе рѣзкія разграниченія и болѣе реальный культъ. Какъ Грекамъ все представлялось конкретно и тѣлесно, такъ Римлянину были доступны лишь отвлеченныя, совершенно прозрачныя формулы, и именно потому не могъ онъ начинать съ запаса древнихъ сказаній, смыслъ которыхъ былъ утраченъ имъ. Въ греческой миѳологіи преобладали лице и свобода, въ римской — понятіе и необходимость. «Во всей природѣ, говоритъ Момсенъ, обожалъ Италіецъ духовное и общее; каждому явленію, — какъ человѣку, такъ и дереву, какъ государству, такъ и домашней кладовой (penus — кладовая, penates — домашнія божества) — приданъ съ ними возникающій и съ ними преходящій духъ, духовный снимокъ съ физическаго подлинника. Собственно говоря, созданіе миѳовъ чуждо Италійцу. Божества его суть понятія, вообще не достигающія надлежащей личной законченности, а тѣмъ менѣе въ свѣжее первобытное время, и не образующія жизнеописаній съ приключеніями любви и съ борьбою; люди, даже самые великіе и славные, оставались въ его глазахъ смертными; сочувственное воспоминаніе и полная любви разработка преданія не возвысили ихъ, какъ въ Греціи, на степень богоподобныхъ героевъ».

§ 15. Религіозныя вѣрованія Кельтовъ и Германцевъ. Древніе Германцы, сначала раздѣлявшіе безформенное міровое пространство на царство мрака (Нифльгеймъ) и царство огня (Муспельгеймъ), прежде всего поклонялись звѣздамъ, познаніе которыхъ они вѣроятно вынесли при переселеніи на западъ изъ своего восточнаго отечества; землѣ (Герта, Нертъ), и сверхъ того огню и другимъ стихіямъ, пока личныя божества, особенно Воданъ (Одинъ), первообразъ дѣятельной и борящейся богатырской силы и отецъ вселенной, не сдѣлались предметомъ поклоненія ихъ въ мрачныхъ лѣсахъ Германіи. Супруга Одина Фригга была покровительницею браковъ (отсюда нѣмецкое слово Freitag, пятница, образовавшееся изъ Friatag–Friggatag); сыновьями его были Торръ (Donner, громъ, отсюда Donnerstag, четвергъ) и Тіу или Ціу (Тиръ), богъ войны (отсюда слово Dienstag, вторникъ); двѣнадцать Азовъ, творящихъ и зиждущихъ божествъ, помогаютъ ему въ управленіи міромъ; къ нимъ при-

числяется Локи, представитель злаго начала въ сѣверной миѳологіи. Другіе сыновья Водана: Бальдеръ, чистый, безгрѣшный богъ свѣта, о смерти котораго сокрушается вся одушевленная и неодушевленная природа, Браги, богъ поэзіи, съ супругой Идунной, богиней безсмертія, только полу-боги. Германцы высоко чтили еще богиню любви и плодородія Фрейю (Фрова, отсюда нѣмецкое слово Frua, Frau, женщина; сначала она была тождественна съ Фриггою, хотя онѣ и различаются въ миѳологіи; богомъ, соотвѣтствующимъ этой богинѣ, былъ Фро, откуда слово Fron). Три страшно возвышенныя дѣвы, по имени Норны, суть мощныя силы, властвующія надъ богами и пріуготовляющія судьбу человѣка.—Какъ у Грековъ Титаны и Гиганты, такъ у германскихъ и скандинавскихъ народовъ представителями внѣшнихъ естественныхъ силъ являются великаны, между тѣмъ какъ пребывающіе въ нѣдрахъ земли карлики, съ которыми въ родствѣ Эльфы (духи, обитающіе частію въ небесныхъ пространствахъ, частію подъ землею), означаютъ внутреннія силы природы. Герои, павшіе въ бою и взятые съ поля битвы дѣвами войны (Валькиріи), вооруженными копьемъ, щитомъ и шлемомъ, блаженствуютъ въ Вальгаллѣ, тогда какъ безкровно умершіе поступаютъ въ печальное царство гнѣвной Гелы (отсюда Hölle, адъ). Германцы приносили въ жертву людей, обыкновенно употребляя для этой цѣли преступниковъ, военноплѣнныхъ и рабовъ. Тоже самое было въ обычаѣ у кельтическихъ народовъ, заселившихъ западъ Европы (Пиринейскій полуостровъ, Галлію, Британнію), у которыхъ хранителями религіозныхъ тайнъ и всякой мудрости было жреческое сословіе—друиды, пользовавшіеся сильнымъ вліяніемъ, богатствомъ, многими правами и преимуществами, и отличавшіеся отъ народа одеждою и особенными знаками своего достоинства. Колдуны и гадатели играли важную роль у германскихъ и кельтическихъ народовъ. Женственныя божества, Феи, соотвѣтствующія греческимъ Нимфамъ и Паркамъ, пряли нить человѣческой жизни и судьбы: онѣ принадлежатъ романскимъ народамъ (изъ латинскаго fatum, судьба, образовалось итальянское слово fata, французское fée, какъ изъ nata—neé).

Друиды, раздѣлявшіеся на нѣсколько разрядовъ по степени своей важности, получавшіе по преданію и хранившіе тайны высокой мудрости, какъ исключительное достояніе своего сословія, были жрецами, судьями и предсказывали будущее. Вліяніе ихъ, какъ единственныхъ людей, которые обладаютъ познаніемъ тайнъ религіи, со-

крытыхъ въ многочисленныхъ обрядахъ и правилахъ, познаніемъ національныхъ законовъ, божескаго и человѣческаго права, лѣтосчисленія и цѣлебныхъ средствъ (гдѣ важную роль играла дубовая омела), было чрезвычайно сильно, такъ что они составляли страшную іерархію, господствовавшую неограниченно и превратившую кельтическія государства въ жреческія. Сословіе друидовъ состояло подъ властію собственнаго начальника, избираемаго самими жрецами, имѣло свои школы, продолжавшія религіозное преданіе отцевъ, свои привилегіи, именно свободу отъ податей и военной службы, свои ежегодные съѣзды, происходившіе близь Шартра, «въ средоточіи кельтической земли», и общину вѣрующихъ, исполненную слѣпаго повиновенія и гнетущей набожности. Понятно, что такое жреческое сословіе пыталось проникнуть и отчасти проникло въ свѣтское управленіе: оно присвоило себѣ право отрѣшать отдѣльныя лица и цѣлыя общины отъ религіознаго, а слѣдовательно и гражданскаго единенія; умѣло захватить въ свои руки важнѣйшія гражданскія дѣла, именно тяжбы о межахъ и наслѣдствѣ, расширило кругъ своей судебной дѣятельности и даже рѣшало вопросъ о войнѣ и мирѣ. У кельтическихъ народовъ было также сословіе жрицъ, друидянокъ, будто бы обладавшихъ искусствомъ предсказывать будущее и волшебными чарами. Главною родиной друидизма считалась Британнія. Громадные ряды камней въ Стонгенджѣ (въ Англіи), пирамидальные столбы въ Киберонѣ (во Франціи) считаются памятниками друидовъ, а находимыя иногда плиты, лежащія поперегъ на подставкахъ,—ихъ алтарями. Они поклонялись богамъ въ священныхъ рощахъ, съ жертвоприношеніями и таинственными обрядами, слѣды которыхъ доселѣ встрѣчаются въ народѣ. Друидизмъ училъ переселенію душъ, ограниченному троекратною перемѣною тѣла, посмертному возмездію и существованію душъ за гробомъ. Какъ въ земной жизни душѣ предстоитъ пространствовать три круга бытія, такъ и за гробомъ поступаетъ она сначала въ кругъ мѹки, потомъ совершаетъ кругъ очищенія и наконецъ переходитъ въ область вѣчнаго, ничѣмъ несмущаемаго, блаженства. Друидизмъ, хотя и былъ естественною религіей, основанною на поклоненіи природѣ, однако отличался отъ восточныхъ религій тѣмъ, что божества его имѣли болѣе личный характеръ. Повсюду у друидовъ стоятъ на первомъ мѣстѣ два главныя божества: съ одной стороны—творящій и благодѣтельный богъ, создатель міра, основатель земледѣлія и гражданскаго порядка, носив-

шій на Британскихъ островахъ названіе Гу (ему были посвящены быки); съ другой—производящая, дарующая растительность и хлѣбъ богиня земли, подобная греческой Деметрѣ, Церидвена; остальныя божества частію тѣже самыя подъ другими формами и названіями, частію принадлежащіе къ нимъ служебные духи.

§§ 15 б. Заключеніе и общіе выводы. Во всѣхъ изложенныхъ выше религіозныхъ ученіяхъ обнаруживается стремленіе постигнуть божество, присутствіе котораго ощущалъ человѣкъ и въ природѣ, и въ самомъ себѣ, и болѣе или менѣе приблизиться къ нему развитіемъ божественной стороны души человѣческой. Между тѣмъ какъ симитскіе народы, именно Вавилоняне, стремились къ этой цѣли путемъ изслѣдованія внѣшней природы, наблюденія надъ движеніемъ солнца и звѣздъ и вліяніемъ ихъ на жизнь земли и человѣка, Индійцы, погрузившись въ тайны мірозданія, старались опредѣлить отношенія человѣческой души къ душѣ міра, мірозданія къ божеству, посредствомъ мечтательнаго созерцанія развить зародышъ духовнаго начала, таящагося внутри человѣка, и возвратить его снова къ первоначальному источнику всякаго бытія; Египтяне соединяли въ себѣ оба направленія, выработали изъ нихъ религіозное ученіе, соотвѣтственное естественнымъ особенностямъ края и народному характеру, сверхъ того поклонялись вѣчной неизмѣнности законовъ божества въ постоянныхъ естественныхъ свойствахъ животныхъ, а Греки наполнили вселенную божественнымъ духомъ и облагородили человѣка, давъ божествамъ человѣческій образъ и возвысивъ организмъ человѣка до идеальной красоты. Въ основаніи этихъ главнѣйшихъ религіозныхъ направленій языческаго міра лежало пантеистическое воззрѣніе, — мысль, что матерія и все сотворенное проникается, оживляется и одухотворяется божествомъ. Пантеизмъ есть общее отличительное свойство всѣхъ языческихъ религій. Это не значитъ, чтобы надо было непремѣнно допустить переходъ религіознаго ученія отъ одного изъ названныхъ народовъ къ другому; нѣкоторыя понятія и формы конечно могли быть заимствованы ими другъ у друга; общеніе между народами и поэзія мѣстами могли сплотить чужое и свое въ одно цѣлое, въ одинъ миѳъ; но цѣльныя религіозныя системы, каждая съ своимъ миѳическимъ міромъ и сво-

ими обрядами, возникали первоначально въ собственномъ духѣ этихъ народовъ путемъ свободнаго мышленія: онѣ—плоды собственной пытливости и дѣятельности каждаго народа, отблескъ собственной его духовной жизни. Сходство между религіозными вѣрованіями различныхъ народовъ языческаго міра происходитъ отъ единства человѣческой природы и отъ неспособности человѣческаго духа—постигать безъ откровенія свыше духовный первоначальный источникъ проявленій божества, и въ разнообразіи познавать единство. Всякое религіозное воззрѣніе, не основанное на теизмѣ (ученіе о единомъ Богѣ и Его откровеніи), необходимо приводитъ къ пантеизму; ибо божественныя силы, разсматриваемыя порознь, безчисленны; онѣ достигаютъ единства лишь въ понятіи о единой первоначальной творческой силѣ, которая существовала отъ вѣка, существуетъ и будетъ вѣчно существовать, и изъ которой исходитъ всякая жизнь и всякая сила. Близкій къ природѣ человѣкъ, въ своемъ стремленіи постигнуть божество, не могъ возвыситься до представленія о единомъ личномъ Богѣ, создавшемъ небо и землю, управляющемъ вселенною по вѣчнымъ законамъ и опредѣляющемъ судьбы народовъ и людей по неисповѣдимымъ Своимъ начертаніямъ. Только одному небольшому народу, Евреямъ, окруженному язычниками, дано было создать изъ себя и развить такія вѣрованія. У нихъ поклоненіе живому Іеговѣ побѣдило языческія заблужденія, какъ часто ни силились послѣднія утвердиться между ними съ своими чувственными и любострастными формами, и въ сознаніи такого превосходства «избраннаго народа» надъ всѣмъ язычествомъ восклицаетъ Соломонъ въ «Книгѣ премудрости»:

«Суетни убо вси человѣцы естественнѣ, въ нихже обрѣтается невѣдѣніе о Богѣ, и отъ видимыхъ благъ не возмогоша уразумѣти Сущаго, ни дѣломъ внемлюще познаша хитреца; но или огнь, или духъ, или скоръ воздухъ, или кругъ звѣздный, или зѣлную воду, или свѣтила небесныя, строители міру боги (быти) возмнѣша. Ихже аще убо красотою услаждающеся, сія боги возмнѣша, да увидятъ, колико сихъ Владыка есть лучшій: красоты бо родоначальникъ созда я. Аще же силѣ и дѣйствію удивишася, да уразумѣютъ отъ нихъ, колико сотворивый сія сильнѣйшій есть: отъ величества бо

красоты созданій сравнительно рододѣлатель ихъ познавается» [1].

5. Понятіе, источники и раздѣленіе исторіи.

§ 16. Исторія повѣствуетъ о возникновеніи, ростѣ и паденіи государствъ, о происхожденіи, развитіи и упадкѣ народовъ. Ибо все на землѣ подвержено вѣчному измѣненію, и судьбы народовъ сходны съ судьбами отдѣльныхъ лицъ. Каждый народъ переживаетъ радостную пору юности, когда развиваются всѣ его силы; каждый имѣетъ свою пору зрѣлости, когда внѣшнее величіе соединяется съ цвѣтущимъ внутреннимъ состояніемъ, и свою старость, когда слабѣютъ силы, и народъ принужденъ покориться или уступить мѣсто другому, болѣе сильному народу. Въ первомъ періодѣ исторіи народа, главнымъ предметомъ историческаго изложенія служатъ военные подвиги; во второмъ — государственныя учрежденія, судъ и литература; въ третьемъ — борьба партій и запутанныя (сложныя) условія утонченной перезрѣвшей образованности. При этомъ исторія народа обнаруживаетъ ту истину, что любовь къ отечеству (патріотизмъ), гражданская доблесть и простота нравовъ сообщаютъ величіе царствамъ и народамъ, а себялюбіе (эгоизмъ) и проистекающія изъ него разъединеніе, сладострастіе и изпѣженность ведутъ ихъ къ неизбѣжной гибели.

§ 17. Такъ какъ царства и народы существовали прежде появленія письменности, и люди вели войны и устроивали свои гражданскія отношенія прежде, чѣмъ стали записывать свои дѣянія, то мы имѣемъ весьма скудныя, почерпнутыя изъ сомнительныхъ источниковъ извѣстія о древнѣйшей исторіи міра. Источниками этихъ извѣстій служатъ то поэтическіе вымыслы и народныя пѣсни, то изустное преданіе (традиція), переходившее изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ народа къ народу, но принимавшее въ себя

[1] Книга премудрости Соломона, глава 13, ст. 1—5.

чуждыя и сказочныя дополненія, то историческіе памятники, напримѣръ межевые знаки, могильныя насыпи, монументы, развалины древнѣйшихъ строеній, надписи, монеты, сосуды, оружіе и т. п. Оттого древнѣйшая исторія, перемѣшанная съ сказаніями, миѳами и вымыслами, имѣетъ сказочный (миѳическій) характеръ, и гораздо важнѣе для эпической поэзіи, которая съ особенною любовью заимствуется матеріаломъ изъ героическаго періода, чѣмъ для исторіографіи. Послѣдняя тогда только получаетъ характеръ достовѣрности, когда нѣсколько писателей, современныхъ другъ другу или раздѣленныхъ между собою не слишкомъ большими промежутками пространства и времени, сообщаютъ намъ, что они видѣли, изучили или слышали. По мѣрѣ того, какъ возвышается уровень образованности, познаніе историческихъ событій выигрываетъ въ ясности и истинѣ, такъ что избытокъ письменныхъ источниковъ наконецъ приготовляетъ изслѣдователю новыя затрудненія совершенно инаго рода.

Историки часто пользовались первобытными національно-эпическими вымыслами и народными пѣснями, какъ источниками для древнѣйшей исторіи; такъ пользовался ими Ливій въ своей римской исторіи, Павелъ Діаконъ и Іорнандъ въ исторіи Лангобардовъ и Готовъ, Саксонъ Грамматикъ въ датской исторіи; но въ этомъ источникѣ древнѣйшей исторіи вымыселъ такъ перемѣшанъ съ историческою истиной, что невозможно отдѣлить ихъ; напротивъ, попытки историческаго толкованія этихъ вымысловъ и пѣсней часто ведутъ къ уклоненію отъ исторической истины, ибо въ такомъ толкованіи воображеніе и заранѣе составленное мнѣніе нерѣдко получаютъ слишкомъ много вліянія. Тоже можно замѣтить о миѳологическихъ сказаніяхъ, какъ источникѣ историческомъ: историческіе результаты, добытые изъ нихъ чрезъ символическое ихъ толкованіе, въ высшей степени шатки. Гораздо важнѣе для исторіи монеты и надписи, особенно для частной спеціальной исторіи извѣстныхъ мѣстностей, городовъ, острововъ и т. д. Сюда же относятся надгробные памятники съ находимыми въ нихъ саркофагами, утварью, оружіемъ, урнами и т. п. Для исторіи Кельтовъ и Германцевъ особенно важны въ этомъ отношеніи великанскія могилы (Hünengräber), находимыя въ сѣверной Германіи, Нидерландахъ, Англіи, Шотландіи, Франціи и другихъ мѣстахъ. Эти могилы частію

расположены цѣлыми рядами и въ большомъ числѣ, частію устроены одиночно на высотахъ, въ лѣсахъ и уединенныхъ мѣстностяхъ, и состоятъ то изъ высокихъ, то изъ незначительныхъ кургановъ, имѣющихъ округлую форму, и часто заключаютъ въ себѣ остатки сожженныхъ труповъ или несожженныхъ остововъ, урны и другіе сосуды, оружіе и различную домашнюю или общественную утварь изъ камня, рога и металла.

§ 18. До изобрѣтенія книжной печати (1440 г.), историческія свидѣтельства только записывались, подобно всѣмъ произведеніямъ литературы, и, какъ рукописи (манускрипты), сохранялись въ библіотекахъ. Онѣ писались на пергаментѣ или папирусѣ, цѣлые вѣка лежали въ пыли монастырскихъ библіотекъ, нерѣдко стирались и по стертому писались вновь, получая въ такомъ случаѣ названіе палимпсестовъ. Распространеніе ихъ посредствомъ переписки обходилось дорого и стоило большихъ трудовъ. Впослѣдствіи съ рукописей сдѣланы были печатныя изданія, способствовавшія быстрому распространенію историческихъ свѣдѣній и знакомству съ произведеніями духовной дѣятельности древняго міра. Но и теперь существуютъ рукописные источники, которые должны быть приняты въ соображеніе историкомъ, въ особенности если онъ описываетъ запутанныя и сложныя событія и обстоятельства нашего времени. Эти источники состоятъ изъ писемъ, договоровъ, записокъ (мемуаровъ) и пр., въ особенности изъ бумагъ, писанныхъ дипломатами (лицами, которыя завѣдываютъ дѣлами государей и правительствъ) и сберегаемыхъ въ архивахъ. Перечень историческихъ событій по годамъ, безъ внутренней связи между ними, называется лѣтописью или хроникою; напротивъ, прагматическая исторія стремится въ изложеніи событій показать сцѣпленіе причинъ и слѣдствій, внутренній смыслъ и взаимную связь явленій и фактовъ.

§ 19. Однако недостаточно знать случившееся; необходимо еще знакомство съ тою мѣстностію и страною, гдѣ произошло то или другое событіе, и время, когда произошло оно. Первое узнается изъ географіи, или землевѣдѣнія, и топографіи, или мѣстовѣдѣнія; второе—изъ хронологіи, или времевѣдѣнія. Лѣтосчисленіе (эра) не у всѣхъ народовъ одинаково. Тогда какъ христіанскіе народы ведутъ времесчи-

сленіе отъ Рождества Христова, послѣдовавшаго въ царствованіе императора Августа, Евреи считаютъ отъ сотворенія міра (5619), а мухаммеданскіе народы отъ бѣгства ихъ пророка (по-арабски Гиджра, 16-го іюля 622 г. по Р. Х.). Греки считали по олимпіадамъ, начавшимся съ 776 г. до Р. Х., Римляне обозначали свои года по правительствовавшимъ консуламъ и отъ построенія города Рима (urbe condita, или сокращено: U. C., 753 г. до Р. Х.); другіе народы начинали лѣтосчисленіе съ иныхъ достопамятныхъ событій. Генеалогію также можно считать вспомогательною историческою наукой; она своими родословными таблицами выясняетъ послѣдованіе и взаимную связь владѣтельныхъ домовъ и династій.

§ 20. Для легчайшаго обозрѣнія всемірную исторію раздѣляютъ на слѣдующія главныя эпохи: I. Древній міръ, гдѣ преобладали республиканскія и деспотическія формы правленія и языческое богослуженіе. Онъ оканчивается великимъ переселеніемъ народовъ (въ 5 в. по Р. Х.), которое ведетъ ко II-й эпохѣ, Среднихъ Вѣковъ, отличающихся многосложнымъ феодальнымъ бытомъ, съ строгимъ раздѣленіемъ народа на три сословія: военное, учительное и промышленное или рабочее, то-есть на дворянство, духовенство и мѣщанство съ сельчанами, — все подъ господствующимъ вліяніемъ папской и церковной іерархіи. Вліяніе это рушится реформаціею (1517), послѣ того какъ открытіе Америки (1492) и возрожденіе искусствъ и наукъ расширили тѣсный кругъ средневѣковаго воззрѣнія. Отсюда возникаетъ III эпоха — новаго времени, гдѣ видимъ возвышеніе промышленнаго класса и опирающейся на постоянныя войска власти государей, пока стремленія къ личной свободѣ и признанію присущихъ человѣку правъ достигаютъ крайнихъ своихъ предѣловъ во французской революціи (1789) и открываютъ собою новѣйшее время, котораго главнымъ направленіемъ является стремленіе къ уравненію въ правахъ всѣхъ сословій, къ участію народа въ жизни государственной и къ возведенію всеобщихъ нормъ права на степень высшаго государственнаго начала.

ВОСТОЧНЫЕ НАРОДЫ.

—

§ 21. Географическій очеркъ Азіи. Черезъ всю Азію, по срединѣ ея, тянется съ разнообразнѣйшими возвышеніями и пониженіями громадное плоскогорье, отъ Чернаго моря до Кореи, раскидывающееся почти вѣерообразно съ запада на востокъ; къ сѣверу отдѣляется оно отъ смежныхъ долинъ Алтаемъ и другими горными хребтами, а къ югу — полною миѳическихъ чудесъ Гималайскою цѣпью. Хребетъ Гиндуку (Паропамизъ древнихъ) дѣлитъ это плоскогорье на бо́льшую, восточную, и мѐньшую, западную, половину. Оно настоящій остовъ Азіи, тотъ главный кряжъ, къ которому низменныя части края примыкаютъ въ пяти главныхъ группахъ, между которыми возвышаются опять разныя меньшія плоскогорья, отдѣляемыя отъ главнаго хребтами и по большой части выдвигающіяся далеко въ море, въ видѣ полуострововъ. Изъ послѣднихъ важнѣйшіе — Аравійско-Сирійскій и Верхнеиндійскій. Горные хребты Азіи, образующіе южную, сѣверную и восточную окраины срединнаго плоскогорья, группируются вкругъ слѣдующихъ главныхъ системъ: 1. Таврскаго хребта, съ богатымъ сагами Араратомъ, пересѣкающаго Малую Азію въ двухъ направленіяхъ; 2. Хребта Имаусъ, имѣвшаго неопредѣленное и обширное значеніе у древнихъ, котораго восточнымъ продолженіемъ считалась Гималайя (горы Эмоди), съ преданіями о райскихъ жилищахъ первобытнаго человѣчества на ея покатостяхъ, обильныхъ домашними животными, хлѣбомъ, садовыми плодами и всякой овощью, а западнымъ признавался Паропамизъ, или Гиндуку, который со временъ Александрова похода сталъ извѣстенъ подъ именемъ индійскаго Кавказа; 3. Алтайскаго горнаго хребта съ его продолженіями къ востоку (Даурскими горами) и къ западу (Музтагомъ и хребтомъ Тхянь-Шань); 4. Гиперборейскихъ горъ

(Урала), къ сѣверо-востоку отъ Каспія, на рубежѣ Азіи и Европы; 5. Высокаго, вѣчнымъ снѣгомъ одѣтаго Кавказа, между Каспійскимъ и Чернымъ морями; 6. Хребта Хинганъ, которымъ китайская низина отдѣляется отъ великаго плоскогорья. «Въ Азіи, говоритъ многоопытный Грекъ Гиппократъ, все родится крупнѣе и прекраснѣе; климатъ тамъ мягче нежели во всякой другой странѣ, народы кротче и сильнѣе, животныя сыты и плодучи, люди полны, красивы и высоки; тѣлосложеніемъ и чертами лица они мало отличаются отъ Европейцевъ, но нравами миролюбивѣе ихъ и не такъ воинственны: все это оттого, что небо тамъ ровнѣе и не допускаетъ противоположностей; частыя перемѣны воздуха возбуждаютъ страсти и дѣлаютъ людей непостояннѣе.» — Исторія разсматриваетъ только югъ и западъ Азіи, гдѣ развивались государства съ прогрессивнымъ образованіемъ и измѣняющимися политическими формами, каковы Индія, Мидія и Персія, державы Месопотаміи, Сиріи, Малой Азіи и друг.; неподвижное Китайское царство на востокѣ и сѣверъ Азіи, населенный кочевыми племенами (Скиѳами), не имѣютъ исторіи: тамъ видимъ только болѣе или менѣе прочныя общественныя отношенія, иногда, какъ напримѣръ въ Китаѣ, съ оттѣнкомъ внѣшней цивизаціи, иногда, какъ у Скиѳовъ и Сарматовъ, во всей наготѣ первобытной грубости. Жители Египта, хотя онъ и составляетъ часть Африки, причисляются къ восточнымъ же народамъ, потому что ихъ бытъ и учрежденія или заимствованы изъ Азіи, или находятся съ нею въ близкомъ сродствѣ.

I. Полуостровъ Малая Азія былъ населенъ различными племенами ѳракійскаго, сирійскаго, финикійскаго и неизвѣстнаго происхожденія; всѣ три берега его покрыты были греческими колоніями, которыхъ предѣлы часто простирались далеко въ глубь края и которыя имѣли сильное вліяніе на ходъ образованности и учрежденія первобытныхъ жителей. Его всемірно-историческое значеніе зависитъ оттого, что онъ по положенію своему былъ посредникомъ между великимъ азійскимъ плоскогорьемъ и Европою, путемъ взаимнаго обмѣна житейскаго образованія, или такъ-называемой культуры. Окаймленная бухтами и мысами, изрѣзанная рѣками и лѣсистыми горами страна, обладая притомъ прекраснымъ, умѣреннымъ климатомъ, была особенно удобна для торговли и судоходства; стада козъ и овецъ, произведенія всякаго рода (хлѣбъ, вино, масло, южные плоды, мѣха, шерсть, мраморъ и металлы) были здѣсь въ изобиліи. — Главный горный хребетъ — многовѣтвистый Тавръ, отъ котораго

идутъ двѣ сѣверныя отрасли, одна къ юго-восточному берегу Чернаго моря до самой Колхиды, другая— черезъ Арменію вдоль южнаго берега Каспія, между тѣмъ какъ южный отрогъ простирается черезъ Киликію (Киликійскія тѣснины) до Евфрата, а за Тигромъ тянется подъ разными именами по Мидіи, Парѳіи, Гедрозіи и другимъ странамъ. Среди бѣлковъ (снѣжныхъ пиковъ) этого хребта зеленыя горныя пажити и прекрасные дубовые, сосновые и яворовые лѣса спускаются долу до плодоносныхъ низменностей. Къ важнѣйшимъ высотамъ его принадлежатъ въ Малой Азіи Ида, Олимпъ, металлоносный Сипилъ, Тмолъ, Мессогисъ и друг. Главныя рѣки, принадлежащія къ покати (бассейну) Чернаго моря (Понта Эвксинскаго), — Фазисъ, Галисъ, Парѳеній и Сангарій; Мраморнаго моря (Пропонтиды): Риндакъ (гдѣ въ 73 г. до Р. Х. Лукуллъ разбилъ Митридата) и Граникъ. Эти, къ сѣверу текущія рѣки, пересѣкаютъ внутри края — гдѣ скалистыя возвышенности, гдѣ пустыя безлѣсныя пространства, прерываемыя глубокими падями или стѣснившимися въ кучу вулканически горами и озерами, а индѣ орошаютъ чрезвычайно плодоносныя, роскошныя низины, которыхъ температура мѣстами особенно возвышается отъ волканическаго свойства почвы. Рѣки, впадающія въ Эгейское море: Скамандръ, Гермъ, со многими притоками, Каистръ, Меандръ. Въ нихъ собираются воды съ горныхъ уступовъ, доходящихъ вплоть до моря. Эти уступы то врѣзываются крутыми известковыми скалами и утесистыми предгорьями въ блестящую синеву морскихъ волнъ, то близятся къ берегу покатыми холмами; гдѣ остаются свободными широкія, гдѣ только узкія прибрежныя равнины, но всѣ онѣ необыкновенно плодоносны и одѣты маслинами и виноградною лозой. Во внутреннее (Ликейское) море, у южнаго берега, впадаютъ Главкъ, Ксанѳъ, Кестръ, Эвримедонъ (морская битва 469 г.), Каликаднъ (здѣсь ум. Фридрихъ Барбаросса 1190 г.), Киднъ (Александръ Македонскій), Саръ. — Страны Малой Азіи: 1. Мизія, съ областію Трои (Иліона) и развалинами Новаго Иліона, возникшаго подъ македонскимъ владычествомъ, на югъ отъ древняго, плодоносная, водообильная земля, съ обширными лугами, подгорными лѣсами и множествомъ пастбищъ; важнѣйшіе города были грѣческаго происхожденія и принадлежали къ эолійскому союзу (см. § 59). 2. Лидія, волканическій, богатый виноградниками и плодоносный край, часто страдавшій отъ землетрясеній. Народъ, первоначально воинственный, со временъ Кира приходитъ въ изнѣженность; обогатившись

торговлей и промышленностью, впалъ онъ въ роскошь и безнравственность, потѣшался игрою на флейтѣ и въ шахматы, первый придумалъ гостинницы и харчевни. Побережные города принадлежали къ іонійскому союзу (§ 59); внутри края замѣчательны: Сарды, съ высокою на крутой скалѣ построенною твердыней, или замкомъ, гдѣ жили лидійскіе цари и потомъ персидскіе сатрапы; Ѳіатира, съ багрецовыми красильнями, Аполлонія, Магнезія при Сипилѣ (битва 190 г.); въ царствованіе Тиберія бо́льшая часть городовъ разрушена землетрясеніемъ. На западномъ берегу близость моря умѣряетъ и лѣтній зной и зимній холодъ, а соединеніе моря съ горами, нагорнаго воздуха съ морскимъ вѣтромъ, пути сообщенія, открываемые Гермомъ и Меандромъ на востокъ въ глубь края, тогда какъ къ западу тихое, спокойное море обезпечиваетъ переѣздъ на многочисленные сосѣдніе острова, — все вмѣстѣ дѣлаетъ это побережье Эгейскаго моря одною изъ лучшихъ, удобнѣйшихъ къ воздѣлкѣ мѣстностей Малой Азіи. Множество годныхъ для пристаней бухтъ врѣзываются здѣсь въ крутой берегъ, да и лежащія передъ нимъ острова также представляютъ довольно помѣстительныхъ рейдовъ и якорныхъ стоянокъ. 3. Карія, населенная суровымъ, воинственнымъ, прославившимся морскими разбоями народомъ, который нанимался въ военную службу къ другимъ; онъ имѣлъ федеративное устройство, и союзный сеймъ собирался при общемъ храмѣ близь Стратоникеи. Къ важнѣйшимъ городамъ принадлежали: выстроенная изъ мрамора, бывшая столица карійскихъ царей Милаза; потомъ Магнезія при Меандрѣ, Траллесъ, богатая и роскошная Алабанда и др. 4. Ликія, гористый край, на берегу котораго было много греческихъ (дорійскихъ) колоній: Патара, Мира, Фазелисъ; жители имѣли республиканское союзное правленіе, были свободолюбивы, храбры и воинственны, но, подобно сосѣдямъ, преданы морскимъ разбоямъ; у нихъ главнымъ городомъ былъ Ксанѳъ въ очаровательной долинѣ того же имени. Они поклонялись богу свѣта, луконосцу Ликейосу, который у Грековъ прозванъ Аполлономъ, и до того уважали женщинъ, что сыновья обозначали происхожденіе свое по матери, а не по отцу. Ихъ смѣло и красиво расположенныя городскія твердыни было тѣсно обставлены гробницами покойниковъ, для которыхъ, чтобы достойно почтить ихъ память, цѣлыя массы скалъ превращались въ гробовыя улицы и кладбища. 5. Памфилія, гористая, быстрыми горными потоками изрѣзанная страна, въ которой жилъ сбродъ изъ всѣхъ народовъ,

суровые удальцы, промышлявшіе морскими разбоями; здѣсь были также греческія колоніи, между прочимъ Аспендъ (аргивская). 6. Киликія, отчасти равнина, покрытая нивами, отчасти лѣсистый край, поросшій кедрами и сосной (корабельнымъ лѣсомъ); жители были смѣлые, отважные морскіе разбойники, гнѣздившіеся въ крѣпкихъ становищахъ. Важнѣйшіе города лежали на берегу и были греческаго происхожденія: Селинъ (гдѣ умеръ Траянъ), Селевкія, Тарсъ (родина Апостола Павла, съ высшимъ училищемъ), Иссъ (битва 333 г.). Отъ имени аргивскаго города Соле (въ послѣдствіи Помпейіополь) происходитъ, какъ увѣряютъ, слово солецизмъ, потому что жители отъ обращенія съ туземцами привыкли къ дурному говору или діалекту. 7 и 8. На сѣверъ отсюда простирались Каппадокія и Малая Арменія, край суровый, гористый, обильный киноварью и лошадьми, и населенный сирійскимъ племенемъ; здѣсь Римляне впервые начали строить города вмѣсто прежнихъ острожковъ и открытыхъ селеній; такъ основали они Цезарею (Кесарію, прежде Мазаку), Тіану (гдѣ жилъ чудодѣй Аполлоній), Мелитену среди плодоносной мѣстности, Назіанзъ (мѣстопреб. св. Григорія), Никополь, построенный Помпеемъ, и мн. др. Къ западу лежала 9. Ликаонія съ городомъ Иконіей и множествомъ овечьихъ стадъ, и Исаврія, населенная суровымъ и хищнымъ горскимъ народомъ, который отважною малою войной (партіями въ родѣ испанскихъ гверильясъ) отстаивалъ свою свободу даже противъ Римлянъ и однажды, въ войнѣ съ Пердиккою, самъ зажегъ свой главный городъ Исавру, гдѣ погибли въ огнѣ и всѣ его защитники. 10. Писидія, мѣстопребываніе вольнаго, храбраго, преданнаго разбою народа, съ городкомъ Антіохіей (Писидіей) и лакедемонскими, какъ увѣряютъ, поселеніями — Сельге и Сагалассомъ. 11. Фригія, гористый и волканическій, но плодоносный и обильный мраморомъ край (особенно близъ города Синноды), съ Келенами, Апамеею, Колоссами (посланіе ап. Павла), богатымъ торговымъ городомъ Лаодикеею (погибшимъ отъ землятресенія, о которомъ говорено), Дорилеономъ и др. 12. Галатія, въ 3 вѣкѣ до Р. Х. занятая послѣ многихъ хищническихъ набѣговъ однимъ племенемъ Кельтовъ и раздѣленная на три колѣна и на двѣнадцать независимыхъ, но связанныхъ союзомъ общинъ (тетрархій), надъ которыми Помпей поставилъ царемъ Дейіотара. Они были храбры, рослы и составляли отличное наемное войско. Города: Песинъ (съ знаменитымъ святилищемъ

«горной матери» Цибелы), Гордіонъ (древняя столица фригійскихъ царей; гордіевъ, правильнѣе — гордійскій узелъ), Анкира, съ караванною торговлею; главное богатство края — стада овецъ. 13. Виѳинія, плодоносная, обильная скотомъ страна, на берегу которой находились цвѣтущіе торговые города Грековъ, каковы Кій, Астакъ (мегарскій, мѣсто кончины Аннибала; неподалеку отсюда возникла въ послѣдствіи обширная Никомедія), Халкидонъ (насупротивъ Византіи, мегарскій), Гераклея и друг. Внутри замѣчательны Пруза, близь Олимпа, Никея, выстроенная правильнымъ четыреугольникомъ, Виѳиній и др. 14. Пафлагонія съ большимъ и изящнымъ городомъ Амастріей и богатымъ греческимъ торговымъ городомъ Синопомъ (§ 59. 2). 15. Понтъ, сѣвера-восточная полоса, по берегу Чернаго моря, населена разными воинственными варварскими племенами (въ томъ числѣ булатчиками Халибами), обильна плодами, медомъ, шерстью и минералами; изъ городовъ, кромѣ греческихъ колоній Кереза и Трапеза, особенно замѣчательны Фарнакія, Амазія (родина географа Страбона), Комана Понтійская съ знаменитымъ капищемъ и оракуломъ, гдѣ было много «вдохновенныхъ и восторженныхъ» и сверхъ того дѣвъ, «угождавшихъ плотію», какъ дщери Вавилона; Неокесарія, Зела (извѣстная побѣдою Цезаря надъ Фарнакомъ), Севастія и др. Малая Азія была главнымъ гнѣздилищемъ сладострастныхъ, безнравственныхъ идолослуженій съ зазорными обрядами (культъ Пріапа, Цибелы и др.). У Сиріянъ, недалеко отъ береговъ Чернаго Моря, находимъ служеніе богинѣ войны Ма, которую Греки называютъ «Артемидой быкоѣздницей» или Эніо, — служеніе, при которомъ женщины являлись въ мужскомъ вооруженіи и обязывались хранить дѣвственную чистоту, а мужчины приносили въ жертву свою дѣтородную способность. Этотъ священно-жертвенный обычай, существовавшій и въ собственной Сиріи и въ Финикіи, былъ повидимому источникомъ миѳовъ о дѣвственномъ народѣ Амазонокъ.

II. Кавказскія земли, Сарматія, Скиѳія. 1. Колхида слыла египетскою колоніей, основанною оставшимся здѣсь отрядомъ Сезострисова войска (отсюда и господствующій у жителей обычай обрѣзанія); она богата пенькой, льномъ (льняныя ткани), корабельнымъ лѣсомъ, мѣдомъ и воскомъ; города: Діоскурія (впослѣдствіи Севастополь), Археополь и др. 2. Иверія, благословенная страна, орошаемая рѣкою Куромъ (у древнихъ Киръ, въ русскомъ просторѣ-

чіи Кура); жители, мидо-ассирійскаго происхожденія, раздѣлялись на четыре касты. 3. Албанія, населенная миролюбивымъ народомъ, искуснымъ въ верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ лука (это предки Алановъ); Албаны раздѣлялись на двѣнадцать улусовъ или ордъ и имѣли обычай класть съ усопшимъ въ могилу все его имущество. — 4. Въ странѣ, извѣстной подъ именемъ Азіятской Сарматіи, между Дономъ (Танаисомъ) и Волгой (Ра), обитали разные полудикіе народы, которые носили общее названіе Сарматовъ или Савроматовъ и торговали съ греческими колоніальными городами по морскому берегу (Питій, Синда, Фанагорія, Танаисъ и др.), вымѣнивая у нихъ вино и ткани для платья на мѣха и невольниковъ. Они раздѣлялись на многія племена, вели по большой части кочевую жизнь и питались отъ стадъ и охоты, гоняясь въ болотахъ за оленями и вепрями, а на равнинахъ за дикими ослами и козами. Они были особенно богаты лошадьми. — 5. Обширныя пространства къ востоку отъ Каспійскаго моря, состоявшія отчасти изъ гористыхъ мѣстъ, отчасти изъ степей и луговъ, и прорѣзанныя рѣками Оксомъ (Аму-дарья) и Яксартомъ (Жейхунъ, или Сыръ-дарья), были обитаемы дикими кочевниками, Скиѳами, которые жили въ шатрахъ или кибиткахъ, выступали на бой верхомъ съ лукомъ и стрѣлами, и изъ содраной кожи убитыхъ враговъ приготовляли збрую, а изъ череповъ ихъ чаши для питья. Они управлялись племенными старшинами или родоначальниками, надъ которыми стоялъ царь съ самою неограниченною властью. Военноплѣнныхъ лишали зрѣнія и обрекали къ уходу за стадами и къ доенію молока; кто не убилъ хоть одного врага, тотъ на общихъ пирахъ не имѣлъ права пить изъ почетной круговой чаши. Къ Скиѳамъ причислялись дикіе, войнолюбивые Массагеты, Саки и др. Рѣка Оксъ и Каспійское море служили путемъ сообщенія между восточною и западною Азіей. Изъ Каспія товары шли вверхъ по Куру, потомъ въ четыре дня перевозились волокомъ черезъ горы до тѣхъ мѣстъ, гдѣ Фазисъ становится судоходнымъ, и наконецъ сплавлялись по этой рѣкѣ къ городу того же имени.

III. Серика и Индія. Восточный край, извѣстный древнимъ подъ названіемъ Серики (страны шелка), обнималъ собою часть Малой Бухаріи и сѣверо-западную полосу Китая. Жителей описываютъ народомъ мирнымъ, любящимъ спокойствіе и удобство, который, не смотря на живой караванный торгъ съ сѣверомъ и западомъ, избѣгалъ всякаго общенія съ другими народами, обиталъ въ боль-

шихъ, богатыхъ городахъ и доставлялъ прекраснѣйшія шелковыя ткани: всѣ эти показанія и теперь еще какъ разъ приходятся къ Китайцамъ. — Индія, которая, по своимъ драгоцѣннымъ произведеніямъ, уже издревле была цѣлію и средоточіемъ караванной и морской торговли, представляетъ, благодаря перемежкѣ береговыхъ полосъ съ сплошными внутренними пространствами и громадныхъ горъ съ обширными низменностями, величайшее разнообразіе въ климатѣ, произведеніяхъ и народномъ бытѣ. Ограниченная съ сѣвера, сѣверо-запада и сѣверо-востока высочайшими хребтами, въ томъ числѣ Гималайскимъ въ 300 верстъ длины, съ горою Давалагири, а съ южныхъ сторонъ омываемая моремъ, Индія образуетъ въ географическомъ, климатическомъ и историческомъ смыслѣ цѣлый отдѣльный материкъ, предназначенный отъ природы къ развитію внутри себя особаго рода общественности. Между исполинскимъ, снѣговымъ хребтомъ и равниною Индіи естественно образовалась страна уступовъ, по которой текутъ съ высотъ Гималайи громадныя рѣки (съ сѣверной стороны хребта — Индъ и Сетледжъ, съ южной—Джемна, Гангъ и Брамапутра) и въ направленіи къ юго западу и юго-востоку впадаютъ въ море. Западную границу составляетъ хречетъ Брагу съ плоскогорьемъ Келатскимъ, а восточную — богато надѣленный отъ природы Ассамъ. — Индійская низменность распадается на собственно такъ-называемый Индустанъ, или страну Инда и Ганга, отъ Гималайи до бездорожнаго, лѣсистаго, населеннаго дикими животными хребта Виндъя, и отъ моря до моря къ западу и востоку, и на тропическое плоскогорье Деканъ.—Западный Индустанъ — это долина Инда (Синдъ) съ пятирѣчіемъ (Пенджабомъ), котораго преимущественно могаммеданскіе теперь народы суть потомки древнихъ Индовъ; чрезвычайно плодоносный средній Индустанъ, съ священною рѣкою Гангомъ, былъ главнымъ сѣдалищемъ индійской образованности, религіи, промышленности и жрецевластія. Здѣсь находились важнѣйшіе города всего края на Гангѣ — столицы самыхъ древнихъ царскихъ династій: Гастинапура и Пратистана, съ ихъ нѣкогда дивнымъ великолѣпіемъ, и Бенаресъ, вмѣстилище индійской мудрости, житейскаго образованія и учености; а на Джемнѣ древняя Индрапраста, предшественница Дельги, городъ Кришны Матура и древняя столица Агра, которая теперь въ развалинахъ. При сліяніи обѣихъ рѣкъ лежитъ городъ Аллахабадъ, куда, какъ и во многія другія мѣста, толпы на-

рода ходятъ на поклоненіе. Восточный Индустанъ заключаетъ въ себѣ плодоносную и людную страну Бигаръ, полную древнеиндійскихъ воспоминаній, съ развалинами цвѣтущей прежде столицы Паліботры, при сліяніи Ссоны съ Гангомъ, повыше нынѣшней Патры, а въ южной своей части — многоводный, дивно-плодоносный, но влажный, жаркій и изнѣживающій Бенгалъ, съ главнымъ городомъ Калькуттой. На обширной дельтѣ, гдѣ Гангъ сперва сливается съ Брамапутрой, а потомъ опять расходится на многіе рукава, массы водъ образуютъ горячія болота, въ которыхъ растительность до того могуча, чащи бамбуковаго тростника такъ густы и непроходимы, что эта огромная полоса неизбѣжно должна оставаться за носорогомъ, слономъ и тигромъ, который въ ея болотистыхъ зарослякъ находитъ себѣ настоящее приволье. Полуостровъ Деканъ состоитъ изъ внутренняго плоскогорья, изрѣзаннаго рѣчными долинами и дикими дебрями, и изъ плодоносныхъ низинъ, которыя тянутся вдоль побережья. Въ возвышенной внутренней части страны находимъ: 1. плодоносную Панджу съ рѣкою Кавери, съ мысомъ Кумари (Коморинъ), съ развалинами древнихъ городовъ и капищъ (пагодъ) и съ прежнею резиденціей раджи — Танджоромъ; 2 горнолѣсистый край Майсуръ съ знаменитою столицей Типпу-Сагиба и Гайдеръ-Али — Серингапатамомъ; 2. долину рѣки Кистны (Кришны) съ древнимъ царствомъ Карнатою, гдѣ неподалеку отъ Гайдерабада, нынѣшняго мѣстопребыванія раджи, находились славные алмазные пріиски въ Голкондѣ и Эллорскій гротъ съ чудными камнесѣчными работами; 4. долину Годавери (Годавари), самой сѣверной и самой длинной рѣки Декана; здѣсь въ Беранѣ существовало древне-жреческое браминское государство, котораго сѣверо-восточное побережье Орисса, при Магарадѣ, сохраняетъ еще много капищъ и святынь. — На восточномъ берегу Декана (Коромандель), гдѣ Европейцы завели цвѣтущія торговыя поселенія (Мадрасъ, Пондишери и др.), были въ древности три индійскія царства, о величіи которыхъ свидѣтельствуютъ еще развалины семи пагодъ у селенія Магамаладжапуры, а западный берегъ съ Гадскимъ хребтомъ заключалъ въ себѣ четыре браминскихъ царства, въ томъ числѣ иззубренный моремъ береговой край Канкару съ славнѣйшими въ Индіи капищами, изсѣченными въ скалѣ на островахъ Элефантинѣ и Сальсеттѣ, и потомъ береговые же края Мала-

баръ и Калликутъ (Каликоду). Южная оконечность Индіи съ принадлежащимъ къ ней, богатымъ корицею островомъ Цейлономъ (Таprобана), благодаря своему плодоносію и дивному климату, была съ весьма дазныхъ поръ цѣлію торговыхъ путешествій. Отъ островка Рамессвары тянутся до самаго Цейлона коралловые рифы, о которые море ударяетъ сильнымъ прибоемъ. Священная сага открываетъ въ нихъ слѣды того алмазнаго моста, которымъ будто бы проходила первая чета, когда была изгнана изъ рая, переносимаго сагою на тотъ очаровательный островъ.

IV. Аріана. Страны между Индіей и Персіей отъ Аравійскаго моря до Паропамиза (Гиндуку), въ предѣлахъ нынѣшнихъ Белуджистана и Афганистана, и по ту сторону горнаго хребта до береговъ Каспія, почти всѣ входили въ составъ великой персидской монархіи, но сдѣлались доступны и извѣстны Европейцамъ только благодаря походамъ Александра Великаго, основавшаго во всѣхъ этихъ краяхъ города, прозванные его именемъ (Александрія). Хотя онѣ состоятъ преимущественно изъ горныхъ мѣстностей и песчаныхъ степей, однакожь по нимъ все-таки ходили караваны. Страны эти были: 1. Гедрозія; 2. Дрангіана при р. Гильмендѣ (Эриманѣ); 3. Арахозія, къ востоку до Инда, съ кратчайшимъ путемъ сообщенія между Индіею и Персіей (Севестанъ, Кандагаръ и юго-западный Кабулистанъ); 4. вольные, независимые обитатели южныхъ склоновъ Паропамиза (Пейшаверъ, Кабулъ и др.), носившіе общее названіе Паропамисцевъ (Paropamisadae) и покоренные только Александромъ Великимъ; 5. плодоносная горная страна Арія (южный Хорасанъ съ Сеистаномъ); 6. Парѳія, суровое, гористое ядро основаннаго около 256 г. царства Парѳянскаго; 7. Карманія (Керманъ, Ларистанъ и Могистанъ), на югѣ гористая и обильная металлами, съ богатымъ и великолѣпнымъ главнымъ городомъ Керманомъ (Кармана) и съ островкомъ Ормусомъ, по которому прозванъ и здѣшній морской проливъ.—На сѣверъ отъ Паропамиза до Каспійскаго моря, по рѣкамъ Оксу и Яксарту лежали: 1. Бактрія (Балхъ), гористая, но плодоносная родина Ормуздова ученія. Городъ Бактра (Балхъ) теперь незначительное мѣсто; однѣ груды развалинъ обозначаютъ прежній его объемъ. Онъ лежитъ въ совершенно плоскомъ, но хорошо воздѣланномъ и унизанномъ селеніями краѣ; 18 большихъ каналовъ и теперь еще ведутъ съ горъ воду на тщательно обработываемыя поля; дороги и полевыя межи густо обсажены деревьями; вездѣ слышится журчаніе

воды по многочисленнымъ канавамъ. Однакожь и здѣсь хлѣбородная полоса не доходитъ до р. Окса; миль за пять или за шесть ниже города начинается уже голая степь. Древніе Бактряне слыли воинственными и могли выставлять до 30,000 конниковъ въ полѣ; 2. Согдіана (Бухара съ частью Туркестана), гористая, но хорошо воздѣланная и обильная городами; изъ числа ихъ Самаркандъ въ очаровательномъ мѣстоположеніи; 3. Маргіана (часть Туркменіи) съ городами Антіохіей Маргіанской (нынѣ Мервъ), Низеей (Гератъ) и др.; 4. Гирканія, гористый юго-восточный берегъ Каспія, плодоносный и богатый лѣсомъ.

V. Мидія и Персія. Сѣверная, или Малая Мидія, на западномъ берегу Каспійскаго моря, ограниченная къ сѣверу Араксомъ, притокомъ Кура, была сурова, гориста и населена хищными племенами; южная, или Великая Мидія, заключала въ себѣ превосходныя пастбища и изобиловала хлѣбомъ и плодами (лимонами, померанцами). Охваченный вѣнцомъ высокихъ горъ, этотъ край съ его нефтяными источниками, его горными пажитями, зеленѣющими лугами, нагими гребнями и снѣжными обвалами, конечно самая дикая, но вмѣстѣ и самая живописная альпійская страна западнаго Ирана. Въ то время какъ на хребтахъ высокихъ горъ снѣгъ лежитъ мѣстами девять мѣсяцевъ, во многихъ долинахъ царствуетъ непрерывная весна, а въ ущельяхъ поглубже можно найдти и знойное лѣто. Жители сначала были воинственны и мастерски стрѣляли изъ лука, но въ послѣдствіи изнѣжились и стали вялы. Древнѣйшею столицей была Экбатана (нынѣ Гамаданъ), лѣтнее мѣстопребыванія мидійскихъ царей, крѣпкое и вмѣстѣ очаровательное, съ тремя замками и семью оборонительными стѣнами. По словамъ Геродота, укрѣпленія были разноцвѣтныя. — Къ юго-западу отсюда Сузіана (Хузистанъ), обширная, жаркая равнина, сливающаяся съ Вавилоніей, а отъ другихъ смежныхъ странъ отдѣленная высокими горами; вдоль морскаго берега плоска, болотиста и мало извѣстна; по ней бѣгутъ многіе притоки Тигра, въ томъ числѣ знаменитый своей прекрасною водою Хоаспъ. Жители равнинъ были миролюбивые земледѣльцы; обитатели горъ, напротивъ, — хищники и вольница. Суза (Шусанъ), зимняя резиденція лидійскихъ царей, построенная изъ кирпичей, связанныхъ горной смолою; Селевкія. — Персида (Фарсъ, Фаристанъ), между караманскою степью и Персидскимъ заливомъ, въ сѣверныхъ частяхъ своихъ — дикая горная страна, вся въ крутизнахъ и глубокихъ ущель-

яхъ, между которыми попадаются однакожь тучныя пастбища, особенно для верблюдовъ; средняя часть края, по рѣкамъ Араксу и Куру отличалась умѣреннымъ климатомъ и составляла зеленую, плодоносную равнину, производившую отличное вино; тогда какъ, напротивъ, плоская южная часть, оканчившаяся песчаною степью, была знойна и бѣдна плодами и деревьями, за исключеніемъ развѣ однѣхъ пальмъ. Температура южныхъ долинъ Аракса и Кура до того умѣряется вѣтромъ съ моря, что тамъ царствуетъ вѣчная весна, рощи миртъ, кипарисовъ и плодовыхъ деревъ чередуются съ виноградниками и цвѣтистыми лугами; нигдѣ нѣтъ такихъ прекрасныхъ розъ, такого роскошнаго винограда, какъ въ долинѣ Шираза. Изъ числа городовъ знаменитѣйшими были окруженный тройной стѣною Персеполь, при Араксѣ, и Пасаргада съ гробницею Кира. Персы раздѣлялись на три племени, — кочевниковъ, земледѣльцевъ и воиновъ.

VI. Страны по Евфрату и Тигру: 1. Великая Арменія, богатая хлѣбомъ, виномъ и стадами; гориста; здѣсь между прочимъ лежитъ Араратъ съ истоками Евфрата. Города: сильно укрѣпленная Артаксата, при Араксѣ, и Тигранокерта, основанная Тиграномъ и населенная взятыми въ плѣнъ Греками. 2. Вавилонія, ограниченная съ сѣвера мидійскою стѣной, тучная, черноземная равнина, между спокойно льющимся Евфратомъ и сильно бушующимъ Тигромъ, пересѣчена множествомъ каналовъ и плотинъ; въ этомъ плодоносномъ краѣ были искусственныя озера и, кромѣ Вавилона, много другихъ цвѣтущихъ и богатыхъ городовъ, каковы Селевкія на Тигрѣ, Вологезія, Апамея, Тередонъ (торговля ладономъ и другими аравійскими товарами), Харакеъ, Спазину и др., недалеко отъ мидійской стѣны — Кунакса (битва 400 г.). 3. Ассирія имѣла, кромѣ Ниневіи, Ктезифонъ, на берегу Тигра, людный и цвѣтущій городъ при парѳянскихъ царяхъ; Арбелу (гдѣ въ битвѣ при Гавгамелѣ была главная квартира Дарія), Аполлонію, Артемиту, Ситтаку и др. Къ сѣверу и востоку поднимаются ряды холмовъ, отѣненыхъ дубовыми и орѣховыми лѣсами; въ долинахъ произрастаютъ виноградъ, смоквы, маслины, гранаты и хлѣбъ. — 4. Месопотамія, плодоносная равнина съ тучными пажитями; города: а) въ западной полосѣ, Осроэнѣ: Эдесса, Батна [1] (рынокъ для индійскихъ товаровъ), Карра (пораженіе Красса Парѳянами 53 г.), Никефорій,

[1] Подлѣ самой Эдессы.

Киркезій и др.; б) въ восточной полосѣ, Мигдоніи: Низибъ, главный городъ, многолюдный и торговый; Дара, сильная крѣпость, Сингара, Гатра и др. Рѣки Тигръ и Евфратъ, прорѣзавъ горныя цѣпи Арменіи, дающія имъ начало, текутъ по довольно высокой степи, которой однообразіе прерывается каменными гребнями, увалами, озерами и плодоносными полосами, между тѣмъ какъ берега рѣкъ поросли яворами, кипарисами и обрамлены лугами. Чѣмъ площе становится край, тѣмъ болѣе раскидываются въ ширину прирѣчныя плодоносныя низины, а пространство между рѣками является тѣмъ пустыннѣе и безлѣснѣе; на немъ живутъ только кочевые пастухи да табуны дикихъ ословъ, стаи страусовъ и драхвъ. Подобно Египту, и эти бездожныя страны получаютъ плодотворное орошеніе благодаря ежегодному разливу обѣихъ рѣкъ, который однакожь не такъ правиленъ въ своемъ ходѣ какъ разливъ Нила. Вмѣсто оплодотворяющей влаги, Тигръ часто выбрасываетъ на равнину разрушительныя волны и превращаетъ ее въ необозримое бурное море вплоть до болотистой дельты у своихъ устьевъ.

VII. Сирія, Финикія, Палестина. Въ противоположность крупнымъ, однообразнымъ формамъ Месопотаміи, гористый западный край отличается удивительною измѣнчивостью и разнообразіемъ. Узкая береговая полоса какъ будто сама высылала своихъ обитателей въ открытое море; превосходныя пристани, ограждаемыя бухтами и мысами, благопріятствовали мореплаванью, а обиліе металловъ и строеваго лѣса способствовало торговлѣ, которая здѣсь впервые открылась человѣку во всемъ своемъ величіи; чрезвычайное плодоносіе глубокихъ ложбинъ и горныхъ склоновъ вызывало къ воздѣлкѣ хлѣба, винограда, овощей и плодовъ, тогда какъ верхнія долины и кряжи горъ были удобны для скотоводства и допускали пастушескую жизнь съ небольшимъ только подспорьемъ земледѣлія. Притомъ, сирійское побережье, благодаря морю и горному воздуху, благодаря мореплаванію и горной жизни, сильно противодѣйствуетъ ослабляющимъ вліяніямъ знойнаго восточнаго солнца; оно соединяетъ въ себѣ стихіи, обыкновенно поддерживающія жизнь и силу народа въ бодрости и свѣжести. Если море манитъ вдаль и воспитываетъ на волнахъ своихъ подвижное, предпріимчивое, дѣятельное населеніе, то строгая природа горъ и замкнутость долинъ нудитъ къ болѣе простому, ровному образу жизни, укрѣпляетъ привязанность къ тому, что̀ ведется искони, что унаслѣдовано отъ предковъ. Чѣмъ ближе между собой

эти противоположности, тѣмъ сильнѣе должны онѣ дѣйствовать другъ на друга, тѣмъ глубже отражаются онѣ въ процессѣ духовной жизни. Сирійская горная и береговая страна распадается на слѣдующія части: 1. Сирія, на востокъ отъ Евфрата, къ сѣверу гориста съ плодоносными долинами, къ югу жарка и суха; вообще хорошо воздѣлана, покрыта многолюдными городами и отличается избыткомъ превосходныхъ южныхъ плодовъ; главная рѣка — Оронтъ, текущій съ Ливана. Она дѣлилась на сѣверную Сирію и Сирію полую (Келесирію), замѣчательную длиной лощину между Ливанскимъ и Антиливанскимъ хребтомъ. Изъ городовъ назовемъ Самосату на Евфратѣ (родину Лукіана); Гіерополь съ великолѣпнымъ храмомъ; крѣпкую Селевкію, на скалѣ, неприступной съ трехъ сторонъ; Тапсакъ, древній торговый городъ на Евфратѣ; Пальмиру (Ѳадморъ) на обросшемъ пальмами оазисѣ сирійской пустыни; Апамею при Оронтѣ, окруженную превосходными пастбищами для коней и слоновъ, основанную подобно Лаодикеѣ и большей части здѣшнихъ городовъ Селевкидами; Эмезу, съ ея знаменитымъ храмомъ солнца (битва 273 по Р. Х.); Антіохію, около 18 верстъ въ окружности, заложенную Селевкомъ Никаторомъ въ живописномъ мѣстѣ, на южномъ берегу Оронта; Дафну, роскошное и безнравственное потѣшное жилище сирійскихъ царей, окруженное кипарисными и лавровыми рощами. Въ Келесиріи находились: Дамаскъ, древнѣйшая столица въ прекрасномъ мѣстоположеніи, славившаяся уже при Римлянахъ своими оружейными фабриками; Геліополь (Иліуполь, Баальбекъ), мѣсто торжественнаго поклоненія солнцу, съ великолѣпнымъ храмомъ, который построилъ Антонинъ Пій. — 2. Финикія (т. е. страна пальмъ). На юго-западъ отъ Сиріи, вплоть до крутой горы Кармила, простирался прибрежный край Финикія вдоль обильнаго кедрами Ливана, съ которымъ параллельно идетъ далѣе къ востоку Антиливанъ (съ высочайшею на всемъ этомъ хребтѣ горою Гермономъ). Воздухъ на этихъ высотахъ становится чище и прохладнѣе, уступы, поросшіе смоковницами и шелковичными деревьями, чередуются съ полосами винограда, на широкомъ хребтѣ громадныхъ горныхъ кряжей возвышается кедровый лѣсъ и даже передъ каменнымъ гребнемъ вершинъ стелятся еще зеленѣющіе скаты; тутъ бродятъ многочисленныя стада черныхъ козъ, тревожимыя шакалами, медвѣдями и львами, которые гнѣздятся въ пустынныхъ дебряхъ. Изъ числа независимыхъ финикійскихъ городовъ, съ республикан-

скимъ правленіемъ, но соединенныхъ между собою общимъ союзомъ, важнѣйшими были: Арадъ, Триполь, Библъ, Беритъ, работящій Сидонъ, могущественный Тиръ, Акка или Птолемаида и др. Рядомъ съ промышленными Финикіянами сидѣли въ Ливанѣ разныя воинственныя хищническія племена, Итурейцы, Сикаріи (бандиты), предки столь ужасныхъ въ крестовые походы ассасиновъ, и др. — 3. Палестина, къ югу отъ Сиріи и Финикіи, гористая, но плодоносная, изрытая дебрями и пещерами земля; по ней течетъ Іорданъ и простираются голые каменные отроги Ливана и Антиливана, образующіе нѣсколько замѣчательныхъ горныхъ кряжей, именно поросшій лѣсомъ, изрѣзанный разсѣлинами, но не лишенный и травянистыхъ пастбищъ Кармилъ, также лѣсистый, стоящій одинокимъ кеглемъ Θаворъ (Таборъ), Гаризимъ[1], извѣстный какъ главное гнѣздо идолослуженія, и др. Арабскіе поэты въ похвалу Ливану говорятъ, что на головѣ онъ носитъ зиму, въ нѣдрахъ осень, а лѣто покоитъ у себя въ ногахъ. Изъ озеръ особенно замѣчательны Мертвое море (асфальтовое озеро), гдѣ чахнетъ всякая растительность, гдѣ самая земля утратила плодотворную силу, гдѣ растенія превращаются въ пустоцвѣтъ и перегораютъ въ золу, и озеро Тиверіадское или Генисаретское. Страна, обильная виномъ, пальмами, хлѣбомъ, южными плодами, масломъ, медомъ и проч., раздѣлялась на четыре части: 1. Галилея, травянистое плоскогорье, надъ которымъ возвышаются лишь немногія вершины, какъ напримѣръ Θаворъ (7,000); города: Данъ (мѣсто египетскаго богослуженія), Капернаумъ на Генисаретскомъ озерѣ; Тиверіада, любимое мѣстопребыванія Ирода; Эмаусъ съ теплыми водами; Назаретъ, на холмѣ среди горной котловины изъ бѣлыхъ известковыхъ скалъ; Мегиддо, древняя резиденція царей ханаанитскихъ. 2. Самарія, плодоносная, отѣненная лѣсами лощина, заключала въ себѣ слѣдующіе главнѣйшіе города: столицу Самарію, разрушенную Салманассаромъ и снова отстроенную Иродомъ подъ названіемъ Севасты; Скиѳополь, населенный преимущественно язычниками; Іезраэль (Страдела), въ прекрасной равнинѣ, резиденція нѣкоторыхъ израильскихъ царей; Сихемъ (Неаполь), близь Гаризима, главное гнѣздо идолослуженія. 3. Іудея, важнѣйшая часть края, на

[1] Въ Славянской Библіи — Гарізінъ.

югѣ обитаемая переселившимися сюда Идумеями; мѣстность строгаго характера: на большихъ пространствахъ возвышаются только одинокія купы блеклыхъ маслинъ или сквозныя рощицы рѣдкихъ пальмъ; здѣсь были знаменитые города: Кесарія (Цезарея), морская пристань, изукрашенная Иродомъ, позже — мѣстопребываніе римскаго губернатора; Іоппія, древній приморскій городъ; Лидда (Діосполь), Іерихонъ, древнѣйшій хананитскій городъ, въ мѣстности, обильной пальмами, бальзамнымъ деревомъ и финиками; здѣсь, среди тропической атмосферы, десять мѣсяцевъ въ году спѣютъ виноградъ, смоквы и лучшіе южные плоды; Хевронъ, древній жреческій городъ, съ правомъ убѣжища; Виѳлеемъ, на возвышеніи, родина Давида и Іисуса Христа; Іерусалимъ построенъ на четырехъ крутыми падями раздѣленныхъ холмахъ и состоитъ изъ древняго и новаго города; послѣдній основанъ Иродомъ Агриппою. Древній Іерусалимъ раздѣлялся: а) на верхній городъ, на холмѣ Сіонѣ, окруженный стѣною о 60 башняхъ; b) нижній городъ, на дугообразномъ холмѣ Акра, съ своей особою стѣной, и с) на храмовую гору Морію; жителей въ немъ было до полутораста тысячъ. Храмъ Соломоновъ болѣе отличался пестротою матеріала, драгоцѣннымъ деревомъ и блескомъ золота, нежели архитектурною красотой и величиною; вблизи лежитъ Масличная гора, отдѣленная отъ города долиною Кидрона. 4. Перея, за Іорданомъ, съ аммонитскими городами Кесаріей Панеей, Гадарой, Равваѳъ-Аммономъ (Филадельфіей), Равваѳъ-Моавомъ (городомъ Моавитовъ), Пеллою и др. На юго-западномъ берегу обиталъ древній воинственный народъ Филистимляне (Филистимы). Они жили подъ управленіемъ племеначальниковъ или царей въ пяти укрѣпленныхъ мѣстахъ — Газѣ, Аскалонѣ, Асдодѣ, Гаѳѣ и Экронѣ, занимаясь торговлею и морскимъ разбоемъ. Они поклонялись творческой силѣ природы, которой посвящены были вода и племя рыбъ. Аскалонъ былъ главнымъ святилищемъ служенія національному божеству Дагону, съ человѣческой головой и рыбьимъ туловищемъ. На югъ отъ Палестины и Сиріи простирается полуостровъ Аравія, край, подобный африканскому материку; ядро его состоитъ изъ высокаго и обнаженнаго плоскогорья, которое, среди безплодныхъ пустынь, песчаныхъ степей и голыхъ скалъ, лежащихъ подъ знойнымъ небомъ, представляетъ немного орошенныхъ водой ложбинъ (§ 257). За Аравіей, отдѣляясь отъ нея Пелузскимъ (Суэзскимъ) перешей-

комъ и Чермнымъ моремъ, начинается африканская низина, Египетъ (§ 30).

§ 22. Восточный бытъ. Три вещи надобно имѣть въ виду при обсужденіи восточныхъ народовъ, — религію, государственныя и правительственныя формы и частную жизнь. 1. Религія. Что касается отношеній твари къ Создателю, объ этомъ народы Востока размышляли ревностно и глубоко и достигли такихъ выводовъ, далѣе которыхъ не пошелъ ни одинъ изъ другихъ народовъ міра. Востокъ колыбель всѣхъ религіозныхъ системъ, начиная отъ самаго строгаго, на древнѣйшемъ преданіи или на откровеніи основаннаго единобожія (монοѳеизма) до разнообразнѣйшаго многобожія (полиѳеизма) и до философскаго всебожія (пантеизма). Зерномъ двухъ послѣднихъ направленій было поклоненіе солнцу и свѣтиламъ или обильное мистеріями обожаніе природы. Такъ какъ первоначальная сущность или сила, отъ которой истекло твореніе и которою вселенная поддерживается въ правильномъ своемъ ходѣ, непостижима для мыслящаго ума, то глубокомысленные люди стали искать символовъ для представленія этой первоначальной силы и естественно попали или на солнце съ прочими свѣтилами, дарующее свѣтъ и жизнь, или на незримыя силы природы, тайно дѣйствующія въ ея внутренности. Не смотря однакожь на это первобытное сходство, при неопредѣленности основныхъ понятій, полиѳеистическія и пантеистическія формы религіи сложились во всѣхъ странахъ различно, и какъ масса народа нигдѣ не могла подвести чувственныя явленія подъ одно всеобщее понятіе, то самое разнообразіе природы и жизни человѣческой неизбѣжно вело къ размноженію до безконечности тѣхъ сверхъестественныхъ силъ, которыя потомъ представлялись уже отдѣльными существами и становились предметомъ поклоненія. Такая пестрота религіозныхъ понятій требовала богатаго обрядами и символами священнослуженія (культа) и многочисленнаго сословія жрецовъ, какъ истолкователей лежащаго въ этомъ разнообразіи единства и олицетворяемаго каждымъ символомъ понятія. И то и другое выработалось на Востокѣ вполнѣ, то-есть и безчисленные религіозные обряды, связанные съ жизнію природы и человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ и перемѣнахъ, и сильное обладаніемъ тайной мудрости сословіе жрецовъ, которое всегда умѣло удержать за собою могучее вліяніе на жизнь государства и народа, хотя и вынуждено было уступить свѣтскую власть, отчасти или вполь-

нѣ, свыкшимся съ оружіемъ воинскимъ родамъ и царственному ихъ предводителю. Наклонность къ религіознымъ созерцаніямъ и вѣра, что подвиги покаянія и самоистязанія приближаютъ человѣка къ божеству, породили ту отшельническую жизнь, которая первоначально укоренилась на Востокѣ. — Торговля, главный рычагъ цивилизаціи, была здѣсь въ самой тѣсной связи съ религіей и жречествомъ; славнѣйшія капища и оракулы, съ ихъ религіозными празднествами, служили станціями для каравановъ, рынками и складами для товаровъ, сборищами для купцовъ. — 2. Правительственныя формы Востока можно свести къ тремъ главнымъ разновидностямъ: къ господствующему у кочевыхъ народовъ патріархальному управленію племеначальниковъ, къ преобладанію аристократическаго іерархизма — въ государствахъ съ кастами, и къ неограниченному деспотизму — въ военныхъ монархіяхъ. Послѣдняя политическая форма, постепенно выработавшаяся изъ двухъ первыхъ и облекшая повелителя патріархальнымъ всемогуществомъ племеначальника и вмѣстѣ религіознымъ освященіемъ царя, опирающагося на касты, сдѣлались подъ конецъ господствующею вездѣ; да и не трудно было при наклонности восточнаго человѣка къ нравственной лѣни (квіэтизму), вознести царскую власть на такую высоту, что облеченный ею пользовался чуть не божескимъ почитаніемъ. Въ отношеніи къ владыкѣ (деспоту) всѣ прочіе члены государства представляются рабами, безъ правъ личности и собственности[1]. Царь произвольно распоряжается имуществомъ и жизнію подданныхъ; онъ даетъ и отнимаетъ по своему хотѣнію и даже явиться передъ нимъ можно не иначе, какъ только простершись наземь и ударяя въ полъ челомъ; подобно блаженнымъ богамъ живетъ онъ въ веселіи и усладѣ, окруженный слугами, которые только и знаютъ, что исполнять его волю и поблажать его прихотямъ, обставленный всѣми благами и сокровищами, всѣмъ великолѣпіемъ и пышностью, не думая ни о чемъ, кромѣ роскоши, нѣги и удовлетворенія своихъ сладострастныхъ пожеланій. Государственныя формы, въ которыхъ законы и права человѣческія не имѣютъ ни какого значенія, въ которыхъ преобладаютъ только деспотизмъ да рабство, — такого рода политическія формы лишены всякой жизнен-

[1] Такого деспотизма никогда не бывало ни въ одной европейской странѣ, не исключая даже и Турціи.

ной силы, всякой способности къ прочному развитію, и оттого всѣ восточныя государства становились жертвой чуждыхъ завоевателей, при чемъ ранняя ихъ образованность или погибала, или приходила въ онѣмѣніе и задерживалась навсегда. — 3. Частная жизнь. По природѣ своей восточный человѣкъ направленъ болѣе къ созерцательному покою и наслажденію, чѣмъ къ дѣятельности. Слѣдствіемъ этого было то, что восточные народы никогда недостигали свободы и самостоятельности,—или безгласно повинуясь туземнымъ владыкамъ, или стеня подъ игомъ иноплеменныхъ завоевателей. Благодаря своимъ духовнымъ способностямъ, они скоро доходили до извѣстной степени общественнаго образованія, но за тѣмъ предавались лѣнивому наслажденію и мало-по-малу впадали въ дремоту и изнѣженность. Свойственный Востоку обычай многоженства (полигаміи), которымъ ослабляется облагороживающій сожитіе брачный союзъ и подрывается быть семейный, источникъ чистоты домашнихъ нравовъ и самоотверженной дѣятельности, — этотъ несчастный обычай еще болѣе усиливалъ нравственное усыпленіе, а истощающее сладострастіе подавляло мужественную бодрость и доблесть воинскую. Это отозвалось и въ самомъ искусствѣ восточныхъ народовъ: какъ ни изумительна величавость ихъ сооруженій въ первомъ очеркѣ, какъ ни велика ихъ выдержка и терпѣливость въ выполненіи, какъ ни необычайна у нихъ техническая сноровка и чистота обдѣлки самаго твердаго матеріала въ ваятельныхъ произведеніяхъ, — искусство ихъ никогда не достигало однакожь ни гармонической красоты, ни стройности и симметріи свободно творящихъ народовъ, а ихъ поэзія, хотя и богатая чувствомъ, фантазіей и увлекательными образами, лишена той дѣятельной жизни и той идеальной человѣчности, по которымъ созданія Грековъ представляются до сихъ поръ недостижимыхъ образцомъ. — Въ наукахъ, которыя большею частію оставались исключительнымъ достояніемъ жрецовъ, восточные народы не ушли далеко за первыя начала (кромѣ развѣ одного знанія небесныхъ свѣтилъ, связаннаго съ основой религіи), и даже превозносимыя иногда произведенія ихъ искусства и промышленности напоминаютъ скорѣе о ремесленнической ловкости, пріобрѣтенной большимъ навыкомъ и поддерживаемой кастовымъ и цеховымъ гнетомъ, а не о вольномъ созданіи изобрѣтательной мысли, не о дѣлѣ досужихъ, бойкихъ рукъ. Рабство тяготѣло какъ свинецъ на всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ восточнаго человѣка.

1. Китайцы.

§ 23. Китайцы по природѣ своей вовсе не способны ввести насъ въ ту историческую жизнь, въ которой сами они не принимали участія; тѣмъ не менѣе имъ справедливо даютъ мѣсто при самомъ входѣ въ исторію, во-первыхъ потому, что говоря въ общемъ смыслѣ, развитіе рода человѣческаго слѣдовало суточному движенію солнца и такимъ образомъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что народы крайняго Востока всѣхъ ранѣе вышли изъ состоянія полудикой естественности, а во-вторыхъ потому, что Китайцевъ, благодаря типическому ихъ характеру и неподвижному образованію, нельзя пристроить къ общему ходу всемірной исторіи. Они стоятъ въ преддверіи къ ней и, послѣ краткаго разсмотрѣнія ихъ основныхъ чертъ, оставляются уже въ сторонѣ, какъ непричастные общечеловѣческому дѣлу. — Въ неизмѣримой Китайской имперіи, которою владѣетъ теперь монгольское племя Манджуръ, живетъ съ незапамятныхъ временъ народъ монгольскаго происхожденія, сохраняющій нѣсколько тысячелѣтій неизмѣнно одинъ и тотъ же бытъ, одни и тѣ же учрежденія. Объ исторіи Китайцевъ можно, однакожь, мало сказать достовѣрнаго, потому что начало царскихъ родовъ своихъ возводятъ они въ миѳическую древность, а всѣ событія искажаютъ самодовольнымъ хвастовствомъ. За положительное можно принимать только то, что̀ сообщаютъ о тамошнемъ бытѣ и учрежденіяхъ европейскіе путешественники. Послѣ баснословной первобытной старины, къ которой принадлежали знаменитые законодатели и учредители государства Фо-ги, Яо, Шунь и Инь, начинается съ императоромъ (1100 г.) Вуваномъ династія Че-у, обладавшая престоломъ до половины 3 в. предъ Р. Х. Когда этотъ владѣтельный родъ нравственно истощился и «Поднебесью» угрожало всеобщее разложеніе, тогда сильный и неразборчивый на средства Шигуан-ди (ок. 230 г.) деспотическою рукой возстановилъ могущество императора и повелѣлъ истребить даже тѣ священныя книги, которыя составлены были Конфуціемъ изъ древнихъ хартій и преданій, такъ что въ послѣдствіи при-

шлось собрать ихъ вновь только уже на память и по нѣкоторымъ случайно сохранившимся отрывкамъ. Это было совершено династіею Хань (съ 206 по 263 нашей эры), подъ правленіемъ которой имперія достигла вышей степени могущества и расширенія. Въ 7 в. по Р. Хр. настала для Китая послѣдняя цвѣтущая эпоха при Дай-Цунѣ, снискавшемъ общую любовь народа своею добродѣтелью и мудростью. По прекращеніи его дома, династіи Танъ, началось въ 10 в. время упадка. Китайская исторія безотрадна по содержанію: сухой, утомительный однообразіемъ перечень внѣшнихъ событій, картина мятежей, династическихъ перемѣнъ и придворныхъ ужасовъ, ни сколько не возвышаются поэзіей, ни мало не оживляются народнымъ элементомъ, не согрѣваются ни какимъ интересомъ человѣческимъ. Оттого вся исторія Китая звучитъ «раздирающимъ стономъ тоски». — Китайская имперія и Китайцы имѣютъ видъ націи, живущей подъ благоустроенными политическими формами и обладающей высокою наружною образованностью; но эта часто преувеличиваемая образованность хватаетъ одни верхи, она не результатъ внутренняго творчества и живой духовной самодѣятельности, но лишь слѣдствіе долголѣтняго внѣшняго навыка и механической выучки, а потому и не имѣла ни какого вліянія на весь остальной міръ. Все въ Китаѣ установлено и уряжено законами, формами и обычаями издревле; свобода и самостоятельность, источникъ всякаго истиннаго образованія, здѣсь невѣдомыя блага, и оттого не замѣтно никакого успѣха въ народномъ развитіи. Это отсутствіе прогресса основано отчасти на неподатливомъ характерѣ народа, упорно держащемся привычной, исконной старины, частію происходитъ оно оттого, что страна была отдѣлена отъ общенія съ другими народами и хребтами горъ, и морями, и длинною Китайскою стѣною, которую въ половинѣ 3 в. Ши-гуан-ди соорудилъ противъ кочевыхъ племенъ сѣвера, и что доступъ въ нее былъ упорно возбраняемъ всѣмъ чужеземцамъ; частію, наконецъ, этотъ застой обусловливается и деспотически-патріархальнымъ образомъ правленія. Облеченный безпредѣльною властью, богоподобно чтимый «сынъ неба», «священный владыка» — богдоханъ и раздѣленное на девять разрядовъ аристократи-

ческое сословіе ученыхъ (мандариновъ) всѣми силами удерживаютъ презираемый и жестоко управляемый народъ при старомъ, однажды заведенномъ порядкѣ, по возможности удаляя отъ него все новое. Китайцы не могли воспользоваться опытами чужеземцевъ, и поэтому, не смотря на раннее знакомство свое съ компасомъ, порохомъ и нѣкоторымъ родомъ книжной печати, не смотря на ихъ удивительное досужество и работячесть, отстали отъ всѣхъ другихъ народовъ въ образованіи, и даже промышленность ихъ не можетъ мѣряться съ промышленностью и мастерствомъ западныхъ странъ, какъ ни славились Китайцы издревле своими тканями, рѣзною работой, приготовленіемъ отличнаго фарфора, писчей бумаги и проч. Земледѣліе, состоящее подъ непосредственнымъ покровительствомъ богдохана, такъ что онъ даже собственноручно воздѣлываетъ и пашетъ извѣстную полосу земли, есть древнѣйшее и самое уважаемое занятіе, которое представляетъ начало порядка и нравственности въ сферѣ государственной и народной жизни Китайцевъ. Покоренныя земли чрезъ введеніе и поддержку въ нихъ хлѣбопашества, мирнымъ путемъ прикрѣплялись къ Китайской имперіи прочнѣе, нежели бы можно было привязать ихъ воинскими средствами. Рядомъ съ земледѣліемъ, котораго процвѣтаніе видно на обширныхъ хлѣбныхъ и рисовыхъ поляхъ и въ несмѣтномъ числѣ садовъ, Китайцы могутъ съ гордостью указать на свои чайныя плантаціи и шелководство, составляющія для нихъ источникъ большихъ доходовъ. Какъ императоръ слыветъ защитникомъ и поощрителемъ земледѣлія, такъ императрица имѣетъ особенное попеченіе о шелководствѣ. Въ выдѣлкѣ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей Китайцы опередили всѣ другіе народы. Но не смотря на все наружное образованіе, не смотря на всю механическую ловкость и хитрый умъ этого народа, онъ все-таки остался сухою вѣтвію на жизненномъ деревѣ исторіи человѣчества, набальзамированною мумією, исписанною іероглифами и обернутою въ шелка. — Воспитаніе Китайцевъ имѣетъ въ виду не развитіе умственныхъ силъ къ самостоятельной мысли, а лишь заученіе того, что знали и какъ дѣлали предки; оттого и будится въ нихъ только разсудокъ да практическій житейскій умъ и

изощряется одна память, тогда какъ воображеніе, поэзія, всѣ высшіе порывы и чаянія души остаются безъ обработки и воспитанія. Всякая наука, всякое дѣло въ государствѣ сведены въ правила, затверживаемыя наизустъ, и каждый подвергается экзамену, будь онъ военный, членъ гражданскаго управленія или чиновникъ по судебной части. Какъ служащіе составляютъ цѣлую іерархію, основанную на подчиненности и безпрекословномъ повиновеніи старшимъ, въ такомъ же точно классномъ порядкѣ состоятъ большіе и малые города, посады и селенія обширной, крайне населенной, кишащей жилыми мѣстами имперіи, такъ что самостоятельной общинной жизни нѣтъ и слѣда, и государство, при страшномъ сосредоточеніи, управляясь однимъ писарскимъ механизмомъ и состоя подъ надзоромъ цѣлой арміи смотрителей, походитъ на машину, движимую системой колесъ и шестерень. Это воспитаніе, этотъ бытъ, этотъ образъ правленія сдѣлали Китайцевъ немощными и трусами; пресмыкаясь въ рабствѣ, лишенные самодѣятельности, чувства чести и всякой духовной высоты, они проникнуты еще при этомъ высокомѣрнѣйшимъ чванствомъ и надменнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ другимъ народамъ. Языкъ ихъ, состоящій не изъ буквъ, а изъ особыхъ знаковъ или образовъ, выражающихъ каждый извѣстное понятіе, такъ труденъ и несподученъ, благодаря этому идеографическому письму, что потребны многіе годы только для того, чтобъ выучиться читать по-китайски. Въ упомянутомъ нами древнемъ мудрецѣ Конфуціи (Конфу-цзе, 550—479), который собралъ и привелъ въ порядокъ древнія ученія, исторіи и преданія, и тѣмъ самымъ далъ твердую основу шаткому прежде обычаю, — въ Конфуціи чтятъ Китайцы основателя своей литературы, равно какъ и своей религіи, такъ тѣсно связанной у нихъ съ патріархальнымъ государственнымъ порядкомъ.

Конфуціевы ученія изложены въ 4-хъ священныхъ книгахъ (кинъ), которыя отчасти сочинены имъ самымъ, отчасти собраны изъ древнихъ писаній, преданій и обычаевъ, и пользуются у Китайцевъ величайшимъ уваженіемъ. Первая изъ нихъ, И-кинъ, посвящена философіи природы; вторая, Ли-кинъ, — книга обычаевъ и обрядовъ; третья, Ши-кинъ (книга пѣсней), — собраніе древне-

китайскихъ народныхъ пѣсенъ, полныхъ граціи, достоинства и красоты; четвертая, Шу-кинъ, — основаніе законовъ, нравовъ и государственной мудрости. Эти кины, особенно послѣдній, содержатъ въ себѣ, кромѣ древнѣйшей, до миѳической эпохи восходящей исторіи, и кромѣ религіозныхъ заповѣдей, также предписанія о образѣ правительства, о государственномъ правѣ и полезныя наставленія для гражданской жизни, состоящія изъ правилъ благоразумія, мудрыхъ изреченій и т. п. Религія, которая является у Китайцевъ только сознаніемъ взаимнаго обезпеченія общихъ правъ государственнымъ союзомъ, гдѣ каждый находитъ себѣ охрану какъ членъ цѣлаго, — религія состоитъ изъ множества обрядовъ и суевѣрныхъ заповѣдей съ одной стороны, и изъ нравственныхъ и философскихъ поученій съ другой. Для представленія о безплотномъ высочайшемъ существѣ нѣтъ у Китайцевъ даже особаго слова или знака. Религія ихъ не болѣе какъ система морали, которая вся сводится на одно основное правило безпредѣльной покорности дѣтей къ родителямъ, женъ къ мужьямъ и подданныхъ къ государямъ. Въ представленіи неба (тянь) лежитъ однакожь идея Бога, какъ безусловнаго единства и стройности или чина вселенной. Это высшее начало, совокупность вѣчнаго порядка природы, разума и всѣхъ законовъ, представляется дѣйствительнымъ, сознаваемымъ единствомъ въ особѣ императора. Онъ — сынъ неба, истинный намѣстникъ Бога на землѣ, и обязанность его постоянно блюсти законы. — Что касается до страннаго языка Китайцевъ, то у него нѣтъ грамматики въ собственномъ смыслѣ слова, потому что ему чужды склоненія, спряженія, равно какъ и все разнообразіе измѣненій и наращеній звука, чѣмъ другіе языки способны выражать такое множество всѣхъ возможныхъ отношеній; взаимная зависимость словъ между собою опредѣляется и обозначается только ихъ положеніемъ да вставочными частицами. Весь запасъ китайскаго языка состоитъ изъ 450 односложныхъ словъ, которыя при произношеніи на четыре разныя интонаціи, даютъ до 1203 различныхъ значеній. При такой изумительной бѣдности корней, каждое, даже и совершенно одинаково произносимое слово, по необходимости должно имѣть очень разнообразныя значенія; число понятій, выражаемыхъ самыми общеупотребительными словами, простирается отъ 30 до 40 на каждое.

2. Индійцы.

§ 24. Арійцы. Въ горной странѣ Тибета, въ предѣлахъ истоковъ Дзихуна (Аму, Окса) и Жейхуна (Сыръ, Яксарта), съ незапамятныхъ временъ пасъ лошадей своихъ и стада рогатаго скота красивый и способный къ образованію народъ кочевниковъ, который самъ себя называлъ отличнымъ или превосходнымъ, Арья. Когда, по склонности всѣхъ пастушескихъ народовъ къ скитанію, Арійцы покинули свой родной край, то часть ихъ водворилась въ странахъ, лежащихъ на сѣверо-западъ отъ хребта Гиндуку и прозванныхъ древними — Согдіаной, Бактріей, Гирканіей и Арахозіей, а другая часть потянулась далѣе, прошла юго-западныя тѣснины этого хребта и овладѣла богатымъ и плодоноснымъ краемъ по берегамъ Инда (Синд'у). Первые, называвшіеся также Иранцами или, по ихъ священному языку, Зендскимъ народомъ, развили съ временемъ ту дуалистическую религію (§ 8) и ту гражданственность, которую потомъ приняли отъ нихъ ихъ соплеменники-покорители, Мидяне и Персы; вторые, слывшіе у прочихъ народовъ древности подъ именемъ Индійцевъ или Инду, отъ главной рѣки обитаемаго ими края, были творцами той выработанной религіозной системы, тѣхъ оригинальныхъ формъ права и государственности, той замѣчательной санскритской литературы, которыхъ остаткамъ и преданіямъ удивляемся мы до сихъ поръ. Коренные жители той страны, темноцвѣтныя племена, отличавшіяся грубыми нравами и дикимъ образомъ жизни, были, при нашествіи Арійцевъ, частію истреблены или загнаны въ лѣса, частію покорены и обращены въ холопей и невольниковъ. — Съ эпохи переселенія въ область Инда, что должно отнести къ третьему тысячелѣтію предъ Р. Х., и вплоть до 15 вѣка, Арійцы жили въ «Пятирѣчіи» до священной рѣки Сарасвати. Раздѣленные на нѣсколько племенъ, вели они, подъ управленіемъ старѣйшинъ, родоначальниковъ и царей, осѣдлую пастушеско-земледѣльческую жизнь, чествовали бога-солнце Индру, бога небеснаго пространства, «все обтекающаго» Варуну (§ 8) и другія силы природы пѣснями

и жертвоприношеніями и укрѣпляли свое мужество въ бояхъ и племенныхъ усобицахъ. Въ древнѣишихъ частяхъ Ведъ уцѣлѣли еще нѣкоторыя изъ стародавнихъ пѣсенъ и воззваній, пѣвшихся на празднествахъ богамъ и на жертвенныхъ пирахъ въ память умершимъ: эти пѣсни переходили изъ рода въ родъ и сохранялись въ изустномъ преданіи. Раздѣленіе на касты было еще неизвѣстно; каждый отецъ семейства могъ приступать къ богамъ съ жертвой и молитвою; однѣ торжественныя жертвы, приносимыя царемъ за цѣлое племя, совершались извѣстными жреческими родами, особенно угодными божеству и бывшими въ большомъ почетѣ у племеначальниковъ. Въ своемъ постепенномъ расширеніи на югъ, Индійцы можетъ-быть въ 13 и 14 столѣтіи достигли уже устьевъ Инда и завели на южномъ берегу моря торговыя связи въ Египтянами и Финикійцами. Ибо страна Офиръ, гдѣ финикійскіе мореходы забирали дорогіе камни, золото, обезьянъ, павлиновъ, сандалъ и слоновую кость, лежала на нижнемъ Индѣ (Абгира).

Патріархальный этотъ бытъ, съ наивнымъ поклоненіемъ природѣ, узнаемъ мы изъ гимновъ древнѣйшей части Ведъ, Ригведы, — собранія священныхъ пѣсенъ, которыми предки Индійцевъ, живя по берегамъ пяти рѣкъ, молили о благоденствіи себѣ и стадамъ своимъ, привѣтствовали появленіе утренней зари, славили битву молніеноснаго бога (Индры) съ темною силой и восхваляли помощь силы небесной, которая спасала ихъ въ бояхъ. Эти пѣсни расположены по родамъ пѣвцовъ, которымъ ихъ приписывали; онѣ не всѣ религіознаго содержанія, иныя принадлежатъ свѣтской поэзіи и переходятъ даже въ область шутки. Какъ Ригведа, такъ и три въ послѣдствіи къ ней примкнувшія книги, были потомъ значительно распространены трудами жрецовъ и собраны въ три большіе отдѣла: — Самгиты, сборникъ настоящихъ пѣсенъ и молитвъ, Брахманы, которыя содержатъ въ себѣ древнѣйшія правила обрядовъ, словотолкованія, легенды и проч., и Сутры, въ которыхъ изложены важнѣйшія начала вѣроученія и правила жертвоприношеній и религіозныхъ обрядовъ. Книги вторая и третья, Самаведа и Яджуръ-веда, содержатъ въ себѣ стихиры, жертвенныя изреченія и молитвословія для богослужебныхъ цѣлей; наконецъ, позднѣйшій сборникъ, Атарваведа, можно считать дополненіемъ къ Ригведѣ. Онъ преимущественно наполненъ заговорами противъ губительнаго дѣйствія самихъ божествъ и противъ

болѣзней и вредоносныхъ животныхъ, заклятіями на злыхъ враговъ, призываніями благотворныхъ силъ и т. д. Веды писаны на священномъ, уже мертвомъ теперь, языкѣ санскритскомъ, который отличается обиліемъ словъ, благозвучіемъ, гибкостію формъ, и былъ съ весьма раннихъ поръ предметомъ грамматическаго изслѣдованія въ школахъ браминовъ. Склоненія и спряженія санскрита развитѣе, богаче и разнообразнѣе греческихъ; правила благозвучія, словообразованія и словосочетанія его свидѣтельствуютъ о лингвистическомъ мастерствѣ, по истинѣ приводящемъ въ удивленіе. Замѣчательно сходство многихъ индійскихъ словъ и формъ съ словами и формами другихъ языковъ, напримѣръ греческаго, римскаго и т. д. Это сходство простирается почти на весь наличный запасъ корней и на всю систему грамматическаго организма.

§ 25. Арійцы на Гангѣ. а) Геройческій періодъ. Второю степенью развитія было завоеваніе низменностей Ямуны (Джемны) и Ганга: начавшись приблизительно въ 14-мъ столѣтіи до Р. Х., оно положило основаніе героическому періоду, исполненному воинскихъ подвиговъ, о которыхъ воспоминаніе сохранилось еще въ древнѣйшихъ сказаніяхъ національнаго эпоса, Магабгараты и Рамаяны, и въ именахъ нѣкоторыхъ княжескихъ и царственныхъ родовъ. Въ узкой полосѣ земли, на рубежѣ пустыни, гдѣ священная Сарасвати раздѣляетъ область Инда и область Ганга, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій происходила кровополитная борьба, предшествовавшая прочному завоеванію этого благословеннаго края Арійцами. Не только черное первобытное населеніе было побѣждено мечемъ послѣ упорныхъ усилій и частію истреблено, частію порабощено, частію прогнано завоевателями въ лѣса и горы; но и самые завоеватели были вытѣсняемы далѣе на востокъ изъ мѣстъ, столь дорого ими пріобрѣтенныхъ, новыми приливами Арійцевъ съ запада. Эта кровавая борьба произвела полный переворотъ въ нравахъ и образѣ жизни завоевателей. Вмѣсто мелкихъ распрей и хищныхъ набѣговъ, которые совершались на Индѣ для пріобрѣтенія стадъ или пастбищъ, предпринимались теперь походы съ завоевательною цѣлію, давались сраженія, совершались ратные подвиги; родоначальники превращались въ военныхъ царей, подлѣ которыхъ стояло воинственное служебное дворянство; первобытныя религіозныя пѣсни

Ведъ уступали мѣсто воинскимъ и героическимъ пѣснямъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи выработался индійскій эпосъ. Въ то же время, порабощеніемъ прежнихъ обитателей страны положено было основаніе строгому раздѣленію на касты. Послѣ завоеванія, арійскія племена основали различныя царства. На Ямунѣ поселились Матсьи, Суразены и вооруженный дубьемъ пастушескій народъ Ядава, и построили города Индрапрасту и Матгуру; между Ямуною и Гангомъ жили Панчалы и состоявшее въ союзѣ съ ними, героическое племя Куру въ своей столицѣ Гастинапурѣ; далѣе къ востоку поселились Косалы вокругъ блестящей столицы Айодъя; Варанаси (Бенаресъ) былъ мѣстопоселеніемъ Касіевъ; на нижнемъ Гангѣ поселились Магадги и Видеги. Паталипутра (Палиботра), при впаденіи Соны въ Гангъ, въ послѣдствіи прославилась какъ средоточіе древнеиндійской образованности и великолѣпія.

Къ эпохѣ завоеванія относится происхожденіе героическихъ сказаній и воинскихъ пѣсней, составляющихъ основу и древнѣйшее содержаніе двухъ большихъ эпопей — Магабгараты и Рамаяны. Онѣ долгое время распространялись и пополнялись изустнымъ преданіемъ и наконецъ были сложены въ одно цѣлое искуснымъ собирателемъ. Такимъ собирателемъ и составителемъ Магабгараты считается Вьяса а Рамаяны — Вальмики; но оба, подобно Гомеру, лица миѳическія. Такъ какъ каждое поколѣніе дѣлало новыя дополненія и поправки въ эпическихъ сказаніяхъ, и старалось приладить ихъ къ духу, степени образованія и религіознымъ понятіямъ своего времени, то индійскій эпосъ не только безмѣрно разросся въ своемъ объемѣ, и превратился въ нестройную массу вслѣдствіе позднѣйшихъ разнообразныхъ прибавленій, но и подвергся значительнымъ измѣненіямъ относительно языка, формы и понятій, и нерѣдко искаженъ въ самыхъ существенныхъ частяхъ своихъ. Первоначально воинскій и героическій характеръ его, въ рукахъ браминовъ, былъ вытѣсненъ религіознымъ и жреческимъ воззрѣніемъ и растянутъ до безконечности вставными религіозными и нравственными поученіями. Въ Магабгаратѣ, напримѣръ, повѣствованіе о «великой войнѣ» прерывается знаменитымъ разговоромъ Бгагавадъ-Гита (божественная пѣснь), въ которомъ Кришна передаетъ Арджунѣ 18 пѣсней сряду, въ виду сражающихся войскъ, о глубокихъ философскихъ и нравственныхъ вопро-

сахъ. Въ Магабгарату вставлены также многіе другіе эпизоды и «индійскія саги», какъ напримѣръ извѣстный разсказъ: «Наль и Дамаянти», идиллическій разсказъ о вѣрной Савитри и др.; а зерно и главное содержаніе поэмы составляетъ «сказаніе о великой войнѣ», или борьба между двумя родственными родами героевъ, Куру и Пандава. Дурьіодгана, царь гастинапурскій, глава рода Куру, сначала подѣлилъ царство между сыновьями Панду, своими родственниками, изъ которыхъ главную роль играютъ Юдгиштира и Арджуна. Но Юдгиштира проигралъ свое царство и всѣ свои сокровища Дурьіодганѣ, вслѣдствіе чего сыновья Панду уходятъ въ лѣсъ, гдѣ обѣщаютъ оставаться тринадцать лѣтъ. Наученные хитрымъ Кришною, который въ послѣдствіи былъ прославленъ подъ именемъ «пріобрѣтателя коровъ» (Говинда) и котораго геройскіе подвиги и любовныя похожденія съ пастушками разсказаны въ принадлежащей позднѣйшему времени полу-лирической, полу-драматической поэмѣ Гита Говинда, сыновья Панду нарушили свое клятвенное обѣщаніе и начали большую войну съ родомъ Куру, въ которой вскорѣ приняли участіе всѣ арійскія племена. Куру, изъ коихъ особенно замѣчательны престарѣлый герой Бгишма и поэтическая личность Карны, сначала имѣютъ перевѣсъ, но подъ конецъ противники побѣждаютъ ихъ съ помощію хитрости и коварной измѣны Кришну, управляющаго колесницею Арджуны. — Между тѣмъ какъ древнѣйшія пѣсни Магабгараты пропикнуты воинственнымъ духомъ, и герои ихъ, «никогда не показывавшіе тыла въ бою, а всегда поражаемые въ грудь», мѣрялись силами между собою, въ Рамаянѣ на первомъ планѣ выставлены пассивныя добродѣтели: вѣрность, послушаніе, любовь къ родителямъ и любовь супружеская. Рама — олицетвореніе добродѣтели, полное выраженіе индійскихъ понятій о нравственности; въ этомъ образѣ рыцарскіе военные подвиги освящены высшими доблестями: благочестіемъ, преданностію долгу, кроткою покорностію судьбѣ; оттого героическія сказанія Рамаяны очевидно принадлежатъ позднѣйшему времени. Рама, добродѣтельный царскій сынъ въ странѣ Айодъя (Аудъ), лишенъ престола кознями своей мачихи и удаляется въ лѣсъ съ женою Ситой, которая не хочетъ покинуть его. Здѣсь борется онъ противъ духовъ-великановъ (Ракшаса) и чудищъ юга и этою борьбою возбуждаетъ гнѣвъ могущественнаго царя великановъ Раваны на Ланкѣ (островъ Цейлонъ). Изъ мести увозитъ Равана на островъ жену Рамы — Ситу. Чтобы возвратить жену, Рама соединяется съ

обезьянами или лѣсными людьми, подъ которыми, какъ и подъ Ракшасами, нарушающими благочестивыя дѣла отшельниковъ, должно разумѣть дикія племена первобытныхъ обитателей Декана. Вспомоществуемый царемъ обезьянъ Гануманомъ, Рама переходитъ на островъ Цейлонъ по мосту изъ коралловыхъ скалъ, послѣ страшнаго боя побѣждаетъ царя великановъ Равану и возвращаетъ свободу вѣрной своей Ситѣ. Между тѣмъ исполнились четырнадцать лѣтъ изгнанія, — Рама возвращается въ Айодъю и правитъ царствомъ счастливо и мудро, такъ что правленіе его открываетъ собою золотой вѣкъ. — Какъ въ Магабгаратѣ историческою основою поэмы служитъ завоеваніе долины Ганга, такъ въ Рамаянѣ такою основою служитъ распространеніе Арійцевъ въ южной части полуострова. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Рамаянѣ содержатся древнѣйшія легенды и воспоминанія о первыхъ попыткахъ колонизаціи Декана и соединенной съ ними упорной борьбѣ противъ дикихъ первобытныхъ его обитателей; несомнѣнно и то, что святые отшельники и мудрецы, поддерживавшіе походъ Рамы и основавшіе святилища въ тѣхъ мѣстахъ, которыя онъ проходилъ, были первыми двигателями мирнаго распространенія арійской религіи и образа жизни, и что они положили основаніе будущимъ царствамъ и городамъ. Сита значитъ «борозда пашни», а Рама — «плугоноситель», чѣмъ ясно обозначается аллегорическое отношеніе между ними.

б) Арійцы подъ властью браминовъ. Завоевательная борьба повидимому поколебала и сломила народныя силы Индійцевъ. Оттого сословію жрецовъ не трудно было, по наступленіи мира и спокойствія, вытѣснить ослабленное военное сословіе изъ его прежняго общественнаго положенія, тѣмъ болѣе, что разслабляющій климатъ и необычайное плодородіе въ новыхъ поселеніяхъ на Гангѣ и Ямунѣ болѣе благопріятствовали спокойному, религіозному настроенію и мирнымъ занятіямъ, нежели развитію воинскаго духа и военной дѣятельности. Эти обстоятельства, въ соединеніи съ пассивнымъ характеромъ народа, сильно помогли браминамъ въ ихъ стремленіи подчинить всю его внутреннюю и внѣшнюю жизнь жреческому закону. Они мало-по-малу вытѣснили древнюю естественную религію, замѣнивъ ее пантеистическимъ, эманаціоннымъ ученіемъ о Брамѣ, какъ душѣ міра (см. § 8); они препятствовали свободному развитію

народныхъ силъ строгимъ раздѣленіемъ народа на касты, причемъ присвоили себѣ первое мѣсто, и опутали жизнь безчисленными обрядовыми законами, жертвоприношеніями и очищеніями; они сообщили земной жизни мрачный оттѣнокъ чрезъ устрашающее ученіе о перерожденіяхъ и мученіяхъ ада, и подавили всякое живое начало въ человѣкѣ, всякій радостный порывъ; они указывали на мрачную аскетическую жизнь, исполненную искусственнаго покаянія и самоистязаній, на умерщвленіе плоти и всякаго чувственнаго удовольствія чрезъ погруженіе въ созерцаніе воображаемаго божества, какъ на вѣрнѣйшій путь къ освобожденію души отъ тѣлесныхъ оковъ и къ возвращенію изъ бѣдственной земной жизни въ небесное отечество. Въ тоже время они усиливались привести въ порядокъ и вполнѣ усвоить себѣ новое міросозерцаніе во всей его величественной односторонности посредствомъ ученаго формализма и схоластической умственной дѣятельности, полной замысловатыхъ діалектическихъ уловокъ.

По ученію Ведъ, были три чистыя касты: 1) брамины, вышедшіе изъ устъ Брамы, 2) кшатріи (воины) — изъ рукъ Брамы, и 3) ваисьи (земледѣльцы, купцы и ремесленники), — изъ ногъ Брамы. Эти три касты могутъ читать священныя книги (Веды), участвовать въ жертвоприношеніяхъ и считаются дважды рожденными, т. е. возродившимися. Четвертая каста, судры, чернокожіе покоренные обитатели Индіи, имѣвшіе совершенно другой языкъ, но принадлежавшіе къ сферѣ браминской жизни и вѣроученія, должны быть слугами другихъ и пользуются ихъ презрѣніемъ. Они исключены отъ религіознаго общенія съ народомъ и лишены освященія посредствомъ священнаго пояса, которое составляетъ исключительное достояніе трехъ первыхъ кастъ. Изъ этой касты брали рабовъ и слугъ. Въ настоящее время она сдѣлалась въ Индіи кастою, занимающеюся ремеслами и земледѣліемъ. Брамины считаются людьми священными и неприкосновенными; они не подлежатъ тѣлесному наказанію ни за какое преступленіе, между тѣмъ какъ нанесенное имъ оскорбленіе остается вѣчнымъ пятномъ на душѣ оскорбителя и подвергаетъ его жесточайшимъ временнымъ и вѣчнымъ наказаніямъ. Браминъ охраняетъ религію, читаетъ и толкуетъ Веды, совершаетъ жертвоприношенія, молитвы и очищенія, наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ, пе-

чется о наукахъ и искусствахъ, даетъ совѣты царямъ, и во всемъ этомъ долженъ быть образцомъ мудрости, справедливости и нравственной чистоты. Оттого имѣетъ онъ право на такое же почитаніе, какое воздается богамъ.

Кшатріи, къ которымъ принадлежали цари, составляли военное дворянство, завѣдывавшее обороною страны и вообще военными дѣлами. Владѣя огромными помѣстьями, получая богатое вознагражденіе отъ царей, снабженные оружіемъ и всѣми боевыми принадлежностями, они жили беззаботно, развлекаясь ратными упражненіями, охотою и воинскими пѣснями. Въ противоположность неимѣвшимъ знатныхъ предковъ ваисьямъ, жрецы и воины составляли два первенствующія сословія. — Но кромѣ этихъ чистыхъ кастъ, опирающихся на правомѣрное происхожденіе отъ ровныхъ браковъ, были еще смѣшанныя и нечистыя касты, къ которымъ причислялись какъ потомки дикихъ первобытныхъ обитателей Индіи, оставшіеся чуждыми браминской образованности, такъ и всѣ рожденные отъ недозволенныхъ браковъ: касты эти такъ размножились съ теченіемъ времени, что въ настоящее время ихъ не менѣе сорока. Самою униженною и презрѣнною считалась каста чандаловъ, занятія которыхъ состояли въ уборкѣ падали и исполненіи смертной казни надъ преступниками. Чандалы извѣстны подъ названіемъ паріевъ, безгранично презираемыхъ въ Индіи. Они не смѣютъ жить въ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ, даже близко отъ такихъ мѣстъ; все, къ чему только прикоснулись они, считается нечистымъ; нечистою слыветъ даже вода, по которой пробѣжала одна тѣнь чандала. Каждый, кому случится увидѣть его, признаетъ себя оскверненнымъ. Если чандалы покажутся на дорогѣ, по которой проходятъ брамины или только свита браминовъ, то ихъ преслѣдуютъ, разгоняютъ и убиваютъ, какъ дикихъ звѣрей, чтобы не дышать однимъ воздухомъ съ ними. Говорятъ, будто отъ нихъ происходятъ Цыгане. Хотя, съ одной стороны, такое строгое раздѣленіе народа по наслѣдственнымъ сословіямъ и занятіямъ до нѣкоторой степени имѣло слѣдствіемъ сохраненіе національныхъ его особенностей и развитіе земледѣльческой и ремесленной промышленности; за то, съ другой стороны, оно способствовало порабощенію народа и угнетенію низшихъ классовъ высшими.

в) **Индійское государство и законодательство.** Брамины подчинили своему закону не только религію и область вѣры, наложивъ на нихъ печать своего особеннаго спиритуа-

лизма, но старались еще подвести подъ свое воззрѣніе и приноровить къ своимъ правиламъ государство и законодательство, т. е. гражданскую жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Съ этою цѣлію составили они собраніе законовъ, будто бы данныхъ самимъ Ману и имѣющихъ божественное происхожденіе; эти законы должны были имѣть силу во всѣхъ индійскихъ государствахъ и держать народъ въ повиновеніи и покорности посредствомъ жестокихъ наказаній и строгаго деспотизма, основаннаго на чиновническомъ и полицейскомъ порядкѣ. Законы Ману присвоиваютъ индійскимъ царямъ, принадлежащимъ къ воинской кастѣ, высшую степень полновластія; но за такое содѣйствіе деспотизму, брамины потребовали себѣ всякаго рода преимуществъ: ихъ собственность была освобождена отъ налоговъ, они составляли совѣтъ царя и руководили его рѣшеніями по управленію и законодательству. Индійская нація никогда не была связана какимъ нибудь общимъ интересомъ; подобно тому, какъ существовали порознь отдѣльныя касты, все индійское царство распалось на множество государствъ, между которыми не было никакой внѣшней связи. Отдѣльныя государства состояли въ свою очередь изъ множества разрозненныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ, которыя едва соединялись въ окружное управленіе, и то лишь ради сбора податей и главнаго надзора. Налоги были до того обременительны, что походили на грабежъ: не только взималась значительная подать со всѣхъ естественныхъ произведеній, но и торговля подверглась страшнымъ таможеннымъ и другимъ поборамъ; ремесленники и поденщики должны были работать безплатно одинъ день въ мѣсяцъ для казны. Къ этому присоединялись поголовная подать и такъ-называемыя добровольныя приношенія. Такія политическія и общественныя условія конечно не могли способствовать развитію политическаго смысла въ индійскомъ народѣ; народъ отвернулся отъ безотрадной дѣйствительности, въ которой всякая радость подавлялась мрачнымъ деспотизмомъ, соединеннымъ съ тяжкими налогами, съ произволомъ и наглостію чиновниковъ, и искалъ счастія и спасенія въ области вѣры и фантазіи, въ мірѣ воображенія и мечтаній.

Законы Ману, котораго называли то первымъ человѣкомъ, то первымъ царемъ, то первымъ мыслителемъ и святымъ жрецомъ, заключаютъ въ себѣ: 1) правила, предписываемыя Ведами; 2) «обычаи добрыхъ», т. е. обычное право и древніе юридическіе обычаи отдѣльныхъ мѣстностей, въ особенности священной страны на берегахъ Ямуны; 3) изреченія и поученія древнихъ жрецовъ и мыслителей. Начинаясь сказаніемъ о мірозданіи, эта книга говоритъ о воспитаніи, потомъ переходитъ къ законамъ о бракѣ, домашнимъ обязанностямъ, постамъ и очищеніямъ, богопочитанію, управленію и законодательству, исполненію законовъ, торговлѣ, смѣшаннымъ кастамъ, покаянію и примиренію съ божествомъ, и оканчиваетъ переселеніемъ душъ и загробною жизнію. Всѣ законы Ману раздѣлены на двѣнадцать книгъ; отдѣльные законы изложены въ стихотворной формѣ. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ они принадлежатъ 7-му вѣку до Р. Х. Законы Ману сравниваютъ царей съ богами. «Брама создалъ царя, взявъ части изъ сущности осьми хранителей вселенной, которыя и соединяются въ особѣ царя. Какъ Индра блистаетъ лучезарнымъ сводомъ небеснымъ, такъ царь превосходитъ блескомъ всѣхъ смертныхъ; какъ Индра четыре мѣсяца льетъ воду съ неба, такъ и царь долженъ благодѣяніями осыпать свой народъ. Подобно Сурьѣ (богу солнца), сіяетъ царь во всѣхъ глазахъ и сердцахъ, и никто не смѣетъ воззрѣть на ликъ его. Какъ Сурья въ теченіе осьми мѣсяцевъ тянетъ своими лучами сырость изъ земли, такъ и царь властенъ брать правомѣрныя подати съ своихъ подданныхъ. Какъ Вайу (вѣтеръ) облетаетъ землю и всѣхъ тварей и пропикаетъ ихъ, такъ всюду должна проникать царская власть. Какъ Яма въ подземномъ царствѣ, такъ и царь долженъ быть справедливымъ повелителемъ; какъ Яма, когда приходитъ время наказывать, караетъ и враговъ и друзей своихъ, и тѣхъ, кто поклоняется ему, и тѣхъ, кто его презираетъ, такъ и царь долженъ судить своихъ подданныхъ. Какъ богъ Варуна, объемлющій вселенную, подъ конецъ все-таки опутываетъ и задерживаетъ виновныхъ, такъ и царь долженъ заключать преступниковъ въ тюрьму. Какъ Агни, царь есть священное пламя; онъ долженъ истреблять огнемъ своего гнѣва всѣхъ преступниковъ, цѣлыя семьи со всѣмъ ихъ имуществомъ и стадами, и долженъ быть неумолимъ къ своимъ министрамъ. Какъ люди радуются при видѣ бога луны (Чандры), такъ радуетъ ихъ ликъ добраго повелителя; какъ Рувера посылаетъ изобиліе, такъ награждаетъ дарами благосклонный царскій взоръ.»

г) Брамаизмъ и буддизмъ. Среди спокойной и однообразной жизни на Гангѣ, брамины все болѣе и болѣе погружались въ умозрѣнія объ отношеніи міра къ Брамѣ. Они разорвали всякую связь между духомъ и матеріей, между тѣломъ и душою; приписывая дѣйствительное бытіе только сверхъестественному, и признавая исключительною задачею земной жизни созерцаніе Брамы, они дошли до фантастическихъ ученій и грезъ о ничтожествѣ міра явленій и всенаполняющемъ разливѣ божественной жизни. Они приписывали гораздо больше важности безмятежному созерцанію и спокойной думѣ, чѣмъ развитію духовныхъ и физическихъ силъ человѣка на благо всему человѣчеству, и высокомѣрно избѣгали всякаго общенія съ низшими классами народа. Они старались разрѣшить задачу земнаго бытія рабскимъ исполненіемъ безчисленныхъ заповѣдей, установленій и правилъ на всѣ случаи жизни, покаяніемъ и самоистязаніемъ, ханжествомъ безъ всякаго духовнаго напряженія и высокихъ нравственныхъ стремленій, очищеніемъ, воздержаніемъ отъ мясной пищи (такъ какъ по ученію о душескитательствѣ и въ животныхъ могли быть человѣческія души), умерщвленіемъ плоти и чувственныхъ пожеланій, и черезъ все это надѣялись сдѣлаться причастными вѣчнаго спокойствія въ Брамѣ. Такимъ образомъ Индійцы на Гангѣ стали совершенно чужды дѣйствительной и дѣятельной жизни, и «міръ фантазіи сдѣлался ихъ отечествомъ, небо ихъ родиной». Умозрѣніе браминовъ достигло наконецъ той высоты, которая угрожала погибелью всякой реальной и практической жизни, когда Будда (ум. 540 г.), «пробужденный», царскій сынъ изъ Капилавасту на предгорьяхъ Гималайи, явился основателемъ новаго ученія, которое вскорѣ сильно распространилось и оказало огромное вліяніе на понятія всего Востока. Будда однимъ ударомъ уничтожилъ браминскую систему, отвергая существованіе всѣхъ небожителей и самого Брамы, не признавая спасительной силы Ведъ, проповѣдуя вмѣсто суроваго аскетизма, жертвоприношеній и очистительныхъ правилъ, нравственное ученіе о снисхожденіи, милосердіи, любви къ человѣку и ко всѣмъ тварямъ; онъ разрушилъ также порядокъ, основанный на кастахъ и высокомѣріи высшихъ сословій, ученіемъ о равенствѣ между всѣми

людьми. Но дѣйствуя все-таки въ кругѣ индійскихъ понятій, онъ тоже полагалъ цѣль земной жизни въ умерщвленіи всѣхъ страстей и пожеланій, въ бездѣйственномъ существованіи, исполненномъ страдательныхъ добродѣтелей. Будда отрекся отъ своего высокаго происхожденія, удалился въ лѣса, прикрытый нищенскою одеждой, и тамъ стремился постигнуть вѣчную истину, предаваясь самому тяжкому покаянію и умерщвленію плоти. Достигнувъ наконецъ желаннаго просвѣтленія, онъ выступилъ учителемъ и основателемъ новой религіи; но онъ не жилъ, подобно мудрецамъ-браминамъ, въ одиночествѣ и въ пустынѣ, а ходилъ съ нѣсколькими учениками по долинѣ Ганга, проповѣдуя свое ученіе о всеобщемъ страданіи и его исцѣленіи. Онъ обращался не къ высшимъ сословіямъ, какъ дѣлали брамины, но ко всему народу безразлично, какъ къ «дваждырожденнымъ», такъ и къ судрамъ и чандаламъ; онъ училъ объ «одномъ законѣ милосердія для всѣхъ», и тѣмъ сильно привлекъ къ себѣ низшихъ и угнетенныхъ, ожидавшихъ отъ него освобожденія изъ-подъ ига тѣхъ общественныхъ условій, которыя неразлучны съ принудительнымъ раздѣленіемъ людей на касты, по происхожденію ихъ. Ученіе о равенствѣ между людьми, о достиженіи вѣчнаго покоя посредствомъ добродѣтельной и человѣколюбивой жизни, и освобожденіе отъ фантастическихъ системъ и ханжества высокомѣрныхъ браминовъ произвели сильное впечатлѣніе въ Индіи. Увѣровавшіе ученики, странствуя по примѣру обожаемаго учителя въ желтой нищенской одеждѣ, быстро разнесли ученіе Будды по всему пространству отъ Гималайи до Цейлона, и повсюду были сооружены ими въ безчисленномъ множествѣ памятники (ступы) въ честь учителя, съ общежительными постройками для послѣдователей новаго ученія, отрекшихся отъ міра (бикшу). Брамины тревожно слѣдили за возраставшими успѣхами буддизма. Они пытались противодѣйствовать ему, стараясь сдѣлать свою религіозную систему доступнѣе для народа и сблизить ее съ міромъ дѣйствительнымъ, развитіемъ догмата о воплощеніяхъ (см. § 8); они передѣлали народный эпосъ въ этомъ смыслѣ и расширили его глубокомысленной бесѣдою Бгагавадъ-Гиты. Буддизмъ имѣлъ также огромное вліяніе на индійское искусство. Куполообразныя

ступы, извѣстныя у Европейцевъ подъ именемъ пагодъ и построенныя буддистами въ память учителя надъ тѣлесными его останками, которые признавались за святыню, побудили и служителей Брамы строить храмы и жилища въ честь своихъ боговъ и украшать ихъ живописью и символическими изображеніями. Такъ возникли, доселѣ возбуждающіе общее удивленіе, горные и пещерные храмы — эллорскій, сальсетскій, элефантинскій и другіе. Но ни въ раздѣленіи на касты, ни въ правилахъ аскетизма, ни въ безчисленныхъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ брамины не допустили никакой перемѣны; оттого ихъ усилія вытѣснить буддизмъ не имѣли успѣха. Даже многіе цари (прежде всѣхъ Асока) обратились къ буддизму. Наконецъ удалось однако браминамъ возбудить противъ буддистовъ кровавыя гоненія, которыя вскорѣ приняли страшные размѣры и имѣли слѣдствіемъ почти совершенное истребленіе буддистовъ въ верхней Индіи. О свирѣпости этого преслѣдованія, повидимому достигшаго высшей степени въ шестомъ столѣтіи по Р. Х., свидѣтельствуетъ слѣдующее повелѣніе одного царя: «Кто отъ моста до снѣжныхъ горъ не душитъ буддистовъ, не щадя при этомъ ни стараго, ни малаго, тотъ самъ будетъ задушенъ!» наказывалъ царь слугамъ своимъ. Мостъ, о которомъ говорится здѣсь, есть проливъ, отдѣляющій Цейлонъ отъ Декана, а снѣжныя горы — вершины Гималайи; стало быть, преслѣдованіе обнимало весь полуостровъ. Приверженцевъ, утраченныхъ здѣсь буддизмомъ, съ избыткомъ замѣнили новые на островѣ Цейлонѣ, въ Тибетѣ, Китаѣ и другихъ краяхъ, гдѣ сильно распространилось это ученіе; но быстро распространяясь, оно принимало въ себя чуждые элементы и чрезъ приспособленіе къ иноземнымъ религіознымъ понятіямъ мало-по-малу приближалось къ тому искаженному состоянію, въ какомъ мы видимъ его теперь. Религіозная система буддистовъ тоже наполнилась безчисленнымъ множествомъ божествъ, догматическая сторона ихъ ученія превратилась въ дикій, чудовищный мистицизмъ, ихъ религіозныя сочиненія размножились до безконечности, самая религія стала великолѣпно обстановленнымъ, но безжизненнымъ исполненіемъ обрядовъ и формальностей, а ученіе о достоинствѣ аскетическаго жре-

чества и бездѣйственной жизни отшельниковъ (бикшу) въ домахъ религіозныхъ общинъ (вигари) породило властолюбивую и сильную іерархію.

Многочисленные жрецы, считавшіе праздную созерцательность святою и высшею заслугою, удалились отъ практической жизни и общенія съ народомъ, основали отшельническіе ордена и братства и стремились къ достиженію святости чрезъ воздержаніе отъ всѣхъ удовольствій, безбрачіе, отчужденіе всякаго земнаго имущества и соблюденіе множества суевѣрныхъ обычаевъ, формальныхъ молитвъ (съ помощію четокъ) и благочестивыхъ обрядовъ (процессій, самоистязаній, хожденій на богомолье). Самое многочисленное сословіе жрецовъ-буддистовъ — въ Тибетѣ, гдѣ принадлежатъ къ нему половина жителей и пользующійся божескими почестями духовный и свѣтскій владыка Далай-Лама. Вошло въ обычай класть останки Будды въ драгоцѣнные ящики и ставить около нихъ или надъ ними памятникъ (ступа), обыкновенно въ формѣ цилиндра съ куполомъ. О магадъяскомъ царѣ Асокѣ (около 250 г. до Р. Х.) разсказываютъ, что онъ велѣлъ вскрыть восемь ступъ, первоначально содержавшихъ въ себѣ останки Будды (за исключеніемъ одной, стоявшей въ Рамагрѣ) и раздѣлить каждую изъ семи частей Будды еще на 12,000, такъ что всѣхъ частей составилось 84,000. Потомъ, когда эти части были опять положены въ золотые, серебряные, хрустальные и лазуревые ящики, Асока роздалъ ихъ 84,000-мъ городовъ и мѣстечекъ своего царства, велѣлъ построить надъ каждымъ ящикомъ по ступѣ и, сверхъ того, при каждой ступѣ имѣть монастырь (вигару). Но и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были освящены присутствіемъ Будды и гдѣ онъ проповѣдывалъ, училъ и совершалъ чудеса, были построены памятники и святилища; говорятъ, царь Асока даже велѣлъ соорудить ступы надъ останками главнѣйшихъ учениковъ Будды, вслѣдствіе чего еще больше распространилось поклоненіе тѣламъ умершихъ. На стѣнахъ почти всѣхъ ступъ изображали Будду въ сидячемъ положеніи, со скрещенными руками, съ выраженіемъ спокойной задумчивости или поученія на лицѣ. Изображенія были окружены надписями, заключавшими въ себѣ изреченія Будды и главныя правила его ученія. Усердіе, съ какимъ вѣрующіе стремились поклоняться ликамъ Будды и его избранниковъ и прославлять память его постройками, сообщило сильное движеніе индійской архитектурѣ и пластикѣ и возбудило соревнованіе браминовъ. Такъ возникли огромные пещерные храмы въ

Карли, Агантѣ, Эллорѣ и другихъ мѣстахъ. Большія храмовыя и подземныя сооруженія въ Эллорѣ (въ центрѣ верхней Индіи), Сальсеттѣ (около Бомбея) и на островѣ Элефантѣ (въ Бомбейскомъ заливѣ), гдѣ въ скалахъ высѣчены ярусами и рядами, на протяженіи многихъ верстъ, храмы, жилища, галереи съ изваяніями и надписями, и башнеобразныя ступы, доселѣ возбуждаютъ изумленіе путешественниковъ и свидѣтельствуютъ о могущественномъ вліяніи жреческаго сословія и самоотверженномъ напряженіи народныхъ силъ въ пользу религіи. Особенно замѣчательны священные памятники Эллоры. «Эллорскія работы, сказано въ одномъ изъ новѣйшихъ путешествій, далеко превосходятъ всѣ другіе памятники въ этомъ родѣ окончennостію рисунка и исполненіемъ. Гроты, храмы и жилища высѣчены въ скалистой горѣ, простирающейся полукружіемъ больше чѣмъ на цѣлый часъ ходьбы, и содержатъ въ себѣ, сверхъ украшеній и скульптурныхъ издѣлій, ихъ покрывающихъ, безчисленное множество такихъ искусныхъ и трудныхъ работъ, которыя могли быть исполнены лишь въ теченіе необъятнаго періода времени, съ настойчивостію и терпѣніемъ, превышающими всѣ наши понятія.» Но ни постройки, ни скульптура Индійцевъ не имѣютъ художественнаго достоинства. «Ихъ архитектурныя формы тяжелы, напыщенны, загромождены и притомъ совершенно неопредѣленны; въ нихъ не преобладаетъ ни прямолинейная, ни криволинейная, ни куполообразная, ни прямоугольная форма, но почти всегда встрѣчается смѣшеніе ихъ», а въ изваніяхъ господствуетъ мягкость, любящая излишнюю полноту тѣлесныхъ формъ, что безъ яснаго обозначенія скелета и мускуловъ, особенно при чрезмѣрной величинѣ фигуръ, производитъ впечатлѣніе вялости и немощной чувственности.

§ 26. Позднѣйшая образованность Индіи. Когда, вслѣдствіе похода Александра Великаго, Индія пришла въ болѣе близкое соприкосновеніе съ западно-азіятскимъ и греческимъ образованнымъ міромъ, индійская жизнь уже склонялась къ упадку, и творческая дѣятельность ея угасла. Духъ отвлеченности и безплоднаго умствованія произвелъ и внесъ въ самый бытъ множество системъ и, утомленный, отдыхалъ теперь, оставляя потомству чудныя свои созданія, какъ готовыя, законченныя формы для внутренней и внѣшней жизни. Правда, религіозныя воззрѣнія еще подверглись съ теченіемъ времени нѣкоторымъ перемѣнамъ; подъ вліяніемъ

греческаго духа двинулись впередъ наука и искусство; торговля и промышленность Индіи значительно развились вслѣдствіе сношеній съ образованными государствами александрійской эпохи; но производительная сила Индіи была истощена, и основныя формы быта остались непзмѣнными. Наступила та неподвижность, тотъ духовный застой, которые рано или поздно обнаруживаются во всѣхъ государствахъ Востока, плодомъ тлетворнаго деспотизма и окаменѣлаго дѣленія на касты. Все новое въ литературѣ и философіи было только дальнѣйшимъ развитіемъ и распространеніемъ старыхъ основныхъ понятій. Формы вѣры и богослуженія расходились между собою болѣе и болѣе, секты размножались въ такой же мѣрѣ, какъ и касты, и многобожіе дошло до такого пестраго разнообразія, что первоначальное единство міра Брамы совершенно утратилось. Къ этому времени размноженія сектъ принадлежатъ Пураны, богословскія и философскія поученія, обрядовыя и аскетическія правила и легенды, которыя, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, принадлежатъ 11 или 12 вѣку нашего лѣтосчисленія, но конечно заимствованы изъ болѣе древнихъ писаній. Напротивъ, нѣкоторыя науки были предметомъ ревностнаго занятія и изслѣдованія. Грамматика рано была отлично обработана и всего болѣе входила въ преподаваніе браминовъ; астрономія процвѣтала подъ вліяніемъ Халдеевъ и Грековъ, которые вѣроятно занесли въ Индію познаніе зодіака; врачебная наука была предметомъ старательнаго изученія; алгебра и десятичная система возникли въ Индіи, и оттуда перешли въ Европу черезъ посредство Арабовъ. Брамины не имѣли большой склонности и способности къ исторіи; однако лѣтописи буддистовъ не лишены достоинства. Въ области поэзіи тоже явились замѣчательныя произведенія у Индійцевъ позднѣйшаго времени. Драма, которая рано была извѣстна Индійцамъ въ соединеніи съ пляскою и музыкой, достигла высокаго совершенства подъ вліяніемъ греческой образованности. Цвѣтистая, прелестная картина судьбы, Сакунтала, или «Роковой перстень», драма поэта Калидасы, жившаго во 2 вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, возбудила такой восторгъ при своемъ первомъ появленіи въ англійскомъ переводѣ, что

вскорѣ была переведена на всѣ языки образованной Европы. Въ эпоху македонскаго владычества въ Индіи уже были извѣстны басня, въ которой дѣйствующими являются животныя, и развившійся изъ нея эпосъ, тоже съ животными вмѣсто дѣйствующихъ лицъ. Сборники индійскихъ басенъ и сказокъ проникли въ Европу черезъ посредство Грековъ, Персовъ и Арабовъ. Содержаніе многихъ самыхъ извѣстныхъ европейскихъ басенъ и значительнаго числа арабскихъ сказокъ «1001 Ночи», заимствовано у Индійцевъ. — Пляска, «образъ безостановочно кружающейся, мимолетной жизни міра», вошла въ составъ позднѣйшаго индійскаго богослуженія. Она преимущественно исполнялась публичными танцовщицами — баядерами — на торжественныхъ религіозныхъ празднествахъ. — Промышленность и торговля, которымъ брамины не давали большаго значенія, предоставляя ихъ ваисьямъ, съ теченіемъ времени достигли значительнаго развитія, причемъ обнаружилось единственное хорошее вліяніе дѣленія на касты. Исключенные изъ высшей духовной жизни и не встрѣчая внѣшнихъ препонъ, ваисьи посвящали всю свою дѣятельность ремесламъ и передавали свое искусство потомкамъ. Они изобрѣли способъ превращать желѣзо въ сталь, и металлическія ихъ работы изъ мѣди, золота и серебра уже возбуждали удивленіе Грековъ; индійскія хлопчато-бумажныя, шерстяныя, а можетъ быть и шелковыя ткани высоко цѣнились во всемъ древнемъ мірѣ; съ большимъ искусствомъ обдѣлывались также драгоцѣнные камни. Не менѣе сильно развилась сухопутная и морская торговля Индіи, особенно при содѣйствіи царскаго деспотизма, который для удовлетворенія собственной страсти къ пышности и роскоши, а также для увеличенія своихъ доходовъ посредствомъ таможенныхъ пошлинъ, значительно поощрялъ торговыя сношенія. Проводились торговыя дороги, учреждались складочныя мѣста, для внѣшней торговли открывались гавани. Большіе обозы и караваны перевозили въ отдаленные города или къ морскому берегу, для дальнѣйшей отправки, какъ дорогія естественныя произведенія страны, — золото и драгоцѣнные каменья, сандальное дерево и шафранъ, ладанъ, елей и жемчугъ, такъ и произведенія искусства и трудолю-

бія, — шелковыя ткани, багряницы, красильныя вещества и металлическія издѣлія; торговыя общества, пользуясь гильдейскими правами и ведя обширныя коммерческія дѣла, скопляли огромныя богатства, которыми не рѣдко возбуждали алчность царей и чиновниковъ. Но къ чему служили индійскому народу всѣ дары природы и искусства? Порабощенный духомъ кастъ и деспотизмомъ, напуганный трепетнымъ ожиданіемъ перерожденій и наказаній ада, измученный исполненіемъ религіозныхъ формальностей и правилами мертваго ханжества, раздробленный на множество государствъ и народцевъ безъ всякой общей связи между ними, онъ былъ лишенъ живительнаго и возвышающаго чувства свободы и любви къ отечеству. Робкій и невоинственный, онъ сталъ добычею всѣхъ завоевателей и съ тупою покорностію судьбѣ склонялся подъ всякое чужеземное иго. Исполненный, въ то же время, высокомѣрнаго презрѣнія ко всему иностранному, онъ упорно охранялъ наслѣдованныя отъ предковъ учрежденія и правила, и въ каждой попыткѣ освободить его отъ роднаго суевѣрія и жестокихъ обычаевъ, видѣлъ лишь враждебное посягательство на священныя свои права. Даже обычай, возлагающій на вдову трагическую обязанность добровольно бросаться въ огонь, чтобъ слѣдовать за умершимъ мужемъ въ царство мертвыхъ, до сихъ поръ не могъ быть устраненъ совершенно. Надѣленная лучшими дарами природы и неисчерпаемыми богатствами, Индія съ древнѣйшихъ временъ слыла страною чудесъ всякаго рода, и оттого издавна была цѣлію большихъ завоевательныхъ походовъ и отважныхъ предпріятій, обѣтованнымъ царствомъ преданій, сказокъ и поэзіи.

3. Вавилоняне и Ассирійцы.

§ 27. Въ плодоносныхъ областяхъ, орошаемыхъ Евфратомъ и Тигромъ, и въ изобилующей лугами отлогой Месопотаміи (междурѣчіи) жили искони симитскіе народы, въ томъ числѣ Вавилоняне и Ассирійцы. Первобытные обитатели, пастухи и земледѣльцы, поселившіеся послѣ великаго потопа въ этой богатой сказаніями рѣчной области, вѣроятно были рано покорены горнымъ народомъ Арменіи,

Халдеями. Можно предполагать, что часть Халдейскаго народа спустилась съ каменистыхъ высотъ Арменіи вдоль по теченію рѣкъ въ среднюю рѣчную область, и что потомъ часть его пошла далѣе на югъ и заселила плодоносную мѣстность при низовьи Евфрата (Синеаръ, Сеннааръ). Отсюда воинственные старѣйшины сильнаго горнаго народа покорили древнихъ обитателей равнины и основали обширное царство, столицею котораго сталъ Вавилонъ, а властители называются халдейскими царями. Основателемъ Вавилонскаго царства съ столицею Вавилономъ, построенною въ видѣ четыреугольника и пересѣкаемою Евфратомъ, считается Нимродъ, или Неврод̀ъ (2100 г.), «исполинъ ловецъ предъ Господомъ богомъ». Сто лѣтъ спустя, Нинъ (2000 г.), царь (древней) Ассиріи, основалъ, какъ думаютъ, большой городъ Ниневію, на Тигрѣ, и покорилъ своему владычеству (древнюю) Вавилонію, Мидію, Арменію и другія страны. Супруга Нина, прославленная сказаніями Семирамида, царствовавшая по убіеніи мужа, считается завоевательницею и героинею, которая, побѣдоносно проникла до самой Индіи, украсила Ниневію и Вавилонъ величественными постройками, и снабдила свое царство искусственными дорогами, каналами и всякаго рода сооруженіями. Когда она безвѣстнымъ образомъ исчезла съ земли, въ царствованіе сына ея Нинія и неспособныхъ, изнѣженныхъ его преемниковъ, Ассирійское государство мало-помалу приходило въ упадокъ; наконецъ въ 9-мъ вѣкѣ до Р. Х. выродившееся потомство Семирамиды было низвергнуто Белетаромъ, смотрителемъ царскихъ садовъ, и среди сильныхъ междоусобій на ниневійскомъ престолѣ воцарилась новая династія. При ней Ассирійское царство достигло полнаго развитія. Воинственные цари обратили свое оружіе на западъ и завоевали Сирійскій край, вплоть до Ливанскаго хребта и Средиземнаго моря. Царь Фулъ (770 г.) обложилъ данью царство Ефрема или «десяти колѣнъ» (см. §§ 42, 43) и захватилъ съ собою оттуда огромныя богатства; преемникъ его Тиглатъ Пилесаръ (740 г.) овладѣлъ великолѣпнымъ Дамаскомъ и взялъ тяжкую дань съ царя іудейскаго, а воинственный Салманасаръ (720 г.) покорилъ финикійское побережье до самаго Египта и переселилъ обитателей побѣж-

деннаго Самаритянскаго царства во внутренность своихъ владѣній. Преемникъ Салманассара Санхерибъ, или Сеннахиримъ (712 г.), угрожалъ Іудейскому царству тою же участію; но нежданыя бѣды заставили его поспѣшно возвратиться въ Ниневію, гдѣ онъ вскорѣ былъ убитъ своими сыновьями: «и бысть ему кланяющуся въ храмѣ Месераха (Нисроха) бога своего, и Адрамелехъ и Сарасаръ сынове его убиша его мечемъ.» Но сынъ его Ассаргаддонъ (675 — 626 г.) отмстилъ своимъ безчеловѣчнымъ братьямъ, принудивъ ихъ бѣжать изъ царства. Послѣ Санхериба и Ассаргаддона Ниневійское царство пришло въ упадокъ. Тогда мидійскій царь Кіаксаръ (см. § 45) и Халдей Набополассаръ Вавилонскій задумали завоевать его общими силами. Съ многочисленнымъ войскомъ двинулись они къ Ниневіи, но были неоднократно отражены послѣднимъ царемъ Сарданапаломъ (626 — 606 г.), который при всемъ своемъ, вошедшемъ въ поговорку сладострастіи, любви къ нѣгѣ и роскоши, обнаружилъ большую храбрость въ этой борьбѣ на жизнь и смерть, пока разлившаяся рѣка не обрушила часть городской стѣны и не проложила дороги непріятелю. Отчаявшись въ своемъ спасеніи, Сарданапалъ велѣлъ зажечь укрѣпленный царскій чертогъ и сгорѣлъ съ своими женами и сокровищами. Ниневія была разрушена до основанія (606 г.), и Ассирійское царство раздѣлено между побѣдителями. «Воздремашася пастуси твои, царь Ассирійскъ, успи сильныя твоя, воздвигошеся людіе твои на горы и не бяше пріемлющаго», восклицаетъ пророкъ Наумъ; «нѣсть цѣльба сокрушенію твоему, разгорѣся язва твоя: вси слушащіе вѣсть твою восплещутъ руками о тебѣ: понеже на кого не найде злоба твоя всегда»[1]. «Како бысть во изчезновеніе, пажить звѣрямъ», говоритъ другой пророкъ (Софонія); всякъ мимоходяй сквозѣ его позвиждетъ и воздвигнетъ руцѣ свои»[2]. Сказаніе о женоподобіи и изнѣженности Сарданапала, при которомъ погибла Ассирія, какъ и сказаніе о мужескомъ характерѣ Семирамиды, основавшей это царство, повидимому

[1] Наумъ, глава 3, ст. 18 — 19.
[2] Софонія, гл. 2, ст. 15.

составилось вслѣдствіе смѣшенія религіозно-миѳическихъ и историческихъ преданій. Отрывочныя, разбросанныя свидѣтельства древности даютъ намъ сказочное описаніе величія и пышности прежней столицы Ниневіи, превосходившей будто бы всѣ города Востока обширностію, высотою и толщиною стѣнъ, числомъ домовъ и чертоговъ, а дивныя развалины великолѣпныхъ зданій и произведеній искусства съ богатыми скульптурными украшеніями и клинообразными[1] надписями, съ длинными жертвенными шествіями стройныхъ фигуръ, украшенныхъ курчавыми бородами и женственною одеждой на барельефахъ, съ крылатами существами, превосходно выполненными въ техническомъ отношеніи, доказываютъ вѣрность вышеупомянутыхъ свидѣтельствъ и говорятъ о военныхъ дѣяніяхъ и царскомъ могуществѣ древнихъ владыкъ, а также объ искусствѣ, роскоши и образованности обитателей ассирійской столицы. Эти развалины найдены при новѣйшихъ раскопкахъ на правомъ берегу Тигра, противъ Мосула, близъ селеній Нимрудъ, Куюнджукъ и др.

Долго считали свидѣтельства древнихъ о величіи и обширности города Ниневіи баснословными и преувеличенными; но раскопки, произведенныя въ новѣйшее время, именно плодотворныя открытія Англичанина Лейярда, убѣдительнѣйшимъ образомъ подтвердили точность этихъ свидѣтельствъ. Лейярдъ считаетъ развалины при Нимрудѣ, Куюнджукѣ, Хорсабадѣ и Карамлесѣ, образующія продолговатый четыреугольникъ, частями одного и того же города; такъ какъ пространство, обнимаемое этими остатками древности, почти соотвѣтсвуетъ пространству, которое Діодоръ Сицилійскій приписывалъ Ниневіи, и трехдневному странствію пророка Іоны, то Лейярдъ и допускаетъ, что свидѣтельства древности о величинѣ Ниневіи правдоподобны, и не видитъ въ нихъ никакого преувеличенія. Четыре названныя группы развалинъ были, по его мнѣнію, дворцами, изъ коихъ каждый составлялъ средоточіе особаго квартала; кварталы были построены въ разное время и имѣли разныя названія.

---

[1] Такъ называется древне-восточное письмо, сложившееся изъ клинообразныхъ знаковъ; это простѣйшія и первобытнѣйшія изъ письменъ; всѣ знаки этого письма сводятся на два: на перпендикулярно стоящій или лежащій клинъ большей или меньшей величины, и на угловатый клинъ. Условнымъ соединеніемъ и повтореніемъ этихъ знаковъ выражались извѣстныя буквы и слоги.

«Каждый кварталъ былъ въ извѣстное время мѣстопребываніемъ царя, каждый былъ окруженъ стѣною и укрѣпленіями и заключалъ въ себѣ, кромѣ жилыхъ домовъ, сады и земли, отведенныя подъ охоту. Они походили на райскіе сады и парки персидскихъ царей позднѣйшаго времени. Промежутки заняты были домами частныхъ лицъ, стоявшими посреди садовъ, рощъ и пашень. Древнѣйшею частію города была вѣроятно мѣстность при впаденіи Заба въ Тигръ, гдѣ нынѣ селеніе Нимрудъ. Позднѣйшіе цари расширили городъ новыми дворцами; во всякомъ случаѣ дворцы хорсабадскій и куюнджукскій принадлежали позднѣйшему времени. Небольшія жилища частныхъ лицъ (построенныя изъ высушеннаго, а не изъ жженаго кирпича), наполнявшія собою промежуточныя пространства, быстро пришли въ упадокъ; матеріалъ, изъ котораго они были построены, смѣшался съ землею, такъ что по прошествіи немногихъ лѣтъ на поверхности ея отъ нихъ не осталось и слѣда; но земледѣльцу стоитъ только коснуться почвы своимъ плугомъ, чтобы напасть на слѣды прежнихъ жилищъ». Обширность, которую приписывали Ниневіи въ эпоху ея высшаго процвѣтанія (продолжаетъ Лейярдъ), нельзя считать преувеличенною, если принять въ соображеніе особенности восточныхъ городовъ. Относительно населенія они представляютъ не такія условія, какія находимъ въ городахъ европейскихъ. Уже одно затворничество женщинъ въ особыхъ домахъ требовало сравнительно бо́льшаго числа жилищъ. Не говоря уже о томъ, что при домахъ были сады и пашни, мы знаемъ изъ Діодора Сицилійскаго и Курція, что даже въ обнесенной стѣною части Вавилона было довольно мѣста, чтобы въ случаѣ осады, производить хлѣбъ для населенія, и сверхъ того были тамъ плодовые и другіе сады. Изъ свидѣтельства Іоны, что въ городѣ водилось много рогатаго скота, можно заключить, что въ немъ было даже достаточно пастбищъ; скульптурныя изображенія показываютъ, что значительная часть населенія жила въ шатрахъ, внутри города, — обычай, доселѣ сохранившійся въ Багдадѣ, Мосулѣ и другихъ сосѣднихъ городахъ, а для такихъ жилищъ нужно гораздо большее пространство, чѣмъ для хижинъ и мелкихъ построекъ. Города Испагань и Дамаскъ съ садами и предмѣстьями, вѣроятно, мало уступали Ниневіи объемомъ въ лучшія времена свои.

§ 28. Халден. Съ тѣхъ поръ господствовали (Ново-) Вавилоняне (Халдеи), особенно при сынѣ Набополассара,

воинственномъ и деспотическомъ Небукаднезарѣ (Навуходоносорѣ, 604 — 561 г.), который разбилъ египетскаго царя Нехао при Кархемисѣ (Цирцезіумѣ) на Евфратѣ, обложилъ данью островной городъ Тиръ, Финикію и Сирію, покорилъ Іудейское царство съ главнымъ городомъ Іерусалимомъ и разсѣялъ его жителей. Подчинивъ своему владычеству все пространство отъ Тигра до Средиземнаго моря, Небукаднезаръ расширилъ и украсилъ Вавилонъ, построилъ дворцы и другія зданія, которыя могли выдержать сравненіе съ египетскими. На случай наводненія велѣлъ онъ вырыть, выше Вавилона, большой водоемъ; заложилъ на восточной сторонѣ Евфрата новый городъ и дворецъ, обезопасилъ и украсилъ все это высокими стѣнами и безчисленными башнями, воротами и храмами; такъ-называемыя «висячіе сады Семирамиды», одно изъ семи чудесъ древняго міра, тоже были устроены Небукаднезаромъ на высокихъ искусно расположенныхъ террасахъ, въ честь его супруги. Но и величіе Вавилоніи вскорѣ миновалось при сладострастныхъ и изнѣженныхъ преемникахъ Небукаднезара. Прошло еще поколѣніе, и господствующимъ народомъ сдѣлались Мидяне, которымъ вскорѣ наслѣдовали Персы.

Халдейскіе цари снабдили Вавилонъ удивительными постройками и сдѣлали его «гордою красою Халдеевъ, всюду славимымъ мѣстомъ». Обводная стѣна въ 350 футовъ вышины и 37 футовъ ширины окружала весь городъ, расположенный по обоимъ берегамъ Евфрата и, какъ полагаютъ, имѣвшій около 60 верстъ въ окружности. Два царскихъ дворца на берегахъ рѣки и высокая, четыреугольная, богатоукрашенная статуями, живописью и золотыми издѣліями, башня бога солнца Ваала, или Бела, служившая въ тоже время обсерваторіею и поднимавшаяся въ видѣ осьми-ярусной, постепенно съуживающейся пирамиды на высоту 600 футовъ, были самыми замѣчательными зданіями Вавилона вмѣстѣ съ славившимися во всемъ древнемъ мірѣ висячими садами. Вавилоняне употребляли для построекъ жженый кирпичъ, который не могъ, подобно египетскому граниту, устоять въ теченіе тысячелѣтій противъ всесокрушающей силы времени. Особенно замѣчательны были вызванныя естественными условіями края гидравлическія сооруженія необыкновенныхъ размѣровъ: мосты, каналы, плотины, набережныя, водоемы и т. д.,

«вавилонскія водотечи», у которыхъ нѣкогда печально сидѣли уведенные изъ отечества Евреи, помышляя о Сіонѣ. Пышность двора возбудила успѣхи промышленности, которая поэтому занялась преимущественно предметами роскоши, тонкими тканями и красильнымъ мастерствомъ, драгоцѣнными коврами и д. п. Поклоненіе солнцу и звѣздамъ привело вавилонскихъ жрецовъ (Халдеевъ) къ астрономическимъ наблюденіямъ. Они вычислили теченіе солнца и раздѣлили годъ на двѣнадцать мѣсяцевъ по знакамъ зодіака; опредѣлили орбиты планетъ и посвятили имъ семь дней недѣли; они приносили жертвы «созвѣздіямъ и всему сонму небесному». Но такъ какъ они соединяли съ этимъ астрологическія гаданія, усматривали въ созвѣздіяхъ неба волю боговъ, предсказывали по часу рожденія судьбу человѣка и опредѣляли по непрерывно измѣняющемуся стоянію планетъ время удобное для каждаго дѣла, каждаго предпріятія, то естественно попали на ложный путь и въ послѣдствіи скитались по свѣту въ качествѣ фигляровъ, колдуновъ, ворожей и снотолкователей. Первая прочная система мѣръ и вѣсовъ, а также начатки геометріи и врачебной науки приписываются Халдеямъ, отъ которыхъ они перешли къ другимъ восточнымъ народамъ, даже къ Грекамъ. Вмѣстѣ съ богомъ солнца Беломъ (Ваалomъ), властителемъ неба и свѣта, создавшимъ вселенную и человѣка и указавшимъ пути звѣздамъ, Вавилоняне поклонялись высшему женственному божеству — богинѣ луны Милиттѣ, символу рожденія и размноженія въ природѣ, сопровождая это поклоненіе самыми неприличными обрядами, при которыхъ дѣвушки должны были одинъ разъ въ жизни приносить въ жертву свою дѣвственность. Вообще Халдеи славились безнравственностію и сладострастіемъ. Богатство, доставляемое необыкновеннымъ плодородіемъ почвы и обширною торговлей, сильно способствовало развитію страсти къ роскоши и пышности у Вавилонянъ. Они умащали тѣло миррою (аравійская благовонная смола), носили шерстяное платье, бѣлые плащи и длинные волосы, обвитые спущенною низко повязкою. Раздѣленіе на касты рано должно было уступить вліянію безграничнаго деспотизма; однако преобладаніе жрецовъ было такъ сильно даже въ позднѣйшее время, что весь народъ (какъ пришедшій съ сѣвера, такъ и жившій въ Вавилоніи съ незапамятныхъ временъ) назывался по имени ихъ Халдеями. Жреческіе роды и царское колѣно того племени, которое основало Вавилонское царство, повидимому сохранились въ наиболь-

шей чистотѣ и наименѣе смѣшались съ древнѣишими обитателями края. Жреческое достоинство переходило по наслѣдству отъ отца къ сыну. Жрецы исключительно обладали знаніемъ небесныхъ явленій и грамоты (клинообразнаго письма), изобрѣтенной ими съ незапятныхъ временъ.

Путешественники страшными чертами описываютъ нынѣшнее состояніе Вавилона. Въ настоящее время эта благодатная страна состоитъ подъ грубымъ, тлетворнымъ турецкимъ владычествомъ, и почти никто не пользуется ею; древній садъ Господень превратился въ обширный притонъ для разбоя; но развалины городовъ и пограничныхъ насыпей, слѣды каналовъ и оросительныхъ сооруженій свидѣтельствуютъ о томъ, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи былъ этотъ край въ прежнее время. Вавилонъ палъ, великолѣпныя его зданія обратились въ мусоръ и обломки, больше чрезъ убыль народонаселенія, утратившаго собственныхъ царей и принужденнаго служить чужеземнымъ властителямъ, чѣмъ вслѣдствіе непріятельскаго завоеванія. Уже въ четвертомъ вѣкѣ нашей эры, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ обнесенный стѣною Вавилонъ, водились, по свидѣтельству св. Іеронима, дикіе звѣри, во исполненіе пророчества (Іез. гл. 13). И нынѣ шаги человѣка, пробирающагося среди этихъ развалинъ, тревожатъ стаи дикихъ животныхъ изъ логовищъ. Массы обломковъ и груды мусора, представляющіяся здѣсь взору путешественника, утратили всякій слѣдъ своего прежняго великолѣпія, сохранившійся на многихъ другихъ остаткахъ древнѣйшихъ памятниковъ, но достаточно колоссальны для того, чтобы внушить странствующему изслѣдователю полное убѣжденіе, что онъ находится на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ всемірно-знаменитый Вавилонъ.

4. Египтяне и Эѳіопы.

§§ 29. Мероэ и Аммоній. Въ Нубіи, гдѣ двѣ горныя рѣки: Бѣлая, которой неизвѣстные истоки находятся въ снѣжной горѣ, лежащей неподалеку отъ экватора, и стекающая съ абиссинскаго плоскогорья Синяя рѣка, сливаются въ одну рѣку Нилъ и бѣгутъ потомъ по поперечной горной плоскости, черезъ безчисленные пороги, съ незапамятныхъ временъ существовало образованное государство посреди дикаго населенія Негровъ и гладковолосыхъ Ливій-

цевъ, изъ которыхъ иные были охотники, иные рыболовы (ихтіофаги), иные пасли стада, сами живя въ землянкахъ и пещерахъ (троглодиты). Это образованное государство, называвшееся Мероэ, имѣло кастовое устройство, при которомъ господствующіе жрецы избирали царя изъ среды своей и въ случаѣ его попытки освободиться отъ ихъ вліянія, лишали его власти и жизни, ссылаясь на изреченія оракула. То было соединенное съ обширною торговою дѣятельностью жреческое государство, отъ котораго многія подобныя же государства произошли, повидимому, благодаря выселившимся изъ него колоніямъ; таковы именно храмовая держава Аммоній съ знаменитымъ въ цѣломъ свѣтѣ оракуломъ овнорогаго Юпитера Аммона (Амуна), на прекрасномъ оазисѣ Ливійской пустыни, цвѣтущемъ пальмовыми, масличными и финиковыми рощами; жреческая колонія на горѣ Баркалѣ, къ востоку отъ Нила, съ пирамидами, стоящими у деревни Мераве, и въ особенности, если вѣрить изстари укоренившемуся мнѣнію, — жреческое государство Ѳивы, высоко чтимая метрополія прибрежныхъ жителей Нила. Во всѣхъ этихъ государствахъ видимъ отвѣтственнаго передъ кастою жрецовъ жреческаго царя (фараона), какъ намѣстника бога-солнца, во главѣ раздѣленнаго на касты гражданскаго общества (іерократія, жрецевластіе).

О древней силѣ и славѣ этой эѳіопской державы, которой столица Мероэ была повидимому средоточіемъ и главнымъ складомъ торговли между сѣверной Африкой, Аравіей, Вавилоніей и Индіей, свидѣтельствуютъ обширныя развалины прежнихъ храмовыхъ построекъ, остатки колоннъ, памятниковъ, пирамидъ, сфинксовъ и разнообразныхъ изваяній, находимые въ великомъ множествѣ въ Сеннаарской долинѣ, въ нынѣшнемъ округѣ Шенди и въ друг. мѣстахъ. — При сходствѣ гражданственности Мероэ и Египта, взаимныя отношенія этихъ двухъ державъ представляются дѣломъ несомнѣннымъ; но египетскія ли учрежденія происходятъ изъ Мероэ, или Мероэ обязанъ своимъ образованіемъ жителямъ Нильской долины, или наконецъ Ѳивы и принильскіе края хотя и получили начала гражданственности отъ Мероэ, но потомъ опередили свою метрополію, и достигнувъ высшаго образованія, снова подѣлились имъ съ Эѳіопіей, — мнѣнія насчетъ этого различны. Предположеніе, что египетская образованность распространялась

изъ Мероэ внизъ по Нилу, лишено всякаго основанія; новѣйшія изслѣдованія ведутъ къ положительному заключенію, что по всѣмъ признакамъ цивилизація низовой страны постепенно проникла къ верху. Египетскій бытъ находится въ такой тѣсной зависимости отъ природы края и свойствъ рѣки, что не возможно искать началъ его ни въ какой другой мѣстности, кромѣ Нильской долины. Мероэ былъ, безъ сомнѣнія, колоніею Ѳивъ. — Египетъ съ сопредѣльными краями Африки былъ въ древнее, какъ и въ новѣйшее время, предметомъ общей любознательности и служилъ заманчивой цѣлію для путешествій.

§ 30. Раздѣленіе Египта. Египетъ уже съ раннихъ поръ раздѣлялся на три части. I. Верхній Египетъ (Ѳиваида) съ нильскими порогами у острововъ Филэ, Элефантины и въ др. мѣстахъ и съ замѣчательными, величавыми развалинами Ѳивъ по обоимъ берегамъ рѣки; въ томъ числѣ храмъ-чертогъ Карнакскій, съ исполинскими массами колоннъ, съ остатками колоссальныхъ фигуръ и статуй изъ цвѣтнаго песчаника, изящнаго мрамора, краснаго и чернаго гранита. Къ нему отъ развалинъ Луксора, другаго большаго дворца фараоновъ, ведетъ на протяженіи 6,000 футовъ самая величественная дорога, гдѣ либо и когда либо устроенная людьми, — это аллея изъ громадныхъ сфинксовъ, размѣщенныхъ попарно, одинъ отъ другаго на разстояніи десяти футовъ. Къ достопамятностямъ верхняго Египта принадлежатъ далѣе: колоссальная Мемнонова колонна, статуя древняго царя Аменофа, которая, при солнечномъ восходѣ, издавала, какъ увѣряютъ, гармоническіе звуки; изсѣченныя въ скалѣ, среди страшной пустыни, сорокъ царскихъ гробницъ съ громадными сводами и храминами, подземный некрополь (катакомбы) съ могильными склепами, съ переходами въ видѣ лабиринта и съ цѣлыми сокровищами древнихъ утварей, нарядовъ, украшеній, мумій, папирусныхъ свитковъ и т. д. Въ долинѣ царскихъ гробницъ, гдѣ творчество исполинской природы проявилось въ самой дикой игрѣ стихій, замираетъ все живое, и смерть — настоящій девизъ этого невозмутимаго затишья. Мѣстности мрачнѣе этой цари не могли избрать для вѣчнаго успокоенія: здѣсь какъ будто въ самомъ дѣлѣ отворяются врата преисподней. — II. Средній Египетъ съ главнымъ городомъ Мемфисомъ, съ развалинами лабиринта, строенія, состоявшаго изъ многихъ перепутанныхъ между собою ходовъ, съ группами пирамидъ, изъ которыхъ особенно удивительна своею громадностью и

высотою (450 парижск. футовъ) построенная царемъ Хеопсомъ близь деревни Гизе, и съ озеромъ, вырытымъ по повелѣнію царя Мерида, которое названо его именемъ и служило повидимому для обезпеченія правильности нильскихъ разливовъ. — III. Нижній Египетъ, прозванный дельтою по своей треугольной формѣ, которой очертаніе составляли два большіе рукава Нила и морской берегъ съ третьей стороны; здѣсь главнымъ городомъ былъ Геліополь (Иліуполь), затменный въ послѣдствіи Александріею; исторически замѣчательны еще Саисъ, Навкратисъ и Бузирисъ, будто бы служившій мѣстопребываніемъ баснословному тирану этого имени, который умерщвлялъ всякаго заѣзжаго чужеземца. — Нилъ, отъ послѣднихъ пороговъ спокойно и безъ притоковъ катящій тихія струи къ морю между высокихъ береговъ, своими правильными разливами служитъ источникомъ плодоносія здѣшней почвы. Когда снѣгъ таетъ на вершинахъ высокихъ горъ и масса водъ возрастаетъ отъ срочныхъ тропическихъ ливней, тогда около лѣтняго солнцестоянія рѣка начинаетъ прибывать и поднимается три мѣсяца сряду, съ половины іюня до половины сентября. Уже въ іюлѣ выступаетъ она изъ береговъ, а въ августѣ, когда вода почти достигла крайней высоты, футовъ 20 надъ меженнымъ уровнемъ, отпираютъ плотины и проводятъ разливъ по каналамъ, которыми человѣческій трудъ еще въ глубокой древности изрѣзалъ выше лежащія части края для того, чтобы орошеніе достигло и отдаленныхъ мѣстностей. Въ это время Египетъ похожъ на море, изъ котораго города и возвышенности выникаютъ подобно островамъ. По миновaніи дождей, рѣка постепенно возвращается въ берега, оставляя повсемѣстно въ видѣ ила превосходное удобреніе, которое она постоянно уноситъ съ собою въ своемъ верховомъ теченіи по гористымъ краямъ. Въ октябрѣ почва обсыхаетъ, наступаетъ посѣвъ, и весь край быстро покрывается зелеными всходами, которые придаютъ ему видъ необозримаго огорода или сада. Поэтому Греки справедливо называли египетскую низменность «даромъ Нила»; безъ него она сдѣлалась бы добычею пустыни. Египетъ слылъ у древнихъ настоящею житницей. — Въ нильской странѣ, какъ и въ Индіи (§ 24), высшія касты были изъ поколѣнія кавказской породы, отличавшагося и умственными способностями и красивѣйшимъ тѣлосложеніемъ, тогда какъ низшія касты вѣроятно принадлежали къ племени, которое составляло переходъ отъ кавказской къ собственно негритянской породѣ. У Египтянъ въ религіоз-

ныхъ понятіяхъ, во многихъ отрасляхъ знанія (въ землемѣріи, звѣздочетствѣ), въ учрежденіяхъ и обычаяхъ такъ много сходства съ нѣкоторыми азіятскими народами, какъ симитскаго корня, такъ и Индійцами, что нѣтъ кажется возможности отрицать вліянія Азіи на образованіе нильскихъ побережцевъ. Это вліяніе можно допустить однакожь только для древнѣйшихъ временъ, прежде нежели гражданственность и особенный бытъ Египтянъ твердо установились. Въ послѣдствіи же, какъ самое положеніе страны, огражденной горами, пустынею и моремъ, такъ и необщительный, враждебный всему чужому народный характеръ, должны были противодѣйствовать иноземнымъ вліяніямъ, откуда бы они ни проникали.

Начала египетской исторіи почерпаются отчасти изъ отрывковъ одного историческаго и религіознаго сочиненія, которое египетскій жрецъ Манеѳонъ (Мануѳо) составилъ въ 3 в. до Р. Х. по храмовымъ записямъ, но при этомъ обнаружилъ много незнанія и великую неточность; отчасти изъ греческихъ и другихъ писателей; отчасти изъ остатковъ древности, покрытыхъ изображеніями и надписями; наконецъ изъ описаній путешественниковъ.

§ 31. **Фараоны.** У самаго верховья дельты, гдѣ рѣка раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, существовало древнѣйшее государство, котораго средоточіемъ былъ городъ Мемфисъ. Отъ Менеса (ок. 3,000 г.), который слыветъ основателемъ этого города, до вторженія Гиксовъ, чуждаго пастушескаго народа, симитской отрасли, упоминается рядъ царей, украсившихъ Мемфисское государство огромными сооруженіями, особенно вдоль скалистаго кряжа къ западу, гдѣ склепы усопшихъ съ ихъ памятниками и царскія гробницы съ пирамидами тянулись на цѣлые десятки верстъ. Знаменитѣйшія имена царей изъ рода мемфисскихъ фараоновъ были Хефренъ и Хеопсъ (2500 г.), строители самихъ высокихъ пирамидъ; Сезортозисъ (2300 г.), который впервые обратилъ свое оружіе на югъ и сдѣлалъ данниками себѣ Нубійцевъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ колонна, найденная у верхнихъ нильскихъ пороговъ, и Меридъ (2200 г., третій изъ владѣтельнаго дома Аменемга), который, какъ увѣряютъ, для регулированія нильскихъ наводненій положилъ начало названному по немъ озеру близъ Мемфиса (въ долинѣ Фаюмъ); ему же приписываютъ громадную и велико-

лѣпную постройку дивнаго лабиринта, царскаго чертога, состоящаго изъ безчисленнаго множества покоевъ, дворовъ и сѣней, поверхъ земли и подъ землею, гдѣ всѣ части и округи государства находили себѣ общее средоточіе для совершенія торжествъ и жертвоприношеній. Вскорѣ по смерти Мерида — разсказывали Египтяне — вторгнулись въ Нильскую страну кочевыя племена изъ Сиріи и Сѣверной Аравіи (ок. 2100 г.), покорили все царство и жестоко и насильственно властвовали надъ народомъ, собирая съ него дань. Болѣе 500 лѣтъ длилось это иго, наложенное пастушескимъ народомъ Гиксовъ, пока наконецъ нѣкоторымъ царямъ верхняго Египта (Θивъ) удалось освободить родимый край. Долго сопротивлялись Гиксы нападеніямъ враговъ въ укрѣпленномъ станѣ у восточнаго устья Нила, огражденномъ водою и болотами; наконецъ царь Θутмозисъ (ок. 1580 г.) принудилъ ихъ окончательно удалиться. Мѣсто, гдѣ былъ ихъ станъ, прозвано сначала Абарисъ (твердыня Евреевъ), а потомъ Пелузіумъ (филистимлянскій городъ). Съ той поры Θивы сдѣлались столицею фараоновъ. Θутмозисъ построилъ Карнакскій чертогъ, который обломками колоннъ и остатками стѣнъ донынѣ возбуждаетъ удивленіе путешественниковъ. Одинъ изъ преемниковъ его, Аменофъ (около 1500 г.), прославилъ свое имя побѣдоносными походами на югъ и востокъ и основаніемъ великаго чертога и храма Луксорскаго, къ западу отъ Карнака, на искусственной насыпи у самаго берега рѣки. Второй преемникъ его Сеθъ (1445—1396) простеръ завоеванія далѣе, какъ видно по изображеніямъ храма, построеннаго имъ въ Нубіи; его сынъ Рамсесъ Великій (1396 — 1328), котораго Греки назвали Сезостриссомъ, былъ знаменитѣйшимъ воиномъ изъ всѣхъ царей Египта. Онъ наложилъ дань на Эθіоповъ и побѣдоносно проникалъ съ своими полчищами и боевыми колесницами въ Сирію, Малую Азію и Месопотамію. Еще много вѣковъ послѣ смерти Рамсеса памятники съ надписями свидѣтельствовали въ покоренныхъ имъ земляхъ о его высокомъ могуществѣ и властительномъ величіи. При этомъ онъ изукрасилъ свое царство чертогами и храмами, которыхъ прежнее великолѣпіе видно еще и теперь по удивительнымъ об-

ломкамъ колоннъ, статуй и другихъ изваяній. Четвертымъ его преемникомъ былъ Рамсесъ или Рамсинитъ Богатый (ок. 1270 г.), строитель огромной сокровищницы или казнохранилища; память о немъ сохранилась у народа въ сказкѣ о хитромъ ворѣ [1]. Четырехсотлѣтнее владычество фараоновъ въ Ѳивахъ было для Египта временемъ славы и величія. Побѣдоносное оружіе ихъ много разъ проникало за древніе рубежи края въ Нубію, Донголу, до самыхъ Негровъ, въ Сирію и Ливію; неоднократно видалъ египетскія войска Евфратъ, а однажды явились они и на западномъ берегу Малой Азіи. Ни одинъ изъ этихъ властителей не забывалъ посвятить свою добычу богу Аммону въ ѳивскихъ храмахъ, ни одинъ не забывалъ украшать столицу новыми постройками. Стоватыя Ѳивы, этотъ исполинскій городъ, раскинутый по обоимъ берегамъ Нила, съ безчисленными дворами и капищами, монументами и могильными склепами, былъ чудомъ древности, точно такъ, какъ его развалины возбуждаютъ удивленіе путешественниковъ и въ наше время. Но громадныя, изумительныя сооруженія Мемфиса и Ѳивъ суть въ тоже время краснорѣчивые памятники порабощенія народа и деспотизма его владыкъ. Только повергшись ницъ дозволялось приближаться къ царскому величеству; даже военачальники, намѣстники, жрецы пресмыкались въ прахѣ предъ повелителемъ, котораго каждый взглядъ могъ ежеминутно нести смерть или жизнь любому изъ подвластныхъ. Въ возвеличеніи царскаго могущества Египтяне пошли далѣе всѣхъ другихъ народомъ міра: они оказывали царямъ прямо божескія почести. По ученію жрецовъ, сначала властвовали въ Египтѣ сами боги, а потомъ фараоны заступили мѣсто боговъ. Цари, по ихъ словамъ, не только божественнаго происхожденія, но и дѣйствительные боги края. Фараонъ былъ неограниченнымъ главою и государства и религіи съ ея жречествомъ, источникомъ всякаго права и закона; строгая обрядность и блестящій, многочисленный придворный штатъ устраняли его отъ всякаго соприкосновенія съ подданными.

---

[1] Геродотъ, кн. II, гл. 121.

§ 31 *б*. Но и могущество Θивъ въ свою очередь миновало. Край былъ покоренъ эѳіопскими царями, которые властвовали надъ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Тиргака (ок. 700 г.), одинъ изъ этихъ царей, воевалъ въ Сиріи и Палестинѣ, бился съ храбрыми Ассирійцами на берегахъ Евфрата и Тигра. По смерти его Египтяне ободрились и свергли съ себя иго иноплеменниковъ, послѣ чего главы двѣнадцати храмовыхъ округовъ подѣлили между собою царскую власть и учредили такъ-называемую додекархію, или двѣнадцативластіе (ок. 695 г.). Ей положилъ конецъ Псаммитихъ Саисскій, который, съ помощью наемныхъ Іонійцевъ и Карянъ, одолѣлъ своихъ соправителей и одинъ забралъ въ руки всю власть. Онъ и его преемники сѣли въ Нижнемъ Египтѣ и вступили въ связи съ Греками и Финикійцами. Псаммитихъ призвалъ греческихъ наемниковъ, поощрялъ ихъ къ водворенію въ Нижнемъ Египтѣ (Навкратисъ — колонія этихъ Грековъ) и благопріятствовалъ чужеземному образованію и военному устройству на счетъ туземнаго. Раздраженные этою новизной, болѣе двухсотъ тысячъ Египтянъ жреческой и военной касты выселились въ Нубію и основали тамъ, выше Элефантины, особое государство, подъ державною рукою царя Мероэ. Съ тѣхъ поръ египетскій бытъ сталъ значительно измѣняться отъ внѣшнихъ вліяній, и даже первоначальная четверица кастъ пріумножилась тремя новыми кастами (пастуховъ, нильскихъ судовщиковъ и толмачей, или переводчиковъ). — Сынъ Псаммитиха Нехо или Нехао (616—600) шелъ по стопамъ отца. Онъ поощрялъ торговлю и мореплаванье; старался открыть новые пути сообщенія продолженіемъ стараго канала отъ Средиземнаго моря къ Аравійскому заливу; положилъ начало морской силѣ Египта и указалъ финикійскимъ мореходамъ обогнуть южную оконечность Африки. Нехо возобновилъ также военные походы древнихъ фараоновъ въ Азію. Сирія и Палестина были уже покорены и огромные войско съ множествомъ боевыхъ колесницъ прошло чрезъ Сирійскую степь къ предѣламъ Месопотаміи, какъ вдругъ страшное пораженіе, нанесенное Египтянамъ при Киркезіи (Кархемишѣ), у Евфрата, Навуходоносоромъ (Небукаднезаромъ, § 28), положило конецъ ихъ завое-

вательнымъ предпріятіямъ. При второмъ преемникѣ Нехо, фараонѣ Гофнѣ (ум. 570 г.), котораго Греки называютъ Апріэсомъ, всѣ новыя пріобрѣтенія были опять утрачены; и когда онъ предпринялъ неудачный походъ на торговый греческій городъ Кирену въ сѣверной Африкѣ, египетскіе воины подняли противъ царя мятежъ, оскорбившись предпочтеніемъ, какое онъ оказывалъ наемнымъ Іонійцамъ и Карянамъ, умертвили его и возвели на престолъ фараоновъ храбраго полководца Амазиса (570 — 526). Однакожь надежды Египтянъ на изгнаніе чужеземцевъ не сбылись. Амазисъ пошелъ по слѣдамъ своихъ предмѣстниковъ: и онъ поощрялъ водвореніе греческихъ торговцевъ и наемниковъ, и онъ поблажалъ эллинской образованности, эллинскимъ нравамъ и религіознымъ вѣрованіямъ. Въ Нижнемъ Египтѣ распространилось богатство, роскошь, довольство; торговля пришла въ цвѣтущее состояніе; великолѣпными сооруженіями и памятниками искусства Саисъ могъ соперничать съ Мемфисомъ и Ѳивами. Но дни этого величія были изочтены. Едва отошелъ Амазисъ на вѣчный покой въ храмовой чертогъ Саисскій, какъ славный искони Египетъ подвергся нашествію персидскаго царя Камбиза (§ 48). Сынъ Амазиса Псамминитъ, въ кровавой битвѣ при Пелузіи (Суэсѣ), лишился и побѣды и царства; съ того времени Персы господствовали надъ Египтомъ двѣсти лѣтъ, хотя и не могли установить прочной внутренней связи между имъ и Персіей. Сколько ни неистовствовалъ Камбизъ противъ египетскихъ обычаевъ, учрежденій и религіозныхъ обрядовъ,— угнетенный народъ твердо оставался при своемъ, и отвращался всего чужаго, обнаруживая неоднократными, но всегда безуспѣшными возстаніями, до какой степени ненавидѣлъ онъ эту насильственную власть. Особенно въ половинѣ 5 вѣка старались Египтяне, въ союзѣ съ Ливійцами и при помощи Аѳинъ, освободиться отъ персидскаго ига (§ 85); и хотя подъ конецъ они вынуждены были уступить сильнѣйшему врагу, однакожь порывъ ихъ къ независимости тѣмъ не менѣе достоинъ славы; онъ даже славнѣе многихъ подвиговъ египетскаго народа въ дни его могущества и величія. Въ послѣдствіи Персовъ вытѣснили Греки и Македоняне, а эти въ свою очередь должны были уступить мѣсто Рим-

лянамъ; но египетскій народъ не смѣшался съ ними, онъ сохранилъ свой древній бытъ, свои учрежденія, хотя, сокрушенный долгимъ рабствомъ, служилъ поневолѣ и тѣмъ и другимъ. Даже и въ наше время у христіанъ Коптовъ, которыхъ языкъ и образъ жизни напоминаютъ еще первобытныя туземныя племена, нѣтъ ровно ничего общаго съ ихъ могаммеданскими властителями.

§ 32. Памятники искусства и учрежденія Египтянъ. Египетъ съ древнѣйшихъ временъ обладалъ множествомъ городовъ и селеній и отличался высокою цивилизаціей. Науки, искусства и ремесла находили тамъ себѣ прилежныхъ дѣятелей, какъ что Нильская страна почиталась искони таинственною колыбелью всего человѣческаго образованія. Египтяне были очень свѣдущи въ астрономіи, то-есть въ вычисленіи свѣтилъ и естественномъ раздѣленіи года на періоды; только эти знанія свои они злоупотребляли для разныхъ астрологическихъ бредней и предсказаній. На нихъ тяготѣло иго кастъ, иго духовнаго застоя, имъ не доставало свободнаго развитія, и вотъ отчего они оставались цѣлые вѣка на одной и той же ступени, и всегда другимъ народамъ суждено было довершать то, что собственно только началось въ Египтѣ. Такъ напримѣръ ваятельныя произведенія, бывшія тамъ плодомъ мрачнаго идолопоклонства и отличавшіяся типическимъ выраженіемъ и невозмутимо спокойною осанкой, только у Грековъ достигли свободы и настоящей красоты; Греками же возведены въ доступную всѣмъ науку врачеваніе, геометрія и другія знанія, которыя у Египтянъ были исключительнымъ достояніемъ одной жреческой касты. — Такъ какъ религія Египтянъ поставляла загробную жизнь души въ зависимость отъ цѣлости трупа, то у нихъ господствовалъ обычай бальзамировать тѣла усопшихъ, чтобы предохранить ихъ отъ тлѣнія, и потомъ беречь эти муміи въ крытыхъ переходахъ и могильныхъ склепахъ, устроенныхъ наподобіе горныхъ шахтъ. Царскія гробницы укрѣплялись при этомъ пирамидами, которыхъ вдоль каменнаго хребта на западѣ считалось болѣе тридцати, отъ 20 до 450 футовъ вышиною каждая. Строеніе начиналось внутреннею, высѣченною въ скалѣ гробницей, а надъ нею возводился потомъ изъ каменныхъ же плитъ родъ четвероугольнаго холма, заостреннаго къ вершинѣ. Каждый царь закладывалъ свою пирамиду тотчасъ по вступленіи на престолъ, и сначала въ маломъ видѣ, чтобы постоянно расширять ее въ послѣд-

ствіи. По мѣрѣ того какъ наростали года его правленія, пирамида постоянно утолщалась новыми слоями каменныхъ плитъ. Когда онъ умиралъ, тогда доканчивали уже только послѣднюю начатую имъ настилку, и такимъ образомъ величина памятника всегда соотвѣтствовала долговѣчности каждаго царя. По перенесеніи туда тѣла, устье гробницы закладывали каменными плитами, мѣстами преграждая большими камнями и самый ходъ къ нему внутри пирамиды. Вкругъ царскаго гроба располагались потомъ могильные склепы родственниковъ и ближнихъ царя. Надъ пирамидою Хеопса работало, говорятъ, сто тысячъ человѣкъ въ теченіе сорока лѣтъ. Подобнымъ же образомъ ѳивскіе цари тотчасъ по возшествіи на престолъ приступали къ изсѣченію горной скалы для уготовленія себѣ гробницы и продолжали пробивать новые ходы, лѣстницы и пещеры до тѣхъ поръ, пока смерть ихъ не прерывала работы; тогда гробъ помѣщался въ «золотой покой» и входъ къ нему закладывался каменными глыбами. Такъ возникъ ѳивскій некрополь, или «городъ смерти», гдѣ безчисленное множество гробницъ высѣчено рядами въ горной скалѣ какъ ячейки въ пчелиномъ ульѣ; къ нимъ вели вверхъ и внизъ пробитыя въ сердцѣ кряжа прямыя и кривыя лѣстницы, штольны, ходы и галлереи. — Жрецы достигли въ Египтѣ великаго могущества, благодаря наклонности народа къ религіозному суевѣрію, проявлявшемуся въ несмѣтномъ множествѣ боготворимыхъ существъ (§ 8), святынь и капищъ, въ цѣлой безднѣ религіозныхъ праздниковъ, молитвенныхъ, очистительныхъ и обрядныхъ правилъ, всякаго рода священныхъ обычаевъ и разнообразныхъ жертвоприношеній. Жрецы стояли во главѣ всего религіознаго быта Египтянъ, они были неизбѣжными руководителями въ безчисленныхъ священнодѣйствіяхъ, которыми, начиная отъ обрѣзанія до похоронъ, сопровождалась вся жизнь человѣка; они занимали судебныя и другія общественныя должности и были единственными знатоками и ревнителями искусствъ и наукъ, удерживая ихъ помощью священнаго фигуральнаго письма (іероглифовъ) исключительно въ рукахъ своего сословія. Фигуральное письмо было трехъ родовъ: іероглифическое, іератическое и демотическое. Два первыя попадаются преимущественно на обелискахъ, или съуженныхъ къ верху четырехгранныхъ столбахъ изъ цѣльнаго гранита, которые ставились у предсѣній храмовъ (у такъ-называемыхъ пилонъ), да еще въ многочисленныхъ надписяхъ, которыми покрыты были памятники, стѣны капищъ и гроб-

ницы; послѣднее, то-есть демотическое письмо, употреблявшееся въ гражданскомъ обиходѣ, всего чаще встрѣчается на свиткахъ или столбцахъ, выдѣланныхъ изъ водянаго растенія папируса. О высокомъ могуществѣ жреческой касты и опиравшейся на нее ѳеократической власти царя свидѣтельствуютъ также и пещерные храмы, которые изсѣчены фараонами въ скалахъ верхней долины Нила и украшены богатыми скульптурными изображеніями ратныхъ подвиговъ этихъ царей. Напротивъ того, порабощенный народъ отличался въ Египтѣ отсутствіемъ веселости, бодраго, доблестнаго духа и воинскихъ качествъ. Недостатокъ личной свободы отнималъ у него чувство чести и самоуваженія—этотъ главный источникъ настоящей нравственности. Житейское счастіе Египтянъ ограничивалось кругомъ однѣхъ семейныхъ радостей, ихъ нравственность — домашними добродѣтелями: все прочее было для нихъ недоступно.

Примѣчаніе. Обелиски составляли часть громадныхъ храмовыхъ сооруженій, заключавшихъ въ себѣ колоннады, башнеобразные пилоны, храмины и т. д., и украшенныхъ сфинксами и всякаго рода изваяніями; на нихъ выставлялись іероглифическія надписи касательно происхожденія и назначенія построекъ. Многіе изъ обелисковъ перевезены Римлянами въ Римъ, гдѣ и теперь еще стоятъ въ прежнемъ своемъ видѣ. Въ Парижѣ есть также одинъ обелискъ, именно Луксорскій. По части ваянія Египтяне создали такія же чудеса, какъ и по части архитектуры, хотя религіозный характеръ ихъ искусства и вынуждалъ художниковъ придавать сидящимъ или стоящимъ статуямъ нѣмое, торжественно-важное положеніе, отнимавшее у нихъ движеніе и жизнь. Нельзя не удивляться технической сноровкѣ египетскихъ мастеровъ, умѣвшихъ изъ самаго твердаго камня, порфира и гранита, выработать чудесныя произведенія и особенно показавшихъ свое искусство въ колоссальныхъ сфинксахъ,—этихъ символахъ высшихъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ; тѣмъ не менѣе, имъ была чужда настоящая цѣль искусства — облагороженіе чувственнаго явленія, возведеніемъ его въ область красоты. Въ ихъ обронныхъ или рельефныхъ работахъ, равно какъ и въ живописи, отличающейся свѣжестью и яркостью красокъ, находимъ мы самыя разнообразныя картины семейной и общественной жизни этого народа: стѣны капищъ, гробницы мумій, саркофаги, памятники и проч. покрыты этого рода изображеніями[1]. — Іероглифы, въ

[1] Значительная часть ихъ срисована стараніями европейскихъ путешественни-

чтеніи которыхъ первые удачныя попытки сдѣланы французскимъ ученымъ Шамполліономъ, или представляютъ дѣйствительные очерки выражаемыхъ предметовъ, или обозначаютъ то, чего нельзя непосредственно изобразить, соотвѣственными символическими фигурами (напримѣръ левъ означаетъ великодушіе или силу), а иногда и фонетическими, звуковыми знаками, при чемъ ставились начертанія предметовъ, которыхъ первые звуки заключали въ себѣ именно ту букву, какую слѣдовало изобразить (наприм. барка или баранъ вмѣсто *б*). Іератическимъ называлось сокращенное фигуральное письмо, извѣстное только между жрецами, а демотическимъ—та простая звукопись, которая была въ общемъ употребленіи. — По части наукъ и литературы Египтяне не создали ничего прочнаго, существеннаго; источники поэзіи — чувство и творческая фантазія преобладали у нихъ не столько, какъ хитрость и разсудительность; за то въ ремеслахъ, земледѣліи и садоводствѣ были они очень искусны. Въ обработкѣ дерева, глины, камней и металловъ превосходили они большую часть другихъ народовъ; они знали приготовленіе стекла и выдѣлку кожи и пользовались произведеніями земли своей, особенно кустомъ папируса, для самыхъ разнообразныхъ работъ (онъ употреблялся у нихъ на бумагу, на веревки, на паруса и проч.); всего знаменитѣе были ихъ ткани изъ бумажныхъ и льняныхъ нитей (виссонъ). Домашній бытъ ихъ изобиловалъ всякою утварью, а художественные сосуды, украшенія и разныя принадлежности, выдѣлываемые изъ благородныхъ и простыхъ металловъ, доказываютъ, что Египтянамъ не чужда была и роскошь. Но по всему видно, что тутъ проявлялась одна механическая сноровка, которая, достигнувъ извѣстной степени, на ней и остановилась, не производя уже ничего новаго и постоянно держась того, что̀ однажды вошло въ привычку у рабочихъ. — Замѣчательна заботливость Египтянъ о погребеніи мертвыхъ тѣлъ и о сбереженіи мумій въ прохладныхъ усыпальницахъ. Эти усыпальницы или кладбища располагались всегда по уединеннымъ мѣстамъ, которыхъ природа соотвѣтствовала тишинѣ могилы; онѣ устроивались крѣпко и надежно, чтобъ обезпечить ненарушимый покой усопшимъ и предохранить гробы отъ осквернения; ни сила природы, ни воля человѣка не долж-

---

ковъ и издана съ большею или меньшею отчетливостью во множествѣ любопытнѣйшихъ собраній—Розеллини, Вилькинсона, Лепсіуса и другихъ.

ны были имѣть доступа къ погребеннымъ тѣламъ. Въ прочныхъ, несокрушимыхъ гробницахъ должны были покоиться умершіе Египтяне. Поэтому каждый строилъ гробницы своимъ ближнимъ и заранѣе подготовлялъ свою собственную въ такомъ прочномъ и изукрашенномъ видѣ, какъ только могъ. — Бальзамировка труповъ, въ которую главнымъ матеріаломъ входилъ извѣстнаго рода горный асфальтъ, производилась, смотря по сану и достатку умершаго, съ употребленіемъ бо̀льшихъ или мѐньшихъ издержекъ. Послѣ бальзамировки, каждая часть тѣла обвивалась нѣсколько разъ тончайшими матеріями, а потомъ все тѣло завертывалось въ одѣяло. Въ повязкахъ на животѣ и груди находятъ золотыхъ и серебряныхъ идоловъ, особенно изображенія Озириса, божественныхъ жуковъ и т. д. На муміи дорогаго приготовленія дѣлались чахлы изъ склеенной бумажной ткани и гипса; на мѣстѣ лица рисовалось его изображеніе, а на прочихъ частяхъ тѣла выставлялись разные іероглифы; часто на совсѣмъ готовую уже мумію надѣвали богатыя ожерелья и другія украшенія. Затѣмъ клали ее въ гробъ изъ смоковнаго дерева, а этотъ вставляли иногда въ гранитный саркофагъ съ разными изваяніями и уже въ такомъ видѣ помѣщали стоймя въ могильную пещеру. Эти могильныя пещеры (катакамбы), составлявшія принадлежность каждаго египетскаго города и устроенныя въ каменныхъ горахъ на западной сторонѣ Нила, справедливо называютъ сокровищницею искусствъ и знаній домашняго быта древнихъ Египтянъ, потому что вся роскошь полагалась не въ частныя жилища, эти «ночлеги» смѣняющихся поколѣній, а въ гробницы, — долговѣчное мѣстопребываніе неразлучной съ тѣломъ души.

5. Финикіяне.

§ 33. Мореплаваніе. Торговля. Промышленность. Колоніи. Между берегомъ Средиземнаго моря и кедрообильнымъ Ливаномъ (ср. § 21. VII) жилъ мореходный, торговый народъ Финикіяне. Важнѣйшими городами ихъ были Сидонъ, «торжище народовъ», и богатый, могущественный Тиръ, состоявшій изъ древняго береговаго города и изъ позднѣйшаго, выстроеннаго на противолежащемъ каменномъ островкѣ съ великолѣпными портовыми и гидравлическими сооруженіями. Промышленный духъ и живая дѣятельность на-

вели этотъ народъ на разныя открытія, каковы стекло, крашенье багрецомъ и буквописаніе. Финикіяне отличались также въ литейномъ искусствѣ, въ ткачествѣ, архитектурѣ, но особенно въ горномъ дѣлѣ и обработкѣ металловъ превосходили они всѣ другіе народы. Благопріятное положеніе страны естественно влекло ихъ на море. Ихъ красивыя суда посѣщали не только побережья и острова Средиземнаго моря, развозя издѣлія самихъ Финикіянъ и произведенія отдаленнаго Востока, но пускались даже и за Геркулесовы столбы (Гибральтаръ), вымѣнивали олово на островахъ Бриттовъ и янтарь у прибалтійскихъ жителей и предпринимали смѣлыя плаванія въ южную Аравію и Индію (Офиръ). Черезъ ихъ руки шли золото и жемчугъ Востока, тирскій багрецъ, слоновая кость и львиныя кожи изъ внутренней Африки, аравійскій ладанъ, египетскія льняныя ткани, глиняная посуда и благородныя вина Греціи, кипрская мѣдь, испанское серебро, англійское олово, желѣзо съ острова Эльбы. Увѣряютъ даже, что, по порученію египетскаго царя Нехо (§ 31), они въ трехгодичномъ плаваніи обогнули южную оконечность Африки. Они учредили поселенія (колоніи) на Критѣ и Кипрѣ, на островахъ Эгейскаго моря, въ южной Испаніи (Тартессъ, Гиспалисъ и богатый Гадесъ, нынѣ Кадиксъ) и въ сѣверной Африкѣ. Не менѣе дѣятеленъ былъ караванный торгъ Финикіянъ съ древними цивилизованными странами на Евфратѣ, съ счастливою Аравіей и Египтомъ. Они сдѣлали все, что можно сдѣлать мужествомъ, изобрѣтательностью, одушевленіемъ для полнаго развитія торговли и связанныхъ съ нею мореходства, фабричной промышленности, колонизаціи и для обоюднаго сближенія между Западомъ и Востокомъ. Высшей степени блеска достигнулъ Тиръ въ правленіе царя Хирама, Соломонова современника (ок. 1000). Великолѣпные чертоги и храмы, громадныя крѣпостныя работы украшали и защищали городъ, а торговля, при дружественномъ содѣйствіи іудейскаго царя, пришла въ самое цвѣтущее состояніе. Но Тиряне односторонне развивали свои силы. Стремясь болѣе къ мирному стяжанію и торговой наживѣ, нежели къ славѣ, военному почету и завоеваніямъ, они не разъ покорялись у себя дома чуже-

властію и данничеству, а вчужѣ, при заведеніи колоній, преслѣдовали однѣ купеческія цѣли и рѣдко вступали въ открытый бой. Эта уклончивость происходила не отъ трусости: плаваніе по неизвѣстнымъ водамъ на вооруженныхъ судахъ конечно требуетъ мужества, а что въ немъ не было недостатка у Финикіянъ, они это доказывали много разъ. Тутъ замѣтно отсутствіе гражданскаго духа, и оно-то, при живѣйшемъ впрочемъ чувствѣ народности, при величайшей привязанности къ родному городу, было главною отличительною чертою въ характерѣ Финикіянъ. Свобода не манила ихъ, они были равнодушны къ властительству и жили, какъ говоритъ книга судей, съ упованіемъ, по обычаю Сидонянъ, обладая въ тишинѣ и надеждѣ своими сокровищами. — Когда родъ Хирамовъ изведенъ былъ первосвященникомъ богини Астарты, и послѣдній соединилъ въ своей семьѣ царское достоинство съ саномъ жреца, тогда междоусобія овладѣли Тиромъ. Правнукъ первосвященника, Пигмаліонъ, умертвилъ своего дядю, мужа сестры своей Элиссы, которую обыкновенно называютъ Дидоною, и этимъ злодѣйствомъ побудилъ ее выселиться изъ Тира съ частію недовольныхъ согражданъ. На сѣверномъ африканскомъ берегу противъ острова Сициліи, основали они торговый городъ Карѳагенъ, скоро затмившій славу роднаго края. Сказаніе о воловьей кожѣ, будто бы взятой за мѣру при отводѣ земли подъ новоучрежденный городъ, явно намекаетъ на характеръ Финикіянъ, которые славились хитростью и лукавствомъ искони.

Финикійское побережье, заселенное пришлымъ смѣшаннымъ народомъ различнаго происхожденія (Финикіянами и Филистимами), простиралось не болѣе какъ верстъ на двѣсти въ длину и отъ 30 до 35 въ ширину, такъ что его можно принимать почти только за окраину Сиріи. Не смотря на то, оно было унизано множествомъ городовъ, изъ которыхъ, кромѣ названныхъ, слѣдуетъ еще особенно замѣтить Арадъ, Триполь, Библъ и Беритъ, такъ что весь этотъ приморскій край скорѣе походилъ на одинъ сплошной городъ. А это, вмѣстѣ съ множествомъ пристаней и съ цѣлыми флотами купеческихъ судовъ, должно было возбуждать самое высокое понятіе о богатствѣ и предпріимчивости обитателей. Народъ, такой дѣятельный

какъ Финикіяне, не былъ способенъ переносить ни стѣсненій кастоваго устройства, ни безграничнаго деспотизма царей; каждый изъ финикійскихъ городовъ (которые первоначально всѣ основаны выходцами изъ Сидона) составлялъ вмѣстѣ съ своей округою независимую общину, во главѣ которой стоялъ наслѣдственный царь, ограниченный родовою знатью и жрецами. Общій городовой союзъ подъ предводительствомъ сначала Сидона, потомъ Тира, служилъ оплотомъ противъ внѣшнихъ опасностей. Въ колоніальныхъ городахъ высшее управленіе также находилось въ рукахъ совѣта, составленнаго изъ древнихъ именитыхъ родовъ. — Въ числѣ финикійскихъ издѣлій важнѣйшими были ткани (сидонскія одежды), крашеный товаръ (тирскія багряницы, то-есть шерстяныя и льняныя ткани, выкрашенныя въ темнокрасный цвѣтъ, добываемый изъ раковинъ-багрянокъ, и въ другіе цвѣта, получаемые отчасти изъ разнаго рода раковинъ, отчасти изъ растительныхъ соковъ) и стеклянныя издѣлія; впрочемъ они искусно выдѣлывали всякую утварь и украшенія изъ слоновой кости, золота и другихъ металловъ, а къ числу развозимыхъ ими товаровъ принадлежали пряности, мѣха, масло, вино, хлѣбъ и невольники, — послѣдніе потому, что торговля Финикіянъ вышла первоначально изъ морскаго разбоя и соединеннаго съ нимъ захвата попадавшихся подъ руки людей. — Колонизаціи ихъ, предпринятыя сперва отъ избытка населенія, а потомъ уже продолжавшіяся ради наживы и торговыхъ интересовъ (съ 14 по 11 столѣтіе), преимущественно направлялись къ благопріятнымъ для торговли и промышленности островамъ и берегамъ. У Финикіянъ были древнѣйшія поселенія на островахъ Кипрѣ (Амаѳъ, Киттіонъ), Критѣ, Родосѣ, Ѳазосѣ, Лемносѣ, Самоѳракѣ и друг.; нѣсколько позже водворились они въ Сициліи, Сардиніи, Мальтѣ и на Балеарахъ; но важнѣйшія колоніи ихъ возникли на сѣверо-африканскомъ берегу (Гиппона, Утика, Карѳагенъ) и въ обильной серебромъ и золотомъ Испаніи, гдѣ заняли они южныя части нынѣшней Андалузіи по сю и по ту сторону пролива, отъ устья Аны (Гвадіаны), по обоихъ берегамъ Бетиса (Гвадалкивира) до предѣловъ Гранады и Мурціи, разработывая тамъ рудники и пуская въ оборотъ туземныя произведенія (вино, медъ, шерсть, масло). Чудно звучатъ сказанія о богатствахъ, вывозимыхъ Финикійцами изъ Испанской страны, гдѣ рѣки катятъ олово, гдѣ въ изобиліи золото и всякія руды. Янтарь, изъ котораго они дѣлали разныя украшенія, ожерелья

и красивые сосуды, могъ доходить къ нимъ отъ обитателей Балтійскаго моря не прямо, а изъ вторыхъ рукъ. — О выработкѣ религіозныхъ понятій Финикіяне заботились не такъ ревностно, какъ другіе восточные народы; богослуженіе ихъ соединялось отчасти съ безнравственностью, отчасти съ кровавою строгостью въ исполненіи обрядовъ, и повидимому имѣло въ виду скорѣе возбуждать, нежели обуздывать любострастіе и жестокость. Нравы богатыхъ финикійскихъ купцовъ были сластолюбивы до крайности, и жизнь ихъ, направленная къ стяжанію и барышу, лишена глубокой нравственной основы. Отъ этого поклоненіе Ваалу, древнему богу-солнцу, и служеніе Ашерѣ, богинѣ плодоносія и производительный силы естества, были исполнены сладострастныхъ и развратныхъ обрядовъ. Подобно тому какъ Милиттѣ въ Вавилонѣ, финикійскія и кипрскія дѣвицы жертвовали богинѣ плодородія своею чистотой. Но если это служеніе разврату возмущаетъ своей безнравственностью, то душа наполняется ужасомъ при видѣ страшныхъ обрядовъ поклоненія губительнымъ всеистребляющимъ силамъ войны, огневому богу Молоху и копіеносной Астартѣ. Мощному и гнѣвному Молоху, для умилостивленія его, клали въ раскаленныя руки дѣтей и юношей, то-есть то, что было всего дороже, и заглушали стоны шумомъ флейтъ и литавръ, а строго-дѣвственной Астартѣ сидонской приносили въ жертву дѣвственницъ, и при шумныхъ торжествахъ ея иступленные жрецы бичевали себя и уродовали собственное тѣло. Эти чувственно-развратные и вмѣстѣ аскетически-кровавые обряды представляютъ вѣрный отпечатокъ всего воззрѣнія Симитовъ, колеблющагося между сладострастнымъ наслажденіемъ и изувѣрнымъ губительствомъ, между низкимъ раболѣпствомъ и жестокосердою строптивостью, между изнѣженностью гаремнаго усыпленія и подвигами дивной воинской отваги. Однимъ изъ главныхъ божествъ у Финикіянъ былъ совпадающій съ греческимъ Геракломъ Мелькартъ (царь, властелинъ земли), богъ-солнце, ставшій человѣкомъ, которому воздвигнуты были великолѣпные столпы въ Тирѣ и Гадесѣ, и которому корабельщики, проходя Геркулесовыми столбами, приносили торжественныя жертвы на каменной горѣ Кальпѣ. И ему, такъ же какъ Гераклу, приписывали различныя работы, дальнія странствованія и основаніе многихъ городовъ. Служеніе Адонису, связанное съ печальными и радостными торжествами и аллегорически представлявшее собою замираніе и возрожденіе природы, существовало у Финикіянъ обще съ Сирійцами.

Смерть прекраснаго юноши Адониса, погибшаго отъ дикаго вепря въ дни дождливой и бурной осени, воспоминалась семидневнымъ печальнымъ торжествомъ, а возрожденіе его весною прославлялось самыми веселыми и сладострастными праздниками. — Въ искусствѣ и наукѣ Финикіяне также отставали отъ другихъ образованныхъ народовъ древности. Извѣстія о древнемъ финикійскомъ историкѣ Сахуніатонѣ ни сколько не достовѣрны, и то, что̀ выдается за уцѣлѣвшіе отрывки его сочиненій, есть безъ всякаго сомнѣнія подлогъ. — Сирія съ древнѣйшимъ городомъ Дамаскомъ, такъ-называемымъ «глазомъ востока», и съ великимъ богатствомъ туземныхъ произведеній, имѣетъ значеніе только какъ посредница торговли. Сирійскія храмовыя мѣстности служили въ одно время и рынками и гульбищами для многолюдныхъ съѣздовъ.

§ 34. Исторія. Въ борьбѣ съ воинственными народами верхней Азіи Финикіяне являли мужество и патріотизмъ, свойственные всѣмъ свободнымъ державамъ древности. Когда ассирійскій царь Салманасаръ (§ 27) покорилъ и принудилъ къ дани ихъ материковые города (722 г.), тогда тотъ Тиръ, что̀ лежалъ на островѣ, все еще оказывалъ ему рѣшительное сопротивленіе. Онъ отражалъ всѣ нападенія врага и, подъ защитой крѣпкаго своего положенія на грозной скалѣ, цѣлыя пять лѣтъ отстаивалъ свою независимость, хотя жители, отрѣзанные отъ всякаго сообщенія съ берегомъ и не допускаемые непріятельскою стражей ни къ рѣкѣ, ни къ водопроводамъ, могли только съ трудомъ доставать скудное количество необходимой воды изъ чистернъ и копаныхъ колодцевъ. Вскорѣ торговый флотъ Тирянъ снова овладѣлъ морями. Даже вавилонскій царь Навуходоносоръ, покорившій материковую часть Финикіи и пересилившій жителей древняго Тира, подобно Іудеямъ, во внутренность своего царства, даже и онъ не могъ одолѣть стойкости Тира-острова. Напрасно затѣялъ онъ вести противъ несокрушимаго города многотрудныя работы, такъ что, по словамъ пророка Іезекіиля (29, 18), у осаждавшихъ стала «всяка глава плѣшива и всяко рамо наго»; въ надеждѣ на свою крѣпость, городъ сопротивлялся тринадцать лѣтъ, а потомъ сдался мощному врагу только на уговорѣ; «и мзда не бысть ему и силѣ его на Тира (т. е. отъ Тира), за работу, ею же ра-

боташа нань.» Однакожь эти повторенные удары повидимому сломили наконецъ силу Тирянъ: когда вскорѣ потомъ Персы покорили себѣ верхнеазійскія земли, тогда и Тиръ утратилъ свою свободу и независимость. Финикія сдѣлалась персидскою областью. Именитые роды и старинныя купеческія фирмы Тира большею частію пересилились въ безопасную и цвѣтущую отрасль его, — Карѳагенъ, гдѣ водворили свою смышленость, свои капиталы и свои преданія. Въ половинѣ 4 в. предъ Р. Х. гнетъ чуждыхъ намѣстниковъ породилъ въ Финикіи возстаніе, во главѣ котораго стоялъ Сидонъ. Оно не удалось. Сидонъ подпалъ власти персидскаго царя Оха, и когда царь повелѣлъ казнить знатнѣйшихъ гражданъ, жители сами зажгли городъ и сгорѣли въ немъ съ своими сокровищами. Тиръ просуществовалъ нѣсколько долѣе. Но когда Македонянинъ Александръ ниспровергъ Персидское царство, и Тиръ, вспомянувъ свое прежнее величіе, отважился противустать побѣдителю, онъ послѣ семимѣсячной осады взялъ городъ и раззорилъ его въ конецъ (§ 115). Тиръ никогда уже не оправился отъ этого удара. Его торговля, его морская сила перешли въ Александрію.

6. Народъ Израильскій.

А. ЭПОХА ПАТРІАРХОВЪ (праотцевъ).

§ 35. Тогда какъ весь свѣтъ познавалъ и чтилъ невидимое Божество только въ силахъ и явленіяхъ природы и тверди небесной, въ Месопотаміи существовалъ пастушескій народъ симитскаго происхожденія, сохранявшій вѣру въ единаго Бога, который, какъ творецъ и вседержитель, являлся ему превыше всѣхъ измѣненій естества. По словамъ преданія Аврамъ (Авраамъ), одинъ изъ родоначальниковъ этого кочеваго народа, внявъ гласу Іеговы, покинулъ съ своими стадами, рабами и рабынями и съ племянникомъ Лотомъ родныя пастбища и водворился въ «низинѣ» Ханаанъ (Палестинѣ), гдѣ они продолжали свою пастушескую жизнь и гдѣ туземцы прозвали ихъ Евреями, то-есть пришельцами со стороны. Исаакъ, котораго Сарра родила Аврааму въ глубокой

старости, остался продолжать родъ свой на мѣстѣ, тогда какъ Исмаилъ, сынъ Авраама отъ наложницы Агари, удалился въ пустыню и сдѣлался, по преданію, родоначальникомъ Арабскаго племени. Исаакъ женился на Ревеккѣ, одной изъ единовѣрныхъ ему сродственницъ, и прижилъ съ нею двоихъ сыновей, Исава и Іакова. Исавъ сталъ звѣроловомъ, а Іаковъ остался при отцовскихъ шатрахъ и предпочелъ пастушескій образъ жизни. Благодаря материнской хитрости, младшій сынъ Іаковъ былъ, вопреки заведенному порядку, объявленъ главою племени, но овладѣть своимъ наслѣдіемъ удалось ему только послѣ долгой службы у дяди своего Лавана. Во время этой службы, долготерпѣніемъ, вѣрностью и хитростью Іаковъ пріобрѣлъ себѣ въ жены двухъ дочерей Лавана, Лію и Рахиль, и разбогатѣлъ стадами. Онъ въ чистотѣ продолжалъ родъ свой, тогда какъ Исавъ, соединяясь съ дочерьми туземцевъ, сдѣлался родоначальникомъ особаго племени — Эдомитовъ. У Іакова было двѣнадцать сыновей, и какъ изъ всѣхъ ихъ онъ особенно любилъ Іосифа, рожденнаго милою ему Рахилью, то другіе братья, изъ зависти, замыслили преступное дѣло — избавиться отъ брата, и продали его каравану, съ которымъ онъ долженъ былъ слѣдовать въ Египетъ. Здѣсь Іосифъ не поддался искушеніямъ грѣха и пребылъ твердъ въ добродѣтели; за это Богъ наградилъ его счастіемъ и мудростью. Своимъ искусствомъ толковать сны снискалъ онъ милость у фараона и достигъ высокихъ званій и почестей. Іосифъ воспользовался этимъ положеніемъ и къ благу народа, избавивъ цѣлый край отъ голода (учрежденіемъ запасныхъ житницъ), и вмѣстѣ къ возвышенію царской власти, скупивъ въ руки фараона всѣ поля (кромѣ жреческихъ), такъ что народъ съ тѣхъ поръ обработывалъ землю изъ оброка (на правѣ наслѣдственнаго откупа), платя за нее пятое зерно. Іосифъ пріобрѣлъ этимъ такой вѣсъ, что ему дозволено было вызвать къ себѣ отца и братьевъ, которымъ въ Нижнемъ Египтѣ отведена тучная пастбищами земля Гесемъ (Гозенъ). Здѣсь въ окрестностяхъ Геліополя пасли они нѣсколько вѣковъ наслѣдственныя стада свои. Іосифъ, образецъ нравственности и добродѣтели по чистотѣ жизни, остался любимымъ типомъ восточной поэзіи и саги даже и въ позднѣйшія времена. По

прозванію Іакова: Израиль (Богоборецъ) [1], сами Евреи стали обыкновенно называться Израильтянами.

Религія Израильтянъ есть единобожіе, совершенно различное съ религіозными понятіями язычниковъ. Между тѣмъ какъ языческія божества, при всей придаваемой имъ личности, все-таки единосущны тѣмъ силамъ природы, которыя ими представляются, Богъ израильтянскихъ патріарховъ превыше всякаго естества: онъ повелѣваетъ не только имъ, но и силами духовными, онъ творецъ неба и земли, единый самосущій (сый), святой, награждающій добро и карающій злое. — Вотъ имена двѣнадцати сыновей Іакова: Рувимъ, Симеонъ, Левій, Іуда, Иссахаръ, Завулонъ, Данъ, Неффалимъ, Гадъ, Асиръ, Іосифъ и Веніаминъ. — Исторія патріарховъ — столь же истинная, какъ и умилительная картина простоты нравовъ и чистосердечія мирныхъ кочевниковъ; ничего подобнаго не имѣемъ мы изъ такой отдаленной эпохи. Благородный образъ Іосифа выдается среди всѣхъ прочихъ особенно свѣтло. Онъ истинно прекрасенъ, какъ человѣкъ, остающійся вѣрнымъ себѣ среди величайшихъ бѣдствій и распространяющій благо и счастіе далеко вокругъ себя,— живой примѣръ того, что добро, какъ невозмутимая сила отдѣльной личности, и вмѣстѣ какъ воля Всевышняго, все-таки сильнѣе всякаго зла въ мірѣ. Онъ спокоенъ и не теряется передъ незаслуженнымъ несчастіемъ; вѣрный слуга своему египетскому владыкѣ, онъ не поддается опаснымъ соблазнамъ и достигаетъ наконецъ награды за свою доблесть мудрымъ истолкованіемъ сновъ,— такимъ даромъ, который высоко цѣнился на Востокѣ. Поземельное устройство, относимое еврейскимъ преданіемъ къ Іосифу, господствовало у Египтянъ во всѣ времена при разныхъ правительствахъ. Іосифъ, повидимому, ввелъ только болѣе строгую и добросовѣстную отчетность въ исполненіи.

Б. ОБРАЗОВАНІЕ ПАТРІАРХАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКИ.

§ 36. Исходъ изъ Египта. Сначала въ обильномъ пажитями Гесемѣ, Израильтянамъ было хорошо. Но когда умеръ Іосифъ и воцарился новый фараонъ, не знавшій (или не хотѣвшій знать) о его услугахъ Египту, тогда ненависть къ чужеземцамъ и презрѣніе къ пастушескому занятію увлекли

[1] См. сказаніе о борьбѣ Іакова съ Богомъ, кн. Бытія, XXXII, 28.

Египтянъ къ жестокосердію противъ кочевыхъ инородцевъ. Начали тѣснить Израильтянъ тяжкими полевыми работами и урочными повинностями; они должны были выстроить фараону запасные города Пиѳонъ (Пиѳомъ) и Рамесси (Рамсесъ), добывать глину и поставлять кирпичь въ огромныхъ массахъ; и когда, не смотря на гнетъ, они все-таки размножались до такой степени, что Египтяне стали наконенъ опасаться ихъ возрастающей силы, тогда фараонъ отдалъ приказаніе топить въ Нилѣ всѣхъ новорожденныхъ мальчиковъ. Эта судьба постигла бы и Моисея (1500 г.), если бъ царевна, вышедши съ прислужницами на берегъ въ то самое время, когда ковчежецъ съ положеннымъ въ него младенцемъ остановился въ тростникѣ, не сжалилась надъ ребенкомъ и не взяла его ко двору, гдѣ онъ былъ тщательно воспитанъ и наученъ всякой мудрости. Умерщвленіе одного Египтянина, который въ глазахъ Моисея избилъ еврея-работника, побудило царскаго питомца на сороковомъ году жизни бѣжать отъ казни въ Аравійскую степь, гдѣ на священной горѣ Синаѣ онъ былъ вдохновленъ высокимъ замысломъ стать избавителемъ своего народа отъ египетскаго порабощенія. Фараокъ сначала не хотѣлъ отпустить Евреевъ и еще усилилъ возложенныя на нихъ тягости, но когда ниспосланныя на его землю десять казней распространили вездѣ страхъ и ужасъ, онъ согласился наконецъ на исходъ, требуемый Моисеемъ и братомъ его Ааономъ. Въ память удаленія изъ Египта и соединеннаго съ тѣмъ избіенія египетскихъ первенцевъ (послѣдней изъ казней), Іудеи установили въ послѣдствіи праздникъ пасхи (пассахъ)[1], принося при этомъ въ жертву пасхальнаго агица, «препоясанные въ путь и съ жезлами, или посохами, въ рукахъ». Попытка Египтянъ силою воротить Евреевъ по переходѣ ихъ за Чермное море навлекла погибель преслѣдовавшимъ. Волны покрыли все войско фараона, съ конями и боевыми колесницами, а сестра Моисея Маріямь (Мирьямъ) и сопровождавшія ходъ Израиля женщины воспѣли «со тимпаны и

[1] То-есть прехожденія Іеговою жилищъ еврейскихъ, заранѣе отмѣченныхъ жертвенною кровью, тогда какъ грозная рука его поражала всѣхъ первенцевъ въ жилищахъ Египтянъ, которыя остались безъ заповѣданныхъ отмѣтъ.

лики» хвалебную пѣснь Іеговѣ, котораго мощная десница сокрушила супостатовъ и затопила въ тростникѣ морскомъ полчища и колесницы фараоновы. «Послалъ еси духа твоего, покры я море: погрязоша яко олово (т. е. свинецъ) въ водѣ зѣлнѣй».

§ 37. Законодательство Моисеево. Долго водилъ Моисей ропчущій и непокорный народъ по пустынѣ Аравійской, да укрѣпится ихъ тѣло, да возвратится въ сердца ихъ нравственность и чувство свободы, и да возрастетъ молодое, закаленное въ путевыхъ трудахъ поколѣніе, у котораго достало бы мужества и силы добыть обѣтованную землю съ оружіемъ въ рукахъ. Въ теченіе странствія, Моисей, котораго душевное величіе, твердость и непоколебимое упованіе на Бога расло съ опасностями, установилъ религію, нравы и государственный нарядъ Евреевъ посредствомъ закона, полученнаго имъ на страшной горѣ Синаѣ (Хоривѣ) отъ самого Іеговы. Іегова является здѣсь царемъ и владыкой Израиля; волю свою возвѣщаетъ онъ въ законахъ, которые хранились въ ковчегѣ завѣта, во святомъ святыхъ скиніи, и которыхъ объяснителями были священники подъ начальствомъ главы своего, первосвященника. Послѣдній этотъ санъ быть родовымъ достояніемъ Аарона и его потомковъ. Рядомъ съ ними стояли левиты, какъ священнослужители, наставники, законовѣды и врачи. Племеначальники и родовые старшины руководили во имя Іеговы свѣтскимъ управленіемъ. Во главѣ каждаго колѣна стоялъ князь, окруженный родовыми старшинами. Эти старѣйшины были судьи и совѣтники каждаго колѣна. Однакожъ постановленія, касавшіяся всѣхъ членовъ, объявлялись цѣлому колѣну, собранному вокругъ старшинъ и принимались или отвергались одобрительнымъ или отрицательнымъ откликомъ предстоящихъ. Племеначальники и родовые старшины составляли вмѣстѣ съ Моисеемъ и Ааропомъ верховный совѣтъ, въ которомъ числилось отъ 70 до 72 членовъ. Жертвоприношенія и праздника (пасха, пятидесятница, праздникъ кущей или сѣней) соединяли свѣтлыми узами Іегову съ избраннымъ его народомъ, а субботній (то-есть каждый седьмой) и юбилейный (каждый пятидесятый) годы должны были устранять чрезмѣрное неравенство имуществъ. Вмѣсто кочевой жизни Моисей установилъ земледѣліе главнымъ занятіемъ для своего народа.

На Синаѣ положилъ Іегова торжественный завѣтъ съ Израильтянами, обѣщая содѣлать ихъ святымъ народомъ, царствомъ священ-

нымъ, если они будутъ его достояніемъ, вѣрными слугами ему и покорными исполнителями его закона. Сущностію этого закона были десять заповѣдей, высшія начала права и нравственности, къ которымъ, какъ ближайшее ихъ развитіе, примыкали потомъ обрядовые, гражданскіе и уголовные законы. Іегова, творецъ, вседержитель и правитель міра, вмѣстѣ съ тѣмъ верховный владыка и царь; поэтому служеніе инымъ богамъ (идолопоклонство) есть не только нарушеніе союза, заключеннаго Іеговою съ народомъ, который посвященъ ему существовавшимъ у Евреевъ искони обрѣзаніемъ, но вмѣстѣ и преступленіе противъ царскаго величества,—преступленіе, за которое прямо полагается смерть. Передъ Іеговою равны всѣ члены союза; оттого у Израильтянъ не могло укорениться ни рабство, ни разность въ правахъ состоянія; кабала у нихъ была добровольная и притомъ временная, потому что всякая принудительная связь расторгалась въ субботній годъ, или ужь въ юбилейный непремѣнно. Собственно рабами могли быть только плѣнные да закупы, и то лишь изъ чужеземцевъ. Въ силу того основнаго начала, что верховный обладитель страны, Іегова, опредѣлилъ каждому члену союза его поземельный участокъ, послѣдній въ сущности ни какъ не можетъ быть отчужденъ; владѣлецъ вправѣ продать только пользованіе имъ на опредѣленное время; чрезъ каждыя пятьдесятъ лѣтъ вся поземельная собственность возвращалась опять къ первоначальному владѣльцу и всѣ долговыя взысканія теряли свою силу и уничтожались. Въ юбилейный годъ поля не воздѣлывались, запрещено было убирать даже и то, что расло на нихъ само собою, потому что все тогда считалось общимъ достояніемъ. — Средоточіемъ единобожнаго поклоненія Іеговѣ Моисей поставилъ народную святыню, священный шатеръ, или скинію, — переносный храмъ, какого именно требовалъ бродячій образъ жизни первобытныхъ Евреевъ. Она состояла изъ трехъ частей: 1) изъ доступнаго одному первосвященнику святилища (святая святыхъ), гдѣ стоялъ кивотъ или ковчегъ завѣта акаційнаго дерева (отъ древъ негніющихъ) съ скрижалями закона; 2) изъ отдѣленной завѣсою части, гдѣ стоялъ семисвѣщный свѣтильникъ, алтарь кадильный и трапеза съ двѣнадцатью хлѣбами предложенія, и 3) изъ двора съ алтаремъ всесожженія и жертвенною умывальницей. Помазанный первосвященникъ въ великій день всеобщаго очищенія долженъ былъ приносить искупительную жертву за грѣхи всего народа. Точное соблюденіе

жертвенныхъ и очистительныхъ правилъ имѣло великую важность и внушалось строжайшимъ образомъ.

§ 38. Раздѣлъ земли. Великому пророку и законодателю не суждено было довершить свой подвигъ водвореніемъ Израильтянъ въ обѣтованной землѣ. Съ вершины горы Нававъ (Небо) обозрѣлъ онъ прекрасныя поля Іордана и здѣсь окончилъ свое жизненное поприще. «Не отемнѣстѣ очи его, не истлѣста устнѣ его», — сказано о немъ въ писаніи. Передъ кончиной избралъ онъ себѣ въ преемники Іисуса, сына Навина (Нуна), отъ колѣна Ефремова, увѣщевалъ собравшійся народъ крѣпко держаться Бога отцовъ своихъ и наказывалъ имъ истребить Хананеевъ. Этою крутою мѣрой хотѣлъ онъ предохранить Израильтянъ отъ впаденія въ идолопоклонство. Но едва, подъ предводительствомъ храбраго Іисуса, побѣдили они Амореевъ и нѣкоторыя другія племена, какъ уже прекратили военныя дѣйствія и потребовали раздѣла покоренной земли. Раздѣлъ, какъ наказывалъ Моисей, совершился по жребію между потомками двѣнадцати сыновей Іакова, и участки распредѣлены между колѣнами и родами, при чемъ сыновья Іосифа Ефремъ и Манассія получили по ровну, а потомкамъ Левія не отведено ни какого отдѣльнаго участка, а даны лишь нѣсколько городовъ для жительства да десятина отъ всѣхъ полевыхъ сборовъ. Египтяне и другіе иноплеменники, приставшіе къ Евреямъ на пути, были также пріурочены каждый къ извѣстному роду и колѣну. Колѣна Рувимово, Гадово и половина Манассіина выбрали себѣ пастбища къ востоку отъ Іордана, остальныя водворились къ западу отъ этой рѣки. Колѣно Ефремово, выставившее вождя и всѣхъ лучше дѣйствовавшее въ битвахъ, сѣло между Іорданомъ и морскимъ берегомъ, въ срединѣ завоеванной страны, по зеленѣющимъ холмамъ и тѣнистымъ долинамъ; колѣно Іудино и Симеоново основались въ горно-каменистой части, на югѣ; самый сѣверный отдѣлъ края, около финикійскаго города Лаиса, достался Данову колѣну, послѣ долгихъ и тщетныхъ усилій его захватить себѣ пограничную горную полосу у Филистимлянъ; на травянистомъ гербѣ здѣшняго плоскогорья, около горы Ѳаворъ и озера Хеннероѳъ (Киннеротъ), утвердились

послѣ долгой борьбы четыре колѣна — Иссахара, Завулона, Асира и Неѳѳалима; между Іевусеями, въ окрестностяхъ Іерусалима, поселилось колѣно Веніаминово. Единство ихъ вскорѣ было нарушено, и каждому колѣну пришлось выдерживать борьбу съ Хананеями на свой страхъ. Война эта сопровождалась величайшими ужасами; постепенное покореніе туземцевъ требовало жестокихъ мѣръ и еще усилило въ Израильтянахъ ненависть къ иноплеменству. — Обитатели праваго берега Іордана продолжали вести пастушескую жизнь, между тѣмъ какъ другіе скоро привыкли къ правильному землепашеству, къ воздѣлкѣ винограда, смоквъ, маслины и научились у Финикіянъ первымъ начаткамъ ремеслъ, торговли и городской жизни. Иные предпочли даже спокойное и обезпеченное положеніе на службѣ у финикійскихъ купцовъ многотрудной жизни у себя дома, на свободѣ.

§ 39. Судьи (1300—1100). Израильтянамъ вскорѣ пришлось раскаяться, что они не послушались предсмертнаго совѣта своего законодателя. Моавиты, Мадіаниты, Аммониты, Филистимляне и другія, непокоренныя еще, сильныя племена не давали имъ спокойно пользоваться ихъ владѣніемъ; кровавыя и опустошительныя войны порождали грубость и одичалость; не рѣдко даже забывали Израильтяне Бога живаго, который избавилъ ихъ отъ рабства, и впадали въ идолослуженіе, пока несчастія и военные разгромы не возвращали ихъ снова къ лучшимъ помысламъ. Тогда являлись у нихъ доблестные мужи, поражавшіе враговъ въ битвахъ и возстановлявшіе нравы завѣтной старины. Мужи эти называются въ Библіи судьями. Знаменитѣйшими изъ нихъ, кромѣ героини Девворы[1], были Гедеонъ. Іефѳай и Сампсонъ сильный. Ихъ подвиги жили въ устахъ народа; о принесеніи Іефѳаемъ въ жертву Богу единственной дочери, о геройской борьбѣ Гедеона съ кочевыми племенами южной степи, о богатырскихъ подвигахъ и страшной гибели Сампсона у Филистимлянъ, разсказывали другъ другу земледѣльцы, сидя подъ тѣнію смоковницъ и пальмъ, и пастухи, располажась

[1] Деввора, жена-пророчица, жена Лаѳидоѳова; сія судяше Израилю въ то время. Книга Судей IV, 4.

на ночь подъ звѣзднымъ небомъ, и въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ пѣлась у сѣверныхъ колѣнъ прекрасная побѣдная пѣснь Давворы, сложенная на пораженіе Сисары, асорскаго военачальника, и на смерть, которую нанесла ему коломъ своего шатра отважная Іаиль, жена Хавера. Но Израиль подвергся еще тяжкимъ испытаніямъ. Филистимляне одержали надъ нимъ великую побѣду и захватили даже кивотъ завѣта. Узнавъ объ этомъ несчастіи, престарѣлый первосвященникъ Илій испугался дотого, что упавъ навзничь у воротъ Силома, переломилъ себѣ хребетъ. Побѣдители покорили затѣмъ всю землю по сю сторону Іордана, отняли у Израильтянъ оружіе и начали жестоко притѣснять ихъ. Такою же долей угрожали Аммониты колѣнамъ, сидѣвшимъ по ту сторону Іордана. Тогда Саулъ, воинственный мужъ изъ колѣна Веніаминова, призвалъ народъ къ битвѣ и сталъ во главѣ его. Онъ побѣдоносно отразилъ нападеніе Аммонитовъ и удачно воевалъ съ Филистимлянами. Въ то же время, преемникъ Илія, первосвященникъ Самуилъ, человѣкъ благочестивый и полный любви къ отечеству, успѣлъ возстановить древній завѣтъ Израиля съ его Богомъ, пробудить національное чувство и прежнее уваженіе къ Моисееву законодательству. Изъ основанныхъ или по крайней мѣрѣ преобразованныхъ имъ училищъ пророческихъ, въ которыхъ учились закону, музыкѣ и пѣнію, выходили мужи, вдохновляемые равностію къ вѣрѣ, любовью къ свободѣ и отечеству.

В. ѲЕОКРАТИЧЕСКАЯ МОНАРХІЯ.

§ 40. Саулъ и Самуилъ. Самуилъ внушалъ народу силу, самоувѣренность и воинскую отвагу, но въ тоже время возвысилъ и священновластіе. Сыновья его не пошли путемъ отца: они предались лихоимству, и Израильтяне, страшась новыхъ опасностей для своей свободы, захотѣли, по примѣру сосѣднихъ народовъ, имѣть царя, который, какъ всегдашній глава, водилъ бы ихъ на битву и побѣду. Напрасно маститый первосвященникъ старался отклонить отъ этого желанія, противорѣчившаго закону Моисея; напрасно изображалъ онъ имъ въ самыхъ яркихъ краскахъ страданія и гнетъ, которые

ожидаютъ ихъ подъ правленіемъ царя: Израильтяне настаивали на своемъ требованіи, и Самуилъ былъ вынужденъ помазать на царство избраннаго народомъ Саула. Саулъ съ величавою наружностью соединялъ храбрость, боевую опытность и воинское счастье; но такъ какъ онъ утверждалъ свою власть болѣе на войскѣ и на ратной силѣ, чѣмъ на священныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ онъ не строго соблюдалъ уставы Моисея, вопреки имъ собственноручно приносилъ жертвы и, послѣ побѣды надъ Амаликитами, не послушалъ велѣнія Іеговы умертвить все, что ни досталось ему въ добычу, то онъ навлекъ себѣ отверженіе. Самуилъ и возвеличенное имъ священство негодовали на воинственнаго государя, который въ гордомъ сознаніи своихъ ратныхъ подвиговъ и своей царской власти, вознамѣрился идти своимъ собственнымъ путемъ, и первосвященникъ тайно помазалъ на царство молодаго пастуха Давида, изъ колѣна Іудина, человѣка предпріимчиваго и преданнаго священнымъ учрежденіямъ. Съ той поры нашелъ на Саула духъ мрачной задумчивости, и одинъ Давидъ своей игрою на гусляхъ могъ развеселять его. Но отчасти изъ зависти къ военной славѣ, пріобрѣтенной Давидомъ въ битвахъ съ Филистимлянами, отчасти въ тайномъ предчувствіи будущаго его назначенія, Саулъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ молодаго пастуха не смотря на тѣсную дружбу его съ Сауловымъ сыномъ Іонаѳаномъ и на бракъ съ одною изъ царскихъ дочерей. Среди опасностей и бѣдъ, Давидъ избѣжалъ однакожь всѣхъ гоненій противника. Съ дружиной вольницы велъ онъ удалую военную жизнь и состоялъ даже нѣсколько времени у филистимскаго царя на службѣ. Когда же наконецъ Саулъ, ужасъ враговъ и щитъ Израиля, послѣ несчастной битвы съ Филистимлянами бросился въ отчаяніи на собственный мечъ, тогда Давидъ сталъ царемъ колѣнъ Іудина и Веніаминова, гдѣ законодательство Моисея пустило самые крѣпкіе корни. Шесть лѣтъ провелъ онъ потомъ въ Хевронѣ данникомъ Филистимлянъ, между тѣмъ какъ сынъ Саула Іевосѳей властвовалъ надъ остальными колѣнами. Ослабленный отпаденіемъ знатнаго полководца Авенира, Іевосѳей терялъ однакожь болѣе и болѣе во мнѣніи подданныхъ и наконецъ по-

гибъ измѣною своихъ собственныхъ клевретовъ, послѣ чего Давидъ признанъ былъ царемъ отъ всего народа, а домъ Сауловъ истребленъ въ конецъ. Давидъ вскорѣ сдѣлалъ Израильтянъ господствующимъ народомъ въ Ханаанѣ.

§ 41. Давидъ и Соломонъ. Правленіе Давида составляетъ самую блистательную эпоху еврейской исторіи. Счастливыми войнами расширилъ онъ свое царство на югъ до Чермнаго моря и на востокъ — до Евфрата, завоевалъ сирійскій городъ Дамаскъ и навсегда сокрушилъ силу Филистимлянъ; вмѣстѣ съ храбрымъ полководцемъ своимъ Іоавомъ покорилъ враждебныя племена Моавитовъ, Аммонитовъ и Эдомитовъ, жестоко отмщая имъ за прежнія пораженія: Аммонитовъ перетиралъ онъ пилами, разсѣкалъ орудіями желѣзными и ввергалъ въ огненныя печи; онъ отнялъ у Іевусеевъ главный городъ ихъ Іерусалимъ, съ укрѣпленіемъ Сіономъ, и сдѣлалъ его своею столицею и средоточіемъ святыни. Для этого велѣлъ онъ перенести туда изъ Киріаѳъ-Іарима кивотъ завѣта въ торжественномъ шествіи, при звукахъ гуслей, трубъ и литавръ, и установилъ чинъ торжественнаго богослуженія, существенную часть котораго составляло пѣніе религіозныхъ гимновъ или псалмовъ; многіе, и притомъ прекраснѣйшіе изъ нихъ, писаны самимъ Давидомъ. Ему суждено было вплести въ царскій вѣнецъ свой чудный лавръ лирической поэзіи. Не смотря на черный поступокъ съ Уріею, котораго онъ погубилъ, отнявъ у него напередъ прекрасную жену, не смотря и на многія другія прегрѣшенія, Давидъ все-таки оставался человѣкомъ по сердцу Божію, потому что всегда умѣлъ снискать себѣ прощеніе Іеговы своимъ глубокимъ раскаяніемъ и готовностью виниться во грѣхѣ. Подвижный духъ его былъ равно способенъ къ высокому поэтически-религіозному настроенію, какъ и къ увлеченію чувственности. Что касается до государственныхъ дѣлъ, то онъ тщательно устроилъ свое войско и окружилъ себя храброю дружиной иноплеменныхъ тѣлохранителей; онъ улучшилъ администрацію и судопроизводство, увеличилъ царскіе доходы, пріумножилъ казну и возвысилъ могущество и значеніе короны. Конецъ его царствованія былъ омраченъ мятежемъ его любимаго сына Авес-

салома, увлеченнаго честолюбіемъ и наущеніями злыхъ совѣтчиковъ. Въ надеждѣ на любовь народа, которую отецъ утратилъ благодаря гнету своего владычества, а сынъ пріобрѣлъ лаской и привѣтливостью ко всѣмъ, Авессаломъ покусился присвоить себѣ корону. Давидъ покинулъ даже свою столицу и бѣжалъ за Іорданъ. Но скоро счастіе воротилось къ мудрому государю. Авессаломъ былъ разбитъ, и смерть постигла его во время бѣгства, когда онъ зацѣпилъ своими роскошными волосами за сучья дерева и повисъ на высотѣ. На смертномъ одрѣ Давидъ передалъ вѣнецъ и царство Соломону (сыну своему отъ той самой Варсавіи, которую онъ такъ предательски отнялъ у Уріи Хеттеянина) и завѣщалъ ему, въ видахъ государственной предусмотрительности, казнить всѣхъ главныхъ его враговъ. — Соломонъ премудрый вступилъ на престолъ, погубивъ старшаго брата Адонію [1], но зато онъ довершилъ дѣло отца. Какъ Давидъ былъ великъ въ войнѣ, такъ Соломонъ прославился мирными искусствами. Онъ украсилъ столицу множествомъ богатыхъ построекъ и съ помощію тирскихъ художниковъ и зодчихъ соорудилъ на горѣ Моріи великолѣпный храмъ, окруженный жилищами священниковъ, жертвенниками и алтарями, и возбуждавшій общее удивленіе роскошью позолоты, рѣзныхъ работъ и всякаго рода украшеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ дано имъ новое устройство и служебное распредѣленіе священническимъ родамъ. Но Соломонъ во многомъ отступилъ отъ уставовъ Моисея. Онъ принималъ участіе въ морскихъ плаваніяхъ Финикіянъ въ Офиръ и обширными торговыми оборотами накопилъ невиданныя дотолѣ богатства, которыя еще болѣе развили въ немъ наклонность къ великолѣпію, роскоши и сластолюбію; онъ покупалъ лошадей изъ Египта и устроилъ постоянное войско съ боевыми колесницами и конницей; онъ сооружалъ славные дворцы и окружалъ себя блистательнымъ придворнымъ чиномъ; онъ содержалъ гаремъ изъ иноплеменницъ, которымъ дозволялъ идолослуженіе, принимая и самъ участіе въ ихъ жертвенныхъ торжествахъ. Не огра-

[1] Адонія возсталъ противъ рѣшенія Давида передать царство Соломону и увлекъ за собою многихъ начальниковъ и немалую часть народа.

дили его отъ безразсудствъ ни его высокій умъ, ни тонкій смыслъ, ни прославленная мудрость, которая «умножилась паче смысла всѣхъ древнихъ человѣкъ и паче всѣхъ смысленныхъ египетскихъ». Но долго еще жила въ народѣ молва о мудромъ приговорѣ Соломона по спору двухъ женщинъ за ребенка, о загадкахъ, которыя отгадывалъ онъ и въ свою очередь предлагалъ Хираму Тирскому и царицѣ Савской, о его умѣньи задавать и изумительно рѣшать трудные вопросы. Онъ слылъ представителемъ краткаго золотаго вѣка въ царствѣ Израильскомъ, и оттого весь блескъ этого періода сосредоточился на Соломонѣ. Ему приписываются библейскія книги: Притчи, Пѣснь пѣсней и Экклесіастъ. У позднѣйшихъ поколѣній сказанія о сверхъестественной мудрости, богатствѣ и великолѣпіи царя іудейскаго, основателя Ѳадмора, приняли баснословные размѣры: «Сулейманъ» представлялся имъ могучимъ кудесникомъ, владыкой демоновъ и духовъ, повелителемъ сокровенныхъ силъ природы, и въ этомъ видѣ, среди постоянно измѣняющихся отношеній, народностей и вѣръ, живетъ онъ до сихъ поръ въ сказочномъ и баснословномъ мірѣ Востока и проникаетъ всю его поэзію. Однакожь блистательное царствованіе Соломона имѣло и свои темныя стороны. Изъ патріархальнаго быта возникла деспотическая монархія, окруженная восточной роскошью, восточнымъ сладострастьемъ и обременявшая народъ гнетомъ тяжкихъ податей и повинностей; мѣсто родственно-чтимыхъ старшинъ и племеначальниковъ, которыхъ приговорами рѣшались дѣла въ прежнее время, заступила теперь власть царскихъ сановниковъ, произвольно толковавшихъ законъ и облагавшихъ податью свободную прежде собственность народа. Поэтому еще въ правленіе Соломона воинственный Іеровоамъ покусился на мятежъ. Возстаніе было подавлено, и зачинщикъ вынужденъ бѣжать въ Египетъ; но когда сынъ Соломоновъ, Ровоамъ, пошелъ по слѣдамъ отца и, внявъ совѣту «воспитанныхъ съ нимъ отроковъ», грозно отвергъ желанія народа, чтобы царю отказаться отъ всякихъ произвольныхъ мѣръ и облегчить тяжкій яремъ, наложенный Соломономъ, тогда десять колѣнъ отложились отъ его власти и выбрали себѣ царемъ Іеровоама изъ колѣна Ефремова (980 г.). Только

колѣна Іудино и Веніаминово остались вѣрны законному государю.

г. ГИБЕЛЬ РАЗДѢЛЕННАГО ЦАРСТВА.

§ 42. Идолослуженіе и пророки. Черезъ раздѣлъ возникли два неравныя величиною государства: состоящее изъ десяти колѣнъ царство Израильское или Ефремово, съ главными городами Сихемомъ, Θерсою и Самаріей, и состоящее изъ двухъ колѣнъ царство Іудейское или Іудино, съ городомъ Іерусалимомъ. Такъ какъ въ послѣднемъ хранился кивотъ завѣта и какъ поэтому левиты и многіе благочестивые Израильтяне считали его настоящею столицею и средоточіемъ служенія истинному Богу, то Іеровоамъ на югѣ и сѣверѣ своего царства, въ древнихъ жертвенныхъ городахъ Данѣ и Веθилѣ, воздвигнулъ кумиръ тельца и учредилъ жертвоприношенія на горныхъ высяхъ. Преемники его украсили Θерсу великолѣпными постройками и обогатили край торговлею; но внѣшняя его сила пострадала отъ войнъ съ Дамаскомъ и Іудеею; въ то же время усилившееся идолослуженіе разрушило прежнее упованіе на Бога и поколебало нравственность, основанную на вѣрѣ народной. Іудея, подъ державою преемниковъ Ровоама, также пережила печальные дни. Египетскій царь Сезонхисъ (Сусакимъ) взялъ Іерусалимъ и увезъ оттуда богатые сокровища, оставленныя Соломономъ [1]. Еще и теперь на лицевой сторонѣ южной стѣны великаго карнакскаго храма въ Θивахъ видно изображеніе: побѣдоносный фараонъ заноситъ какое-то остріе надъ группою плѣнныхъ узниковъ, и полувывѣтренная надпись гласитъ, что одинъ изъ нихъ — «юта-малкъ», то-есть царь Іуды. Лучшее время настало для Іудеевъ лишь тогда, когда при царѣ Іосафатѣ (920 — 890) они низвергли у себя алтари чужихъ идоловъ. — Однимъ изъ могущественнѣйшихъ и богатѣйшихъ царей Израиля былъ современникъ Іосафата, Ахавъ (ок. 900 г.). Онъ, по настоянію язычницы-жены, Іезавели изъ Тира [2], соорудилъ въ новой столицѣ своей

[1] Книга III Царствъ нашествіе Сусакима полагаетъ въ пятый годъ Ровоамова правленія.

[2] Кн. III Царствъ называетъ ее дочерью царя Сидонскаго.

Самаріи храмъ Ваалу, гдѣ постоянно служили четыреста пятьдесятъ жрецовъ. Напрасно священники Іеговы возставали противъ этого порочнаго, плотоугоднаго поклоненія Ваалу и Астартѣ, — строгая, одаренная желѣзной волей царица выгнала непокорныхъ изъ предѣловъ той страны и принудила ихъ укрываться въ пустыняхъ, пещерахъ и горныхъ дебряхъ. Въ числѣ ихъ былъ пророкъ Илія, нашедшій себѣ убѣжище у горы Кармила. Когда засуха и голодъ постигли цѣлый край, Илія указалъ въ этомъ бѣдствіи кару небесную, а взволнованный и раздраженный народъ умертвилъ жрецовъ Ваала, послѣ чего возвратились всѣ спасавшіеся бѣгствомъ пророки и священники, и служеніе Іеговѣ было возстановлено. Только Илія вынужденъ былъ снова бѣжать въ пустыню, отъ преслѣдованій озлобленной Іезавели. Ахавъ велъ удачныя войны съ Сирійцами въ Дамаскѣ; но счастіе отвернулось отъ него, когда вопреки совѣту пророковъ онъ даровалъ побѣжденному царю жизнь и свободу. Сирійскій царь отплатилъ за милость неблагодарностью и не исполнилъ условій мира съ Израильтянами. Въ третьей войнѣ, которую Ахавъ предпринялъ по этому случаю противъ Сиріянъ вмѣстѣ съ Іосафатомъ іудейскимъ, онъ былъ смертельно раненъ, но сражался стоя въ колесницѣ до тѣхъ поръ, пока не умеръ отъ потери крови и истощенія (896 г.). Пророкъ Михей предвозвѣстилъ ему печальный конецъ и за это передъ походомъ ввергнутъ былъ въ темницу до благополучнаго возвращенія царя. За Ахавомъ слѣдовалъ сынъ его Іорамъ (896 — 882), при которомъ Дамаскинцы долго осаждали Самарію, такъ что въ городѣ насталъ неслыханный голодъ. Всѣ эти бѣдствія истолкованы пророками въ смыслѣ каръ господнихъ, посылаемыхъ на домъ Ахава за поклоненіе Ваалу. И какъ чрезъ супружество Гоѳоліи (Атальи), дочери Ахава и Іезавели, съ сыномъ Іосафатовымъ, это грѣховное поклоненіе перешло и въ Іудею, то весь домъ Ахавовъ обреченъ былъ на погибель. Глава тогдашнихъ пророковъ Елисей повелѣлъ излить священный елей на Іуя, полководца Іорамова, и провозгласилъ его, во имя Іеговы, царемъ Израиля. Пораненный въ битвѣ противъ Сиріянъ, Іорамъ сидѣлъ съ племянникомъ Охозіей (Агасья), царемъ Іудейскимъ, во дворцѣ своемъ въ Іезреэлѣ, когда

вступилъ въ городъ Іегуй съ своими приверженцами; оба царя бѣжали въ колесницахъ, но онъ настигъ и умертвилъ ихъ, а Іезавель приказалъ выбросить изъ окна, такъ что кровь ея обрызгала стѣну и коней Іегуя. Свирѣпый убійца проѣхалъ по ея трупу, а потомъ велѣлъ старѣйшинамъ и военачальникамъ истребить весь родъ Ахавовъ и прислать къ нему головы убитыхъ. Такъ погибли семьдесятъ сыновей и внуковъ Ахава и сорокъ два брата и сродника Охозіины. Но не исполнилась надежда Іегуя утвердить на трупахъ державнаго дома соединеніе обоихъ царствъ. Гоѳолія, дочь Ахава, захватила въ Іудеѣ бразды правленія и точно такъ же погубила всѣхъ тѣхъ, кто преграждалъ ей дорогу, не пощадивъ даже родныхъ внуковъ, сыновей Охозіи. Только одинъ изъ нихъ, годовой младенецъ Іоасъ, едва спасенъ былъ сестрою своего отца (Іосавеѳъ) отъ свирѣпства языческой царицы и тайно воспитанъ въ храмѣ священникомъ Іодаемъ (мужемъ Іосавеѳъ). Такъ же жестоко какъ съ царскимъ домомъ поступилъ Іегуй (882—854) съ жрецами и служителями Ваала. Они были перебиты, капища ихъ разрушены и поклоненіе Іеговѣ снова возстановлено. Но эти ужасы ослабили силы Израиля, такъ что при Іегуѣ и трехъ его преемникахъ большая часть края отошла къ Сиріянамъ, а войско уменьшилось до десяти тысячъ человѣкъ, всего съ десятью боевыми колесницами и пятидесятью конниками. Только при Іеровоамѣ II (822 — 780) царство Израильское возвысилось снова. Утраченные города были возвращены, ожившая торговля дала благосостояніе и богатство; сыны Израиля жили въ кущахъ по прежнему, а въ столицѣ Самаріи господствовало великолѣпіе и выстроилось много красивыхъ домовъ. — Тоже послѣдовало и въ Іудеѣ. Послѣ семилѣтняго царствованія, Гоѳолія, по замыслу первосвященника Іодая, была свергнута и умерщвлена, капище Ваала разрушено и поклоненіе Іеговѣ возстановлено во всей славѣ. Однакожь ни Іоасъ (876—836), ни сынъ его Амасія (836 — 806) не смогли успѣшно противиться нападеніямъ многочисленныхъ враговъ; сверхъ-того и междоусобная война съ родственнымъ Израильскимъ царствомъ нанесла раззореніе странѣ и ея столицѣ Іерусалиму. Только Озія успѣлъ снова доставить Іудеѣ надлежащій

вѣсъ; счастливою войной съ Филистимлянами и другими враждебными племенами возбудилъ онъ въ народѣ самоувѣренность и воинское мужество, и въ то же время поощрялъ торговлю, земледѣліе и скотоводство.

§ 43. Ассирійское и вавилонское плѣненіе. Въ 9 и 8 вѣкахъ настали тяжкія времена для раздѣленныхъ царствъ. На востокѣ возвысилось царство Ассирійское (§ 27) съ обновленнымъ воинскимъ могуществомъ и направило свои завоевательные походы къ при-ливанскимъ краямъ, ослабленнымъ междоусобіями и потрясеннымъ язвою идолопоклонства. Израиль и Іудея, вмѣсто того чтобъ противустать общими силами могучему врагу и почерпнуть мужества и бодрости въ твердомъ упованіи на Іегову и въ привязанности къ коренным обычаямъ и законамъ, раздорили между собой, союзились съ иноплеменниками, искали защиты и помощи у алтарей языческихъ боговъ и предавались роскоши и сластолюбію. Они преслѣдовали боговдохновенныхъ пророковъ (§ 44), смѣло и открыто предвѣщавшихъ паденіе царства, если поклоненіе Іеговѣ уступитъ мѣсто идолослуженію, если не прекратится вольнодумство и междоусобіе. Но мужество и сила пророковъ росли вмѣстѣ съ гоненіями. Въ пустыняхъ среди лишеній и бичеваній укрѣплялась вѣра ихъ и внутреннее прозрѣніе. Именемъ Іеговы, въ которомъ видѣли они Бога живаго, святое духовно-нравственное существо, которому должно служить не жертвами и алтарями, но безгрѣшною жизнію, чистымъ сердцемъ и устами, — его именемъ настаивали они на исправленіи, на добродѣтели и страхѣ Божіемъ, и грозили гнѣвомъ Господнимъ всѣмъ тѣмъ, кто не возвратится къ Богу отцовъ и не возложитъ на него единаго — упованія и надежды. Но сердца Іудеевъ ожесточились. Напрасно пророкъ Амосъ, прежде пасшій овецъ въ Іудеѣ, пока не призвалъ его Господь, велъ ревностную проповѣдь противъ сластолюбія и разврата вельможъ израильскихъ, противъ обмана и притѣсненій, противъ того безстыдства, съ какимъ «обратили они судъ на гнѣвъ и плодъ правды на горесть»; за это возстали на него идольскіе жрецы въ Веѳилѣ и принудили его бѣжать въ Іудею. Напрасно Осія (Гошеа) предостерегалъ израильскаго царя Манаима (770—758) отъ безразсуднаго

замысла призвать Ассиріянъ на помощь противъ Дамаскинцевъ, и изображалъ бѣдствія, какія должны постигнуть народъ, если онъ не возвратится къ правдѣ, умѣренности, закону и порядку; царь Фулъ былъ все-таки призванъ, вступилъ черезъ Евфратъ въ Сирійскую страну и сдѣлалъ ослѣпленнаго Манаима своимъ данникомъ, отнявъ у него напередъ сокровища и разные города, а часть жителей перевелъ въ Месопотамію. Такой примѣръ не́ удержалъ однакожь іудейскихъ царей Іоѳама (753—742) и Ахаза (742—726) также заискивать покровительства Ассиріи. Когда Факей, царь Самаріи, въ союзѣ съ дамаскинскими Сиріянами, пошелъ войною на Іудею и тѣсно обложилъ Іерусалимъ, Ахазъ призвалъ на помощь Фулова преемника, Тиглатъ-Пилесара (Ѳелгафеласара), согласился быть данникомъ Ассиріянъ и осквернилъ храмъ Іеговы ассирійскимъ идолослуженіемъ, не смотря на грозныя обличенія великаго, боговдохновеннаго, пламеннаго пророка Исаіи, котораго сердце горѣло любовью къ отечеству, къ вѣрѣ отцовъ, къ древней доблести и чистотѣ нравовъ. Скоро обнаружились печальныя слѣдствія этого безразсуднаго поступка. Когда воинственнѣйшій изъ ассирійскихъ царей, Салманасаръ, сдѣлалъ нашествіе на богатую приморскую землю, покорилъ себѣ Финикію, завоевалъ Старый Тиръ, отнялъ портовые города Филистимлянъ и грозно прошелъ до самыхъ границъ Египта, тогда Осія Израильскій (728—720) вступилъ въ союзъ съ Египтянами, чтобы найдти защиту отъ Ассирійцевъ, и уклонился отъ тяжкаго данничества Салманасару. Раздраженный такою дерзостью Салманасаръ двинулся на царство Израильское, взялъ послѣ трехлѣтней осады столицу Самарію и увелъ царя съ большею частію народа въ ассирійское плѣненіе, на ту сторону Евфрата и Тигра (720). Въ далекой Арменіи и въ «мидійскихъ городахъ» указаны были новыя мѣста жительства многочисленнымъ плѣнникамъ, а зеленая, холмистая Самарія занята была чуждыми племенами, которыхъ ассирійскій царь велѣлъ перевести туда изъ Вавилона, Емаѳа (Гамата) и съ Евфратскихъ береговъ. Только въ немногихъ слабыхъ остаткахъ Израильскаго царства сохранилось воспоминаніе о прежнемъ бытѣ, о могуществѣ и благоденствіи подъ державою Давида и Соломона. Край былъ дотого

опустошенъ, что дикіе звѣри терзали тамъ человѣка и «слышался голосъ на высотахъ, скорбный плачъ сыновъ Израиля, зачѣмъ совратились они съ пути правды и забыли Іегову, своего Господа». Изъ смѣшенія новыхъ поселенцевъ съ оставшимися на мѣстѣ Израильтянами произошли Самаритяне.

§ 43. *б.* Іудея оставалась еще данницею Ассиріянъ и была до времени пощажена. Но вскорѣ потомъ могущественный Салманасаръ сошелъ въ могилу, и царь іудейскій Езекія (Гискія, 726—698) думалъ, что вотъ наступилъ для него часъ освобожденія. Онъ заключилъ союзъ съ Египтянами и укрѣпилъ Іерусалимъ. Тщетно Исаія увѣщевалъ не опираться на гнилой посохъ и не искать у людей помощи и спасенія, когда ихъ властенъ даровать одинъ Іегова; Езекія остался при своемъ намѣреніи, однакожь увѣщанія пророка побудили его по крайней мѣрѣ покинуть чужихъ боговъ и усердно и ревностно обратиться къ Господу. Упованіе его не обманулось. Сеннахиримъ (Санхерибъ), воелюбивый преемникъ Салманасара, вступилъ съ огромнымъ войскомъ въ Іудею и угрожалъ осадить Іерусалимъ. Но не приспѣлъ еще часъ царству Іудину, Іегова охранялъ еще свой городъ, какъ предвозвѣстилъ пророкъ Исаія. Прежде чѣмъ подошла египетская помощь, войско Ассиріянъ было истреблено страшною моровою язвою, и Сеннахиримъ въ ужасѣ покинулъ эту землю. Іерусалимъ былъ спасенъ. Сеннахиримъ спустя нѣсколько времени палъ подъ ударами двухъ сыновей своихъ, и Ассирійское царство быстро склонилось къ упадку. Не истекъ еще седьмой вѣкъ, а гордая Ниневія лежала уже въ развалинахъ (§ 27). Но Іудея впала опять въ прежнюю слѣпоту. Сынъ Езекіи Манассія (698—642), забывъ Іегову, снова обратился къ идоламъ, которыхъ чествовалъ дѣдъ его Ахазъ. Снова учреждено было служеніе Ваалу, и культъ сладострастія смѣнилъ поклоненіе единому и святому Богу. По примѣру Ахаза, Манассія принесъ собственнаго сына въ жертву раскаленному Молоху. Жестокія гоненія подняты были на пророковъ, которые сильно возставали противъ этихъ безнравственныхъ жертвъ, противъ водворенія чувственныхъ обрядовъ, и грозно предвѣщали Іерусалиму горькую долю Самаріи: «и простру на Іерусалимъ мѣру Самарійскую и вѣсы дому Ахаавля», если

сыны Іудины не обратятся въ чистотѣ сердца къ Богу живому и не пойдутъ путями правды. Мечъ, какъ лютый левъ, пожиралъ пророковъ; но голосъ ихъ раздавался по прежнему, и Исаія съ полнымъ упованіемъ указывалъ павшему духомъ народу на грядущаго Мессію, который изъидетъ отъ племени Давидова на спасеніе людямъ. Еще однажды торжественно обновился древній завѣтъ между Іеговою и его народомъ, когда царь Іосія (640—608), вступившій на престолъ осьмилѣтнимъ отрокомъ, принялъ изъ рукъ священниковъ писанный законъ Моисеевъ (622 г.), и въ знакъ возвращенія своего къ древней вѣрѣ и богопочитанію, повелѣлъ разрушить алтари Ваала и звѣздныхъ божествъ, изгнать жрецовъ и волхвовъ языческихъ и уничтожить служеніе разврату и ужасу, Астартѣ и Молоху. То были послѣдніе счастливые годы для Іудеи. Благочестивый Іосія, въ битвѣ при Мегиддонѣ, былъ побѣжденъ египетскимъ царемъ Нехао (§ 31), и второй сынъ его Іоакимъ (608—597) вступилъ на престолъ уже данникомъ. Легкомысленный и расточительный, не заботился онъ о бѣдственномъ положеніи края; онъ снова обратился къ чужимъ богамъ и преслѣдовалъ смѣлаго пророка Іеремію, который въ грозныхъ обличеніяхъ возставалъ противъ беззаконій царя и народа и предвозвѣщалъ близкій день суда, когда храмъ Іерусалимскій падетъ въ развалинахъ, а страна и народъ Іудейскій сдѣлаются добычей иноплеменныхъ полчищъ. Пораженіе Нехао Навуходоносоромъ (§ 28) при Кархамисѣ (Кархемишѣ) не принесло Іудеямъ облегченія. Мѣсто египетскаго властителя заступилъ теперь могущественный и воинственный царь вавилонскій, который, унаслѣдовавъ ассирійское господство по сю сторону Евфрата, рѣшился продолжать завоеванія Салманасара и Сеннахирима. Въ четыре года покорилъ онъ Сирійскую страну вмѣстѣ съ городомъ Іерусалимомъ, разграбилъ храмъ и увелъ Іоакимова сына Іехонію вмѣстѣ съ воинами и знатнѣйшими гражданами внутрь своихъ владѣній (597 г.). Надъ беззащитнымъ остаткомъ тѣхъ Іудеевъ, которыхъ Навуходоносоръ не тронулъ изъ Іерусалима, поставленъ былъ царемъ-данникомъ Седекія, третій сынъ Іосіи, а страна и городъ угнетены тяжкимъ игомъ. Но неподатливый духъ іудейскаго народа не сокрушился еще вполнѣ и теперь; въ

груди ихъ еще теплилось желаніе свободы и самобытности. Іеремія, отчаяваясь за будущность отечества, увѣщевалъ ихъ остаться подъ чужеземнымъ игомъ, но пророческій его голосъ не нашелъ себѣ сочувствія. Въ надеждѣ на помощь Египтянъ, Іудея, съ царемъ своимъ во главѣ, снова возстала противъ иноплеменнаго деспота, однакожь безуспѣшно. Не смотря на мужественную оборону, Іерусалимъ, по предсказанію Іереміи, сталъ добычею враговъ. Навуходоносоръ выжегъ храмъ и городъ, похитилъ кивотъ завѣта и священные сосуды и увлекъ наконецъ лишеннаго зрѣнія царя съ большею частію народа въ семидесятилѣтнее вавилонское плѣненіе. Іеремія, отсовѣтовавшій борьбу съ Халдеями и содержавшійся за то подъ стражей во все время осады Іерусалима, пошелъ искать убѣжища въ Египтѣ и оплакивалъ тамъ въ скорбныхъ пѣсняхъ (Плачъ Іереміинъ) погибель отечества. «Како сѣде единъ — градъ, умноженный людьми; бысть яко вдовица; умноженный во языцѣхъ, владяй странами, — бысть подъ данію. Плача плакася въ нощи, и слезы его на ланитѣхъ его, и нѣсть утѣшаяй его отъ всѣхъ любящихъ его..... Путіе Сіони рыдаютъ яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ.» Среди бѣдствія, Іудеи опять прибѣгли къ Богу своихъ отцовъ и «сидя при водочетахъ вавилонскихъ», внимали голосу священниковъ и пророковъ, которые, подобно Іезекіилю и великому Исаіѣ вавилонскому, предрекали имъ будущее возвращеніе на родину. И обрѣли они милость предъ лицомъ Іеговы. Черезъ нѣсколько десятилѣтій Вавилонъ былъ завоеванъ Персами, и вслѣдъ за тѣмъ Киръ отпустилъ Іудеевъ домой изъ плѣна. «Глаголяй Киру смыслити, и вся воли моя сотворитъ; Іерусалиму: возградишися, и храмъ святый мой осную. Сице глаголетъ Господь Богъ помазанному моему Киру», говорилъ великій пророкъ. «Азъ предъ тобою пойду, и горы уравню, врата мѣдяныя сокрушу, и вереи желѣзныя сломлю. Сей созиждетъ градъ мой, и плѣненіе людей моихъ возвратитъ, не по мздѣ, ни по даромъ, рече Господь Саваоѳъ». Сначала вышла изъ Вавилона только малая часть Іудеевъ, подъ начальствомъ Зоровавеля и Іисуса Іоседекова, и немедленно приступила къ построенію храма; но какъ эти выходцы отстраняли отъ себя Самаритянъ, почитая ихъ нечистыми (за смѣшеніе

съ язычествомъ), то Самаритяне, изъ племенной вражды, старались всѣми силами мѣшать ихъ предпріятію. Они исходатайствовали запрещеніе продолжать начатую постройку, которая, вслѣдствіе того, окончена была только при Даріи и тогда освящена очистительными и благодарственными жертвами. Въ правленіе персидскаго царя Артаксеркса, возвратились на родину новыя толпы переселенцевъ подъ водительствомъ Эздры и Неэміи, среди битвъ съ врагами выстроили городъ, огражденный стѣною и крѣпкими воротами, и возстановили законъ Моисеевъ. Неэмія раздѣлилъ народъ на двѣ половины; пока одни, въ полномъ вооруженіи, съ копьемъ и щитомъ въ рукахъ, стояли на стражѣ, другіе, опоясанные однимъ мечемъ, занимались строеніемъ и ношею тяжестей, такъ что работая одною рукой, они, въ случаѣ нужды, сражались другою. Несчастіе научило ихъ видѣть себѣ спасеніе и благо въ одной твердой преданности вѣрѣ отцовъ: поэтому и удалялись они теперь заботливѣе прежняго языческихъ обрядовъ и всякаго сближенія съ идолопоклонниками. Но благодаря этой исключительности, іудейское государство превратилось мало-по-малу въ замкнутую жреческую іерархію съ строгимъ соблюденіемъ самой буквы закона.

§ 44. Еврейская литература. Литература Израильтянъ, равно какъ ихъ исторія, государственныя учрежденія и весь бытъ, находилась въ прямой связи съ служеніемъ Іеговѣ; поэтому и поэзія ихъ, какъ изліяніе религіознаго настроенія, была чисто лирическая, а высшіе роды поэзіи, каковы напримѣръ плодъ свободно сложившейся и свободно воспроизводимой исторіи — эпосъ и неразрывная съ яснымъ созерцаніемъ и спокойнымъ представленіемъ дѣйствительности драма, не находили себѣ у нихъ ни благопріятной почвы, ни дѣлателей. Религія Іеговы есть средоточіе всей еврейской литературы, распадающейся на историческія, поэтическія и пророческія писанія. Историческія книги содержатъ въ себѣ исторію учрежденія ѳеократическаго государства съ его точно опредѣленнымъ законодательствомъ. — Поэтическія писанія отчасти входятъ въ область чистаго лиризма, каковы на примѣръ приложенные къ богослуженію псалмы, которымъ царь Давидъ далъ ихъ истинный характеръ, не смотря на то, что большая часть изъ тѣхъ, которые находимъ мы въ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ Псалтири, принадлежитъ соб-

ственно не ему; но есть и такія поэтическія произведенія, въ которыхъ лирика соединена съ элементомъ драматическимъ, или гдѣ въ основаніе положенъ идиллическій разсказъ; есть наконецъ и такія, въ которыхъ преобладаетъ дидактизмъ, — таковы: сказаніе о благочестивомъ, многострадальномъ Іовѣ, написанное съ цѣлію препрославить властвующій надъ человѣкомъ божественный промыслъ и небесное правосудіе, или собраніе поэтическихъ изреченій, относимое къ Соломону. Эта книга «Притчей», то простымъ, почти пословичнымъ изложеніемъ, то остроумными контрастами и сравненіями, возвѣщаетъ мудрость, которой нравственно-религіозныя правила почерпнуты изъ обширнаго житейскаго опыта; благодаря полной смысла, многообъемлющей сжатости выраженія и чрезвычайно мѣткому выбору образовъ, она особенно соотвѣтствуетъ натурѣ восточнаго человѣка, она ему особенно по душѣ. Въ притчахъ Соломоновыхъ отражается основанная на нравственности и богобоязни многовѣковая практическая жизнь, такъ точно, какъ въ псалмахъ видимъ мы отраженіе внутренней, религіозной жизни сердца. Псалмы — это перлы еврейской поэзіи. Огненный потокъ вдохновенія возноситъ пѣснопѣвцевъ прямо къ Богу, который является здѣсь не живущимъ въ самой природѣ и не единымъ съ ней существомъ, но властителемъ, повелѣвающимъ ею, какъ своею тварью. Языкъ и выраженіе отличаются такимъ паренiемъ, образы — такою возвышенною смѣлостью и такою величаво-сжатой наглядностью, полная упованія мольба къ Богу, благодареніе и славословіе — такимъ жаромъ, жалобы — такою задушевностью, что ничего этому равнаго не найдемъ мы въ поэзіи другихъ народовъ и другихъ эпохъ. Подобно псалмамъ, увѣщанія, обличенія и предсказанія боговдохновенныхъ пророковъ, полныхъ вѣры и любви къ отечеству, представляютъ также дивный отблескъ религіознаго настроенія израильскаго народа. Подъ владычествомъ той идеи, что спасеніе лежитъ въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, пагуба — въ презрѣніи ихъ, пророки въ послѣднемъ случаѣ постоянно грозятъ карами, открывая въ каждомъ наступившемъ или близкомъ по всѣмъ признакамъ бѣдствіи мстящую десницу неба, и, наоборотъ, предрекая избавленіе отъ золъ и всякое счастье, въ случаѣ обращенія на путь истины и покаянія. Это обращеніе и покаяніе должны однакожъ состоять не въ ханжествѣ или наружномъ благочестіи, не въ жертвахъ, молитвахъ и постахъ, но въ нравственномъ исправленіи и честномъ образѣ жизни. Важнѣйшими и выс-

преннѣйшими изъ пророковъ были тѣ, которые жили во время ассирійскихъ войнъ или около той эпохи: между ними особенно возвышается старѣйшій Исаія. Въ наукахъ и искусствахъ Іудеи сдѣлали мало; натура ихъ была не художественная, да и строгость монофеизма стѣсняла у нихъ развитіе пластики и живописи.

Библія, по нынѣшнему распредѣленію, содержитъ въ себѣ слѣдующія книги, между которыми должно различать писанныя на еврейскомъ отъ писанныхъ на греческомъ, или дошедшихъ къ намъ только въ переводѣ на послѣдній:

I. Книги историческія. Сюда принадлежатъ: пять книгъ Моисея (пятокнижіе). Книга первая, Бытія (міро-зданія), содержитъ въ себѣ древнѣйшую исторію рода человѣческаго и судьбы Израильтянъ до пребыванія въ Египтѣ; книга вторая, Исходъ, имѣетъ главнымъ предметомъ бѣдствія народа въ Египтѣ, исходъ оттуда и законодательство на горѣ Синайской; книга третья, Левитъ, занимается религіознымъ и гражданскимъ закономъ, особенно чиномъ священниковъ; книга четвертая, Числъ, содержитъ въ себѣ, кромѣ дальнѣйшихъ законовъ и житейскихъ правилъ, народную перепись, родословныя Іудеевъ и начатки завоеванія Ханаанской земли; книга пятая, Второзаконіе, повторяетъ исторію странствія въ пустынѣ и важнѣйшіе законы, а потомъ говоритъ о кончинѣ Моисея и послѣднихъ его рѣчахъ. — Книга Іисуса Навина повѣствуетъ о завоеваніи Палестины подъ начальствомъ этого вождя и о раздѣлѣ земли въ томъ видѣ, какъ онъ предполагался, но никогда не былъ въ точности исполненъ. — Книга Судей, самая живая историческая крига Израильтянъ, опирающаяся на замѣчательныя мѣстности, алтари и памятные камни, излагаетъ героическую эпоху іудейскаго народа и ратные подвиги, совершенные подъ водительствомъ боговдохновенныхъ мужей. — Идиллическій разсказъ, составляющій содержаніе книги Руѳь, кажется, имѣетъ цѣлью показать происхожденіе царя Давида: Руѳь была, какъ извѣстно, праматерь царя пророка[1]. Четыре книги Царствъ[2] представляютъ живую и поучительную картину судебъ израильскаго народа въ періодъ его блеска и потомъ въ эпоху паденія, когда онъ раздѣлился на двое и наконецъ отведенъ былъ въ плѣнъ. — Моложе по времени и менѣе значительны

[1] Отъ нея родился дѣдъ его, Овидъ.

[2] Первыя двѣ слывутъ у многихъ западныхъ библистовъ книгами Самуила; другіе приписываютъ Самуилу только 24 первыя главы первой книги Царствъ.

по соедржанію двѣ книги Паралипоменонъ (лѣтописей), которыя рядомъ съ родословными списками заключаютъ въ себѣ преимущественно исторію колѣнъ Іудина и Левіина. Онѣ вовсе не служатъ продолженіемъ книгамъ Царствъ, но большею частью повѣтствуютъ о томъ же самомъ времени, только съ точки зрѣнія «ѳеократическаго прагматизма». Судьбы Іудеевъ по возвращеніи изъ плѣна и исторія построенія новаго храма іерусалимскаго изложены въ трехъ книгахъ: Эздры, Неэміи и Эсѳирь. Послѣдняя изображаетъ, какимъ образомъ Эсѳирь избавила Іудеевъ отъ опасности, угрожавшей имъ въ плѣну со стороны Артаксерксова любимца, Амана.

II. Поэтическія книги. Книга Іова представляетъ душевную борьбу уповающаго на Бога человѣка, который среди тяжкихъ испытаній мятется нѣкоторое время сомнѣніемъ въ правосудіи Божіемъ, но потомъ опять возвращается къ полному упованію на небесный промыслъ. — Псалтирь — собраніе полутораста лирическихъ и дидактическихъ стихотвореній преимущественно религіознаго содержанія, которыя предназначались для праздничнаго пѣнія во храмѣ. Это — или славословія Іеговы (оды и гимны), или благодарственныя или, наконецъ, жалобныя пѣсни (элегіи); тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ Давиду, отличаются глубокимъ религіознымъ чувствомъ и умилительною сладостью; сложенныя пѣвческимъ родомъ Кореитовъ (сыновъ Кореовыхъ), поражаютъ своею живостью и высокимъ паренiемъ, а сочиненныя пѣвцомъ Давидовой школы Асафомъ имѣютъ преимущественно поучительное содержаніе. — Притчи Соломоновы частію состоятъ изъ отдѣльныхъ изреченій и пословицъ, частію изъ цѣлаго ряда связанныхъ между собою сентенцій; на нихъ должно смотрѣть, какъ на передаваемое изъ рода въ родъ сокровище житейской опытности цѣлаго народа. Такъ-называемый Экклезіастъ, то-есть проповѣдникъ Соломоновъ, есть дидактическое стихотвореніе, въ которомъ опытный человѣкъ высказываетъ въ короткихъ предложеніяхъ и безъ строгой внутренней связи результаты своихъ размышленій и сомнѣній. Въ Пѣсни Пѣсней главная мысль — изображеніе вѣрной, высоко-нравственной любви, которая противится всѣмъ искушеніямъ и, слѣдуя только свободному стремленію благороднаго сердца, остается недоступною для какихъ бы то ни было внѣшнихъ обояній и прелестей[1].

[1] Необходимо замѣтить, что за изложеннымъ здѣсь, такъ-сказать непосредственнымъ смысломъ «Пѣсни Пѣсней», іудейскіе толкователи видятъ въ ней

III. Книги пророческія. Относительно времени можно допустить четыре періода пророчества: 1) древнѣйшій отъ 12 до 9 вѣка, къ которому принадлежатъ Илій, Елисей и другіе, и отъ котораго не осталось ни какихъ письменныхъ памятниковъ; 2) періодъ ассирійскій (съ 800 по 700), который можно назвать временемъ процвѣтанія пророческой поэзіи и къ которому относятся Іоиль, Амосъ, Осія, Исаія, Михей и Наумъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ свободномыслящему, исполненному упованія на Бога и любви къ родинѣ Исаіѣ, который возвышеннымъ языкомъ коритъ заблужденія своего народа и въ прекрасныхъ, глубокомысленныхъ прозрѣніяхъ предвѣщаетъ свѣтлую будущность, золотой вѣкъ, который на развалинахъ настоящаго возникнетъ для лучшихъ поколѣній, когда подъ державою отпрыска племени Давидова возвратится великое и счастливое время этого царя, люди обратятся къ Іеговѣ всѣмъ сердцемъ, а высоты (высокая славянской Библіи) съ ихъ кумирами и алтарями будутъ покинуты и запустѣютъ. Ближе всего къ Исаіѣ подходитъ Михей своей нравственною твердостью, Наумъ — своею грозною рѣчью противъ Ниневіи, и Іоиль — строгою проповѣдью покаянія. — 3) Къ третьему, халдейскому періоду принадлежатъ Софонія, Іеремія, Аввакумъ, Іезекіиль, Авдій, между которыми первое мѣсто занимаетъ возвышенный, благочестивый, любящій отечество Іеремія. Его мрачныя обличенія навлекли ему ненависть и гоненіе со стороны ослѣпленныхъ жрецовъ и князей. Освобожденный Навуходоносоромъ изъ напраснаго заключенія, которому подвергся онъ за то, что не совѣтовалъ своимъ согражданамъ отлагаться отъ Ассиріянъ, Іеремія, какъ говорятъ, кончилъ жизнь въ Египтѣ. Его грустный «Плачъ» о разрушеніи Іерусалима и храма Іеговы — остается прекраснымъ памятникомъ элегической поэзіи Евреевъ. Пламенной изобразительностью и смѣлымъ поэтическимъ размахомъ превосходитъ его Аввакумъ въ своихъ полныхъ увѣренности предвѣщаніяхъ той кары небесной, которая должна постигнуть враговъ Израиля. Іезекіиль, богатымъ образами, но темнымъ пророческимъ языкомъ, предсказываетъ близкое паденіе Іерусалима, которое самъ онъ еще пережилъ, и бѣдствія въ плѣну, которыя онъ самъ потомъ дѣлилъ; въ то же время онъ предостерегаетъ отъ идоло-

---

«символъ любви, которая соединяетъ Бога съ Израилемъ, а христіане — таинственное соединеніе Іисуса Христа съ церковію». См. Библейско-біографической Словарь Яцкѣвича и Благовѣщенскаго.

служенія и ложныхъ пророковъ[1], и возвѣщаетъ ожидающее Израиля спасеніе. — 4) Къ четвертому періоду, послѣ плѣна, причисляются Іона, Аггей, Захарія, Малахія, Даніилъ. Аггей и Захарія, два возвратившіеся изъ вавилонскаго плѣненія Іудея, старались ободрить народъ къ сооруженію храма іерусалимскаго и пробудить въ немъ мужество и увѣренность предвѣщаніемъ лучшихъ дней ему и разныхъ бѣдствій его непріятелямъ. Даніилъ, который, въ вавилонскомъ плѣну, былъ чудеснымъ образомъ спасенъ отъ гибели и потомъ воспитанъ въ халдейской мудрости при дворѣ Навуходоносора, пережилъ паденіе Халдейско-Вавилонскаго царства и основаніе Персидскаго и сталъ благодѣтелемъ своего народа.

IV. Книги, писанныя по-гречески или дошедшія до насъ только въ греческихъ переводахъ. Не смотря на второстепенность своего каноническаго достоинства, книги эти важны какъ въ религіозномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи. Изъ нихъ особенно замѣчательны книги Маккавейскія, въ которыхъ изображена доблестная борьба Іудеевъ противъ утѣсненій отъ сирійскихъ царей (§ 131). Отчасти неудовлетворительныя по краткости, нѣкоторымъ ошибкамъ и, понятному впрочемъ, преувеличенію, онѣ очень достовѣрны въ цѣломъ, точны въ хронологическомъ отношеніи, и стоятъ выше всѣхъ другихъ историческихъ произведеній того времени. — Книга Іудиѳь — поэтическое сказаніе, обработанное неизвѣстно кѣмъ, повидимому, съ цѣлію возбудить патріотизмъ израильскаго народа. Она писана первоначально по-халдейски.

7. Мидяне и Персы.

§ 45. Мидяне (подобно Персамъ, отрасль зендскаго народа и стало-быть потомки древнихъ Арійцевъ или Иранцевъ) находились пять вѣковъ подъ владычествомъ Ассиріянъ, пока наконецъ, какъ храбрый народъ, не сверглп съ себя чужеземнаго ига и не стали независимо владѣть своею плодоносною землею, особенно удобною для коневодства. Но

[1] Частью и горькія жалобы великихъ представителей пророчества, Іереміи, Іезекіиля и другихъ, вызванныя появленіемъ множества ложныхъ пророковъ, свидѣтельствуютъ о томъ печальномъ вліяніи, какое имѣли послѣдніе на возбужденіе смутъ и замѣшательствъ въ народныхъ массахъ.

вскорѣ возникли у нихъ смуты и безначаліе, грозившія снова подчинить ихъ власти могущественнаго сосѣда. Тогда Мидяне выбрали въ цари Дейіока (708 — 655), снискавшаго добрую славу въ качествѣ умнаго и праваго судьи. Онъ тотчасъ же окружилъ себя стражею изъ копейщиковъ, построилъ себѣ въ очаровательной горной мѣстности новую столицу, Экбатану, окруженную семью стѣнами, изъ которыхъ внутренняя ограждала царскій замокъ и казнохранилище, и основалъ наслѣдственную военную деспотію съ толпой шпіоновъ и подслушниковъ и со всѣмъ восточнымъ церемоніаломъ. Преемникъ его Фраортъ (655 — 633) началъ великую борьбу съ громадною Ассирійскою монархіей, но лишился въ одной рѣшительной битвѣ и побѣды и жизни. Подъ правленіемъ сына его Кіаксара (633 — 593) Мидія подверглась страшному нашествію кочевыхъ Скиѳовъ изъ кавказскихъ земель и оставалась 28 лѣтъ подъ гнетомъ ихъ притѣснительной власти. До Аскалона въ Сиріи и до предѣловъ Египта простерли они свои хищническіе набѣги, все истребляя и опустошая на пути. Наконецъ удалось однакожь мидійскому царю не только освободиться отъ враждебнаго пастушескаго народа, но и значительно расширить свои владѣнія тѣмъ, что въ союзѣ съ вавилонскимъ царемъ Набополасаромъ онъ завоевалъ и разгорилъ царство Ниневійское (605 г.). Основанное Кіаксаромъ Ново-Мидійское государство вскорѣ до того усилилось счастливыми завоеваніями, что могло уже поспорить съ Вавилонскимъ. Къ числу его подданныхъ принадлежали и родственные Мидянамъ Бактрійцы, и Персы, сидѣвшіе около Пасаргады и Персеполя, а на западѣ его держава простиралась до порубежной рѣки Галиса. Но уже при сынѣ Кіаксара, изнѣженномъ Астіагѣ (около 575 г.), верховная власть надъ Мидіей перешла къ Персамъ. Астіагъ, испугавшись сна, въ которомъ привидѣлось ему, что сынъ дочери его Манданы сталъ вмѣсто его властителемъ Азіи, выдалъ эту дочь за одного изъ князей подвластнаго ему племени, чтобы не имѣть отъ нея наслѣдника мидійскаго престола. Но сынъ ея Киръ (560 г.), чудесно спасенный отъ предназначенной ему гибели и воспитанный среди пастуховъ, однимъ удачнымъ возстаніемъ свергъ дѣда своего съ престола и сдѣлался осно-

вателемъ Персидской монархіи. Позднѣйшія попытки Мидянъ возстановить свою власть остались совершенно безуспѣшны.

Знаменитыя въ цѣлой древности мидійскія хламиды свидѣтельствуютъ объ искусствѣ этого парода приготовлять тонкія ткани и окрашивать ихъ въ великолѣпные цвѣта. Древнѣйшею столицею Мидянъ была Бактра. Отъ прежняго величія Экбатаны остались лишь немногіе слѣды около нынѣшняго Гамадана. Мидяне и Персы, подобно всѣмъ Иранцамъ, исповѣдывали религію свѣта, которую, какъ увѣряютъ, открылъ на спасеніе людямъ Заратуштра (Зороастръ) въ священной книгѣ Зендъ-Авеста, по внушеніямъ бога свѣта Агурамазды (Ормузда, § 8). Священная эта книга, гласитъ одно преданіе, сожжена Александромъ Великимъ вся, за исключеніемъ статей о медицинѣ и астрономіи, которыя онъ велѣлъ перевести на греческій; однакожь въ послѣдствіи и прочія части книги были опять возстановлены на память. Другое, болѣе достовѣрное преданіе говоритъ, будто Заратуштрины писанія собраны были вновь подъ правленіемъ Сассанидовъ (во 2 вѣкѣ нашего лѣтосчисленія) и при каждой книгѣ отмѣчено, чего противъ прежняго въ ней не достаетъ. По этому преданію Зендъ-Авеста содержала въ себѣ первоначально двадцать одну книгу, то-есть именно столько, сколько заключается словъ въ священнѣйшей заповѣди поклонниковъ Агурамазды, — именно заповѣди о чествованіи божества. Въ первой книгѣ помѣщались, какъ увѣряютъ, хваленія и молитвы, во второй шла рѣчь о добрыхъ дѣлахъ, въ третьей — о священномъ словѣ, въ четвертой — о божествахъ, въ пятой — о землѣ, водѣ, деревьяхъ, животныхъ и т. д., въ шестой — о небѣ и звѣздахъ, въ седьмой — объ отправленіи великихъ празднествъ, въ осьмой — о чистыхъ и нечистыхъ животныхъ, въ девятой — о царяхъ и судьяхъ и о занятіяхъ различныхъ сословій, въ десятой — о добродѣтели и мудрости, въ одиннадцатой — о славномъ царѣ Висташпѣ (Гистаспѣ) и о принятіи закона, въ двѣнадцатой — о посѣвѣ, земледѣліи и разсадкѣ деревьевъ, въ тринадцатой — о обязанностяхъ жрецовъ, въ четырнадцатой — о священномъ знаніи, о учителяхъ и ученикахъ, о чудесахъ, совершенныхъ Заратуштрой; въ пятнатцатой были опять хвалебные гимны; въ шестнадцатой говорилось о томъ, что заключается въ сердцѣ и тѣлѣ человѣка, въ семнадцатой — объ очищеніяхъ, о дозволенныхъ и недозволенныхъ поступкахъ, о наслѣдствахъ и о

томъ, что должно соблюдать при рожденіи дѣтей, въ осьмнадцатой — о воровствѣ, обманѣ и т. д. Изъ всѣхъ этихъ книгъ, которыхъ память хранилась у Персовъ въ преданіи, дошла до насъ только двадцатая, подъ названіемъ Вендидатъ, уцѣлѣвшая вѣроятно главнымъ образомъ потому, что въ ней изложены правила очищенія, и сверхъ того Яшна, сборникъ воззваній и хвалебныхъ гимновъ къ богамъ, можетъ-быть принадлежавшихъ нѣкогда къ первой или пятнадцатой книгѣ, а можетъ-быть сохранившихся и болѣе или менѣе независимо отъ главнаго собранія, благодаря своему частому употребленію при богослужебныхъ обрядахъ. Въ этихъ отрывкахъ зендскихъ книгъ, превезенныхъ во второй половинѣ прошлаго вѣка изъ Индіи французскимъ ученымъ Анкетиль-де-Перрономъ (Anquetil de Perron) и имъ же переведенныхъ, имѣемъ мы существенныя части законоположенія, возникшаго изъ древнѣйшихъ уставовъ и преданій, но преобразованнаго подъ вліяніемъ могущественнаго и властолюбиваго жречества, — законоположенія, которое, подобно индійскимъ уставамъ Ману (§ 25. в.), не только опредѣляло въ точности сферу религіозной жизни и обряды богослуженія, но простиралось и на все земное существованіе народа, какъ въ государствѣ, такъ и въ семейномъ быту.

§ 46. Персы. 1. Киръ. Войнственный горный народъ Персы, отличавшійся наѣздничествомъ и мѣткою стрѣльбою изъ лука, цѣлые вѣка пасъ по древнему обычаю стада свои, охотился и междоусобничалъ въ прекрасной «странѣ коней», Фарсистанѣ, когда, въ 6 столѣтіи предъ Р. Х., появился среди его человѣкъ, который царственнымъ величіемъ и героизмомъ сталъ выше всѣхъ своихъ современниковъ: этотъ человѣкъ былъ Киръ, — вѣроятно одинъ изъ тѣхъ сильныхъ міра, которые однимъ своимъ появленіемъ увлекаютъ за собой несмѣтныя толпы и, совершивъ великіе перевороты, пріобрѣтаютъ у народовъ значеніе избранныхъ орудій Промысла. Дивными путями избѣгъ онъ вѣрной повидимому гибели, какую готовилъ ему подозрительный дѣдъ его Астіагъ, освободилъ свой народъ отъ постыднаго рабства и, счастливо одолѣвъ и покоривъ себѣ Мидянъ, сдѣлался основателемъ такой великой монархіи, которая обнимала собой почти всѣ образованныя страны Азіи. Въ тридцатилѣтнее свое правленіе, завоевалъ онъ два могущественнѣйшія государства, Ва-

вилонію и Лидію, и сверхъ того множество мелкихъ, отчасти независимыхъ, отчасти даннических народцевъ. Въ столицѣ лидійской, Сардахъ, властвовалъ тогда надъ всѣми почти племенами Малой Азіи, царь Крезъ, вошедшій въ пословицу своимъ богатствомъ, — человѣкъ легковѣрный, полагавшійся болѣе на прорицанія оракуловъ, сновидѣнія и жреческія предсказанія, чѣмъ на собственную силу. Какъ союзникъ Астіага, хотѣлъ онъ возвратить ему мидійскій престолъ и поднялся на Кира войною. Обманутый двусмысленнымъ прорицаніемъ, переправился онъ чрезъ порубежную рѣку Галисъ, но потерпѣлъ совершенное пораженіе, былъ вынужденъ бѣжать и укрылся въ своей столицѣ. Киръ шелъ за нимъ по пятамъ, овладѣлъ Сардами и приказалъ, по словамъ преданія, сжечь плѣннаго царя на кострѣ. Креза связали и посадили уже на костеръ, какъ вдругъ онъ былъ неожиданно спасенъ воспоминаніемъ объ аѳинскомъ мудрецѣ Солонѣ, который предостерегалъ его однажды объ измѣнчивости счастія и о невѣрности исхода всѣхъ человѣческихъ дѣлъ. Киръ, пораженный истинною Солонова изреченія, что человѣка нельзя назвать счастливымъ пока онъ еще живъ, освободилъ плѣннаго царя, держалъ его въ великомъ почетѣ и совѣтовался съ нимъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ [1]. Пло-

[1] Солонъ, посѣтивъ однажды Сарды, былъ гостепріимно встрѣченъ и обласканъ царемъ. Въ гордомъ сознаніи своего счастія, Крезъ велѣлъ обвести его по сокровищницамъ и показать ему всѣ свои богатства, а потомъ спросилъ, кого онъ считаетъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, твердо увѣренный, что Солонъ назоветъ именно его. Но мудрецъ назвалъ во первыхъ Аѳинянина Телла, котораго судьба надѣлила умѣреннымъ, но хорошимъ достаткомъ и прекрасными сыновьями, котораго смерть постигла въ побѣдоносномъ бою противъ непріятеля, и котораго сограждане похоронили съ великими почестями на мѣстѣ, гдѣ онъ палъ; при дальнѣйшихъ распросахъ, Солонъ назвалъ счастливѣйшими двухъ юношей, Клеовиса и Витона, сыновей одной жрицы Геры въ Аргосѣ, о которыхъ разсказалъ слѣдующее: матери понадобилось ѣхать для жертвоприношенія во храмъ, а упряжныхъ воловъ не успѣли привести во время; тогда сыновья сами запряглись въ колесницу и отвезли мать, которая, въ награду за это, молила небо даровать имъ то, что всегда лучше для человѣка; боги исполнили ея желаніе: юноши уснули въ храмѣ и болѣе не просыпались. Когда Крезъ изъявилъ мудрецу неудовольствіе за то, что онъ не ровняетъ его въ счастіи даже съ простымъ гражданиномъ, Солонъ далъ ему многозначительный отвѣтъ, что до конца жизни никого нельзя признать счастливымъ. Плѣнный царь, испытавшій истину этихъ словъ еще вскорѣ по отъѣздѣ Солона, когда любимый сынъ

домъ побѣды надъ Крезомъ было обладаніе Малою Азіей, со включеніемъ береговыхъ греческихъ колоній, которыя если и оказали лидійскому царю помощь, то ужь конечно самую ничтожную. Лидійцы, которыхъ, за попытку къ возстанію, Киръ лишилъ оружія и вынудилъ ограничиться мирными занятіями, музыкой, пѣніемъ и разгульной жизнью, вскорѣ впали въ сластолюбіе и изнѣженность, такъ что въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи они являются уже выродившимся, невоинственнымъ народомъ. — Изъ греческихъ колонистовъ на лидійскомъ берегу нѣкоторые выселились въ другія земли: напримѣръ Фокейцы, основатели Элеи (Веліи), въ нижней Италіи, и Массиліи въ Галліи, также Теосцы, которые нашли себѣ новое отечество во ѳракійской Абдерѣ; прочіе греческіе города удержали за собой самостоятельное управленіе (свою автономію) и были только обязаны платить дань: они остались цвѣтущи и богаты, но истинно-свободный греческій духъ видимо исчезалъ у нихъ подъ персидскимъ владычествомъ. Острова послѣдовали примѣру материковыхъ колоній и послѣ слабаго сопротивленія также поддались могучему персидскому государю.

§ 47. Конецъ Кира. Съ одинаковымъ успѣхомъ покорилъ себѣ Киръ царство Вавилонское, гдѣ томились еще плѣнные Іудеи. Когда войска его приближались къ Вавиліи, пророческій голосъ, именемъ Іеговы, предвозвѣстилъ: «Сице глаголетъ Господь Богъ помазанному Моему Киру, его же удержахъ за десницу, повинути предъ нимъ языки, и крѣ-

---

его Атисъ былъ убитъ на охотѣ копьемъ, вспомнилъ ихъ теперь опять при новомъ своемъ несчастіи и съ прискорбіемъ воскликнулъ: О Солонъ, Солонъ! Восклицаніе пробудило любопытство персидскаго царя. Онъ велѣлъ объяснить себѣ, въ чемъ дѣло, и избавилъ Креза отъ предназначенной ему гибели. Повѣствователь событій той эпохи, Геродотъ (§ 101), охотно останавливается на этомъ сказаніи, потому что оно служитъ въ подкрѣпленіе его взгляду на судьбу человѣка, именно: что «эта судьба устрояется однимъ только неотразимымъ опредѣленіемъ неба, которое караетъ неправду и строптивость, но въ тоже время, какъ бы завидуя людямъ и ревнуя ихъ къ своей высшей силѣ, преслѣдуетъ своею ненавистью всякое слишкомъ видное благополучіе смертныхъ, уничижаетъ и уничтожаетъ его». Приговоръ сжечь Креза основанъ повидимому на народномъ сказаніи и находится въ связи съ лидійскимъ обычаемъ приносить огненныя жертвы.

пость царей разрушу, отверзу предъ нимъ врата, и гради не затворятся. Азъ предъ тобою пойду, и горы уравню, врата мѣдяная сокрушу и верен желѣзныя сломлю». Побѣжденные въ полѣ, Вавилоняне затворились въ своемъ укрѣпленномъ городѣ, гдѣ ихъ царь Набонитъ заранѣе собралъ огромные запасы, и съ высоты стѣнъ издѣвались надъ Персами. Но однажды, когда во время большаго празднества они веселились и пировали, Персы ворвались ночью въ городъ, отведя воды Евфрата каналами въ искусственное озеро, умертвили царя въ самомъ дворцѣ и покорили себѣ всю Вавилонію (538). Черезъ это Сирія, Палестина и Финикія подпали также господству Персовъ и въ Египетъ открылся имъ свободный путь. «Како преста истязуяй, и преста понуждаяй», воскликнулъ тогда тотъ же пророческій голосъ: «сокруши Богъ яремъ грѣшниковъ, яремъ князей поразилъ языкъ яростію, язвою неисцѣльною, поражаяй языкъ язвою ярости, ею же не пощадѣ» [1]. Киръ отдалъ плѣннымъ Іудеямъ храмовые сосуды и священную утварь, нѣкогда вывезенные Навуходоносоромъ изъ Іерусалима, и дозволилъ имъ возвратиться на родину (§ 43). Онъ вѣроятно хотѣлъ, чтобъ они пролагали ему дорогу, когда онъ подымется на Египетъ. Но неудачный походъ противъ дикихъ Массагетовъ, кочевыхъ наѣздниковъ, родственныхъ Скиѳамъ и жившихъ при Каспійскомъ морѣ, положилъ конецъ побѣдоносному царю, прежде нежели онъ успѣлъ направить свое оружіе въ благословенную Нильскую долину. Хитростію удалось Киру сначала захватить большую часть непріятельскаго войска вмѣстѣ съ предводителемъ его, сыномъ массагетской царицы Томириды, который хотя и былъ освобожденъ Киромъ, но самъ себя лишилъ жизни съ отчаянія. Чувства скорби и мести овладѣли царицею; она собрала вокругъ себя весь народъ свой и при рѣкѣ Яксартѣ дала побѣдоносную битву Персамъ, при чемъ погибъ и самъ Киръ съ лучшими войсками (529). Тѣло могущественнаго царя, который властвовалъ отъ Средиземнаго моря до Инда, досталось на посмѣяніе женщинѣ. Говорятъ, что Томирида опустила его голову въ наполненный человѣчьей

[1] Исаія, XIV, 5—7.

кровью бурдюкъ и при этомъ сказала: «Упивайся же теперь тѣмъ, чего ты всегда такъ жаждалъ при жизни!»

§ 48. Камбизъ. Всего семь лѣтъ (529—521) царствовалъ воинственный и деспотическій сынъ Кировъ, Камбизъ, побѣдитель Египта; но эти немногіе года были бѣдственны не только для Египтянъ, но и для Персовъ. Несчастный царь Псамменитъ, попавшій послѣ битвы при Пелузіи (§ 31) и слѣдовавшемъ за нею взятіи Мемфиса въ руки побѣдителя, принужденъ былъ смотрѣть собственными глазами на угнетеніе своего народа и на позоръ своихъ дѣтей. Камбизъ, раздраженный тѣмъ, что царь Египетскій далъ ему нѣкогда въ жены не свою собственную дочь, а дочь своего предмѣстника, велѣлъ дочери Псамменита и другимъ знатнымъ дѣвушкамъ надѣть платье рабынь и носить воду, а сына его вмѣстѣ съ двумя тысячами молодыхъ Египтянъ безжалостно послалъ на смертную казнь. При видѣ такихъ страданій, всѣ присутствующіе разразились громкими жалобами, только Псамменитъ не пролилъ ни слезы. Но когда одинъ изъ прежнихъ застольныхъ его друзей, дошедшій теперь подъ старость до нищенства, проходя мимо, сталъ просить милостыни у солдатъ, онъ горько заплакалъ и на вопросъ Камбиза о причинѣ этого отвѣчалъ: «Семейное мое горе такъ велико, что у меня нѣтъ на него и слезъ, но какъ не плакать, видя стараго друга въ нищенствѣ!» При такомъ жестокомъ нещастіи у самого Камбиза пробудилась жалость и онъ невольно смягчился къ побѣжденному царю. Но когда въ послѣдствіи Псамменитъ уличенъ былъ въ намѣреніи увлечь Египтянъ къ возстанію, его заставили пить бычачью кровь до тѣхъ поръ, пока онъ умеръ на мѣстѣ. — Впрочемъ войнолюбіе Камбизово было пагубно и для самихъ Персовъ. Не довольствуясь покореніемъ плодоносной Египетской страны, рѣшился онъ завоевать еще обильную золотомъ Эѳіопію и основанное на Сивахскомъ оазисѣ древнее жреческое государство Аммоній (средоточіемъ котораго былъ храмъ овнорогаго Юпитера Аммона). Но оба его войска погибли въ лавійскихъ степяхъ, частію отъ голода и истомы, частію отъ страшныхъ песчаныхъ вихрей, которыми они были засыпаны. Въ ярости за эту неудачу воротился Камбизъ въ Мемфисъ. Онъ засталъ городъ въ праздничномъ убранствѣ и

ликованіи, потому что на ту пору явился тамъ новый Апись (§ 8. 3). Полный мрачнаго подозрѣнія, что народъ радуется его невзгодѣ, онъ излилъ на Египтянъ и особенно на жрецовъ всю свою жестокость. Заколовъ Аписа собственною рукой, приказалъ онъ мучить и казнить народъ и его священниковъ, такъ что ужасамъ не было ни конца, ни мѣры. Поэтому, когда его постигла скорая смерть отъ раны, случайно нанесенной ему собственнымъ мечемъ, ненависть угнетеннаго народа приписала это мести египетскихъ боговъ за осквернѣніе ихъ храмовъ и святыни и за нещадное избіеніе жрецовъ.

§ 49. Дарій. Незадолго до смерти жестокаго и нечестиваго Камбиза, въ Сузѣ произошло возстаніе, поднятое жреческимъ сословіемъ маговъ съ тою цѣлію, чтобъ ниспровергнуть господство Персовъ и разорвать единство монархіи. Вслѣдствіе этого мятежа, на короткое время овладѣлъ престоломъ одинъ магъ, выдавшій себя за царскаго брата Смердиса, умерщвленнаго нѣсколько лѣтъ назадъ Камбизомъ изъ недовѣрія, и старался возвратить самостоятельность подвластнымъ Персіи землямъ. Но прежде нежели онъ успѣлъ выполнить свое намѣреніе, обманъ открылся и послѣ семимѣсячнаго царствованія Лжесмердисъ былъ убитъ. Тогда вступилъ на престолъ Дарій, сынъ Гистасповъ, изъ царственнаго рода Ахеменидовъ (521—485). Преданіе говоритъ, что онъ возведенъ на царство семью первыми вельможами вслѣдствіе божественнаго рѣшенія Миѳры, которое обнаружилось тѣмъ, что конь Даріевъ первый заржалъ на восходящее солнце. Дарій, при знатномъ происхожденіи, соединялъ умъ и твердость государственнаго мужа съ рѣшимостью и геройствомъ воина; онъ сверхъ того былъ благочестивымъ приверженцемъ свѣтовой религіи Заратуштры, но безъ изступленной нетерпимости своего предмѣстника, Камбиза, и наконецъ, въ качествѣ мужа Атоссы, дочери Кировой, пользовался особенной любовью Персовъ. Сильно и мудро правилъ онъ государствомъ въ теченіи 36 лѣтъ. Онъ раздѣлилъ монархію на 20 сатрапій (намѣстничествъ) и привелъ въ порядокъ систему управленія и сбора податей. «Двадцать областей, говоритъ Дарій въ гвоздеобразныхъ багистанскихъ надписяхъ, несли мнѣ дань

и исполняли день и ночь мои велѣнія». Подобно своимъ предшественникамъ, онъ велъ великія войны, сдѣлалъ Аравію себѣ данницей и расширилъ предѣлы своей необъятной державы въ Индіи, въ сѣверной Африкѣ и въ суровыхъ степяхъ Скиѳскихъ. Однако оружіе его не всегда было побѣдоносно. Кочевые Скиѳы на нижнемъ Дунаѣ ушли отъ него съ своими стадами и кибитками, предоставивъ пустыя поля и безлѣсныя степи во власть непріятеля, но онъ вскорѣ чуть не погибъ отъ недостатка въ продовольствіи и, преслѣдуемый при отступленіи Скиѳами, конечно былъ бы истребленъ совсѣмъ на берегахъ Дуная, еслибъ только греческіе князья, которымъ поручено было охраненіе моста, согласились между собою разрушить его до обратнаго перехода Персовъ, какъ совѣтовалъ между прочимъ Аѳинянинъ Мильтіадъ, властвовавшій тогда въ Херсонесѣ Ѳракійскомъ. Счастливѣе былъ Дарій на одолѣніе мятежей, возникавшихъ въ его собственной имперіи. По словамъ багистанскихъ гвоздеобразныхъ надписей, онъ выигралъ девятнадцать сраженій и полонилъ девятерыхъ царей, искавшихъ независимости въ разныхъ областяхъ Персидскаго царства. Вавилонъ хотѣлъ освободиться отъ власти Персовъ подъ предводительствомъ одного изъ потомковъ халдейской династіи, но благодаря хитрости и самопожертвованію персидскаго вельможи Зопира, который изувѣчилъ себя нарочно, чтобы снискать довѣріе враговъ, отложившійся городъ былъ снова покоренъ и вслѣдъ за тѣмъ жестоко наказанъ; Милетъ и малоазійскіе города Грековъ также заплатили за свои попытки къ освобожденію еще болѣе тяжкимъ рабствомъ (§ 77). Чтобы увѣковѣчить добытое съ такимъ трудомъ государственное единство символическимъ памятникомъ, Дарій повелѣлъ своимъ и чужеземнымъ мастерамъ построить новую столицу и усыпальницу Персеполь, который долженъ былъ для цѣлаго государства служить тѣмъ, чѣмъ Пасаргада, то-есть станъ Персовъ, была для собственной Персіи, Персиды. Персеполь сталъ какъ бы оболочкою или тѣломъ прославленнаго народнымъ преданіемъ дивнаго царя и свѣтопоклонника Джемшида, которому Дарій стремился подражать во всемъ.

§ 50. Нравы, учрежденія и правительство Персовъ. Племена и роды. Персія, по своему природному свойству (§ 21. V),

способная къ земледѣлію и скотоводству, была въ тоже время и родиною воинственныхъ горцевъ. Десять племенъ народа (кочевыя, земледѣльческія и военныя) дѣлили между собой эти три занятія, но господство досталось въ удѣлъ трехъ знатныхъ племенъ, владѣвшихъ оружіемъ; между ними первое мѣсто занимали Пасаргады, которыхъ славнѣйшій родъ, родъ Ахеменидовъ, постоянно давалъ народу царей. Изъ нихъ же избирались государственные сановники, предводители войска и приближенные — «сродники» и «застольники» царя. Персы относительно всѣхъ другихъ племенъ составляли господствующую аристократію. Они были свободны отъ всякихъ налоговъ и, мало того, согласно древнему обычаю, всякій разъ, когда царь вступалъ въ свою родовую землю, онъ же раздавалъ народу денги и дары. — Религія. Зороастрова вѣра въ Ормузда (§ 8. 2), подверглась у древнихъ Персовъ многимъ видоизмѣненіямъ. Священный огонь и солнце, которому были посвящены бѣлые кони, составляли средоточіе персидскаго культа, основаннаго на обоготвореніи природы и небесныхъ свѣтилъ. Соединенное съ таинствами служеніе Миѳрѣ, которое олицетворялось въ видѣ юноши, низлагающаго быка, имѣло также прямое отношеніе къ чествованію звѣздъ и солнца. Жреческое колѣно маговъ перешло Персамъ отъ Мидянъ, но утратило подъ игомъ военнаго деспотизма свою прежнюю силу и значеніе. — Придворная жизнь. Въ Персіи царствовалъ необузданнѣйшій деспотизмъ, потому что царь былъ облеченъ религіозною святостью, принадлежавшею владыкамъ въ кастовыхъ государствахъ, и вмѣстѣ патріахальнымъ безграничнымъ полновластіемъ хана кочевой орды. Въ отношеніи къ царю всѣ были только рабами, въ рукѣ его была жизнь каждаго изъ подданныхъ. Кто допускался къ его лицезрѣнію, тотъ долженъ былъ повергаться ницъ и лобызать землю. Подобно тому какъ престолъ Ормузда былъ окруженъ свѣтлыми духами, престолъ его намѣстника, царя Персовъ, также окружался многочисленнымъ, блестящимъ, роскошно содержимымъ придворнымъ штатомъ, во главѣ котораго было семь высшихъ сановниковъ и верховный жреческій совѣтъ съ судьями, волхвами, толкователями знаменій и т. д. Мѣсто перваго кравчаго, луконосца, привратника и докладчика, также должность намѣстника и многія другія, были почетными званіями для знатныхъ Персовъ, которые награждались за службу подарками, блюдами съ царскаго стола или припасами изъ дворцоваго хозяйства и другими отличіями. Отрядъ тѣло-

хранителей изъ 2,000 отборныхъ конниковъ и такого же числа пѣшихъ копейщиковъ съ золотыми и серебряными гранатами на копьяхъ постоянно охранялъ царя и его дворъ. Царскій столъ былъ покрытъ изысканнѣйшими яствами и напитками, привозенными издалека. Смотря по времени года, перемѣнялось и мѣстопребываніе двора: зиму проводилъ онъ въ жаркомъ Вавилонѣ, весну въ Сузѣ, лѣто въ прохладной Экбатанѣ. Многочисленные сады (раи) для воздѣлки плодовъ и овощей и разные звѣринцы, обильные дичью, служили избалованному вкусу персидскихъ царей во время ихъ переѣздовъ. Для сообщенія различныхъ областей съ столицами служили искусственныя дороги и правильные конные гонцы, выставляемые по станціямъ для перевозки, во всякое время года и дня, царскихъ граматъ и посланій. Ни что не могло сравниться съ быстротою этихъ летучихъ гонцовъ. Письма и проѣзжіе путешественники подвергались вмѣстѣ съ тѣмъ самому тщательному надзору. По всѣмъ болѣе или менѣе закрытымъ мѣстамъ, у мостовъ и тѣсныхъ проѣздовъ, располагались сторожевые посты, которые осматривали письма и опрашивали проѣзжихъ, для устраненія по возможности всякихъ замысловъ и заговоровъ. По дорогѣ изъ Сардъ въ Сузу, на пространствѣ 2,400 верстъ, было 111 такихъ постовъ.—Сластолюбіе персидскихъ царей всего болѣе проявлялось въ ихъ гаремѣ, гдѣ толпы страстныхъ къ пышности интригантокъ, которымъ на роскошь и наряды назначались нерѣдко доходы съ цѣлыхъ областей и городовъ, служили прихотямъ властелина въ качествѣ законныхъ женъ или наложницъ, расточая заодно съ приставленными къ нимъ евнухами неимовѣрныя суммы и оказывая самое пагубное вліяніе на правительство, на придворную и государственную жизнь. — Государственная администрація и сатрапское управленіе. Все царство считалось собственностью царя; поэтому въ его частную казну поступали всѣ подати съ покоренныхъ народовъ, равно какъ доходы отъ коронныхъ правъ (такъ-называемыя регаліи) и добровольные дары или приношенія. Расходы на содержаніе двора, войска, чиновниковъ и проч. покрывались отчасти сборомъ дорогихъ металловъ, отчасти натуральными повинностями съ каждаго края. Областями управляли сатрапы или намѣстники, и каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ, по примѣру царскаго двора, многочисленную и дорогую челядь, на содержаніе которой онъ собиралъ со всѣхъ частей своего намѣстничества подати деньгами и натурой. Такъ какъ сатрапы

были обыкновенно родственники царю и облечены отъ него большою властью, то области не находили себѣ ни какой защиты отъ ихъ поборовъ и притѣснительнаго управленія; намѣстникамъ стоило лишь ежегодно въ точности доставлять ко двору слѣдующія ему подати, и тогда они могли дѣлать, что хотѣли. Когда раздѣльная въ началѣ гражданская и военная власть были потомъ соединены въ рукахъ сатраповъ, то послѣдніе пріобрѣли такую силу, что уже мало заботились о царскихъ повелѣніяхъ, часто нагло сопротивлялись своимъ властителямъ съ оружіемъ въ рукахъ и такимъ образомъ постепенно довели государство до внутренняго распаденія. Оттого надзоръ за ними и наказаніе не только виновныхъ, но и подозрительныхъ, становились все строже и строже; повиновеніе должно было поддерживать страхомъ и ужасомъ; знатнѣйшія лица подвергались жестокимъ смертнымъ казнямъ и еще жесточайшимъ увѣчьямъ; тайные соглядатаи и повѣренные, подъ названіемъ «царскихъ глазъ и ушей», доносили о поступкахъ намѣстниковъ и служащихъ; шпіонство поощрялось и щедро награждалось. — Кромѣ тягостныхъ податей, на областяхъ лежало еще другое страшное бремя — содержаніе многочисленнаго, отчасти наемнаго войска. Во всѣхъ отношеніяхъ Мидо-Персидское царство представлялось механически-сплоченнымъ сборомъ разнородныхъ частей, не имѣвшихъ ни какой внутренней связи, не управляемыхъ и не движимыхъ ни чѣмъ, кромѣ страха и боязни, — сборищемъ странъ и народовъ, которые чѣмъ дальше, тѣмъ слабѣе прикрѣплялись къ ядру монархіи. За то надобно сказать, что персидскій деспотизмъ щадилъ національныя особенности отдѣльныхъ провинцій; правительство обыкновенно оставляло покореннымъ народамъ ихъ отечественныя учрежденія и обычаи, ихъ религію и богослужебныя формы, даже иногда ихъ туземныхъ государей, и не смотря на то, провинціи все-таки мало-по-малу впадали въ варварское состояніе, потому что никакой законами опредѣленный порядокъ не ограждалъ ихъ отъ самовластія и произвола сатраповъ и ихъ слугъ, потому что тяжкіе налоги истощали ихъ благосостояніе, и если національность ихъ не подрывалась силою или хитростью, то все же она внутренно хилѣла, утративъ политическую независимость. — Военное устройство. Число персидскихъ войскъ было очень значительно, потому что каждый способный къ оружію подданный обязанъ былъ нести военную службу. Войска распредѣлены были по всему краю на смотровыхъ сборищахъ и въ

крѣпостяхъ; полный ихъ составъ созывался только въ случаѣ необходимости. Ядро войска составлялъ отрядъ изъ десяти тысячъ пѣхотинцевъ, называвшихся «безсмертными», потому что они были всегда въ полномъ числѣ, и каждая убыль между ними немедленно возмѣщалась. Одежда и вооруженіе были крайне разнообразны, такъ какъ отдѣльныя части войскъ, состоящія изъ многоразличныхъ народовъ, являлись каждая въ своей національной одеждѣ, вооруженіи и съ своимъ военнымъ строемъ, что̀ должно было представлять величайшую пестроту. За войскомъ слѣдовали притомъ женщины, дѣти и всякаго роды обозы. Квинтъ Курцій (III, 3) описываетъ движеніе персидскаго войска на походѣ слѣдующимъ образомъ: Сигналъ былъ данъ съ царскаго шатра, на верху котораго стояло изображеніе солнца, такъ чтобъ всѣ могли его видѣть. Священный огонь несли на серебряныхъ алтаряхъ, окруженныхъ жрецами, которые пѣли гимны. За ними слѣдовали 365 юношей, по числу дней въ году, одѣтые въ багряницы. Колесницу, посвященную высочайшему божеству, солнцу, везли бѣлоснѣжныя лошади, которыхъ вели конюхи въ бѣлыхъ одеждахъ съ золотыми жезлами въ рукахъ. За ними шелъ посвященный солнцу конь величины необыкновенной. Далѣе слѣдовали десять колесницъ, покрытыхъ серебромъ и золотомъ, и конница двѣнадцати народовъ въ ихъ особенномъ нарядѣ и съ обычнымъ у каждаго изъ нихъ оружіемъ. Потомъ шли персидскіе безсмертные, числомъ 10,000 человѣкъ, украшенные золотыми цѣпями, въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ и въ туникахъ съ длинными рукавами: все это блистало дорогими каменьями. Въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовали 15,000 господъ, носящихъ почетный титулъ «царскихъ сродниковъ», въ такихъ одеждахъ, которыя пышностію и великолѣпіемъ скорѣе напоминаютъ женскія, чѣмъ мужскія. Копѣйщики шли передъ колесницей, на которой, высоко возносясь надъ толпой, ѣхалъ самъ царь. По обѣимъ сторонамъ колесницы находились золотыя и серебряныя изображенія боговъ. Ярмо было осыпано рѣдчайшими дорогими камнями; спереди возвышались двѣ золотыя фигуры Нина и Бела, каждая въ локоть величиной, а между ними стоялъ золотой орелъ съ распростертыми крыльями. Царь отличался отъ всѣхъ окружавшихъ великолѣпіемъ своихъ одеждъ съ златотканными соколами и ястребами (посвященными Агурамаздѣ), золотымъ поясомъ съ висящею на немъ саблей въ осыпанныхъ дорогими камнями ножнахъ, и кидарисомъ или митрой, которая прикрывала ему голову. По бокамъ, съ

правой и лѣвой стороны, шли двѣсти знатнѣйшихъ его «сродниковъ». Семьдесятъ тысячъ воиновъ съ копьями о серебряномъ древкѣ и золотомъ остріѣ слѣдовали за царской колесницей. Кони царскаго стремени, въ числѣ сорока, и 30,000 пѣхотинцевъ заключали собой эту передовую часть шествія. На разстоянія одной стадіи (125 шаговъ) слѣдовали мать и супруга царя въ колесницѣ. Великое множество женщинъ и дворцовыхъ прислужницъ сопровождали ихъ верхомъ. Въ пятнадцати колесницахъ (гармамаксахъ) везли царскихъ дѣтей съ ихъ пѣстунами, прислугою и евнухами. Сопровождавшія царя 360 наложницъ блистали въ самыхъ роскошныхъ нарядахъ. Ни 600 мулахъ и 300 верблюдахъ везли царскую казну, окруженную стрѣльцами. Друзья и родственники царскихъ женъ слѣдовали за ними въ сопровожденіи безчисленнаго множества поваровъ и прислуги всякаго рода. Легко вооруженныя войска окончательно замыкали все шествіе. Царь и сатрапы имѣли при себѣ дворцовую стражу и тѣлохранителей (драбантовъ, сателлитовъ). Когда вошли въ обычай наемныя войска, ратная доблесть Персовъ мало-по-малу исчезла. — Въ наукѣ и литературѣ Персы сдѣлали очень мало; напротивъ въ искусствахъ, особенно въ зодчествѣ и ваяніи, не уступали они другимъ образованнымъ народамъ Востока, что ясно доказываютъ величавые остатки живописно расположеннаго Персеполя, состоящаго изъ развалинъ царскихъ замковъ и дворцовъ съ великолѣпными въѣздами, колоннадами, мраморными лѣстницами и стѣнами, покрытыми множествомъ надписей и изваяній, далѣе — изъ царскихъ гробницъ и безчисленныхъ обломковъ статуй, барельефовъ и другихъ скульптурныхъ произведеній, которыя изображаютъ боговъ, символическія чудища, покоренные народы, пословъ, приносящихъ дары, служащую придворную челядь въ изукрашенныхъ одеждахъ, — однимъ словомъ представляютъ полную картину всего государственнаго быта Персіи.

§ 50. *б.* Общіе выводы. Бросимъ, въ заключеніе, еще одинъ общій взглядъ на народы, которыхъ мы обозрѣли подъ именемъ «восточныхъ», и не смотря на обширность занимаемыхъ ими странъ, не смотря на разнообразіе созданныхъ ими формъ общественной и частной жизни, мы безспорно замѣтимъ у нихъ извѣстныя характеристическія особенности, по которымъ можемъ распредѣлить ихъ на группы, отличающіяся одна отъ другой внутреннимъ сродствомъ. У самаго

порога исторіи встрѣчается намъ на крайнемъ Востокѣ народъ китайскій, въ которомъ монгольское племя достигло высшей, доступной для него цивилизаціи. Его типическое, неподвижное образованіе не могло привиться къ племенамъ болѣе сильной кавказской породы: поэтому китайская цивилизація и ограничилась въ своемъ распространеніи только однородными сосѣдственными племенами и не имѣла вліянія на общій ходъ человѣческаго образованія, неразрывно связаннаго съ измѣнчивыми судьбами одной кавказской породы. Обширнѣе было вліяніе Египтянъ, которые въ сѣверо-восточной Африкѣ, на рубежѣ двухъ чястей свѣта, составлявшихъ собственно восточный міръ, создали свою особую цивилизацію, хотя и разобщенную съ другими, однако все же не такъ исключительную, какъ китайская. Происходя изъ смѣси эѳіопской и кавказской крови, Египтяне также не были призваны выступить на поприщѣ исторіи чистыми носителями божественной искры въ человѣчествѣ, какъ бы впрочемъ ни велико было вліяніе порожденныхъ ими началъ образованія на кавказскія племена въ эпоху перваго ихъ дѣтства и юности. Съ удивительнымъ терпѣніемъ и настойчивостью жители нильскихъ береговъ созидали тѣ твердыя, негибкія формы, въ которыя облекли они свою религіозную и художественную жизнь и все разнообразіе своего земнаго существованія, — тѣ формы, которыя своею неизмѣнностію и спокойствіемъ производили такое неодолимое впечатлѣніе на подвижный духъ юныхъ народовъ европейской древности и которыхъ сами Египтяне держались цѣлыя тысячелѣтія со всею неподатливостію восточной натуры. Даже всесильному могуществу смерти, которое ведетъ къ тлѣну всякое созданіе, чтобы дать просторъ новымъ проявленіямъ жизни въ вѣчномъ ея творчествѣ, стремились Египтяне положить предѣлы и предохранить отъ его уничтожающаго вліянія по крайней мѣрѣ форму и обликъ человѣка. Вѣчный порядокъ и законъ, которые замѣчали они въ тѣлахъ небесныхъ, дававшихъ Нилу плодотворное его дѣйствіе и отстранявшихъ губительно палящее дыханіе пустыни, — этотъ же порядокъ и законъ долженъ былъ проникать собою и направлять всю жизнь Египтянъ, весь видимый міръ ихъ дѣятельности. И могущественно вліяла спокойная сила непо-

движныхъ, завѣтныхъ формъ на современниковъ и потомство, но вліяла, не вѣя дыханіемъ жизни: она не породила крѣпкихъ, живущихъ созданій; подобно ихъ пирамидамъ и мумі-ямъ, вся образованность Египтянъ осталась засохшей вѣтвію на жизненномъ древѣ человѣчества. Между этихъ двухъ народовъ, представителей окостенѣлой формы и неизмѣннаго консерватизма, помѣстились два другія племени, имѣвшія на развитіе человѣческаго рода сильнѣйшее вліяніе,—именно Арійцы и Симиты. Въ духовныхъ созданіяхъ этихъ двухъ народныхъ группъ лежатъ корни всей нашей западной образованности. Если изложеніе наше представило намъ до сихъ поръ только двѣ большія народныя семьи арійскаго корня, Индійцевъ и Иранцевъ — послѣднихъ въ развѣтвленіи на Бактровъ, Мидянъ и Персовъ, — тѣмъ не менѣе умственная, нравственная и физическая сила нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ такъ значительна, что нѣтъ ничего несообразнаго съ истиной въ томъ воззрѣніи, которое возводитъ къ нимъ происхожденіе важнѣйшихъ народовъ Европы. Арійцы въ Индіи и Иранѣ развили такія формы цивилизаціи, которыя, исходя отъ однихъ корней, принимали подъ вліяніемъ окружающей природы различныя направленія. Въ плодоносномъ при-гангскомъ краѣ, гдѣ подъ улыбающимся небомъ блещутъ дивною роскошью поля̀ и лѣса, Арійцы послѣдовали врожденной наклонности къ покою и созерцанію и такъ исключительно развили умственную и душевную сторону жизни, что природа и міръ потеряли въ ихъ глазахъ всякую истину и реальность, что они отвернулись отъ дѣйствительной и дѣятельной жизни и находили удовлетвореніе только въ мірѣ фантазіи и въ созерцаніи божества. Ихъ жрецы и философы населили небо и землю сонмами боговъ и духовъ, совокупляя ихъ потомъ во едино посредствомъ безличнаго понятія Брамы, какъ души міра и предвѣчнаго духа; это понятіе, благодаря изумительному духовному досужеству индійскихъ ученыхъ, постепенно было возведено до такой отвлеченности, что наконецъ утратило всякую форму и сдѣлалось просто непостижимымъ для огромнаго большинства. Поэтому народъ продолжалъ возсылать мольбы и приносить жертвы искони боготворимымъ силамъ природы и съ умиленіемъ слушалъ легенды и повѣсти о чудесахъ, ко-

торыми брамины наполняли его фантазію, сами возносясь между тѣмъ все выше и выше въ своихъ умозрѣніяхъ. Одинъ Брама, безличный духъ міра, отъ котораго все произошло и къ которому все должно возвратиться въ вѣчномъ круговоротѣ, — онъ одинъ имѣлъ для нихъ истинное бытіе; все прочее было только призракъ, обманъ чувственныхъ органовъ, отъ вліянія которыхъ мудрый долженъ освобождаться, на сколько станетъ у него силъ. Душа человѣка можетъ возвратиться къ первоначальной божественной силѣ и найдти желанное успокоеніе въ лонѣ Брамы только тогда, когда строгій аскетизмъ умертвитъ плоть, подавитъ всякое чувственное пожеланіе и какъ бы совершенно упразднитъ, угаситъ тѣлесное бытіе. Хотя этотъ всепоглощающій пантеизмъ со временемъ и былъ нѣсколько смягченъ, благодаря воздѣйствію буддистскаго раціонализма, сломившаго его неумолимую послѣдовательность, однакожь вся натура Индійца была до того чужда практической и матеріальной жизни, что и эта религія не произвела никакой значительной перемѣны въ народномъ быту; къ Индійцу все-таки не привилась сильная, здоровая дѣятельность, и путь къ истинной человѣчности остался для него закрытымъ. Человѣкъ и природа имѣли для него цѣну только потому, что они представлялись ему порожденіемъ Брамы; любовь къ ближнему ограничивалась предѣлами касты и далѣе не шла; она едва достигла высоты національнаго чувства и любви къ родинѣ, а любовь къ человѣку вообще была на берегахъ Ганга и Инда невѣдомымъ понятіемъ. — Иначе сложилась духовная жизнь Арійцевъ въ Иранѣ, гдѣ противоположности природы и климата, чередованіе плодоносныхъ полосъ съ песчаными степями, смѣна солнечнаго зноя и зимнихъ холодовъ породили вѣру въ двоякую мощь божества, а труды и борьба ради необходимыхъ потребностей жизни поддерживали мужество и силу народнаго характера. Въ Иранѣ, странѣ рѣзкихъ противоположностей, понятіе о божествѣ не могло придти къ единству какъ пришло оно въ очаровательномъ при-ганскомъ краѣ; непримиримый раздоръ, замѣченный Иранцемъ въ окружавшей его дѣйствительности, долженъ былъ отразиться и въ его религіозныхъ понятіяхъ. Онъ создалъ себѣ царство духовъ превыше и внѣ природы, и населилъ

его сонмами добрыхъ и злыхъ существъ, поставившихъ себѣ цѣлію борьбы и усилій, одни — избавленіе, другіе — пагубу міра и человѣчества. Въ глазахъ Индійца вся природа злоначальна и обречена ничтожеству, въ глазахъ Парса дурна только та сторона ея, которая исходитъ отъ Аримана; по этому задача жизни состоитъ для него не въ разложеніи и погибѣли вещественнаго бытія, но въ борьбѣ съ лукавыми демонами во внѣшней природѣ и въ глубинѣ собственной души, чтобы побѣда осталась за свѣтлыми духами, служителями Ормузда. Эта практическая и нравственная задача составляла основу Зороастрова ученія, изложеннаго въ Зендъ-Авестѣ; и такъ сильно вліяло это ученіе на нравственность и дѣятельность, что древнѣйшіе писатели Греціи съ похвалою говорятъ о чистотѣ нравовъ, правдивости и трудолюбіи Иранцевъ. Обрядность и очистительныя правила, которыми жреческое сословіе маговъ опутало въ послѣдствіи весь бытъ и стѣснило свободное движеніе силъ народныхъ, никогда однакожь не проникали въ практическую жизнь до такой степени, чтобы вполнѣ сломить здоровую дѣятельность и поставить грезы покаянника высшею цѣлью земнаго существованія. Иранцы прожили великую историческую жизнь; у нихъ возникали мощныя личности, каковы напримѣръ Киръ и Дарій; кастовое устройство здѣсь не развилось; въ Индіи исторія человѣка исчезла въ религіозныхъ миѳахъ, царственные образы улетучились въ представителей божества, въ исполнителей жреческихъ уставовъ, и личная самодѣятельность погибла подъ ярмомъ кастъ. — Какъ бы ни преобладали у Арійцевъ извѣстныя духовныя стремленія надъ другими, какія бы въ частности ни проявлялись у нихъ преувеличенія, все же основною чертой племеннаго характера было нѣкоторое равновѣсіе всѣхъ силъ душевныхъ, дружное поступательное движеніе къ опредѣленной цѣли; у Симитовъ же противуположныя направленія стояли рядомъ въ полномъ разладѣ, несгармонированныя, и съ разорваннымъ сердцемъ отдавался поперемѣнно Симитъ властямъ то чувственнаго, то сверхчувственнаго міра. У древнѣйшихъ народовъ этого корня, успѣвшихъ развить свою собственную гражданственность, у Вавилонянъ и Финикійцевъ, поклоненіе производитель-

нымъ силамъ природы вело къ богослуженію, полному сластолюбивой чувственности и нечистоты, а рядомъ съ нимъ совершался мрачный культъ, сопровождаемый человѣческими жертвами и самоистязаніями, — съ одной стороны необузданная поблажка всѣмъ похотямъ плоти, всѣмъ искушеніямъ чувствъ, съ другой — безмѣрное отданіе себя скорби и отчаянію, какъ доказываетъ намъ вся жизнь этихъ народовъ. Вялое любострастіе смѣнялось здѣсь жестокимъ самомучительствомъ безъ всякаго перехода и соглашенія. При этомъ Вавилоняне старались отыскать въ теченіи свѣтилъ начала законовъ природы и жизни человѣческой, и такимъ образомъ создали астрономію, но въ тоже время и незаконную дочь ея, астрологію. Живо и успѣшно направили оба эти народа свою дѣятельность и изыскательность на торговлю, промыслы и мореплаваніе, и сдѣлались черезъ это посредниками между Востокомъ и Западомъ, то есть распространителями на неразвитомъ еще Западѣ начатковъ болѣе зрѣлой восточной образованности. Хитрость и лукавство Сидонцевъ, смѣлая предпріимчивость Тирянъ, богатство и великолѣпіе Вавилонянъ славились во всемъ древнемъ мірѣ. Они не пренебрегали и военнымъ искусствомъ, но въ этомъ превзошелъ ихъ единоплеменный съ ними ассирійскій народъ въ Ниневіи. За ними же остается та честь, что они первые учредили государственную и гражданскую жизнь на основаніи прочныхъ законовъ и оградили личную свободу человѣка отъ деспотизма и произволенія другихъ. Ассирійцы рядомъ съ военнымъ дѣломъ занимались еще зодчествомъ и ваяніемъ, что доказываютъ замѣчательные памятники, найденные въ наше время подъ землей, гдѣ они покоплись около двухъ съ половиною тысячелѣтій. — Между Халдейскимъ и Ассирійскимъ царствомъ на востокѣ и между моревластительнымъ торговымъ народомъ Финикійскаго берега на западѣ, по склонамъ Ливана и на зеленыхъ холмахъ Іудеи и Іезраэля отвоевалъ себѣ прочныя жилища не видный сначала народъ еврейскій, котораго предки спустились нѣкогда съ порубежныхъ горъ Арменіи и съ верховьевъ Евфрата и Тигра. Какъ незваные гости, какъ вторженцы, они стали враждебно къ древнему ханаанскому населенію, хотя и родственному

имъ по племени. Враждебность эта, которую они еще усилили своею національной исключительностью и особенными нравами, учрежденіями и религіозными началами, шедшими наперекоръ язычеству сосѣднихъ племенъ, поставила народъ израильскій въ одинокое, разобщенное положеніе и способствовала къ тому, что Евреи крѣпко держались вѣры въ своего исконнаго Бога Іегову и всегда, послѣ частныхъ, кратковременныхъ заблужденій, снова возвращались къ нему съ теплымъ упованіемъ. Чѣмъ необузданнѣе развивался въ ихъ сосѣдствѣ культъ сладострастія и каженичества, чѣмъ выше взвивалось пламя на алтаряхъ Молоха, тѣмъ чище и глубже вѣровали они въ Іегову. Весь досугъ, остававшійся имъ отъ ухода за стадами и обработки полей, садовъ, смоквъ и винограда, посвящали они служенію Іеговѣ; въ честь ему развилась у нихъ лирическая поэзія и пророки возвѣщали свои прозрѣнія высокою, огненною рѣчью; при этомъ память о воинскихъ подвигахъ, на которыя вызывали ихъ враги-сосѣди, хранилась у нихъ въ вѣрномъ преданіи до тѣхъ поръ, пока съ успѣхами образованія они облекли ее въ историческія формы. Положеніе Евреевъ между двумя великими завоевательными державами, Ассиріей и Египтомъ, наконецъ вовлекло ихъ въ войну, несоразмѣрную ихъ слабымъ силамъ. Послѣ истинно-геройской борьбы сначала палъ Израиль передъ воинственными царями Ниневіи, а потомъ Іудея — передъ свѣжею еще силой халдейскаго царства въ Вавилонѣ. Тогда увлекли ихъ въ «грады мидійскіе» и къ «водотечамъ вавилонскимъ», гдѣ только въ упованіи на Іегову нашли они опору противъ бѣдствій рабскаго плѣна и поруганія отъ чужеземцевъ. Въ Немъ видѣли они свою отраду, утѣшителя себѣ и истиннаго царя, когда скорбь и тоска неодолимо овладѣвали ихъ сердцами. Но дни Ассирійцевъ и Вавилонянъ тоже были сочтены. Въ союзѣ съ Мидянами, халдейскій царь Навуходоносоръ сломилъ силу Ниневіи и доставилъ побѣду и господство Вавилону; но изъ нѣдръ Мидійскаго царства возникла великая Персидская монархія, которая подъ водительствомъ доблестнаго царя и при свѣжести юныхъ силъ вскорѣ достигла невиданнаго до тѣхъ поръ объема. Не только симитскіе народы и города должны

были примкнуть въ видѣ членовъ къ персидскому исполину, но и Египетъ повиновался волѣ властителей Сузы и Персеполя, многочисленныя племена Малой Азіи, съ богатымъ Крезомъ лидійскимъ во главѣ, преклонились передъ подавляющею силой Персовъ, и торговые греческіе города по берегу Эгейскаго моря съ ихъ облагороженною искусствомъ жизнію, украшали собой, какъ пурпурная кайма, порфиру царя, слывшаго по преимуществу «великимъ». Однакожь Персы не обладали тою учредительною и зиждущею силой, которая была бы необходима для преодолѣнія племенныхъ противуположностей и сліянія разнородныхъ стихій между собою. Безъ внутренней связи жили здѣсь другъ подлѣ друга племена и народы, различные по вѣрѣ и происхожденію, по нравамъ и по языку, по образу жизни и вооруженію; это было не государство, а сцѣпленіе массъ, которому недоставало живой души, живой силы стройнаго организма. Опираясь на механически сплоченную толпу, великій царь, котораго владѣнія простирались отъ снѣжныхъ высотъ Гиндуку до египетской пустыни и до устьевъ Дуная, повелъ свои несмѣтныя полчища противъ Грековъ, съ тѣмъ чтобы и ихъ мелкія государства присоединить данниками къ необъятной персидской имперіи; но здѣсь громада его разбилась въ прахъ о таинственную, вовсе неизвѣстную Востоку силу, — именно о самоуправленіе, о свободу и развитіе личности у Эллиновъ, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

ГРЕЧЕСКІЙ МІРЪ.

СТРАНА ЭЛЛИНОВЪ И ЕЯ ЖИТЕЛИ.

I. Материкъ.

§ 51. Греція составляетъ южную часть большаго полуострова, который на сѣверѣ широкъ и представляетъ сплошное пространство, а на югѣ — узокъ, неправиленъ и изрѣзанъ бухтами и заливами. Пересѣкаясь многими хребтами горъ, онъ состоитъ изъ горныхъ и холмистыхъ мѣстностей, которыя дѣлятъ край на множество мелкихъ, замкнутыхъ, особыхъ участковъ и благопріятствуютъ образованію многихъ отдѣльныхъ государствъ, въ родѣ кантоновъ нынѣшней Швейцаріи. На сѣверѣ полуостровъ пересѣкается большимъ горнымъ кряжемъ, который идетъ отъ Адріатическаго до Чернаго моря и въ восточной части своей называется Гемомъ или Балканомъ; по южнымъ его склонамъ лежатъ суровые горные края Иллирія, Македонія и Ѳракія, заключающіе въ себѣ рядомъ съ гористыми мѣстностями, отчасти изобилующими золотомъ, серебромъ и лѣсомъ, чрезвычайно плодоносные удолы и равнины. На югѣ примыкаютъ они къ отдѣляющему Грецію отъ Малой Азіи Эгейскому морю, изъ котораго узкій проливъ Геллеспонтъ (Дарданеллы) ведетъ въ небольшой морской бассейнъ Пропонтиду (Мраморное море), а отсюда еще меньшій проливъ Босфоръ — въ «гостепріимное» Черное море (Понтъ Эвксинскій). Берега Ѳракіи и Македоніи были покрыты греческими колоніями. Значительныхъ рѣкъ на полуостровѣ нѣтъ; къ важнѣйшимъ принадлежатъ Гевръ (Марица), Стримонъ и Аксій (Вардаръ). Столицею Македоніи, гдѣ жили много воинственныхъ племенъ, была Пелла, которая во время Филиппа и Александра похитила эту честь у древнѣйшаго героическаго города Эдессы, пріютившей въ себѣ гробницы туземныхъ царей. — На югъ отъ Иллиріи и Македоніи лежала

1. Сѣверная Греція, состоящая изъ Эпира и Θессаліи, между которыми тянется отъ сѣвера къ югу дикій, рогатый, всегда почти одѣтый снѣгомъ каменный кряжъ Пиндъ, главный узелъ всѣхъ горъ собственно греческаго полуострова. Эпиръ — суровая, дебристая страна, населенная разными, большею частью пеласгическими народцами крѣпкаго воинственнаго закала; князья ихъ ежегодно, послѣ торжественнаго жертвоприношенія у села (или аула) Пассарона, клялись управлять по закону и наоборотъ принимали клятву въ вѣрности отъ народа. На югѣ жили Молоссы при главномъ городѣ Амвракіи (Артѣ) у залива того же имени. На сѣверѣ, близь македонской границы, находилась Додона съ издревле чтимымъ Зевсовымъ оракуломъ. Еще далѣе къ сѣверу, у иллирійскаго берега, лежалъ Эпидамнъ (Диррахій), колонія Коринѳа. — Θессалія, замкнутая со всѣхъ сторонъ разными острогами Пиндскаго кряжа, обильна плодоносными равнинами и тучными пастбищами, особенно удобными для содержанія конскихъ табуновъ. Она пересѣкается спокойно-текущею рѣкою Пенеемъ (Саламврія), которой берега, обрамленные каменными пещеристыми утесами и живописно поросшіе тѣнистыми кустами, образуютъ невдалекѣ отъ истока знаменитую своими чудными красотами Темпейскую долину между «зубчатымъ сѣдалищемъ боговъ», Олимпомъ, и горою Оссою.—Изъ городовъ замѣчательны древняя столица Пеласговъ Ларисса на Пенеѣ, Іолкъ и Ламія при двухъ морскихъ бухтахъ; Фарсалъ и вблизи отъ него Киноскефалы (Песьи Головы), оба извѣстные битвами. Въ Θессаліи господствовала воинственная родовая знать, которая несла конную службу въ войскѣ. Храбрая и гордая племенною независимостью, но равнодушная къ общеэллинскимъ дѣламъ, эта знать ограничивала главную свою заботу коневодствомъ, боевыми играми (турнирами, джигитовкой), охотой, столованьемъ и мелкими пограничными усобицами. Величавая народная жизнь не могла пустить корней на такой почвѣ. Прекрасная и плодоносная равнина, изрѣзанная горами и цѣпями холмовъ, распадалась на множество самоуправныхъ городовъ и округовъ, которые обыкновенно находились подъ рукою богатѣйшихъ родовъ, а на время общихъ ополченій избирали себѣ главнаго вождя, или тага, облеченнаго диктаторскою властью, впрочемъ жили всѣ врозницу, ни мало не заботясь другъ о другѣ. Гостепріимство, любовь къ пышности и откровенность были лучшими сторонами народнаго характера, особенно у

ѳессалійскихъ вельможъ, но себялюбивая чувственность современемъ истребила въ нихъ мужество, прямодушіе и воинскую доблесть. Горный хребетъ на югѣ называется Эта (Oeta); между подошвою его и морскимъ заливомъ лежитъ тѣсное ущелье, образующее единственный путь изъ ѳессаліи въ Элладу, проложенный природою. Это — знаменитый проходъ Ѳермопилы (Теплыя Ворота), который тянется на два часа пути и дотого съуживается въ двухъ мѣстахъ между выдавшимся впередъ горнымъ кряжемъ Каллидромомъ и болотистымъ морскимъ берегомъ, что нельзя разъѣхаться въ немъ двумъ повозкамъ. Названіе свое получилъ онъ отъ теплыхъ ключей, которые и донынѣ бьютъ изъ утеса.

2. Средняя Грецiя, или Эллада. На востокѣ до мыса Суніона Эллада прорѣзывается отраслями хребта Эты, изъ которыхъ въ Аттикѣ всего извѣстнѣе Пентеликъ — своимъ мраморомъ, травянистый Гимметъ — своимъ медомъ, и Лавріонъ — рудниками. Другія вѣтви идутъ отъ Эпира въ юго-восточномъ направленіи и образуютъ горы Парнассъ, Геликонъ и Киѳеронъ, знаменитыя въ религіозномъ культѣ сѣдалища Музъ, гдѣ природа, лѣса и родники вдохновляютъ къ пѣснопѣнію, гдѣ гимнъ природы какъ бы вызываетъ въ отвѣтъ себѣ гимнъ у человѣка. Замѣчательнѣйшая между ними Парнассъ — нагая, скалистая гора голубовато-сѣраго известняка, которая почти отвѣсно подымается слишкомъ на 7,000 футовъ изъ равнины среди самой величественной мѣстности. Въ числѣ рѣкъ важнѣйшія — Ахелой и потомъ Кеѳиссъ, впадающій въ озеро Копаисъ. У Аѳинъ течетъ рѣчка Илиссъ.

Эллада распадается на слѣдующя государства: А) Аттика (во время Пелопонейской войны 500,000 жителей, въ томъ числѣ 40,000 рабовъ), не очень плодоносный холмистый край, обильный только маслинами, смоквами, медомъ и воскомъ, съ столицею Аѳинами, которая занимала пространство въ три часа ходьбы, съ приморскимъ городомъ Пиреемъ [1] на полуостровѣ Мунихіи, съ Элевзисомъ, знаменитымъ средоточіемъ поклоненія Деметрѣ и тайныхъ посвященій (мистерій), къ которому, какъ высоко-чтимой святынѣ, велъ украшенный многими памятниками священный путь, и съ слав-

[1] Вмѣсто прежней гавани, Фалерона, Ѳемистоклъ устроилъ военный портъ и корабельную верфь въ Пиреѣ и послѣ Персидскихъ войнъ соединилъ его двумя постепенно расходящимися стѣнами съ столицею Аттики.

ною по битвѣ Мараѳонскою равниной. Бывъ первоначально самостоятельнымъ жреческимъ государствомъ, котораго начало возводилось сагою къ Пеласгу Огену и Ѳракійцу Эвмолпу (1380), Элевзизъ и по сліяніи съ Аѳинами сохранялъ еще ученія, уставы и обычаи, принадлежащіе восточному міросозерцанію и воспроизводимые здѣсь въ священныхъ мистеріяхъ. Насупротивъ Аѳинъ, въ такъ-называемомъ Саронскомъ морѣ, лежитъ отличавшійся высокою образованностью, мореплаваніемъ и художественнымъ смысломъ, многолюдный островъ Эгина, гдѣ аргосскій царь Фидонъ (§ 68) началъ бить первую монету, и гдѣ 470,000 рабовъ должны были служить гордымъ и жестокимъ купцамъ-хозяевамъ; тамъ же находится и извѣстный морской битвою Саламинъ. Б) Беотія — плодоносный край съ обильными хлѣбомъ полями и почти пересыхающимъ въ лѣтнее время озеромъ Копаисомъ, котораго воды стекаютъ подземными каналами (катаботрами) въ море. Вблизи его лежалъ цвѣтущій торговлею и богатствомъ городъ Орхоменъ, исконное обиталище Минейцевъ, съ замѣчательными развалинаии. Во главѣ четырнадцати городскихъ территорій беотійскаго союза стояли семивратныя Ѳивы съ крѣпостью Кадмеей. Беотія была поприщемъ большей части греческихъ войнъ; поэтому многіе города ея знамениты сраженіями; такова доблестная Платея на Киѳеронѣ, у границъ Аттики (битва 479, осада 429—427), отдавшаяся еще въ 510 году подъ покровительство Аѳинъ; Делiонъ на берегу Эврипа (сраженіе 424), Коронея (447 и 394), Левктра (371), Херонея (338). Изъ числа другихъ мѣстъ слѣдуетъ еще замѣтить: портовой городъ Авлиду при Эврипѣ, Танагру на крутой высотѣ, среди мѣстности, обильной виноградомъ; Галiартъ на Копаисскомъ озерѣ, Ѳеспiю и мног. др. Беотія часто подвергалась землетрясеніямъ; при одномъ изъ нихъ погибъ древній Орхоменъ. Къ подобному же землетрясенію слѣдуетъ можетъ-быть отнести и миѳъ о провалѣ сквозь землю вѣщаго Амфiарая съ четвероконною колесницей на холмахъ въ окрестностяхъ Танагры. В) Фокида съ священнымъ храмовымъ городомъ Дельфами (Пиѳономъ) у подошвы Парнасса; считая его средоточіемъ не только Греціи, но и всего міра, этотъ городъ называли «Пупомъ земли»; онъ славился знаменитымъ оракуломъ Аполлона, множествомъ великолѣпныхъ зданій и очищающимъ отъ всякаго грѣха источникомъ музъ, Касталiей. Дельфы, построенныя на одной изъ высотъ Парнасса и поковшіяся южною стороной на тридцати усту-

пахъ, поддерживаемыхъ крѣпкими каменными упорами, привлекали на себя вниманіе однѣми уже дикими красами природы, разнообразною картиной скалъ, лѣсовъ, пещеръ, ручьевъ и потоковъ, пустынныхъ горъ и плодоносныхъ полей. Рядомъ съ Дельфами должно еще замѣтить Давлиду, древнѣйшій городъ миѳическихъ Ѳракійцевъ, крѣпкую Элатею и порожанныя проклятіемъ Криссу и Кирру, которыя за присвоеніе ими храмовой собственности и за корыстныя прижимки многочисленнымъ богомольцамъ были наконецъ разрушены и обречены дельфійскому божеству. — Фокейцы не имѣли у себя рабовъ и жили двадцатью или тридцатью городскими и сельскими общинами, которыя, пользуясь каждая независимостью внутри, совѣщались между собой по общимъ дѣламъ черезъ выборныхъ. Г) Дорида, — суровый горный уголокъ, первобытное гнѣздо Дорійцевъ, съ четырьмя неважными городками. Д) Локрида. Было три государства этого имени: 1) Локрида Эпикнемидская неподалеку отъ Ѳермопилъ, 2) Опунтипская съ городомъ Опунтомъ на Эврипѣ, и 3) Озолійская у Кейсейскаго, или Коринѳскаго залива, съ портовымъ городомъ Навпактомъ (нынѣ Лепанто). Живя въ мирномъ одиночествѣ, мелкіе локридскіе народцы сохранили мужество, гостепріимство и простоту нравовъ; большею частію пастухи, земледѣльцы и обыватели маленькихъ городковъ, они управлялись именитыми родами такъ хорошо и льготно, что общины съ охотою повиновались рѣшеніямъ своихъ старшинъ; у этихъ вольныхъ собственниковъ, жившихъ не богато, да и не бѣдно, не было ни рабовъ, ни кабальныхъ; безъ зависти и ссоръ обработывали они наслѣдіе предковъ, а накоплявшійся по временамъ излишній людъ, который могъ бы подать поводъ къ внутреннимъ смутамъ, они заблаговременно удаляли на сторону, въ видѣ новыхъ поселеній. Е) Этолія — суровая, лѣсистая, прорѣзанная Ахелоемъ горная страна, съ дикими, воинственными обитателями различнаго племени, которые при обильномъ звѣриномъ промыслѣ и скотоводствѣ, и при незначительномъ земледѣліи въ плодоносныхъ равнинахъ южнаго берега, особенно жили набѣгами на сушѣ и на водѣ, и пускались въ дальніе края, иногда въ качествѣ отличныхъ наемниковъ, иногда просто для разбоевъ. Главнымъ городомъ этого народа, раздѣленнаго на нѣсколько городскихъ территорій, но составлявшаго одинъ общій союзъ, былъ неприступный Ѳермонъ, лежавшій въ нагорной равнинѣ. Ж) Акарнанія къ югу отъ Амвракійскаго залива, на берегу котораго

стоялъ Аргосъ Амфилохикономъ и при немъ знаменитый побѣдою Августа (31 до Р. Х.) мысъ Акціумъ; здѣсь же находились городъ Левкасъ, союзный укрѣпленный городъ Стратосъ и много открытыхъ мѣстечекъ или слободъ. Жители Этоліи, Акарнаніи и Эпира состояли только въ слабой связи съ эллинствомъ. Они повиновались или наслѣдственнымъ князьямъ, или выборнымъ старшинамъ и главарямъ. Кровомщеніе, самоуправство и усобицы въ родѣ баранты, всегдашнее ношеніе при себѣ оружія, жизнь по селамъ и мѣстечкамъ, въ противуположность городскому быту, отвращеніе къ правильному земледѣлію и торговлѣ вмѣстѣ съ суровою простотой и неизмѣнностью нравовъ и обычаевъ — все это и многое тому подобное напоминало о древнемъ рыцарскомъ періодѣ, въ то время, когда для всей остальной Эллады онъ уже давнымъ давно миновалъ. 3) Маленькая область Мегарида съ лежащимъ близъ берега городомъ Мегарой вела къ такъ-называемому Истму (Коринѳскому перешейку), омываемому съ одной стороны Коринѳскимъ, съ другой Саронскимъ заливомъ и соединяющему Элладу съ полуостровомъ

3. Пелопоннесомъ (нынѣ Мореею). Этотъ отовсюду окруженный моремъ полуостровъ, «твердыня Эллады», есть чисто горная страна. Въ срединѣ возвышается суровое плоскогорье Аркадія, замкнутое со всѣхъ сторонъ ребрами высокихъ горъ; оно, въ направленіи къ восточному и къ тремъ южнымъ мысамъ, пускаетъ отроги, изъ которыхъ всѣхъ выше Таигетъ, оканчивающійся мысомъ Танароном и отдѣляющій суровую Лаконію отъ плодоносной Мессеніи. Изъ горныхъ высотъ Аркадіи вытекаютъ значительнѣйшія рѣки края: текущій на западъ Алфей, на югъ — Памисъ и Эвротасъ. Знаменитая красотами природы, горная Аркадія, гдѣ высокія горы перемежаются травянистыми, удобными для скота пастбищами и плодоносными долинами, составляетъ узелъ и средоточіе страны, къ которому примыкаютъ другія государства. Туземцы были народъ простой, загрубѣлый отъ дикой пастушеской жизни и воинственный; подобно Швейцарцамъ, они въ позднѣйшее время охотно вступали въ иностранную военную службу. Аркадія имѣла, кромѣ древнихъ городовъ: Мантинеи (сраженія 418, 362, 267 г.) и Тегеи, долгое время подвластныхъ Спартанцамъ, еще городъ Мегаполь, заложенный по совѣту Эпаминонда, и нѣкоторые другіе, менѣе важные города. — Остальныя государства Пелопоннеса были слѣдующія: А) Ахайя при

Коринѳскомъ заливѣ, съ городами Патры, Эгіонъ (Эгій), Гелика, въ которомъ находился великолѣпный храмъ Посейдона, и девятью другими городами, съ давнихъ временъ составлявшими между собою союзъ (федерацію), средоточіемъ котораго былъ храмъ Зевса въ Эгіонѣ. Къ этому, преобразованному въ половинѣ 3-го вѣка Ахайскому союзу принадлежали, кромѣ упомянутыхъ двѣнадцати городовъ, еще торговый городъ Сикіонъ, первобытная родина элинскаго искусства, и богатый, великолѣпный Коринѳъ, знаменитый торговлею, промышленностію (литье металла и производство глиняныхъ судовъ), не подалеку отъ двухъ бухтъ, съ крѣпкимъ замкомъ Акрокоринѳомъ. Къ юго-западу отъ него находилась небольшая республика Флазія съ городомъ Фліемъ. Разобщенный съ греческимъ міромъ и помышляя лишь о выгодахъ болѣе тѣсной отчизны, этотъ союзъ городовъ не принималъ никакого участія въ борьбахъ остальной Греціи и благоденствовалъ при помощи торговли, земледѣлія и промышленности. Б) Арголида, богатая бухтами, скалистая область съ главнымъ городомъ Аргосомъ, котораго замокъ Ларисса («Горная Твердыня»), повидимому, возникъ въ первобытныя, пеласгическія времена; съ древними, знаменитыми по развалинамъ колоссальныхъ построекъ («циклопическія стѣны») столицами Агамемнона, Микенами и Тиринѳомъ (Тиринсъ), и многими другими, извѣстными частію въ историческомъ и миѳическомъ отношеніи, частію какъ торговые и приморскіе города; сюда относятся: Немея (немейскія игры), Лерна (лернейскій змѣй, убитый Геркулесомъ), Эпидавръ, Трезена, Герміона, Навплія, Посейдоновъ островъ Калаврія съ такъ-называемымъ правомъ убѣжища (на этомъ островѣ Демосѳенъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, см. § 125), и др. В) Лаконія, самый южный, дикій и гористый край, вдающійся въ море двумя узкими полосами земли и двумя мысами (Тенаропомъ и Малеею) и съ немногими плодоносными мѣстностями въ долинѣ рѣки Эврота. Здѣсь, кромѣ холмистой, кругообразно выстроенной столицы, Спарты (Лакедемона), имѣвшей около 60,000 жителей, въ томъ числѣ отъ 8 до 9 тычячъ дорійскихъ гражданъ, важнѣйшими городами были: древній городъ Тиндаридовъ Амикле, извѣстный особеннымъ поклоненіемъ Аполлону, Селласія (сраженіе 222 г.), Гелосъ (Гелоты, Илоты?) и гавань Гиѳіонъ при Лаконскомъ заливѣ. За область Кинурію, лежащую на сѣверѣ, Спартанцы вели продолжительныя войны съ Аргосомъ. Г) Мессенія, плодоносный, но

мало населенный край съ древнею крѣпостью Итоме, которая въ послѣдствіи была замкомъ столицы Мессены, заложенной по совѣту Эпаминонда; съ приморскимъ городомъ Пилосомъ (Наваринъ) насупротивъ пустыннаго острова Сфактеріи, и дорійскимъ городомъ Стениклаpомъ. Д) Элида, плодоносная, богатая, отлично воздѣланная область, слывшая священною и потому избавленная отъ всякихъ войнъ. Важнѣе самой столицы — Элиды и древнѣйшаго мѣстопребыванія царей — Пизы была священная роща Альтида на равнинѣ Олимпіи при рѣкѣ Алфеѣ, гдѣ каждое четырехлѣтіе праздновались олимпійскія игры и находился великолѣпный, возведенный на дорійскихъ колоннахъ храмъ Зевса съ величественною статуею царя боговъ, сдѣланною Фидіемъ изъ золота и слоновой кости и признанною за совершеннѣйшее созданіе пластики. Кромѣ храма и колоссальной статуи сидящаго Зевса, въ Олимпіи было много другихъ замѣчательныхъ художественныхъ произведеній, памятниковъ и построекъ для праздничныхъ игръ. На югъ отъ Олимпіи была область Трифилія съ Несторовымъ «песчанымъ» Пилосомъ. — Греція обладаетъ весьма богатымъ развитіемъ береговъ, счастливымъ климатомъ и хорошею почвой. Море глубоко врѣзывается во всѣ берега, образуетъ множество заливовъ, и въ заливахъ бухты и приморскія гавани. Чистый и вмѣстѣ мягкій воздухъ предохранялъ Эллинскую землю и отъ сонливости южныхъ, и отъ грубости сѣверныхъ варваровъ; ясное и прозрачное небо возбуждало свѣтлое и свободное настроеніе духа, и между тѣмъ какъ счастливый климатъ материка способствовалъ всякому производству, какое только согласовалось съ свойствомъ почвы, море, омывающее относительно бо́льшую часть края, возбуждало прибрежныхъ жителей къ дальнимъ предпріятіямъ и доставляло произведеніямъ природы и промышленности вѣрный и удобный сбытъ.

II. Греческіе острова.

Важнѣйшіе острова на западномъ (Іонійскомъ) морѣ суть: Керкира (Корцира, нынѣ Корфу), какъ полагаютъ воспѣтый Гомеромъ островъ Феаковъ, богатаго, жившаго въ роскоши морскаго народа, съ изящно разукрашенною столицей царя Алкиноя, въ послѣдствіи колоніей Коринѳа; Левкадія съ культомъ Аполлона на бѣломъ прибрежномъ утесѣ; «каменистая» Итака, мѣстопребываніе Одиссея;

Кефалленія (Кефалонія) и Закинѳъ (метрополія испанскаго города Сагунта). На южномъ морѣ: почти круглый гористый островъ Киѳера, древнѣйшая колонія Финикіянъ, отъ которыхъ повидимому перешло сюда знаменитое поклоненіе Афродитѣ (финикійской Астартѣ). Храмъ Афродиты стоялъ на самомъ высокомъ пунктѣ острова, богатаго масломъ, виномъ, медомъ и другими произведеніями; островъ Критъ (Кандія), пересѣкаемый цѣпью нѣкогда волканическихъ горъ съ вершиною Идой, замѣчательный необыкновеннымъ плодородіемъ, древнею образованностію и хорошимъ законодательствомъ (Миноса), но всегда внушавшій страхъ, какъ притонъ отважныхъ морскихъ разбойниковъ. Населеніе его было частію хананитскаго или финикійскаго происхожденія, частію эллинскаго. По Гомеру, на островѣ было до ста городовъ; въ послѣдствіи самыми извѣстными городами Крита были Кидонія, Гортина и Книссъ съ лабиринтомъ. Богатый виномъ и масломъ, мѣдною рудой и лѣсомъ, островъ Кипръ, съ сирійскимъ и финикійскимъ населеніемъ, извѣстенъ безнравственнымъ культомъ Афродиты (Астарты), имѣвшей въ разныхъ мѣстахъ острова храмы, изъ которыхъ особенно замѣчательны храмы въ Пафосѣ, на горѣ Олимпѣ и близъ города Саламина. Послѣ похода Гераклидовъ, на островѣ поселились Дорійцы, и племенныя ихъ особенности получили тамъ рѣшительное преобладаніе. Родосъ («островъ Розъ»), знаменитый своею древнею образованностію и литейнымъ искусствомъ, первоначально съ восточнымъ населеніемъ, въ послѣдствіи сдѣлался дорійскою колоніей, и славился цвѣтущею торговлей, богатствомъ и образованіемъ, хорошимъ общественнымъ устройствомъ и законодательствомъ. Школа краснорѣчія, основанная тамъ Эсхиномъ, пользовалась большимъ уваженіемъ. Въ гавани главнаго города находилась статуя Геліоса (Колоссъ Родоскій), вышиною въ 70 локтей, съ далеко свѣтившимъ маячнымъ фонаремъ. Родосъ процвѣлъ вторично въ эпоху македонскаго владычества. — Всѣхъ богаче большими и малыми островами восточное, Эгейское море, названіе котораго — Архипелагъ — вошло въ общее употребленіе для всякаго моря, изобилующаго островами. По сходству этихъ острововъ съ материкомъ относительно естественныхъ условій почвы, можно считать ихъ осколками краевъ материка, раздробленныхъ волканическою или нептуническою силой. Насупротивъ восточнаго берега Эллады, лежитъ отдѣленный отъ нея однимъ Эврипскимъ проливомъ, длинный, пересѣченный высокими

горами, но въ высшей степени плодопосный островъ Евбея (Негропонтъ) съ приморскими и торговыми городами Эретріей и Халкидой (послѣдній съ 410 года соединенъ съ Беотіею мостомъ), Каристомъ, замѣчательнымъ своими мраморомломнями,—на югѣ, и Ореосомъ (первоначально Гестіей) — на сѣверѣ. Къ востоку отъ Евбеи лежитъ скалистый островъ Скиросъ, принадлежавшій Аѳинянамъ, а далѣе къ сѣверо-востоку волканическій Лемносъ, славившійся своимъ поклоненіемъ Гефесту (см. § 10) и производствомъ оружія. На сѣверъ отъ Лемноса находятся острова: Тазосъ, Имбросъ и Самоѳракія, изъ которыхъ два послѣдніе извѣстны какъ главныя средоточія древнѣйшихъ религіозныхъ мистерій (поклоненія Кабирамъ). Группа острововъ, ближайшая къ восточному берегу Пелопонеса, еще принадлежащая къ европейскому материку, носитъ названіе Цикладовъ, или круговыхъ острововъ, потому что они образуютъ кругъ (циклъ) около священнаго острова Делоса. На этомъ островѣ, мѣстѣ рожденія Аполлона и Артемиды, находилось богатоукрашенное святилище бога-солнца, съ искусно обдѣланнымъ жертвенникомъ, около котораго черезъ каждыя пять лѣтъ происходили торжественныя игры, и куда народъ стекался на богомолье (ѳеоріи) со всей Греціи. Изъ остальныхъ острововъ наиболѣе замѣчательны Паросъ (мраморъ), Андросъ, Кеосъ, вулканическій Мелосъ и винообильный Наксосъ; на востокъ отъ нихъ находятся острова, принадлежащіе къ азіятскому материку (Спорады), и между ними лакедемонскій островъ Ѳера. Важнѣйшими, какъ по величинѣ и плодоносію, такъ по образованности и богатству жителей, были острова, лежащіе у самыхъ береговъ Малой Азіи: Тенедосъ; изобилующій виномъ, роскошный Лесбосъ, родина Алкея и Сафо, съ городами Митиленой и Метимной, которые славились свою утонченною образованностію; Хіосъ, богатый виномъ, смоквами и другими произведеніями, цвѣтущій торговлею и образованностію; на такъ-называемомъ Икарскомъ морѣ Самосъ, торговый и промышленный островъ съ знаменитымъ храмомъ Геры, родина философа Пиѳагора; Косъ, родина живописца Апеллеса и врача Гиппократа, славившійся своими багряницами, и наконецъ маленькій, безплодный, скалистый островъ Патмосъ, служившій Римлянамъ ссылочнымъ мѣстомъ и въ послѣдствіи прославившійся пребываніемъ евангелиста Іоанна.

I. ГРЕЦІЯ ДО ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ.

1. Древнѣйшій пеласгическій періодъ.

§ 52. Пеласги. Древнѣйшими обитателями Греціи были Пеласги, которые вѣроятно населяли всю страну, хотя достовѣрно только то, что они жили въ Θессаліи и Аркадіи. Слѣды пеласгическаго населенія встрѣчаются также на островахъ Эгейскаго моря, въ Италіи (Тирренцы) и Малой Азіи. Пеласги были народъ земледѣльческій, мирный, съ религіею, въ основаніи которой лежало поклоненіе природѣ, и въ которой пользовались божескими почестями подземные боги (см. § 11), особенно мать-земля Деметра, винодатель Діонисъ, вѣщій богъ природы Зевсъ съ супругою Діаной въ тѣни лѣснаго Додонскаго святилища, и таинственные Кабиры, какъ внутреннія и плодотворныя силы природы, но безъ тѣлеснаго образа. О бытѣ Пеласговъ свидѣтельствуютъ развалины первоначальныхъ городовъ и царскихъ замковъ, слѣды и остатки водныхъ сооруженій: плотинъ, каналовъ и пр., а также награможденныя изъ глыбъ дикаго камня или изъ отесаныхъ плитъ безъ цемента, несокрушимыя циклопическія стѣны въ Пелопоннесѣ и другихъ мѣстахъ (Львиныя Ворота въ Микенѣ; развалины Тиринса и Орхомена). По отрывочнымъ, сомнительнымъ признакамъ заключаютъ, что у Пеласговъ было нѣчто подобное раздѣленію на касты, хотя и не въ строгомъ восточномъ смыслѣ, однако съ сильнымъ, освященнымъ давностію жречествомъ, съ наслѣдственными знатными родами, и служебнымъ низшимъ классомъ оброчниковъ. Рабочія руки полусвободнаго человѣка, обязаннаго барщинною службой, громоздили по велѣнію господина искусно сплоченные камни, или проламывали горы, открывали ходы и запружали потоки. Времясчисленіе, равно какъ и познаніе звѣзднаго неба, вообще было основано на первобытномъ преданіи. Соплеменниками Пеласговъ считаются піерійскіе [1] Θракійцы, первоначально обитавшіе около Олимпа, родоначальники греческой поэзіи, учредители служенія Музамъ, не-

[1] Піерія — самая южная часть Макѣдоніи, сопредѣльная съ Θессаліею.

разрывно связаннаго съ ихъ позднѣйшими обиталищами при Геликонѣ и Парнассѣ. Миѳическимъ племеннымъ героемъ ихъ былъ Орфей, который, по священному преданію Эллиновъ, звуками своего голоса и своей лиры восхищалъ людей и укрощалъ дикихъ животныхъ, даже произвелъ такое впечатлѣніе на неумолимыхъ боговъ подземнаго міра, что они позволили ему возвратить изъ царства тѣней на землю умершую жену его Эвридику; съ нимъ соединяетъ преданіе Аполлонова сына Лина, изобрѣтателя грустнаго жалобнаго напѣва, а также пѣвца и жреца Эвмолпа (сладкопѣвца), который, по преданію, учредилъ элевзинскія таинства, состоящія въ тѣснѣйшей связи съ естественною религіей Пеласговъ, и котораго потомки, знатный родъ Эвмолпидовъ въ Аттикѣ, пользовались наслѣдственнымъ правомъ совершать это таинственное служеніе. Эвмолпъ тоже былъ піерійскій Ѳракіецъ. Эти вѣщіе жрецы и поэты миѳическихъ временъ преимущественно обращали свое поэтическое вдохновеніе къ прославленію религіи и богослуженія, и въ грустныхъ заунывныхъ пѣсняхъ оплакивали скоротечность юности и замираніе природы вслѣдствіе лѣтняго зноя и зимняго холода. Въ короткихъ, отрывочныхъ пѣсняхъ (гимнахъ) прославляли они божество и природу, которыхъ дѣла на землѣ и на небѣ представлялись ихъ изумленному взору, призывали смертнаго къ миру, порядку и раскаянію въ пролитіи крови, и наполняли грудь его чувствами страха Божія, правды и человѣколюбія.

Нѣкогда древній Орфей, жрецъ боговъ, провозвѣстникъ ихъ воли.
Дикихъ людей отучалъ отъ убійствъ и отъ гнусной ихъ пищи;
Вотъ отчего говорятъ, что и львовъ укротилъ онъ, и тигровъ!
Ѳивскія стѣны воздвигъ Амфіонъ: оттого намъ преданье
Повѣствуетъ о немъ, что онъ лирными звуками камни
Двигалъ съ ихъ мѣста, куда ни хотѣлъ, сладкогласіемъ лиры.
Древняя мудрость въ томъ вся была, чтобъ народное съ частнымъ,
Чтобъ святыню съ мірскимъ различить, дать браку уставы,
Строить грады, на древѣ вырѣзывать людямъ законы!
Оттого и божественнымъ именемъ чтили поэтовъ,
И пророчествомъ звали ихъ пѣснь [1].

[1] Посланіе Горація къ Пизонамъ, переводъ М. А. Дмитріева.

Оракулъ въ Додонѣ и элевзинскія таинства. Додонское святилище въ Эпирѣ считалось древнѣйшимъ въ Греціи; туземный дубъ, плодъ котораго вѣроятно былъ первою пищей человѣка, былъ посвященъ додонскому Зевсу. Прорицанія давались не въ словахъ, а въ знаменіяхъ: въ шелестѣ вѣтра по вершинѣ священныхъ дубовъ, въ журчаніи и плескѣ источника, вытекавшаго у ихъ подошвы. Циклопическія стѣны, подобно египетскимъ и индійскимъ сооруженіямъ, съ которыми онѣ очень сходны, повидимому свидѣтельствуютъ о существованіи могущественнаго жреческаго сословія у Пеласговъ, и нѣкоторыя, восходящія къ миѳической древности, наслѣдственныя права и притязанія отдѣльныхъ родовъ на жреческое званіе, на извѣстныя должности, техническія знанія и занятія, — права, отчасти еще сохранявшіяся въ историческое время, — можно считать слѣдами кастообразнаго раздѣленія сословій во времена Пеласговъ. Впрочемъ, все касающееся Пеласговъ и отъ нихъ происшедшее представляется въ полу-мракѣ. Они оставили несомнѣнные слѣды своего существованія и дѣятельности, но эти слѣды, по своей глубокой древности, не легко поддаются изслѣдованію и разъясненію. Миѳы объ Инахѣ въ Аргосѣ, объ Эгіалеѣ, родоначальникѣ «береговыхъ Пеласговъ» въ Сикіонѣ, о Пеласгѣ въ «питавшейся желудями, до-эллинской Аркадіи», объ Огигѣ, который будто бы царствовалъ въ Аттикѣ во время большихъ наводненій, и о мн. друг. принадлежатъ къ циклу сказаній первобытныхъ Пеласговъ. — Естественная ихъ религія отчасти сохранялась потомъ въ нѣкоторыхъ мистеріяхъ (таинствахъ). Изъ нихъ особенно славились элевзинскія таинства, состоявшія въ связи съ религіозными миѳами о Деметрѣ и Корѣ (Персефонѣ, см. § 12), какъ воспринимающей, и о Діонисѣ (Якхъ, Вакхъ), какъ производящей жизненной силѣ почвы и природы; предсѣдательство на этихъ таинствахъ принадлежало роду Эвмолпидовъ, право жервоприношенія и общій надзоръ сначала аѳинскому царю, а потомъ второму архонту. Въ послѣдствіи эти таинства совершались какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Элевзинѣ. И въ томъ и въ другомъ городѣ были древніе храмы Деметры, соединенные между собою богато-украшеннымъ произведеніями искусства, зданіями и памятниками четырехъ-часовымъ священнымъ путемъ, по которому совершалась процессія въ честь Вакха. Малыя элевзиніи праздновались весною, большія осенью въ теченіе девяти дней. Онѣ преимущественно заключались въ очистительныхъ и умилости-

вительныхъ обрядахъ, въ жертвоприношеніяхъ и процессіяхъ, въ ночномъ праздникѣ факеловъ и въ посвященіи новыхъ лицъ черезъ посредство украшеннаго налобною повязкой, пожизненнаго гіерофанта изъ рода Эвмолпидовъ. Главные жрецы, окруженные жертвенной и храмовой прислугой, носили въ эти праздничные дни пурпуровую одежду и вѣнки изъ мирта. Было нѣсколько степеней посвященія. Мистеріи обнимали глубочайшіе вопросы объ отношеніи человѣка къ богамъ и въ особенности о состояніи души за гробомъ; оттого въ основаніи всѣхъ ихъ символическихъ обрядовъ лежало соотношеніе идей о благословенномъ плодоносіи матери-земли и о плодоносіи смерти, областью которой считали преисподнюю, а также чаяніе и ожиданіе новой жизни за гробомъ. Такъ какъ необходимымъ условіемъ участія въ таинствахъ было очищеніе отъ грѣховъ, то эти таинства служили освященіемъ жизни къ высшей нравственности. Въ противуположность образно-поэтической народной религіи, все болѣе и болѣе присвоивавшей богамъ видъ, свойства и силы человѣка, хотя и возведенныя на степень идеальнаго совершенства, мистеріи были хранилищемъ опредѣленныхъ ученій и преданій, частію восточнаго, частію греческаго происхожденія, которыя прежде всего указывали бездну, раздѣляющую божество отъ человѣка, и признавали, при всемъ сродствѣ между первообразомъ и его подобіемъ, между богами и людьми, потребность болѣе глубокаго благочестія и душеспасительнаго порядка, или возносящейся надъ внѣшними народными вѣрованіями, и вмѣстѣ слѣдящей за ними религіозной философіи; онѣ вносили единство въ пантеистическую пестроту этихъ вѣрованій; въ тайную премудрость мистерій могли быть посвящены всѣ взрослые честные граждане Аттики. Въ Аѳинахъ былъ и другой древнѣйшій, родственный съ элевзиніями и тоже посвященный Деметрѣ праздникъ — тесмофоріи (въ октябрѣ), который справляли жены: этимъ праздникомъ прославлялся введенный Деметрою чрезъ земледѣліе порядокъ гражданской, въ особенности брачной жизни, при чемъ женщины (тесмофоріазусы) носили корзинки съ символическими знаками.

§ 53. Переселенцы съ Востока. Мнѣніе, что древнѣйшая образованность Греціи заимствована съ Востока, и что переселенцы изъ Египта, Финикіи и Малой Азіи сообщили начатки гражданственности дикимъ обитателямъ Греціи, сильно поколеблено новѣйшими изслѣдованіями, и въ настоящее время ревностно поддерживается

предположеніе о самородности и самостоятельномъ естественномъ ростѣ всей греческой жизни. Но какъ ни шатки передъ историческою критикой сказанія о Египтянинѣ Кекропсѣ, которому приписывали основаніе крѣпостцы (Кекропія) въ Аѳинахъ, о Финикіянинѣ Кадмѣ, будто бы положившемъ основаніе городу Ѳивы и занесшемъ въ Грецію азбуку и плавильное искусство, о переселеніи Египтянина Даная и Данаидъ въ Арголиду, также о судьбѣ Фригійца Пелопса, по преданію, сообщившаго свое имя полуострову, все же еще нельзя отвергать связи и раннихъ сношеній между Греціею и Востокомъ, и существеннаго вліянія послѣдняго на религіозныя вѣрованія и гражданскія учрежденія первой. Естественная религія Пеласговъ, наслѣдственное раздѣленіе сословій въ Аттикѣ (на четыре филы), развалины древнѣйшихъ зданій и проч. подтверждаютъ свидѣтельства прежнихъ о сродствѣ между Востокомъ и древнѣйшею Греціею и о сходственномъ движеніи образованности у восточныхъ и пеласгическихъ народовъ. Можетъ быть, сами Пеласги, при вѣроятномъ переселеніи своемъ изъ Азіи въ Европу, принесли съ собою начатки этой образованности и развили ихъ самостоятельно; но изъ того, что позднѣйшія учрежденія, религія и искусство Грековъ не представляютъ никакого сходства съ восточными, еще нельзя заключить объ отсутствіи всякаго вліянія Востока на первобытныхъ Пеласговъ, ибо Эллины, завоевавъ Грецію, конечно вытѣснили или передѣлали и облагородили первоначальный бытъ ихъ. Въ этомъ преобразованіи и облагороженіи обнаруживается высшая природа и лучшія духовныя способности Эллиновъ. Какъ, съ одной стороны, нельзя возводить оригинальность греческаго народа до полной независимости его отъ иноземныхъ вліяній; такъ, съ другой стороны, достовѣрно, что этотъ народъ усовершенствовалъ все воспринятое имъ извнѣ и на все наложилъ печать такого духа, какого не знала самая выработанная техника варварской древности.

Кекропсъ, отъ котораго вели свое происхожденіе древнѣйшіе аѳинскіе цари, по преданію переселился изъ египетскаго города Саиса (Нейѳъ-Аѳина, см. § 8), сообщилъ Аѳинянамъ начатки гражданственности и установилъ бракъ. Это свидѣтельство уже потому оказывается позднѣйшею выдумкой, что до Нехо (см. § 31. б.) Египтяне не имѣли купеческаго флота и морскихъ силъ и слѣдовательно не могли переселиться въ отдаленныя страны. Сказанія о Кадмѣ, основателѣ ѳивской крѣпости Кадмеи, въ Беотіи (странѣ коровъ),

куда онъ прибылъ, отыскивая по приказанію отца похищенную Зевсомъ сестру свою Европу, совершенно баснословны; по преданію, отъ посѣянныхъ имъ зубовъ дракона произошли родоначальники пяти знаменитѣйшихъ ѳиванскихъ родовъ. Въ миѳѣ о Данаѣ и 50 ти дочеряхъ его (Данаидахъ), которыя, въ наказаніе за то, что онѣ (за исключеніемъ одной Гипермнестры) убили въ ночь послѣ брака послѣдовавшихъ за ними изъ знойнаго Египта жениховъ, были осуждены въ преисподней черпать воду въ бездонную бочку, — въ этомъ миѳѣ отыскивали указаніе на свойство сухой почвы въ Арголидѣ и объясняли его тѣмъ, что лѣтомъ знойные вѣтры юга заключаютъ въ свои жгучія объятія дочерей этой почвы, ручьи и источники, но что потомъ дѣвы воды, собравшись съ силами, вырываются изъ рукъ своихъ пламенныхъ поклонниковъ. Пелопсъ, сынъ ненавистнаго богамъ Тантала, обманомъ и убійствомъ добился руки царской дочери Гипподаміи и вмѣстѣ съ тѣмъ власти надъ Пизою, въ Элидѣ, откуда распространилъ потомъ свое владычество на большую часть полуострова; его потомки (Пелопиды, Атриды, см. § 13) наслѣдовали отъ него и отца его высокомѣрный духъ, внушившій имъ тѣ нечистивыя и смѣлыя дѣла, о которыхъ такъ часто говорится въ стихотвореніяхъ Грековъ.

2. Миѳическій и героическій періодъ Эллиновъ.

§ 54. Эллинскія племена. Гераклъ (Геркулесъ) и Тезей. Мѣсто первобытныхъ Пеласговъ заняли въ послѣдствіи воинственные Эллины съ своимъ рыцарскимъ богатырствомъ. Такъ какъ о происхожденіи и переселеніи ихъ неизвѣстно ничего достовѣрнаго, то нѣкоторые предполагали, что они не составляли особеннаго народа, а только были воинственною частью самихъ Пеласговъ, и что эллинская военная знать низвергнула жрецевластіе и подчинила себѣ мирный низшій классъ народа. Какъ бы то ни было, Пеласги и Эллины вскорѣ слились въ одинъ народъ. Сліяніе совершилось тѣмъ легче, что оба племени были близко-родственными отраслями одного корня, древнѣйшаго обще-греческаго народа, и что языки ихъ различались между собою почти только какъ нарѣчія. Свѣтлый эллинскій культъ Зевса и олимпійскихъ боговъ вы-

тѣснилъ естественную религію Пеласговъ. Эллины (у Гомера Ахейцы) распадались на четыре племени: Дорійское и Ахейское (въ Пелопоннесѣ), Іонійское (въ Аттикѣ, на островахъ и пр.) и Эолійское (въ Беотіи и въ др. мѣстахъ). Древнѣйшая исторія ихъ связана съ судьбами отдѣльныхъ героевъ, цѣлыхъ геройскихъ родовъ и племенныхъ царей, которые способствовали преуспѣянію страны удачною борьбою противъ разбойниковъ, истребленіемъ дикихъ звѣрей и чудовищъ и основаніемъ городовъ и общественности, но въ то же время увлекались страстью къ приключеніямъ и къ стяжанію сокровищъ. Въ эту эпоху миѳическихъ героевъ встрѣчаемъ мы, кромѣ рыцарскихъ добродѣтелей, мужества и геройскаго духа, придаваемыхъ каждымъ сильнымъ и воинственнымъ народомъ своимъ предкамъ, первые зародыши гражданственности и человѣчности, потому что укрощеніе своевольныхъ и нечестивыхъ враговъ общества въ такое время, когда разбой еще считался дѣломъ позволительнымъ и почтеннымъ, вездѣ представлялось чѣмъ-то необыкновеннымъ, прославлялось какъ главный подвигъ героевъ, подвигъ благочестиваго страха предъ карающими всякое беззаконіе богами и уваженія къ вѣчнымъ, ими дарованнымъ правамъ. Въ геройхъ, которые происходятъ отъ боговъ и съ ними водятся, которые связуютъ родъ человѣческій съ богами, этими болѣе совершенными людьми, но при тѣхъ же страстяхъ и чувствахъ, находимъ мы соединеніе всѣхъ свойствъ народа, исполненнаго силъ, стремящагося къ благородной цѣли; только свойства эти являются здѣсь въ ихъ первобытной естественности, въ неразвитомъ и неочищенномъ видѣ. Въ разсказахъ о рыцарскихъ странствованіяхъ, приключеніяхъ и бояхъ героевъ, исторія, сказаніе и поэтическій вымыселъ смѣшались въ одно неразрывное миѳическое цѣлое. Изъ древнѣйшихъ миѳовъ наиболѣе извѣстны подвиги Геракла, представителя греческаго національнаго богатырства, и дѣянія Аѳинянина Тезея, который, чрезъ соединеніе двѣнадцати разрозненныхъ селеній въ одну политическую общину, чрезъ раздѣленіе народа на три класса (знатныхъ, поселянъ и ремесленниковъ) и чрезъ установленіе національнаго праздника панаѳиней, сдѣлался, какъ увѣряютъ, основателемъ Аѳинъ и учредителемъ государственнаго наряда въ Аттикѣ. О Тезеѣ

разсказывали, что поразивъ людоѣда Минотавра въ лабиринтѣ, построенномъ искуснымъ Дедаломъ на островѣ Критѣ, онъ освободилъ свой родной городъ отъ позорной дани, платимой этому моревластному острову, который въ самой глубокой древности столько же славился своимъ морскимъ могуществомъ и отважными разбоями на водѣ, сколько и отличнымъ законодательствомъ, приписываемымъ царю моря и острововъ Миносу (подробнѣе § 13).

Эллинскія племена. Въ героическую эпоху Эллиновъ, названіе Ахейцы, можетъ быть значившее «благородные», было общимъ для всѣхъ или по крайней мѣрѣ для важнѣйшихъ племенъ греческаго народа. Подъ этимъ именемъ являются Греки у Гомера. Въ 9-мъ вѣкѣ это названіе мало-по-малу сдѣлалось принадлежностію прибрежныхъ обитателей сѣвернаго Пелопоннеса, тогда какъ остальные Эллины назывались Дорійцами, Іонійцами и Эолійцами («смѣшанные») и считались родственными другъ другу по родословной, составленной вѣроятно стараніемъ дельфійскихъ жрецовъ. Въ давно минувшіе дни — такъ говорило древнее преданіе — произошелъ великій потопъ, истребившій всѣхъ людей кромѣ Девкаліона и жены его Пирры. Девять дней плавали они въ ковчегѣ, который наконецъ остановился на вершинѣ Пинда или, какъ разсказывали въ позднѣйшее время, на вершинѣ Парнасса. Въ отвѣтъ на мольбы ихъ о ниспосланіи новыхъ людей, послѣдовало наставленіе — бросить за себя «кости матери», то-есть камни земли. Такимъ образомъ отъ камней, брошенныхъ Девкаліономъ, произошли мужчины, отъ камней, брошенныхъ Пиррою, — женщины Въ послѣдствіи Девкаліону приписали сына Эллина. Первенцемъ послѣдняго, по той же вымышленной родословной, былъ «любитель копей» Эолъ, родоначальникъ Эолійскаго племени; вторымъ сыномъ Эллина былъ Доръ, родоначальникъ Дорійцевъ; третьимъ — Ксутъ, «отверженный», отъ котораго произошли Іонъ и Ахей. Учрежденіе амфиктіоніи, союза, обнимавшаго всѣ эти племена, также было приписано сыну Девкаліона, и названіе Грекой (Греки), данное Эллинамъ обитателями Запада, тоже производили отъ сына Пандоры, дочери Девкаліона. Чрезъ такое производство всѣхъ племенъ отъ общаго родоначальника, чувство національнаго единства и сродства, которое старались пробуждать и поддерживать дельфійскіе жрецы, получило соотвѣтственное, понятное для народа выраженіе.

§ 55. Походъ Семерыхъ противъ Ѳивъ. Съ теченіемъ времени нѣкоторые герои стали соединяться для общихъ предпріятій. Таковъ былъ многократно воспѣтый греческою поэзіей походъ Семерыхъ противъ Ѳивъ (1231 г.), гдѣ царствовалъ гонимый судьбою родъ Лайя и Эдипа (см. § 13). Семь (аргивскихъ) героевъ, которыхъ повелъ противъ своего роднаго города сынъ Эдипа Полиникъ, изгнанный братомъ своимъ Этеокломъ, погибли за исключеніемъ Адраста, и братья-враги убили другъ друга въ бою. Сыновья семи героевъ отомстили Ѳиванцамъ за смерть своихъ отцовъ въ такъ-называемой войнѣ эпигоновъ (послѣ-рожденныхъ, 1220 г.). Въ поэтическомъ, трагически обставленномъ преданіи о царскомъ родѣ Ѳивъ, быть можетъ, таится воспоминаніе объ упорныхъ борьбахъ между древними Кадмейцами и пеласго-финикійскаго происхожденія и пришлыми Эллинами происхожденія эолійско-ахейскаго.

§ 56. Походъ аргонавтовъ. Болѣе труднымъ и по времени предшествовавшимъ общимъ предпріятіемъ былъ славный въ греческой сагѣ и поэзіи походъ аргонавтовъ, предпринятый изъ города Іолка Ѳессалійцемъ Язономъ съ знаменитѣйшими героями его эпохи: Геракломъ, Тезеемъ, Кастором̀ъ, Полидевкомъ, или Поллуксомъ (Лакедемонянином̀ъ), Пелеемъ (отцомъ Ахилла, изъ Ѳессаліи), ѳракійскимъ пѣвцомъ Орфеемъ и мн. др., на кораблѣ Арго, въ далекую восточную страну Эа (Заря), чтобы добыть оттуда золотое руно (овчину), которое задолго передъ тѣмъ повѣсилъ тамъ въ рощѣ Ареса ѳессалійскій царевичъ Фриксъ, послѣ удачнаго бѣгства своего съ сестрою Геллой, и которое, по баснословному сказанію, сторожилъ никогда не дремлющій, огнедышащій драконъ. Дальнія морскія странствованія, исполненныя чудеснаго и страшнаго, были особенно привлекательны для Грековъ; ничто въ такой степени не возбуждало ихъ любопытства и фантазіи, какъ разсказы о герояхъ, которые по опредѣленію боговъ проникали на самый край свѣта. При маломъ знакомствѣ съ моремъ въ тѣ времена, подобныя странствованія представлялись въ высшей степени отважными. Какъ у Тезея, такъ и въ походѣ аргонавтовъ, любовь примѣшивается къ похожденіямъ древне-греческаго рыцарства. Именно,

Язонъ исполняетъ свое предпріятіе съ помощію дочери мѣстнаго царя, Медеи, мастерски владѣющей сверхестественными чарами, и потомъ бѣжитъ съ нею изъ непріятельской страны на родину. Чудесное возвращеніе съ дальняго Востока и съ рѣки Фазиса черезъ Ливію и Западъ, по океану и чрезъ загадочный Эриданъ, и разнообразныя опасности и приключенія, представлявшіяся аргонавтамъ въ тѣхъ безвѣстныхъ краяхъ, составляютъ главную тему героической саги, разукрашенной поэзіею и фантазіею Грековъ. По преданію, Медея, вступившая въ бракъ съ Язономъ, была потомъ отвергнута имъ изъ-за дочери коринѳскаго царя: она отравила эту новую невѣсту своего супруга и умертвила собственныхъ дѣтей.

Атамѣ, царю Іолка, сыну бога вѣтровъ Эола, говоритъ преданіе, супруга Нефела, т. е. облако, родила двухъ дѣтей, Фрикса и Геллу. Послѣднимъ приходилось много терпѣть отъ мачихи Ино. Когда страну постигли засуха и неурожай, Ино убѣдила царя, съ помощію выдуманнаго ею прорицанія оракула, принести Фрикса въ жертву богамъ. Но Нефела похитила обоихъ дѣтей на золоторунномъ овнѣ, умѣвшемъ ходить по воздуху и по морю. Гелла упала съ овна въ проливъ, который отъ нея получилъ названіе «Геллеспонта» (Море Геллы). Но Фриксъ благополучно достигнулъ «солнечной страны» Эа, которая въ позднѣйшемъ сказаніи названа отдаленнѣйшею частью Востока — Колхидой, на Черномъ морѣ. Миѳъ объ аргонавтахъ принадлежитъ эолійскому племени, именно жившимъ около Копайскаго озера Минейцамъ (въ Орхоменѣ) и, повидимому, свидѣтельствуетъ о раннихъ сношеніяхъ этого мореходнаго, торговато и богатаго золотомъ первобытнаго народа съ побережьемъ Пропонтиды и Понта Эвксинскаго; а та часть его, въ которой говорится о борьбѣ за владычество въ Іолкѣ, вѣроятно содержитъ указаніе на удачное покореніе и изгнаніе Пеласговъ-Минейцевъ Эллиномъ Язономъ. Очень вѣроятно, что за изгнаніемъ Минейцевъ послѣдовалъ смѣлый морской и хищническій набѣгъ эллинскаго рыцарства на Востокъ, куда указали ему дорогу побѣжденные.

§ 57. Троянская война (1194 — 1184). Извѣстнѣйшимъ, обличающимъ уже значительный успѣхъ образованности, событіемъ героическаго періода была Троянская война, столько разъ прославленная въ сказаніяхъ, поэзіи и

искусствѣ. Въ Иліонѣ, или Троѣ, на сѣверо-западномъ берегу Малой Азіи, царствовалъ Пріамъ надъ богатымъ, образованнымъ народомъ, болѣе сроднившимся съ земледѣліемъ и городскою промышленностію, чѣмъ съ военнымъ искусствомъ и оружіемъ. Сынъ Пріама Парисъ (или Александръ) похитилъ прекрасную Елену, супругу лакедемонскаго царя Менелая, радушно принявшаго его въ свой царскій дворецъ, богатый серебромъ и золотомъ. Тогда оскорбленный супругъ предложилъ греческимъ князьямъ походъ въ отмщеніе за обиду, и походъ былъ предпринятъ подъ начальствомъ микенскаго царя Агамемнона, брата Менелаева, при содѣйствіи знаменитѣйшихъ героевъ Греціи. Славнѣйшими участниками въ этомъ походѣ были Ахиллъ и другъ его Патроклъ изъ Ѳессаліи, хитрый Одиссей (Улиссъ) съ острова Итаки, Діомедъ изъ Аргоса, Аяксъ съ Саламина, старецъ Несторъ Пилосскій, Идоменей Критскій, внукъ Миноса, и многіе другіе. Изъ Авлиды, гдѣ по позднѣйшему сказанію Агамемнонъ принесъ въ жертву богинѣ Артемидѣ свою дочь Ифигенію, ополченіе, состоявшее изъ сотни тысячъ ратниковъ, отошло на многочисленныхъ судахъ къ азіятскому берегу, но встрѣтило въ Троянцахъ столь храбрыхъ противниковъ, особенно въ сынѣ Пріама Гекторѣ и въ Энеѣ [1], что лишь послѣ десятилѣтней борьбы («войны на колесницахъ»), въ которой приняли участіе сами боги, городъ благодаря хитрости Одиссея былъ взятъ (съ помощію деревяннаго коня, наполненнаго вооруженными людьми) и разрушенъ. Ибо по неизмѣнному рѣшенію судьбы, Иліону назначено было погибнуть. Пріамъ и большая часть Троянцевъ пали въ бою или при разрушеніи города; остальные были осуждены на тяжкое рабство. Только немногіе разрозненные остатки Троянцевъ или отправились, какъ напримѣръ Эней, на западъ, или держались еще нѣкоторое время въ отдаленныхъ ущельяхъ горы Иды. Но и побѣдители подверглись разнымъ несчастіямъ Ахиллъ, Патроклъ и др. нашли въ Иліонѣ преждевременную могилу; Агамемнонъ, послѣ многотруднаго возврата

[1] По преданію сынъ Анхиза и Афродиты, рожденный на горѣ Идѣ, и тогда только принявшій участіе въ войнѣ, когда Ахиллъ увелъ его стада.

на родину, былъ убитъ (§ 13) по пропскамъ невѣрной жены своей Клитемнестры, а Одиссей десять лѣтъ скитался по морю, заносимый бурями къ негостепріимнымъ берегамъ, пока не дано было ему снова свидѣться съ вѣрною женою Пенелопой и сыномъ Телемакомъ и очистить домъ свой отъ дерзкихъ жениховъ, которые въ его отсутствіе домогались брака съ его женою, расхищали его добро и соблазнили вѣрность его рабовъ и рабынь.

Троянская война, которою заключается борьба между народностями эллинскою и пеласгическою, есть фактъ несомнѣнный, хотя бы подробности ея и были созданы поэтическимъ сказаніемъ. Выраженіе: «деревянный конь», повидимому, есть буквально понятое, сохранившееся въ преданіи иносказательное обозначеніе для «кораблей». Эллины, несклонные къ строгой дисциплинѣ и, при живомъ чувствѣ своей греческой разноплеменности, упрямые и непокорные въ отношеніи къ главному вождю — Агамемнону, расточали силы и время въ безпорядочныхъ нападеніяхъ и обезсиливающихъ раздорахъ. По отплытіи побѣдителей, толпы Лидійцевъ и Фригійцевъ заняли Троянскую землю.

3. Переселенія Дорійцевъ.

§ 58. Вскорѣ послѣ Троянской войны въ Греціи произошли большія потрясенія и перемѣны: нѣкоторыя эллинскія племена вытѣснили древнихъ обитателей изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ жили они дотолѣ; вытѣсненные напали въ свою очередь на другія племена, пока наконецъ слабѣйшіе, если не предпочитали покорность или рабскую подчиненность воинственнымъ пришельцамъ, рѣшились переселиться и основать колоніи за моремъ. Такъ, черезъ 60 лѣтъ послѣ Троянской войны, ѳеспротскіе Ѳессалійцы, горный полудикій народъ, заняли названныя по имени ихъ равнины и холмистыя мѣстности при Пенеѣ и Пиндѣ (1124 г.), частію обративъ туземное, раздробленное на мелкія общины населеніе въ подвластныхъ оброчниковъ (пенесты), частію принудивъ его бѣжать на югъ. Послѣднее выбрали «скорые и ловкіе» Эолійцы, жившіе около города Арны. Не способные ни служить, ни сопротивляться одолѣвающему непріятелю, они перешли на югъ, по-

корили или изгнали мѣстныхъ образованныхъ Пеласговъ: Кадмейцевъ, Минейцевъ и богатыхъ пѣснями Ѳракійцевъ, и заняли города и область, которая съ тѣхъ поръ отъ нихъ получила названіе Беотіи. Но самымъ важнымъ по своимъ слѣдствіямъ было переселеніе Дорійцевъ въ Пелопоннесъ. Послѣ долгаго и безпрерывнаго кочеванья и приключеній, Дорійцы, суровые охотники, пастухи и землепашцы, состоявшіе подъ управленіемъ наслѣдственныхъ вождей и судей, нѣкогда поселились у подошвы горы Эты и учредили свободную республику, средоточіемъ которой было служеніе Аполлону въ дельфійскомъ святилищѣ. Тѣснимые Ѳессалійцами и Беотянами, они двинулись оттуда на югъ, и завоевали послѣ продолжительной борьбы, подъ водительствомъ потомковъ Геракла (отсюда возвращеніе Гераклидовъ, 1104 г.), полуостровъ Пелопоннесъ. Это событіе сообщило совершенно иной видъ всему краю, ибо господство перешло отъ жившаго тамъ ахейскаго населенія къ сильному горному народу — Дорійцамъ. Только срединная гористая область — Аркадія сохранила своихъ прежнихъ (пеласгическихъ) обитателей. Іонійское населеніе сѣвернаго побережья было вытѣснено Ахейцами, бѣжавшими отъ Дорійцевъ, и принуждено переселиться въ Малую Азію, а Ахейцы заняли принадлежавшую Іонійцамъ область, которая съ этого времени называлась Ахайею. Дорійцы постепенно завоевали Арголиду, Лаконію, Мессенію, Сикіонъ, Коринѳъ и, по ту сторону перешейка, — Мегариду. Они даже вторгнулись въ Аттику и угрожали Аѳинамъ, но аѳинскій царь Кодръ (1068 г.), изъ рода Пелида Нестора, пожертвовавшій собою для спасенія отечества, принудилъ ихъ къ отступленію. Дельфійскій оракулъ объявилъ, что побѣдитъ та сторона, у которой убитъ будетъ царь. Узнавъ объ этомъ, Дорійцы строго запретили наносить вредъ царю Кодру. Тогда Кодръ переодѣлся въ пастуха, неузнанный проникъ въ непріятельскій лагерь, умышленно завязалъ тамъ ссору и нашелъ смерть, которой домогался. Дорійцы, сомнѣваясь въ побѣдѣ, отступили отъ Аѳинъ и удовольствовались Мегарою; Аѳиняне объявили, что послѣ такого героя никто уже не достоинъ носить у нихъ корону, и отмѣнили у себя царскую власть. — Прежнихъ оби-

тателей Пелопоннеса постигла троякая участь: наиболѣе смѣлые и сильные изъ нихъ выселились и по прошествіи нѣкотораго времени основали, вмѣстѣ съ своими аттическими соплеменниками, на благопріятно расположенномъ, западномъ берегу Малой Азіи и на островахъ Лесбосѣ, Хіосѣ, Самосѣ и мн. др., іонійскія колоніи, которыя, благодаря плодородію почвы, а также мореплаванію, торговлѣ и промышленности, вскорѣ превзошли свою метрополію въ благосостояніи и образованности. Оставшіеся въ Пелопоннесѣ или добровольно покорились Дорійцамъ, и въ такомъ случаѣ были обложены оброкомъ и исключены отъ всякаго участія въ управленіи, но сохранили личную свободу и собственность (въ Лаконіи они назывались періойками, поселянами, или Лакедемонцами, въ противуположность дорійскимъ Спартіатамъ); или были силою принуждены къ покорности, и тогда обращались въ состояніе крѣпостныхъ, или рабовъ (Илотовъ). Но такое раздѣленіе народа утвердилось во всей своей рѣзкости только въ Лакедемоніи. Въ другихъ областяхъ, въ Коринѳѣ, Сикіонѣ, Мессеніи и пр., знатнѣйшіе роды прежняго населенія пользовались правами наравнѣ съ Дорійцами и были допущены къ участію въ государственной жизни.— Теменъ, старшій изъ Гераклидовъ, получилъ Аргосъ, какъ древнее мѣстопребываніе царя; Кресфонтъ хитростію присвоилъ себѣ лучшую часть завоеваннаго края — Мессенію. Суровая, менѣе плодоносная Лаконія, была отдана двоимъ малолѣтнимъ сыновьямъ Аристодема, Проклу и Эврисѳену. Союзъ, которому средоточіемъ служило святилище карнейскаго Аполлона, соединялъ дорійскіе родственные другъ другу народы для общей защиты и для полюбовнаго и справедливаго разрѣшенія междоусобныхъ споровъ. Древнее раздѣленіе народа на три филы (колѣна) и на десятки общинъ было сохранено и въ новомъ обиталищѣ; съ этимъ соединялось и пространственное раздѣленіе на области и округи. Въ доризмѣ рано развились дисциплина и порядокъ, трудолюбіе и воздержность, мужество и страхъ божій, и онъ былъ счастливъ, пока сохранялись эти добродѣтели; высокомѣріе и грубость въ отношеніи къ иноплеменникамъ и побѣжденнымъ составляли темную сторону дорійскаго народнаго характера.

4. Греческія колоніи.

§ 59. Любовь къ странствованіямъ и подвижность характера, въ соединеніи съ внѣшними побудительными причинами, породили въ Эллинахъ стремленіе покидать родину и пролагать себѣ новые пути жизни на чужбинѣ. Они основали на всѣхъ островахъ и берегахъ Средиземнаго и Чернаго морей такое множество поселеній (колоній), что около 600 года число ихъ простиралось до 250. Такъ какъ Греки соединяли съ охотою къ странствованіямъ даръ сообщать своей національнальности преобладаніе на чужбинѣ и сохранять ее, то вмѣстѣ съ греческимъ населеніемъ распространялись и греческій языкъ и образованность. То войны и завоеванія, то междоусобіе и раздоры партій, то избытокъ населенія и бѣдность, а позднѣе преимущественно торговые интересы служили внѣшними побужденіями къ тому, что часть гражданъ въ какомъ-нибудь греческомъ городѣ, съ женами и дѣтьми, покидала отечество и заселяла какую-нибудь удобно расположенную мѣстность на чуждомъ берегу моря. Выселяясь, они брали съ собою священный огонь изъ ратуши. — Колоніи состояли въ отношеніяхъ кровнаго родства къ метрополіи, но были совершенно свободны и самостоятельны, и не имѣли никакихъ другихъ обязанностей къ ней, кромѣ тѣхъ, какія налагались естественнымъ уваженіемъ дочери къ матери. Они сохраняли нравы, учрежденія и религіозные обряды метрополіи, безъ крайней нужды не вступали въ войну съ нею и въ торжественныхъ случаяхъ оказывали ей благоговѣйный почетъ; но не становились въ зависимость отъ нея, какъ колоніи Римлянъ и новѣйшаго времени. Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ вмѣшивалась метрополія во внутреннія дѣла колоніи, когда послѣдняя нуждалась въ ея помощи или разбирательствѣ вслѣдствіе внѣшнихъ или внутреннихъ несчастій. Многія колоніи превзошли свои метрополіи въ образованности, торговой дѣятельности и искусствѣ; но часто тратили и расточали онѣ свои силы въ усобицахъ, племенныхъ раздорахъ или войнахъ съ сосѣдями, или же въ слишкомъ рьяныхъ, непосильныхъ предпріятіяхъ, и впадали потомъ въ изнеможеніе. Важнѣйшими колоніями были слѣдующія:

1. На берегу Малой Азіи. Первыми поселенцами на этомъ берегу были Эолійцы (изъ Беотіи), которые основали колоніи частію на сѣверныхъ островахъ, Лесбосѣ и др., частію на лежащемъ

противъ нихъ материкѣ, въ Мизіи и Троадѣ, съ знаменитою въ сказаніяхъ областію Иліона. Послѣднихъ было двѣнадцать, и замѣчательнѣйшею изъ нихъ была Киме (Фриконида). Составляли ли онѣ союзъ между собою подобно іонійскимъ колоніямъ, съ достовѣрностію неизвѣстно. Выходцы съ Лесбоса и изъ Киме основали потомъ новыя поселенія на берегахъ Мизіи и Ѳракіи.

Гораздо важнѣе находившіяся къ югу отъ нихъ, іонійскія колоніи, которыя, также въ числѣ двѣнадцати, составляли между собою свободный союзъ, основанный на единовѣріи, единоплеменности и общности жертвоприношеній; въ составъ этого союза входили города, цвѣтущіе торговлею, промышленностію и благосостояніемъ. Важнѣйшими изъ нихъ были: Милетъ, Пріена, Эфесъ, Колофонъ, Фокея, Теосъ (родина Анакреона) и др.; къ нимъ примкнула также эолійская Смирна; и сюда же причислялись Самосъ и Хіосъ, главныя средоточія ихъ морскаго могущества. Союзный храмъ Посейдона, гдѣ онѣ ежегодно справляли общій праздникъ паніоній и имѣли свои совѣщанія, стоялъ на Микальскомъ мысу и нѣкоторое время былъ средоточіемъ дѣятельной народной жизни и сношеній. Масло и вино были главными произведеніями мѣстной почвы, а приготовлявшіяся изъ тонкой шерсти «милетскія ткани» — важнѣйшею статьею промышленности. — Еще южнѣе лежали, также составлявшія союзъ, шесть дорійскихъ колоній съ «морскою крѣпостью» Галикарнассомъ (родина Геродота), съ Книдомъ и островами Родосомъ и Косомъ. Ежегодныя собранія и совѣщанія въ храмѣ тріопійскаго [1] Аполлона на мысу того же имени сопровождались общими жертвоприношеніями и состязаніями; присужденная побѣдителю награда — мѣдный треножникъ — посвящалась союзному божеству. Эти колоніи большею частію основывали въ свою очередь новыя: такъ одинъ Милетъ былъ метрополіей 80-ти колоній, большинство которыхъ находилось по берегамъ Чернаго моря (Понта Эвксинскаго) и Пропонтиды.

Между іонійскими городами, первое мѣсто занималъ Милетъ, какъ по своей обширной торговлѣ и мореходству, такъ по своимъ военнымъ силамъ и по высокой заботливости объ искусствѣ и наукѣ. Расположенный на возвышенности южнаго берега широкой и защищен-

[1] Тріопіонъ — мысъ въ Доридѣ, получившій это названіе отъ лежавшаго на немъ города Тріопія, или Книда.

ной природою Меандрской бухты, городъ въ послѣдствіи расширился внизъ до самаго морскаго берега. На сѣверномъ берегу, у подошвы горы Микале, находился древній храмъ Деметры, не подалеку отъ горнаго города Пріены. Какъ родина Θалеса, Анаксимандра, Гекатея и другихъ, Милетъ былъ, такъ сказать, метрополіею древней (іонійской) философіи и исторіографіи. Въ южной части города находился древнѣйшій храмъ Аполлона Дидимея[1] съ оракуломъ.— Храмъ Артемиды въ Эфесѣ былъ древнѣе самаго города; по сожженіи его въ 356 гору Геростратомъ, онъ былъ возстановленъ съ бо̀льшимъ еще великолѣпіемъ, такъ что по своей величинѣ и богатству считался однимъ изъ семи чудесъ древняго міра. (О естественномъ божествѣ Артемидѣ въ Эфесѣ, ея всепитающей силѣ и неистощимомъ плодоносіи, срв. § 11). Колофонъ велъ большую торговлю смолой, которая и теперь носитъ названіе этого города (колофоній, канифоль), и содержалъ значительный флотъ и конницу. Однимъ изъ важнѣйшихъ іонійскихъ городовъ былъ также Лебедосъ.

2. На Геллеспонтѣ (Дарданеллахъ), по берегамъ Пропонтиды (Мраморнаго моря) и Понта Эвксинскаго (Чернаго моря) находились: милетскій городъ Абидосъ, насупротивъ ѳракійскаго Сестоса, прославленный поэтическимъ сказаніемъ о Геро и Леандрѣ; Лампсакъ, основанный Фокейцами; Пріапъ, милетскій городъ, средоточіе непристойнаго поклоненія Пріапу; Гераклея въ Виѳиніи, основанная выходцами изъ Мегары; милетскій городъ Кизикъ на узкомъ перешейкѣ полуострова. На ѳракійскомъ берегу лежали города: богатый Перинѳъ (Мигдонія), основанный Самосцами; Халкедонъ, подобно противулежавшей Византіи (Константинополь) при бухтѣ «Золотаго Рога», былъ мегарскою колоніей. Въ Пафлагоніи находился значительный и торговый городъ Синопъ, милетское поселеніе, родина философа Діогена циника и метрополія Керазунта (Керазъ, отечество вишенъ), и важный, могущественный торговый городъ Трапезунтъ (Трапезъ). Милетскими колоніями были, сверхъ того, Фазисъ въ Колхидѣ, Танаисъ на Донѣ, Ольвія, «благословенный городъ», близъ устья Днѣпра (Борисѳена), Одессъ къ югу отъ устьевъ Дуная и мн. др. Эти города вели большую торговлю своими мѣстными произведеніями, которыя они вымѣнивали у окрестныхъ дикарей и потомъ развозили далеко, какъ напримѣръ мѣхъ, кожу,

[1] Дидими — близнецы: близнецами были Аполлонъ и Артемида.

шерсть, металлы, также соленую рыбу. Окрестности ихъ были красиво застроены и обработаны, такъ что походили на большіе сады. Колоніи оказывали благодѣтельное вліяніе на нравы и образованіе туземцевъ, но съ теченіемъ времени сами большею частію приходили къ нравственному упадку, ибо благосостояніе порождало роскошь, изнѣженность и нравственное усыпленіе.

3. На берегахъ Ѳракіи и Македоніи: Абдера, основанная гражданами Теоса, бѣжавшими отъ Кира, хотя и была родиной такихъ замѣчательныхъ людей, какъ Демокритъ, Протагоръ и др., но славилась своею глупостію; Амфиполь на Стримонѣ, аѳинскій городъ. Между ними, по приказанію македонскаго царя Филиппа, въ послѣдствіи былъ построенъ городъ Филиппы (сраженіе 42 г. до Р. Х.) въ мѣстности богатой золотыми рудами. На причисляемомъ къ Македоніи полуостровѣ Халкидикѣ, вдающемся въ Эгейское море тремя косами (Актою съ отвѣснымъ утесистымъ Аѳонскимъ мысомъ; Сиѳоніею и Палленою), находились: Стагира, родина философа Аристотеля; Олинѳъ и коринѳская колонія Потидея (въ послѣдствіи расширенная и названная Кассандріею) на узкомъ перешейкѣ Палленской косы.

4. Въ Нижней Италіи и Сициліи. Въ Нижней Италіи, названной по своимъ главнымъ произведеніямъ «Землею винодѣлія» (Энотрія) и «Страною рогатаго скота» (Италія), число греческихъ колоній было такъ велико, что подзащитные и оброчные жители внутреннихъ частей ея всѣ говорили по-гречески, и что вся страна называлась Великою Греціей. Сколько затрудненій ни причиняли греческимъ колоніямъ дикіе туземцы, морскіе разбойники Тирренцы и въ высшей степени завистливые къ чужой торговлѣ Карѳагеняне, онѣ тѣмъ не менѣе почти сравнялись съ малоазійскими колоніями въ благосостояніи, образованности и морской силѣ. Съ неутомимою дѣятельностію устроивали онѣ искусственныя гавани и превращали невоздѣланную, нерѣдко болотистую почву въ цвѣтущія поля и сады; къ сожалѣнію, богатство и самая легкость существованія породили въ большей части городовъ преждевременную нравственную вялость и изнѣженность. Особенно скоро утратили крѣпость духа и тѣла жители ахейскихъ городовъ (Сибариса и др.); оттого цивилизующее вліяніе ихъ на туземцевъ было менѣе значительно и прочно, чѣмъ вліяніе іонійскихъ и дорійскихъ колоній. Тарентъ (Тарасъ), лакедемонская колонія съ знаменитою морскою гаванью,

обширною торговлей и большими богатствами, былъ основанъ послѣ первой Мессенской войны (707 г.) такъ-называемыми парѳеніями, которымъ, какъ полагаютъ, отказано были въ гражданскихъ правахъ въ Спартѣ, потому что они происходили отъ смѣшанныхъ браковъ между Дорянками и Илотами. Довольство, роскошь и чувственныя наслажденія изнѣжили гражданъ и рано привели богатый городъ къ упадку. Необыкновенно дѣятельная жизнь господствовала въ этихъ Аѳинахъ Италіи, между населеніемъ которыхъ, состоявшимъ изъ моряковъ, рыболововъ и фабрикантовъ, было много богатыхъ, но мало именитыхъ гражданъ; замѣчательно, что въ этомъ городѣ, гдѣ все осмѣивалось, возникла трагедія наизнанку (т. е. съ комическою обстановкой). Метапонтъ (ахейскій городъ), Гераклея (тарентинскій) и др. Богатый Сибарисъ (ахейскій), котораго изнѣженность, пышность и роскошь вошли въ пословицу. По разрушеніи его (510 г.) суровыми, привыкшими къ простотѣ обитателями Кротона, гдѣ властвовалъ основанный Пиѳагоромъ, замѣчательный Союзъ (срв. § 76, 2. а.), выходцы изъ Аѳинъ заложили неподалеку отъ него (444 г.) городъ Турій (Туріи). Колонія Локры, возвеличенная писанными законами Залевка (660 г.), направленными къ упроченію строго-вѣрнаго обычаямъ, простаго образа жизни и нравственныхъ понятій. Залевкъ, выбранный въ эзимнеты (диктаторы) привыкшими къ дикимъ усобицамъ жителями, правосудно и мудро устроилъ общину, допустилъ гражданъ средней руки въ большой совѣтъ родовой знати, и потомъ внушилъ народу страхъ божій, добродѣтель, честность и простоту нравовъ въ убѣдительныхъ поученіяхъ и предписаніяхъ, при чемъ больше всего имѣлъ въ виду развитіе честнаго образа мыслей и дѣйствій. Въ особенности старался онъ не допускать роскоши. Онъ запретилъ мущинамъ носить «милетское платье», золотыя кольца и пить вино, неразбавленное водою. Женщины должны были носить бѣлую одежду и выходить въ сопровожденіи только одной невольницы. Регій (съ смѣшаннымъ населеніемъ), Гіела или Элея (Велія), фокейская колонія, родина философовъ Парменида и Зенона, основателей элеатской философской школы (см. § 76, 2. б.); Посейдонія, или Пестумъ (съ развалинами дорійскихъ храмовъ); Кумы въ Кампаніи, древнѣйшая колонія въ Нижней Италіи и метрополія Неаполя (Партенопы) и другихъ колоній при Везувіи, славились оракуломъ Сибиллы. Жители Кумъ, перешедшіе съ плодоноснаго острова Энаріи (Искія) на материкъ и

поселившіеся у самаго моря на защищенномъ природою холмѣ, повиновались законамъ Харонда и были ревностнѣйшими распространителями эллинской образованности въ томъ краѣ.

Въ Сициліи: Занклъ противъ Регіума, при стремительномъ морскомъ проливѣ, названный Мессаною вслѣдствіе переселенія въ него Мессенцевъ (см. § 68). Катана, при подошвѣ покрытой снѣгомъ, огнедышущей горы Этны, въ плодоносномъ краѣ, изобильномъ апельсинными и лимонными деревьями, фиговыми и масличными рощами, основана Іонійцами изъ Халкиды, славилась законами Харонда (640), который, подобно Залевку, стремился сохранить въ чистотѣ народные нравы, дѣйствовать на воспитаніе и образованіе юношества, пробуждать религіозное чувство, и ограничить судейскій произволъ прочными законоположеніями. Колонія Сиракузы, первоначально основанная выходцами изъ Коринѳа на маленькомъ островѣ Ортигіи (735), но въ послѣдствіи широко раскинувшаяся по близь лежавшему берегу Сициліи и раздѣлявшаяся на пять большихъ частей, съ двумя превосходными морскими гаванями, славилась торговлею, могуществомъ на морѣ и богатствомъ. Гела, родина тирановъ Гелона и Гіерона. Агригентъ въ мѣстности хлѣбородной, маслородной и удобной для винодѣлія, богатый, склонный къ художествамъ и великолѣпный городъ (храмъ Юпитера), на высокомъ и широкомъ уступѣ южнаго берега Сициліи, въ 560 году подпалъ власти жестокаго тиранна Фалариса. Селинъ, Сегестъ, Панормъ (Палермо), Гимера и мн. др. Эллины превращали древнѣйшихъ прибрежныхъ жителей острова, Сикуловъ, въ крѣпостныхъ, обязанныхъ обработывать имъ землю и пасти стада; но вмѣстѣ съ тѣмъ они вносили начатки образованія и гражданственности далеко внутрь края.

5. Въ Африкѣ, Испаніи и Галліи. Кирена, въ изобильной источниками, плодоносной и холмистой мѣстности, близь нынѣшняго города Триполя, дорійская колонія, вела обширную сухопутную (Египетъ, Нубія) и морскую торговлю хлѣбомъ, виномъ, южными плодами, шафраномъ и, особенно, одною изъ самыхъ любимыхъ приправъ, — сильфіемъ; все это доставляло такія богатства Киренейцамъ, что они подъ конецъ впали въ роскошь и сластолюбіе. Здѣсь родился философъ Аристиппъ, основатель киренейской философской школы (§ 100). Массилія (Марсель) въ южной Галліи, основанная жителями іонійскаго города Фокеи, бѣжавшими отъ Кирова нашествія, превратила свою каменистую почву въ виноградные и маслич-

ные сады и вела обширную торговлю. Городъ особенно славился своимъ превосходнымъ республиканскимъ устройствомъ и домовитостью, добрыми нравами, умѣренностью и образованностью своихъ жителей. Сагунтъ въ Испаніи (основанный Закинѳомъ) былъ столько же великъ торговлею, сколько любовью къ свободѣ и патріотизмомъ, которые онъ доказалъ въ началѣ второй Пунической войны. Эти и другія греческія колоніи, какова напримѣръ Эмпорія, также въ Испаніи, служили разсадникомъ умягченныхъ нравовъ, образованія и благороднѣйшихъ формъ жизни для всего Запада.

5. Эпическая (героическая) поэзія Грековъ.

§ 60. Ея происхожденіе. Древнѣйшая поэзія, которую приписывали ѳракійскимъ пѣвцамъ, была религіозная и священная. Въ религіи корень всякой поэзіи вообще. Душа, исполненная чаяній высшаго міра и вѣчнаго божескаго могущества, неизмѣнно царящаго надъ міромъ скоротечнымъ явленій, невольно побуждается высказывать свои глубокія стремленія и чувства въ мольбахъ и хвалебныхъ пѣсняхъ богамъ. Когда въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія древнепеласгійскій бытъ съ его благочестивымъ служеніемъ физическимъ силамъ природы уступилъ героизму (богатырству) Эллиновъ и сонму боговъ олимпійскихъ, когда простая пастушеская и сельская жизнь смѣнилась другою, гдѣ жажда къ подвигамъ и военной чести окружала себя веселыми пирами и рыцарскими потѣхами, тогда отступила на второй планъ и (субъективная) религіозная поэзія жреческихъ пѣвцовъ, а мѣстое я заняла (объективная) эпическая поэзія, принадлежность вонственнаго сословія витязей, направленнаго къ дѣламъ сего міра. Тогда уже недовольно было обращаться къ богамъ съ мольбами и хваленіями; стали воспѣвать ихъ подвиги, ихъ приключенія, ихъ битвы, всю ихъ треволненную жизнь, а отъ нихъ перешли къ богатырямъ стараго времени, къ родоначальникамъ рыцарскихъ поколѣній, которыхъ жизнь и дѣйствія представлялись только отраженіемъ жизни небожителей. Въ первоначальной религіозной поэзіи пѣвецъ бралъ содержаніе своихъ пѣсенъ изъ собственной души, такъ что онѣ были изліяніемъ его религіознаго настроенія и вдохновенья; тогда какъ эпическій поэтъ обращался уже къ міру чувственныхъ явленій, почерпалъ свой сюжетъ изъ миѳовъ, сагъ

и разсказовъ героической исторіи и все отдаленное или давно минувшее старался приблизить къ читателю или слушателю, изобразить какъ можно яснѣе и нагляднѣе. Искусство эпическаго стихотворца состоитъ по этому въ томъ, чтобъ описывать лица, представляемыя ему воображеніемъ, ихъ жизнь и дѣятельность съ совершеннымъ спокойствіемъ безпристрастнаго созерцателя, никогда не мѣшая въ въ дѣло свою собственную личность, свои чувства и душевныя волненія. Богатырская эпоха каждаго поэтически одареннаго народа, способнаго ясно схватывать образы окружающей его дѣйствительности, — всегда сопровождается явленіемъ сословія рыцарскихъ пѣвцовъ, потому что стремленіе, влекущее къ великимъ подвигамъ, обыкновенно раждаетъ и славящую ихъ поэзію, какъ непосредственный отблескъ богатырской жизни. Гомерическія поэмы представляютъ многіе слѣды существованія такихъ богатырскихъ пѣсенъ въ героическую эпоху Грековъ до переселеній дорійскаго племени. Цари, князья и витязи занимались тогда музыкой и пѣніемъ; странствующіе стихотворцы, принадлежавшіе къ извѣстнымъ родамъ и обществамъ, среди которыхъ процвѣтала техническая часть пѣснопѣнія, музыка и ритмъ, украшали праздники царей и вельможъ игрой на киѳарѣ и пѣснями, пользуясь за то великимъ почетомъ, какъ любимцы и служители Музъ; быть прославлену въ пѣснѣ считалось у богатырей завиднымъ удѣломъ.

§ 61. Гомеръ. При переселеніи въ Малую Азію, греческіе колонисты принесли туда съ собою изъ первобытнаго отечества сѣмяна эпической поэзіи, и въ этой прекрасной странѣ, съ дивнымъ климатомъ, съ синимъ, лучезарнымъ небомъ, среди довольнаго и зажиточнаго населенія, она достигла такого развитія и совершенства, какихъ никогда уже не достигала потомъ. Высшая ступень этого развитія обозначается именемъ Гомера (ок. 950), по преданію — слѣпаго пѣвца, котораго жизнь до того покрыта неизвѣстностью, что еще въ древности семь разныхъ городовъ спорили о чести быть его родиной. Гомеровскія пѣсни почерпали свой матеріалъ изъ круга сказаній о битвахъ подъ Иліономъ и о судьбѣ и приключеніяхъ героевъ на возвратномъ пути ихъ на родину. Двѣ великія эпопеи приписываются обыкновенно Гомеру, Иліада и Одиссея. Въ первой изображается гнѣвъ Ахилла и борьба Ахеянъ съ Троянцами подъ Иліономъ въ теченіе 51 или 53 дней послѣдняго года войны до самаго погребенія Гектора, въ послѣдней — судьба и приключенія

Одиссея и его спутниковъ во время ихъ десятилѣтнихъ странствованій и вмѣстѣ съ тѣмъ наглые поступки жениховъ, сватавшихся къ супругѣ Одиссея при царскомъ дворѣ на островѣ Итакѣ. Что поэмы эти сочинены въ Іоніи, гдѣ возникло и содержаніе ихъ и самый размѣръ стиха (дактилическій гексаметръ), и что родиною Гомера были или Хіосъ, или, еще вѣроятнѣе, — Смирна, въ этомъ мнѣнія довольно сходны между собою; гораздо болѣе разногласія насчетъ того, какъ именно произошли, сохранились и передавались обѣ эпопеи, такъ какъ въ то время письменное искусство еще не было извѣстно въ Греціи и слѣдовательно записать ихъ можно было уже только позже. Одни никакъ не хотятъ признать Гомеровскихъ пѣснопѣній за созданіе одного геніальнаго поэта, а видятъ въ нихъ собранныя и сложенныя лишь въ послѣдствіи произведенія цѣлой школы іонійскихъ пѣвцовъ, которыя въ теченіе столѣтій передавались изустно, затверживались по частямъ и читались на память странствующими пѣвцами (рапсодами), до тѣхъ поръ, пока наконецъ Писистратъ не собралъ ихъ и не велѣлъ записать со словъ рапсодовъ; другіе, напротивъ, отнюдь не могутъ помириться съ мыслію, чтобъ поэма, носящая на себѣ характеръ такого единства и однородности, была произведеніемъ многихъ стихотворцевъ, и потому или держатся крѣпко стараго убѣжденія, что Гомеръ былъ творцомъ обѣихъ эпопей въ пынѣшнемъ ихъ видѣ, или принимаютъ, что сочиненныя первоначально однимъ этимъ поэтомъ, онѣ для приспособленія къ изустному чтенію были раздѣлены и отчасти дополнены позднѣйшими пѣвцами, и потомъ снова совокуплены Писистратомъ въ одно цѣлое. — Какъ бы то ни было, Гомеровскія пѣсни имѣли великое вліяніе не только на ходъ одной греческой образованности, но и на художественное развитіе всей Европы. Онѣ сдѣлались неисчерпаемымъ родникомъ искусства и поэзіи; записанныя, онѣ вытверживались на память смѣнявшими другъ друга молодыми поколѣніями и служили средствомъ для возбужденія національныхъ стремленій, любви къ родинѣ, религіозности и чувства красоты; для Грека были они зеркаломъ всѣхъ племенныхъ его особенностей, — его героизма и вмѣстѣ его хитрости и лукавства. Потомство славило въ нихъ первый возвышенный отзвукъ европейскаго духа; оно удивлялось въ нихъ наглядности и живой истинѣ, стройной соразмѣрности ихъ свѣтлаго взгляда на жизнь, великому художественному смыслу и ясному пониманію, соединенными съ такою

дѣтскою простотой и съ такимъ богатствомъ фантазіи; оно приходило въ восторгъ передъ этимъ гармоническимъ сочетаніемъ природы и искусства. Созданія Гомера отличаются всею первобытностію народной поэзіи, всею свѣжестью природы, которой простымъ языкомъ они говорятъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ они являются образцомъ истинно-художественнаго совершенства, они проникнуты такою духовною и нравственною высотой, которая возноситъ васъ надъ областью всѣхъ чувственныхъ пожеланій. — Извѣстная подъ именемъ Ватрахоміомахіи («Войны мышей съ лягушками») пародія Иліады, комическая эпопея, въ которой битвы мышей съ лягушками представлены въ томъ же видѣ, какъ у Гомера бранные подвиги ахейскихъ и троянскихъ героевъ, возникла вѣроятно лѣтъ за пятьсотъ до Р. Х. также въ Іоніи. Приписываемые Гомеру гимны равномѣрно принадлежатъ позднѣйшимъ стихотворцамъ, извѣстнымъ подъ именемъ Гомеридовъ. Обширнѣйшіе изъ этихъ гимновъ заключаютъ въ себѣ эпическіе разсказы о событіяхъ изъ миѳическаго цикла различныхъ божествъ, вмѣстѣ съ характеристикою послѣднихъ; меньшіе гимны были конечно только вводными пѣснями (проэміями), которыя рапсоды пѣли съ музыкальнымъ аккомпаниментомъ, прежде чѣмъ приступить къ чтенію пѣсней героическаго эпоса, чтобы этими прелюдіями заранѣе настроить вниманіе слушателей.

Вѣра въ единство обѣихъ великихъ эпопей впервые поколеблена остроумнымъ филологомъ Фр. А. Вольфомъ, который полагалъ, что Гомеровскія пѣснопѣнія принадлежатъ не одному и тому же стихотворцу, а вышли изъ школы іонійскихъ пѣвцовъ, которой глава и величайшій геній, Гомеръ, подобно какому-нибудь миѳическому герою, поглотилъ своимъ именемъ имена всѣхъ пѣвцовъ школы, такъ что изъ собственнаго оно сдѣлалось нарицательнымъ для всѣхъ тѣхъ стихотворцевъ, которые связывали отдѣльныя саги и пѣсни въ одно цѣлое, и слѣдовательно вообще означаетъ не болѣе какъ «мастера подбирать и составлять». Такъ отдѣльныя пѣсни, почерпнутыя изъ одного и того же цикла сагъ и сочиняемыя въ одномъ и томъ же духѣ поэтами одинаковаго образованія, служили одна другой продолженіемъ и дополненіемъ, и только уже въ эпоху Писистрата были соединены въ двѣ большія эпопеи и еще въ позднѣйшее время посредствомъ разныхъ вставокъ и урѣзокъ приведены въ тотъ видъ, какой имѣютъ теперь. Этотъ взглядъ надѣлалъ много шуму и нашелъ себѣ многихъ послѣдователей, но не мало и противниковъ. Послѣдніе

особенно опирались на единство и однообразіе плана, языка, стихосложенія и тона; они или прямо оспоривали то положеніе, что письмо не было употребительно въ эпоху Гомера, которую они старались пріурочить къ возможно позднѣйшему времени, или, хотя и допуская изустную передачу, старались сдѣлать вѣроятнымъ, что послѣдняя, по самому свойству Гомеровскихъ созданій, не представляетъ ничего невозможнаго для юношескихъ силъ свѣжаго народа. Средину между этими двумя взглядами занимаетъ третій (принадлежащій недавно умершему Ницшу): онъ признаетъ Гомера дѣйствительнымъ творцомъ обоихъ эпосовъ по заранѣе обдуманному плану; только въ Одиссеѣ, которая представляетъ будто бы болѣе художественнаго единства и правильности и, по всему изображенному въ ней быту, должна быть цѣлымъ поколѣніемъ моложе Иліады, видитъ онъ одно цѣльное произведеніе съ мелкими и маловажными только вставками (интерполаціями), а напротивъ въ основаніи Иліады, носящей будто бы многочисленнѣйшіе и явнѣйшіе слѣды менѣе стройнаго сочетанія, открываетъ собраніе древнѣйшихъ разсказовъ, связанныхъ и переработанныхъ въ одно цѣлое Гомеромъ. По мнѣнію приверженцевъ этого взгляда, трудъ Гомера былъ потомъ снова разнятъ на части и распространенъ рапсодами для чтенія при великихъ народныхъ и религіозныхъ празднествахъ; эти-то разрозненныя и распространенныя части и были наконецъ собраны, записаны и вторично совокуплены вмѣстѣ стараніями Писистрата. Нынѣшній же видъ свой получили Гомеровскія поэмы только уже въ александрійскій періодъ, особенно благодаря трудамъ умнаго и дѣльнаго критика Аристарха.

Вотъ вкратцѣ содержаніе поэмъ. Иліада начинается гнѣвомъ Ахилла. Девять лѣтъ прошло среди битвъ и хищническихъ набѣговъ и насталъ роковой десятый годъ, годъ окончательнаго рѣшенія, какъ вдругъ ссора Агамемнона съ Ахилломъ за обладаніе прекрасною Брисеидой даетъ новый оборотъ ходу дѣлъ. Оскорбленный въ чувствѣ чести и въ любви своей, гнѣвный Ахиллъ остается при своихъ корабляхъ у морскаго берега и не выходитъ болѣе на битву. Со слезами жалуется онъ за претерпѣнную обиду матери, а та молитъ небеснаго царя, да пошлетъ онъ побѣду Троянамъ, пока Ахейцы не воздадутъ чести ея сыну, и Зевсъ въ знакъ согласія киваетъ головой, — киваетъ такъ, что разсыпались его душистыя кудри и выси Олимпа дрогнули и потряслись. Трояне, предводимые блистающимъ Гекторомъ, вскорѣ одерживаютъ верхъ надъ врагами; они не только

противустоятъ Ахейцамъ въ открытомъ полѣ, они оттѣсняютъ ихъ даже въ корабельный станъ, укрѣпленный рвомъ и валомъ. Грозя гибелью, стоитъ Гекторъ у самаго рва и жаждетъ одолѣть послѣдній оплотъ непріятеля. Напрасно Агамемнонъ протягиваетъ теперь руку примиренія гнѣвному Пелиду; онъ готовъ отдать ему Бризеиду, съ семью Лезбіянками и разными драгоцѣнностями въ придачу. Ахиллъ остается непоколебимъ: «Предлагай онъ мнѣ хоть всѣ сокровища, сложенныя въ богатомъ Орхоменѣ или въ Θивахъ египетскихъ, я и тогда не измѣню намѣренія, пока онъ вполнѣ не изгладитъ моего позора» — отвѣчаетъ онъ посланнымъ. Все грознѣе становится напоръ враговъ; какъ ни храбро защищаютъ Ахейцы укрѣпленіе, Гекторъ наконецъ сокрушаетъ ворота огромною каменною глыбой; какъ срубленныя ясени валятся Ахейцы подъ ударами Троянъ. Уже стоитъ въ огнѣ корабль Протезилая и грозитъ всему флоту истребленіемъ; смятеніе и шумъ наполняютъ цѣлый станъ. Тогда Патроклъ спѣшитъ къ Ахиллу. «Тебя, говоритъ онъ ему, родили на свѣтъ не Пелей и Θетида, тебя произвела мрачная пучина и скалы надводныя: сердце у тебя безчувственно, какъ камень». Со слезами проситъ онъ у Ахилла позволенія взять его броню и выйдти съ нею на бой во главѣ Мирмидоновъ, чтобы Трояне, принявъ его за самого Пелида, на дерзали болѣе напирать на корабли. Ахиллъ соглашается, но съ тѣмъ, чтобы Патроклъ только прогналъ врага за крѣпостной ровъ, и потомъ немедленно воротился. Въ пылу битвы, Патроклъ преслѣдуетъ бѣгущихъ Троянъ до самыхъ городскихъ стѣнъ и производитъ страшное опустошеніе; но обезоруженный и отуманенный Аполлономъ, пронзенный копьемъ Гектора, онъ падаетъ въ прахъ. Только съ трудомъ спасаютъ его трупъ и приносятъ въ станъ Ахейцевъ; оружіе и броня его стали добычей побѣдителя. Безконечна скорбь друга о павшемъ товарищѣ, кроткомъ, миломъ сердцу героѣ, онъ желаетъ почить рядомъ съ нимъ въ тихомъ могильномъ курганѣ. Со страхомъ слышитъ Θетида въ глубинѣ морской скорбный вопль дорогаго сына и спѣшитъ съ своими сестрами къ троянскому берегу. «Не совершалъ ли для тебя Зевсъ всего, о чемъ ты ни молилъ его?» говоритъ она плачущему. А онъ въ отвѣтъ, что и жизнь ему не мила до тѣхъ поръ, пока Гекторъ не падетъ передъ нимъ въ прахъ, пронзенный его копьемъ тяжелымъ. Одна дума его мщеніе. Пока мать спѣшитъ къ Гефесту, чтобъ получить отъ него для сына новое оружіе, битва опять приближается къ кораблямъ. Тогда Ахиллъ

крикнулъ три раза черезъ ровъ своимъ зычнымъ голосомъ, и испуганные враги тотчасъ обратились въ бѣгство. Вопреки совѣту Полидама, Трояне, по призыву Гектора, проводятъ ночь у сторожевыхъ огней въ открытомъ полѣ. На разсвѣтѣ, Ахиллъ, въ новомъ вооруженіи и со щитомъ многохитрой работы, устремляется на ихъ станъ, размахивая тяжелымъ копьемъ изъ крѣпкой ясени. Страшно свирѣпствуетъ губитель среди троянскихъ полковъ: онъ наполняетъ трупами рѣку Скамандръ, такъ что волны насытились кровью и побагровѣли. При видѣ такой бѣды, Пріамъ велитъ стражѣ отворить ворота бѣгущимъ, но не выпускать створовъ изъ рукъ, чтобъ не ворвался въ городъ сынъ Пелеевъ. Одинъ Гекторъ остается за воротами, не внимая ни просьбамъ, ни знакамъ молящихъ родителей, которые смотрятъ на него съ верху башни. Однакожь, когда явился Ахиллъ съ страшнымъ ясеневымъ копьемъ на могучемъ плечѣ, сердце дрогнуло у Гектора и въ страхѣ онъ три раза обѣжалъ городскую стѣну. Жаль стало Зевсу преслѣдуемаго витязя: Гекторъ всегда чествовалъ его жертвоприношеніями и мольбами. Онъ взвѣсилъ жребій обоихъ на золотыхъ вѣсахъ судьбы, но чаша Гектора преклонилась. Наконецъ настигъ его Ахиллъ, пронзилъ копьемъ насквозь, привязалъ ногами къ колесницѣ, такъ что прекрасная голова его влачилась въ пыли, и погналъ коней къ кораблямъ среди жалобныхъ воплей со стѣны города. Тѣло Гектора должно было истлѣть непогребенное, тогда какъ Патроклу устроили великолѣпные похороны и при этомъ двѣнадцать плѣнныхъ Троянъ сожжено на томъ же кострѣ за упокой павшаго героя. Еще разъ вымещаетъ Ахиллъ свой гнѣвъ на бездыханномъ Гекторѣ; онъ трижды проволочилъ его трупъ вокругъ могилы товарища. Наконецъ-то небожители влили жалость въ его сердце. Когда Пріамъ явился въ шатеръ къ Ахиллу съ богатыми подарками, и обнимая его колѣна, напомнилъ, что и у него вдали есть старикъ-отецъ, тоска и скорбь овладѣли душой витязя. Слезы и глубокая грусть о жребіи всего земнаго облегчили бремя, которое дотолѣ давило ему грудь. Онъ отдаетъ маститому отцу для преданія землѣ тѣло сына, которое силы небесныя предохраняли до тѣхъ поръ отъ тлѣнія. Десять дней оплакивали Трояне своего героя въ жалобныхъ пѣсняхъ, потомъ сожгли его, собрали пепелъ въ урну и опустили ее въ могильный ровъ. — Содержаніе Одиссеи составляютъ судьбы, страданія и бѣдствія, испытанныя Одиссеемъ на возвратномъ пути его по страшному безвѣстностью, а

потому и полному чудищъ западному морю, и одновременныя съ тѣмъ событія на родномъ его островѣ Итакѣ, гдѣ продолжительное отсутствіе героя породило увѣренность въ его смерти и привлекло съ самой Итаки и съ сосѣднихъ острововъ толпу молодыхъ людей, искавшихъ руки степенной и благонравной Пенелопы, которая подъ разными хитрыми предлогами отлагала свое рѣшеніе годъ за годъ, отнюдь не желая вступить въ неровный бракъ. Одиссей разсказываетъ самъ, какъ бурями загнало его въ страну Циклоповъ (Киклоповъ), гдѣ сынъ Посейдона, одноглазый Полифемъ, пожираетъ шестерыхъ его спутниковъ, и самъ онъ съ остальными только хитростью успѣваетъ спастись изъ пещеры великана, выколовъ ему напередъ единственный глазъ. За это преслѣдуетъ его гнѣвъ Посейдона; но съ помощію бога вѣтровъ Эола, который вручилъ ему неблагопріятные вѣтры, крѣпко завязанные въ мѣхъ, доходитъ онъ почти до самой Итаки. Тутъ его спутники изъ любопытства развязываютъ мѣхъ — и вотъ корабли снова относитъ далеко на западъ къ людоѣдамъ Лестригонамъ. Одиссей спасается на островъ волшебницы Цирцеи (Кирке), гдѣ остается онъ цѣлый годъ, и спускается въ преисподнюю, спросить ясновидца Тирезія о своемъ возвратѣ. Тотъ возвѣщаетъ ему, что для этого особенно должно щадить быковъ и овецъ Геліоса на островѣ Трехконечномъ (Сициліи). Хитрость благополучно проводитъ его мимо острова Сиренъ (§ 9), для чего онъ приказываетъ своимъ спутникамъ залѣпить уши воскомъ, а себя накрѣпко привязать къ мачтѣ корабля. Ему удается пройдти и опасный проливъ, гдѣ съ одной стороны грозитъ Скилла, съ другой Харибда, — два ненасытныя чудища, которыя похищаютъ у него еще шестерыхъ спутниковъ, но товарищи вынуждаютъ его пристать къ Трехконечному острову и убиваютъ тамъ быковъ Геліоса, за что ударомъ молніи разбиваетъ корабль и всѣ нечестивцы погибаютъ въ морѣ. Только Одиссей спасается на обломкахъ къ нимфѣ Калипсо на островъ Огигію; она влюбляется въ него и обѣщаетъ ему безсмертіе, если онъ ее не покинетъ. Но онъ не въ силахъ одолѣть привязанность къ родинѣ и къ своимъ близкимъ. Сидя на берегу, смотритъ онъ въ даль на море и молитъ со слезами, чтобъ ему увидѣть хоть дымокъ, вьющійся надъ родной Итакой. Семь лѣтъ проводитъ онъ на островѣ; Калипсо вынуждена отпустить его по волѣ Зевса; онъ строитъ себѣ плотъ и плыветъ на немъ; черезъ осьмнадцать дней замѣчаетъ это Посейдонъ, плотъ по его велѣнію разрушенъ волнами, а нагаго

Одиссея выбрасываетъ на берегъ къ Феакамъ (на островъ Керкиру), гдѣ счастливый, богатый народъ постоянно ликуетъ среди пировъ, музыки и пляски. Царская дочь первая замѣчаетъ Одиссея, ведетъ его въ чертогъ къ отцу, и герой встрѣчаетъ тамъ радушное гостепріимство; среди праздничной трапезы, когда пѣвецъ заводитъ рѣчь о деревянномъ конѣ и паденіи Трои, растроганный Одиссей обличаетъ себя своимъ волненіемъ; ему даютъ быстроходный корабль, который въ темную ночь доноситъ его до Итаки; послѣ двадцатилѣтней разлуки является онъ сюда подъ видомъ нищаго; переговоривъ съ сыномъ своимъ Телемахомъ въ домѣ «божественнаго свинопаса» Эвмея, онъ освобождаетъ свой дворецъ отъ наглыхъ жениховъ, которые за безпрерывными пирами проживали Одиссеево добро, переводили стада его, строили козни Телемаху и по ночамъ распутничали съ прислужницами. Пенелопа, чтобъ положить конецъ ихъ сватовству, предложила имъ состязаться въ стрѣльбѣ изъ лука, обѣщая побѣдителю свою руку; нищій принимаетъ участіе въ состязаніи, беретъ лукъ, который натянуть ему одному подъ силу, попадаетъ въ цѣль, а потомъ съ помощью сына и двухъ старыхъ вѣрныхъ пастуховъ, умерщвляетъ нечестивыхъ соперниковъ. Узнанный по одной вѣрной примѣтѣ женою, онъ прожилъ съ нею еще много лѣтъ въ любви и совѣтѣ.

§ 62. Циклики. Гезіодъ. Иліада и Одиссея имѣли для всей Греціи такой высокій интересъ, что невольно должны были породить мысль и желаніе увидѣть въ такой же поэтической обработкѣ и дальнѣйшій исходъ многовоспѣтой брани, а отсюда естественно пробудилась потребность узнать также источникъ и начало геройской борьбы подъ Троею. Такъ возникли мало-по-малу разныя эпическія созданія, которыя, находясь по формѣ и содержанію въ прямомъ соотношеніи съ Иліадой и Одиссеей, излагали прочіе разсказы цикла сагъ о Троянской войнѣ въ томъ же тонѣ, тѣмъ же языкомъ, одинаковымъ размѣромъ стиха, съ тѣми же пріемами и часто съ буквальнымъ повтореніемъ тѣхъ же самыхъ словъ и выраженій. Піесы эти по большей части такъ точно держались своихъ великихъ образцовъ, что позднѣйшія поколѣнія приписывали ихъ самому Гомеру въ то время, когда это имя сдѣлалось уже собирательнымъ понятіемъ, представителемъ эпической поэзіи вообще. Эта фикція, или условный вымыселъ, представлялись тѣмъ болѣе вѣроятными, что сочинители піесъ были обыкновенно тѣ же рапсоды

и потому нерѣдко позднѣйшія произведенія читали подъ рядъ съ настоящими. Такимъ-то образомъ циклъ троянскихъ сказаній расширялся и назадъ и впередъ, дополняясь въ обѣ стороны трудами стихотворцевъ, которые хотя и примыкали къ Гомеру, вырабатывая далѣе всѣ его намеки и указанія и составляли около него какъ бы родственный кругъ, или циклъ (отчего и называются они цикликами), однакожь отставали отъ своего образца на безмѣрное разстояніе, какъ это видно изъ немногихъ дошедшихъ до насъ отрывковъ и свидѣтельствъ. Къ такого рода поэмамъ принадлежали «Эѳіопида» и «Разрушеніе Иліона», сочиненія милетскаго стихотворца Арктина, и потомъ «Кипріи» Стасина кипрскаго, — эпопея, излагавшая причины Троянской войны и ходъ ея въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ до начала Иліады. Точно такъ же и ходившіе въ народѣ саги о возвратѣ героевъ подвергались поэтической обработкѣ въ такъ-называемыхъ «Ностахъ», которыя, примыкая къ Одиссеѣ, особенно распространялись о судьбѣ Атридовъ, прибѣгая для развитія дальнѣйшихъ ея подробностей къ разсѣяннымъ въ греческихъ колоніяхъ отдѣльнымъ сагамъ. А когда истощился циклъ сагъ предгомеровской и погомеровской эпохи, тогда эпическіе стихотворцы взялись за другіе сюжеты изъ народнаго преданія, напримѣръ за ѳиванскіе и геракловскіе миѳы, чтобы представить ихъ по образцу Гомера въ той же формѣ и въ стихотворномъ размѣрѣ (гексаметрѣ), который употреблялся съ тѣхъ поръ для всѣхъ эпическихъ произведеній; разница, кромѣ степени поэтическаго таланта, заключалась особенно въ томъ, что у нихъ явно преобладала фатическая, историческая сторона разсказа. Напротивъ, въ самой Греціи возникла вскорѣ потомъ (поучительная) дидактическая поэзія, подходившая формою къ эпосу, но имѣвшая цѣлію распространеніе религіозныхъ и практическихъ ученій. Основателемъ этой отрасли стихотворства должно признать Гезіода (ок. 850). — Гезіодъ, изъ Аскры, у подошвы Геликона, жившій столѣтіемъ позже Гомера, былъ, подобно ему, главою цѣлой школы пѣвцовъ въ Беотіи; поэтому и приписываемыя ему стихотворенія едва ли можно считать за произведенія одного и того же лица. Онъ представляетъ переходную ступень отъ богатырскаго героическаго періода къ эпохѣ развивающагося гражданства: именно этого рода бытъ проявляется въ обоихъ главныхъ его произведеніяхъ. Ѳеогонія, поучительный эпосъ о началѣ міра и происхожденіи боговъ, принадлежитъ еще къ героическому

періоду, тогда какъ дидактическая поэма «Труды и дни» (родъ древнѣйшаго поэтическаго «Домостроя») отличается уже гражданственнымъ характеромъ. Сухое, назидательное содержаніе и спокойный тонъ Гезіодовскихъ стихотвореній такъ же далеки отъ пыла и фантазіи Гомеровскихъ эпопей, какъ пасмурное, смутное міросозерцаніе беотійскаго поэта далеко отъ ясной, жизненной свѣжести великаго іонійскаго пѣвца. Здѣсь видимъ мы лучшее доказательство тому, что на долю эолійскихъ Беотійцевъ не выпало того могучаго процвѣтанія, того избытка, тѣхъ свѣтлыхъ земныхъ благъ, какія достались въ удѣлъ ихъ азіятскимъ родичамъ, что, далеко отъ этого, они вынуждены были противопоставить напряженный трудъ житейскимъ тягостямъ, съ которыми приходилось имъ бороться, и что они не достигли того политическаго устройства, которое бы можно было назвать удовлетворительнымъ.

Θеогонія есть собственно попытка совокупить въ одну общую картину отдѣльные миѳы божествъ, сохраненные преданіемъ, и изложить всю систему этихъ божествъ во взаимной связи, опредѣляемой ихъ родовымъ происхожденіемъ. Древнія (пеласгійскія) природныя божества являются здѣсь олицетворенными и очеловѣченными, и такъ какъ поэтъ сопоставляетъ въ одинъ рядъ разнообразнѣйшіе миѳы изъ пестраго запаса народной символики и аллегоріи, то напрасно было бы искать здѣсь какого-нибудь эпическаго единства, хотя битва Титановъ (которая, подобно многимъ другимъ мѣстамъ поэмы, можетъ-быть вошла въ нее уже только въ послѣдствіи) и представляетъ повидимому нѣкотораго рода средоточіе. «Труды и дни» распадаются на нѣсколько разнородныхъ частей: первая вообще поощряетъ къ дѣятельной и правомѣрной жизни; вторая преподаетъ хозяйственныя наставленія, а въ пятидесяти послѣднихъ стихахъ изложены суевѣрныя ученія о легкихъ и тяжелыхъ дняхъ, при чемъ часто преобладаетъ мрачный и грустный взглядъ на жизнь человѣка. Въ этой поэмѣ обнаруживается честный, прямодушный, дѣльный, но вмѣстѣ и ограниченный образъ мыслей. Настоящій кладъ для смышленаго земледѣльца и мелкаго горожанина, она заключаетъ въ себѣ много наставленій и правилъ по части сельскаго хозяйства, мореплаванія, относительно домашняго и гражданскаго быта вообще, — правилъ, повѣренныхъ собственнымъ опытомъ поэта, который вслѣдствіе того и выступаетъ впередъ отъ своего лица, нарушая этимъ ту чистую объективность представленія, кото-

рая такъ очаровательна у Гомера. Подобная «Θеогоніи» поэма Гезіода, называвшаяся по своимъ начальнымъ словамъ Эойе (ἢ οἵη, «или такія») и воспѣвавшая героинь, родоначальницъ героевъ древняго эллинскаго міра, утратилась, за исключеніемъ немногихъ отрывковъ, вся. Дошедшую до насъ описательную піесу: Щитъ Геракла, подраженіе Гомерову описанію щита Ахиллова, многіе признаютъ за составную часть утраченной поэмы «Эойе».

6. Эллинскій бытъ.

§ 63. Греція никогда не составляла одного цѣльнаго государства, но распадалась на множество независимыхъ областей и городскихъ общинъ, изъ которыхъ могущественнѣйшая имѣла по временамъ преобладающее надъ другими вліяніе, первенство, или такъ-называемую гегемонію. Таковы были, каждая въ свою очередь, Спарта, Аѳины, Ѳивы. Но языкъ, нравы и религіозныя учрежденія связывали различныя племена въ одинъ народъ, который, въ противоположность прочимъ народамъ, слившимъ у него подъ общимъ именемъ варваровъ, называлъ себя эллинскимъ. Необыкновенная способность къ образованію возвысила Грековъ, и особенно іонійское племя, на такую степень культуры, какая съ той поры не видана болѣе въ исторіи. Любовь къ свободѣ и мужественная, энергическая дѣятельность вела ихъ къ учрежденію многихъ независимыхъ республиканскихъ общинъ, къ которымъ сначала пылали они патріотическимъ одушевленіемъ и которыя готовы были защищать до послѣдней капли крови, пока духъ крамолъ и междоусобій не подавилъ въ нихъ благороднѣйшихъ гражданскихъ чувствъ. Трудолюбіе и досужество порождали у нихъ всеобщее благосостояніе, а прекрасный край, чистое небо и здоровый, благодатный климатъ поддерживали довольство жизнію и бодрую веселость. Къ тому же, господствовавшая простота быта ограничивала потребности; довольство тѣмъ, что̀ безъ большихъ усилій доставлялось плодоносною почвой и благопріятнымъ мѣстоположеніемъ страны, прогоняло заботы и печали житейскія и дозволяло каждому то духовное наслажденіе, котораго источникомъ поэзія, искусство и наука.

Такому богато-одаренному народу, отличавшемуся притомъ наружною красотой и стройнымъ тѣлосложеніемъ, всѣ иноземцы естественно должны были казаться грубыми и варварами. Греки никогда не допускали не-эллинскихъ стихій до равноправнаго участія въ своей внутренней политической жизни, и оттого постоянно сохраняли свою національную силу и особенность.

§ 64. Общія всѣмъ эллинскимъ племенамъ учрежденія и уставы находились въ связи съ ихъ религіей. Сюда принадлежалъ во-первыхъ соединенный съ дельфійскимъ храмомъ союзъ амфиктіоновъ, или храмовой союзный судъ, въ который двѣнадцатъ греческихъ государствъ посылали своихъ выборныхъ и который имѣлъ цѣлію охранять народную святыню въ Дельфахъ и противодѣйствовать опустошительнымъ войнамъ между родными эллинскими племенами; сюда же относился потомъ дельфійскій оракулъ, который мало-помалу затмилъ и вытѣснилъ собою другія подобныя учрежденія. Третьей связью, соединявшей всѣ греческія державы и племена, были великіе національные праздники, сопровождаемые жертвоприношеніями, гимнастическими играми и состязаніями въ дѣлѣ музъ, которые совершались въ извѣстные торжественные дни въ честь Зевса, Аполлона, Посейдона на Олимпійской равнинѣ, въ святилищѣ Аполлона Пиѳійскаго, въ Немеѣ и на Истмѣ, или перешейкѣ Коринѳскомъ. Древнѣйшими и знаменитѣйшими изъ этихъ празднествъ были олимпійскія, которыя (съ 776) торжествовались каждые четыре года въ одной равнинѣ на берегу Алфея, въ Элидѣ; съ наступленіемъ ихъ во весь священный мѣсяцъ (лѣтнею порой) господствовалъ всеобщій миръ въ цѣлой Греціи. Они преимущественно состояли изъ бѣга въ запуски, кулачнаго боя, борьбы, бросанія диска [1] и копья, гонки на колесницахъ, и масличный вѣнокъ, вручаемый побѣдителю, считался завидною почестью, которая проливала славу не только на получившаго вѣнокъ, но и на все его племя, даже на мѣсто его

[1] Плоскій цилиндръ, обыкновенно менѣе полуаршина въ поперечникѣ, большею частію каменный, иногда мѣдный или желѣзный; онъ былъ толще въ серединѣ и нѣсколько тонѣе къ краямъ; его бросали и вверхъ, и въ сторону.

родины. При этихъ національныхъ празднествахъ оглашались также произведенія художниковъ, поэтовъ и писателей. До насъ дошло очень распространенное въ древности сказаніе о томъ, что будто отецъ исторіи, Геродотъ, читалъ нѣкоторыя части своего творенія всенародно при одномъ великомъ жертвенномъ торжествѣ и тѣмъ самымъ заронилъ сѣмя соревнованія въ душу величайшаго изъ всѣхъ историковъ, Ѳукидида. Храмъ Зевса Олимпійскаго съ сидячею колоссальною статуей этого царя боговъ, работы Фидія, принадлежали къ изящнѣйшимъ созданіямъ греческаго искусства. Великій лирическій стихотворецъ Пиндаръ (ок. 500), родомъ изъ Ѳивъ, прославлялъ своими безсмертными одами побѣдителей на олимпійскихъ играхъ (§ 75). — Религія, эта питательница всѣхъ высшихъ побужденій въ человѣкѣ, содѣйствовала съ своей стороны развитію чувства гуманности и смягчала еще разными другими священными учрежденіями и правилами строгость того юридическаго понятія у Грековъ, по которому только гражданинъ даннаго государства пользовался покровительствомъ его законовъ, и вѣчное изгнаніе изъ отечества почиталось равнозначительнымъ смертной казни. Такъ, священный союзъ гостепріимства связывалъ между собою и цѣлыя государства, и роды, и отдѣльныя личности; такъ, чувство благочестивой боязни охраняло прибѣжника (просящаго убѣжища пришельца), если на немъ лежала вина какого-нибудь роковаго кровопролитія; такъ, глашатай или герольдъ считался неприкосновеннымъ и уважался въ своемъ достоинствѣ даже среди самыхъ жаркихъ битвъ; такъ, ограничивалась священными установленіями необузданная сила кровной мести. Изъ этихъ-то и другихъ въ томъ же родѣ учрежденій и правилъ, опиравшихся на нравы, обычаи и преданія, и состоявшихъ подъ щитомъ національной вѣры, развилось современемъ международное право Эллиновъ.

Мѣстность, гдѣ праздновались олимпійскія игры, была ровная долина съ священною рощей Альтидой. Стадій, отмѣренный по преданію стопой самого Геракла и простиравшійся на 600 футовъ (пяденей) въ длину, служилъ поприщемъ для бѣга въ перегонку, а гипподромъ — для ристанія четвероконныхъ колесницъ. Это новое дополненіе олимпійскихъ игръ возводили въ послѣдствіи ко време-

намъ Пелопса. Элида почиталась священною страной, которой жители пользовались жреческими правами и были избавлены отъ всѣхъ тягостей войны (срв. § 51, 3), прекращавшейся впрочемъ на время игръ и между всѣми другими Эллинами. Начало олимпійскихъ празднествъ теряется въ глубокой древности. Ограниченный сначала окрестностію Пизы на Алфеѣ, жертвенный и праздничный союзъ распространенъ былъ потомъ по договору Ликурга съ Ифитомъ Элидскимъ на Лакедемонцевъ, а съ теченіемъ времени приступили къ нему и всѣ остальныя племена и государства греческія. Съ побѣды Корева въ 776 до Р. Х. начали постоянно отмѣчать имена побѣдителей; вотъ отчего, когда около 300 предъ Р. Х. повели счетъ годовъ по олимпіадамъ, именно 776 годъ былъ принятъ за исходную точку этого лѣтосчисленія. — Дельфы были жреческимъ государствомъ въ родѣ тѣхъ, какія мы видѣли на Востокѣ. Пять выборныхъ верховныхъ жрецовъ, принадлежавшихъ къ стариннымъ знатнымъ родамъ по происхожденію, руководили богослужебными обрядами, а всѣ прочія дѣла вѣдались извѣстнымъ числомъ храмослужителей. Храмъ владѣлъ обширнымъ участкомъ земли, который воздѣлывался оброчниками и рабами; обѣтные дары и жертвенныя приношенія доставляли ему богатые доходы, а стеченіе народа толпами сдѣлало Дельфы средоточіемъ обширнаго оборота и очень многолюднымъ торжищемъ. Что жь удивительнаго, если жрецы стали наконецъ кичливы и невоздержны? Большой храмъ съ сѣдалищемъ оракула стоялъ во дворѣ, обнесенномъ оградой, а внутри и вокругъ него устроено было нѣсколько малыхъ капищъ и сокровищницы разныхъ греческихъ государствъ съ обѣтными дарами и множествомъ изваяній. Въ самой глубинѣ храма блистала золотая статуя Аполлона; позади ея въ небольшомъ углубленіи была пещера, или подземное жерло, откуда выходилъ какой-то холодный газъ, навѣвавшій особенное одушевленіе. Аполлоновъ оракулъ въ Дельфахъ, руководившій Грековъ своими прорицаніями и совѣтами во всѣхъ предпріятіяхъ, былъ для нихъ проявленіемъ священной власти божества, орудіемъ той жреческой ѳеократіи, которая имѣла сильное вліяніе на развитіе народной жизни Эллиновъ. Она укрощала дикіе порывы силою человѣчности, обуздывая самоуправство, кровомщеніе и другія грубыя черты нравовъ, споспѣшествуя земледѣлію и мирнымъ искусствамъ вообще, прекращая междоусобія, предписывая учрежденіе колоній и связывая всѣ стороны общественнаго быта узами

религіи и нравственности. — Дельфійская амфиктіонія была, только въ обширнѣйшемъ размѣрѣ, такимъ же союзомъ городовъ или государствъ, какихъ въ Греціи существовало много и которые обыкновенно состояли изъ двѣнадцати городскихъ территорій: напримѣръ союзы іонійскій, ахейскій и друг. Часто, при подобныхъ союзахъ, главою или гегемономъ бывалъ одинъ изъ членовъ, могущественнѣе остальныхъ, и ему поручалось распоряженіе общественными дѣлами, равно какъ и предводительство въ войнѣ; однакожь отношеніе это было большею частію насильственное. Дельфійская амфиктіонія собиралась ежегодно два раза, весною — въ Дельфахъ, и осенью — въ Θермопилахъ. Настоящая цѣль союза видна изъ клятвеннаго обѣщанія у Эсхина: «никогда не истреблять въ конецъ ни одного изъ городовъ амфиктіонійскихъ; ни у одного изъ нихъ не отрѣзывать воды и всѣми силами защищать святилище дельфійскаго бога, къ которому тѣсно примыкалъ весь союзъ», слѣд. это былъ союзъ такъ-называемаго «божьяго мира», отстаивавшій самыя необходимыя положенія права народнаго. Ярмонки, огромное стеченіе народа и, на весеннихъ собраніяхъ, — пиѳійскія игры оживляли это народно-религіозное торжество.

§ 65. Древнѣйшія политическія формы Греціи. Сначала во всѣхъ греческихъ государствахъ правили цари съ патріархальною властію; они, какъ верховные судьи, чинили судъ, предводительствовали на войнѣ способнымъ къ оружію людомъ, и именемъ всего народа приносили жертвы и совершали торжества. Ихъ власть, которой источникъ возводили они къ божествамъ, имѣла однакожь извѣстные предѣлы, положенные правомъ и обычаемъ. Какъ самъ повелитель боговъ Зевсъ подвластенъ совѣту и волѣ рока, такъ и цари подчинены идеѣ справедливости, которая обитаетъ среди небожителей, но познаніе которой перешло на царей по прямому родству ихъ съ богами. Хотя царская власть была наслѣдственна, однакожь нѣкоторыя личныя преимущества, какъ напримѣръ тѣлесная сила, мудрость, величавый видъ, считались необходимыми принадлежностями государей, «что-ни-лучшихъ изъ всего народа». Доходъ ихъ состоялъ изъ почетныхъ даровъ и сбора съ предоставленнаго имъ участка земли; ихъ власть преимущественно заключалась въ особомъ уваженіи и почетѣ, какими они пользовались. Они стояли во главѣ знатныхъ родовъ, изъ которыхъ составлялся совѣтъ ихъ и которые, подобно царямъ, отличались какъ происхожденіемъ и богатствомъ, такъ съ другой сто-

роны, воинскимъ мужествомъ и искусствомъ въ рыцарскихъ упражненіяхъ и боевомъ дѣлѣ. Когда эта связь между царемъ и родовой знатью, основанная на преданности и глубокомъ уваженіи, мало-помалу ослабѣла, тогда сословіе передовыхъ вельможъ старалось болѣе и болѣе подрывать царскую власть и расширять на ея счетъ свое собственное могущество, пока оно укрѣпилось до того, что можно уже было приступить къ совершенному устраненію царскаго сана и основать республиканское вельможевластіе. Съ тѣхъ поръ державные роды, къ которымъ принадлежали цари, приравнялись къ военной и жреческой аристократіи, хотя и пользовались еще нѣкоторое время бо̀льшимъ почетомъ и уваженіемъ, какъ напримѣръ Кодриды и Алкмеониды въ Аѳинахъ, Вакхіады въ Коринѳѣ и т. д. Одинъ жреческій санъ оставался еще и послѣ того исключительнымъ достояніемъ извѣстныхъ фамилій, отчасти потому, что религіозный бытъ, основанный на нравахъ и исконномъ обычаѣ, по существу своему менѣе подверженъ перемѣнамъ, нежели свѣтскія учрежденія и гражданскія права; отчасти потому, что извѣстныя искусства, знанія и обязанности были особою принадлежностью того или другаго жреческаго рода. Такъ напримѣръ, аѳинскіе Эвмолпиды обладали даромъ прозрѣнія и глубокимъ знаніемъ элевзинскихъ таинствъ, Асклепіады въ Эпидаврѣ и Косѣ — врачебнымъ искусствомъ и т. д. — Сословіе родовыхъ вельможъ имѣло свои земли съ оброчными работниками; оно несло военную службу въ качествѣ конницы; оно упражнялось въ боевыхъ потѣхахъ и гимнастическихъ игрищахъ; оно отправляло гражданскія должности и жертвенное служеніе въ храмахъ на свой счетъ, видя въ этомъ почетное право своего сословія. Имѣя образованіе, знаніе законовъ и ратнаго дѣла исключительно въ своихъ рукахъ, оно безъ труда могло устранять презираемый имъ рабочій народъ (демосъ), земледѣльцевъ, ремесленниковъ и судовщиковъ, отъ всякаго участія въ государственномъ правленіи. Когда возраставшія промышленность и торговля распространяли въ низшихъ классахъ благосостояніе и образованность, когда согласіе и равенство сословныхъ преимуществъ постепенно утратилось между знатными родами, когда свои личные интересы поставили они выше закона и обычая и изъ-за сословныхъ выгодъ забыли общее благо государства, когда, съ другой стороны, подѣйствовалъ на метрополію примѣръ колоній, удивительно расцвѣтшихъ при равенствѣ гражданскихъ правъ, — только тогда начала

постепенно упадать и наконецъ рушилась сила вельможевластія. Такимъ образомъ свободѣ пришлось вынести много бѣдъ и испытаній, прежде чѣмъ она успѣла очиститься отъ разныхъ накипей и мало-по-малу привести законъ, государственный бытъ и самые нравы къ извѣстной соразмѣрности, дисциплинѣ и порядку. — Припущенники, или подзащитные граждане, безъ всякихъ политическихъ правъ, кабальные и рабы изъ чужихъ странъ находились во всѣхъ греческихъ городахъ безъ изъятія. Имъ предоставлены были всѣ исключительно-полезныя рукодѣлья, всякой мелочной торгъ и всѣ такъ-называемыя черныя работы, между тѣмъ какъ свободнорожденные Эллины занимались только художественными трудами и торговлею въ обширныхъ размѣрахъ, или оптовою.

7. Законодательство Ликурга и Мессенскія войны.

§ 66. Древніе простые нравы Дорійцевъ, вслѣдствіе переселенія и новыхъ отношеній этого племени, мало-по-малу измѣнились: воинственный духъ готовъ былъ уступить мѣсто слабодушію, взаимная ненависть между побѣдителями и побѣжденными нарушала мирное общежитіе, государства замутились безпорядкомъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ спартанскій патріотъ Ликургъ, который самъ происходилъ отъ царской крови и котораго отецъ, среди междоусобія, погибъ на улицѣ подъ ударами ножа, — вознамѣрился доставить своей родинѣ внутреннее спокойствіе и вмѣстѣ перевѣсъ надъ другими державами возстановленіемъ и прочнымъ утвержденіемъ древне-дорійскихъ учрежденій. Съ этой цѣлію отправился онъ на славный своими законами островъ Критъ, гдѣ дорійскіе поселенцы жили при первоначальныхъ установленіяхъ и правахъ, ознакомился съ бытомъ этихъ островитянъ и по возвращеніи въ Спарту далъ своимъ согражданамъ то замѣчательное уложеніе, котораго основныя черты проглядываютъ во всемъ государственномъ и частномъ быту Спартанцевъ, хотя легко можно допустить, что благоговѣйное уваженіе къ славному законодателю побудило позднѣйшія поколѣнія приписывать ему даже и тѣ обычаи и уставы, которые развились только уже въ послѣдствіи.

а) Государственное устройство. Верховная власть была въ рукахъ Дорійцевъ, которые, не занимаясь ни чѣмъ другимъ, только упражнялись въ искусствѣ владѣть оружіемъ, вели войны и вѣдали государственное управленіе. Въ народныхъ собраніяхъ избирали они сенаторовъ (геронтовъ) или совѣтъ старшинъ (герузію), которому предоставлялась власть правительственная и судебная, и пятерыхъ погодныхъ эфоровъ, которые сначала были только общиноначальниками и судьями по гражданскимъ дѣламъ, а послѣ того какъ имъ дана была верховно-судебная и блюстительная власть надъ нравами, общественнымъ воспитаніемъ и должностною дѣятельностью разныхъ вѣдомствъ и сановниковъ, не исключая геронтовъ, — присвоили себѣ все вліяніе въ государствѣ и требовали къ отвѣту даже самихъ царей. Сенатъ состоялъ изъ 28 старцевъ, отнюдь не моложе 60 лѣтъ, которые избирались пожизненно и принадлежали къ родовой знати; предсѣдательствовали въ немъ оба спартанскіе царя, которые соединяли верховно-жреческую и верховно-судебную власть съ главнымъ предводительствомъ войска, должны были происходить отъ племени Гераклидовъ и поэтому обладали своимъ саномъ наслѣдственно, по рожденію. Дома эти цари не пользовались ни особенною силой, ни почетомъ; за то на войнѣ они были всегда предводителями и повелѣвали неограниченно. Народное собраніе, состоявшее изъ всѣхъ полноправныхъ гражданъ не моложе 30 лѣтъ, имѣло право принимать или отвергать предложенія царей и совѣта старшинъ безъ обсужденія. Все государственное устройство основывалось на равенствѣ имуществъ. Для этого всѣ земли Лаконіи раздѣлены были такъ, что 9,000 спартанскихъ семействъ получили въ собственность столько же нераздѣльныхъ наслѣдственныхъ участковъ, переходившихъ отъ одного владѣльца къ другому по праву первородства, а 30,000 семействъ періэковъ (припущенниковъ) также обезпечены были надѣлами земли, только въ меньшемъ размѣрѣ; одни Илоты не получили ровно ничего, а въ качествѣ рабовъ и поденьщиковъ воздѣлывали поля благородныхъ дорійскихъ землевладѣльцевъ, представляя притомъ опредѣленную часть сборовъ хлѣба, вина, масла и т. д. въ спартанскіе запасные магазины. Буйные и строптивые отъ

природы, Илоты очень нетерпѣливо несли иго порабощенія; они всегда были готовы къ возстанію и борьбѣ противъ своихъ утѣснителей, всегда рады примкнуть къ ихъ врагамъ. Вотъ почему и дозволялось спартанской молодежи, для упражненія въ военной хитрости и сноровкѣ, при случаѣ умертвить Илота (что̀ называлось крипті́ею, тайною расправой), дабы численный перевѣсъ рабовъ не сдѣлался какъ-нибудь опаснымъ для полноправныхъ гражданъ. Эфоры ежегодно отряжали извѣстное число молодыхъ Спартанцевъ въ различныя части края, разрѣшая имъ, при осмотрѣ мѣстностей прикалывать на пути всѣхъ подозрительныхъ Илотовъ; въ особенныхъ случаяхъ самые смѣлые и предпріимчивые изъ нихъ просто падали жертвами тайнаго убійства [1]. Въ военное время, Илоты на сухомъ пути служили въ качествѣ легкихъ войскъ и шанцекоповъ, а на флотѣ — въ качествѣ морскихъ солдатъ и гребцовъ. Заслуженныхъ Илотовъ часто награждали неполнымъ правомъ гражданства.

§ 67. *б*) Бытъ. Чтобы Доріецъ могъ тѣлесными и духовными преимуществами отстаивать на самомъ дѣлѣ права, пріобрѣтаемыя имъ по рожденію, государство принимало на себя вполнѣ воспитаніе молодыхъ гражданъ. Слабыя или уродливыя дѣти подкидывались тотчасъ по появленіи на свѣтъ, а здоровыя удалялись изъ родительскаго дома и воспитывались на общественный счетъ по минованіи имъ шестилѣтняго возраста. Это воспитаніе, соединенное съ строгою выдержкой, было особливо направлено къ закаленію тѣла въ трудѣ, къ развитію силъ и физическаго здоровья; оттого важнѣйшую его

[1] Нѣкоторые другіе писатели представляютъ это отношеніе въ болѣе мрачномъ видѣ. По ихъ словамъ, спартанскіе господа рѣдко живали въ своихъ помѣстьяхъ и не могли имѣть за Илотами постояннаго надзора. Чтобы пособить этому неудобству, устроили цѣлую систему не только явнаго полицейскаго наблюденія, но и тайнаго шпіонства. Каждую осень, при вступленіи своемъ въ должность, эфоры отряжали нѣсколько сотъ юношей, съ порученіемъ скрытно слѣдить за Илотами въ теченіе всей зимы, когда, за прекращеніемъ работъ, у нихъ было наиболѣе досуга для сходокъ и заговоровъ. По донесеніямъ этихъ молодыхъ лазутчиковъ, эфоры назначали, за кѣмъ изъ подмѣченныхъ ими опасныхъ людей слѣдуетъ усилить наблюденіе и съ кѣмъ — немедленно порѣшить кровавою расправой. При этомъ первымъ условіемъ было избѣжаніе всякой огласки, чтобы Илоты никогда не знали, откуда и когда ихъ можетъ постигнуть неожиданный ударъ, и поэтому всегда сдерживались страхомъ внезапнаго наказанія.

отрасль составляли гимнастика въ особаго рода заведеніяхъ—палестрахъ, и упражненія въ искусствѣ владѣть оружіемъ подъ открытымъ небомъ на суровыхъ скалахъ Тангета. И то и другое производилось подъ руководствомъ и наблюденіемъ наставниковъ или надзирателей. Въ то же время старались и о развитіи ума; извѣстно, что Спартанцы также славились хитростью и лукавствомъ, и полновѣсною краткостью (лаконизмомъ) своихъ рѣчей. Только сердце и воображеніе оставлялись почти совершенно въ сторонѣ, вслѣдствіе чего ни наука, ни поэзія, за исключеніемъ одной лирики, не находили себѣ въ Спартѣ ни почета, ни дѣятелей. Самое искусство дорійское отличалось только силой и важною стройностью, а не такъ, какъ іонійское — граціей и красотой. Лирическая поэзія Дорійцевъ, соединенная съ пѣніемъ, музыкой и хороводствомъ, имѣла простой, степенный характеръ этого племени и преимущественно служила къ оживленію патріотизма, воинственности, національныхъ сочувствій, къ водворенію въ душѣ гармоническаго строя и мужественныхъ помысловъ. Поэтому она почти исключительно ограничивалась религіозными и военными пѣснями да стихотворными изреченіями (гномами). Главнымъ воспитательнымъ средствомъ считалось близкое общеніе отроковъ и юношей съ опытными и зрѣлыми мужами. Взаимная любовь должна была имѣть возвышающее, образовательное вліяніе; злоупотребленіе подобныхъ отношеній наказывалось потерею чести и общимъ презрѣніемъ. Такъ же устроено было и воспитаніе дѣвочекъ. Въ гимнастикѣ упражнялись онѣ, повидимому, отдѣльно отъ мальчиковъ, но на публичныхъ состязаніяхъ и играхъ дѣти обоихъ половъ смотрѣли другъ на друга, и одобреніе или насмѣшка служили при этомъ довольно сильнымъ поощреніемъ. Если семейная жизнь подрывалась и ослаблялась общественнымъ воспитаніемъ мальчиковъ (начинавшимся, какъ мы видѣли, съ шести лѣтъ), то она еще болѣе страдала отъ совершеннаго удаленія всѣхъ взрослыхъ мужчинъ въ кругу повседневной жизни. Такъ для совершенія общественныхъ трапезъ (сисситій), всѣ Дорійцы вступали по возрасту въ застольныя братчины, или артели, и обыкновенно за каждымъ столомъ сидѣло по пятнадцати товарищей, соединен-

ныхъ между собой свободнымъ выборомъ или добровольнымъ соглашеніемъ. Женщины столовали у себя дома, отроки и юноши — также особыми отдѣленіями. Черезъ это все мужское народонаселеніе какъ бы поставлено было подъ всегдашній общественный надзоръ. Женщины занимали у Дорійцевъ болѣе свободное и возвышенное положеніе, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Греціи, и отношеніе къ нимъ мужчинъ отзывалось нѣкотораго рода рыцарствомъ. Невѣста умыкалась, то-есть уводилась изъ родительскаго дома тайкомъ. При такомъ положеніи, спартанскія женщины столько же славились своею супружеской вѣрностью, гражданскими и семейными добродѣтелями, какъ и тѣлесною силою и красотою. Общественныя трапезы были крайне просты и умѣренны, продовольственные припасы поставлялись для нихъ Илотами. Такъ-называемая «черная» кровяная похлебка и чара вина были ея главными составными частями. Спартанцы всячески избѣгали роскоши и изнѣженности, почему и дома у нихъ были крайне грубы и неудобны: при постройкѣ ихъ не дозволялось употреблять ни какихъ другихъ орудій, кромѣ топора да пилы. По той же причинѣ изгнаны были изъ обычнаго употребленія золотыя и серебряныя деньги, чтобы никто не имѣлъ удобныхъ средствъ удовлетворять ненужныя прихоти; вседневный оборотъ совершался обмѣномъ товаровъ съ придачею, въ случаѣ нужды, грубо выбитой желѣзной монеты. А чтобы никто не знакомился и не свыкался съ другими наслажденіями жизни, Спартанцамъ было запрещено ѣздить въ чужіе края изъ одного удовольствія безъ какой-нибудь опредѣленной цѣли, такъ же какъ иностранцамъ, которые могли бы пожалуй повредить старые обычаи и нравы, возбранялось не только переселеніе въ Спарту, но и продолжительное въ ней пребываніе. Охота и боевыя упражненія были главными занятіями взрослаго Спартанца; земледѣліе предоставлялось Илотамъ, а торговля и ремесла періэкамъ. Вся жизнь Спартанца разсчитана былъ на войну. Въ городѣ жилъ онъ какъ въ ратномъ станѣ, и военная пора была для него временемъ праздника и веселья. Въ багряницахъ (пурпуровыхъ мантіяхъ), съ длинными волосами и широко запущенною бородой, Спартанцы, при звукѣ флейтъ и кноаръ, выступали въ поле, а передъ битвой наря-

жались какъ на праздникъ. Главная сила войска состояла въ тяжело вооруженной пѣхотѣ (гоплитахъ), раздѣленной на лохи и моры со многими другими подраздѣленіями, такъ хорошо соотвѣтствовавшими военнымъ потребностямъ, что подъ предводительствомъ множества опытныхъ начальниковъ, изъ которыхъ каждый велъ подчиненный ему большій или меньшій отрядъ, разнообразныя эволюціи и движенія производились безъ малѣйшаго замѣшательства. Застольные товарищи стояли вмѣстѣ и на ратномъ полѣ, готовые идти дружно на жизнь и на смерть. Спартанцы въ сомкнутыхъ рядахъ никогда не колебались и не отступали; они или одерживали побѣду, или падали на мѣстѣ; общее презрѣніе ожидало того, кто сробѣлъ. Строгое послушаніе и подчиненность младшихъ старшимъ были душою спартанскаго военнаго воспитанія и устройства, которыя можно назвать храмомъ, воздвигнутымъ въ честь уваженія къ старшинству.

§ 68. Когда законы эти были утверждены дельфійскимъ оракуломъ, который, какъ племенная святыня, всегда имѣлъ рѣшительное вліяніе на внутреннія дѣла Дорійцевъ — Ликургъ заставилъ Спартанцевъ присягнуть, что не измѣнятъ въ его уставахъ ничего, пока онъ не возвратится изъ предпринимаемаго имъ путешествія. Послѣ этого онъ, какъ увѣряютъ, отправился въ Критъ, и тамъ умеръ. Благодарное отечество соорудило въ честь великаго законодателя храмъ и установило ему поклоненіе какъ герою, поручивъ завѣдываніе этою святыней родовымъ потомкамъ Ликурга. Вскорѣ обнаружились плоды его законодательства. Въ короткое время это маленькое бѣдное государство достигло преобладанія (гегемоніи) не только надъ Пелопоннесомъ, но и надъ всею Греціею, покоривъ себѣ напередъ сосѣднее и единоплеменное государство Мессенію, котораго плодоносные береговые и нагорные края процвѣли земледѣліемъ и торговлей среди продолжительнаго мира. Веденныя изъ-за этого Мессенскія войны прославлены сагою и поэзіей. Ближайшій поводъ къ нимъ подали частныя ссшибки, вызванныя удальствомъ и завоевательнымъ духомъ Спартанцевъ. И въ первую же войну (743—724), Мессеняне принуждены были платить имъ дань, послѣ паденія своей крѣпкой твердыни

Итомы и послѣ того, какъ ихъ герой Аристодемъ съ отчаянія закололся на могилѣ дочери, которую онъ напрасно принесъ въ умилостивительную жертву богамъ, надѣясь спасти этимъ отечество. Мессеняне обязались отдавать Спартанцамъ половину ежедневнаго сбора съ своихъ полей и, въ случаѣ кончины котораго либо изъ лаконскихъ царей или верховныхъ сановниковъ, оплакивать эту смерть какъ свое общественное горе. Одна древняя элегія говоритъ: «какъ ослы, обремененные тяжелою ношей, несли они подъ великимъ страхомъ половину плодовъ земныхъ господамъ, а когда умретъ повелитель, тужили и плакали по немъ всѣ, и мужчины, и женщины». Однакожь многіе изъ нихъ выселились, предпочитая вольную жизнь на чужбинѣ домашнему порабощенію. Они основали Регіумъ въ Нижней Италіи въ то самое время, когда спартанскіе парѳеніи (незаконнорожденники) [1] заложили тамъ же Тарентъ (§ 59, 4). Во вторую войну (685—670) Мессеняне, возмущенные жестокостью и наглостью Спартанцевъ и подстрекаемые къ мести живущими въ сосѣднихъ странахъ выходцами изъ Мессеніи, одержали, благодаря геройскимъ подвигамъ храбраго и хитраго Аристомена, нѣкоторое превосходство надъ непріятелямъ, такъ что Спартанцы, упавъ духомъ, уже просили было мира. Изъ этого малодушнаго унынія вывелъ ихъ стихотворецъ Тиртей, родомъ изъ аттическаго мѣстечка Афиднъ, посланный, какъ увѣряютъ, Аѳинянами, въ насмѣшку, имъ на помощь. Онъ воспламенялъ своими внушеніями ослабѣвшее у Спартанцевъ чувство народной чести и воинскую отвагу, напоминая имъ о достославныхъ предкахъ, и въ то же время своею политическою поэмой «Эвномія» (благоустройство) водворялъ порядокъ и уваженіе къ древнедорійскимъ уставамъ и повиновеніе властямъ. Возбужденные его пѣснями, Спартанцы поднялись снова, и въ битвѣ у великаго рва, благодаря своему мужеству и хитрости, нанесли врагамъ такое страшное пораженіе, что тѣ избѣгали

[1] Парѳеніями назывались повидимому дѣти, рожденныя до окончательнаго завершенія брака переходомъ жены въ мужнинъ домъ. Лишенныя правъ наслѣдства, они во время первой Мессенской войны возстали вмѣстѣ съ Илотами противъ строгости спартанскихъ учрежденій.

уже потомъ встрѣчи съ ними въ открытомъ полѣ и ограничивались только малою войной въ горахъ и обороною укрѣпленій. Аристоменъ былъ полоненъ Спартанцами и сброшенъ въ глубокую пропасть, но, по словамъ историческаго преданія, спасся при чудесной помощи лисицы и орла. Не смотря однакожь на богатырскіе подвиги славнаго героя, Спартанцы одержали окончательную побѣду послѣ паденія горной мессенской твердыни Эйры (Иры), которая дотолѣ считалась неприступною. Большая часть Мессенцевъ выселилась и основала Мессану (Занклъ) въ Сициліи; Аристоменъ съ своею дружиною нашелъ себѣ убѣжище въ Аркадіи, а всѣ оставшіеся на родинѣ обречены были печальному жребію Илотовъ. Съ тѣхъ поръ между господами и подвластными существовала смертельная вражда, которая еще много разъ обнаруживалась мятежами, усобицами и переселеніями, но отъ которой иго рабства тяжеле и тяжеле давило угнетенныхъ. И Аркадяне, также долго старавшіеся защищаться отъ Спартанцевъ, были наконецъ покорены и вынуждены признавать господство Спарты (около 600). Тегейцы, отважнѣйшіе изъ Аркадянъ, получили съ тѣхъ поръ почетное мѣсто на крайнемъ лѣвомъ крылѣ дорійскаго боеваго строя. — Аргосъ, столица древнихъ ахейскихъ властителей и наслѣдіе старшаго колѣна Гераклидовъ, однажды временно овладѣлъ гегемоніей въ Пелопоннесѣ при храбромъ и предпріимчивомъ царѣ, завоевателѣ Эгины и Коринѳа, Фидонѣ I (768—740), а теперь и онъ долженъ былъ уступить свое право первенства младшей линіи, послѣ того какъ героизмъ Спартанца Оѳріада отнялъ у Аргивцевъ давно оспориваемую область Кинурію съ городомъ Ѳиреей [1] (550) и послѣ

[1] Послѣ многихъ и долгихъ битвъ за обладаніе Ѳирейскою областью, разказываетъ Геродотъ (I, 82), Аргивцы и Лакедемонцы уговорились между собою отрядить съ каждой стороны по триста человѣкъ для рѣшительнаго боя, съ тѣмъ чтобы спорная область осталась за тѣмъ, кто побѣдитъ; прочія же войска должны были отойдти каждое въ свою землю и не присутствовать на побоищѣ. На этомъ они условились и разошлись, а оставленные съ обѣихъ сторонъ выборные люди схватились между собою. И вотъ они бились, бились, но ни одна сторона не могла одолѣть другую, и когда наступила ночь, отъ шестисотъ человѣкъ осталось на лицо только трое, именно Алькеноръ и Хромій изъ Аргивянъ, а у Лакедемонцевъ — Оѳріадъ. Оба Аргивца, считая себя побѣдите-

тяжкаго пораженія, нанесеннаго имъ при Тиринтѣ спартанскимъ царемъ Клеоменомъ (524). Завидуя славѣ единоплеменнаго сосѣда, Аргивцы устранялись съ тѣхъ поръ отъ всѣхъ тѣхъ предпріятій, въ которыхъ Спарта выступила главнымъ вождемъ, а Спарта довольствовалась уже и тѣмъ, что успѣла унизить гордость своего старшаго родича. Благодаря этому первенству, Спартанцы предводительствовали теперь въ каждой общей войнѣ, опредѣляли число ратныхъ силъ, которое должна была выставлять къ пелопоннесскому союзному войску каждая держава, и имѣли въ союзномъ совѣтѣ постоянное предсѣдательство.

8. Солонъ, законодатель Аѳинянъ.

§ 69. Въ то время какъ Спартанцы держались цѣлые вѣка военно-аристократической организаціи Ликурга, живые и впечатлительные Аѳиняне перепытали у себя всѣ возможныя государственныя формы. Послѣ достославной смерти Кодра (§ 58), царскій санъ былъ, говорятъ, упраздненъ (1068), и за тѣмъ, семействомъ Медонтидовъ (Кодридовъ) избранъ изъ его же собственной среды пожизненный верховный правитель, который подъ именемъ архонта отправлялъ

лями, поспѣшили во-свояси; Оеріадъ же обобралъ мертвыхъ Аргивянъ, отнесъ оружіе ихъ къ себѣ въ станъ, и потомъ остался какъ слѣдуетъ на своемъ мѣстѣ. На другой день сошлись опять обѣ стороны, и узнавъ какъ было дѣло, каждая считала себя побѣдительницей. Аргивцы говорили, что ихъ все же больше осталось въ живыхъ, а Лакедемоняне возражали, что непріятель бѣжалъ съ поля, а ихъ боецъ не покинулъ своего мѣста и еще обобралъ убитыхъ Аргивянъ. Отъ ссоры дошло наконецъ до свалки; многіе пали при этомъ съ обѣихъ сторонъ, но побѣда осталась за Лакедемонцами. Съ тѣхъ поръ Аргивяне остриглись коротко, тогда какъ прежде каждый изъ нихъ долженъ былъ носить длинные волосы, и установили законъ и положили заклятіе, чтобы ни одинъ Аргивянинъ не отращивалъ волосъ и ни одна изъ ихъ женъ не носила золотыхъ украшеній, пока они не овладѣютъ опять Ѳиреей. Лакедемонцы же установили совсѣмъ противоположный законъ: они не отращивали прежде волосъ, а съ этого времени положили носить ихъ длинные. Но тотъ единственный боецъ, который остался отъ трехъ сотъ, ими выставленныхъ, именно Оеріадъ, стыдился, сказываютъ, воротиться въ Спарту послѣ того, что всѣ товарищи его пали мертвые, и самъ лишилъ себя жизни въ Ѳиреѣ. Спарта держала память Оеріада и его товарищей въ великой чести, и стихотворцы на карнейскихъ играхъ воспѣвали въ патріотическихъ пѣсняхъ доблестную смерть павшихъ гражданъ.

обязанности царя, но не имѣлъ ни царскаго титла, ни достоинства. Постоянный совѣтъ его составляли начальники знатныхъ родовъ, ведшихъ свое происхожденіе отъ героевъ до-исторической эпохи и получившихъ по наслѣдству отъ предковъ, кто — завѣдываніе военнымъ дѣломъ, а кто — извѣстныя религіозныя обязанности и жертвенныя службы. Положеніе низшихъ классовъ, хотя лишенныхъ политической силы, да большею частію и собственности, не было однакожь вначалѣ слишкомъ тяжко, отчасти потому, что трудолюбіе и умѣренность, торговля и дѣятельные промыслы распространяли общее благосостояніе, отчасти потому, что въ глубинѣ іонійскаго характера лежала какая-то кротость, соединенная съ уваженіемъ къ личной свободѣ. Нигдѣ по законамъ обычая и вѣры не оказывалось такого вниманія выходцамъ и прибѣжникамъ гостепріимнаго Зевса, какъ въ Аѳинахъ; состраданіе коренилось здѣсь въ самомъ сердцѣ народа и алтарь ему былъ воздвигнутъ на публичномъ торжищѣ. Землевладѣльческіе роды (эвпатриды) находились къ массѣ рабочаго народа скорѣе въ родственномъ, патріархальномъ отношеніи. Они искони дѣлились на четыре колѣна, или филы: на гелеонтовъ (блестящихъ), гоплитовъ (воиновъ), аргадовъ (земледѣловъ) и эгикоровъ (козопасовъ), которыя, обозначая собою мѣстное распредѣленіе по первобытнымъ жилищамъ, вѣроятно потому и прозывались отъ главныхъ занятій, что послѣднія были обусловлены физическимъ свойствомъ обитаемымъ тѣмъ или другимъ колѣномъ мѣстъ. Колѣно раздѣлялось на три «братства» (фратріи), изъ которыхъ каждое обнимало собою тридцать родовъ съ большимъ или мѣньшимъ числомъ семей или отдѣльныхъ хозяйствъ. Каждой изъ этихъ землевладѣльческихъ семей предоставлено было въ покровительство извѣстное число простолюдиновъ, которые въ качествѣ жертвоучастниковъ допускались къ религіозному общенію съ тѣмъ или другимъ родомъ и пользовались тогда всѣми правами, которыя давалъ подобный союзъ. Такимъ образомъ между эвпатридами и народомъ существовало отношеніе, основанное на чувствѣ патріархальной преданности и любви. Но зависить, раздоры и крамолы между знатью, соединенные съ жестокосердіемъ и холодностью къ подвластнымъ, нарушили мало-по-малу это

мирное сожительство и превратили отеческую власть «благородныхъ господъ» въ тяжкое, притѣснительное иго. Хотя община господскихъ родовъ и предоставила было сначала пожизненное архонство семьѣ Кодра исключительно, однакожь въ послѣдствіи, когда формы аристократической республики болѣе развились, она ограничила срокъ управленія десятью годами, а спустя нѣсколько времени сдѣлала этотъ санъ доступнымъ для всей вообще знати (714). Наконецъ для того, чтобы многіе могли пользоваться такою честью въ одно время, положено было (683) избирать ежегодно по девяти архонтовъ, для главнаго завѣдыванія правительствомъ, религіозными дѣлами, военною частью, законодательствомъ и судопроизводствомъ. Тяжкія времена начались тогда для простыхъ гражданъ и земледѣльцевъ. Аристократы, забравъ въ свои руки всю государственную власть, не только устранили народъ (демосъ) отъ всякаго участія въ управленіи, въ жречествѣ и въ судебной власти, но болѣе и болѣе нарушали старыя патріархальныя отношенія своекорыстнымъ исканіемъ однѣхъ собственныхъ пользъ и угнетали подвластныхъ налогами и тяжкими долговыми постановленіями. Они одни творили судъ и расправу по свѣтскимъ и религіознымъ дѣламъ, потому что они одни знали неписанные, только на преданіи и обычаѣ основанные законы, и судебная ихъ власть запятнала себя утѣсненіемъ и произволомъ, пристрастіемъ и вопіющею несправедливостью. Такое уклоненіе права въ интересахъ высшаго сословія побудило аѳинскій народъ требовать составленія писанныхъ законовъ и требованіе это повторять такъ настоятельно, что община знатныхъ родовъ была наконецъ вынуждена къ уступкѣ. Но она рѣшилась воспользоваться самымъ этимъ случаемъ для обузданія пробудившагося народнаго духа. Составленіе законовъ поручено было ею одному изъ ея членовъ, жестокосердому Дракону (620). Строгость, съ какою этотъ аристократъ исполнилъ возложенное на него дѣло, вошла въ пословицу. О законахъ его говорили, что они писаны кровью. За каждый поступокъ назначалась смертная казнь, въ ужасающей строгости видѣлъ онъ единственное средство исправленія, и не находилъ никакихъ поводовъ къ смягченію даже и для самыхъ легкихъ

проступковъ. Вельможи надѣялись такимъ образомъ снова поставить ропщущій народъ въ прежнюю зависимость; однакожь они ошиблись. Возникла упорная борьба, причемъ не только хлѣбопашцы и винодѣлы, ремесленники, мелочные торговцы и судовщики возстали общимъ бунтомъ противъ эвпатридовъ, но послѣдніе и сами ослабили себя крамолами и раздоромъ. Древняя знать, опираясь на старину и на букву права, не довольствовалась тѣмъ, чтобъ тѣснить простолюдина своекорыстіемъ и тяжкими долговыми постановленіями и завалнвать заложенные ей земляные участки такъ-называемыми «закладными камнями»; она даже исключала изъ своей сословной среды всѣ новыя аристократическія фамиліи, достигшія знатности торговлею или промыслами. Многіе, прежде свободные и зажиточные люди, задолжавъ богачамъ, поставлены были въ полную отъ нихъ зависимость, такъ что не стало у бѣдныхъ ни кола, ни двора; мятежи, убійства, разбои и безрядица, — вотъ зловѣщее оружіе, къ которому все чаще и чаще прибѣгала безпомощная толпа народа. Вѣроломство, какое одинъ изъ знатнѣйшихъ родовъ (Алкмеониды) дозволилъ себѣ относительно Килоновыхъ приверженцевъ, осрамилъ честь и совершенно уронилъ вѣсъ цѣлаго сословія родовой знати[1]. Настали болѣзни и неурожаи, которые встревоженный народъ толковалъ въ смыслѣ божіихъ каръ за оскверненіе святыни. Государство стояло на краю гибели, когда спасеніе явилось въ новомъ законодательствѣ одного изъ семи мудрецовъ, Солона, который передъ этимъ помогъ своимъ согражданамъ овладѣть Саламиномъ, въ качествѣ

---

[1] Килонъ, принадлежавшій къ древнему аристократическому роду и прославленный побѣдами на олимпійскихъ играхъ, вступился за низшіе классы народа и занялъ съ помощію тестя своего, мегарскаго тиранна Ѳеагена, городскую крѣпость. Но народъ, изъ недовѣрія къ его замысламъ, не поддержалъ Килона, вслѣдствіе чего аристократамъ, подъ начальствомъ Алкмеонида Мегакла, удалось снова овладѣть Акрополемъ; самъ Килонъ бѣжалъ, а сторонники его, вопреки данному имъ обѣщанію, убиты были предательски у алтарей боговъ, гдѣ думали найдти вѣрное убѣжище. Это нечестіе повлекло за собой изгнаніе богопротивныхъ Алкмеонидовъ и религіозное очищеніе города провидцемъ Эпименидомъ критскимъ, который по призыву Солона успокоилъ умы жертвами и очистительными обрядами, возстановилъ гражданскій и божій миръ, и многими полезными установленіями какъ бы заранѣе подготовилъ законодательство своего друга.

архонта и эвпатрида изъ Кодрова потомства пользовался довѣріемъ знатныхъ родовъ и въ тоже время, какъ поэтъ и преданный народу гражданинъ, стоялъ у всѣхъ въ высокомъ уваженіи. — Законодательство его было мудрымъ соединеніемъ аристократическихъ и демократическихъ элементовъ. Съ одной стороны, посредствомъ такъ-называемой сейсахѳіи, то-есть льготы или сложенія тягостей, онъ старался облегчить гнетъ народный и предоставилъ верховную государственную и законодательную власть народному собранію, передъ которымъ отвѣтсвовали и облеченный правленіемъ четырехсотенный совѣтъ, и судьи (геліасты, присяжные); съ другой стороны, чрезъ раздѣленіе народа на четыре класса по землевладѣнію и податному окладу обезпечилъ онъ нѣкоторыя преимущества и почести знатнымъ, богатѣйшимъ гражданамъ, удержалъ за ними архонтское достоинство и поставилъ искони чтимое судилище, аристократическій ареопагъ, блюстителемъ законовъ, государственнаго уложенія и правовъ. — Такимъ образомъ, не теряя изъ виду твердыхъ основаній благочинія и нравственности, Солонъ разрѣшилъ узы, которыми до тѣхъ поръ большая часть аѳинскаго народа удерживалась въ государственномъ и юридическомъ малолѣтствѣ, и къ давно испытаннымъ древнимъ уставамъ привилъ преобразованія, требуемыя духомъ времени. Поэтому, несмотря на всѣ колебанія, Солоново государственное устройство постоянно служило твердою юридическою почвой для общественнаго быта Аттики.

§ 70. Законодательство Солона. 1. Посредствомъ такъ-называемой льготы (достигнутой, безъ измѣненія суммы долговыхъ обязательствъ, однимъ пониженіемъ монетной пробы, которая возвысила цѣнность наличныхъ денежныхъ капиталовъ) съ бѣдныхъ гражданъ сложена была часть долговъ, заложенныя земли облегчены по лежавшимъ на нихъ взысканіямъ, стародавній законъ объ отдачѣ несостоятельнаго должника въ личную кабалу уничтоженъ и всѣ закабаленные по долгамъ Аѳиняне были разомъ освобождены. 2. Для раздѣленія гражданъ на классы по имуществу сдѣлана была переоцѣнка доходовъ. Къ первому разряду отнесены были пятисотмѣрники (пентакосіомедимны), получавшіе съ своей собственной земли не менѣе 500 мѣръ (медимновъ) сбора сыпучимъ и жидкимъ,

то-есть хлѣба, вина, масла и проч.; этотъ первый классъ гражданъ начальствовалъ на войнѣ. Ко второму разряду принадлежали конники, или всадники (гиппеи), получавшіе триста медимновъ сбора, то-есть, сколько было нужно для выставки одной лошади подъ господина и другой подъ оруженосца. Къ третьему отдѣлу причислены были подводники или упряжники (зевгиты), которые, получая двѣсти медимновъ сбора, имѣли необходимыхъ для полевой запряжки муловъ, лошадей или воловъ, и служили въ земскомъ ополченіи въ качествѣ тяжело-вооруженныхъ (гоплитовъ). Послѣдній и многочисленнѣйшій классъ заключалъ въ себѣ θетовъ, или простолюдиновъ, которые собирали менѣе 200 мѣръ съ полей, или и вовсе не имѣли земляныхъ участковъ; не платя ни какихъ податей, они ставили въ земское ополченіе легко-вооруженныхъ воиновъ и матросовъ. Только три первые класса имѣли доступъ къ почетнымъ и общественнымъ должностямъ, равно какъ и къ засѣданію въ большомъ совѣтѣ; низшее безподатное сословіе было исключено отъ всякаго участія въ управленіи. Съ этимъ распредѣленіемъ на классы сообразовалось и отправленіе военной обязанности. Когда подготовленный тѣлесными и боевыми упражненіями юноша достигалъ осьмнадцатаго года, его, въ присутствіи родителей, родственниковъ и начальствъ, торжественно признавали способнымъ носить оружіе; онъ присягалъ на вѣрность отечеству, военачальникамъ и военнымъ уставамъ; онъ обѣщалъ никогда не посрамить оружія и до послѣдней крайности противиться врагамъ государственныхъ установленій. Послѣ двухлѣтней службы въ пограничной стражѣ, его вносили въ списокъ обязанныхъ нести оружіе. О жалованьѣ не было и рѣчи; каждый служилъ на свой собственный счетъ; наградою храбрымъ было общественное призрѣніе раненыхъ и торжественное погребеніе убитыхъ; трусы наказывались позоромъ, именно — лишеніемъ гражданскихъ правъ и устраненіемъ отъ жертвоприношеній.—3. Народное собраніе имѣло законодательную власть и главный надзоръ или контроль надъ государственными сановниками и судьями, особенно надъ девятью архонтами; оно опредѣляло подати, постановляло окончательныя рѣшенія о мирѣ и войнѣ и т. под. Ежегодно избираемый четырехсотенный совѣтъ завѣдывалъ (посредствомъ комитета своихъ выборныхъ, или притановъ) текущими административными дѣлами и государственнымъ хозяйствомъ, а также руководилъ совѣщаніями народнаго собранія и внѣшними сношеніями

республики, тогда какъ судебныя дѣла вершались 6000 присяжныхъ, избираемыхъ архонтами, которые сами же и предсѣдательствовали при рѣшеніи тяжебныхъ дѣлъ. — 4. Ареопагъ, состоявшій изъ почетнѣйшихъ пожизненно избираемыхъ гражданъ (особенно — бывшихъ архонтовъ, которые хорошо отправляли свою должность), вѣдалъ уголовный судъ по смертоубійству, поджогамъ, отравленіямъ и другимъ тяжкимъ преступленіямъ; но главное значеніе придавала ему возложенная на него Солономъ обязанность быть судьею нравовъ: онъ наблюдалъ за воспитаніемъ юношества и слѣдилъ за образомъ жизни гражданъ, для охраненія нравственности и благочинія, для того, чтобъ они вели честную и дѣятельную жизнь и чуждались роскоши, пышности въ одеждѣ и разврата. Изъ Драконовыхъ постановленій Солонъ оставилъ въ силѣ только законы о смертоубійствѣ и судъ эфетовъ (апелляціонный), такъ какъ по этимъ предметамъ Драконъ только записалъ стародавніе, религіей и обычаемъ утвержденные уставы, почему они и въ послѣдующія времена сохранялись нерушимо среди всѣхъ возможныхъ измѣненій. Равномѣрно удержалъ Солонъ и древнѣйшее раздѣленіе аѳинскаго народа по филамъ, фратріямъ и родамъ, и благодаря этому уцѣлѣлъ здѣсь послѣдній остатокъ прежнихъ, патріархальныхъ, родственныхъ отношеній. Эти племенные и родовые союзы наблюдали за чистотою происхожденія и законнымъ усвоеніемъ правъ природнаго гражданства. Вотъ почему каждая новобрачная гражданка непремѣнно вводилась въ фратрію мужа, каждое новорожденное дитя вносилось въ родовые списки. Право полнаго гражданства пріобрѣталось только за соблюденіемъ этой формальности. Фратріи и родовые союзы были сверхъ того точками соединенія для чествованія племенныхъ божествъ. — Послѣ Солонова законодательства, какъ и прежде, девять архонтовъ стояли во главѣ всего государственнаго управленія и гражданскаго судопроизводства, съ тою только разницей, что они избирались отъ всѣхъ гражданъ въ совокупности и отвѣчали передъ народнымъ собраніемъ. Рѣшенію верховнаго или перваго архонта, чьимъ именемъ назывался годъ, подлежали дѣла о разводахъ, брачныя и сиротскія; онъ же, какъ мировой судья, разбиралъ ссоры между сосѣдями и былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ цензоромъ нравомъ; архонтъ-царь, главный руководитель таинствъ и какъ бы преемникъ древняго наслѣдственнаго царя-жреца, игралъ первую роль въ общественныхъ жертво-

приношеніяхъ и религіозныхъ праздникахъ, рѣшалъ всѣ жалобы на нечестіе и по нарушенію храмоваго права, подготовлялъ для ареопага изслѣдованіе объ умышленномъ смертоубійствѣ и постановлялъ уголовные приговоры противъ неодушевленныхъ предметовъ, которыми былъ случайно пораненъ или убитъ гражданинъ; архонтъ-воевода, кромѣ главнаго надзора за военною частію и верховнаго начальства въ полѣ, вѣдалъ ссоры между чужеземцами и гражданами; затѣмъ шестеро блюстителей закона (θεσμοθετовъ) обязаны были рѣшать всѣ тяжбы, не подлежавшія вѣдомству прочихъ архонтовъ, и оберегать отъ посягательствъ и нарушеній всѣ законныя права и установленные порядки.

§ 71. Когда Солонъ окончилъ свое законодательство, онъ заставилъ Аѳинянъ поклясться, что въ теченіе десяти лѣтъ они ничего въ немъ не измѣнятъ, и затѣмъ пустился въ путешествія по Египту, острову Кипру и Малой Азіи, гдѣ имѣлъ съ Крезомъ Лидійскимъ, который распрашивалъ знаменитаго чужеземца о разныхъ божественныхъ и житейскихъ дѣлахъ, выше приведенную (§ 46) бесѣду. Новыя безпокойства въ родномъ его городѣ вскорѣ привлекли Солона опять въ Аѳины (562); тамъ онъ и провелъ остальные дни свои, вѣрный убѣжденію, что каждый, кто устраняется отъ участія въ гражданскихъ смутахъ своего отечества, достоинъ лишиться чести. Въ глубокой старости сохраняя еще свѣжесть духовныхъ силъ, Солонъ провидѣлъ честолюбивые замыслы вождей политическихъ партій, особенно сродника своего Писистрата, и отечески предостерегалъ народъ въ рѣчахъ и пѣсняхъ отъ опасности со стороны «великихъ людей», грозившихъ нарушить общественный порядокъ. Онъ ратовалъ противъ раждавшагося тогда театральнаго искусства, которое, по его мнѣнію, извращаетъ настоящій патріотизмъ, отводя ему глаза пустымъ блескомъ, и укорялъ народное собраніе за то, что оно разрѣшило главѣ демократовъ имѣть стражу, выразившись при этомъ въ слѣдующихъ гнѣвныхъ словахъ: «Не богамъ, а собственному малодушію приписывайте бѣдствіе, которое васъ неминуемо постигнетъ!» — Общественная дѣятельность, пробужденная демократическими учрежденіями Солона, подняла аѳинскій народъ на высокую степень образованія и повела къ самому много-

стороннему развитію его духовныхъ силъ, чего въ суровой Спартѣ, подъ владычествомъ ея рыцарской аристократіи, не было никогда и тѣни.

9. Тираннія.

§ 72. Начало тираніи. Около этой эпохи преобладающая родовая знать упразднила почти во всѣхъ государствахъ Греціи царское достоинство и ввела республиканское вельможевластіе, то-есть монархіи превратила въ аристократическія республики (§ 65). Но аристократія обыкновенно переходила современемъ въ гнетущую олигархію, почему исключенный отъ всякаго участія въ государственномъ дѣлѣ народъ (демосъ), возставалъ противъ господства привилегированной знати, какъ скоро приходилъ къ сознанію своего положенія и своихъ правъ. Но какъ знатные роды одни умѣли владѣть оружіемъ и вести правильную войну, то демократы одолѣвали обыкновенно лишь тогда, когда какой-нибудь честолюбивый, богатый аристократъ отставалъ отъ своихъ товарищей по сословію, становился во главѣ народа, овладѣвалъ городскою крѣпостью и ниспровергалъ правленіе аристократовъ. Охраняемый вооруженною толпою вѣрныхъ сторонниковъ, такой предводитель народа (демагогъ) легко могъ присвоить себѣ верховную власть, потому что народъ изъ признательности за помощь, оказанную ему противъ олигарховъ, нерѣдко самъ содѣйствовалъ подобнымъ стремленіямъ, довольствуясь, на первый разъ, достиженіемъ ближайшихъ благъ, каковы: надѣлъ земельными участками, освобожденіе отъ долговъ, брачное общеніе съ высшимъ классомъ и равенство правъ для всѣхъ гражданъ республики. Вотъ отчего, въ 7 и 6 столѣтіяхъ, въ большей части греческихъ городовъ образовались единовластія, которыхъ представители извѣстны подъ именемъ тирановъ. Названіе это первоначально означало просто «властителя», съ нѣкоторымъ намекомъ на неправый захватъ, въ противоположность эзимнетамъ, которые въ трудныя времена облекались чрезвычайною властью по волѣ совѣта старшинъ (сената) и народа; но впослѣдствіи, когда демо-

кратія болѣе развилась и когда этого рода единовластіе казалось уже позорнымъ, имя тиранна пріобрѣло значеніе жестокаго, самовластительнаго деспота. Многіе изъ такихъ тирановъ обладали впрочемъ великими политическими способностями и блистательно управляли государствомъ. Чтобы занять народъ, которому они были обязаны своимъ возвышеніемъ, тираны повелѣвали сооружать великолѣпныя зданія; ихъ богатства давали имъ способы окружать себя художниками, поэтами, мудрецами и поощрять ихъ къ творчеству; содержаніе пышныхъ дворовъ содѣйствовало процвѣтанію городской жизни. Но господство тирановъ было непродолжительно, какъ ни старались нѣкоторые изъ нихъ обезпечить свою власть связями гостепріимства и родства, и чрезъ союзные договоры съ иноземными царями. Олихархи всячески искали ихъ низвергнуть, опираясь при этомъ на помощь спартанской республики, вездѣ поддерживавшей аристократическія учрежденія. Къ тому же сыновья тирановъ, выросшіе среди обаяній власти, часто позабывали, какимъ образомъ достигли ея ихъ отцы, отлагали въ сторону всякія околичности съ народомъ и становились самоуправными деспотами. За этимъ слѣдовало низверженіе ихъ, при чемъ народъ на короткое время соединялся съ знатью, но только для того, чтобы изгнавъ ее вслѣдъ за тѣмъ, водворить у себя полную демократію. Славнѣйшими тиранами были Періандръ коринѳскій, одинъ изъ такъ-называемыхъ семи мудрецовъ, соединявшій крутость и жестокосердіе съ любовію къ искусствамъ и съ царственнымъ величіемъ, Поликратъ самосскій и Писистратъ аѳинскій. Два первые прославлены въ поэтическихъ сагахъ. Періандръ, сынъ умнаго Кипсела (который, отнявъ у могущественнаго рода Вакхіадовъ владычество надъ Коринѳомъ, пользовался имъ умѣренно и кротко тридцать лѣтъ, 655 — 625), нашелъ себѣ друга въ пѣвцѣ и славномъ игрокѣ на цитрѣ, Аріонѣ лесбосскомъ, который долго жилъ въ Коринѳѣ. Чтобы открыть своему искусству болѣе обширное поприще, онъ путешествовалъ по Италіи и Сициліи и потомъ, съ полученными тамъ подарками, хотѣлъ изъ Тарента воротиться въ Коринѳъ. На пути, везшіе его моряки, польстившись его

богатствами, замыслили бросить пѣвца въ море. Напрасно Аріонъ предлагалъ имъ всѣ свои сокровища, лишь бы только пощадили его жизнь; эти люди боялись гнѣва Періандрова, если какъ-нибудь откроется ихъ преступный замыслъ, и настояли на своемъ намѣреніи. Когда исчезла всякая надежда спастись, Аріонъ огласилъ воздухъ пѣснію и музыкой и, въ полной пѣвческой одеждѣ, самъ бросился въ волны моря. Но дельфины плыли вслѣдъ за кораблемъ; одинъ изъ нихъ поднялъ пѣвца на спину и вынесъ его на сушу. Аріонъ поспѣшилъ въ Коринѳъ и разсказалъ другу о чудесномъ спасеніи. Періандръ велѣлъ призвать къ себѣ первыхъ судовщиковъ, которые пришли потомъ въ коринѳскую гавань, и освѣдомился у нихъ объ Аріонѣ. «Мы оставили его въ Тарентѣ въ полномъ благополучіи», былъ ихъ отвѣтъ. Тогда внезапно явился передъ ними Аріонъ въ томъ самомъ видѣ какъ онъ спрыгнулъ въ море. Изумленные моряки повинились въ своемъ преступленіи и получили заслуженную казнь.—Не менѣе извѣстна сага о «Поликратовомъ перстнѣ» (Поликратъ 540—522). Богатому и сильному властителю Самоса удавалось все, что онъ предпринималъ. Куда бы ни пошелъ онъ на битву, сказываетъ Геродотъ, вездѣ ожидало его счастіе. Онъ держалъ сто пятидесятивесельныхъ судовъ и тысячу стрѣлковъ; съ ними онъ побѣждалъ всѣхъ непріятелей, одолѣлъ Лесбосцевъ въ морской битвѣ и покорилъ себѣ многіе города и острова. Амазисъ египетскій, кунакъ Поликратовъ, тревожился за будущность своего друга; онъ предостерегалъ его письмомъ о непостоянствѣ счастія, о завистливости боговъ, и совѣтовалъ ему сбыть съ рукъ именно то, что есть у него драгоцѣннѣйшаго, дабы уготованною самому себѣ печалью примирить съ собой небожителей. Поликратъ бросилъ въ глубину моря драгоцѣнный перстень-печать, изъ смарагдовъ, искусно оправленныхъ въ золотѣ,—издѣліе художника Ѳеодора Самосскаго, высоко цѣнимое владѣльцемъ. Но боги презрѣли его жертву. Спустя нѣсколько дней рыболовъ принесъ въ подарокъ властителю большую пойманную имъ рыбу, и когда ее взрѣзали, Поликратовъ перстень нашелся внутри. Какъ скоро свѣдалъ объ этомъ Амазисъ, онъ пуще сталъ бояться, что не кончить добромъ

его другу, и отказалъ ему въ куначествѣ, расторгъ съ нимъ связь гостепріимства, для того, чтобы не тужить о немъ, какъ о близкомъ, когда постигнетъ его неизбѣжное злополучіе. Нѣсколько времени спустя персидскій намѣстникъ въ Малой Азіи обманомъ завлекъ Поликрата къ себѣ въ Магнезію и тамъ распялъ его на крестѣ (522).

Семь мудрецовъ. Представителей нравственной, политической и общественной мудрости и опытности 6-го вѣка позднѣйшіе Греки любили представлять въ видѣ «семи мудрецовъ» и приписывали имъ краткія поговорки и житейскія правила; но не всѣ согласны ни на счетъ именъ этихъ мудрецовъ, ни относительно ихъ поговорокъ. Къ четыремъ мужамъ малоазійской Греціи: Ѳалесу, Питтаку, Віасу и Клеобулу изъ Линда на остр. Родосѣ, обыкновенно присоединяли трехъ изъ метрополіи, именно: Солона аѳинскаго, Хилона изъ Спарты и Періандра изъ Коринѳа; но послѣдняго замѣняли иногда Ферекидомъ сиросскимъ или Малійцемъ Мизономъ. Это были люди практическіе, дѣйствовавшіе въ качествѣ государственныхъ мужей, совѣтниковъ народа и руководителей въ общественномъ дѣлѣ. Имъ приписываютъ обыкновенно слѣдующія изреченія: Клеобулу линдскому: «Всему знай мѣру»; Періандру коринѳскому: «Обдумывай все заранѣе»; Питтаку митиленскому: «Тщательно соображай время»; Віасу пріеннскому: «Когда многіе возьмутся за дѣло, не быть добру!» Ѳалесу милетскому: «Поручись — и навѣрно пострадаешь!»; Хилону лакедемонскому: «Познай самого себя!»; Солону аѳинскому: «Никогда не слишкомъ!»

§ 73. Писистратъ и его сыновья. Аѳинянинъ Писистратъ, человѣкъ богатый, знатный и рожденный повелѣвать, успѣлъ еще при жизни Солона присвоить себѣ единовластіе, воспользовавшись для своего возвышенія раздоромъ низшихъ классовъ съ остальными сословіями. Поранивъ себя самъ и увѣривъ потомъ, что посягаютъ на его жизнь, онъ хитростью умѣлъ доставить себѣ стражу изъ пятидесяти вооруженныхъ булавами тѣлохранителей и овладѣть городскою крѣпостью (Акрополемъ). Хотя врагамъ дважды удалось изгнать его изъ города, но онъ оба раза возвратился опять: въ первый, подговоривъ Алкмеонида Мегакла распустить слухъ, будто бы сама Паллада Аѳина ввела его въ городъ, — во второй, одолѣвъ противниковъ въ открытомъ полѣ, послѣ долгаго пре-

бываніе въ Эретріи эвбейской. Онъ отмстилъ своимъ недругамъ изгнаніемъ и наложеніемъ тяжкихъ податей на имущество ихъ и не только удержалъ за собою власть, но даже передалъ ее при кончинѣ сыновьямъ своимъ Гиппію и Гиппарху. Писистратъ, а сначала и Гиппій, управляли съ великою славою. Земледѣліе, промышленность и торговля сильно двинулись впередъ; многія пустопорожнія, нагія поля обсажены были на казенный счетъ масличными рощами; разработка новыхъ серебряныхъ рудниковъ пріумножила государственные доходы; поэмы Гомера, которыя читались до тѣхъ поръ только отрывочно и наизустъ странствующими пѣвцами (рапсодами), были теперь записаны и такимъ образомъ сохранены для потомства; Аѳины украсились храмами и общественными зданіями, гермесовскіе столбы (гермы) разставлены были по улицамъ и площадямъ съ надписями изъ поговорокъ и мудрыхъ изреченій; при дворѣ Гиппія жилъ пѣснопѣвецъ Анакреонъ. Но когда преданный сладострастію и чувственности Гиппархъ, въ отмщеніе за нанесенную имъ обиду, былъ убитъ на великихъ панаѳинейскихъ празднествахъ двумя связанными дружбою Аѳинянами, Гармодіемъ и Аристогитономъ (514), тогда и Гиппій далъ полную волю своему деспотическому нраву. Жестокосердіе свое обнаружилъ онъ въ первый разъ при осужденіи на мучительную казнь не только обоихъ убійцъ, которыхъ Аѳиняне прославляли потомъ какъ героевъ свободы, но вмѣстѣ съ ними и друзей ихъ и товарищей; къ этому присоединились тяжкіе налоги, которыми тѣснилъ онъ безъ разбору и знатныхъ и простыхъ гражданъ. Такія мѣры отчуждили ему демократическую партію и дали возможность жившимъ въ изгнаніи олигархамъ, прогнать съ помощію Спарты самого Гиппія, что̀ удалось имъ тѣмъ скорѣе, что вліятельные вожди ихъ, Алкмеониды (§ 69), пріобрѣли себѣ именно въ то время великолѣпными храмовыми постройками въ Дельфахъ благосклонность пиѳійскаго жречества и благодарность цѣлой Эллады. Когда его дѣти попали въ руки враговъ, Гиппій сдалъ городскую крѣпость на уговорѣ (510) и спасся бѣгствомъ въ Малую Азію, еще надѣясь съ помощію Персовъ возстановить свое владычество.

§ 74. Завершеніе аѳинской демократіи. Олигархи напрасно разсчитывали на поддержку Лакедемонянъ, чтобы снова достигнуть власти въ аѳинской республикѣ. Подъ руководствомъ даровитаго, ловкаго и дѣятельнаго вельможи, Алкмеонида Клисѳена, Солоново уложеніе было очищено отъ своихъ аристократическихъ элементовъ и водворена полная демократія (509).

1. Четыре древніе племенные союза (филы), изъ которыхъ выбирались 400 членовъ совѣта съ явнымъ предпочтеніемъ землевладѣльческой знати, были теперь упразднены и тѣмъ самымъ окончательно расторгнуты стародавнія племенныя и родовыя формы общества. Мѣсто ихъ заступили десять новыхъ филъ или поколѣнныхъ округовъ, каждый съ десятью отдѣльно лежащими демами, или общинами, — новое географико-политическое дѣленіе страны, съ полною равноправностью всѣхъ гражданъ, съ новыми названіями и новыми хранительными божествами. Два дема составляли навкрарію, изъ которыхъ каждая обязана была снаряжать и снабжать людьми одну трехбаночную галеру и ставить отъ себя эфета для присутствованія при уголовномъ судѣ архонта-царя. 2. Филы ежегодно избирали пятисотенный совѣтъ, по 50 членовъ отъ каждой, не стѣсняясь при этомъ ни званіемъ, ни достаткомъ избираемыхъ. Каждые пятьдесятъ членовъ образовали въ свою очередь правительственный комитетъ притановъ, которые въ теченіе 36 дней своего предсѣдательства жили въ пританеѣ и продовольствовались на общественный счетъ. При смѣнѣ притановъ одной филы пританами другой обыкновенно созывалось народное собраніе. 3. Изъ десяти поколѣнныхъ округовъ назначалось сверхъ того ежегодно по жребію 6000 гражданъ (по 500 отъ каждаго колѣна, да по сту запасныхъ кандидатовъ) для отправленія обязанностей при народныхъ судахъ (геліэя). Эти геліасты дѣлились на сто дикастерій, или разрядовъ, въ каждомъ по 500 человѣкъ. Благодаря такимъ преобразованіямъ, архонтство, все еще предоставленное только высшему податному классу гражданъ, становилось болѣе и болѣе однимъ лишь почетнымъ титуломъ безъ всякой силы на дѣлѣ. Обязанности двухъ первыхъ архонтовъ ограничивались вѣданіемъ торжественныхъ жертвоприношеній и извѣстныхъ судебныхъ приговоровъ по семейнымъ и наслѣдственнымъ дѣламъ; третій архонтъ, полемархъ, долженъ былъ дѣлить права своей должности съ де-

сятью ежегодно избираемыми стратегами, а шестеро θесмоθетовъ сдѣлались не болѣе какъ слѣдственными приставами, подготовлявшими дѣло для дикастерій народнаго суда. Все это неизбѣжно вело и къ ослабленію власти самого ареопага. Въ то же время, по распоряженію Клисѳена, приписано къ колѣнамъ на одинаковыхъ правахъ съ гражданами извѣстное число промышленниковъ и ремесленниковъ, которые жили до тѣхъ поръ въ Аттикѣ только въ качествѣ поздащитныхъ (кліэнтовъ) или вольноотпущенныхъ и состояли внѣ всякаго гражданскаго союза. Клисѳенова реформа положила такимъ образомъ начало самоуправленію аѳинскаго народа. Каждый гражданинъ, какъ скоро исполнялось ему тридцать лѣтъ, могъ говорить и подавать голосъ въ народномъ собраніи, могъ быть судьею или присяжнымъ при геліэѣ; а для того, чтобы можно было удалить на время въ (почетное) изгнаніе каждаго, чья сила, вліяніе яли вѣсъ грозили опасностью гражданскому равенству и демократическому порядку, въ Аѳинахъ введенъ былъ такъ-называемый остракизмъ («раковинный судъ»[1]), — судебно-нравственный приговоръ, изрекаемый державнымъ народомъ какому-нибудь гражданину въ видахъ общей безопасности и благоденствія. Многіе изъ самыхъ уважаемыхъ людей ближайшей за тѣмъ эпохи, каковы напримѣръ Аристидъ, Θемистоклъ, Кимонъ и друг., подвергались подобному изгнанію. Жестокость его смягчалась тѣмъ обстоятельствомъ, что изгнанникъ пріобрѣталъ необыкновенный вѣсъ; притомъ оно ни сколько не вредило ни его чести, ни его правамъ личнымъ и имущественнымъ. Но когда во время Пелопоннесской войны, происками Алкивіада и Никія, вмѣсто одного изъ политическихъ вождей, изгнанъ былъ остракизмомъ совершенно ничтожный, безпутный демагогъ, Гиперболъ, тогда Аѳиняне, съ свойственнымъ ихъ характеру вѣрнымъ тактомъ, совершенно отмѣнили это установленіе: въ самомъ дѣлѣ, остракизмъ сталъ бы послѣ того уже не почетнымъ признаніемъ опаснаго достоинства, а просто позоромъ.

Напрасно аристократы, подъ руководствомъ Исагора, старались съ помощію Спартанцевъ низвергнуть демократію. Народъ пришелъ къ самосознанію, почуялъ собственную силу, отвѣдалъ свободы, и побѣдоносно отразилъ всѣ напа-

[1] Названіе это дано ему оттого, что подававшіе голосъ за изгнаніе писали имя осуждаемаго каждый на особой раковинѣ.

денія. Жадно хватался онъ за каждый случай проявлять вблизи и вдали свою юную мощь; въ удачныхъ борьбахъ съ Беотіей и Халкидой, въ смѣломъ состязаніи съ Эгиной, окрѣпло чувство его могущества, которое вскорѣ потомъ выдержало такое рѣшительное испытаніе на полѣ Марафонской битвы. Побѣда эта послужила столько же къ утвержденію демократіи внутри, какъ и къ обезпеченію внѣшней независимости аѳинскаго народа. Вездѣ, говоритъ Геродотъ, оказывались благотворныя дѣйствія гражданскаго равенства; при прежнемъ порядкѣ вещей Аѳиняне не одолѣвали въ войнѣ сосѣдей, — сдѣлавшись свободными, они скоро заняли первое мѣсто. Очевидно, что подъ рукою властителей, они съ умысломъ дѣйствовали вяло, потому что трудъ ихъ шелъ весь на пользу господъ, а при свободномъ правленіи каждый старался самъ за себя, радѣлъ за собственное благо.

При такихъ обстоятельствахъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что одинъ изъ чистѣйшихъ людей, какихъ только знаетъ исторія, именно Аристидъ (§ 85), завершилъ зданіе безусловной демократіи, открывъ для всѣхъ гражданъ, каковы бы ни были ихъ родъ и достатокъ, свободный доступъ къ архонтству и всѣмъ прочимъ государственнымъ должностямъ: стоитъ лишь сообразить, что онъ сдѣлалъ это для того поколѣнія, въ которомъ всѣ равномѣрно являлись достойными власти одинаковымъ участіемъ къ общимъ интересамъ, одинаковымъ повиновеніемъ закону, одинаковымъ самопожертвованіемъ на благо общее. Природныя способности аѳинскаго народа, вмѣстѣ съ полною гласностью государственной жизни и разнообразіемъ удобныхъ случаевъ къ пріобрѣтенію познаній, довели свободнорожденныхъ Аѳинянъ до такого общаго образованія, что даже допущенное послѣ Персидскихъ войнъ замѣщеніе многихъ государственныхъ должностей по жребію не влекло за собою тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какія возникли бы изъ такого порядка вещей во всякомъ другомъ краѣ. Эта демократія, развитая у Аѳинянъ въ полной и совершенной послѣдовательности, продолжалась, за изъ-изъятіемъ немногихъ колебаній, въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ; потому что это было не фактическое только (всегда болѣе или менѣе случайное) положеніе, но основанный на правомѣрности порядокъ, которому самъ народъ сообщилъ печать законности, возводя его источникъ къ Солоновымъ учрежденіямъ. Это сознаніе аѳин-

скаго парода, что владычество его есть владычество законовъ и что оно основано на ихъ ненарушимости, долго охраняло по крайней мѣрѣ букву закона отъ произвола народныхъ увлеченій; тому же содѣйствовала и щекотливая религіозность Аѳинянъ, возбранявшая касаться всего, что было освящено стариною и сагою; даже въ послѣдствіи, когда необузданность массы по временамъ выступала изъ этихъ границъ, имя свободы никогда не злоупотреблялось для того, чтобъ авторитетомъ закона и его представителей жертвовать чьему бы то ни было личному произволу.

10. Эллинская образованность и литература.

§ 75. Лирическая поэзія. Новыя отношенія, усиленная подвижность жизни, возвысившійся блескъ религіозныхъ праздниковъ создали новыя формы съ иными цѣлями и иными воззрѣніями не только въ политическомъ и гражданскомъ быту, но и въ области поэзіи. Важная эпопея героическаго періода царей, съ равномѣрно-широкимъ теченіемъ гексаметра, уже не соотвѣтствовала возбужденному настроенію, которое водворилось вслѣдствіе гражданскихъ смутъ и крамолъ, не соотвѣтствовала и той быстродвижной жизни, которая возникла, благодаря торговой и колоніальной дѣятельности Эллиновъ. На большихъ богослужебныхъ торжествахъ занятой народъ едва только удосуживался слушать разсказы странствующихъ рапсодовъ, почему чтенія ихъ и были пріурочены къ этимъ случаямъ; для потребностей текущаго дня, для борьбы и наслажденія современнымъ нужны были поэты, стоящіе въ круговоротѣ житейской дѣятельности, имѣющіе практическія цѣли, принимающіе участіе въ радостяхъ и заботахъ, въ чувствахъ и стремленіяхъ, въ дѣлахъ и интересахъ младшихъ поколѣній, наличнаго человѣчества. Такъ возникла новая лирическая поэзія, которая не ограничивалась уже, подобно старой, религіозными гимнами, воззваніями къ божествамъ, а, напротивъ, захватывала собой всѣ явленія современности, служила всѣмъ жизненнымъ цѣлямъ, облекала въ звукъ и слово всѣ настроенія, будила и оживляла всѣ дремлющія чувства души и давала форму и выраженіе всей внутренней жизни въ ея богатомъ разнообразіи. Лира то являлась оружіемъ и военной трубою, которая, какъ у Каллина и Тиртея, возбуждала къ битвѣ и геройскимъ подвигамъ; то,

какъ у Солона и Θеогнида, выражала въ поэтическихъ изреченіяхъ извѣстные взгляды на жизнь, политическія мнѣнія и условныя цѣли партій. Въ рукахъ Архилоха и Гиппонакса лирическіе ямбы превратились въ язвительные бичи противъ личныхъ враговъ, тогда какъ у Мимнерма и Алкея пѣснь воспламеняла воинственность и бранную отвагу, а у Сафо звучала пылкою любовью и свѣтлымъ наслажденіемъ жизнію. Анакреонъ былъ для всей древности пѣвцомъ любви, вина и всякой чувственной утѣхи. Послѣ того какъ Терпандръ усовершенствовалъ музыку и къ важной, торжественной киѳарѣ присоединилась возбудительная флейта, Алкманъ и Стесихоръ ввели при богослужебныхъ празднествахъ хоровую пѣснь, усовершенствованную потомъ Пиндаромъ въ его прекрасныхъ побѣдныхъ одахъ, между тѣмъ какъ современникъ его, Симонидъ, снискалъ себѣ величайшую славу своими художественными надписями и эпиграммами. Среди этихъ стремленій поэтическая форма и искусство стихосложенія, которое въ элегическихъ дистихахъ [1] держалось еще близко къ гексаметру эпопеи, получили болѣе разнообразное и могучее развитіе, и наконецъ въ строфическихъ хорахъ съ переходнымъ ритмомъ достигли высшей степени совершенства. Эти успѣхи лирической поэзіи неизбѣжно вели къ художественному развитію музыки и орхестики (искусства торжественныхъ плясокъ), такъ какъ оба эти искусства были въ самой тѣсной связи между собою благодаря обычаю Грековъ украшать праздники богамъ хоровымъ пѣніемъ и мѣрною (ритмическою) пляскою юношей и дѣвъ. По мѣрѣ того, какъ формы лирики и размѣры ея стихосложенія развивались все художественнѣе и разнообразнѣе, постепенно совершенствовалась и орхестика, начиная съ важнаго, мѣрнаго круженія около пылающаго жертвенника, до мимической и военной пляски (пиррихе), изображавшей подвиги героевъ и боговъ. Высокое значеніе, придаваемое древностію музыкѣ какъ по ея возносящей и одушевляющей силѣ, такъ и по смягчающей нравы образовательности (вслѣдствіе чего греческіе законодатели и предлагали ее какъ вѣрный способъ облагородить общество), даетъ намъ право заключить, что Эллины достигли й въ этомъ искусствѣ высокой степени совершенства, хотя мы точно и не знаемъ въ чемъ именно оно состояло. Извѣстно, однакожь, что гим-

[1] То-есть піесахъ, писанныхъ двустишными строфами.

настическія состязанія подъ пѣсни и музыку были существенною частью воспитанія молодыхъ людей и въ Спартѣ, и въ Аѳинахъ.

Различные виды лирики. Лирическая поэзія также возникла первоначально въ цвѣтущихъ колоніяхъ Малой Азіи, отличавшихся благостояніемъ, свободой, образованностью и возбуждаемыхъ къ веселью и жизненнымъ наслажденіямъ счастливою обстановкой всего быта и чудеснымъ климатомъ. Она распадается на три главные вида: элегическую, ямбическую и мелическую съ многими дальнѣйшими подраздѣленіями.

1. Элегическая, облеченная въ дистихи поэзія, была: а) политическаго содержанія, каковы напр. стихотворенія Каллина эфесскаго (ок. 730), отъ котораго уцѣлѣлъ еще отрывокъ ратной элегіи, гдѣ съ патріотическимъ одушевленіемъ ободряетъ онъ своихъ согражданъ къ отважному бою съ врагами отечества; таковъ еще урожденецъ Аттики Тиртей, который въ Мессенскую войну былъ посланъ на помощь Спартанцамъ (§ 68) и котораго хранимую въ преданіи хромоту едва ли не должно считать иносказательнымъ намекомъ на элегическое стихосложеніе; таковъ аѳинскій мудрецъ, поэтъ и законодатель Солонъ (639 — 559), одушевившій согражданъ своими элегіями къ покоренію принадлежавшаго имъ нѣкогда острова Саламина, — человѣкъ многосторонняго образованія, богатый знаніемъ свѣта и людей, въ которомъ гармонически сочетались степенность съ веселостію и фантазія со самымъ здравымъ разсудкомъ. — б) Гномическая (пословичная) поэзія. Въ этомъ родѣ отличался Ѳеогнидъ (570—490), членъ низвергнутой демократами и лишенной власти и богатствъ дорійской аристократіи въ Мегарѣ. Изгнанный или спасаясь бѣгствомъ, пустился онъ въ Сицилію и др. мѣста и отвелъ себѣ душу элегически-пословичными стихотвореніями, въ которыхъ онъ увѣщеваетъ юношу крѣпко держаться стараго образа мыслей, степенности и великодушія дорійскихъ знатныхъ родовъ, и напротивъ ненавидѣть подлыхъ демократовъ, руководимыхъ дурными началами и своекорыстными побужденіями, и какъ можно избѣгать ихъ опасныхъ путей и правилъ. Въ самомъ дѣлѣ, сердце каждаго честнаго человѣка должно было наполниться негодованіемъ и скорбью при видѣ крайностей, въ какія вдавались необузданныя народныя толпы послѣ паденія тиранна Ѳеагена въ Мегарѣ: тутъ доходило до насильственнаго раздѣла имуществъ, до грубаго коммунизма, при чемъ неистовыя, дикія толпы

не щадили ни жизни, ни достоянія богатыхъ гражданъ. Фокилидъ изъ Милета (ок. 550) былъ также гномическій поэтъ, обильный нравоучительными изреченіями, мѣткій наблюдатель людской жизни, который, возвышаясь самосознательностью и внутреннимъ достоинствомъ надъ окружавшимъ его міромъ, подвергалъ строгой критикѣ весь этотъ жалкій міръ. Къ гномической поэзіи принадлежатъ еще эпиграммы (надписи), которыя въ немногихъ двустишіяхъ выражаютъ новую или мѣткую мысль, завершая ее иногда (въ позднѣйшее время) какимъ-нибудь неожиданнымъ оборотомъ. Въ этомъ родѣ отличился Симонидъ кеосскій, особенно знаменитою надписью воинамъ, павшимъ при Θермопилахъ. Въ ряду элегическихъ стихотворцевъ занималъ почетное мѣсто и глава аристократической партіи въ Аѳинахъ, Критій. — в) Основаніе эротической поэзіи положилъ Мимнермъ колофонскій, проживавшій въ Смирнѣ (ок. 600); въ грустныхъ, полныхъ томленія пѣсняхъ, сопровождаемыхъ звуками флейты, изливалъ онъ тоску злополучной любви къ флейтщицѣ Наннонѣ и жаловался на тяжелый гнетъ старости, убивающій наслажденіе красотою и любовью. Подобно современнику своему, Алкею, которому онъ уступаетъ однакожъ въ силѣ и вдохновеніи, Мимнермъ воспѣвалъ не только вино и любовь, онъ славилъ также войну и оружіе, и ободрялъ гражданъ Смирны къ мужеству, ставя имъ въ образецъ подвиги предковъ. Но мрачный взглядъ на міръ былъ у него господствующимъ настроеніемъ. Его жалобы на старость вызвали даже возраженіе со стороны Солона. Не на шестидесятомъ году, какъ Мимнермъ, а на осьмидесятомъ желалъ бы умереть довольной жизнію Аѳинянинъ. Преемниками Мимнерма были Антимахъ и Гермесіанаксъ колофонскій; послѣдній былъ современникъ Александру, а первый — другъ Платона, который, говорятъ, съ похвалой отзывался объ его элегіи на смерть возлюбленной его Лиды; напротивъ, утраченная для насъ большая эпопея Аристомаха, Θиваида, страдала растянутостью и отсутствіемъ свѣжести и граціи.

2. Ямбическая поэзія. Изобрѣтателемъ этого рода слыветъ Архилохъ, изъ значительной, но обѣднѣвшей фамиліи острова Пароса (ок. 700). Сначала слагалъ онъ гимны въ честь божествъ своего острова, Деметры и Діониза; потомъ, страстно влюбясь въ Необулу, дочь Ликамба, увлекся къ эротической поэзіи, и лишь отвергнутая любовь заставила раздраженнаго пѣвца прибѣгнуть наконецъ къ тѣмъ

бичующимъ ямбамъ, которые прославили его имя навсегда. У Грековъ вошло въ поговорку останавливать злаго насмѣшника восклицаніемъ: «Ты обкрадываешь Архилоха!» О силѣ его ядовитаго стиха, возвышенной употребленіемъ новыхъ размѣровъ, свидѣтельствуетъ сказаніе, что все семейство Ликамба, преслѣдуемое его сатирами, дошло до такого отчаянія, что наконецъ отецъ и дочь сами наложили на себя руку. Архилохъ велъ непосѣдную жизнь, то въ Греціи, то на островахъ (Θазосѣ), то въ Италіи, пока, возвратясь домой, онъ не палъ наконецъ въ храбромъ бою съ Наксійцами. Вся жизнь его, тревожная и истерзанная нуждой, дѣлилась между тягостями военнаго званія («копьемъ замѣсенъ мой хлѣбъ, и вино я пью, опираясь на дротикъ») и отличною службою поэзіи. Въ этомъ богато-одаренномъ человѣкѣ совмѣщались самыя разнообразныя настроенія и пораждали у него удивительную измѣнчивость страстей. О преемникѣ его Гиппонаксѣ эфесскомъ (ок. 540), изобрѣтателѣ такъ-называемаго хромаго ямба (холіямба, метрической формы, искаженной превращеніемъ послѣдней стопы въ спондей), разсказываютъ, какъ и объ Архилохѣ, будто своими сатирами онъ довелъ до самоубійства двухъ хіосскихъ ваятелей, Вупала и Аѳенида, которые съ злорадною насмѣшкой и явнымъ преувеличеніемъ изобразили непріятныя черты его и неуклюжее его тѣло въ статуѣ. Нужда и гоненія сдѣлали его такимъ угрюмымъ и ѣдкимъ. Симонидъ самосскій, называемый также Аморгійцемъ по переселенію въ Аморгъ (ок. 650), сочинилъ между прочимъ стихотвореніе на женщинъ, изъ котораго дошелъ до насъ отрывокъ. Его мысли и взгляды, хотя и основанные на серьёзной нравственности, обличаютъ суроваго, почти угрюмаго наблюдателя людской жизни, которой темныя стороны, кажется, поражали его болѣе нежели свѣтлыя, веселыя наклонности іонійскаго характера. У Симонида язвительный ямбъ переходитъ уже въ умѣренную сатиру, которая бичуетъ не грѣхи и недостатки отдѣльныхъ лицъ, но слабости и пороки цѣлыхъ классовъ, цѣлаго общества. — Къ этому же роду относится писанная ямбами звѣриная басня, которая въ честь мнимаго ея изобрѣтателя, фригійскаго раба Эзопа (ок. 560), названа эзоповскою. Судьбы Эзопа неизвѣстны и большая часть того, что о немъ разсказываютъ, принадлежитъ просто къ баснословію. Говорятъ, онъ былъ неуклюжъ и малъ ростомъ, находился въ услуженіи у разныхъ господъ, между прочимъ у Ядмона самосскаго, и наконецъ сброшенъ Дельфійцами со скалы подъ тѣмъ пред-

логомъ, что похитилъ золотую чашу изъ храма, а въ самомъ дѣлѣ за то, что оскорбилъ ихъ своими насмѣшливыми баснями. Извѣстныя подъ его именемъ холіямбическія басни дошли до насъ въ передѣлкѣ Бабрія (ок. 206 до Р. Х.), который составилъ и обработалъ ихъ по древнѣйшимъ собраніямъ, одни говорятъ — во времена Ахейскаго союза, другіе — уже при Августѣ. — По содержанію своему басня, обязанная своимъ происхожденіемъ Востоку, должна быть отнесена собственно къ дидактической поэзіи, такъ какъ поученіе есть все-таки главная цѣль ея короткаго разсказа, почерпнутаго изъ жизни природы и преимущественно изъ царства звѣрей.

3. Мелическая поэзія, или лирика въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, была въ самой близкой связи съ музыкою и пляской. Разнообразіе въ размѣрѣ стиховъ, разбитіе ихъ на отдѣльныя строфы, и ритмъ, удобный для пѣнія и хороводовъ, были существенными свойствами этого вида лирической поэзіи. Выработанная Дорійцами въ Пелопоннесѣ и на остр. Сициліи, дорійская лирика главнымъ образомъ соединялась съ культомъ дорійскаго Аполлона; на праздникахъ его пѣлись гимны и славословія (пеаны), сопровождаемыя хороводною пляской. Въ числѣ дорійскихъ поэтовъ первое мѣсто занимаетъ Алкманъ, родомъ изъ Сардъ, но жившій въ Спартѣ сначала рабомъ, потомъ вольноотпущенникомъ (ок. 620); въ его гимнахъ, пеанахъ и дѣвичьихъ хорахъ (парѳеніяхъ), отражающихъ и бытовую жизнь Спартанца, главнымъ достоинствомъ была живописная наглядность картинъ. Хотя нѣкоторыя изъ его хоровыхъ пѣсенъ были религіознаго содержанія или восхваляли спартанскую доблесть, однакожь предпочтительно онъ пѣлъ любовь и вино, славилъ обиліе богатыхъ трапезъ и сожалѣлъ о старости, не допускающей такого рода наслажденій. Онъ былъ великій мастеръ играть на флейтѣ. Вскорѣ послѣ него процвѣталъ Стесихоръ изъ Гимеры въ Сициліи (ок. 600), плодовитый, прославленный поэтъ, умѣвшій искусно облекать въ форму лирики эпическіе предметы (богатырскія сказанія). — Въ самомъ совершенномъ видѣ мелическая поэзія является у малоазійскихъ Эолянъ, гдѣ она не столько связана была съ богослуженіемъ, какъ съ общественною, свѣтскою жизнью. Эолійскіе лирики обнаруживали глубокіе тайники души и сдѣлали пѣсню (мелосъ) живымъ отблескомъ своихъ внутреннихъ чувствъ и житейскихъ опытовъ. Они первые создали выраженіе для самыхъ скрытыхъ движеній сердца, и предметы мелической поэзіи сливались

у нихъ въ одну одушевленную картину животрепещущей личности; тутъ веселіе и скорбь, особливо страстная любовь и разнообразныя борьбы гражданскаго общества отражались въ яркой, блистательной игрѣ красокъ. Между ними отличились: Алкей митиленскій, равно великій какъ поэтъ и какъ боецъ за свободу Лесбосцевъ, хотя на первомъ планѣ стояли для него все-таки сословныя права аристократіи. Будучи противникомъ Питтака, патріотически и благородно властвовавшаго надъ Лесбосомъ, онъ былъ вынужденъ на нѣсколько времени покинуть отчизну и, только примирившись съ нимъ, могъ снова возвратиться домой. Чувственная страсть составляетъ средоточіе его стихотвореній, въ которыхъ воспѣваются то битвы и злоключенія изгнанника, то радости, почерпаемыя въ винѣ и любви. Сафо, также изъ Митилены (ок. 616), вдохновенная пѣвица любви, напрасно снискавшая себѣ репутацію неестественнаго сластолюбія и безпутной жизни. Сказаніе, будто изъ любовной тоски по прекрасномъ юношѣ Фаонѣ она бросилась черезъ «левкадскій утесъ» въ море, возникло, повидимому, изъ невѣрно-понятаго пластическаго выраженія объ очистительной силѣ левкадскаго Аполлона. И Алкей и Сафо сообщили свое имя извѣстнымъ размѣрамъ стиховъ (алкеевскому и сафическому). Ивикъ, родомъ изъ Регіума (ок. 528), долго жилъ при дворѣ Поликрата самосскаго и погибъ, какъ увѣряютъ, отъ разбойниковъ («Ивиковы журавли»); въ лирическихъ пѣсняхъ онъ подражалъ своему соотечественнику Стесихору и славилъ сверхъ-того любовь съ настоящимъ эолійскимъ огнемъ и со всѣмъ пыломъ бурной страсти. Анакреонъ теосскій (ок. 533) также сначала жилъ при блистательномъ дворѣ Поликрата, пока Писистратидъ Гиппархъ не вызвалъ его въ Аѳины. Онъ слыветъ образцомъ эротической поэзіи, такъ какъ пѣсни любви и общественнаго веселья занимаютъ наиболѣе мѣста среди многочисленныхъ его стихотвореній. Весельчакъ, вивёръ и свѣтскій человѣкъ, восхваляетъ онъ наслажденіе жизнью, веселость и любовь въ стихотвореніяхъ, отличающихся благородствомъ языка, красотою формы и метрическимъ разнообразіемъ. Настоящія произведенія Анакреона всѣ почти расхищены и уничтожены его подражателями; дошедшія до насъ анакреонтическія пѣсни, въ которыхъ веселый сѣдовласый старикъ говоритъ съ юношескимъ увлеченіемъ о винѣ и любви, принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ. Совершеннѣйшими лирическими стихотворцами были Симонидъ и Пиндаръ, оспоривавшіе другъ у

друга пальму поэзіи. Симонидъ (559 — 469) жилъ нѣкоторое время въ Аѳинахъ, въ кругу поэтовъ, который собралъ около себя Гиппархъ; потомъ отправился онъ въ Ѳессалію, гдѣ за деньги славилъ богатые владѣтельные дома Алейядовъ и др. Этимъ онъ навлекъ себѣ упрекъ въ лести и подхлѣбничествѣ, хотя обыкновенно самымъ тонкимъ образомъ говорилъ правду и владыкамъ. Энергическое время Персидскихъ войнъ, которымъ Симонидъ посвятилъ не одно прекрасное стихотвореніе, провелъ онъ опять въ Аѳинахъ, сблизясь съ Ѳемистокломъ, а потомъ пустился ко двору Гіерона, тиранна сиракузскаго, гдѣ и умеръ на девяностомъ году жизни, увѣнчанный побѣднымъ вѣнкомъ во многихъ поэтическихъ состязаніяхъ. Вся древность признавала и чтила его высокій талантъ, но его корыстолюбіе и скупость подвергались строгому осужденію. Надо однакожь замѣтить, что стихи его нигдѣ не носятъ слѣда подкупности. Симонидъ былъ ловкій свѣтскій человѣкъ; мастерски и съ величайшимъ тактомъ держалъ онъ себя на обширной сценѣ греческаго общества, которое представляло ему бездну матеріаловъ для опыта; его житейская мудрость умѣла совладать со всякимъ отношеніемъ, а здравый разсудокъ, подкрѣпляемый остроуміемъ и мѣткимъ словомъ, вездѣ наводилъ его на тотъ настоящій путь, который такъ нелегко дается иному. Стихотворенія его очень разнообразны; они отличаются гладкостью стиха, тонкостью чувства и изяществомъ, но при этомъ не лишены энергіи, хотя и не достигаютъ могучаго Пиндарова размаха. Племянникъ его Вакхилидъ испытывалъ себя на томъ же поприщѣ, но далеко отсталъ отъ своего дяди. Беотіецъ Пиндаръ, родомъ изъ Киноскефалъ близъ Ѳивъ (522 — 442),—славнѣйшій національный лирикъ греческаго народа, равно взысканный и уважаемый демократическими городами, дворами государей и фамиліями богатыхъ вельможъ. Большая часть его стиховъ писана по заказу и за деньги, но это нисколько не повредило ни его славѣ, ни его характеру, потому что онъ никогда не унижался до лести, и въ стихотвореніяхъ, писанныхъ на данный случай, всегда умѣлъ выставить тѣ стороны предмета, которыя способны были одушевить поэта по призванію. Пиндаръ блисталъ во всѣхъ родахъ лирической поэзіи, отъ торжественнаго пеана и бурнаго диѳирамба до веселыхъ застольныхъ пѣсней (сколій); однакожь перломъ его поэзіи были все-таки побѣдныя пѣсни (эпиникіи) для прославленія побѣдителей, увѣнчанныхъ на большихъ національныхъ играхъ въ Олимпіи, Дель-

фахъ и др. мѣстахъ. Эти побѣдные гимны пѣлись хоромъ или при торжественномъ ходѣ на самомъ побоищѣ, или на пиру (комосъ), слѣдовавшемъ за играми, или при встрѣчѣ побѣдителя, или при вступленіи его въ родной городъ, или наконецъ на храмовомъ праздникѣ, устроенномъ въ благодареніе за побѣду или установленномъ уже послѣ, въ воспоминаніе ея. Въ гимнахъ такого рода Пиндаръ приводилъ славу побѣдителя въ соотношеніе съ настоящимъ и минувшимъ бытомъ племени и державы, къ которымъ боецъ принадлежалъ, и всегда увѣщевалъ его пользоваться добытымъ счастіемъ съ достоинствомъ или оказанную въ бою доблесть возвышать еще другими добродѣтелями, особенно благочестіемъ. Надо замѣтить, что благочестіе и религіозность были тою глубочайшею основой, на которой утверждались и свѣтлое спокойствіе этого мелика, и непоколебимость его характера, и необыкновенная ясность его взгляда. Могучая, размашистая фантазія, которая часто увлекаетъ его къ самымъ смѣлымъ образамъ и сравненіямъ, его обильный сентенціями, торжественный языкъ, его быстрые, неожиданные переходы часто сообщаютъ стихамъ его темноту и неудобопонятность, такъ что еще въ древности писались на нихъ комментаріи. — Кромѣ Сафо, было еще нѣсколько отличныхъ стихотворцевъ, въ томъ числѣ Коринна (ок. 500) изъ Танагры въ Беотіи, женщина необыкновеннаго ума и красоты, которая была въ сношеніяхъ съ единоземцемъ своимъ Пиндаромъ и выходила съ нимъ на всенародное состязаніе. — Самымъ возвышеннымъ видомъ лирики былъ связанный съ культомъ Діониза дивирамбъ, въ которомъ господствуетъ чуть не изступленное вдохновеніе. Въ этомъ родѣ отличался прославленный сагою Лесбосецъ Аріонъ, другъ Періандра (§ 72), сообщившій этой торжественной вакхической пѣснѣ художественный и величавый характеръ; по его указанію она стала исполняться хорами, кружившими около пылающаго жертвенника.

Греческая музыка. Творцомъ греческой музыки слыветъ Терпандръ изъ Лесбоса (ок. 677), которой одержалъ побѣды на музыкальныхъ состязаніяхъ въ Спартѣ и другихъ греческихъ городахъ и превратилъ четыреструнную кивару въ семиструнную (гептахордъ), съ объемомъ полной октавы; это дало ему возможность слѣдить музыкальнымъ акомпаниментомъ за художественнѣйшими размѣрами гимна и перейдти въ хоровомъ пѣніи къ болѣе разнообразнымъ строфамъ. Онъ же по всей вѣроятности опредѣлилъ отношеніе разли-

чныхъ тоновъ или гармоній, которыхъ вначалѣ было три: важная и торжественная дорійская, шумная и одушевляющая фригійская и нѣжная, настроивающая къ кротости лидійская; къ нимъ въ послѣдствіи присоединилась еще іонійская, съ мягкимъ, и эолійская съ страстнымъ характеромъ. Въ Спартѣ эфоры постоянно удерживали при богослуженіи важный музыкальный стиль Терпандра. Точно такъ же оставались тамъ всегда при семиструнной киварѣ, и когда Фринидъ лесбосскій вздумалъ явиться въ Спартѣ съ девятиструнною, эфоры обрѣзали у него двѣ лишнія струны. — Изобрѣтателемъ флейты и энгармоническаго аккорда [1] считался Фригіецъ Олимпъ, котораго жизнь намъ мало извѣстна. Θалетъ гортинскій на остр. Критѣ, родинѣ военной пляски, первый сообщилъ греческой музыкѣ торжественно-высокій характеръ, вносившій нравственное успокоеніе въ тревожный или возмущенный духъ (ок 620). Слава Θалета была такъ велика, что его призывали для возстановленія внутренняго мира въ Спартѣ.

§ 76. Древнѣйшая философія Грековъ. При первомъ пробужденіи человѣческаго сознанія, душа начинаетъ мало-по-малу освобождаться отъ смутнаго хаоса безпорядочныхъ ощущеній и представленій, и приходитъ наконецъ въ себя: это-то прихожденіе въ себя, образумленіе или опамятованіе и есть начало философствованія, посредствомъ котораго человѣкъ хочетъ дать себѣ отчетъ какъ о внѣшнихъ вещахъ и отношеніяхъ, такъ и о томъ, что дѣется внутри его, о его внутреннихъ движеніяхъ и перемѣнахъ. При этомъ пробужденіи человѣческій духъ обратился прежде всего къ міру внѣшнихъ явленій и испыталъ свою юношескую силу на изслѣдованіи природы. Но въ то время, какъ созерцательный житель Востока углубился въ природу всѣмъ своимъ существомъ, находя ее въ основѣ своей религіи и не имѣя силъ отрѣшиться духомъ отъ этой основы, — подвижный Эллинъ возвысился надъ природою, старался проникнуть въ нее и преодолѣть ее. Поэтому древнѣйшая философія Грековъ была философіей внѣшней природы, философіей естества, и первымъ стремленіемъ ихъ было — въ множественности видимаго міра отыскать единство и среди вѣчной перемѣны открыть постоянное основаніе. При этомъ обозначились два гла-

[1] Аккордъ, въ которомъ кварта раздѣлена была такъ, что два первые интервала составляли менѣе полутона каждый.

ныя направленія: физическій взглядъ іонійской философіи, принимавшей міръ за чувственное явленіе и отыскивавшей основы всѣхъ вещей съ этой точки зрѣнія, и этическій (нравственный) взглядъ дорійско-пиѳагоровской школы въ Нижней Италіи, стремившейся постигнуть внутреннія причины міроявленія, именно то, какимъ образомъ въ самыхъ основахъ міра лежатъ законъ и гармонія, въ силу того кореннаго нравственнаго различія, которое необходимо между добромъ и зломъ. Третьимъ путемъ пошло философское изысканіе у элеатовъ (въ Элеѣ, въ Нижней Италіи), которые ставили верховнымъ началомъ понятіе бытія и единстта (единаго бытія) и постигали бога и міръ въ неразрывной совокупности. Какъ два первыя направленія выработали физическую и этическую сторону философіи, такъ элеатская выработала діалектическую или логическую сторону. Подобно эпосу и лирикѣ, философія также возникла въ Іоніи, но только уже въ эпоху отходящей свободы. Смущенные возрастающимъ политическимъ разладомъ своего отечества, который постепенно велъ ослабѣвавшія государства Греціи подъ преобладаніе Персовъ, эти философы природы удалялись въ царство мысли, и изъ глубокихъ думъ надъ вѣчнымъ созиданіемъ и разрушеніемъ видимаго міра почерпали скорбную покорность неизбѣжному ходу естества.

1. Іонійская школа философіи поставила себѣ задачею объяснить явленія природы изъ силъ и свойствъ самой матеріи и свести всѣ опыты и наблюденія на извѣстныя общія положенія о природѣ вещей. Она шла при этомъ двумя различными путями: динамическимъ, принимая одно первичное вещество, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ вещей на свѣтѣ и изъ котораго чрезъ сгущеніе и разжиженье развивается и образуется весь видимый міръ, такъ что все происходящее въ природѣ объясняется перемѣнами этой первоначальной основы; и путемъ механическимъ, который предполагалъ, что всѣ вещи содержатся въ одной неизмѣнной первичной матеріи и образуются чрезъ сложеніе и разложеніе, такъ что при этомъ не допускалось жизненной пластики въ собственномъ смыслѣ, ни какихъ перемѣнъ въ свойствахъ вещества, а все должно было объясняться однѣми перемѣнами внѣшнихъ отношеній въ пространствѣ. Къ первой изъ этихъ школъ принадлежатъ: Ѳалесъ, принимавшій за первичное существо воду, Анаксименъ и Діогенъ изъ Аполлоніи, которые давали это мѣсто воздуху, Гераклитъ,

считавшій первосущимъ — огонь, и Ферекидъ, который видѣлъ источникъ всего въ эѳирѣ и землѣ; ко второй принадлежатъ: Демокритъ, Левкиппъ и Анаксагоръ, производившіе міръ изъ соединенія простыхъ, недѣлимыхъ, основныхъ частицъ, которыя два первые называли атомами (недѣлимыми), а послѣдній гомеомеріями (однородными соединеніями).

а) Физико-динамики. Ѳалесъ милетскій (635—560), пользовавшійся высокимъ уваженіемъ какъ государственный человѣкъ, астрономъ и философъ, причисленный древностью къ семи греческимъ мудрецамъ (§ 72), слылъ основателемъ іонійской философской школы, потому что высказалъ слѣдующее положеніе: «міръ развивается изъ несовершеннаго сѣмяннаго состоянія, которое имѣетъ свойство влаги или воды». Посвященный въ тайны вавилонской и египетской астрономіи, Ѳалесъ первый предсказалъ Эллинамъ солнечное затмѣніе, которое, по мнѣнію однихъ, приходится на 28 мая 585 г. до Р. Х., по мнѣнію другихъ—на 30 сентября 610 г.; слѣдовательно, онъ уже зналъ, что мѣсяцъ получаетъ свѣтъ отъ солнца и въ своемъ теченіи пересѣкаетъ солнечный путь. Онъ же установилъ годъ въ 365 дней. Боги неба и земли, о которыхъ поэзія и народная вѣра такъ распространялись въ разсказахъ, отнесены были Ѳалесомъ въ область баснословія; божественнаго во вселенной видѣлъ онъ одну только движущую и плодящую силу вещей, которую въ противоположность матеріи и называлъ душою, не допуская въ ней однакожь ничего личнаго. Его божественное существо было присущее міру безформное начало жизни. Единоземецъ его Анаксименъ (570—500) обращалъ болѣе вниманія на присущую первичному веществу душевную силу и принималъ за основное начало воздухъ, который, являясь въ вѣтрѣ самодвиженіемъ, а въ дыханіи необходимымъ условіемъ жизни, и есть, по его мнѣнію, душа міра, причина всякой жизнедѣятельности. Съ этимъ въ сущности согласенъ и Діогенъ изъ Аполлоніи (ок. 460), для котораго жизнеродымъ началомъ былъ также воздухъ. Ферекидъ сиросскій (ок. 540) допускалъ одно дѣятельное начало, эѳиръ, и другое— страдательное, землю, связанныя между собою временемъ, въ которомъ поэтому все и происходитъ. Гераклитъ эфесскій (ок. 500), знатный родомъ и аристократъ по образу мыслей, угрюмый меланхоликъ по характеру, презрительно смотрѣвшій на толпу, развилъ въ одномъ темно-написанномъ сочиненіи систему, построенную не на опытѣ (эмпиріи), а на

чистомъ умозрѣніи, въ которой первичнымъ началомъ и источникомъ физической и духовной жизни поставилъ огонь, уча при этомъ, что все въ мірѣ подлежитъ вѣчному измѣненію, надъ которымъ царитъ неизмѣнный рокъ (гимармене), почему и должно человѣку искать себѣ въ жизни одного — хладнокровія и душевнаго покоя. И Гераклитъ, съ такимъ же смѣлымъ вольномысліемъ, какъ Θалесъ, отрѣшился отъ всего религіознаго культа Грековъ.

б) Физико-механики. Анаксимандръ милетскій (ок. 600), ученикъ и другъ Θалеса, производилъ вселенную изъ чистаго, неопредѣленнаго первичнаго вещества, которое, будучи безкопечнымъ и вѣчнымъ, носитъ въ самомъ себѣ силу движенія и развитія и порождаетъ всѣ вещи соединеніемъ и разлученіемъ присущихъ ему качествъ и стихій. Онъ же возвѣстилъ шаровидпость земли, изобрѣлъ солнечные часы, устроилъ бронзовую ландкарту и вычислилъ величину и разстояніе небесныхъ тѣлъ. Но какъ отъ него напрасно добивались причины видимаго ихъ движенія, то Левкиппъ и особенно богатый свѣдѣніями, много путешествовавшій Демокритъ изъ Абдеры (ок. 450) поставили коренными началами міра пустое пространство и простыя, недѣлимыя первичныя тѣла, вѣчно движущіяся въ немъ по законамъ природы,—и основали такимъ образомъ ученіе объ атомахъ, атомистическую систему. Отъ поперемѣннаго соединенія и разрѣшенія этихъ атомовъ, которые предполагались различныхъ свойствъ и изъ которыхъ круглые, огневые, составляли душу міра, возникъ, по мнѣнію атомистовъ, весь чувственный міръ, который поэтому есть только ложь и призракъ, вслѣдствіе чего и веселый, вѣчно смѣющійся Демокритъ, подобно своему антиподу, вѣчно плачущему Гераклиту, совѣтовалъ искать только душевнаго покоя и хладнокровія среди этого хаоса безпрерывныхъ перемѣнъ. Атомистическое ученіе черезъ Анаксагора клазоменскаго перешло въ Аѳины, гдѣ этотъ богатый знаніями и опытностью философъ провелъ бо̀льшую часть жизни въ дружбѣ съ Перикломъ, пока враги этого правителя не принудили Анаксагора, какъ богоотступника, бѣжать въ Малую Азію. Онъ измѣнилъ ученіе Демокрита въ томъ отношеніи, что придалъ атомамъ (гомеомеріямъ) опредѣленныя свойства, а начальное движеніе первичныхъ тѣлъ производилъ не отъ нихъ самихъ, а отъ верховнаго разума (нусъ), который хотя и розенъ отъ вещества, однакожь привнесъ въ него движеніе и порядокъ, обладая притомъ могуществомъ, свободой и всевѣдѣніемъ. Да-

бы объяснить происхожденіе одной вещи отъ другой, онъ принималъ, что въ каждой есть нѣчто общее всѣмъ прочимъ и что особенный видъ того или другаго тѣла зависитъ отъ которой-нибудь одной преобладающей въ немъ составной части.

2. Дорійско-италійская философія: а) Пиѳагоровская школа. Это ученіе, обнимавшее собою весь міръ, человѣка и государство, главными началами своими обязано своему основателю Пиѳагору, замѣнившему прежде всѣхъ названіе мудрецъ (софосъ) словомъ мудролюбецъ (философъ) и пользовавшемуся въ цѣлой древности величайшимъ уваженіемъ, въ качествѣ учредителя пиѳагоровскаго союза, изобрѣтателя названной его именемъ математической теоремы, и въ качествѣ необыкновенной личности, равно замѣчательной въ политическомъ и въ нравственномъ отношеніи; дальнѣйшее развитіе данныхъ имъ первыхъ основаній конечно принадлежитъ уже его ученикамъ. Пиѳагоровцы, или пиѳагорейцы, сводили все существующее на мѣру и число, прозрѣвая въ фигурахъ и числахъ какое-то глубоко-таинственное значеніе. Ученіе свое облекали они въ математическія формы, ища въ числовыхъ соотношеніяхъ самую сущность вещей и объясняя происхожденіе всего — изъ разнообразнаго сочетанія чиселъ. Міръ представлялся имъ гармонически устроеннымъ цѣлымъ, состоящимъ изъ десяти различныхъ сферъ, которыя кружатъ въ правильныхъ движеніяхъ около центра, или единства (единицы), то-есть Бога, первоначальника всѣхъ совершенствъ. Какъ центральный огонь, единство есть притомъ источникъ теплоты и жизни, а потому оно проникаетъ собою все существующее, поставляя такимъ образомъ въ относительное сродство съ Богомъ—свѣтила, низшія божества, духовъ, людей и животныхъ. Истеченіемъ центральнаго огня или верховнаго божества представлялась Пиѳагорейцамъ и душа человѣческая, которая по смерти плоти должна для очищенія себя перебывать въ разныхъ тѣлахъ, пока не воротится опять въ человѣческое тѣло. Задачею нравственной жизни считали они гармоническое единство, которое всего лучше достигается стремленіемъ къ мудрости, молитвою, наукою (математикой) и простымъ, воздержнымъ образомъ жизни; но вполнѣ наслаждаются имъ одни божества, а люди должны соревновать имъ, какъ своимъ высокимъ водителямъ. Среди добродѣтелей первое мѣсто занимаетъ справедливость, выражаемая пословицей: «не дѣлай, чего на желаешь, чтобъ дѣлали другіе!» Ученіе о зву-

чной гармоніи сферъ, которая будто происходитъ отъ качательнаго движенія тѣлъ небесныхъ, вращающихся въ правильныхъ между собою разстояніяхъ, принадлежитъ уже къ кругу поэтическихъ воззрѣній, а не къ области строгой науки.

Пиѳагоръ, родившійся около 584 г. до Р. Х. на островѣ Самосѣ (ум. 504), былъ человѣкъ, щедро надѣленный тѣлесными и духовными преимуществами, но котораго жизнь закрыта отъ насъ миѳическимъ и мистическимъ туманомъ. Укрѣпивъ свои умственныя силы математикой, геометріей и музыкой и изучивъ потому въ обширныхъ путешествіяхъ по Греціи, Криту и Египту (здѣсь, какъ говорятъ, онъ посвященъ былъ въ тайны жреческой мудрости) нравы и учрежденія образованнѣйшихъ народовъ, Пиѳагоръ покинулъ Самосъ, гдѣ подъ управленіемъ тиранна Поликрата было мало простора его идеямъ, и отправился въ греческую колонію Кротонъ въ Нижней Италіи. Граждане ея, укрѣпляя свои силы въ гимнастическихъ школахъ и поддерживая въ себѣ чувство чести и бодрую готовность къ подвигамъ, успѣшно сопротивлялись до тѣхъ поръ вторженію роскоши, изнѣженности и сластолюбія. Здѣсь, среди простаго, нравственно-строго и доступнаго высшимъ порывамъ населенія, пріобрѣлъ онъ себѣ своею мудростью, нравственною жизнью (вся пища его состояла изъ хлѣба, меду и зелени) и внѣшнимъ обаяніемъ своего жреческаго вида многихъ слушателей, приверженцевъ и друзей; изъ нихъ-то онъ учредилъ такъ-называемый пиѳагоровскій союзъ, получившій вскорѣ большое политическое значеніе, такъ что составленный изъ членовъ этого союза аристократическій трехсотенный совѣтъ овладѣлъ правленіемъ въ самомъ Кротонѣ, да сверхъ того и во многихъ другихъ городахъ, въ Локрахъ, Метапонтѣ, Тарентѣ и т. д., пиѳагорейцы успѣли сообщить государственнымъ учрежденіямъ аристократическій характеръ. Аристократію ума, преобладаніе духа хотѣли они противопоставить слабымъ сторонамъ и властительства родовой знати и народнаго правленія, и въ то же время удержать толпы отъ властолюбныхъ стремленій превосходствомъ своего практическаго смысла, образованія и энергической дѣятельности. Въ теченіе двадцатилѣтняго управленія пиѳагорейцевъ (530—510) города эти процвѣтали нравственностію, порядкомъ, миромъ и торговлею.—Пиѳагоровскій союзъ раздѣлялся на два разряда, на эсотериковъ, знакомыхъ съ тайными ученіями и самыми высокими цѣлями общества, и на экзотериковъ, которые состояли толь-

ко въ наружной связи съ союзомъ до тѣхъ поръ, пока удостоивались принятія въ него особымъ посвященіемъ. Этому предшествовало строгое испытаніе ихъ жизни и душевныхъсвойствъ, во время котораго готовившіеся къ пріему соблюдали обѣтъ безмолвія, прилежанія, повиновенія и особенныхъ аскетическихъ упражненій. Члены вели правильный, воздержный, строго-нравственный образъ жизни; у нихъ были общія тѣлесныя и духовныя упражненія, общія трапезы безъ вина и мясныхъ яствъ, своя особенная одежда, тайныя религіозныя сборища, символическія поговорки и знаки, по которымъ члены могли тотчасъ же узнать другъ друга; существовало ли у нихъ общеніе имуществъ—это еще сомнительно. Въ «золотыхъ словахъ» учителя заключались повидимому главнѣйшія правила союза, и члены питали къ лицу его такую благоговѣйную преданность, что для полнаго ручательства въ истинѣ чего либо достаточно было простаго завѣренія: «такъ онъ сказалъ!» Всепроникающею, соединительною нитью цѣлаго ордена было религіозное настроеніе, проявлявшееся и внѣшнимъ образомъ въ великолѣпныхъ процессіяхъ и празднествахъ въ честь Аполлона; главными предметами научныхъ стремленій были математика и музыка. Они занимались также врачебнымъ искусствомъ, и высоко цѣнили тѣлесныя упражненія въ гимнастическихъ училищахъ.—Могущество пиѳагоровскаго союза вскорѣ пробудило къ нему зависть въ демократахъ, которые встрѣчали со стороны орденской братіи величайшее къ себѣ презрѣніе. Говорилъ же самъ Пиѳагоръ: «Дѣлай, что самъ считаешь благороднымъ, хотя бы пришлось вытерпѣть за то изгнаніе! вѣдь толпа плохой судья тому, что благородно, что нѣтъ. Поэтому презирай ея похвалу, презирай ея порицанія! Чти братьевъ, какъ боговъ, а на остальныхъ людей смотри какъ на толпу недостойныхъ. Съ «бобами» (демократами) веди постоянную борьбу!» Кротонцы, подъ управленіемъ враждебныхъ всѣмъ тираннамъ пиѳагорейцевъ, начали войну съ изнѣженными Сибаритами, состоявшими подъ владычествомъ тирана (510). По разрушеніи Сибариса зашла ссора между союзомъ и народною партіей, предводимою безпутнымъ честолюбцемъ, Килономъ, за раздѣлъ добычи и завоеванныхъ земель, причемъ толпа ринулась на домъ вождя пиѳагорейцевъ, Милона, всѣ попавшіеся тутъ члены союза были умерщвлены, самый союзъ разрушенъ и имущества его приверженцевъ раздѣлены между демократами. Послѣ тяжкой поры безначалія, наступившей въ Кро-

тонѣ подъ грубымъ владычествомъ народа, наконецъ заключено было при посредствѣ ахейской метрополіи соглашеніе на условіяхъ не слишкомъ тѣснаго союза, котораго религіознымъ средоточіемъ назначенъ храмъ Зевса-«Порубежника» (Зевсъ Гоморіосъ). Но борьба эта все-таки оставила по себѣ и нравственную одичалость и политическое ослабленіе. Самъ Пиѳагоръ скончался, говорятъ, осьмидесяти лѣтъ въ Метапонтѣ. Не смотря на сильныя преслѣдованія, претерпѣваемыя съ тѣхъ поръ пиѳагорейцами, школа ихъ поддерживалась въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Извѣстнѣйшими учителями ея въ позднѣйшую эпоху были Филолай и Архитасъ, современники Сократа. Наклонность людей къ таинственному и чудесному доставляла ордену членовъ въ послѣдствіи, какъ и вначалѣ.

б) Элеатская школа. Въ то время какъ іонійская и пиѳагоровская философія стремилась понять все чувственно-явное, какъ порожденіе невидимаго и вѣчнаго, въ немъ же и пребывающее, Ксенофанъ колофонскій (ок. 536), основатель элеатской школы, признавалъ вѣчнымъ и неимѣннымъ самый міръ, и этимъ положилъ начало пантеизму, или тому ученію, которое принимаетъ божество и міръ за одно и тоже. Положеніемъ своимъ, что множественности неизмѣнныхъ вещей нѣтъ, а есть только одно неизмѣнное, именно все, и что это единое все есть Богъ, онъ правда рѣшительно противусталъ многобожію, но зато возвелъ вселенную въ божество и утверждалъ о немъ, что оно ни конечно, ни безконечно, ни движимо, ни недвижимо, а между тѣмъ всемысляще, всемогуще, вполнѣ себѣ равно и тожественно, и что, наконецъ, совершеннѣйшая форма его—шаръ. Ксенофанъ и ученики его Парменидъ (ок. 500), Эмпедоклъ агригентскій (492—432), Зенонъ (ок. 460) и др., надѣленные поэтическими дарами подобно учителю, единственный источникъ истины признавали въ человѣческомъ разумѣ, а между тѣмъ безпрестанно сѣтовали на его недостаточность. — Сначала элеаты принимали четыре стихіи — воду, воздухъ, огонь и землю — за первичныя составныя части міра, которыя понять можно однакожь только подъ формою единства, и исходя отъ этихъ простыхъ началъ, они своимъ діалектическимъ искусствомъ развили едва зарождавшуюся тогда философію въ цѣлую систему полныхъ мысли философскихъ ученій. Въ своемъ стихотвореніи о природѣ Эмпедоклъ (котораго чудесное самоубійство въ жерлѣ Этны Древность изукрасила множествомъ сказаній) предполагаетъ міроустрой-

ство, основанное на упомянутыхъ четырехъ стихіяхъ, и изливается потому въ скорбныхъ жалобахъ на ограниченность и непостоянство человѣческихъ дѣлъ и знаній. Не принадлежа собственно къ школѣ элеатовъ, Эмпедоклъ старался соединить Гераклитово начало вѣчнадо измѣненія съ всеединымъ неизмѣннымъ бытіемъ элеатской системы.

§ 76. б) Древнѣйшее бытописаніе (логографія) Грековъ. Когда исчерпаны были героическія саги, изъ которыхъ эпики, слѣдовавшіе за Гомеромъ (§ 62), преимущественно заимствовали свои сюжеты, — Греки начали собирать и записывать ходившія въ народѣ извѣстія и разсказы о старомъ времени, передаваемые до тѣхъ поръ изустно. Отсюда возникло первоначальное бытописаніе, отличавшееся отъ эпической поэзіи цикликовъ въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ тѣмъ, что писатели, называемые логографами, историками и хронистами, точнѣе держались уцѣлѣвшей саги и ограничивали порывы воображенія, всегда болѣе или менѣе дѣятельнаго при изустной передачѣ, а во вторыхъ тѣмъ, что они употребляли уже не метрическую рѣчь, а излагали свои повѣствованія вольнымъ, не связаннымъ мѣрою словомъ, и такимъ образомъ сдѣлались творцами прозы. Проза явилась признакомъ того, что область миѳографа изъ безграничнаго царства фантазіи перешла на твердую почву опредѣленной дѣйствительности. Въ поэзіи человѣкъ впервые научился приводить въ порядокъ свои мысли и ощущенія, ей каждая предшествовавшая эпоха вручала весь запасъ своихъ опытовъ и въ ней находили себѣ первое выраженіе всякая быль, всякій фактъ. Чтобы достигать въ разсказѣ художественной формы, ей небходимо было брать сюжетъ только со стороны поступательнаго, въ очію совершающагося дѣйствія; но съ накопленіемъ фактическаго матеріала ощутительный его перевѣсъ повелъ повѣствовательную поэзію къ неизбѣжному упадку въ чистохудожественномъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ явился уловіемъ, при которомъ могла возникнуть исторія, какъ простое повѣствованіе въ прозѣ. — Какъ эѳическая поэзія приняла вскорѣ двоякое направленіе: одно — героическое, другое — ѳеогоническое, такъ точно пошла этими же двумя путями и порожденная ею проза: изъ перваго развилась исторіографія, бытописаніе, изъ послѣдняго — письменное изложеніе философскихъ ученій. Оттого здѣсь, какъ и въ поэзіи, повторяется одинъ и тотъ же споръ — о первенствѣ этихъ

двухъ родовъ между собою: въ то время, какъ одни объявляютъ первымъ прозаикомъ философа Ферекида сиросскаго (ок. 540), другіе отдаютъ это преимущество логографу Кадму изъ Милета (ок. 520). Достовѣрно во всякомъ случаѣ одно, что первыя сочиненія въ прозѣ относятся къ періоду между 60 и 70 олимпіадами (540 — 500). Дѣятельность этихъ древнѣйшихъ исторіографовъ заключалась преимущественно въ отыскиваніи, собираніи и записываніи всѣхъ сагъ и разсказовъ объ основаніи и первобытномъ устройствѣ славныхъ городовъ и общинъ, о происхожденіи и судьбахъ отдѣльныхъ племенъ и поколѣній (родословіе), о первоначальной исторіи той или другой страны и ея обитателей. Вѣрные преемники эпическихъ стихотворцевъ, они особенно обработывали племенныя и мѣстныя саги, отчасти въ томъ видѣ, какъ ходили онѣ въ народѣ, отчасти можетъ быть и такъ, какъ могли онѣ сохраниться въ древнихъ офиціальныхъ или жреческихъ записяхъ, при чемъ опорою имъ служили памятники и обѣтные дары, снабженные надписями и изображеніями. Ихъ изложеніе и языкъ были просты, безъ всякихъ прикрасъ, хотя мѣстами еще замѣтны у нихъ слѣды поэтическаго воспроизведенія. Отъ критическаго разбора между дѣйствительными событіями и миѳическими сагами были они, кажется, такъ же далеки, какъ и отъ прагматическаго или даже хронологическаго распорядка: они не сопоставляли явленій ни по времени, ни по взаимной внутренней связи. Настоящимъ отечествомъ логографовъ была та же Іонія, гдѣ развился и эпосъ, — Іонія, которая раннею образованностью и развитіемъ искусства опередила всѣ другія страны Эллиновъ. Одинъ Милетъ обладалъ тремя такими писателями, которые занимались болѣе или менѣе исторіею основанія и первоначальныхъ судебъ роднаго ихъ города: это были Кадмъ (ок. 530), Діонисій и Гекатей (ок. 510). Тогда какъ первый ограничивался простымъ записываніемъ городовыхъ исторій, второй старался уже обозрѣть всю современную исторію въ довольно обширномъ сочиненіи о Персіи, а послѣдній собралъ въ своихъ дальнихъ путешествіяхъ по Египту, Азіи, Италіи и другимъ странамъ матеріалы для составленнаго имъ описанія земель и народовъ, которое даетъ ему право считаться прямымъ Геродотовымъ предшественникомъ. Гекатей былъ притомъ истый патріотъ, и помогалъ своему родному городу въ войнѣ противъ Дарія и дѣломъ и совѣтомъ. Изложеніе у него было простое и строго-іонійское; при этомъ въ немъ видна живая наклонность къ критикѣ, руководимой пытливымъ раз-

судкомъ. Въ числѣ прочихъ логографовъ извѣстнѣйшими слывутъ: Гелланикъ митиленскій, написавшій Исторію человѣческаго рода до похода Аргонавтовъ и другія сочиненія (ок. 450); современникъ его Дамастъ, родомъ изъ Сигейона, Харонъ лампсакскій, Акузилай изъ Аргоса, Ферекидъ лерosскій (480 — 416) и Антіохъ сиракузскій (423), авторъ исторіи Италіи и Сициліи на іонійскомъ нарѣчіи. Если Геродотъ и позднѣйшіе бытописатели укоряютъ Гекатея и многихъ другихъ логографовъ за то, что они легковѣрно перемѣшивали истину съ заблужденіемъ, то это можетъ служить доказательствомъ, что писатели эти еще слишкомъ близко держались изложенія и обработки поэтовъ, еще слишкомъ подчинялись преданію, полному вымышленныхъ прибавокъ, еще слишкомъ часто увлекались основаннымъ на племенной гордости стремленіемъ приписывать своимъ все славное и отстранять отъ нихъ или по крайней мѣрѣ смягчать все позорное, и что вслѣдствіе того сочиненія ихъ полны басней и сказокъ, — погрѣшность, которой не могъ совершенно избѣжать и самъ Геродотъ. Труды всѣхъ логографовъ утрачены, кромѣ немногихъ дошедшихъ до насъ отрывковъ.

II. ЦВѢТУЩАЯ ПОРА ГРЕЦІИ.

1. *Персидскія войны.*

а) возстаніе малоазійскихъ грековъ (496).

§ 77. Благодаря покоренію греческихъ колоній на берегу Малой Азіи Киромъ и завоеванію Ѳракіи и Македоніи Даріемъ, Персы вошли съ Греками въ разныя соприкосновенія, которыя при властолюбіи первыхъ и при свободолюбіи вторыхъ вскорѣ должны были породить непріязнь между ними. Поэтому попытка малоазійскихъ Грековъ свергнуть съ себя ненавистное иго легко вызвала всеобщую войну. Долго эллинскія колоніи принуждены были подавлять въ себѣ стремленіе къ свободѣ; знатные Греки, которыхъ Персы поставили князьями или тиранами въ разныхъ городахъ и которые по этому были преданы царскому двору въ Сузѣ, умѣли держать своихъ согражданъ въ повиновеніи. Какъ вдругъ

князь милетскій, Гистіэй, отчасти въ награду за то, что во время скиѳскаго похода онъ помѣшалъ сломкѣ моста на Дунаѣ (§ 49), отчасти и изъ недовѣрія, возбужденнаго къ нему въ Даріи сильными завистниками, вызванъ былъ въ персидскую столицу съ тѣмъ, чтобы жить тамъ весело и великолѣпно, но подъ непосредственнымъ надзоромъ подозрительнаго царя. Это положеніе, въ которомъ довольство и роскошь соединялись съ тяжкимъ стѣсненіемъ, сдѣлалось наконецъ невыносимымъ для Гистіэя и пробудило въ душѣ его тоску по прекрасной родинѣ. Вотъ почему подстрекнулъ онъ тайно своего родню и преемника Аристагора поднять между недовольными Греками возстаніе, надѣясь найдти черезъ это случай къ возвращенію въ Милетъ. Аристагоръ тѣмъ охотнѣе сдался на его вызовъ, что во первыхъ самъ боялся отъ Персовъ наказанія за неудачное предпріятіе противъ остр. Наксоса, которое онъ и присовѣтывалъ и руководилъ, а во вторыхъ онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ гордостью персидскаго намѣстника въ Малой Азіи. Вскорѣ поднялъ оружіе Милетъ, гдѣ историкъ Гекатей дѣйствовалъ въ чисто-патріотическомъ духѣ, сначала предостерегая отъ возстанія, а потомъ совѣтуя удерживать за собою море сильнымъ флотомъ; поднялись также и прочія іонійскія колоніи, съ одною общею цѣлью изгнать своихъ тирановъ и свергнуть потомъ иго Персіи. Обратились за помощью къ Спартѣ и другимъ могущественнымъ державамъ метрополіи; но только однѣ Аѳины, изъ опасенія, чтобы Дарій не возстановилъ проживавшаго при немъ Гиппія, да еще городокъ Эретрія на Эвбеѣ, прислали небольшое число судовъ. Возстаніе сначала шло, повидимому, успѣшно. Греки взяли и сожгли Сарды, главный городъ Малой Азіи, весь крытый тростникомъ, и тогда мятежъ разлился по всему Карійскому берегу до Халкидона на Боспорѣ. Но счастіе вскорѣ повернуло. Не только сухопутное войско, послѣ сожженія Сардъ, разбито было персидскимъ намѣстникомъ у Эфеса; но разногласіе Іонійцевъ и безрядица предпріятія вмѣстѣ съ подавляющею силою врага, повели въ слѣдующемъ году къ потерѣ морскаго сраженія (при Ладѣ), къ сдачѣ Милета и совершенному его истребленію. Милетцы были частью перебиты, частію отведены въ плѣнъ на низовья Тигра.

Аристагоръ убѣжалъ къ стримонскимъ Ѳракійцамъ, гдѣ былъ умерщвленъ; Гистіэй, посланный въ Іонію и примкнувшій къ мятежнымъ Грекамъ, самъ попалъ въ плѣнъ и погибъ на крестѣ; Карія была покорена послѣ мужественной обороны; Іонія, снова подпавъ персидскому игу, потерпѣла строгое наказаніе, и Дарій поклялся жестоко отмстить пособникамъ мятежа, Аѳинянамъ и Эретрійцамъ.

б) ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ ПРИ ДАРІИ (492. 490).

§ 78. Мардоній, зять Дарія, повелъ флотъ и войско вдоль ѳракійскаго берега къ Греціи (492), а между тѣмъ разосланные впередъ герольды потребовали отъ всѣхъ греческихъ государствъ «воды и земли», знаменій покорности. — Но бурею разбило корабли о мысъ Аѳонъ (Аѳосъ), а ѳракійскія племена истребили часть сухопутнаго войска, такъ что Мардоній, не успѣвъ ничего сдѣлать, воротился съ остатками ввѣренныхъ ему силъ въ Азію. Не лучше успѣли и герольды. Хотя Эгина и большая часть острововъ представили отъ себя требуемые знаки покорности; но когда послы явились съ тѣмъ же требованіемъ въ Спарту и Аѳины, они, вопреки народному праву, были умерщвлены; Спартанцы столкнули ихъ въ колодезь, чтобы они сами достали оттуда, чего спрашивали. Раздраженный такимъ посмѣяніемъ, Дарій отправилъ другой флотъ со множествомъ войскъ, подъ начальствомъ Датиса и Артаферна. Этотъ флотъ прошелъ чрезъ Архипелагъ, гдѣ онъ покорилъ Наксосъ и остальные Циклады, а потомъ высадилъ войско на Эвбею. Послѣ отважнаго сопротивленія, Эретрія измѣною досталась въ руки непріятелю, который истребилъ ее до тла, а жителей отослалъ, рабами, въ глубину Азіи. Съ огнемъ и мечемъ прошли тогда Персы весь этотъ островъ; потомъ, руководимые Гиппіемъ, высадились на берегъ Аттики и раскинули станъ на Мараѳонскомъ полѣ. Аѳиняне не медля послали къ Спартанцамъ за помощью; но когда тѣ отвѣчали, что, по старому обычаю, они не могутъ до полнолунія выступить въ походъ и ранѣе десяти дней не тронутся съ мѣста, тогда Аѳиняне, подъ начальствомъ десяти полководцевъ, смѣло двинулись одни навстрѣчу врагу. Знатнѣйшимъ изъ этихъ полководцевъ былъ Мильтіадъ, сынъ того

аѳинскаго вельможи, Кимона, котораго Гиппій велѣлъ нѣкогда убить изъ подозрительности. Владѣлецъ значительнаго участка земли во Ѳракійскомъ Херсонесѣ (что нынѣ полуостровъ Галлиполи), Мильтіадъ былъ долго персидскимъ вассаломъ и подручникомъ, участвовалъ въ походѣ на Скиѳовъ (§ 49) и близко былъ знакомъ съ обычаемъ, натурой и военными дѣйствіями Персовъ. Боясь мести великаго царя, онъ, послѣ битвы при Ладѣ, отправился на пяти судахъ со всею семьею и имуществомъ въ свой родной городъ Аѳины, гдѣ его мужество и боевая опытность доставили ему вскорѣ величайшее уваженіе. По его-то указанію, десять тысячъ аѳинскихъ гоплитовъ, къ которымъ добровольно примкнула еще тысяча Платейцевъ, напали на вдесятеро сильнѣйшее войско Персовъ и нанесли ему въ Мараѳонской битвѣ совершенное пораженіе (490). Побѣдители захватили богатую добычу и наложили на враговъ тѣ самыя цѣпи, которыми послѣдніе запаслись было для нихъ. Велика была слава Аѳинянъ, доказавшихъ здѣсь въ первый разъ, что они достойны той демократической свободы, которую ввели у себя не задолго, и цѣлые вѣка послѣ патріоты-ораторы еще пользовались мараѳонскою побѣдой для того, чтобы одушевлять народъ мужествомъ и отвагой. «Какъ передовые бойцы Эллиновъ, низложили Аѳиняне при Мараѳонѣ могущество залитыхъ въ золото Мидянъ»— говоритъ эпиграмма Симонида кеосскаго о павшихъ воинахъ; Пиндаръ называетъ Аѳины «столпомъ Греціи, блестящимъ, достойнымъ пѣсенъ городомъ.» Въ числѣ убитыхъ находился и Гиппій. Въ самый день сраженія пришли на помощь къ Аѳинянамъ двѣ тысячи Лакедемонцевъ. Похваливъ ихъ за мужественный подвигъ, они воротились домой. Аѳиняне соорудили своимъ павшимъ согражданамъ надгробный памятникъ съ десятью столбами, на которыхъ означены были имена всѣхъ убитыхъ, а тѣла Персовъ побросали въ ямы и завалили. И теперь еще видны на Мараѳонскомъ полѣ явные слѣды могильныхъ холмовъ.

§ 79. Спаситель Греціи, Мильтіадъ, не долго наслаждался своею славой. Онъ уговорилъ Аѳинянъ снарядить флотъ для завоеванія острововъ Эгейскаго моря, которые покорились Персамъ. И когда нападеніе на остр. Паросъ не удалось,

нѣкто Ксантиппъ обвинилъ Мильтіада за то, что онъ обманулъ народъ ложными обѣщаніями. Больной отъ раны, которую получилъ онъ въ Паросѣ и къ которой на бѣду присоединилось воспаленіе, побѣдитель при Мараѳонѣ принесенъ былъ въ засѣданіе суда на носилкахъ и приговоренъ къ уплатѣ издержекъ на экспедицію. Надо было внести 50 талантовъ (ок. 75 тыс. рубл.); но прежде нежели успѣли собрать эту сумму, Мильтіада уже постигла смерть. Благородный сынъ его, Кимонъ, уплатилъ наложенное взысканіе и похоронилъ вѣнчаннаго славою отца съ великимъ почетомъ. Тогда жилъ въ Аѳинахъ человѣкъ, который съ рѣдкимъ безкорыстіемъ и самоотверженностью старался оказать пользу своему отечеству, и дома, и на ратномъ полѣ. Человѣкъ этотъ былъ Аристидъ; его гражданская доблесть, прямота и благородство духа были до того всѣмъ извѣстны, что онъ заслужилъ себѣ прозвище справедливаго. Такъ какъ Аристидъ не льстилъ народу и не одобрялъ ни одной мѣры, не согласной съ строгою справедливостью, то онъ вскорѣ долженъ былъ уступить первенство Ѳемистоклу, человѣку не такъ добросовѣстному, но болѣе даровитому и честолюбивому, которому побѣдная слава Мильтіада рѣшительно не давала покоя. Онъ сдѣлался любимцемъ народа, и чтобы никто не перечилъ его планамъ, постарался удалить Аристида чрезъ остракизмъ (483). Оставшись одинъ руководителемъ государственныхъ дѣлъ въ Аѳинахъ, Ѳемистоклъ воспользовался всѣмъ своимъ вліяніемъ для того, чтобы усилить флотъ, находя, что однимъ только этимъ способомъ Аѳиняне могутъ достигнуть политическаго перевѣса и противустоять Персамъ. Прорицаніе дельфійскаго оракула, что «деревянныя стѣны» единственное спасеніе Аѳинамъ, пришлось ему какъ нельзя болѣе кстати. Граждане безкорыстно согласились на его предложеніе, употребить добычу изъ серебряныхъ рудниковъ на постройку кораблей и на учрежденіе Пирейскаго порта. «Аѳины избавились отъ всѣхъ грозившихъ имъ бѣдъ только благодаря тому, что среди ихъ жилъ въ то время великій человѣкъ, и у Аѳинянъ было на столько здраваго смысла, что не каждый изъ нихъ хотѣлъ перемудрить другихъ, а напротивъ всѣ они довѣрчиво положились на того, кто былъ умнѣе.»

в) ПОХОДЪ КСЕРКСА (480. 479).

§ 80. Θермопилы. Среди громадныхъ приготовленій къ новому походу на Грецію, Дарія постигла смерть (485). Преемникъ его Ксеркъсъ, надменный гордостью и тщеславіемъ, не покинулъ плановъ мести своего отца и далъ готовившимся вооруженіямъ такіе размѣры, что если вѣрить показаніямъ Геродота, основаннымъ на народномъ преданіи и поэтической оцѣнкѣ, онъ собралъ войско въ 1,700,000 человѣкъ и морскую силу въ 1,200 большихъ кораблей, не считая мелкихъ. Окончивъ свои вооруженія и подавивъ чрезвычайно удачно возстаніе въ Египтѣ (484), что̀ еще болѣе обнадежило его на вѣрный успѣхъ, велѣлъ онъ всѣмъ войскамъ собраться въ Сардахъ и двинулся съ ними чрезъ Иліонскую область къ Гелеспонту (481). Эта чудная смѣсь народовъ всѣхъ возможныхъ племенъ и языковъ, въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ и вооруженіяхъ, переходила черезъ проливъ семь дней безъ перерыва по двумъ пловучимъ мостамъ, которые царь велѣлъ навести близь Абидоса; за войскомъ тянулись безконечныя толпы оруженосцевъ и конюховъ, колымаги съ женами и гаремною челядью, мужская и женская прислуга, необозримый обозъ и вьюки съ пожитками, убранствомъ и т. д. Каждый народъ являлся здѣсь въ своей туземной одеждѣ, съ своимъ особеннымъ вооруженіемъ, — Персъ въ тяжеломъ панцырѣ на рьяномъ конѣ, полунагой Арабъ на верблюдѣ, Саки и племена восточнаго Ирана съ лукомъ и бардышемъ въ рукѣ, войска малоазійскія и кавказскія съ плетеными щитами и въ деревянныхъ шлемахъ, Эѳіопы съ барсовыми и львиными шкурами на плечахъ. Перешедши Геллеспонтъ, сухопутное войско потянулось отъ Херсонеса черезъ Θракію въ Македонію и Θессалію, а флотъ, для снабженія войскъ всѣмъ необходимымъ, слѣдовалъ вдоль берега по каналу, нарочно для того прорытому финикійскими землекопами между Аѳонскимъ мысомъ и материкомъ. Θессалія покорилась безъ сопротивленія; Беотія, Аргосъ и нѣкоторыя мелкія державы малодушно поднесли царю земли и воды; грозно надвигалъ непріятель все ближе и ближе. Тутъ-то Греція показала свѣту все могущество патріотизма, мужества и единодушія. Едва толь-

ко, по настоянію Ѳемистокла, большая часть греческихъ государствъ успѣли заключить подъ гегемоніей Спарты общій союзъ, обязывавшій всѣхъ членовъ къ охраненію земскаго и божьяго мира, какъ въ іюлѣ, въ самое время празднованія олимпійскихъ игръ, Ксеркъ явился у Ѳермопильской тѣснины, которую занималъ Спартанскій царь Леонидъ съ тремя стами Спартанцевъ и нѣсколькими тысячами союзниковъ. На вызовъ положить оружіе доблестный полководецъ отвѣчалъ: «Попробуй взять его!» А когда Грековъ вздумали стращать многочисленностью непріятеля и говорили, что солнце затмится отъ безчисленныхъ стрѣлъ и копій такой рати, одинъ изъ нихъ возразилъ: «Тѣмъ лучше, мы будемъ сражаться въ тѣни!» Напрасно персидскій царь силился нѣсколько дней овладѣть проходомъ: тысячи его воиновъ пали отъ копья и меча Эллиновъ: даже и знаменитое ядро его войска, десять тысячъ безсмертныхъ, не могли одолѣть Грековъ, которымъ благопріятствовала и мѣстность и расположеніе. Тутъ одинъ измѣнникъ, Грекъ Эфіальтъ, провелъ часть персидскаго войска по одной скрытой тропѣ черезъ высоты горы Эты. Тысяча Фокейцевъ, стоявшихъ на вершинѣ горы, скоро обратились въ бѣгство, такъ что непріятель могъ безпрепятственно спуститься на другую сторону и напасть на Эллиновъ въ тылъ. При первой вѣсти о неминучей опасности, Леонидъ отпустилъ союзныя войска, а самъ съ 300 своихъ Спартанцевъ, къ которымъ примкнули еще 700 гражданъ города Ѳеспіи, предпочелъ геройскую смерть за родной край. Атакованные спереди и сзади, бились они какъ львы, пока задавленные множествомъ и утомленные боемъ и рѣзней, не пали наконецъ всѣ до послѣдняго. Два Спартанца, навлекшіе на себя подозрѣніе въ бѣгствѣ съ кроваваго побоища, — были объявлены лишенными чести, вслѣдствіе чего одинъ изъ нихъ искупилъ смертью свой позоръ въ ближайшемъ сраженіи, а другой порѣшилъ съ собой самоубійствомъ. Леонидъ и его доблестная дружина еще долго жили въ пѣснѣ народной, и бронзовый левъ указывалъ въ послѣдствіи путнику то мѣсто, гдѣ палъ дорійскій царь-герой. Невозбранно покорили тогда Персы Беотію и Фокиду, вторгнулись съ опустошеніемъ въ Аттику и испепелили Аѳины, при чемъ однакожъ погибъ, послѣ храброй

обороны, только гарнизонъ городской крѣпости, состоявшей изъ старыхъ воиновъ (инвалидовъ). Способные къ оружію граждане всѣ служили на флотѣ; женщинъ, дѣтей и все имущество перевезли, по совѣту Ѳемистокла, въ Саламинъ, Эгину и Трезену. Великій царь отправилъ въ Сузу гонца съ извѣстіемъ о побѣдахъ. Одинъ только несчастный случай нарушилъ его радостное торжество. Отрядъ персидскаго войска потянулся было къ Парнассу, чтобы ограбить и разорить дельфійское святилище. Когда Персы стали подвигаться по крутизнѣ среди страшныхъ дебрей, на нихъ покатились камни и глыбы скалъ, низвергаемые незримыми руками, такъ что многіе тутъ погибли, а остальные въ испугѣ бросились бѣжать. Дельфійцы, разумѣется, приписали спасеніе храма не кому иному, какъ могучему ихъ божеству.

§ 81. Саламинъ. Въ это время Ѳемистоклъ явился избавителемъ Греціи. Морская сила Эллиновъ, подъ начальствомъ Спартанца Эврибіада, перешла между тѣмъ отъ Артемизія, гдѣ она нѣсколько дней сражалась успѣшно, въ Саронскій заливъ, обогнувъ мысъ Суніонъ. За нею вскорѣ послѣдовалъ и персидскій флотъ, который все еще былъ втрое ея сильнѣе, не смотря на уронъ, понесенный отъ бурь и кораблекрушеній. Здѣсь Пелопоннесцы, помышлявшіе только объ охраненіи собственной страны и для этого укрѣпившіе Коринѳскій перешеекъ стѣною, рѣшились удалиться и перенести битву ближе къ перешейку, чтобы въ случаѣ неудачи найдти защиту въ сухопутныхъ силахъ Греціи. Напрасно старался Ѳемистоклъ отклонить ихъ разумными доводами отъ этого гибельнаго плана и убѣдить, что для нихъ всего выгоднѣе морскія тѣснины, въ которыхъ громадному непріятельскому флоту негдѣ развернуться, и что притомъ удаленіемъ своимъ они навѣрно предадутъ въ руки врага аѳинскихъ женъ и дѣтей, укрывшихся въ Саламинѣ; грубое себялюбіе Спартанцевъ и Коринѳянъ не сдавалось на его краснорѣчивыя доказательства. Тогда ловкій Аѳинянинъ нашелъ выходъ изъ затрудненія въ своемъ геніальномъ умѣ. Когда все уже готово было къ отплытію, онъ послалъ въ глухую ночь вѣрнаго слугу къ Ксерксу сказать ему, что Эллины не согласны между собою и хотятъ отъ него уйдти, но что ему не слѣдуетъ выпускать ихъ

и что быстрое нападеніе обѣщаетъ ему вѣрную побѣду. Получивъ такую вѣсть, Ксеркъсъ отдалъ приказаніе окружить островъ и запереть греческій флотъ. Это и повело на слѣдующій день къ достопамятному Саламинскому сраженію (480), въ которомъ Греки одержали рѣшительную побѣду [1]. Въ отчаяніи смотрѣлъ Ксеркъсъ съ ближайшаго утеса на истребленіе своихъ морскихъ силъ и потомъ, озабоченный своимъ личнымъ спасеніемъ, поспѣшно отступилъ съ частію войскъ черезъ Ѳессалію, Македонію и Ѳракію, гдѣ тысячи его воиновъ погибли отъ голода, холода и истомы. Цѣлыя толпы потонули, какъ говоритъ Эсхилъ, въ рѣкѣ Стримонѣ, проломивъ подъ собой ея подтаявшій ледъ. Даже колесница Миѳры съ восемью бѣлыми конями была брошена во Ѳракіи. Спартанцы присудили Эвриѳіаду почетную награду за храбрость, а Ѳемистоклу — масличный вѣнокъ за мудрость и находчивость, подаривъ ему сверхъ того прекрасную колесницу.

§ 82. Платея и Микала. Такая же участь постигла 500,000 отборныхъ войскъ, оставленныхъ Ксерксомъ въ Ѳессаліи подъ Мардоніевымъ начальствомъ. Хотя, весною, чрезъ союзную имъ Беотію, они и произвели опустошительное вторженіе въ Аттику, принудивъ опять Аѳинянъ переселиться подъ «шалаши» гостепріимнаго Саламина, однакожь въ великой Платейской битвѣ (479) Греки, подъ предводительствомъ Спартанца Павсанія (которому былъ подчиненъ аѳинскій полководецъ Аристидъ), одержали надъ втрое сильнѣйшимъ непріятелемъ такую рѣшительную побѣду, что всего только 40,000 Персовъ успѣли уйдти на Геллеспонтъ. Остальные, въ томъ числѣ и храбрый вождь, были убиты, кто въ сраженіи, кто при взятіи приступомъ ихъ стана, укрѣпленнаго частоколомъ и деревянными башнями, кто, наконецъ, во время бѣгства, на ходу. Добыча была несмѣтная. Высоко взвивалось искупительное пламя на алтарѣ «Зевса Освободителя»; чтобы зажечь его, священный огонь былъ принесенъ изъ Дельфовъ однимъ платейскимъ скороходомъ, который только-что успѣлъ добѣжать и умеръ. Въ тотъ же самый день греческіе моряки нанесли

---

[1] Нѣкоторыя ближайшія подробности битвы разсказываетъ въ Эсхиловыхъ «Персахъ» гонецъ, присланный къ царицѣ Атоссѣ.

Персамъ рѣшительное пораженіе при мысѣ Микалѣ, гдѣ непріятель вытащилъ на сушу и укрѣпилъ свои корабли. И тутъ предводителемъ былъ Спартанецъ Леотихидъ, но пальма побѣды выпала Аѳинянамъ, которыми начальствовалъ отецъ Перикла, Ксантиппъ, и Милетцамъ, которые отложились отъ Персовъ. Станъ и флотъ непріятельскій достались въ руки побѣдителямъ и были сожжены; страшно свирѣпствовалъ мстительный мечъ Грековъ среди смятенныхъ и бѣгущихъ полчищъ непріятеля. Духъ одолѣлъ бездушную массу, и побѣдоносныя битвы Эллиновъ явились блистательнымъ подтвержденіемъ того, что любовь къ родинѣ и чувство свободы, подкрѣпляемые единомысліемъ и сознаніемъ національнаго единства, способны превозмочь даже и сильнѣйшаго врага. Въ заключеніе двойная побѣда Кимона при памфилійской рѣкѣ Эвримедонѣ надъ сухопутными и морскими силами Персовъ положила на время конецъ этой войнѣ (469). Однако подлежитъ еще сомнѣнію, дѣйствительно ли состоялся тогда такъ-называемый Кимоновъ миръ, будто бы освободившій всѣ греческія государства отъ власти Персовъ.

Подробности Платейскаго сраженія. Долго стояли Эллины на высотахъ Киѳерона, раздѣленные отъ Персовъ долиною рѣки Азопа. Мардоній напрасно старался своими наѣздниками и стрѣльцами выманить ихъ въ поле изъ крѣпкой позиціи; Павсаній, хотя и обладавшій личною храбростью, но крайне нерѣшительный и осторожный, не принималъ предлагаемаго сраженія, и когда противникъ отрѣзалъ ему подвозъ и засыпалъ ключи, изъ которыхъ Греки довольствовались водою, онъ приказалъ своимъ отступить ночью на подгородное поле разрушенной Платеи. Въ этой перемѣнѣ позиціи Мардоній увидѣлъ признакъ замышляемаго бѣгства и рано утромъ пустился преслѣдовать непріятеля. Греки разошлись тремя отдѣльными отрядами, почему и бой завязался одновременно въ разныхъ мѣстахъ. Рѣшительная свалка произошла у храма Деметры, гдѣ Персы, прикрытые деревянною оградой, которую они сложили изъ своихъ плетеныхъ щитовъ, сильно напали на Спартанцевъ и Тегеатовъ. Только разрушивъ ограду, Эллины взяли верхъ своими длинными копьями и лучшимъ вооруженіемъ. Тщетно старались варвары, то въ одиночку, то цѣлыми толпами, проложить себѣ дорогу въ непріятельскихъ рядахъ; они падали безплодными жерт-

вами своей отваги. Всѣхъ мужественнѣе бился самъ Мардоній; окруженный тысячью отборныхъ персидскихъ воиновъ, онъ на бѣломъ конѣ своемъ страшно тѣснилъ Грековъ. Но когда Спартанецъ Эимнестъ нанесъ ему смертельную рану, все его войско ударилось бѣжать. Персы заперлись въ свой укрѣпленный лагерь, и Лакедемонцы напрасно старались взять его приступомъ. Только когда Аѳиняне, выдержавъ между тѣмъ кровавый бой съ персидскими союзниками, присоединились къ Спартанцамъ, удалось имъ наконецъ прорваться въ лагерныя укрѣпленія, и тутъ уже смятенные Персы повалились тысячами. Войска мелкихъ греческихъ державъ, стоявшія далѣе на сѣверъ и не принимавшія до тѣхъ поръ никакого участія въ сраженіи, также примкнули теперь къ Спартанцамъ и Аѳинянамъ, и окончательно довершили пораженіе бѣгущихъ Персовъ. Одержавъ побѣду, Павсаній повѣстилъ, чтобы никто не прикасался къ добычѣ, и велѣлъ Илотамъ снести въ одну кучу всѣ драгоцѣнности. Они разсыпались по лагерю и нашли тамъ шатры изъ золотой и серебряной ткани, золоченыя и высеребрянныя ложа, золотые кубки, чаши и другую питейную утварь; съ убитыхъ снимали они запястья, ожерелья и золотыя сабли. Тутъ Илоты наворовали много для себя и продали потомъ Эгинцамъ. Вотъ откуда идетъ великое богатство Эгинцевъ, которые покупали у Илотовъ золото за безцѣнокъ, какъ простую бронзу. Когда всѣ драгоцѣнности были снесены, изъ нихъ десятую часть взяли для дельфійскаго бога и соорудили на это тотъ пронзовый треножникъ, который стоялъ потомъ у самаго алтаря на бронзовомъ же триглавомъ змѣѣ; еще десятую часть взяли для олимпійскаго бога и воздвигли бронзовую статую Зевса, вышиною въ десять локтей; столько же взяли и для истмійскаго бога и вылили бронзовое изваяніе Посейдона, вышиною въ семь локтей. Взявъ три священныя десятины, остальное подѣлили между собой, и при этомъ каждый получилъ по заслугамъ: кому достались персидскія жены, кому золото, серебро, разныя драгоцѣнности и вьючная скотина. — Ни одинъ недостойный поступокъ не запятналъ славнаго подвига. Гречанка, наложница Мардонія, бросилась среди сумятицы къ Павсаніевымъ ногамъ, и онъ тотчасъ оказалъ ей рыцарскую защиту, а когда Эгинецъ Лампонъ вздумалъ совѣтовать ему, чтобъ въ отмщеніе за Леонида, онъ распялъ тѣло персидскаго полководца на крестѣ, Павсаній съ презрѣніемъ отвергъ эту мысль, какъ недостойную Эллина.

2. Преобладаніе (гегемонія) Аѳинъ.

а) ПАВСАНІЙ. ѲЕМИСТОКЛЪ. АРИСТИДЪ. КИМОНЪ.

§ 83. Со времени Платейской битвы война преимущественно велась на морѣ. А какъ у Спартанцевъ не было для этого ни умѣнья, ни достаточнаго числа кораблей, то главное предводительство перешло мало-по-малу къ Аѳинамъ, которые въ теченіе цѣлой войны обнаружили столько мужества и благородства. Этотъ переходъ еще ускорился измѣною спартанскаго полководца Павсанія, который честолюбивымъ стремленіемъ къ властительству надъ Греціей загубилъ военную славу, пріобрѣтенную имъ подъ Платеей. При взятіи Византіи (477), Павсаній захватилъ въ плѣнъ нѣсколько знатныхъ Персовъ, въ томъ числѣ приближенныхъ и сродниковъ царя. Онъ отослалъ ихъ, безъ вѣдома остальныхъ союзниковъ, къ Ксерксу, а потомъ увѣрялъ, будто они ушли тайкомъ; при этомъ онъ далъ знать царю, что готовъ помочь ему овладѣть Спартой и цѣлою Греціей, если Ксерксъ отдастъ за него свою дочь и посадитъ его намѣстникомъ въ Пелопоннесѣ. Когда царь съ радостью согласился на это предложеніе, суетный честолюбецъ забылся до того, что не соблюдалъ уже ни законовъ, ни образа жизни Спартанцевъ, сталъ носить дорогія одежды, держалъ самый роскошный столъ и взялъ къ себѣ для выходовъ и прислуги мидійскихъ и египетскихъ тѣлохранителей. Мало того, своимъ повелительнымъ и грубымъ обхожденіемъ онъ возбудилъ общую ненависть противъ владычества Лакедемонцевъ. Узнавъ объ этомъ, Спартанцы отозвали невѣрнаго полководца, но вѣсъ ихъ надъ морскими демократическими державами уже до того ослабѣлъ, что они сами отказались отъ главнаго предводительства, а тѣ вслѣдствіе того немедленно примкнули къ Аѳинамъ. Павсаній и въ Спартѣ поддерживалъ тайныя сношенія съ персидскимъ царемъ и стремился вмѣстѣ съ тѣмъ къ преобразованію отечественнаго законодательства и государственнаго порядка; но когда предательскіе его замыслы открылись черезъ повѣреннаго, котораго

онъ хотѣлъ послать гонцомъ, то Павсаній былъ вынужденъ искать убѣжища въ храмѣ и умеръ тамъ голодною смертью, потому что эфоры, не смотря на святыню, велѣли снять кровлю съ храма, а двери его завалить. Говорятъ, мать Павсанія сама принесла первый камень для закладки храмоваго выхода.

§ 84. Въ то самое время, какъ Павсаній уронилъ такимъ образомъ силу своего отечества, трое аѳинскихъ вождей своими разнообразными качествами и талантами много содѣйствовали къ возвышенію роднаго края. Ѳемистоклъ умомъ и хитростью добился до того, что Аѳины были ограждены крѣпкою стѣною и что окончена славная морская пристань Пирей, которую потомъ Кимонъ и Периклъ соединили съ столицей длиннымъ и необыкновенно крѣпкимъ двустѣніемъ изъ дикаго камня. Исполненіемъ этого предпріятія, которое превратило Аѳины въ обширный станъ, способный выдержать всякое нападеніе и съ сухаго пути и съ моря, Ѳемистоклъ навлекъ себѣ непримиримую ненависть Спартанцевъ, которые никакъ не хотѣли допустить укрѣпленія Аѳинъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы въ случаѣ новаго вторженія въ Грецію, Персы не нашли себѣ ни какой укрѣпленной опоры, въ самомъ же дѣлѣ для того, чтобы противодѣйствовать возрастающей силѣ этого полнаго жизни города. Вотъ почему и обвиняли они потомъ Ѳемистокла какъ соучастника въ Павсаніевомъ предательствѣ; утверждая, что онъ зналъ о существованіи преступнаго плана и никому о томъ не объявилъ, они вызвали его къ союзному суду, въ которомъ сами предсѣдательствовали. Это пришлось въ то самое время, когда противники Ѳемистокла въ Аѳинахъ успѣли посредствомъ остракизма удалить его на десять лѣтъ изъ отечества, какъ слишкомъ вліятельнаго человѣка (471). Преслѣдуемый союзнымъ судомъ, великій полководецъ бѣжалъ среди безчисленныхъ опасностей въ Азію, гдѣ персидскій царь принялъ его съ большимъ почетомъ и отвелъ ему три малоазійскіе города на прожитокъ (466). Но когда царь обратился къ его помощи для покоренія Греціи, Ѳемистоклъ принялъ, говорятъ, яду, чтобъ не сдѣлаться предателемъ отечества. По другимъ извѣстіямъ, скорбь и тоска по родинѣ одолѣли Ѳемистокла. Прахъ его тайно погребенъ друзьями въ родной, эллинской землѣ.

Ѳемистоклъ, по словамъ Ѳукидида, доказалъ самымъ несомнѣннымъ образомъ силу своего генія, и въ этомъ отношеніи достоинъ удивленія болѣе всякаго другаго. Благодаря одному природному уму и не приготовленный ни раннимъ, ни позднимъ ученымъ образованіемъ, онъ, послѣ краткаго размышленія, всѣхъ лучше обсуждалъ настоящее, и искусно соображалъ то, что предстояло въ самомъ отдаленномъ будущемъ; онъ не только превосходно зналъ и мастерски объяснялъ дѣла своего вѣдомства, но и о чуждыхъ ему предметахъ судилъ мѣтко, умѣя превосходно отличать полезное отъ вреднаго даже въ томъ, что̀ всякому другому представлялось еще сомнительнымъ и темнымъ. Коротко сказать, силою генія и необыкновенною живостью соображенія этотъ человѣкъ былъ всѣхъ способнѣе быстро совершать то, что̀ именно требовалось въ данномъ случаѣ.—«Ѳемистоклъ, говоритъ одинъ новѣйшій историкъ, нанесъ первый ударъ предубѣжденіямъ противъ чужеземцевъ; до тѣхъ поръ положеніе иностранца въ Аѳинахъ было очень непріятное: онъ, правда, не оставался вполнѣ беззащитенъ, однакожъ не былъ собственно и гражданскимъ лицомъ (persona civilis); онъ обязывался имѣть патрона, покровителя, и претерпѣвалъ отъ коренныхъ гражданъ много обидъ. Ѳемистоклъ далъ метекамъ права состоянія, призвалъ ихъ къ участью въ воинской повинности и сдѣлалъ для нихъ достиженіе гражданскихъ правъ не только возможнымъ, но и легко доступнымъ. Черезъ это, населеніе опустѣлыхъ Аѳинъ въ нѣсколько лѣтъ стало гораздо многочисленнѣе прежняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ промышленность пріобрѣла силу въ государствѣ и придала ему всестороннее оживленіе, а благодаря расширенію морскихъ силъ Аѳиняне сдѣлались вполнѣ мореходнымъ народомъ. Можно поэтому сказать, что Аѳины были совершенно пересозданы Ѳемистокломъ и превращены имъ во всемірное торжище.» Онъ постоянно стремился сосредоточить демократическія силы Греціи въ аттическомъ союзномъ государствѣ.

§ 85. Какъ Ѳемистоклъ споспѣшествовалъ величію родины умомъ и высокою политикой, такъ Аристидъ служилъ ей своимъ безкорыстіемъ и честностью. Полное довѣріе, какое внушали его образъ мыслей и характеръ, побудило греческіе острова и портовые города заключить союзъ съ Аѳинянами и обязаться къ дѣятельному участію въ войнѣ и денежными взносами и кораблями. Союзная казна, основанная для

этого въ Делосѣ, учреждена была Аристидомъ, которому предоставили распоряжаться суммами, и какъ для управленія этою казною, такъ и для предводительства общимъ флотомъ, назначили Аѳинянъ. Вскорѣ однакожь выставка судовъ оказалась для мелкихъ государствъ обременительною, и они охотно откупились отъ нея усиленнымъ денежнымъ взносомъ. Это подало Аѳинянамъ въ послѣдствіи желанный случай болѣе и болѣе умножать свой флотъ и постепенно подчинять своей власти острова (Наксосъ, Ѳазосъ, Лемносъ и др.) и второстепенныя морскія державы. Обладая первенствомъ на морѣ, они могли невозбранно перенести союзную казну въ Аѳины, распоряжаться ею, какъ собственностью, и видѣть въ обязанныхъ взносомъ союзникахъ не болѣе какъ данниковъ и подвластныхъ.—Аристидъ умеръ въ такой бѣдности (ок. 468), что государству пришлось схоронить его на свой счетъ и озаботиться обезпеченіемъ его семейства.

Распространеніемъ гражданскихъ правъ и преимуществъ на самый низшій классъ Аристидъ завершилъ зданіе безусловной демократіи, но тѣмъ самымъ положилъ начало владычеству толпы (охлократіи, § 74). Съ устройствомъ, основаннымъ на полномъ гражданскомъ равенствѣ, никакъ уже не совмѣщался достопочтенный Ареопагъ (§ 70), пополнявшійся изъ служилыхъ архонтовъ; поэтому стараніями вождей крайней демократической партіи, Эфіальта и Перикла, отнято у него блюстительство нравовъ, и принадлежавшее ему до сихъ поръ право высшаго уголовнаго суда, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, предоставлено судамъ обыкновеннымъ, эфетамъ и геліастамъ. Напрасно великій поэтъ Эсхилъ выступилъ съ своею драмой «Эвмениды» на защиту этого единственнаго остатка старины, этого «всегда бдительнаго за дремлющихъ, далекаго отъ всякой корысти, благородно-стыдливаго, страшнаго только въ гнѣвѣ, совѣта и прибѣжища»; побѣда осталась за всеуравнивающею силой демократіи. Тѣмъ не менѣе Эфіальтъ погибъ въ послѣдствіи подъ ножемъ, направленнымъ крамолою аристократовъ (459).

Кимонъ, сынъ Мильтіада, оказалъ отечеству важныя услуги удачными предпріятіями на морѣ и пріобрѣлъ народную любовь щедростію и лаской. Мастеръ больше на дѣла, чѣмъ на слова, прогналъ онъ Персовъ изъ послѣдняго становища ихъ во Ѳракіи и завоевалъ то самое побережье, гдѣ Аѳиняне

основали вслѣдъ за тѣмъ Амфиполь; покоривъ островъ Скиросъ, онъ роздалъ землю участками аѳинскимъ поселенцамъ (клерухамъ) и торжественно перенесъ въ Аѳины кости Тезея, который будто бы тамъ умеръ и погребенъ; онъ отнялъ у Персовъ Ѳракійскій Херсонесъ и освободилъ греческіе города на берегу Малой Азіи отъ господства варваровъ. Искусный и счастливый полководецъ, онъ не только разбилъ непріятеля въ упомянутомъ уже двойномъ сраженіи при Эвримедонѣ (469), гдѣ однимъ смѣлымъ натискомъ истребилъ и отнялъ до 200 непріятельскихъ галеръ, но совершилъ еще блистательный походъ на островъ Кипръ (460), чтобы отнять его у Персовъ заодно съ возставшими Египтянами. — Большое состояніе свое употреблялъ онъ преимущественно на украшеніе города, гдѣ, въ числѣ другихъ сооруженій, устроилъ академію (садъ съ гимназіею, гдѣ въ послѣдствіи училъ Платонъ) и прославленную потомъ стоическою философіей крытую колоннаду (стоа). Не смотря на большую популярность Кимона, пріобрѣтенную имъ великодушіемъ, благотворительностью, мужествомъ и гражданскою доблестью, онъ также навлекъ себѣ кратковременное изгнаніе (чрезъ остракизмъ) своимъ аристократическимъ образомъ мыслей, который обнаруживался въ его приверженности къ старымъ нравамъ, обычаямъ и порядкамъ, и въ его явномъ пристрастіи къ Спартѣ и всему спартанскому.

Аѳиняне въ Египтѣ. Во главѣ возстанія Египтянъ противъ Персовъ стоялъ Ливіецъ Инаръ; онъ заключилъ союзъ съ Аѳинянами, чтобы освободить Египетъ и самому сдѣлаться его властелиномъ. И въ этомъ, впрочемъ мало извѣстномъ предпріятіи, отвага и геройство Эллиновъ оказались въ полномъ блескѣ, какъ это видно изъ слѣдующаго краткаго разсказа у Ѳукидида: «Аѳиняне и союзники ихъ остались въ Египтѣ и испытали самые разнообразные обороты войны. Сначала Аѳиняне вполнѣ овладѣли тѣмъ краемъ, и царь послалъ Перса Мегабаза съ деньгами въ Лакедемонъ, чтобы склонить Пелопоннесцевъ къ вторженію въ Аттику и тѣмъ отвлечь Аѳинянъ отъ Египта. Когда же это ему не удалось, и деньги были потрачены напрасно, Мегабазъ возвратился съ остальною казною въ Азію, и царь отправилъ Перса Мегабаза, сына Зопирова, съ большимъ войскомъ въ Египетъ. Прибывъ туда, Мегабазъ разбилъ Египтянъ и

ихъ союзниковъ въ одномъ сраженіи, выгналъ Эллиновъ изъ Мемфиса и наконецъ заперъ ихъ на островѣ Просопитидѣ; тутъ онъ осаждалъ ихъ полтора года, пока осушивъ каналъ и отведши воду, поставилъ на мель всѣ ихъ корабли, превратилъ большую часть острова въ материую землю и, перейдя туда по суху, овладѣлъ имъ совершенно. Такъ рушилось это предпріятіе Эллиновъ послѣ шестилѣтней борьбы (455), и немногіе изъ нихъ спаслись черезъ Ливію въ Кирену, а большая часть погибла. Египетъ снова покорился царю, за исключеніемъ Амиртея, властвовавшаго въ болотистой части края (онъ вмѣстѣ съ Инаромъ возсталъ противъ Персіи); его не могли настигнуть за обширностью болотъ, да притомъ и жители этой мѣстности были самые воинственные изъ всѣхъ Египтянъ. Напротивъ ливійскій царь Инаръ, руководившій этимъ возстаніемъ, былъ пойманъ благодаря измѣнѣ, и распятъ на крестѣ. Отъ Аѳинянъ же и прочихъ союзниковъ пришли между тѣмъ въ Египетъ пятьдесятъ трехбаночныхъ судовъ на смѣну прежнихъ, и люди высадились у Мендесскаго рукава, ничего не зная о происшедшемъ. Но когда съ суши напала на нихъ пѣхота, а съ моря финикійскій флотъ, то большая часть судовъ ихъ погибла, и лишь немногія успѣли уйдти домой. Такъ кончился великій походъ Аѳинянъ и ихъ союзниковъ на Египетъ».

§ 86. **Аѳины до Перикла мира.** Подъ предводительствомъ такихъ замѣчательныхъ людей Аѳинская республика достигла великаго могущества. Упрямый Наксосъ былъ покоренъ и наказанъ водвореніемъ аѳинской клерухіи; островъ Ѳазосъ, съ богатыми рудниками на Ѳракійскомъ берегу, также подпалъ господству Аѳинянъ; Эгина, это «родовитое государство», богатое и цвѣтущее художествами, промышленностью и торговлей, но ославленное своимъ бездушіемъ, гордостью и алчностью, было завоевано послѣ упорной борьбы, и по изгнаніи жителей, которые перешли въ Пелопоннесъ, заселено выходцами изъ Аттики; Мегара, съ двумя превосходными приморскими гаванями, поставлена въ независимость отъ Аѳинъ, и когда Коринѳяне выступили на помощь своимъ дорійскимъ родичамъ, храбрый Мироницъ съ ополченіемъ изъ старцевъ и отроковъ нанесъ имъ пораженіе, и притомъ въ такое время, когда, какъ упомянуто выше, аѳинское войско сражалось въ Египтѣ противъ Персовъ и только незначительная часть его возвратилась въ отечество послѣ

геройскаго отступленія черезъ Кирену. Какъ ни сильна была зависть Спартанцевъ къ возраставшему могуществу и величію города-соперника, но борьба съ себялюбивымъ, склонившимся на сторону Персовъ Аргосомъ, который въ это время изъ зависти и мщенія разрушилъ почтенный своею древностію городъ Микены за патріотическія его стремленія, борьба съ другими городами Пелопоннеса, и въ особенности страшное землетрясеніе (465 г.), превратившее въ развалины большую часть спартанской столицы и ввергнувшее Лакедемонянъ въ десятилѣтнюю войну съ возставшими Мессенцами и Илотами, удерживали ихъ отъ всякаго вмѣшательства; Спарта была до того ослаблена, что нашлась вынужденною просить Аѳины о помощи при осадѣ горной крѣпости Итоме, куда укрылись бунтовщики и гдѣ они упорно сопротивлялись непривычнымъ къ осадной войнѣ Спартанцамъ. По совѣту Кимона и аристократовъ, рѣшено было отправить армію на помощь Спартѣ (461 г.), но едва только эта армія успѣла перейти черезъ перешеекъ, какъ недовѣрчивые Спартанцы поспѣшили объявить, что болѣе не нуждаются въ ней, и отослали ее назадъ. Этотъ оскорбительнный поступокъ до того раздражилъ аѳинскихъ демократовъ, что они настояли на томъ, чтобы Кимонъ былъ приговоренъ къ десятилѣтнему изгнанію, заключили союзъ съ Аргосомъ и пріютили побѣжденныхъ Мессенцевъ, успѣвшихъ спастись отъ мщенія своихъ утѣснителей, въ завоеванномъ незадолго передъ тѣмъ городѣ Навпактѣ (455 г.). Только къ исходу этой третьей Мессенской войны могли Спартанцы предпринять что нибудь для ослабленія Аѳинъ. Подъ видомъ помощи своей дорійской родинѣ, тѣснимой Фокейцами, они послали значительное войско въ Элладу, съ намѣреніемъ возстановить утраченную во время Персидскихъ войнъ гегемонію Ѳивъ надъ беотійскими городами и такимъ образомъ создать для Аѳинъ опаснаго соперника. Измѣна ѳессалійской конницы въ дѣлѣ при Танагрѣ доставила имъ побѣду надъ Аѳинянами, которыми начальствовалъ Периклъ. Но всѣ выгоды, какія думали извлечь Спартанцы и ихъ союзники изъ побѣды при Танагрѣ, уничтожилъ Миронидъ, по прошествіи 62 дней, сраженіемъ (456 г.) при «виноградникахъ» (Энофита), пре-

давшимъ въ руки Аѳинянъ Фокиду, Локриду и Беотію. Призванная тогда къ власти демократія этихъ трехъ областей посрамила и ослабила свое вліяніе грубостію и жестокостію къ знатнымъ фамиліямъ, изъ которыхъ многія были истреблены, другія изгнаны или объявлены лишенными чести и имущества. Аѳины стояли въ это время на высшей точкѣ своего могущества и величія. Защищенныя стѣнами, не имѣя враждебныхъ соперниковъ на морѣ, владѣя по берегу Пелопоннеса крѣпостями и подкрѣпленные на эллинскомъ материкѣ союзниками, состоявшими въ зависимости отъ нихъ, Аѳины повидимому навсегда упрочили за собою рѣшительное преобладаніе. Но чрезмѣрная обширность ихъ владѣній послужила имъ во вредъ; плоды всѣхъ побѣдъ и усилій ихъ обратились въ ничто послѣ пораженія при Коронеѣ (447 г.), нанесеннаго имъ беотійскими аристократами и изгнанниками; въ этой битвѣ геройски палъ аѳинскій вождь Толмидъ, и (Ѳукидидъ говоритъ объ этомъ съ чувствомъ глубокой скорби) Аѳиняне частію пали въ бою, частію взяты въ плѣнъ. Тогда Беотія снова подпала владычеству Ѳивъ, гдѣ власть перешла въ руки возвратившейся изъ бѣгства и изгнанія аристократіи; въ это же время Мегара и Эвбея сдѣлали попытку отложиться отъ Аѳинъ, а спартанское войско угрожало границамъ Аттики. Могущество Аѳинъ погибло бы при этихъ условіяхъ, если бы умному Периклу не удалось подкупомъ склонить спартанскаго вождя къ заключенію такъ-называемаго Периклова мира (445 г.), по которому Аѳины, чтобы удержать за собою Эвбею, отказались отъ всѣхъ принадлежавшихъ имъ прибрежныхъ пунктовъ Пелопоннеса. Тогда Спарта и Аѳины раздѣлили между собою гегемонію, предоставляя другимъ государствамъ добровольно примкнуть къ тому или другому изъ двухъ первенствующихъ городовъ.

б) вѣкъ перикла.

§ 87. Периклъ олимпійскій. Этотъ государственный человѣкъ и полководецъ, замѣчательный высокими талантами, даромъ слова и образованіемъ, происходилъ отъ одной изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій, но былъ поклонникомъ демократическихъ началъ и стремился пріобрѣсти расположе-

ніе народа демагогическими средствами. Заодно съ Эфіалтомъ, онъ, какъ сказано выше (§ 85), лишилъ ареопагъ нравственнаго вліянія и аристократическихъ преимуществъ, и превратилъ его въ простое судебное мѣсто съ ограниченнымъ кругомъ дѣятельности. Предложенное имъ постановленіе, по которому всякій аѳинскій гражданинъ, присутствующій въ судѣ или въ народномъ собраніи и служащій въ арміи или во флотѣ, получалъ по три обола (около 11 коп. сер.) въ сутки, раздачи денегъ нуждающейся толпѣ на театральныя представленія и на другія удовольствія, до такой степени расположили народъ въ его пользу, что онъ могъ въ теченіе многихъ лѣтъ сряду управлять Аѳинами то въ званіи перваго архонта, то въ качествѣ главнокомандующаго (стратега) съ княжескимъ почетомъ, и своимъ высокимъ геніемъ привести ихъ къ цвѣтущему состоянію, къ широкому развитію государственной жизни внутри, и къ величайшему внѣшнему могуществу. При немъ Аѳины стали «душою тѣла», разсадникомъ искусства и литературы, столицей эллинской образованности. Возведеніемъ храмовъ (Парѳенона, храма Деметры въ Элевзисѣ), великолѣпныхъ зданій и колоннадъ (Пропилеи, Одеонъ) онъ прославилъ Аѳины, а довершеніемъ портовыхъ и водныхъ сооруженій въ Пиреѣ, и достройкою городскихъ промежуточныхъ стѣнъ доставилъ безопасность и оказалъ существенное содѣйствіе судоходству и морской торговлѣ; великолѣпными празднествами, зрѣлищами и процессіями возвысилъ онъ блескъ своего управленія и услаждалъ жадную до зрѣлищъ толпу, а попеченіемъ объ искусствахъ и наукѣ положилъ основаніе духовному развитію народа. Сильный умомъ и посвященный во всѣ знанія своего времени, Периклъ собиралъ даровитыхъ людей въ гостепріимный домъ свой, гдѣ привлекательно властвовала образованная Аспазія изъ Милета; онъ доставлялъ каждому средство и случай образоваться и отличиться, и тѣмъ способствовалъ распространенію любви къ искусству, литературѣ и поэзіи даже въ низшихъ классахъ народа. — Все это, вмѣстѣ съ общимъ участіемъ въ публичной и политической жизни, подняло государство на такую высокую степень образованности и развитости, что почти всѣ граждане, какъ равно способные, могли быть допущены ко

всѣмъ должностямъ и дѣламъ государственнымъ. Но въ этомъ же таился и зародышъ болѣзни, въ послѣдствіи погубившей государство: чрезмѣрная склонность гражданъ къ участію въ государственной и судебной жизни столицы имѣла слѣдствіемъ небреженіе земледѣліемъ и промышленностію. Въ то же время Периклъ доставилъ Аѳинамъ высшую степень блеска во внѣшнихъ сношеніяхъ. Аѳинскія войска побѣдоносно сражались съ Ѳиванцами и Спартанцами, пока несчастная Коронейская битва (447 г., § 86) положила предѣлъ ихъ военному счастію; послѣ девятимѣсячной осадной войны, морскія силы Аѳинъ принудили къ покорности отложившійся Самосъ (440 г.); аѳинскіе корабли властвовали на Эгейскомъ морѣ и облагали островитянъ данью, что̀ доставляло столицѣ огромныя суммы. Городъ былъ до того богатъ, что могъ одѣть въ чистое золото статую Паллады Аѳины (въ Парѳенонѣ). Онъ сталъ всемірнымъ городомъ, куда стекались произведенія всѣхъ странъ. На всей дѣятельности Перикла лежитъ печать высокаго духа, облагороженнаго талантомъ и образованіемъ. Онъ былъ просвѣтленнымъ выраженіемъ, лучшею мыслію самодержавнаго демоса и потому-то нераздѣльно господствовалъ надъ измѣнчивою массою. Равно великій въ дѣлахъ мира и войны, онъ такъ же искусно владѣлъ оружіемъ ума и убѣжденія въ судѣ и народномъ собраніи, какъ мечемъ въ полѣ и на морѣ, ибо въ то время еще одинаково старались развивать всѣ способности и силы, тогда еще господствовали единство и цѣльность жизни, распавшейся въ послѣдствіи, по мѣрѣ развитія и усложненія образованности, на различныя направленія. Оттого вѣкъ Перикла по богатой жизненной полнотѣ справедливо славится, какъ прекраснѣйшій и счастливѣйшій періодъ греческой исторіи, когда внутреннее величіе соединялось съ простотою нравовъ, образованность ума съ силою и гражданскою доблестью. Бодрый, стремительный духъ еще не давалъ развиться проявлявшейся по временамъ изнѣженности.

Въ числѣ друзей Перикла называютъ великаго художника Фидія, произведенія котораго украшали мраморный храмъ Аѳины (Парѳенонъ съ великолѣпнымъ фронтономъ, наполненнымъ статуями, и фризомъ, украшеннымъ барельефами) и который исполнилъ колоссальную статую той же богини, покровительницы города, представивъ ее сра-

жающеюся, съ поднятымъ щитомъ и занесеннымъ копьемъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ крѣпости, такъ что огибавшимъ мысъ Суніонъ былъ видѣнъ шлемъ ея. Спасенные отъ всесокрушающаго времени и разрушительнаго свирѣпства варваровъ, обломки Парѳенона, этого мастерскаго созданія архитектуры и ваянія, лѣтъ тридцать тому назадъ отвезены въ Британскій Музей, въ Лондонъ (§ 111). Колоссальная сидячая статуя Зевса въ Олимпіи, типъ всѣхъ статуй и бюстовъ этого царя боговъ, тоже была работы Фидія (§ 64. § 111). Пропилеи представляли великолѣпное мраморное зданіе, въ срединѣ котораго красовались высокія колонадныя ворота съ пятью проходами, куда съ улицы вела широкая мраморная лѣстница до самой крѣпости. Зданіе Одеонъ, въ нижней части города, служило для состязаній въ музыкѣ. Особенно полезно было пріобрѣтеніе Перикломъ Эвбеи, откуда Аѳины получали важнѣйшіе жизненные припасы. Колонія Ореосъ, основанная на сѣверо-восточномъ мысу этого острова, въ бывшей мѣстности Пеласговъ-Гистіейцевъ, была чрезвычайно важна въ военномъ отношеніи. Для оживленія торговыхъ связей съ Востокомъ, а также для привлеченія бѣднѣйшихъ гражданъ къ переселенію, въ качествѣ земледѣльцевъ, были водворены клерухи (арендаторы казенныхъ земель) на Ѳракійскомъ Херсонесѣ, Наксосѣ, Андросѣ и въ другихъ мѣстахъ; средоточіемъ ѳракійской торговли и горнаго промысла стала быстро развившаяся колонія Амфиполь, а гаванью—городъ Эйонъ при устьѣ Стримона.—Это время было для Аѳинъ порою необыкновеннаго процвѣтанія. Триста галеръ снаряжались частными лицами, большія празднества тоже устроивались отчасти на ихъ счетъ, и участія въ этихъ расходахъ добивались какъ великой чести. Хоррегія, или великолѣпная постановка какой-нибудь театральной піесы съ хорами (§ 89), и тріерархія, или постройка и снабженіе матросами тріеровъ (трехбаночныхъ судовъ) въ пользу государства, были налогомъ и вмѣстѣ почестью для богатыхъ. Отличившійся получать вѣнокъ; кто красивѣе и полнѣе другихъ снарядилъ свои галеры и имѣлъ лучшихъ гребцовъ, кто платилъ послѣднимъ сверхъ жалованья отъ государства и т. д., того называли предъ народомъ по имени и награждали вѣнкомъ; свѣдѣніе о полученіи награды вырѣзывалось на особой доскѣ, на которой изображался и вѣнокъ. Такія общественныя пожертвованія дѣлались сообразно съ состояніемъ лица; не слишкомъ богатые люди соединялись въ товарищества (симморіи), чтобы сообща вооружить тріеру, поставить хоръ, усилить блескъ религіознаго

праздника и т. п. Но какъ на землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, то и среди такого избытка силъ развился духъ лести къ народу, и въ самое время такого процвѣтанія, при которомъ нельзя было и думать объ упадкѣ, государство сгибло подъ вліяніемъ законовъ, предложенныхъ демагогами только потому, что въ данную минуту они были пріятны народу. При Периклѣ государственное устройство стало болѣе и болѣе терять свои опредѣленныя формы. Для полученія трехобольной платы, всѣ стремились въ народное собраніе и въ народные суды, которые оттого безмѣрно наполнялись.

§ 88. Драматическая поэзія. Въ это же время достигнулъ полнаго развитія совершеннѣйшій родъ поэзіи, драма. Она ведетъ свое начало отъ религіознаго поклоненія Діонизу, первоначально состоявшаго изъ восторженныхъ лирическихъ пѣсней (дифирамбовъ) въ честь божества съ пляскою и мимикой, пока перешли мало-по-малу къ представленію самаго содержанія этихъ пѣсней въ рѣчи и дѣйствіи. Этотъ переходъ приписываютъ современнику Солона Θеспису, которому, по преданію, сценою служили доски крытой телѣжки. Но уже во времена Персидскихъ войнъ и въ слѣдующія десятилѣтія прославились величайшіе драматическіе поэты Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ, жизнь которыхъ имѣетъ связь съ Саламинскою битвой, ибо 45-лѣтній Эсхилъ сражался въ рядахъ ратниковъ, 15-лѣтній Софоклъ участвовалъ въ хорѣ юношей на побѣдномъ праздникѣ, устроенномъ послѣ этой битвы, а Эврипидъ родился въ тотъ же самый день. Эти три поэта сообщили серьёзной драмѣ (трагедіи) полное развитіе. Въ семи піесахъ Эсхила (Прикованный Промеѳей, Персы, трилогія Орестія, состоящая изъ трехъ связныхъ между собою частей: Агамемнонъ, Хоэфоры и Эвмениды, потомъ Молящіе о защитѣ и Семеро противъ Θивъ) чувствуется мощное время Персидскихъ войнъ, когда высокія идеи свободы и отечества порождали великія дѣянія, и Греки были проникнуты благороднѣйшими стремленіями. Его піесы, мѣстами затемненныя слишкомъ смѣлымъ полетомъ мысли, слишкомъ высокимъ поэтическимъ пареніемъ и излишнею торжественностію языка, постоянно дышатъ страхомъ божіимъ, почтеніемъ къ древнимъ государственнымъ учрежденіямъ и самосознаніемъ благородной души. Характеры его всегда возвышенны, титанически мощны, они дышатъ таинственнымъ чаяніемъ высшаго, невѣдомаго духовнаго міра. — Въ трагедіяхъ Софокла, которыхъ древніе вѣроятно съ преувеличеніемъ насчитывали до 113-ти, даже

до 130-ти, но изъ которыхъ тоже дошли до насъ только семь (Электра, Эдипъ Царь и Эдипъ въ Колонѣ, Антигона, Филоктетъ, Аяксъ, Трахинянки), выразился вѣкъ Перикла съ своимъ демократическимъ равенствомъ, съ своимъ веселымъ радушіемъ и умною общительностію. Красота, гармонія, и нѣжность чувствъ составляютъ отличительныя свойства его произведеній. Лица его піесъ дѣйствуютъ самостоятельнѣе и свободнѣе чѣмъ у Эсхила, но вездѣ надъ свободою отдѣльнаго человѣка возносится указующій перстъ роковой необходимости. Проникая глубже во внутреннюю жизнь, поэзія Сокла дѣйствуетъ сильнѣе Эсхиловой, которой сила и значеніе заключаются больше въ великихъ идеяхъ и соотвѣтственномъ имъ стилѣ представленія.—Эврипидъ, отъ котораго дошли до насъ 19 піесъ (Медея, Гекаба, Финикіянки, Ифигеніявъ Авлидѣ, Ифигенія въ Тавридѣ, Іонъ, Троянки, сатирическая драма Циклопъ и мн. друг.), — представитель уже болѣе утонченнаго вѣка, дитя софистической и сократической образованности. Онъ предпочтительно изображаетъ судебныя сцены, которыхъ народъ никогда не могъ вдоволь наглядѣться въ жизни; рѣчи написаны у него по школьнымъ правиламъ; часто встрѣчаются изреченія и общія мѣста, несходившія съ устъ тогдашнихъ философовъ, при чемъ Эврипидъ старается замѣнить истинное чувство обоихъ своихъ предшественниковъ сантиментальными сценами, а творческую силу ихъ (геніальность) — заученными правилами, гладкостію и изяществомъ языка. Но и у него чувствуется высокій духъ древности въ знаніи человѣческаго сердца и многостороннемъ пониманіи страсти.—Хоръ, свойственный драматической поэзіи Грековъ, свидѣтельствуетъ о происхожденіи ея изъ лирической поэзіи. Сначала хоръ состоялъ изъ 50, потомъ изъ 15 человѣкъ, подъ управленіемъ регента (корифея, хорага), которые то въ роли народныхъ старшинъ или царскихъ совѣтниковъ, то въ качествѣ домочадцевъ, друзей или случайно присутствующихъ лицъ, выражали,— посредствомъ ритмической рѣчи, больше похожей на говоръ, чѣмъ на пѣніе, но сопровождаемой музыкою, — впечатлѣніе, производимое на постороннихъ совершавшимся предъ ихъ глазами дѣйствіемъ. Не будучи собственно дѣйствующимъ лицемъ въ драмѣ, хоръ высказывалъ, частію во время представленія, частію въ междудѣйствіяхъ, и притомъ съ безстрастнымъ спокойствіемъ и въ лирической формѣ, свои внутреннія ощущенія въ видѣ совѣта, утѣшенія, успокоенія, ободренія, увѣщанія. Оттого онъ есть олицетворенное мнѣніе

о представляемомъ дѣйствіи, какъ бы идеализированный зритель. Онъ выходитъ изъ узкаго круга даннаго дѣйствія, чтобы распространяться о прошедшемъ и будущемъ, объ отдаленныхъ временахъ и народахъ, о человѣкѣ вообще, поставлять на видъ крупные результаты жизни и высказывать поученія мудрости.—Греческой трагедіи свойственны еще такъ-называемыя три единства: времени, мѣста и дѣйствія. Такъ какъ планъ трагедіи состоялъ въ обязательномъ единствѣ причинъ и послѣдствій, и такъ какъ задачею ея было представить ограниченное извѣстнымъ временемъ и пространствомъ дѣйствіе нравственно достойныхъ лицъ, какъ отблескъ замѣчательной человѣческой жизни, то мѣсто и время дѣйствія должны были подчиняться законамъ правдоподобія; а постоянное присутствіе хора, въ высшей степени простыя, неизмѣнныя декораціи и отсутствіе дѣленія драмы на акты, требовали, чтобы дѣйствіе было ограничено непродолжительнымъ временемъ, которое большею частію не превышало одного дня. Относительно сценическихъ принадлежностей укажемъ еще на одну особенность греческаго театра: на сценѣ актеры всегда являлись въ маскахъ, въ длинной одеждѣ (со шлейфомъ) и котурнѣ (высокихъ башмакахъ). — Представленіе всегда оставалось существенною принадлежностію религіознаго служенія Діонизу, вслѣдствіе чего театръ состоялъ подъ покровительствомъ государства и подъ наблюденіемъ втораго архонта. Великолѣпныя, окруженныя колоннадами зданія театровъ, воздвигавшіяся въ Аѳинахъ и во всѣхъ греческихъ городахъ по мѣрѣ успѣховъ художественнаго образованія, вмѣстѣ съ великолѣпіемъ сценической постановки не мало способствовали развитію драматическаго искусства. Богатые граждане ничѣмъ не могли заслужить такое уваженіе въ аѳинскомъ народѣ, какъ принимая на свой счетъ великолѣпную постановку (хоррегію) драматической піесы. Оттого богатые роды не меньше поэтовъ состязались между собою за награду. Памятныя доски возвѣщали всѣмъ имена побѣдителя-поэта и той фамиліи, которою былъ поставленъ хоръ.

Ѳесписъ изъ Икаріи въ Аттикѣ (536 г.) создалъ трагедію въ томъ смыслѣ, что онъ первый предпослалъ диѳирамбамъ въ честь Діониза или включилъ въ нихъ монологъ, произносимый отдѣльнымъ отъ хора актеромъ и посвященный какому-нибудь миѳу изъ круга сказаній о Діонизѣ, рѣдко изъ какихъ-нибудь другихъ миѳовъ. Фринихъ (ок. 490) сдѣлалъ еще шагъ впередъ, не только заим-

ствуя содержаніе для такихъ монологовъ изъ всей области греческихъ сказаній о богахъ и герояхъ, но даже переходя на историческую почву: представивъ «Разрушеніе Милета», онъ такъ сильно тронулъ зрителей, что подвергнулся за то наказанію. Вѣроятно эта піеса заключала въ себѣ строгій упрекъ бездѣйствію Аѳинянъ, которые поступили не совсѣмъ доблестно при возстаніи мало-азійскихъ Грековъ. — Современникъ его Эсхилъ аѳинскій (525—456) положилъ основаніе діалогу присоединеніемъ другаго актера къ прежнему, и въ этомъ смыслѣ собственно онъ создалъ сценическое искусство. Личное участіе въ Персидскихъ войнахъ, ознаменованныхъ геройскими подвигами при Мараѳонѣ и Саламинѣ, гдѣ сражался онъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ, сильно подѣйствовало на него и увлекло юношу въ потокъ общаго патріотическаго энтузіасма; Персидскія войны пробудили въ немъ сознаніе эллинской національности, какъ живительной и собирательной силы; пробудили религіозное чувство и помыслы объ отношеніи божества къ жизни человѣческой; они вызвали нравственность, превышавшую уровень будничныхъ склонностей, твердый, энергическій характеръ и величественное міросозерцаніе. На состязанія въ трагическомъ искусствѣ, въ которыхъ побѣда большею частію оставалась за нимъ, Эсхилъ обыкновенно представлялъ по три драмы (отсюда трилогія), сомкнутыя въ одно художественное цѣлое и заимствованныя изъ великихъ миѳовъ Греціи, присоединяя къ нимъ еще четвертую піесу, сатирическую драму, вознаграждавшую зрителей веселыми шутками за серьёзный характеръ трагедіи, такъ что всѣ его драматическія произведенія были собственно тетралогіями.

Между дошедшими до насъ піесами Эсхила (полное число ихъ простиралось по однимъ до 70, по другимъ до 90), три: Агамемнонъ (его возвращеніе и убіеніе Клитемнестрою и Эгистомъ, § 13), Хоэфоры (кровомщеніе Ореста убійцамъ отца) и Эвмениды (преслѣдованіе Ореста фуріями и конечное оправданіе его Ареопагомъ, при чемъ поэтъ имѣлъ въ виду защитить это древнее учрежденіе отъ предводимыхъ Периклomъ демократовъ, § 85), составляютъ связную трилогію. Въ Прикованномъ Промееѣ изображены страданія, которыя потерпѣлъ Титанъ, прикованный Зевсомъ къ Кавказу за то, что похитилъ огонь для человѣка. Представленная въ этой піесѣ борьба человѣческой самонадѣянности противъ высшей силы рока, олицетворенной въ деспотическомъ Зевсѣ, безъ сомнѣнія

примирительно разрѣшалась въ утраченной піесѣ: Освобожденный Промееей, въ которой была проведена та мысль, что подчиненіе воли человѣческой волѣ божества основано на міровомъ законѣ природы. Трагедія Персы дышетъ національною гордостію, возбужденною побѣднымъ окончаніемъ Персидскихъ войнъ. Въ трагедіи Семеро противъ Ѳивъ представлена борьба и погибель обремененныхъ преступленіями, враждебныхъ другъ другу братьевъ въ Ѳивахъ (§ 13), а въ Молящихъ о защитѣ — сказаніе о Данаѣ, который спасается бѣгствомъ изъ Египта съ своими 50 дочерьми и ищетъ защиты въ Аргосѣ (§ 53). Эсхилъ черезъ три года послѣ представленія Орестіи умеръ въ Сициліи, куда онъ отправился, оскорбленный преобладаніемъ демократіи или побѣдою надъ нимъ Софокла на состязаніяхъ въ трагическомъ искусствѣ.

Софоклъ изъ Колона близъ Аѳинъ (496 — 405) ввелъ третьяго актера и ограничилъ хоры. То былъ человѣкъ знатнаго происхожденія, щедро одаренный духовно и тѣлесно, и поставленный воспитаніемъ и ученіемъ на высшую степень тогдашней образованности. Онъ довелъ драматическое искусство до идеальной красоты: величіе идеи и тонкій анализъ соединялись у него въ полную гармонію, вытекавшую изъ совершеннѣйшаго человѣческаго образованія. Достоинства Софокла составляютъ, кромѣ прекрасной формы, благородной, величественной рѣчи и гармонической оконченности, художественность плана и развитіе драматическаго дѣйствія чрезъ глубоко-обдуманное изображеніе характеровъ дѣйствующихъ лицъ, душевную жизнь которыхъ онъ возсоздаетъ такъ поразительно, мастерски выводя изъ нея самые ихъ поступки; къ этимъ достоинствамъ его таланта присоединялись еще надлежащая мѣра нѣжности и силы въ ощущеніяхъ и ясность развязки, или катастрофы, дѣйствія. Утонченно образованный аѳинскій народъ временъ Перикла желалъ, чтобы драма только трогала, а не потрясала его, вслѣдствіе чего Софоклъ опускалъ все ужасное и жестокое, или придавалъ ему болѣе мягкую, человѣчественную форму. Софоклъ уступаетъ Эсхилу въ размахѣ фантазіи и религіозномъ чувствѣ; герои его дѣйствуютъ на зрителя нравственнымъ, чисто-человѣческимъ величіемъ, разбивающимся о несокрушимую силу рока. Онъ сохранилъ форму трилогіи и слѣдовавшей за послѣднею сатирической драмы, но не связывалъ своихъ піесъ въ одно цѣлое по содержанію. Совершеннѣйшимъ его произведеніемъ по формѣ, плану, развитію характеровъ и содержанію, считается трагедія Антигона.

Въ этой піесѣ поэтъ изображаетъ борьбу между долгомъ въ отношеніи къ семейству и государству, между вѣчными, присущими сердцу человѣка, божественными внушеніями совѣсти, и человѣческими, произвольными постановленіями власти; въ ней проведена та мысль, что безмѣрное, слѣпое преувеличеніе силы этихъ уставовъ есть гибельное заблужденіе. Любовь Гемона составляетъ романическій эпизодъ трагедіи. Антигона, какъ и роковая трагедія Эдипъ Царь и написанная Софокломъ въ старости драма Эдипъ въ Колонѣ, принадлежатъ къ обширной области ѳиванскихъ сказаній (§ 13). Въ основаніи послѣдней, примиряющей піесы, дышащей дивно-мягкимъ и нѣжнымъ чувствомъ, лежитъ освященіе страдальца, прославленнаго божественнымъ промысломъ на крайней степени страданія и незаслуженнаго злосчастія, а блаженная жизнь за гробомъ, въ которой человѣкъ, измученный и просвѣтленный жестокою судьбою на землѣ, можетъ ожидать нравственнаго удовлетворенія, указана какъ послѣдняя утѣшительная надежда невиннаго страдальца. Она въ то же время представляется какъ бы завѣщаніемъ, въ которомъ старецъ передаетъ воспоминанія юности, исполненныя самаго нѣжнаго чувства къ родинѣ и отечеству. Трагедіи: Неистовый Аяксъ и Филоктетъ, страждущій неисцѣлимою болью въ ногѣ и томящійся въ одиночествѣ на пустынномъ островѣ, принадлежатъ къ области сказаній о Троянской войнѣ; въ первой проведена та мысль, что преувеличенная самонадѣянность геройской силы безъ страха божія и вѣры въ неземное переходитъ въ дикое буйство; во второй — что безукоризненная честность безъ разсчитаннаго лицемѣрія составляетъ существенный признакъ истинно-геройской натуры и рыцарскаго мужества. Электра (какъ и «Хоэфоры» Эсхила) есть часть сказанія объ Атридахъ; въ этой піесѣ представлены возвышенность и сила женской невинности и мщенія, когда оно, какъ проявленіе семейнаго права, возведено на степень вполнѣ сознательнаго рѣшенія и переходитъ въ самое дѣло; трагедія Трахинянки изображаетъ погибель Геракла (§ 13) и основана на мысли, что человѣкъ можетъ ускорять роковую развязку неосторожнымъ поступкомъ и, благородно заблуждаясь, причинять неисцѣлимое зло даже дорогимъ ему людямъ.

Эврипидъ (480 — 406), сынъ почтенной семьи, получившій хорошее воспитаніе, рано примкнулъ къ скептическому философу Анаксагору и въ послѣдствіи раздѣлялъ стремленія софистовъ,

Отсюда его чрезмѣрная склонность мудровать, предпочтеніе къ философскому и разсудочному мышленію, удаленіе отъ общественной жизни въ ученый кабинетъ, при чемъ онъ становился чуждымъ эллинскому міру и не принималъ участія въ аѳинскомъ народовластіи, хотя и былъ нравоописателемъ аѳинскаго народа и говорилъ за него и его именемъ. Мало извѣстный народу, безпрестанно осмѣиваемый критиками и сатириками, удрученный въ своей домашней жизни двумя несчастными браками, онъ принялъ въ старости приглашеніе македонскаго царя Архелая, и умеръ въ Македоніи отъ охотничьихъ собакъ, натравленныхъ на него завистниками. Эврипиду приписываютъ суровый, раздражительный характеръ. Потрясающее изображеніе страстей и человѣческаго ничтожества доставило ему славу «самаго трагическаго» изъ поэтовъ. Не смотря на искусный, гибкій языкъ, гладкость формы, утонченную отдѣлку и текучесть слога, въ піесахъ его уже замѣтны слѣды упадка драматическаго искусства. Драмы его большею частію построены на интригахъ и «прагматизмѣ», а не на велѣніяхъ могучаго рока, и чаще разрѣшаются искусственнымъ образомъ или внезапнымъ механическимъ появленіемъ божества (deus ex machina [1]), чѣмъ на основаніи внутреннихъ психологическихъ поводовъ. Сильно замѣтный у Эврипида недостатокъ религіознаго чувства и умѣнья достойно понимать божественное могъ проистекать изъ скептически-философскаго образованія, ибо герои и боги являются у него облеченные во всѣ человѣческія слабости и страсти, и народная религія подвергается частымъ нападкамъ. Эврипидъ пересадилъ трагедію съ почвы объективной природы и идеально-духовнаго міра въ сферу разсудочности и субъективной чувствительности, и старался дѣйствовать на зрителя возбужденіемъ чувственнаго умиленія, многословнымъ описаніемъ сердечныхъ ощущеній, риторическимъ паѳосомъ, сентенціями, разными замысловатостями и антитезами (противупоставленіями) и выказною ученостью. Эти особенности, ненравившіяся цѣнителямъ искусства, которые по этому рѣдко присуждали ему награду на литературныхъ состязаніяхъ, нравились народу, который зналъ на память и повторялъ множество

[1] Выраженіе deus ex machina употреблялось относительно театральныхъ піесъ и даже въ общежитіи, при неожиданномъ появленіи какого-нибудь лица или случая, которые больше разрывали, чѣмъ распутывали завязку. Въ театрѣ древнихъ, въ послѣднее время, нерѣдко спускалось на сцену, посредствомъ извѣстнаго механизма, вспомогательное божество, ускорявшее развязку драмы.

мѣстъ изъ трагедій Эврипида; ораторы и позднѣйшіе трагики тоже тщательно изучали его произведенія. Изъ многочисленныхъ его подражателей наиболѣе замѣчательны Агаѳонъ, трагедіи котораго, отличающіяся гладкостію и витіеватостію языка, свидѣтельствуютъ о перезрѣломъ вкусѣ изнѣженнаго общества, и слезливый Каркинъ. Сверхъ того, въ древности славились еще Іонъ хіосскій (ок. 454) гладкостію и правильностью рѣчи, и Ахей эретрійскій (ок. 447) своими сатирическими драмами. — Эврипидъ первый ввелъ обычай заранѣе ставить зрителя на надлежащую точку зрѣнія посредствомъ пролога и далъ хору второстепенное значеніе, увеличивъ число актеровъ и распространивъ діалоги. — Греческіе театры обыкновенно были огромны, ибо служили также для народныхъ собраній; они строились на высокихъ мѣстахъ, откуда открывался красивый видъ на море и на городъ. Внутренность театра раздѣлялась на слѣдующія части: 1) полукругъ съ ступенеобразными мѣстами для зрителей; 2) оркестръ для хора съ жертвенникомъ Діониза по срединѣ, и 3) сцену — длинный, узкій, мало углубленный прямоугольникъ, съ тремя дверями въ задней стѣнѣ, простыми, неподвижными декораціями и немногими машинными принадлежностями. Въ началѣ сами поэты исполняли главныя роли; хоры составлялись изъ свободныхъ гражданъ (хоревтовъ), помогавшихъ поэту; выбранный изъ богатыхъ гражданъ распорядитель (хорагъ) старался доказать свое усердіе къ божеству дорогими пособіями театру, которыя вообще дѣлались богатыми любителями по собственному желанію или по извѣстному очередному распорядку между знатными родами. При этомъ имѣлось также въ виду пріобрѣсти народное расположеніе и прославиться; оттого хоррегія возбуждала честолюбіе богатыхъ. Цѣнители, избиравшіеся родами изъ среды ихъ, присуждали награду — плющевый вѣнокъ, обвитый священною шерстяною перевязью. Женщинамъ не дозволялось выходить на сцену; долгое время онѣ даже не допускались въ театръ въ качествѣ зрительницъ.

§ 89. Комедія. Къ тому времени, когда началось паденіе трагедіи, въ лицѣ Аристофана стало процвѣтать противуположное направленіе драматической поэзіи, комедія, съ сатирически-политическимъ оттѣнкомъ. Подобно тому, какъ Эврипидъ льститъ господствующему вкусу и восхваляетъ все существующее, Аристофанъ подрываетъ лица и отношенія порицаніемъ и насмѣшкою и,

проникнутый чувствомъ права и истины, безпристрастно и патріотически противуполагаетъ недостаткамъ своего времени добродѣтели прежнихъ поколѣній. Его піесы, въ которыхъ выставлены живыя лица по именамъ и притомъ такъ ясно, что всѣ и безъ того могли узнавать ихъ, имѣли огромное вліяніе. Такъ, онъ осмѣялъ въ Лягушкахъ и Θесмофоріазусахъ модную поэзію и въ особенности Эврипида съ его вялыми, плаксивыми трагедіями; въ Облакахъ онъ выставилъ съ смѣшной стороны, подъ именемъ Сократа, новыя философскія стремленія, грозившія потрясти народныя вѣрованія, а во Всадникахъ даже осмѣлился посягнуть на Клеона и самолюбивыхъ демагоговъ. Съ строгимъ порицаніемъ разоблачаетъ онъ всѣ недостатки и слабыя стороны въ государственной, нравственной, художественной и научной жизни Аѳинъ и вообще той эпохи. Себялюбивый и лукавый демагогъ, поверхностный и приторный острякъ, умствующій и невѣрующій софистъ, таинственный, суевѣрный ханжа, противуестественный развратникъ, суетный, обезъянствующій щеголекъ, легкомысленная, пристрастная народная община роднаго города и педантически-форменный совѣтъ Спарты — всѣ односторонности и несообразности настоящаго выставлены у него такъ же свободно, какъ и искусно. Эта свобода древней комедіи — выказывать современные недостатки и несообразности на дѣйствительныхъ и притомъ важныхъ лицахъ, погибла вмѣстѣ съ неограниченною демократіей, вслѣдствіе чего въ узкомъ кругу гражданства появилась освобожденная отъ хора и парабазъ [1] средняя комедія, выставлявшая только второстепенныя лица и притомъ безъ яснаго обозначенія ихъ, и осмѣивавшая лишь обстоятельства и личности прошедшаго, въ особенности изъ области литературы и искусства; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока во времена Александра и его преемниковъ возникла новая комедія, заимствовавшая свой матеріалъ изъ частной и семейной жизни, поставившая себѣ задачею изображеніе нравовъ и характеровъ, близкая къ дѣйствительности по языку и обстановкѣ, и строившая представляемыя ею дѣйствія на «прагматизмѣ», интригахъ и любовныхъ похожденіяхъ. У Грековъ Нижней Италіи и Сициліи образовалась мимика, или сопровождаемыя пляскою и музыкою тѣлодвиженія, исполненныя забавныхъ шутокъ: то былъ вѣрный, характеристическій отблескъ

[1] Обращеній поэта къ зрителямъ чрезъ посредство управлявшаго хоромъ.

жизни низшихъ классовъ во всей ея истинѣ и естественности. Мимы Софрона нравились даже Платону.

Комедія, не состоявшая, какъ трагедія, въ связи съ общественнымъ богослуженіемъ, но свободно развившаяся изъ застольныхъ пѣсенъ и забавныхъ игръ при діонизіяхъ (празднествахъ въ честь Вакха), возникла у дорійскихъ племенъ. Она первоначально произошла изъ увеселительныхъ игръ, которыми виноградари (большею частію крѣпостные дорійскіе поселяне) сопровождали добываніе сока изъ винограда: въ вѣнкахъ изъ тростника плюща, и вымазавъ щеки винными дрожжами, выражали они свою полухмѣльную веселость шутливымъ разговоромъ, мимическою пляской (кордаксомъ и пляской съ кожаными мѣхами) и радостными или дикими пѣснями, къ которымъ шутникъ-импровизаторъ или мимистъ прилаживалъ какое-нибудь дѣйствіе, при чемъ или выставлялъ смѣшной характеръ, или осмѣивалъ какое-нибудь лицо. Такой видъ имѣла комедія въ Мегарѣ; художественный характеръ былъ сообщенъ ей впервые въ Сициліи Эпихармомъ изъ Коса, проживавшимъ въ Сиракузахъ (ок. 470), и Софрономъ (ок. 450). Піесы ихъ нравились тонкою наблюдательностью надъ человѣческимъ житьемъ-бытьемъ, которое выставляли они добродушно и забавно, а также и разсѣянными въ нихъ, остроумно примѣненными къ практической жизни, общими истинами и поученіями. Послѣ Персидскихъ войнъ, жители Аттики стали передѣлывать мегарскіе фарсы въ своеобразное представленіе, при чемъ усвоили себѣ то, что уже было сдѣлано для трагедіи, и умѣли сообщить своей комедіи изящество формы, соотвѣтственное высокимъ требованіямъ времени. Въ этомъ дѣлѣ обнаружили они быстроту взгляда и особенную геніальность, все полнѣе и полнѣе обнимая настоящее со всѣми его интересами, заблужденіями и несообразностями, и приводя зрителей все къ болѣе ясному пониманію современности. Послѣ начальныхъ опытовъ Крата, одаренный творческою способностью Кратинъ двинулъ комедію впередъ; по слѣдамъ его шли Ферекратъ, Эвполъ «пріятный», Платонъ и другіе, пока современникъ ихъ Аристофанъ (около 423) далъ ей полное развитіе во время и послѣ Пелопоннеской войны. Выработанный имъ родъ поэзіи называютъ древнею комедіей, въ которой ничѣмъ не сдержанный смѣхъ самымъ безпощаднымъ образомъ бичевалъ все что дѣлалось, особенно несообразности въ частной жизни и государствѣ, всѣ извѣстныя, даже самыя почтенныя лица того времени, въ

остроумныхъ, ѣдкихъ, часто даже площадныхъ выраженіяхъ и сравненіяхъ; произволъ и капризъ смѣлыхъ шутокъ заняли въ ней мѣсто трагическаго рока, фантазія и дѣйствительность смѣнялись тутъ пестрой чередой. Эта древняя комедія, съ безграничною свободой клеймившая всѣ ошибки, заблужденія и нелѣпости, и имѣвшая въ аѳинской жизни тоже значеніе, какое имѣютъ въ наше время оппозиціонные журналы, свидѣтельствуетъ о широкомъ развитіи демократической свободы въ Аѳинахъ, о добродушномъ юморѣ народа, который допускалъ подобныя порицанія и насмѣшки надъ собою, и въ то же время о серьёзно-нравственномъ характерѣ поэтовъ. Дѣйствіе насмѣшки усиливалось масками, костюмами и символами, которые, хотя и получали слишкомъ каррикатурный видъ, однако еще болѣе выясняли предметъ комедіи. Древняя комедія имѣла, кромѣ хора и діалога, полнаго ироніи и аттической соли, еще особенную, уничтожающую всѣ драматическія иллюзіи (обманъ чувствъ) парабазу, т. е. обращеніе управлявшаго хоромъ къ зрителямъ именемъ поэта съ цѣлью прежде всего представить въ благопріятномъ свѣтѣ желанія, жалобы и заслуги автора, а потомъ или восхвалить боговъ государства, или осудить политическихъ дѣятелей и недостатки общественной жизни. Это интермеццо возобновлялось въ продолженіе длинныхъ дѣйствій комедіи и обставляло послѣдніе акты рядомъ небольшихъ сатирическихъ картинъ. Изъ 60-ти піесъ Аристофана мы имѣемъ только 11, которыя выказываютъ какъ глубокое знаніе людей, чувство истины и любви къ отечеству въ поэтѣ, такъ и богатство его остроумія и фантазіи, обнимающей небо и землю, варваровъ и Эллиновъ, и повсюду создающей волшебный міръ, въ которомъ однако живетъ дѣйствительность. Ко всему этому присоединяется необыкновенное мастерство владѣть словомъ.

Комедія Ахарняне (ок. 425) написана съ цѣлью выказать въ благопріятномъ свѣтѣ достоинство и блага мира, дабы отклонить продолженіе Пелопоннесской войны, продлить которую желали изъ тщеславія молодые знатные Аѳиняне; во Всадникахъ (424) бичуется не только себялюбивый демагогъ Клеонъ, но и руководимый имъ народъ, и притомъ такъ остроумно и смѣло, что никто не рѣшался взять на себя главную роль, даже сдѣлать нужную для нея маску: Аристофанъ долженъ былъ самъ исполнить эту роль съ раскрашеннымъ лицемъ; Облака (423) осмѣиваютъ, въ лицѣ Сократа, школьную мудрость софистовъ съ ея вредными послѣдствіями для

религіи и народныхъ нравовъ, для нравственности и семейной жизни, и превозносятъ строгое воспитаніе и простоту стараго времени; въ Осахъ (422) осуждается страсть Аѳинянъ къ процессамъ и проистекшая изъ нея сикофантика (ябеда), и осмѣивается бездушное мѣщанство геліастовъ (народныхъ судей), ихъ тщеславіе, несправедливость и алчность; комедія Миръ (421) написана къ случаю: въ ней Аристофанъ старался приготовить своихъ соотечественниковъ къ Никіеву міру. Въ Птицахъ (414), мастерскомъ его произведеніи, переполненномъ богатствомъ фантазіи и остроуміемъ, поэтъ старается отклонить Аѳинянъ, по случаю бѣдственной экспедиціи въ Сицилію (§ 94), отъ ихъ безмѣрной страсти къ рисковымъ предпріятіямъ и отъ легкомысленнаго увлеченія воздушными замками, осмѣивая неумѣренные ихъ замыслы и мечтательные планы въ птичьей республикѣ (заоблачномъ кукушечьемъ городкѣ), будто-бы основанной безпокойными Аѳинянами въ воздушныхъ пространствахъ. — Потребность въ общемъ мирѣ вызвала комедію Лисистрата, гдѣ собравшіяся со всей Греціи женщины принимаются за общественное дѣло, осаждаютъ городскую крѣпость, отстаиваютъ свои притязанія противъ сената и съ помощію упорнаго заговора противъ мущинъ вынуждаютъ заключеніе мира. Комедія Θесмофоріазусы (женщины, празднующія ѳесмофоріи, см. §§ 12, 52) направлена противъ Эврипида, котораго считали ненавистникомъ женщинъ и котораго женщины осуждаютъ на смертную казнь за то, что онъ клеветалъ на нихъ; но подъ видомъ насмѣшки надъ Эврипидомъ и чувствительнымъ Агаѳономъ, Аристофанъ въ тоже время вскрываетъ нравственную испорченность женскаго пола въ Аѳинахъ. Въ Лягушкахъ (405), въ лицѣ Эврипида, выставлено ложное направленіе драматической поэзіи, въ противуположность древнѣйшей, и въ тоже время осмѣяна охлократія. — Комедія Экклезіазусы («Женская сходка»), гдѣ женщины въ мужской одеждѣ держатъ народное собраніе и рѣшаютъ захватить въ свои руки управленіе общественными дѣлами, есть смѣлая сатира на низкій и безсильный духъ подновленной демократіи и вмѣстѣ насмѣшка надъ идеальными государственными формами Платона съ общностью имуществъ и женъ. Въ Плутосѣ (Богатствѣ, ок. 388), послѣднемъ произведеніи поэта, онъ караетъ Аѳинянъ за ихъ алчность, страсть къ удовольствіямъ и пышности, и ставитъ имъ въ образецъ древнюю простоту и строгость нравовъ.

Съ паденіемъ неограниченной демократіи прекратилась древняя

комедія, и когда 30 тиранновъ (§ 96) запретили личности на сценѣ, возникла, какъ переходъ къ новой, средняя комедія безъ хорегіи, издержекъ которой никто уже не желалъ принимать на себя. Этотъ стѣсненный родъ поэзіи безъ хоровъ и парабазъ избиралъ предметомъ своей насмѣшки нелѣпости и недостатки людей вообще или отдѣльныхъ классовъ и сословій. При этомъ довольствовались легкою личною насмѣшкой надъ замѣчательными или смѣшными людьми, надъ сосѣдями или иноземными властителями, но жало насмѣшки проникало слишкомъ неглубоко и касалось больше городскихъ сплетней и внѣшностей. При этомъ предлагалась въ многознаменательныхъ поговоркахъ и изреченіяхъ здравая, соотвѣтственная состоянію даннаго общества, практическая мудрость. Форма средней комедіи не лишена отдѣлки и изящества, въ изложеніи есть мѣткіе образы и сравненія, но діалогъ ея растянутъ, часто многословенъ, а разсказы и описанія большею частію чрезмѣрно длинны. Извѣстнѣйшими поэтами этого рода были: Антифанъ изъ Родоса (ок. 380), котораго остроуміе и драматическій талантъ выказались въ разносторонности его сюжетовъ, и отъ котораго сохранилось много отрывковъ; Эвбулъ изъ Аѳинъ; Анаксандридъ, веселый и умный наблюдатель дѣйствительности, который прежде всѣхъ вывелъ на сцену любовныя похожденія; Алексисъ изъ Турій; Тимоклъ, современникъ Демосѳена, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ комиковъ по красотѣ слога и разнообразію содержанія. — Новая комедія возникла въ монархическое время, когда политическая жизнь угасала и все пребывало въ колеѣ обычнаго порядка. Личная насмѣшка, пародія и политическая сатира были оставлены въ сторонѣ; почвою для новой комедіи служитъ уже домашняя и гражданская жизнь, которую наблюдали поэты; матеріалъ доставляли семейныя отношенія, любовь, случаи ежедневной жизни, соціальныя обстоятельства и т. под.; ея преимущества заключаются въ изображеніи нравовъ и характеровъ, при чемъ болѣе дѣйствуетъ наблюдательный умъ, чѣмъ фантазія. На долю вымысла приходилось не много, и вымыселъ былъ однообразенъ; въ комедіяхъ этого времени постоянно являются извѣстные характеры: хитрые рабы, соблазнительныя женщины (гетеры), хвастливые военные, испорченные воспитаніемъ сыновья и т. под. Такому однообразію матеріала соотвѣтствовали упавшая въ достоинствѣ, пошлая рѣчь, блѣдный колоритъ, однообразный, неправильный размѣръ стиха (метрика).

Замѣчательнѣйшими поэтами въ этомъ родѣ были: Менандръ изъ Аѳинъ (342 — 290), справедливо считавшійся мастеромъ по своей острой наблюдательности, богатству вымысла, искусному построенію всего дѣйствія; къ этому присоединялись у него благородство и мягкость тона, обличавшія мыслителя; никто изъ его современниковъ не обладалъ такою вѣрностію въ изображеніи нравовъ, и всякая характеристика новой комедіи должна преимущественно имѣть его въ виду. Его комедіи богаты изреченіями и практическими правилами. Менандръ служилъ образцомъ для римскаго комика Теренція (§ 177), подобно тому, какъ старшій современникъ его Филемонъ, съ своимъ менѣе выглаженнымъ народнымъ тономъ, служилъ образцомъ для Плавта; Дифилъ изъ Синопа, соперничавшій съ Менандромъ и Филемономъ въ Аѳинахъ, написалъ, какъ говорятъ, 100 драмъ, отъ которыхъ до насъ дошло лишь нѣсколько отрывковъ.

3. Пелопоннесская война (431—404).

а) первый періодъ (архидамова война) до никіева мира (421).

§ 90. Счастіе Аѳинъ переполнило Спарту завистью и недоброжелательствомъ, а высокомѣріе и гнетъ гордыхъ демократовъ въ отношеніи къ подвластнымъ союзникамъ возбудили неудовольствіе и ненависть къ Аѳинамъ. Вскорѣ двѣ непріязненныя державы уже стояли другъ противъ друга вооруженныя: съ одной стороны аѳинскій союзъ (симмахія), къ которому, отчасти по принужденію, отчасти добровольно, пристали іонійскія колоніи и большая часть острововъ (Лесбосъ, Хіосъ, Самосъ и друг.), которому сочувствовала подвижная демократическая партія во всѣхъ государствахъ и котораго главная сила заключалась во флотѣ; съ другой — пелопоннесскій союзъ, съ Спартою во главѣ, къ которому примкнули дорійскія и большинство эолійскихъ державъ (Беотія, Фокида и друг.), на который возлагала свои надежды аристократическая партія, крѣпко державшаяся старины и преданія, и котораго главною опорою служило храброе сухопутное войско. Долго опасались нарушить Перикловъ миръ, ибо видѣли ясно, что война превратится въ борьбу мнѣній, что взаимная ненависть и страсти сообщатъ ей отчаянный характеръ. Война безъ опредѣленной цѣли, какою была въ началѣ

война Пелопоннесская, вскорѣ должна была сдѣлаться истребительною, и могла кончиться лишь съ погибелью одной изъ враждующихъ партій. Но потомъ стеченіе многихъ обстоятельствъ привело къ разрыву. Островъ Керкира вступилъ въ войну съ своею метрополіей Коринѳомъ за городъ Эпидамнъ (Диррахій) на берегу Иллиріи и обратился съ просьбою о помощи къ Аѳинянамъ, при содѣйствіи которыхъ Коринѳяне, послѣ нерѣшительнаго морскаго сраженія, вынуждены были отступить. Они признали это нарушеніемъ мира и жаловались тѣмъ основательнѣе, что Аѳиняне обложили данью ихъ колонію Потидею въ Македоніи и, такъ какъ она, въ надеждѣ на помощь Пелопоннеса, теперь отказалась платить эту дань, то они жестоко воевали съ нею. Третьимъ поводомъ къ жалобамъ было исключеніе небольшаго дорійскаго государства Мегары, жители котораго существовали почти единственно торговлею съ Аѳинами, изъ всѣхъ морскихъ гаваней и рынковъ Аттики, въ наказаніе за отпаденіе его и другія, приписанныя ему вины.

Эпидамнъ и Керкира. Въ Эпидамнѣ, колоніи, основанной выходцами изъ Керкиры подъ водительствомъ одного Коринѳянина, произошелъ раздоръ между дорійскими аристократами и народною партіей, состоявшею изъ смѣшаннаго люда. Первые были изгнаны и обратились съ просьбою о помощи къ своимъ единоплеменникамъ, основателямъ колоніи, Керкирянамъ, между тѣмъ какъ демократы Эпидамна просили о помощи Коринѳянъ, которые изъ зависти и недоброжелательства къ возрастающему морскому могуществу Керкиры воспользовались представившимся случаемъ, чтобы ослабить ее. Однако Керкиряне и изгнанные аристократы Эпидамна отразили Коринѳянъ и принудили Эпидамнъ сдаться (435). Раздраженные такимъ позоромъ, Коринѳяне снарядили большой флотъ, съ цѣлью смирить гордый островъ; но Керкиряне заключили союзъ съ Аѳинянами, что хотя и не помѣшало Коринѳянамъ разбить ихъ въ морскомъ сраженіи, но за то предупредило занятіе и покореніе Керкиры. Аѳиняне, которыхъ 10 кораблей въ бездѣйствіи присутствовали при сраженіи, послѣ битвы стали въ такое грозное положеніе, что Коринѳяне не могли воспользоваться своею побѣдой, но вынуждены были удалиться съ пустыми руками, и потому Керкиряне оспоривали у нихъ честь побѣды.

§ 91. По жалобѣ Коринѳянъ на пелопоннесскомъ сеймѣ въ Спартѣ, Лакедемонцы, послѣ нѣкотораго колебанія, потребовали отъ Аѳинъ снятія осады Потидеи, допущенія Магарцевъ на рынки и въ гавани Аттики и дарованія свободы всѣмъ союзникамъ, въ особенности Эгинцамъ. И когда Аѳиняне оставили эти требованія безъ послѣдствій, спартанское войско подъ водительствомъ царя Архидама вторглось въ Аттику и принялось опустошать этотъ край. Селенія были разрушены, маслины вырублены, поля и виноградники обращены въ пустыню. Тогда Периклъ призвалъ сельскихъ жителей Аттики съ женами, дѣтьми и движимостью въ столицу и за длинныя стѣны, и снарядилъ флотъ, съ которымъ подходилъ къ берегамъ Пелопоннеса, воздавая опустошеніемъ за опустошеніе. Такъ продолжалось нѣкоторое время, пока, вѣроятно вслѣдствіе чрезмѣрнаго многолюдства, въ Аѳинахъ показалась страшная моровая язва, которая пожирала тысячи человѣкъ и наконецъ свела въ могилу самого Перикла (429), предварительно лишивъ его двоихъ сыновей и многихъ друзей и приверженцевъ. Несправедливыя жалобы народа, раздраженнаго бѣдствіями военнаго времени, подозрѣнія многочисленныхъ противниковъ, скорбь о смутномъ состояніи государства и малодушіи гражданъ, печаль и сожалѣніе о смерти двоихъ, хотя и недостойныхъ сыновей, все это, и еще другія причины, сократили дни его. Умирая онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что не повергъ въ трауръ ни одного изъ переживающихъ его Аѳинянъ. Кончина этого великаго человѣка нанесла государству незалѣчимую рану. Мѣсто его заняли себялюбивые демагоги, подобные хвастливому кожевенному заводчику Клеону, и раздоры партій, питаемые народными сходбищами, подорвали его внутреннюю силу. Съ тѣхъ поръ полновластная чернь угнетала знатныхъ и богатыхъ и возложила на нихъ однихъ всѣ государственныя повинности (литургіи): безчестные доносчики и ябедники (сикофанты) безпрестанно угрожали спокойствію, безопасности и благосостоянію каждаго гражданина, который казался не безусловно преданнымъ существующему порядку. При такихъ обстоятельствахъ Аѳины еще потерпѣли внѣшнее униженіе: городъ Платея, ихъ вѣрнѣйшій союзникъ, палъ послѣ геройской борьбы съ Спар-

танцами и Беотійцами, и былъ срытъ до основанія; граждане его, способные къ военной службѣ, были убиты, а жены и дѣти ихъ отведены въ рабство. Но Аѳинянамъ удалось снова покорить отпавшій Лесбосъ съ Митиленой (427). Въ первую минуту раздраженный народъ опредѣлилъ — умертвить всѣхъ совершеннолѣтнихъ Митиленцевъ, а женъ и дѣтей обратить въ рабство; но вскорѣ въ немъ заговорило раскаяніе, и на слѣдующее утро народное собраніе смягчило свой прежній приговоръ и постановило, что только тысяча присланныхъ полководцемъ Лесбосцевъ должны подвергнуться смертной казни, какъ злоумышленики; относительно остальныхъ гражданъ рѣшено было, что они должны лишиться своихъ кораблей и стѣнъ, и поплатиться собственностію. Кровавое наказаніе назначено Аѳинянами зачинщикамъ отпаденія, съ цѣлью устрашить другихъ и удержать ихъ отъ подобныхъ попытокъ. По винѣ жестокосердыхъ Спартанцевъ, война получила характеръ безконечной кровной мести съ постоянно возраставшею жестокостію. При всемъ этомъ Аѳины вторично постигла моровая язва; землетрясеніе, проливные дожди и засухи поперемѣнно распространяли въ городѣ ужасъ и отчаяніе. Во всей физической природѣ обнаружилось какъ бы разстройство обычнаго порядка; необычайныя знаменія свидѣтельствовали о внутренней борьбѣ, объ омертвѣніи природы такими заразами и страшными землетрясеніями, о какихъ и не знало преданіе. Стихіи какъ бы вышли изъ своей сферы, самыя времена года измѣнились.

Платея. Еще прежде чѣмъ вспыхнула война между Спартою и Аѳинами, Ѳиванцы пытались покорить городъ Платею, которымъ были недовольны еще съ Персидскихъ войнъ за то, что онъ отпалъ отъ нихъ и заключилъ союзъ съ Аѳинянами. При помощи нѣсколькихъ аристократовъ, они ночью неожиданно проникли въ городъ; но на слѣдующій день были, въ числѣ 300 человѣкъ, захвачены хитростію и силою и всѣ умерщвлены. Мщеніемъ за это возбуждено было новое мщеніе, и такъ продолжалось до страшнаго разоренія всей Греціи этою войной. Въ третій годъ войны Спартанцы начали достопамятную осаду Платеи. Жители отправили безоружныхъ, женщинъ и дѣтей въ Аѳины, за исключеніемъ немногихъ женщинъ, которыя были нужны для ухода за больными, а сами рѣшились мужественно

защищать городъ. Долгое время Пелопоннесцы тщетно старались овладѣть городомъ посредствомъ кругостѣннаго вала и деревянныхъ подмостокъ; такъ какъ всѣ нападенія ихъ были храбро отражаемы, они рѣшились принудить городъ къ сдачѣ тѣсною блокадою и недопущеніемъ въ него жизненныхъ припасовъ. Когда уже не оставалось никакого спасенія, часть гражданъ отважилась сдѣлать вылазку и удачно проложила себѣ дорогу къ Аѳинамъ чрезъ непріятельскіе окопы. Оставшіеся въ городѣ, томимые голодомъ, принуждены были наконецъ безусловно сдаться Спартанцамъ (427). Участь ихъ была ужасна; напрасно ссылались они на свои прежнія заслуги, напрасно напоминали, что нѣкогда вмѣстѣ съ Спартанцами сражались противъ Персовъ, что самыя славныя побѣды въ спартанской исторіи были одержаны на ихъ землѣ (§ 52). Побѣдители заковали Платейцевъ въ цѣпи и нарядили судъ надъ ними; кто изъ нихъ не могъ доказать, что сдѣлалъ какую-нибудь услугу Спартанцамъ и ихъ союзникамъ во время войны, того убивали. «Они убили (говоритъ Ѳукидидъ, III, 68) однихъ Платейцевъ не менѣе 200, и 25 Аѳинянъ, которые вмѣстѣ съ ними выдерживали осаду; а женщинъ обратили они въ рабынь. Самый городъ Ѳиванцы отдали для жительства, на одинъ годъ, мегарскимъ гражданамъ, изгнаннымъ изъ Мегары вслѣдствіе борьбы партій, и тѣмъ Платейцамъ, которые еще остались въ живыхъ; но потомъ срыли городъ до основанія и построили подлѣ храма Геры гостинницу для иностранцевъ, воспользовавшись при этомъ крышами и дверями Платейцевъ. Городская земля была признана государственною собственностію, отдана въ аренду на 10 лѣтъ, и Ѳиванцы воздѣлали ее. Да и вообще можно сказать, что Лекедемонцы сдѣлались такъ недоброжелательны къ Платейцамъ за Ѳиванцевъ, ибо думали, что послѣдніе полезны имъ въ тогдашней войнѣ».

§ 92. Вскорѣ удалось (425) аѳинскому полководцу Демосѳену, человѣку, одаренному великою предпріимчивостію, овладѣть на пути въ Сицилію мессенскимъ городомъ Пилосомъ (Наварино), и отсюда, съ помощію бѣглыхъ Илотовъ и Мессенцевъ, тревожить спартанскія владѣнія хищническими и опустошительными набѣгами. Тщетно старались Спартанцы вытѣснить его оттуда; они были отражены и болѣе 490 тяжело-вооруженныхъ заперты на пустынномъ островѣ Сфактеріи, гдѣ они умерли бы съ голоду, если бы нѣкоторые Илоты, соблазняясь обѣщаніемъ свободы и награды, не под-

возили имъ жизненныхъ припасовъ въ легкихъ челнокахъ, хотя съ большимъ рискомъ для себя лично. Опасаясь спартанской храбрости, Аѳиняне долго не рѣшались сдѣлать высадку; только тогда, когда были присланы новыя подкрѣпленія, удалось имъ овладѣть островомъ и, при помощи лѣснаго пожара и Мессенянъ, хорошо знавшихъ мѣстность, до того стѣснили Спартанцевъ въ одномъ высокомъ окопѣ, что всѣ они принуждены были сдаться и были отвезены въ Аѳины плѣнными. Это дѣло, исполненное предводителемъ подкрѣпленій Клеономъ, доставило ему неожиданную военную славу, и онъ сталъ всѣми силами препятствовать заключенію мира, о которомъ уже начались переговоры. Но когда Беотійцы нанесли чувствительное пораженіе Аѳинянамъ при Делiонѣ (гдѣ отличились храбростію Сократъ и Алкивіадъ), а искусный спартанскій полководецъ Бразидъ успѣшно дѣйствовалъ противъ аѳинскихъ колоній во Ѳракіи и Халкидикѣ, партія мира (аристократическая), во главѣ которой стоялъ богатый, щедрый, но тщеславный и нерѣшительный Никій, мало-помалу получила перевѣсъ. Въ слѣдствіе того, послѣ побѣды Спартанцевъ при Амфиполѣ, гдѣ палъ храбрый и благородный Бразидъ, а Клеонъ въ бѣгствѣ былъ убитъ, состоялся Никіевъ миръ (421), по которому обѣ стороны обязывались къ 50-лѣтнему перемирію, взаимной отдачѣ всѣхъ завоеваній и плѣнныхъ и къ миролюбивому разрѣшенію всѣхъ будущихъ несогласій. — Между тѣмъ ожесточенная борьба между аристократическою и демократическою партіей продолжалась въ большей части греческихъ городовъ; но нигдѣ не имѣла она такого кроваваго и свирѣпаго характера, какъ на островѣ Керкирѣ: тамъ знатные роды были совершенно истреблены, и цвѣтущему острову съ его богатыми масличными рощами нанесенъ ударъ смертельный. Вездѣ, гдѣ побѣждали Спартанцы, власть поступала въ руки аристократовъ, которые карали противную партію смертью и изгнаніемъ; напротивъ, перевѣсъ Аѳинянъ вездѣ сопровождался господствомъ демократической партіи, такъ же жестоко поступавшей съ своими противниками. «И многія и тяжкія несчастія постигли государства въ борьбѣ партій (говоритъ Ѳукидидъ), что̀ конечно всегда было и всегда будетъ пока человѣческая природа

останется таже; но бываетъ различно, то въ сильной, то въ умѣренной степени, смотря по обстоятельствамъ. Ибо въ мирѣ и счастливыхъ обстоятельствахъ, государства, какъ и отдѣльныя лица, питаютъ благородныя мысли, не подлежа вліянію необходимостей, навязанныхъ обстоятельствами; напротивъ, война, отнимая пріятное довольство ежедневной жизни, подобно суровому учителю, настроиваетъ чувства толпы сообразно съ данными обстоятельствами. Такъ велась въ государствахъ борьба партій и тѣ, которые вступали въ борьбу позже, зная прежнія событія, шли уже гораздо дальше въ изобрѣтеніи новыхъ плановъ, какъ для лукавыхъ нападеній, такъ и для свирѣпаго отмщенія.»

Керкира. Вражда партій на островѣ Керкирѣ даетъ самое вѣрное понятіе объ ужасахъ этой войны. Послѣ отчаяннаго боя внутри города, при чемъ освобожденные рабы подкрѣпили народную партію и страшный пожаръ распространилъ по городу ужасъ и смятеніе, демократамъ удалось одолѣть своихъ противниковъ съ помощію Аѳинянъ, высадившихся на островъ. Аристократы частію были убиты, частію искали спасенія въ храмѣ Геры. «Къ послѣднимъ отправились демократы, разсказываетъ Ѳукидидъ, убѣдили около 50 изъ нихъ подвергнуться суду и приговорили всѣхъ ихъ къ смерти. Но большинство искавшихъ прибѣжища въ храмѣ, не склонившееся на убѣжденія демократовъ, увидѣвъ что̀ случилось съ другими, само наложило на себя руки: нѣкоторые повѣсились на деревьяхъ, остальные покончили съ жизнію кто какъ могъ. Въ теченіи цѣлой недѣли, Керкиряне убивали всѣхъ тѣхъ, кого считали себѣ врагами; судебному обвиненію подвергались противники только народной власти, но иные были убиты изъ личной ненависти, а другіе, у которыхъ имѣлись деньги въ долгу,—своими должниками. При этомъ были примѣнены всѣ возможные роды смерти и дѣлалось все то, что̀ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, даже болѣе. Ибо отецъ убивалъ сына, иныхъ силою выводили изъ святилищъ и убивали подлѣ, нѣкоторые были даже замурованы въ храмѣ Діониза и тамъ умерли.» Узы крови уступали духу сообщничества, ибо онъ внушалъ бо̀льшую готовность поступать безпощадно; такое сообщничество вовсе не имѣло въ виду взаимнаго содѣйствія, совмѣстнаго съ существующими законами, а только беззаконное преобладаніе. Взаимныя обезпеченія сообщниковъ скрѣплены были не столько

божескимъ закономъ, сколько собща совершаемыми преступленіями. Полезныя предложенія, исходившія отъ противной стороны, принимались только изъ предосторожности, на случай, если эта сторона возьметъ верхъ, а совсѣмъ не изъ благородныхъ побужденій. Больше желали отомстить кому-нибудь, чѣмъ вовсе не быть обижену первому. Примирительныя клятвы взаимно давались только по необходимости и потому имѣли силу лишь до той минуты, когда получалось новое подкрѣпленіе съ другой стороны. — Такъ появилась въ Элладѣ всякаго рода безнравственность вслѣдствіе борьбы партій, и простосердечіе, обыкновенно неразлучное съ благородствомъ души, было осмѣяно и исчезло; напротивъ взаимное недовѣріе сдѣлалось въ высшей степени господствующимъ.

б) ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ АЛКИВІАДА.

§ 93. Заключеніе мира безъ участія Коринѳянъ возбудило ненависть ихъ къ Спартѣ. Они соединились съ Аргосомъ, Элидой и нѣкоторыми городами Аркадіи, чтобы отнять у Спартанцевъ гегемонію въ Пелопоннесѣ. Въ этомъ стремленіи поддерживалъ ихъ двадцати-лѣтній Алкивіадъ, племянникъ Перикла, впервые обнаруживший здѣсь много ловкости и дипломатическихъ способностей. При несмѣтномъ богатствѣ и безмѣрномъ честолюбіи, Алкивіадъ обладалъ въ высшей степени внѣшними и внутренними преимуществами. Онъ былъ хорошъ собою, геніаленъ, отлично образованъ и мастеръ говорить, такъ что способности давали ему право взять на себя роль Перикла, имѣй онъ только болѣе спокойствія и обдуманности и умѣй совладать съ своимъ необузданнымъ эгоизмомъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ «демоническихъ явленій», которыя рѣшаютъ судьбу цѣлыхъ народовъ и государствъ, къ тѣмъ властительнымъ характерамъ, которые не умѣютъ войдти въ колею существующихъ законовъ и учрежденій и идутъ независимо, путемъ собственнаго произвола. Обладая неодолимымъ личнымъ превосходствомъ, онъ думалъ, что можетъ на все отважиться не смотря ни на божескіе, ни на человѣческіе уставы. Его вмѣшательство въ пелопоннесскія дѣла имѣло теперь слѣдствіемъ войну между Спартанцами и союзниками, при чемъ политическій вѣсъ Спарты подвергался явному риску и былъ спасенъ только тѣмъ, что

Мантинейское сраженіе кончилось въ ея пользу. Помощь, оказанная Аѳинянами аргосскому союзу (418), неточное соблюденіе условій мира со стороны Спартанцевъ и живая память о кровавыхъ ужасахъ недавней войны, подстрекая чувство мести, не дали водвориться между воевавшими прочному спокойствію. Строгость Аѳинянъ противъ дорійско-лаконскаго острова Мелоса, оставшагося безучастнымъ въ общей войнѣ, чтобы, съ одной стороны, не нарушить вѣрности къ метрополіи, съ другой—не раздражить Аѳинъ,—эта незаслуженная строгость нанесла послѣдній ударъ «гнилому миру». Послѣ геройской обороны, длившейся нѣсколько мѣсяцевъ, островъ вынужденъ былъ къ безусловной сдачѣ, на гнѣвъ и на милость Аѳинянъ; всѣ способные носить оружіе были перебиты, остальное народонаселеніе, женщины и дѣти, увлечены въ неволю, а земля раздѣлена между побѣдителями.

§ 94. Зависть, недоброжелательство и племенная ненависть, и безъ того уже сильно разгорѣвшіяся между Аѳинами и Спартой, получили еще новую пищу, когда Аѳиняне отправили въ Сицилію Алкивіада, Никія и Ламаха съ самымъ лучшимъ флотомъ и съ превосходнѣйшимъ корпусомъ гоплитовъ, которые когда либо выходили изъ Пирея, желая покорить своей власти дорійскій городъ Сиракузы и даже, можетъ статься, весь этотъ островъ, гдѣ хлѣбъ и масло росли въ такомъ изобиліи (415). Предпріятіе однакожь не удалось. Враги Алкивіада, главнаго зачинщика этой рисковой экспедиціи, воспользовались отсутствіемъ полководца, чтобы обвинить его передъ судомъ въ безбожіи за то, что будто бы онъ изуродовалъ Гермесовы столбы и осквернилъ посмѣяніемъ элевзинскія таинства. Флотъ не успѣлъ еще высадить войскъ въ Сициліи, какъ Алкивіада потребовали на судъ къ отвѣту. Въ нечестивомъ искаженіи гермовъ, которое было совершено по цѣлому городу въ одну ночь и въ которомъ Алкивіадъ, повидимому, дѣйствительно участвовалъ изъ одного молодечества, полагали видѣть признаки тайнаго заговора къ ниспроверженію демократическаго порядка; вотъ отчего, по донесенію оратора Андокида, взято было подъ стражу и отчасти казнено смертью множество знатныхъ гражданъ, какъ заподозрѣнныхъ и соучастниковъ въ преступномъ замыслѣ.

Той же участи опасался и Алкивіадъ, и сообразно этому принялъ свои мѣры. Вмѣсто того, чтобъ явиться передъ аѳинское судилище, онъ бѣжалъ въ Элиду, ожидая чѣмъ кончится слѣдствіе, а потомъ, узнавъ о произнесенномъ надъ нимъ приговорѣ, отправился въ Спарту; пылая мщеніемъ, старался онъ уготовить здѣсь гибель своему отечеству и для того подстрекалъ Спартанцевъ къ возобновленію войны. По его совѣту заняли они крѣпкую позицію въ Аттикѣ, овладѣвъ городкомъ Декелеей, верстахъ въ двадцати отъ Аѳинъ, и послали своего искуснаго полководца Гилиппа съ пелопоннесскими войсками на помощь единоплеменнымъ Сиракузамъ. Вслѣдствіе этого сицилійская война, которая, не смотря на искусство сиракузскаго полководца Гермократа, велась до тѣхъ поръ удачно со стороны Аѳинянъ, вскорѣ приняла для нихъ бѣдственный оборотъ (414). Крѣпостныя работы, возведенныя для обложенія города, были пробиты, и храбрый Ламахъ съ большею частію отряда гоплитовъ погибъ; тѣснота порта препятствовала быстрымъ передвиженіямъ аѳинскихъ кораблей, чѣмъ они обыкновенно одолѣвали противниковъ; люди, упавъ духомъ, стали забывать дисциплину, и большія сиракузскія и коринѳскія суда одерживали верхъ надъ меньшими аѳинскими. А когда наконецъ, по утратѣ всего флота, оба начальника, Никій и Демосѳенъ, изъ которыхъ послѣдній присланъ былъ позже съ подкрѣпленіемъ, хотѣли укрыть остатки своего войска въ дружественной Катанѣ, они на замедлившемся отступленіи подверглись нападенію Гилиппа и Сиракузцевъ и, раздѣлившись, послѣ многихъ кровопролитныхъ схватокъ должны были сдаться всѣ до одного. Все что не пало въ битвѣ, обречено было на каторжную работу въ каменоломняхъ, и счастливыми почитали себя тѣ, кого постигла скорая смерть, какъ наприм. Никія и Демосѳена, которыхъ головы пали въ Сиракузахъ подъ ударами палача (413).

Прежняя исторія Сиракузъ. Сиракузы, основанныя въ 735 г. Коринѳянами, имѣя превосходный двойной портъ, вскорѣ достигли первостепеннаго значенія между греческими городами въ Сициліи; второе мѣсто занимала колонія Родосцевъ, Агригентъ, гдѣ въ шестомъ столѣтіи неистовствовалъ жестокій тиранъ Фаларидъ. —

Около того времени, какъ въ Аѳинахъ возникла неограниченная демократія, произошелъ переворотъ и въ Сиракузахъ: аристократическіе роды (гаморы), властвовавшіе до того времени, были свергнуты и изгнаны демосомъ за одно съ крѣпостнымъ населеніемъ подгородныхъ земель. Попытка аристократовъ снова овладѣть утраченнымъ господствомъ съ помощью Гелона, царя сосѣдняго города Гелы, не имѣла успѣха и кончилась тѣмъ, что демократы предложили Гелону тираннію надъ Сиракузами въ то время, какъ въ Агригентѣ достигъ единовластія пресловутый Ѳеронъ. Гелонъ пользовался своимъ господствомъ съ большою умѣренностью; онъ усилилъ городъ новыми поселенцами и, баснословно преувеличенною и изукрашенною побѣдой при Гимерѣ надъ Гамилькаромъ, разстроилъ попытку Карѳагенцевъ утвердиться въ Сициліи и вмѣстѣ планъ персидскаго царя покорить, черезъ карѳагенскихъ союзниковъ, міръ западныхъ Грековъ, въ то самое время какъ онъ готовился нанести Эллинамъ великій ударъ съ востока, чтобы однимъ разомъ стереть съ лица земли ненавистную ему свободу и цивилизацію. Братъ и преемникъ Гелона Гіэронъ I (477), окружась блестящимъ дворомъ, собралъ около себя первыхъ поэтовъ Греціи (Пиндара, Эсхила, Симонида, Вакхилида) и стремился къ славѣ, чести и внѣшнему величію, но не всегда уклонялся отъ насильствъ и притѣсненій. Сиракузцы уже и при немъ были недовольны единовластіемъ, а когда братъ его Ѳрасивулъ, въ надеждѣ на преданную толпу наемниковъ и окруженный подслушниками и шпіонами, дозволилъ себѣ всякаго рода насилія и несправедливости, то негодованіе усилилось дотого, что онъ былъ изгнанъ со всею династіей Гелоновъ, и затѣмъ установлена неограниченная демократія съ полнымъ равенствомъ правъ и преимуществъ для всѣхъ гражданъ. Этотъ порядокъ, водворенный послѣ продолжительной борьбы и многихъ насилій, вскорѣ перешелъ въ охлократію (владычество черни), съ учрежденіемъ, подобнымъ аѳинскому остракизму, петализмомъ [1]); вслѣдствіе этого Сиракузы подверглись внутреннимъ смутамъ и до того ослабѣли, что другіе греческіе города Сициліи, которые до тѣхъ поръ стояли подъ гегемоніей Сиракузъ, особенно Леонтинцы и Сегестанцы, начали искать независимости (427) и отправили въ Аѳины посольство, съ Горгіемъ во главѣ, просить для

[1] Отъ петала, листъ, потому что для подачи голосовъ употреблялись масличные листья.

этого помощи, которая и была дана имъ послѣ нѣкотораго колебанія. Духъ удальства, волновавшій аѳинскую народную общину, и ложное понятіе о великихъ сокровищахъ Сегестанцевъ, вовлекъ Аѳины въ это безразсудное предпріятіе. Къ благополучному для Сиракузянъ исходу войны много способствовалъ искусный и храбрый полководецъ ихъ Гермократъ, тѣмъ болѣе что со стороны Аѳинянъ Никій надѣлилъ большихъ ошибокъ и благодаря своей нерѣшительности, неловкости и суевѣрію упустилъ всѣ удобные случаи даже къ спасенію разбитыхъ уже войскъ. Гермократъ вскорѣ потомъ былъ изгнанъ изъ Сиракузъ подозрительными демократами, и когда, въ надеждѣ на свой дознанный патріотизмъ и на новыя услуги, оказанныя имъ отечеству въ изгнаніи, онъ, по вызову нѣсколькихъ друзей, отважился было воротиться въ родной городъ, на рыночной площади дошло до кровавой схватки, и знаменитый полководецъ нашелъ здѣсь свою смерть (408).

Гибель аѳинскаго войска по разсказу Ѳукидида. Сдачу Никія съ его отрядомъ у рѣки Азинара и страданія плѣнныхъ Аѳинянъ Ѳукидидъ изображаетъ въ слѣдующей трогательной картинѣ: «Никій, съ разсвѣтомъ, велѣлъ войску выступать, а Сиракузяне и ихъ союзники по прежнему преслѣдовали его со всѣхъ сторонъ, бросая въ Аѳинянъ копья и стрѣлы. Аѳиняне поспѣшили къ рѣкѣ Азинару (нынѣ Фальконара) отчасти потому, что тѣснимые отвсюда нападеніями многочисленной конницы и прочихъ военныхъ отрядовъ, они надѣялись облегчить свою участь переправой за рѣку, участію же отъ истомы и смертельнаго желанія утолить жажду. Достигнувъ рѣки, они бросились туда въ дикомъ безпорядкѣ. Каждый хотѣлъ прежде другихъ перейдти на противоположный берегъ, а между тѣмъ напиравшій на нихъ непріятель уже затруднялъ имъ переправу. Такъ какъ Аѳинянамъ приходилось двигаться впередъ среди общей давки, то они валились другъ на друга и топтали одинъ другаго съ копьями въ рукахъ и въ полномъ вооруженіи; многіе тутъ же и погибли; другіе, запутавшись, унесены были водой къ другому берегу внизъ по теченью. Сиракузяне, приспѣвъ къ рѣкѣ, начали съ высоты покатаго берега стрѣлять въ Аѳинянъ, которые жадно пили цѣлою толпой и сами себя тѣснили и давили въ глубокомъ руслѣ. Пелопоннесцы спустились вслѣдъ за ними въ рѣку и били всѣхъ тѣхъ, кого въ ней настигали. Вода отъ этого скоро помутилась; однакожь, не смотря на то, ее пили съ грязью и съ кровью пополамъ, да многіе

еще и дрались изъ-за того, чтобъ только напиться. Наконецъ когда тѣла лежали уже грудами въ рѣкѣ, а немногіе, которымъ удалось изъ нея спастись, страшно терпѣли отъ преслѣдующей ихъ конницы, Никій сдался Гилиппу, которому онъ довѣрялъ болѣе чѣмъ Сиракузянамъ. — Съ плѣнными, находившимися на каменоломняхъ, Сиракузяне обращались на первыхъ порахъ жестокосердымъ образомъ. Такъ какъ ихъ было много въ этой глубинѣ, то они сильно терпѣли и отъ удушливаго воздуха и отъ лучей солнца, не имѣя надъ собой кровли; а слѣдовавшія за жаркими днями свѣжія осеннія ночи причиняли рѣзкостію переходовъ отъ тепла къ холоду новыя болѣзни, тѣмъ болѣе что по тѣснотѣ они должны были дѣлать все на одномъ мѣстѣ; тутъ же лежали кучами и трупы умершихъ отъ ранъ, отъ перемѣнъ воздуха или другихъ причинъ. Вонь была нестерпимая, и къ этому присоединялись еще муки голода и жажды. Восемь мѣсяцевъ давали каждому только по одному котилу воды и по два котила хлѣба (ежедневно). Да и кромѣ этого пришлось имъ терпѣть всѣ возможныя бѣды, какихъ только можно ожидать въ подобномъ заточеніи. Такъ прожили они вмѣстѣ дней семьдесятъ. Потомъ распродали ихъ всѣхъ, кромѣ Аѳинянъ да сицилійскихъ и италійскихъ Грековъ, принявшихъ участіе въ этой войнѣ. Общее число плѣнныхъ, хотя и нельзя опредѣлить его въ точности, составляло конечно не менѣе семи тысячъ.»

§ 95. Темными слухами принеслась первая вѣсть о страшномъ ударѣ въ Аѳины, и когда она къ общему ужасу подтвердилась, не было почти семьи въ цѣломъ городѣ, которая бы не оплакивала кого-нибудь изъ своихъ. Аѳинскіе союзники отложились и примкнули къ Лакедемону; спартанское войско занимало крѣпостцу Декелею въ Аттикѣ и останавливало подвозъ; снаряженный по совѣту Алкивіада спартанскій флотъ старался при помощи персидскаго намѣстника въ Малой Азіи, Тисаферна, уничтожить владычество Аѳинянъ на морѣ; даже Эвбея досталась наконецъ въ руки Пелопоннесцамъ, между тѣмъ какъ олигархическая партія въ Аѳинахъ, предводимая Писандромъ, силилась ниспровергнуть демократію, конечно съ Спартою заодно. При помощи нѣсколькихъ сборищъ или клубовъ, существовавшихъ въ Аѳинахъ, Писандру и его соумышленникамъ удалось устранить неограниченное народовластіе, настоять на учрежденіи четырехсотеннаго со-

вѣта, котораго члены избрали другъ друга въ своемъ кругу, и ограничить народную общину пятью тысячами гражданъ, которые однакожь никогда не созывались въ народное собраніе и не допускались къ пользованію политическими правами. Противъ такого нововведенія возсталъ экипажъ аѳинскаго флота, бывшаго тогда въ Самосѣ и при которомъ находился честный Ѳрасивулъ; моряки упорно держались стараго порядка. Къ нимъ примкнулъ и Алкивіадъ, который, поссорясь между тѣмъ съ Спартанцами, желалъ примириться съ своими и не только обѣщалъ, но и въ самомъ дѣлѣ старался доставить имъ поддержку со стороны персидскаго намѣстника, котораго довѣріе успѣлъ онъ пріобрѣсти. Слѣдствіемъ было то, что послѣ четырехмѣсячнаго существованія,—время обильное неудачами, смутами и всякаго рода ябедой (сикофантіей)—новоучрежденный совѣтъ былъ опять распущенъ и при содѣйствіи умнаго Ѳерамена возстановлена демократія, но съ ограниченіемъ народной общины пятью тысячами гражданъ. За тѣмъ аѳинскій флотъ отправился подъ начальствомъ Алкивіада къ Геллеспонту, одержалъ при Кизикѣ (410) и въ двухъ другихъ битвахъ славныя побѣды надъ Лакедемонцами, овладѣлъ Византіей, Халкидономъ и большею частью другихъ приморскихъ мѣстъ и установилъ сборъ съ судовъ, идущихъ проливомъ (родъ зундской пошлины), что доставило Аѳинамъ новый источникъ дохода. Въ то самое время, какъ товарищъ спартанскаго военачальника съ отчаяніемъ отправилъ къ эфорамъ лаконическое донесеніе: «Старшій полководецъ Миндаръ погибъ; люди голодаютъ; мы не знаемъ, что дѣлать»,—Аѳиняне, обрадованные такими успѣхами, вызвали опять Алкивіада, назначили его главноначальствующимъ морскихъ и сухопутныхъ силъ и сбросили въ море позорный столбъ, на которомъ означены были его преступленія. Но и у него не достало средствъ возвратить ослабленной и разстроенной республикѣ ея прежнее величіе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ онъ блистательно вступилъ въ Аѳины среди восторженныхъ кликовъ народной толпы и въ первый разъ послѣ долгой ссылки открылъ опять элевзинское шествіе по священной дорогѣ, у него снова отняли главное начальство потому, что въ его отсутствіе товарищъ его проигралъ морскую

битву при Эфесѣ (407). Алкивіадъ отправился во Ѳракію, не спуская глазъ съ злополучной отчизны. Счастіе еще разъ улыбнулось Аѳинянамъ. Подъ предводительствомъ благороднаго Калликратида, который отвергъ изъ чистаго патріотизма помощь Персовъ и старался всѣми силами возстановить въ Греціи внутренній миръ, Спартанцы произвели нападеніе на остр. Лесбосъ и заперли аѳинскіе корабли въ гавани Митиленѣ. Аѳиняне напрягли тогда послѣднія силы и послали на выручку своимъ новый флотъ, снабдивъ его людьми не только изъ свободныхъ гражданъ, но изъ припущенниковъ, даже изъ рабовъ. Завязалась страшная морская битва при Аргинузахъ (406), островкахъ у береговъ Лесбоса: здѣсь Калликратидъ палъ смертью героя, множество кораблей погибло съ обѣихъ сторонъ, но побѣда все-таки осталась за Аѳинянами. Сильная буря и разногласіе начальниковъ помѣшали однакожь воспользоваться побѣдой, даже подобрать тѣла убитыхъ и остатки поврежденныхъ судовъ съ тѣми несчастными, которые еще могли бы на нихъ спастись. Это упущеніе поставлено было въ тяжкую вину предводителямъ. Шестеро изъ нихъ, вопреки закону, были обречены народнымъ собраніемъ на смерть и принуждены выпить яду. Старанія Сократа и другихъ патріотовъ спасти несчастныхъ полководцевъ сокрушились о ненависть народныхъ партій. Всѣ осужденные умерли съ мужествомъ безвинныхъ жертвъ, благословляя свое отечество и своихъ согражданъ.

Немного лѣтъ спустя и Алкивіадъ заключилъ свою бурную жизнь насильственнымъ образомъ. Передъ сраженіемъ при Эгоспотамосѣ онъ еще подавалъ аѳинскимъ полководцамъ добрые совѣты и предостерегалъ ихъ отъ хитрости Лисандра; но благодаря высокомѣрію однихъ и предательству другихъ, совѣтовъ его не послушали. По паденіи Аѳинъ, главы аристократовъ посягали на жизнь Алкивіада. Тогда онъ удалился въ Малую Азію, чтобы по мѣрѣ силъ дѣйствовать на пользу отечества у Персовъ. Но заподозрѣнный Спартанцами передъ намѣстникомъ Фарнабазомъ, онъ погибъ. По повелѣнію Перса, жилище его было окружено войсками, домъ зажженъ, и въ то время, какъ онъ старался вырваться изъ огня, его убили стрѣлами издали (404). Любовница его, Тимандра,

отдала послѣднюю честь его тѣлу. Алкивіаду было тогда 44 года отъ роду.

в) ПАДЕНІЕ АѲИНЪ.

§ 96. Послѣ битвы при Аргинузахъ Спартанцы прибѣгли опять къ своему превосходному полководцу, хитрому, предпріимчивому Лисандру, который уже и прежде мастерски умѣлъ пользоваться благосклонностью новаго намѣстника, назначеннаго Киромъ Младшимъ въ Малую Азію, усиливая съ помощію Персовъ лакедемонскій флотъ. Лисандръ вскорѣ потомъ воспользовался также и оплошностью аѳинскихъ полководцевъ, которые позволили своимъ людямъ сходить съ кораблей на берегъ; онъ внезапно напалъ на нихъ при Козьей рѣкѣ (Эгоспотамосъ) на плоскомъ берегу Геллеспонта, неподалеку отъ Сестоса (405), и овладѣлъ всѣми ихъ судами, за исключеніемъ осьми, съ которыми Кононъ ушелъ къ острову Кипру, да еще одного быстроходнаго корабля, на которомъ Паралъ принесъ печальную вѣсть въ Аѳины.

Флотъ Лисандра былъ многочисленъ и пріученъ къ дисциплинѣ и подчиненности, тогда какъ флотъ Аѳинянъ, вслѣдствіе политическихъ крамолъ, болѣе и болѣе забывалъ строгость древняго военнаго порядка. Аѳинскіе моряки четыре раза напрасно предлагали бой Спартанцамъ, и послѣ этого предались самой непростительной безпечности: и они и сухопутныя войска или беззаботно отдыхали въ шатрахъ, или забавлялись игрою въ кости и другими потѣхами. Лисандръ, которому все это было извѣстно, вдругъ нагрянулъ со всѣмъ пелопоннесскимъ флотомъ изъ Лампсака: это было не сраженіе, а просто бойня, — толпами валились Аѳиняне, толпами сдавались въ плѣнъ, а не то бѣжали въ разсыпную; беззащитные корабли были взяты или истреблены. Три тысячи Аѳинянъ и съ ними многіе начальники, были потомъ умерщвлены Спартанцами въ Лампсакѣ въ отместку за прежнія пораженія.

Пришелъ конецъ могуществу Аѳинъ. Лисандръ, покоривъ союзные съ ними острова и города и обезпечивъ власть Спарты учрежденіемъ въ нихъ аристократическихъ правительствъ, обложилъ вмѣстѣ съ царемъ Агисомъ раздираемыя крамолами Аѳины съ сухаго пути и съ моря; вскорѣ этотъ крайне

многолюдный городъ подвергся всѣмъ ужасамъ голода и былъ вынужденъ къ безусловной сдачѣ. Длинныя стѣны и укрѣпленія были сломаны съ грубою насмѣшкой, подъ звуки флейтъ; всѣ суда, за исключеніемъ двѣнадцати, выданы Спартанцамъ, всѣ бѣглецы и изгнанники возвращены въ Аѳины. Тогда, подъ руководствомъ Лисандра, отмѣнено демократическое правленіе и верховная власть вручена тридцати знатнымъ Аѳинянамъ, друзьямъ Спарты, съ неограниченнымъ полномочіемъ преобразовать республику посредствомъ новыхъ законовъ въ аристократическомъ смыслѣ. Эти олигархи, извѣстные подъ именемъ тридцати тирановъ, съ даровитымъ, но злымъ и бѣшенымъ Критіемъ во главѣ, расточали смерть и изгнаніе не только противъ демократовъ, но и противъ тѣхъ изъ своихъ односословниковъ, которые оказывались не такъ свирѣпы, какъ они. Такъ Критій велѣлъ схватить и заставилъ выпить яду бывшаго главу аристократовъ, Ѳерамена, за то что тотъ не хотѣлъ долѣе слѣдовать за нимъ путемъ тиранства и дикаго насилія. Подъ владычествомъ этихъ ужасовъ Аѳины пришли на край погибели. Полноправныхъ гражданъ было всего только три тысячи; богатые припущенники (метеки) были перебиты и ограблены; въ восемь мѣсяцевъ умерщвлено, какъ увѣряютъ, болѣе 1,200 человѣкъ. Тогда-то вождь демократовъ, патріотъ Ѳрасивулъ, собравъ въ пограничной крѣпости Филе аѳинскихъ бѣглецовъ и изгнанниковъ, успѣлъ наконецъ овладѣть Пиреемъ и выступить противъ олигарховъ въ открытомъ полѣ. Критій былъ убитъ въ сраженіи; остальные измѣной попали въ руки побѣдителей, а тѣ, предавъ ихъ смерти, возстановили демократическія учрежденія въ древней умѣренной формѣ, разобрали съ строгой справедливостью споры между владѣльцами и собственниками, и возвратили ослабѣвшему государству порядокъ и спокойствіе изданіемъ полной амнистіи. Но нравы не приходились уже къ древнимъ законамъ и учрежденіямъ; покой и изнѣженность заступили мѣсто прежняго навыка къ тѣлеснымъ упражненіямъ, страсть къ удобствамъ и наслажденіямъ жизни отвращала отъ строгости военной дисциплины и тяготы военныхъ трудовъ; «подруги» легкаго поведенія (гетеры) подрывали семейную жизнь и почтенную домовитость стараго времени.

Острова и приморскіе города сначала радовались паденію Аѳинъ и чествовали побѣдоноснаго полководца алтарями, торжественными гимнами и хвалебными пѣснями; однакожь надежда ихъ возвратить себѣ свободу и самостоятельность сокрушилась о властолюбіе и алчность Спартанцевъ, которые рядомъ съ гегемоніей на материкѣ добивались теперь и господства на морѣ. Они овладѣли Самосомъ и принудили гражданъ выселиться, а имущества свои оставить на мѣстѣ; они отняли у Хіосцевъ ихъ корабли, и въ Милетѣ притворной ласкою выманили изъ скрытаго убѣжища 800 демократовъ для того, чтобы вслѣдъ за тѣмъ безжалостно перебить ихъ; острова и приморскіе города притѣсняли они тяжкими налогами; они покорили Элиду, опустошивъ священную область огнемъ и мечемъ; они опять прогнали несчастныхъ Мессенцевъ изъ Навпакта (§ 86) и старались, гдѣ хитростью, гдѣ силою, повсемѣстно замѣнить демократическій порядокъ аристократическимъ, учреждая вездѣ десятичленныя коммисіи (декархіи) и придавая имъ, въ качествѣ «военно-полицейскихъ сановниковъ», гордыхъ и корыстолюбивыхъ приставовъ (гармостовъ) съ ватагою наемной стражи. Они дошли до того, что помогали жестокому и безчеловѣчному Діонисію въ его усиліяхъ присвоить себѣ тираннію въ Сиракузахъ (ок. 400) и поработить съ помощію грубыхъ наемныхъ полчищъ не только своихъ согражданъ, но и многіе другіе греческіе города въ Сициліи и нижней Италіи (§ 163). Вездѣ видимъ борьбу партій, преслѣдованіе и бѣгство демократовъ; вездѣ духовное изнеможеніе, одичалость нравственнаго чувства, упадокъ поэтическихъ и идеальныхъ стремленій, конечное разочарованіе надеждъ. Жизнь изживалась какъ будто лишь по обязанности; не было ни радостей въ настоящемъ, ни видовъ на свѣтлую, прекрасную будущность, на чаемое осуществленіе сладкихъ грезъ и помышленій.

Смерть энергическаго Ѳерамена Ксенофонтъ, въ своей Эллинской исторіи, разсказываетъ такъ: «Герольдъ Тридцати (тирановъ) приказалъ одиннадцатникамъ (полицейскимъ) схватить Ѳерамена, убѣжавшаго къ алтарю Гестіи и взывавшаго о защитѣ къ гражданамъ. Когда они вошли съ своими служителями, подъ начальствомъ наглѣйшаго и безсовѣстнѣйшаго изъ нихъ, Сатира, Критій

сказалъ: «Мы передаемъ вамъ этого Ѳерамена, осужденнаго по закону; вы, одиннадцатники, возьмите его, отведите куда слѣдуетъ, и исполните что̀ нужно.» Едва онъ это выговорилъ, какъ Сàтиръ и стража оттащили его отъ алтаря. Ѳераменъ, какъ можно себѣ представить въ его положеніи, призывалъ и боговъ и людей въ свидѣтели тому, что съ нимъ происходило. Между тѣмъ совѣтъ былъ спокоенъ, видя, что не только люди у рѣшетки, отдѣлявшей присутствіе (то-есть поставленный Критіемъ вооруженный караулъ), совершенно однѣхъ мыслей съ Сàтиромъ, но что даже и преддверіе совѣтской палаты занято густою толпой сторожей; имъ же притомъ было хорошо извѣстно, что всѣ эти люди запаслись кинжалами. Одиннадцатники повели Ѳерамена черезъ рынокъ, а онъ при этомъ объявлялъ во всеуслышаніе, какъ ужасно съ нимъ поступаютъ. Объ немъ разсказываютъ еще слѣдующее. Когда Сàтиръ замѣтилъ ему: «Плохо тебѣ будетъ, если не замолчишь», онъ возразилъ: «А если замолчу, развѣ мнѣ будетъ лучше?» И когда ему пришлось наконецъ принять смерть и проглотить чашу яду, то, сказываютъ, онъ выплеснулъ подонки со всего размаха на полъ, такъ что отдалось, и при этомъ воскликнулъ: «Вотъ и милому Критію на здоровье!» Я знаю, что подобныя изреченія ничего въ себѣ не заключаютъ; но не удивительная ли это черта въ человѣкѣ, когда и передъ лицомъ смерти онъ не только не теряетъ присутствія духа, но даже и веселой шутливости? — Такъ умеръ Ѳераменъ.»

4. Прозаическая литература Грековъ.

а) философія. сократъ. платонъ. аристотель.

§ 97. Сократъ и софисты. Пелопоннесская война не только загубила внѣшнее благосостояніе и государственное процвѣтаніе Грековъ: самые нравы, благодаря ей, исказились и выродились. Благороднѣйшія чувства были подавлены корыстью и себялюбіемъ; знаніе свѣта, умѣнье и возможность наслаждаться жизнію считались высшимъ благомъ, а мѣсто религіи и нравственнаго чувства заступила философія, основанная на обманѣ и лжи. Подъ тонкимъ образованіемъ скрывалось часто черствое и жестокое сердце, и геніальное остроуміе, которое прозвали «аттическою солью», не оберегало ни отъ душевной загрубѣлости, ни отъ нравственной порчи. Этому поврежденію

нравовъ особенно содѣйствовали софисты (учители мудрости), которые проповѣдывали суемудріе, основанное на умственныхъ тонкостяхъ и ложныхъ доводахъ, отрицали существованіе общей истины и благонадежность познанія вѣчно-измѣнчивыхъ вещей, и вызывались искусными изворотами въ рѣчахъ и спорахъ представлять ложь за истину и истину превращать въ ложь. Эти софисты, въ особенности Горгій, Протагоръ, Гиппій и друг., привлекали къ себѣ богатую молодежь и за большую плату научали ее той жалкой мудрости, которая вела къ распаденію государство и отравляла домашнюю и общественную жизнь въ самой глубинѣ. Свое риторство, сооруженное изъ затѣйливо-хитрыхъ правилъ слова, выставляли они царицей всѣхъ наукъ, искали путемъ искусной діалектики не истины, а только ея призрака и учили той нагло-отрицательной философіи, которая на мѣсто всякой высшей святыни ставитъ чувственное наслажденіе и удовлетвореніе всѣхъ прихотей и пожеланій. Противъ нихъ выступилъ аѳинскій гражданинъ Сократъ (469—399), сорвалъ личину съ лжемудрыхъ шарлатановъ и пробудилъ въ груди своихъ учениковъ чувство религіи, нравственности и справедливости. Не въ много-хитрыхъ чтеніяхъ съ каѳедры, а простыми вопросами и отвѣтами на улицѣ, среди поля или въ мастерскихъ ремесленниковъ, поучалъ Сократъ своей житейской мудрости, которой цѣль была — познаніе самого себя. Передъ свѣтлымъ его умомъ, передъ его простымъ, честнымъ образомъ жизни и нравственнымъ достоинствомъ умолкли софисты, и богатѣйшіе и даровитѣйшіе юноши, какъ наприм. Алкивіадъ, Критій и другіе, послѣдовали за нимъ. Его образованность, его вѣрность всѣмъ обязанностямъ гражданина на войнѣ и въ мирѣ, его высокое ученіе, что только чистою душой можно постигнуть чистую истину, что нравственность — единственный путь къ настоящему благополучію, что человѣку отъ природы свойственны и добродѣтель и знаніе, что они требуютъ для себя только «пробудителя», — это ученіе привлекло къ нему сердца всей доступной одушевленію молодежи. Но своими полными ироніи распросами и переспросами онъ съ другой стороны нажилъ себѣ бездну враговъ; и какъ многіе изъ его учениковъ, особенно Критій, явились потомъ противниками демократіи, то нѣсколько ревностныхъ приверженцевъ народной власти подали на него жалобу, что онъ соблазняетъ молодежь и проповѣдуетъ существованіе ложныхъ боговъ (онъ между прочимъ говорилъ, что слѣдуетъ во всѣхъ дѣлахъ внутреннему божественному

голосу, своему демоніону, который, какъ совѣсть и нравственное чутье, присущъ всякому человѣку). Въ простой защитительной рѣчи (апологіи) Сократъ доказалъ передъ народными судьями (геліастами) ложность этого обвиненія. Но вмѣсто того, чтобъ по обычаю съ воплемъ и слезами просить себѣ милости судей, онъ заключилъ свою рѣчь увѣреніемъ, что онъ не только не виноватъ, но заслуживаетъ участвовать въ общественныхъ трапезахъ въ Пританеѣ (гдѣ пританы, олимпійскіе побѣдители и другія заслуженныя лица содержались на казенный счетъ), и вообще раздражилъ собраніе гордымъ и презрительнымъ тономъ своей рѣчи. Это взорвало демократическихъ судей; не смотря на внѣшнее соблюденіе имъ государственныхъ законовъ и народной религіи, они увидѣли въ поступкахъ мудреца явную оппозицію существующему порядку, и Сократъ былъ осужденъ на смерть, хотя и незначительнымъ большинствомъ голосовъ. По случаю религіознаго торжества и странствованія на богомолье въ Делосъ, исполненіе приговора было отложено на тридцать дней, въ теченіе которыхъ приверженцамъ и ученикамъ заключеннаго дозволено было его посѣщать. Напрасно старались друзья (особенно богатый гражданинъ Критонъ) склонить его къ побѣгу, — Сократъ отвергъ это предложеніе, которое противорѣчило его собственному ученію и постыдило бы всю его жизнь; среди возвышенныхъ бесѣдъ о безсмертіи души («Федонъ» Платона) выпилъ онъ кубокъ яду и умеръ съ свѣтлымъ спокойствіемъ истиннаго философа (399). Самъ онъ не оставилъ по себѣ ни какихъ сочиненій; но ученикъ его Платонъ вложилъ въ уста Сократу его ученіе, облеченное въ форму «разговоровъ».

§ 98. Изъ многочисленныхъ учениковъ Сократа Платонъ и Ксенофонтъ (въ «Сократовыхъ достопамятностяхъ») сохранили его наставленія всего вѣрнѣе, тогда какъ Аристиппъ киренейскій, Антисѳенъ аѳинскій и друг. искажали ихъ своими собственными выводами и заключеніями. Полный поэзіи Платонъ (429 — 348), котораго и по возвышеннымъ его идеямъ и по совершенству художественнаго изложенія въ разговорной формѣ прозвали божественнымъ, сталъ основателемъ философской школы, извѣстной подъ именемъ Академіи, потому что онъ обыкновенно собиралъ вокругъ себя любознательныхъ друзей вблизи рощи и гимназіи героя Академа. По его ученію, которое впервые стало пролагать путь къ примиренію разлада между природою и духомъ, между сознаніемъ внѣшняго міра и

самосознаніемъ внутреннимъ, душа человѣческая витала первоначально въ области чистыхъ идей или понятій; къ этой области и здѣсь на землѣ направлены завѣтныя ея стремленія. Но послѣ нѣсколькихъ переселеній въ тѣлахъ человѣческихъ она достигаетъ опять царства идей только лишь въ томъ случаѣ, если въ теченіе земнаго своего поприща постоянно направлялась къ высшему, такъ что все болѣе и болѣе сознавала свое первобытное состояніе, свою «богоподобность». Созерцаніе прекраснаго, любовь двухъ единомысленныхъ существъ (платоническая любовь) и ревностное стремленіе къ гармоніи споспѣшествуютъ возсознанію ея идеальной первобытности. Въ этомъ созерцаніи заключается, по мысли Платона, философія, то-есть «наука, «соотвѣтствующая чистой любви», въ которой поэтому онъ и видитъ единый истинный путь къ самосознанію, къ познанію Бога и съ тѣмъ вмѣстѣ къ человѣческому блаженству. Идеи — это сущее и пребывающее, міръ явленій — это существующее и преходящее, которое относится къ идеямъ точно такъ же, какъ призракъ къ сущности, какъ неистинное къ истинному. Причина и вмѣстѣ высшая свобода всего сущаго и существующаго есть Богъ, «высочайшая идея, содержащаяся во всѣхъ прочихъ идеяхъ и ихъ въ себѣ содержащая». Идея Бога въ чистѣйшей своей непосредственности недоступна человѣческой мысли, но постигается нами лишь въ ея образахъ, подобіяхъ, въ идеяхъ истины, блага и красоты, къ которымъ поэтому и должны быть направлены вся наша дѣятельность, наши мысли и стремленія. Если же душа послѣдуетъ влеченію, которое отъ божественнаго тянетъ ее къ міру чувственныхъ явленій, и начнетъ предпочитать несущественное существенному, земное — вѣчному, многоразличіе и переходчивость явленій — единству міра идей, то она впадаетъ въ «жалкое состояніе» внутренняго разрыва и разсѣянности, которое по смерти становится тѣмъ хуже, что «преисполненная и отягченная чувственнымъ міромъ душа» впадаетъ тогда еще глубже въ область несущественнаго и должна продолжать свое земное странствованіе все въ низшихъ и низшихъ формахъ тѣла. Такимъ образомъ ученіе Платона можно привести къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: 1) Есть міръ идей, имѣющій свое средоточіе и единство въ духовной, непостижимой для чувствъ, сферѣ бытія. 2) Есть видимый міръ, созданный по образу міра идей, гармонически устроенный въ видѣ шара съ круговымъ движеніемъ и съ находящеюся въ средоточіи его всемірною душою, которая все опредѣляетъ, направля-

етъ и движитъ. 3) Человѣкъ, какъ средоточіе смертныхъ существъ, душою принадлежитъ идеальному міру, а тѣломъ міру чувственному; онъ одаренъ разумомъ и нравственною способностью, которая стремится вести его вверхъ по пути добродѣтели, но одаренъ также страстями и похотями, которыя побуждаютъ его искать цѣли бытія въ мірѣ чувственныхъ явленій. Человѣкъ обладаетъ, слѣдовательно, личною, независимою отъ тѣла и переживающею его духовною жизнію и тѣмъ нравственнымъ самоопредѣленіемъ, которое неразрывно съ свободнымъ выборомъ жизненныхъ путей. Только тѣ, кто стезею высшей нравственности неослабно стремится къ сущности вещей, къ «высочайшему благу» міра идеальнаго, — только тѣ и могутъ считаться истинными философами, царственными натурами, которымъ, по политическимъ соображеніямъ Платона, должно принадлежать дѣйствительное господство на землѣ. Какъ сами они, поддерживаемые четырьмя высшими силами (коренными доблестями) души, — мудростью, мужествомъ, благоразуміемъ и справедливостью, идутъ вѣрною стезею нравственности и добродѣтели, и такимъ образомъ становятся причастны «высшаго блаженства», такъ точно руководимое ими и тѣми же силами поддерживаемое государство должно находиться въ совершеннѣйшемъ благополучіи, гармоніи и порядкѣ.

Платонъ родился 429 г. въ Аѳинахъ отъ благородной отрасли Кодрова потомства, получилъ въ молодости превосходное образованіе и рано посвятилъ себя поэзіи, пока Сократъ не сблизилъ его съ философіей. Когда по смерти этого мудреца ученики его вынуждены были бѣжать отъ поднятаго на нихъ гоненія, Платонъ пустился сначала въ Мегару къ Эвклиду и, расширивъ здѣсь свои знанія изученіемъ древней философіи, старался потомъ довершить свое развитіе посредствомъ обширныхъ путешествій. Онъ посѣтилъ Кирену въ сѣверной Африкѣ и вертепъ восточной мудрости, Египетъ; онъ объѣхалъ нижнюю Италію, гдѣ въ Тарентѣ сблизился съ пиѳагорейцемъ Архитомъ, а въ Сициліи изслѣдовалъ Этну. Въ Сиракузахъ свелъ онъ тѣсную дружбу съ благородно-мыслящимъ Діономъ, племянникомъ тиранна Діонисія (§ 69); къ послѣднему онъ также имѣлъ доступъ; но когда этотъ тираннъ, думая видѣть свой собственный контрастъ въ Платоновомъ изображеніи свойствъ истиннаго правителя, сталъ посягать на жизнь знаменитаго гостя, тогда Діонъ помогъ философу убѣжать въ Аѳины. Здѣсь, купивъ себѣ землю въ пріятной мѣстности къ

западу отъ города, читалъ онъ въ Академіи, передъ избраннымъ кругомъ любознательныхъ мужей и юношей (между ними были Исократъ, Хабрій, Фокіонъ) лекціи о томъ возвышенномъ ученіи, что лишь одно вѣчно сущее, одна идея — прочны и истинны, а все земное и существующее есть только мимолетный призракъ, и что поэтому цѣлію жизни должно быть исканіе вѣчной истины. — Въ философіи Платона соединены, какъ въ общемъ фокусѣ, четыре главныя направленія древнѣйшей философіи: единство элеатовъ является въ ней какъ форма, вѣчное теченіе Гераклита — какъ характеръ содержанія, предвѣчный разумъ Анаксагора — какъ причина движенія, и гармонія Пиѳагорейцевъ — какъ высочайшая, окончательная цѣль, но всѣ эти основныя положенія возводятся у него къ высшему пониманію и являются въ болѣе ясной разработкѣ. Насчетъ времени, когда писаны сочиненія Платона, и насчетъ ихъ распредѣленія мнѣнія различны. Всего естественнѣе допустить три періода: 1) При жизни Сократа и въ его духѣ Платономъ написано повидимому нѣсколько сочиненій, имѣвшихъ предметомъ внушить, что знаніе есть первое условіе добродѣтели, и этимъ противустать поверхностнымъ взглядамъ софистовъ; сюда принадлежатъ разговоры: Гиппій меньшій, Лизисъ, Хармидесъ, Лахесъ, Эѳеидемъ и друг. 2) По смерти Сократа и въ бытность свою въ Мегарѣ Платонъ вѣроятно сочинилъ Горгія, Критона, Эѳеифрона, Протагора, Ѳеэтета и др. съ цѣлью — доказать необходимость опирающейся на прирожденное знаніе добродѣтельной жизни и выяснить самостоятельность понятій (или идей); къ тому же періоду принадлежатъ Кратилъ, Софисты, Парменидъ, въ которыхъ онъ отстаиваетъ противъ элеатовъ реальность понятій и выясняетъ разницу между сущностью и явленіемъ, между единичностью и множественностью. 3) Въ сочиненіяхъ, написанныхъ Платономъ послѣ его путешествія въ Италію и послѣ знакомства съ пиѳагоровской философіей, опредѣляетъ онъ отношеніе человѣка къ идеямъ и идей къ чувственному міру, то-есть теорію человѣческаго вѣдѣнія и дѣйствованія и ученіе о созданіи и устройствѣ видимаго міра, слѣдовательно — діалектику, эѳику и физику; сюда относятся совершеннѣйшія по содержанію и формѣ произведенія его: Филебъ, Федонъ, Попойка (Симпосіонъ), Федръ, Республика (о государствѣ), Тимей и О законахъ. — Діалектика, которая чрезъ разложеніе, соедине-

ніе и распорядокъ (анализъ, синтезъ и методъ) старается изъ массы неопредѣленнымъ и смутныхъ представленій выяснить понятія и въ сферѣ чувственныхъ явленій открыть присутствіе сверхчувственныхъ идей, — діалектика, по мнѣнію Платона, есть начало всякой философіи. Въ сродствѣ съ нею математика, именно въ томъ смыслѣ, что отношеніе идей къ явленіямъ, движущихъ силъ къ видимому движенію, основано на мѣрѣ и числѣ. — Этика (мораль) учитъ познавать цѣль жизни, состоящую въ томъ, чтобы «сокрушать силу зла, устраняя заблужденіе познаніемъ божественнаго», и снова уподобляться божеству, идя путемъ мудрости и добродѣтели. Души человѣческія, говорится въ «Федрѣ», тотчасъ по созданіи своемъ совершаютъ вслѣдъ за богами путешествіе къ странамъ истины, къ лону идей. Мѣрою вынесеннаго оттуда воспоминанія опредѣляется и то тѣло и тотъ образъ жизни, какіе онѣ потомъ для себя избираютъ. По смерти отходятъ онѣ къ мѣсту награды или наказанія и остаются въ немъ, пока черезъ тысячу лѣтъ не будутъ призваны къ выбору себѣ новаго жребія жизни. Только та изъ нихъ, которая трижды съ ряду избирала и благополучно совершала жизненный путь философа, достигаетъ черезъ три тысячи лѣтъ покоя въ обители боговъ; прочія во весь десятитысячелѣтній періодъ скитаются по разнымъ тѣламъ, какія себѣ выберутъ. Есть даже много и такихъ, которыя, погрязши въ чувственность, уже вовсе не избираютъ для себя человѣческаго тѣла, тогда какъ при его только организаціи душа способна обновлять въ себѣ чаяніе идей чрезъ отвлеченіе (выработку) понятій и постиженіе міровой гармоніи, чѣмъ единственно и открывается для нея возвратный путь къ ея божественному началу. — Въ физикѣ Платонъ примыкаетъ къ Пиѳагорову ученію; онъ также учитъ, что «надлежащее отношеніе между матеріаломъ, формой и духомъ, между движимымъ, движущимся и движущимъ есть согласіе (гармонія), которое есть уже сама красота, а чистѣйшее выраженіе красоты есть музыка», имѣющая поэтому одинакую цѣль съ философіей. «Эта міровая гармонія является въ душевной жизни человѣка чистою нравственностью, а въ общежитіи человѣческомъ — совершеннымъ государствомъ.» Основная мысль Платонова государства содержится въ слѣдующемъ положеніи: вѣчные законы истины, совершенства и гармоніи должны точно такъ же дѣйствовать въ сфе-

рѣ нравственной свободы, какъ они подлинно осуществлены творцомъ въ мірозданіи, а это можетъ наступить лишь тогда, когда цари сдѣлаются философами (въ платоновскомъ смыслѣ) или наоборотъ философы царями. Платоново государство очевидно идеальное созданіе фантазіи; можетъ статься, онъ имѣлъ при этомъ въ виду спасти распадавшееся въ его время общество посредствомъ новой организаціи, но идеи его въ обширномъ размѣрѣ столь же мало исполнимы какъ планы и стремленія соціалистовъ нашего времени; и тѣ и другіе ставятъ личную свободу въ самые тѣсные предѣлы [1], и надобно замѣтить, что Платонъ еще не возвысился при этомъ до сознанія равнаго достоинства людей, какъ бы впрочемъ ни разнообразны были ихъ способности и сферы дѣйствія: — довольно сказать, онъ оставлялъ рабство неприкосновеннымъ. У него только высшія сословія должны были соединяться общеніемъ имуществъ, женъ и дѣтей въ одинъ братскій союзъ, воспитываться къ мудрости и добродѣтели и дѣлаться такимъ образомъ способными къ господству. — Кажется, Платонъ и самъ чувствовалъ неисполнимость своихъ идей; по крайней мѣрѣ онъ уклонился отъ предложенія Аркадцевъ и Киренейцевъ написать имъ государственное уложеніе. — По смерти Діонисія онъ послѣдовалъ вызову Діона и снова отправился въ Сиракузы. Ему оказывали тамъ величайшій почетъ, но надежды его и Діона воспитать въ Діонисіи Младшемъ примѣрнаго и добродѣтельнаго государя сокрушились объ испорченный характеръ тиранна и о соблазны, которыми окружали его придворные. Самъ Діонъ былъ изгнанъ, а Платонъ воротился опять въ Аѳины, продолжалъ тамъ свои чтенія и умеръ въ 348 г. осьмидесяти двухъ лѣтъ отъ роду. Передъ кончиной назначилъ онъ сына сестры своей Спевсиппа наслѣдникомъ себѣ по имуществу и вмѣстѣ руководителемъ Академіи, завѣщая, чтобы каждый новый глава ея всегда назначалъ преемникомъ достойнѣйшаго изъ всей школы.

§ 99. Аристотель (384—322). Противоположностью творцу идеализма, Платону, является ученикъ его Аристотель, родомъ изъ Стагиры въ Македоніи (род. 384), наставникъ Александра Великаго и основатель реализма. Ему обязана своимъ нача-

[1] Тогда какъ вся исторія показываетъ, что движеніе государственной жизни ведетъ именно къ возможному расширенію этихъ предѣловъ.

ломъ перипатетическая школа, получившая это названіе будто бы оттого, что Аристотель сначала преподавалъ свою философію въ научной формѣ (эсотерическое ученіе) избранному кружку учениковъ, расхаживая съ ними по тѣнистымъ дорожкамъ Ликея въ Аѳинахъ, а потомъ уже излагалъ ее въ популярныхъ чтеніяхъ (экзотерическое ученіе) передъ смѣшанной публикой; но толкованіе это, основанное на буквальномъ значеніи греческаго слова перипатейнъ, расхаживать, обхаживать, едва ли не принадлежитъ въ область басни. — Тогда какъ восторженный, поэтическій духъ Платона парилъ въ незримыхъ сферахъ идеальнаго и видѣлъ въ философіи только средство къ облагороженію чувствъ и къ постоянному исканію высшаго и небеснаго, пытливый и критическій умъ Аристотеля держался постоянно міра явленій, отъ частнаго, представляемаго природою и опытомъ (эмпиріей), переходилъ къ общему и цѣлію философіи полагалъ только истину, добытую наукой; поэтому для него понятіе (идея), съ чего прямо начиналъ Платонъ, было напротивъ завершеніемъ, конечной цѣлью изслѣдованія. Платонъ возносится духомъ надъ природой и беретъ содержаніе и предметъ своей философіи изъ заоблачныхъ пространствъ, между тѣмъ какъ Аристотель подвергаетъ изысканію своего пытливаго ума и природу и землю, со всѣмъ, что внутри ея и на ея поверхности, распредѣляетъ всѣ предметы знанія и посредствомъ ясныхъ, правильныхъ умозаключеній выводитъ общіе законы бытія. Платонъ и Аристотель составляютъ такимъ образомъ въ своей противоположности двѣ высшія, равно необходимыя и равно безцѣнныя духовныя величины древняго міра; они стоятъ какъ два полюса, два коренныя направленія, за которыя мыслящій духъ не переходилъ потомъ ни въ древности, ни въ новѣйшее время, и около которыхъ будетъ вѣчно вращаться всякое исканіе истины путемъ человѣческаго изслѣдованія. Вотъ почему на прекрасномъ фрескѣ «Аѳинская школа», написанномъ Рафаэлемъ въ Ватиканскомъ дворцѣ, Платонъ простираетъ руку къ небесамъ, какъ царству высокихъ идей своихъ, а Аристотель указываетъ на землю, какъ на поприще своихъ изысканій. Аристотелевы (риторскія) сочиненія, далеко уступающія Платоновымъ и въ красотѣ формы и въ изяществѣ языка, но столько же отличающіяся ясностью и отчетливостью, сколько тѣ поэтическимъ вдохновеніемъ, занимаются логикой, физи-

кой и эѳикой, то-есть цѣлымъ, совокупнымъ составомъ умозрительной и практической философіи.

Его сочиненія о логикѣ или о законахъ мышленія носятъ названіе Органонъ. Наука эта доведена Аристотелемъ до такого совершенства, что всѣ слѣдующіе вѣка до нашихъ дней не могли прибавить къ ней ничего существеннаго [1]. Онъ не только трактуетъ здѣсь о понятіяхъ, какъ его предшественники, но подробно развиваетъ еще ученіе о сужденіяхъ и силлогизмахъ и о способѣ существенныхъ доводовъ (діалектика). Въ тѣсной связи съ логикой стоитъ у него риторика, или наставленіе къ краснорѣчью, къ убѣжденію другихъ словомъ.— Умозрительная философія, имѣющая предметомъ изслѣдованіе и познаніе само по себѣ, заключаетъ въ себѣ математику, физику (естественныя науки) и метафизику. Послѣдняя старается изслѣдовать сущность вещей, то, что въ нихъ есть сверхчувственнаго, на сколько допускаютъ это законы мышленія. Божество, по этимъ изслѣдованіямъ, представляется чистою и вѣчною энергіей, которая поэтому есть вѣчная жизнь, высочайшее благо и безпредѣльное блаженство, ибо послѣднее именно и состоитъ въ свободной, то-есть ничѣмъ извнѣ не стѣсняемой или опредѣляемой, духовной дѣятельности. Физика есть наука о всѣхъ вещахъ въ природѣ, доступныхъ познанію черезъ изслѣдованіе и опытъ; природу разсматриваетъ Аристотель по тремъ главнымъ ея началамъ или съ трехъ главныхъ ея сторонъ, со стороны вещества (матеріи, какъ матеріала), со стороны формы и со стороны движенія; по отношенію къ послѣднему необходимо еще изслѣдовать причину и цѣль.—Практическая философія, относящаяся къ согласной съ разумомъ и нравственностью человѣческой дѣятельности, къ поступкамъ, содержитъ въ себѣ преимущественно нравоученіе (эѳику), государствовѣдѣніе (политику) и ученіе о необходимыхъ качествахъ стихотворства (поэтику). Нравоученіе (эѳика, мораль) учитъ тому, что благополучіе проистекаетъ изъ чистыхъ, доблестныхъ поступковъ, опредѣляемыхъ разумною свободой воли; добродѣтель, доблесть, по Аристотелю, есть разумная дѣятельность души и вмѣстѣ единственный путь къ благополучію,

[1] Можно сказать, что успѣхъ въ этомъ отношеніи измѣрялся только лучшимъ пониманіемъ того, высказалъ Аристотель.

этой настоящей цѣли жизни.— Мѣриломъ человѣческой доблести является государство, какъ истинная цѣль и предметъ всей нашей дѣятельности. Основаніемъ государству служитъ, по мнѣнію Аристотеля, семья, зиждущаяся на опредѣленномъ отъ природы троякомъ отношеніи,— мужа къ женѣ, дѣтей къ родителямъ и господина къ рабу. Изъ семей образуются общины, изъ общинъ — государства; цѣль каждаго совершеннаго гражданскаго союза есть благополучіе всѣхъ членовъ его; а какъ оно въ свою очередь зависитъ отъ доблести, то воспитаніе гражданской доблести должно быть первою задачей государства. Для благосостоянія государства необходимо, чтобъ частный интересъ подчинялся общему. Аристотелевы сочиненія о государственныхъ формахъ (Политика) особенно важны потому, что онъ разсматриваетъ въ нихъ различныя политическія учрежденія греческаго и негреческаго міра относительно ихъ преимуществъ и недостатковъ, потомъ излагаетъ причины ихъ паденія, далѣе указываетъ средства поддержать ихъ и наконецъ представляетъ свои собственныя мысли о государствѣ, основанномъ на разумѣ и опытѣ. Отъ доблести его, равно какъ и отъ доблести его гражданъ, онъ требуетъ только «умѣреннаго и посредственнаго» или «благоразумной средины» между крайностями, не ища ни въ государствѣ, ни въ гражданинѣ высокаго образца, какъ чего-то все-таки недостижимаго. Смѣшеніе различныхъ государственныхъ формъ, при которомъ перевѣсъ на сторонѣ средняго сословія, кажется ему лучшимъ политическимъ устройствомъ въ мірѣ. Это безподобное, только отрывками уцѣлѣвшее сочиненіе, родъ сравнительной анатоміи основныхъ законовъ государства, отличается послѣдовательностью, ясностью и примѣрнымъ безпристрастіемъ, готовымъ ужиться съ любою данною обстановкой, лишь бы только оцѣнить ее по достоинству. Ученикъ его Дикеархъ изложилъ, въ духѣ своего наставника, спартанское государственное устройство. — Поэтика Аристотеля трактуетъ о необходимыхъ качествахъ и законахъ поэзіи. Его мнимыя правила о трехъ единствахъ въ драмѣ (единствѣ времени, мѣста и дѣйствія, см. § 88) имѣли до новѣйшей эпохи полную силу у Французовъ. Его часто непонимаемыя ученія служили для всѣхъ Среднихъ Вѣковъ единственнымъ руководствомъ въ философскихъ изслѣдованіяхъ. При кончинѣ, Аристотель назначилъ своимъ преемникомъ въ Ликеѣ и наслѣдникомъ

своей библіотеки любимаго ученика своего Θеофраста (род. въ Лесбосѣ, 370), который обогатилъ ботанику и минералогію новыми познаніями. Говорятъ, чрезъ Θеофрастово посредство, все рукописное богатство великаго философа, содержавшее въ себѣ до 500 разныхъ его сочиненій, перешло въ руки одного аѳинскаго гражданина, котораго наслѣдники зарыли это сокровище въ землю, чтобы спасти его отъ книгонеистовства пергамскихъ царей. Увѣряютъ, что только во времена Суллы сочиненія Аристотеля открыты были снова и тогда только обнародованы.

§ 100. Аристиппъ. Антисѳенъ и Діогенъ. Эвклидъ. Цѣлію своей философіи, имѣвшей въ виду практическую жизнь, Сократъ поставилъ благополучіе, а средствомъ и путемъ къ нему —доблестную жизнь и стремленіе къ богоподобію. Въ рукахъ его учениковъ это ученіе о благополучіи приняло различныя видоизмѣненія. Богатый и свѣтски-образованный вивёръ Аристиппъ киренскій, «обладавшій способностью носить съ равнымъ приличіемъ и пышный нарядъ и балахонъ рабочаго», училъ, «что высшее благо составляютъ пріятныя ущущенія и что главное — умѣть соединять духовныя и тѣлесныя услады такимъ образомъ, чтобы при этомъ не поработиться ни какой страсти.» Онъ сдѣлался основателемъ киренейской философской школы, которая цѣлью жизни ставила «умѣнье наслаждаться» и которая поэтому очень нравилась высшему обществу. Въ своихъ близкихъ сношеніяхъ съ тиранномъ Діонисіемъ, съ прекрасной гетерой Лаисой въ Коринѳѣ и съ богатымъ и знатнымъ купечествомъ эгинскимъ и киренскимъ, Аристиппъ нашелъ удобный случай дать своимъ взглядамъ на жизнь практическое примѣненіе. Его правило, «что должно покорять себѣ обстоятельства, а не самому имъ покоряться», было признано и другимъ ученикомъ Сократа, Антисѳеномъ (род. 422), только онъ вывелъ изъ него совсѣмъ противуположное ученіе. Тогда какъ богатый и знатный Аристиппъ вызывалъ къ полному наслажденію жизнью, бѣдный Аѳинянинъ Антисѳенъ утверждалъ напротивъ, что возвращеніе къ первобытной природѣ, отсутствіе потребностей, довольство малымъ и умѣнье переносить лишенія должны быть высшею цѣлью человѣческихъ стремленій. Строгою умѣренностію собственной жизни старался онъ доказать на опытѣ, что внутренняя свобода души можетъ обойдтись безъ внѣшнихъ услажденій; онъ смѣялся надъ высшими сословіями, рабами сластолюбія и изнѣженности, и обращался съ своими наставленіями преимущественно

къ иностранцамъ, жившимъ въ Аѳинахъ, и къ припущенникамъ. Презрѣніе его падало не только на роскошь знати, но и на образованіе ея, на правила вѣжливости и утонченность въ пріемахъ, вслѣдствіе чего многіе изъ его учениковъ пренебрегали не одни чувственныя наслажденія и формы общежитія просвѣщенной эпохи, а даже то духовное образованіе, которое основывается на искусствѣ и наукѣ, и тѣ приличія, которыя зависятъ отъ безмолвныхъ, но тѣмъ не менѣе обязательныхъ условій.—Всѣхъ дальше въ воздержаніи пошелъ ученикъ Антисѳена, Діогенъ (414 — 324): отказавшись отъ всѣхъ житейскихъ удовольствій, отъ всѣхъ удобствъ гражданственности, умѣнье переносить лишенія онъ простеръ до истиннаго героизма, и сидя въ своей бочкѣ, которая служила ему вмѣсто жилья, привелъ въ удивленіе самого Александра Великаго. Діогенъ былъ «ладзоронъ-философъ», который вѣчно бродилъ по улицамъ и рынкамъ, ночевалъ въ бочкахъ и подъ колоннадами, называлъ своимъ отечествомъ цѣлый свѣтъ, совѣтывалъ имѣть общихъ женъ и общія имущества, постоянно толкуя при этомъ объ отвычкѣ отъ потребностей, какъ условіи свободы для каждаго отдѣльнаго человѣка. Эту школу, къ которой принадлежалъ и Кратесъ, называли киническою по гимназіи Киносаргесъ, гдѣ преподавалъ Антисѳенъ; намекая на это, Діогену часто придавали прозвище кіона (собаки), потому что бѣдная, безотрадная, ограниченная самымъ необходимымъ жизнь его, казалась болѣе сродною собакѣ, нежели человѣку. Конечно, нерѣдко бывало, что грубый философскій плащъ, толстая палка изъ дикой маслины, большая нищенская сума и деревянный черпакъ для водопоя,—весь этотъ скарбъ приверженцевъ кинической школы служилъ только личиною пошлости и тщеславія, которыя уже и Сократъ подмѣтилъ сквозь прорѣхи Діогенова плаща; но иногда и подъ грязнымъ рубищемъ скрывалась душа необыкновенныхъ качествъ. Школа киниковъ впала въ презрѣніе только уже позже, когда они отбросили всякое образованіе, всякій стыдъ и всякое чувство чести, и съ умысломъ придавали особенный вѣсъ забвенію приличій и благопристойности. Какъ киренейская школа стала матерью эпикурейской, такъ киническая породила школу стоиковъ (§ 134).—Третій ученикъ Сократа, Мегарянинъ Эвклидъ, основалъ такъ-называемую мегарскую школу. Въ то время, когда Аѳиняне угрожали смертью каждому Мегарцу, который попадется у нихъ въ городѣ, Эвклидъ, переодѣвшись женщиной, пробирался ночью къ Сократу, пользовался наставленіями

философа и потомъ утромъ уходилъ отъ него тайкомъ. Эвклидъ связалъ этическую философію Сократа съ формальною системой элеатовъ; онъ училъ, что существуетъ только одно благо, дѣйствительное и неизмѣнное, на которомъ зиждется человѣческое благополучіе, и единственный путь къ нему жизнь, основанная на доблестной, энергической дѣятельности, разумномъ пониманіи и нравственной силѣ. Но, соединивъ сократовскую діалектику съ скептицизмомъ (системою сомнѣнія) элеатовъ, онъ положилъ начало тѣмъ ухищреніямъ и ложнымъ выводамъ, которыми мегарская философія ославила себя не менѣе школы софистовъ.

б) ИСТОРІОГРАФІЯ. ГЕРОДОТЪ. ѲУКИДИДЪ. КСЕНОФОНТЪ.

§ 101. Около этого времени греческая исторіографія достигла своего полнаго цвѣта. Геродотъ, изъ дорійскаго города Галикарнасса (484—408), первый замѣнилъ существовавшее до тѣхъ поръ бытописаніе (логографію, записываніе исторій) настоящею исторіографіей (изложеніемъ исторіи въ собственномъ смыслѣ), почему онъ и прозванъ отцомъ исторіи. Послѣ паденія свободы роднаго его города, онъ прожилъ нѣсколько времени въ Самосѣ, а потомъ совершилъ обширныя путешествія въ многодивный Египетъ и въ Ливію до предѣловъ Кирены, въ Сирію и Вавилонію, въ Малую Азію и Персію, въ Грецію и приморскія земли у низовій Дуная, гдѣ изъ собственныхъ наблюденій и изустныхъ разсказовъ другихъ людей собралъ матеріалъ для своей исторіи, раздѣленной потомъ на девять книгъ и посвященной девяти Музамъ. Старость свою провелъ онъ въ Туріяхъ, въ Нижней Италіи, куда отправился съ колоніей (444). Тамъ, на пепелищѣ разрушеннаго Сибариса, обработывалъ онъ позднѣйшія части своего труда; но, кажется, смерть постигла его до совершеннаго окончанія предпринятой работы. Геродотъ описалъ на іонійскомъ нарѣчіи (которое одно употреблялось тогда для историческаго изложенія въ прозѣ и которое онъ можетъ-быть усвоилъ себѣ на остр. Самосѣ), въ простодушномъ и словоохотливомъ разсказѣ, битвы Грековъ съ Персами, но при случаѣ вставлялъ тутъ же и прежнюю исторію восточныхъ и греческихъ народовъ, при чемъ внесъ конечно не мало басней, переданныхъ имъ съ устнаго разсказа жрецовъ, переводчиковъ и проводниковъ (чичерони), и отзывающихся тою хвастливостью и страстью къ чудесному, которыя такъ свойственны восточному человѣку. Цѣль его труда, написаннаго съ чрезвычайною

задушевностью и простотой для народа, была та, чтобъ показать, какъ любовь къ свободѣ, разумный порядокъ, свѣтлый умъ и умѣренный образъ жизни Эллиновъ восторжествовали надъ раболѣпствомъ, безрядицей и пустою роскошью Востока. Чистая душа и простосердечныя убѣжденія автора, просвѣчивающія во всемъ его изложеніи, придаютъ этому труду отпечатокъ истиннаго благородства и какое-то высшее освященіе. Вездѣ вѣетъ на васъ та религіозная идея, что исторія — плодъ нравственнаго міростроенія, и что небо указало каждому существу предназначенный ему путь и твердые предѣлы, которыхъ нарушеніе влечетъ за собою кару и бѣдствіе виновному, что оно ниспосылаетъ силу слабымъ и смиреннымъ, а напротивъ дерзкаго и строптиваго ведетъ на вѣрную пагубу. По этому Геродотъ даетъ мѣсто собственному сужденію только тамъ, гдѣ судъ Неба очевидно уже совершился, и уклоняется отъ всякаго прагматизма въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ прагматизмъ могъ бы казаться упреждающимъ пути высшаго Промысла. Для него всемірная исторія — «послѣдній судъ», котораго приговоры основаны на нравственно-религіозныхъ истинахъ. Изложивъ, по превосходно выдержанному плану, разнообразные результаты, добытые многосторонними изслѣдованіями, онъ придалъ труду своему характеръ величаваго эпоса, почему уже и въ древности исторію Геродота называли гомерическою. И у него, какъ у Гомера, царитъ надъ цѣлымъ и всѣми его частями «ясное спокойствіе, облеченное въ пріятную полноту рѣчи». Планъ творенія былъ начертанъ въ разгарѣ юношескихъ силъ и выполненъ съ истинно юношескимъ рвеніемъ; оттого языкъ, содержаніе и изложеніе поражаютъ стройнымъ согласіемъ между собою. — Преданіе говоритъ, что Геродотовы историческія книги возбудили соревнованіе въ благородномъ Аѳинянинѣ Ѳукидидѣ (470—402), отрасли ѳракійскаго княжескаго рода и владѣльцѣ золотыхъ рудниковъ во Ѳракіи (§ 64). Онъ былъ изгнанъ во время битвы при Амфиполѣ, потому что его запоздалому приходу приписывали взятіе этого города Спартанцами, и годы долгаго своего изгнанія посвятилъ сочиненію исторіи Пелопонесской войны. Въ 403 году его снова призвали въ Аѳины, и говорятъ, что вскорѣ потомъ онъ былъ предательски убитъ. Ѳукидидъ представлялъ во многомъ противоположность Геродоту. Какъ у послѣдняго обнаруживается высокое настроеніе, господствовавшее во время Персидскихъ войнъ, такъ у Ѳукидида видна вездѣ зрѣлая образованность Аѳинъ въ эпоху войны Пелопон-

несской; какъ тотъ говоритъ простымъ, общепонятнымъ языкомъ народа и возбуждаетъ воображеніе читателя, такъ Θукидидъ, съ своимъ сжатымъ, полновѣснымъ языкомъ и многотруднымъ слогомъ, очевидно разсчитываетъ только на образованную часть націи и преимущественно занимаетъ мыслящій умъ и взвѣшивающій разсудокъ; наконецъ, какъ у того господствуетъ въ изложеніи эпическое спокойствіе, эпическій досугъ и просторъ, такъ у Θукидида все представляется въ живой драматической картинѣ. У него нѣтъ ни увлекательныхъ вставокъ, ни милыхъ прикрасъ; каждому народу и государству отведена въ обрѣзъ его роль въ великой трагедіи двадцати-семилѣтней гражданской и революціонной брани; далѣе этихъ строго-опредѣленныхъ границъ никому не дается у него голоса. Стремленіе, вездѣ сосредоточить въ одинъ фокусъ возможно большее число дѣлъ, чтобы отнюдь не разбросаться и не ослабить общаго впечатлѣнія, породило у Θукидида ту сжатую и темную краткость, въ которой слѣдуетъ видѣть только борьбу необыкновеннаго обилія мыслей съ невыработавшимся еще языкомъ. Смотря по предмету изложенія въ языкѣ представляется множество переходовъ: отъ пріятной простоты повѣствовательнаго слога возносится онъ до ряда самыхъ смѣлыхъ ораторскихъ періодовъ и до высочайшей поэтической силы и энергіи. Въ изображеніи характеровъ видно глубокое знаніе людей, а во вставныхъ рѣчахъ, которыя часто такъ трудно понимать по ихъ утонченнымъ намекамъ, онъ вѣрно изображаетъ мнѣнія, стремленія и побужденія лицъ, партій и государствъ. Аристократъ по рожденію и образу мыслей, онъ однако руководствуется въ своихъ сужденіяхъ однимъ благомъ отечества. Θукидидъ, смотрѣвшій на исторію съ точки зрѣнія государственнаго человѣка и указывавшій ей собственно политическое назначеніе, обнаруживаетъ не эпическое воззрѣніе на событія, а критическое. Онъ видитъ лишь дѣйствующія человѣческія силы, и желаетъ извлечь изъ событій, по скольку онѣ зависѣли отъ людей, практическіе выводы для другихъ подобныхъ обстоятельствъ. Самое свойство избраннаго имъ предмета, войны, привело его къ порядку изложенія (по лѣтнему и зимнему временамъ года), который вообще былъ близокъ къ хронологическому, и хотя единство, приданное проницательнымъ государственнымъ мужемъ множеству фактовъ, было свободно задумано и слѣдовательно идеальнаго свойства; однако именно потому, что этимъ единствомъ была политическая мысль, ему недоставало поэтическаго колорита и эпической образности. Однимъ

словомъ, поэзія у Θукидида чувствуется не столько въ цѣломъ строѣ сочиненія, сколько въ изображеніи частностей. Θукидидова исторія оканчивается 21-мъ годомъ Пелопоннесской войны. Она является образцомъ прагматическаго, объективнаго и безпристрастнаго изложенія. Продолжатель его Ксенофонтъ (446 — 356) особенно отличается ясностію, легкостію, красотою и стройнымъ порядкомъ изложенія, но далеко уступаетъ Θукидиду въ глубинѣ мыслей и въ исторической вѣрности. Хотя и Аѳинянинъ, онъ тѣмъ не менѣе былъ поклонникомъ и панегиристомъ Спартанцевъ, особенно царя ихъ Агесилая, котораго онъ сопровождалъ въ походѣ противъ Персовъ и жизнь котораго имъ описана. Оттого его Эллинская исторія сознательно-пристрастна; такъ, между прочимъ, великіе Θиванцы Пелопидъ и Эпаминондъ оставлены имъ совершенно въ тѣни. Исторія его заключается мантинейскою битвой (362). Ксенофонтъ написалъ также исторію воспитанія Кира старшаго (Кироπедію), нѣчто въ родѣ политико-философскаго романа, въ которомъ онъ выставляетъ основателя Персидскаго царства идеаломъ государя, воспитаннаго въ сократическихъ понятіяхъ, и противуполагаетъ преимущества мудро управляемой монархіи, гдѣ господствуютъ порядокъ и спокойствіе, и подданные живутъ въ довольствѣ, бурному республиканскому устройству своихъ соотечественниковъ. Заключая въ себѣ истину съ примѣсью вымысла, это сочиненіе построено на зыбкой почвѣ. Ксенофонтъ, изгнанный изъ Аѳинъ, провелъ послѣдніе годы своей жизни въ Пелопоннессѣ, сначала въ отведенномъ ему Спартанцами помѣстьѣ, въ сельскомъ уединеніи, а потомъ, со времени сраженія при Левктрѣ, въ Коринѳѣ, гдѣ онъ умеръ въ глубокой старости. — Отъ «Исторіи Персіи», написанной современникомъ Ксенофонта, греческимъ врачемъ Ктезіемъ книдскимъ (ок. 400), проживавшимъ при персидскомъ дворѣ, дошли до насъ только отрывки и извлеченія, какъ и отъ «Исторіи Сициліи» Филиста сиракузскаго (433—356), который подражалъ Θукидиду и въ своемъ сочиненіи витіевато-политическаго свойства представилъ яркое, полуроманическое отраженіе этой западной части греческаго міра.

1. Ксенофонтъ. Если Θукидидъ замѣчателенъ своимъ стремленіемъ къ высокому, то самымъ существеннымъ свойствомъ Ксенофонтова духа была полная гармонія. Ксенофонтъ былъ не изъ тѣхъ натуръ, которыя выходятъ изъ ряда своею необыкновенною энергіей, безмѣрною широтою своего воззрѣнія и полнотою духа;

напротивъ, особенность его заключается именно въ мѣрѣ. Она выказалась въ его образѣ жизни, въ той разсчитанной умѣренности или въ томъ тщательномъ соблюденіи правильнаго равновѣсія между духомъ и тѣломъ, которыя онъ самъ описываетъ, и плодомъ которыхъ бываетъ преобладающее здоровье внутренняго и внѣшняго человѣка. Эта разсудительность значительно приблизила бы его къ цѣли всякаго стремленія, къ изящному совершенству (калокагаѳіи), еслибы въ тоже время не удаляла его отъ этой цѣли свойственная подобнымъ натурамъ сдержанность и сухость. Эти послѣдніе недостатки часто являются у него слѣдствіемъ слишкомъ большой доступности постороннимъ вліяніямъ и ограниченности собственнаго воззрѣнія. — Таже внутренняя мѣрность и сдержанность склоняла его въ пользу спартанскихъ понятій, и онъ охотно примкнулъ къ Агесилаю, который въ своей жизни былъ образцомъ строгой дорійской нравственности. Особенными достоинствами Ксенофонтовой исторіографіи считались еще въ древности: 1) большая естественность, наивность и простота взгляда и изложенія—свойства, укоренившіяся еще тверже подъ вліяніемъ Сократова ученія; 2) прелесть и безъискусственная грація слога и языка; 3) дѣтски-простодушное, благочестивое настроеніе духа, вездѣ усматривающее вліяніе божества на судьбы человѣчества, какъ конечную причину событій, и придающее высокую цѣну соблюденію религіозныхъ обрядовъ, жертвоприношеніямъ и гаданіямъ.

2. Ктезій. Такъ какъ Ктезій былъ придворнымъ врачемъ при царѣ Артаксерксѣ и, находясь при немъ въ Кунаксасской битвѣ (§ 102), почерпалъ свои свѣдѣнія изъ восточныхъ источниковъ, которые обыкновенно были недоступны Грекамъ, то свидѣтельства его во многомъ расходились съ показаніями другихъ историковъ. Усвоивъ себѣ, за отсутствіемъ патріотизма, персидскую точку зрѣнія, такъ же рѣшительно какъ Геродотъ — греческую, онъ возбудилъ неуваженіе своихъ соотечественниковъ и упрекъ въ неправдоподобіи и пристрастіи. Его сочиненіе, состоящее изъ 23 книгъ, заключало въ себѣ исторію Ассирійскаго, Мидійскаго и Персидскаго царствъ до возвращенія его на родину въ 399 году. Главною его цѣлью было — опровергнуть и устранить многочисленныя заблужденія и предразсудки относительно Персіи, усвоенные Греками по невѣдѣнію или національной гордости. Еще богаче сомнительными свѣдѣніями и баснями, чѣмъ «Персидская исторія», было другое сочиненіе Ктезія, мень-

шее по объему, — сочиненіе объ Индіи, отъ котораго сохранились лишь немногіе отрывки.

3. Филистъ сиракузскій, родившійся около 433 года, состоялъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ Діонисіями Старшимъ и Младшимъ. Старшему помогалъ онъ совѣтомъ и дѣломъ въ его стремленіи къ единовластію въ Сиракузахъ, и мужественно поддерживалъ его по достиженіи этой цѣли. Правда, недовѣрчивость тиранна на нѣкоторое время повергла Филиста въ изгнаніе; но онъ возвратился по воцареніи Діонисія Младшаго и пріобрѣлъ большое вліяніе ласкательствомъ и потворствомъ его деспотическому правленію. Онъ посильно противодѣйствовалъ благородному Діону и другу его Платону, и добился изгнанія перваго и ссылки втораго. По возвращеніи Діона въ 353 году и завоеваніи имъ Сиракузъ, Филистъ лишился жизни: отъ собственной ли руки, или въ темницѣ — неизвѣстно. Сочиненіе его раздѣлялось на двѣ части: первая, писанная въ изгнаніи, обнимала древнѣйшую исторію Сициліи до завоеванія Агригента Карѳагенцами (409), въ 7 книгахъ; вторая — исторію обоихъ Діонисіевъ, въ 6 книгахъ. Филистъ считался подражателемъ Ѳукидида, но повидимому больше принялъ за образецъ его сжатость и однообразіе въ цѣломъ, чѣмъ богатство идей и блестящее изложеніе. Цицеронъ называетъ его свѣтлою головой, мыслителемъ, остроумнымъ, сжатымъ, Ѳукидидомъ въ маломъ видѣ. — О соотечественникѣ его Тимеѣ см. § 163, въ примѣчаніи.

5. Отступленіе Десяти-Тысячъ (400).

§ 102. Главное твореніе Ксенофонта — Анабазисъ, или описаніе похода Кира Младшаго противъ Персіи и отступленія греческаго наемнаго войска подъ личнымъ водительствомъ самого аѳинскаго историка. Съ того времени какъ начались у Персовъ войны съ Греками, Персидское царство становилось все безсильнѣе и безсильнѣе. Возстанія въ Бактріи, Египтѣ и другихъ провинціяхъ, гдѣ намѣстники властвовали необузданно; происки себялюбивыхъ и избалованныхъ придворныхъ, совершавшихъ жестокія и позорныя дѣла и предававшихся всевозможнымъ прихотямъ и разврату; безпрерывные споры за престолъ, при чемъ корона обыкновенно

была добычею побѣдителя, а побѣжденные подвергались мучительнымъ казнямъ (см. § 50),—вотъ главнѣйшее содержаніе персидской исторіи въ періодъ времени отъ убіенія Ксеркса Гирканцемъ Артабаномъ (465 г.) до смерти Дарія Нота (405 г.). Въ такихъ обстоятельствахъ Киръ Младшій, намѣстникъ въ Малой Азіи и второй сынъ царя Дарія, задумалъ отнять престолъ у своего старшаго брата Артаксеркса II, по прозванію Мнемона. Съ этою цѣлью собралъ онъ значительное наемное войско, лучшую часть котораго составляли спартанскіе и другіе греческіе наемники, и двинулся съ ними въ Персію. На равнинѣ Кунаксы, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Вавилона, произошло сраженіе, въ которомъ Греки одержали побѣду, но самъ Киръ былъ убитъ. Артаксеркъ велѣлъ отрубить у несчастнаго голову и правую руку, наградилъ убійцъ и самому себѣ приписалъ честь кроваваго мщенія. За тѣмъ было послано Грекамъ требованіе сдаться, и когда они отвѣчали отказомъ, Персы пригласили для переговоровъ военачальниковъ ихъ, и въ томъ числѣ Клеарха, опытнаго въ военномъ дѣлѣ предводителя, отличавшагося суровостію нрава, приверженностію къ строгой дисциплинѣ и вмѣстѣ хищничествомъ. Когда они явились, Персы вѣроломно убили ихъ, полагая, что Греки, лишенные предводителей, принуждены будутъ сдаться. Тогда во главѣ войска сталъ Аѳинянинъ Ксенофонтъ, участвовавшій въ походѣ охотникомъ, и вмѣстѣ съ Спартанцемъ Хейрисофомъ повелъ его, преодолѣвая невообразимыя трудности, черезъ Арменію къ Черному морю и оттуда къ Византіи. Не зная ни мѣстности, ни языка, и не имѣя надежныхъ проводниковъ, съумѣли они перейти чрезъ бездорожныя горы, стремительные потоки, суровые, покрытые глубокимъ снѣгомъ края, подвергаясь преслѣдованію Персовъ и нападеніямъ мѣстныхъ жителей. Впервые завидѣвъ море съ горы, они выразили свою радость громкими кликами и привѣтствовали его, какъ предѣлъ своихъ безчисленныхъ страданій и лишеній. Это отступленіе на пространствѣ 3,000 верстъ, не менѣе Персидскихъ войнъ доказываетъ безмѣрное превосходство образованія, ума, чувства чести и свободы надъ механически-управляемою массою, низкимъ образомъ мыслей и духомъ рабства.

Ксерксу наслѣдовалъ сынъ его Артаксеркс I Долгорукій, котораго сорокалѣтнее правленіе (465—425) было исполнено всякаго рода бѣдствій. По смерти его, престолъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, среди братоубійствъ, вѣроломствъ и жестокостей, пока Дарій II Нотъ, хитростію захвативъ своего противника, велѣлъ задушить его въ кучѣ золы; его царствованіе, тревожимое возстаніями и женскими интригами, продолжалось около 20 лѣтъ (423—404), и все это время онъ утопалъ въ сладострастіи и роскоши. Артаксеркс II Мнемонъ царствовалъ съ 404 по 360 г. — Ксенофонтъ слѣдующимъ образомъ описываетъ въ «Анабазисѣ» радость греческаго войска при видѣ Черпаго моря: «Въ 5 день дошли они до священной горы, по имени Θехесъ. Первые, увидѣвшіе море съ горы, подняли громкій крикъ. Услышавъ этотъ крикъ, Ксенофонтъ и Греки, бывшіе назади, думали, что непріятель напалъ на авангардъ, ибо съ тылу постоянно преслѣдовали ихъ жители опустошенной мѣстности. Принадлежавшіе къ арьергарду въ одной засадѣ положили на мѣстѣ нѣсколькихъ непріятелей, другихъ живыми взяли въ плѣнъ, при чемъ захватили до двадцати плетеныхъ щитовъ, обтянутыхъ сыромятною бычачьею кожей. Такъ какъ шумъ все усиливался и приближался, по мѣрѣ того какъ задніе отряды подходили къ кричавшимъ, то Ксенофонтъ подумалъ, что этотъ крикъ означаетъ что нибудь особенно важное, бросился на коня и поспѣшилъ на помощь съ Ликіемъ и его конниками. Въ эту минуту они услышали непрерывно повторяемые клики: Море! Море! Тогда все въ арьергардѣ пустилось бѣжать; даже вьючныя животныя пошли скорѣе. Когда же всѣ достигли вершины, то бросились обнимать другъ друга и плакали отъ радости. Солдаты, какъ бы по данному сигналу, разомъ нанесли камней, насыпали высокій холмъ и сложили на него множество сырыхъ кожъ, дубья и отнятыхъ у непріятеля плетеныхъ щитовъ». По возвращеніи, спасенный отрядъ нанялся въ службу ѳракійскаго царя Севта, а по прошествіи мѣсяца, исполненнаго славы и побѣдъ, былъ призванъ къ спартанскому войску, дѣйствовавшему противъ Персовъ въ Малой Азіи.

§ 103. **Коринѳская война и Анталкидовъ міръ.** Раздраженные тѣмъ, что Греки помогали Киру Младшему въ его предпріятіи, Персы стали помышлять объ отмщеніи. Тисафернъ, соперникъ и преемникъ Кира въ должности намѣстника Малой Азіи, старался съ этою цѣлью снова поработить іонійскіе приморскіе города, которые въ то время

платили дань Спартанцамъ. Города, съ своей стороны, просили помощи у Спарты, почему и послано было пелопоннесское союзное войско подъ начальствомъ спартанскаго вождя. Сначала успѣхъ похода былъ незначителенъ; но дѣла быстро приняли другой оборотъ, когда по вліянію Лисандра, въ царскій санъ былъ возведенъ энергическій, испытанный, полный любви къ древне-спартанской доблести, строгимъ нравамъ и простотѣ, Агесилай (398—361), которому удивлялся и воздавалъ хвалу другъ его Ксенофонтъ, и когда ему поручено было вести войну противъ Персовъ. Лисандръ, надѣявшійся управлять Агесилаемъ по своему произволу, вскорѣ убѣдился въ обманчивости этой надежды; испытавъ незаслуженное презрѣніе отъ ревниваго къ его вліянію царя, онъ отправился, помышляя о мщеніи, на Геллеспонтъ и оттуда въ Спарту, между тѣмъ какъ Агесилай, послѣ побѣды при Сардахъ (396) надъ Тисаферномъ (который былъ отозванъ и, какъ измѣнникъ, казненъ за это пораженіе), опустошительно прошелъ Виѳинію и Фригію, и уже помышлялъ перенести войну во внутренность Персидскаго царства. Спартанцы уже мечтали о великихъ завоеваніяхъ въ отдаленныхъ краяхъ, когда новому персидскому намѣстнику въ Малой Азіи удалось, посредствомъ подкупа и посуловъ, приготовить имъ ближайшихъ враговъ въ самомъ отечествѣ. Беотійцы, Коринѳяне, Аргивцы, завидуя возрастающему могуществу Спарты и неоднократно оскорбленные ея эгоизмомъ и высокомѣріемъ, легко поддались вліянію персидскаго золота и заключили между собою союзъ, направленный противъ спартанскаго могущества. Вскорѣ къ этому союзу пристали и униженные Аѳины. Поводомъ къ войнѣ былъ споръ о границахъ между Локридою и Фокидой, въ которомъ Ѳиванцы держали сторону первой, а Спартанцы — сторону послѣдней. Лисандръ поспѣшно двинулся въ Беотію, чтобы мгновеннымъ ударомъ отвратить грозящую опасность и потомъ отмстить неблагодарному Агесилаю; но проигралъ сраженіе при Галіартѣ (395) противъ соединенныхъ Ѳиванцевъ и Аѳинянъ, и самъ палъ на полѣ битвы. Тогда Агесилай принужденъ былъ прекратить военныя дѣйствія въ Малой Азіи, чтобы идти скорѣе спасать отечество. Онъ выигралъ сраженіе при Коронеѣ (394); но многочи-

слѣпность непріятелей и морская побѣда при Книдѣ, одержанная соединеннымъ греко-финикійскимъ флотомъ подъ начальствомъ вступившаго въ персидскую службу аѳинскаго полководца Конона, истребившая спартанскія морскія силы и стоившая жизни начальнику спартанскаго флота Писандру, нанесли чувствительный ударъ преобладанію Спарты. Кононъ возвратилъ независимость островамъ Хіосу, Лесбосу, Самосу и др., выгналъ спартанскихъ гармостовъ и декарховъ (§ 96) и потомъ, при помощи Персовъ, достигнулъ возстановленія аѳинскихъ городскихъ и портовыхъ укрѣпленій, и постройки новыхъ кораблей. Въ тоже время Ѳрасивулъ совершалъ блестящія завоеванія на Геллеспонтѣ, пока не былъ убитъ въ Памфиліи за жестокое взиманіе наложенныхъ имъ поборовъ (389). Однако юный герой Хабрій аѳинскій спасъ новыя морскія силы роднаго города. Война продолжалась на перешейкѣ, близъ Сикіона и Коринѳа, отчего и называется она коринѳскою. Долго бились здѣсь, не доходя до рѣшительнаго дѣла. Кому удавалось перехитрить непріятеля и превзойти его смѣлостію, тотъ и считался побѣдителемъ; правильныхъ сраженій не было: Греки возвратились къ усобицамъ первобытныхъ временъ. Всѣ международныя права были попраны, уваженіе къ покровительству храма и религіи утрачено. Только когда даровитый Ификратъ аѳинскій, который положилъ основаніе новому военному искусству (тактикѣ), устроивъ легко-вооруженныя войска (пельтастовъ) съ малыми щитами и мечами и давъ гоплитамъ болѣе удобное вооруженіе и устройство, истребилъ отступавшій отрядъ спартанскаго войска (такъ-называемую мору), война приняла оборотъ весьма опасный для Спартанцевъ. Оттого они обратились къ Персіи, больше заботясь о сохраненіи своей власти, чѣмъ о величіи и свободѣ Греціи. Они послали къ персидскому намѣстнику лукаваго, сластолюбиваго Анталкида, человѣка, не дорожившаго честью Спарты и преобладаніемъ эллинизма надъ варварствомъ, съ цѣлью доставить Спартѣ дружбу «великаго царя», а съ нею и поддержку гегемоніи. Такъ заключенъ былъ позорный Анталкидовъ миръ (387), по которому греческія государства въ Азіи и островъ Кипръ были отданы Персамъ, а всѣ остальныя

греческія державы и острова (кромѣ, Лемноса, Имброса и Скироса, которые должны бы остаться за Аѳинами) объявлены свободными и самостоятельными. Черезъ этотъ безчестный миръ, навязанный иноземнымъ царемъ въ слѣдствіе всеобщаго нравственнаго упадка, западный берегъ Малой Азіи навсегда былъ утраченъ для Греціи и для свободы. Произведенное Спартою распаденіе всѣхъ греческихъ союзовъ и разъединеніе мелкихъ общинъ между собою привело не къ свободѣ, а къ безсилію; отнынѣ все болѣе и болѣе распространявшееся употребленіе наемныхъ войскъ мало по малу отучало гражданъ отъ оружія и ускорило паденіе свободныхъ учрежденій. Вѣрный союзникъ Аѳинъ Эвагоръ кипрскій превратился въ обязаннаго данью персидскаго подручника.

6. Фиванская война (379 — 371).

§ 104. Пелопоннесская война доставила Спартѣ первенство во всей Греціи; но Спарта злоупотребляла своею силой для униженія другихъ государствъ и тѣмъ самымъ вскорѣ навлекла себѣ ненависть своихъ союзниковъ точно такъ же, какъ прежде Аѳины. Спартанцы уже давно отступили отъ Ликурговой простоты и строгости нравовъ; войны въ чужихъ краяхъ принесли имъ богатство, а послѣднее породило алчность и сластолюбіе, которыя въ свою очередь были причиною множества пороковъ. Еще въ эпоху Персидскихъ войнъ можно было подкупать царей и полководцевъ большими суммами, а съ тѣхъ поръ этотъ безчестный обычай развился въ высшей степени. Древнее прорицаніе боговъ: «сребролюбіе, не что иное, погубитъ Спарту», было уже близко къ осуществленію. Въ тоже время военачальники дозволяли себѣ безсовѣстные поборы и посрамили спартанское имя грабительствомъ какъ въ непріятельской землѣ, такъ и у союзниковъ. Черезъ посредство Лисандра и его единомышленниковъ множество чужеземной звонкой монеты перешло въ дорійскую столицу. Несмѣтныя богатства и имѣнія скоплялись въ рукахъ немногихъ семей, которыя только предавались роскоши и расточительности, между тѣмъ какъ бѣдные терпѣли нужду. Богатые полноправные граждане образовали изъ себя замк-

нутую, преобладающую корпорацію, которой должны были постепенно подчиниться неполные граждане съ умѣреннымъ состояніемъ и бѣдняки. Спартанскій совѣтъ не только былъ составленъ изъ членовъ этого родоваго дворянства, но даже управлялъ большимъ собраніемъ. Вымираніе древнихъ, сильныхъ вліяніемъ родовъ, отъ болѣзней и войнъ, все болѣе и болѣе сосредоточивало землевладѣніе въ рукахъ немногихъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ эфоръ Эпитадей допустилъ отчужденіе недвижимости, и при возраставшемъ любостяжаніи породило нѣчто въ родѣ неизвѣстнаго дотолѣ денежнаго дворянства, поддерживавшаго аристократическія притязанія древнихъ родовъ въ ущербъ общей гражданской свободѣ. Въ то же время царская власть болѣе и болѣе теряла свою силу, отчасти въ слѣдствіе соперничества и зависти между обоими наслѣдственными царскими домами, отчасти потому-что алчность и продажность послѣднихъ лишала ихъ общаго уваженія. По мѣрѣ ослабленія царской власти, усиливалось вліяніе пяти эфоровъ (§ 66). Эфоры, замѣчаетъ Ксенофонтъ, «имѣютъ власть наказывать когда хотятъ и тотчасъ же исполнять свой приговоръ; они могутъ отрѣшать всякое начальство, сажать въ тюрьму, обвинять на жизнь и смерть. При появленіи ихъ, цари должны вставать съ своихъ мѣстъ; они обязаны также безотлагательно являться на судебный призывъ эфоровъ и подчинять даже домашнія дѣла свои ихъ нравственно-судебному надзору. Эфоры мало-по-малу присвоили себѣ всѣ главныя отрасли государственной власти, созывали и руководили народное собраніе, назначали посланниковъ и полководцевъ и снабжали ихъ письменными наказами, имѣли ценсорскій надзоръ за нравственностію и образомъ жизни гражданъ и распоряжались всѣмъ, какъ представители народнаго величества.—Антаклидовъ миръ, блюстителемъ и исполнителемъ котораго была Спарта заодно съ персидскимъ царемъ, снова укрѣпилъ преобладаніе Лакедемонцевъ, ибо они воспользовались признанною этимъ миромъ независимостью греческихъ городовъ, какъ средствомъ для упраздненія всѣхъ союзническихъ отношеній между государствами и для ослабленія тѣхъ изъ нихъ, которыя стояли во главѣ союзовъ. Напротивъ, они все болѣе и болѣе распространяли и скрѣпляли

свою собственную гегемонію въ Пелопоннесѣ. Они взяли и разрушили Мантинею (386), которая не довольно охотно подчинялась имъ, и заставили Мантинейцевъ жить въ открытыхъ селахъ; во всѣ города возвратили они своихъ аристократическихъ приверженцевъ и дали имъ власть и почести; они предали городъ Флій (380), на сѣверо-восточной границѣ Аркадіи, горсти изгнанныхъ олигарховъ и ввѣрили имъ участь всѣхъ гражданъ, такъ что въ рукахъ олигарховъ была жизнь и смерть каждаго гражданина; они присвоили себѣ во всей Греціи верховную законодательную и судебную власть, такъ что нигдѣ не осмѣливались противиться спартанскимъ приказаніямъ. Но злоупотребленіе этою чрезмѣрною властью послужило поводомъ къ страшному паденію самой Спарты. Греческій городъ Олинѳъ въ Македоніи образовалъ изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ эллинскихъ городовъ, по свободному съ ними соглашенію, халкидскій союзъ, въ которомъ ему, какъ завѣдывающему дѣлами союза, принадлежало нѣкотораго рода первенство, не нарушавшее однако равноправности всѣхъ членовъ союза. Спартанцы запретили этотъ союзъ, какъ противный Антаклидову миру; такъ какъ Олинѳяне не уничтожили его, то Спартанцы вторгнулись въ ихъ область (382), осадили ихъ городъ и послѣ трехлѣтней борьбы принудили ихъ къ покорности (380). — Проходя черезъ Беотію, спартанскій полководецъ (Февидъ) склонился на убѣжденія вождей аристократической партіи въ Ѳивахъ, просившихъ его о помощи для замѣны демократическаго правленія олигархическимъ (380). Предпріятіе это удалось. Вожди народной партіи были или казнены, или изгнаны, или же заключены въ темницу; олигархи захватили правительственную власть и стали управлять произвольно и насильственно, въ надеждѣ на спартанскій гарнизонъ, находившійся въ крѣпости. Спартанцы для вида приговорили своего полководца къ небольшому денежному штрафу, но не очистили ѳиванской крѣпости Кадмеи и старались извлечь выгоды изъ своего положенія.

§ 105. Однако мщеніе вскорѣ постигло Спартанцевъ. Бѣжавшіе демократы собрались въ Аѳинахъ и оттуда вступили въ сношенія съ своими единомышленниками, оставшимися въ Ѳивахъ. По вызову послѣднихъ, они, черезъ нѣсколько вре-

мени, тайно, разными дорогами, возвратились въ Ѳивы, въ одеждѣ поселянъ, собрались въ домѣ одного сообщника (Харона) и, переодѣтые въ пѣвицъ, поздно ночью напали на пировавшихъ вождей олигархіи. По умерщвленіи олигарховъ, они воззвали къ народу во имя свободы, возстановили демократическое правленіе и принудили спартанскій гарнизонъ очистить крѣпость. Это повело къ войнѣ между Ѳиванцами и Лакедемонянами. Ѳивами управляли въ то время два человѣка, тѣсно связанные дружбою, отличавшіеся какъ чувствомъ свободы, любовью къ отечеству и нравственною доблестью, такъ-равно военными талантами и мужествомъ, — Эпаминондъ и Пелопидъ. Соединенными силами старались эти люди поднять свое отечество. Эпаминондъ ввелъ новый способъ войны, располагая войска «косымъ боевымъ строемъ», а Пелопидъ, одинъ изъ возвратившихся бѣглецовъ, учредилъ такъ-называемый священный отрядъ, въ которомъ ратники, соединенные между собою узами самаго задушевнаго братства и окрыленные стремленіемъ къ славѣ и свободѣ, побѣдоносно отражали всѣ нападенія Спартанцевъ. Сначала Аѳиняне (которыхъ гаванью — Пиреемъ, Спартанцы такъ же замышляли овладѣть, какъ завладѣли ѳиванскою Кадмеей) были на сторонѣ Ѳиванцевъ; полководцы ихъ Ификратъ, Хабрій и Тимоѳей, сынъ Конона, сильно вредили Лакедемонцамъ на морѣ и на сушѣ; они склонили нѣкоторые острова и морскія государства, какъ напр. Хіосъ, Родосъ, Самосъ, Митилену,—на этотъ разъ уже подъ условіемъ признанія за ними свободы и самостоятельности, а также голоса ихъ въ союзномъ совѣтѣ, — къ возстановленію аѳинскаго союза; побѣда Хабрія при Наксосѣ (375), истребившая спартанскій флотъ, снова доставила имъ гегемонію на морѣ. Но когда Ѳиванцы покорили своей власти мéньшіе города Беотіи, разрушили городъ Ѳеспію, а потомъ дружественную къ Аѳинамъ съ достопамятныхъ дней мараѳонскихъ и передъ тѣмъ лишь возобновленную Платею, за то что она не хотѣла присоединиться къ нимъ, и прогнали ея жителей (374), тогда снова пробудилось прежнее соперничество. При посредничествѣ Персіи, между Аѳинами и Спартою состоялся миръ, по которому за первыми была признана гегемонія на морѣ, за

второю — на сушѣ, а для всѣхъ остальныхъ эллинскихъ государствъ подтверждено начало мѣстнаго самоуправленія. Такъ какъ Ѳивы отказывались упразднить свой юный союзъ и признать свободу беотійскихъ городовъ («Этому быть тогда», сказалъ Эпаминондъ наотрѣзъ, «когда освободятся спартанскіе періэки»), то Лакедемонцы снова вторгнулись въ ихъ владѣнія; но, не смотря на храбрый отпоръ, были разбиты на голову Эпаминондомъ и Пелопидомъ въ сраженіи при Левктрѣ (371). Четыреста спартанскихъ полныхъ гражданъ и шестьсотъ періэковъ легли на полѣ битвы, а число бѣжавшихъ было такъ велико, что Агесилай совѣтовалъ оставить на этотъ разъ безъ примѣненія древній спартанскій законъ, по которому всѣ, бѣжавшіе въ военное время, признавались безчестными и лишались права носить оружіе. Въ числѣ павшихъ былъ и главноначальствующій, царь Клеомбродъ. Мужественно перенесли Спартанцы печальную вѣсть; эфоры потребовали поголовнаго вооруженія гражданъ, запретили жаловаться громко, и на другой день родственники павшихъ въ бою вышли съ веселыми лицами, а родные пережившихъ пораженіе — съ печальными. — Теперь греческіе города освободились отъ спартанскаго владычества, возстановили подавленное народное правленіе и отплатили поставленнымъ отъ Спартанцевъ аристократамъ казнями и изгнаніемъ. Въ страшныхъ размѣрахъ возобновилась повсемѣстно борьба партій, требуя кровавыхъ жертвъ, но нигдѣ не была она такъ ужасна какъ въ Аргосѣ во время «скитализма» [1], когда около 1,200 аристократическихъ гражданъ были убиты дубьемъ (370). Такъ загубила Грецію, въ самоубійственномъ безуміи, собственною рукой, свои благородныя силы, свое нравственное и матерьяльное благоденствіе.

3. Гегемонія Ѳивъ при Эпаминондѣ и Пелопидѣ.

§ 106. Беотійцы не обладали ни даровитостью Аѳинянъ, ни силою, крѣпостью и настойчивостью Спартанцевъ. Отто-

[1] Т. е. палочнаго избіенія (с к и т а л э—палка): такъ называлось аргосское возстаніе 370 года.

го преобладаніе ихъ было только дѣломъ двухъ великихъ людей, которыхъ доблесть и духовная сила на нѣкоторое время возвысили всю республику: съ Эпаминондомъ сошла въ могилу и блестящая пора Ѳивъ. Пелопидъ былъ уменъ, искусенъ и храбръ, былъ больше человѣкомъ дѣла, нежели слова, и не смотря на свое богатство и знатное происхожденіе, былъ пламеннымъ приверженцемъ демократическихъ началъ; Эпаминондъ былъ глубокомысленъ, опытенъ въ военномъ дѣлѣ и такъ же справедливъ, безкорыстенъ и бѣденъ, какъ Аристидъ; проникнутый чувствомъ своего человѣческаго достоинства и высокаго призванія, презиралъ онъ богатства и удовольствія, и единственный плащъ его былъ ему больше къ лицу, чѣмъ всевозможныя богатыя украшенія. Съ ловкимъ тѣломъ, закаленнымъ упражненіями въ гимнастикѣ, соединялъ онъ проницательный, укрѣпленный размышленіемъ и наукою умъ, съ природною молчаливостью—даръ слова и убѣжденія, когда это было нужно. Пѣніе и игра на флейтѣ были его удовольствіемъ въ свободные часы.—Вскорѣ послѣ битвы при Левктрѣ, Эпаминондъ двинулся въ Пелопоннесъ и приблизился къ безстѣнной лаконской столицѣ, въ теченіе пяти вѣковъ невидавшей такъ близко непріятеля. Спарта впала въ тяжкое положеніе. Аркадяне, Аргивцы и другіе союзники ея пристали къ Ѳиванцамъ; въ городахъ періэковъ обнаружилось опасное волненіе; вѣрность Илотовъ была сомнительна. Но въ этомъ страшномъ положеніи вполнѣ выказались спартанское величіе и военный талантъ Агесилая. Превосходныя оборонительныя мѣры престарѣлаго царя и твердость Спартанцевъ, которымъ помогали даже жены и дѣти, отклонили Эпаминонда отъ прямаго нападенія. Опустошительно прошедши Лакедемонскую область до самаго южнаго берега, онъ возвратился въ Элладу (369), принужденный къ тому стужею и недостаткомъ продовольствія. Но еще прежде своего отступленія искупилъ онъ великодушно давнюю несправедливость. Онъ призвалъ къ свободѣ Мессенцевъ, этихъ жертвъ политики, основанной на взаимной враждѣ національностей, отдалъ возвратившимся потомкамъ древнихъ обитателей Мессеніи землю ихъ отцовъ (§ 68) и заложилъ городъ Мессену, которому служила крѣпостью пропитанная кровью горная вер-

шина Итоме (§ 86). Вообще кроткій и гибкій характеръ Мессенцевъ оказался однако до того недоступнымъ и замкнутымъ для чужеземнаго вліянія, что они, въ теченіе почти трехсотъ-лѣтней своей разрозненной жизни, сохранили во всей чистотѣ дорійскій языкъ и нравы. Возстановленіе Мессеніи было настоящимъ смертельнымъ ударомъ для Спарты.— По возвращеніи ѳиванскаго войска, завистливая противная партія обвинила беотарховъ [1] въ томъ, что они долѣе занимали свои должности, чѣмъ положено закономъ. Тогда Эпаминондъ, на котораго сослались другіе военачальники, сказалъ судьямъ: «Я нарушилъ букву закона и заслужилъ смертную казнь. Но напишите на моей могилѣ: Этотъ человѣкъ побѣдилъ при Левктрѣ, ходилъ до самой Спарты къ страшному врагу и возстановилъ Мессенію. Онъ заплатилъ за это жизнію, потому что нарушилъ законъ для общей пользы.» Судьи онѣмѣли, и даже не приступали къ подачѣ голосовъ.— Съ того времени Ѳиванцы господствовали въ Греціи; они снова предпринимали походы въ Пелопоннесъ и даже, при помощи Персовъ, принудили Аѳинянъ отказаться отъ новоприобрѣтенной ими гегемоніи на морѣ. Но вскорѣ у Ѳиванцевъ стали оспоривать первенство нѣкоторые воинственные князья Ѳессаліи и вновь образовавшееся союзно-демократическое государство въ Аркадіи, столицею котораго былъ Мегалополь. Въ борьбѣ съ первыми геройски палъ отважный Пелопидъ (364), и Беотійцы должны были удовольствоваться непрочнымъ миромъ и наружною покорностію, а безпокойное союзное государство въ Аркадіи,—которое сначала состояло въ дружбѣ съ Ѳиванцами, но потомъ, въ своемъ высокомѣріи, само стремилось къ преобладанію и по дикой склонности къ хищничеству и войнѣ покорило заповѣдную область Элиду, завладѣвъ даже священнымъ храмомъ и сокровищемъ въ Олимпіи, — эта неугомонная республика неод-

[1] Представители независимыхъ государствъ, входившихъ въ составъ беотійскаго союза. Они назначались на одинъ годъ; произвольное продленіе ими своей власти наказывалось смертью. Каждое изъ союзныхъ государствъ присылало одного беотарха, но Ѳивы имѣли двоихъ. Беотархи засѣдали въ Ѳивахъ, предводительствовали на войнѣ, наблюдали интересы своихъ городовъ и завѣдывали внѣшними сношеніями союза.

нократно заставляла Эпаминонда ходить въ Пелопоннесъ. Вскорѣ Аркадяне раздѣлились на партіи, вслѣдствіе чего одни изъ нихъ примкнули къ Лакедемонцамъ, другіе искали защиты у Ѳивъ. Тогда Эпаминондъ въ четвертый разъ явился на полуостровѣ съ войскомъ и снова подошелъ къ пораженной ужасомъ столицѣ Лаконіи; Спартанцы, руководимые Агесилаемъ, собрали всѣ свои силы и, поддерживаемые Аѳинами и Аркадскими аристократами, выступили противъ ѳиванскаго полководца. Кровопролитная битва при Мантинеѣ (362) кончились въ пользу Ѳиванцевъ, но побѣда досталась имъ дорого: они лишились Эпаминонда. Раненный копьемъ въ грудь, онъ только тогда позволилъ вынуть его изъ раны, когда узналъ о пораженіи непріятеля, и потомъ испустилъ свой геройской духъ. Въ слѣдующемъ (361) году скончался и 80-лѣтній Агесилай, свидѣтель высшаго могущества и глубочайшаго упадка Спарты, по возвращеніи изъ одной смѣлой экспедиціи въ Египетъ. — По всеобщей вялости, наступившей съ тѣхъ поръ въ Греціи, миръ, заключеніе котораго совѣтовалъ умирающій Эпаминондъ, сдѣлался необходимостію. Правда, Аѳины еще пытались, въ такъ-называемой Союзнической войнѣ, снова подчинить себѣ отпавшія морскія государства; но послѣднія, при помощи карійскаго царя Мавзола, оказывали сильное сопротивленіе, пока угрозы Персіи не отклонили разслабленную демократическую республику отъ всякихъ дальнѣйшихъ завоевательныхъ попытокъ; Аѳиняне отказались отъ преобладанія на морѣ и тѣмъ больше способствовали къ тому, что состоящая изъ однѣхъ свободныхъ республикъ Греція отнынѣ стала походить на разорванное тѣло, и что изъ всѣхъ государствъ ни одно уже не могло предъявить неоспоримаго притязанія на гегемонію. Только Самосъ оставался еще во власти Аѳинянъ, которые поселили тамъ клерухію.

Древніе обитатели Ѳессаліи, пеласгическаго происхожденія, были покорены воинственными пришельцами и (подобно лакедемонскимъ періэкамъ) обращены въ крѣпостныхъ поселянъ (пенестовъ). Но и покорители ихъ не рѣдко становились рабами въ отношеніи къ нѣкоторымъ главамъ (династамъ) знатныхъ родовъ, которые съ помощію наемниковъ и тѣлохранителей насильственно присвоивали себѣ

власть надъ значительными городами. Изъ нихъ сильнѣйшими были Язонъ ферейскій, а по убіеніи его семью страстными къ свободѣ юношами (370), племянникъ его Александръ. Послѣдній, достигнувъ этого сана посредствомъ убійства, закрѣпилъ свою власть ужаснѣйшими жестокостями, которыя онъ позволялъ себѣ безъ всякой совѣсти, вопреки божескимъ и человѣческимъ законамъ, относительно цѣлыхъ городскихъ общинъ, какъ и относительно отдѣльныхъ лицъ. Призванный угнетеннымъ народомъ на помощь противъ безчеловѣчнаго тиранна, Пелопидъ дважды ходилъ въ Θессалію, разрѣшилъ въ первомъ походѣ споръ о македонскомъ престолѣ (при чемъ отвезъ въ Θивы, въ качествѣ заложниковъ, юнаго Филиппа съ 30 знатными Македонцами), но на обратномъ пути былъ взятъ въ плѣнъ Александромъ и по прошествіи нѣкотораго времени не безъ труда получилъ свободу, благодаря уму и храбрости Эпаминонда (369). При второмъ походѣ противъ Александра, Пелопидъ палъ въ выигранной имъ битвѣ при Фарсалѣ. Въ промежуткѣ между этими двумя походами онъ ѣздилъ посломъ въ Персію, куда обращались также Спарта и Аѳины. Персидскій дворъ, гдѣ славныя дѣла его и полный достоинства, привлекательный характеръ доставили ему особенное уваженіе, старался (369) возобновить Анталкидовъ миръ и устроить дѣла такъ, чтобъ Спарта возстановила Мессенію, Аѳины— отказались отъ новоприобрѣтенной гегемоніи на морѣ, а Θиванцы сдѣлались блюстителями этого мира на мѣсто Спартанцевъ. Но для такой роли недоставало Θивамъ ни нравственныхъ, ни физическихъ силъ, какъ ни старался Эпаминондъ поднять и тѣ и другія, и заведеніемъ флота доставить Θивамъ даже господство на морѣ. Распаденіе всѣхъ греческихъ союзныхъ государствъ и постоянныя войны между ними, для прекращенія которыхъ Эпаминондъ былъ вынужденъ четыре раза ходить въ Полопоннесъ, доказали, что прошла пора сильной гегемоніи одного греческаго государства надъ другими. При такой политической разрозненности и необузданности, характеры все болѣе и болѣе дичали. Въ то время безъ всякой совѣсти разрушали города, опустошали цѣлыя области, насильственно отмѣняли коренные законы и уложенія, плѣнныхъ убивали или продавали съ молотка, неуважали никакой святыни и умерщвляли другъ друга предъ алтарями боговъ. При этомъ, замѣчаетъ Исократъ, господствовала такая глубокая недовѣрчивость, что собственныхъ согражданъ опасались больше чѣмъ непріятеля.

III. МАКЕДОНСКАЯ ПОРА.

1. Филиппъ Македонскій (361—336).

§ 107. На сѣверъ отъ Греціи лежитъ суровая горная страна Македонія (§ 51), населеніе которой состояло изъ помѣси народовъ разнаго происхожденія; между ними были и нѣкоторыя пеласгическія и греческія племена. Послѣднія жили въ древней мѣстности Эмаѳіи съ главнымъ городомъ Эдессой, въ послѣдствіи названнымъ Эга, первоначальнымъ мѣстопребываніемъ македонскихъ царей, производившихъ свой родъ отъ Гераклидовъ въ Аргосѣ. Македонцы сначала жили на лѣсистыхъ высотахъ Скардійскаго хребта, откуда постепенно спускались въ долину Аксія и къ морскому побережью, и расширили свое царство на востокъ до Стримона и на югъ до Камбунійскихъ горъ и Олимпа. Война, охота и скотоводство были единственными занятіями дикихъ, суровыхъ горцевъ, которые являлись на бой, подъ водительствомъ своихъ племеначальниковъ, большею частію на конѣ, уважали только того, кто умѣлъ сразить врага, и которыхъ знатные роды прерывали простую, однообразную жизнь шумными попойками, воинскими играми и пышными пирами. Съ храбростью соединяли Македонцы хитрость и лукавство. Принужденные нѣкоторое время платить дань Персамъ, они умѣли воспользоваться побѣдами Грековъ, чтобы свергнуть чужеземное иго, и Александръ I (498 — 454), приставшій то къ Персамъ, то къ Грекамъ, истребилъ часть персидскаго войска, бѣжавшаго чрезъ Македонію послѣ битвы при Платеѣ. Вѣсть о предстоявшемъ нападеніи, сообщенная имъ спартанскому полководцу въ ночь передъ рѣшительнымъ боемъ, существенно содѣйствовала побѣдѣ Павсанія. Рядъ умныхъ царей (которые, подобно греческимъ царямъ патріархальныхъ временъ, пользовались большимъ уваженіемъ, какъ предводители войска, верховные жрецы и судьи), въ особенности умный Пердиккъ II (ок. 425 г.) и Архелай (413 — 399), любитель эллинской образованности и поэзіи, у котораго жилъ Эврипидъ и для котораго живописецъ Зевксисъ украсилъ произведеніями искусства дворецъ и храмъ въ Пеллѣ, значительно приблизили Македонію къ образованной Греціи чрезъ введеніе греческаго военнаго устройства и греческихъ учрежденій; но свобода и политическое равенство всѣхъ гражданъ уже потому не

получили такого широкаго развитія, какъ въ Греціи, что корень и сущность греческой образованности не были достояніемъ македонскаго народа: только внѣшнею своею утонченностію коснулась эта образованность высшихъ классовъ и особенно придворнаго міра въ Македоніи. Архелаю, убитому на охотѣ двумя обиженными имъ любимцами, наслѣдовалъ Аминтъ II (399 — 369); въ тридцатилѣтнее правленіе его раздоры за престолъ, неурядица и внутреннія смуты привели Македонію на край гибели. Онъ не только поплатился своею столицею Пеллой въ войнѣ съ новымъ союзнымъ государствомъ Олинѳянъ (§ 104), пока съ помощію Спартанцевъ не занялъ ее снова, но боролся также противъ воинственныхъ Иллирійцевъ и македонскихъ горцевъ, помогавшихъ одному претенденту, и могъ удержать за собою власть только при помощи ѳессалійской знати. Неурядица продолжалась и по смерти Аминта; придворныя интриги, споры за престолъ и убійства въ царской фамиліи до того помутили страну, что то Ѳиванцы, то Ѳессалійцы должны были являться тамъ въ качествѣ судей и возстановителей порядка. Двое старшихъ сыновей Аминта умерли послѣ кратковременнаго правленія: старшій, Александръ II (369—368), былъ убитъ своимъ шуриномъ Птолемеемъ по наущенію своей преступной, коварной мачихи Эвридики, второй— Пердиккъ III (368 — 360) палъ въ несчастной битвѣ съ Иллирійцами и горцами. Въ такихъ обстоятельствахъ, когда внѣшніе враги и внутренніе раздоры угрожали націи гибелью, власть перешла къ младшему сыну Аминта Филиппу, человѣку, вполнѣ способному захватить въ свои руки спорное послѣ Мантинейской битвы первенство въ Греціи. Онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ заложникомъ въ Ѳивахъ (368 — 365) и какъ здѣсь, такъ и въ другихъ городахъ Греціи, познакомился съ духомъ, нравами и образованностью Эллиновъ. Оттого онъ постоянно любилъ и поощрялъ греческое образованіе и его поборниковъ, хотя во всемъ остальномъ придерживался обычаевъ своего народа и даже раздѣлялъ склонность къ пьянству благодарнаго сословія въ Македоніи. Съ умомъ, хитростію и ловкостію государственнаго человѣка Филиппъ соединялъ таланты полководца, дѣятельность и выдержку воина, великодушіе и щедрость властелина царской крови. Побѣжденнымъ народамъ оставлялъ онъ ихъ обычаи и учрежденія и тѣмъ давалъ имъ меньше чувствовать утрату свободы. Съ превосходнымъ войскомъ его, изъ тяжело вооруженныхъ пѣхотинцевъ, ловкихъ конниковъ и храброй гвардіи, сражавшимся для славы и народной чести,

не могло сравниться никакое наемное войско. Его пѣхота, вооруженная длинными копьями, мечами и большими щитами, составляла такъ-называемую фалангу, которая, какъ бы ни казалась она недостаточною по нашимъ понятіямъ, въ то время имѣла огромное вліяніе по своей новизнѣ и по непривычности къ ней другихъ войскъ. Располагая значительными богатствами, онъ умѣлъ достигнуть своихъ цѣлей столько же путемъ ловкаго подкупа, сколько военнымъ счастіемъ: хитрость и лукавство, не отступавшія даже передъ вѣроломствомъ, помогали ему пользоваться всевозможными выгодами.

а) время священныхъ войнъ.

§ 108. Счастіе доставило Филиппу македонскій престолъ именно въ то время, когда Греки, вслѣдствіе нравственнаго упадка, междоусобій и изнѣженности, стали недостойны республиканской свободы, которая возможна лишь при нравственной доблести, простотѣ и чистотѣ нравовъ. Ѳиванцы, всегда уступавшіе остальнымъ Эллинамъ въ образованности и высшихъ стремленіяхъ, все болѣе и болѣе развращались въ счастіи; мущины стали упрямы, дерзки и грубы въ обращеніи; воинская энергія и отвага не могли устоять противъ бражничанья и грубыхъ чувственныхъ наслажденій; и хотя «прекрасныя и почтенныя женщины и дѣвушки водообильной столицы, окруженной садами, лужайками и травянистыми холмами, по прежнему носили свои бѣлыя, доходившія до глазъ покрывала и закрѣпляли на маковкѣ свои бѣлокурые волосы», за то новому поколѣнію миловидныхъ, привѣтливыхъ Ѳивянокъ, усвоившихъ себѣ болѣе свободное обращеніе юга, недоставало строгаго воспитанія и нравственности, народной гордости и достоинства. Аѳиняне предавались чувственнымъ удовольствіямъ и расточали государственный доходъ на то, чтобы блеснуть мишурною выказною пышностью; въ Спартѣ господствовало невыносимое неравенство правъ и состояній съ тѣхъ поръ, какъ упомянутый выше законъ Эпитадея (между 400 и 350 г.) призналъ государственныя имущества частными и предоставилъ на волю каждаго гражданина завѣщать или дарить свою собственность (участокъ, клеросъ). Но главнымъ источниковъ золъ было все болѣе и болѣе возраставшее наемничество, которое искореняло — въ

однихъ патріотизмъ, въ другихъ воинскую отвагу. Въ государствахъ уже не существовало ни благородства, ни добродѣтели, ни права; свобода стала необузданностію, сила — наглостію, вѣрность была продажна. — Едва успѣлъ Филиппъ, счастливыми войнами противъ Иллирійцевъ и Ѳракійцевъ, расширить свои владѣнія на востокъ и на западъ, покорить греческіе города Амфиполь и Потидею и заложить близь перваго изъ нихъ, въ мѣстности, богатой древними золотоносными рудниками, на отвѣсной высотѣ, крѣпость Филиппы, какъ Священныя войны (355 — 346) уже доставили ему желанный поводъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Греціи. Именно, Ѳиванцы хотѣли воспользоваться своимъ перевѣсомъ для покоренія сосѣдней Фокиды, гдѣ вольные горожане и поселяне съ незапамятныхъ временъ составляли свободный городовой союзъ. Съ этою цѣлью Ѳиванцы употребили въ дѣло дельфійскій союзъ Амфиктіоновъ (§ 64), передъ судомъ котораго обвинили Фокеянъ въ томъ, что они завладѣли нѣкоторыми храмовыми участками земли, обложенными издревле проклятіемъ, и стали обработывать ихъ. Амфиктіоновъ судъ, совершенно втянутый въ интересы Ѳиванцевъ голосами многихъ мелкихъ членовъ союза, приговорилъ Фокеянъ къ тяжкой денежной пенѣ, и когда они отказались внести сумму, далеко превышавшую средства бѣднаго края, судъ предалъ ихъ проклятію и поручилъ исполненіе своего приговора Ѳиванцамъ. Тогда воинственные Фокеяне сильно отомстили изнѣженнымъ, преданнымъ сластолюбію Дельфійцамъ, которые по ненависти къ этой сосѣдней странѣ преимущественно содѣйствовали ея осужденію. Фокеяне заняли городъ Дельфы и обложили жителей тяжкими повинностями и поборами; потомъ овладѣли богатымъ храмомъ, забрали хранившіяся въ немъ сокровища и на эти деньги завели большое наемное войско, съ которымъ въ теченіе десяти лѣтъ удачно отражали всѣ нападенія непріятеля и даже покорили нѣкоторые беотійскіе города. Страшно свирѣпствовалъ мстительный мечъ суровыхъ Фокеянъ и ихъ разбойничьихъ шаекъ, которыя нашли себѣ энергическихъ вождей въ лицѣ двухъ братьевъ Филомела и Ономарха, и твердую точку опоры въ скалистомъ храмовомъ городѣ Дельфахъ. Эти неу-

дачи побудили Ѳиванцевъ призвать на помощь македонскаго царя, который уже усилилъ свое могущество во время греческой безрядицы и счастливыми войнами расширилъ свое царство во всѣ стороны. Филиппъ принялъ приглашеніе, сначала покорилъ состоявшую въ союзѣ съ Фокеянами Ѳессалію, и потомъ черезъ Ѳермопильскій проходъ вторгнулся въ Фокиду (352). Ономархъ былъ убитъ въ сраженіи и трупъ его пригвожденъ Македонцами къ кресту; три тысячи плѣнныхъ были утоплены, какъ виновные въ святотатственномъ разграбленіи храма; Филомелъ еще за годъ передъ тѣмъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, бросившись съ отвѣсной скалы послѣ битвы при Неонѣ (353), чтобы не попасть въ руки непріятеля. Послѣ мужественнаго сопротивленія, Фокеяне принуждены были сдаться на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Какъ преданные проклятію, они были исключены изъ Амфиктіонова союза, и мѣсто ихъ занялъ Филиппъ (346), принявшій на себя роль защитника боговъ и увѣнчавшій солдатъ своихъ лавромъ пиѳійскаго Аполлона; города Фокиды были срыты; жители отчасти выселились, отчасти были отведены въ рабство; оставшіеся на мѣстѣ были обложены данью. Отнынѣ Филиппъ считался уже Эллиномъ, онъ сталъ участвовать въ союзѣ Амфиктіоновъ и въ олимпійскихъ играхъ, и безпрерывно раздорившіе Греки избирали «благочестиваго» защитника Аполлонова святилища и оракула своимъ посредникомъ во всѣхъ внутреннихъ несогласіяхъ.

«Священная война» имѣла самыя гибельныя послѣдствія не для однихъ Фокеянъ, которые, будучи грубы отъ природы, все болѣе и болѣе дичали подъ вліяніемъ продолжительной борьбы и сближенія съ варварскимъ наемнымъ войскомъ. Соединенное съ войною ограбленіе храма и поруганіе народной святыни окончательно искоренили въ греческихъ сердцахъ всякое богопочтеніе. Золотые сосуды, вѣнки и неоцѣнимыя художественныя произведенія попали въ руки дикихъ наемниковъ и ихъ предводителей, которые отчасти раздарили ихъ продажнымъ людямъ, отчасти же самымъ низкимъ образомъ барышничали ими. Умноженіе денегъ, вслѣдствіе обращенія разграбленной святыни въ монету, усилило и безъ того господствовавшую распущенность и безнравственность, а погибель храмовой казны, служившей складочнымъ банкомъ и биржею, нанесла чувствительный ударъ

торговымъ дѣламъ и общественному кредиту и способствовала скопленію денегъ въ рукахъ ростовщиковъ и мѣнялъ.

Съ тѣхъ поръ Филиппъ быстро продолжалъ расширять предѣлы своего царства. Еще во время фокейской войны онъ завоевалъ и разрушилъ до основанія Торону и другіе греческіе города въ Халкидикѣ; потомъ, послѣ трехлѣтней осады, силою и измѣной принудилъ къ сдачѣ (348) богатый городъ Олинѳъ, который могъ выставить въ поле 10,000 тяжело-вооруженныхъ пѣхотинцевъ и 1,000 конниковъ, обратилъ городъ въ груду развалинъ, а гражданъ и прочихъ жителей отчасти продалъ въ рабство, отчасти переселилъ въ отдаленныя мѣста Ѳракіи; вскорѣ была взята имъ Амвракія (342) и обладаніе ею упрочено введеніемъ македонскаго гарнизона; греческіе города по морскому берегу были покорены окончательно; часть жителей ихъ переселена во внутренность страны, а Македонцы и варвары водворены въ этихъ пріютахъ эллинской образованности; ѳракійскіе князья, особенно союзникъ Аѳинянъ Керсовлептъ, были принуждены подчиниться Филиппу, который теперь задумалъ проложить себѣ дорогу къ побережью Геллеспонта и Пропонтиды завоеваніемъ Византіи и Перинѳа (Гераклеи). Но послѣднее предпріятіе неудалось. Одушевленный патріотизмомъ ораторъ Демосѳенъ убѣдилъ Аѳинянъ помочь утѣсненнымъ городамъ, и при содѣйствіи Родоса, Хіоса и Митилены, Аѳиняне оказали имъ такую сильную помощь съ моря, что Филиппъ наконецъ долженъ былъ снять осаду (340).

б) ДЕМОСѲЕНЪ И ЭСХИНЪ.

§ 109. Въ то время въ Аѳинахъ процвѣтало краснорѣчіе (риторика), развитію котораго особенно содѣйствовалъ Исократъ, отчасти собственнымъ примѣромъ, — сочиненіемъ рѣчей, служившихъ образцомъ по отдѣлкѣ формы и изяществу языка, отчасти преподаваніемъ и наставленіемъ, указывая въ своей школѣ краснорѣчія, основанной для образованія государственныхъ людей, на жизнь общественную, управленіе государствомъ и суды, какъ на лучшее поприще для ораторскаго таланта. Знаменитѣйшимъ изъ учениковъ его былъ Демосѳенъ, съ самой юности такъ настойчиво стремившійся къ своей цѣли, что съумѣлъ невѣроятнымъ усиліемъ

воли преодолѣть природныя препятствія и усвоить себѣ рѣчь и мимику настоящаго оратора. Никто не обладалъ въ такой степени даромъ возбуждать вниманіе, увлекать и одушевлять слушателей; живость рѣчи, переходы отъ серьёзнаго къ шуткѣ, ѣдкія насмѣшки (сарказмы) и остроумные обороты,—все служило ему оружіемъ. Всего важнѣе его рѣчи, посвященныя государственнымъ дѣламъ, особенно двѣнадцать рѣчей противъ Филиппа (филиппики), изъ которыхъ четыре называются олинѳскими. Этими рѣчами старался онъ возбудить Аѳинянъ къ борьбѣ съ македонскимъ царемъ и къ поддержкѣ воюемыхъ имъ государствъ, особенно Олинѳянъ, выставляя гибель Греціи конечною цѣлью его предпріятій. Оттого Демосѳенъ считался главою патріотической партіи, стремившейся къ сохраненію древней республиканской свободы и доблести, между тѣмъ какъ великій противникъ его Эсхинъ стоялъ во главѣ македонской партіи и полагая, что силы Аѳинянъ недостаточны для противодѣйствія Филиппу, что это противодѣйствіе можетъ только испортить дѣло, былъ такимъ же жаркимъ защитникомъ македонскаго царя, какъ Демосѳенъ—его противникомъ. Когда Аѳинскій сенатъ рѣшилъ поднести Демосѳену золотой вѣнокъ, за то что онъ своимъ краснорѣчіемъ склонилъ Аѳинянъ послать флотъ на помощь осажденной Филиппомъ Византіи и тѣмъ спасъ этотъ городъ, Эсхинъ въ блестящей рѣчи старался объ отмѣнѣ этого рѣшенія, оспоривая заслуги Демосѳена. Это подало поводъ послѣднему, въ своей неподражаемой защитительной рѣчи «За вѣнокъ» (pro corona), такъ одолѣть своего противника, что тотъ подвергнулся наказанію и, съ горя переселясь на островъ Родосъ, основалъ тамъ школу краснорѣчія. Демосѳенъ—истинно трагическій характеръ. Онъ видитъ, что порча распространяется въ дорогомъ ему отечествѣ и, не смотря на всѣ свои усилія, не можетъ устранить ее; онъ понимаетъ свѣтлымъ умомъ своимъ средства и пути къ спасенію, но ослѣпленный народъ безразсудно отвергаетъ мудрые совѣты. Какъ глубокомыслѣнный политикъ, какъ гражданинъ, исполненный самаго чистаго патріотизма, какъ ораторъ, одаренный всепобѣждающею силою слова, ибо слова его дышали благороднымъ убѣжденіемъ, лились изъ глубины души, Демосѳенъ былъ красою своего роднаго города въ эпоху всеобщаго нравственнаго упадка и вялости. Скорбь о безнравственности современниковъ, объ утратѣ древней гражданской доблести и любви къ свободѣ сообщаетъ рѣчамъ его серьёзный, мрачный характеръ и нерѣдко грустный тонъ. Смѣлость Демосѳена, вступившаго въ борь-

бу съ сильнымъ Филиппомъ при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, среди нерѣшительнаго, отвыкшаго отъ военной службы народа, доказываетъ его нравственное величіе и высокое, способное на всякія жертвы одушевленіе. Примѣръ его и личное вліяніе произвели то, что и у Аѳинянъ въ его время видно было болѣе воспріимчивости къ высшимъ идеямъ, что, хотя не надолго, возвратилось къ нимъ прежнее благородное настроеніе и голосъ своекорыстія умолкъ передъ общими пользами отечества. Даже бѣднѣйшій классъ народа пожертвовалъ, по предложенію Демосѳена, давно получаемою имъ праздничною выдачей (ѳеориконъ) въ пополненіе денежныхъ суммъ, необходимыхъ для снаряженія новаго флота; а когда наконецъ дѣло дошло до рѣшительной борьбы, то Аѳиняне не удовольствовались высылкою въ поле однихъ наемниковъ, но одушевленное Демосѳеномъ, взялось за оружіе и младшее поколѣніе самихъ гражданъ.

Ораторы Аттики. Въ общественномъ быту демократической республики краснорѣчіе необходимо для каждаго государственнаго человѣка; вотъ почему знаменитѣйшіе государственные люди древности, Ѳемистоклъ и Периклъ, были вмѣстѣ и блестящіе народные ораторы. Но краснорѣчіе ихъ было даромъ природы, они говорили по большой части не заученными рѣчами, а подъ наитіемъ данной минуты (импровизаціей), талантъ ихъ былъ самородный, слова естественны, просты и безъ прикрасъ, цѣлію ихъ было только убѣдить, уговорить, увлечьслушателей. Когда съ возрастающимъ распространеніемъ политическихъ правъ на низшіе классы публичная государственная и судебная жизнь принимала все бо̀льшіе размѣры и краснорѣчію вмѣстѣ съ тѣмъ открывалось все обширнѣйшее поприще, тогда многіе, желая посвятить себя общественной жизни, старались замѣнить недостатокъ природнаго дара слова краснорѣчіемъ искусственнымъ. На помощь этому стремленію первые явились софисты, особенно Сициліецъ Горгій, аѳинскій старожилъ. Они-то выработали то соблазнительное искусство, которое до сихъ поръ носитъ названіе софистическаго и которое преимущественно состоитъ въ томъ, чтобы опутать, приковать вниманіе слушателей и направлять ихъ мысли по произволенію, съ помощью тонкой діалектики, основанной на хитрыхъ изворотахъ, мнимой истинѣ и обманчивыхъ доводахъ, и съ помощью вылощенной риторики, полной антитезъ, фигуръ и неожиданныхъ переходовъ рѣчи. Огромная прибыль, какую получали отъ этого искусства Горгій, Гиппій, Протагоръ, Продикъ и др.,

привлекла въ Аѳины даровитыхъ и образованныхъ риторовъ со всѣхъ концовъ греческаго міра, особенно изъ Сициліи и нижней Италіи, тогдашняго пріюта словесныхъ искусствъ. Слѣдствіемъ было то, что съ этихъ поръ риторика сдѣлалась главнымъ предметомъ изученія и обработки и что риторство (витійство) нашло себѣ мѣсто не только въ политическихъ и судебныхъ рѣчахъ, но во всѣхъ отрасляхъ литературы: Еврипидъ ввелъ его въ трагедію, а Ѳукидидъ въ историческое повѣствованіе; оттого вся позднѣйшая литература Грековъ постоянно носитъ на себѣ риторскій оттѣнокъ. — Прилежное собирательство александрійскихъ ученыхъ сберегло намъ рѣчи десяти аттическихъ ораторовъ. Изъ числа ихъ Андокидъ (468—ок. 394) сохраняетъ еще наиболѣе старинной простоты и безхитростнаго краснорѣчія, тогда какъ современникъ его Антифонъ (479—411), учитель историка Ѳукидида (казненный по приговору четырехсотеннаго совѣта въ Пелопоннесскую войну за участіе въ ниспроверженіи демократическихъ учрежденій), пошелъ уже путемъ позднѣйшихъ риторовъ, учредивъ особую школу краснорѣчія и занимаясь сочиненіемъ судебныхъ рѣчей по заказу. Тоже дѣлалъ Лизій (458—378), который будучи родомъ изъ Сиракузъ, основался было по приглашенію Перикла въ Аѳинахъ, потомъ отправился въ 444 г. съ аттическою колоніей въ Туріи, въ нижней Италіи, усовершенствовался здѣсь въ своемъ искусствѣ, и наконецъ возвратясь въ Аѳины, открылъ тамъ школу краснорѣчія и писалъ за деньги рѣчи на заказъ. Въ рѣчахъ его, числомъ до нѣсколькихъ сотъ, изъ которыхъ только 32 дошли до нашего времени, хвалятъ чистоту и ясность языка, отсутствіе преувеличеннаго паѳоса, наглядную изобразительность, простой и вмѣстѣ изящный слогъ, но съ другой стороны находятъ въ нихъ какую то сухость. Его «Эпитафій» въ честь павшихъ на войнѣ (подлинность этого Эпитафія однакожъ многими оспоривается) принадлежитъ къ разряду похвальныхъ и пышныхъ рѣчей, называемыхъ панегириками, которыя потомъ стали болѣе и болѣе входить въ обычай. По низверженіи тридцати тирановъ, Лизій возвратился въ Аѳины вмѣстѣ съ Ѳрасивуломъ, сторону котораго онъ держалъ. — Съ тѣхъ поръ ораторская рѣчь рѣшительно приняла искусственное направленіе, чему не мало содѣйствовало развитіе театра съ его мимикой и жестикуляціей и возрастающее число дипломатическихъ дѣлъ и обсужденій, которыми часто рѣшались судьбы греческихъ державъ. Главою этихъ ораторовъ, отличавшихся выточкою слога, совершен-

ствомъ построенія періодовъ и благозвучностію языка, былъ Аѳинянинъ Исократъ (436—338), который послѣ битвы при Херонеѣ, будучи уже 98-лѣтнимъ старцемъ, уморилъ себя съ голода, чтобы не пережить утраты греческой независимости. Изъ числа 21 рѣчи Исократа, всѣхъ знаменитѣе его похвальное слово (панегирикъ) Аѳинянамъ, произнесенное въ доказательство того, что переданная Спартанцамъ по Анталкидову миру гегемонія (§ 103) принадлежитъ по праву не имъ, а Аѳинянамъ, и вмѣстѣ для увѣщанія послѣднихъ къ единодушію и къ начатію войны противъ Персовъ. Этотъ панегирикъ, надъ которымъ онъ трудился, говорятъ, десять лѣтъ, — мастерское произведеніе стилистики; ему притомъ нельзя отказать ни въ энергіи, ни въ высокомъ патріотизмѣ, однакожь должно признаться, что не смотря на то, онъ ни мало не трогаетъ читателя. Художественная постройка періодовъ, разстановка словъ и предложеній съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ къ благозвучію, гармонія всѣхъ частей, простирающаяся даже на отдѣльные слоги, постоянное соблюденіе размѣра и паденія, при чемъ однакожь прозаическая рѣчь ни сколько не вдается у него въ стихотворную форму, — вотъ главныя преимущества, за которыя Исократъ сталъ предметомъ удивленія и подражанія для древности. При всемъ стилистическомъ и художническомъ совершенствѣ онъ все-таки былъ ораторъ безъ глубины содержанія и собственно безъ практическихъ цѣлей, хотя его стремленіе связать риторику съ вопросами современной жизни безспорно заслуживаетъ уваженія.—Изей (ок. 420—348),—ученикъ Лизія и Исократа, глава риторской школы и поставщикъ заказныхъ рѣчей, какъ и они,—старался подобно послѣднему выводить риторство изъ школы на поприще публичной жизни и въ своихъ одиннадцати судебныхъ рѣчахъ, соединяющихъ силу и достоинство языка съ изящною отдѣлкой, прямо указалъ ему практическую цѣль. — Демосѳенъ (385—322), сынъ почтенныхъ и довольно богатыхъ родителей средняго класса, лишившійся большей части своего наслѣдства по милости безсовѣстныхъ опекуновъ, воспользовался съ такимъ успѣхомъ наставленіями Исократа и Изея, что донынѣ остается недостижимымъ образцомъ политическаго краснорѣчія. Его трудъ ническое прилежаніе удивительно не менѣе его таланта, его высоко-патріотическаго направленія и нравственнаго величія его души. Этого величія и благородства вовсе недоставало противнику его Эсхину (389—314), который, по общему мнѣнію, былъ подкупленъ

Филиппомъ, а между тѣмъ такъ близко подходилъ къ Демосѳену необыкновеннымъ даромъ краснорѣчія. Въ трехъ дошедшихъ до насъ рѣчахъ видно великое мастерство Эсхина обрисовывать характеры, нравы и страсти; надо притомъ замѣтить, что отъ его прежняго сценическаго поприща у него сохранилась большая ловкость въ декламаціи и мимикѣ. Единомышленникомъ Эсхина былъ другой аѳинскій ораторъ и политикъ Демадъ, отъ котораго не уцѣлѣло впрочемъ ни одной рѣчи, вѣроятно потому, что онъ не писалъ ихъ, а импровизировалъ. Даровитый ораторъ и дѣлецъ, но человѣкъ развратный, расточительный и подкупный, онъ кончилъ свою бурную жизнь тѣмъ, что по повелѣнію Антипатра былъ казненъ за предательскія козни и крамолы (319). — Другой ученикъ Исократа былъ Аѳинянинъ Ликургъ (408—323), подобно Демосѳену и Гипериду, одинъ изъ главныхъ противниковъ Филиппа. Его сохранившаяся рѣчь, не смотря на свой театральный оттѣнокъ, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ древняго витійства и заявляетъ нравственное достоинство того, кто неумолимой строгостью сдѣлалъ имя свое страшилищемъ для всѣхъ государственныхъ преступниковъ и казнокрадовъ. — Рядъ великихъ ораторовъ Аттики заключаетъ собою третій ораторъ-патріотъ, — Гиперидъ, человѣкъ съ большимъ талантомъ, но безъ нравственнаго достоинства и твердости, казненный по приказанію македонскаго намѣстника Антипатра въ 322 г.; однакожь нѣкоторые слѣды аттическаго краснорѣчія видны еще у Коринѳянина Динарха (361—292), послѣдняго, чье имя находимъ мы въ александрійскомъ сборникѣ, но и тотъ усвоилъ себѣ этотъ аттицизмъ, благодаря своему образованію въ Аѳинахъ.

в) ПАДЕНІЕ ГРЕЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ.

§ 110. До отбытія изъ Аѳинъ, Эсхину представился еще случай оказать важную услугу высокому покровителю своему Филиппу, который ласкою и дарами привлекъ его на свою сторону. На Амфисскихъ Локрійцевъ, какъ прежде на Фокеянъ, пало обвиненіе, что они присвоили себѣ и запахали полосу земли, посвященную Аполлону дельфійскому. Судъ амфиктіоновъ, при которомъ Эсхинъ былъ депутатомъ отъ Аѳинъ, обложилъ виновныхъ тяжкою денежною пенею (339), и какъ взноса пени не послѣдовало, то по предложенію Эсхина исполненіе приговора поручено было македонскому ца-

рію, какъ могущественнѣйшему изъ членовъ союза. Возвратясь изъ побѣдоноснаго похода на придунайскихъ Скиѳовъ, Филиппъ поспѣшилъ въ Грецію, покорилъ и наказалъ Амфиссу, а предметъ ссоры, Криссейское поле, отдалъ опять дельфійскому храму, но при этомъ неожиданно занялъ крѣпкій городъ Элатею, господствовавшій надъ проходомъ въ Беотію, а слѣдовательно и во всю Элладу. Этотъ произвольный шагъ встревожилъ Аѳинянъ среди ихъ беззаботности и доставилъ патріотическимъ рѣчамъ Демосѳена болѣе вліянія. Въ качествѣ аѳинскаго посла Демосѳенъ успѣлъ заключить союзъ съ Ѳивами и склонить ихъ къ вооруженію значительной военной силы. Но непривычныя, наскоро собранныя и дурно предводимыя войска не могли противостоять превосходно-обученной и опытной фалангѣ Македонянъ. Не смотря на храбрость ѳиванской священной дружины, которая вся легла въ этомъ побоищѣ, Филиппъ выигралъ Херонейскую битву (338) и тѣмъ положилъ конецъ свободѣ и независимости Греціи. Сынъ Филиппа, Александръ, будучи девятнадцатилѣтнимъ юношей, явилъ при Херонеѣ первые опыты своего военнаго генія и геройской отваги. Шатеръ его стоялъ на лѣвомъ берегу Кефисса, подъ однимъ дубомъ, который еще и въ Плутарховы времена (§ 222) носилъ имя великаго полководца. Впрочемъ македонскій царь, чтобы пріучить Грековъ къ своему владычеству, обошелся съ ними кротко и дружелюбно, особенно съ Аѳинянами, которые сильными вооруженіями и подготовкою большихъ оборонительныхъ средствъ обнаружили рѣшительное намѣреніе отразить съ древне-эллинскимъ героизмомъ нападеніе на свой городъ. Филиппъ тогда уже питалъ въ душѣ замыселъ выступить во главѣ всѣхъ греческихъ державъ противъ дряхлаго персидскаго царства и для этого (весною 337 г.) созвалъ въ Коринѳѣ народное собраніе, чтобы заключить подъ предводительствомъ Македоніи общій эллинскій міръ и союзъ, а за тѣмъ приступить къ подготовкѣ великаго похода. Уже избрали его неограниченнымъ вождемъ и опредѣлили, сколько каждому государству выставить войска, какъ вдругъ на великолѣпномъ брачномъ торжествѣ своей дочери въ Пеллѣ, въ Македоніи, Филиппъ былъ убитъ однимъ изъ окружавшихъ его тѣлохра-

нителей (Павсаніемъ), кто говоритъ изъ мести за личное оскорбленіе, кто — по внушенію пренебреженной Филиппомъ супруги, Олимпіи (336). Убійца, погибшій на мѣстѣ отъ руки раздраженныхъ солдатъ, не успѣлъ дать ни какихъ дальнѣйшихъ показаній; но Олимпія чтила его память и немедленно велѣла умертвить вторую жену Филиппа, Клеопатру, вмѣстѣ съ маленькимъ ея сыномъ.

Херонея. Всѣхъ павшихъ Ѳиване положили въ одну общую могилу, украшенную колоссальнымъ львомъ, котораго обломки сохранились до нашего времени. Вотъ въ какихъ сильныхъ чертахъ ораторъ Ликургъ изображаетъ общую ревность Аѳинъ, когда имъ грозило нашествіе Филиппа: «Ни одинъ возрастъ не уклонялся въ то время отъ спасенія отечества, — земля отдавала свои деревья, мертвые свои гробы, храмы — свое оружіе.» Рабовъ за боевую службу награждали свободою, иностранцамъ и припущенникамъ давали гражданскія права, выходцамъ и лишеннымъ чести возвращали всѣ преимущества, а бѣжавшихъ въ то время объявляли измѣнниками отечеству. На мѣсто вѣтреннаго, безнравственнаго Хареса, который былъ главнымъ вождемъ при Херонеѣ, выбрали въ военачальники честнаго Фокіона. Быть можетъ эта энергія и удержала Филиппа отъ вторженія въ Аттику. Но когда тамъ увидѣли, что непріятель долго нейдетъ, военный пылъ и патріотическое одушевленіе Аѳинянъ мало-по-малу охладѣли. — Тяжеле была участь Ѳивъ: онѣ принуждены были внести за своихъ убитыхъ и раненыхъ огромный выкупъ, передать верховную правительственную власть комитету изъ сторонниковъ македонской партіи, принять въ Кадмею македонскій гарнизонъ, многихъ приверженцевъ національной партіи казнить смертью или изгнаніемъ, расторгнуть беотійскій союзъ и возвратить покореннымъ городамъ свободу. Спарта, не хотѣвшая подчиняться приговору чуждаго посредника, должна была также заплатить за это опустошеніемъ своего побережья и потерею нѣсколькихъ мѣстечекъ и земель. Демосѳенъ, который вторично получилъ гражданскій вѣнокъ въ награду за союзъ, устроенный между Аѳинами и Ѳивами чрезъ его посредство, — Демосѳенъ, послѣ битвы при Херонеѣ, вызванъ былъ своими противниками къ суду, однакожь не только что оправданъ со всѣмъ почетомъ, но и удостоенъ порученія произнесть надгробное слово павшимъ при Херонеѣ, которыхъ прахъ Филиппъ велѣлъ препроводить въ Аѳины. Напротивъ, одинъ изъ

полководцевъ аѳинскихъ Лисиклъ, подвергся смертной казни за упущеніе своихъ обязанностей. Говорятъ, когда послѣ сраженія Филиппъ на побѣдномъ пиру выпилъ не въ мѣру и, выплясывая на полѣ битвы, издѣвался надъ Аѳинянами, то находившійся при немъ ораторъ Демадъ сказалъ: «Судьба дала тебѣ роль Агамемнона, а ты дурачишься какъ Ѳерситъ», и эти слова тотчасъ образумили Филиппа.

г) изящныя искусства грековъ.

§ 111. Отъ Перикла до смерти Александра изящныя искусства, — зодчество, ваяніе и живопись, — были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Врожденное Греку и питаемое въ немъ всѣмъ его окружавшимъ живое и глубокое чувство красоты, вмѣстѣ съ потребностью дать этому чувству внѣшнее выраженіе, — вотъ главныя причины, почему искусство у Эллиновъ получило такое значеніе, почему оно было такъ распространено и достигло такой высокой степени совершенства, что никогда, ни прежде, ни послѣ, не видимъ мы ничего подобнаго въ исторіи. Искусство въ Греціи срослось со всѣмъ бытомъ народнымъ; оно составляло нераздѣльную часть ея общественной жизни; художественный смыслъ былъ общимъ достояніемъ всѣхъ классовъ безъ изъятія. Греки только потому и являются такимъ дивногеніальнымъ художественнымъ народомъ, что искусство у нихъ не стояло особнякомъ, не было однимъ изъ духовныхъ направленій, занимавшимъ свое мѣсто на ряду съ другими ему равными, а напротивъ вся жизнь ихъ, ихъ религія, нравы, государство, ихъ образъ мыслей и образъ чувствъ, все у нихъ было проникнуто художественностью,— коротко сказать, сущность эллинства и сущность искусства были совершенно тожественны между собой въ своемъ глубочайшемъ корнѣ. Мало того, что великолѣпные храмы со множествомъ изваяній и идеальныхъ ликовъ небожителей открывали широкое поприще художественности и пластическому творчеству, у нихъ городскія зданія и театры, улицы и площади, колодцы и ворота, — все украшалось художественными произведеніями. Эллины не знали чѣмъ лучше почтить мужа, увѣнчаннаго славой или знаменитаго заслугами, какъ не сооруженіемъ ему статуи или поставленіемъ его бюста или герма, и каждый городъ искалъ своей собственной славы въ томъ, чтобы на его улицахъ и площадяхъ было поболѣе прекрасныхъ изваяній. Изящное тѣлосложеніе Грековъ, не искажаемое ни уродливою одеждой, ни модою, и изученіе нагаго тѣла въ разнообразнѣйшихъ положе-

ніяхъ, облегчаемое гимнастическими упражненіями въ общественныхъ школахъ, особенно благопріятствовали развитію пластики. — Три главные періода различаются въ греческомъ искусствѣ: 1) Время до Персидскихъ войнъ, когда священный или строгій стиль постоянно былъ въ немъ господствующимъ. У Грековъ, какъ и у жителей Востока, искусство первоначально служило религіи; ихъ древнѣйшіе лики боговъ, сдѣланные руками жреческихъ художниковъ, или съ одобренія жрецовъ по правиламъ священнаго канона (устава), или по старинному преданію, были поэтому очень далеки отъ свободы и идеальной человѣческой красоты позднѣйшей эпохи. Благоговѣніе долго не допускало отнимать у статуй тотъ пошибъ или типъ, который однажды опредѣлился древними правилами и образцами; художники должны были представлять боговъ въ томъ же безжизненномъ, окаменѣломъ видѣ, въ какомъ эти изображенія перешли съ Востока къ Эллинамъ. Какихъ бы кто ни былъ мыслей о вѣроятности восточной колонизаціи между Греками (§ 53), едва ли есть возможность сомнѣваться въ томъ, что египетское искусство вліяло на греческое черезъ острова Критъ, Родосъ, Самосъ, Хіосъ, — древнѣйшія сѣдалища греческой пластики, работавшей изъ дерева, металла и камня. Дедалъ — миѳическій представитель этого восточно-священнаго художества, которое изъ Крита распространилось на Циклады и въ Пелопоннесъ; а Самосцы Рекъ и Ѳеодоръ прославились уже работами для храма Геры на своемъ островѣ. Даже и въ позднѣйшее время не дозволялось представлять ни одно божественное лицо въ волненіи страсти, въ неприличномъ одѣяніи или съ слишкомъ чувственною выразительностью формъ. Къ прочному утвержденію извѣстнаго художественнаго стиля и характера не мало содѣйствовало и то, что около одного знаменитаго художника группировалось обыкновенно болѣе или менѣе значительное число учениковъ и составляло такимъ образомъ особую школу, въ которой метода учителя оставалась господствующею. Около эпохи Персидскихъ войнъ встрѣчаются такія школы, особенно въ Сикіонѣ, гдѣ Канахъ собиралъ вокругъ себя много учениковъ, въ Аргосѣ, гдѣ высоко уважали Агелада, и на остр. Эгинѣ, гдѣ Каллонъ и Онатъ отличались великою дѣятельностью, которой славнымъ свидѣтельствомъ осталась намъ группа египетскихъ изваяній изъ круга сагъ троянской войны (группа эта теперь въ Мюнхенѣ). — Древнѣйшія произведенія пластики были деревянныя (рѣзьба по де-

реву, торевтика), которыя въ послѣдствіи стали покрывать золотомъ и слоновою костью или расписывать красками; нѣсколько позже начали дѣлать металлическія статуи, сперва изъ листовъ или пластинъ, связываемыхъ по швамъ костыльками и гвоздями или спаиваемыхъ, а потомъ уже перешли къ литью изъ плавленнаго металла. На островахъ Паросѣ и Наксосѣ явился впервые обычай выдѣлывать мраморные лики боговъ. 2) Высокій стиль, доведенный до совершенства Фидіемъ изъ Аѳинъ (§ 87) и Поликлетомъ изъ Аргоса (ок. 420), питомцами художественной школы Агелада аргосскаго, господствовалъ въ Периклово время до конца Пелопоннесской войны. Подъ покровительствомъ благороднаго Перикла, который употреблялъ богатство Аѳинъ на сооруженіе великолѣпныхъ зданій (§ 87) и наполнялъ ихъ художественными произведеніями, Фидій работалъ статуи Паллады, эти лучшія украшенія Аѳинъ, и статую Зевса Олимпійскаго, котораго ликъ выражалъ сколько всемогущества и милосердія, столько спокойствія и мира на челѣ, что при одномъ взглядѣ на него, по словамъ древнихъ, «душа забывала всѣ свои земныя страданія», и тотъ слылъ истинно несчастнымъ, кто въ теченіи жизни не успѣлъ ни разу насладиться его лицезрѣніемъ. Поликлетъ былъ великій мастеръ вѣрно схватывать и изящно представлять по преимуществу энергическія фигуры. Особенно славились его Копьеносецъ и колоссальная статуя Геры въ Аргосѣ. Къ этому же времени принадлежитъ Миронъ (ок. 430), одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ ваятелей, работавшій металлическія, мраморныя и деревянныя произведенія. Особенно отличался онъ воссозданіемъ могучихъ явленій одушевленной природы въ величайшемъ разнообразіи. Его изображенія изъ царства звѣрей (особенно воспѣтая стихотворцами бронзовая Корова съ сосущимъ ее теленкомъ), равно какъ его Дискометъ и Гераклъ принадлежали къ знаменитѣйшимъ созданіямъ греческаго искусства. Изъ учениковъ Фидія самыми замѣчательными были Алкаменъ и Агоракритъ. 3) Такъ-называемый изящный стиль пережилъ греческую независимость и цвѣлъ вторымъ, позднимъ цвѣтомъ даже по смерти Александра Великаго. Къ этому періоду относятся три величайшіе художника: Праксителъ аѳинскій, Скопасъ съ остр. Пароса и Лисиппъ изъ Сикіона. Первый преимущественно выработалъ типъ Діониза и связанныхъ съ его сагою миѳическихъ ликовъ (Сатировъ и Силеновъ),—типъ, который съ тѣхъ поръ и остался господствую-

щимъ; кромѣ того, особенно знамениты его статуи Аѳродиты (Венеры), именно Косская и Книдская, и его Эротъ (Эросъ, Амуръ). Скопасъ, который былъ нѣсколько старше Праксителя, почерпалъ сюжеты для своего творчества также преимущественно изъ миѳа Діониза и Аѳродиты; сверхъ того славились его Аполлонъ съ лирою (Киѳародъ) и группа морскихъ божествъ, провождающихъ Ахилла къ острову Левке. Оба эти художника были особенно велики въ ваяніи изъ мрамора; напротивъ того Лисиппъ всего больше отличался въ литейномъ искусствѣ; онъ стремился къ возможно-совершенному изображенію тѣла человѣческаго въ разнообразнѣйшихъ его проявленіяхъ и для этого прилежно изучалъ наготу, но умѣлъ притомъ возвышать природу идеаломъ. Изъ произведеній его особенно знамениты колоссальный Зевсъ тарентскій, высокая героическая фигура Геракла въ Коринѳѣ, колесница Геліоса съ четверкою прославленныхъ коней и, всего болѣе, его статуи Александра.—Благодаря этимъ художникамъ, пластика достигла высшей ступени развитія, на которой она повидимому пробыла олѣе чѣмъ литература, съ тою однакожь разницей, что ваятели послѣдующей эпохи держались въ своихъ сочиненіяхъ большею частію только прежнихъ произведеній, не обогащая наличнаго запаса художественныхъ мыслей новыми изобрѣтеніями, но и не допуская упадка въ той технической ловкости, въ томъ художническомъ мастерствѣ, какихъ достигли великіе ихъ предшественники. Даже при діадохахъ (преемникахъ Александра) и во времена римскаго владычества, когда искусство было исключительно предоставлено однимъ Грекамъ, техническая сноровка удержалась на прежней высотѣ, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ художественныхъ произведеній, которыя большею частію принадлежатъ этому позднѣйшему періоду. Однакожь и она не устранилась отъ вліянія той эпохи, гонявшейся за фантастичностью и эффектомъ, чему доказательствомъ служитъ даже и полная души, трогательная группа Лаокоона, погибающаго съ двумя маленькими сыновьями добычею змѣя, который давитъ ихъ въ своихъ мощныхъ кольцахъ, какъ въ тискахъ. Лаокоонъ—послѣдняя, трагическая жертва, приносимая замирающимъ, но еще вполнѣ сознающимъ себя ваятельнымъ искусствомъ близкому уже концу эллинской жизни и народности.—Тѣ же три періода прошла и живопись. Современникъ Перикловъ, Полигнотъ изъ Ѳазоса, изукрасилъ стоу (пойкиле) въ Аѳинахъ сценами изъ Персидскихъ войнъ, а

одно зданіе въ Дельфахъ великолѣпными гомерическими сюжетами изъ-подъ Трои. Зевксисъ, родомъ изъ Гераклеи въ нижней Италіи, гораздо болѣе старался о рисункѣ и стремился къ «ослѣпительной красотѣ», тогда какъ напротивъ Парразій эфесскій поставлялъ выше всего «нѣжность и грацію». Преимущества Апеллеса состояли повидимому въ вѣрности рисунка, силѣ композиціи и изяществѣ колорита. Съ восторгомъ говорили древніе о его возникшей изъ моря Аѳродитѣ (Анадимеонѣ), о его Александрѣ съ громовой стрѣлою, о его Артемидѣ среди дѣвъ-жертвоприносицъ.

Въ зодчествѣ (архитектурѣ) Грековъ преобладали соразмѣрность (симметрія) и согласіе всѣхъ частей (гармонія), такъ что каждое сооруженіе является у нихъ прекраснымъ цѣлымъ съ стройнымъ, органическимъ разчлененіемъ,—цѣлымъ, которое выступаетъ передъ зрителя съ успокоительною, торжественною важностью и наглядно представляетъ ему само собой святое значеніе мѣры и закона. Главною составною частью греческихъ общественныхъ зданій были колонны, которыя, преимущественно по формѣ капителей, раздѣляются на три ордена: дебелая и безприкрасная дорическая, тонкая іоническая съ изящной и граціозно-кудрявой капителью, и богато изукрашенная коринѳская. Главное мѣсто колоннъ было у храмовыхъ входовъ и въ такъ-называемыхъ стоахъ, портикахъ, колоннадахъ. Вокругъ храма, этого «золотистаго, издали свѣтлаго дома» боговъ, тянулись колоннады, а спереди, прямо противъ божественнаго лика находилось предсѣніе съ жертвеннымъ алтаремъ, «соединявшее тѣсную обитель бога съ полнымъ счастія міромъ за предѣлами обители». «Радостно, въ полнотѣ своихъ силъ» напрягаются колонны вверхъ, обступая со всѣхъ сторонъ внутренность дома божія. Знаменитѣйшими храмами были: храмъ Паллады, Парѳенонъ, въ Аѳинахъ; храмы Зевса въ Олимпіи и Агригентѣ (въ Сициліи); храмъ Геры въ Аргосѣ; храмъ Аполлона въ Фигаліи (въ Аркадіи); храмъ Деметры въ Элевзисѣ и мн. др. Такъ какъ частныя жилища древнихъ были малы и скромны на видъ, то зодческое искусство могло у нихъ проявляться только въ общественныхъ сооруженіяхъ. Сюда, кромѣ храмовъ, принадлежали особенно театры (§ 88), городскія думы, памятники и мн. др.; изъ послѣднихъ гробница карійскаго царька Мавзола въ Галикарнассѣ (Мавзолей) пріобрѣла такую славу (§ 106), что по ней всѣ надгробные памятники были прозваны мавзолеями. Ваяніе доведено было Греками

до высшей степени совершенства, такъ что уцѣлѣвшія отъ древности мастерскія созданія этого искусства остаются и по сихъ поръ недостижимыми образцами красоты. Къ важнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ произведеній пластики (большею частію неизвѣстныхъ теперь художниковъ и эпохъ) причисляются слѣдующія: 1) вышедшіе изъ Фидіевой школы статуи и барельефы Парѳенона, снятые въ началѣ нынѣшняго вѣка лордомъ Эльгиномъ и проданные имъ въ 1816 году въ лондонскій «Британскій музей» (эльгинскіе мраморы, § 87); 2) Аполлонъ Бельведерскій; 3) группа Лаокоона, дивное произведеніе родосскихъ художниковъ Агесандра, Полидора и Аѳинодора; 4) умирающій гладіаторъ (всѣ три въ Римѣ); 5) Венера медицейская, группа Ніобидъ (приписываемая нѣкоторыми Скопасу) и такъ-называемый Аполлино во Флоренціи; 6) Боргезскій боецъ, Діана версальская и Венера милосская (съ остр. Мелоса) въ Парижѣ; 7) группа, извѣстная подъ названіемъ Фарнезскаго быка въ Неаполѣ, и мн. др. — Изъ древнихъ картинъ не осталось намъ ни одной, кромѣ миѳологическихъ и историческихъ изображеній на греческихъ вазахъ изъ обожженной глины и нѣкоторыхъ фрескъ (стѣнной живописи), открытыхъ въ развалинахъ древнихъ зданій (въ Баняхъ Тита и особенно въ засыпанной Везувіемъ Помпеѣ); сюда относятся такъ-называемая Альдобрандинская свадьба и довольно значительное число сельскихъ видовъ (пейзажей), недавно найденныхъ при постройкѣ одного дома на Эсквилинскомъ холмѣ въ Римѣ. — Греки были также мастера въ рѣзьбѣ штемпелей и камней (глиптикѣ), что̀ доказывается превосходною отдѣлкою множества монетъ, геммъ, печатныхъ пер-стней и рѣзныхъ камней (камеевъ, инталіо).

2. Александръ Великій (336—323).

а) неудачныя возстанія грековъ.

§ 112. По смерти Филиппа на македонскій тронъ вступилъ, 21 года отъ роду, сынъ его Александръ. Великодушный, воспріимчивый ко всему высокому и благородному и воспитанный Аристотелемъ на греческій ладъ, онъ едва успѣлъ утвердиться на престолѣ, какъ уже подобно отцу былъ признанъ Греками ихъ верховнымъ предводителемъ

противъ Персовъ, съ тѣмъ однако, чтобы всѣ эллинскія державы и города оставались свободны и самостоятельны. Но ему пришлось выдержать напередъ трудную борьбу противъ Гетовъ и другихъ варварскихъ племенъ, которыя вторглись въ его владѣнія изъ горныхъ странъ Гема. Внезапно пронесся тогда по Греціи ложный слухъ о его смерти и наполнилъ Эллиновъ надеждами снова возвратить себѣ независимость. Въ Пелопоннесѣ начались вооруженія; въ Аѳинахъ нашли себѣ болѣе сочувствія подстрекающія рѣчи Демосѳена, который еще такъ недавно, въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и одѣтый по праздничному, возвѣстилъ народу трагическій конецъ Филиппа; въ Ѳивахъ истребили часть македонскаго гарнизона, а остальную заперли и обложили въ городской крѣпости. Но какъ молнія приспѣлъ Александръ. Ѳивы были взяты, дома и стѣны ихъ сравнены съ землею (по судебному приговору враждебныхъ Ѳиванцамъ прочихъ беотійскихъ городовъ), имущество роздано побѣдителямъ, а жители, числомъ тридцать тысячъ, тутъ же и жрецы, и кунаки Македонянъ, всѣ, съ женами и дѣтьми, распроданы или разсѣяны по всему краю. Только городская крѣпость, домъ поэта Пиндара (§ 75), да храмы и святыни были пощажены. Тяжкая эта доля, строгая, но заслуженная казнь за многіе прежніе грѣхи Ѳиванцевъ, навела страхъ на всѣхъ прочихъ Эллиновъ. Аѳиняне, увидѣвъ съ смятеніемъ разсыпанную по Киѳерону цѣпь македонскихъ сторожевыхъ огней, взмолились о пощадѣ, и побѣдитель, уже каявшійся въ своей строгости, немедленно склонилъ гнѣвъ на милость: по представленіямъ Демада, онъ отступился отъ своего первоначальнаго требованія, чтобы ему выдали десятерыхъ аѳинскихъ гражданъ, въ томъ числѣ Демосѳена, заложниками, и объявилъ всѣмъ прощеніе. Эта снисходительность вмѣстѣ съ благоволеніемъ, какое Александръ оказывалъ Эллинамъ, особенно же Аѳинянамъ, во время персидскаго похода, удержала тогда послѣднихъ отъ соучастія въ возстаніи Спартанцевъ и Пелопоннесцевъ противъ Антипатра, котораго Александръ оставилъ въ Македоніи намѣстникомъ. Благодаря этому обстоятельству, Антипатръ успѣлъ подавить опасный мятежъ послѣ кровопролитной битвы при Мегалополѣ (330), гдѣ спартанскій царь Агисъ II, истый до-

ріецъ по силѣ характера и образу мыслей, палъ геройскою смертью вмѣстѣ съ 5,000 согражданъ. Александръ, стоя тогда на вершинѣ своего счастія, снова даровалъ прощеніе и милость Спартанцамъ, которые молили его о мирѣ. Но когда, не задолго до своей смерти, онъ отнялъ у Аѳинянъ остр. Самосъ (324) между прочимъ за то, что они раздражили его укрытіемъ невѣрнаго казначея царскаго, Гарпала, бѣжавшаго къ нимъ съ несмѣтными сокровищами, и велѣлъ обнародовать въ Олимпіи, на играхъ, приказъ, чтобы всѣ бѣглые и изгнанные Греки возвратились во-свояси, тогда и Аѳины, подобно большей части прочихъ державъ Эллады, поднялись противъ Антипатра съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы отстоять греческую независимость, слѣдствіемъ чего была такъ-называемая Ламійская война (§ 125). Не задолго до этого македонская партія въ Аѳинахъ, обвинивъ Демосѳена въ мнимомъ подкупѣ Гарпаломъ, принудила его бѣжать въ Эгину; теперь возвратили его съ почетомъ изъ добровольнаго изгнанія, чтобы государственный человѣкъ, котораго преданность отечеству была дознана, помогалъ въ столь трудную годину и дѣломъ и совѣтомъ, и конечно, его и Гиперидовой дѣятельности главнымъ образомъ должно приписать то, что многіе города Пелопоннеса, Эллады и Ѳессаліи стали въ этой борьбѣ за свободу заодно съ Аѳинянами и что сами аѳинскіе граждане отважно выступили противъ Македонянъ и ихъ беотійскихъ союзниковъ.

Битва при Магалополѣ была одною изъ кровопролитнѣйшихъ въ предѣлахъ древней Эллады. Лакедемонскій царь собралъ съ помощью персидскаго золота значительное наемное войско у Посейдонова храма на Тенаронѣ, пользовавшагося правомъ неприкосновеннаго убѣжища, и во главѣ этихъ вольныхъ дружинъ Агисъ и его Спиртанцы бились противъ превосходной силы Македонянъ съ мужествомъ и самоотверженіемъ по старому. Агисъ не пережилъ пораженія; раненный въ ногу, онъ былъ вынесенъ своими на щитѣ, но вскорѣ непріятель настигъ его; тогда онъ остановился, велѣлъ подать себѣ оружіе и выбралъ мѣсто, гдѣ бы умереть. Тутъ спустили его наземь и, стоя на колѣняхъ, сражался онъ съ напиравшими Македонянами, пока копье не пробило ему грудь и не освободило его наконецъ отъ тягостной, гнетущей жизни. — Около того же времени

дядя македонскаго царя, Александръ Эпирскій, бился въ нижней Италіи съ Луканами, противъ которыхъ призвали его на помощь Тарентинцы, но погибъ отъ руки предателя среди боя (329).

б) ПАДЕНІЕ ПЕРСИДСКАГО ЦАРСТВА (334—330).

§ 113 а. Состояніе Персіи (ср. § 50, 102). При царѣ Артаксерксѣ II, Персидская держава болѣе и болѣе приближалась къ упадку. Дворъ съ своимъ сладострастіемъ и безнравственностью, съ своими женскими интригами и безчеловѣчными жестокостями представлялъ страшную картину восточнаго разврата, гдѣ всѣ страсти и пороки властвовали необузданно и искаженіе человѣческой природы выступало во всѣхъ возможныхъ оттѣнкахъ; внутри имперіи господствовалъ дикій произволъ, проявлявшійся то въ видѣ деспотизма сверху, то въ видѣ анархіи снизу, съ обыкновенными послѣдствіями такого порядка вещей,—угнетеніемъ, мятежами и кровавыми злодѣйствами. Цѣлыя отдѣльныя царства и области отлагались отъ Персіи, и «великій царь» въ Сузѣ не имѣлъ силы смирить ихъ; въ другихъ произвольно и насильственно царили сатрапы или предпріимчивые мѣстные князья, то вполнѣ независимо, то въ качествѣ данниковъ и вассаловъ верховнаго владыки; эта груда многоразличныхъ государствъ безъ общаго права, безъ благоустроеннаго управленія, безъ всякой сдерживающей связи, — эта неуклюжая громада, которая называлась Персидскою монархіей, шла неизбѣжно къ своему окончательному разложенію; простое древнее поклоненіе свѣту и огню уступило мѣсто многообрядному жреческому служенію съ блестящими храмами, кумирами и жертвенною пышностью; мертвое ханжество съ бездною очистительныхъ правилъ, суевѣрныхъ заповѣдей, обычаевъ и примѣтъ, должно было замѣнить собою нравственную силу и возвышающее вліяніе древней народной вѣры. Со всѣхъ сторонъ имперія представляла видъ ветхой храмины, для разрушенія которой довольно было одного сильнаго толчка. Когда послѣ 46-лѣтняго царствованія Артаксеркъ умеръ отъ отравы, на престолъ вступилъ сынъ его Артаксеркъ III Охъ, при которомъ евнухъ Багоасъ, чудовище въ видѣ человѣка, забралъ въ руки всю власть, какъ первый министръ и главный военачальникъ. Уже и теперь все царство распалось бы на части, еслибъ кровожадный царь и его страшный наперсникъ не успѣли совладать съ возставшими областями при помощи многочисленныхъ наемныхъ дружинъ и греческихъ кондотьеровъ.

Финикія вышла изъ-подъ власти Персовъ, возстановила древнее союзное устройство и сдѣлала Триполь общею столицею края (350); но страшное паденіе Сидона, при чемъ 40,000 человѣкъ добровольно погибли въ пламени, чтобы спасти и себя, и своихъ отъ предстоявшихъ имъ мукъ и истязаній, между тѣмъ какъ самый городъ обращенъ былъ въ груду развалинъ (§ 34), — этотъ ужасный разгромъ напугалъ другихъ и снова утвердилъ господство Персіи въ при-ливанскомъ краѣ. Тоже было и въ Египтѣ, гдѣ мемфисскій владѣтель Нектанебъ II [1], одержавъ нѣсколько побѣдъ, все-таки вынужденъ былъ уступить военному искусству вольнонаемныхъ дружинъ и бѣжать въ Эѳіопію (347), послѣ чего Охъ и Багоасъ превзошли самого Камбиза яростью, хищничествомъ и безчеловѣчіемъ. Въ Малой Азіи, равно губительно для Эллиновъ и варваровъ, господствовали страшные родосскіе братья, Ментор и Мемнонъ, ловкіе, но вѣроломные и гнусные атаманы отчаянныхъ шаекъ. Можно сказать, что въ страшное это время все сатанинское пришло въ человѣкѣ къ спокойному, полному сознанію; все чистое, благородное, совѣсть, стыдъ безчестія и злодѣйства — исчезли безъ слѣда. Но согласіе злодѣевъ рѣдко бываетъ прочно. По 22-лѣтнемъ царствованіи самъ Охъ и весь его домъ были умерщвлены Багоасомъ и затѣмъ, послѣ небольшаго междуцарстія, царская діадема возложена на Дарія Кодоманна, человѣка кроткаго, украшеннаго равно воинскимъ мужествомъ и семейными добродѣтелями. Онъ избавился отъ ужаснаго Багоаса, посягавшаго на его жизнь, тою самой чашей яда, которую злодѣй приготовилъ было для него, и ввелъ потомъ умѣренное и, на сколько дозволяли смуты, правосудное управленіе, такъ что даже многіе знатные Греки, избѣгая македонскаго деспотизма у себя дома, приходили на службу къ персидскому царю. Но конецъ великой монархіи наступалъ быстрыми шагами. Дарій поплатился за тяжкіе грѣхи предшественниковъ.

§ 113. *б.* **Весною 334 года Александръ открылъ походъ въ Персію съ небольшимъ, но храбрымъ и отлично предводимымъ войскомъ: имъ начальствовали лучшіе македонскіе полководцы Клитъ, Парменіонъ, Гефестіонъ, Кратеръ, Птолемей, Антигонъ и другіе. Ядро этой арміи составляла тяжело-вооруженная пѣхота Македонянъ и Грековъ; македон-**

[1] Сынъ того Таха, къ которому нѣкогда ходилъ на помощь Агесилай, и внукъ Нектанеба I, который въ союзѣ съ Эвагоромъ Кипрскимъ отложился отъ Персіи при Артаксеркcѣ Мнемонѣ.

скіе и ѳессалійскіе конники прикрывали фланги, а иллирійскіе и ѳракійскіе стрѣлки и легкіе пѣхотинцы служили въ качествѣ застрѣльщиковъ и лазутчиковъ. За нею слѣдовали разные историки и ученые, какъ-то: Анаксименъ, Каллисѳенъ, Аристовулъ и др. При переправѣ чрезъ Геллеспонтъ Александръ первый соскочилъ на берегъ и на троянскомъ пепелищѣ велѣлъ устроить торжественныя игры и жертвоприношенія въ честь павшихъ героевъ. Ахиллъ служилъ для него образцомъ и оттого онъ постоянно имѣлъ при себѣ пѣсни Гомера. Этимъ онъ пробудилъ въ Грекахъ чувство народности, славы и честолюбія, а Македонянъ умѣлъ одушевить своимъ рыцарскимъ мужествомъ, своею ловкостью и необыкновенною отвагой. Къ чему способно было такое войско подъ начальствомъ такого вождя, это оказалось въ первомъ же сраженіи при рѣчкѣ Граникѣ (334), гдѣ гораздо многочисленнѣйшая сила Персовъ потерпѣла рѣшительное пораженіе, но самъ царь, увлеченный боевымъ жаромъ, подвергнулъ жизнь свою явной опасности. Павшіе товарищи были почтены статуями, а родители ихъ освобождены отъ всѣхъ повинностей и податей. Западная часть Малой Азіи по Таврскій хребетъ была плодомъ этой побѣды, которую самъ Александръ въ письмѣ къ Аѳинянамъ представлялъ общимъ дѣломъ Македонянъ и Грековъ. Галикарнассъ, искусно и храбро обороняемый греческими наемными дружинами, взятъ былъ приступомъ, прочіе эллинскіе города покорились большею частію добровольно, и отъ души привѣтствовали героя-одноплеменника, который обѣщалъ имъ возстановить древнее демократическое устройство. Высоко цѣня свое греческое происхожденіе, Александръ любилъ съ нѣкоторымъ даже хвастовствомъ выказывать себя и слыть за Эллина; вотъ почему и персидскій завоевательный походъ представлялъ онъ въ видѣ мести и отплаты за прежнее разрушеніе греческихъ городовъ и храмовъ, и большая часть Грековъ тѣмъ охотнѣе поддалась этому стремленію, что часть блеска и славы, вскорѣ озарившихъ чело героя, пролилась отъ него и на весь народъ. Острова Лесбосъ, Хіосъ и друг. подпали власти побѣдителя, когда внезапно умеръ предпріимчивый Мемнонъ, который старался оттуда съ помощью персидскихъ денегъ

поднять противъ Македонянъ Спарту и другія державы Греціи; Александру покорились также съ сохраненіемъ своихъ обычныхъ учрежденій и чуждыя Грекамъ мало-азійскія племена, сблизившіяся съ ними однако языкомъ, религіей и образованіемъ, каковы Лидяне, Памфилійцы и Каряне. Въ городѣ Гордіи (Гордіонъ) разсѣкъ онъ мечемъ искусственный узелъ у древней колесницы миѳическаго царя Мидаса, узнавъ, что съ разрѣшеніемъ этого узла оракулъ связалъ господство надъ всею Азіей. Потомъ онъ совершилъ опасный переходъ черезъ киликійскую горную мѣстность, гдѣ навлекъ себѣ жестокую простудную болѣзнь купаньемъ въ холодной рѣкѣ Киднѣ; только искусство греческаго врача Филиппа и собственная вѣра въ человѣческую доблесть спасли Александра отъ вѣрной гибели. Парменіонъ письмомъ изъ Тарса предостерегалъ его, что Филиппъ, подкупленный непріятелемъ, хочетъ отравить больнаго подъ видомъ лѣченія. Не колеблясь ни минуты въ довѣріи къ врачу, онъ выпилъ лѣкарственный напитокъ и въ то же время подалъ Филиппу письмо, клеветавшее его честность.

§ 114. Тутъ предсталъ передъ нимъ самъ Дарій Кодоманнъ. Промедливъ слишкомъ долго и беззаботно въ золотыхъ палатахъ своего сузскаго дворца и не занявъ во-время горныхъ проходовъ, онъ вышелъ теперь противъ него неподалеку отъ тѣснинъ, ведущихъ изъ Киликіи въ Сирію, съ войскомъ, гораздо сильнѣе прежняго, но потерпѣлъ въ большой битвѣ при Иссѣ (333) совершенное пораженіе. Что не легло на мѣстѣ, то было разсѣяно или взято въ плѣнъ. Несчастный царь, достойный лучшей участи, бѣжалъ съ послѣдними остатками своего малодушнаго войска во внутренность страны (изъ всѣхъ его полчищъ одни греческіе наемники бились храбро); Александръ между тѣмъ принялъ мѣры къ занятію Палестины и Финикіи, чтобъ не оставить этихъ важныхъ земель позади себя непокоренными, а полководецъ его, Парменіонъ, принудилъ къ сдачѣ богатый Дамаскъ съ хранившеюся тамъ царскою казною. Количество захваченныхъ при Иссѣ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, всякой утвари и драгоцѣнныхъ ковровъ было несмѣтно, равно какъ и число плѣнныхъ, между которыми находились мать, жена

и дочери Дарія. Вопреки обычаю древности побѣдитель поступилъ съ ними великодушно, но съ гордостью отвергъ онъ предложеніе помириться съ персидскимъ царемъ на уступкѣ верхней Азіи.

§ 115. Палестина и Финикія покорились безъ сопротивленія; одинъ Тиръ, въ гордомъ чувствѣ своего древняго величія и въ надеждѣ на крѣпкое свое положеніе, смѣло отринулъ вызовъ къ немедленной сдачѣ. Тогда Александръ предпринялъ замѣчательную осаду Тира, длившуюся семь мѣсяцевъ. Отъ матераго берега къ островному городу велѣлъ онъ провести сплошную гать, подвигаясь впередъ подъ прикрытіемъ сооружаемымъ на ней башенъ, откуда солдаты его старались посредствомъ метательныхъ машинъ и всѣхъ возможныхъ военныхъ сноровокъ овладѣть городомъ, между тѣмъ какъ македонскій флотъ, усиленный контингентами Кипра и Родоса, обложилъ его съ морской стороны. Но Тиряне успѣшно противодѣйствовали Александру разными ухищреніями (между прочимъ подводными цѣпями) и вообще оборонялись отчаянно. За то и постигла ихъ городъ тяжкая доля, когда онъ наконецъ палъ (332). Всѣ жители, которые не погибли или не успѣли уйдти, отведены были въ неволю, а самый Тиръ раззоренъ до основанія; и чтобы дать иное направленіе всемірной торговлѣ, Александръ, покоривъ Египетъ, велѣлъ заложить на одномъ изъ нильскихъ рукавовъ новую гавань, Александрію, которая, какъ онъ вѣрно предугадалъ, должна была по счастливому положенію своему вскорѣ сдѣлаться средоточіемъ торговыхъ оборотовъ и тѣмъ главнымъ путемъ, которымъ западное образованіе и литература потекли обратно къ Востоку. Крѣпкій, хорошо вооруженный и храбро защищаемый пограничный городъ Газа подвергся одинакой съ Тиромъ участи. Напротивъ того Египетъ, который добровольно изъявилъ покорность и изъ ненависти къ Персамъ привѣтствовалъ Македонянъ какъ избавителей, нашелъ въ Александрѣ снисхожденіе и готовность щадить его религіозныя и гражданскія учрежденія, его нравы и обычаи, причемъ побѣдитель постоянно имѣлъ въ виду легчайшее осуществленіе своего плана—слить воедино бытъ Грековъ съ бытомъ Египтянъ въ этой важной для всемірнаго

общенія странѣ. Просвѣщенный питомецъ Аристотеля умѣлъ уважить и почтить религіозное суевѣріе и древнія формы богослуженія неподвижнаго при-нильскаго народа. Изъ Мемфиса предпринялъ Александръ крайне опасный и многотрудный походъ къ унизанному пальмовыми рощами, лугами и нивами Сивахскому оазису, съ біющимъ въ немъ ключемъ Солнца, съ знаменитымъ храмомъ-прорицалищемъ Юпитера-Аммона (§ 29, 48); здѣсь жрецы признали Александра сыномъ своего божества, а это, въ глазахъ суевѣрныхъ и фантастическихъ жителей Востока, придало ему огромный вѣсъ и озарило пришествіе его къ нимъ вѣнцомъ высшаго предопредѣленія.

§ 116. Александръ нарочно далъ время персидскому царю собрать поболѣе новыхъ силъ, чтобы покончить съ нимъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Установивъ въ Египтѣ новое управленіе и новую систему податей, подъ вѣдомствомъ отчасти туземныхъ, отчасти македонскихъ и эллинскихъ начальниковъ, и отринувъ предлагаемую персидскимъ царемъ уступку земель въ залогъ будущаго мира, двинулся онъ съ усиленнымъ подмогою войскомъ; безъ затрудненій перешелъ по плавучимъ мостамъ черезъ Евфратъ и Тигръ, и неподалеку отъ развалинъ древней столицы Ниневіи, въ битвѣ при Арбелѣ и Гаугамелѣ (октябрь 331) поразилъ несмѣтныя полчища Персовъ, собравшіяся изъ дальныхъ восточныхъ странъ въ вавилонскую равнину, хотя численно его силы были въ двадцать разъ слабѣе непріятельскихъ. Исходъ дѣла рѣшило неимовѣрно-смѣлое нападеніе македонскаго героя, который въ головѣ самыхъ отважныхъ конниковъ врѣзался съ праваго крыла въ самую средину непріятельской арміи и тѣмъ принудилъ Дарія къ бѣгству. Покореніе Вавилона съ его плодоносными, какъ сады воздѣланными нивами, и взятіе древнихъ столицъ Сузы, Персеполя и Экбатаны съ ихъ несмѣтными сокровищами, были плодомъ этой блистательной побѣды. Развалины Персеполя и Пасаргады, гдѣ стояли древніе чертоги Ахеменидовъ и громадныя каменныя гробницы Кира и Дарія (Гистаспа), и теперь еще свидѣтельствуютъ о прежнемъ величіи этой «колыбели» того царскаго рода, который погибъ подъ ударами побѣдоноснаго македон-

скаго бойца. Говорятъ, что послѣ роскошнаго пира самъ Александръ, ведя за собой въ праздничномъ шествіи шумный сонмъ разгулявшихся гостей, бросилъ пожарный пламенникъ въ великолѣпныя зданія Персеполя, чтобы истребленіемъ древней родовой столицы царской ознаменовать начало новаго историческаго времени. Изъ Экбатаны, прекрасной лѣтней резиденціи персидскихъ царей, Дарій убѣжалъ въ гористую Бактрію, но погибъ тамъ отъ руки вѣроломнаго намѣстника своего, Бесса (330). Александръ оплакалъ судьбу своего злополучнаго противника, и когда убійца, принявъ царскій титулъ, былъ вскорѣ потомъ разбитъ въ Согдіанѣ и взятъ Македонянами въ плѣнъ, онъ велѣлъ распять его на крестѣ по обычаю Персовъ.

§ 117. Послѣ самаго отважнаго перехода черезъ снѣжныя вершины Гиндуку (индійскаго Кавказа), гдѣ солдаты чуть не погибли отъ голода и истомы (329—328), смѣлому завоевателю удалось въ слѣдующіе два года овладѣть горными краями на юго-востокъ отъ Каспія и по рѣкамъ Оксу (Аму) и Яксарту (Сыръ), извѣстными подъ именемъ Аріи, Гирканіи, Бактріи и Согдіаны (Туркестана, Афганистана и др., ср. § 21. IV). Эти края, гнѣздилища суровыхъ воинственныхъ племенъ, сдѣлалъ онъ доступными, проложивъ тамъ новыя военныя дороги, и соединилъ ихъ такимъ образомъ съ прочими областями имперіи. Высокій духъ его стремился не къ однѣмъ только битвамъ и завоеваніямъ, онъ имѣлъ въ виду цивилизацію дикихъ и хищническихъ народовъ. Четыре новоучрежденные города, носившіе его имя (Александрія) и распространявшіе эллинское образованіе, искусство и языкъ до крайнихъ предѣловъ извѣстнаго тогда міра, сдѣлались съ тѣхъ поръ средоточіемъ караванной торговли и вѣроятно упѣлѣли до нашего времени, хотя и подъ измѣнившимися названіями (Гератъ, Кандагаръ). Въ Бактрѣ отпраздновалъ Александръ свой бракъ съ дочерью бактрійскаго владѣльца Роксаной, этой «жемчужиной Востока», которую онъ присвоилъ себѣ въ награду за отважнѣйшій военный подвигъ послѣ взятія приступомъ самой крѣпкой горной твердыни края, куда туземные князья укрыли своихъ женъ и свои богатства.

в) ПОХОДЪ АЛЕКСАНДРА ВЪ ИНДІЮ.

§ 118. Македонцы уже неоднократно изъявляли недовольство своимъ повелителемъ за его безмѣрную страсть къ завоеваніямъ, однакожь Александръ все-таки пошелъ далѣе, чтобы покорить себѣ еще полную чудесъ и сказаній страну золота по сю и по ту сторону Инда и тѣмъ окончательно довершить свое гигантское предпріятіе. Черезъ Индъ переправился онъ вблизи нынѣшняго города Аттока. Но смѣлые пенджабскіе горцы, поджигаемые своими покаянниками и жрецами, дали ему гораздо сильнѣйшій отпоръ, нежели слабодушные рабы царя Персовъ. Не разъ, при взятіи приступомъ горныхъ укрѣпленій и заваловъ, жизнь самого Александра находилась въ величайшей опасности. Взаимная ревность множества мелкихъ владѣтелей Пенджаба облегчила однакожь Македонянамъ его покореніе (точно такъ же какъ въ наше время Англичанамъ). Многіе изъ нихъ (въ томъ числѣ сидѣвшій къ востоку отъ Инда Таксилъ) соединились съ Александромъ противъ Пора, сильнѣйшаго изъ этихъ владѣтелей, по ту сторону рѣки Гидаспа (Джелума). Переходъ черезъ эту рѣку въ виду непріятеля и слѣдовавшая за тѣмъ битва при новомъ для Македонянъ участіи слоновъ, битва, въ которой храбрый и сановитый Поръ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ и 20,000 Индійцевъ покрыли трупами поле, — эта битва принадлежитъ къ величайшимъ военнымъ подвигамъ древности. Два новые города, Букефела (въ честь павшаго въ бою Александрова коня) и Никея (то есть «побѣдный» городъ) должны были отворить и эти края для греческой образованности. Трудными переходами подвигался онъ все далѣе на востокъ до рѣки Гифазиса, крайней границы Пятирѣчья, и принималъ уже мѣры для присоединенія къ своей всемірной монархіи еще при-гангскихъ странъ съ ихъ роскошнымъ плодоносіемъ, образованностью и древнимъ величіемъ. Но тутъ Македоняне заропгали уже такъ громко, что Александръ, хотя и не безъ внутренней борьбы, рѣшился предпринять обратный походъ, требуемый такъ настойчиво и неотступно. Двѣнадцать каменныхъ алтарей по берегу рѣки обозначали крайній восточный предѣлъ

завоевательнаго шествія. Возвративъ Пору и другимъ, поддавшимся ему на уговорѣ владѣльцамъ, ихъ земли для управленія подъ верховнымъ державствомъ Македоніи, покоривъ однимъ смѣлымъ набѣгомъ и съ опасностію собственной жизни воинственное племя Малловъ и основавъ еще одинъ городъ на рубежѣ Пятирѣчья, спустился онъ на судахъ, выстроенныхъ на Гидаспѣ, внизъ по Инду съ тѣмъ, чтобы поискать новой возвратной дороги, узнать неизвѣданныя еще страны юга и создать новые пути для громаднѣйшаго торговаго оборота и житейскаго общенія между западнымъ и восточнымъ міромъ, при чемъ главною точкою опоры и посредникомъ долженъ былъ служить городъ Паттала на дельтѣ Инда, снабженный по волѣ Александра укрѣпленіями, пристанями и корабельными верфями.

§ 119. Это громадное предпріятіе, внушенное могучимъ геніемъ героя, кончилось однакожь самымъ бѣдственнымъ образомъ (325). Въ то время какъ искусный начальникъ флота Александрова, Неархъ, велъ корабли вдоль береговъ нынѣшняго Белуджистана, Александръ съ своимъ войскомъ проходилъ ужасную пустыню Гедрозію, гдѣ среди безводной песчаной степи въ два мѣсяца легло три четверти его храбрыхъ полковъ жертвою страшно-палящаго солнца, томительнѣйшей жажды, смертельнаго голода и невыносимаго изнуренія. Герои-воины, устоявшіе въ такомъ множествѣ битвъ противъ меча и копья непріятелей, избѣгшіе, при безчисленныхъ приступахъ, ихъ метательныхъ снарядовъ, погибли здѣсь, въ этой мертвой степи, кто отъ мучительныхъ лишеній и усталости, кто отъ пагубныхъ климатическихъ вліяній, отъ солнечнаго зноя, раскаленнаго, воспаляющаго глаза песку, и ночныхъ холодовъ, смѣняющихъ дневной жаръ почти внезапнымъ морозомъ. Солдатъ, озабоченный лишь однимъ — какъ бы спасти жизнь, забылъ здѣсь всякую дисциплину и повиновеніе, равнодушно бросалъ доставшіяся ему въ добычу золото, серебро, драгоцѣнные ковры и камни, и дрался съ товарищами за каждую кроху скуднаго продовольствія, за каждый изрѣдка попадавшійся родникъ. Только закаленные на всѣ лишенія финикійскіе торгаши, которыхъ тутъ было не мало, сохраняли въ общей сумятицѣ обычное

присутствіе духа, коренившееся у нихъ въ алчности къ прибытку и ненасытномъ любостяжаніи; у истомленныхъ голодомъ солдатъ вымѣнивали они за пищу и питье самыя дорогія вещи и среди жгучаго зноя не переставали собирать съ нардовыхъ и мирровыхъ кустовъ ихъ многоцѣнныя произведенія. Великодушно раздѣлялъ Александръ съ послѣднимъ слугою въ войскѣ всѣ труды и опасности, и тѣхъ, которые благополучно перенесли этотъ походъ, наградилъ въ плодоносномъ и богатомъ оазисѣ-городѣ Пурѣ — подарками и такими пирами, гдѣ прежнія лишенія смѣнились столь же чрезмѣрнымъ избыткомъ и пресыщеніемъ. Обильно запасшись здѣсь всѣмъ, что было нужно, прошли они потомъ населенную Караманію уже довольно удобно и легко.

г) послѣдніе годы жизни Александра.

§ 120. По возвращеніи, Александръ отпустилъ ветерановъ, то-есть отслужившихъ и уже не годныхъ для дальнѣйшихъ его цѣлей, македонскихъ солдатъ, подъ начальствомъ Кратера, домой, щедро одаривъ ихъ за службу; наказалъ тѣхъ намѣстниковъ и приставовъ, которые въ отсутствіе его дозволили себѣ излишнее самовольство и притѣсненія, и ревностно взялся потомъ за выполненіе своего плана — сблизить побѣжденные народы съ побѣдителями и сдѣлать изъ нихъ одну націю съ греческимъ образованіемъ. Поэтому онъ обходился съ Персами не какъ съ завоеваннымъ и угнетеннымъ народомъ, но старался кротостью и дѣйствуя болѣе въ ихъ духѣ, привлечь ихъ къ себѣ лично и привязать къ своему владычеству. Онъ окружилъ себя, по обычаю ихъ царей, придворныхъ церемоніаломъ, облекся въ царскую мантію и повязку (діадему), держалъ при себѣ персидскихъ тѣлохранителей и дворцовыхъ слугъ и требовалъ даже отъ свободныхъ товарищей своихъ по оружію земныхъ поклоновъ, какъ водилось у всѣхъ восточныхъ государей. Подарками поощрялъ онъ своихъ полководцевъ и солдатъ жениться на туземныхъ дѣвицахъ и самъ вступилъ въ бракъ съ одною изъ дочерей Дарія. Пятидневное брачное торжество въ Сузѣ, при чемъ болѣе десяти тысячъ Македонцевъ женились на Персіянкахъ, должно было завершить то великое сліяніе, которое онъ за-

думалъ. Но, поступая такимъ образомъ, Александръ оскорбилъ Македонянъ и Грековъ, по мнѣнію которыхъ побѣдителямъ законно подобала власть надъ побѣжденными. Для нихъ была недоступна высокая идея міровой державы, возвышенной греческимъ образованіемъ, цвѣтущей торговлею и промышленностью и съ равными правами для всѣхъ народовъ и состояній. Въ самомъ дѣлѣ, вялый и глубоко упавшій эллинскій бытъ не могъ уже служить хорошимъ прививкомъ для новаго, полнаго жизни насажденія, и гдѣ же великій завоеватель могъ бы найдти проводниковъ и распространителей для своихъ мыслей? Войско македонское вовсе не проникалось и не руководилось идеей міровластительства. Порожденное этимъ недовольство и сѣтованіе обнаружилось уже до индійскаго похода; солдаты роптали и тогда, что нескончаемый рядъ побѣдъ лишаетъ ихъ возможности когда-нибудь насладиться плодами многотрудной службы. Это побудило Александра отдать войску на побіеніе камнями своего храбраго товарища Филотаса, который по своему вольномыслію и злому языку считался главою недовольныхъ; онъ сверхъ-того велѣлъ умертвить его отца, престарѣлаго Парменіона, который оставленъ былъ въ Экбатанѣ (намѣстникомъ Мидіи).

§ 121. Если вначалѣ Александръ окружалъ себя персидскимъ церемоніаломъ только изъ одной политики, то въ послѣдствіи онъ дѣлалъ это уже и изъ любви къ восточному великолѣпію, и тѣмъ самымъ доказалъ, что даже высокія и даровитыя натуры легко теряютъ голову на чрезмѣрной высотѣ счастья. Льстецы и софисты портили его благородное сердце и оттѣсняли отъ него благомыслящихъ и прямодушныхъ совѣтниковъ, каковъ напримѣръ былъ философъ Каллисѳенъ; они пріучили его къ мысли требовать себѣ почестей полубога, на котораго взглянуть можно не иначе какъ павъ съ благоговѣніемъ на колѣна. Его дворъ въ Вавилонѣ, который онъ избралъ столицею своей міровой монархіи, отличался ослѣпительнымъ блескомъ; торжественныя посольства изъ Греціи, Италіи и другихъ дальнихъ и близкихъ странъ являлись къ нему съ изъявленіемъ преданности и восхваляли подвиги его самыми льстивыми рѣчами; роскошные пиры и праздники смѣняли другъ друга непрерывною чередой, и въ упоеніи воз-

бужденной чувственности онъ доходилъ иногда до такихъ поступковъ, въ которыхъ самъ потомъ горько раскаявался. Къ числу ихъ принадлежитъ смертоубійство заслуженнаго полководца Клита, спасшаго ему жизнь при Граникѣ, а потомъ навлекшаго себѣ его гнѣвъ шуткой и насмѣшкой среди шумнаго пира. Чрезмѣрное употребленіе крѣпкихъ винъ разрушило здоровье Александра и свело его въ раннюю могилу. Однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ героя были блистательные похороны, устроенные имъ любимцу его Гефестіону, который погибъ во цвѣтѣ лѣтъ отъ такого же образа жизни. Еще не прошла скорбь Александра о другѣ юности, какъ сильная горячка, причиненная ему раздраженіемъ и невоздержностью, подкосила остатокъ его давно ослабѣвшихъ жизненныхъ силъ и, среди великихъ плановъ для новыхъ завоеваній въ Аравіи, свела его такъ быстро въ могилу, что онъ не успѣлъ даже распорядиться назначеніемъ себѣ преемника (323). На вопросъ, кому онъ оставляетъ царство, умирающій, какъ сказываютъ, отвѣчалъ: «тому, кто всѣхъ достойнѣе». Тѣло его было привезено изъ Вавилона въ Александрію и тамъ, по распоряженію Птолемея, предано землѣ. Александръ остался героемъ поэзіи и саги какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Романтическое удальство, лежавшее въ глубинѣ его натуры, для которой самое отдаленное казалось близкимъ и достижимымъ, одно необычайное и рѣдкостное заманчивымъ,—его восторженное поклоненіе исчезнувшему міру гомеровскихъ витязей, который ему хотѣлось вызвать изъ поэтической свѣтотѣни въ живую дѣйствительность, обаяніе этой юношеской жизни, полной непрерывныхъ подвиговъ героизма и громадныхъ предпріятій, — все это поражало современниковъ и потомство невольнымъ удивленіемъ, и чѣмъ быстрѣе промелькнула яркая звѣзда, тѣмъ лучезарнѣе сіялъ ликъ героя въ глазахъ позднѣйшихъ поколѣній.

Каллисѳенъ изъ Олинѳа, племянникъ (сестриничъ) Аристотеля, родившійся около 360 г., былъ воспитанъ вмѣстѣ съ Александромъ; довершивъ въ Аѳинахъ свое ученое образованіе, онъ сопровождалъ царя въ его азіятскихъ походахъ съ тѣмъ, чтобъ написать и передать потомству ихъ исторію. Будучи строгихъ нравовъ и любя свободу, Каллисѳенъ чуждался лести царю; онъ держалъ сторону недовольныхъ и порицателей, и при случаѣ высказывалъ ему горькія истины.

Когда однажды за царскимъ столомъ его вызвали сначала произнести похвальное слово Македонянамъ, а потомъ выставить и дурныя ихъ стороны, онъ до того раздражилъ повелителя картиною бѣдъ, въ которыя Македоняне повергли Грецію, что тотъ наказалъ его самымъ жестокимъ образомъ, чтобъ наконецъ избавиться отъ дерзкаго обличителя, котораго онъ и безъ того уже подозрѣвалъ. Есть извѣстіе, будто царь посадилъ его въ клѣтку и такимъ образомъ семь мѣсяцевъ возилъ за войскомъ, пока несчастный узникъ не умеръ отъ горя, тоски и неудобствъ. Изъ многочисленныхъ трудовъ его по естествознанію и особенно по исторіи не уцѣлѣло ничего. Каллисѳенъ былъ повидимому шаткаго, неровнаго характера, почему и отзывы о немъ очень разногласны. Получивъ риторское и софистическое образованіе, онъ придавалъ своимъ историческимъ трудамъ отпечатокъ того времени, ораторское преувеличеніе и натянутость.

§ 122. Благодаря завоевательнымъ походамъ Александра, греческая образованность, греческій языкъ и европейская подвижность распространились по Востоку; но наоборотъ Греція и Македонія наводнились роскошью, изнѣженностью и безпутствомъ Востока, въ подрывъ ихъ нравственной силѣ и достоинству; съ тѣхъ поръ Малая Азія и Египетъ становятся средоточіемъ всѣхъ духовныхъ и литературныхъ стремленій, всѣхъ торговыхъ оборотовъ и успѣховъ промышленности, тогда какъ Эллинская земля, которой образованіе и языкъ проникаютъ собой постепенно всю міровую державу Александра, блистаетъ у себя дома только уже позднимъ осеннимъ цвѣтомъ своего искусства, богатымъ запасомъ своихъ прежнихъ духовныхъ пріобрѣтеній и болѣе или менѣе живыми воспоминаніями старины. — Область *землевѣдѣнія* и *народовѣдѣнія* значительно расширилась и освободилась отъ многихъ ложныхъ понятій; въ то же время военное дѣло установилось на новыхъ, болѣе искусственныхъ основаніяхъ, при пособіи математическихъ наукъ. Съ другой стороны, употребленіе *слоновъ* въ сраженіяхъ, вошедшее въ обычай со времени индійскаго похода, было конечно уже шагомъ назадъ, уступкою въ пользу тяжелой неповоротливости Востока. Сѣть колоній, раскинутая Александромъ по всей Азіи, чрезвычайно усилила торговлю и международныя сношенія, придавъ имъ никогда не бывалые размѣры. *Опытныя* и *практическія науки*, именно *математика*, *механика* и *естественная исторія*, на обогащеніе и обработку которыхъ Александръ потратилъ много денегъ, получили новый видъ и болѣе широкія основанія;

напротивъ, искусство и изящная словесность упадали болѣе и болѣе, сколько великій македонскій герой ни оказывалъ къ нимъ любви и внимательности, сколько ни старался богатыми дарами поощрять художниковъ, поэтовъ и прозаиковъ къ созданію безсмертныхъ произведеній. Пластика держалась еще на своей технической высотѣ (§ 111), но и тутъ вскорѣ обнаружилось вліяніе Востока съ его пристрастіемъ къ колоссальному, фантастическому и изукрашенному (наприм. въ Колоссѣ Родосскомъ); чтожь касается до истинной поэзіи, этого ни чѣмъ не замѣнимаго дара боговъ, то конечно ни одинъ смертный не въ силахъ приманить ее съ неба ни какими внѣшними соблазнами.

3. Преемники Александра (Діадохи).

§ 123. Александръ оставилъ по себѣ только слабоумнаго брата Арридея, да двоихъ малолѣтныхъ дѣтей; за неимѣніемъ способнаго къ правленію наслѣдника, его громадная монархія распалась такъ же скоро, какъ и была завоевана. Вскорѣ сбылись предсмертныя слова героя: «Какими воинственными играми почтятъ конецъ мой». Его полководцы (которыхъ можно сравнить съ Наполеоновскими маршалами), послѣ множества кровавыхъ и ужасныхъ войнъ, среди которыхъ погибъ весь родъ Александровъ и всѣ связи родства подверглись самому безстыдному осквернению, присвоили себѣ каждый какую-нибудь область его державы и сдѣлали ихъ независимыми царствами. Вначалѣ наибольшимъ почетомъ пользовался вѣроломный Пердиккъ, которому Александръ вручилъ перстень съ своей печатью; онъ принялъ на себя опеку надъ его слабоумнымъ братомъ и управленіе монархіей. Но когда, въ союзѣ съ храбрымъ и умнымъ Эвменомъ малоазійскимъ, онъ началъ войну противъ египетскаго намѣстника, Птолемея, то былъ убитъ своими собственными солдатами. Послѣ того всѣхъ болѣе возвысился въ Малой Азіи Антигонъ, человѣкъ воинственнаго характера и одаренный способностями отличнаго полководца; онъ приступилъ къ новому раздѣлу восточныхъ областей, между тѣмъ какъ суровый, простообычный Антипатръ и властолюбивый сынъ его Кассандръ держали подъ своей рукой Македонію и Грецію. Антигонъ выигралъ еще болѣе, когда ловкій Эвменъ, родомъ Грекъ и

первый изъ всѣхъ полководцевъ Александра по уму, образованію и вѣрности, послѣ долгой упорной войны, въ которой погибъ и рыцарски-благородный Кратеръ (316), попался измѣною солдатъ въ руки побѣдителя и умеръ въ тюрьмѣ страшною, насильственною смертью. Тогда Антигонъ овладѣлъ царскою сокровищницею въ Сузѣ и дотого увеличилъ число своихъ наемныхъ войскъ, что могъ уже противустать одинъ всѣмъ остальнымъ полководцамъ и принудить ихъ къ признанію его правителемъ государства и верховнымъ властелиномъ. Но онъ слишкомъ явно обнаружилъ свое стремленіе завладѣть державою Александра и между прочимъ отнялъ у союзника своего Селевка намѣстничество въ Вавилоніи; тогда недовѣріе и общая опасность побудили четырехъ знатнѣйшихъ полководцевъ, Птолемея, Селевка, Лисимаха (съ геройской храбростью овладѣвшаго Ѳракіей) и Кассандра (въ Македоніи) къ союзу противъ Антигона и сына его Димитрія (названнаго въ послѣдствіи Поліоркетомъ, то-есть «градоосадникомъ», за необыкновенные успѣхи въ осадномъ и военно-строительномъ искусствѣ). Возникла долголѣтняя война, продолжавшаяся съ перемѣннымъ счастіемъ въ Азіи и въ Греціи; но Селевку все-таки удалось, послѣ побѣды при Газѣ (312) надъ Димитріемъ Поліоркетомъ, удержаться въ Вавилоніи и другихъ восточныхъ областяхъ. (Эра Селевкидовъ). Напротивъ, Птолемей потерпѣлъ отъ Димитрія сильное пораженіе на морѣ близъ города Саламина на остр. Кипрѣ (306), послѣ чего Антигонъ и сынъ его поспѣшили присвоить себѣ царскій титулъ и этимъ вызвали къ тому же своихъ противниковъ. Окончаніе борьбы затянулось на нѣсколько лѣтъ безуспѣшнымъ нападеніемъ Антигона на Египетъ и неудавшеюся попыткой Димитрія овладѣть, съ помощью огромныхъ осадныхъ работъ[1], геройски-защищаемымъ островомъ Родосомъ (304), но потомъ (301) великая битва при Ипсѣ, во Фригіи, гдѣ палъ 80-лѣтній герой Антигонъ, а Димитрій обратился въ бѣгство, рѣшила участь Азіи въ пользу союзниковъ. То была страшная пора: вездѣ ужасы, измѣны и убійства, и нигдѣ ни

[1] Изъ нихъ особенно замѣчателенъ такъ-называемый гелеполь, — девятиярусная башня съ оборонительными кровлями.

одного цвѣта поэзіи, нигдѣ ни малѣйшаго слѣда идеальныхъ стремленій.

Гибель македонскаго царственнаго дома. По убіеніи Пердикка, въ правители имперіи былъ возведенъ «строгій и крайне грозный» Антипатръ. Онъ ускорилъ распаденіе Александровой державы, избравъ своимъ мѣстопребываніемъ Македонію и при кончинѣ (319) назначивъ мелкаго эпиротскаго князька, дряхлаго Полисперхона, своимъ преемникомъ и блюстителемъ царской семьи, содержавшейся въ великолѣпномъ заточеніи, въ Пеллѣ. Сынъ Антипатра, жестокій нравомъ, но умный политикъ, Кассандръ, основавшій города Θессалоникy (въ честь своей жены) и Кассандрію въ плодоносномъ краѣ древняго Олинѳа и Ѳермы, силою отнялъ у Полисперхона господство надъ Македоніей. Неукротимая властолюбивая мать Александра, Олимпія, переполнила мѣру своихъ злыхъ дѣлъ убіеніемъ слабоумнаго Арридея и жены его Эвридики, внуки Филипповой; Кассандръ велѣлъ ее схватить и отдалъ раздраженной знати на побіеніе камнями, а нѣсколько лѣтъ спустя умертвилъ Роксану (§ 177) съ ея малолѣтнымъ сыномъ, и наконецъ приказалъ на одномъ пиру удавить и побочнаго сына Александрова, 18-лѣтняго Геракла.

§ 124. Война въ Европѣ продолжалась, и по смерти Кассандра (296) Димитрій успѣлъ даже покорить своей власти Грецію и Македонію, смятенную междусобіемъ Кассандровыхъ сыновей, и удержался тамъ семь лѣтъ, съ 294 по 288 [1]. Но

[1] По смерти Кассандра, двое сыновей его спорили между собою за престолъ. Старшій Антипатръ, умертвилъ свою мать, Θессалонику, дочь царя Филиппа, послѣднюю отрасль древней македонской династіи, единственно за то, что она повидимому больше любила брата его, Александра. Тогда послѣдній просилъ помощи у Пирра, царя эпирскаго, и у Димитрія Поліоркета, и поддержанный ими принудилъ Антипатра къ бѣгству. Но когда этотъ былъ убитъ Лисимахомъ, подъ защиту котораго онъ ушелъ, то Александръ старался хитростію отдѣлаться отъ своего союзника, Димитрія, не хотѣвшаго покинуть Македонію добровольно. Однакожь Димитрій предупредилъ его, велѣлъ убить Александра и былъ избранъ Македонянами въ цари тѣмъ повидимому охотнѣе, что жена его Фила, дочь Антипатрова, состояла въ родствѣ съ ихъ царственнымъ домомъ. Онъ принудилъ Пирра къ отступленію и властвовалъ произвольно и деспотически, пока, благодаря своему стремленію завоевать снова азійскія земли, лишился всего, чѣмъ до тѣхъ поръ владѣлъ. По разбитіи и взятіи его въ плѣнъ (288), Пирръ и Лисимахъ подѣлили между собой господство надъ Македоніей, но послѣдній отнялъ у союзника его часть и присоединилъ всю Македонію къ прочимъ своимъ владѣніямъ во Ѳракіи и Малой Азіи. Семейное несчастіе сломило однакожь и его. Подстрекаемый второю супругой своей, онъ умертвилъ

заносчивость и страсть къ завоеваніямъ опять довели его до бѣды. Онъ собирался покорить себѣ Азію, а между тѣмъ не только утратилъ Македонію, которую занялъ храбрый и ласковый къ народу Пирръ, царь эпирскій, но и въ Малой Азіи соединенными силами Лисимаха, Селевка и Птолемея доведенъ былъ до того, что ему не осталось другаго выхода кромѣ добровольной сдачи. Онъ искалъ защиты у Селевка, и тотъ держалъ его до самой смерти почетнымъ плѣнникомъ въ Апамеѣ, на верхнемъ Оронтѣ, доставляя ему всѣ удовольствія, но въ то же время лишая его строгимъ надзоромъ всякихъ способовъ къ бѣгству. Уныніе, бражничество и распутство разрушили здѣсь его желѣзное здоровье въ короткое время до того, что онъ умеръ уже на третьемъ году плѣна; пятидесяти-четырехъ лѣтъ отъ роду успокоился наконецъ этотъ герой-головорѣзъ, котораго романтически-удалой характеръ иногда напоминаетъ средневѣковыя личности. Однакожь сынъ его, Антигонъ Гонатъ, достигъ наконецъ, послѣ разныхъ превратностей судьбы, прочнаго господства надъ Македоніей, которая между тѣмъ была нравственно унижена неслыханными ужасами, обезлюдена непрерывными войнами и опустошена вторженіями Кельтійскихъ Галловъ, убившихъ царя Птолемея Керавна и наполнившихъ весь край вплоть до Коринѳскаго залива грабежемъ, душегубствомъ и

своего сына Агаѳокла, отличнаго юношу; жена послѣдняго, Лисандра, тотчасъ же убѣжала къ Селевку и звала его на месть. Одержавъ рѣшительную побѣду на поляхъ Курупедіона во Фригіи, при чемъ погибъ самъ Лисимахъ, Селевкъ вознамѣрился уже овладѣть Ѳракіей и Македоніей, какъ былъ самъ убитъ (282), близь Лисимахіи на Геллеспонтѣ, проживавшимъ у него Птолемеемъ Керавномъ. Птолемей, который происками своей властолюбивой мачихи Вереники лишенъ былъ правъ на египетскій престолъ, отданный его брату Птолемею Филадельфу, воспользовался случаемъ захватить въ свои руки Македонію, принудилъ вдову Лисимаха вступить съ нимъ въ бракъ и потомъ велѣлъ убить дѣтей ея передъ ея собственными глазами. Но кровавый деспотизмъ Птолемея длился не болѣе двухъ лѣтъ. Онъ палъ въ битвѣ съ толпами Галловъ, которые потомъ цѣлые два года владѣли Македоніей, грабя и притѣсняя безпощадно, пока разбитые Сосѳеномъ и туземной знатью, не потянулись наконецъ безъ всякаго плана далѣе и частію перешли въ Малую Азію, частію поступили въ военную службу по найму. Тогда македонскимъ престоломъ овладѣлъ Антигонъ Гонатъ (277), но временно былъ свергнутъ возвратившимся изъ Италіи Пиромъ эпирскимъ (275), и утвердилъ власть свою въ Греціи и Македоніи только уже тогда, когда Пирръ погибъ передъ Аргосомъ (272).

истребленіемъ. Послѣ многоразличныхъ передѣловъ и кратковременныхъ господствъ того или другаго владыки, изъ Александровой монархіи образовались наконецъ слѣдующія государства:

1. Македонія и Греція.
2. Сирійское царство Селевкидовъ.
3. Египетъ подъ державою Птолемеевъ.
4. Пергамъ, Виѳинія и нѣкоторыя меньшія государства въ Малой Азіи.

А. МАКЕДОНІЯ И ГРЕЦІЯ.

ПОСЛѢДНЯЯ БОРЬБА ГРЕЦІИ. АХЕЙСКІЙ СОЮЗЪ.

§ 125. Ламійская война (§ 112, названная такъ потому, что средоточіемъ ей служилъ городъ Ламія въ Ѳессаліи), въ которой, какъ бывало въ старину, аѳинскіе граждане и союзники (Этоляне, Аргивяне, Элейцы и др.) выступили въ поле подъ начальствомъ отличнаго полководца Леосѳена, приняла сначала благопріятное для Эллиновъ направленіе. Леосѳенъ завоевалъ себѣ проходъ чрезъ Беотію, побѣдилъ Македонянъ въ Ѳессаліи и заставилъ тамошнихъ жителей примкнуть къ греческому союзному войску. Антипатръ былъ тѣсно обложенъ въ Ламіи и уже готовился къ сдачѣ, какъ смерть, постигшая храбраго Леосѳена при одной вылазкѣ, и прибытіе полководца Леонната изъ Азіи дали ходу войны новый оборотъ. Хотя Леоннатъ былъ разбитъ Греками въ открытомъ полѣ и при этомъ погибъ, однакожь Антипатръ успѣлъ между тѣмъ выйдти изъ осажденнаго города, соединился съ храбрымъ Кратеромъ и неожиданно напалъ съ усиленнымъ войскомъ на Грековъ, которые уже готовы были разойдтись. Бой при Краннонѣ (322) выпалъ не въ ихъ пользу. Аѳины, покинутыя союзниками, должны были принять тяжкія условія мира, которыя Антипатръ постановилъ съ Фокіономъ и Демадомъ, главами македонской партіи, и которыя повели къ паденію демократическаго устройства. Участіе въ государственной власти должно было зависѣть отъ обладанія

извѣстнымъ имуществомъ, и болѣе 12,000 гражданъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго минимума двухъ тысячъ драхмъ, были лишены своего полноправія. Подъ защитой македонскаго гарнизона въ портѣ Мунихіи, правительствомъ вѣдало нѣсколько богатыхъ аристократовъ, въ главѣ которыхъ стоялъ честный, но равнодушный къ свободѣ и независимости отечества Фокіонъ (322). Многіе демократы покинули Аѳины; Демосѳенъ, чтобы не попасть въ руки враговъ, отравился у алтаря одного пелопоннесскаго храма, гдѣ искалъ убѣжища: онъ хотѣлъ умереть, какъ жилъ, — свободнымъ патріотомъ. «Отличное прибѣжище смерть», сказалъ онъ македонскому клеврету Архію, который хотѣлъ схватить его, «она убережетъ отъ позора!» Прахъ его въ послѣдствіи былъ перенесенъ въ родной городъ и память его осталась въ высокомъ уваженіи. Лучше посчастливилось гонителямъ съ другими жертвами мести: ораторъ Гиперидъ съ нѣкоторыми изъ своихъ единомышленниковъ былъ выданъ Антипатру и мучительно казненъ. Но нѣсколько лѣтъ спустя, пришлось и Фокіону, уже 85-лѣтнему старику, выпить яду вмѣстѣ съ многими товарищами, когда, во время усобицъ между Полисперхономъ и Кассандромъ въ Македоніи, достигли на короткое время власти аѳинскіе демократы. Однакожь вскорѣ потомъ, вліяніемъ Кассандра, во главѣ аѳинской республики сталъ другъ его, Димитрій Фалерейскій, умный политикъ, ораторъ и философъ аристотелевской школы, жаркій поборникъ искусствъ и наукъ, но въ то же время любитель роскоши и чувственныхъ наслажденій. Онъ много содѣйствовалъ къ тому, что страсть къ удовольствіямъ и изнѣженность заглушили высшія стремленія, любовь къ свободѣ и къ родинѣ, а подслужничество сильнымъ подавило чувства чести и человѣческаго достоинства. Это оказалось особенно при троекратномъ занятіи Аѳинъ (въ 307, 301 и 297) Димитріемъ Поліоркетомъ (§ 124); даровитый, прекрасный собою, но преданный всѣмъ порокамъ и похотямъ, этотъ человѣкъ убилъ въ Аѳинянахъ всякое нравственное чувство своимъ безстыднымъ развратомъ и любострастіемъ, а они покланялись ему за то какъ божеству, сооружали ему алтари и статуи, и дѣлили всѣ мерзости этого негодяя, который — надо замѣтить — явился къ нимъ подъ ли-

чиною освободителя. То была безбожная пора, полная злодѣйствъ и распутства; только въ племянникѣ Демосѳена, ораторѣ Демохарѣ, теплилась еще искра священнаго огня прежнихъ дней. — Гарнизонами въ городскихъ замкахъ и крѣпостями (такъ-называемыми «тремя путями» — Деметріей, Халкидой, Акрокоринѳомъ) Эллада была прикована къ Македоніи, какъ раба. Еще разъ попытались Аѳины, подъ начальствомъ «водопійцы» Главкона и Хремонида (ораторовъ), избавиться отъ македонскаго господства, — но напрасно: послѣ трехлѣтней мужественной борьбы истощенная республика должна была покориться и нести дань и повинности чуждому властелину. Такой исходъ послѣдней «войны за свободу» былъ смертельнымъ ударомъ для Аѳинъ. Онѣ исчезли со сцены міра какъ политическое и духовное могущество, хотя и оставались еще долго пріютомъ образованія и учености.

§ 126. При сынѣ Димитрія, Антигонѣ Гонатѣ, македонское господство встрѣтило себѣ сильнаго противника въ ахейскомъ союзѣ, которому Аратъ сикіонскій придалъ такую силу и значеніе, что онъ могъ искать гегемоніи надъ Пелопоннесомъ и даже надъ цѣлой Греціей. Этотъ союзъ, опиравшійся на древнѣйшее союзное устройство, которое существовало между двѣнадцатью городами Ахеянъ, былъ послѣднимъ свѣжимъ побѣгомъ отъ корня засохшаго дерева эллинской свободы, и имѣлъ цѣлію извлечь политику Греціи изъ разорванности и разобщенія частныхъ городскихъ интересовъ, чтобы на основахъ союзной государственности возродить національный духъ, могущество и единство. Богами-заступниками новаго союза почитались копьевержецъ «Зевсъ Собиратель» (Гомагиріосъ) и «Панахейская Деметра», древняя, таинственная богиня Эгіона [1], съ побѣднымъ вѣнкомъ на головѣ. Союзъ составляли самобытныя демократическія общины подъ главнымъ управленіемъ полководцевъ (стратеговъ) и союзнаго совѣта, при которомъ находились государственные письмоводители (грамматевсы). Послѣ того, какъ доблестному Арату удалось освободить отъ тиранна Нико-

[1] Эгіонъ, при р. Селинѣ, сдѣлался въ ближайшее время столицею Ахаіи и мѣстомъ засѣданія большихъ союзныхъ сеймовъ.

клеса свою родину, богатый и любящій искусство Сикіонъ, и потомъ склонить ее на приступленіе къ ахейскому союзу, онъ, въ самый годъ смерти Антигона Гоната (243), выгналъ изъ Коринѳа македонскій гарнизонъ и присоединилъ къ союзу еще и этотъ городъ съ его крѣпкимъ акрополемъ (кремлемъ). Вскорѣ послѣдовали за ними Мегара, Трезена, Эпидавръ и др. мѣстности. Это усиленіе Ахейцевъ возбудило зависть прочихъ государствъ. Македонія, гдѣ царствовалъ Димитрій II (243—233), приняла угрожающее положеніе и соединилась съ воинственными, суровыми и дикими Этолійцами, которые, долго проживъ въ невидномъ «затишьѣ», также сомкнули въ одинъ союзъ свои открытыя демократическія мѣстечки, но имѣя въ виду скорѣе охрану общими силами своихъ хищническихъ набѣговъ, нежели утвержденіе политическаго быта на нравственныхъ основаніяхъ, не хотѣли ввести у себя государственнаго единства. Растущая сила Ахейскаго союза въ Пелопоннесѣ всего болѣе возбуждала негодованіе и ревность Спарты, которая не забыла еще своей прежней гегемоніи надъ пелопоннесскими державами и гдѣ именно въ то время два благомыслящіе царя, Агисъ III (242—237) и Клеоменъ III, старались возстановить древнюю силу и доблесть воинскую. Съ тѣхъ поръ какъ въ Спартѣ состоялось постановленіе, что одинъ и тотъ же собственникъ могъ владѣть многими участками земли (§ 104, 108), вся недвижимость перешла мало-по-малу въ руки нѣсколькихъ богатыхъ олигарховъ, которые и управляли теперь государствомъ черезъ эфоровъ, выбираемыхъ ими изъ своей собственной среды. Вся поземельная собственность дорійской городской общины находилась во владѣніи какихъ-нибудь ста богатыхъ семействъ, а остальные граждане Спарты сдѣлались безземельны и безправны, и попали черезъ долги въ тяжкую зависимость отъ богатыхъ, которые предавались страшному распутству и роскоши, тогда какъ всѣ прочіе терпѣли нужду. Гимнастическія школы стояли пустыя, умѣренныя общія трапезы разстроились, мѣсто прежней воздержности и простоты заступили богатые пиры и драгоцѣнная домашняя утварь. Положеніе періэковъ, нажившихся промыслами и торговлею, даже состояніе Илотовъ, имѣвшихъ по крайней

мѣрѣ насущный хлѣбъ, было гораздо лучше жалкой доли обѣднявшихъ Спартанцевъ. Оба царя старались пособить этому горю тѣмъ, что настаивали на отмѣнѣ сана эфоровъ, уничтоженіи долговыхъ обязательствъ, новомъ распредѣленіи поземельной собственности и возстановленіи Ликурговыхъ учрежденій, а съ ними вмѣстѣ и древне-дорійской простоты. Но эгоизмъ богачей не допустилъ осуществленія этихъ замысловъ. Агисъ, послѣ неудачнаго похода противъ Этолянъ, былъ свергнутъ своими противниками (237); его выманили изъ святилища, гдѣ онъ искалъ себѣ защиты, и безъ жалости удавили вмѣстѣ съ благородной его матерью и бабкой, которыя великодушно отступились отъ своего богатаго имѣнія, чтобы подать собой примѣръ другимъ. Между тѣмъ это былъ настоящій царь-герой, съ пламенной душою, прекрасный собою юноша, котораго живое воображеніе было полно величія и славы древнеспартанской военной республики. Успѣшнѣе началась подобная же попытка царя Клеомена III (236—220), который женился на благородной, боготворившей свободу вдовѣ Агиса. Счастливый походъ противъ Ахейскаго союза, который между тѣмъ расширился приступленіемъ къ нему Аргоса, Мегалополя и другихъ городовъ, ободрилъ Клеомена на рѣшительныя мѣры. Онъ велѣлъ внезапно напасть на эфоровъ, сидѣвшихъ въ то время за пиршествомъ, и умертвить ихъ, потомъ изгналъ восемьдесятъ знатнѣйшихъ олигарховъ и, созвавъ народное собраніе, ввелъ съ его согласія тѣ коренныя реформы, которыя однѣ способны были дать Спартѣ возрожденіе. Дѣйствительно, иной духъ повѣялъ въ обновленномъ государствѣ; древнеспартанская военная доблесть возвратилась къ нему опять; мужественный царь, которому новое государственное устройство придало гораздо больше власти, принудилъ Аргосъ и Мантинею къ покорности (225) и старался снова доставить своей родинѣ прежнее преобладаніе въ Пелопоннесѣ. Это возбудило зависть Арата, котораго узкая душа не вмѣщала широкаго стремленія обновить Грецію; оттого, когда Клеоменъ готовился къ осадѣ Коринѳа, Аратъ отвергъ его мирныя предложенія, призвалъ на помощь македонскаго царя (Антигона Досона) и, передавъ ему коринѳскій акрополь, по-

ставилъ Ахейскій союзъ подъ защиту Македоніи,— постыдный шагъ, набросившій мрачную тѣнь на всю остальную его дѣятельность. Этой соединенной силѣ Спартанцы не могли уже противустать. Клеоменъ вынужденъ былъ снова отступиться отъ Аргоса, вынужденъ допустить разрушеніе Мантинеи и видѣть, какъ гражданъ ея частію перебили, частію увели въ неволю; а когда близъ сѣвернаго рубежа Лаконіи онъ отважился на рѣшительный ударъ, то съ пораженіемъ при Селласіи разомъ утратилъ всѣ плоды, добытые прежнимъ неутомимымъ стараніемъ. Окруженный малочисленною дружиной вѣрныхъ, убѣжалъ онъ въ Спарту, отдохнулъ тамъ немного, прислонясь къ колоннѣ головой, и затѣмъ тотчасъ поспѣшилъ къ морскому берегу, чтобы отправиться за море, въ Александрію. Здѣсь искалъ онъ помощи у египетскаго двора для освобожденія родины; но когда исполненіе его просьбъ казалось уже близкимъ, вдругъ скончался царь Птолемей Эвергетъ, и преемникъ его, уступая другимъ вліяніямъ, не только отказалъ Клеомену въ помощи, но и заключилъ его съ товарищами въ крѣпость. Въ отчаяніи, бросились они однажды съ кинжалами въ рукахъ по улицамъ египетской столицы, призывая народъ къ освобожденію, и когда кликъ ихъ не нашелъ сочувствія среди изумленной толпы, они сами пронзили себѣ грудь своимъ оружіемъ. Такъ умеръ (220) Клеоменъ; по отзыву Полибія, это былъ царственный характеръ отъ природы; надѣленный рѣдкими дарами и добродѣтелями, онъ погибъ жертвою своего энтузіазма къ невозвратной великой старинѣ и къ отжившему навсегда праву, которыя были чужды испорченному поколѣнію. Его мать и двое дѣтей, равно какъ прекрасная и цѣломудренная вдова младшаго изъ царскихъ дружинниковъ Пантея, по волѣ мстительнаго и развратнаго Птолемея Эвергета всѣ погибли отъ руки палача.

§ 127. Послѣ битвы при Селласіи, царь македонскій вступилъ въ Спарту милостивымъ побѣдителемъ; онъ возстановилъ опять эфоратъ и власть олигарховъ, и принудилъ жителей заключить оборонительный и наступательный договоръ (симмахію) съ Ахейскимъ союзомъ, который состоялъ теперь подъ покровительствомъ Македонянъ. По возвращеніи къ себѣ, Антигонъ Досонъ умеръ скоропостижно отъ

сильнаго кровотеченія, и мѣсто его заступилъ юный и подававшій большія надежды Филиппъ II (III, 221—179), за несовершеннолѣтіемъ котораго Антигонъ до того времени вѣрно и добросовѣстно правилъ государствомъ. Филиппъ былъ бойкій, предпріимчивый юноша, онъ оказалъ потомъ большія военныя способности, но не питалъ къ Греціи любви и считалъ всѣ средства позволенными для достиженія «всемірнаго господства», составлявшаго главную его цѣль. Въ началѣ его царствованія, изъ-за хищническаго набѣга Этолянъ на богатую стадами и пастбищами Мессенію, между ними и Ахейцами возгорѣлась шестилѣтняя «Союзническая война» (221—215), въ которой сильно пострадалъ Пелопоннесъ и многія мѣстности были опустошены грабительными шайками Этолянъ и вольными дружинами. Не было безопасности ни для имущества, ни для жизни; грабили безпощадно самые храмы боговъ. Эта пагубная война доконала послѣднія силы Греціи и лишила Спарту, раздираемую дикою борьбою крамолъ и примкнувшую изъ злобы на Ахеянъ къ Этолійскому союзу, всякаго вліянія и всякой нравственной опоры. Когда отравленный ядомъ Аратъ палъ жертвою македонскихъ козней, а главнымъ вождемъ (стратегомъ) Ахейскаго союза явился храбрый, благородный Филопеменъ (214) и пошелъ войною на враждебныхъ союзу Лакедемонянъ, тогда они, подъ управленіемъ суроваго, но опытнаго въ бояхъ тиранна Маханида, не могли оказать продолжительнаго сопротивленія. Маханидъ былъ побѣжденъ въ сраженіи при Мантинеѣ (208), гдѣ Филопеменъ убилъ его собственною рукой, и этотъ подвигъ былъ почтенъ на немейскихъ играхъ общимъ одобреніемъ цѣлой Греціи. Съ тѣхъ поръ значеніе Спарты совершенно исчезло, и хотя общія смуты, которыми сопровождалось для Греціи наступившее вскорѣ вмѣшательство Римлянъ, замедлили на нѣкоторое время окончательное паденіе увѣнченной славою лаконской столицы, однако смертельный ударъ былъ уже недалекъ. Мѣсто Маханида заступилъ жестокій тираннъ Нависъ и водворилъ съ собою кровавый деспотизмъ. Ровно двадцать лѣтъ послѣ Мантинейскаго сраженія Филопеменъ подступилъ къ стѣнамъ Спарты (188), гдѣ не задолго передъ тѣмъ Нависъ былъ убитъ Этолянами на одномъ вой-

сковомъ смотрѣ; онъ велѣлъ казнить восемьдесятъ знатнѣйшихъ гражданъ, а потомъ принудилъ уничиженный городъ примкнуть къ Ахейскому союзу, принять его политическія учрежденія и совершенно отмѣнить Ликурговы уставы. Вѣчная ненависть, существовавшая съ тѣхъ поръ между старинными врагами, только благопріятствовала возрастающему господству Римлянъ, которые приняли на себя роль посредниковъ. — Спустя немного лѣтъ (183) Филопеменъ выступилъ противъ Мессенянъ, которые, съ своимъ тиранномъ Динократомъ во главѣ, хотѣли отложиться отъ Ахейскаго союза, но самъ попалъ въ руки враговъ и принужденъ былъ уморить себя ядомъ. Могущество Ахейскаго союза пало съ смертію этого «послѣдняго Грека», который умѣлъ соединять рыцарство храбраго полководца съ ловкостью образованнаго политика, и котораго простота, прямодушіе и правдивость напоминали древніе героическіе лики Аристида и Эпаминонда. Вскорѣ послѣ этого Римляне успѣли овладѣть всѣмъ краемъ, не встрѣтивъ упорнаго сопротивленія (§ 175). — Освобожденіе отъ македонскаго владычества, дарованное ими вначалѣ всѣмъ государствамъ Греціи, ускорило общее разложеніе и довело неистовство партій и грабежи разбойничьихъ шаекъ до того, что жизнь и собственность оставались совершенно безъ защиты, основы общества колебались среди безпрерывной борьбы бѣдныхъ и задолжавшихъ съ богатыми и достаточными, и подчиненіе Эллиновъ римскому закону явилось наконецъ истиннымъ благодѣяніемъ.

Нàвисъ. Вотъ что говоритъ о Нàвисѣ Нибуръ: «Это былъ человѣкъ предпріимчивый и рѣшительный, находчивый военачальникъ, съ которымъ нельзя было шутить, но при этомъ отъявленный разбойникъ, истинное чудовище, о которомъ какіе бы ни разсказывались ужасы, всему можно повѣрить. Кажется, онъ имѣлъ въ виду совсѣмъ искоренить древне-спартанское племя: онъ частію перебилъ, частію изгналъ его, да и изгнанниковъ еще преслѣдовалъ черезъ своихъ бандитовъ, которыхъ, какъ въ послѣдствіи Медичи, онъ держалъ на жалованьѣ по всѣмъ почти городамъ. Иныхъ грабилъ и обиралъ онъ до нага, богатыхъ вводилъ въ свое семейство, женъ и дочерей изгнанниковъ выдавалъ замужъ частію за своимъ клевретовъ, частію за вольноотпущенныхъ рабовъ, и составилъ такимъ образомъ новое ла-

кедемонское гражданство, а Спарту сдѣлалъ убѣжищемъ для самыхъ отчаянныхъ убійцъ и злодѣевъ. Онъ безпощадно обдиралъ своихъ подданныхъ, и кто изъ нихъ не могъ удовлетворить его требованіямъ, тѣхъ онъ подвергалъ жесточайшимъ пыткамъ.» Чтобы сосредоточить всю власть и силу въ главѣ государства исключительно, Нависъ преслѣдовалъ безъ разбора всѣхъ, кто сколько-нибудь отличался породою, достаткомъ, значеніемъ или доброй славой. Разбойничьими набѣгами на сушѣ и на морѣ обогащалъ онъ себя и своихъ наемниковъ.

Б. АЗІЯ И ЕГИПЕТЪ.

1. Сирійское царство Селевкидовъ.

§ 128. Изъ преемниковъ Александра счастливѣйшими были Селевкъ Никаторъ и Птолемей. Первому, послѣ долгихъ успѣшныхъ войнъ удалось покорить себѣ всѣ земли отъ Геллеспонта до Инда. Сирія была главною страной; здѣсь основалъ онъ великолѣпную Антіохію на Оронтѣ, съ которою могла соперничать развѣ только Селевкія на Тигрѣ. Благодаря этимъ городамъ и сорока другимъ, основаннымъ Селевкомъ и его преемниками (Селевкидами), греческая образованность, греческій языкъ и бытъ дѣлались болѣе и болѣе господствующими на Востокѣ. Но къ этой цивилизаціи присоединялась тамъ восточная роскошь и азіятская изнѣженность, питаемыя постояннымъ приливомъ несмѣтныхъ богатствъ. Вялая дремота ослабляла силы народныя и порождала раболѣпство, выражавшееся подлѣйшею, подобострастнѣйшею лестью къ развратнымъ царямъ, преданнымъ всѣмъ похотямъ и порокамъ. Народъ не только воздвигалъ имъ алтари и оказывалъ божескія почести, онъ прозвалъ Антіоха II прямо «богомъ». Религія исказались въ какой-то смѣшанный грековосточный культъ, въ какую-то путаницу всѣхъ возможныхъ миѳовъ. Кровавые ужасы, господство женщинъ и царскихъ любимцевъ, общее уничиженіе и безнравственность, — вотъ что, вмѣстѣ съ тревогами кровавыхъ войнъ противъ Египта и мало-азійскихъ народовъ, составляетъ содержаніе исторіи Селевкидовъ, изъ которыхъ особеннаго упоминанія заслуживаетъ только Антіохъ III (Великій) за свои походы въ

Бактрію и Индію, за войны съ Египтомъ и за несчастную борьбу съ Римлянами (§ 174). Когда спустя нѣсколько лѣтъ послѣ битвы при Магнезіи, онъ вздумалъ для пополненія своей оскудѣвшей казны ограбить богатую сокровищницу Ваалова храма въ Элимаисѣ, къ югу отъ Каспійскаго моря, жители города убили святотатца (187). Послѣ пораженія при Магнезіи, Сирія не искала болѣе вторично рѣшить судьбу свою оружіемъ. Съ тѣхъ поръ какъ Римляне стали твердою ногой на азійской почвѣ, могущество ихъ въ Сиріи расло годъ отъ года, пока наконецъ Помпей не обратилъ это царство въ римскую провинцію (64). Монархія, составленная изъ многоразличнѣйшихъ племенъ безъ всякаго внутренняго единства, могла держаться только тѣмъ же мечемъ, какимъ была завоевана, и съ упадкомъ военной силы, при неуклюжемъ и плохомъ устройствѣ войскъ, она непремѣнно должна была покориться непріятелю.

Преемственный порядокъ Селевкидовъ. Селевкъ Никаторъ † 281; Антіохъ I Сотеръ † 262; Антіохъ II Θеосъ (богъ), отравленный женою 247; Селевкъ II Каллиникъ погибъ 227 въ несчастной битвѣ съ Атталомъ I пергамскимъ; братъ его Антіохъ, съ которымъ онъ долго спорилъ за престолъ, палъ отъ руки убійцъ, наемныхъ Кельтовъ; Селевкъ Керавнъ † 224; Антіохъ III † 187; Селевкъ Филопаторъ † 176.

§ 129. При такихъ слабыхъ и порочныхъ правителяхъ, каковы большею частію были Селевкиды, людямъ съ предпріимчивымъ характеромъ удалось основать особыя самостоятельныя государства въ ихъ владѣніяхъ. Такъ, подъ предводительствомъ Арсака (250), пріобрѣли себѣ независимость воинственные наѣздники Парѳы (въ нынѣшній Бухаріи) и успѣшными войнами скоро раздвинули предѣлы своихъ владѣній вплоть до Каспійскаго моря. Сто лѣтъ спустя Парѳянское царство Арсакидовъ обнимало уже собою всѣ земли между Евфратомъ и Индомъ и одно смогло дать отпоръ оружію всесвѣтныхъ завоевателей Римлянъ. Парѳія и мидійское царство Атропатена держались оба древней религіи маговъ, возстановили у себя священныя книги Зендъ-Авесты и противупоставили сильный оплотъ возрастающему преобладанію эллинизма. — Бо́льшую часть Малой Азіи храбрый полководецъ Александровъ, Лисимахъ, присоединилъ сначала къ своему Θракійскому царству; когда же семейныя несчастія

вовлекли его подъ старость въ войны, среди которыхъ онъ самъ лишился жизни, а важнѣйшая часть его владѣній перешла къ Селевку (240), то въ Малой Азіи образовалось нѣсколько меньшихъ независимыхъ державъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны: 1) Галатія, основанная толпами галльскихъ народовъ, которыя долго опустошали Македонію и Грецію, а послѣ пораженія при Дельфахъ (280) перешли на малоазійскій берегъ [1]; господство ихъ въ Галатіи утвердилось побѣдою, одержанною ими надъ Селевкомъ при Анкирѣ. По племенамъ Трокмовъ, Тектосаговъ и Толистобоіевъ, этотъ край былъ раздѣленъ на три родовыя области съ городами Анкирой, Пессиномъ, Тавіей и на 12 округовъ (тетрархій), изъ которыхъ каждый управлялся такъ-называемымъ четвертовластникомъ (тетрархомъ) по военной части, и судьею (дикастомъ)—по гражданской. Большой окружной совѣтъ изъ 300 членовъ, собиравшихся въ дубовой рощѣ (дринаметонъ), постановлялъ приговоры по уголовнымъ дѣламъ. Главнымъ промысломъ ихъ была война и военная служба, которую несли они, нанимаясь у изнѣженныхъ сосѣдей; немало добывали они и хищническими набѣгами на смежныя страны. Удачной борьбѣ съ ними обязанъ былъ Атталъ своимъ возвышеніемъ въ цари Пергама. 2) Царство Пергамское, гдѣ начиная съ 250 г. правили Атталъ и Эвменъ, знатоки и ревнители искусства и науки, которые однако въ то же время подслуживали и льстили Римлянамъ. 3) Царство Виѳинское, гдѣ, съ послѣдней половины 3-го вѣка, властвовали Никомедъ, сынъ его Прузій и побочный сынъ послѣдняго, отцеубійца Никомедъ II. Здѣсь также основаны были новые города (Лисимахія во Ѳракіи [2], Никомедія въ Виѳиніи и др.), достигшіе великаго блеска и дѣйствовавшіе образовательно на сосѣдственныя варварскія племена. Пергамъ (гдѣ впервые начали дѣлать пергаментъ изъ козьихъ и ослиныхъ кожъ) соперничалъ съ самою Александріею въ воздѣлкѣ греческаго искусства и науки, и библіотека его была знаменитѣйшею послѣ Александрійской. Царь Атталъ I, богатый и щедрый покровитель всѣхъ художниковъ и ученыхъ, своей любовію къ искусству сдѣлалъ то, что живопись до-

[1] Они были призваны на помощь Никомедомъ I, царемъ виѳинскимъ, у котораго братъ его Зивей оспоривалъ тогда престолъ. Въ награду за ихъ полезную службу Никомедъ отвелъ уже имъ земли по рѣкѣ Сангарію, но они скоро нашли себѣ въ Малой Азіи другую, болѣе заманчивую, поживу.

[2] У сліянія Геллеспонта съ Пропонтидой.

стигла въ Пергамѣ высокой степени техническаго совершенства. Орнаментальныя художества, въ которыхъ сноровка иногда важнѣе духовнаго содержанія, дѣйствительно могутъ найдти себѣ полезное поощреніе въ великодушной щедрости государей, но не такъ бываетъ это съ геніемъ, — геніемъ живописи или поэзіи — все равно. Замѣчательно, что не смотря на блескъ двора и на титулъ главы государства, общественный бытъ пергамскій всегда сохранялъ тотъ городовой, республиканскій характеръ, которымъ отличалась Флоренція при Медичи.

2. Египетское царство Птолемеевъ.

§ 130. Подъ правленіемъ трехъ первыхъ Птолемеевъ Египетъ процвѣталъ. Несмѣтныя богатства, стекавшіяся въ Александрію, благодаря высокимъ налогамъ съ плодоносной страны и благодаря внутренней и внѣшней торговлѣ (для охраненія которой цари содержали сильный флотъ), доставляли Птолемеямъ способы окружить свою столицу никогда не виданнымъ блескомъ и сдѣлать ее средоточіемъ греческой литературы и образованности и въ то же время — всемірной торговли. Но начинателями и двигателями этого процвѣтанія были, какъ и самъ царственный родъ, все-таки иностранцы, Греки и потомъ Іудеи. Народъ египетскій оставался въ своей прежней неподвижности, въ своей упорной враждѣ къ чужеземному, въ своей безучастной замкнутости, и съ ропотомъ влачилъ оковы рабства, налагаемыя на него иноплеменниками. Но именно потому блескъ трона Птолемеевъ и былъ только мимолетнымъ призракомъ, чужецвѣтомъ, который не пустилъ на почвѣ Египта ни какихъ живыхъ корней. И когда слѣдующіе цари, забывъ высшія стремленія, стали тратить сокровища земли своей на удовлетвореніе собственныхъ страстей и пресыщеніе своей чувственности, когда александрійскій дворъ началъ столько же отличаться развратомъ и злодѣйствами, сколько великолѣпіемъ и богатствомъ, тогда царственный домъ Птолемеевъ постепенно утратилъ подъ собой всякое основаніе, и Египетъ сдѣлался наконецъ добычею Римлянъ.

Птолемеи. — Птолемей Лаги или Сотеръ († 280) былъ мудрый основатель той державы, которая, имѣя средоточіемъ и главною опорой замкнутую со всѣхъ сторонъ и малодоступную долину Нила, простирала свои вѣтви на греческую Кирену въ сѣверной Африкѣ, и на Финикію, Палестину и Келесирію съ кедрообильнымъ Ливаномъ и Антиливаномъ, на востокѣ. Этотъ родоначальникъ династіи Птолемеевъ положилъ основу тремъ учрежденіямъ, на которыя опиралось величіе Египта,—большой сухопутной и морской военной силѣ, обширной и точно распредѣленной системѣ администраціи, податей и судоустройства и, наконецъ, знаменитому въ цѣломъ мірѣ Музею, который, состоя въ связи съ царскими чертогами, заключалъ въ себѣ громадныя помѣщенія какъ для александрійской библіотеки съ безчисленнымъ множествомъ книжныхъ свитковъ, такъ и для жительства стихотворцевъ и ученыхъ. Его сынъ и преемникъ Птолемей Филадельфъ († 273), то есть сестролюбивый, потому что онъ былъ женатъ на родной сестрѣ, далъ созданіямъ своего отца дальнѣйшее развитіе и болѣе прочныя основы. Онъ окружилъ свой дворъ неслыханнымъ великолѣпіемъ и расточительною роскошью и украсилъ столицу всѣми умственными и чувственными отрадами, какія только достижимы для богатства и образованности. Семьсотъ сорокъ тысячъ египетскихъ талантовъ (около 720 милл. р. сер.) собрано было при двухъ первыхъ Птолемеяхъ въ царскія сокровищницы, а ежегодные доходы края доведены до 14,800 талантовъ (болѣе 14 милл. р. сер.). Птолемей Эвергетъ (Благодѣтель, † 221) соединялъ съ любовью къ искусству и наукѣ мужество и воинскую доблесть. Счастливою войной успѣлъ онъ потрясти слабую и безъ того державу Селевкидовъ, раздвинулъ предѣлы своего царства во всѣ стороны и открылъ новые пути внутренней и внѣшней торговлѣ (особливо—караванной). Въ Абиссиніи, по берегу Троглодитовъ, въ южной Аравіи, гдѣ обитали Сабеи и Гомариты, и въ Эѳіопской странѣ основаны имъ поселенія, а сподручный для мореходства островъ Кипръ присоединенъ къ египетской державѣ. Въ Малой Азіи южныя области Карія, Киликія и Ликія, отнятыя у Селевкидовъ, украсились новыми городами (таковы Вереника, Арсиноэ, Филадельфія). Изъ трехлѣтняго похода, предпринятаго имъ ради мщенія и добычи въ царство Сирійское, Птолемей Эвергетъ воротился въ Египетъ съ 40,000 талантовъ серебра, несмѣтнымъ числомъ драго-

цѣнныхъ тканей и сосудовъ и почти съ 2,500 кумировъ. Хвастливая надпись адульская [1] говоритъ объ этомъ походѣ такъ: «Государь выступилъ въ Азію съ великою силою конною и пѣшею, съ отрядами судовъ, съ троглодитскими и эѳіопскими слонами, которыхъ отецъ его и онъ впервые наловили въ тѣхъ краяхъ и приспособили потомъ въ Египтѣ къ ратному дѣлу. Покоривъ себѣ всѣ земли по сю сторону Евфрата, Киликію, Памфилію, Іонію, Геллеспонтъ и Ѳракію, съ ихъ воинствами, слонами и властителями, онъ перешелъ Евфратъ и завоевалъ Месопотамію, Вавилонію, Сузіану, Персиду, Мидію и всю остальную страну вплоть до Бактріаны; онъ повелѣлъ отыскать всѣ святыни, похищенныя Персами изъ Египта, и вмѣстѣ съ другими сокровищами отвезти ихъ назадъ, а потомъ отправилъ военные отряды по теченію каналовъ (нижняго Евфрата и Тигра).» Сестра и вмѣстѣ жена Птолемея Эвергета (супружества между братьями и сестрами, не говоря уже о менѣе близкомъ родствѣ, были у Александровыхъ преемниковъ дѣломъ обыкновеннымъ) есть та самая красавица Вереника, которой прославленные волоса сообщили свое названіе одному изъ созвѣздій. Паденіе Египетскаго царства начинается съ Птолемеемъ Филопаторомъ или Трифономъ (то-есть Гулякой, † 204), у котораго жестокость соединялась съ величайшимъ распутствомъ и бражничаньемъ. Неудачная война съ сирійскимъ царемъ Антіохомъ III, не смотря на побѣду Египтянъ при Рафіи (217), нанесла державѣ Птолемеевъ страшный ударъ и, по утратѣ ими Іудеи, Сиріи и малоазійскихъ провинцій, подала поводъ къ пагубному вмѣшательству Римлянъ, которые во время своего опекунства надъ малолѣтнымъ Птолемеемъ Эпифаномъ (204 — 181) утвердили и расширили власть свою въ Египтѣ до того, что слѣдующіе цари были уже совершенно подъ ихъ вліяніемъ.

В. ІУДЕЯ ПРИ МАККАВЕЯХЪ.

§ 131. Іудея долго была предметомъ спора между Селевкидами и Птолемеями. Послѣдніе вначалѣ овладѣли этою страною и сдѣлали ее себѣ данницей, оставивъ ей однакожь прежнія учрежденія и дозволивъ первосвященнику съ

[1] Адула (Adulis) древній портовой городъ въ странѣ эѳіопскихъ Троглодитовъ, на западномъ берегу Чермнаго моря. Надпись была начертана на тронѣ изъ бѣлаго мрамора и списана въ VI в. по Р. Х. Космой Индикоплевстомъ.

верховнымъ совѣтомъ семидесяти (синедріономъ) вѣдать богослужебныя и всѣ внутреннія дѣла. Многіе Іудеи переселились въ Александрію и достигли тамъ богатства и значенія. Они занимали разныя высокія должности въ государствѣ и наживались прибыльною торговлею, такъ что изъ приношеній заграничныхъ Іудеевъ накопились въ іерусалимскомъ храмѣ несмѣтныя сокровища. Но послѣ побѣды у горы Паніона при истокахъ Іордана (198), одержанной Антіохомъ III Великимъ (224—187), Іудея покорилась Селивкидамъ и была тяжко угнетена налогами, особенно, когда Антіоху пришлось купить у Римлянъ миръ цѣною огромныхъ денегъ. Второй преемникъ его Антіохъ Эпифанъ («Знаменитый»), который за пороки и нечестіе прозванъ отъ народа Эпиманомъ («Безумнымъ»), разграбилъ даже храмовыя сокровища въ Іерусалимѣ и задумалъ уничтожить іудейскія учрежденія и самое служеніе Іеговѣ, а вмѣсто того водворить тамъ греческую образованность и язычество Эллиновъ. Упорное сопротивленіе Іудеевъ повлекло за собой столь жестокія преслѣдованія, что доведенный до отчаянія народъ наконецъ возсталъ противъ Селевкидовъ и подъ водительствомъ первосвященника своего Матаѳіи и его пяти доблестныхъ сыновей (Маккавеевъ) мужественно и успѣшно боролся съ Сирійцами малою (партизанскою) войною. Старшій сынъ, Іуда Маккавей[1] (142—135), послѣ нѣсколькихъ удачныхъ битвъ противъ непріятеля, завоевалъ у него миръ, съ полнымъ возстановленіемъ іудейскаго богослуженія. Братъ его Симонъ совершенно освободилъ Іудею отъ подвластности и данничества Сирійцамъ и въ качествѣ князя и первосвященника мудро и правосудно управлялъ страною и отечественнымъ богослуженіемъ. При потомкахъ его предѣлы іудейской державы расширились, и Идумеяне (Эдомиты) были подчинены іудейскому закону, такъ что Аристовулъ (внукъ Симона) принялъ даже снова царскій титулъ[2]. Но процвѣтаніе іудейской державы, вызван-

[1] Маккавеемъ прозванъ онъ отъ начальныхъ буквъ пяти еврейскихъ словъ, вышитыхъ на его знамени и означавшихъ: кто изъ сильныхъ равенъ Тебѣ, Іегова!—Родовое же прозвище Маккавеевъ — Асмонеи, идетъ отъ родины ихъ, города Асмона, въ колѣнѣ Симеоновомъ.

[2] Замѣчательно, что великій предокъ Аристовула, Іуда Маккавей, при первомъ дружественномъ сближеніи съ Римлянами, былъ всего болѣе пораженъ тѣмъ, что

ное геройскою борьбою Маккавеевъ, было непродолжительно. Внутреннія распри, взаимная вражда различныхъ сектъ и племенная ревность настоящихъ Іудеевъ къ Самаритянамъ и Галилеянамъ сокрушили силу народа и подклонили его наконецъ римскому владычеству. Послѣдній изъ Маккавеевъ былъ убитъ Идумеянином Иродомъ, который вслѣдъ за тѣмъ возсѣлъ, съ помощью Римлянъ, на престолъ Давидовъ и управлялъ Іудеею въ качествѣ царя-данника (тетрарха, четвертовластника). Чтобы расположить къ себѣ Іудеевъ, которые ненавидѣли въ немъ иноземца, Иродъ велѣлъ распространить и украсить Соломоновъ храмъ, но подъ конецъ своего царствованія сдѣлался изъ подозрительности кровожаднымъ чудовищемъ, и посягалъ на жизнь даже младенца Іисуса, сына Божія, ниспосланнаго для спасенія павшаго человѣчества и рожденнаго въ его время.

§ 132. Въ ту пору существовали у Іудеевъ разныя секты или партіи, изъ которыхъ знаменитѣйшими были Фарисеи и саддукеи. Первые строго держались Моисеева закона и пророковъ, но произвольнымъ и натянутымъ толкованіемъ выводили изъ нихъ множество чисто-внѣшнихъ, мелочныхъ правилъ и положеній, и приписывая точному соблюденію этихъ правилъ высокую заслугу, впали такимъ образомъ въ лицемѣріе и ханжество; напротивъ, состоявшіе изъ богачей и знати саддукеи принимали Моисеево законодательство не въ такомъ строгомъ смыслѣ и старались болѣе согласить его съ бытомъ, наукою и образомъ мыслей Грековъ. Еще далѣе шли этимъ путемъ александрійскіе Іудеи, которые прямо имѣли въ виду сліяніе іудейской мудрости съ греко-языческою философіей, а подъ-конецъ даже и говорили обыкновенно только по-гречески. Семидесяти двумъ ученымъ этой александрійско-іудейской школы поручилъ Птолемей Филадельфъ (284) перевесть на греческій языкъ еврейскія писанія Библіи и велѣлъ помѣстить ихъ трудъ въ своей библіотекѣ. Этотъ переводъ, извѣстный подъ названіемъ перевода семидесяти толковниковъ (Septuaginta), въ послѣдствіи много

«не возлагаше ни единъ отъ нихъ діадимы, ни облачашеся въ порфиру, еже возвеличитися о ней». Кн. I Маккав. VIII, 14. Долго воздерживались отъ этого и Маккавеи, но Аристовулъ, вѣроятно увлекаясь примѣромъ другихъ азіятскихъ властителей, предпочелъ царскій титулъ болѣе скромному сану князя, который носили его предки.

способствовалъ къ распространенію христіанства между язычниками. Другая іудейская секта, эссеи или эссеняне, полагали всего лучше угодить Богу и преуспѣть въ душеспасеніи отчужденіемъ отъ міра, подвигами покаянія (аскетизмомъ) и общеніемъ имуществъ между братіей. Они жили особыми обществами въ пустынѣ по западную сторону Мертваго моря, занимаясь земледѣліемъ, скотоводствомъ и мирными, безвредными ремеслами; никто изъ нихъ не могъ имѣть частной собственности, а потому всякое имущество и всякій прибытокъ сносили они для общаго пользованія въ одну общую казну. У эссенянъ, какъ и у единомысленниковъ ихъ, θерапевтовъ [1] египетскихъ, основнымъ догматомъ признавалось ученіе, что «источникомъ всякаго зла есть плоть, въ которую эѳирный духъ заключенъ какъ въ темницу».

Г. АЛЕКСАНДРІЙСКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА.

§ 133. Послѣ Александра Великаго настала пора перезрѣлаго образованія и перехитренной утонченности. Свѣжая, свободная естественность уступила мѣсто условному приличію и удобству, и исчезла подъ стѣснительнымъ гнетомъ чисто-внѣшнихъ формъ. Произведенія ума имѣли поэтому единственною цѣлію или льстивое прославленіе царствующихъ домовъ, или забаву привыкшихъ къ роскоши и нѣгѣ обществъ, или, наконецъ, обработку практическихъ наукъ, разсчитанныхъ только на полезное и сподручное въ житейскомъ обиходѣ. Исторія, преуспѣвающая дѣйствительно только при болѣе свободномъ настроеніи духа, перешла отъ прежней силы и простоты къ риторскому ухищренію и вдалась въ подборъ пышныхъ словъ и ораторскія прикрасы. Поэзія стала натянутою и неестественною отъ туманной учености и высокопарной фантазіи, или превращалась въ принужденную искусственность, въ какую-то изукрашенную потѣху и фиглярство. Она удалилась отъ жизни, существенныхъ ея требованій и задачъ, и прилѣпилась къ забавамъ, но забавамъ не дѣтскаго возраста, а скорѣе старческимъ, которыя хотя и раздѣляютъ съ первыми ихъ безцѣльность, но совершенно лишены ихъ невинности и простоты: зрѣлый возрастъ, если когда и переносится въ дѣтство, то во всякомъ случаѣ лишь мгновенно и мимоходомъ. Вотъ

[1] И Эссей, и Θерапевтъ, въ первоначальномъ смыслѣ, означаетъ пользующаго больныхъ, занимающагося уходомъ за ними.

отчего, въ противоположность роскошной и крайне условной дѣйствительной жизни, преимущественно стали заниматься тогда идиллiей или буколическимъ стихотворствомъ, поэтическимъ изображеніемъ еще близкой къ природѣ пастушеской и сельской жизни, полной невинности и простоты; на такой родъ поэзіи попадаетъ только утонченная эпоха, которая, пресытившись сама собой, ищетъ удовлетворить своему избалованному вкусу и утолить свою томительную жажду новаго между прочимъ и (придуманными) картинами простаго естественнаго быта. Въ этомъ идиллическомъ стихотворствѣ, пластическій характеръ прежней поэзіи смѣняется широкою размалевкою подробностей, и мѣсто безсознательно творящей геніальности заступаетъ здѣсь усильное стараніе соединить изысканную оригинальность сюжета и содержанія съ притворною и потому приторною естественностью. Значительнѣйшимъ идиллическимъ стихотворцемъ былъ Сициліецъ Θеокритъ (ок. 280), жившій поперемѣнно то въ Сиракузахъ, то при дворѣ александрійскомъ, и сочинявшій, на дорійскомъ нарѣчіи и притомъ часто въ разговорной формѣ чередующихся голосовъ, піэсы разнообразнаго содержанія, которыя при всей граціи, разлитой въ нихъ его великимъ талантомъ, все-таки страдаютъ какою-то натяжкой и искусственностью прикрасъ. Изъ подражателей его наиболѣе извѣстны: Віонъ смирнскій и Мосхъ сиракузскій, жившіе лѣтъ сто послѣ Θеокрита (175). Эти буколическіе стихотворцы, равно какъ и не много старѣйшіе ихъ комики, Менандръ аѳинскій и современникъ его, Филемонъ (§ 89), которыхъ произведенія впрочемъ всѣ почти утрачены, имѣли огромное вліяніе на римскую поэзію,—послѣдніе—своими драматическими характерами и завязками, своею космополитскою философіею и своими нравственными сентенціями; напротивъ, извѣстные подъ именемъ «плеядъ» или трагическаго семизвѣздія трагики, въ томъ числѣ и туманный творецъ длинной поэмы «Кассандра», Ликофронъ, были люди безъ таланта и безъ всякаго значенія. Жившіе въ Александріи при Птолемеяхъ (Филадельфѣ, Эвергетѣ, Филопаторѣ) въ 3 вѣкѣ стихотворцы Каллимахъ киренскій и Аполлоній Родосецъ отличились болѣе своими учеными и критическими трудами въ Музеѣ и богатствомъ своихъ знаній вообще, нежели поэтическими произведеніями. Первый былъ плодовитый полигисторъ (энциклопедистъ) и сочинялъ гимны и эпиграммы, которыя большею частію дошли до насъ, а также и элегіи,

отъ которыхъ уцѣлѣли только мелкіе отрывки и римскія подражанія Катулла; этому начитанному поэту никакъ нельзя отказать въ дарѣ творчества, пылкомъ воображеніи, полномъ обладаніи своимъ матеріаломъ и языкомъ; но намѣренное смѣшеніе идеала съ дѣйствительностію и явное заискиваніе милости при дворѣ часто дѣлаютъ его принужденнымъ и холоднымъ. При каждомъ удобномъ случаѣ приписываетъ онъ юной военной монархіи Птолемеевъ власть, исходящую отъ неба, славитъ могущество и силу какъ единственный источникъ права, сближаетъ самымъ тѣснымъ образомъ государя съ божествомъ. Аполлоній, сначала ученикъ, потомъ врагъ его, особенно прославился написаннымъ въ подражаніе Гомеру, искусственнымъ эпосомъ о походѣ аргонавтовъ («Аргонавтика»), въ которомъ обнаружилъ больше трудолюбія и учености чѣмъ таланта и вкуса, за исключеніемъ нѣкоторыхъ удачныхъ изображеній и описаній, и спокойнаго вообще теченія разсказа. Ибо по мѣрѣ того какъ наука и искусство расходились съ непосредственною жизнію и ближайшими потребностями, художники и ученые стали черпать матеріалъ изъ всей области знанія и обработывать его для читающей и слушающей публики, имѣя въ виду преимущественно чудесное, туманное, необыкновенное. Такимъ образомъ, подъ руками ученаго сословія возникла «всемірная» (космополитская) литература. Конечно при такомъ направленіи умовъ поэтическое паренiе не могло подниматься до прежней высоты, но тѣмъ успѣшнѣе шли ученыя занятія и такъ-называемыя точныя или реальныя науки, достигшія высокаго процвѣтанія въ александрійскую эпоху. Ученые критики и грамматисты (Аристархъ, Эратосѳенъ, Аристофанъ и друг.) раздѣлили произведенія древнѣйшихъ греческихъ поэтовъ и писателей на классы, составили къ нимъ эстетическій указатель (такъ-называемый канонъ), очистили текстъ ихъ отъ ошибокъ и вставокъ (интерполяцій) и пояснили темныя мѣста примѣчаніями. Богатая Александрійская библіотека, выставленная въ великолѣпномъ Музеѣ, давала имъ къ тому завидныя средства. — Предметомъ особенной заботливости и обработки были естествовѣдѣніе, астрономія и математическія науки, вмѣстѣ съ техническими искусствами и ремеслами, основанными на ихъ приложеніи. Уже въ цвѣтущую пору Греціи, пытливый и дѣятельный духъ эллинскаго народа не остался чуждымъ математическихъ знаній, особенно астрономіи; но эти науки всегда разработывались больше

какъ вспомогательныя для практической жизни, для времясчисленія, для распредѣленія года и религіозныхъ праздниковъ, для составленія календаря, чѣмъ для самой науки; такъ, незадолго до Пелопоннесской войны Аѳинянинъ Метонъ ввелъ девятнадцатилѣтній кругъ, или циклъ, который и былъ долго въ употребленіи. Но бо̀льшее знакомство съ Вавилоніею и Египтомъ значительно подвинуло Грековъ въ астрономіи въ александрійскій періодъ и повело къ тщательнымъ изслѣдованіямъ и изученію. Такъ, при первомъ Птолемеѣ, Эвклидъ начерталъ ученіе о геометріи и стереометріи, вслѣдствіе чего въ большихъ торговыхъ городахъ стали заводить реальныя школы для обученія математическимъ наукамъ и ихъ приложенію къ кораблестроительству и другимъ искусствамъ и ремесламъ практической жизни. Астрономію и математическую географію разработывали Эратосѳенъ (при Птолемеѣ Эвергетѣ), ученый основатель вѣрнаго времясчисленія, и въ особенности глубокій изслѣдователь Гиппархъ (во 2-мъ вѣкѣ). Статикѣ, механикѣ и другимъ частямъ математики и физики оказалъ особенныя услуги Сиракузянинъ Архимедъ (§ 170). Врачебное искусство (медицина), впервые выведенное изъ чудеснаго, жреческо-религіознаго полумрака на свѣтъ опытнаго и научнаго изслѣдованія Гиппократомъ изъ рода Асклепіадовъ на остр. Косѣ (460—372), было существенно усовершенствовано въ Александріи расширеніемъ ботаническихъ знаній и присоединеніемъ къ нему анатоміи. Покровительство литературѣ перешло, какъ царская прихоть, даже въ полу-дикое Македонское царство, гдѣ Антигонъ Гонатъ принялъ къ себѣ философа Зенона (§ 134) и поощрилъ поэта Арата (ок. 270 г.) къ сочиненію дидактическаго стихотворенія «о звѣздномъ небѣ», въ которомъ, чистымъ языкомъ, въ серьёзномъ, религіозно-философскомъ и благочестивомъ духѣ, чуждомъ суевѣрія, описаны созвѣздія, или небесные миѳы, и объяснены признаки погоды. Землевѣдѣнію и народовѣдѣнію сообщилъ научную основу ученый Эратосѳенъ, послѣ того какъ Каріецъ Скилаксъ (ок. 520), въ своемъ «Круговомъ плаваніи» (Периплѣ), впервые съ точностію описалъ земли, прилегающія къ Понту и Средиземному морю, вплоть до сказочнаго острова Керне, за столбами Геркулеса, а Массиліецъ Пиѳей изслѣдовалъ побережье западной и сѣверной Европы. Даже коренные жители Востока вышли изъ своего обычнаго молчанія и писали историческія сочиненія о своемъ отечествѣ на греческомъ языкѣ; такъ вавилонскій

жрецъ Берозъ обработалъ около 265 г. древнѣйшую исторію Вавилонянъ, Ассиріянъ и Мидянъ, по памятникамъ и сказаніямъ, но съ безмѣрными преувеличеніями въ лѣтосчисленіи и росписяхъ царскихъ династій, а современникъ его Манеѳонъ (§ 30) сочинилъ исторію Египта, обнимающую тридцать фараоновскихъ династій.

1. Исторія. Два замѣчательнѣйшіе историка первой поры македонскаго могущества, Ѳеопомпъ хіосскій и Эфоръ кимскій (въ Эолидѣ, род. ок. 405), старшіе современники Филиппа и его сына, вышли изъ Исократовой школы краснорѣчія на островѣ Хіосѣ и примѣнили риторическія правила витійства къ исторіографіи. Оттого, мѣсто чисто-историческаго изложенія заняли у нихъ ораторскія прикрасы, нерѣдко переходившія въ пустую напыщенность и самодовольное многословіе. Ѳеопомпъ (по мнѣнію Исократа нуждавшійся въ уздѣ, между тѣмъ какъ на Эфора нужны были шпоры) написалъ, по образцу Геродота, греческую исторію (Hellenica) съ того времени, которымъ оканчивается твореніе Ѳукидида, до битвы при Книдѣ (410—394) и большую, изобилующую отступленіями исторію эпохи Филиппа; хотя онъ приготовился къ этому послѣднему труду большими путешествіями и собственнымъ наблюденіемъ, однако его упрекали въ баснословіи, преувеличеніяхъ и склонности къ порицанію; напротивъ Эфоръ, вѣрный своему спокойному характеру, избралъ предметомъ своего сочиненія древнѣйшее время и составилъ первую всеобщую исторію отъ завоеванія Трои до Священныхъ войнъ (345); но онъ слылъ плохимъ критикомъ, ибо часто впадалъ въ баснословіе, перемѣшивалъ исторію съ сказкой и по своему риторскому характеру любилъ преувеличенія. Оба историка, сопровождавшіе Александра въ его походѣ, Анаксименъ лампсакскій и Каллисѳенъ олинѳскій (§ 121), тоже охотно предавались риторскому разглагольствованію и искусственному строенію періодовъ; сочиненныя рѣчи, длинныя описанія битвъ при незнаніи военнаго дѣла и другія порожденія пустаго краснобайства замѣняли у этихъ историковъ истину, обсужденіе и историческую вѣрность. Всѣ эти недостатки принадлежали также другому историку Александра, Клитарху, котораго безвкусная, неестественная и напыщенная манера и риторскія преувеличенія вошли въ пословицу еще въ древности. Кажется, изъ цѣлаго роя историковъ, вызванныхъ Александровымъ походомъ (Онесикритъ, Неархъ и друг.), только Записки Птолемея Лаги и архитектора Аристовула изъ Кассандріи заслужи-

вали довѣрія. «Двадцать восемь книгъ исторіи» Аратова современника Филарха изъ Аѳинъ или Навкратиса, обнимающихъ время отъ Пиррова пелопоннесскаго похода до смерти царя Клеомена (272 — 221), отличались богатствомъ разнообразнаго, почти трагическаго содержанія и живымъ драматическимъ изложеніемъ. Не смотря на пристрастіе къ главному герою Клеомену и явное стремленіе къ эффектности, Филархъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ мастеровъ отечественной исторіографіи. Сочиненія всѣхъ этихъ историковъ совершенно утрачены; но греческіе историки римскихъ временъ (§ 224) большею частію пользовались ими, какъ источниками. Историческія книги Гіеронима кардійскаго, Эвменова друга и спутника, посвященныя его времени, сочиненіе Тимея о Сициліи (§ 163) и такъ-называемые составители Атѳидъ тоже утрачены. Составителями Атѳидъ называется рядъ писателей третьяго вѣка, которые, какъ напр. Филохоръ (ок. 280), Андротіонъ, Демонъ, Истеръ и мн. друг., составляли сухіе, лѣтописные перечни всѣмъ событіямъ исторіи Аттики, по порядку царей и архонтовъ. Какъ ни прискорбна утрата этихъ и нѣкоторыхъ другихъ сочиненій, какъ историческаго матеріала, художественное достоинство и достовѣрность ихъ повидимому были весьма незначительны.

2. Поэзія. Къ тамъ-называемому трагическому семизвѣздію (плеядамъ), процвѣтавшему при Птолемеѣ Филадельфѣ (ок. 280), причисляютъ: Сосиѳея (до насъ дошли фрагменты его сатирической драмы Лиѳіерсъ); Гомера младшаго; Филиска; Эантіада; Александра Этолійца; Діонисіада и Ликофрона Туманнаго изъ Халкиды на Эвбеѣ. Отъ послѣдняго уцѣлѣло еще одно, не совсѣмъ понятное стихотвореніе Кассандра или Александра въ ямбическихъ сенарахъ [1], заключающее въ себѣ предсказанія той троянской прорицательницы о паденіи Трои и участи различныхъ героевъ, которую ослѣпленный ея отецъ Пріамъ велѣлъ содержать какъ плѣнницу въ башнѣ, откуда были видны только лѣсъ и море. Авторъ восходитъ къ похищенію Іо и Европы, къ аргонавтамъ и амазонкамъ, и заключаетъ свое произведеніе Александромъ Великимъ, примѣшивая еще многое изъ богатой области миѳовъ и исторіи; онъ имѣлъ въ виду представить поэтико-историческій очеркъ и оцѣнку всемірно-исторической борьбы между Азіею и Европой съ тѣмъ, чтобъ

[1] Особый строй шестистопнаго ямба.

отправляясь отъ Троянской войны какъ средоточія и обращаясь назадъ и впередъ, изслѣдовать и опредѣлить, въ чемъ именно виновна или невиновна та и другая сторона, показать послѣднія нити и узлы этой борьбы то въ исторіи Александра Великаго и его преемниковъ, то въ возрастающемъ могуществѣ Рима, и потомъ, такъ сказать, разрѣшить ее окончательнымъ примиреніемъ и миролюбивымъ раздѣломъ всесвѣтнаго владычества. Это стихотвореніе есть истинное сокровище по рѣдкому богатству миѳологическихъ, географическихъ и историческихъ свѣдѣній; но въ поэтическомъ отношеніи оно непривлекательно, тѣмъ болѣе что его форма, языкъ и выраженіе, часто изысканныя и тяжелыя, не мало затемняютъ самый смыслъ стихотворенія, рано вызвавшаго ученыхъ толкователей (напр. Исаака Цецеса). Весь планъ стихотворенія разсчитанъ такъ, чтобы можно было не только нанизать массу разнообразнѣйшаго матеріала на внѣшнюю нить повѣствованія, но и не дать ни одному понятію прямаго, естественнаго выраженія, а или перефразировать его, или замѣнять настоящее слово другимъ, труднымъ для разгадки: замѣчательный примѣръ новаго «романтическаго» вкуса и особенной охоты совокуплять въ воображеніи то, что разъединено въ пространствѣ и во времени, и придавать особенную цѣну всему вычурному, необыкновенному и неестественному.

§ 134. Государственный бытъ. Религіозныя и философскія ученія (эпикурейцы и стоики). Съ того времени, какъ пала свобода Греціи, многое измѣнилось въ эллинскомъ образѣ мыслей. Строгія понятія о государствѣ и самодержавіи (верховной власти) народа, при которыхъ человѣкъ терялся въ гражданинѣ, и только полноправный членъ государственной общины пользовался покровительствомъ законовъ и защитою государства, а каждый иноземецъ, каждый, непринадлежащій къ ограниченной узкими предѣлами государственой общинѣ, считался безправнымъ, даже врагомъ, — эти закоренѣлыя понятія государственной исключительности начали смягчаться. Чувство личности (индивидуализмъ) человѣка рѣзче выступило наружу и ослабило чувство гражданства, а съ тѣмъ вмѣстѣ безраздѣльный интересъ къ государству и мощный патріотизмъ прежнихъ временъ; узкое разграниченіе городскихъ, демократическихъ общинъ сгладилось и уступило мѣсто союзнымъ (федеративнымъ) государствамъ и государственнымъ союзамъ съ единою властью, вслѣдствіе чего демократическое само-

управленіе, которымъ доселѣ такъ дорожили республики, стало приходить въ упадокъ; большія монархіи, возникшія изъ Александровой міровой державы и заключавшія въ себѣ многія изъ разрозненныхъ греческихъ государствъ, пріучили эллинскій міръ къ политической уступчивости и къ мысли о принадлежности къ обширному государственному тѣлу, о необходимости пожертвовать городскою исключительностію и самоуправленіемъ (автономіей) для высшаго государственнаго единства. Даже чувство національности и строгое противопоставленіе эллинизма и варварства были ослаблены сліяніемъ греческаго и восточнаго элементовъ въ государствахъ александрійскаго періода и вытѣснены космополитскимъ понятіемъ о міровомъ гражданствѣ. — Туже перемѣну, какъ и въ понятіяхъ о государствѣ и правѣ, находимъ мы въ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Наивная, дѣтская вѣра былыхъ временъ, считавшая боговъ за совершенныхъ людей, которые участвуютъ въ радостяхъ и страданіяхъ человѣка, имѣютъ личныя сношенія съ человѣчествомъ и управляютъ его судьбами, — эта вѣра давно утратилась въ образованныхъ кружкахъ и осмѣивалась, какъ суевѣріе. Философскія изслѣдованія, опровергавшія истинность множественнаго и приводившія къ идеѣ о единомъ первомъ началѣ, какъ дѣйствительно-сущемъ и спокойно-неизмѣнномъ среди всеобщаго измѣненія вещей, потрясли самыя основы полиѳеизма, и такъ какъ результаты этихъ изслѣдованій были недоступны народу и не могли удовлетворить присущую человѣческому сердцу потребность религіи, то совѣсть человѣка помутилась. Оттого понятно, что древнія правительства, которыя, какъ представители цѣлаго народа, должны были имѣть въ виду общее благоденствіе, явились хранителями и защитниками народной религіи, и изгоняли или подвергали наказанію многихъ философовъ какъ безбожниковъ. Но стремленія къ познанію и духовному развитію нельзя остановить никакими внѣшними преградами. По мѣрѣ того, какъ понятіе о человѣческой личности и личной свободѣ пересиливало узкія формы древнихъ государственныхъ понятій, философское направленіе мало-по-малу одолѣвало народное многобожіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ языческій міръ постепенно приходилъ въ упадокъ. Какъ скоро въ народныя массы проникло мнѣніе о внутренней несостоятельности господствующей религіи, сомнѣніе стало какъ червь подтачивать корни и сердцевину религіозныхъ системъ полиѳеизма, и мало-по-малу сокрушило ихъ, не смотря на твердыя подпоры, обезпечивавшія ихъ извнѣ.

Новая философская школа, основанная современникомъ Александра Пирономъ (ок. 330) изъ Элиды, еще усилила запутанность и шаткость понятій, провозглашая сомнѣніе высшимъ началомъ и стараясь положить основаніе тому безнадежному ученію, что человѣческій разумъ ничего не можетъ знать достовѣрно. Хотя Пирронъ, основатель этой системы сомнѣнія, извѣстной подъ именемъ скептицизма, утверждалъ только недостаточность всякаго человѣческаго знанія, но нѣкоторые изъ учениковъ его зашли такъ далеко, что отрицали всякую достовѣрность не только духовнаго, но и чувственнаго познанія, отвергали почти всѣ догматы философіи и доводили самоубійственную науку до того, что сомнѣвались даже въ достовѣрности сомнѣнія. Въ этомъ отрицаніи ощущали они не жало жгучей скорби, но видѣли побѣду своего кичливаго тщеславія. Смертельный ударъ нанесъ народнымъ вѣрованіямъ Эвгемеръ (ок. 315), жившій при дворѣ македонскаго царя Кассандра: въ надписяхъ, памятникахъ и народныхъ сказаніяхъ онъ находилъ будто бы доказательства тому, что греческіе боги были лишь обоготворенные люди, а это мнѣніе лишало политеизмъ всякаго глубокаго смысла и идеальнаго характера, и низводило языческую религію народа на степень обмана, пошлой и безсмысленной формальности. — Сладкій, давно подготовленный ядъ невѣрія подѣйствовалъ, и все болѣе и болѣе проникалъ въ члены эллинскаго народа. — При шаткости господствующей религіи, человѣкъ искалъ въ философіи успокоенія для души и опоры для жизни, и можно сказать, что время упадка религіозныхъ вѣрованій было цвѣтущею порою философіи, но не въ томъ смыслѣ, что возникли новыя великія философскія системы, а потому, что число приверженцевъ различныхъ философскихъ школъ постоянно возрастало. Эти школы примыкали къ великимъ философамъ прошедшаго и старались проводить ихъ ученія въ жизнь и дать имъ практическое примѣненіе. Приверженцы каждой школы раздѣлялись на учениковъ или членовъ въ собственномъ смыслѣ (эзотериковъ), которымъ все ученіе передавалось въ научной формѣ, и сторонникъ приверженцевъ (экзотериковъ), которыхъ посвящали только въ главныя основанія системы. — Самыми важными по вліянію философскими школами, кромѣ перипатетической школы Аристотеля и академической — Платона (которая подвергла первоначальное ученіе своего основателя разнымъ перемѣнамъ и потому дѣйствовала какъ первая, вторая и третья академія), были двѣ:

руководствовавшаяся правилами Аристиппа эпикурейская, и стоическая съ благороженнымъ ученіемъ киниковъ (§ 100). — Обѣ обрѣтали утѣшеніе и ободреніе для жизненнаго поприща въ искренней приверженности къ добытой истинѣ: первая — желала свободнаго общенія съ внѣшнимъ чувственнымъ міромъ чрезъ наслажденіе, совѣтуя пользоваться и наслаждаться этимъ общеніемъ въ разумной мѣрѣ; послѣдняя предписывала возможно большую степень воздержанія и радостную готовность къ борьбѣ при помощи душевнаго спокойствія въ мудрости (апатіи) и дѣятельнаго упражненія (аскетической жизни).

Эпикуръ (съ острова Самоса, получившій образованіе въ Аѳинахъ, учившій въ Малой Азіи и умершій въ 269 г.) подновилъ киринейское ученіе Аристиппа. — Его философія, раздѣлявшаяся на логику, физику и этику, и преподаваемая имъ въ прекрасно расположенномъ домикѣ среди сада, въ Аѳинахъ, учила, что познаніе истины основано только на минутномъ впечатлѣніи, получаемомъ отъ созерцанія и ощущенія; что нѣтъ бытія внѣ матеріи, а матерія, душа и боги возникли изъ случайнаго совокупленія атомовъ; что цѣль бытія, какъ для людей, такъ и для боговъ, заключается въ блаженствѣ; для первыхъ оно состоитъ въ томъ, что они избавлены отъ многотрудныхъ занятій міротворенія и міроуправленія (оттого Эпикуръ и отвергалъ всякое вліяніе боговъ на міръ и человѣчество), для вторыхъ — въ свободѣ отъ всякихъ мучительныхъ, нарушающихъ довольство положеній. — Эта философія, имѣвшая при добродѣтельномъ и человѣколюбивомъ Эпикурѣ благородное направленіе и форму, въ послѣдствіи выродилась въ систему сластолюбія и чувственныхъ наслажденій.—Онъ полагалъ блаженство въ самодовольствѣ мудраго, отдавалъ преимущество духовнымъ наслажденіямъ надъ чувственными, какъ болѣе прочнымъ и чистымъ, и считалъ добродѣтель и мудрость вѣрнѣйшими средствами къ блаженству; но ученики его вскорѣ перешли за черту, отдѣляющую утонченно-чувственный квіетизмъ отъ падкости къ матеріальному довольству, безмѣрно предались послѣднему и наконецъ дошли до той грубой чувственности, которая презираетъ всякое высшее, духовное и религіозное стремленіе, и удовлетвореніе которой искаженный эпикуреизмъ считалъ единственною цѣлью жизни. — Характеръ и нравственныя правила Эпикура были безукоризненны. — Скромныя потребности товарищеской жизни, какую велъ онъ съ своими учениками и приверженцами, удовлетворя-

лись общими приношеніями; всѣ хвалили согласіе и дружбу, кротость и человѣколюбіе умствующихъ обитателей его сада. — Противуположностью этой философіи пѣги былъ крѣпкій волею стоицизмъ,— подновленная киническая школа въ облагороженномъ видѣ. Зенонъ (362 — 264), купецъ съ острова Кипра, оставилъ свое занятіе и въ Аѳинахъ посвятилъ себя философіи, которой оставался вѣренъ съ величайшею настойчивостію и твердостью характера до самой голодной смерти своей, которую онъ избралъ добровольно въ глубокой старости. Слабый тѣломъ, которое онъ изумительно закалилъ упражненіями на всякія тягости и лишенія, Зенонъ былъ чистъ въ своихъ правилахъ и жизни, воздержанъ и умѣренъ, былъ полнымъ властелиномъ своихъ пожеланій и страстей, кратокъ и точенъ въ рѣчахъ и суроваго, мрачнаго характера. — Его ученіе, состоявшее изъ смѣси платоновскихъ и киническихъ правилъ, получило отъ портика (стоа) въ Аѳинахъ, гдѣ онъ проповѣдывалъ, названіе стоическаго. Эта философія стремилась къ разрѣшенію той же задачи, какъ и эпикурейская, поставляя цѣлью жизни блаженство, основанное на мудрой умѣренности; но въ своемъ изысканіи пришла къ противуположнымъ съ нею средствамъ и путямъ. — По ученію стоиковъ, счастіе человѣка заключается въ его богоподобіи, котораго онъ достигаетъ путемъ мудрости чрезъ постиженіе божественнаго и человѣческаго, и чрезъ вѣрное пониманіе добра и зла, и путемъ добродѣтели чрезъ господство надъ всѣми пожеланіями, страстями и неразумными влеченіями, чрезъ согласіе человѣческой воли съ природою и разумомъ. Стоикъ переноситъ превратности жизни, радость и горе, счастье и несчастье, съ непоколебимымъ равнодушіемъ, потому что все предназначено ему заранѣе извнѣ вѣчною естественною необходимостію или рокомъ (фатумъ), а сопротивленіе неизбѣжному было бы противуестественно; при первомъ начертаніи міра положенъ былъ зародышъ всѣхъ явленій на вѣчныя времена, такъ что каждое созданіе носитъ въ самомъ себѣ необходимость всѣхъ судебъ своихъ, и нѣтъ ничего случайнаго. Самоубійство не было преступленіемъ въ глазахъ стоика. — Въ физикѣ стоики учили: первоначальная матерія (эфиръ) и первоначальный разумъ (огонь) существовали прежде всего слитно и безформенно, какъ творящій, движущій и живительный естественный законъ (Зевсъ); это эѳиро-огненное существо, одаренное разумомъ и волею, сотворило изъ себя видимый міръ, который оно направляетъ и движетъ, и когда-нибудь обратно воспримetъ въ

себя путемъ всемірнаго пожара. Подобно всему міру, части его, особенно небесныя свѣтила, суть божества, но все подчинено естественной необходимости (гимармене).

§ 134. б. Общее обозрѣніе и выводы. Изъ сказаннаго выше мы видимъ, какъ греческій духъ мало-по-малу подрывалъ и сломилъ неподвижныя формы и тѣсные предѣлы восточной образованности, вполнѣ и всесторонне развилъ личную свободу и равноправность всѣхъ гражданъ и соплеменниковъ и наконецъ, въ безмѣрномъ противодѣйствіи всякому ограниченію личной свободы преданіемъ или обычаемъ, закономъ или договоромъ, самъ потерялся въ сомнѣніяхъ, распущенности и мечтательныхъ затѣяхъ. Согласно съ такимъ ходомъ развитія, греческую исторію можно раздѣлить на три періода: — древнѣйшій, который въ религіи и искусствѣ, въ государствѣ и гражданскомъ устройствѣ имѣетъ еще много общаго съ Востокомъ, придерживается обычая и устава предковъ, переноситъ патріархальную власть царей и знатныхъ родовъ и признаетъ раздѣленіе людей по сословіямъ и занятіямъ, по племенамъ и семьямъ, за необходимый государственный порядокъ. Этотъ періодъ восточныхъ понятій уступилъ вліянію свободныхъ стремленій, возбужденныхъ самосознаніемъ и мужественною силой, которыя получили свое высшее выраженіе въ Персидскихъ войнахъ. — Древнія естественно-символическія божества стали въ народныхъ вѣрованіяхъ идеализированными людьми, полными веселой чувственности, изображенія боговъ перемѣнили свои строгія, освященныя преданіемъ и обычаемъ формы на свободный человѣческій образъ, полный жизни и движенія; основанное на преданіи и религіозномъ почитаніи владычество извѣстныхъ родовъ уступило мѣсто самодержавію народной общины съ равноправностію всѣхъ полныхъ гражданъ; стѣснительный государственный порядокъ съ строго-ограниченными правами и обязанностями — полной политической свободѣ; различеніе людей по сословіямъ и занятіямъ, по племенамъ и семьямъ утратило свое значеніе при строгомъ раздѣленіи эллинскаго міра на свободнорожденныхъ гражданъ, на подзащитныхъ или подвластныхъ безъ политическихъ правъ и на рабовъ безъ личной свободы, безъ собственности и безъ правъ человѣческихъ. Въ этомъ среднемъ

періодѣ эллинскій народъ пришелъ между тѣмъ къ рѣшенію своей задачи: изслѣдовать дѣйствительный міръ, подчинить его силою духа и умственной дѣятельности, и стать противуположностью Востоку, не съумѣвшему въ своемъ одностороннемъ стремленіи къ постиженію божественнаго, примирить духъ и матерію, — противуположностью, которая отразилась даже внѣшнимъ образомъ въ многолѣтней борьбѣ противъ Персидскаго царства. Въ этомъ періодѣ Греки старались духовно побороть и возвысить дѣйствительность поэтически-художественнымъ творчествомъ, привести разрозненное и разнообразное къ отвлеченному логическому единству творческою дѣятельностью мысли, одухотворить грубую матерію, поднять практическій и реальный міръ къ идеалу. — То, что Периклъ хвалилъ въ Аѳинянахъ, говоря: «Мы любимъ изящное съ мѣрою и мудрость безъ изнѣженности», было въ этомъ періодѣ отличительнымъ свойствомъ эллинизма передъ варварствомъ. — Искусство положило на всю жизнь идеальный отпечатокъ; въ пластикѣ оно сдѣлало облагороженный и просвѣтленный человѣческій образъ типомъ тѣлесной красоты и вмѣстилищемъ божественнаго духа въ различныхъ его отблескахъ; въ поэзіи оно раскрывало богатый міръ чувства, покоящійся въ глубинѣ души, соединяло жизнь боговъ и людей въ пеструю ткань миѳологіи, выставляло поразительныя превратности жизни, ниспосылаемыя вѣчно-властвующимъ рокомъ избраннымъ людямъ, въ предостереженіе отъ беззаконія и гордости, показывало сбившемуся съ пути безобразное отраженіе его собственной политической жизни въ искусномъ зеркалѣ насмѣшки; въ музыкѣ и хорахъ оно оживляло празднества; оно сообщало всей дѣятельности свободнорожденнаго человѣка благороднѣйшее выраженіе и высшую цѣль. Только то было достойно эллинскаго полнаго гражданина, что можно было внести въ область искусства; все тривіальное и ремесленическое, все что имѣло въ виду только житейскія потребности и удобства или служило средствомъ и рычагомъ корысти, считалось дѣломъ полусвободныхъ и рабовъ; художественность была, такимъ образомъ, отличительнымъ признакомъ эллинизма; исторіографія также выступила у Геродота, Ѳукидида и Ксенофонта въ формѣ художественныхъ произве-

деній, и первый подвигъ Эллиновъ — выработка языка, былъ художественаго свойства. — Изъ всѣхъ сродственныхъ ему языковъ греческій должно наиболѣе считать художественнымъ, по господствующему въ немъ чувству мѣры и совершенству звука, ясности формъ, закону и органическому строю. — Это художественное направленіе проявилось даже въ попеченіи о тѣлѣ. Упражненія въ гимнастическихъ школахъ, прославленіе краснваго и крѣпкаго человѣка, высокое значеніе, какое сообщалъ побѣдителю въ глазахъ всей Греціи вѣнокъ, полученный на національныхъ играхъ, эти и другіе обычаи пробуждали и оживляли смыслъ къ изящному и благородной формѣ. — Точно также пытался греческій духъ проникнуть въ тайны природы и постигнуть единство измѣнчивыхъ явленій дѣйствительнаго міра, при чемъ онъ немогъ изслѣдовать отдѣльныя явленія и восходить отъ частнаго къ общему, ибо кропотливое наблюденіе частностей было не слишкомъ привлекательно для греческаго духа; но онъ стремился допытаться общей основы или вѣчной идеи въ налично существующемъ, несовершенномъ и преходящемъ. — Противуположный пріемъ, выработанный Аристотелемъ, былъ уже переходомъ къ третьему періоду, въ которомъ были снесены даже необходимыя и для самой полной свободы границы, когда вдались въ безпредѣльное и мечтательно-затѣйливое, когда промѣняли здоровый патріотизмъ на вялое всемірное гражданство, когда прочный порядокъ союзнаго государства замѣнили невозможною автономіею общины и губительнымъ индивидуализмомъ, когда своихъ боговъ, то отвергали, то смѣшивали съ чуждыми формами и понятіями, когда въ искусствѣ меньше цѣнили высокое творчество, чѣмъ техническую и формальную выдѣлку или преодолѣніе матеріальныхъ трудностей, и относили чувственное наслажденіе къ важнѣйшимъ цѣлямъ земной жизни. — Въ этомъ третьемъ періодѣ эллинизмъ шагнулъ за предѣлы роднаго и національнаго и перенесъ свое духовное достояніе въ старые пріюты восточной образованности, откуда нѣкогда пришли къ нему первые лучи высшаго разумѣнія; но это распространеніе греческаго языка, греческихъ нравовъ и началъ греческаго образованія по отдаленному Востоку имѣло также слѣдствіемъ вырожденіе эллин-

скаго быта, примѣсь къ нему чуждыхъ составныхъ частей и расширеніе его въ общую умственную связь и въ общее образовательное средство для многоразличныхъ народностей. Наклонность къ поселенію въ чужихъ краяхъ, эта глубокая основная черта эллинской природы, побуждавшая прежнія поколѣнія основывать пріюты торговли и гражданственности на разныхъ варварскихъ берегахъ, — наклоность эта въ позднѣйшую эпоху безпредѣльной распущенности усилилась почти до чудовищныхъ размѣровъ, такъ что вслѣдъ за походами Александра эллинизмъ проникъ въ отдаленнѣйшіе края извѣстной тогда земли и принялъ характеръ «романтическаго» искательства приключеній. Духъ Грековъ покинулъ тогда свою художественную и идеальную высоту и смѣшался съ житейскою суетой остальнаго человѣчества; стремленія его сдѣлались практичнѣе, его созданія стали болѣе сообразоваться съ потребностями и склонностями большинства; пластическое искусство послужило для украшенія вседневнаго обихода и старалось не о томъ, чтобъ пробудить и раздуть божественную искру въ душѣ первобытнаго человѣка, а скорѣе о томъ, чтобъ изяществомъ внѣшнихъ формъ заслужить себѣ вниманіе и одобреніе публики; поэзія уступила первенство матеріальнымъ интересамъ и наукѣ; она, проникавшая нѣкогда всю жизнь греческаго міра, заняла теперь въ обширномъ саду дѣйствительности скромное мѣсто цвѣтка или оранжерейнаго растенія; самая наука стала въ служебное отношеніе къ сферѣ реальнаго и къ практическому быту, стараясь обогащать и разнообразить ихъ выработкою новыхъ формъ; философія сошла съ своей спекулативной обсерваторіи и излагала общіе законы и нормы жизни не только для того, чтобы постичь міръ и тайны созданія, но и для того, чтобы проникать въ назначеніе человѣка и равнодушно переносить житейскія треволненія. Эта область осталась за Эллинами даже и тогда, когда ихъ постигло политическое порабощеніе. Эллинскій духъ остался хранителемъ святой небесной искры даже и подъ владычествомъ чувственности, матеріи, кроваваго меча; языкъ, любомудріе и искусство Эллиновъ всегда оставались связью, носителемъ и влагалищемъ духовной и божественной доли человѣчества среди земнаго его существованія.

РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

§ 135. Географическій очеркъ Италіи. Длинный узкій полуостровъ Италія окруженъ съ сѣвера и сѣверо-запада Альпами, съ востока Верхнимъ (Адріатическимъ) и Іоническимъ морями, съ запада Нижнимъ (Тирренскимъ) моремъ; во всю длину пересѣкается онъ Апеннинскими горами, и раздѣляется на верхнюю, среднюю и нижнюю Италію. Апеннины состоятъ изъ главнаго хребта, достигающаго высоты 6000 футовъ, и изъ боковыхъ цѣпей, частью идущихъ параллельно главному хребту, частью поперекъ, и соединенныхъ съ нимъ посредствомъ плоскогорій. Такъ какъ главный широкій хребтъ идетъ ближе къ восточному берегу, чѣмъ къ западному, то и рѣки, текущія въ Іоническое и Адріатическое моря по большей части меньше и короче рѣкъ, текущихъ на западъ, кромѣ По, единственной значительной рѣки на всемъ полуостровѣ. Немногія равнины Италіи представляютъ частью плодоносныя земли, какъ напримѣръ равнина Кампанская у подошвы огнедышащаго Везувія, — частію болота или сырыя, травянистыя низменности, какъ наприм. Помптинскія болота между Римомъ и Неаполемъ или такъ-называемыя мареммы (букв. «поморья») Пизы, Ареццо и др., частію наконецъ это безводныя, болѣе или менѣе пустыя и степныя пространства, какъ напримѣръ апулійская и римская Кампанія. Между озерами, знаменитыя по красотамъ природы озера верхней Италіи (Маджіоре, Комо, Гарда), въ историческомъ отношеніи не такъ замѣчательны, какъ мелкія озера средней Италіи (Тразименское, Фуцинское, Авернское

и Лукринское). Италійскій полуостровъ, такъ же какъ и Грецiя, пользуется умѣреннымъ климатомъ и здоровымъ воздухомъ въ гористыхъ мѣстахъ, а вообще говоря даже и въ долинахъ и равнинахъ. Развитіемъ береговой линіи Италія не можетъ сравниться съ Грецiей, особенно недостаетъ ей богатаго островами моря, которое сдѣлало Эллиновъ мореплавательнымъ народомъ. Напротивъ того Италія превосходитъ сосѣдку богатыми рѣчными равнинами и плодоносными или травянистыми скатами горъ, необходимыми для успѣшнаго земледѣлія и скотоводства; вообще это прекрасная страна, которая побуждаетъ человѣка къ дѣятельности и вознаграждаетъ его трудъ, равно открывая ему пути для дальнихъ предпріятій, мирныхъ или воинственныхъ, и давая просторъ прибыльнымъ занятіямъ дома.

1. Верхняя Италія занимаетъ равнину по обоимъ берегамъ рѣки Пада (По) и имѣетъ южною границею береговую рѣчку Рубиконъ, на востокѣ, и маленькую рѣку Макру, на западѣ. Отъ галльскаго (кельтическаго) народонаселенія, «носившаго тогу», она получила званіе Галліи доальпійской (Gallia cisalpina, togata), въ различіе отъ заальпійской, которой жители ходили въ «пóртахъ» (Gallia transalpina, braccata). Между многочисленными притоками По особенно замѣчательны Тицинъ, вытекающій изъ Альповъ, и Требія — изъ Апенниновъ. Въ странахъ при-альпійскихъ гнѣздились воинственныя племена Кельтовъ, напримѣръ Норики, Ретійцы и др., которые разбойническими набѣгами часто опустошали равнину По. Вокругъ Венеціанскаго залива жили Карны, имѣвшіе богатый торговый городъ Аквилею и красивый, унизанный виллами Алтинумъ, и Венеты, у которыхъ были цвѣтущіе города Адріа, Патавій (Падуа, родина историка Тита Ливія), Верона (первоначально населенная племенемъ Евганеевъ, потомъ покоренная Ценоманами и сдѣлавшаяся наконецъ богатою римскою колоніей) и мн. др. Берегъ Тирренскаго моря назывался Лигуріей, гдѣ знатнѣйшимъ городомъ была Генуа. Галлы, которые мало-по малу овладѣли всею верхнею Италіей, оттѣснивъ прежнихъ ея обитателей, Этрусковъ, далѣе на югъ, раздѣлялись на нѣсколько племенъ, носившихъ разныя названія. Замѣчательнѣе другихъ были: на сѣверномъ берегу По: воинственные Инсубры, съ городомъ Медіоланомъ (Миланъ), Таурины, у которыхъ Августъ основалъ въ послѣдствіи городъ Туринъ (Augusta Taurinorum), Салассы, дикіе, разбойническіе жители Альповъ, и Ценоманы, у которыхъ

были города Бриксія, Мантуа (близко отъ нея Андесъ, родина поэта Виргилія), и Бедріакское поле, замѣчательное битвою (69 г. по Р. Х.); на южномъ берегу По обитали Бойи, у которыхъ находимъ города: Парму, Мутину (Модена), Бононію (Болонья, въ древности Фельсина) и др.; Лингоны сидѣли вокругъ Равенны, и т. д. Южнѣе всѣхъ жило галльское племя Сеноновъ, которые завладѣли восточнымъ берегомъ Умбріи до сиракузской колоніи Анконы, и вели продолжительныя войны съ Римлянами. Изъ числа ихъ городовъ важнѣйшими были Сеногаллія, близь которой впадаютъ въ Адріатическое море береговыя рѣчки Метавръ и Сена, знаменитыя по пораженію здѣсь Асдрубала (207 до Р. Х.), Аримінумъ (Римини), древній торговый городъ Умбровъ, и Сентинумъ, прославленный побѣдою Римлянъ; близь Сентинума лежитъ Busta Gallorum, мѣсто другаго побоища, гдѣ въ 552 по Р. Х. палъ геройскою смертію готскій король Тотила.

II. Средняя Италія простирается отъ Рубикона и Макры до Френто и Силяра, съ священною горою Соракгомъ, на сѣверъ отъ Рима, и съ рѣчками Арномъ (Арно) и Тибромъ, въ который впадаютъ Аніо (Тевероне)и Аллія, знаменитая пораженіемъ Римлянъ (390). На правомъ берегу Аніо лежитъ незначительная возвышенность — такъ-называемая Святая гора, — извѣстная по отшествію на нее плебеевъ (495 до Р. Х.). Среднюю Италію составляютъ слѣдующія шесть областей: 1) Этрурія (Тусція), населенная народомъ образованнымъ и представляющая республиканскій государственный союзъ, изъ двѣнадцати аристократически устроенныхъ городскихъ общинъ: Кротона (Кортона), Арреціума, Клузіума, Перузіи къ сѣв.-вост.; Волатерръ, Ветулоніума, Рузеллъ, Вольсиній къ юго-зап.; Тарквиній, Церы (или Агиллы), Веій, Фалерій на югѣ. Важнѣйшими городами во время господства Римлянъ были еще: Луна (близь нынѣшней Каррары), знаменитая мраморными ломнями; Пиза, древній торговый городъ на Арно; Фезулы, лежащій на высотѣ, и Флоренція — въ долинѣ Арно; Писторія, знаменитая пораженіемъ въ ея окрестностяхъ мятежныхъ войскъ Катилины (62 до Р. Х.). На морскомъ берегу замѣчательны: Популоніумъ и Теламонъ, гдѣ въ 225 до Р. Х. Галлы потерпѣли сильное пораженіе. Близь одинокой горы Сокта находился городъ Феронія, съ знаменитымъ храмомъ и рынкомъ, гдѣ сходились три порубежные народа и совершали религіозные

обряды въ честь богини Фероніи, которую почитаютъ то богинею цвѣтовъ и земли, то покровительницею свободы или международныхъ сношеній; ея священная роща, украшенная храмами, находилась въ окрестностяхъ города; Амерія на Тибрѣ, и мн. др. Когда Римляне, послѣ продолжительныхъ войнъ, покорили мало-по-малу всѣ главные города республиканскаго союза, большею частію хорошо укрѣпленные и храбро защищаемые, они основали въ этой странѣ свои колоніи и соединили ее съ Римомъ разными военными дорогами, каковы Авреліева, Кассіева, Фламиніева. 2) Умбрія съ истоками Тибра и знаменитыми въ исторіи береговыми рѣчками Рубикономъ, Метавромъ и Сеною. Между городами, кромѣ вышеупомянутаго Ариминумъ, замѣчательны: Пизавръ, Фанумъ Фортунэ съ храмомъ и особымъ религіознымъ культомъ; Сполеціумъ; Интерамна, родина историка Тацита; Игувіумъ съ знаменитыми развалинами храма, въ которыхъ найдены были въ подвалѣ семь Эвгубинскихъ бронзовыхъ досокъ съ этрурскими надписями; Сарсина (родина комика Плавта) и др. Всѣ они были муниципальными городами или колоніями Римлянъ. 3) Пиценумъ, страна частію лѣсистая (сосны), частію ровная и плодоносная, первоначально населена была колоніею Сабелловъ, а потомъ занята римскими колоніальными городами, которые ее воздѣлывали и охраняли (Фирмумъ, Каструмъ Новумъ, Ауксимумъ и др.); особенно знаменитъ былъ торговлею и пурпурными красильнями цвѣтущій портовой городъ Анкона (то-есть «локтевой», выдавшійся угломъ), поселеніе Сиракузянъ (ок. 394); остальныя мѣста, каковы Аскулумъ, Нумана и др. были римскія муниципіи. 4) Самніумъ, суровая, лѣсистая, горная страна, болѣе удобная для скотоводства, нежели для земледѣлія, населена была различными племенами сабелльскаго корня. Важнѣйшими городами были здѣсь: Пинна, главный городъ Вестиновъ; Теате, крѣпость Марруциновъ; Корфиніумъ (названный во время Союзническихъ войнъ Италикой, потому что онъ былъ назначенъ сѣдалищемъ союзнаго сената и столицею Италіи) и Сульмо (родина Овидія) въ странѣ Пелигновъ; Маррубіумъ, очень древняя столица Марсовъ, на Фуцинскомъ озерѣ, гдѣ находилась и римская колонія Альба (Фуценція); Амитернумъ, древній городъ Вестиновъ, родина Саллюстія. Въ странѣ Сабиновъ, обильной виномъ, маслинами и лѣсами и простиравшейся до самаго Рима, находились знаменитые въ военной исторіи Римлянъ города: Фидены и Крустумеріумъ;

далѣе Куры, древняя столица Тита Тація и сабинскихъ царей; Реата, лежащая въ живописной мѣстности на рѣкѣ Велинѣ, которая нѣсколько выше образуетъ знаменитый водопадъ Терни. — Самнитамъ принадлежали города: Волана, Коминіумъ, Аквилонія, Ауфидена, Бовіанумъ, Беневентъ (Beneventum), древній городъ, до сихъ поръ замѣчательный своими развалинами, и Каудіумъ, знаменитый въ военной исторіи Рима горными проходами — furculae Caudinae. 5) Лаціумъ, «широкая равнина», отъ «горной рѣки» Тибра до Лириса, съ горами Массикскими, знаменитыми своимъ благороднымъ виномъ, и Албанскими, представляющими рядъ холмовъ средней высоты, которые къ югу отъ Рима раздѣляются на три вѣтви: а) Албанскій кряжъ, который и у латинскаго народонаселенія (имѣвшаго здѣсь и въ Ферентинской рощѣ свои союзныя сборища и «мірскія сходки»), и у Римлянъ (потому что на вершинѣ горы стоялъ храмъ Юпитера) пользовался величайшимъ уваженіемъ. У подошвы этого кряжа, на западной сторонѣ находятся два глубокія, прекрасныя и знаменитыя озера, lacus Albanus и lacus Nemorensis, между которыми, на сѣверъ, лежитъ древній городъ Альба-Лонга, а на югъ знаменитый Цинтіанумъ или храмъ Діаны Неморенской; у подошвы его лежали также Ариція (съ славнымъ храмомъ Діаны въ священной рощѣ) и Ланувіумъ, а далѣе по скату горы еще Бовиллы. Благодаря здоровому воздуху и свѣжей ключевой водѣ, Албанскій кряжъ былъ заселенъ ранѣе другихъ мѣстностей. b) Альгидскій кряжъ съ древнимъ городомъ Вольсковъ Велитры. Эта горная вѣтвь знаменита прекрасными лѣсами и пастбищами, славной горной крѣпостью, которая носила названіе Альгидумъ, и храмомъ Діаны. с) Тускуланскія горы извѣстны древнѣшимъ городомъ Тускулумомъ и прекрасными виллами, построенными на вершинѣ и скатахъ безчисленныхъ холмовъ и у ихъ подошвы; отсюда открывались превосходные виды на окрестности Рима, на самый «вѣчный городъ», на Тибръ, Аніо и даже на сосѣднее Тирренское море; одною изъ прекраснѣйшихъ между ними была Тускуланумъ, вилла Цицерона. Живописныя горы Экковъ и Вольсковъ, на югъ отъ Аніо, также были усѣяны множествомъ загородныхъ домовъ и виноградниковъ. За исключеніемъ песчанаго морскаго берега, отчасти намытаго Тибромъ, равнина изрѣзана довольно высокими и крутыми туфовыми [1] холмами и безпрерывно-смѣняющимися возвышеніями и

[1] Туфъ — минералъ глинистаго свойства и вулканическаго происхожденія.

ложбинами; между ними зимою образуются болота или лужи, которыя лѣтомъ, отъ гніющихъ тамъ органическихъ веществъ, заражаютъ воздухъ вредными испареніями и производятъ лихорадки, пагубныя для этой страны въ древности, какъ и въ настоящее время. Лаціумъ, въ обширномъ смыслѣ, то-есть со включеніемъ земель Вольсковъ, Эквовъ, Герниковъ и Рутуловъ, кромѣ семихолмнаго Рима на Тибрѣ, заключалъ въ себѣ слѣдующіе города: a) по морскому берегу: портовой и торговый городъ Остію, на лѣвой сторонѣ Тибра; Лаурентумъ, древнюю столицу латинскихъ государей, окруженную лавровыми рощами; Ардею, столицу Рутуловъ, которая, подобно портовому городу Анціуму, извѣстному судоходствомъ и морскими разбоями, принадлежала къ древнѣйшимъ городамъ этой страны; Террацину (Анксуръ), весьма древній городъ Вольсковъ, на холмѣ; не далеко оттуда, въ округѣ Фунди росло знаменитое цекубское вино; Кайету, на крутомъ скалистомъ мысу; Минтурны на Лирисѣ въ болотистой, но плодородной мѣстности; Синуэссу, цвѣтущій городъ, въ винообильномъ Фалернскомъ округѣ, у горы Массика; b) внутренняя часть края была перерѣзана множествомъ дорогъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимала широкая Аппіева дорога между Римомъ и Капуей, украшенная множествомъ надгробныхъ памятниковъ; города: Лавиніумъ на Аппіевой дорогѣ и, не подалеку отъ него, среди романической мѣстности, украшенной множествомъ загородныхъ домовъ, — Ланувіумъ съ знаменитымъ храмомъ Юноны. Суэсса Помеція, древній городъ Вольсковъ, покоренный Тарквиніемъ Гордымъ, лежалъ у Помптинскихъ болотъ, которыя, также какъ и Минтурнскія, были уже въ древности притономъ разбойниковъ и бандитовъ. Къ союзу Вольсковъ принадлежали еще Норба, богатая виномъ Сеція, Фрегеллы и знаменитый муниципальный городъ Арпинумъ, получившій въ послѣдствіи право римскаго гражданства, родина К. Марія и Цицерона; Сора была самымъ сѣвернымъ городомъ Вольсковъ. На мѣстѣ укрѣпленія военной колоніи Касинумъ лежитъ теперь знаменитый монастырь Монте Касино. — Важнѣйшими городами Герниковъ были Анагнія и Феррентинумъ. У Латинянъ искони существовали Габіи и Пренесте (Палестрина); въ послѣдній стекалось множество посѣтителей, благодаря прекрасному мѣстоположенію этого города и здоровому его воздуху; тутъ находился знаменитый храмъ и прорицалище Фортуны; на востокъ отсюда лежалъ живописный Сублакве-

умъ (Субіако), вблизи котораго надо, кажется, предполагать сабинское помѣстье поэта Горація. Однимъ изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ городовъ Лаціума былъ Тибуръ (Тиволи), на Аніо; красота мѣстоположенія привлекала туда богатыхъ Римлянъ, и окрестности города были усѣяны безчисленнымъ множествомъ красивыхъ дачъ. Очаровательная природа и классическія воспоминанія до сихъ поръ производятъ здѣсь на путешественника могущественное впечатлѣніе. 6) Кампанія (теперь Terra di Lavoro) состоитъ изъ чрезвычайно плодоносной равнины и цѣпи живописныхъ, обильныхъ виноградниками холмовъ, съ славившеюся превосходнымъ виномъ горою Массикомъ и Фалернскимъ округомъ на рубежѣ Лаціума; къ сѣверу, надъ Капуей, возвышается знаменитая въ военной исторіи гора Тифата, украшенная храмомъ Юпитера; здѣсь же лежитъ знаменитый вулканъ Везувій и вулканическія горы Гавра, извѣстныя своимъ виномъ и красотами природы, а среди ихъ вулканическое озеро Авернъ, издающее смертоносныя испаренія, и богатое устрицами Лукринское озеро. Изъ рѣкъ замѣчательны Лирисъ, Волтурнъ и береговая рѣка Силяръ. Кампанія съ мысами Мизеномъ и Суррентомъ, съ прелестными бухтами Баій и Путеоли, обставленными цѣлымъ рядомъ очаровательныхъ и великолѣпныхъ виллъ, и съ противулежащими островами Капреей (Капри) и Энаріей (Искія), гдѣ еще въ незапамятныя времена Коринѳяне вели торгъ съ прибрежными Опиками и основали даже колонію, — весь этотъ край принадлежитъ къ самымъ прекраснымъ и плодоноснымъ на земномъ шарѣ. Хлѣбныя растенія, вино и оливковое масло производятся въ рѣдкомъ изобиліи и отличнаго качества. Поэтому уже съ самыхъ древнѣйшихъ временъ различные народы селились тамъ и основывали города. Такъ малоазійскіе Греки на крутомъ утесѣ горы Гавра основали Кумы, нѣкогда одинъ изъ самыхъ богатыхъ и цвѣтущихъ торговыхъ городовъ западной части Средиземнаго моря, сдѣлавшійся потомъ метрополіей Неаполя (первоначально Партенопе), Путеоли и др. Этруски основали здѣсь Капую и Нолу; Оски — Геркуланумъ, Помпеіи, Стабіи, засыпанные изверженіемъ Везувія (79 по Р. Х.). Изъ городовъ, лежащихъ внутри страны, замѣчательны: Венафрумъ, изобилующій маслинами, Калесъ и Теанумъ, гдѣ производилось отличное вино, и Ателла, подобно Капуѣ, колонія Этрусковъ, знаменитая своими мимическими представленіями съ пѣніемъ и пляской. Во время второй Пунической войны всѣ лучшіе города Кам-

паніи пристали къ Карѳагенцамъ и потомъ были жестоко наказаны Римлянами.

Окрестности Кумъ, съ Ахерузскимъ озеромъ къ югу и съ замкнутымъ лѣсами и скалами Аверномъ (озеро Аорнъ) къ сѣверу отъ города, почитались у древнихъ поэтовъ входомъ въ подземное царство, къ чему подавалъ поводъ самый характеръ мѣстности: множество овраговъ, гротовъ, глубокихъ пещеръ, скрытыхъ горныхъ озеръ, окаймленныхъ страшными утесами, а за ними кипучимъ моремъ, чудные изломы горъ, мысовъ и береговъ, множество горячихъ источниковъ, производящихъ удушливыя испаренія, разрушительное дѣйствіе многихъ землетрясеній и вулкановъ, частію еще дѣйствующихъ, частію давно угасшихъ, — все это сильно возбуждало воображеніе и настроивало къ вѣрѣ въ скрытыя здѣсь чудеса; къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что въ Кумахъ очень рано возникъ оракулъ Аполлона, отъ котораго распространилось преданіе о Кумской Сивиллѣ, подобной Пиѳіи; это преданіе нашло себѣ обширный кругъ вѣрующихъ и конечно столько же вліяло на нравственное образованіе жителей этой части Италіи, сколько оно очевидно подѣйствовало на умственное ихъ развитіе. Сюда-то переносили Греки мѣстности, изображенныя въ Одиссеѣ. По ихъ словамъ, Одиссей спустился въ царство мертвыхъ именно у Ахерузскаго озера; въ мелкихъ скалистыхъ островкахъ у Мизенскаго мыса видѣли они острова Сиренъ, а близъ мыса Цирцейюма (Киркеіонъ) находили очарованный островъ Цирцеи (Кирке).

III. Нижняя Италія отъ береговыхъ греческихъ колоній называлась также Великою Греціей; внутренность страны населена была земледѣльческими племенами осскаго и сабелльскаго корня, которыя въ древнія времена находились подъ рукою или даже въ полной власти греческихъ береговыхъ городовъ, работали на нихъ и были ихъ данниками. Нижняя Италія дѣлилась на три части: 1) Апулія и Калабрія, отъ вулканической горной гряды Гаргана, которая, въ видѣ островковъ, пересѣкаетъ всю выдавшуюся шпорой оконечность Италіи, вплоть до юго-восточнаго мыса; тутъ быстро течетъ горный береговой потокъ Ауфидъ, и страна богата дубовыми лѣсами, гдѣ водится множество вепрей и волковъ. Изъ городовъ замѣчательны: а) по берегу: Сипонтъ, торговый городъ, сдѣлавшійся римскою колоніей; жители его въ средніе вѣка были выселены въ Манфредонію; Баріумъ, Эгнація и Брундузіумъ (Диррахій),

мѣсто переправы въ Грецію, знаменитый торговый и портовой городъ, гдѣ оканчивалась Аппіева дорога; первоначально Брундузіумъ былъ греческою колоніей, а потомъ сталъ римскою; Гидрунтъ (Отранто), нѣкогда принадлежавшій Тарентинцамъ, также служилъ перепутьемъ въ Грецію и славился въ древности своею торговлею и международными сношеніями; главнымъ источникомъ богатства его были рыбныя ловли, да производство и обработка отличной шерсти, которую тутъ красили сокомъ тарентинской багрянки. Береги Тарентинскаго залива заселены были по преимуществу Греками. b) Внутри края: богатая шерстью Луцерія, старшая римскимъ поселеніемъ, послѣ того какъ прежніе жители погибли во время Самнитской войны. На югъ отъ Луцеріи до знаменитаго пораженіемъ Римлянъ (216 г. до Р. Х.) городка Каннъ, на Ауфидѣ, простирается обширное плодоносное поле Campus Diomedis; Венузія въ живописной мѣстности, на кипучемъ Ауфидѣ, родина поэта Горація. — Жители Апуліи и Калабріи были народъ дѣятельный, образовавшійся изъ смѣшенія пеласгійскихъ, эллинскихъ и древне-италійскихъ элементовъ; они сильно пострадали отъ Римлянъ во время второй Пунической войны. 2) Луканія, страна прорѣзанная скалистыми горами, изобилующая лѣсами и богатыми пастбищами (луканскіе быки); маслины и виноградъ произрастаютъ здѣсь въ изобиліи, а цвѣтистыя долины очаровываютъ своей красотой. Ни въ Луканіи, ни въ 3) Бруціумѣ, странѣ одинаковаго свойства и съ грубымъ, смѣшаннымъ населеніемъ, нѣтъ значительныхъ внутреннихъ городовъ, кромѣ Консенціи и весьма древней Пандозіи. За то суровые, дикіе и воинственные туземцы завладѣли мало-по-малу греческими прибрежными городами, которыхъ жители изнѣжились и отвыкли владѣть оружіемъ; но и новые владѣльцы подчинились въ свою очередь Римлянамъ, которые заселяли опустошенные города своими колонистами. Величавые остатки храма въ Пестумѣ (Посидонія), развалины колоннъ, великолѣпныхъ зданій, воротъ и стѣнъ, монеты отличной чеканки, вазы изящныхъ формъ и превосходно разрисованныя,—все свидѣтельствуетъ до сихъ поръ о роскоши, величіи и образованности этихъ эллинскихъ колоній, — Веліи (Элеа), Регіума, Локръ, Кротона, Турій, Сибариса, Метапонта и др. (ср. § 59, 4). Внутренніе раздоры, изнѣженность и соціальное разстройство, порожденныя богатствами и роскошью, ослабили эти города, такъ что они не въ силахъ были защитить свою независимость и свободу отъ воинственныхъ сосѣдей,

которые, покоривъ ихъ, заимствовали отъ нихъ архитектуру, промыслы, пластическое искусство, письмена и всѣ прочіе двигатели образованія.

IV. Острова. Проливъ Регіума или Мессинскій («Щель»), съ страшными для древнихъ мореплавателей водоворотами, Сциллою и Харибдой, отдѣляетъ отъ Италіи обширный, плодоносный островъ Сицилію, «житницу Рима». Внутренніе жители, Сикулы, переселились, вѣроятно, изъ средней Италіи на этотъ островъ, который, по очертанію своему, назывался прежде Тринакріей («трехконечнымъ»). Лучшіе города находились на берегу и были греческаго происхожденія (особенно вокругъ Этны, ср. § 59, 4); Карѳагенцамъ принадлежали только западная и сѣверо-западная часть острова съ городами Лилибеумъ, Дрепанумъ, Сегестой, съ древнефиникійскими колоніями Панормомъ, Солоисомъ и Мотіей, и съ горою Эриксомъ, на которой стоялъ знаменитый храмъ финикійской богини приплода (Ашера-Астарте, которую греко-римскіе обитатели называли Афродитой или Венерой); въ послѣдствіи Карѳагеняне завладѣли мелкими Эгатскими островами, а также и Сардиніей, которая отличалась тогда нездоровымъ воздухомъ и была населена народомъ дикимъ, вѣроломнымъ и продажнымъ. Энна, въ самой глубинѣ Сициліи, была главнымъ средоточіемъ культа Деметры (§ 11). Разбойническіе и безпокойные жители Корсики сохраняли свою независимость, пока не подпали власти Римлянъ. Фокейцы въ 6 ст. до Р. Х. (§ 46) пытались основать тамъ колонію, но имъ воспрепятствовали Карѳагеняне и Этруски. Островъ Эѳалія (Эльба), вулканическаго происхожденія, знаменитый по своимъ серебрянымъ рудникамъ, былъ рано отнятъ Этрусками у греческихъ поселенцевъ, которые долгое время разработывали его съ большимъ успѣхомъ. На Липарскихъ островахъ съ давнихъ поръ завели свои колоніи Родосцы.

§ 136. Племена средней Италіи до римскаго господства. По изслѣдованіямъ лучшихъ историковъ, средняя Италія въ древнѣйшія времена населена была пришлыми Пеласгами (Тирренами) и туземцами иберо-галльскаго происхожденія, — Умбрами, Осками, Сабеллами, которые занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ. Послѣдніе, въ противуположность первымъ, слыли обыкновенно аборигенами (первобытными); они рано оставили пастушескую жизнь и перешли къ земледѣлію, къ добычѣ вина и оливковаго

масла. Въ Этруріи тирренскіе Пеласги, народъ мореходный и образованный, были повидимому рано покорены или вытѣснены Этрусками или Тусками (Разена), пришедшими на югъ изъ при-альпійскихъ странъ (Ретіи); а напротивъ туземныя племена различныхъ названій оставались независимыми и свободными до тѣхъ поръ, пока не подпали власти Римлянъ. Третья вѣтвь народонаселенія, Латины, образовались изъ смѣси Пеласговъ, коренныхъ племенъ и переселенцевъ; послѣ покоренія Трои къ нимъ, какъ увѣряютъ, присоединилась еще троянская колонія подъ предводительствомъ Энея. Прежніе обитатели этой страны, Сиканы и Сикулы, перешли отчасти на югъ и населили наконецъ прозвавшійся отъ нихъ островъ Сицилію. 1) Этруски занимали нынѣшнюю Тоскану до Тибра. Они составляли союзное государство, изъ двѣнадцати независимыхъ городскихъ общинъ, между которыми извѣстнѣйшія намъ Цере, Тарквиніи, Перузія, близь Тразименскаго озера, Клузіумъ и Веіи. Этотъ народъ рано сталъ заниматься мореплаваніемъ, торговлею и промышленностью, что повидимому способствовало развитію у него городской общинной жизни. То обстоятельство, что все народонаселеніе раздѣлялось на благородныхъ и пенестовъ (крѣпкихъ землѣ, подвластныхъ господину, кліэнтовъ и пр.) и что тутъ вовсе не было свободнаго сословія плебеевъ, указываетъ на завоеваніе и покореніе туземцевъ чужеродцами. Каждый городъ управлялся жреческой знатью, которая стояла во главѣ богослуженія, завѣдывала политическими дѣлами и заступала передъ судомъ классъ крѣпостныхъ и подвластныхъ (кліэнтовъ), а эти воздѣлывали землю храмовую и владѣльческую. Знатные роды (лукумоны) всѣхъ городовъ выбирали верховную главу союза, котораго отличіями были, какъ въ послѣдствіи у римскихъ консуловъ, сѣдалище изъ слоновой кости (sella curulis), пурпурная тога (багряница) и свита изъ двѣнадцати ликторовъ съ пуками палокъ и сѣкирой въ рукахъ (fasces). Только жреческая знать обладала астрономическими и естественными знаніями, на которыхъ основывался религіозный культъ всѣхъ вышнихъ и преисподнихъ (двѣнадцати) боговъ; поэтому и совершала она подъ начальствомъ верховнаго жреца всѣ жертвоприношенія и соединенныя съ ними гаданія (гаруспиціи), назначала торжественные дни, опредѣляла кругъ года, издавала законы и дѣлала всякія распоряженія касательно мира и войны. Религія Этрусковъ, съ дуалистическимъ (двойственнымъ) вѣрованіемъ въ добрыхъ и злыхъ

духовъ, указываетъ на ихъ восточное происхожденіе, точно такъ же какъ и необъясненный еще языкъ ихъ, на которомъ писали отъ правой руки къ лѣвой и въ которомъ гласныя обозначались болѣе произношеніемъ, чѣмъ на письмѣ. Исполинскія стѣны Волатерръ и др. городовъ, гробница Порсенны, развалины колоссальныхъ храмовъ, слѣды огромныхъ плотинъ, дорогъ, каналовъ (Филистинскіе рвы) и т. п., свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ ихъ зодчества, а множество украшенныхъ живописью глиняныхъ сосудовъ и пепельницъ (этрурскія вазы), которыя до сихъ поръ вырываются изъ земли, указываютъ на развитіе у нихъ искусствъ и ремеслъ. Этруски славились также литейнымъ искусствомъ и металическими издѣліями, и по всей вѣроятности Римляне отъ нихъ заимствовали инструменты для своей военной музыки, точно также какъ отъ нихъ заимствовали они свои религіозныя церемоніи (отъ Саеге?), свои торжественные поѣзды (тріумфы), ристалища (цирки) и боевыя (гладіаторскія) игры. Съ очень ранняго времени Этруски славились торговлею, мореплаваніемъ и морскими разбоями. Они обладали главнѣйшими предметами вывоза изъ Италіи: желѣзомъ изъ Ильвы, мѣдью изъ Кампаніи и Волатерръ, серебромъ изъ Популоніи. Ясное дѣло, что изъ разбойничьихъ судовъ ихъ долженъ былъ мало-по-малу образоваться сильный военный флотъ, подъ защитою котораго торговые ихъ корабли господствовали надъ обоими морями. Такъ-то развилось то страшное этруское корсарство, которое однимъ именемъ: Тирренъ, наводило ужасъ на Эллиновъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ развился и тотъ обширный торгъ, благодаря которому этрурскій купецъ соперничалъ съ какимъ-нибудь милетскимъ въ Сибарисѣ. Изъ колоній, заведенныхъ Этрусками, всѣхъ замѣчательнѣе Фезулы, Флоренція, Писторія, Лукка, Луна, Пиза и др. на сѣверѣ, Капуа и Нола на югѣ. Отсутствіе сословія свободныхъ горожанъ (средняго класса) произвело однакожъ во всѣхъ этрурскихъ городахъ какую-то общую вялость, изнѣженность и гражданскія неурядицы, слѣдствіемъ чего было раннее паденіе республикъ; потому что не смотря на цвѣтущее состояніе, въ которомъ находились у Этрусковъ нѣкоторое время классы земледѣльческій, торговый, промышленный и ремесленный, недостатокъ свободы угнеталъ ихъ постоянно и отнималъ у горожанъ и земледѣльцевъ бодрость духа и чувство собственнаго достоинства, возбуждающее человѣка къ дѣятельности; какъ ни высоко было ихъ образованіе, ему все-таки не доставало той

творческой силы и той народной основы, которая одна только можетъ сдѣлать его прочнымъ и надежнымъ. Знаніе не оказывало у нихъ кроткаго, благотворнаго вліянія на общественную жизнь; оно было исключительнымъ достояніемъ господствующей касты (замкнутой и неподвижной вслѣдствіе права первородства), было неразрывно связано съ религіей и облечено въ ужасы мрачнаго суевѣрія. — Рядомъ съ Этрусками жили угнетаемые и стѣсненные ими Умбры; они, подобно своимъ сосѣдямъ, образовали союзное государство, состоявшее изъ независимыхъ городскихъ общинъ, которыхъ главою была повидимому Амерія. 2) Къ могучей вѣтви Сабелловъ принадлежали: а) Сабины, племя суровое, воинственное, правдивое и воздержное; они жили между Апеннинами и Тибромъ и имѣли города: Куры, Реате, Амитернумъ, Интерамну, Номентумъ, Нурсію, Требулу. Ихъ религія состояла въ обоготвореніи природы. b) Самниты, сабелльская колонія, высланная такъ-называемою «священною весною»; жили они въ открытыхъ селеніяхъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ Апенниновъ, и, распространившись по южной Италіи, составили союзъ, но безъ опредѣленнаго общаго средоточія. Вся сила края лежала въ земледѣльческихъ общинахъ. Воинственные и закаленные самнитскіе пастухи и земледѣльцы любили военное ремесло и считали свободу своимъ высшимъ благомъ; поэтому Римляне успѣли покорить ихъ только послѣ продолжительныхъ кровопролитныхъ войнъ. Въ честь «быка бога Марса», котораго они считали своимъ предводителемъ въ походахъ и переселеніяхъ, они назвали свой главный городъ Бовіанумъ. c) Мелкія племена: Пиценты («дятелъ-народъ», ср. § 13), народъ, довольно скоро забывшій древнее мужество предковъ; они обитали вдоль адріатическаго побережья отъ рѣки Атерна; у нихъ были мѣстечки Адріа, Купро, Труэнтъ; Марсы, воинственные народъ, у Фуцинскаго озера; Вестины, имѣвшіе городъ Пинну; Марруцины, главнымъ мѣстомъ которыхъ былъ гор. Теате; Френтаны отъ рѣки Атерна до Френто; Пелигны, имѣвшіе укрѣпленныя мѣстечки Корфиніумъ и Сульмо; Гирпины около Беневента (§ 13) и многіе другіе. Луканы, овладѣвшіе землею древнихъ Энотровъ въ нижней Италіи и подчинившіе себѣ прибережныя греческія поселенія, равно какъ и Кампанцы, жившіе около Капуи и Кумъ, также принадлежали къ сабелльской отрасли. Но эти, жившія южнѣе, племена заимствовали отъ покоренныхъ ими береговыхъ Грековъ, вмѣстѣ

съ образованіемъ, искусствами и нравами, также ихъ роскошь, лѣнь и изнѣженность и вслѣдствіе этого быстро пришли къ упадку. — У всѣхъ племенъ сабелльскаго корня было аристократически-патріархальное правленіе: они повиновались главамъ семей или родоначальникамъ, которые во время войны выступали въ походъ съ своими подручниками и подвластными (кліэнтами) подъ предводительствомъ одного верховнаго начальника (императора). Они заботились о томъ, чтобы роды и поколѣнія ихъ не смѣшивались и заключали брачные союзы подъ надзоромъ властей. У нихъ строго соблюдался такъ-называемый обѣтъ «священной весны», состоявшій въ томъ, что по веснѣ приносили въ жертву молодыхъ животныхъ, а родившихся въ томъ году мальчиковъ обрекали, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ, выселиться, подобно отлетающему весной пчелиному рою, за предѣлы отечества и отвоевать себѣ новыя жилища; благодаря этому обычаю, край никогда не могъ страдать отъ излишняго многолюдства, а племя вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно расширяло свои предѣлы новыми пріобрѣтеніями. Это былъ закаленный въ трудѣ, воинственный народъ земледѣльцевъ, который въ своихъ открытыхъ или малоукрѣпленныхъ мѣстечкахъ велъ жизнь простую и воздержную, и несогласія свои охотнѣе рѣшалъ мечемъ и копьемъ, нежели полюбовно и правомѣрно. Городская жизнь почти вовсе не развилась у нихъ, такъ какъ для внѣшней торговли край ихъ былъ слишкомъ уединенъ; для защиты имъ достаточно было горныхъ вершинъ и мелкихъ укрѣпленій, а поселяне жили въ совершенно открытыхъ селахъ или даже по одиночкѣ, смотря потому, гдѣ кто находилъ себѣ удобный лѣсъ, источникъ или лугъ. — 3) Оски занимали пространство отъ Тибра до Лауса въ Лаціумѣ, Кампаніи и Луканіи; это было родственное Сабелламъ племя, жившее по преимуществу въ городахъ, крѣпостцахъ и горныхъ аулахъ. Къ нимъ принадлежали: Вольски, вдоль берега до Террацины (Анксура), главными городами ихъ были Анціумъ и Суэсса Помеція близъ Помптинскихъ болотъ; Рутулы, вокругъ Ардеи, къ сѣверу, и Авзоны — у Беневента и Калеса и по берегу между Волтурномъ и Лирисомъ, на югъ отъ Вольсковъ; Эквы, на лѣвомъ берегу Аніо и по Альгиду, занимавшіе нѣкогда обширную полосу, въ которой находились прекрасные города Пренесте и Тибуръ; Герники (то-есть жители скалъ) по высотамъ Альгида; Аврунки около Суэссы и мн. др. У нихъ были особенно въ ходу ател-

ланы, — народныя сценическія представленія, состоявшія изъ пляски и жестикуляціи (мимики). 4) Латины, сильный земледѣльческій народъ жившій на югъ отъ Тибра, имѣли тридцать самостоятельныхъ городовъ, составлявшихъ государственный союзъ съ общимъ главнымъ сеймомъ. Между этими городами, по крайней мѣрѣ во время войны, первенствовала Альба-Лонга. Этотъ «Латинскій союзъ» былъ послѣднимъ, высшимъ развитіемъ различныхъ племенныхъ волостей, которыя вначалѣ составляли отдѣльно другъ отъ друга независимыя «родовыя или земскія общины», потомъ для большей безопасности стали вступать въ частные союзы между собою и наконецъ всѣ соединились въ одну общую федерацію. У Латинянъ процвѣтали земледѣліе и гражданская свобода безъ подручничества (кліэнтства) и безъ привилегированной военной и жреческой знати; общій языкъ, основанная на обоготвореніи природы и близкая къ земледѣльческому быту общая религія (богъ посѣва Сатурнъ; Янусъ и Діана, олицетвореніе солнца и луны; Опсъ— всякое обиліе, исходящее отъ земли, и др.), наконецъ равенство правъ, — все это тѣсно связывало городскія общины Латинянъ, хотя впрочемъ каждая изъ нихъ была совершенно самостоятельна въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и каждая имѣла свой сенатъ. Изъ городовъ, кромѣ Альбы-Лонги, которую основалъ будто-бы сынъ Энея, Юлъ, и въ которой его потомки наслѣдственно сохраняли царское достоинство, замѣчательны: Тускулумъ, Ариція, Габіи, Лавиніумъ, Пренесте и др. Ежегодные сеймы у Ферентинскаго ключа, общія жертвоприношенія въ честь Юпитера Латіара, обоюдность брачныхъ союзовъ (connubium), равенство правъ гражданскихъ и права пріобрѣтать собственность связывали между собою всѣхъ членовъ союза.

I. РИМЪ ПОДЪ ВЛАСТІЮ ЦАРЕЙ И ПАТРИЦІЕВЪ.

1. Періодъ царей (753—509).

§ 137. По древнему преданію, царь Альбы-Лонги Нумиторъ, потомокъ Троянца Энея (§ 57), былъ свергнутъ съ престола братомъ своимъ Амуліемъ, а дочь его Рея

Сильвія посвящена въ число дѣвственныхъ жрицъ богини Весты съ тѣмъ, чтобы остаться незамужнею и бездѣтной. Но когда она родила отъ бога Марса близнецовъ Ромула и Рема, то жестокій дядя приказалъ выбросить новорожденныхъ на берегъ Тибра, гдѣ однакожь волчица вскормила ихъ, а пастухи воспитали. Узнавъ случайно о своемъ происхожденіи и объ участи дѣда Нумитора, братья-близнецы возвратили ему престолъ Альбы-Лонги и потомъ основали на лѣвомъ берегу Тибра, на холмѣ Палатинскомъ, городъ Римъ. Новооснованныя стѣны этого города скоро обагрились кровію: Ремъ былъ убитъ въ ссорѣ своимъ братомъ. (Къ этому древнѣйшему времени относится, можетъ-быть, начало «волчьяго праздника», который справлялся родомъ Фабіевъ на Палатинскомъ холмѣ: это былъ праздникъ поселянъ и пастуховъ, въ которомъ, болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ, сохранилось незатѣйливыхъ шутокъ простой патріархальной старины).

§ 138. Когда такимъ образомъ основанъ былъ этотъ маленькій городокъ и его межа естественно обозначилась рвомъ и валомъ, тогда Ромулъ объявилъ его убѣжищемъ для бѣглыхъ и тѣмъ привлекъ туда обывателей. Но такъ какъ у этихъ пришлецовъ не было женъ, а сосѣдніе народы не соглашались выдавать за нихъ дочерей своихъ, то Ромулъ устроилъ торжественныя игры съ намѣреніемъ овладѣть Сабинками, бывшими въ числѣ зрителей, насильно. Слѣдствіемъ этого насилія была война съ Сабинцами, которая впрочемъ прекратилась посредничествомъ похищенныхъ дѣвицъ: съ распущенными волосами, въ изорванныхъ одеждахъ, рыдая, бросились они въ ряды сражавшихся и объявили готовность раздѣлять участь Римлянъ. Заключенъ былъ договоръ, по которому Сабинцы, жившіе на Капитолійскомъ холмѣ, соединились съ Латинами, занимавшими Палатинъ, а нѣсколько времени спустя и съ колоніей Этрусковъ, водворенной на Целіи (Coelius), и образовали одну общину; при этомъ постановлено было, что сабинскій царь Титъ Тацій, жившій въ Курахъ (Cures), будетъ управлять государствомъ вмѣстѣ съ Ромуломъ, а по смерти ихъ цари должны будутъ избираться поочередно изъ Латинянъ и Сабинцевъ сенатомъ, составленнымъ изъ главнѣйшихъ родоначальниковъ; это

упрочило существованіе Римскаго государства, основатель котораго послѣ своей чудесной смерти былъ причисленъ къ лику боговъ подъ именемъ Квирина, а жители къ прежнему имени Римлянъ присоединили имя Квиритовъ (отъ города Куръ). Въ воспоминаніе благороднаго подвига женщинъ и мира, ими возстановленнаго, Ромулъ учредилъ особенное празднество матроналій[1] и даровалъ Римлянкамъ нѣкоторыя права и почетныя преимущества. Сходство политическихъ и религіозныхъ учрежденій, простиравшееся и на гражданскія отношенія (сословіе господъ — патриціевъ и состояніе подвластныхъ или подзащитныхъ — кліэнты), разныя соприкосновенія по близкому сосѣдству, которыя давно уже служили поводомъ къ договорамъ и соглашеніямъ касательно правъ собственности, брака, гостепріимства и т. п., способствовали быстрому сліянію трехъ народностей въ одинъ общій государственный союзъ съ твердо установленными правами. Три первоначальныя составныя части римскаго государства по всей вѣроятности положили начало исконному раздѣленію народа на родовыя трибы Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ.

§ 139. Чтобы еще болѣе упрочить новое государство, второй царь, Сабинъ Нума Помпилій, достигшій престола послѣ междуцарствія (ок. 700), установилъ религіозныя учрежденія и обряды, соображаясь при этомъ съ древними вѣрованіями и обычаями всѣхъ трехъ племенъ, и сдѣлалъ полезныя распоряженія касательно домашней и гражданской жизни, съ которою религія и священные обряды поставлены были въ самую тѣсную связь.

Общество дѣвъ, которыя пользовались важными преимуществами и большимъ почетомъ, и имѣли обязанностію поддерживать священный огонь Весты, такъ же какъ всѣ учрежденія и обряды, относящіеся до земледѣлія и полей, были латинскаго происхожденія. На воинственное племя Сабелловъ указываетъ культъ Марса съ его жрецами, саліями, и всѣ учрежденія и обряды, касавшіеся войны, напримѣръ установленіе феціаловъ (герольдовъ). У Этрусковъ (бывшихъ сначала какъ бы на второмъ планѣ) заимствованы предсказанія по внутренностямъ приносимыхъ въ жертву животныхъ,

[1] Отъ matrona — почтенная женщина.

по полету птицъ, по небеснымъ знаменіямъ и по наклеву куръ (гаруспиціи, ауспиціи и аугуріи), чѣмъ завѣдывала коллегія жрецовъ (pontifices) подъ управленіемъ верховнаго жреца или первосвященника (pontifex maximus); Этрускамъ же принадлежатъ церемоніи и обряды, совершаемые при всѣхъ вообще торжественныхъ случаяхъ. Нумѣ Помпилію приписываютъ еще учрежденіе древнѣйшихъ ремесленныхъ цеховъ, которыхъ члены, пользуясь меньшимъ почетомъ, чѣмъ другія сословія, лишены были права носить оружіе. Чтобы постоянно поддерживать въ народѣ гражданскія добродѣтели, Нума воздвигнулъ храмъ божеству вѣрности и взаимнаго довѣрія (Fides). Двуликому Янусу, «богу всякаго начинанія въ пространствѣ и времени», соорудилъ онъ проходной храмъ при входѣ на форумъ; двери этого храма были заперты во время мира и отворялись во время войны; Януса призналъ онъ сверхътого властителемъ гражданскаго года и посвятилъ ему первый мѣсяцъ (январій). Какъ Греки освящали свои узаконенія божественными прорицаніями, такъ и Нума Помпилій утверждалъ, что заимствуетъ свои религіозныя учрежденія изъ бесѣдъ съ нимфою Эгеріей, которой священная роща лежала на югъ отъ Рима.

§ 140. Оба слѣдующіе царя, Латинъ Туллъ Гостилій и Сабинъ Анкъ Марцій, счастливыми войнами расширили предѣлы своей небольшой державы, такъ что къ тремъ вышеупомянутымъ холмамъ (Палатинскому, Капитолійскому и Целійскому) присоединились еще четыре (Авентинскій, Квиринальскій, Виминальскій и Эсквилинскій), которые всѣ мало-помалу были заселены. Оттого Римъ и прозванъ семихолмнымъ городомъ. При Туллѣ Гостиліи Римляне, послѣ побѣды Гораціевъ надъ Куріаціями, овладѣли Альбой-Лонгой, жители которой по разрушеніи города частію были поселены у подошвы горы въ Бовиллахъ, частію переведены въ Римъ, гдѣ они по всей вѣроятности положили начало лишенному гражданскихъ правъ и отданному подъ патронатъ (покровительство) Римлянъ сословію плебеевъ, которое значительно увеличилось при преемникѣ Тулла, Анкѣ Марціи (основателѣ гавани Остіи на устьѣ Тибра, ок. 625), вслѣдствіе переселенія въ Римъ покоренныхъ обитателей сосѣднихъ мѣстъ. У завоеванныхъ общинъ обыкновенно отнималась третья часть ихъ полей и обращалась въ римскіе земледѣльческіе участки.

Ни одинъ народъ не усвоивалъ себѣ покоренныхъ земель такимъ ревностнымъ, потовымъ трудомъ, какъ Римляне: можно сказать, что добытое оружіемъ они пріобрѣтали съизнова плугомъ. Зато не только государственныя, казенныя земли, но и большая часть поземельной собственности покоренныхъ народовъ вообще были отбираемы Римлянами. Съ покореніемъ Альбы-Лонги верховныя права этого города, какъ главы Латинскаго союза, перешли на Римъ, и его представители съ этихъ поръ стали предсѣдательствовать на всѣхъ торжествахъ союзниковъ.

Единоборство римскихъ Горацієвъ съ альба-лонгскими Куріаціями составляетъ одно изъ драгоцѣнныхъ народныхъ преданій въ ряду римскихъ поэтическихъ сагъ. Оба войска стояли готовыя къ бою другъ противъ друга. Тогда, для избѣжанія напраснаго кровопролитія, согласились рѣшить дѣло единоборствомъ: за кѣмъ останется побѣда, на той сторонѣ да будетъ и власть. Въ обоихъ войскахъ нашлись тройничные братья, почти ровни лѣтами и силами, и притомъ въ близкомъ родствѣ между собою. Имъ-то и предоставлено было рѣшить оружіемъ судьбу родимыхъ городовъ. Единоборство произошло въ виду обоихъ войскъ. «Когда сошлись бойцы (разсказываетъ Ливій), когда загремѣло оружіе, сверкнули обнаженные мечи,—роковая дрожь пробѣжала по зрителямъ, и пока надежда не склонялась ни на ту, ни другую сторону, смолкли голоса, притихло дыханіе. Когда бойцы вступили наконецъ въ рукопашный бой, и зрители могли не только слѣдить за ихъ движеніями, за взмахами мечей и щитовъ, но видить даже кровь и раны, двое Римлянъ пали одинъ за другимъ, а всѣ три Албанца были ранены.» Тогда оставшійся въ живыхъ Горацій прибѣгнулъ къ хитрости: чтобы сразиться съ врагами по одиночкѣ, онъ пустился бѣжать, въ надеждѣ, что они за нимъ погонятся и при этомъ отстанутъ другъ отъ друга, смотря по тяжести своихъ ранъ. Такъ и случилось. Обернувшись чрезъ нѣсколько времени, Горацій увидѣлъ, что они преслѣдуютъ его на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, и что одинъ уже недалеко; онъ стремительно напалъ на него и сразилъ его прежде чѣмъ остальные двое подоспѣли на помощь; потомъ онъ ринулся ко второму и когда одолѣлъ и этого, тогда исходъ дѣла сталъ уже почти очевиденъ: третій Куріацій ослабѣлъ до того, что едва могъ держать свой щитъ и былъ не въ силахъ бороться съ побѣдоноснымъ противникомъ. Онъ палъ,

и его смертію рѣшилось подчиненіе Альбы-Лонги Риму. Радостно возвратилось римское войско домой; впереди его шелъ Горацій, неся передъ собой доспѣхи павшихъ враговъ. «У Капенскихъ воротъ его встрѣтила сестра, дѣвица, обрученная съ однимъ изъ Куріаціевъ; увидѣвъ на плечахъ брата военный плащъ своего жениха, ея же собственной работы, она распустила волоса и, рыдая, стала звать покойника по имени (причитать). Оскорбился юноша, что сестра вопитъ о его побѣдѣ среди общей радости, выхватилъ мечь и съ бранью поразилъ имъ сестру: — Такъ ступай же ты къ жениху съ своей неудатной любовью, если забыла для него братьевъ, и мертвыхъ да и живаго, забыла даже отечество. Да погибнетъ такъ каждая Римлянка, которая заплачетъ о врагѣ. — Ужасно показалось это злодѣяніе патриціямъ и народу, но недавній подвигъ много умѣрялъ вину». Убійца былъ однакожъ позванъ на судъ. По всей строгости законовъ онъ подлежалъ смертной казни. Но слезы и мольбы престарѣлаго отца, который еще такъ недавно имѣлъ доблестныхъ наслѣдниковъ, а теперь долженъ былъ остаться совсѣмъ бездѣтнымъ, тронули сердца судей: народъ, къ которому обратился Горацій, положилъ смягчить строгость закона, и юноша былъ приговоренъ только къ легкому взысканію.

§ 141. Три послѣдніе царя: Тарквиній Древній (Priscus), Сервій Туллій и Тарквиній Гордый (Superbus), принадлежали къ племени Этрусковъ, какъ это очевидно изъ ихъ построекъ и перенесенія въ Римъ этрурскихъ учрежденій. При нихъ окончательно уряжены и опредѣлены взаимныя отношенія членовъ Латинскаго союза, и Римъ сдѣлался столицею цвѣтущей области. Установленіе вѣчнаго земскаго мира, вмѣстѣ съ наступательнымъ и оборонительнымъ союзомъ, при взаимномъ равенствѣ правъ по торговымъ и всякимъ другимъ сношеніямъ, скрѣпило еще болѣе связь отдѣльныхъ общинъ, и безъ того уже соединенныхъ между собою одинаковыми нравами и языкомъ, обезпечивъ имъ полный просторъ для безчисленнаго множества сдѣлокъ во вседневномъ обиходѣ. Главное начальство надъ союзнымъ войскомъ чередовалось между Римомъ и Лаціумомъ.

Тарквиній Старшій положилъ основаніе величественному зданію Капитолія, которое по мысли отца окончилъ сынъ его Тарквиній Гордый. Капитолій состоялъ изъ укрѣпленія (кремля) и прекраснаго

храма, посвященнаго тремъ высшимъ этрурскимъ богамъ (Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ). Кромѣ того Тарквиній устроилъ изъ плитняка огромныя клоаки (подземные каналы), для очищенія города, потомъ большой циркъ (Circus Maximus, продолговатое, завершенное съ одного конца полукругомъ, ристалище для бѣговъ на колесницахъ и скачекъ верхомъ) и форумъ; онъ первый принялъ внѣшніе знаки верховной власти: сѣдалище изъ слоновой кости (sella curulis), двѣнадцать ликторовъ съ пуками палокъ и мн. др. Сенатъ, первоначально составленный Ромуломъ изъ 200 членовъ, онъ увеличилъ до 300, такъ что тамъ засѣдали старѣйшины всѣхъ родовъ (gentes); потому-то сенаторы и назывались Patres, отцами. Эта трехсотенная община родоначальниковъ считалась «идеальною нормой» какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ распорядкѣ. Тарквиній счастливо воевалъ съ Этрусками и Сабинами.

§ 142. По убіеніи Тарквинія сыновьями его предшественника, на престолъ вступилъ зять его Сервій Туллій (ок. 550). Ему принадлежатъ два, весьма важныя по своимъ послѣдствіямъ учрежденія. Во-первыхъ онъ раздѣлилъ плебеевъ, жившихъ въ городѣ и его окрестностяхъ, на 30 трибъ, или округъ, которыя имѣли своихъ представителей и свои собранія, или сходки (комиціи по трибамъ), и противопоставилъ ихъ, какъ общину, такъ-называемому гражданству, то-есть пользовавшимся всѣми гражданскими правами патриціанскимъ родамъ съ ихъ куріальными собраніями. Во-вторыхъ онъ раздѣлилъ всѣхъ жителей города на пять классовъ по состоянію (census — цензъ), а эти классы — на 193 центуріи для сбора налоговъ, исполненія воинской повинности и подачи голосовъ. Благодаря этому учрежденію, вслѣдствіе котораго заведена была опись (или кадастръ) поземельной собственности и всего вообще имущества каждаго гражданина, богатые получили больше правъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ возложена была обязанность безвозмездно отправлять на свой счетъ военную службу въ тяжеломъ вооруженіи. Шестой классъ (такъ-называемая «поголовщина», capite censi), заключавшій въ себѣ пролетаріевъ, то-есть неимущую чернь, былъ свободенъ отъ податей и военной службы, но зато и не имѣлъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Съ тѣхъ поръ комиціи, созываемыя по цен-

туріямъ, однѣ считались дѣйствительными народными собраніями. Этимъ нововведеніемъ, которое должно было привести къ постепенному сліянію усиливающихся и возвышающихся плебеевъ съ патриціанскими родами и утвердить царскую власть на болѣе широкой основѣ могучаго содѣйствія народа, Сервій Туллій навлекъ себѣ ненависть патриціевъ и по ихъ милости былъ убитъ своимъ зятемъ, Луціемъ Тарквиніемъ Гордымъ (533 — 509).

По уложенію Сервія (говоритъ Моммсенъ), общественная служба и сопряженная съ нею обязанность давать государству въ случаѣ нужды денежную помощь (tributum) падали уже не на гражданъ вообще, но на землевладѣльцевъ, на «осѣдлыхъ» и «имовитыхъ», все равно, были они граждане, или только постоянные обыватели; военная повинность, изъ чисто личной, также перешла на имущества. По величинѣ владѣемыхъ участковъ все обязанное военною службою народонаселеніе (т. е. каждый осѣдлый мущина, отъ 18 до 60 лѣтъ) раздѣлены были на пять «очередей» или разрядовъ (classes); изъ нихъ только принадлежавшіе къ первому разряду, то-есть владѣльцы полныхъ участковъ, должны были являться въ полномъ вооруженіи и оттого считались военнослужащими по преимуществу (classici), между тѣмъ какъ принадлежавшіе къ остальнымъ четыремъ разрядамъ, не столь крупные землевладѣльцы, хотя и должны были нести военную обязанность, но отъ нихъ не требовалось полнаго вооруженія.—Люди не осѣдлые (пролетаріи, «дѣтородцы») обязаны были поставлять въ войско ремесленниковъ и музыкантовъ и опредѣленное число подставныхъ (добавочныхъ, adcensi), которые слѣдовали за войскомъ не вооруженные (velati) и въ походѣ замѣщали больныхъ или убитыхъ, стяновясь въ ряды въ ихъ вооруженіи. — Народное сказаніе изображаетъ въ трагическихъ, ужасающихъ чертахъ переходъ власти отъ Сервія Туллія къ Тарквинію Гордому: «Оба брата, Луцій и Арунсъ, сыновья Тарквинія Древняго, были женаты на двухъ дочеряхъ царя Сервія. Луцій, готовый на преступленіе, хотя и неспособный рѣшиться на него по собственному побужденію, имѣлъ благочестивую жену; Арунсъ, правдивый и вѣрный, былъ женатъ на Туллліи, женщинѣ сатанинскаго нрава. Озлобленная слишкомъ долгою жизнію стараго отца и равнодушіемъ мужа, который готовъ былъ уступить престолъ своему властолюбивому брату, она поклялась погубить ихъ обоихъ. Сговорилась съ Луціемъ, что онъ умертвитъ свою

жену, а она своего мужа, и тогда они вступятъ въ бракъ. Безъ малѣйшаго признака печали зажгли они у погребальнаго костра свои брачные факелы. Послѣ этого Луцій, побуждаемый своею честолюбивою супругой, вступилъ въ союзъ съ партіей недовольныхъ патриціевъ и составилъ заговоръ, свергнуть благороднаго Сервія съ престола. Во время жатвы, когда большая часть народа была въ полѣ, Луцій явился въ сенатъ въ царскомъ облаченіи, съ толпой вооруженныхъ клевретовъ позади. Узнавъ объ этомъ, неустрашимый царь поспѣшилъ въ курію. Остановясь въ дверяхъ, онъ прямо назвалъ Тарквинія мятежникомъ, а тотъ схватилъ слабаго старца и сбросилъ его по каменнымъ ступенямъ внизъ. Изувѣченный и истекая кровью, Сервій былъ поднятъ и унесенъ преданными ему людьми; но, прежде чѣмъ онъ достигнулъ своего жилища, слуги тирана вырвали его и умертвили; тѣло его они бросили на мѣстѣ въ крови. — Между тѣмъ Туллія не могла дождаться извѣстія, чѣмъ кончилось дѣло; среди общаго смятенія отправилась сама въ курію и привѣтствовала своего супруга, какъ царя; ея радость показалась отвратительною даже самому Луцію, и онъ велѣлъ ей ѣхать домой. На одной изъ улицъ, которая съ этихъ поръ названа злодѣйскою, лежало тѣло ея отца. Лошаки шарахнулись, кучеръ подобралъ вожжи, но она приказала ему ѣхать прямо черезъ тѣло, и кровь убитаго обрызгала ея колесницу и одежду. Имя Сервія сохранилось надолго въ памяти народной.

§ 143. Тарквиній хотя и сократилъ опять права, данныя плебеямъ уложеніемъ Сервія, расширилъ предѣлы государства счастливыми войнами съ Латинами и Вольсками и украсилъ городъ зданіями (Капитолій) и полезными учрежденіями, но не смотря на то, вскорѣ и онъ сталъ ненавистенъ патриціямъ, когда обнаружилось его стремленіе возвысить свою власть съ помощію войска и сдѣлалъ царское достоинство, изъ ограниченнаго и избирательнаго, неограниченнымъ и наслѣдственнымъ. Его насилія противъ сената и патриціевъ и тяжкія повинности и налоги, которыми онъ угнеталъ плебеевъ, возбудили на него всеобщее неудовольствіе, перешедшее наконецъ въ открытый мятежъ: когда одинъ изъ сыновей царя, Секстъ Тарквиній, изнасиловалъ добродѣтельную Лукрецію и она въ отчаяніи лишила себя жизни, — оскорбленный народъ воспылалъ местью противъ всего преступнаго рода своихъ правителей. Двое родственниковъ царя, супругъ бла-

городной Лукреціи, Л. Тарквиній Коллатинъ, и другъ его, Луцій Юній, считавшійся до того времени слабоумнымъ и потому прозванный Брутомъ (дурковатымъ), произнесли на тѣлѣ убитой клятву кровомщенія и воззвали жителей Рима и Коллаціи къ свободѣ и истребленію тиранніи. Получивъ извѣстіе объ этомъ, царь покинулъ Ардею, горную крѣпость Рутуловъ, которую онъ тогда осаждалъ, и поспѣшилъ съ войскомъ въ Римъ, чтобы подавить возстаніе; но городскія ворота были для него заперты. Рѣшеніемъ народнаго собранія онъ былъ лишенъ царской власти, даже войско покинуло его, и онъ долженъ былъ удалиться съ своими сыновьями въ изгнаніе (509).

Низверженіе тирана и изгнаніе царскаго рода также изукрашено въ преданіи романтическими подробностями. Тарквиній, встревоженный дурными снами и зловѣщими знаменіями, отправилъ двоихъ сыновей своихъ, Тита и Арунса, въ Дельфы, вопросить пиѳійскаго бога. Для забавы далъ онъ имъ въ спутники родственника ихъ Луція Юнія Брута, который прикидывался дурачкомъ, чтобы избѣжать пагубныхъ подозрѣній тирана. Получивъ отъ оракула требуемый отвѣтъ, царевичи спросили его о своей собственной участи; оракулъ объявилъ, что тотъ изъ нихъ, кто первый по возвращеніи поцѣлуетъ свою мать, будетъ со временемъ властителемъ. Братья согласились поцѣловать ее оба разомъ, чтобы потомъ и управлять вмѣстѣ обоимъ. По выходѣ на берегъ въ Италію, Брутъ будто нечаянно упалъ на землю и поцѣловалъ ее, эту общую всѣмъ матерь. Спустя нѣсколько времени, когда Римляне запяты были продолжительной осадой рутульской крѣпости Ардеи, царевичи заспорили съ своимъ родственникомъ, Тарквиніемъ Коллатиномъ, подручнымъ царю владѣльцемъ небольшаго городка Коллаціи, о добродѣтели своихъ женъ. Споръ былъ горячій, и рѣшено было ночью отправиться домой, чтобы настичь женъ врасплохъ и узнать, чѣмъ онѣ занимаются, когда мужей нѣтъ дома. Они застали царевенъ въ Римѣ за роскошнымъ пиромъ среди цвѣтовъ и вина; оттуда они поспѣшили въ Коллацію и, въ поздній ночной часъ, нашли Лукрецію за пряжей шерсти въ кругу ея дѣвушекъ. Она была такъ прекрасна среди этой обстановки, что Секстъ Тарквиній воспылалъ къ ней страстію. Побуждаемый злымъ умысломъ, онъ возвратился на слѣдующій день въ Коллацію и по праву родства остановился въ домѣ Коллатина, гдѣ Лукреція приняла

его самымъ радушнымъ образомъ. Во мракѣ ночи пробрался онъ вооруженный въ ея комнату и, страшными угрозами предать ее въ жертву ложныхъ подозрѣній, опорозить даже память ея, заставилъ несчастную покориться его волѣ. На слѣдущее утро она вызвала къ себѣ отца и мужа, — говоря, что съ ней произошли неслыханные ужасы. Лукрецій пришелъ въ сопровожденіи П. Валерія, который въ послѣдствіи получилъ прозвище Публиколы; Коллатинъ — въ сопровожденіи всѣми презираемаго Брута. Безутѣшная Лукреція со слезами отчаянія разсказала о нанесенномъ ей позорѣ, взывала къ мужу и отцу о мщеніи и наконецъ вонзила кинжалъ себѣ въ сердце. Теперь настало для Брута рѣшительное мгновеніе; какъ Одиссей сбросилъ свой нищенскій плащъ, такъ сбросилъ онъ внезапно свою притворную глупость. Онъ поднялъ вверхъ окровавленный кинжалъ и поклялся гибелью всему роду злодѣевъ. Надъ тѣломъ Лукреціи былъ заключенъ союзъ мести. Они вынесли убитую на торговую площадь; граждане объявили Тарквинія низложеннымъ и поклялись повиноваться освободителямъ. Всѣ, кто помоложе, проводили похоронное шествіе въ самый Римъ. Тутъ городскія ворота были заперты, и Брутъ, какъ трибунъ целеровъ (начальникъ всадниковъ), созвалъ народное собраніе. Всѣ сословія воспламенились однимъ общимъ чувствомъ; граждане единогласно отрѣшили послѣдняго царя и осудили его со всѣмъ родомъ на изгнаніе. Туллія невредимо убѣжала изъ города; отмстить ей за преступленія народъ предоставилъ тѣнямъ загубленныхъ ею жертвъ. Не кровожадность, не корыстолюбіе тирановъ были всего ненавистнѣе ихъ подданнымъ; они были возмущены тѣмъ, что жертва необузданнаго сластолюбія могла спастись отъ позора только смертью.

Латинскій союзъ и Капитолій. Тарквиній Гордый принудилъ латинскія мѣстечки соединяться съ Римомъ на договорѣ и признать этотъ городъ главою Латинскаго союза. Оборонительный и наступательный союзъ съ равнымъ для всѣхъ участниковъ правомъ водворенія, гдѣ пожелаютъ, соединилъ въ одно цѣлое отдѣльныя общины, которыя въ своемъ внутреннемъ устройствѣ и управленіи оставались свободными и самостоятельными, на сколько это допускали союзническія ихъ обязанности. Для разбора жалобъ по торговымъ дѣламъ и споровъ насчетъ мѣры и вѣса, у нихъ существовалъ особый судъ такъ-называемыхъ «справщиковъ» (recuperatores), состоявшій изъ судей обоихъ народовъ и одного предсѣдателя. Кромѣ того Тарквиній

покорилъ богатый городъ Вольсковъ Суэссу-Помецію и старался расширить предѣлы римскаго господства основаніемъ колоній (Сигнія и Цирцеи); дѣйствительно, путемъ колонизаціи римско-латинское племя мало-по-малу распространило свой языкъ и свою народность по всей Италіи. Онъ пріобрѣлъ собраніе древнихъ прорицаній оракула, извѣстное подъ именемъ Сивилинныхъ книгъ, хранимое въ Капитоліи и поставленное въ самую тѣсную связь съ религіознымъ культомъ и съ римскою политикой; онъ окончилъ зданіе Капитолія, возведенное надъ подземными пещерами и копанями, въ родѣ колодцевъ, и съ этихъ поръ Капитолій сдѣлался хранилищемъ важнѣйшихъ государственныхъ документовъ и драгоцѣнностей, мѣстомъ совершенія главнѣйшихъ политическихъ актовъ и величайшихъ общественныхъ торжествъ. При построеніи Капитолія древнія святилища Термина и Ювенты должны были уступить мѣсто тремъ главнымъ этрурскимъ божествамъ; но авгуріи не благопріятствовали этому, и когда начали рыть основаніе, то въ глубинѣ нашли свѣжую, еще окровавленную, человѣческую голову (отсюда и произошло названіе Капитолій). Это сочли предзнаменованіемъ, «что римское государство не перестанетъ цвѣсти юностью и предѣлы его не сократятся до тѣхъ поръ, пока жрецъ будетъ входить въ Капитолій для поклоненія богамъ, въ сопровожденіи молчаливой дѣвы».

§ 143. б. Древнѣйшія государственныя учрежденія и законы Рима. Вслѣдствіе соединенія трехъ племенъ въ одно римское государство, естественно произошло раздѣленіе народа на три вѣтви, извѣстныя подъ именемъ трибъ, или колѣнъ; къ латинской вѣтви принадлежали Рамны, къ сабинской—Тиціи, къ этрурской—Луцеры. Каждая триба распадалась на десять курій («попечительствъ»), а каждая курія состояла первоначально изъ одинаковаго числа родовъ (gentes). Роды, въ свою очередь, состояли изъ многихъ сначала близкихъ, а потомъ разбившихся на линіи семей, или фамилій, и только лица, принадлежавшія къ одному изъ такихъ родовъ (gentiles, родовитые, родичи), пользовались полными правами гражданства и причислялись къ патриціямъ. Къ фамиліи принадлежали только такія лица, которыя могли доказать самую степень своего происхожденія отъ общаго родоначальника изъ колѣна въ колѣно по восходящей линіи; къ роду же причислялись и тѣ, которые могли отыскать одно только происхожденіе отъ общаго родоначальника, безъ полнаго указанія всѣхъ промежуточныхъ членовъ,

а слѣдовательно и степени своего родства. Рядомъ съ этими свободными гражданами уже въ древнѣйшія времена существовали въ Римѣ, какъ и во всей средней Италіи, полусвободные, зависимые люди, кліэнты, или такъ-называемые подзащитные (челядины), которыхъ извѣстное число было удѣлено на каждый родъ. Между родичами, какъ покровителями, или патронами, и между кліэнтами, какъ подзащитными, или домочадцами, существовало «религіозно-патріархальное отношеніе» со взаимными правами и обязанностями. Домовладыка обязанъ былъ защищать и охранять своихъ домочадцевъ, а они въ свою очередь обязаны были уважать и слушаться его, какъ отца.—Совсѣмъ другое были плебеи, составлявшіе въ послѣдствіи противоположность полноправнымъ патриціямъ, и образовавшіеся изъ переселенныхъ въ Римъ жителей покоренныхъ сосѣднихъ городовъ; они были лично свободны и даже могли имѣть небольшую собственность, но въ противоположность патриціямъ были гражданскибезправны и даже не могли вступать въ брачные союзы съ ними. Но какъ при своей политической безправности, плебеи все-таки соединены были съ патриціями въ одну государственную общину, то по отношеніямъ собственно частнаго права они, кажется, стояли на ряду съ коренными гражданами. Кромѣ этихъ сословій были еще въ Римѣ рабы и вольноотпущенники. — Домъ и семья, какъ одно цѣлое, имѣли своего представителя въ отцѣ и домовладыкѣ, котораго власть надъ женою, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ была неограниченна. Онъ имѣлъ надъ ними право суда и могъ, по усмотрѣнію, наказывать ихъ тѣлесно и даже смертію. По кончинѣ домовладыки, попечительство (tutela) надъ его вдовою принадлежало сыновьямъ, а надъ незамужними сестрами—братьямъ. Строго и ясно разграничены въ древнемъ римскомъ правѣ область государства и гражданина: преступленія противъ государства, непосредственно подлежавшія государственному суду и всегда наказываемыя смертію, и преступленія противъ согражданъ или противъ гостей, которыя могли окончится обоюдною сдѣлкою, примиреніемъ, или удовлетвореніемъ обиженнаго, но ни въ какомъ случаѣ не карались смертію: тягчайшимъ наказаніемъ въ этомъ случаѣ было лишеніе свободы.

Старшина, или начальникъ, трибы назывался трибуномъ, старшина куріи — куріономъ («попечителемъ»). Члены каждой куріи (куріалы) были соединены между собою общими правами и обязанностями, имѣли свое особое богослуженіе и особое мѣсто сборищъ (ку-

рію). Всѣ, принадлежавшіе къ одному роду, носили общее родовое имя (напр. Фабій, Метеллъ, Клавдій и т. п.); это родовое имя распространялось и на кліэнтовъ. Для обозначенія отдѣльныхъ лицъ служило ихъ частное имя, praenomen (напр. Кай, Маркъ, Титъ и др.). Роды имѣли каждый своихъ особенныхъ родовыхъ боговъ и героевъ, въ честь которыхъ совершались обряды и жертвоприношенія въ общихъ родовыхъ храмахъ; у каждаго было также свое собственное родовое кладбище и особенное родовое право. — Патронъ обязанъ былъ защищать своего кліэнта передъ судомъ, охранять его по имуществу и по роду его занятій, и поддерживать совѣтами; за это кліэнтъ долженъ былъ помогать патрону деньгами, если тотъ попадался въ плѣнъ или былъ приговоренъ къ денежной пенѣ, а также для покрытія его расходовъ по служебнымъ обязанностямъ и т. п. При вступленіи въ бракъ дочерей патрона, кліэнты давали имъ на приданое; они сопровождали его на войнѣ и при служебныхъ выходахъ, и всегда должны были оказывать ему «преданность и готовность». Кліэнтъ и патронъ не могли ни жаловаться, ни свидѣтельствовать другъ на друга. Кліэнтство было наслѣдственно, право патронства принадлежало всегда отцу семейства и имъ могли пользоваться только патриціи; дурное обращеніе съ кліэнтами строго наказывалось.—Сдѣлаться рабомъ можно было или по народному праву, попавшись въ плѣнъ, или по гражданскому, напр. за долги и за извѣстныя преступленія. На раба смотрѣли какъ на вещь: его тѣло, силы, заработки, самая жизнь составляли полную собственность господина. Рабъ вовсе не могъ жениться на свободной, да и на рабѣ женился только съ согласія господина, которому въ такомъ случаѣ принадлежали и дѣти этой четы. Если раба отпускали на волю, то онъ поступалъ въ разрядъ отпущенниковъ, но не пріобрѣталъ при этомъ ни правъ, ни значенія свободно-рожденныхъ (ingenui). Если отпускъ совершался торжественно, то отпущенникъ получалъ право гражданства, вступалъ кліэнтомъ въ домъ своего господина и тогда уже, какъ Римлянинъ, могъ носить тогу и заниматься какимъ-нибудь промысломъ; если же отпускъ былъ только фактическій, безъ предписанныхъ формальностей, то права отпущенника были ограниченнѣе, и пріобрѣтенное имъ имущество по смерти его доставалось господину.

Римское государство составляли царь, сенатъ и народъ (Populus, т. е. совокупность всѣхъ патриціевъ). Власть царя въ

древнемъ Римѣ была ограничена волею народа, которая выражалась отчасти непосредственно въ народномъ собраніи, отчасти же въ полномочіи, данномъ сенату. Слѣдовательно, это была верховная власть, установленная и признанная народомъ для завѣдыванія всѣми государственными дѣлами, и вручаемая его свободнымъ выборомъ тому или другому лицу; источникомъ ея правомѣрности былъ народъ, и по смерти царя она опять возвращалась къ народу и отъ него передавалась новому избраннику. Когда избраніе царя было совершено и запечатлѣно религіознымъ освященіемъ (inauguratio), тогда онъ становился въ такое же отношеніе къ народной общинѣ, въ какомъ домовладыка былъ къ своей семьѣ. Какъ военачальникъ и верховный судья, онъ имѣлъ неограниченную власть и право пользоваться инсигніями, заимствованными отъ Этрусковъ: гдѣ бы онъ ни являлся для исполненія своихъ обязанностей, ему предшествовали ликторы съ сѣкирами и пуками палокъ; въ «судебные дни» (dies fasti, дни судоговоренія) онъ творилъ судъ на торговой площади, «сидя на царскомъ сѣдалищѣ» (sella curulis); власть его имѣла и жреческій характеръ: онъ былъ главнымъ распорядителемъ жертвоприношеній и гаданій. На содержаніе его отведенъ былъ значительный участокъ общественной земли. Въ случаѣ смерти царя, совѣтъ старцевъ собирался безъ зова и назначалъ на пять дней временнаго правителя («междуцаря»,—interrex), который и предпринималъ новый выборъ. — Сенатъ былъ первоначально соборомъ (consilium) родовыхъ старшинъ, котораго члены назначались царемъ пожизненно; въ этомъ собраніи предсѣдательствовалъ самъ царь или его намѣстникъ, префектъ города; во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ царь обязанъ былъ выслушать мнѣніе сената. Сенатъ, какъ постоянная власть, всегда участвовалъ въ государственномъ управленіи и предварительно обсуживалъ всѣ дѣла, относящіяся до войны и мира и до законодательства и подлежащія рѣшенію народнаго собранія, подготовляя ихъ въ видѣ предложеній (сенатусконсультовъ). Число членовъ сената еще при царяхъ было увеличено до 300, въ послѣдствіи онъ пополнялся уже самъ собою.— Народнымъ собраніямъ (комиціямъ, сходкамъ) принадлежало право избранія царя, принятія или отмѣны законовъ, рѣшенія вопросовъ о мирѣ и войнѣ. Война считалась справедливою и въ ней можно было разсчитывать на благословеніе боговъ въ томъ только случаѣ, когда она была объявлена по общему рѣшенію народной сходки, сената и царя. Первоначальное раз-

дѣленіе всего народа на патриціевъ и плебеевъ въ послѣдствіи уступило мѣсто дѣленію на сословія: сенаторовъ, всадниковъ и плебеевъ; два первыя сословія имѣли своимъ внѣшнимъ отличіемъ золотое кольцо и пурпурную прошву на туникѣ (поддевкѣ); эта прошва у сенаторовъ была шире, а у всадниковъ узкая.

Всадники. Ромулъ изъ каждой куріи выбралъ по десяти всадниковъ, такъ что первоначальное число ихъ было 300, но при послѣдующихъ царяхъ и во время республики оно по немногу увеличилось вдесятеро. Всадники составляли римскую конницу и служили безъ жалованья, но получали отъ казны лошадь и кормъ. Выборъ всадниковъ зависѣлъ отъ ихъ имущества. Если кто-нибудь изъ нихъ расточалъ свое состояніе или совершалъ какой-нибудь проступокъ противъ обязанностей воина или противъ нравственности, тотъ исключался изъ этого сословія на смотрахъ, которые дѣлали имъ по временамъ. Древнее всадничество стало ядромъ того позднѣйшаго сословія всадниковъ, къ которому принадлежали богатѣйшіе граждане Рима и которое, составляя изъ себя промысловыя общества, брало на откупъ государственные доходы, таможни (publicani, главные откупщики), подряжалось на общественныя постройки и т. п. Со времени Гракховъ имъ поручена была и обязанность судей. А въ послѣдствіи, когда въ Римѣ начали содержать постоянное войско, они совершенно была устранены отъ конной службы въ полѣ.

2. Римская республика до политическаго уравненія сословій (509—366).

а) господство патриціевъ.

§ 144. По изгнаніи Тарквинія, верховная власть перешла къ аристократическимъ родамъ и, благодаря раздѣленію и срочности, сдѣлалась доступна для многихъ. Блюстителемъ общественнаго устройства и законовъ былъ сенатъ, который предлагалъ и потомъ утверждалъ не только законы, поступавшіе на заключеніе центуріальнаго народнаго собранія (т. е. созываемаго по центуріямъ), но и выборы должностныхъ лицъ, рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ, и имѣлъ высшій надзоръ за управленіемъ, за судебной частью, за государственнымъ хозяйствомъ и за религіей. Подъ наблюденіемъ се-

ната два консула (которые сначала назывались преторами), ежегодно избираемые изъ патриціевъ, завѣдывали текущими дѣлами администраціи и судопроизводства, а во время войны предводительствовали войскомъ. Дѣла, касающіяся религіи и богослуженія, находились въ завѣдываніи царя-жреца, который носилъ по прежнему царскій титулъ для того, «чтобы не лишить боговъ обычнаго ихъ посредника»; но какъ ему было въ то же время воспрещено занимать какую-либо другую должность, то въ сущности онъ былъ безсильнѣйшимъ изъ всѣхъ сановниковъ въ Римѣ. По именамъ консуловъ назывался годъ въ календарѣ; они «совершали молитвы и жертвоприношенія за республику, и ея именемъ, съ помощію свѣдущихъ людей, вызнавали волю боговъ». Кромѣ консуловъ, для завѣдыванія общественною казною подъ верховнымъ наблюденіемъ сената состояли два квестора (казначея); въ послѣдствіи, по мѣрѣ расширенія государства, число ихъ увеличивалось. Ко всѣмъ этимъ должностямъ имѣли доступъ одни патриціи. Въ своихъ куріальныхъ собраніяхъ (т. е. созываемыхъ по куріямъ) обсуждали они мѣры въ видахъ охраненія своей власти и своихъ сословныхъ правъ; въ общихъ центуріальныхъ комиціяхъ, гдѣ избирались консулы, патриціи (какъ патроны) съ своими арендаторами и кліэнтами составляли большинство, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли въ своихъ рукахъ и рѣшеніе народа, у плебейскихъ же собраній по трибамъ отняли всякую власть. Впрочемъ народная община имѣла очень важное право ежегодно назначать своихъ общиноначальниковъ (трибуновъ) и произносить окончательный приговоръ (jus provocationis), когда дѣло шло о жизни или смерти обвиняемаго гражданина; благодаря этому, перевѣсъ власти оказался въ послѣдствіи на ея сторонѣ.

§ 145. Новой республикѣ пришлось выдержать важныя борьбы внутреннія и внѣшнія. Уже при первыхъ консулахъ, Брутѣ и Коллатинѣ, въ кругу знатной молодежи составился заговоръ возвратить изгнанный родъ царскій. Но заговоръ былъ открытъ, и строгій Брутъ казнилъ виновныхъ смертію, не пощадивъ въ томъ числѣ и своихъ двухъ сыновей. Величайшая внѣшняя опасность угрожала Риму со стороны этрурскаго царя Порсенны, котораго призвалъ на помощь Тарквиній, и который овладѣлъ уже Яникуломъ, на правомъ берегу Тибра. Борьба юной республики съ этимъ могущественнымъ врагомъ была потомъ изукрашена въ по-

вѣствованіи римскихъ писателей разными героическими сказаніями, съ явною цѣлію прославить начало новаго порядка вещей. Однажды Римляне перешли черезъ Тибръ, чтобы прогнать непріятеля съ Яникула, но были отбиты и принуждены быстро спасаться бѣгствомъ въ городъ; вслѣдъ за ними легко могли бы вторгнуться туда и враги, еслибы не удержалъ ихъ Горацій Коклесъ, сильный, сановитый воинъ, которому поручено было охраненіе моста; онъ съ двумя товарищами удерживалъ напоръ враговъ, пока толпа по его приказанію разрушала мостъ позади трехъ храбрыхъ. Потомъ онъ отослалъ своихъ товарищей и «бился уже одинъ, какъ Аяксъ, до тѣхъ поръ, пока трескъ падающихъ бревенъ и кликъ работавшихъ не возвѣстили о концѣ дѣла. Тогда взмолился онъ къ отцу Тиберину (богу Тибра), да приметъ его и оружіе въ свои священныя струи и подъ свою защиту, потомъ бросился въ волны и сквозь тучи стрѣлъ непріятельскихъ, благополучно выплылъ къ городу. Въ благодарность за это, когда въ Римѣ насталъ голодъ, каждый изъ жителей отдавалъ ему все, что могъ удѣлить изъ своихъ съѣстныхъ припасовъ, а въ послѣдствіи республика воздвигла ему статую и подарила столько земли, сколько онъ могъ въ одинъ день обойдти плугомъ». Такая же награда дана была и Муцію Скѐволѣ (т. е. Лѣвшѣ). Когда въ Римѣ, вслѣдствіе осады, началъ свирѣпствовать страшный голодъ, этотъ юноша-герой, съ позволенія сената, предпринялъ освободить отечество убіеніемъ этрурскаго властителя. Онъ пробрался къ нему въ станъ и зная по-этрурски, достигъ самой средины его, гдѣ стоялъ царскій шатеръ. Но тутъ по ошибкѣ онъ умертвилъ, вмѣсто царя, одного пышно одѣтаго служителя. Когда вслѣдъ за тѣмъ Порсенна хотѣлъ угрозами вынудить у него признанія, Муцій положилъ правую руку на пылавшій подлѣ жертвенникъ въ доказательство того, что онъ не боится ни смерти, ни мученій. Отъ этого онъ прозванъ Лѣвшой (Scaevola). Впрочемъ, какъ ни хвастливо передавали Римляне эти первыя борьбы за свободу,—мы знаемъ изъ позднѣйшихъ извѣстій, что Порсенна дѣйствительно взялъ Римъ (507) и покинулъ его не иначе, какъ принудивъ Римлянъ дать ему заложниковъ (которые, впрочемъ, скоро спаслись отъ него отчаяннымъ бѣг-

ствомъ вплавь черезъ рѣку, подъ начальствомъ мужественной Клеліи) и уступить третью часть своихъ владѣній (десять трибъ). Въ то же время Эквы и Вольски возвратили себѣ города, отнятые у нихъ римскими царями; Веіенты начали войну за Тарквиніевъ и при Арсійскомъ лѣсу дали Римлянамъ битву, въ которой основатель новой республики, Брутъ, и Арунсъ Тарквиній умертвили другъ друга, но поле сраженія все-таки осталось за Римлянами; наконецъ, учрежденный послѣднимъ царемъ союзъ латинскихъ городовъ, также поднялъ оружіе въ пользу своего основателя. Тогда Римляне установили новый санъ диктатора (499), и польза этого скоро оказалась: они одержали славную побѣду надъ Латинами при Регилльскомъ озерѣ (на сѣверной сторонѣ Латинскаго хребта, по дорогѣ изъ Рима къ Пренесте). Спустя три года (496) заключенъ былъ союзъ, по которому обоимъ государствамъ предоставлены были равныя права.

Диктаторъ избирался только въ случаяхъ крайней необходимости или опасности, на шесть мѣсяцевъ срокомъ, и по минованіи бѣды слагалъ съ себя свое чрезвычайное званіе, которое давало ему неограниченную власть, какъ въ городѣ, такъ и въ полѣ, и безусловно подчиняло ему всѣхъ остальныхъ сановниковъ. Въ глухой полночный часъ, среди религіозныхъ обрядовъ, консулъ назначалъ въ диктаторы то лицо, которое народная община признавала достойнымъ этого сана. Диктатору подчинялся избираемый имъ начальникъ конницы (magister equitum). Диктатура, на рѣшеніе которой не было аппеляціи въ народное собраніе, служила надежнымъ средствомъ для сдержки порывавшихся къ возвышенію плебеевъ и для предупрежденія раздоровъ и смутъ. Большое поле на берегу Тибра, принадлежавшее Тарквинію, было посвящено Марсу и называлось Марсовымъ полемъ (Campus Martius). Оно оставалось невоздѣланнымъ и служило мѣстомъ военныхъ упражненій, народныхъ сходокъ и по преимуществу мѣстомъ выборовъ.

§ 146. Во время этихъ войнъ плебеи оказывали важную помощь патриціямъ и за то чрезъ консула Валерія Попликолу (т. е. друга народу) добились нѣкоторыхъ благопріятныхъ для себя законовъ. Но когда Тарквиній умеръ въ Кумахъ (495), и патриціи перестали страшиться возвращенія царскаго дома, то они уже не соблюдали этихъ постановле-

ній и пользовались своими правами безъ всякой пощады и милости. Особенно притѣснительны были строгіе законы о долгахъ. Плебеи, какъ вольные собственники, хотя и не пользовавшіеся гражданскими правами, обязаны были платить поземельную подать и, безъ жалованья, въ собственномъ вооруженіи, нести военную службу. Пока они были на войнѣ, поля ихъ, уменьшившіяся вслѣдствіе уступокъ Порсеннѣ, оставались почти невоздѣланными; неурожаи породили бѣдность, и чтобы удовлетворять своимъ насущнымъ потребностямъ, плебеи входили у патриціевъ въ долги. Если плебей въ назначенный срокъ не могъ уплатить высокихъ процентовъ, обыкновенно составлявшихъ двѣнадцатую долю капитала ($8^1/_2$ со ста), то самъ онъ и все его имущество дѣлались собственностію заимодавца, который могъ продать его, какъ раба, вмѣстѣ съ его дѣтьми, куда-нибудь въ чужую сторону или держать у себя въ работникахъ. Ужасно было допускаемое неутомимымъ закономъ, «погребеніе заживо, которое ожидало бѣдныхъ въ долговой башнѣ каждаго богача». Патриціи, одни владѣя общественноею землю (§ 149), и заставляя воздѣлывать свои поля тѣхъ кліэнтовъ, которые не шли на войну, были избавлены отъ подати съ имущества, брали въ свою пользу всю военную добычу и такимъ образомъ были совершенно обезпечены отъ несчастій, которыя довели плебеевъ до нищеты. Такое положеніе сдѣлалось наконецъ невыносимо, тѣмъ болѣе, что не было ни одного закона, который бы охранялъ несчастныхъ должниковъ отъ жестокости заимодавцевъ. Тогда около 18,000 вооруженныхъ плебеевъ, призванныхъ въ войско, отказались повиноваться и заняли Святую гору, лежащую на берегу Аніо, въ полуторѣ часахъ пути отъ Рима (494), съ намѣреніемъ основать тамъ новый городъ. Для переговоровъ съ ними былъ посланъ Мененій Агриппа; притчею о ссорѣ желудка съ остальными членами тѣла объяснилъ онъ недовольнымъ гибельныя слѣдствія такой распри и обѣщалъ удовлетвореніе по ихъ жалобамъ. Плебеямъ дано было сначала пять, потомъ десять народныхъ трибуновъ (старшинъ-защитниковъ), которые, какъ неподчиненные консульской власти, священные и неприкосновенные заступники интересовъ своего сословія, могли

налагать запрѣтъ (veto) на всѣ вредныя плебеямъ постановленія сената и распоряженія консуловъ, а въ случаѣ нужды имѣли даже право останавливать сборъ податей и созывъ войска. Кромѣ того, два эдила (трибунскіе помощники), завѣдывавшіе торговою полиціей, публичными зданіями, магазинами и т. п., должны были наблюдать, чтобы не было лихоимства и барышничества. Было нѣчто могучее и возвышающее въ этомъ переворотѣ, начатомъ массою народа безъ надежнаго руководительства, подъ начальствомъ случайныхъ вождей, и оконченнаго безъ кровопролитія. Народъ любилъ вспоминать о немъ и гордился своимъ дѣломъ.

Отшествіе на Святую гору было вызвано стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ. Долго копившійся горючій матеріалъ вспыхнулъ пожаромъ въ консульство Аппія Клавдія, который, какъ и весь родъ Клавдіевъ, отличался враждебнымъ народу направленіемъ, гордыней и высокомѣріемъ, и за это былъ всѣми ненавидимъ. Одинъ старикъ, вырвавшись изъ долговой тюрьмы, въ грязныхъ лохмотьяхъ, блѣдный и изнуренный голодомъ, съ склоченною бородой и растрепанными волосами, взывалъ въ смертельномъ страхѣ къ Квиритамъ о заступничествѣ. Онъ показывалъ сбѣжавшимся на его крикъ кровавые знаки безчеловѣчныхъ истязаній и говорилъ, что у него, участника двадцати-осьми битвъ, во время войны разграбили и сожгли домъ и дворъ, и что наконецъ голодъ при нападеніи Этрусковъ заставилъ его продать все свое достояніе; онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ займамъ, долгъ его страшно увеличился процентами, и заимодавецъ взялъ его теперь съ обоими сыновьями по судебному приговору въ свою собственность и заковалъ въ цѣпи. Многіе изъ окружавшихъ узнали въ исхудавшемъ храбраго сотника; сочувствіе къ его горю и ярость народа взволновали весь городъ: кабальные и свободные смѣшались въ одну толпу и всѣ требовали устраненія этого общаго бѣдствія. Въ то самое время Римляне вели войну съ Вольсками, и народъ отказался стать подъ знамена. Тогда второй консулъ П. Сервилій объявилъ, что всѣ кабальные должники могутъ безпрепятственно вступить въ военную службу и что дѣти воиновъ останутся свободными и будутъ неприкосновенно владѣть имуществомъ отцовъ. Въ силу этого обѣщанія кабальники выступили въ походъ и консулъ одержалъ блистательную побѣду. Но Аппій Клавдій сталъ отсылать возвращающихся должниковъ прямо въ тюрьмы, а кабальныхъ безъ

всякаго снисхожденія отдавать во власть заимодавцевъ; тогда плебеи, озлобленные такимъ вѣроломствомъ, открыто возстали и отказались исполнять эти повелѣнія. Однакожь черезъ нѣсколько времени любой народу Маркъ Валерій, избранный патриціями въ диктаторы, опять успѣлъ задобрить плебеевъ возобновленіемъ прежняго обѣщанія, и они побѣдоносно выступили съ нимъ въ поле. Но обѣщанное освобожденіе должниковъ было снова отвергнуто сенатомъ. Тогда Валерій съ горестью сложилъ съ себя высокое званіе, а плебеи, которые были еще за городомъ, въ рядахъ войска, отказались повиноваться консулу и заняли Святую гору (mons Sacer), въ Крустумерійскомъ участкѣ, при рѣкѣ Аніо. Въ исторіи этой внутренней борьбы плебеи являются народомъ, а патриціи только кастою. Упорство и эгоистическая настойчивость въ удержаніи за собой несправедливыхъ преимуществъ, противугражданственное и чуждое любви стремленіе, съ какимъ вели они этотъ споръ, — все это было въ явномъ противорѣчіи съ дальнѣйшимъ развитіемъ народа и государства. Останься патриціи съ своими кліэнтами единственнымъ содержаніемъ политической жизни Рима, или успѣй они подчинить владычеству своихъ сословныхъ формъ все народонаселеніе государства, Римъ впалъ бы въ неподвижный аристократизмъ, безъ живаго стремленія къ развитію, безъ великой будущности передъ собою. Не смотря на свое политическое образованіе и на свою жреческую мудрость, патриціи все-таки были поборниками застоя, мѣшавшаго просвѣщенію приносить надлежащіе плоды; напротивъ того полные жизни плебеи, которые, неутомимо подвигаясь впередъ, завоевали права своему сословію, являются орудіемъ успѣховъ общенароднаго образованія.

§ 147. Коріоланъ. Вскорѣ потомъ въ Римѣ насталъ голодъ, и когда наконецъ изъ Сициліи подоспѣли корабли съ хлѣбомъ, гордый патрицій Марцій Коріоланъ сдѣлалъ предложеніе: выдавать плебеямъ хлѣбъ изъ государственныхъ житницъ только въ такомъ случаѣ, если они согласятся на отмѣну народныхъ трибуновъ. Но плебеи клялись за себя и за своихъ дѣтей защищать трибуновъ и считать всякаго, кто на нихъ посягнетъ, лишеннымъ покровительства законовъ и богопротивникомъ; а потому, собравшись теперь по трибамъ, они объявили Коріолана опальнымъ и принудили его бѣжать. Пылая местію, онъ удалился къ Вольскамъ и подговорилъ ихъ напасть подъ его начальствомъ на римскія владѣнія. Опу-

стошая край, проникли они уже до пятаго помильнаго столба не доходя Рима; но тутъ соединенныя просьбы матери и жены полководца подѣйствовали на его совѣсть, и онъ согласился отступить. Раздраженные этимъ Вольски, сказываютъ, убили Коріолана (491) и удержали за собою покоренные города.

б) Борьба плебеевъ съ патриціями за равноправность.

§ 148. Сословныя распри до того ослабили Римъ, что внѣшніе враги стали отнимать у него одинъ городъ за другимъ, и римскія владѣнія значительно уменьшились. Съ сѣвера все смѣлѣе и смѣлѣе напирали Веіенты, и когда противъ нихъ выступили наконецъ триста Фабіевъ, то всѣ члены этой доблестной патриціянской фамиліи пали геройскою смертію на полѣ битвы (497). Прежде были они во враждѣ съ плебеями, какъ жестокіе и гордые поборники патриціанскихъ правъ, но потомъ примкнули къ народу и этимъ навлекли себѣ ненависть всего своего сословія. Тутъ они попросили у сената разрѣшенія вести веіентинскую войну на свой страхъ, безъ всякой сторонней помощи, и когда имъ охотно дозволили это, они, при благословеніяхъ народа, вступили въ непріятельскія владѣнія. Изъ крѣпкаго становища наносили они Веіентамъ много вреда и возвращались изъ частыхъ схватокъ побѣдителями и съ богатою добычей; наконецъ, увлекшись желаніемъ захватить стадо непріятельскаго скота, нарочно выгнанное въ поле, они попали въ засаду, были окружены врагомъ и, послѣ отчаянной обороны на одной высотѣ близь рѣчки Кремеры, легли на мѣстѣ всѣ, кромѣ одного, отъ котораго и пошло дальнѣйшее потомство этого рода. Съ юга дѣлали опустошительные набѣги Вольски и Эквы, пока наконецъ призванный отъ плуга на диктарство Л. Цинциннатъ нанесъ послѣднимъ рѣшительное пораженіе у горы Альгида (458) и заставилъ ихъ пройдти подъ игомъ изъ трехъ копій. Плебеи, которымъ приходилось покупать побѣды цѣною своей крови, неохотно проливали ее для того, чтобы обогащать и усиливать своихъ притѣснителей; иногда они даже нарочно давали себя разбить, если ими предводительствовалъ какой-нибудь жестокосердый патрицій. Между тѣмъ въ самомъ го-

родѣ плебеи вели жаркіе споры изъ-за того, чтобы отнять у коренныхъ гражданъ ихъ преимущества: право исключительнаго владѣнія общественной землею, завѣдыванія судопроизводствомъ, и знанія законовъ, и право занятія высшихъ государственныхъ должностей.

Цинциннатъ и Эквы. Древняя героическая сага о войнѣ съ Эквами и прямодушномъ другѣ родины, Цинциннатѣ, по изысканіямъ Нибура, была такова: «Эквы заключили миръ; но не смотря на то, Гракхъ Клѣлій опять привелъ ихъ на Альгидъ, и они возобновили свои ежегодные грабежи. Римское посольство прибыло въ ихъ станъ съ жалобами на такую несправедливость и было принято съ презрѣніемъ: предводитель Эквовъ сказалъ имъ, чтобъ они ему не надоѣдали, а пусть изложатъ свои жалобы дубу, подъ тѣнію котораго устроенъ его трибуналъ. Посланные приняли эти дерзкія слова за предзнаменованіе, что духъ, оживляющій священное дерево Юпитера, внялъ стенаніямъ обиженныхъ и увѣдалъ о неправдѣ строптивыхъ.

«Но чаяніе ихъ нѣсколько времени не сбывалось. Минуцій былъ разбитъ и окруженъ; вѣсть эту принесли пять всадниковъ, которые успѣли спастись до совершеннаго сомкнутія линій, которыми Эквы окружили римскій станъ. Тогда патриціи призвали на диктаторство Л. Цинцинната. Извѣстіе о его выборѣ было принесено ему разсыльнымъ на ватиканское поле, гдѣ онъ пахалъ свою выть въ четыре югера [1]) мѣрой. Дѣло было лѣтомъ, и тотъ, кому народъ вручалъ теперь царскую власть, шелъ за плугомъ совершенно раздѣтый, въ одномъ фартукѣ, какъ обыкновенно работали тамъ въ лѣтній зной поселяне. Вѣстникъ уговорилъ его выслушать волю сената и народа, одѣвшись, и хозяйка его Рацилія принесла ему тогу. У берега готовъ былъ челнъ, а на другой сторонѣ его встрѣтили родственники, друзья его рода и трое сыновей; его любимаго сына тутъ не было: обвиненный плебеями, онъ укрывался въ это время отъ преслѣдованій суда.

«Утромъ, до разсвѣта, диктаторъ былъ уже на форумѣ (т. е. на главной площади). Начальникомъ конницы онъ выбралъ Л. Тарквиція, благороднаго, мужественнаго и бѣднаго, какъ и онъ самъ; велѣлъ запереть всѣ лавки, отложить сроки по всѣмъ дѣламъ и призвать подъ знамена всѣхъ и каждаго; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ, чтобы всѣ способные носить оружіе вооружились, запаслись пищею на пять

[1] Югеръ (jugerum) — пространство въ 240 фут. длины и 120 фут. ширины, или въ 28,000 фут.=549 саженъ квадратныхъ.

дней, взяли съ собою каждый по двѣнадцати кольевъ и къ закату солнца явились совершенно готовые въ поле, за городъ. Пока выступавшіе въ походъ, вырубивъ колья и осмотрѣвъ оружіе, отдыхали, остававшіеся должны были готовить для нихъ пищу. Все было исполнено по приказанію; на походѣ начальники напомнили легіонамъ, что земляки уже три дня окружены врагами; знаменоносцы и пѣхотинцы сами поощряли другъ друга и удвоили шаги. Къ полуночи достигли они Альгида и приблизились къ вражескому стану, среди котораго заключенъ былъ римскій; диктаторъ вытянулъ длинную цѣпь своихъ воиновъ вокругъ непріятеля и замкнулъ Эквовъ со всѣхъ сторонъ; тогда онъ велѣлъ остановиться, рыть ровъ и насыпать валъ, въ который были всколочены принесенные колья. Приступивъ къ дѣлу, воины подняли римскій ратный кликъ, который далъ знать воинамъ консула, что ожидаемая помощь приспѣла, и они не замедлили начать бой. Эквы бились съ ними всю ночь до разсвѣта; тутъ только замѣтили они, что окружены совсѣмъ готовымъ окопомъ, черезъ который имъ не перейдти: и вотъ Цинциннантъ повелъ свои когорты прямо на станъ, котораго внутреннюю окружность штурмовалъ Минуцій. Совершенно упавъ духомъ, Эквы слезно умоляли объ одномъ, — чтобы не всѣхъ ихъ истребили. Диктаторъ приказалъ выдать себѣ Гракха Клѣлія и всѣхъ начальниковъ въ оковахъ; остальнымъ онъ даровалъ жизнь, но Римляне получили за это городъ Корбіо со всѣмъ, что въ немъ находилось. Побѣжденные сложили передъ побѣдителемъ все оружіе; по обычаю, въ окопѣ, окружавшемъ врага, было прорыто отверстіе; тутъ воткнули въ землю два копья, а третье привязали сверху поперекъ, и этимъ выходомъ долженъ былъ пройдти непріятель. Станъ, лошади, вьючный скотъ, запасы и обозъ, все имущество побѣжденныхъ, кромѣ той туники, которая была у каждаго на плечахъ, — все досталось побѣдителямъ. Минуцій и его воины лишены были участія въ тріумфѣ и въ добычѣ, и они не роптали, а напротивъ того, возвратясь въ Римъ, привѣтствовали диктатора, какъ своего спасителя, и поднесли ему золотой вѣнокъ въ фунтъ вѣсомъ. Тріумфъ, который ни одной матери не стоилъ слезъ, былъ днемъ общаго ликованья: передъ всѣми домами, отъ Капенскихъ воротъ до форума, стояли накрытые столы, и вступавшіе воины, обремененные добычей, освѣжались тутъ, чѣмъ хотѣли, а радостные граждане вставали изъ-за пира и слѣдовали за общимъ шествіемъ въ Капитолій, распѣвая вмѣстѣ съ воинами веселыя пѣсни».

§ 149. 1. Полевые, или аграрные, законы. Римское государство владѣло обширными полями и пастбищами, которыя не составляли ни чьей собственности; но пользованіе ими, съ обязанностію платить въ казну десятину дохода, принадлежало патриціямъ. Эту общественную землю (ager publicus) патриціи считали своею, обработывали ее своими кліэнтами и рабами, и смотрѣли сквозь пальцы на то, если кто изъ ихъ братьи—патриціевъ, не точно вносилъ въ казну положенный окладъ. Тѣмъ тяжеле падали налоги на простолюдина, а какъ при этомъ корыстолюбивая знать уклонялась и отъ обычной раздачи новоприобрѣтенныхъ полей нуждающимся плебеямъ, то участь среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ была вовсе не завидна. Время отъ времени плебеи, владѣвшіе малыми участками, требовали полевыхъ законовъ (leges agrarias), по которымъ имъ была бы предоставлена часть общественной земли въ собственность или въ пользованіе. Но эти требованія встрѣчали всякій разъ самое рѣшительное сопротивленіе. Казнь консула Сп. Кассія (486), предложившаго первый полевой законъ и настоявшаго, чтобы земли, отнятыя у Герниковъ, розданы были частію патриціямъ въ наслѣдственную аренду, а частію въ собственность плебеямъ, остановила на будущее время всякія попытки подобнаго рода. По истеченіи его консульскаго года, этотъ прославленный и заслуженный мужъ, два раза удостоенный тріумфа, былъ обвиненъ злобствующими патриціями въ государственной измѣнѣ, преданъ проклятію и сброшенъ въ Капитоліи съ Тарпейской скалы. Мѣсто, гдѣ стоялъ домъ этого дерзновенника, осталось навсегда запустѣлымъ; а когда, нѣсколько лѣтъ потомъ, народный трибунъ (Генуцій) сталъ угрожать консуламъ жалобою за дурное исполненіе Кассіева закона, то наканунѣ публичнаго суда его нашли убитымъ въ собственномъ домѣ.

§ 150. 2. Децемвиры. До тѣхъ поръ, пока судъ основывался только на знаніи неписаннаго, обычнаго права и старины, онъ находился исключительно въ рукахъ патриціевъ, которые творили его по своему благоусмотрѣнію, иногда совершенно произвольно и пристрастно. Чтобы не подвергаться долѣе этому произволу и имѣть возможность самимъ слѣдить

за ходомъ суда, плебеи потребовали твердыхъ, опредѣленныхъ законовъ, но и тутъ они встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны патриціевъ, видѣвшихъ въ подобной мѣрѣ умаленіе правъ своего сословія. По поводу этого требованія раздоры и взаимная ненависть сословій достигли высшей степени. Законъ Публилія Волерона (473), чтобы выборъ плебейскихъ чиновъ (народныхъ трибуновъ и эдиловъ), который до сихъ поръ производился въ центуріальныхъ комиціяхъ, совершался впередъ только общинами плебеевъ въ комиціяхъ по трибамъ, раздѣлилъ римскій народъ на два враждебные лагеря, и какъ въ то же время свирѣпствовала въ Римѣ моровая язва, собиравшая страшную «жатву смерти» во всѣхъ сословіяхъ, то все это вмѣстѣ до того ослабило государство, что Эквы и Вольски безпрепятственно производили свои набѣги до самыхъ стѣнъ города, а одинъ сабинскій удалецъ (Хердоній), съ толпою рабовъ и бѣглыхъ, овладѣлъ самымъ Капитоліемъ, и Римлянамъ съ трудомъ удалось выжить его оттуда. Уже съ 457 года число народныхъ трибуновъ увеличилось до десяти; тутъ они постоянно начали возобновлять свое требованіе (высказанное впервые Терентилломъ Арсою) о назначеніи коммиссіи для составленія законовъ, воспротивились сбору податей и созыву войска и соединенными силами дружно стремились къ одной цѣли. Теперь только плебеи достигли наконецъ того, что отправлены были послы въ Великую Грецію и въ Аѳины, для изученія тамошнихъ законовъ и выбора изъ нихъ того, что̀ было пригодно для Рима. По возвращеніи этихъ посланныхъ оба сословія согласились, чтобы всѣ правительственныя лица (консулы, народные трибуны и проч.) сложили съ себя званіе, и избрали десять человѣкъ патриціевъ съ неограниченною властію (судебной, законодательной и исполнительной), которые должны были заняться составленіемъ новыхъ законовъ (государственныхъ и гражданскихъ). Ревностно принялись за исполненіе возложеннаго на нихъ дѣла эти выборные (452—450), названные по числу ихъ децемвирами (комитетомъ десяти); законы, составленные ими къ концу перваго года и утвержденные народнымъ собраніемъ, встрѣтили такое одобреніе, что децемвировъ, не колеблясь, оставили еще на годъ для совер-

шеннаго окончанія дѣла. Но тутъ эти патриціанскіе выборные начали злоупотреблять свою неограниченную власть, стали дѣйствовать произвольно и насильственно. Они вооружились противъ своихъ плебейскихъ противниковъ тюрьмою, денежными пенями, изгнаніемъ и смертною казнью; когда вспыхнула война съ Эквами и Вольсками, они вѣроломно умертвили старца Сикція Дентата, покрытаго ранами плебейскаго героя, храбрѣйшаго человѣка въ цѣломъ Римѣ, и самовольно удержали за собой власть по истеченіи втораго года, когда законы двѣнадцати таблицъ были уже совсѣмъ готовы. Наконецъ гнусное преступленіе гордаго своею знатностью Аппія Клавдія, одного изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ децемвирата, произвело взрывъ всеобщаго негодованія. Онъ соблазнился красотой Виргиніи, дочери одного изъ плебейскихъ вождей и невѣсты бывшаго народнаго трибуна Луція Иципія. Чтобы овладѣть ею, онъ подговорилъ одного изъ своихъ кліэнтовъ объявить эту дѣвушку бѣглою рабой и требовать возвращенія ея въ свою собственность передъ судомъ децемвировъ. При огромномъ стеченіи народа, на форумѣ, Аппій Клавдій выслушалъ его жалобу; но едва рѣшено было по судебному приговору возвратить Виргинію истцу, какъ явился ея отецъ и вонзилъ ножъ въ сердце несчастной дочери, чтобы спасти ее отъ безчестнаго поруганія. Пораженный этимъ неслыханнымъ поступкомъ, народъ еще стоялъ вокругъ тѣла прекрасной дѣвушки, когда плебейское войско подъ начальствомъ своихъ трибуновъ вступило въ городъ, заняло Авентинскій холмъ и съ угрозами требовало удаленія децемвировъ и возстановленія прежняго порядка. То и другое было исполнено. Аппій Клавдій лишилъ себя жизни въ темницѣ; его товарищъ Оппій былъ казненъ; остальные поплатились за свои злодѣйства вѣчнымъ изгнаніемъ и потерею имущества. Законы двѣнадцати таблицъ остались однакожь въ силѣ и были первою положительною попыткой соединить различныя составныя части народа въ одно государственное сообщество на основаніи права.

Законы двѣнадцати таблицъ, возникшіе изъ смѣси чужихъ постановленій (греческихъ) съ туземными, послужили основаніемъ римскому праву, котораго выработка на степень науки (юриспруденціи)

составляетъ одну изъ главнѣйшихъ заслугъ римскаго народа; кромѣ права Римляне довели еще до совершенства военное искусство, а во всѣхъ остальныхъ наукахъ, въ искусствѣ и въ поэзіи они были только заимствователями и подражателями Грековъ. Эта формальная, чисто-внѣшняя сторона жизни — опредѣленія права и военное дѣло — получила у Римлянъ самую тонкую обработку, потому что всѣ силы ихъ, вся историческая дѣятельность направлены были именно въ эту сторону. — Плебеи, добровольно уступивъ законовѣдамъ-патриціямъ дѣло преобразованія законовъ и исключивъ себя отъ участія въ децемвиратѣ, остались въ выигрышѣ: они добились не только новыхъ законовъ въ огражденіе себя отъ судебнаго произвола, но и еще нѣкоторыхъ важныхъ правъ: ихъ «общинные приговоры», постановляемые въ комиціяхъ по трибамъ (plebiscita), получили обязательную для всѣхъ силу закона, право пересуда или переноса (provocatio, appellatio) консульскихъ опредѣленій на разсмотрѣніе центуріальныхъ комицій было признано всѣми правительственными чинами, даже диктаторомъ, и при вступленіи выбранныхъ лицъ въ должности подтверждалось ими подъ присягою. Завѣдываніе военною казною было отнято у консуловъ и поручено двумъ казначеямъ (квесторамъ), которые избирались трибунами на сходкахъ, однакоже изъ патриціевъ. Вообще власть и значеніе трибуновъ начали съ тѣхъ поръ усиливаться. Народные трибуны получили совѣщательный голосъ въ сенатѣ (сначала они помѣщались на особой скамьѣ у дверей, а потомъ уже въ самомъ собраніи), и не только особы ихъ были неприкосновенны, но и нерушимая цѣлость и полночисленность ихъ коллегіи обезпечена была самыми священными клятвами и вообще всѣмъ тѣмъ, что ни есть внушающаго благоговѣніе и религіозный ужасъ.

§ 151. 3. Должности военнаго трибуна и цензора. Все это нѣсколько уравняло плебеевъ съ патриціями, и сословное различіе уменьшилось еще вскорѣ новою уступкою: обоимъ сословіямъ разрѣшено заключать между собою браки (connubium), безъ потери сословныхъ правъ для дѣтей, и наконецъ плебеи потребовали уничтоженія самаго важнаго преимущества патриціевъ — исключительнаго права быть консулами. Но противъ этого патриціи возстали изо всѣхъ силъ, и когда плебеи воспротивились набору войска, тѣ объявили, что скорѣе согласятся вовсе не имѣть консу-

ловъ, нежели допустить въ эту должность плебеевъ. По этому рѣшено было, чтобы ежегодно изъ обоихъ сословій избирались шесть или восемь военныхъ трибуновъ съ консульскою властію (441), какъ главные предводители войска и высшіе государственные сановники. Это учрежденіе продолжалось до изданія Лициніевыхъ законовъ. Въ вознагражденіе за свою утрату, патриціи установили должность цензора, доступную только для нихъ. Цензоры (ихъ было два, сначала они избирались на одинъ люстръ, т. е. на пятилѣтіе, а потомъ на 18 мѣсяцевъ) вели списки, въ которые внесены были всѣ патриціи и плебеи по имуществу и званію, то-есть сенаторы, всадники и граждане, собирали въ казну подати за пользованіе общественною землею, завѣдывали постройкою храмовъ, дорогъ, мостовъ и имѣли верховный нраво-судебный надзоръ, наказывая за проступки, нарушавшіе благопристойность или противные общественному благу, лишеніемъ правъ гражданскихъ и сословныхъ.

Обстоятельство, что иногда было по три, иногда по четыре военныхъ трибуна въ одно время, доказываетъ, что все еще не существовало полнаго равенства между сословіями, что патриціи первенствовали и въ этомъ случаѣ; это подтверждается еще и тѣмъ, что часто преемственность военныхъ трибуновъ прерывалась на нѣсколько лѣтъ избраніемъ, вмѣсто ихъ, консуловъ, и именно въ то время, когда патриціи брали перевѣсъ. Отдѣльныя попытки плебеевъ положить конецъ этой неопредѣленности и полуравенству были неудачны: силою или хитростью, патриціи всегда умѣли поставить на своемъ. Когда богатый всадникъ изъ плебеевъ, Сп. Мелій, продажею народу хлѣба по дешевой цѣнѣ и даже раздачею его даромъ, пріобрѣлъ себѣ такъ много приверженцевъ, что это грозило повредить патриціанской власти, то его обвинили въ стремленіи къ единодержавію и избранный въ диктаторы 80-лѣтній Цинциннатъ, приказалъ своему начальнику конницы (Сервилію Агалѣ) изрубить его середь улицы (439). Домъ Сп. Мелія былъ раззоренъ, хлѣбъ изъ его житницъ розданъ даромъ народу, а тѣ, кто угрожалъ мщеніемъ за его смерть, пропали изъ города безъ вѣсти. И это судебное убійство осталось ненаказаннымъ. Впрочемъ, около того времени плебеи пріобрѣли право быть квесторами, которые заодно съ цензорами завѣдывали государственной казною и составляли годовыя смѣты

прихода и расхода; вмѣстѣ съ этимъ плебеямъ открылся доступъ и въ сенатъ.

в) Взятіе рима Галлами (389).

§ 152. Во время этихъ внутреннихъ раздоровъ римскія войска, одушевляемыя строптивою энергіей и чувствомъ свободы плебейства, побѣдоносно сражались съ непріятелемъ. Въ союзѣ съ Латинами и Герниками они поражали то Вольсковъ, то Эквовъ, и отнимали у нихъ земли. Благодаря тому учрежденію, что граждане во время войны получали жалованье, войска могли долѣе оставаться въ полѣ, такъ что нерѣдко они и зиму проводили въ лагерѣ. Разрушивъ укрѣпленный городъ Фидены (426), они обратили всѣ свои силы на сосѣднюю Этрурію и послѣ десятилѣтней осады взяли наконецъ, подъ предводительствомъ Камилла, враждебныя Веіи (396), жители которыхъ были частію умерщвлены, частію обращены въ рабство. Перешедшій и въ позднѣйшія времена, обычай оканчивать римскія торжественныя игры «продажею Веіентовъ», служитъ отголоскомъ той общей радости, которая возбуждена была въ Римѣ этой важною побѣдой. Съ тѣхъ поръ сила Этруріи была сокрушена навсегда. Гордый побѣдитель Этрусковъ, Камиллъ, навлекъ себѣ ненависть плебеевъ своимъ слишкомъ пышнымъ тріумфомъ, пристрастной раздачею добычи и тѣмъ, что воспротивился предложенію раздѣлить поровну всѣмъ гражданамъ веіентскія земли; позванный трибунами на судъ, онъ добровольно удалился въ изгнаніе, но этимъ онъ лишилъ Римъ своей помощи именно въ ту минуту, когда она была всего необходимѣе.

§ 153. Около этого времени Галлы, поселившіеся за полтора столѣтія передъ тѣмъ по р. По, раззорили древній этрурскій городъ Мельпумъ, перешли черезъ Апеннины и осадили городъ Клузіумъ въ Этруріи. Жители его просили помощи у Римлянъ, но тѣ только отправили къ Галламъ посольство, въ надеждѣ примирить воюющихъ. Когда это не удалось имъ, послы сами вмѣшались въ бой, и одинъ изъ нихъ, Кв. Фабій, убилъ одного галльскаго военачальника. Такое нарушеніе народнаго права привело въ ярость Галловъ. Они сейчасъ же сняли осаду съ Клузіума, и ускореннымъ пе-

реходами поспѣшили къ Риму, оставляя въ покоѣ земли, лежавшія на ихъ пути; на рѣчкѣ Алліи они нанесли римскому войску такое полное пораженіе (389), что лишь нѣсколько человѣкъ успѣло спастись черезъ Тибръ въ гор. Веіи, и самый Римъ (покинутый женщинами и дѣтьми) достался врагамъ безъ всякаго сопротивленія. Галлы выжгли опустѣлый городъ, умертвили на форумѣ около 80 старцевъ, добровольно павшихъ очистительною жертвою, и осадили Капитолій, гдѣ заперлись всѣ способные къ оружію съ казною и драгоцѣнностями. Семь мѣсяцевъ продолжалась осада; гарнизонъ, подъ начальствомъ героя Марка Манлія, сопротивлялся отчаянно, а въ рядахъ Галловъ свирѣпствовали голодъ и болѣзни; тогда заключенъ былъ договоръ, по которому Галлы обѣщались удалиться, если имъ дадутъ тысячу фунтовъ золотомъ выкупа. Извѣстно, какъ высокомѣрный ихъ предводитель — Бреннъ (то-есть «царь-воевода») — увеличилъ выговоренную сумму тѣмъ, что бросилъ на вѣсы тяжелый мечъ свой. Разсказъ о томъ, что изгнанный Камиллъ, съ толпою бѣглыхъ Римлянъ, преслѣдовалъ отступающихъ враговъ и отбилъ у нихъ добычу, подверженъ сомнѣнію и не безъ основанія приписывается римскому хвастовству. День битвы на р. Алліи (18 іюля) былъ занесенъ въ римскій календарь какъ день скорби и покаянія. Страшная катастрофа этого пораженія и пожара, день 18 іюля и ручей Аллія, мѣсто, гдѣ зарыто было все священное для Римлянъ, и то, гдѣ отбито внезапное вторженіе въ Капитолій — всѣ подробности этого неслыханнаго событія перешли изъ воспоминаній современниковъ въ воображеніе потомства.

Моммсенъ изображаетъ Галловъ, которые впервые «постучались тогда въ альпійскія ворота», слѣдующими мѣткими, хотя и немного рѣзкими чертами: «Племя кельтское, иначе галатское или галльское, получило отъ общей матери-природы характеръ, отличный отъ родственныхъ ему племенъ, италійскаго, германскаго и эллинскаго. При многихъ прекрасныхъ, даже блистательныхъ качествахъ, этому племени недоставало того глубокаго нравственнаго и государственнаго начала, на которомъ зиждется все благое и великое въ человѣческомъ развитіи. По словамъ Цицерона, свободные Кельты считали позорнымъ для себя воздѣлывать землю собственными рука-

ми. Они предпочитали земледѣлію жизнь пастушескую и, даже въ плодоносныхъ равнинахъ По, занимались преимущественно разведеніемъ свиней, питались мясомъ стадъ своихъ и проводили съ ними дни и ночи въ дубовыхъ рощахъ. Они не были привязаны къ своей родной почвѣ, какъ народы германскіе и италійскіе; но за то любили общежитіе въ городахъ и мѣстечкахъ, и общительность такого рода развилась у нихъ и получила значеніе, повидимому, даже ранѣе, чѣмъ въ Италіи. Ихъ гражданское устройство далеко несовершенно; нетолько ихъ національное единство не имѣло прочной основы, какъ это, впрочемъ, было и у всѣхъ среднихъ народовъ, но даже и въ отдѣльныхъ общинахъ не было единодушія и твердаго управленія, не было положительнаго чувства гражданственности и опредѣленной послѣдовательности стремленій. Единственный порядокъ, который могъ у нихъ держаться, былъ порядокъ военный, при которомъ строгія правила дисциплины избавляли всякаго отъ тяжкаго труда управлять самимъ собою. «Преобладающія свойства кельтійскаго́ племени — говоритъ историкъ его Тьерри — это: личная храбрость, которою оно превосходитъ всѣ др. народы; вольный, пылкій и очень впечатлительный духъ; въ нихъ много ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ это народъ крайне легкомысленный, лишенный настойчивости и выдержки, не терпящій никакого опредѣленнаго и твердаго порядка, народъ хвастливый, и вѣчно вздорящій вслѣдствіе своей безграничной суетности». Почти тоже самое, только гораздо короче, говоритъ древній Катонъ: «Кельты особенно цѣнятъ два свойства: умѣнье драться и находчивость». Ихъ хорошими военными и плохими гражданскими свойствами объясняется тотъ историческій фактъ, что они потрясли всѣ государства и не основали ни одного. Вообще они постоянно готовы были переселяться, т. е. идти куда бы то ни было въ походъ; движимое имущество предпочитали поземельной собственности, а золото считали выше всего другаго; военнымъ дѣломъ занимались они какъ организованнымъ разбоемъ или даже какъ ремесломъ просто по найму. Это были настоящіе ланцкнехты древности, какъ изображаютъ ихъ картины и описанія; роста они были большаго, не очень плотны, съ косматыми волосами, и при этомъ длинные усы—въ противоположность Грекамъ и Римлянамъ, которые волоса на головѣ и усахъ всегда подстригали; — одежду носили они пеструю, вышитую, не рѣдко сбрасывая ее въ битвахъ, на шеѣ — широкое золотое кольцо; шлемовъ и никакого метательнаго оружія не употребляли, но за

то имѣли огромные щиты, длинные изъ худо-закаленной стали мечи, кинжалы и копья, все это, украшенное золотомъ, такъ какъ они довольно искусно умѣли выдѣлывать металлы. Пощеголять у нихъ можно было всѣмъ, даже наприм. раной, которую нерѣдко растягивали съ умысломъ, чтобы отъ нея остался пошире рубецъ. Обыкновенно они сражались пѣшіе, но были у нихъ и отдѣльные конные отряды, въ которыхъ за каждымъ свободнымъ слѣдовали по два конныхъ же оруженосца или приспѣшника. Военныя колесницы уже очень рано были у нихъ въ употребленіи, подобно тому какъ въ глубокой древности у Ливійцевъ и Эллиновъ. Нѣкоторыя ихъ обыкновенія напоминаютъ собою средневѣковое рыцарство, въ особенности совершенно неизвѣстные Римлянамъ и Грекамъ поединки; не только во время войны они вызывали на бой войновъ поодиначкѣ, поглумившись предварительно надъ ними словами и жестами, но и среди мира сами бились между собою на-смерть въ блистательномъ вооруженіи и, разумѣется, съ славною попойкой вслѣдъ за тѣмъ. Такимъ образомъ, сражаясь подъ своимъ или подъ чужимъ знаменемъ, вели они непосѣдную солдатскую жизнь, которая среди безпрерывныхъ битвъ и геройскихъ подвиговъ, разбросала ихъ отъ Ирландіи и Италіи до Малой Азіи; но слѣды всѣхъ ихъ предпріятій исчезли быстро, какъ весенній снѣгъ, и нигдѣ не оставили они по себѣ ни великаго государства, ни культуры, ими созданныхъ».

г) Законы Лицинія Столона (366).

§ 154. По удаленіи враговъ, римскій народъ до того упалъ духомъ, что не хотѣлъ отстроивать своего города и рѣшился переселиться въ опустѣвшія Веіи. Съ большимъ трудомъ удалось патриціямъ устранить это намѣреніе, а чтобы и впредь не могла явиться подобная мысль, дома въ Веіяхъ были отданы на сломку, а мѣсто обречено вѣчному запустѣнію. Едва обстроился Римъ узкими, кривыми улицами и маленькими домишками, какъ патриціи начали снова заявлять свои преимущества и во-первыхъ съ прежнею безпощадностью примѣнять законы о долгахъ. Вслѣдствіе этого плебеи, обѣднѣвшіе отъ галльскаго нашествія и отъ издержекъ на обстройку, и оберменяемые притомъ частыми окладными сборами (tributum) для уплаты жалованья войску, впали въ страшную нужду. Это побудило спасителя Капитолія, М. Манлія (Капитолійскаго),

заступиться за плебеевъ и предложить облегченіе ихъ отъ долговъ и отдачу въ раздѣлъ общественнаго поля. Разъ, когда одного храбраго военачальника хотѣли заключить въ долговую тюрьму, Манлій вступился за него и выкупилъ его на свои деньги; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пустилъ въ продажу свой собственный участокъ, объявивъ во всеуслышаніе, что пока онъ будетъ владѣть хоть одной пяденью земли, подобная несправедливость болѣе не повториться. За это патриціи возненавидѣли его дотого, что подъ предлогомъ вздорнаго обвиненія, будто онъ стремится къ царской власти, приговорили къ смерти, и онъ былъ сброшенъ съ тарпейской скалы, а домъ его разрушенъ до основанія и самая память его покрыта позоромъ (383).

§ 155. Но эта жестокость противъ такого заслуженнаго и доброжелательнаго къ народу человѣка пробудила плебеевъ отъ ихъ усыпленія. Два отважные и даровитые народные трибуна, Лициній Столонъ и Л. Секстій, сдѣлали три законодательныя предложенія (rogationes), съ цѣлію разрѣшить всѣ возникавшіе до того времен испорные вопросы: 1) По прежнему избирать двухъ консуловъ, но съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ всегда былъ изъ плебеевъ. 2) Никто изъ гражданъ не долженъ получать въ наслѣдственную аренду болѣе 500 югеровъ общественной земли; все остальное ея количество должно быть раздѣлено на мелкіе участки для раздачи въ собственность плебеямъ. 3) Уплаченные по долгамъ проценты должны быть зачтены въ капиталъ, а остающійся за тѣмъ долгъ погашается въ три годичные срока. Десять лѣтъ старались патриціи изъ всѣхъ силъ оспорить эти предложенія; но всѣ ихъ старанія, даже избраніе въ диктаторы стараго Камилла, сокрушились о твердую настойчивость обоихъ трибуновъ, которые, чтобы вынудить у патриціевъ согласіе, задерживали выборы сановниковъ и не дозволяли военнаго набора. Наконецъ таки патриціи должны были допустить, что предложенія Лициніа перешли въ законы (366), чѣмъ преимущества ихъ сословія были сильно потрясены. Какъ прежде должность ценсоровъ, такъ теперь званіе претора, которому поручено завѣдываніе гражданскимъ судопроизводствомъ и назначеніе судей, должно было вознаградить патри-

ціевъ за утрату исключительнаго права на консульство. Но уже 30 лѣтъ спустя, и эти обѣ должности, также какъ должность курульскихъ эдиловъ, да и всѣ прочія, сдѣлались доступны плебеямъ, а рѣшенія народныхъ собраній были избавлены отъ необходимости утвержденія ихъ сенатомъ; въ важныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при заключеніи государственныхъ договоровъ и мирныхъ трактатовъ, самъ сенатъ предоставлялъ рѣшеніе центуріальнымъ собраніямъ. Только высшія жреческія должности понтифексовъ и авгуровъ составляли еще нѣсколько времени исключительное достояніе патриціевъ, пока наконецъ плебеямъ удалось уничтожить и эту послѣднюю преграду къ полному уравненію правъ обоихъ сословій (302). Съ этихъ поръ начинается вѣкъ гражданской доблести и истиннаго геройства.

Курульскіе эдилы, подобно прежнимъ плебейскимъ (§ 146) эдиламъ, были полицейскіе же чиновники, но съ болѣе обширною властію. Они не только наблюдали собственно за городомъ и за явнымъ нарушеніемъ общественнаго порядка, но и за нравами. Въ послѣдствіи имъ поручено было устройство большихъ торжественныхъ игръ, что̀ давало имъ случай угодить народу пышностью и тѣмъ облегчить себѣ доступъ къ претурѣ или консульству. Сначала избирался только одинъ преторъ для завѣдыванія судебной расправой въ городѣ, потомъ стали избирать другаго для разбора по дѣламъ иногородныхъ и иностранцевъ, а со временемъ число преторовъ возросло до шестнадцати. Эдикты городскаго претора вошли потомъ важнѣйшею составною частью въ римское гражданское право.

II. ГЕРОИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ РИМА.

1) *Покореніе народовъ средней и нижней Италіи.*

а) Первая Самнитская война (342—340).

§ 156. Скоро оказались плоды того гражданскаго согласія (concordia), которому Камиллъ незадолго до смерти (365) посвятилъ храмъ у подошвы Капитолія, въ память примиренія

и забвенія прежнихъ раздоровъ: во-первыхъ вездѣ разбиты бродячія толпы Галловъ, при чемъ избранъ первый диктаторъ изъ плебеевъ (363) и особенно прославились своими геройскими подвигами Титъ Манлій Торкватъ (361) и М. Валерій Корвъ (350), и почти въ то же время (362) благородный М. Курцій пожертвовалъ собой для умилостивленія боговъ: въ полномъ вооруженіи, на конѣ, бросился онъ въ зіяющую бездну, внезапно открывшуюся на городской площади при землетрясеніи. Улучшенія въ военномъ устройствѣ и въ вооруженіи, введенныя еще Камилломъ, и новый союзъ съ Латинами скоро дали Римлянамъ возможность покорить всю южную Этрурію съ городами Цере и Фалеріи (351) и вступить въ борьбу съ могучимъ, вольнолюбивымъ гордымъ племенемъ Самнитовъ. — Задолго еще до этого самнитская вольница овладѣла этрурскою колоніей Капуей и Кампанскою равниной, но въ этомъ «городѣ утѣхъ», подъ вліяніемъ греческой образованности и утонченныхъ наслажденій, они скоро выродились и совершенно отчуждились отъ своихъ горныхъ соплеменниковъ. Самнитское племя жило всегда распущенно и разъединенно, и хотя въ собственномъ Самніумѣ мѣстный родовой союзъ поддерживалъ нравы и мужество предковъ, но за то онъ былъ въ совершенномъ распаденіи съ другими соплеменными городами и городскими общинами. Когда горные Самниты стали угрожать войною Капуѣ, изнѣженные жители этого города не въ силахъ были сами отразить ихъ нападенія и обратились за помощію къ Риму. Римляне сначала отказались идти противъ союзныхъ имъ Самнитовъ; но когда Капуанцы совершенно отдались подъ покровительство Римлянъ и признали надъ собою ихъ господство, тогда послѣдніе выступили въ поле и подъ предводительствомъ Валерія Корва разбили непріятеля при Кумахъ, у горы Гаура (342). Второе римское войско, окруженное по оплошности консула въ самнитскихъ горахъ, спасено было мужествомъ и военнымъ искусствомъ Деція Муса, а у Суэссулы, при входѣ въ Каудинскія ущелья, Самниты потерпѣли отъ соединеннаго войска обоихъ консуловъ такое страшное пораженіе, что на полѣ битвы подобрано было сорокъ тысячъ самнитскихъ щитовъ.—Вскорѣ Римлянамъ

стали угрожать бывшіе дотолѣ съ ними въ союзѣ Латины; это побудило ихъ заключить добрый миръ и союзъ съ Самнитами (340), чтобы обратить оружіе на ближайшаго врага.

Т. Манлій и В. Корвъ. Однажды, когда войска Галловъ и Римлянъ стояли другъ противъ друга на берегахъ Аніо, выступилъ на мостъ, раздѣлявшій оба войска и котораго не хотѣла сломать ни та, ни другая сторона, чтобы не показать боязни, какой-то галльскій великанъ и сталъ вызывать на единоборство храбрѣйшихъ изъ Римлянъ. Одинъ благородный юноша, Титъ Манлій, выпросилъ у военачальника позволеніе сразиться съ Галломъ; въ легкомъ вооруженіи вышелъ онъ противъ хвастливаго и тщеславнаго исполина и подскочилъ къ нему такъ близко, что тотъ не могъ употребить въ дѣло своего огромнаго оружія, а Манлій пронзилъ его своимъ короткимъ испанскимъ мечемъ. Когда врагъ во всю длину растянулся наземь, Манлій снялъ у него съ шеи обрызганную кровію цѣпь и надѣлъ на себя. Римляне съ радостными кликами, поздравленіями и хвалами повели побѣдителя къ диктатору. «Въ нескладныхъ шуточныхъ припѣвахъ между солдатами пошло въ ходъ прозвище Торкватъ (т. е. цѣпеносецъ); оно потомъ разнеслось вездѣ и, въ качествѣ почетнаго имени, перешло даже на весь его родъ и племя». (Ливій VII, 10). — Нѣсколько времени спустя подобный же поединокъ произошелъ въ войскѣ, выведенномъ въ поле Камилломъ. Римляне спокойно стояли на своихъ урочныхъ мѣстахъ, вдругъ выступаетъ впередъ Галлъ, отличавшійся и ростомъ и вооруженіемъ, и ударивъ копьемъ въ свой щитъ, вызываетъ на бой любаго изъ Римлянъ. Молодой военный трибунъ, Маркъ Валерій, испросивъ у консула позволеніе вступить въ честный бой, вооружается и выходитъ на середину. «Битва людей (разсказываетъ Ливій, гл. 26) почти исчезла въ этомъ случаѣ передъ очевиднымъ вступительствомъ боговъ. Въ то самое мгновеніе какъ Римлянинъ началъ бой, на шлемъ его, передомъ къ врагу, сѣлъ воронъ; обрадованный трибунъ тотчасъ же принялъ это за знаменіе свыше и произнесъ молитву: «если какой богъ или богиня ниспосылаютъ мнѣ пер«натаго вѣстника, то да будутъ они мнѣ въ помощь». И, чудное дѣло! воронъ не только остался на своемъ мѣстѣ, но при всякомъ новомъ приступѣ подымался на крыльяхъ и дралъ клювомъ и когтями лице и глаза противнику до тѣхъ поръ, пока тотъ, устрашенный этимъ чудомъ, не взвидя свѣта и растерявшись, былъ сраженъ Валеріемъ на повалъ. Тутъ воронъ поднялся и скрылся изъ виду на востокѣ.

До сихъ поръ оба войска спокойно стояли на своихъ мѣстахъ. Но когда трибунъ сталъ убирать тѣло убитаго непріятеля, Галлы не утерпѣли, а Римляне еще скорѣе бросились къ своему. Завязалась борьба изъ-за тѣла убитаго Галла и разрослась въ страшное кровопролитіе.—Боги и люди поддерживали эту битву, и Галлы потерпѣли рѣшительное пораженіе». Маркъ Валерій, прозванный съ тѣхъ поръ Ворономъ (Corvus), былъ избранъ въ консулы. Цериты должны были уступить Римлянамъ половину своей земли и получили, подобно Фалискамъ, римское гражданство, но безъ права голоса и безъ доступа къ почетнымъ должностямъ (civitas sine suffragio); значитъ, что эта община сохранила свое собственное управленіе выборными изъ ея же среды и удержала свои туземные законы, но потеряла внѣшнюю самостоятельность, такъ что войны и союзы Римлянъ были обязательны и для Церитовъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ подлежали военной повинности и податямъ наравнѣ съ римскими гражданами. Отношеніе такого рода съ этихъ поръ чаще и чаще установлялось между Римомъ и присоединяемыми къ нему областями и положило начало такъ-называемымъ муниципальнымъ правамъ. Основаніемъ крѣпостей Сутріума и Непете Римляне обезопасили сѣверныя границы своихъ владѣній отъ вторженій Этрусковъ.

б) Латинская война (340—337).

§ 157. Латины не хотѣли болѣе признавать Римъ главою союза; они стремились къ достиженію полнаго равенства и сліянія государствъ Римскаго и Латинскаго воедино и требовали права участвовать въ сенатѣ, въ консульствѣ и во всѣхъ высшихъ должностяхъ. Это повело къ ожесточенной войнѣ, кончившейся въ пользу Римлянъ славною битвой у Везувія, въ которой плебейскій консулъ Децій Мусъ, испросивъ освященіе у жреца, обрекъ себя въ искупительную жертву и кинулся на конѣ въ самую густую толпу непріятеля (340). Передъ этой битвой патрицій Манлій Торкватъ показалъ всю строгость римской военной дисциплины на собственномъ храбромъ сынѣ, который, вопреки лагерному уставу, напалъ при разъѣздахъ на непріятеля и разбилъ его. Строгій консулъ приказалъ безъ всякой пощады ликтору исполнить надъ нимъ смертный приговоръ, но это не помѣшало войску почтить память героя великолѣпнымъ погребеніемъ. Послѣ кровопро-

литной побѣды Манлія при Трифанумѣ, Латины въ теченіе трехъ лѣтъ были приведены въ покорность, союзъ ихъ уничтоженъ, и сами они частію переселены на римскую землю, а частію обращены въ подвластныхъ союзниковъ съ сохраненіемъ права вольныхъ городовъ (муниципій). Подобная же участь скоро постигла Генриковъ, Эквовъ и Вольсковъ; всѣ они стали римскими союзниками (socii) съ предоставленіемъ отдѣльнымъ городамъ не одинаковыхъ правъ; всѣ должны были признать верховное господство римскаго народа, нести военную повинность и отчасти платить подати, но при этомъ сохранили свое прежнее самоуправленіе. Мѣдные носы кораблей, взятыхъ въ древнемъ вольсскомъ городѣ Анціумѣ, извѣстномъ притонѣ морскихъ разбоевъ, стали съ этихъ поръ украшеніемъ ораторской каѳедры (rostra) на форумѣ Рима. Множество участковъ, розданныхъ въ покоренныхъ земляхъ римскимъ гражданамъ, и заведенныя тамъ въ удобныхъ мѣстахъ военныя поселенія упрочили эти новыя завоеванія за Римомъ. Такимъ образомъ римскій народъ шелъ твердыми шагами къ своей цѣли, охватывая неразрывною сѣтью все то, что пріобрѣталось силою оружія и разработывая съ великимъ политическимъ искусствомъ въ свою пользу каждый успѣхъ, добытый на ратномъ полѣ.

Гражданамъ нѣкоторыхъ городовъ, всѣхъ крѣпче отстаивавшихъ свою независимость, какъ напр. Ариціи, Педума, Ланувіума и Номентума, было дано такъ-называемое латинское право, т. е. они сохранили своихъ собственныхъ чиновниковъ, получили право римскаго гражданства съ нѣкоторыми ограниченіями чрезъ распредѣленіе въ двѣ новыя трибы, а если переселялись въ Римъ и подчинялись ценсу, то получали и право голоса въ комиціяхъ, но при этомъ они потеряли свою внѣшнюю самостоятельность; другіе же, какъ напр. кампанскіе города Форміи, Капуа, Фунди, Кумы, Суэссула и др., сдѣлались муниципіями, т. е. удержали собственное внутреннее управленіе, но не имѣли права римскаго гражданства. Жители муниципій могли переселяться въ Римъ, сохраняя свои мѣстныя гражданскія права; тогда они несли всѣ обязанности римскаго гражданина и за то пользовались всѣми его преимуществами, но не правами. Признаніемъ города въ качествѣ муниципіи или обоюднымъ предоставленіемъ правъ гражданства постано-

влялось, что гражданинъ другаго города, поселяющійся въ Римѣ, или Римлянинъ, водворяющійся въ другомъ городѣ, пользуется всѣми преимуществами гражданства, кромѣ права голоса и доступа къ государственнымъ должностямъ, не дѣлаясь однакожь настоящимъ гражданиномъ новаго города, но и не теряя права гражданства у себя дома. Это учрежденіе соотвѣтствуетъ исополитіи (т. е. гражданскому приравненію) у Грековъ. При разнообразныхъ сношеніяхъ народовъ между собою оно было очень важно и не ограничивалось даже предѣлами Италіи. Безъ сомнѣнія, оно часто соединялось съ дарованіемъ оффиціальнаго права гостепріимства. Такъ наприм. было съ городомъ Цере, вслѣдствіе чего Цериты, переселявшіеся въ Римъ, вносились въ особые податные списки, какъ припущенники, имѣвшіе только низшія гражданскія права.—Чтобы ослабить латинскіе города разъединеніемъ, уничтожено было существовавшее между ними круговое право брачныхъ союзовъ (connubium) и пріобрѣтенія имуществъ; кромѣ того Латины съ этихъ поръ выступали на войну уже не въ римскихъ легіонахъ, а въ рядахъ союзниковъ. Такія муниципіи, въ которыхъ судопроизводство отправлялъ римскій префектъ по римскимъ законамъ, назывались префектурами.— Если въ муниципію водворяли извѣстное число поселенцевъ съ семействами для того, чтобы они составляли тамъ родъ гарнизона и служили корнемъ поколѣнію преданныхъ гражданъ, то муниципія получала названіе колоніи, такъ что подъ этимъ именемъ вовсе не разумѣлось какое-нибудь совершенно новое поселеніе. Колонисты, которыхъ въ древнѣйшее время обыкновенно водворяли по триста, и которымъ туземные жители должны были уступать третью часть своей земли, выбирались сначала изъ числа собственно римскихъ гражданъ, особенно изъ бѣднѣйшихъ жителей Рима, но вскорѣ ихъ стали набирать и изъ союзныхъ Латинъ, и такимъ образомъ возникло различіе между колоніями гражданъ (coloniae civium) и колоніями Латинъ (coloniae Latinorum). Относительно своихъ внутреннихъ учрежденій колоніи отличались отъ муниципій только тѣмъ, что послѣднія обыкновенно удерживали нѣкоторые остатки своихъ прежнихъ правъ, а въ колоніяхъ этого не было.

в) Вторая и третья Самнитская война (325—290).

§ 158. Удачи Римлянъ возбудили зависть Самнитовъ. Порубежные споры и основаніе во Фрегеллахъ, на самнит-

ской границѣ, первой военной колоніи (помощію такихъ колоній Римляне упрочивали за собою совершившіяся завоеванія и пролагали пути къ новымъ, ср. § 157) вскорѣ повели къ возобновленію войны между этими бранелюбивыми народами, и въ нее вовлечены были еще Кампаны, Луканы и греческія государства нижней Италіи. Успѣхи, пріобрѣтенные Римлянами въ первые годы войны, едва не были утрачены по неосторожности консуловъ Ветурія и Постумія, которые (321) попались въ Каудинскія ущелья, окруженныя высокими и крутыми лѣсистыми холмами: тутъ римское войско, запертое со всѣхъ сторонъ, должно было сдаться непріятельскому полководцу Понцію, положить оружіе, дать заложниковъ и позорно пройдти подъ игомъ; но римскій сенатъ, прибѣгнувъ къ нечестной увертцѣ, объявилъ недѣйствительнымъ мирный договоръ, заключенный съ Понціемъ поневолѣ, а виновныхъ консуловъ, которые наперекоръ законамъ и обычаямъ перешли предѣлы своей власти, выдалъ, по ихъ собственному желанію, въ оковахъ Самнитамъ. Но Самниты не только не приняли высланныхъ къ нимъ полководцевъ, они даже великодушно пощадили заложниковъ, которыхъ по законамъ войны слѣдовало лишить жизни, и тотчасъ же взялись опять за оружіе. Пристыженные и вмѣстѣ озлобленные Римляне сдѣлали тоже. Новые военачальники, особенно быстрый духомъ и тѣломъ Папирій Курсоръ (бѣгунъ) и Фабій Максимъ, напрягли всѣ силы, чтобы загладить недавній позоръ и возстановить честь посрамленнаго оружія. Луцерія была взята, содержавшимся тамъ въ плѣну римскимъ заложникамъ возвращена свобода, а гарнизонъ города проведенъ подъ иго. Вообще предпріятія Римлянъ были такъ успѣшны, что черезъ нѣсколько лѣтъ Самниты, не смотря на вторую побѣду при Лаутулахъ (315), не въ силахъ были устоять противъ врага одни и должны были прибѣгнуть къ посторонней помощи.

§ 159. Прежде всѣхъ подняли оружіе устрашенные возрастающимъ могуществомъ Римлянъ Этруски; но уже спустя три года Фабій Максимъ смѣлымъ походомъ чрезъ Циминійскій лѣсной хребетъ, побѣдою при Вадимонскомъ озерѣ и при Перузіи (310, 309) уничтожилъ цвѣтъ ихъ

войска, а въ тоже время Папирій поразилъ при Лонгулѣ Самнитовъ, наступавшихъ въ дорогомъ вооруженіи, въ багряницахъ и съ серебряными щитами. Послѣ этого (308) къ нимъ примкнули было мелкіе народцы сабелльскаго племени, но всѣ они частію были покорены, частію отступились отъ нихъ по отдѣльнымъ договорамъ и поставлены были Римлянами въ отношеніе союзниковъ и муниципій. Такіе удары сокрушили силу Самнитовъ. Послѣ рѣшительной битвы при Бовіанумѣ (305), слѣдствіемъ которой была для нихъ потеря этого главнаго военнаго пункта и плѣнъ ихъ полководца Стація Геллія, они заключили съ Римлянами миръ (304), по которому хотя сохранили свою самостоятельность, но должны были признать независимость дотолѣ подвластныхъ имъ Луканов. Этотъ миръ продолжался однакожь всего шесть лѣтъ, въ теченіе которыхъ Римляне совершенно покорили себѣ окрестные народы, настроили крѣпостей и провели военныя дороги. Тревожась усиленіемъ враговъ и своимъ собственнымъ одиночествомъ, Самниты сдѣлали попытку снова подчинить себѣ раздираемую крамолами Луканію. Но часть жителей этого края обратилась за помощію къ Римлянамъ, и заступничество ихъ повело къ третьей Самнитской войнѣ (298), которая вскорѣ приняла такой же оборотъ, какъ и предыдущая. Тогда храбрые Самниты покинули свою, жестоко опустошенную страну, и перешли въ Умбрію, чтобы быть ближе къ своимъ новымъ союзникамъ — Умбрамъ, Галламъ и Этрускамъ. Битва при Сентинумѣ (295), гдѣ побѣда долго колебалась, пока наконецъ самоотверженіе юнаго Деція Муса, пошедшаго по слѣдамъ отца, не склонило ея на сторону Римлянъ, — эта кровавая битва окончательно разрушила послѣднюю надежду союзниковъ. И въ эту войну имена Фабіевъ и Деціевъ являются неразлучно почти съ каждымъ геройскимъ подвигомъ. Вскорѣ послѣ этого великій самнитскій полководецъ Понцій попалъ въ руки къ Римлянамъ и погибъ насильственною смертью (292). Напрасно священная дружина Самнитовъ, давшая клятву умереть, а не бѣжать, пыталась еще разъ направить противъ Римлянъ свои силы и свой всегда побѣдоносный мечъ; Курій Дентатъ (который лучше хотѣлъ господствовать надъ богатыми, чѣмъ

самъ быть богатымъ), нанесъ имъ второе пораженіе, въ которомъ самнитская молодежь, гордость и краса народа, упитала своею кровью поле битвы. Тутъ и Самниты вмѣстѣ съ своими союзниками: Умбрами, Этрусками и Сенонскими Галлами, должны были признать господство Римлянъ и, въ качествѣ уже ихъ союзниковъ, ходить съ ними на войну (290). Римляне утвердили за собою пріобрѣтенныя земли основаніемъ многочисленныхъ военныхъ колоній, но въ отношеніи къ побѣжденнымъ поступали съ благоразумной кротостью.

г) Война съ Тарентинцами и Пирромъ (281—275).

§ 160. Во время самнитскихъ войнъ богатые, изнѣженные, трусливые Тарентинцы вели себя двусмысленно; они захватили римскія суда, предали смерти экипажъ ихъ и оскорбили римскаго посла, прибывшаго къ нимъ съ предложеніемъ взаимно выгоднаго договора. И потому какъ скоро Римляне управились съ непріятелемъ, они сейчасъ же обратили оружіе противъ нижней Италіи, гдѣ нѣкоторыя греческія колоніи, напримѣръ Турій, Кротонъ, Локры, уже заключили съ ними оборонительный союзъ. Чувствуя свою слабость, Тарентинцы призвали на помощь воинственнаго Пирра, царя эпирскаго, только и мечтавшаго объ удалыхъ подвигахъ и завоеваніяхъ; увлекаемый новою жаждой бранной славы, онъ охотно принялъ вызовъ Тарентинцевъ и съ войскомъ, изъ разныхъ племенъ, переправился въ Италію. Благодаря отчасти своей отличной фалангѣ, отчасти содѣйствію неизвѣстныхъ еще Римлянамъ слоновъ, Пирръ остался побѣдителемъ въ двухъ битвахъ (при Гераклеѣ, гдѣ былъ разбитъ Левинъ, и при Аскулумѣ, гдѣ третій Децій обрекъ себя, сказываютъ, на геройскую гибель), но побѣды стоили ему такъ дорого, что послѣ первой онъ сказалъ: «Съ такими солдатами я сталъ бы обладателемъ всего свѣта», а послѣ второй: «Еще одна такая побѣда, и я погибъ». Послѣ этихъ неудачъ римскій сенатъ повидимому готовъ былъ на уступки могучему врагу, который былъ всего въ четырехъ миляхъ отъ семихолмнаго города и которому предались племена и греческіе города нижней Италіи; патриціи думали уже заключить миръ на невыгодныхъ условіяхъ и признать независимость отло-

жившихся государствъ. Но слѣпой Аппій Клавдій велѣлъ привести себя въ сенатъ въ самую рѣшительную минуту и своею пламенной рѣчью влилъ въ душу младшаго поколѣнія ту несокрушимую энергію, на которую способны только мощныя натуры; онъ остановилъ распоряженіе сената и убѣдилъ его отвѣчать посламъ Пирра, что переговоры о мирѣ могутъ начаться только по удаленіи его изъ Италіи. Мудрость и достоинство сената (который показался Пиррову послу, ѳессалійскому оратору Кинеасу, какъ бы соборомъ царей), гражданскія доблести, прямодушіе и простота римскихъ полководцевъ Фабриція и Курія Дентата возбудили въ царѣ-витязѣ, дотолѣ знакомомъ только съ развратнымъ міромъ Грековъ, столько же удивленія, какъ и геройство, мужество и военное искусство римскихъ легіоновъ.

Пирръ. Среди тягостныхъ отношеній, говоритъ Нибуръ, въ какихъ Пирръ находился отъ самой юности, «онъ выработалъ въ себѣ искусство овладѣвать каждымъ, кто къ нему приближался. Такими чарами онъ привлекалъ къ себѣ чуждые народы и возбуждалъ въ нихъ желаніе имѣть его своимъ царемъ; но весь талантъ его ограничивался извѣстными частностями, и всегда только новое пріобрѣтеніе имѣло для него прелесть: въ битвахъ онъ былъ болѣе великъ, нежели въ походахъ, и если, вступая въ каждый новый бой съ полною увѣренностью показать въ немъ свое искусство и дарованіе, онъ забывалъ почти легкомысленно всякую неудачу, то, съ другой стороны, тяготился малѣйшимъ усиліемъ удержать за собой разъ пріобрѣтенныхъ приверженцевъ, и скорѣе готовъ былъ допустить, чтобы они отъ него отпали. Это была беззаботность, раждаемая сознаніемъ собственныхъ силъ. Его единственная цѣль состояла въ томъ, чтобы наслаждаться ихъ упражненіемъ на дѣлѣ». Во время того глубокаго паденія нравовъ, говоритъ другой историкъ, когда властительство и безсовѣстность стали означать почти одно и тоже, личный характеръ Пирра ярко блисталъ своею непорочностью и чистотой».

§ 161. Страсть къ новымъ похожденіямъ увлекла Пирра въ Сицилію (§ 163), гдѣ онъ явился защитникомъ эллинской свободы противъ Карѳагенцевъ. Но его планъ — завладѣть прекраснымъ островомъ — рушился, и когда онъ, послѣ трехлѣтняго отсутствія, снова воротился въ Тарентъ, крылья у «орла были уже подсѣчены»; битвы и болѣзни опустошили

ряды «старыхъ воиновъ»; роскошь и страсть къ добычѣ подточили ихъ прежнюю дисциплину, а обращеніе съ Италійцами и смѣшеніе съ ними уничтожили въ нихъ старую патріотическую гордость. Между тѣмъ силы Римлянъ окрѣпли, и вскорѣ воинственный Курій Дентатъ нанесъ Пирру при Малевентѣ (который съ этихъ поръ сталъ называться Беневентомъ) такое рѣшительное пораженіе (275), что онъ былъ вынужденъ поспѣшно удалиться изъ Италіи. Не угомонившись, онъ вслѣдъ за тѣмъ предпринялъ слишкомъ рисковый походъ въ Пелопоннессъ, откуда уже и не возвратился: подъ Аргосомъ, въ самомъ разгарѣ битвы, онъ былъ сбитъ съ лошади брошеннымъ въ него камнемъ и умерщвленъ однимъ изъ непріятельскихъ начальниковъ (272); въ томъ же самомъ году Тарентъ сдѣлался данникомъ Римлянъ и лишился стѣнъ, флота и части своихъ художественныхъ сокровищъ. Покореніе Лукановъ, Апулійцевъ и Бруттовъ утвердило въ слѣдующемъ году господство Римлянъ во всей нижней Италіи. Въ заключеніе взятъ былъ и Регіумъ (270), которымъ въ теченіе десяти лѣтъ владѣлъ возмутившійся римскій легіонъ изъ Кампаніи, истребивъ тамъ напередъ весь мужской полъ. Остатки этихъ разбойниковъ, избѣгшіе римскаго меча, были высѣчены и потомъ обезглавлены на торговой площади въ Римѣ. Съ тѣхъ поръ исчезли навсегда процвѣтаніе, сила и благосостояніе греческихъ державъ того края, сильно пострадавшихъ во время этой войны. Покоренныя племена должны были признать верховное господство Римлянъ, частію какъ ихъ союзники, а частію какъ подданные, и опустѣлые города были еще прочнѣе прикрѣплены къ Риму водвореніемъ въ нихъ римскихъ колонистовъ, которымъ подчинили остальныхъ жителей. Они потеряли право самовольно вести войну и вступать въ свободные договоры съ иностранными державами, а отнятые у нихъ корабли дали Римлянамъ возможность начать войну съ властвовавшими на морѣ Карѳагенцами, которые, не смотря на заключенный съ Римомъ союзъ противъ Пирра, поступали во время войны двусмысленно и даже вѣроломно. Въ то время, когда Римлянамъ подчинилась вся Италія отъ Рубикона до Мессинскаго пролива, прибыло къ нимъ блистательное посольство отъ египетскаго царя

Птолемея Филадельфа съ предложеніемъ дружбы и союза, которое, конечно, было охотно принято въ Римѣ. Съ этихъ поръ Римъ вступилъ въ тѣ обширныя политическія отношенія, которыя, находясь въ связи съ именами Пунійцевъ и Эллиновъ, распространились отъ столповъ Геркулесовыхъ до Ганга.

Это была прекраснѣйшая эпоха республики. Суровая доблесть, строгіе нравы и простота жизни не позволяли водвориться богатствамъ и роскоши. Курій и Фабриций умерли такими же бѣдняками, какъ нѣкогда Аристидъ, такъ что государство должно было дать приданое ихъ дочерямъ, а для погребенія великаго Фабія Максима понадобилось прибѣгнуть къ добровольнымъ пожертвованіямъ его друзей и знакомыхъ. Только доблесть и благородство духа могли въ то время доставить человѣку почетъ и значеніе. Патриціи и плебеи соперничали другъ съ другомъ въ геройствѣ и военной славѣ. Сословный духъ уступилъ мѣсто любви къ отечеству. Золото Пирра не свело Фабриція съ прямаго пути доблести, какъ не устрашило его внезапное появленіе огромнаго слона. Съ расширеніемъ предѣловъ республики народныя собранія мало-по-малу теряли свою законную почву, государственное управленіе болѣе и болѣе сосредоточивалось въ рукахъ сената, «и строгій судъ исторіи, замѣчаетъ Моммсенъ, долженъ признать, что это учрежденіе благовременно поняло свою великую задачу и достойно ее выполнило. Призванный не тщетною случайностью рожденія, по свободнымъ выборомъ народа, подтверждаемымъ каждыя пять лѣтъ строгимъ нравосудебнымъ приговоромъ мужей самыхъ достойныхъ; состоя изъ членовъ пожизненныхъ и потому независящихъ отъ срока даннаго имъ полномочія или отъ шаткаго мнѣнія народа; сдѣлавшись, по уравненіи правъ сословій, единодушнымъ и замкнутымъ въ самомъ себѣ; вмѣщая въ составѣ своемъ все, что было у народа политическаго смысла и государственной опытности; распоряжаясь неограниченно во всѣхъ финансовыхъ вопросахъ и въ дѣлахъ внѣшней политики; вполнѣ держа въ своихъ рукахъ исполнительную власть, при ея краткосрочности и полезномъ для сената (по устраненіи сословныхъ распрей) посредничествѣ трибуновъ,—римскій сенатъ явился благороднѣйшимъ выраженіемъ цѣлой націи, а по своей послѣдовательности и государственной мудрости, единодушію и любви къ отечеству, по полновластію и неколебимому мужеству—первою политическою корпораціей всѣхъ временъ, истин-

нымъ «соборомъ царей», который умѣлъ соединить деспотическую энергію съ чисто-республиканскимъ самоотверженьемъ. Ни одно государство никогда не имѣло такого твердаго и надежнаго представителя во внѣшнихъ дѣлахъ, какимъ былъ сенатъ для Рима въ лучшую эпоху республики. Благодаря ему, римскій народъ съумѣлъ осуществить самое величественное изъ всѣхъ человѣческихъ созданій, — мудрое и благополучное самоуправленіе».

2) Войны Рима съ Карѳагеномъ.

а) Карѳагенъ и Сиракузы.

§ 162. Въ 9 вѣкѣ Дидона съ финикійскими выходцами [1] основала на скалистой высотѣ сѣвернаго берега Африки, за просторнымъ, образующимъ два порта, заливомъ, торговый городъ Карѳагенъ. Досужество и разсчетливый практическій умъ жителей, часто соединенный съ обманомъ и хитростью (пуническая вѣрность), скоро довели этотъ городъ до высокаго могущества и благосостоянія. Сдѣлавъ сосѣднія африканскія племена своими данниками, Карѳагенцы принудили остальныя финикійскія колоніи (Утику, Гиппону, Лептиду и др.) сомкнуться въ тягостный для нихъ городовой союзъ подъ карѳагенскою гегемоніей, а потомъ основали свои собственныя, даннические, колоніи въ южной Испаніи и на большей части острововъ Средиземнаго моря (Сициліи, Корсикѣ, Сардиніи, на Балеарахъ, Мальтѣ и др.). Но карѳагенскія поселенія не были, подобно греческимъ, разсадниками образованія: монополія въ торговлѣ и господство на морѣ были единственною цѣлію ихъ корыстныхъ стремленій. Онѣ не вывели изъ дикаго, первобытнаго состоянія даже тѣ пастушескія и земледѣльческія племена Ливіи, которымъ силою навязали свой языкъ и свои нравы. Только съ отвращеніемъ и ненавистью служили «Ливофиникійцы» въ карѳагенскомъ войскѣ и снабжали корабли своихъ угнетателей невольниками и гребцами. Роскошныя, плодоносныя окрестности Карѳагена, обработанныя какъ садъ, и великолѣпные загородные домы жителей, построенные на холмахъ, покрытыхъ масличными и померанцовыми рощами, свидѣтельствовали о богатствѣ жителей, нажи-

[1] Или, правильнѣе, финикійскими, откуда Пены или Пуны—названіе Карѳагенцевъ.

томъ прибыльной торговлей и сельскимъ хозяйствомъ, но нравы ихъ оставались грубы и суровы, отражая въ себѣ предпочтительно (эгоистическую) мрачную сторону земнаго существованія. Государственное устройство было аристократическое. Власть законодательная, судебная, военная и вообще все управленіе принадлежали двумъ совѣтамъ — малому, состоявшему изъ землевладѣльческой родовой знати, и большому, избираемому въ кругу денежной аристократіи; во главѣ совѣтовъ стояли два суффета, которыхъ можно сравнить съ спартанскими царями; къ рѣшенію же народнаго собранія обращались только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Могущественный сотенный совѣтъ, изъ представителей знатнѣйшихъ родовъ края, былъ главнымъ блюстителемъ государства и требовалъ къ отчету полководцевъ и сановниковъ. Эта замкнутость, это сосредоточеніе правительственной власти въ рукахъ аристократіи препятствовали образованію свободнаго городскаго и средняго сословія и порождали въ массахъ неудовольствіе, вялое равнодушіе и корыстную продажность. Между господствующимъ классомъ богатыхъ купцовъ, помѣщиковъ, владѣтелей плантацій и лицъ, занимавшихъ высшія государственныя должности, и между неимовитою, живущею день за день массою городскаго населенія, зіяла страшная бездна, поглотившая наконецъ и государство и народъ. Государственные доходы Карѳагенцевъ были неистощимы, такъ что Поливій называетъ ихъ городъ богатѣйшимъ въ свѣтѣ; банковая и финансовая системы достигли у нихъ возможнаго въ то время совершенства; военныя средства были очень велики, а флотомъ и вообще морскою силою они превосходили всѣ остальныя державы; но зло внутреннее, соціальное, и стремленіе господствующаго класса къ однимъ только земнымъ благамъ и наслажденіямъ, подтачивали общественное благосостояніе въ самомъ корнѣ. О развитіи наукъ и искусствъ заботились здѣсь на столько, на сколько оно приносило вещественной пользы, а высшая духовная жизнь была совершенно чужда Карѳагенянамъ. Ограниченность и грубость ихъ понятій видна уже изъ самой ихъ религіи, основанной на звѣздопоклонствѣ и сопровождаемой жертвоприношеніемъ людей.

§ 163. Уже за нѣсколько столѣтій Карѳагенцы утвердились на островѣ Сициліи и съ тѣхъ поръ не прекращались у нихъ постоянныя распри съ Сиракузянами за господство надъ островомъ и надъ заведенными тамъ греческими колоніями. Во время Персидскихъ войнъ

сиракузскій тиранъ Гелонъ нанесъ имъ (въ 480) сильное пораженіе (§ 94); но раздоры греческихъ республикъ, которыя губили силы въ междоусобіяхъ, дали Карѳагенцамъ возможность снова утвердиться на этомъ островѣ, занимающемъ такое выгодное положеніе. Призванный на помощь Сегестою Ганнибалъ, сынъ Гискона, перешелъ Средиземное море, взялъ приступомъ Селинунтъ, Гимеру, богатый, великолѣпный Агригентъ (408—406) и возвратился домой съ множествомъ плѣнныхъ и съ огромнѣйшею добычей. Пользуясь страхомъ, который навели эти пораженія, молодой, отважный воинъ Діонисій, сынъ бѣднаго мулогона, достигъ единовластія въ Сиракузахъ (Діонисій Старшій 405—368); но хитрый, расточительный правитель, опираясь на наемниковъ, болѣе заботился объ утвержденіи своей личной власти, нежели о томъ, какъ бы одолѣть и прогнать общихъ враговъ, и потому поспѣшилъ купить миръ у Карѳагенцевъ (383), уступивъ имъ Селинунтъ, Агригентъ и другіе греческіе города на сѣверномъ берегу, а потомъ предался разврату и необузданнымъ порывамъ своей мстительной, недовѣрчивой натуры (§ 96). При его сынѣ и преемникѣ Карѳагенцы еще болѣе расширили свои владѣнія и наконецъ обратили взоры на главный городъ Сициліи, Сиракузы, раздираемый крамолами враждебныхъ партій. Притязанія Карѳагенцевъ были на время остановлены коринѳскимъ героемъ Тимолеономъ (358), который освободилъ Сиракузы отъ власти тирана Діонисія Младшаго (368—345) и, разбивъ Карѳагенцевъ у рѣки Кримисса (343), принудилъ ихъ удовольствоваться только полосою земли на западъ отъ р. Лика (Галика); но при тираннѣ Агаѳоклѣ, который изъ простаго гончара умѣлъ сдѣлаться властителемъ въ Сиракузахъ (317), война возобновилась опять и шла съ такимъ перемѣннымъ счастіемъ, что наконецъ въ одно и тоже время Карѳагенцы осадили Сиракузы, а войско Агаѳокла обложило Карѳагенъ. Вотъ какъ это случилось: Карѳагенцы, призванные на помощь врагами тирана, вели довольно безпечно осаду Сиракузъ; тогда, воспользовавшись удобнымъ временемъ, Агаѳоклъ прошелъ со своимъ флотомъ между непріятельскими кораблями и отплылъ къ сѣвернымъ берегамъ Африки. Высадившись на сушу, онъ приказалъ сжечь свои суда, такъ что воинамъ его не оставалось другаго выбора, кромѣ побѣды или смерти, и дѣйствительно, благодаря рѣшимости и мужеству, онъ въ короткое время овладѣлъ всею страною Пуновъ, за исключеніемъ столицы, тогда какъ подъ Сиракузами карѳагенскій полково-

децъ Гамилькаръ былъ между тѣмъ разбитъ, взятъ и преданъ насильственной смерти. Послѣ этого Агаѳоклъ льстивыми обѣщаніями вызвалъ на помощь къ себѣ правителя Кирены; тотъ дѣйствительно повелъ къ нему свои войска, но хитрый Сиракузецъ напалъ на него, подъ предлогомъ, что онъ замышляетъ противъ него измѣну, разбилъ его и принудилъ 20,000 его воиновъ поступить въ сиракузское войско, а самъ, гордый своими побѣдами и въ надеждѣ скоро быть обладателемъ всей сѣверной Африки, принялъ уже царскій титулъ. Но счастіе вдругъ перемѣнилось. Разбитый въ одномъ сраженіи Карѳагенцами, онъ, чтобы не утратить власти въ Сиракузахъ, тайно бѣжалъ въ Сицилію, покинувъ своихъ воиновъ вдали отъ родины на произволъ судьбы; раздраженные этимъ низкимъ поступкомъ, они умертвили оставшагося съ ними Агаѳоклова сына и вступили потомъ въ службу къ Карѳагенянамъ. Убійствами и жестокостями Агаѳоклъ снова утвердилъ свое господство въ Сиракузахъ и даже распространилъ его на бо̀льшую часть острова; наконецъ онъ былъ отравленъ ядомъ, отъ котораго силы его мало-по-малу изнурились до того, что престарѣлый тираннъ самъ рѣшился предать себя сожженію (289). По смерти этого отважнаго удальца весь островъ впалъ въ дикое безначаліе. Кампанскіе наемники Агаѳокла, извѣстные подъ именемъ Мамертиновъ, на возвратномъ пути домой овладѣли городомъ Мессиной (281), умертвили или разогнали все мужское населеніе, а женъ, дѣтей и имущество подѣлили между собою. Потомъ они стали дѣлать разбойническіе набѣги на ближнія и отдаленныя мѣста и произвели на всемъ островѣ ужасныя смятенія и безпорядки, которыми Карѳагенцы старались воспользоваться. Противъ обоихъ этихъ враговъ Сиракузяне призвали на помощь Пирра; онъ осадилъ Лилибей и готовился къ высадкѣ на африканскій берегъ, но какъ при этомъ онъ началъ помышлять о завладѣніи островомъ въ свою пользу, сталъ нарушать республиканскія учрежденія, угнеталъ гражданъ поборами и неправеднымъ судомъ, то сицилійскіе Греки принудили его наконецъ поспѣшно удалиться (§ 161). Тогда прежнія смуты возобновились въ Сициліи: Мамертины безъ всякаго опасенія стали предпринимать свои опустошительные походы внутрь страны и укрывали награбленную добычу за стѣнами Мессины. Въ такихъ обстоятельствахъ жители Сиракузъ избрали полководцемъ (275) отважнаго и привѣтливаго Гіерона, потомка Гелонова, а въ послѣдствіи даже признали его своимъ царемъ (270). Онъ выступилъ съ войскомъ про-

тивъ Мамертиновъ, нанесъ имъ пораженіе и до того стѣснилъ ихъ въ Мессинѣ, что они должны были прибѣгнуть къ посторонней помощи. Одни изъ нихъ избрали своими защитниками Карѳагенцевъ, которые изъ зависти къ Гіерону и Сиракузамъ сами вызвались на содѣйствіе, и полководецъ ихъ Ганнонъ даже занялъ укрѣпленія Мессины; но большинство Мамертиновъ призвало на помощь Римлянъ.

Діонисій и Тимолеонъ. Діонисій Младшій былъ тираннъ тщеславный и высокомѣрный (§ 98, 101, 3); напрасно шуринъ его, благородный Діонъ, старался съ помощью Платона удержать его отъ разврата и жестокости, которымъ онъ предавался; наконецъ при посредствѣ возвращеннаго изъ ссылки Діона онъ былъ изгнанъ изъ города (356); но когда прямодушный Діонъ былъ предательски умерщвленъ однимъ честолюбивымъ лже-другомъ (354), и въ Сиракузахъ настали безпорядки и анархія, тогда Діонисій, жившій между тѣмъ въ Локрахъ среди роскоши и гульбы, успѣлъ снова овладѣть тираніей. Опытъ не образумилъ Діонисія и не исправилъ его; сластолюбіе и развратъ по прежнему чередовались у него съ жестокостью и прихотями деспота, и потому Сиракузяне, выведенные наконецъ изъ терпѣнія его тиранствомъ, обратились за помощью къ своей метрополіи, Коринѳу. Коринѳяне прислали имъ флотъ и вспомогательное войско подъ начальствомъ строгаго, честнаго Тимолеона, который незадолго до этого доказалъ свою ревность къ демократической свободѣ, убивъ собственнаго брата, присвоившаго себѣ тираннію въ Коринѳѣ, и который теперь съ радостью принялъ возложенное на него порученіе, надѣясь новыми подвигами заглушить свои внутреннія мученія и избавиться отъ тяготѣвшаго на немъ проклятія матери. Изгнавъ Діонисія (345), который за тѣмъ поселился въ Коринѳѣ и снискивалъ себѣ пропитаніе учительствомъ, онъ возстановилъ въ Сиракузахъ умѣренно-демократическое республиканское устройство. Послѣ этого Тимолеонъ разрушилъ сиракузскую крѣпость, чтобы устранить возвращеніе тираніи, разбилъ Карѳагенянъ у рѣки Кримисса и принудилъ ихъ къ миру (343), а потомъ жилъ до самой смерти въ Сиракузахъ, пользуясь высокимъ почетомъ. Блистательныя похороны и искреннія слезы, которыми народъ почтилъ своего освободителя, были яснымъ доказательствомъ признанія его гражданскихъ доблестей († 337).—Во время Агаѳокла Сициліецъ Тимей (352—256), живучи долго изгнанникомъ въ Аѳинахъ, написалъ Исторію Сициліи въ лѣтописной формѣ и сочиненіе о походахъ

Пирра, но отъ обоихъ этихъ произведеній до насъ дошли только нѣкоторыя извлеченія и отрывки. Его упрекали въ пристрастіи, бранчивости и отсутствіи критики, а слогъ его находили то холоднымъ и сухимъ, то высокопарнымъ и риторскимъ. Въ обработкѣ миѳовъ Тимей покинулъ способъ своихъ современниковъ, которые обыкновенно старались объяснять саги и разоблачать въ нихъ поэтическія прикрасы и примыслы, а по старому излагалъ сказанія въ ихъ первоначальномъ древнемъ видѣ.

б) Первая Пунійская война (264—241).

§ 164. Изобиліе и красота сосѣдняго острова были слишкомъ приманчивы для Римлянъ, и послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны праводушнѣйшихъ изъ ихъ согражданъ, они уступили просьбамъ разбойниковъ-Мамертиновъ и заключили съ ними оборонительный союзъ, хотя и предвидя, что ревнивые Карѳагенцы, владѣвшіе уже крѣпостью въ Мессинѣ, употребятъ всѣ усилія, чтобъ избавиться отъ опасной для нихъ близости Римлянъ, и хотя многимъ этотъ шагъ долженъ былъ казаться тѣмъ опаснѣе, что дѣлая его надо было покинуть прежнюю материковую политику Рима, которою отцы положили основаніе величію республики, и вступить на совершенно новый путь, котораго исходъ никто не могъ предвидѣть. Это было одно изъ тѣхъ мгновеній, когда забывается всякій разсчетъ и когда вѣра въ собственную звѣзду и въ звѣзду отечества одна внушаетъ смѣлость схватить руку, манящую изъ темной дали будущаго. Не рѣшаясь самовольно отважиться на такое важное дѣло, сенатъ предоставилъ рѣшеніе вопроса народному собранію и только съ его согласія заключенъ былъ этотъ не совсѣмъ-то честный договоръ, послѣ чего консулъ Аппій Клавдій Каудексъ переправился въ темную ночь на ту сторону Мессинскаго пролива (263). Скоро римскому вспомогательному войску удалось прогнать отъ стѣнъ города неладившихъ между собою враговъ, принудить Гіерона къ союзу съ Римомъ и, послѣ кровопролитной битвы, стоившей дорого обѣимъ сторонамъ, отнять Агригентъ, второй важный военный пунктъ Карѳагенцевъ, которые, передъ этимъ (261), распяли своего полководца Ганнона за то, что онъ допустилъ непріятеля овладѣть укрѣпленіемъ Мессины. Но за-

воеванія, совершенныя Римлянами въ слѣдующихъ годахъ на сушѣ, не вознаградили бы за разстроенную торговлю союзниковъ и за потери, понесенныя на морѣ, еслибы Римляне не успѣли противопоставить морскимъ силамъ Карѳагена, съ которыми далеко не могли равняться ихъ трехпалубныя суда, соотвѣтственнаго флота, и лишить своихъ враговъ господства на морѣ. Для этого они построили суда по образцу разбившагося пятипалубнаго карѳагенскаго корабля и снабдили ихъ огражденными съ обѣихъ сторонъ перекидными абордажными мостами, которыми они захватывали и удерживали непріятельское судно, такъ что можно было биться какъ на сушѣ. Этимъ способомъ консулъ Каій Дуилій одержалъ первую морскую побѣду при Милахъ, близъ Липарскихъ острововъ (260), за что въ Римѣ воздвигли въ честь его такъ-называемую ростральную колонну, то-есть колонну изъ корабельныхъ носовъ (columna rostrata). Вторая морская битва, у Тиндарійскаго мыса, была нерѣшительна (257). Тогда Римляне отважились вскорѣ окончить войну смѣлою экспедиціей въ самую Африку. Послѣ славной морской побѣды на высотѣ Экнома все море было для нихъ открыто, и они пустились къ африканскому берегу съ флотомъ изъ 330 кораблей и съ сильнымъ сухопутнымъ войскомъ, подъ начальствомъ доблестнаго консула Регула. Изъ приморскаго города Клупеи, гдѣ войско высадилось безпрепятственно, Регулъ пошелъ опустошая и покоряя вдоль берега, поддерживаемый отпавшими отъ Карѳагена городами и племенами Нумидіи, и наконецъ приблизился къ воротамъ объятой ужасомъ столицы. Карѳагенцы просили мира; но гордый побѣдитель предлагалъ имъ слишкомъ тяжкія условія: онъ требовалъ, чтобы они нетолько отказались отъ Сардиніи и Сициліи, но и вступили съ Римлянами въ союзъ, признавъ свою зависимость отъ побѣдителей; тогда Карѳагенцы рѣшились идти на все и приготовились къ отчаянной оборонѣ. Нужда вдохнула имъ энергію; они усилили свои войска отличными нумидійскими всадниками и греческими наемниками и поручили веденіе оборонительной войны опытному начальнику вольныхъ дружинъ, Спартанцу Ксантиппу. Онъ нанесъ Римлянамъ у приморскаго города Туneса такое рѣшительное пораженіе (255), что изъ ихъ

прекраснаго войска спаслось только 2000 человѣкъ; всѣ остальные пали въ битвѣ или вмѣстѣ съ консуломъ были взяты въ плѣнъ. Страшно наказали Пуны отложившіяся общины, не щадя ни жизни, ни имуществъ. Три тысячи нумидійскихъ старшинъ погибли на крестѣ.

§ 165. За этимъ ударомъ слѣдовала неудача за неудачей: два флота погибли отъ бурь, такъ что Римляне на нѣсколько лѣтъ совершенно отказались отъ войны на морѣ. На сушѣ они отваживались только на малую войну, опасаясь слоновъ, которые доставили непріятелю побѣду у Тунеса и которыхъ сами они тогда еще не употребляли. Наконецъ, когда при вылазкѣ изъ Панорма (которымъ Римляне овладѣли, потерявъ Агригентъ), Цецилій Метеллъ разбилъ карѳагенскаго полководца Гасдрубала и захватилъ всѣхъ его слоновъ (251), тогда только Римляне рѣшились приступить къ осадѣ превосходно защищенныхъ городовъ Лилибея и Дрепанума (250). (Вѣроятно около этого времени Карѳагенцы отправили въ Римъ Регула, чтобы уладить тамъ размѣнъ плѣнныхъ; но какъ Регулъ убѣдилъ римскій сенатъ не дѣлать этого и, вѣрный своей клятвѣ, возвратился въ заточеніе, то враги предали его мучительнѣйшей смерти). Побѣда колебалась еще нѣсколько лѣтъ. Попытка Римлянъ овладѣть непреступными приморскими укрѣпленіями Лилибея и Дрепанума была неудачна, и когда неспособный консулъ Аппій Клавдій, вопреки зловѣщимъ предзнаменованіямъ, не во время перемѣнилъ планъ своихъ дѣйствій, то былъ разбитъ у Дрепанума на морѣ и на сушѣ (249). Послѣ этого война тянулась безславно въ мелкихъ стычкахъ и ничтожныхъ предпріятіяхъ, пока не оживилъ ее славный карѳагенскій полководецъ Гамилькаръ Барка, глава демократической (баркинской) партіи въ Карѳагенѣ. Овладѣвъ крѣпостью Эрксомъ, онъ пріобрѣлъ для своихъ наемныхъ войскъ надежную точку опоры, гдѣ, снабжаясь изъ Дрепанума всѣмъ необходимымъ, они могли расположиться совершенно по-домашнему; отсюда, со скалистой высоты, онъ могъ наблюдать за всѣми движеніями Римлянъ, разсылалъ летучіе отряды для поисковъ во всѣ стороны и дѣлалъ разбойничьи морскіе набѣги на нижнюю Италію, не обращая никакого вниманія на римское войско, осадившее его со стороны

подгородной равнины (242). Все это было возможно только до тѣхъ поръ, пока Гамилькаръ могъ поддерживать открытое сообщеніе съ Дрепанумомъ и пока римскій флотъ не препятствовалъ подвозу припасовъ съ моря. Но Римляне, въ порывѣ пламеннаго патріотизма, и частными пожертвованіями, и выручкою съ храмовыхъ сокровищъ снарядили новый флотъ въ 200 кораблей; съ этимъ флотомъ консулъ Лутацій Катулъ разбилъ и отчасти потопилъ, отчасти захватилъ у Эгатскихъ острововъ непріятельскую эскадру вмѣстѣ съ грузовыми судами, послѣ чего Карѳагенцы были вынуждены какъ можно скорѣе заключить миръ (241), отказавшись при этомъ отъ Сициліи и сосѣднихъ острововъ и обязавшись выплатить огромную сумму въ вознагражденіе за военныя издержки. Такимъ образомъ и непобѣдимый полководецъ побѣжденнаго народа спустился наконецъ съ высотъ, которыя онъ такъ долго защищалъ, и сдалъ новымъ владѣльцамъ укрѣпленія острова, которыми Карѳагенъ обладалъ по крайней мѣрѣ четыреста лѣтъ непрерывно, и о которыя сокрушались безуспѣшно всѣ приступы Эллиновъ.

Сицилія, «житница Италіи», первая была обращена въ римскую провинцію, то-есть въ область, управляемую въ финансовыхъ видахъ, какъ источникъ доходовъ государственной казны. Такая область получала отъ покорившаго ее полководца особенное устройство (подлежавшее, разумѣется, окончательному разсмотрѣнію и утвержденію сената) и вѣдалась потомъ пропреторомъ или проконсуломъ, при помощи легата и квестора. Сначала правителями, или губернаторами, провинцій были особо назначаемыя для того лица, а потомъ эти мѣста давались по жребію отслуживающимъ сроки (степеннымъ) консуламъ и преторамъ обыкновенно на одинъ годъ. Проконсулъ или пропреторъ завѣдывалъ въ провинціи не только управленіемъ, но также судопроизводствомъ и мѣстною военною силой. Судъ творился на латинскомъ языкѣ по римскому праву, которое годъ отъ году болѣе вырабатывалось и совершенствовалось; это много способствовало распространенію римской образованности въ далекихъ варварскихъ краяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было источникомъ притѣсненій и обидъ въ отношеніи къ туземцамъ. Доходы, получаемыя Римлянами съ провинцій, были разнаго рода: государственныя земли они обращали въ общее владѣніе республики, и отдавали ихъ въ кор-

тому; кромѣ того они брали поземельную и поголовную подать деньгами или десятиной, взимали извѣстный сборъ съ общественныхъ выгоновъ, съ горныхъ и соляныхъ промысловъ, таможенныя и портовыя пошлины и мн. др. Налоговъ не собирали непосредственно, а отдавали ихъ на откупъ (§ 179). Провинціальные подданные лишались права носить оружіе и даже не допускались въ римское войско; во всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстахъ водворялся римскій гарнизонъ.

в) Галльская война. Карѳагенцы въ Испаніи.

§ 166. Карѳагенцы, по заключеніи мира, должны были выдержать трехлѣтнюю войну съ своими возмутившимися наемными войсками, которымъ они хотѣли убавить обѣщанное жалованье. Эта убійственная борьба разлилась по всему краю, доведенному до отчаянія жестокостію и угнетеніями Пуновъ, и привела Карѳагенъ на край гибели, пока военному искусству Гамилькара удалось привести ее къ концу; но это сопровождалось кровавыми, неслыханными ужасами. Римляне успѣли между тѣмъ овладѣть принадлежащимъ Карѳагену островомъ Сардиніей (238), котораго возмутившійся гарнизонъ былъ не въ силахъ имъ сопротивляться; точно также захватили они и Корсику послѣ ужасной борьбы съ толпами полудикихъ туземцевъ, и обратили оба эти острова во вторую «римскую провинцію». За тѣмъ они направили свое оружіе противъ жившихъ морскими разбоями Иллирійцевъ, которые опустошали набѣгами берега Адріатическаго и Іоническаго морей, останавливали торговлю и всѣ сообщенія, даже овладѣли нѣсколькими римскими судами и убили двухъ римскихъ пословъ; Римляне, отнявъ у нихъ островъ Керкиру и города Эпидамнъ (Dyrrhachium) и Аполлонію, обуздали теперь ихъ корсарское своевольство, а спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, основаніемъ въ сѣверо-восточномъ углу Италіи укрѣпленнаго города Аквилеи, прекратили эти разбои разъ навсегда. Именно къ этому времени относится второе закрытіе храма Януса, которое было символомъ всеобщаго мира (первое закрытіе послѣдовало во время Нумы, а третье и послѣднее относится къ царствованію Августа), но, конечно, оно было очень непродолжительно: уже около 226 года начинается страшная война съ цизальпинскими

(до-альпійскими) Галлами, которые, раздражась основаніемъ въ ихъ странѣ новыхъ военныхъ поселеній, рѣшились положить предѣлъ постоянному напору Римлянъ и призвали для этой цѣли на помощь своихъ соплеменниковъ изъ Альпійскихъ горъ и изъ долины верхней Роны (Гезатовъ); эта война потребовала самыхъ напряженныхъ усилій со стороны Римлянъ. Страшный врагъ, неся съ собой пожаръ и опустошеніе и повсюду разбивая противниковъ, подошелъ уже подъ Клузіумъ, когда Римляне, во главѣ устрашенныхъ италійскихъ народовъ, выступили ему навстрѣчу, и у Теламона, на берегу Этруріи, не далеко отъ устья Омброны, нанесли храбрымъ, но дурно вооруженнымъ Галламъ (ср. § 153) такое пораженіе (225), что 40,000 ихъ тѣлъ покрыли поле битвы и 10,000 плѣнныхъ достались побѣдителямъ. Вторая побѣда была одержана нѣсколько лѣтъ спустя Марцелломъ на рѣкѣ По (у Кластидіума), гдѣ палъ отъ руки Римлянина повелитель Гезатовъ Виридомаръ (222); слѣдствіемъ этой побѣды было то, что вся верхняя Италія съ Миланомъ, столицею тутъ же покоренныхъ Инсубровъ, подчинилась власти Римлянъ, и такимъ образомъ они сдѣлались властителями всей Италіи до ея естественной грани — Альповъ, стараясь утвердить свое господство въ новоприобрѣтенныхъ земляхъ учрежденіемъ военныхъ колоній (Плаценція, Кремона). Плодоносная полоса земли по обѣ стороны По была обращена въ римскую провинцію (220) подъ именемъ Цизальпинской Галліи (Gallia cisalpina) и соединена съ Римомъ военными дорогами (Фламиніевой и Эмиліевой).

§ 167. Между тѣмъ Карѳагенцы съумѣли вознаградить себя за понесенныя утраты пріобрѣтеніями въ богатой металлами южной Испаніи. Обладаніе Гадесомъ (Кадиксомъ) и другими сподручными прибрежными мѣстами облегчило имъ завоеваніе страны. Въ мужественномъ, энергическомъ Гамилькарѣ и троихъ его сыновьяхъ,—этомъ «львиномъ отродьѣ»,—которыхъ самъ онъ воспиталъ въ лагерѣ «наслѣдниками своихъ замысловъ, своего генія и своей ненависти», національная военная партія въ Карѳагенѣ нашла себѣ способныхъ и предпріимчивыхъ вождей. Завоеванія Гамилькара на Гвадалкивирѣ (Бетисѣ) и Гвадіанѣ (Анасѣ) были расширены его зятемъ и

преемникомъ Гасдрубаломъ, который основалъ тамъ Новый Карѳагенъ (Картахену), отличное сборное мѣсто для войскъ съ великолѣпнымъ «чертогомъ» Гасдрубала и съ хорошею гаванью. Благодаря военнымъ дарованіямъ Гамилькара, который палъ въ лучшихъ лѣтахъ мужества, сражаясь какъ храбрый воинъ (228), и политическому уму Гасдрубала, въ Испаніи основалось карѳагенское государство, которое занимало лучшія области по южному и восточному берегу полуострова, и при помощи земледѣлія, горныхъ промысловъ и торговли видимо богатѣло и процвѣтало. Этого было довольно для возбужденія въ Римлянахъ опасеній и зависти, и вотъ они сначала обязали Карѳагенцевъ договоромъ (226) не переступать за рѣку Эбро (Iberus), а потомъ заключили оборонительный союзъ съ греческою колоніей Сагунтомъ. Взаимное недовѣріе скоро повело къ явной враждѣ, когда мѣсто Гасдрубала, рано павшаго подъ ударами убійцы, занялъ сынъ Гамилькаровъ, 28-лѣтній Ганнибалъ (220); въ немъ съ разсчетливымъ умомъ его предшественника соединялись отвага и военныя дарованія его отца, которому, еще мальчикомъ, онъ поклялся у алтаря въ вѣчной ненависти къ Римлянамъ. Онъ былъ отъ природы крѣпкаго сложенія, а постоянныя упражненія въ бѣгѣ, боѣ на мечахъ и верховой ѣздѣ такъ укрѣпили его тѣло, что онъ легко могъ сносить всѣ тяжкіе труды и лишенія походной жизни. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ схватокъ съ туземными племенами, Ганнибалъ по поводу спора о границахъ осадилъ союзный Риму городъ Сагунтъ, чтобы такимъ образомъ начать съ Римлянами войну, которая, рано или поздно, была неизбѣжна. Напрасно отклоняли его отъ этого римскіе послы; онъ совѣтовалъ имъ обратиться къ карѳагенскому сенату, а самъ между тѣмъ продолжалъ осаду такъ дѣятельно, что на осьмой мѣсяцъ городъ былъ взятъ. Сагунтъ превратился въ груду щебня, жители его частію погибли подъ развалинами своихъ домовъ, частію сами бросились въ пламя, пожиравшее ихъ имущество и драгоцѣнности, которыя они снесли на городскую площадь; всѣ остальные были безпощадно преданы мечу. Ганнибалъ по неукротимому жестокосердію является истымъ представителемъ своего народа, въ которомъ не было ни тѣни человѣчности,

свойственной Грекамъ, ни тѣни уваженія къ праву, чѣмъ такъ отличались Римляне; но это былъ человѣкъ обширнаго политическаго ума, полководецъ, соединявшій въ себѣ рѣшимость и одушевленіе, предусмотрительность и энергію; онъ былъ созданъ для господства и властительно повелѣвалъ людьми. Хитрость и лукавую изворотливость, — эти основныя черты пунійскаго характера, Ганнибалъ перенесъ въ свою бурную жизнь, какъ наслѣдственное достояніе своего народа.— Между тѣмъ римское посольство прибыло въ Карѳагенъ и потребовало отъ совѣта выдачи самовольнаго военачальника; но совѣтъ отвѣчалъ нерѣшительно; тогда ораторъ посольства Квинтъ Фабій объявилъ, что у него за пазухой и миръ и война: они властны выбирать любое; Карѳагенцы громогласно потребовали войны,—тутъ Римлянинъ распахнулъ свою тогу.

Древніе обитатели Испаніи, Кельты и Иберы, жившіе частію отдѣльно, частію смѣшанно (подъ именемъ Кельтиберовъ), были такъ же проворны, храбры и воинственны, какъ Лузитаны въ Португаліи, и Кантабры и Баски въ сѣверной Испаніи, особенно они были искусны и ловки въ горной войнѣ и въ дѣйствіяхъ малыми дружинами (guerilla); но какъ между ними не существовало государственнаго союза, то, при всей своей воинственности, они легко дѣлались добычею образованныхъ народовъ.

г) Вторая Пунійская война (218—201).

§ 168. Весною 218 года Ганнибалъ переступилъ черезъ Эбро, покорилъ себѣ племена, обитавшія между этою рѣкою и Пиренеями, и потомъ съ 60,000 пѣхоты, 9000 конниковъ и 37 слонами вторгнулся въ Галлію, тогда какъ братъ его Гасдрубалъ съ значительнымъ войскомъ и флотомъ удерживалъ въ покорности Испанію. Съ оружіемъ въ рукахъ Ганнибалъ прошелъ южную Галлію, переправился черезъ Рону (Роданъ) и приступилъ наконецъ къ незабвенному походу черезъ Альпы (именно—Монъ-Сенисъ или Малый Сенъ-Бернаръ). Среди безпрестанныхъ битвъ съ суровыми обитателями Альповъ (Аллоброгами и Центронами), войско его перешло рядъ горныхъ высей, покрытыхъ снѣгомъ и льдомъ, гдѣ не было ни дорогъ, ни пристанища, а отвѣсные утесы и пропасти на каждомъ шагу. На пятнадцатый день вступила въ сѣверную

Италію Ганнибалова армія, растерявъ болѣе половины людей и всю вьючную и обозную скотину. Но такой геніальный полководецъ, какъ Ганнибалъ, взросшій въ ратномъ станѣ и пользовавшійся неограниченной любовью и довѣріемъ своихъ воиновъ, могъ отважиться на все съ этимъ войскомъ, одушевленнымъ чувствомъ чести и собственнаго достоинства, подстрекаемымъ надеждою на богатую добычу и вступавшимъ въ страну, которой недавно покоренные жители ожидали только благопріятнаго случая, чтобы свергнуть ненавистное иго Римлянъ, и встрѣтили теперь Карѳагенцевъ, какъ своихъ освободителей. И дѣйствительно, едва храбрый консулъ Корн. Сципіонъ былъ разбитъ и тяжело раненъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ при Тицинѣ (Тичино), а его запальчивый, неосмотрительный товарищъ Семпроній, поторопясь схватиться съ врагомъ, потерпѣлъ совершенное пораженіе при Требіи, не смотря на удивительную храбрость своихъ изнуренныхъ, голодныхъ и до костей промокшихъ солдатъ, какъ уже вся Цизальпинская Галлія передалась Ганнибалу и подкрѣпила его ослабѣвшее войско ловкими конниками и пѣхотинцами, закаленными навыкомъ въ бою (217). Послѣ нѣкотораго отдыха въ Лигуріи, Ганнибалъ совершилъ крайне затруднительный походъ черезъ суровыя Апеннины (гдѣ онъ потерялъ отъ воспаленія одинъ глазъ) и потомъ, по непроходимымъ дорогамъ, долиною рѣки Арно, которая была затоплена весеннимъ разливомъ, проникъ въ Этрурію, опустошая все на пути. У Тразименскаго озера, гдѣ братъ Ганнибала, Магонъ, былъ расположенъ въ засадѣ съ конницею, спѣшившій на выручку къ своимъ, консулъ Фламиній напалъ на карѳагенскаго полководца, но за свою необдуманную торопливость поплатился совершеннымъ пораженіемъ, при которомъ палъ и онъ самъ, а всѣ его воины или погибли въ сѣчѣ, или потонули въ свѣтлыхъ струяхъ озера. Въ самый день битвы, день туманный, случилось землетрясеніе и поглотило трупы павшихъ, но въ пылу битвы оно осталось незамѣченнымъ. Вся Этрурія была потеряна для Римлянъ и побѣдителю открылась дорога въ самый Римъ; но отбитый отъ стѣнъ Сполеціума, онъ предпочелъ пуститься вдоль восточнаго берега моря, по землямъ, обитаемымъ мелкими

сабелльскими племенами и покрытымъ римскими поселками, и опустошая все на пути, прибылъ въ Апулію, чтобы возмутить противъ Римлянъ воинственные края нижней Италіи.

§ 169. Но тутъ противъ карѳагенскаго полководца выступилъ человѣкъ, который своею предусмотрительностью и осторожностью поставилъ его въ большое затрудненіе: это былъ диктаторъ Фабій Максимъ Медлитель (Cunctator), противникъ демократическаго народовластія и его вождей. Онъ упорно избѣгалъ открытаго сраженія, но слѣдилъ по пятамъ за непріятельскимъ войскомъ и умѣлъ пользоваться малѣйшею оплошностью врага. Такъ въ Кампаніи, у Касилинума, занявъ горныя высоты, онъ поставилъ Карѳагенцевъ въ такое невыгодное положеніе, что Ганнибалъ успѣлъ высвободиться только особенною хитростью. Онъ взялъ стадо быковъ, привязалъ имъ къ рогамъ пуки зажженнаго хвороста и взогналъ ихъ на гору—это обмануло Римлянъ. Осторожность полководца и вѣрность италійскихъ и греческихъ союзниковъ, которые затворили Пунамъ входъ въ свои города и добровольно принимали на себя величайшія жертвы и усилія, поддерживали Римъ среди бѣдствій. Но неразумный народъ роптalъ на методическій и медлительный образъ дѣйствій сѣдаго упрямаго диктатора, всегдашняго противника возрастающей демократіи и приверженца стариннаго полновластія сената, еще съ теплою вѣрой въ силу жертвъ и молитвъ; въ тоже время союзники, сильно терпѣвшіе отъ непріятельскихъ войскъ, начали громко жаловаться на свое положеніе: все это побудило въ слѣдующемъ году неспособнаго героя народной партіи (плебейскаго) консула Теренція Варрона оставить планъ дѣйствій опытнаго Фабія, съ которымъ соглашался и Варроновъ товарищъ (патриціанскій) консулъ Пауллъ Эмилій, и еще разъ вступить въ битву. Страшное пораженіе Римлянъ при Каннахъ (216) скоро доказало справедливость мнѣній Фабія и Эмилія. Слишкомъ 40,000 пѣшихъ Римлянъ, 2700 всадниковъ и 80 человѣкъ сенаторскаго званія, во главѣ которыхъ былъ великодушный Пауллъ Эмилій, покрыли поле битвы. Не было почти семейства, гдѣ бы не пришлось оплакивать кого-нибудь изъ своихъ. Оставшіеся въ живыхъ были взяты въ плѣнъ, а бѣжавшихъ съ поля битвы

непоколебимый сенатъ, сохраняя при этомъ страшномъ ударѣ дивную твердость и присутствіе духа, объявилъ безчестными и присудилъ позорно нести военную службу безъ жалованья. Переходъ всей нижней Италіи на сторону Ганнибала и союзъ его съ Сиракузами, гдѣ въ это время умеръ Гіеронъ и мѣсто его занялъ бездарный и надменный Гіеронимъ, были ближайшими слѣдствіями этой роковой битвы; казалось, Риму суждено погибнуть въ этомъ году: легіонъ, посланный въ Галлію, попалъ въ засаду и былъ истребленъ совершенно вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ. Только въ Испаніи братья Сципіоны успѣли поддержать честь римскаго оружія и, разбивъ Гасдрабула на Эбро, не допустили всѣмъ силамъ Карѳагена соединиться на погибель гордаго Рима. — День битвы при Каннахъ, какъ нѣкогда злосчастный день на Алліи (§ 153), былъ отмѣченъ въ римскомъ календарѣ чернымъ цвѣтомъ, какъ день покаянія и молитвы. Послѣ битвы Ганнибалъ отправилъ, говорятъ, въ Карѳагенъ, осязательнымъ знакомъ своей побѣды, три хлѣбныя мѣры золотыхъ колецъ, которыя были сняты съ рукъ убитыхъ всадниковъ. При всемъ томъ онъ нашелъ невозможнымъ, какъ ему тогда совѣтовали, идти немедля, съ своимъ ослабленнымъ войскомъ, прямо на Римъ.

§ 170. Ганнибалъ остался зимовать въ привлекательной Кампаніи; очарованія и развратъ роскошной и богатой Капуи избаловали и изнѣжили суровыхъ воиновъ, а между тѣмъ, по проискамъ враждебной и подозрительной партіи въ Карѳагенѣ, ему не присылали необходимыхъ вспоможеній. Въ это время Римляне старались прежде всего о томъ, чтобъ прекратить раздоры между сенатомъ и народомъ, между аристократами и демократами, какъ главную причину всѣхъ предшествовавшихъ бѣдъ. Благодарность, объявленная ничтожному консулу Теренцію Варрону по возвращеніи его въ Римъ, за то, «что онъ никогда не отчаявался въ спасеніи отечества», служила какъ бы залогомъ примиренія партій; вслѣдствіе этого сенатъ снова принялъ на себя дѣйствительное завѣдываніе военными дѣйствіями, предоставивъ народному собранію только формальное право утверждать постановляемыя имъ мѣры. Усиленные этимъ единодушіемъ, Римляне необы-

кновенно дѣятельно приступили къ новымъ приготовленіямъ: они призвали къ оружію все мужское населеніе, даже несовершеннолѣтнихъ, поставили въ ряды своего войска кабальныхъ должниковъ, преступниковъ, даже рабовъ. Хотѣли, чтобъ послѣдній гражданинъ понялъ ясно, «что ни для него, ни для всѣхъ вообще Римлянъ мира быть не можетъ, что одно спасеніе въ побѣдѣ». Къ началу весны Римляне могли уже вывести въ поле свѣжія войска. Двѣ счастливыя битвы (одна при Нолѣ 215 г., гдѣ начальствовалъ Марцеллъ, другая при Беневентѣ 214 г., гдѣ легіоны рабовъ, предводимые героемъ Семпроніемъ Гракхомъ, завоевали себѣ свободу) вдохнули Римлянамъ новое мужество и дали имъ возможность наказать отложившіеся города. Марцеллъ переправился въ Сицилію и осадилъ Сиракузы, раздираемыя по убіеніи царя Гіеронима крамолами; не смотря на то, благодаря искусству геніально-изобрѣтательнаго математика и физика Архимеда (§ 133), городъ защищался такъ мужественно и удачно, что Марцеллъ овладѣлъ имъ только послѣ трехлѣтней осады (212), и то съ величайшимъ усиліемъ. Месть Римлянъ была ужасна: солдаты грабили и убивали безъ разбора; Архимедъ погибъ среди ученыхъ работъ, всѣ прекраснѣйшія произведенія искусствъ были отвезены въ Римъ, и блескъ Сиракузъ исчезъ невозвратно. Снова вся Сицилія подчинилась Римлянамъ. Но благосостояніе края, образованность и свобода погибли навсегда среди бѣдственныхъ войнъ; сами Римляне, чтобы спасти островъ отъ конечнаго раззоренія, должны были выгонять оттуда одичалыя разбойничьи шайки. Эту потерю Ганнибалъ вознаградилъ отчасти пріобрѣтеніемъ Тарента и греческихъ городовъ на юго-восточномъ берегу, откуда вошелъ въ связь съ Филиппомъ II (собственно III) Македонскимъ (§ 173). Когда же Римляне обложили и совершенно стѣснили двумя легіонами Капую, онъ пытался выручить этотъ городъ движеніемъ къ воротамъ Рима, въ надеждѣ, что Римляне поспѣшатъ на помощь къ столицѣ и снимутъ осаду; но одного легіона было достаточно, чтобы вмѣстѣ съ другими войсками принудить Ганнибала отступить изъ опустошенныхъ окрестностей столицы (211), а въ то же время изнуренная голодомъ и раздираемая партіями Капуа принуждена была сдаться другому легіону. Двад-

цать семь сенаторовъ лишили сами себя жизни, пятьдесятъ три пали подъ сѣкирою палача; граждане города обращены были въ рабство, а имущество ихъ роздано чуждымъ поселенцамъ. Сокровища Капуи были перевезены въ Римъ, всѣ права ея уничтожены, и городомъ сталъ управлять съ тѣхъ поръ римскій префектъ. Подобной же участи подверглись Ателла и другіе города Кампаніи. Спустя два года и Тарентъ снова покорился Римлянамъ (209). Фабій Максимъ, «щитъ Рима», увелъ оттуда 30,000 жителей въ рабство и вывезъ 70,000 фунтовъ золота и серебра; только статуи «гнѣвныхъ боговъ» онъ оставилъ уничиженнымъ Грекамъ. Покореніе Тарента было послѣднимъ воинскимъ подвигомъ престарѣлаго полководца; вскорѣ послѣ этого онъ умеръ, въ полной увѣренности, что окончательная побѣда останется за его отечествомъ. Страхъ наказанія скоро принудилъ снова покориться Римлянамъ всѣ отпавшія италійскія племена, и положеніе Ганнибала, безъ денегъ, безъ вспомогательныхъ войскъ, безъ подвоза, становилось съ каждымъ годомъ затруднительнѣе. Тяжка была участь вновь покоренной страны; въ опустошенные города ея введены были римскіе и латинскіе колонисты. Вся Италія находилась въ самомъ страшномъ положеніи: дворы поселянъ были разорены, поля оставались невоздѣланными, цвѣтущія села обратились въ притоны бродягъ и разбойниковъ; казна римская истощилась совершенно, истрачено было все до послѣдней копѣйки.

§ 171. Покинутый неблагодарнымъ отечествомъ, Ганнибалъ возлагалъ послѣднюю надежду на Испанію, гдѣ Гасдрубалъ, послѣ многихъ счастливыхъ и неудачныхъ битвъ, поразилъ окончательно обоихъ братьевъ Сципіоновъ, Публія и Кнеія, которые тутъ и погибли, и сдѣлался полнымъ господиномъ всей страны на югъ отъ Эбро. Но скоро дѣла приняли иной оборотъ, когда главное начальство надъ войсками въ этомъ отдаленномъ краѣ испросилъ себѣ доблестный 24-лѣтній Корнелій Сципіонъ (211), который былъ равно великъ, какъ полководецъ и какъ другъ и поборникъ просвѣщенія; онъ явился мстителемъ за гибель отца и дяди. Храбростью и воинскими дарованіями, этотъ длиннокудрый юноша, отличавшійся притомъ мужественной красотою и властительнымъ

видомъ, скоро отнялъ у Пуновъ крѣпкую приморскую твердыню Новый-Карѳагенъ и другія владѣнія, а между тѣмъ кротостью и дружелюбнымъ обращеніемъ привлекъ къ себѣ предводителей туземныхъ племенъ, и наконецъ своимъ духовнымъ превосходствомъ пріобрѣлъ въ короткое время такую власть и уваженіе въ цѣломъ краѣ, что Гасдрубалъ, разбитый при Бекулѣ, рѣшился покинуть Пиренейскій полуостровъ и, по приглашенію брата, который вызывалъ его нанести рѣшительный ударъ Риму, двинулся въ Италію. Тамъ, около того же времени, погибъ «мечъ Рима», герой Марцеллъ, попалъ въ карѳагенскую засаду у Венузіи (208), а римскіе союзники, утомленные и раззоренные опустошительной войною, начали уже колебаться и роптать. Гасдрубалъ перешелъ Альпы по Ганнибаловымъ слѣдамъ, явился въ сѣверной Италіи и, усиливъ себя галльскими войсками, направился изъ долины рѣки По, вдоль берега Адріатическаго моря, на соединеніе съ Ганнибаломъ, который стоялъ лагеремъ въ Апуліи противъ консула Клавдія Нерона. Смѣлая рѣшимость этого консула спасла Римлянъ: онъ двинулся въ Умбрію, чтобъ соединиться съ своимъ товарищемъ, Ливіемъ Салинаторомъ, и общими силами напасть на врага; при рѣчкѣ Метаврѣ (или Сенѣ) войско храбраго Гасдрабула было уничтожено (207) и самъ онъ палъ въ битвѣ, прежде чѣмъ Ганнибалъ успѣлъ даже свѣдать объ его прибытіи, потому что Римляне перехватывали всѣхъ гонцовъ. Окровавленная голова Гасдрабула, которую возвратившійся консулъ бросилъ въ непріятельскій станъ, возвѣстила удрученному горемъ полководцу «страшную участь Карѳагена».

§ 172. Но именно въ злополучіи Ганнибалъ выказалъ все величіе своего военоначальническаго таланта: безъ всякой сторонней помощи, безъ союзниковъ въ Италіи, онъ держался съ остатками своего войска еще нѣсколько лѣтъ въ окрестностяхъ Кротона, въ странѣ Бруттовъ, противъ гораздо сильнѣйшаго непріятеля. Между тѣмъ Корн. Сципіонъ взялъ послѣдній оплотъ Карѳагенянъ, Гадесъ, и, покоривъ себѣ всю Испанію, съ огромною добычей и полнымъ торжествомъ возвратился въ Римъ. Но душа его, жаждавшая дѣятельности и подвиговъ, не находила покоя въ столицѣ, гдѣ

у него было много сильныхъ противниковъ, и гдѣ законъ и государственное устройство много мѣшали ему въ исполненіи его смѣлыхъ замысловъ; съ другой стороны народная любовь, которая вся сосредоточилась теперь на очаровательной личности героя, поощряла его къ новымъ предпріятіямъ. Сципіонъ былъ звѣздою, которой, кажется, суждено было свыше дарить отечеству побѣду и миръ. Когда осторожный сенатъ отвергнулъ его планъ высадки и похода въ Африку, Сципіонъ, назначенный въ правители Сициліи (204), открылъ въ Сиракузахъ вольный наборъ; въ станъ его стеклись толпы охотниковъ, особенно римскихъ воиновъ, бѣжавшихъ изъ-подъ Каннъ и пылавшихъ нетерпѣніемъ омыть свой позоръ въ новыхъ битвахъ; съ этимъ-то войскомъ Сципіонъ переправился черезъ Средиземное море. Въ Африкѣ онъ нашелъ себѣ союзника въ нумидійскомъ царѣ Масиниссѣ, который еще недавно держалъ противъ Сципіона сторону Карѳагенцевъ въ Испаніи, но когда его соперникъ и сосѣдъ, правитель западной Нумидіи, Сифаксъ, также другъ Пунамъ, отнялъ у него царство и прекрасную невѣсту Софонисбу, дочь Гасдрубалову, а самого его принудилъ спасаться бѣгствомъ въ пустыню, то Масинисса охотно примкнулъ къ своему прежнему врагу; близъ Утики союзники сожгли нумидо-карѳагенскій лагерь (203), изъ тростниковыхъ и соломенныхъ шалашей и деревянныхъ избъ, и нанесли соединеннымъ войскамъ непріятеля совершенное пораженіе. Во второй битвѣ, на «великихъ поляхъ», вѣрный союзникъ Карѳагенцевъ, Сифаксъ, былъ взятъ Римлянами и отведенъ плѣнникомъ въ Римъ, гдѣ скоро и умеръ съ горя. Супруга его (Софонисба) напрасно надѣялась избѣжать мести Римлянъ поспѣшнымъ бракомъ съ Масиниссой. Увидѣвъ, что ей все-таки придется попасть въ руки враговъ, она предпочла выпить ядъ, который велѣлъ подать ей самъ Масинисса. Послѣ такихъ ударовъ Карѳагенцы возлагали послѣднюю надежду на войска свои въ Италіи, за которыми тотчасъ же и отправленъ посолъ съ приказаніемъ немедленно идти въ Африку; и какъ ни тяжело это было великому полководцу, онъ послѣдовалъ призыву отечества и, съ прискорбіемъ, тронутый до слезъ, покинулъ страну своей славы, предоставляя мщенію

Римлянъ союзные съ нимъ города и народы нижней Италіи. Прибытіе Ганнибала прервало мирные переговоры, начатые карѳагенскимъ правительствомъ, и придало патріотической партіи новый вѣсъ. Попытка Ганнибала склонить побѣдителя, при личномъ свиданіи съ нимъ, на болѣе выгодныя условія и расположить его къ умѣренности указаніемъ на непостоянство счастія, не могла имѣть успѣха. Сципіонъ требовалъ безусловной покорности, и Ганнибалъ былъ вынужденъ вступить въ рѣшительную битву при Замѣ (202), которая кончилась пораженіемъ Карѳагенцевъ, не смотря на отчаянную храбрость старыхъ воиновъ и на отличную распорядительность опытнаго полководца. Люди, четырнадцать лѣтъ тому назадъ бѣжавшіе при Каннахъ, жестоко отплатили теперь своимъ тогдашнимъ побѣдителямъ и вполнѣ возстановили свою воинскую честь. Самъ Ганнибалъ совѣтовалъ заключить миръ, какъ ни тяжки были условія. Карѳагенцы обѣщали не предпринимать никакой войны безъ согласія Римлянъ, отступились отъ Испаніи, выдали свои военные корабли и обязались ежегодно уплачивать большую военную контрибуцію. Сжегши карѳагенскій флотъ и отдавъ все Нумидійское царство союзнику Римлянъ, Массиниссѣ, Сципіонъ, отнынѣ прозванный Африканскимъ, возвратился въ Римъ и прошелъ въ блистательномъ тріумфѣ по его изукрашеннымъ улицамъ; тогда какъ Ганнибалъ думалъ объ одномъ, какъ бы залѣчить раны отечества введеніемъ общеполезныхъ мѣръ и необходимыхъ преобразованій; но, встрѣчая себѣ на каждомъ шагу препятствіе отъ недовѣрчивыхъ Римлянъ, онъ подвергся наконецъ явнымъ преслѣдованіямъ, долженъ былъ покинуть родной край и пріютилъ свою неукротимую ненависть къ врагамъ у двора сирійскаго царя Антіоха. Съ этихъ поръ Римъ пользовался неоспоримымъ первенствомъ на всемъ западѣ Средиземнаго моря; но зато народонаселеніе Италіи уменьшилось четвертою долей. Не смотря на то, тѣ Римляне, которымъ боги судили пережить конецъ этой исполинской борьбы, могли съ гордостью смотрѣть на прошлое и съ увѣренностью на будущее. Много приняли они на себя грѣха, но зато много и выстрадали. Полное покореніе, а отчасти и истребленіе кельтійскихъ обитателей долины По и подчиненіе безпокойныхъ,

воинственныхъ жителей Испаніи съ ихъ богатыми золотыми и серебряными рудниками заключило собой великую борьбу на Западѣ.

д) Покореніе Македоніи и Греціи.

§ 173. Въ это время Македоніею и частію Греціи управлялъ царь Филиппъ II (или III, см. § 127), молодой даровитый человѣкъ, вкрадчивый, предусмотрительный, остроумный, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроломный, преданный чувственности, и по высокомѣрію и своевольству, равно какъ и по удалымъ воинскимъ подвигамъ—истый сынъ своего вѣка. Опасное сосѣдство Римлянъ въ Диррахіумѣ и Аполлоніи побудило его къ союзу съ Ганнибаломъ (§ 170); но вмѣсто того, чтобы дѣятельно помогать карѳагенскому полководцу, онъ проводилъ время въ безплодной дико-жестокой рѣзнѣ на сушѣ и на морѣ съ союзниками Римлянъ въ Греціи и Малой Азіи (Этолійцами, Аѳинянами, Родосцами, Атталомъ Пергамскимъ и др.); это продолжалось до тѣхъ поръ, пока счастливое окончаніе Пунійской войны дало Римлянамъ возможность поднять противъ него оружіе въ защиту угнетенныхъ друзей. Поддерживаемый Ахейскимъ союзомъ (§ 126) и другими греческими государствами, Филиппъ нѣсколько времени боролся удачно. Хотя Римляне взяли приступомъ и разрушили Халкиду, главнѣйшій военный пунктъ его на Эвбеѣ, и истребили тамъ богатые запасы, однакожь Филиппъ вознаградилъ себя за эту потерю опустошивъ окрестности Аѳинъ, да и нападенія непріятеля на самую Македонію отражалъ онъ искусно, пользуясь знаніемъ мѣстности съ большимъ разсчетомъ. Но когда любитель греческихъ искусствъ и литературы, ловкій Т. Квинкцій Фламининъ, торжественно призвалъ Грековъ къ брани за свободу и привлекъ Ахейцевъ на свою сторону, и когда, явясь столь же искуснымъ полководцемъ, какъ и умнымъ политикомъ, онъ разбилъ Македонянъ на-голову при Киноскефалахъ, близъ Фарсала (197), тогда Филиппъ долженъ былъ согласиться на миръ, по которому призналъ независимость Греціи, уступилъ Римлянамъ всѣ владѣнія внѣ Македоніи, выдалъ свой флотъ, уплатилъ большую сумму денегъ и, наконецъ, отказался отъ права самовольно начинать

войну. Греки, въ порывѣ національной ненависти, желали совершеннаго уничтоженія Македоніи, но просвѣщенный побѣдитель, принимавшій участіе въ судьбѣ образованнаго и рыцарственнаго царя, оставилъ предложенія ихъ безъ послѣдствій.

§ 174. Чтобы польстить суетности Эллиновъ, дальновидный Фламининъ приказалъ во время истмійскаго празднества (196) провозгласить самымъ пышнымъ образомъ освобожденіе Греціи отъ македонскаго господства, чѣмъ привелъ всѣхъ присутствовавшихъ въ неописанный восторгъ, а потомъ съ полнымъ уваженіемъ къ праву и законности онъ привелъ въ порядокъ отношенія греческихъ государствъ, нарушенныя усобицей. Спартанскіе выходцы были поселены на югѣ полуострова подъ именемъ «свободныхъ Лаконовъ», и этимъ ограждены отъ мести и тиранства военнаго деспота Навписа (§ 127), котораго Римляне хотѣли пощадить, не смотря на его упорство. Но свобода—такое благо, котораго нельзя подарить по произволенію; и какъ могло состояніе благоустроенной свободы водвориться снова тамъ, гдѣ народъ, въ совершенномъ распаденіи, постоянно терзался взаимной ненавистью и враждою партій? Вскорѣ оказалось, что Греція только перемѣнила повелителя, и мѣсто Македонянъ заняли могущественные Римляне, которые, владѣя тремя такъ-называемыми «путами»—Деметріей, Халкидой и Акрокоринѳомъ, могли подавить всякое національное движеніе. Поэтому энтузіазмъ къ освободителямъ мало-по-малу исчезъ совершенно, и безпокойные Этолійцы, которые составили союзъ по образцу Ахейскаго и не любили Римлянъ за покровительство, оказываемое ими жестокому Навису, начали стараться о томъ, чтобы возбудить противъ нихъ сирійскаго царя Антіоха III (Великаго, § 128). Антіохъ тѣмъ охотнѣе согласился на это, что его давно склонялъ къ тому же Ганнибалъ, а требованіе римскаго сената, чтобы онъ освободилъ греческія государства Малой Азіи и отказался отъ своихъ завоеваній во Ѳракіи, чувствительно оскорбило его гордость. Такимъ образомъ, въ союзѣ съ Этолійцами и въ надеждѣ на волненія, возникавшія въ Испаніи и въ другихъ провинціяхъ, онъ началъ войну. Но вмѣсто того, чтобы по совѣту Ганнибала напасть заодно

съ Филиппомъ македонскимъ прямо на Италію, «освободитель» безполезно убивалъ время на остр. Эвбеѣ за великолѣпною свадьбою, въ празднествахъ и роскошныхъ пиршествахъ, и оскорбилъ македонскаго царя торжественнымъ погребеніемъ тлѣющихъ подъ Киноскефалами костей павшихъ воиновъ: а между тѣмъ Римляне быстро двинулись въ Θессалію (191); овладѣвъ Θермопилами подъ начальствомъ М. Порція Катона, который отлично изучилъ военное дѣло въ горахъ Испаніи и былъ тогда въ своей лучшей порѣ, они разбили сирійскаго царя и принудили его съ малымъ остаткомъ уничтоженныхъ силъ поспѣшно возвратиться въ Малую Азію. Но и здѣсь римское войско, подъ предводительствомъ Луц. Корнелія Сципіона (которому помогалъ совѣтомъ братъ его и второй по немъ начальникъ Сципіонъ Африканскій), преслѣдовало его по пятамъ. Послѣ морской побѣды римско-родосскаго флота у мыса Міоннеса (190), въ одинъ пасмурный дождливый день завязалась кровавая битва при Магнезіи (у горы Сипила въ Лидіи), и Антіохъ былъ разбитъ. Спасаясь бѣгствомъ и всѣми покинутый, онъ долженъ былъ купить миръ уступкою всѣхъ владѣній въ Европѣ и въ западной Азіи по сю сторону Тавра, и уплатою огромнаго вознагражденія за военныя издержки. Говорятъ, убитыхъ съ сирійской стороны было до 50,000, а у Римлянъ — не болѣе 300. Никогда еще великая держава не падала такъ быстро и такъ позорно. Новозавоеванная страна, вмѣстѣ съ Галатіею, покоренною въ слѣдующемъ году консуломъ Манліемъ Вульсономъ, были покамѣстъ розданы союзникамъ Римлянъ,— Родосцамъ, въ то время первою морскою и торговою державой на Востокѣ, и Эвмену Пергамскому, — въ награду за оказанную ими помощь и вѣрность и въ вознагражденіе за претерпѣнныя утраты; частію же изъ этихъ земель были образованы самостоятельныя, но безсильныя и терзаемыя вѣчными усобицами мелкія государства и общины, которыя существовали до тѣхъ поръ, пока нарочно поддерживаемыя Римлянами ссоры и драки между ними и неудачное возстаніе послѣдняго Атталида привели наконецъ къ тому, что всѣ земли отъ Средиземнаго моря до Галиса и Тавра были обращены въ римскую провинцію Азію (124). Властители и

подвластные были одинаково виновны въ томъ, что послѣднія жизненныя силы, послѣднее благосостояніе народовъ растратились въ этихъ совершенно безплодныхъ распряхъ. Разбойники Этоляне, эти опытные бойцы, готовые служить по найму всѣмъ государямъ и государствамъ, были также покорены (Фульвіемъ Нобиліоромъ), лишились своей самостоятельности и, подобно владѣніямъ и городамъ, лежащимъ на верхнемъ Меандрѣ и въ Памфиліи, жестоко поплатились деньгами, имуществомъ и драгоцѣнными произведеніями искусствъ Добыча, вывезенная Римлянами съ богатаго Востока, была несмѣтна; но вмѣстѣ съ богатствами проникли въ могущественную столицу пышность, роскошь и неудержимая страсть къ наслажденіямъ. Филиппу Македонскому, который въ этой войнѣ держалъ сторону Римлянъ, сенатъ простилъ недоплаченную имъ дань и возвратилъ его заложниковъ. Но гордый царь ожидалъ гораздо бо́льшаго; онъ оскорбился тѣмъ, что Римъ не умѣлъ оцѣнить его заслугъ, и раздраженіе его могло бы навлечь новую войну, еслибы сынъ Филиппа Димитрій, бывшій нѣсколько времени заложникомъ въ Римѣ и снискавшій тамъ довѣріе сената и народа, не успѣлъ мирно окончить начинавшіяся неудовольствія.—Ганнибалъ, угрожаемый выдачею Римлянамъ, нашелъ покровительство у Прузія Виѳинскаго, которому онъ оказалъ важныя услуги въ войнѣ его съ Эвменомъ Пергамскимъ. Но когда и этотъ государь не отваживался долѣе укрывать его у себя, тогда Ганнибалъ принялъ яду, чтобы не достаться на поруганіе ненавистнымъ непріятелямъ (183). Онъ давно уже готовился къ этому, «потому что зналъ Римлянъ и зналъ каковы обѣщанія царей». Въ теченіе пятидесятилѣтней борьбы онъ честно сдержалъ данную въ дѣтствѣ клятву. Около того же времени умеръ и его великій противникъ Сципіонъ, далеко отъ Рима, въ своемъ помѣстьѣ въ нижней Италіи, куда заставило его удалиться недоброжелательство враговъ; передъ смертію онъ приказалъ своимъ приближеннымъ «не погребать его тѣла въ родномъ городѣ, для котораго онъ жилъ и гдѣ покоятся его предки.» Послѣднимъ славнымъ днемъ этого гордаго человѣка, до его добровольнаго изгнанія, былъ тотъ день, когда, несправедливо обвиненный въ подкупѣ и въ утайкѣ казенной

собственности, онъ передъ лицомъ народа и обвинителей разорвалъ свои счетныя книги и потребовалъ, чтобы Римляне слѣдовали за нимъ въ храмъ Юпитера, праздновать годовщину битвы при Замѣ, и народъ съ восторженными кликами послѣдовалъ за нимъ въ Капитолій.—Какъ бы нарочно для того, чтобы довершить роковое значеніе этого года, тогда же долженъ былъ выпить яду и Филопеменъ (§ 127).

Паденіе господства Атталидовъ въ Пергамѣ. За упомянутымъ выше Эвменомъ (189—158), доказавшимъ свою любовь къ наукамъ и искусствамъ основаніемъ богатой Пергамской библіотеки, слѣдовалъ братъ его, Атталъ II (158—138), а по немъ сынъ Эвмена, Атталъ III Филометоръ (138—133). Этотъ жестокій и крайне причудливый государь передъ смертію отказалъ Римлянамъ по духовному завѣщанію и свое царство, и все свое имущество. Завѣщаніе его навлекло сенату множество затрудненій. Въ самомъ Римѣ наслѣдство Аттала упало «новымъ яблокомъ раздора» между враждебными политическими партіями, а въ Азіи поднялъ знамя бунта Аристоникъ, побочный сынъ умершаго царя, и, поддерживаемый нѣкоторыми владѣльцами и вольными городами Малой Азіи, во главѣ значительнаго наемнаго войска и вольноотпущенниковъ, которыхъ онъ обѣщалъ сдѣлать «гражданами Солнечнаго города», онъ довольно долго и счастливо боролся противъ римскихъ легіоновъ. Консулъ и верховный жрецъ Лициній Крассъ Муціанъ, одинъ изъ богатѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей въ Римѣ, былъ побѣжденъ предводителемъ инсургентовъ и убитъ его ѳракійскими копейщиками. Онъ не хотѣлъ, чтобы подобный непріятель удостоился чести выставлять на позоръ плѣннаго римскаго полководца, и нарочно раздражилъ варваровъ до того, что они умертвили его. Но скоро счастіе перемѣнилось: Аристоникъ былъ разбитъ и отведенъ плѣнникомъ въ Римъ, гдѣ и умеръ насильственною смертью, а Пергамъ былъ обращенъ въ римскую провинцію (130).

§ 175. Негодованіе и озлобленіе Филиппа II на Римъ перешло къ старшему, незаконному, его сыну Персею, который своими кознями и ядовитой клеветой довелъ недовѣрчиваго отца до того, что тотъ умертвилъ своего благороднаго сына Димитрія (181), расположеннаго къ Римлянамъ. Злодѣйствами проложилъ себѣ Персей дорогу къ престолу. Филиппъ, убѣдясь слишкомъ поздно въ невинности Димитрія и въ гнусномъ

вѣроломствѣ его брата, умеръ, терзаемый горестью и раскаяніемъ, а мѣсто его занялъ Персей (179), человѣкъ видный собою, предпріимчивый, упорный, честолюбивый и желавшій повелѣвать, но лишенный политической прозорливости. Тотчасъ по вступленіи на престолъ онъ, съ помощію заранѣе припасенныхъ для того втайнѣ несмѣтныхъ сокровищъ, началъ огромныя военныя приготовленія, набиралъ союзниковъ и сталъ противъ Рима во враждебное положеніе. Но скупость, недостатокъ энергіи и превратныя мѣры скоро навлекли гибель царю, затѣявшему дѣло не по силамъ и притомъ отягченному проклятіемъ отца. Послѣ нѣсколькихъ мимолѣтныхъ успѣховъ, которыми онъ былъ обязанъ ошибкамъ римскихъ начальниковъ, Персей, разбитый при Пиднѣ (168) Паулломъ Эмиліемъ (отличавшимся военнымъ искусствомъ, образованностію и знатнымъ рожденіемъ), бѣжалъ съ нѣкоторыми приверженцами на священный островъ Самоѳраку и сдался тамъ безусловно начальнику римскаго флота Октавію, а этотъ отправилъ его въ Римъ, гдѣ со всѣми сокровищами, дѣтьми и друзьями (въ числѣ которыхъ былъ Гентій, царь иллирійскій) его возили въ тріумфѣ по улицамъ міродержавнаго города; но вскорѣ потомъ Персей кончилъ безрадостную жизнь одинокимъ узникомъ въ Альбѣ. Подобно Ѳессаліи, и Македонія была раздѣлена на четыре независимыхъ одинъ отъ другаго округа, обложена податью и управлялась на республиканскій ладъ, при чемъ не было недостатка ни въ распряхъ, ни въ римскомъ вмѣшательствѣ. Греція также видимо приближалась къ паденію, разстроенная въ конецъ измѣнами, крамолами и междоусобіями партій, и давно уже поставленная въ зависимость отъ Римлянъ, рѣшавшихъ судьбы этой страны вмѣшательствомъ въ ея внутренніе раздоры. Тысяча благородныхъ Ахейцевъ (въ томъ числѣ и великій историкъ Поливій) потребованы были въ Римъ на судъ за тайное расположеніе къ Филиппу, и прожили семнадцать лѣтъ заложниками въ разныхъ италійскихъ городахъ, пока смерть не уменьшила числа ихъ до трехъ сотъ; богатое торговое государство Родосъ, которое приняло на себя неловкую роль посредника между воюющими державами, должно было, послѣ разныхъ вытерпѣнныхъ изъза того униженій, признать надъ собою верховное господство

Рима; во всѣхъ греческихъ городахъ приверженцы Македоніи преслѣдовались какъ государственные измѣнники и наказывались лишеніемъ свободы, имущества или жизни. Даже Эвменъ Пергамскій, котораго преданность Риму была такъ явна, что Персей посягалъ за это на жизнь его, могъ угадать, по немилости къ нему сената, что скоро и ему прійдется изъ союзника сдѣлаться подданнымъ Римлянъ. Низкая лесть и раболѣпная покорность иноземныхъ государей и пословъ возбуждала въ сенатѣ глубочайшее презрѣніе ко всему грекоточному міру. Царь Прузій, введенный въ это собраніе, палъ ницъ и присягнулъ въ вѣрности «спасительнымъ божествамъ»: что̀ мудренаго, если съ этихъ поръ Римляне въ сношеніяхъ съ чужеземными государями и державами перестали соблюдать всѣ правила взаимнаго уваженія? Самымъ яркимъ примѣромъ ихъ надменности можетъ служить поступокъ безцеремоннаго Попилія Лены съ Антіохомъ Эпифаномъ Сирійскимъ (§ 131), предпринявшимъ тогда походъ на Александрію (168). Римскій посолъ вручилъ ему посланіе, въ которомъ сенатъ предписывалъ царю миръ съ Египтомъ. Когда, прочитавъ его, Антіохъ отвѣчалъ, что снесется объ этомъ съ своимъ совѣтомъ, то Римлянинъ очертилъ палочкой кругъ около своего державнаго собесѣдника и сказалъ, что онъ долженъ объявить свое рѣшеніе, не выходя изъ этого круга. Испуганный такою смѣлостью, Антіохъ отвѣчалъ, что готовъ сдѣлать угодное сенату. — Спустя семнадцать лѣтъ послѣ битвы при Пиднѣ явился человѣкъ, выдававшій себя за сына Персеева (151); ободренный успѣхами Карѳагенцевъ при началѣ третьей Пунійской войны, онъ поднялъ знамя возстанія, и нашелъ поддержку и сочувствіе между легкомысленнымъ, вѣчно раздорящимъ и недовольнымъ гнетущею властью Рима, народонаселеніемъ Македоніи и Ѳессаліи. Это подало Римлянамъ давно желанный поводъ привести въ исполненіе свои замыслы: Метеллъ, разбивъ таинственнаго обманщика Андриска, обыкновенно называемаго Лже-Филиппомъ, обратилъ Македонію въ римскую провинцію (148). Македонія получила свой прежній объемъ, а управленіе ея ввѣрено римскому проконсулу и квестору (казначею). Обнаруживавшіяся иногда проявленія національнаго духа Македонянъ, ко-

торые не могли забыть своего древняго всемірнаго значенія и славной династіи своихъ государей, въ послѣдствіи были подавляемы легко. Метеллъ не успѣлъ еще удалиться изъ покоренной страны, какъ явился поводъ къ войнѣ съ Ахейскимъ союзомъ: римскіе послы потребовали безъ всякаго законнаго основанія, чтобы Ахейцы исключили изъ своего союза враждебный Риму Лакедемонъ, также Коринѳъ, Аргосъ и мн. др. города, и возвратили имъ политическую самобытность (автономію); это возбудило народное негодованіе въ Коринѳѣ и повело къ наглому оскорбленію римскихъ пословъ. Метеллъ въ двухъ сраженіяхъ (при Ѳермопилахъ и при Скарфеѣ въ Локридѣ) разбилъ Ахейцевъ, выступившихъ противъ него подъ начальствомъ ненавистника Римлянъ, Критолая, но долженъ былъ поручить окончаніе войны суровому, чуждому литературно-художественнаго образованія Муммію, который, послѣ побѣды при Левкопетрѣ (бѣлой скалѣ), у Истма, по повелѣнію сената не только взялъ приступомъ и разрушилъ богатый Коринѳъ (146), но и запретилъ, съ проклятіемъ, отстроивать его снова. Такъ потухла прекрасная звѣзда Эллады, послѣднее драгоцѣнное украшеніе нѣкогда богатой городами греческой земли. Полководецъ Діэй, изъ Мелагополя, принялъ ядъ, умертвивъ напередъ жену среди пламени своего зажженнаго дома; жители Коринѳа были частію избиты, частію отведены въ рабство; драгоцѣнныя произведенія искусствъ были истреблены или перевезены въ Римъ, а Греція, подъ именемъ Ахаіи, обращена въ римскую провинцію и подчинена проконсулу Македоніи. Съ этихъ поръ и въ Греціи стали управлять «пуки палокъ и сѣкиры» римскихъ проконсуловъ. Впрочемъ съ эллинскимъ народомъ Римляне обращались кротче и умѣреннѣе, нежели съ «варварами» другихъ странъ; республиканскія общины получили лучшее устройство: Римляне уничтожили демократическія городовыя учрежденія и поручили управленіе совѣту, составленному изъ знатнѣйшихъ мѣстныхъ гражданъ. При всемъ томъ подъ гнетомъ римскихъ налоговъ и тираническихъ законовъ скоро исчезло благосостояніе цвѣтущихъ нѣкогда государствъ и угасла послѣдняя искра древняго чувства свободы и любви къ отечеству. Спартанцы, въ качествѣ наем-

никовъ, продолжали заниматься своимъ суровымъ военнымъ ремесломъ, а Аѳиняне, въ качествѣ художниковъ, ученыхъ, танцоровъ, поэтовъ и остроумныхъ беллетристовъ, служили Римлянамъ пріятными собесѣдниками, но не пользовались у нихъ большимъ почетомъ.—Какъ школа, изъ которой распространялась образованность въ древнемъ мірѣ, Аѳины все еще сохранили свое значеніе на ряду съ Александріей, Антіохіей и др.

е) Третья Пунійская война (149—146).

§ 176. Внутреннею торговлею и земледѣліемъ Карѳагенъ снова успѣлъ достигнуть въ тиши нѣкотораго благосостоянія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Ганнибалу удалось низвергнуть господство себялюбивыхъ и безсовѣстныхъ аристократовъ и устроить такое республиканское правленіе, которое поддерживало и порядокъ и права съ одинаковымъ безпристрастіемъ. Это снова пробудило зависть исполненныхъ національной вражды Римлянъ и придавало болѣе и болѣе силы подстрекающимъ рѣчамъ Катона, который частію изъ личнаго озлобленія (потому что Карѳагенцы отвергли его посредничество въ своихъ спорахъ съ Масиниссой), частію изъ дѣйствительнаго опасенія къ этому все еще богатому и могущественному торговому государству настойчиво требовалъ разрушенія соперническаго города (Praeterea censeo Carthaginem esse delendam, т. е. «Полагаю, сверхъ того, что слѣдуетъ истребить Карѳагенъ» — такъ заканчивалъ онъ обыкновенно всѣ мнѣнія свои въ сенатѣ). Римскіе купцы, надѣявшіеся послѣ уничтоженія богатаго Карѳагена наслѣдовать его торговлю, всячески раздували въ народѣ пламя ненависти. Масинисса, знавшій намѣренія военной партіи въ Римѣ и господствовавшее тамъ общее настроеніе умовъ и потому увѣренный въ помощи Римлянъ, сталъ расширять свои владѣнія насчетъ Карѳагенцевъ и непрерывно раздражалъ ихъ пограничными спорами и разными неправедными захватами; видя, что третейскій судъ Римлянъ рѣшаетъ всѣ дѣла въ пользу преданнаго имъ Нумидійца, Карѳагеняне, возбуждаемые патріотическою партіей и въ особенности храбрымъ полководцемъ Гасдрубаломъ, взялись за оружіе и стали сами защищать свои предѣлы. Это принято

было въ Римѣ за нарушеніе договора и подало удобный поводъ къ объявленію войны. Карѳагенцы просили пощады и по требованію сената представили 300 заложниковъ, а потомъ выдали оружіе и корабли. Но когда вслѣдъ за этимъ состоялся приговоръ, чтобы Карѳагенъ былъ срытъ до основанія, и жителямъ разрѣшено селиться вновь не ближе какъ за двѣ мили отъ берега, тогда они рѣшились лучше погибнуть подъ развалинами своихъ домовъ, нежели отдать врагамъ землю роднаго города, свою «древнюю морскую отчину». Невыразимая ярость овладѣла массою народа. Толпа бросилась на правительственныя лица, присовѣтавшія выдачу заложниковъ и оружія, умертвила пословъ, принесшихъ послѣднюю страшную вѣсть, и растерзала всѣхъ бывшихъ въ городѣ Италійцевъ. Скоро эта ярость обратилась на внѣшняго врага; всѣ сословія, всѣ роды воспламенились смѣлой рѣшимостью защищаться до послѣдней капли крови. Городъ преобразился въ военный станъ, храмы были превращены въ оружейни; всѣ, безъ различія пола и возраста, день и ночь плотничали и ковали, заготовляя машины и оружіе; все было устремлено къ одной высокой цѣли — спасенію отечества. Чтобы добыть бревенъ на машины, Карѳагенцы разбирали общественныя зданія; женщины обрѣзывали себѣ волоса и дѣлали изъ нихъ тетивы для метательныхъ снарядовъ; въ невѣроятно короткое время и городскія стѣны и воины были снова вооружены. Противъ такихъ порывовъ одушевленія не могли устоять даже и опытные въ военномъ дѣлѣ римскіе легіоны. Отбитые много разъ, Римляне пришли въ такое опасное положеніе, что рѣшились избрать консуломъ съ диктаторскою властью молодаго человѣка, еще не достигшаго законныхъ лѣтъ, но уже много разъ выказавшаго дарованія великаго полководца: это былъ П. Корнелій Сципіонъ (Эмиліанъ), сынъ Паулла Эмилія, принятый по усыновленію въ семью Сципіона Африканскаго. Онъ, стѣнами и плотинами, отрѣзалъ у Карѳагена всякій подвозъ съ моря и съ суши, вслѣдствіе чего голодъ и повальныя болѣзни начали свирѣпствовать въ городѣ. Не смотря на то, Карѳагенцы и слышать не хотѣли о сдачѣ; главный начальникъ Гасдрубалъ приказалъ вывести на городскія стѣны всѣхъ римскихъ плѣнниковъ и, въ виду осаждающаго войска, сбросить

ихъ, послѣ страшныхъ истязаній, съ высоты. Наконецъ несчастный городъ былъ взятъ послѣ шестидневнаго страшнаго боя въ городскихъ улицахъ. Крѣпкіе шести-этажные дома приходилось брать приступомъ каждый по-одиначкѣ; по крышамъ или по перекинутымъ черезъ улицу бревнамъ, пробирались солдаты изъ одной такой крѣпости въ другую, рядомъ съ нею или напротивъ, рубя и прикалывая тамъ все, что ни попадалось имъ подъ руку. Большая часть жителей погибла отъ ярости раздраженныхъ воиновъ и отъ страшнаго пожара. Остальные спаслись на возвышеніи, гдѣ стоялъ храмъ Эскулапа, и молили о пощадѣ. Когда имъ обѣщана была только жизнь, къ побѣдителю явилось 30,000 мущинъ и 25,000 женщинъ, менѣе десятой доли прежняго населенія. Отчаянная толпа римскихъ перебѣжчиковъ, занявшая съ Гасдрубаломъ, его женою и дѣтьми храмъ бога врачеванія, высшую точку городской твердыни, защищалась до послѣдней крайности; но видя наконецъ, что нѣтъ спасенія, они своими руками зажгли зданіе и добровольно погибли въ огнѣ. Только Гасдрубалъ не отважился взглянуть прямо въ глаза смерти; онъ одинъ бѣжалъ къ побѣдителю и на колѣняхъ молилъ о пощадѣ. Ему дарована была жизнь; но когда жена увидѣла его у ногъ Сципіона, сердце ея исполнилось горечи при видѣ такого посрамленія дорогой, погибающей отчизны и, съ укоромъ наказывая мужу заботливо беречь свои дорогіе дни, она втолкнула въ пламя прежде сыновей своихъ, а потомъ и сама бросилась за ними. Борьба пришла къ концу. Ликованіе въ лагерѣ и въ Римѣ было безпредѣльно, и только немногія благороднѣйшія личности стыдились въ тишинѣ за этотъ новый подвигъ своего народа. 50,000 плѣнныхъ, пощаженныхъ мечемъ, отведены были въ рабство и частію проданы, частію обречены медленной истомѣ въ темницахъ. Завоеватель Карѳагена получилъ прозваніе Сципіона Африканскаго Младшаго. Сенатъ приказалъ сравнять съ землею Карѳагенъ и ближайшіе пригороды, пройдти плугомъ по пепелищу и на вѣчныя времена предать проклятію всю эту мѣстность, чтобы впредь тамъ не было ни нивы, ни жилья. Семнадцатидневный пожаръ, безпрерывно истреблявшій «памятники вѣковъ», обратилъ гордую владычицу Средиземнаго моря въ груду щебня, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прилежные

Финикійцы трудились и созидали въ теченіе пяти вѣковъ, съ этихъ поръ римскіе невольники пасли стада своихъ далеко живущихъ господъ. Катонъ и Масинисса, главные виновники этого бѣдствія, не дождались конца своего дѣла: оба они умерли въ первый годъ войны въ глубокой старости. По окончаніи этого ужасающаго душу разгрома, покоренная страна была обращена въ провинцію, подъ именемъ Африки.

ж) Образованность и литература.

§ 177. Знакомство Римлянъ съ Греціей было обильно послѣдствіями какъ для ихъ вкуса и литературы, такъ для нравовъ и для образа жизни вообще. Забранныя изъ покоренныхъ городовъ сокровища эллинскаго искусства и превосходныя произведенія греческаго духа въ словесности открыли передъ лучшею и самою воспріимчивою частью народа цѣлый новый міръ и пробудили въ ней невѣдомыя дотолѣ чувства и ощущенія. Могущественная партія, съ благородными Сципіонами, Марцелломъ, Фламининомъ и др. во главѣ, лелѣяла эллинскую мудрость, поэзію и художество, ласкала и поддерживала греческихъ ученыхъ, стихотворцевъ, философовъ, и старалась, вмѣстѣ съ сокровищами искусства, пересадить на римскую почву самый духъ и языкъ побѣжденнаго народа. Подъ покровительствомъ Сципіоновъ римскіе поэты стали творить по греческимъ образцамъ. Бѣдный Умбріецъ Плавтъ († 184) заимствовалъ у греческихъ комиковъ младшей школы содержаніе и форму своихъ комедій, богатыхъ остроуміемъ и знаніемъ людей; при этомъ, какъ истинно-народный поэтъ, онъ умѣлъ соединять веселость и грубоватыя шутки, искони любимыя въ Италіи, съ художественностью плана и благородствомъ изложенія, чѣмъ равно нравился и толпѣ и образованному классу. Говорятъ, что младшій Сципіонъ и другъ его Лелій сами даже помогали въ работахъ болѣе утонченному и артистическому, но не столь оригинальному Теренцію († 154, онъ былъ рабомъ, родомъ изъ Карѳагена), котораго забавныя драмы писаны по образцу перваго поэта новой комедіи, Аѳинянина Менандра (§§ 89, 133). Стихотворецъ Энній († 169) избралъ подвиги Сципіоновъ предметомъ своихъ эпическихъ произведеній, писанныхъ гексаметрами, но утраченныхъ за исключеніемъ немногихъ отрывковъ. Другомъ младшаго Сципіона былъ также Каій Луцилій, который

рядомъ съ своими знаменитыми сатирами, бичевавшими легкіе нравы знатныхъ Римлянъ и ихъ страсть подражать Грекамъ (грекоманію), воспѣлъ Сципіоновъ въ поэмѣ героическаго характера. — Впрочемъ при чисто-практическомъ направленіи римскаго ума, обращеннаго къ военному дѣлу, государственному управленію и судебной части, при небреженіи къ выработкѣ внутренняго человѣка, при отсутствіи страстности сердца и неодолимаго стремленія идеализировать все человѣческое и олицетворять все неодушевленное, — духовное и поэтическое образованіе никогда не могло достигнуть въ Римѣ такой высоты, какой достигло оно у Грековъ, и конечно греческая драма была слишкомъ возвышенна и утонченна для удовлетворенія чувственной любви къ зрѣлищамъ у такого народа, который забавлялся гладіаторскими играми, боемъ дикихъ звѣрей и древне-италійскими сатирическими мимами (ателланами и фесценинами), полными простонародныхъ шутокъ и тяжеловѣсныхъ остротъ. Поэтому ни трагедія, ни комедія не проникли у Римлянъ въ глубь народной жизни, а услаждали вкусъ и пользовались одобреніемъ только немногихъ образованныхъ фамилій. Да и государственная религія Римлянъ, основанная вся на суевѣрныхъ обрядахъ, ворожбѣ и чудесахъ, не представляла, подобно греческой, ни благопріятной почвы, ни содержанія для поэтическихъ и художественныхъ воспроизведеній. Чисто-національнымъ созданіемъ были только почередныя пѣсни, связанныя съ древнѣйшимъ культомъ полевыхъ божествъ и оставившія по себѣ слѣдъ въ пѣснѣ «полевыхъ братьевъ» (fratres arvales); изъ нихъ-то развились начатки народнаго сценическаго представленія съ переодѣваньемъ и установившимися характерными ролями. Въ древнемъ Римѣ водились еще хвалебныя пѣсни въ честь славныхъ мужей, и пѣлись на пирахъ подъ звуки флейты, были жалобныя пѣсни по мертвыхъ при погребеніяхъ и, наконецъ, пѣсни шуточныя; но ни въ древнемъ, ни въ новомъ Римѣ не видимъ не малѣйшаго слѣда той вольной, самородной пѣсни, которая при случаѣ является непрошеная, сама собой, какъ это было напримѣръ у Грековъ и у Германцевъ. Даже описаніе своихъ великихъ военныхъ подвиговъ Римляне должны были сначала предоставить Грекамъ, между которыми особенно отличается другъ и сподвижникъ младшаго Сципіона, Поливій (203—121), своею прагматическою исторіей міра въ эпоху Пунійскихъ войнъ.

Первымъ драматическимъ писателемъ, и въ важномъ (трагическомъ) и въ веселомъ (комическомъ) родѣ, считается тарентинскій Грекъ, Ливій Андроникъ, который, по взятіи его роднаго города, поступилъ военноплѣннымъ рабомъ въ домъ Ливія Салинатора, воспиталъ его дѣтей и потомъ получилъ свободу. Писанныя имъ драмы почерпнуты, судя по именамъ и заглавіямъ, изъ греческихъ миѳовъ и были, вѣроятно, только вольныя переложенія греческихъ піэсъ.— Большою извѣстностью какъ въ драмѣ, такъ и въ эпосѣ пользовался поэтъ Кн. Невій изъ Кампаніи, служившій въ первую Пунійскую войну въ римскихъ войскахъ. Кромѣ героической поэмы объ этой войнѣ въ стихахъ древне-италійскаго (сатурновскаго) размѣра и имѣвшей повидимому нѣкоторое сходство съ нѣмецкими метрическими хрониками Среднихъ Вѣковъ, онъ писалъ еще комедіи въ подражаніе Грекамъ, но съ истинно-италійскимъ юморомъ и притомъ съ такою свободой рѣчи, что рѣзкое осужденіе нравовъ и пороковъ римскихъ и выходки противъ значительныхъ лицъ навлекли ему даже временное заключеніе; это, по всей вѣроятности, и побудило его бѣжать въ Утику, гдѣ, судя по его нагробной надписи, онъ умеръ въ 204 г. Къ нему же возводится и созданіе важной драмы, игравшейся въ римскомъ костюмѣ, такъ-называемой претекстѣ. — К. Энній, кампанскій Грекъ знатнаго происхожденія, служившій въ римскихъ легіонахъ, снискалъ себѣ своимъ образованіемъ дружбу старшаго Сципіона и получилъ права римскаго гражданства. Въ числѣ его стихотвореній особенно хвалятъ большой, писанный гексаметрами эпосъ: Лѣтописи (Annales), который подобно Невіевой метрической хроникѣ, только полнѣе и изящнѣе, представляетъ поэтическую обработку исторіи Рима до эпохи сочинителя. Сверхъ того онъ воспѣвалъ подвиги старшаго Сципіона, писалъ трагедіи и комедіи, и старался ввести у Римлянъ греческую поэзію во всемъ разнообразіи ея формъ и размѣровъ, особенно же дидактическую. Можно съ вѣроятностью полагать,что онъ болѣе отличался умѣньемъ и внѣшнимъ изяществомъ, нежели геніальною производительностью великаго таланта. — Его племянникъ, М. Пакувій, изъ Брундузія, и Л. Аттій, еще доживавшій свою жизнь въ эпоху юности Цицерона, также трудились надъ трагедіями и комедіями по греческимъ образцамъ, но отъ нихъ дошло до насъ едва нѣсколько заглавій. Напротивъ, послѣ отца римской комедіи, Т. Макція Плавта, уцѣлѣло двадцать піэсъ, которыя, хотя и сколки съ греческихъ писателей

Дифила и Филемона, однакожь носятъ чисто-римскій характеръ по языку, шуткамъ и остроумію. Его народныя, но впрочемъ разсчитанныя и на образованныхъ піэсы — настоящее отраженіе римской жизни и римскихъ нравовъ и обычаевъ, которые часто подвергаются въ нихъ рѣзкому осужденію, хотя и не такъ оскорбительному, какъ у Невія. Истинный юморъ, мѣткая острота и сильная изобразительность, при быстромъ, непринужденномъ разговорѣ, вознаграждаютъ образованнаго человѣка за тѣ пошлыя шутки и ту крѣпкую естественность, до которыхъ онъ часто нисходитъ въ угоду простонародью. Привлекательный способъ представленія, живость разговорной рѣчи, необыкновенное разнообразіе языка и выраженія дѣлали Плавта любимымъ поэтомъ римскаго народа во всѣ эпохи. Изъ числа его піэсъ, которыя въ новѣйшее время перелагались и переработывались разными поэтами всѣхъ европейскихъ народовъ, замѣчательны: Плѣнные, Captivi, по своему нравственному направленію и благородству тона; Сокровище, Trinummus, и Кораблекрушеніе, Rudens, по прекрасному плану и характеристикѣ; Хвастунъ-воинъ, Miles gloriosus, одна изъ знаменитѣйшихъ комедій, въ которой мастерски схваченъ типъ грубаго военнаго люда александрійской эпохи, соединявшій въ себѣ надменность съ грязной чувственностью и дикимъ хищничествомъ разбойника; Кубышка, Aulularia, воспроизведенная Мольеромъ въ его Скрягѣ; Амфитріонъ, Amphitruo, названная «трагикомедіей» потому, что главныя роли занимаютъ въ ней боги; Привидѣніе, Mostellaria, піэса, которою часто пользовались французскіе и англійскіе драматурги; Ослятница, Asinaria, — ѣдкое изображеніе совершеннаго упадка греческихъ нравовъ; Менехмы, Menaechmi (имя двухъ близнецовъ), и Пунійчикъ, Poenulus, важны по сохранившимся въ нихъ остаткамъ карѳагенскаго языка; Людоѣдъ, Truculentus, Лгунъ, Pseudolus, и мн. друг. — Публій Теренцій Аферъ, родившійся 193 г. въ Карѳагенѣ, явился въ Римъ рабомъ одного сенатора. Получивъ свободу, онъ достигъ въ послѣдствіи своими талантами и образованіемъ доступа въ разные знатные дома и пользовался знакомствомъ высшаго римскаго общества, для котораго и написаны имъ шесть піэсъ, вѣрные снимки съ Менандра, отличающіеся не столько мѣткимъ остроуміемъ и сильною обрисовкой характера, сколько чистотою языка, тонкою обработкой сюжета и художественнымъ, пріятнымъ изложеніемъ. Піэсы эти—Андрія, т. е. дѣвушка съ остр. Андроса, или отыскавшаяся дочь; Самомучитель, Heautontimo-

rumenos; полная жизни и движенія драма Братья, Adelphi, которой подражали французскіе и англійскіе писатели; Евнухъ, Форміонъ и Гецира.— Въ римскомъ театрѣ особыя мѣста были отведены сначала сенаторамъ (съ 187 г.), а потомъ и всадникамъ (съ 67 г. до Р. Х.).

Римская исторіографія возникла поздно; въ теченіе пяти первыхъ вѣковъ не было написано ни одного историческаго труда, который представлялъ бы связное цѣлое. Точками опоры для позднѣйшихъ историковъ и источниками для внѣшнихъ фактовъ служили: 1. Лѣтописи жрецовъ (Annales pontificum, Annales maximi), названныя такъ потому, что ихъ велъ верховный жрецъ, или первосвященникъ (pontifex maximus), ежегодно отмѣчая достопамятнѣйшія событія на публично выставляемой бѣлой скрижали, или доскѣ. Эти годовыя отмѣты были крайне скудны и коротки; ничего, кромѣ сухаго перечня самыхъ внѣшнихъ событій и случаевъ, особенно чудесъ, необычайныхъ явленій природы, затменій солнца и мѣсяца, сильныхъ смертностей, дороговизнъ и т. д. Да и такія записи едва ли восходили далѣе галльскаго раззоренія; предшествовавшія части, кажется, прибавлены уже въ видѣ позднѣйшихъ дополненій. 2. Частныя хроники, или лѣтописныя отмѣтки о древнѣйшихъ событіяхъ, отчасти современныя, отчасти же сдѣланныя позже по преданію. Такого рода хроники были или общественныя, городскія, или домовыя, семейныя. Съ возрастающею силой извѣстныхъ родовъ росли и семейныя хроники въ числѣ и объемѣ и, вѣроятно, во многихъ изъ нихъ подвиги того или другаго рода записаны были подробно и хвастливо. 3. Очень древни были такъ-называемые libri lintei, холщевые списки должностныхъ лицъ (разряды), хранившіеся въ храмѣ Юноны Монеты въ Капитоліи. 4. Посвятительныя надписи и договорныя граматы, каковы напримѣръ грамата на учрежденіе храма Діаны на Авентинскомъ холмѣ, торговый договоръ съ Карѳагеномъ въ первый вѣкъ республики, союзные договоры съ Латинами при Тарквиніи Гордомъ и проч. Такія граматы хранились обыкновенно въ государственномъ архивѣ, при капитолійскомъ храмѣ Юпитера. 5. Записки должностныхъ лицъ (commentarii magistratuum), документы, дѣловыя бумаги и всякія записи и отмѣтки по дѣлопроизводству какого-либо вѣдомства, консульскаго, ценсорскаго, преторскаго и т. д., обыкновенно сдаваемыя въ архивъ (регистратура). Этимъ запискамъ государственныхъ сановниковъ соотвѣтствовали записки жрецовъ, commentarii pontificum,— собраніе дѣлъ по древнему государственному и

священному (сакральному) праву вмѣстѣ съ рѣшеніями жрецовъ въ случаяхъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію. Сохранились еще многія другія дѣла разныхъ жреческихъ коллегій, и вѣроятно позднѣйшіе лѣтописатели и историки также почерпали изъ нихъ свѣдѣнія. Но главнымъ источникомъ первобытной исторіи Рима оставалось все-таки устное преданіе, саги и миѳы, связанные съ тѣмъ или другимъ именемъ или фактомъ. Важнѣйшія событія въ ходѣ римскаго государственнаго устройства и другіе историческіе элементы могли сохраниться до эпохи писательства, на самомъ дѣлѣ или въ воспоминаніи, и составляли такимъ образомъ «стержень фактовъ», который обвила потомъ вокругъ «роскошно-кудрявая плетеница поэзіи и саги». У позднѣйшихъ историковъ Рима недостало критическаго и историческаго такта отдѣлить вымыселъ отъ истины; поэтому древняя римская исторія сильно страдаетъ недостовѣрностью. Не смотря на то, много было нападокъ на мнѣніе Нибура, что «исторія первобытнаго Рима есть созданіе народной поэзіи, переходившее изъ рода въ родъ въ формѣ пѣсенъ» (былинъ стараго времени). Въ самомъ дѣлѣ невѣроятно, чтобы въ Римѣ когда-нибудь процвѣтала эпическая народная поэзія; Римлянамъ именно недоставало всѣхъ тѣхъ условій и стихій, которыя сдѣлали возможнымъ и дѣйствительно вызвали національный гомеровскій эпосъ у Грековъ [1].— Изъ этихъ документовъ и отмѣтокъ въ 3 вѣкѣ до Р. Х. развились историческія лѣтописи, заносившія на свои страницы, въ хронологическомъ порядкѣ, внѣшнія событія прошлаго и современной эпохи, — первыя вкратцѣ, а послѣднія подробнѣе, и притомъ на греческомъ языкѣ, вѣроятно потому, что латинская проза еще не образовалась. Между трудами этихъ лѣтописцевъ первое мѣсто занимаетъ пользовавшаяся величайшимъ уваженіемъ еще въ древности, хроника Фабія Пиктора, сенатора въ періодъ Ганнибаловской войны, писанная по-гречески, а можетъ-быть также и по-латини. Онъ и современникъ его Цинцій Алиментъ довели римскую исторію отъ основанія города до своей эпохи. Сочиненія ихъ не дошли до насъ. — Великую цѣну могла имѣть первобытная исторія Рима (Origines, «Начатки») и италійскихъ городовъ, плодъ глубокихъ изысканій М. Порція Катона,

[1] Противники Нибура очевидно теряютъ при этомъ изъ виду огромную разницу между способностію къ цѣлому художественному эпосу и къ произведенію частныхъ, отрывочныхъ элементовъ эпическаго свойства, такъ-называемыхъ легендъ и былинъ. Здѣсь художественность на второмъ планѣ, какъ это именно и было всегда у Римлянъ.

въ семи книгахъ, излагавшихъ историческія событія не по годамъ, а большими отдѣлами; но, къ сожалѣнію, и этотъ древнѣйшій на латинскомъ историческій трудъ для насъ утраченъ. Первая книга заключала въ себѣ сагу объ основаніи Рима, объ эпохѣ царей и объ изгнаніи Тарквиніевъ; вторая и третья — подобныя же саги о происхожденіи прочихъ италійскихъ общинъ, четвертая и пятая — исторію войнъ отъ первой Пунійской до войны съ Антіохомъ, наконецъ шестая и седьмая—событія послѣднихъ двадцати лѣтъ. — Великій историкъ Поливій, одинъ изъ тысячи благородныхъ Ахейцевъ, взятыхъ заложниками въ Римъ (§ 175), воспользовался своимъ семнадцатилѣтнимъ пребываніемъ въ римскомъ государствѣ и дружбою младшаго Сципіона Африканскаго, чтобы собрать матеріалы для своей обширной всеобщей исторіи въ 40 книгахъ, отъ второй Пунійской войны до обращенія Македоніи въ римскую провинцію. Съ этою цѣлью онъ предпринималъ далекія путешествія въ Испанію, Галлію, Малую Азію и Египетъ. Также и отъ его великаго историческаго труда, первообраза новѣйшаго бытописанія, дошли до насъ въ цѣлости только пять первыхъ книгъ, а остальныя лишь въ отрывкахъ. Въ этой всемірной исторіи средоточіемъ поставленъ Римъ, который, какъ старался доказать авторъ, всѣмъ величіемъ обязанъ «своей строго выдержанной политикѣ»; въ ней явился образецъ новаго рода бытописанія, такъ-называемаго прагматическаго, которое восходитъ къ причинамъ, подготовляющимъ и вызывающимъ событія, принимая въ соображеніе какъ обстоятельства, которыя ихъ сопровождаютъ и осложняютъ, такъ и послѣдствія, къ какимъ они ведутъ, причемъ не только обсуживаются поступки и мѣры дѣйствующихъ лицъ, но характеризуются и сами дѣятели. Если слогу и языку Поливія недостаетъ аттической чистоты въ строгомъ смыслѣ слова, зато ясность, прозорливость, здравомысліе, глубокое знаніе политики и военнаго искусства, безпристрастіе и удивительная правдивость дѣлаютъ его однимъ изъ первостепенныхъ писателей древняго міра. Политикъ подобно Ѳукидиду, Поливій не обладаетъ однакожь великою геніальностью и пылкимъ воображеніемъ аттическаго историка, а космополитская точка зрѣнія отнимаетъ у его историческаго взгляда теплоту патріотизма и отпечатокъ національности. Стоя посредникомъ между эллинствомъ и латинствомъ, Поливій смотрѣлъ съ грустью на закатъ стараго и съ благоговѣйнымъ удивленіемъ на полуденный блескъ новаго солнца; но при этомъ онъ не былъ вполнѣ

свободенъ отъ извѣстнаго рода скорби и горечи, чувствуя, что Римлянамъ онъ все-таки чужой, а отъ единоземцевъ отступникъ, и что своимъ многоблемлющимъ взглядомъ на свершающіяся передъ нимъ міровыя событія онъ болѣе принадлежитъ будущему, нежели настоящей эпохѣ.

Философія и соединенное съ нею краснорѣчіе (риторство) также проложили себѣ дорогу изъ греческаго міра въ римскій, и хотя строгій ценсоръ Катонъ поставилъ преграду ихъ распространенію (§ 178), однакожь ростущая съ успѣхами демократіи потребность въ публичномъ витійствѣ и воспріимчивость знатныхъ Римлянъ къ греческой философіи, вскорѣ дали имъ доступъ въ сферу римской жизни вообще. Стараніями Родосца Панетія, друга и собесѣдника Сципіоновъ, Лелія и Полибія, особенно благосклонный пріемъ нашла себѣ стоическая философія съ своимъ ученіемъ, что мудрый долженъ вознестись до господства надъ чувственными впечатлѣніями (§ 134). Практическое направленіе этой философіи было для практическихъ серьёзныхъ Римлянъ понятнѣе, нежели академическая философія Карнеада и друг., которая вдавалась въ гадательное умозрѣніе (спекуляцію) и приближалась болѣе и болѣе къ системѣ сомнѣнія (скептицизму), такъ что основатель средней академіи, Аркесилай, отвергалъ уже всякое познаніе истины, тогда какъ по смягченному воззрѣнію Карнеада «научное знаніе встрѣчаетъ себѣ положительный предѣлъ въ вѣроятности и должно довольствоваться исчисленіемъ ея различныхъ степеней». Только оратору и государственному человѣку доставляла Академія полезныя пособія для его политическаго и риторскаго образованія. При возраставшей страсти къ наслажденіямъ и при наклонности къ спокойной жизни вдали отъ дѣловыхъ тревогъ, эпикуреизмъ также находилъ день ото дня болѣе приверженцевъ.

§ 178. Но не одно только искусство, не одну только литературу заимствовали Римляне; они заняли у Грековъ и восточныхъ народовъ также богослуженіе и религіозныя таинства, изящество и утонченность въ домашнемъ быту, роскошь и расточительность въ столѣ и одеждѣ, лоскъ и деликатность въ обращеніи, наконецъ — разныя чувственныя удовольствія и сластолюбивыя развлеченія и забавы: Вмѣстѣ съ богатствомъ и образованіемъ побѣдителя, они унаслѣдовали пороки и прихоти покоренныхъ народовъ. Такъ какъ все это угрожало опасностью стариннымъ нравамъ, цѣломудрію, простотѣ, воздержно-

сти и навыку къ трудамъ и лишеніямъ, то противъ нововводительства грозно возстала цѣлая партія, съ М. Порціемъ Катономъ во главѣ. Этотъ замѣчательный человѣкъ, сынъ сабинскаго селянина, сдѣлавшись цензоромъ, преслѣдовалъ новое направленіе съ такою строгостью, что самое имя его вошло въ поговорку (Cato Censorius). Его стараніями выгнаты изъ Рима греческіе философы (софистическій академикъ Карнеадъ, перипатетикъ Критолай и стоикъ Діогенъ) закрыты риторскія школы, запрещены распутные праздники Бахуса и другіе взятые изъ чужи религіозные обряды, полные мистицизма, ворожбы и суевѣрія; Сципіоны подвергнуты наказанію за развращеніе нравовъ, и изданы законы противъ безпутства и расточительности. Онъ силился остановить даже вторженіе греческаго врачебнаго искусства, выхваляя домашнія снадобья, которымъ будто бы онъ и его жена обязаны долговѣчностью и добрымъ здоровьемъ, и въ то же время унижая знаніе и характеръ иноземныхъ врачей. Мало этого, въ противодѣйствіе новой литературѣ, самъ онъ написалъ сочиненія о земледѣліи, на которомъ покоилось прочное величіе Рима, и о древне-италійскихъ племенахъ, которыхъ простоту и чистоту нравовъ онъ такъ же хотѣлъ противупоставить начинавшемуся растлѣнію своего времени, какъ его собственный простой и воздержный образъ жизни въ тѣсномъ кругу кліэнтовъ отличался отъ раззорительной роскоши и барственнаго образованія его противниковъ. Однакожь примѣръ Катона, который въ глубокой старости выучился еще по-гречески, можетъ служить доказательствомъ тому, что строгая привязанность къ старинѣ всегда уступаетъ новымъ стремленіямъ къ дальнѣйшему успѣху. Катонъ былъ не великій человѣкъ и, главное, не прозорливый политикъ; никогда не попытался онъ запереть источникъ зла, а провелъ всю жизнь свою въ безплодной борьбѣ съ одними наружными его признаками и силился одолѣть духъ времени просто полицейскимъ и судебнымъ порядкомъ. Но, будучи гонителемъ не одной геніальности и щегольства, а вмѣстѣ врагомъ всякой подлости и мошенничества, онъ своими неустрашимыми и безпощадными нападками и своею изумительною неугомонностью принесъ отечеству по крайней мѣрѣ ту пользу, что дѣйствительно удержалъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ грозный наплывъ разврата. Для него имѣло цѣну только одно полезное и примѣнимое въ практической жизни, какъ онъ высказалъ это самъ въ замѣчательной «настольной книгѣ» своему сыну, гдѣ въ короткихъ, но полновѣсныхъ

сентенціяхъ, безъ греческой утонченности и темноты, но и безъ греческаго остроумія и глубокомыслія, онъ изложилъ все, чѣмъ долженъ быть «порядочный человѣкъ», какъ нравственное существо, какъ ораторъ, какъ воинъ, какъ законовѣдъ и врачъ.

Препровожденіемъ въ Римъ каменной глыбы (204), которую фригійскіе жрецы въ Пессинунтѣ [1] выдавали за вѣрное изображеніе матери боговъ Кибелы, и перенесеніемъ туда этого мистически-развратнаго культа съ его каженными и нищенствующими жрецами и ставленниками (Галлами), обозначилось начало той суевѣрной смѣси религій и богослуженій, которая наплывомъ греческой и восточной миѳологіи, тайноученія, символики и ворожбы вытѣснила или обезобразила сельскія и домашнія божества древней Италіи, съ ихъ простымъ культомъ, веселыми праздниками и невинными, безвредными жертвами (§ 13). — Богатства, забранныя въ Римъ вслѣдствіе пунійскихъ, македонскихъ и сирійскихъ войнъ были такъ громадны, что они неизбѣжно должны были имѣть величайшее вліяніе на измѣненіе нравовъ и образа жизни Римлянъ. Знатныя римскія фамиліи (оптиматы, вельможи), которымъ поручалось веденіе этихъ войнъ и которыя завѣдывали въ то время государственными дѣлами, нажили себѣ сокровища, дозволявшія имъ вдаваться въ истинно-царскую роскошь. Свои дотолѣ маленькіе дома превратили они въ величавые чертоги, окруженные прекрасными садами (парками), гдѣ они выставляли на показъ самую изящную утварь, награбленныя чудеса искусства, рѣдчайшія достопримѣчательности всѣхъ возможныхъ странъ и всѣ утонченности быта образованнѣйшихъ народовъ; они накупили себѣ обширныхъ земель (латифундій) съ великолѣпными сельскими домами (виллами); они содержали цѣлыя толпы всякаго рода рабовъ. Для наживы громадныхъ суммъ, необходимыхъ при такомъ расточительномъ образѣ жизни, конечно не слѣдовало быть слишкомъ разборчиву на способы пріобрѣтенья: отсюда постоянныя жалобы на безсовѣстныя хлѣбныя и денежныя спекуляціи, на обманы поставщиковъ, на подкупность, корысть и вымогательство знатныхъ Римлянъ. Особенно женщины предавались чрезмѣрной роскоши и необузданной страсти къ дорогимъ нарядамъ и уборамъ, и когда строгій Катонъ вздумалъ было положить предѣлъ этой расточительности

---

[1] Пессинунтъ — городъ Тектосаговъ, въ Галатіи, при рѣкѣ Сангаріи, на западъ отъ Гордіона.

установленіемъ налога на роскошь, онѣ подняли формальное возстаніе и тѣмъ принудили къ отмѣнѣ не только новаго закона, но и положеннаго имъ прежде запрета носить золотые уборы, пестрыя платья и ѣздить въ колесницахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ упадало домашнее благочиніе, стародавняя степенность и чистота нравовъ; освобожденіе женъ отъ безусловнаго повиновенія мужьямъ ослабило древнюю строгость брачнаго союза и повело къ вредному для нравовъ преобладанію женщинъ. — Отъ знати безнравственность и развратъ переходили и на народъ. Старинный, простой образъ жизни и тяжкій земледѣльческій трудъ встрѣчались все рѣже и рѣже. Младшее поколѣніе предпочитало мирнымъ занятіямъ военную службу, которая рядомъ съ трудами доставляла не только наслажденія, но сверхъ того и богатую добычу. Солдаты любили особенно такихъ начальниковъ, которые давали поблажку ихъ склонностямъ и затѣямъ, а какъ начальники, въ свою очередь, нуждались, для достиженія высшихъ должностей и званій, въ помощи гражданъ-солдатъ, имѣвшихъ право голоса на комиціяхъ, то они слишкомъ часто смотрѣли сквозь пальцы на безпорядки, грабежи и буйныя выходки своихъ подчиненныхъ; отсюда непрерывно возрастающее число жалобъ на упадокъ дисциплины именно у тѣхъ военачальниковъ, которые домогались любви народной или популярности. Эта гоньба за популярностью, это попрошайство голосовъ при выборахъ было однимъ изъ худшихъ золъ въ государственномъ быту Римлянъ. Старались задобрить толпу ласкательствомъ, снисхожденіемъ, любезностями тонкаго и грубаго разбора. Знатные соперничали между собой, какъ бы лучше угодить народу расточительными играми, до которыхъ онъ въ Римѣ былъ всегда большой охотникъ; для достиженія высшихъ мѣстъ, они портили его лестью и подслугами, убивавшими главный нервъ гражданской добродѣтели — чувство чести. Общественныя игры были лучшимъ доказательствомъ, что утопченность возрастающаго образованія касается только поверхности, а не проникаетъ въ глубь: тогда какъ національныя игры Грековъ служили поощреніемъ къ великимъ подвигамъ и благороднымъ порывамъ, римскіе гладіаторскіе бои и звѣриныя травли имѣли въ виду только питать склонность къ грубому и дикому и удовлетворять свирѣпой прихоти солдатчины-народа. Римъ уподоблялся безднѣ, которой не наполнить ни какими сокровищами, и рядомъ съ безпредѣльной роскошью тамъ нерѣдко появлялась нужда въ самомъ необходимомъ. Къ нуждѣ тотчасъ прицѣплялось своимъ гложу-

щимъ клыкомъ пагубное лихоимство, основывая свою наживу на чужомъ раззореніи. Даже позорный торгъ невольниками нерѣдко служилъ источникомъ доходовъ. Грубые, полудикіе жители Сардиніи и Корсики, употребляемые для самой черной работы, продавались за безцѣнокъ, такъ что въ Римѣ вошло въ поговорку — «дешево какъ Сардъ»; напротивъ образованные и изнѣженные Греки и Азіяты, служа письмоводителями, чтецами, учителями, ключниками, надзирателями и комнатными слугами, покупались за очень большія деньги. — Не смотря однакожь на всѣ эти внутреннія раны и недостатки, внѣшнее величіе Рима постоянно росло и росло; а сооруженныя цензорами военныя дороги (Фламиніева и Эмиліева черезъ Этрурію и Умбрію въ Ариминумъ), публичныя зданія, крытыя колоннады, каналы и клоаки свидѣтельствовали о громадности замысловъ и о настойчивой энергіи этого неутомимо-дѣятельнаго народа. М. Катонъ, благодаря воздвигнутымъ въ его ценсорство сооруженіямъ, сталъ основателемъ такъ-называемыхъ базиликъ, великолѣпныхъ храминъ съ колоннадами для помѣщенія роскошныхъ торговыхъ лавокъ и для другихъ собственно публичныхъ или офиціальныхъ назначеній.

III. НРАВСТВЕННЫЙ УПАДОКЪ РИМА.

1. Римское провинціальное управленіе и возстаніе Нуманціи.

§ 179. Когда пергамскій царь Атталъ III Филометоръ (§ 174), извѣстный своею любовью къ искусствамъ, но вмѣстѣ чуть не помѣшанный на странностяхъ, назначилъ римскій народъ наслѣдникомъ своего царства, имѣнія и всѣхъ сокровищъ (133), тогда предѣлы республики уже простирались отъ Тавра до столповъ Геркулесовыхъ и отъ сѣверныхъ береговъ Африки до Альпійскихъ ледниковъ. Съ удивленіемъ разсказывали другъ другу восточные народы того времени о могущественной республикѣ запада, которой граждане «одержаху царства «ближняя и далная, и елицы слышаху имя ихъ, бояхуся отъ «нихъ. Елицѣмъ же аще хотятъ помогати, и воцаряти, цар-

«ствуютъ; и ихъ же аще хотятъ, премѣняютъ: и вознесошася «зѣло. И во всѣхъ сихъ не возлагаше ни единъ отъ нихъ «діадимы и не облачашеся въ порфиру, еже возвеличитися о «ней... И ввѣряютъ единому человѣку начальство свое по «лѣту, и господствовати всею землею ихъ, и вси повинуются «единому, и нѣсть зависти ниже рвенія въ нихъ». Но объ руку съ этимъ истинно изумительнымъ величіемъ и постоянным приращеніемъ государства извнѣ, росъ и внутренній его упадокъ. Вмѣсто древней родовой аристократіи патриціевъ, образовалась теперь изъ смѣси патриціевъ съ плебеями новая фамильная аристократія (nobilitas), которая, пользуясь большими богатствами и высокой славой, добытой отцами, по немногу захватила въ свои руки всѣ высшія званія и должности, старалась удалять отъ нихъ всякаго новаго человѣка и основала такимъ образомъ строго-исключительное олигархическое господство оптиматовъ (богатѣйшихъ вельможъ). Чтобы пріумножить славу, наслѣдованную отъ предковъ, собственными побѣдами и тріумфами, эти сенаторскіе роды постоянно заботились о новыхъ войнахъ, веденіе которыхъ принадлежало имъ исключительно; а чтобы не расточить богатствъ, на которыхъ держались блескъ и сила фамилій, и при этомъ пользоваться однакожь всѣми удовольствіями и наслажденіями, они истощали цѣлыя провинціи и заставляли своихъ кліэнтовъ дѣлать себѣ огромные подарки и пожертвованія. Въ качествѣ проконсуловъ и пропреторовъ (правителей или намѣстниковъ съ консульскою властью) они вмѣстѣ съ казначеемъ (quaestor) и съ толпою (cohors) писцовъ и низшихъ чиновниковъ, завѣдывали управленіемъ и судопроизводствомъ въ покоренныхъ странахъ, заботясь болѣе о своихъ собственныхъ выгодахъ, чѣмъ о благосостояніи края. Вмѣстѣ съ тѣмъ они же были и главноначальствующими войскъ, назначали отъ себя второстепенныхъ военачальниковъ (легатовъ) и бо́льшую часть офицеровъ (военныхъ трибуновъ, центуріоновъ). Благорасположеніе знати и фамильные интересы имѣли болѣе значенія при раздачѣ мѣстъ, нежели доблесть и заслуги. — Въ качествѣ главныхъ откупщиковъ (publicani), богатые всадники (§ 143, б) брали на откупъ подати, налоги и пошлины,

пользованіе рудниками и государственными землями, съ условіемъ вносить въ государственную казну опредѣленную сумму, и потомъ старались наверстать свои расходы съ несоразмѣрнымъ еще барышемъ, для чего ихъ повѣренные, сборщики и мелкіе откупщики прибѣгали къ самымъ безсовѣстнымъ притѣсненіямъ и прижимкамъ. Чего не успѣвали обобрать откупщики и чиновники, то захватывали алчные торговцы и ростовщики, такъ что довольно было немногихъ десятилѣтій, чтобы въ конецъ сгубить благосостояніе любой римской провинціи. Корыстолюбіе со всѣми порождаемыми имъ пороками и злоупотребленіями, подкупность, продажа мѣстъ, обманъ, плутовство, кривосудіе, лихоимство во всѣхъ родахъ и видахъ тяжко налегли на покоренные края. Богатые подарки иностранныхъ государей вліятельнѣйшимъ изъ сенаторовъ считались не болѣе, какъ выраженіемъ подобающаго имъ почета. Существовалъ, правда, законъ (de repetundis), дававшій право обираемымъ провинціямъ жаловаться на своихъ угнетателей, по истеченіи срока ихъ управленію, уголовнымъ порядкомъ; но какъ судьи, выбираемые изъ сословія сенаторовъ или всадниковъ, сами принадлежали къ денежной или фамильной аристократіи и разбирали подобныя жалобы съ точки зрѣнія правительственной, а не судебной, и какъ притомъ всѣ вообще жалобы сторонніхъ лицъ на римскаго гражданина сопряжены были съ огромными затрудненіями, то виновные обыкновенно оправдывались или, для виду, присуждались къ какой-нибудь незначительной денежной пенѣ. Развѣ, когда угнетенія и злоупотребленія права были уже слишкомъ вопіющи, какъ напр. поступки Верреса, этого мучителя Сициліи, тогда удавалось какому-нибудь искусному адвокату, въ родѣ Цицерона, принудить преступника къ добровольному удаленію изъ отечества или просто осудить его на изгнаніе.

§ 180. Порой нѣкоторыя провинціи, гдѣ не совсѣмъ еще замерли чувство свободы и воинственность, пытались избавиться отъ своихъ притѣснителей силою оружія. Первый примѣръ въ этомъ родѣ подали Португальцы (Лузитаны), возмущенные жестокостью и вѣроломствомъ римскаго полководца (Гальбы), который, обѣщаніемъ дать имъ болѣе удобныя мѣста для жительства, переманилъ за рѣку Тахо 7000

безоружныхъ туземцевъ и тамъ частію умертвилъ, частію распродалъ ихъ въ рабство, не подвергшись за это никакому взысканію въ Римѣ. Лузитаны возстали подъ предводительствомъ смѣлаго и великодушнаго селянина Виріата (149) и счастливо вели съ римскими легіонами малую партизанскую войну (guerilla), искони обычную на Пиренейскомъ полуостровѣ. Оружіе Виріата освободило на нѣсколько времени Лузитанію и западную Испанію отъ оковъ чуждаго господства. Виріатъ, признанный царемъ и владыкой всѣхъ Лузитанъ, умѣлъ соединить полный вѣсъ своего царственнаго положенія съ простотою пастушескаго быта. Ни одинъ внѣшній знакъ не отличалъ его отъ рядоваго воина; онъ всталъ изъ-за богато убраннаго свадебнаго стола своего тестя, князя Астольпа въ римской Испаніи, не дотронувшись до золотыхъ сосудовъ и дорогихъ яствъ, посадилъ на коня свою невѣсту и возвратился съ нею въ родныя горы Лузитаніи. Изъ добычи онъ никогда не бралъ себѣ болѣе того, что удѣлялъ каждому изъ своихъ товарищей. Только по его статному виду и по мѣткимъ, острымъ словамъ узнавалъ солдатъ своего предводителя, а еще болѣе потому, что умѣренностію и трудолюбіемъ онъ превосходилъ каждаго изъ своихъ воиновъ, не спалъ иначе, какъ въ полномъ вооруженіи, а въ битвѣ былъ всегда впереди всѣхъ. Въ лицѣ его какъ будто воскресъ одинъ изъ гомеровскихъ героевъ. Онъ окружилъ въ горахъ римскаго полководца Сервиліана (141) и принудилъ его къ миру, по которому Лузитаны были признаны независимыми, а царемъ ихъ объявленъ Виріатъ. Но этотъ договоръ былъ нарушенъ, подобно договору съ Самнитами въ Каудинскихъ ущельяхъ (§ 158), и въ Лузитанію послано войско еще многочисленнѣе. Мужественно боролся лузитанскій герой съ превосходными силами Римлянъ до тѣхъ поръ, пока они не прибѣгли къ вѣроломству и коварству: разными происками и обольщеніями они успѣли поселить раздоръ и измѣну между инсургентами, Виріатъ былъ умерщвленъ ближайшими къ нему людьми, и край закованъ въ прежнія цѣпи (140). Лузитаны почтили этого чуднаго мужа великолѣпною тризной, какой и не видывали прежде въ той странѣ: на похоронныхъ игрищахъ бились двѣсти паръ мечниковъ. — Еще сильнѣе разгорѣлось

пламя возстанія среди геройскаго племени Кельтиберовъ испанскихъ, которыхъ главный городъ, Нуманція, лежалъ на крутомъ горномъ хребтѣ у верховья рѣки Дурія (Дуэро). Озлобленные страшнымъ угнетеніемъ и жестокостію римскихъ намѣстниковъ, которые грабили города, убивая или обращая въ рабство жителей, Ареваки въ окрестностяхъ Нуманціи взялись за оружіе и въ теченіи пяти лѣтъ отбивали всѣ нападенія Римлянъ. Они преслѣдовали одно римское войско, принужденное къ отступленію, заперли его въ горномъ ущельи и принудили консула Манцина заключить миръ и признать ихъ независимость. Но сенатъ и на этотъ разъ не утвердилъ договора. Приказано было снять съ честнаго консула всѣ его инсигніи и, съ связанными назадъ руками, привести его къ непріятельскимъ форпостамъ, чтобы, извѣстною уже комедіей выдачи виновнаго врагамъ, загладить нарушеніе договора и клятвопреступничество военачальниковъ, которые всѣ клялись въ соблюденіи мира; вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно продолжать войну съ новыми усиліями. Но храбрый горный народъ не уступалъ. Наконецъ начальство надъ войскомъ принялъ покоритель Карѳагена, Сципіонъ Младшій; отчасти безпрерывными битвами, отчасти возведеніемъ стѣнъ, башенъ и окоповъ онъ поправилъ дѣла Римлянъ и возстановилъ энергію и ратную дисциплину разстроенныхъ до него войскъ, такъ что послѣ отчаянной битвы сама Нуманція принуждена была голодомъ къ безусловной сдачѣ (133). Благороднѣйшіе граждане геройски лишили себя жизни, чтобы не видать торжествующаго глумленія побѣдителей. Изъ небольшаго остатка ихъ, появившагося въ городскихъ воротахъ, Сципіонъ отсчиталъ пятнадцать самыхъ знатныхъ, чтобы провести ихъ въ своемъ тріумфѣ, а остальные были проданы въ рабы. Сципіонъ (прозванный съ этихъ поръ «Нумантинскимъ») приказалъ разрушить опустѣвшій городъ, котораго развалины (близь Соріи) до сихъ поръ напоминаютъ потомкамъ падшихъ героевъ великую борьбу за свободу, а нумантинскія земли были всѣ розданы сосѣднимъ городамъ.

Не смотря на нѣкоторые тяжкіе грѣхи, римское управленіе въ Испаніи представляетъ съ этихъ поръ болѣе порядка и послѣдовательности нежели въ большей части остальныхъ провинцій. «Испанскія

владѣнія Римлянъ», говоритъ Моммсенъ, «часто страдали отъ вторженій сѣверныхъ и западныхъ племенъ, полупокоренныхъ или и вовсе независимыхъ; въ Лузитаніи наприм. бѣднѣйшая молодежь періодически соединялась въ разбойничьи шайки, толпами нападала на поселянъ и сосѣдей и брала съ нихъ окупы, вслѣдствіе чего даже въ гораздо позднѣйшія времена отдѣльные крестьянскіе дворы устроивались тамъ въ видѣ укрѣпленій и при случаѣ могли дать порядочный отпоръ. Римлянамъ не удалось уничтожить этого разбойничества въ дикихъ и почти неприступныхъ горахъ Лузитаніи. Но прежнія пограничныя войны все болѣе и болѣе принимали характеръ чисто воровскихъ набѣговъ, которые всякій сколько-нибудь дѣльный правитель могъ сдерживать при помощи обыкновенныхъ мѣръ, и не смотря на подобныя тревоги, Испанія все-таки была изо всѣхъ римскихъ владѣній страною самою цвѣтущею и благоустроенною. Десятинная система и классъ барышниковъ (откупщики, ростовщики, подрядчики) были тамъ неизвѣстны, народонаселеніе многочисленно, а край изобиленъ хлѣбомъ и скотомъ.

2. Гракховскія смятенія.

§ 181. Новая фамильная аристократія оптиматовъ не только занимала всѣ городскія должности и устраняла отъ почетныхъ мѣстъ безродныхъ выскочекъ (novi homines), каковы бы ни были ихъ личныя заслуги и дарованія, но овладѣла также и всею пахатною землей, опять присвоивъ себѣ исключительное право пользоваться общественными полями (ager publicus) и пріобрѣтя покупкою, лихоимствомъ, разными хитростями и даже насиліемъ, мелкія усадьбы простыхъ поселянъ. «И на войнѣ и дома (говоритъ Саллюстій въ своей исторіи Югуртинской войны) все зависѣло отъ произвола немногихъ. У нихъ въ рукахъ была и казна, и провинціи, и государственныя должности, и слава, и тріумфы; народъ стенялъ подъ гнетомъ солдатчины и нужды; всю военную добычу забирали себѣ полководцы съ немногими. А между тѣмъ старики-родители или малыя дѣти воиновъ лишались своихъ дворовъ, если тѣ были обокъ съ землею какого-нибудь вельможи. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ силой водворилось и корыстолюбіе безъ стыда и мѣры; оно все оскверняло, все разрушало, не уважая и не считая священнымъ ничего, до тѣхъ поръ, пока загубило само себя». Вслѣдствіе всего этого произошло

чрезвычайно опасное неравенство состояній. Сословіе вольныхъ поселянъ, заключавшее въ себѣ основу древней силы, нравственности и воинскихъ доблестей Рима, мало-по-малу исчезло совершенно, и въ Римѣ существовали только неимущее, лѣнивое и продажное сословіе горожанъ, пріумноженное гостями и отпущенниками, да величавшаяся своими несмѣтными богатствами родовая знать. «На рынкѣ столицы можно было громко сказать, что и у звѣрей есть логово, а у гражданъ кромѣ свѣта и воздуха не осталось ровно ничего, и тѣ, что слывутъ владыками міра, не имѣютъ и пядени земли въ своей собственности. Пока богачи воздѣлывали свои обширныя земли (latifundia) кліэнтами и крѣпостными, печальное состояніе народныхъ массъ было еще не такъ замѣтно, потому что обѣднѣвшій селянинъ могъ кое-какъ прокармливать себя и свое семейство, нанимаясь въ поденщики; но когда, побуждаемые низкой корыстью, богачи стали поручать свои земли толпамъ военноплѣнныхъ рабовъ, подъ надзоромъ особыхъ надсмотрщиковъ, а мелкихъ поселянъ повыгоняли изъ ихъ крошечныхъ усадьбъ, безжалостно повергая ихъ съ семействами въ совершенную бѣдность, или подвозомъ припасовъ изъ-за моря и продажею за безцѣнокъ такъ-называемаго «невольничьяго хлѣба»[1] до того сбивали цѣну на ихъ произведенія, что бѣднякъ-селянинъ рѣшительно лишался всѣхъ средствъ существованія, — тогда въ лучшихъ людяхъ общества пробудилось сочувствіе къ тяжкому положенію этого класса, который, будучи свободно-рожденнымъ, уже по одному чувству собственнаго достоинства, не могъ работать наравнѣ съ ватагами рабовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ по законамъ Габинія и Кассія (138 и 136 г. до Р. Х.), вмѣсто прежней устной и публичной подачи голосовъ при выборахъ, введена была тайная подача (баллотировка) посредствомъ дощечекъ, вліяніе оптиматовъ на неимущую, продажную массу народа сдѣлалось еще сильнѣе прежняго, такъ какъ за отсутствіемъ самостоятельнаго зажиточнаго средняго сословія, богачи, при помощи посуловъ, покупки голосовъ и отпуска рабовъ на волю, имѣли полную возможность располагать выборами и большинствомъ голосовъ по произволенію. — Устранить этотъ недостатокъ можно было двумя путями: надо было или дать полное

[1] То-есть хлѣба, производимаго рабами, который господа могли пускать въ продажу по произвольно-низкой цѣнѣ.

право гражданства латинскимъ союзникамъ, вслѣдствіе чего увеличилось бы число достаточныхъ гражданъ, или равномѣрнѣе раздѣлить поземельную собственность, что остановило бы возрастающую нищету; противъ перваго средства возставали гордые, властолюбивые и сильные аристократы; противъ втораго — жадные, своекорыстные землевладѣльцы, которые прекрасно округлили свои обширныя имѣнія (latifundia), величиной съ цѣлыя княжества, и часть ихъ заняли подъ великолѣпные сады (парки) съ сельскими домами и драгоцѣнными произведеніями искусства [1]. — Тиверій Гракхъ и его друзья и единомышленники были наведены на путь реформы столько же опасеніями за будущность родпаго края, сколько и чувствомъ человѣколюбія. Происходившая въ это время страшная невольничья война въ Сициліи (§ 192) служила имъ самымъ убѣдительнымъ примѣромъ того, какими опасностями грозитъ обществу и государству возрастающая масса рабскаго населенія. «Увѣряютъ, говоритъ по этому поводу Моммсенъ, что на большомъ невольничьемъ рынкѣ въ Делосѣ, гдѣ малоазійскіе работорговцы сбывали свой товаръ римскимъ барышникамъ, высажено было на берегъ въ одинъ день до 10,000 рабовъ, и всѣ они къ вечеру распроданы, — доказательство, какое огромное число невольниковъ доставлялось на мѣсто, и какъ, не смотря на то, запросъ все-таки далеко превышалъ предложеніе. И неудивительно: обладаніе ватагами рабовъ давало возможность предпринимать самыя разнообразныя спекуляціи и заниматься почти всѣми видами промысловъ. Ремесла большею частію производились рабами, а вся прибыль, разумѣется, шла въ руки господъ. Общества, бравшія на откупъ подати, обыкновенно собирали ихъ въ розницу черезъ рабовъ. Рабы же разработывали рудники, добывали смолу и т. п.; рано вошло въ обычай отправлять толпы невольниковъ на испанскіе горные рудники и заводы, куда хозяева охотно ихъ принимали и хорошо платили за нихъ господамъ. Уборка винограду и маслинъ и добываніе вина и масла уже во времена Катона производились не живущими при имѣніи людьми, а сдавались по условію какому-нибудь рабовладѣльцу. Но главнѣйшее занятіе рабовъ состояло въ выгонномъ и полевомъ сельскомъ хозяйствѣ. На обшир-

[1] На это намекаетъ Горацій въ своей прекрасной одѣ къ корыстолюбцамъ (II. 28). «Ты даже отодвигаешь ближайшіе межевые знаки и жадно перескакиваешь за черту сосѣда кліента. И вотъ бѣжитъ онъ, изгнанный, съ женой и чумазыми ребятишками, унося съ собой за пазухой только отчихъ боговъ».

ныхъ пастбищахъ Италіи стада уже съ давнихъ поръ поручались вооруженнымъ невольникамъ, которые притомъ часто выѣзжали верхомъ; такой же родъ выгоннаго хозяйства былъ и въ провинціяхъ любимымъ предметомъ римскихъ промышленниковъ: такъ напр. едва только была завоевана Далмація, какъ уже римскіе капиталисты занялись тамъ скотоводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ. Но гораздо хуже этого во всѣхъ отношеніяхъ приходилось рабамъ собственно при устройствѣ плантацій: поля воздѣлывались толпами заклейменныхъ желѣзомъ невольниковъ, которые, съ оковами на ногахъ, подъ строгимъ надзоромъ, цѣлый день проводили за полевыми работами, а на ночь ихъ запирали въ общіе, часто подземные остроги (ergastulum)».

§ 182. Первымъ защитникомъ угнетаемыхъ бѣдняковъ явился великодушный, преданный отечеству народный трибунъ Тиверій Гракхъ (163 — 133), сынъ Корнеліи, дочери великаго Сципіона Африканскаго, которая, подобно всѣмъ членамъ этой фамиліи, была воспитана въ духѣ греческой образованности и стремилась къ осуществленію философскихъ и человѣчныхъ идеаловъ; онъ потребовалъ (133) возстановленія Лициніевыхъ законовъ о поляхъ, только съ нѣкоторыми отмѣнами (§ 155). По его предложенію никто изъ гражданъ не долженъ былъ имѣть болѣе 500 югеровъ общественной или государственной земли для себя и болѣе 250 югеровъ на каждаго сына, но отнюдь не свыше 1000 югеровъ въ общей сложности; остальную землю полагалось роздать нуждающимся семействамъ небольшими участками, по 30 югеровъ каждый, но не въ полную собственность, а въ наслѣдственную аренду за умѣренный оброкъ, и раздѣлъ земель поручить коммиссіи изъ трехъ членовъ, подъ его личнымъ руководствомъ. Къ этому предложенію онъ присоединилъ другое: раздѣлить между бѣднѣйшими гражданами наслѣдство, полученное римскимъ народомъ отъ пергамскаго царя Аттала (§ 174). — Оптиматы, руководимые пылкимъ Сципіономъ Назикою, подняли противъ этого страшную бурю. Уже триста лѣтъ владѣли знатныя фамиліи своими землями и, не платя за нихъ ни кортомы, ни податей, давно привыкли считать ихъ за полную собственность. Чтобы похоронить это дѣло, оптиматы подбили другаго народнаго трибуна, М. Окта-

вія, которому нововведеніе также грозило урѣзкою земель, противустать предложенію своего товарища. Напрасно истощалъ Тиверій всѣ мѣры кротости и убѣжденія, чтобы отклонить упорство своего сочлена и прежняго друга, — своекорыстіе и подстрекательства со стороны богачей преодолѣли въ Октавіи чувство долга. Вслѣдствіе этого Гракхъ былъ приведенъ къ необходимости или отказаться отъ своего человѣколюбиваго и патріотическаго плана, или устранить противника. Онъ избралъ послѣднее и устроилъ дѣло такъ, что въ собраніи по трибамъ, гдѣ особенно многочисленно было сословіе сельчанъ, Октавій былъ лишенъ своего званія, а на его мѣсто выбранъ одинъ изъ кліэнтовъ Гракха; послѣ чего предложенія были приняты и назначены члены коммиссіи. Такой неслыханный, противный всѣмъ законамъ и обычаямъ, поступокъ съ народнымъ представителемъ, который считался священнымъ и неприкосновеннымъ, придалъ нѣкоторый видъ истины навѣтамъ Гракховыхъ враговъ, будто бы онъ стремится низпровергнуть всѣ учрежденія и присвоить себѣ царскую власть, и Гракхъ, несмотря на всю чистоту своихъ намѣреній, утратилъ мало-по-малу расположеніе обманутаго насчетъ его народа. Въ слѣдующемъ году, собственно до начатія еще многотруднаго размежеванія и выдѣла частныхъ полей изъ государственныхъ и до приступленія къ раздачѣ послѣднихъ, настало время новаго выбора трибуновъ; при этомъ произошло страшное волненіе, и благородный тридцатилѣтній вождь народа погибъ въ суматохѣ съ 300 своихъ приверженцевъ отъ руки оптиматовъ, которые послѣ этого дали полную волю кровавой мести. Поздно узналъ народъ свое заблужденіе и, воздвигнувъ статую въ честь Гракха, почтилъ этимъ своего великодушнаго защитника, котораго враги лишили даже почетнаго погребенія.

Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ (Ницшъ) такимъ образомъ описываетъ гибель Тиверія Гракха: «Гракхъ стоялъ въ кругу своихъ друзей, покинутый товарищами; самый опасный натискъ былъ имъ отбитъ, толпа шумно тѣснилась къ выходамъ, и все могло бы обойдтись благополучно. Но въ храмѣ Вѣрности (Fides) волненіе между аристократіей возрастало съ каждой минутой: могли ли тамъ спокойно слышать, что одинъ, всего одинъ трибунъ удержалъ за собою поле

битвы противъ цѣлой ихъ партіи? Консулъ Сцевола непоколебимо стоялъ за законъ; онъ хорошо зналъ своего юнаго друга и видѣлъ, что все дѣло теперь въ томъ, чтобы дать затихнуть волненію, и тогда оба они, и консулъ и трибунъ,—сохранили бы законную власть. Онъ и не вышелъ изъ терпѣнія. Но когда наконецъ Сципіонъ Назика грубо закричалъ ему, чтобы, обороняя республику, онъ шелъ и низвергъ тиранна, Сцевола спокойно объявилъ, что не пойдетъ ни на какое насиліе, но что еслибы Тиверій провелъ какое-нибудь противозаконное постановленіе народа, то онъ ни въ какомъ случаѣ не признаетъ его справедливымъ. Больше нечего было ждать; Назика вскочилъ съ мѣста и сказалъ: «Консулъ предаетъ городъ; кто хочетъ спасти законы, слѣдуй за мной». Онъ закинулъ тогу на голову, и его послѣ обвиняли, будто бы онъ хотѣлъ придать себѣ этимъ видъ, что, въ качествѣ жреца, идетъ приносить жертву Юпитеру. Народъ, увидѣвъ его во главѣ священнаго шествія, съ боязнію и почтеніемъ отступилъ назадъ. Слѣдовавшіе за нимъ подобрали тоги на одну руку и, вооружась каждый дубиной — дубье, осколки и полѣнья валялись вездѣ разбросанныя—ринулись впередъ; смущенная толпа не осмѣлилась къ нимъ притронуться и безъ сопротивленія дала себя оттѣснить. Такимъ образомъ съ оружіемъ Гракховыхъ приверженцевъ прошли они прямо къ нему и съ остервененіемъ бросились на него и на друзей, его окружавшихъ. Онъ и не думалъ о сопротивленіи: его хотѣли удержать за тогу, онъ сбросилъ ее и пустился бѣжать. Споткнувшись о разметанныя тѣла, онъ опять вскочилъ было на ноги, но тутъ товарищъ его Сатурей нанесъ ему первый ударъ въ голову ножкою отъ стула; честь втораго удара приписывалъ себѣ А. Руфъ. Передъ дверьми храма Вѣрности и передъ статуями царей, Гракхъ палъ мертвый. Къ вечеру вмѣстѣ съ трупомъ Гракха лежало еще триста тѣлъ и на Капитоліи и у его подошвы, потому что многіе были сброшены внизъ по крутымъ каменнымъ спускамъ твердыни. Каій въ ту же ночь хотѣлъ убрать и похоронить тѣло брата, но такія похороны возбуждали опасенія, и этого не допустили, а убитыхъ, еще до утра, покидали въ Тибръ всѣхъ до одного. Когда Сципіонъ Африканскій, въ Испаніи, узналъ о трагическомъ концѣ своего зятя, онъ высказалъ свое полное разномысліе съ погибшимъ въ слѣдующихъ Гомеровскихъ словахъ: «Такъ да погибнетъ и всякій, свершившій подобное дѣло».

Сенатъ почелъ невозможнымъ тотчасъ же прекратить начатые размежеваніе и раздѣлъ земель. Но слишкомъ неосторожный образъ

дѣйствій коммиссіи, выбранной изъ отъявленныхъ демократовъ, помѣшалъ болѣе успѣшному ходу дѣла. Вездѣ прибиты были публичныя объявленія, чтобы всякій, кто можетъ, сообщалъ указанія относительно объема государственныхъ земель; коммиссія безпощадно опиралась на древнія писцовыя книги и конфисковала безъ разбора не только общественныя земли, занятыя встарину или въ недавнее время, но нерѣдко и земли, дѣйствительно составлявшія частную собственность, если только владѣлецъ не могъ удовлетворительно доказать своихъ правъ. Вслѣдствіе этого во многихъ случаяхъ сильно страдали и частныя лица, и общины. И потому, по предложенію Сципіона Африканскаго въ 129 году, постановленіемъ народнаго собранія у коммиссіи отнята была судебная власть, и рѣшеніе вопроса, какія земли принадлежатъ государству, и какія составляютъ частную собственность, предоставлено консулу.

§ 183. Неудача и гибель Тиверія не устрашила его младшаго и даровитѣйшаго брата Каія Гракха (153 — 121): десять лѣтъ спустя онъ снова предложилъ законы о поляхъ (123) и присоединилъ къ нимъ еще хлѣбный законъ, объ отпускѣ бѣднымъ гражданамъ хлѣба по дешевой цѣнѣ изъ казенныхъ запасовъ, и нѣсколько другихъ льготныхъ для народа мѣръ (напр. о сокращеніи срока военной службы). Съ яснымъ взглядомъ на дѣло и съ полнымъ сознаніемъ пошелъ онъ бурною стезей переворота и жаждалъ отмстить политическимъ противникамъ, отъ которыхъ погибъ его братъ. Какъ смертельно раненный бросается въ-послѣдніе на врага, съ такимъ же страстнымъ спѣхомъ ринулся Каій Гракхъ на эту опасную дорогу. Его великое краснорѣчіе, его истинно-политическіе таланты, его благородная, хотя и полная смѣлаго честолюбія натура, душа любящая и преданная, и другія рѣзко выдающіяся качества, пріобрѣли ему бездну приверженцевъ въ низшихъ классахъ народа; тѣмъ болѣе, что онъ старался облегчить ихъ непосредственную нужду проведеніемъ дорогъ, сооруженіемъ общественныхъ зданій, а главное тѣмъ, что доставилъ возможность бѣднякамъ выселяться въ новоустроиваемую колонію Юнонію, которую по народному приговору положено было основать въ округѣ Карѳагена. Во главѣ безчисленныхъ дружинъ пролетаріевъ, которые служили ему тѣлохранителями, разъѣзжалъ онъ по городу и по всему

краю; никто не дерзалъ перечить могучему, съ тѣхъ поръ какъ великаго Сципіона Африканскаго (Эмиліана), родню и противника Гракхамъ, нашли одно утро мертвымъ въ постели. Убійство это было отвѣтомъ демократовъ на аристократическую бойню у храма Вѣрности; партіи какъ-будто старались превзойти другъ друга въ нагломъ беззаконіи. Суды не вступались въ это дѣло. Умному вождю народа посчастливилось даже поселить раздоръ между аристократами: онъ предложилъ два закона, — объ измѣненіи судебнаго порядка и о преобразованіи податной системы въ провинціи Азіи, чѣмъ привлекъ на свою сторону всадниковъ, т. е. денежную аристократію и купечество и разъединилъ ихъ съ сословіемъ сенаторовъ. Такимъ образомъ многіе изъ предложенныхъ имъ преобразованій были приняты безъ значительнаго сопротивленія. Такой успѣхъ придавалъ болѣе и болѣе смѣлости предпріимчивому Гракху. Онъ уже не довольствовался проведеніемъ полеваго закона и раздѣломъ общественной земли, онъ стремился къ преобразованію всего политическаго устройства; состоявшійся по народному приговору законъ, что одно и тоже лице можетъ ежегодно снова быть избираемо въ трибунскую должность, открывалъ ему дорогу къ пожизненному трибунству, а при этомъ онъ надѣялся употребить свою власть для ослабленія или устраненія правъ сената и на развалинахъ республики основать диктатуру или тираннію. Чтобы увеличить число своихъ приверженцевъ и свою силу, Гракхъ, по настоянію своего пылкаго друга и товарища Фульвія Флакка, сдѣлалъ предложеніе: дать право римскаго гражданства союзникамъ. Это привело въ ужасъ оптиматовъ. и они рѣшились снова прибѣгнуть къ испытанному прежде способу. Подкупленный народный трибунъ, Ливій Друзъ, заподозрилъ предложеніе Гракха и наобѣщалъ разныя другія, болѣе важныя, выгоды римскому народу, который и безъ того уже начиналъ бояться, что съ увеличеніемъ числа гражданъ онъ потерпитъ ущербъ и въ своихъ преимуществахъ и въ хлѣбной дачѣ. Друзъ увѣрялъ, что земляные участки, которые будутъ розданы народу, сдѣлаются неотъемлемою его собственностью, что положенный съ нихъ Гракхомъ ежегодный оброкъ будетъ отмѣненъ и что, вмѣсто заморскихъ ко-

лоній, народу будутъ отведены для переселенія болѣе удобныя мѣста въ самой Италіи. Такимъ образомъ аристократія вполнѣ достигла своей цѣли у лѣнивой, легкомысленной толпы. Предложеніе о распространеніи права гражданства на союзниковъ было отвергнуто народнымъ собраніемъ, и вскорѣ потомъ, при новыхъ выборахъ, въ то время, какъ Гракхъ находился въ Африкѣ для устройства тамъ карѳагенской колоніи, онъ не былъ избранъ въ трибуны и такимъ образомъ лишился возможности приводить въ исполненіе свои планы. Такой исходъ дѣла ободрилъ аристократію и, усиленная избраніемъ въ консулы Луція Опимія, стоявшаго во главѣ истыхъ вельможъ, она вступила теперь въ рѣшительную борьбу съ противниками. Прежде всего возстали жрецы противъ заселенія проклятой богами мѣстности, и когда Гракхъ возвратился и хотѣлъ приступить къ выводу новой колоніи, сенатъ созвалъ народное собраніе, чтобы остановить эту мѣру. Убійство одного изъ судебныхъ служителей при открытіи народнаго собранія произвело страшное волненіе въ смятенной толпѣ. Сенатъ обвинилъ Гракха въ нарушеніи государственныхъ уставовъ и объявилъ его опальнымъ; шумъ и крики противниковъ не позволили ему говорить, и онъ съ вооруженною толпой приверженцевъ удалился на Авентинскую гору, древнюю твердыню народной партіи въ эпоху прежнихъ междоусобій. Консулъ Опимій, облеченный диктаторскою властью по опредѣленію сената: «videant Consules ne quid respublica detrimenti capiat» (т. е. «консуламъ смотрѣть, чтобъ не пострадала республика»), потребовалъ на слѣдующее утро безусловной сдачи отъ демократовъ, успѣвшихъ уже окопаться и усилить себя толпами вооруженныхъ рабовъ; когда они отказали въ этомъ, Опимій велѣлъ идти на приступъ, и тутъ завязался жаркій бой. Возставшіе потерпѣли пораженіе. Фульвій и 3000 его товарищей, въ томъ числѣ его достолюбезный сынъ, который пытался уладить мировую, были перебиты, и тѣла ихъ побросаны въ Тибръ. Гракхъ бѣжалъ въ рощу Фуррины за рѣку и тамъ приказалъ рабу вонзить ему мечъ прямо въ сердце. Казни, изгнанія и заточенія вполнѣ избавили оптиматовъ отъ ихъ противниковъ; это пораженіе народной партіи и постепенное уничтоженіе всѣхъ законовъ, клонившихся къ пользамъ на-

рода, доставили аристократамъ неограниченное господство въ республикѣ. Запуганная и лишенная предводителей демократія безъ сопротивленія склонилась подъ тяжкое иго реакціонеровъ. «Аристократы (говоритъ Саллюстій) воспользовались этою побѣдой въ сласть, мечемъ и изгнаніемъ сбыли съ рукъ многихъ противниковъ, но этимъ не столько пріобрѣли власти, сколько навели общій страхъ. Такимъ образомъ часто великія державы приходили въ упадокъ, когда одна партія старалась во чтобы ни стало пересилить другую и потомъ какъ можно жесточе отомстить ей».—Память Гракховъ предана была проклятію; Корнелія не смѣла даже носить траура по своемъ послѣднемъ сынѣ, но страстная привязанность, которую многіе питали къ обоимъ благороднымъ братьямъ, и особенно къ Каію, при жизни ихъ, выразилась и по смерти его самымъ трогательнымъ образомъ въ томъ религіозномъ почти уваженіи, которымъ народъ, не смотря на всѣ полицейскія предосторожности, постоянно чествовалъ ихъ память, оказывая его даже и мѣстамъ, на которыхъ они пали.

Положеніе сословія всадниковъ. Между перешедшими въ законъ предложеніями Гракховъ самымъ важнымъ по своимъ слѣдствіямъ было постановленіе, что впредь судебное изслѣдованіе государственныхъ преступленій должно принадлежать сословію всадниковъ, а не сенаторовъ, какъ это было прежде, потому что этимъ сенаторы были изъяты изъ-подъ суда присяжныхъ, состоявшаго изъ членовъ ихъ же сословія, ровней (или перовъ), и подчинены новымъ судамъ, которыхъ члены принадлежали къ низшему кругу и были чужды ихъ сословныхъ интересовъ, что чрезвычайно ослабило значеніе сенаторства и породило глубокіе раздоры между родовою и денежною аристократіей. Ту же цѣль имѣло и другое предложеніе Гракха, измѣнить податную систему провинціи Азіи въ томъ смыслѣ, чтобы на будущее время взимать тамъ десятину, выгонный сборъ и таможенную пошлину, отдавая все это на откупъ въ Римѣ; этимъ средствомъ Гракхъ расположилъ въ пользу своего нововведенія богатыхъ всадниковъ и купцовъ, которые чаяли отъ сбора податей огромныхъ прибытковъ. Отъ Каія Гракха идетъ то чуждое древнему государственному праву начало, что «всѣ земли подвластныхъ Риму общинъ и государствъ должны считаться частною собственностью республики».

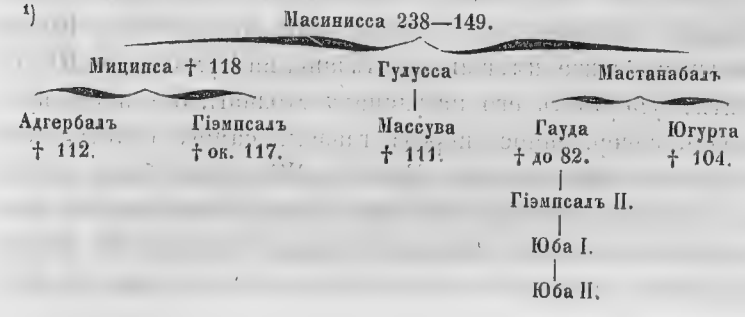
3. Время Марія и Суллы.

а) Югуртинская война (112—106).

§ 184. Оптиматы осрамили свое господство корыстью, противозаконіемъ и унизительною подкупностью, и въ своемъ высокомѣріи позабыли всякое чувство права и чести. Чтобы предупредить грозившіе имъ въ будущемъ полевые законы, они, въ силу народнаго приговора, обратили занятыя ими общественныя земли въ безоброчную частную собственность и такимъ образомъ придали своимъ чисто-своекорыстнымъ дѣйствіямъ видъ законности и права. Благочиніе и порядокъ видимо ослабѣвали; значеніе государственной власти падало съ каждымъ днемъ; правительство реакціонное, безчестное и безхарактерное, подрывало твердыя основы государства и общества. Думая только объ интересахъ своей партіи, аристократы предоставляли провинціи полному произволу назначаемыхъ туда правителей. Разсчитывая на такой нравственный упадокъ Рима и на господствовавшую тамъ продажность, Югурта, внукъ Масиниссы Нумидійскаго [1]), человѣкъ коварный, властолюбивый, ловкій воинъ, задумалъ овладѣть всѣмъ Нумидійскимъ царствомъ, которымъ онъ управлялъ сначала обще съ двумя своими двоюродными братьями, Гіэмпсаломъ и Адгербаломъ. Сперва онъ предложилъ имъ раздѣлиться и, во время переговоровъ объ этомъ, черезъ подосланныхъ убійцъ, умертвилъ Гіэмпсала; другаго брата онъ побѣдилъ въ войнѣ и принудилъ бѣжать въ римскую провинцію, откуда

---

[1])



тотъ прибылъ въ Римъ, умоляя сенатъ о заступничествѣ. Югурта, служившій во время войны съ Нуманціей въ римскомъ войскѣ и слышавшій тамъ отъ римской знатной молодежи, что въ Римѣ все продажно, поручилъ раздать значительную сумму денегъ вліятельнѣйшимъ сенаторамъ и добился, что смерть Гіэмпсала осталась безнаказанной; мало этого, при новомъ раздѣлѣ царства между братьями, который былъ порученъ особой римской коммиссіи, онъ получилъ всѣ лучшія земли на западѣ, а Адгербалу досталась восточная часть, состоявшая почти исключительно изъ песчаныхъ степей. Ободренный такимъ оборотомъ дѣла, Югурта старался завладѣть всѣмъ царствомъ, не смотря на то, что Римляне поручились за соблюденіе договора. Онъ началъ войну съ братомъ и осадилъ его въ городѣ Циртѣ. Поддержанный италійскими жителями края, Адгербалъ нѣсколько времени отбивался и потомъ снова прибѣгъ за помощью къ Риму. Но сенатъ, вторично подкупленный Югуртой, ограничился только тѣмъ, что отправилъ въ Нумидію посольство, которое должно было увѣщаніями отклонить Югурту отъ дальнѣйшихъ насилій. Напрасно: Югурта съумѣлъ освободиться отъ этихъ гостей и потомъ принудилъ городъ къ сдачѣ; Адгербалъ погибъ въ мученіяхъ, а все взрослое мужское народонаселеніе, какъ африканское, такъ и италійское, было перебито (112). Всеобщее негодованіе, возбужденное этими злодѣйствами, заставило сенатъ принять болѣе строгія мѣры. Нумидіи была объявлена война, и консулъ Кальпурній Бестія отправленъ съ войскомъ въ Африку. Однакожь Югурта скоро купилъ выгодный миръ. Безусловную покорность изъявилъ онъ только для виду. Черезъ нѣсколько времени онъ, по приглашенію сената, явился съ надежнымъ конвоемъ въ Римъ, для своего оправданія; въ Римѣ въ то время жилъ родственникъ Югурты Массува, также имѣвшій притязанія на Нумидію, и Югурта велѣлъ умертвить его на улицахъ столицы. Это новое преступленіе, совершенное передъ глазами самого сената, дало дѣлу рѣшительный исходъ. Миръ съ Югуртою былъ разорванъ, самъ онъ высланъ изъ Рима, и главное начальство надъ африканскими войсками поручено Спурію Альбину. Но Югурта подкупилъ предводителей, войска долго оставались въ без-

дѣйствіи и, вслѣдствіе праздной лагерной жизни, разныхъ соблазновъ и разврата, отвыкли отъ дисциплины и пришли въ такую вялость и изнѣженность, что при первомъ же нападеніи были разбиты и проведены подъ иго (109). Казалось, вся Африка пропала для Римлянъ; угнетаемое ими населеніе привѣтствовало въ Югуртѣ освободителя и національнаго героя. Такой позоръ дотого возмутилъ народъ въ Римѣ, что онъ, подъ предводительствомъ даровитаго трибуна Меммія, возобновилъ борьбу съ безнравственной аристократіей и повелъ ее съ полнымъ успѣхомъ. Напрасно сенатъ старался укротить эту бурю и удовлетворить оскорбленное чувство права тѣмъ, что поручилъ главное начальство надъ африканскимъ войскомъ правдивому, искусному въ военномъ дѣлѣ, но гордому аристократу Метеллу, а виновныхъ полководцевъ и сенаторовъ подвергъ изгнанію; напрасно и Метеллъ, введеніемъ строгаго порядка и военной дисциплины въ лагерѣ, возстановилъ честь римскаго народа и, славною побѣдой при рѣкѣ Мутулѣ и другими счастливыми битвами и завоеваніями, обновилъ древнюю славу римскаго оружія; все было напрасно—народъ, полный недовѣрія къ знати, хотѣлъ имѣть предводителемъ человѣка изъ своей среды, чтобы съ его помощію самому пріобрѣсти господство, которымъ опорозила себя знать. Такого предводителя народъ нашелъ въ лицѣ К. Марія, сына простаго селянина; это былъ человѣкъ, полный честолюбія и жажды власти, соединявшій съ мужествомъ, талантомъ полководца и суровою воинскою доблестью грубые нравы, ненависть къ аристократамъ и презрѣніе къ ихъ образованности и утонченности; въ то время онъ былъ однимъ изъ второстепенныхъ начальниковъ въ войскѣ Метелла. Оскорбясь его аристократическою гордостью, Марій отправился въ Римъ, гдѣ народная партія избрала его консуломъ (107) и поручила ему окончаніе Югуртинской войны, смѣнивъ самымъ обиднымъ образомъ заслуженнаго Метелла. Югурта, при всей своей хитрости, изобрѣтательности, неистощимо-богатыхъ средствахъ и ловкости въ малой войнѣ, недолго могъ противиться дѣятельному, неутомимому и гордому личными заслугами, а не славою предковъ Марію и его закаленнымъ въ бояхъ войскамъ, усиленнымъ толпами дюжихъ поселянъ, про-

летаріевъ и отпущенниковъ. Разбитый въ полѣ, потерявъ города и укрѣпленія, Югурта бѣжалъ къ сосѣднему царю Мавританіи Бокху, чтобы побудить его къ войнѣ съ Римлянами; но этотъ безхарактерный и нерѣшительный государь выдалъ его съ дѣтьми, при одномъ изъ условныхъ свиданій, умному, искусному и храброму римскому полководцу Л. Корнелію Суллѣ, который привелъ его скованнаго въ свой лагерь. Такъ кончилась это семилѣтняя война. Честь побѣды была связана съ именемъ Марія, и когда побѣдитель 1-го января 104 г. вступалъ въ Римъ, передъ его торжественною колесницей шелъ Югурта въ полномъ царскомъ облаченіи и въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ обоими сыновьями; по его повелѣнію чрезъ нѣсколько дней погибъ этотъ сынъ пустыни въ подземной городской тюрьмѣ, устроенной на мѣстѣ древняго колодца у Капитолія,—въ «прохладной банѣ», какъ назвалъ ее самъ Африканецъ, переступая ея порогъ, чтобы быть тамъ задушеннымъ или погибнуть отъ холода и голода. Бокхъ получилъ въ награду за свое предательство западную часть Нумидіи; остальныя земли Римляне отдали сводному брату Югурты, Гаудѣ.

Марій, сынъ бѣднаго земледѣльца изъ сельскаго городка Арпинума, род. въ 155 г. Впервые онъ выказалъ себя противникомъ знати, во время своего трибуната, когда предложилъ съузить устроенные на Марсовомъ полѣ для выборовъ и подачи голосовъ мостки и не смотрѣть при этомъ на дощечки, чѣмъ онъ ограничилъ господство на выборахъ оптиматовъ, которые обыкновенно занимали эти мостки и наблюдали, кто за кого подаетъ голосъ. — Будучи избранъ консуломъ, Марій произнесъ передъ народомъ рѣчь, въ которой сравнивалъ свои качества съ качествами аристократіи, и между прочимъ говорилъ: «Конечно, я не могу представить въ подтвержденіе своихъ правъ ни изображеній моихъ предковъ, ни указаній на ихъ тріумфы и консульства, но за то представлю вамъ, если понадобится, копья, знамена, ратные доспѣхи и другія военныя отличія, а кромѣ того и слѣды ранъ на груди. Вотъ лики моихъ предковъ, вотъ мое благородство, которое перешло ко мнѣ не по наслѣдству, какъ у тѣхъ знатныхъ господъ, но которое я самъ себѣ добылъ безконечными трудами и опасностями. Слова мои не выточены изящно, да я за этимъ и не гонюсь; истинное достоинство человѣка ясно обнаружится само собою. Вотъ

имъ, такъ нужно искусство, чтобы прикрыть свои постыдныя дѣла красными словами. Не знакомъ я и съ греческой литературой, да и не очень-то желалъ узнать ее, потому что не смогла же она внушить мужества самимъ ея преподавателямъ. Но я выучился тому, что всего полезнѣе для республики: поражать враговъ, отстаивать свой постъ до послѣдней капли крови, не бояться ничего, кромѣ худой молвы, одинаково переносить зимній холодъ и лѣтній зной, спать на голой землѣ и въ одно и тоже время переносить лишенія и напряженно работать. Такія правила внушу я и солдатамъ, но не допущу ихъ терпѣть нужду, живя самъ въ полномъ раздольѣ, не воспользуюсь и ихъ трудами для собственаго прославленія». — «Нельзя было отрицать, говоритъ Моммесенъ, что въ дѣйствительномъ успѣхѣ дѣла Марію принадлежала самая малая доля участія: покореніе Нумидіи вплоть до пустыни было дѣломъ Метелла, плѣненіе Югурты — дѣломъ Суллы, и между ними обоими Марій игралъ такую роль, которая для честолюбиваго выскочки была очень незавидна. Особенно же поставилъ Марія въ тѣни блистательный походъ Суллы въ пустыню, который не только передъ лицомъ полководца, но и передъ цѣлой арміей вполнѣ обнаружилъ его твердость, присутствіе духа, проницательность и умѣнье совладать съ людьми. Марію было не легко вынести, что предмѣстникъ его принялъ имя покорителя Нумидіи, и онъ пришелъ въ ярость, когда Бокхъ пожертвовалъ въ Капитолій золотую группу, представлявшую выдачу Югурты Суллѣ. Это военное соперничество было бы не важно само по себѣ, еслибъ оно не оказывало вліянія и на борьбу политическихъ партій, еслибъ оппозиція не оттѣснила Маріемъ сенаторскаго генерала и, напротивъ того, правительственная партія не прославляла съ обидною преднамѣренностью Метелла, а еще болѣе Суллу, какъ военныхъ корифеевъ, явно предпочитая ихъ тому, кто только слылъ за побѣдителя, не будучи имъ въ самомъ дѣлѣ».

б) Кимвры и Тевтоны.

§ 185. Еще неуспѣлъ Марій окончить африканской войны, какъ предѣламъ римской державы вдоль по Дунаю стали угрожать отъ сѣвера къ югу Тевтоны, отъ востока къ западу Кимвры. Это были сѣверные народы германскаго корня,

высокаго стройнаго тѣлосложенія, съ вьющимися бѣлокурыми волосами и исполинской силы, которые съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ, двинулись искать себѣ новыхъ обиталищъ. Телѣги съ кожанымъ верхомъ служили имъ подвижными жильями, гдѣ возлѣ утвари находилось еще мѣсто для женъ и дѣтей. Они одѣвались въ звѣриныя шкуры и носили желѣзные панцыри, въ человѣческій ростъ щиты, длинные мечи, тяжелыя пальцы и мѣдные богато-украшенные шлемы. Число ихъ конныхъ латниковъ простиралось, говорятъ, до 15,000. Битву начинали они съ ужаснымъ шумомъ и ревомъ, чтобы навести ужасъ на непріятеля. Ихъ старыя жрицы, въ бѣлыхъ полотняныхъ одеждахъ, приносили плѣнниковъ въ жертву на алтаряхъ своихъ боговъ, и по ихъ текущей крови предсказывали будущее. Причиною ихъ настоящаго движенія были, вѣроятно, свойственная Германцамъ страсть къ переселеніямъ и похожденіямъ, таинственный позывъ, влекущій сѣверянина на очаровательный югъ, и вмѣстѣ съ этимъ излишнее многолюдство, можетъ-быть бурное наводненіе и другія мѣстныя причины. Прежде чѣмъ постучаться у воротъ великой римской республики, нѣсколько десятковъ лѣтъ блуждали они по берегамъ Дуная и по сѣверной окраинѣ занятой Кельтами полосы. Сначала въ богатой рудами Каринтіи (у цвѣтущаго города Норея, къ сѣверу отъ Клагенфурта) Кимвры разбили въ кровопролитномъ сраженіи стерегшихъ ихъ въ засадѣ Римлянъ (113); потомъ, вмѣстѣ съ одноплеменными Тевтонами, съ Гельветами и другими кельтійскими народами, вторгнулись въ Галлію, неся съ собой опустошеніе, убійство и грабежъ. Пользуясь раздорами, продажностью и неподчиненностью римскихъ военачальниковъ и полководцевъ, въ четыре года уничтожили они при Ронѣ и у холмистыхъ, болотистыхъ береговъ Леманскаго озера пять консульскихъ войскъ, и навели страхъ и ужасъ на всю Италію. Воспоминаніе о старыхъ кельтскихъ нашествіяхъ, о битвѣ при Алліи и о пожарѣ Рима, наполнило сердца тревожною боязнью. И дѣйствительно, когда послѣ двойной побѣды (105) при Араузіо (Оранже) [1], Кимвры устремились черезъ Альпійскіе

[1] Въ 18 верстахъ къ сѣверу отъ Авиньона.

проходы въ Италію, господство Римлянъ поколебалось. Но къ счастію для Рима они сперва наводнили ближайшія области сосѣднихъ Галловъ, а потомъ потянулись на западъ къ Пиренеямъ. «Съ быстротою молніи появлялись они и разили, и какъ молнія изчезали»; они подобились «морской волнѣ или порыву бури», которые «своевольно и неожиданно» то быстро несутся впередъ, то вдругъ останавливаются, то бросаются въ сторону или отпрядываютъ назадъ. И эту бѣду римскій народъ не безъ основанія приписывалъ нравственному упадку аристократіи и отмстилъ ей за это, какъ въ Югуртинскую войну. Цепіонъ, знатный прокунсулъ Галліи, о которомъ шла молва, что онъ съ своими сообщниками разграбилъ храмовыя сокровища въ Толозѣ, былъ за это наказанъ изгнаніемъ и потерею имущества [1], а Марій, выбранный въ свое отсутствіе вторично консуломъ, получилъ главное начальство противъ Кимвровъ; и чтобы срочная смѣна въ должности не останавливала его предпріятій, консульство дано ему было пять разъ сряду, какъ бы на зло аристократіи и установленному ею порядку. Марій оправдалъ надежды народной партіи. Пока германскіе народы сражались съ жителями Испаніи, онъ значительно усилилъ свое войско дюжимъ людомъ, пополняя ряды легіоновъ, вслѣдствіе новой системы набора, Римлянами, Италійцами и союзниками, какого бы кто ни былъ происхожденія, и поднялъ у нихъ военную дисциплину постояннымъ упражненіемъ въ земляныхъ работахъ, маневрахъ и переходахъ. Когда враги, послѣ трехлѣтняго отсутствія усилившись новыми толпами, вторично появились у Альпійскихъ перевалovъ, чтобы двумя отдѣльными ратями пробиться въ Италію, Марій уже стоялъ на Ронѣ въ укрѣпленномъ лагерѣ. Напрасно Тевтоны и Амброны старались трои сутки взять лагерь приступомъ; ихъ дикая отвага сокрушилась объ искусство Римлянъ въ оборонѣ укрѣпленій и о предусмотрительность ихъ вождя. Послѣ сильнаго урона, отчаянные головорѣзы рѣшились отказаться отъ приступа и прямо, мимо лагеря, пройти въ Италію. Не смущаясь ихъ насмѣшливыми

[1] Именно *Цепіонъ* вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ *Маніліемъ* и были разбиты при Араузіо.

окликами: «Нѣтъ ли у Римлянъ какихъ-нибудь порученій къ ихъ женамъ», Марій далъ врагамъ спокойно уходить въ теченіе шести дней; потомъ послѣдовалъ за ними въ самомъ строгомъ порядкѣ и у города Аквэ Сексціэ (Эса) въ южной Галліи (въ Провансѣ) нанесъ имъ совершенное пораженіе (102). Кто не палъ или не лишилъ себя жизни, всѣ отведены были въ рабство. Жены ихъ, остававшіяся при обозѣ, умертвили сами себя и своихъ дѣтей, чтобы не отдаться Римлянамъ на поруганіе. Отдѣлившіеся отъ Тевтоновъ Кимвры и Гельветы проникли между тѣмъ чрезъ Тироль и долину рѣки Эчи (Адидже) въ верхнюю Италію, но предались тамъ беззаботно наслажденіямъ, которыя представляетъ эта богатая страна, пока Марій, соединясь съ своимъ товарищемъ Лутаціемъ Катуломъ, нанесъ имъ въ Раудійской равнинѣ, при Верцеллахъ (Верчелли), такое же рѣшительное пораженіе, какъ и Тевтонамъ (101). Суровый героизмъ этихъ Германцевъ, которые собственноручно убивали себя и дѣтей, чтобы избѣжать рабства, заставило содрогнуться самихъ Римлянъ. Небольшіе остатки ихъ искали спасенія въ Венедскихъ Альпахъ и въ Тирольскихъ горахъ, гдѣ, какъ полагаютъ, и до сихъ поръ сохранились ихъ потомки. Этотъ страшный «живой обвалъ», который тринадцать лѣтъ приводилъ въ трепетъ цѣлые народы, лежалъ теперь тихо въ сырой землѣ или обработывалъ ее въ тяжкой неволѣ. Но и надъ трупами избитыхъ племенъ продолжались печальные раздоры римскихъ партій: честь послѣдней побѣды демократъ Марій приписывалъ себѣ; по мнѣнію аристократовъ, она принадлежала исключительно Катулу.

в) Союзническая война (война съ Марсами.)

§ 186. Шестое консульство было наградою Марію (100), спасителю Италіи, которымъ гордилась, на котораго возлагала всѣ надежды народная партія. Благодаря ему, эта партія пріобрѣла отнынѣ перевѣсъ и опять возобновила планы Гракховъ; по этому оптиматы, которыхъ правамъ и имуществу грозила опасность, сомкнулись тѣснѣе между собой, для борьбы съ народомъ и его неугомонными трибунами. Предводи-

телемъ знати былъ Корнелій Сулла, умный политикъ, человѣкъ честолюбивый и опытный воинъ, соединявшій въ себѣ свойственную аристократамъ образованность и любовь къ искусству со страстью къ чувственнымъ наслажденіямъ и со всѣми пороками этого сословія. Вскорѣ обѣ партіи стали грозно другъ противъ друга. Едва Марій вступилъ въ консульство и получилъ себѣ въ товарищи человѣка не знающаго, какъ съ помощію своихъ приверженцевъ достигъ онъ того, что оба предводителя народной партіи, Апулеій Сатурнинъ, пламенный и краснорѣчивый врагъ сената, и его единомышленникъ Каій Сервилій Глауція, «гуляка» низкаго происхожденія и низкаго образа мыслей, но обладавшій грубымъ и мѣткимъ народнымъ краснорѣчіемъ, заняли значительныя городскія должности: первый, по умерщвленіи соперника-аристократа, сдѣлался народнымъ трибуномъ, а второй — преторомъ. Заодно съ этими дерзкими и безсовѣстными людьми и поддерживаемый шайкою прежнихъ солдатъ и союзниковъ, Марій вступилъ на путь Каія Гракха: по его волѣ Сатурнинъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы воинамъ, которые въ битвахъ съ Кимврами и Тевтонами оказали незабвенныя услуги отечеству, розданы были земли въ Африкѣ, Испаніи, Галліи и по ту сторону Альповъ. Это предложеніе, съ которымъ соединялась новая раздача хлѣба народу по самой низкой цѣнѣ, не только имѣло цѣлію возобновить прежніе планы колонизаціи въ болѣе обширномъ размѣрѣ, но клонилось и къ тому, чтобы уровнять въ этихъ новыхъ колоніяхъ гражданскія права Римлянъ и италійскихъ союзниковъ. Выполненіе этихъ предначертаній могло быть ввѣрено одному только Марію, а съ возложеніемъ на него подобнаго дѣла, предоставлялся ему случай удерживать за собою консульство съ году на годъ и такимъ образомъ стать на дѣлѣ повелителемъ Рима. Предложеніе это дополнили еще условіемъ, что черезъ пять дней по принятіи его каждый сенаторъ, подъ страхомъ потери своего голоса, обязанъ дать клятву въ точномъ исполненіи закона. Когда съ помощію Маріевой ватаги предложеніе дѣйствительно прошло въ народномъ собраніи, всѣ сенаторы дали требуемую клятву, кромѣ одного Кв. Метелла, который предпочелъ покинуть отечество. Радостно смотрѣли

Марій и Сатурнинъ на это добровольное изгнаніе самаго дѣятельнаго и опаснаго изъ своихъ противниковъ. Но эта кажущаяся побѣда народной партіи была началомъ ея паденія. Марій, стыдясь своихъ товарищей, которые выполняли общіе планы при помощи самой низкой черни и вооруженныхъ шаекъ негодяевъ, отступился отъ нихъ по крайней мѣрѣ для вида и сблизился съ сенатскою партіей; вслѣдъ за тѣмъ и всадники, т. е. сословіе богатыхъ гражданъ и купцовъ, испугавшись своевольныхъ и угрожающихъ поступковъ низшихъ сословій, отдѣлились отъ демократовъ и примирились съ партіей вельможъ. Возмущенные двусмысленнымъ поведеніемъ Марія, оба предводителя народной толпы рѣшились сами довершить начатое дѣло; для этого Сатурнинъ убійствами, возмущеніями и др. подобными средствами заставилъ продлить свой трибунатъ вторичнымъ избраніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ помощью вооруженныхъ шаекъ настаивалъ на томъ, чтобы товарищъ его Глауція возведенъ былъ въ консулы, и для того велѣлъ умертвить другаго соискателя на эту должность, К. Меммія. Такія преступныя дѣйствія наглыхъ коноводовъ толпы побудили наконецъ сенатъ принять рѣшительныя мѣры. Въ день, назначенный для новаго выбора трибуновъ (10 декаб. 100), весь сенатъ, съ своимъ маститымъ старшиною Маркомъ Скавромъ во главѣ, явился вооруженный на площади; созвана была молодежь высшихъ сословій и, подъ предводительствомъ самого консула Марія, пошла противъ народной партіи, усиленной толпами рабовъ. Вскорѣ битва разлилась по всѣмъ улицамъ столицы. Демократы были разбиты и оттѣснены къ Капитолію; тутъ у нихъ отрѣзали воду, и это принудило ихъ сдаться противникамъ. Ихъ заключили въ зданіе сената, и Марій употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы спасти главныхъ коноводовъ, которые открыто обвиняли его въ соучастіи; но знатная молодежь безъ приказанія взлѣзла на крышу и перебила заключенныхъ разобраннымъ кирпичемъ. Такъ пали оба гнусные демагога, Сатурнинъ и Глауція, со множествомъ своихъ приверженцевъ изъ высшихъ сословій и изъ черни. Они погибли безъ всякаго суда и законнаго приговора, какъ передовой отрядъ, покинутый главною арміей и тѣмъ самымъ вынужденный сгинуть безплодно въ

отчаянномъ бою. Такой исходъ дѣла доставилъ правительственной партіи полнѣйшую побѣду. Марій былъ нравственно уничтоженъ; чтобы не быть невольнымъ свидѣтелемъ почетнаго въѣзда въ городъ своего противника Кв. Метелла, онъ добровольно отправился на нѣкоторое время на Востокъ (99); денежная аристократія (всадники), совершенно отдѣлясь отъ партіи демократовъ и пролетаріевъ, и примирясь съ сословіемъ сенаторовъ, воспользовалась своей судебной властью, чтобы избавиться отъ своихъ противниковъ, и безпощадно осуждала ихъ на заточеніе и изгнаніе. Но злоупотребленіе правомъ побѣды породило новыя смуты. Суды присяжныхъ, составленные изъ сословія всадниковъ, карали не только демократовъ, но поступали очень строго даже и съ нѣкоторыми членами сенаторскаго сословія, которые, какъ напр. Муцій Сцевола и др., хотѣли обуздать откупщиковъ податнаго сбора, страшно утѣснявшихъ и раззорявшихъ провинціи, и по одному безсовѣстному доносу противозаконно присудили къ лишенію имущества храбраго и достойнаго консуляра П. Рутилія Руфа. Это произвело новый разрывъ между высшими сословіями; большая часть сенаторской партіи, подъ водительствомъ даровитаго М. Ливія Друза, человѣка одушевленнаго благороднымъ патріотизмомъ и полнаго нравственныхъ силъ, но юношески пылкаго, задумала отнять судебную власть у сословія всадниковъ и возвратить ее сенаторамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исцѣлить государство и отъ другихъ золъ, чтобы предохранить его на будущее время отъ потрясеній и смутъ народныхъ. На первомъ планѣ было у нихъ предложеніе: «всю еще не раздѣленную италійскую землю, именно государственныя имущества въ Кампаніи и лучшую часть Сициліи, назначить для водворенія тамъ переселенцевъ-гражданъ»; это, вмѣстѣ съ раздачею хлѣба въ правильные сроки и въ обширныхъ размѣрахъ, должно было остановить возрастающую бѣдность народныхъ массъ и оказать еще ту пользу, что будущимъ демагогамъ не осталось бы для раздачи уже ровно ничего, кромѣ «утренней зари да уличной грязи»; а обѣщаніемъ дать римскимъ союзникамъ права гражданства, Друзъ старался доставить государственному порядку новую опору и пріобрѣсть съ ихъ стороны сильную поддержку въ народномъ собраніи для проведенія своей ре-

формы вообще. Такимъ образомъ изъ среды аристократіи выступилъ народный вождь, сплвшійся излѣчить застарѣлыя язвы государства тѣми же средствами, какъ и Каій Гракхъ, но не соединявшій съ этимъ честолюбиваго стремленія прежнихъ демагоговъ, стать самому верховнымъ властителемъ. Избранный въ народные трибуны (осенью 91), Друзъ тотчасъ же предложилъ собранію о надѣлѣ землей, о хлѣбной дачѣ и о преобразованіи судопроизводства: онъ хотѣлъ, чтобы должности присяжныхъ были возвращены сенату, который для надлежащаго исполненія налагаемыхъ на него обязанностей долженъ быть усиленъ тремя стами новыхъ членовъ; кромѣ того состоявшіеся судебные приговоры должны подлежать пересмотру особой коммиссіи, которая требуетъ къ отвѣту всякаго судью, виновнаго въ подкупѣ или взяткѣ. Не упомпная еще о дерзновеннѣйшей изъ всѣхъ своихъ мѣръ, — о дарованіи правъ гражданства италійскимъ союзникамъ, — Друзъ встрѣтилъ уже страшный отпоръ по двумъ изъ своихъ предложеній. Всадники всячески старались удержать за собой право суда, консулъ и большая часть сената возстали противъ предложенія о земляномъ надѣлѣ. Все пришло въ ужасное волненіе. Друзъ былъ пораженъ убійцею въ сѣняхъ собственнаго дома въ ту самую минуту, какъ онъ прощался съ провожавшею его толпой; ударъ былъ такъ вѣренъ, что черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого благородный трибунъ испустилъ духъ. Убійцы не нашлось, судебнаго изслѣдованія наряжено не было: предложенныя реформы остались безъ исполненія, а мстительные судьи, всадники, неистово преслѣдовали, какъ виновныхъ въ государственной измѣнѣ, всѣхъ приверженцевъ убитаго трибуна, всѣхъ поборниковъ и соучастниковъ его плана. Смерть достойнаго Друза послужила сигналомъ къ одной изъ ужаснѣйшихъ междоусобныхъ войнъ, какія когда-либо опустошали прекрасную Италію. Италійскіе союзники, которые въ теченіе многихъ вѣковъ оставались вѣрны Риму и въ счастливые и въ черные для него дни, пожали плохую награду за свою вѣрность; въ то время, какъ цвѣтущая ихъ молодежь несла военную службу и, въ отдаленныхъ провинціяхъ, проливала кровь за чуждое господство, остававшіеся дома безнадежно стенали подъ «палками и сѣкирами» своихъ угнетателей и должны были переносить не

только всю тяготу военныхъ повинностей и налоговъ, но и грубую несправедливость римскихъ правителей, нарушеніе своихъ неприкосновенныхъ правъ. Многократно пробуждали въ Италійцахъ надежду на уравненіе ихъ съ римскими гражданами, но всякій разъ она рушилась и всякій разъ побѣждавшая партія аристократовъ, какъ бы въ насмѣшку надъ угнетенными, еще болѣе расширяла юридическую бездну, раздѣлявшую ихъ отъ Римлянъ. Попытки частныхъ возстаній, какъ было наприм. во Фрегеллахъ по паденіи Гракховъ, оканчивались убійствомъ и опустошеніемъ. Вѣсть о смерти Друза, этого аристократически-народнаго вождя, на обѣщанія котораго всего болѣе надѣялись союзники и который свелъ ихъ главныхъ представителей въ тайный союзъ, обязавъ ихъ клятвою «единодушно стоять за Друза и за общее дѣло»,—эта неожиданная вѣсть бросила искру въ давно скопившійся горючій матеріалъ ожесточенной ненависти. Убіеніе римскаго претора въ Аскулумскомъ театрѣ дало послѣдній толчокъ къ грозному возстанію союзниковъ (90), которое, «какъ пламя въ степи», быстро разлилось по всему полуострову. Всѣ народы сабельскаго корня, воинственные Самниты и Марсы впереди, отказались повиноваться Римлянамъ, и подъ руководствомъ отважнаго и умнаго Квинта Силона составили Италійскій союзъ, во главѣ котораго долженъ былъ стоять союзный совѣтъ (сенатъ) съ двумя консулами; столицею его назначался Корфиніумъ (который съ этихъ поръ долженъ былъ называться Италикой), въ странѣ Пелигновъ,—родъ анти-Рима, но на тѣхъ же основаніяхъ и съ тѣми же въ сущности учрежденіями. Навыкшія къ дѣлу войска, подъ начальствомъ опытныхъ полководцевъ, и общая военная казна повидимому ручались за успѣхъ предпріятія. Въ Римѣ все облеклось въ траурныя одежды, закрыты были суды надъ государственными преступниками, всѣ думали только о наборѣ войскъ и о заготовкѣ оружія. Чтобы увеличить свои военныя силы, Римляне призвали войска кельтскія и нумидійскія, вооружили вольноотпущенниковъ и даровали право гражданства оставшимся вѣрными Латинамъ, Этрускамъ и Умбрамъ и нѣкоторымъ городскимъ общинамъ нижней Италіи (по законамъ Юліеву и дополнительному Плавто-Папиріеву), чтобы удержать ихъ

отъ союза съ остальными Италійцами. Только этимъ Римляне обезпечили себѣ окончательный успѣхъ: послѣ разныхъ перемѣнъ счастія, послѣ многихъ кровавыхъ битвъ, осадъ и раззореній имъ удалось наконецъ совладать съ врагомъ, благодаря военному искусству своихъ полководцевъ, которые во время этого общаго бѣдствія забыли свою междоусобную вражду и соперничали другъ съ другомъ только въ спасеніи погибавшаго отечества. Но броженіе между побѣжденными все еще имѣло такой грозный характеръ, что Римляне въ предупрежденіе новыхъ возстаній почли необходимымъ предложить право римскаго гражданства по Юліеву закону всѣмъ союзникамъ, которые положатъ оружіе и возвратятся къ покорности (88). Такимъ образомъ двери гражданства, остававшіяся такъ долго запертыми для просьбъ, внезапно отворились, когда въ нихъ постучалъ мечъ, но отворились и теперь еще невполнѣ и несовершенно: кого и пустили въ нихъ, то все же неохотно и оскорбительно для вступавшихъ. Именно, права этихъ «новыхъ гражданъ» были ограничены въ разсужденіи голоса и занятія государственныхъ должностей; вообще они были поставлены почти въ такое же отношеніе къ старымъ гражданамъ, въ какомъ находились вольноотпущенники къ свободнорожденнымъ,—полумѣра, очевидно заключавшая въ себѣ сѣмя новыхъ потрясеній. Городамъ Кельтовъ по ту сторону По дано латинское право.

Союзническая война имѣла самыя древнія послѣдствія какъ для военнаго, такъ и для государственнаго быта Римлянъ. Пріемъ иноплеменныхъ солдатъ въ римскіе легіоны ослабилъ древнюю военную дисциплину и породилъ въ войскѣ духъ противленія и непокорность, часто доходившій до ужаснѣйшихъ злодѣяній. Увеличеніе военныхъ издержекъ, которыя падали теперь исключительно на гражданъ, было причиною, что многіе изъ нихъ обѣднѣли и задолжали. Теперь, какъ и во время древнихъ усобицъ между патриціями и плебеями, должники и заимодавцы смотрѣли крайне враждебно другъ на друга, и тѣмъ безжалостнѣе богатая денежная аристократія (всадники) взыскивала проценты и раззоряла бѣдныхъ, тѣмъ громче и грознѣе слышалось требованіе новыхъ законовъ о долгахъ, а мѣстами и «новыхъ разсчетовъ», т. е. законнаго уничтоженія всѣхъ долговыхъ требованій вообще. Городской преторъ Азеллліонъ, старавшійся умѣрить стро-

гость права мягкимъ толкованіемъ, навлекъ себѣ такую ненависть со стороны богачей, что его убили въ полномъ жреческомъ облаченіи передъ храмомъ Согласія (89), и это преступленіе вовсе не было изслѣдовано судебнымъ порядкомъ. Даже состояніе многихъ сенаторскихъ фамилій было въ крайнемъ разстройствѣ. Онѣ очень взволновались, когда народный трибунъ Публій Сильпицій Руфъ, человѣкъ хорошаго происхожденія, очень богатый и одаренный сильнымъ краснорѣчіемъ, въ числѣ прочихъ измѣненій въ законахъ предложилъ «объявить лишенными должностей всѣхъ сенаторовъ, которые задолжаютъ свыше 2000 денарій». Онъ надѣялся этою мѣрою очистить аристократію отъ зловредныхъ ея элементовъ, но только навлекъ себѣ такую ненависть, что былъ принужденъ, подобно своему другу и единомышленнику Ливію Друзу, соединиться съ демократіей и искать опоры въ новыхъ гражданахъ и вольноотпущенникахъ, связанныхъ однимъ общимъ недовольствомъ. Окружась вооруженною толпой изъ 3000 наемниковъ и сопровождаемый «противу-сенатомъ» изъ 600 молодыхъ людей, Сульпицій сталъ съ этихъ поръ господствовать на форумѣ и въ городѣ; чтобы снискать себѣ довѣренность у низшихъ классовъ народа, онъ соединился съ старцемъ Маріемъ, чье имя все еще имѣло вѣсъ въ этихъ рядахъ, и тѣмъ заставилъ встревоженную аристократію тѣснѣе примкнуть къ главномъ оплоту ея, Суллѣ.

г) Первая Митридатовская и первая междоусобная война (88—80).

§ 187. Еще въ горахъ и ущельяхъ Самніума свирѣпствовала кое-гдѣ союзническая война съ своими ужасными послѣдствіями, когда Римлянамъ началъ угрожать съ востока непріятель столько же умный, сколько и мужественный—Митридатъ, царь Понта, прекрасной горной страны, лежащей по берегу Чернаго моря. Митридатъ (Митридатъ Эвпаторъ, 130—63) сталъ такимъ же непримиримымъ врагомъ Римлянъ, какимъ былъ нѣкогда Ганнибалъ: этотъ государь, знавшій множество языковъ, опытный въ военномъ дѣлѣ и закаленный въ трудахъ и лишеніяхъ, старался соединить всѣ азіятскія государства въ одинъ обширный союзъ и освободить ихъ отъ власти Римлянъ. Страшныя угнетенія, которымъ подвергались эти края

отъ римскихъ откупщиковъ податей и сборщиковъ пошлинъ, облегчили ему исполненіе его замысловъ; дѣйствительно, положеніе страны было ужасно: «ни царскій вѣнецъ, ни хижина селянина не были безопасны отъ конфискаціи»; можно было подумать, что «каждая былинка ростетъ здѣсь только для римскаго десятинщика, что каждое дитя свободныхъ родителей выходитъ на свѣтъ только для римскихъ невольничьихъ острововъ». И Митридатъ мастерски раздулъ пламя ненависти и негодованія, которыя копились втайнѣ съ давнихъ поръ. Происходя по отцу отъ древне-персидскаго царскаго дома, а по матери родня Селевкидамъ, онъ въ лицѣ своемъ соединялъ всѣ великія воспоминанія восточныхъ народовъ; поэтому сказаніе вскорѣ украсило его самыми поэтическими вымыслами, представивъ въ дивныхъ размѣрахъ его ростъ, исполинскую силу, ловкость въ бѣганіи, въ ѣздѣ верхомъ и на колесницѣ, даже его страсть къ женщинамъ, къ вину и вообще къ чувственнымъ наслажденіямъ. Греческіе города склонилъ онъ на свою сторону благопріятствомъ эллинскому языку, искусству и образованности, которыми наружно восхищался, хотя въ душѣ былъ все-таки варваръ. Отличаясь предпріимчивостью и мужествомъ, великій часто по своимъ успѣхамъ и всегда по характеру, полководецъ въ военномъ совѣтѣ и храбрый соратникъ въ бою, Митридатъ былъ опасный непріятель, тѣмъ болѣе что съ своими истинно-рыцарскими чертами и многими царственными добродѣтелями онъ соединялъ свойства жестокаго деспота, который такъ же былъ готовъ на предательство и измѣну, на смертоубійство и на казнь, на хитрость и лицемѣріе, какъ и на смѣлую отвагу, на удалый военный подвигъ. Человѣкъ, преданный самой грубой чувственности, суевѣрный, жестокій, вѣроломный, но обладавшій мощнымъ организмомъ и непреклоннымъ упорствомъ въ борьбѣ, понтійскій царь былъ самымъ значительнымъ врагомъ римскаго народа, противъ котораго онъ оборонялся, «какъ левъ пустыни противъ охотника».—Овладѣвъ полуостровомъ Крымомъ и противулежащимъ ему мысомъ Азіи съ богатыми греческими торговыми городами, и обративъ всѣ эти земли въ одно Воспорское царство, Митридатъ при помощи своего зятя, Тиграна Арменскаго, силою и хитростью подчинилъ себѣ покровительствуемыя

Римомъ земли — Пафлагонію, Каппадокію и Виѳинію, умертвивъ или изгнавъ ихъ государей, и наконецъ создалъ себѣ флотъ и большое войско, составленное изъ разныхъ народовъ и заключавшее въ себѣ пѣхоту, всадниковъ и ратныя колесницы. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вошелъ въ связь съ Критомъ и другими островами Эгейскаго моря, и направилъ на западъ искони водившихся тамъ морскихъ разбойниковъ; потомъ онъ привлекъ на свою сторону легкомысленныя эллинскія государства Малой Азіи, очень ловко пробудивъ въ нихъ племенныя симпатіи и чувство ненависти къ Римлянамъ. Въ короткое время онъ овладѣлъ Фригіей и всею передовою Азіей; города высылали къ нему пословъ, призывая къ себѣ это «спасительное божество», и жители въ праздничной одеждѣ выходили встрѣчать его за городскія ворота. Пергамъ, мѣстотребываніе римскаго правителя, сдѣлался новою столицей Митридата. Престарѣлый римскій проконсулъ, Маній Аквиллій, былъ взятъ въ плѣнъ; его водили по всей странѣ, то пѣшкомъ, прикованнаго къ конному Бастарну [1]; то верхомъ, привязаннаго на ослѣ, и наконецъ залили ему горло расправленнымъ золотомъ. Недовольствуясь этимъ, понтійскій царь придумалъ еще ужаснѣйшую месть своимъ врагамъ. Изъ Эфеса отправилъ онъ всѣмъ подвластнымъ ему правителямъ и городамъ приказъ «въ назначенный день умертвить всѣхъ находящихся на лицо Италійцевъ (togati), свободныхъ и несвободныхъ, безъ различія пола и возраста, тѣла ихъ бросить на съѣденіе птицамъ, а имущество конфисковать, удерживая половину его въ пользу убійцъ, а другую представляя царю». Вслѣдствіе этого повелѣнія восемьдесятъ тысячъ безоружныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей были равнодушно избиты. Только остр. Родосъ и южная береговая полоса остались еще за Римлянами. Митридатъ угрожалъ римскому господству нетолько въ Азіи, — флотъ его уже приставалъ къ Делосу и Эвбеѣ и грабилъ тамъ купеческій товаръ и вообще жителей изъ Италійцевъ; въ тоже время его сухопутное войско двинулось изъ Ѳракіи въ Македонію и Ѳессалію, между

[1] Бастарны — полудикій народъ сомнительнаго происхожденія, жившій сначала по Днѣстру и около Карпатовъ. Его пѣшія и особливо конныя дружины ходили служить по найму. Такъ въ войскѣ Персея Мкедонскаго было до 20,000 Бастарновъ.

тѣмъ какъ приверженцы его старались склонить къ союзу съ Понтомъ Аѳинянъ, Беотійцевъ, Ахейцевъ, Лакедемонянъ и др. народы Эллады и Пелопоннеса, а полководцы его Архелай и Аристіонъ вторглись съ военными силами въ самую Грецію. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ римскій сенатъ поручилъ верховное начальство противъ Митридата главѣ аристократической партіи, Корнелію Суллѣ, который уже отличился въ Союзнической войнѣ и въ награду былъ удостоенъ консульства. Но Маріи завидовалъ этому назначенію своего соперника, обѣщавшему много почестей и богатствъ; съ помощію демократическаго народнаго трибуна Публ. Сульпиція Руфа (§ 186) и при содѣйствіи новыхъ гражданъ и вольноотпущенниковъ, которымъ посулили включеніе въ старыя трибы съ полнымъ правомъ гражданства и голоса, онъ достигъ того, что по приговору народа веденіе Митридатовской войны предоставлено было ему. Два легіонныхъ начальника принесли это извѣстіе Суллѣ, стоявшему лагеремъ подъ Нолою, но воины Суллы, вполнѣ ему преданные и притомъ одичавшіе въ войнѣ, были до того озлоблены этою новостью, что побили вѣстовщиковъ каменьями, а Сулла, вмѣсто того, чтобы исполнить приговоръ народа и передать главное начальство противнику, повелъ свои войска прямо на Римъ. Послѣ нѣсколькихъ легкихъ побѣдъ передъ городомъ и въ немъ самомъ, Сулла усмирилъ озадаченный народъ, распорядился, чтобы Маріи и одинадцать дѣятельнѣйшихъ его соумышленниковъ были объявлены предателями отечества, и пока его главный соперникъ среди разныхъ приключеній и опасностей спасался тайными путями черезъ Минтурнскія болота въ Африку, а Сульпицій погибъ отъ руки убійцъ, онъ принялъ разныя мѣры для водворенія въ городѣ спокойствія и порядка. Онъ возстановилъ прежнее значеніе сената и дополнилъ его составъ принятіемъ въ него трехъ-сотъ новыхъ членовъ; ограничилъ власть и вліяніе бѣднѣйшихъ классовъ въ народномъ собраніи, возстановилъ прежній порядокъ въ подачѣ голосовъ и выборахъ, и сократилъ права народныхъ трибуновъ; онъ умѣрилъ жестокость долговыхъ законовъ и открылъ пути пролетаріямъ переселяться въ отдаленныя колоніи. При всѣхъ этихъ распоряженіяхъ онъ поступалъ умѣренно и милосердо,

чтобы имѣть возможность скорѣе отправиться противъ Митридата, и даже допустилъ, что вмѣстѣ съ предложеннымъ отъ него аристократомъ Кн. Октавіемъ, въ консулы избранъ былъ также смѣлый предводитель демократовъ Луцій Корнелій Цинна, который впрочемъ клятвенно обязался не нарушать новыхъ постановленій. Этою уступкой Сулла надѣялся умирить противную партію.

Публ. Сульпицій, объявленный врагомъ отечества, былъ схваченъ и умерщвленъ у города Лаурентума; голова его была привезена въ Римъ и по повелѣнію Суллы выставлена на площади, на той самой каѳедрѣ, гдѣ немного лѣтъ тому назадъ стоялъ онъ еще въ цвѣтѣ юношескихъ силъ и въ полномъ развитіи своего ораторскаго таланта. Остальные осужденные скрылись отъ своихъ преслѣдователей, которые и за престарѣлымъ Маріемъ гнались по пятамъ. «Не смотря на то, говоритъ Моммсенъ, что этотъ полководецъ помрачилъ цѣлымъ рядомъ недостойныхъ дѣлъ воспоминаніе о своей прежней славѣ, теперь, когда онъ, бывшій спаситель отечества, бѣжалъ, спасая собственную жизнь, слава побѣдителя при Верцеллахъ воскресла снова, и во всей Италіи съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидали и передавали каждую новую вѣсть объ его удивительномъ бѣгствѣ. Въ Остіи онъ сѣлъ на корабль, чтобы отплыть въ Африку; но противные вѣтры и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ заставили его выйдти на берегъ у Цирцейскаго мыса, и бродить просто на удачу. Сопровождаемый немногими и не довѣряя ни кому, маститый консуларъ пришелъ пѣшкомъ, часто мучимый голодомъ, въ окрестности римской колоніи Минтурнъ, при устьѣ Гарильяно. Тутъ показались вдали преслѣдовавшіе его всадники; съ трудомъ добрался онъ къ берегу, и стоявшее тамъ купеческое судно скрыло его отъ преслѣдователей, но трусливые судовщики скоро опять пристали къ сушѣ, и когда Марій уснулъ, они отъ него ушли. Въ прибрежныхъ минтурнскихъ болотахъ, по-поясъ въ тинѣ и спрятавшаго голову въ кучу тростника, нашли его преслѣдователи и передали городскому начальству въ Минтурнахъ. Тутъ засадили его въ темницу и послали городскаго палача изъ кимврскихъ рабовъ, совершить надъ нимъ смертную казнь по приговору; но Германецъ испугался огненныхъ взоровъ своего прежняго побѣдителя, и топоръ выпалъ у него изъ рукъ, когда Марій повелительно спросилъ его своимъ мощнымъ голосомъ, достанетъ ли у него силъ убить Каія Марія. Узнавъ объ этомъ, городскія власти

смутились стыдомъ при мысли, что спаситель Рима встрѣчаетъ больше благоговѣнія у невольниковъ, которыхъ онъ же и поработилъ, нежели у согражданъ, которымъ онъ даровалъ свободу; они сняли съ него оковы, дали ему корабль и денегъ на дорогу, и отправили его на остр. Энарію (Искію). Сюда мало-по-малу собрались всѣ изгнанники, кромѣ Сульпиція; они приставали потомъ къ Эриксу и къ бывшему Карѳагену, но римскіе чиновники не приняли ихъ ни въ Сициліи, ни въ Африкѣ. Тогда они бѣжали въ Нумидію, гдѣ песчаныя прибрежныя пустыни послужили имъ убѣжищемъ на зиму; но царь Гіэмпсалъ, котораго они надѣялись склонить въ свою пользу, и который нѣсколько времени показывалъ видъ, будто намѣренъ взять ихъ сторону, въ самомъ дѣлѣ сближался съ ними только для того, чтобы вѣрнѣе погубить ихъ и наконецъ рѣшился ихъ захватить. Съ трудомъ спаслись бѣглецы отъ его взадниковъ и нашли убѣжище на небольшомъ островѣ Керкинѣ у тунисскаго берега. Не знаемъ, благодарилъ ли Сулла свою судьбу между прочимъ и за то, что ему не пришлось умертвить побѣдителя Кимвровъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ повода полагать, что онъ наказалъ минтурнскихъ чиновниковъ».

§ 188. Сулла переправился теперь въ Грецію, послѣ жестокой осады взялъ приступомъ изнуренныя голодомъ Аѳины (86), которыя поплатились страшнымъ кровопролитіемъ за свое отпаденіе, и нанесъ понтійскому полководцу Архелаю, несмотря на превосходство его силъ и особливо конницы, такое ужасное пораженіе въ битвѣ при Херонеѣ, что у того спасся едва только двѣнадцатый человѣкъ. При всемъ томъ положеніе Суллы было очень затруднительно: у него не было военнаго флота, правительство нуждалось въ деньгахъ и доставляло ему только скудныя пособія; къ тому же, вскорѣ потомъ въ Римѣ господство снова перешло въ руки демократовъ, которые старались мѣшать ему въ его предпріятіяхъ. Но военныя дарованія Суллы и его любовь къ отечеству преодолѣли всѣ трудности. Онъ отправилъ демократическаго полководца Луція Валерія Флакка, товарища Цинны, чрезъ Македонію и Ѳракію въ Малую Азію (гдѣ вскорѣ противъ него возмутились войска, по внушенію подчиненнаго ему полководца К. Флав. Фимбріи, и Флаккъ лишился жизни, а начальство надъ войскомъ перешло къ его противнику), а самъ при Орхоменѣ (85) совершенно разбилъ понтійскаго полководца Дорилая, ко-

торый велъ въ Грецію вспомогательный корпусъ; большая часть непріятеля пала въ битвѣ или погибла въ копайскихъ болотахъ. Эта побѣда снова утвердила римское господство во всей Греціи, и теперь понтійскій царь, который жестокимъ деспотическимъ правленіемъ сдѣлалъ имя свое, прежде столь прославляемое въ Греціи и на островахъ, ужасомъ для всѣхъ подвластныхъ, вступилъ съ Суллою въ переговоры, тѣмъ охотнѣе, что въ тоже время войско Митридата было разбито на голову демократомъ Фимбріей. Герой-аристократъ, желая поскорѣе отмстить своимъ политическимъ противникамъ, согласился на предложенія Митридата и заключилъ съ нимъ миръ (84), по которому Риму не только возвращено прежнее его господство во всей передовой Азіи, но кромѣ того выдана въ вознагражденіе большая денежная сумма и уступленъ весь понтійскій флотъ. Отпавшіе города и провинціи должны были тяжко поплатиться. Кромѣ уплаты 20,000 талантовъ (около 30 милліоновъ рублей) военной контрибуціи, они должны были взнести десятину и другія подати, оставшіяся въ недоимкѣ за предыдущія пять лѣтъ. Отъ такихъ огромныхъ денежныхъ взысканій они совершенно раззорились и сдѣлались добычею римскихъ ростовщиковъ. Сторонника демократической партіи, Фимбрію, несмотря на его славныя побѣды надъ Митридатомъ, гнали и преслѣдовали въ войскѣ какъ Маріева соумышленника. Угрожаемый Суллою, покинутый своими солдатами, онъ самъ лишилъ себя жизни въ храмѣ Эскулапа, въ Пергамѣ. Къ сожалѣнію, онъ опозорилъ свое имя разрушеніемъ Новаго Иліона за то, что этотъ городъ дерзнулъ примкнуть къ противной партіи.

Духъ разрушенія и хищничества, выказанный войсками Суллы при покореніи Аѳинъ, сдѣлалъ имя его страшнымъ и ненавистнымъ для Грековъ. Онъ не пощадилъ ни прекрасныхъ аѳинскихъ зданій, длинныхъ стѣнъ, академіи, ликея и др., ни храмовъ, ни священныхъ памятниковъ древности. Даже въ дельфійскомъ храмѣ захватилъ онъ послѣдніе приносные дары, а ѳивы привелъ почти въ совершенное раззореніе. Замѣчательно, что и въ такомъ человѣкѣ какъ Сулла любовь къ искусству должна была уступить корысти и жаждѣ чувственныхъ наслажденій. При взятіи Аѳинъ въ руки побѣдителя достались скрываемыя до тѣхъ поръ творенія Аристотеля и

Θеофраста; онъ обнародовалъ ихъ и такимъ образомъ сберегъ для потомства (§ 99).

§ 189. Между тѣмъ демократическій консулъ Цинна въ Римѣ, вопреки данному обѣщанію, посягнулъ на учрежденія Суллы: онъ хотѣлъ возстановить честь осужденныхъ имъ изгнанниковъ и доставить возможность новымъ гражданамъ и вольноотпущенникамъ вступать въ древнія трибы съ полнымъ правомъ гражданства; но, послѣ кровопролитной схватки на улицахъ, аристократическая партія лишила его консульства и выгнала изъ города вмѣстѣ съ храбрымъ и благороднымъ вождемъ демократовъ Серторіемъ и со многими другими приверженцами. Пылая местью, онъ собралъ вокругъ себя толпы недовольныхъ новыхъ гражданъ, союзниковъ и рабовъ, которымъ обѣщалъ свободу, и призвалъ на помощь съ развалинъ Карѳагена своего друга Марія (87). Марій скоро явился на вызовъ; въ Этруріи онъ собралъ военную дружину изъ суровыхъ поселянъ, отчаянныхъ разбойниковъ, безправныхъ вольноотпущенниковъ и полугражданъ, соединился съ Цинной и принудилъ къ сдачѣ Римъ, обезсиленный голодомъ, повальными болѣзнями и внутреннимъ раздоромъ. Теперь-то Марій, освобожденный отъ опалы трепетнымъ сенатомъ, далъ полную волю своей жаждѣ мщенія. Шайки его грубыхъ воиновъ разсыпались по улицамъ города, грабя и убивая. Вожди аристократической партіи, въ числѣ которыхъ были благороднѣйшіе сенаторы, прославленные дѣлами предковъ и собственными подвигами (побѣдитель Кимвровъ Катулъ, консулъ Октавій, ораторъ Антоній, Луцій и Каій Цезари, два брата Крассы и мн. др.), были умерщвлены, ихъ домы разграблены и разрушены, имущество конфисковано, и самыя тѣла ихъ брошены безъ погребенія въ добычу собакамъ и хищнымъ птицамъ. Пятеро сутокъ испытывалъ Римъ всѣ ужасы и бѣдствія взятаго съ боя города. Насытивъ свою месть, Марій велѣлъ въ седьмой разъ избрать себя консуломъ и такимъ образомъ достигъ цѣли, предсказанной ему еще въ юности оракуломъ и къ которой этотъ суевѣрный человѣкъ стремился столь многіе годы. Боги даровали ему то, чего онъ желалъ; но и теперь, какъ во времена миѳической древности, они съ роковою ироніей погубили человѣка именно

исполненіемъ его желаній. Марій, — гордость согражданъ въ свои пять первыхъ консульствъ, — сталъ посмѣшищемъ ихъ въ шестое, а теперь, занявъ эту должность въ седьмой разъ, онъ навлекъ себѣ проклятія всѣхъ партій и ненависть цѣлой націи; онъ, отъ природы справедливый, даровитый и честный въ душѣ человѣкъ, опозорилъ себя теперь, какъ сумасбродный атаманъ гнусной шайки разбойниковъ. Страшное волненіе, въ которое повергли его, какъ его собственная кровожадность, такъ боязнь мести со стороны Суллы и зависть къ его счастію, лишили Марія душевнаго покоя; тревожно бросался онъ туда и сюда, ища въ винѣ послѣдняго средства забыться; наконецъ горячка, сопровождаемая дикимъ бредомъ, въ одну недѣлю покончила его жизнь (13 янв. 86). При извѣстіи о смерти Марія, какъ нѣкогда при вѣсти о пораженіи Тевтоновъ, свободно вздохнули и Римъ и Италія. Чрезъ нѣсколько времени Серторій приказалъ умертвить четыре тысячи самыхъ отчаянныхъ его клевретовъ. Спустя два года (84), убитъ въ въ солдатскомъ мятежѣ Цинна, отправлявшій нѣсколько лѣтъ должность консула самовольно, безъ народнаго избранія, и демократическая партія маріанцевъ лишилась такимъ образомъ своихъ лучшихъ предводителей именно въ то время, когда Сулла, послѣ счастливаго окончанія Митридатовской войны, вышелъ на берегъ въ Италіи (83). Съ истиннымъ патріотизмомъ отвергалъ онъ до сихъ поръ всѣ вызовы бѣжавшихъ къ нему аристократовъ, которые хотѣли, чтобъ онъ поспѣшилъ отмстить личнымъ своимъ врагамъ; онъ не соглашался на это до тѣхъ поръ, пока не былъ усмиренъ общій врагъ отечества и пока не были возстановлены предѣлы государства: умерщвляли его друзей, раззоряли его домы, повергали въ бѣдствіе всю его семью, а Сулла все-таки оставался на своемъ постѣ.

§ 190. Поддерживаемый аристократами, которые стремились къ нему со всѣхъ сторонъ, Сулла двинулся прямо къ Риму. Въ нижней Италіи разбилъ онъ во многихъ удачныхъ схваткахъ демократическихъ консуловъ и привлекъ ихъ войска на свою сторону; потомъ дошла очередь до младшаго Марія, который передъ удаленіемъ изъ Рима велѣлъ перебить всѣхъ уцѣлѣвшихъ еще представителей противной партіи и въ томъ

числѣ почтеннаго верховнаго жреца К. Сцеволу; поразивъ его въ счастливой битвѣ у Сакрипорта, Сулла загналъ Марія въ укрѣпленный городъ Пренесте (Палестрину), и тѣсною осадой довелъ его до отчаяннаго самоубійства; наконецъ въ страшно кровопролитной битвѣ предъ воротами Рима (porta Collina) онъ уничтожилъ партію маріанцевъ и возмутившихся Самнитянъ. Еще при выходѣ на берегъ Италіи, Сулла обезпечилъ новоприобрѣтенныя политическія права всѣмъ новымъ гражданамъ и Италійцамъ, чтобъ они не перешли въ противоположный станъ; однако сабелльскія племена, въ которыхъ отважные полководцы Понтій Телезійскій и М. Помпоній возбудили ихъ древній воинственный духъ и ненависть къ Римлянамъ, отказались отъ такой уступки и предпочли войну, въ надеждѣ отстоять нетолько эти права, но и то независимое положеніе, какое пріобрѣли они во время господства демократической партіи, при чемъ высказывался ихъ замыслъ—срыть до основанія городъ Римъ, этотъ «волчій боръ», какъ они его тогда величали. Побѣда Суллы предъ Коллинскими воротами (25 окт. 82 г.) спасла столицу отъ вѣрной гибели и была вмѣстѣ съ тѣмъ смертельнымъ ударомъ для демократовъ, которые выставили всѣ свои силы въ этомъ сраженіи. Черезъ нѣсколько дней 8000 плѣнныхъ были приколоты въ циркѣ въ то самое время, какъ Сулла собралъ для совѣщанія сенатъ въ близь-лежащемъ храмѣ Беллоны. Раздирающіе вопли обреченныхъ смерти, стоны раненыхъ и послѣдній хрипъ умирающихъ проникали въ залу собранія. Услышавъ ихъ, сенаторы содрогнулись и трепетно покорились велѣніямъ сильнаго. Видя неизбѣжную гибель, жители возмутившихся городовъ Кампаніи и Лаціума сами зажигали свои домы и собственноручно умерщвляли себя и своихъ, чтобы лишить ненавистнаго противника и мести и добычи. Эта междоусобная война уже стоила ста тысячъ человѣческихъ жизней, когда Сулла (прозванный счастливымъ) для довершенія своего торжества обнародовалъ свои опальные списки (проскрипціи), съ именами тѣхъ маріанцевъ, которыхъ, по приговору новыхъ судилищъ ужаса, каждый могъ лишить жизни и имущества. Этимъ онъ разорвалъ всѣ узы крови, дружбы, гостепріимства и благоговѣйнаго уваженія

(pietas): сыновья были вооружены противъ отцовъ, рабы противъ господъ; укрыватель подвергался той же казни, какъ и опальный, а выдавшій обреченнаго на смерть получалъ за это часть его имѣнія. Болѣе 100 сенаторовъ и консуларовъ, болѣе 2000 всадниковъ погибло въ это время, не говоря о людяхъ низшаго званія. Злодѣйство, ужасъ и полное нравственное паденіе господствовали повсюду. Въ силу законовъ объ опальныхъ, низость вмѣнялась въ заслугу, а благородство духа— въ преступленіе. Убійство возведено было Суллой на степень искусства; съ дивною изобрѣтательностью придумывалъ онъ безчисленные виды смертей, чтобы увеличить муки жертвъ своей мести. Самыя дикія страсти необузданно свирѣпствовали въ Римѣ и въ Италіи нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Сулла, избранный въ диктаторы на неопредѣленное время и облеченный царскимъ полновластіемъ «для составленія законовъ и водворенія порядка въ государствѣ», издалъ такъ-называемые Корнеліевскіе законы, по которымъ все государственное управленіе переходило въ руки аристократовъ, у всадниковъ была отнята ихъ судебная власть, а система податей въ провинціяхъ и положеніе низшихъ классовъ получили совершенно новое устройство. Сенатъ, котораго численный составъ увеличился приверженцами Суллы и нѣкоторыми изъ сословія всадниковъ до 500, сталъ высшимъ судебнымъ вѣдомствомъ и руководилъ законодательною и административною частями, тогда какъ народныя собранія были ограничены уничтоженіемъ права аппелляціи (jus provocationis), а трибунатъ сдѣлался на нѣкоторое время только тѣнію прежняго и лишился всякой власти (79). Безъ разрѣшенія сената ни трибунъ, ни какой другой сановникъ не имѣлъ права обращать къ народу рѣчь. Давъ эти учрежденія, Сулла, котораго деспотизмъ можно считать ужь предвѣстникомъ близкаго перехода республики въ монархію, удалился въ свое помѣстье близь Кумъ, гдѣ скоро и умеръ на шестидесятомъ году жизни (78) отъ истеченія крови или отъ другаго ужаснаго недуга, порожденнаго роскошью и неумѣренностью въ чувственныхъ наслажденіяхъ (отъ вшивой болѣзни). Тѣло его было перенесено въ Римъ въ сопровожденіи безконечной процессіи, и тамъ, украшенное двумя тысячами золотыхъ

вѣнковъ, предано сожженію на Марсовомъ полѣ при великолѣпнѣйшихъ похоронныхъ торжествахъ, а прахъ его помѣщенъ между гробницами древнихъ царей. Сулла можно-сказать гордился порокомъ; шуты и непотребныя женщины составляли его любимое общество въ свободные часы и во время пышныхъ трапезъ. Его безчувственность и жестокосердіе всего лучше видны изъ того, что окруженный трупами загубленныхъ имъ жертвъ, онъ могъ называть себя счастливымъ. Безъ вѣры въ высшій міровой порядокъ, отдавался онъ вполнѣ своему счастію и своему мощному духу, и старался заглушить голосъ совѣсти буквальнымъ соблюденіемъ всѣхъ суевѣрныхъ требованій религіи. Его Записки не дошли до насъ.

«Сулла былъ красивъ, говоритъ Друманнъ, пока не заклеймилъ его порокъ. Онъ сознавалъ это самъ, и расположеніе къ нему женщинъ подтверждаетъ его выгодное о себѣ мнѣніе. У него были голубые глаза и бѣлокурые волосы. Но на видъ онъ состарѣлся преждевременно; только гнѣвъ и отвратительные пупырья покрывали краской его блѣдное лицо, а взоръ и выраженіе обличали у него только похотливость и презрительную насмѣшку. Его распутство навлекло ему болѣзнь; но онъ изнемогъ только тогда, когда уже былъ близокъ къ обыкновенному предѣлу жизни.— Въ его могучемъ тѣлѣ обиталъ еще болѣе могучій духъ. Сулла не нуждался въ долгомъ изученіи, а развѣ лишь въ небольшой опытности для того, чтобы быть первымъ въ совѣтѣ и на полѣ битвы; онъ какъ бы шутя схватывалъ то, чего другіе добиваются съ усиліемъ, и вполнѣ отдавался своему генію, потому что былъ въ себѣ увѣренъ.— Не будучи ученымъ и занимаясь книгами только для развлеченія, онъ однако былъ знатокомъ даже и греческой литературы». «Сулла не даромъ прославлялъ свою счастливую звѣзду», замѣчаетъ Моммсенъ. «Прихотливая богиня счастія какъ будто отдалась на этотъ разъ прихоти постоянства и сплошь надѣляла своего любимца и успѣхами въ предпріятіяхъ и почестями, всѣмъ, чего онъ желалъ и даже о чемъ не думалъ». Но при всемъ великомъ государственномъ умѣ, который виденъ въ его политическихъ дѣйствіяхъ, злоупотребленіе власти и опальные списки бросаютъ на его имя мрачную тѣнь и клеймятъ позоромъ его память.

Учрежденія Суллы. По закону Суллы объ опальныхъ, число которыхъ возросло въ его кровавыхъ спискахъ до 4700 чело-

вѣкъ, объявлялись лишенными чести и имущества и негодными ни въ какую должность даже дѣти и внуки осужденныхъ. Самъ Марій и его сынъ спаслись отъ мщенія Суллы только смертью; но гробница побѣдителя Кимвровъ была взрыта, пепелъ его брошенъ въ Аніо, памятники низвергнуты, а его усыновленный племянникъ, любимый народомъ преторъ М. Марій Гратидіанъ, погибъ въ страшныхъ мученіяхъ на гробѣ Катула. Конфискованное имущество досталось соумышленникамъ и офицерамъ «счастливца». Закономъ о земляхъ Сулла отнялъ у всѣхъ осужденныхъ имъ противниковъ недвижимую собственность, которою тотчасъ же обогатились корыстолюбивые его приверженцы, уничтожилъ права новыхъ гражданъ и создалъ для своихъ солдатъ военныя колоніи съ правомъ полнаго римскаго гражданства въ Пренесте, Сполеціумѣ, Фезулахъ, Волатеррахъ, Арреціумѣ и др. мѣстахъ. Это учрежденіе породило множество безпокойныхъ, охочихъ до войны и притомъ продажныхъ гражданъ, готовыхъ служить всякому кто ни захватитъ власть въ свои руки. Хладнокровно разсчитанный планъ Суллы состоялъ въ томъ, чтобы обновить народонаселеніе въ городахъ и областяхъ, стоявшихъ за его противниковъ, а деньги и имущество прежнихъ владѣльцевъ передать другимъ. У вольноотпущенниковъ опять было отнято неограниченное право голоса и вообще они поставлены въ прежнее положеніе; раздачи хлѣба народу прекратились, а система откупа десятинъ и пошлинныхъ сборовъ въ Азіи была замѣнена правильною раскладкой податей. Въ заключеніе Сулла окружилъ себя нѣкотораго рода гвардіей, даровавъ свободу 10,000 дюжихъ и отчаянныхъ невольниковъ и сдѣлавъ ихъ своими кліентами подъ именемъ корнеліанцевъ.— Луцій Сергій Катилина, убійца своего брата и шурина, а въ послѣдствіи глава заговора на погибель Рима (§ 196), былъ у него атаманомъ шайки душегубцевъ, составленной изъ одичалыхъ свирѣпыхъ Галловъ. (Катилина между прочимъ носилъ на копьѣ по улицамъ Рима голову несчастнаго Марія Гратидіана). — Число должностныхъ лицъ было увеличено (преторовъ до 8, квесторовъ до 20, авгуровъ и жрецовъ до 15); относительно промежуточныхъ сроковъ въ преемственномъ занятіи должностей постановлено правиломъ, что «промежутокъ между выборами въ двѣ разныя должности долженъ быть не менѣе двухъ, а между двумя выборами въ одну и ту же должность не менѣе десяти лѣтъ»; наконецъ, уголовные законы для всѣхъ родовъ преступленій получили болѣе правиль-

ности и опредѣленности. Сенатъ поставленъ въ непосредственную зависимость отъ народнаго избранія, и пересмотръ его списковъ, производимый цензорами каждыя пять лѣтъ, отмѣненъ; напротивъ, право выбора жрецовъ было отнято у народнаго собранія и жреческимъ коллегіямъ предоставлено пополняться, какъ прежде, по собственному усмотрѣнію. Народнымъ трибунамъ Сулла оставилъ только право возраженія (intercessio) противъ судебныхъ приговоровъ, опредѣливъ за злоупотребленіе этого права тяжкій денежный штрафъ и притомъ постановивъ, что кто однажды былъ трибуномъ, тотъ въ послѣдствіи не могъ занимать никакой высшей должности. Консуламъ и преторамъ предоставлено на будущее время исключительно гражданское управленіе, а проконсуламъ и пропреторамъ исключительно военное, и положено, при обычномъ порядкѣ, въ Италіи вовсе не держать войскъ. Такъ какъ проконсулы и пропреторы назначались только сенатомъ, то вся военная сила находилась такимъ образомъ въ его рукахъ. Судебная часть измѣнилась совершенно: мало того, что присяжные снова избирались съ тѣхъ поръ изъ сенаторскаго сословія и состояли подъ главнымъ вѣдѣніемъ шести преторовъ; Сулла увеличилъ притомъ число присяжныхъ судовъ, распредѣливъ различные роды преступленій между особыми комиссіями присяжныхъ, учредивъ спеціальные суды съ особенными процедурами и отдѣливъ уголовныя дѣла отъ гражданскихъ. Однимъ изъ обильнѣйшихъ послѣдствіями созданій того времени было развитіе римскаго муниципальнаго устройства чрезъ органическое внѣдреніе городскихъ общинъ въ общій государственный составъ. Во всей Италіи учреждено было значительное число полноправныхъ общинъ, съ подчиненіемъ ихъ высшимъ государственнымъ вѣдомствамъ и верховному судебному управленію въ Римѣ. — Строптивость и своеволіе полководцевъ, не хотѣвшихъ подчиниться новому порядку вещей, Сулла привелъ въ должные предѣлы мѣрами строгости.

Но этотъ энергическій законодательный переворотъ, безпощадно жертвовавшій всѣми человѣческими и гражданскими правами интересамъ партіи, разумѣется вызвалъ бездну недовольныхъ. «Людямъ положительнаго права», адвокатамъ и дѣльцамъ, такое произвольное распоряженіе жизнію и имуществомъ нетолько гражданъ, но и цѣлыхъ городовъ, не могло не представляться чудовищнымъ; умѣренной сенатской партіи желалось уступками удержать демократовъ отъ дальнѣйшихъ возстаній; жители края между Альпами и По не удовле-

творились предоставленнымъ имъ «латинскимъ правомъ»; городскія общины, лишенныя конфискаціею большой части своихъ земель, питали смертельную ненависть къ солдатамъ Суллы, которыхъ навязали имъ въ непрошенные сочлены; вольноотпущенники и новые граждане домогались опять прежняго положенія, изъ котораго вытѣснилъ ихъ диктаторъ своимъ самовластнымъ словомъ. Къ этому присоединялись еще дѣти и родственники бѣжавшихъ и опальныхъ, лишенные чести и состоянія, и наконецъ огромная масса тѣхъ задолжавшихъ и разорившихся людей, которые, не имѣя ни охоты къ труду, ни честнаго промысла, видѣли себѣ одинъ исходъ только въ продолженіи революціонной безрядицы и анархіи. Изъ этихъ разнообразныхъ стихій составилась могущественная оппозиція, которая вскорѣ по смерти Суллы навлекла новыя бури на республику. Сенатъ, которому диктаторъ предоставилъ всю верховную власть и которому надо было сладить съ этими неугомонными элементами общества, съ своевольствомъ намѣстниковъ и полководцевъ въ провинціяхъ и съ подвижною, кипучею массою народа въ столицѣ,— сенатъ былъ въ положеніи отовсюда открытой и отовсюду угрожаемой крѣпости, и это положеніе становилось тѣмъ болѣе тяжкимъ, что не было на лицо вождя, способнаго занять мѣсто Суллы—вождя, который имѣлъ бы хотя нѣсколько той силы воли, той энергической дѣятельности, какія требовались для того, чтобы отстоять новоучрежденный порядокъ. Отсутствіе такого человѣка аристократія старалась замѣнить частными союзами или коалиціями для общественныхъ цѣлей, но черезъ это управленіе дѣлами перешло въ руки котерій, такъ-называемыхъ «содалицій» (вольныхъ товариществъ), и вотъ духъ клики, или кружка, исключительный духъ гетеріи, съ ея замкнутостью, съ ея шайками записныхъ единомышленниковъ, проникъ весь государственный составъ, разложилъ его и сталъ въ немъ господствующимъ; потому что цѣлью и душой этихъ союзовъ, со всѣми ихъ происками и кознями, было только удовлетвореніе личнаго себялюбія, суетности и корысти. Первымъ плодомъ этой оппозиціонной дѣятельности было то, что еще въ самый годъ кончины Суллы, въ консулы избранъ былъ человѣкъ двусмысленнаго характера, Маркъ Эмилій Лепидъ, покинувшій Суллинъ лагерь вовсе не изъ чистаго побужденія. Нѣкогда ревностный оптиматъ, сильно попользовавшійся при продажѣ съ публичнаго торга имѣній опальныхъ гражданъ, онъ до того грабилъ потомъ на своемъ намѣстничествѣ въ Сициліи, что ему грозило обвиненіе пе-

редъ судомъ, и только въ избѣжаніе его, онъ перешелъ къ оппозиціи. Ободренный успѣхами Серторія въ Испаніи (§ 191), онъ потребовалъ было съ оружіемъ въ рукахъ возстановленія прежней трибунской власти и возвращенія изгнанникамъ ихъ гражданскихъ правъ и имуществъ, однакожь скоро палъ передъ сопротивленіемъ аристократической партіи.

4. Времена Кнеія Помпея.

а) СЕРТОРІЙ.

§ 191. Опальные и гонимые маріанцы, скитавшіеся въ разныхъ дальнихъ сторонахъ, собрались около демократа Серторія, который своимъ благоразумнымъ, дружелюбнымъ обращеніемъ, праводушіемъ и воинскими доблестями умѣлъ заслужить довѣріе покоренныхъ народовъ Испаніи и Португаліи и основалъ тамъ изъ Римлямъ и туземцевъ независимую республику, защищаемую храбрымъ войскомъ. Съ небольшою арміей изъ римскихъ демократовъ и лузитанскихъ охотниковъ, этотъ «новый Ганнибалъ» — какъ прозвали его испанскіе солдаты—побѣдоносно прошелъ весь Пиренейскій полуостровъ до р. Эбро, разбилъ на голову нѣсколькихъ намѣстниковъ и привелъ въ большое затрудненіе даже Кв. Метелла Пія, искуснаго, хотя и слишкомъ методическаго полководца, избѣгая съ нимъ всякаго рѣшительнаго сраженія, а между тѣмъ не покидая его ни на шагъ и отрѣзывая у него всѣ подвозы. Тысячи благороднѣйшихъ Испанцевъ поклялись въ вѣрности до гроба рыцарски-ласковому предводителю дружинъ, который сдѣлалъ для нихъ сноснымъ римское владычество. Казалось, весь западный край долженъ былъ отдѣлиться отъ Рима. Трехсотенный сенатъ, состоявшій изъ главныхъ представителей эмиграціи, управлялъ полуостровомъ по примѣру римскаго; морскія сношенія съ Италіей и Малой Азіей поддерживались черезъ корсаровъ; Митридатъ вступилъ въ союзъ съ вождемъ демократовъ, который въ обмѣнъ за корабли и деньги послалъ ему хорошихъ военачальниковъ и обѣщалъ уступить союзныя Риму мало-азійскія государства. Сильный находчивостью своего генія и преданностью

испанскаго народа, Серторій нѣсколько лѣтъ счастливо и достославно отражалъ всѣ нападенія непріятеля, не уступая ни золоту и оружію Метелла Пія, ни храбрости и военному искусству Помпея. Только тогда, когда отважный предводитель, по внушенію Перпенны, былъ убитъ своими завистниками на пиру въ Оскѣ (72), удалось опытному въ ратномъ дѣлѣ Помпею побѣдить инсургентовъ и снова подчинить Риму ихъ новую республику. Помпей, еще юношей, присоединился къ Суллѣ и теперь слылъ главою аристократіи. Его кроткій, миролюбивый нравъ, его привѣтливый и любой народу обычай, его ничѣмъ не запятнанное прошлое сдѣлали его счастливымъ посредникомъ между враждебными сторонами. Полу-герой, полу-искатель приключеній, этотъ предпріимчивый Сабинъ, этотъ необыкновенно ловкій боецъ и всадникъ, своимъ статнымъ тѣлосложеніемъ, своими рыцарскими пріемами и внѣшнимъ достоинствомъ умѣлъ пробудить народную фантазію и воскресить въ воинахъ жажду битвъ. Вѣроломнаго Перпенну сдалъ онъ прямо на руки палачу, а переписку Серторія, предъявленіемъ которой его низкій предатель надѣялся спасти жизнь свою, бросилъ, не читавши, въ огонь. Часть выходцевъ поселена была въ Галліи подъ названіемъ общины «сбѣглыхъ»; другимъ разрѣшено возвращеніе домой; остальные за тѣмъ продолжали вести жизнь удалыхъ похожденцевъ.

Конецъ Серторія. «Въ Оскѣ, разсказываетъ Моммсенъ, по наущенію Перпенны принесена полководцу вѣсть о блистательной побѣдѣ, одержанной его войсками. На пиръ, который Перпенна устроилъ въ торжество этой побѣды, явился и Серторій, сопровождаемый, какъ всегда, своею испанскою дружиной. Противъ обычая, заведеннаго въ Серторіевой главной квартирѣ, праздникъ скоро превратился въ вакханалію; пустыя рѣчи начали перелетать черезъ столъ, и казалось, нѣкоторые изъ гостей нарочно искали случая затѣять ссору; Серторій откинулся на свое ложе, какъ будто хотѣлъ пропустить весь этотъ шумъ мимо ушей. Вдругъ зазвенѣлъ упавшій на полъ кубокъ: Перпенна подалъ условный знакъ. Маркъ Антоній, лежавшій рядомъ съ Серторіемъ, нанесъ ему первый ударъ, и когда тотъ обернулся и хотѣлъ было встать на ноги, Антоній бросился на него и невыпускалъ его до тѣхъ поръ, пока другіе гости, тоже всѣ соучастники въ заго-

ворѣ, подоспѣли къ боровшимся и приkололи безоружнаго полководца, удерживаемаго за руки съ обѣихъ сторонъ. Съ нимъ вмѣстѣ пали и вѣрные его спутники. Такъ погибъ, если не величайшій, то конечно одинъ изъ величайшихъ людей, какихъ дотолѣ производилъ Римъ; человѣкъ, который при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ сталъ бы можетъ-быть обновителемъ своего отечества, палъ жертвою вѣроломства гнусной шайки эмигрантовъ, которыхъ ему суждено было вести противъ родной земли. Исторія вообще не любитъ Коріолановъ; она не пощадила и этого, — самаго великодушнаго, геніальнаго и достойнаго жалости изъ всѣхъ». Послѣ этого Перпенна присвоилъ себѣ главное начальство, но при недовѣріи къ нему солдатъ, его войско до того было ослаблено побѣгами какъ туземцевъ, такъ и римскихъ выходцевъ, что при первой встрѣчѣ съ Помпеемъ и Метелломъ оно было разбито. Заговорщики мало-по-малу всѣ кончили насильственною смертью, за исключеніемъ только одного.

б) Невольничья война (72—71).

§ 192. Обиды и истязанія, которымъ подвергались многочисленные военноплѣнные или купленные рабы со стороны своихъ жадныхъ и корыстолюбивыхъ владѣльцевъ (§ 181), довели наконецъ несчастныхъ до отчаянія и побудили ихъ предпринять страшную попытку къ свобожденію (72). Семьдесятъ человѣкъ мечниковъ (гладіаторовъ) въ Капуѣ убѣжали изъ-подъ грознаго бича своего надсмотрщика, разрушили невольничьи тюрьмы въ нижней Италіи и стали призывать всѣхъ къ борьбѣ за свободу. Въ короткое время собралось ихъ до 50,000 съ оружіемъ, которое успѣли они захватить. Во главѣ ихъ стоялъ смѣлый, даровитый Ѳракіецъ Спартакъ, который сначала хотѣлъ только отвести эти толпы на ихъ родину. Но пораженіе и бѣгство консульскихъ войскъ, пытавшихся преградить имъ дорогу, подало ему смѣлую надежду низвергнуть римское господство и отомстить наконецъ всемірнымъ завоевателямъ. Великъ былъ ужасъ Римлянъ, когда они увидѣли, что у нихъ изчезаетъ легіонъ за легіономъ, а остервенившіеся варвары распространяютъ вездѣ пожаръ, убійство и грабежъ. Но недостатокъ военной дисциплины и согласія породили раздѣленіе силъ у невольни-

ковъ и увлекли ихъ къ совершенно безпланнымъ набѣгамъ, что вскорѣ доставило побѣду надъ ними М. Крассу, этому первому въ Римѣ богачу, когда онъ выступилъ противъ нихъ съ значительнымъ и привычнымъ къ строгой дисциплинѣ войскомъ. Воспользовавшись походомъ этихъ разбойниковъ на Бруттійскій полуостровъ, онъ заперъ ихъ тамъ отъ остальной Италіи укрѣпленнымъ валомъ въ пятьдесятъ верстъ длиной и потомъ разбилъ толпы ихъ по одиначкѣ у лѣсистой горы Силы. Болѣе 12,000 тѣлъ покрывали поле сраженія, и всѣ до одного раненныя въ грудь. Хотя самъ предводитель ихъ съ частію войска успѣлъ пробиться въ Луканію, однакожь кровопролитная битва у рѣки Силара (теперь Селе), въ которой послѣ геройской обороны палъ Спартакъ, сокрушила навсегда силы невольниковъ (71). Раненный и держась уже только на колѣняхъ, онъ все еще отбивался копьемъ отъ напирающихъ враговъ: великій атаманъ разбойниковъ и съ нимъ лучшіе изъ его товарищей пали какъ слѣдуетъ свободнымъ людямъ и честнымъ воинамъ. Всѣ взятые въ плѣнъ погибли мучительною смертью, и ихъ пронзенныя или изрубленныя на части тѣла остались безъ погребенія на дорогѣ. Нѣкоторыя отдѣльныя толпы, которыя избѣгли меча въ битвахъ и возвращались теперь къ себѣ на родину, были совершенно уничтожены возвращавшимся изъ Испаніи Помпеемъ, а для утушенія послѣднихъ искръ страшнаго пожара, на бродившихъ еще поодиначкѣ невольниковъ устроена была охота или травля, какъ на дикихъ звѣрей. Римлянамъ удалось снова завоевать орлы, позорно утраченные въ первыхъ дѣлахъ съ возставшими рабами. Избраніе въ консулы на слѣдующій годъ было наградою обоимъ побѣдителямъ, которые наперерывъ другъ передъ другомъ старались пріобрѣсти народную любовь раздачами хлѣба, щедростью и демократическими учрежденіями; такимъ образомъ трибунамъ возвращена была ихъ прежняя власть, а пристрастіе и продажность суда устранены тѣмъ, что судейскія должности были подѣлены между сенаторами и всадниками. Благодаря этимъ мѣрамъ строго-аристократическое законодательство Суллы было частію смягчено, частію совсѣмъ отмѣнено по многимъ существеннымъ вопросамъ. Распущеніе обоихъ консульскихъ войскъ

должно было ознаменовать начало новаго владычества законности и права.

Возстанія рабовъ въ Сициліи. Крассъ. Уже и прежде этихъ событій невольники, которые у себя на родинѣ жили въ большемъ или меньшемъ довольствѣ, здѣсь, обремененные тяжкими работами, получая самое дурное содержаніе и размѣщаясь на ночь въ отвратительныхъ невольничьихъ острогахъ, доведены были до отчаянія и нерѣдко возставали, въ надеждѣ улучшить свое положеніе. Уже въ 136—133 годахъ рабы на островѣ Сициліи поднялись цѣлою массой и бились съ римскими войсками такъ успѣшно, что предводитель ихъ, сирійскій невольникъ Эвнусъ, слывшій между ними пророкомъ и кудесникомъ, отважился принять царскій титулъ; рабы и примкнувшіе къ нимъ пролетаріи завладѣли тогда почти всѣмъ островомъ. Только съ трудомъ и съ помощью страшныхъ жестокостей удалось наконецъ Римлянамъ подавить возстаніе. Говорятъ, что по взятіи Энны консулъ Публій Рупилій приказалъ распять 20,000 человѣкъ на крестѣ. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, когда богатые римскіе землевладѣльцы, во время господства аристократіи, стали безпощадно выжимать изъ своихъ обширныхъ помѣстьевъ возможно-большіе доходы, угнетенные рабы вторично подняли знамя бунта въ Сициліи (102) и, подъ начальствомъ своихъ предводителей, «царя» Трифона и Аѳиніона, завладѣли всей равнинной частью острова. Чтобы возстановить спокойствіе потребовалась новая, пятилѣтняя война. — Вошедшія въ пословицу богатства Красса имѣли своимъ главнымъ источникомъ дешевую покупку домовъ и имѣній послѣ лицъ, попавшихъ въ опальные списки Суллы. Онъ дозволилъ себѣ даже поддѣлки въ этихъ спискахъ, будучи очень неразборчивъ на средства нажиться и разбогатѣть. Состояніе его цѣнилось въ 170 милліон. сестерцій (болѣе 12 милл. рубл.); при этомъ онъ былъ человѣкъ привѣтливый и готовый на слугу. Своимъ обычаемъ ссужать пріятелей деньгами безъ процентовъ, но съ правомъ требовать уплаты капитала, когда онъ захочетъ, Крассъ поставилъ въ зависимость отъ себя многихъ вліятельныхъ людей. Это было сильное лицо; его мѣтко сравнивали съ быкомъ, хозяиномъ стада, котораго никому не слѣдъ дразнить.

в) Война съ морскими разбойниками (67) и вторая митридатовская (74—65).

§ 193. Въ безплодныхъ, гористыхъ странахъ южной части Малой Азіи (Киликіи, Каріи, Ликіи и др.) жили смѣлые морскіе разбойники, которые въ союзѣ съ древнимъ разбойничьимъ государствомъ Критомъ, съ Кипромъ и другими островами, снарядили около тысячи отличныхъ быстроходныхъ кораблей и мелкихъ судовъ и, во время внутреннихъ смятеній Римской республики, тревожили Средиземное море разбоями, опустошали и грабили острова и берега, расхищали храмы, захватывали въ плѣнъ знатныхъ Римлянъ, требуя за нихъ потомъ богатаго выкупа, и разстроивали торговлю и всѣ сношенія. Насчитываютъ до 400 урочищъ, захваченныхъ и обобранныхъ этими пиратами, въ томъ числѣ такіе города, какъ Книдъ, Самосъ, Колофонъ; многія, прежде цвѣтущія, островныя и прибрежныя мѣста были совершенно покинуты жителями, которые боялись попасть въ руки разбойникамъ и быть потомъ проданы римскимъ землевладѣльцамъ и негоціантамъ въ неволю. Ряды хищниковъ пріумножились толпами бездомныхъ демократовъ, преслѣдуемыхъ бѣглецовъ и всякихъ изгоевъ. Они составили крѣпко сплоченное разбойничье государство съ гражданскими установленіями и сильнымъ общественнымъ духомъ, родъ политической державы, съ которою вступили въ связь Митридатъ и римская демократія въ Испаніи. Настоящею отчиной этого пловучаго корсарскаго государства было море; въ горныхъ твердыняхъ Киликіи, Ликіи и Исавріи, прятали они женъ, дѣтей и богатства, находя тамъ вѣрное прибѣжище и для себя, когда положеніе ихъ становилось опасно. Римлянъ, которыхъ морская сила, во время гражданскихъ усобицъ, разстроилась въ конецъ, не могли пособить горю, какъ ни мужественно боролся съ разбойниками на сушѣ Публій Сервилій (78—76), заслужившій раззореніемъ ихъ города Исавра и другихъ крѣпкихъ мѣстъ прозваніе Исаврскаго; корсарство было этимъ такъ же мало подавлено, какъ и покореніемъ остр. Крита, завоеваннаго Цецил. Метелломъ («Критскимъ»); строптивость корсаровъ доходила до того, что полоненныхъ въ

одной моркой битвѣ Римлянъ вздернули они на мачты захваченныхъ у непріятеля кораблей. Ни латинскій земледѣлъ, ни путешественникъ, ѣхавшій по Аппіевой дорогѣ, ни вельможа, прибывшій на морское купанье въ Баіи, не были ни на одинъ мигъ увѣрены ни за жизнь, ни за имущество; торговля и всѣ сообщенія остановились совершенно; страшная дороговизна господствовала въ Италіи, а въ Римѣ и подавна. Такія трудныя обстоятельства требовали противъ себя самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. А отъ кого другаго можно было ожидать ихъ, кромѣ любимца римскаго народа, «Помпея великаго»? Вотъ почему, не смотря на всѣ противодѣйствія аристократовъ, народное собраніе утвердило Габиніевъ законъ объ учрежденіи на три года береговой и морской диктатуры надъ всѣми морями, островами и побережьями на десять миль внутрь края, съ самымъ неограниченнымъ полномочіемъ, и о передачѣ этой, независимой отъ сената, истинно-царской власти Помпею (68—67). Снабженный войсками, деньгами и кораблями вдоволь, Помпей въ три мѣсяца очистилъ всѣ воды Средиземнаго моря отъ дерзкихъ разбойниковъ; онъ умѣлъ согнать всѣ ихъ корабли изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей въ одну сторону, окружилъ ихъ своимъ флотомъ, какъ сѣтью, и разбилъ въ рѣшительномъ сраженіи. Онъ истребилъ, говорятъ, до 1,300 корсарскихъ судовъ съ 10,000 вооруженнаго экипажа; 400 кораблей и 20,000 разбойниковъ попались ему въ руки. Потомъ онъ покорилъ и разрушилъ въ ихъ собственныхъ земляхъ всѣ укрѣпленія и города, а чтобы они со временемъ не могли возвратиться къ прежней разбойничьей жизни, онъ поселилъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ въ килійскомъ городѣ Солн, который съ этихъ поръ получилъ названіе Помпеіополя. Успѣху этому еще болѣе способствовала благоразумная его кротость, нежели страхъ передъ его оружіемъ. Кротость отворила ему ворота почти недоступныхъ приморскихъ укрѣпленій. Ему сдались даже и критскіе города; но аристократъ Меттелъ въ послѣдствіи все-таки обрушился на нихъ войною, и, наконецъ, весь островъ былъ обращенъ въ римскую провинцію (60). Едва успѣлъ Помпей уничтоженіемъ разбойниковъ возстановить господство Римлянъ на моряхъ, какъ по закону Манилія ему уже

предоставлено было главное начальство въ странахъ Понта и Арменіи. Никогда, съ тѣхъ поръ какъ стоялъ Римъ, не соединялось такой власти въ рукахъ одного человѣка. Прозваніе «царь царей», которымъ привѣтствовали его мало-азійскіе Греки, было не одною лестью подобострастія.

§ 194. Непримиримый врагъ Римлянъ, Митридатъ, во время ихъ внутреннихъ междоусобій снова взялся за свое прежнее предпріятіе—завоевать и освободить отъ нихъ Азію; онъ вошелъ въ связь съ Серторіемъ и, черезъ Каппадокію, двинулся (75) съ военными силами въ Виѳинію (завѣщанную Римлянамъ отъ Никомеда), между тѣмъ какъ его флотъ боролся съ римскимъ на морѣ. Точно такъ же, какъ и въ первую войну, лишь только онъ поднялъ оружіе, началось, будто по сигналу, избіеніе римскихъ семействъ по городамъ Малой Азіи. Одержавъ надъ Римлянами морскую побѣду, Митридатъ занялся осадой союзнаго Римлянамъ островнаго города Кизика; но здѣсь онъ былъ такъ долго задержанъ храброю обороной греческихъ гражданъ, что на помощь къ нимъ подоспѣлъ съ римскою арміею Лукуллъ и разбилъ на голову войска царя, ослабленныя голодомъ и болѣзнями (74). Только малая ихъ часть спаслась за море въ Понтъ вмѣстѣ съ Митридатомъ. Въ то же время непріятельскій флотъ былъ разсѣянъ или истребленъ въ Эгейскомъ морѣ. Обнадеженный такими успѣхами, Лукуллъ послѣдовалъ за Митридатомъ въ его царство. Охраняемый съ тыла вѣрными Галатами (Дейотаромъ), перешелъ онъ Галисъ, и счастливою битвой при Кабирѣ (72) заставилъ Митридата бѣжать съ немногими спутниками къ зятю его, Тиграну, царю армянскому, тогда какъ все его царство и всѣ сокровища достались въ руки побѣдоносныхъ Римлянъ. Только греческіе прибрежные города: Амизъ, Синопъ, Гераклея, оказали имъ упорное сопротивленіе. Доведенные до крайности, жители сами зажгли свои жилища и перешли со всей движимостью на корабли. Лукуллъ устроилъ въ Понтѣ и въ Малой Азіи, раззоряемой жадными барышниками и откупщиками, новое управленіе, привелъ въ порядокъ судопроизводство, а потомъ пошелъ, на свой собственный страхъ, войною противъ Тиграна, который простеръ свое владычество за Евфратъ до Антіохіи и сирій-

скаго побережья, а на Востокѣ учредилъ нѣсколько подручныхъ ему армянскихъ княжествъ, и который, всею своею обстановкой, и деспотизмомъ и пышностью, напоминалъ какого-нибудь Салманассара или Навуходоносора. Изъ уведенныхъ имъ образованныхъ племенъ составилъ онъ населеніе своего новаго исполинскаго «Тигранограда» (Тиграноцерты) — подражанія Ниневіи и Вавилону, съ высокими стѣнами, обширными чертогами, парками и садами. Съ несмѣтнымъ войскомъ поспѣшилъ Тигранъ изъ Сиріи на помощь къ своей столицѣ; однихъ залитыхъ въ желѣзо конныхъ копейщиковъ было у него болѣе, чѣмъ у Лукулла всего войска: армянскому царю показалось оно слишкомъ многолюдно для посольства, и ужь слишкомъ малочисленно для арміи. Но одной битвы было достаточно для уничтоженія его въ двадцать разъ сильнѣйшихъ полчищъ (6 окт. 69 г.). Въ донесеніи своемъ побѣдитель говорилъ, что Армянъ пало сто тысячъ, а Римлянъ пятеро, и что царь сбросилъ съ себя чалму и повязку, чтобы уйдти неузнанному въ сопровожденіи немногихъ всадниковъ. Побѣда при Тиграноцертѣ была одною изъ лучезарнѣйшихъ звѣздъ въ достославной военной исторіи Рима. Покоренные народы отпали отъ своего владыки и поддались побѣдителю. Лукуллъ готовился уже завоевать все его обширное царство и пронести римскіе орлы въ отдаленную Парѳію, какъ вдругъ, не подалеку отъ древней столицы Артаксаты, легіоны, недовольные продленіемъ службы въ безвѣстной странѣ, полной снѣговыхъ горъ и бурныхъ потоковъ, и притомъ подбиваемые злоумышленниками, отказались повиноваться своему вождю и тѣмъ самымъ помѣшали исполненію его плановъ. Даже несмѣтная добыча, доставшаяся солдатамъ при взятіи города Низиба, какъ прежде при покореніи Тиграноцерты, не укротила ихъ мятежнаго настроенія. Митридатъ успѣлъ между тѣмъ уйдти въ Понтъ и неутомимо занялся новыми военными приготовленіями. Лукуллъ, послѣ мастерскаго отступленія, возвратился (67) къ своимъ прославленнымъ богатствамъ, наслажденіямъ и увеселительнымъ садамъ [1], а Помпей къ сво-

[1] Для своихъ садовъ Лукуллъ вывезъ изъ Керазонта (нынѣ Керисунъ) первыя въ Европѣ вишни.

имъ прежнимъ званіямъ присоединилъ еще званіе главнонача́льствующаго армено-понтійскимъ войскомъ и такимъ образомъ сдѣлался неограниченнымъ повелителемъ Азіи.

Лукуллъ, человѣкъ благодушный и образованный, собралъ въ своихъ дворцахъ, загородныхъ домахъ и садахъ великія сокровища искусства и науки, которыя вмѣстѣ съ вошедшей въ пословицу лукулловской роскошью сдѣлали его домъ средоточіемъ всѣхъ чувственныхъ и духовныхъ наслажденій, предметовъ желанія и удивленія для всѣхъ. Корыстолюбіе, источникъ его баснословныхъ богатствъ, было единственнымъ порокомъ, въ которомъ упрекали Лукулла. А впрочемъ онъ слылъ хорошимъ полководцемъ, человѣкомъ честнымъ и доброжелательнымъ, который однакожь не пользовался любовью солдатъ. «Онъ былъ непопуляренъ, говоритъ Моммсенъ, какъ отъявленный сторонникъ олигархіи; непопуляренъ потому, что въ Малой Азіи сильно боролся съ вопіющимъ лихоимствомъ римскихъ капиталистовъ; непопуляренъ потому, что подвергалъ солдатъ напряженнымъ работамъ и труднымъ передвиженіямъ; непопуляренъ потому, что требовалъ отъ нихъ строгой дисциплины и всѣми силами препятствовалъ имъ грабить греческіе города, а для себя между тѣмъ нагружалъ не одинъ возъ и навьючивалъ не одного верблюда сокровищами Азіи; непопуляренъ, наконецъ, за свой утонченный, аристократическій, полуэллинскій и вовсе нетоварищескій обычай, съ явною наклонностью къ спокойному и раздольному житью. Въ немъ не было и тѣни той обаятельности, которая соединяетъ полководца съ солдатомъ узами личной связи. — Если смотрѣть на одни ратные подвиги, то едва ли найдется другой римскій полководецъ, который съ такими небольшими средствами сдѣлалъ бы такъ много, какъ Лукуллъ; талантъ и счастіе Суллы какъ будто перешло по наслѣдству къ этому его воспитаннику». И не смотря на то, блистательный походъ его остался почти безъ послѣдствій; успѣхи осьмилѣтней войны были загублены возмущеніемъ солдатъ, и покореніе края надо было начать съ изнова.

§ 195. Въ ночной битвѣ на Евфратѣ, въ той горной и дебристой мѣстности, гдѣ въ послѣдствіи былъ основанъ Никополь («Побѣдный городъ»), Помпей нанесъ неутомимому Митридату такое страшное пораженіе, что тотъ только съ тремя провожатыми ускакалъ на быстрыхъ коняхъ въ Колхиду. Изъ войскъ его все, что не пало отъ меча при на-

тискѣ Римлянъ, погибло раздавленное колесницами и копытами коней. Помпей занялъ безъ боя всю Арменію и принудилъ Тиграна, враждовавшаго съ своимъ собственнымъ сыномъ, покориться ему и дать присягу въ вѣрности. Уничиженный царь, въ лагерѣ у Артаксаты, бросился римскому полководцу въ ноги и, въ знакъ безусловной покорности, вручилъ ему діадему и тіару. Помпей, обрадованный легкою побѣдой, возвратилъ ему знаки его сана и даровалъ просимый миръ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ отступился отъ завоеванныхъ земель и внесъ огромную сумму денегъ въ римскую военную казну и для раздачи на руки солдатамъ. Съ этихъ поръ Тигранъ былъ уже римскимъ подручникомъ или вассаломъ. Побѣдоносно прошелъ Помпей трудными переходами долину р. Кура (Куры) и дебристый Кавказъ, покорилъ сначала храбрый, благоустроенный, земледѣльческій народъ Иверовъ, которые, подъ начальствомъ родовыхъ и волостныхъ старшинъ, обработывали землю всѣмъ міромъ, не допуская отдѣльной частной собственности между односельцами; покорилъ потомъ многочисленныя племена Аланъ (Албанъ), пастушескаго, доброконнаго народа, вооруженнаго лукомъ и стрѣлами, и отодвинулъ рубежи Римской республики за громадный горный кряжъ, простертый между Каспіемъ и Чернымъ моремъ. Изгнанный изъ всѣхъ своихъ владѣній, шестидесяти-осьми-лѣтній Митридатъ рѣшился, съ своимъ разноплеменнымъ войскомъ, предпринять отчаянный походъ черезъ дунайскія земли на Италію. Но судьбамъ престарѣлаго царя назначенъ былъ ближайшій конецъ. Въ борьбѣ съ сыномъ своимъ Фарнакомъ, онъ былъ покинутъ солдатами, выданъ угнетенными подданными, и самъ лишилъ себя жизни въ Пантикапейскомъ замкѣ[1]. Гонецъ, увѣнчанный лаврами, возвѣстилъ римскому полководцу въ станѣ подъ Іерихономъ погибель величайшаго врага. Помпей своимъ властнымъ приговоромъ (64) положилъ еще конецъ безсильному владычеству Селевкидовъ въ Сиріи (§ 128) и велѣлъ казнить тамъ нѣсколькихъ хищныхъ князей или владѣльцевъ, а потомъ устроилъ азіятскія державы слѣдующимъ образомъ: три новыя провинціи — Виѳинія (съ

[1] Близъ нашей Керчи.

частію Понта), Киликія (съ Памфиліей и Исаврією) и Сирія (съ Финикіей) присоединены были совершенно къ римскимъ владѣніямъ, а сѣверная часть Понта (Воспоръ), Пафлагонія, Галатія, Каппадокія и др. предоставлены царямъ-данникамъ, подъ верховнымъ господствомъ Рима. Таже участь постигла и Іудею: Помпей, во время субботняго покоя, взялъ приступомъ Іерусалимскій храмъ (63) и назначилъ четвертовластникомъ (тетрархомъ) Іуден Маккавея Гиркана (§ 131), а брата его Аристовула, который съ своей фанатическою партіей три мѣсяца упорно и мужественно защищался на крутизнахъ храмовой горы, онъ взялъ съ собою въ Римъ вмѣстѣ съ его дѣтьми, отправляясь туда для празднованія своего блистательнаго тріумфа. Множество Іудеевъ въ отчаяніи лишили себя жизни, бросясь съ городскихъ стѣнъ или сожегшись въ собственныхъ домахъ. Настоящимъ же повелителемъ этой страны сдѣлался любимецъ Римлянъ, отецъ Ирода, Идумеянинъ Антипатръ. Разрушеніе городскихъ стѣнъ, царскихъ укрѣпленныхъ сокровищницъ [1] и замковъ, должно было устранить на будущее время всѣ попытки къ возстанію. Даже князь степи, Аретъ Дамасскій, и тотъ явился къ Помпею колѣнопреклоненный, съ масличною вѣтвью мира и покорности въ рукахъ. Значительное число новоучрежденныхъ или возстановленныхъ и расширенныхъ городовъ, которымъ отведены были общественныя земли и даны особые общиные уставы и муниципальныя права, предназначались противодѣйствовать распространившемуся въ Азіи разбойничьему быту и служить разсадниками римско-греческой культуры и общежительности.

Конецъ Митридата. Жестокосердый деспотъ Митридатъ часто бывалъ въ раздорахъ со своимъ семействомъ. При первомъ его бѣгствѣ изъ отечества, спасаясь отъ Лукулла, онъ приказалъ умертвить всѣхъ своихъ женъ и сестеръ, чтобы онѣ не достались въ добычу Римлянамъ; только одна, самая вѣрная и мужественная изъ нихъ, Гипсикратія, въ одеждѣ персидскаго всадника сопровождала его въ Арменію. Этотъ недовѣрчивый отецъ умертвилъ троихъ сыно-

[1] Въ Фецѣ, въ Марокской имперіи, до сихъ поръ существуетъ великолѣпный образецъ такого рода кладовыхъ или сокровищницъ.

вей, а четвертый, Фарнакъ, опасаясь подобной же участи, возсталъ противъ него и хотѣлъ выдать его Римлянамъ. Напрасно, со стѣнъ своего чертога, престарѣлый царь молилъ сына пощадить его жизнь; его собственная жестокость ожесточила къ нему сердца близкихъ; на рукахъ его запеклась кровь его собственныхъ женъ и дѣтей. Отчаясь къ своемъ жребіи, султанъ рѣшился «умереть, какъ жилъ». Онъ принялъ яду, который всегда носилъ при себѣ въ рукояткѣ меча, и далъ его также своимъ дочерямъ и женамъ; на послѣднихъ ядъ подѣйствовалъ тотчасъ, но его закаленная натура, которую онъ издавна старался пріучить къ разнымъ ядамъ, не поддалась отравѣ и на этотъ разъ, такъ что послѣ напрасной попытки наложить на себя руку, онъ приказалъ умертвить себя своему галатскому тѣлохранителю. Помпей велѣлъ схоронить доставленное къ нему Фарнакомъ тѣло въ царскій могильный склепъ въ Синопѣ, а Фарнаку онъ отдалъ земли у Воспора Киммерійскаго, съ условіемъ платить дань Римлянамъ. Галатія съ городомъ Пессинунтомъ отдана была царю Деіотару. — Величайшую заботливость обращалъ Помпей на предпринятую имъ организацію городскаго устройства. Мало того, что онъ основалъ много новыхъ городовъ, какъ наприм. Помпеіополь въ Киликіи съ Пафлагоніей, Никополь въ Арменіи, Мегалополь въ Каппадокіи; онъ возстановилъ, расширилъ и надѣлилъ правами много такихъ, которые пришли въ упадокъ, наприм. Кабиру (Діосполь, Неокесарію), Евпаторію (Магнополь), Мазаку въ Каппадокіи (Цезарею, или Кесарію); другимъ онъ далъ новое устройство и одарилъ ихъ недвижимостью. Въ однѣхъ только Киликіи и Келесиріи насчитывалось двадцать основанныхъ Помпеемъ городовъ. Многіе значительнѣйшіе города, каковы наприм. Антіохія на Оронтѣ, Селевкія, Газа, Фанагорія, Митилена, получили право самоуправленія (автономію) и другія важныя преимущества. Такъ завершилось сооруженіе римскаго государства въ Азіи, которое съ своими подручными царями и вассалами, съ владѣтельными, окняженными жрецами (въ Пессинунтѣ, въ каппадокійской и понтійской Команѣ, въ каппадок. Морименѣ, также — верховный жрецъ Зевсова храма въ Киликіи и друг.) и съ цѣлымъ рядомъ вольныхъ и полувольныхъ городовъ, живо напоминаетъ собою священную римско-германскую имперію позднѣйшей эпохи. Новый налогъ съ имуществъ, который должны были платить эти подручные государи, жрецы и города, почти на половину увеличилъ доходы, получаемыя съ нихъ Римомъ до этого времени.

г) Заговоръ Катилины и М. Туллій Цицеронъ. (63—62).

§ 196. За нѣсколько времени до того, что Помпей совершилъ двухдневное торжественное вшествіе свое въ городъ и наполнилъ государственную казну истинно баснословными богатствами, М. Туллій Цицеронъ заслужилъ почетное прозвище отца отечества. Цицеронъ, родившись отъ простыхъ гражданъ въ провинціальномъ городкѣ Арпинумѣ, своими способностями, дѣятельностію и безукоризненной жизнію, отличился до того что, будучи не родовитымъ человѣкомъ (homo novus), постепенно достигъ высшихъ государственныхъ должностей и, наконецъ, даже консульства. Въ Аѳинахъ и Родосѣ онъ такъ ревностно и успѣшно изучалъ науки Грековъ, особенно краснорѣчіе и философію, что какъ государственнаго человѣка и оратора его можно сравнивать съ Демосѳеномъ, не говоря уже о томъ, что по обѣимъ этимъ отраслямъ знанія онъ написалъ нѣсколько основательныхъ сочиненій. Его гражданская доблесть, любовь къ отечеству и испытанная справедливость совершенно затмеваютъ собою его тщеславіе, самохвальство и другія слабости. Его политическая роль, которая часто обусловливалась дружбою его съ Помпеемъ, была роль посредника, чуждаго рѣзкихъ воззрѣній какой бы то ни было партіи. — Во время его консульства одинъ изъ приверженцевъ Суллы, Катилина (§ 190), человѣкъ энергическій и родовитый, но запятнавшій себя порочною жизнію и обремененный долгами, составилъ съ нѣкоторыми честолюбцами, также изъ высшаго сословія, заговоръ умертвить консуловъ, зажечь Римъ, уничтожить господствующія учрежденія и во время смятенія, при помощи Суллинскихъ солдатъ и буйной черни, овладѣть правленіемъ и установить военную диктатуру. Но бдительный консулъ Цицеронъ предупредилъ это преступное намѣреніе; его ревностное усердіе въ этомъ дѣлѣ выражается въ силѣ и живости произнесенныхъ имъ въ сенатѣ противъ Катилины, превосходныхъ четырехъ рѣчей. Изворотливый и чрезвычайно ловкій въ лицемѣріи преступникъ, не смотря на всю свою хитрость и коварство, былъ изобличенъ Цицерономъ

вполнѣ и вынужденъ бѣжать изъ города; сенатъ, по предложенію консула, поддержанному Катономъ Младшимъ, произнесъ смертный приговоръ надъ нимъ и надъ другими уже схваченными заговорщиками (Лентуломъ, Цетегомъ и друг.). Послѣднихъ, не смотря на заступничество Цезаря, вскорѣ удавили при свѣтѣ факеловъ въ подземной капитолійской темницѣ, недопустивъ ихъ, какъ требовалъ законный порядокъ, аппелировать къ народному собранію; а самъ Катилина, бѣжавшій съ остатками своей шайки въ Этрурію, палъ, смертію храбраго, въ битвѣ съ консульскими войсками, которыя напали на него въ запертой горными скалами тѣснинѣ близь Писторіи (Пистоіи). Рѣшимость и мужество погибшихъ бунтовщиковъ были бы достойны гораздо лучшаго дѣла. Уже и тогда многіе были тѣхъ мыслей, что нити заговора восходятъ гораздо выше Катилины и Лентула, и намекали на Красса и Цезаря какъ на тайныхъ соумышленниковъ и зачинщиковъ; но никто не дерзнулъ «раздразнить хозяина стада—быка».

Моммсенъ видитъ въ заговорѣ Катилины первый шагъ къ тому громадному перевороту, который, при тайномъ соучастіи Красса и Цезаря, долженъ былъ устранить грозное преобладаніе Помпея и подавить сенатъ демократическою военною диктатурой. Вотъ въ какихъ мѣткихъ чертахъ изображаетъ онъ соумышленниковъ этого противозаконнаго предпріятія: «Модная жизнь въ столицѣ разстроивала не только состоянія, но вмѣстѣ силы тѣла и души. Этотъ щеголевавый міръ раздушенныхъ локоновъ, модныхъ бородъ и манжетъ, какъ ни веселился онъ за танцами, игрою на цитрѣ и полными кубками рано утромъ и поздно вечеромъ, таилъ въ себѣ однакожь страшную пучину нравственнаго и экономическаго упадка, хорошо или худо скрываемаго отчаянья и безумныхъ или мошенническихъ замысловъ. Въ этихъ кружкахъ явно вздыхали по возвратѣ Цинниискаго времени съ его опалами и конфискаціями, съ его уничтоженіемъ долговыхъ обязательствъ; много было людей, и въ томъ числѣ—людей не низкаго происхожденія и не дюженныхъ способностей, которые ждали только сигнала, чтобы ринуться разбойничьей ватагой на гражданское общество и пограбить себѣ съизнова прожитое ими добро. Гдѣ есть шайка, тамъ за коноводами дѣло не станетъ; и тутъ вскорѣ нашлись люди, годные въ атаманы разбойниковъ. Бывшій преторъ

Луцій Катилина, квесторъ Гней Пизонъ, отличались между товарищами не одною знатностью рода и высотою званія. Они уже совершенно сломали за собой мосты, порѣшили съ своимъ прошлымъ, и столько же импонировали своей братьѣ рѣшительной безсовѣстностью, сколько и дарованіями. Особенно Катилина былъ однимъ изъ величайшихъ негодяевъ въ этотъ обильный негодяями вѣкъ. Его бездѣльничества принадлежатъ не исторіи, а скорѣе уголовнымъ архивамъ; но уже одна его наружность, его блѣдное лицо, его дикій взглядъ, его то лѣнивая, то ускоренная походка обличали недоброе прошедшее. Въ высшей степени обладалъ онъ тѣми качествами, которыя требуются отъ предводителя бездѣльнической шайки: способностью всѣмъ паслаждаться и переносить всякія лишенія, мужествомъ, военнымъ талантомъ, знаніемъ людей и свѣта, энергіей въ злодѣяніи, и тою ужасающей педагогикой порока, которая мастерски увлекаетъ слабаго и, увлекши, перевоспитываетъ его въ настоящаго злодѣя. Изъ такихъ элементовъ людямъ съ деньгами и политическимъ вліяніемъ не трудно было составить заговоръ для низверженія существующаго порядка. Катилина, Пизонъ и имъ подобные охотно шли на всякій планъ, обѣщавшій имъ опалы и уничтоженіе долговыхъ актовъ въ близкой будущности; первый питалъ притомъ и личную вражду къ аристократіи, за то что она помѣшала этому презрѣнному и опасному человѣку въ его домогательствѣ сдѣлаться консуломъ. Какъ нѣкогда, въ качествѣ Суллина клеврета, онъ, предводя дружиной Кельтовъ, гонялся за опальными и между прочимъ умертвилъ собственною рукой своего престарѣлаго зятя, такъ и теперь онъ охотно вызвался на подобныя же услуги противной партіи. Устроился тайный союзъ. Число принятыхъ въ него лицъ превышало, говорятъ, четыреста; онъ имѣлъ соучастниковъ во всѣхъ областяхъ и городскихъ общинахъ Италіи; само собою разумѣется, что къ мятежу, начертавшему на своемъ знамени современную программу уничтоженія долговыхъ обязательствъ, примкнули бы и безъ зова цѣлыя толпы изъ рядовъ развратной молодежи». Саллюстій заключаетъ свою исторію Катилининской войны слѣдующимъ повѣствованіемъ объ ея исходѣ: «Увидѣвъ, что войска его разсѣяны и онъ остался одинъ съ горстью людей, Катилина вспомнилъ о своемъ родѣ, о прежнемъ значеніи, кинулся въ самую густую толпу враговъ и палъ пронзенный среди сѣчи.— Только по окончаніи побоища можно было убѣдиться въ томъ, какая отвага и сила души господствовали въ войскѣ Катилины: почти ка-

ждый изъ воиновъ, испуская послѣднее дыханіе, покрылъ своимъ тѣломъ именно ту пядень земли, которую занялъ живой, вступая въ битву. Только немногіе, которыхъ преторіанская когорта разметала въ стороны, врѣзавшись въ самую средину враговъ, легли по одаль другъ отъ друга, но и они всѣ были ранены спереди. Катилину же нашли далеко отъ своихъ, среди груды непріятельскихъ труповъ; онъ еще дышалъ, и въ лицѣ его сохранилась та же свирѣпость, которая не покидала его живаго. Изо всего его войска ни въ битвѣ, ни на бѣгу, не былъ взятъ въ плѣнъ ни одинъ свободнорожденный гражданинъ. Такъ мало щадили они и собственную жизнь и жизнь противниковъ. Но и для римскаго войска побѣда была не радостна и не безкровна: всѣ храбрѣйшіе или пали въ битвѣ, или вышли изъ нея съ тяжкими ранами. Многіе, отправившіеся изъ стана, взглянуть на полѣ битвы или для добычи, поворачивая непріятельскія тѣла, находили, кто друга, кто гостя, кто даже родственника, а иные признавали между ними и враговъ. Такимъ образомъ все войско волновалось различными чувствами: весельемъ и горемъ, печалью и радостью».

3. Время Каія Юлія Цезаря и гибель Красса.

а) Первый тріумвиратъ (60).

§ 197. Счастіе Суллы подстрекало высокомѣрныхъ и честолюбивыхъ подражать ему. Всякому хотѣлось быть первымъ и ворочать государствомъ по произволенію. Не величіе отечества, а удовлетвореніе личнаго эгоизма и самолюбія было теперь цѣлію всѣхъ стремленій. Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и Помпей, которому недоставало только имени царскаго. Но въ то время какъ, въ упоеніи счастья, среди лелѣющей роскоши, онъ покоился на лаврахъ своей славы, и въ суетномъ самодовольствѣ утѣшался безмѣрною лестію, которою осыпали его со всѣхъ сторонъ,—въ это самое время опередилъ его и въ военныхъ подвигахъ и въ любви народа его великій соперникъ К. Юлій Цезарь. Этотъ необыкновенный человѣкъ соединялъ въ себѣ и внѣшнія и внутреннія преимущества—высокое происхожденіе, величественную на-

ружность и богатство—съ проницательнымъ умомъ, глубокимъ образованіемъ и неутомимою дѣятельностью, такъ что онъ равно знаменитъ какъ ораторъ и писатель, какъ полководецъ и воинъ, и особенно какъ государственный человѣкъ. Его расточительная щедрость, которою онъ повергнутъ былъ въ долги, и его демократическія правила, навлекшія ему большую опасность во время Суллинскаго террора, его родство съ Маріемъ и Цинной, снискали ему любовь народа — это вѣрнѣйшее средство къ возвышенію, а личное честолюбіе подстрекало его къ великимъ дѣламъ. Чтобы пересилить аристократическую и старо-республиканскую партію, во главѣ которой стоялъ М. Порцій Катонъ (Младшій), извѣстный своимъ твердымъ характеромъ, строгими нравами, гражданской доблестью, воинскимъ мужествомъ, образованіемъ и благородствомъ мыслей, Цезарь заключилъ съ Помпеемъ и Крассомъ союзъ (60), прозванный тріумвиратомъ (т. е. тройственнымъ), цѣлію котораго было: взаимно помогать другъ другу въ достиженіи эгоистическихъ цѣлей. Поддерживаемый Цезаремъ, который добился консульства къ слѣдующему году, Помпей настоялъ на исполненіи новаго полеваго закона, по которому 20,000 гражданъ, большею частію старые солдаты его арміи, надѣлены были землей въ Капуанскомъ округѣ. Съ тѣхъ поръ эти три человѣка самовластно управляли государствомъ при помощи народной партіи, которую они привлекли къ себѣ раздачею хлѣба, земельными надѣлами и другими постановленіями, нисколько не заботясь о томъ, что думаетъ сенатъ; они подтвердили всѣ распоряженія, сдѣланныя Помпеемъ въ Азіи, удалили подъ благовиднымъ предлогомъ Катона изъ Рима и, при помощи развратнаго трибуна Клодія, отрасли знатнаго рода Клавдіевъ, добились изгнанія Цицерона, этого ловкаго дѣльца, которому Цезарь и Крассъ никакъ не могли простить его «противузаконной расправы», то-есть свершенной безъ судебнаго приговора казни надъ соучастниками Катилины. Плохо пришлось аристократамъ отъ этой коалиціи. «Мы заперты со всѣхъ сторонъ, писалъ одинъ изъ нихъ въ это время: изъ страха смерти или изгнанія мы распрощались уже съ свободой. Каждый изъ насъ вздыхаетъ, ни одинъ не отваживается го-

ворить». Чтобы съ помощію военной славы и преданныхъ ему лично войскъ проложить себѣ путь къ единовластію, Цезарь, по окончаніи своего консульства, взялъ на себя (58) управленіе до-альпійской и за-альпійской Галліей и Иллирикомъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ, желая довершить покореніе Галліи, онъ, на съѣздѣ въ Луккѣ, возобновилъ тріумвиратъ (55). Здѣсь положено было, предоставить ему еще на пять лѣтъ управленіе Галліей, между тѣмъ какъ шестидесяти-лѣтній Крассъ, для удовлетворенія не столько своего честолюбія, сколько алчности, взялъ себѣ въ управленіе богатую Сирію съ ея сокровищами, а Помпей получилъ Испанію и Африку, которыми, впрочемъ, управлялъ черезъ своихъ легатовъ, самъ по прежнему оставаясь въ Римѣ и пользуясь диктаторскою властію. Противъ такой подавляющей силы ничего не могъ сдѣлать вѣрный стражъ республики, возвратившійся Катонъ; Цицеронъ удалился отъ государственной дѣятельности съ душевнымъ разстройствомъ. Крассъ погибъ въ Азіи: между тѣмъ какъ, съ ненасытной жадностью, онъ грабилъ тамъ храмовыя сокровища и посвящалъ все время вымогательству во всѣхъ возможныхъ видахъ, царь Парѳіи Ородъ (Арсакъ XIV † 36), собралъ сильное войско изъ конныхъ копейщиковъ и стрѣлковъ и занялъ съ нимъ Месопотамію. Крассъ, по совѣту одного вѣроломнаго шейха Бедуиновъ и вопреки всѣмъ предостереженіямъ съ другихъ сторонъ, въ какомъ-то непонятномъ ослѣпленіи, перешелъ Евфратъ (53), но, среди песчаной степи, близъ Карръ, онъ былъ разбитъ войскомъ парѳянскихъ наѣздниковъ, подъ начальствомъ искуснаго предводителя ихъ, Сурены, и когда храбрый сынъ его Публій погибъ съ бо́льшею частію римской арміи, онъ самъ обратился въ бѣгство и тутъ былъ предательски убитъ. Побѣдители, потѣшаясь надъ его трупомъ, наполнили золотомъ блѣдныя уста ненасытнаго корыстолюбца. Изъ 40,000 римскихъ легіонеровъ, переступившихъ Евфратъ, воротилась едва четвертая доля; половина ихъ погибла, и до 10,000 плѣнныхъ водворено на крайнемъ восточномъ рубежѣ Парѳянскаго царства, съ обязанностію нести тамъ военную службу. Только слабый остатокъ, подъ начальствомъ осторожнаго легата Кассія, успѣлъ спастись отступленіемъ въ Сирію.

Изгнаніе Цицерона. Катонъ. Цицеронъ, какъ адвокатъ сената, еще прежде велъ процессъ противъ Клодія, обвиненнаго въ оскорбленіи религіозныхъ обрядовъ, и при всякомъ случаѣ раздражалъ этого слабаго, безпутнаго, но не бездарнаго человѣка обидными рѣчами, изъ-за чего и вышла у нихъ вражда. Съ помощью Цезаря Клодій достигъ потомъ трибунства и провелъ свое предложеніе, «чтобъ каждый, кто осудилъ или впредь осудитъ на смерть римскаго гражданина безъ народнаго приговора, наказывался за то опалою». Въ силу этого закона Цицеронъ, предавшій смерти соучастниковъ Катилины по одному только сенатскому опредѣленію, былъ объявленъ опальнымъ и изгнанъ, домъ его сожженъ и обѣ дачи разрушены (58). Напрасно старался онъ слезными мольбами, въ траурной одеждѣ, выплакать у народа отмѣну этого рѣшенія, напрасно просилъ на колѣняхъ пощады у Помпея — онъ долженъ былъ удалиться въ изгнаніе и при этомъ выказалъ столько же малодушія, какъ и при своемъ осужденіи. Съ этихъ поръ Клодій, въ надеждѣ на всегда сопровождавшія его шайки негодяевъ, сталъ вести себя такъ дерзко и нагло, что сначала отступился отъ него Помпей, а затѣмъ и Цезарь, вслѣдствіе чего трибуну Аппію Милону удалось настоять, чтобъ Цицеронъ былъ возвращенъ. Подобно тріумфатору возвратился великій ораторъ изъ своей шестнадцати-мѣсячной ссылки чрезъ нижнюю Италію въ Римъ. Его домъ и дачи были отстроены на счетъ государственнаго казначейства.—Катонъ (род. 95 до Р. Х.), «справедливѣйшій человѣкъ въ Римѣ», выпросилъ себѣ порученіе обратить въ римскую провинцію островъ Кипръ, который, за участіе его въ морскомъ разбоѣ Критянъ, рѣшено было по народному приговору отнять противузаконно у его владѣльца, брата царя египетскаго (57). Узнавъ объ этомъ, кипрскій царь самъ лишилъ себя жизни, а Катонъ захватилъ всѣ имѣнія и сокровища богатаго и скупаго государя (почти на 12 милл. руб. сер.) и все это честно и добросовѣстно передалъ въ государственную казну. Моммсенъ также видитъ въ Катонѣ человѣка въ высшей степени благонамѣреннаго и усерднаго, честнаго и стойкаго въ намѣреніяхъ и поступкахъ, преданнаго отечеству и кореннымъ его учрежденіямъ, но не обладавшаго быстротой ума и притомъ чувственно и нравственно безстрастнаго. При всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, онъ представляется ему однимъ изъ «самыхъ странныхъ и неутѣшительныхъ явленій», и вотъ въ какихъ оригинальныхъ чертахъ рисуетъ онъ его характеристику: «На бѣду онъ рано

попалъ подъ иго фразы, и отчасти подъ владычествомъ стоическихъ сентенцій, въ той отвлеченной наготѣ и безмысленной отрывочности, какъ онѣ обращались тогда между знатью, отчасти подъ вліяніемъ примѣра своего прадѣда, которому онъ непремѣнно хотѣлъ во всемъ подражать, началъ разгуливать по многогрѣшной столицѣ въ видѣ образцоваго гражданина и ходячаго зеркала добродѣтели; принялся подобно старшему Катону бранить свое время; вмѣсто того, чтобъ ѣздить на конѣ, сталъ ходить пѣшкомъ; не бралъ ни подъ какимъ видомъ процентовъ, отказывался отъ военныхъ почестей и вздумалъ начать возстановленіе доброй старины именно съ того, что, по примѣру царя Ромула, ходилъ безъ рубашки. Странною каррикатурой своего предка, маститаго поселянина, изъ котораго ненависть и гнѣвъ сдѣлали витію, который такъ же мастерски владѣлъ плугомъ, какъ и мечемъ, и, при своемъ ограниченномъ, но оригинальномъ и здравомъ умѣ, рѣдко въ чемъ-нибудь давалъ промахъ,—странною каррикатурой Катона Старшаго являлся этотъ молодой, но холодный ученый, у котораго школьная премудрость постоянно капала изъ устъ и который вѣчно гдѣ-нибудь сидѣлъ за книгой,—этотъ философъ, ничего не смыслившій ни въ военномъ дѣлѣ, ни въ какомъ бы то ни было другомъ ремеслѣ, этотъ заоблачный скиталецъ въ царствѣ отвлеченной морали. И при всемъ томъ, онъ достигъ однакожь нравственнаго значенія. Въ эту жалкую, слабодушную эпоху, его мужество, его отрицательныя добродѣтели внушали невольное уваженіе толпѣ.— Почти на томъ же держалось и его политическое вліяніе. Онъ все-таки былъ единственный консерваторъ, бравшій если не талантомъ и умомъ, то по крайней мѣрѣ честностью и мужествомъ, и всегда готовый, когда нужно и даже безъ нужды, становиться лицомъ къ лицу съ опасностью; вотъ почему онъ скоро былъ признанъ главою аристократической партіи, хотя ни лѣта, ни санъ, ни умъ, не давали ему на это права. Гдѣ можно было взять настойчивостью одного рѣшительнаго человѣка, тамъ онъ обыкновенно и имѣлъ успѣхъ».

б) Войны Цезаря въ Галліи (58—50).

§ 198. Въ богатой Галліи (Франціи) и Гельвеціи (Швейцаріи) съ древнѣйшихъ временъ обитали Кельты, раздѣленные на множество мелкихъ государствъ, племенъ и народцевъ, съ различными формами правленія и безъ всякой общей связи.

Народъ, управляемый рыцарственною знатью и могучимъ, гордымъ сословіемъ жрецовъ-друидовъ, былъ по большей части крѣпокъ землѣ, несвободенъ, и не смотря на его разнообразныя способности, на склонность къ городскому быту и многія общественныя учрежденія, кругъ его образованности былъ тѣсенъ и міръ понятій мало облагороженъ и не высокъ. Свирѣпые и воинственные отъ природы, Галлы бѣшено кидались въ битву, воспламененные своими друидами и бардами, но стойкостью не отличались. Благородные и сопровождавшій ихъ людъ составляли ядро ополченія, изъ конниковъ и колесничниковъ; пѣхота была вооружена большимъ щитомъ и длинною пикой; вмѣсто лагеря служилъ имъ обозъ. — Вслѣдствіе счастливыхъ войнъ съ кельтійскими племенами Арверновъ, Аллоброговъ и др., Римляне уже покорили юго-восточную Галлію до города Толозы, ввели тамъ свое провинціальное устройство (provincia, оттуда Provence) и соединили ее военною дорогой съ Италіей и Испаніей; они основали тамъ города и крѣпости (Aquae Sextiae, т. е. нынѣшній Эсъ, и др.) и водворили римскую колонію въ древнемъ городѣ Нарбонѣ; тогда какъ съ другой стороны, вліяніемъ торговаго города Массиліи, который основалъ вдоль береговъ множество складочныхъ мѣстъ и пристаней, поощрялъ туземцевъ къ выдѣлкѣ вина и масла, ввелъ у нихъ грамотность и чеканку монетъ, проникала въ эту страну греко-римская образованность и гражданскій порядокъ. Прекрасный, подходящій къ италійскому климатъ, благопріятное свойство почвы, сподручное для торговли протяженіе богатаго края къ сѣверу, съ торговыми путями, ведущими вплоть до Британіи, удобное сообщеніе моремъ и сухимъ путемъ съ Италіей,— все это вскорѣ придало южной части кельтійской страны великую важность въ глазахъ Рима. Множество римскихъ купцовъ, сельскихъ хозяевъ и скотоводовъ, водворилось въ этомъ краѣ, и вольные поселенцы перенесли италійскую роскошь на берега Роны и Гаронны. Они-то и подготовили покореніе всей этой страны. Сладкое вино, столь любимое Кельтами, проложило сюда дорогу римскимъ войскамъ. Въ это время гельветскіе Кельты, тѣснимые Германцами, вздумали промѣнять свой бѣдный, безплодный гористый край на богатую юго-западную Галлію.

Римлянамъ не хотѣлось имѣть западными сосѣдями этотъ воинственный, безпокойный народъ, а потому они старались воспрепятствовать ихъ намѣренію, и это дало имъ давно желаемый предлогъ проникнуть въ самое сердце кельтійскихъ обществъ. Цезарь двинулся вслѣдъ за Гельветами, которыхъ огромные обозы, съ женами, дѣтьми и всѣмъ лучшимъ имуществомъ, прошли сквозь тѣснины Юры и переправились черезъ Сону; разбилъ ихъ въ кровопролитной битвѣ при Бибракте (Отёнѣ) и принудилъ возвратиться въ ихъ выжженныя деревни и опустошенныя волости. Кельтійскій городъ Новіодунумъ (Ніонъ), на красивомъ берегу Лемана, былъ обращенъ въ римскую пограничную крѣпость, «Юліево кавалерійское поселеніе».—Потомъ Цезарь побѣдилъ германскаго предводителя Аріовиста, который, бывъ призванъ Секванами (около Безансона) противъ сосѣдей ихъ Эдуовъ («братьевъ римскаго народа»), одолѣлъ и покорилъ послѣднихъ, но потомъ началъ угнетать и тѣхъ, водворившись у нихъ съ своими суровыми дружинами на постоянное житье и принудивъ оба народа къ платѣ дани и къ выставкѣ заложниковъ. Теперь самъ Аріовистъ ушелъ съ частію своихъ войскъ обратно въ въ за-рейнское отечество, а Цезарь, вступивъ въ сношеніе съ Германцами, поселенными этимъ герцогомъ на лѣвомъ берегу Рейна, съ Трибокками у Страсбурга, съ Неметами у Шпейера, съ Вангіонами у Вормсса, предоставилъ имъ новыя ихъ обиталища и возложилъ на нихъ охраненіе рейнской границы противъ ихъ же собственныхъ земляковъ. Покоривъ среднюю Галлію, Цезарь двинулся противъ великаго союза Белговъ (56), выступившихъ съ огромнымъ войскомъ подъ начальствомъ короля своего Гальбы, и хорошо разсчитанными маневрами задержалъ ихъ такъ долго въ походѣ, что недостатокъ припасовъ и внутреннія распри совершенно разстроили ихъ ополченіе, вслѣдствіе чего разныя племена начали просить мира поодиначкѣ. Только храбрые Нервіи и ихъ союзники вступили въ упорную битву съ Римлянами при Самбрѣ (Сабисѣ); побѣда долго колебалась, пока военное искусство Римлянъ и отважная рѣшимость ихъ предводителя не склонили ея на ихъ сторону. Геройски бились Нервійцы всѣ до послѣдняго, стоя на грудахъ тѣлъ своихъ павшихъ земляковъ;

изъ 600 человѣкъ думныхъ мужей всего только трое пережили у нихъ день кровавой битвы. Ремы (около Реймса), примкнувшіе къ Цезарю, сдѣлались теперь господствующимъ племенемъ на сѣверѣ Галліи, точно такъ же какъ Эдуи въ средней ея полосѣ. Не менѣе упорна была борьба на западномъ берегу, гдѣ воинственные Венеты, во главѣ огромнаго союза и подкрѣпляемые охотниками-патріотами изъ всѣхъ племенъ, храбро защищались на сушѣ и на морѣ противъ искуснаго Цезарева легата Публ. Красса (55). Только по уничтоженіи ихъ флота Децимомъ-Брутомъ на Атлантическомъ океанѣ, удалось Цезарю водворить въ Нормандіи и Бретани господство римскихъ палокъ и сѣкиръ. Въ примѣръ и для острастки другимъ велѣлъ онъ казнить всю земскую думу Венетовъ, а гражданъ распродать въ неволю всѣхъ до одного. За торжествомъ надъ Венетами слѣдовало покореніе иберійскихъ племенъ въ Аквитаніи, отъ Гаронны до Пиренеевъ. Завоевавъ въ три года цѣлую Галлію, Цезарь устроилъ мостъ на сваяхъ черезъ Рейнъ (между Бонномъ и Андернахомъ) и перевелъ свои легіоны на ту сторону могучей рѣки, чтобы и застращать воинственныхъ обитателей суровой, покрытой дубовыми и сосновыми борами Германіи [1], и удержать ихъ отъ дальнѣйшихъ вторженій въ галльскую страну. Этому предпріятію, при которомъ, вопреки данному слову, Римляне вѣроломно напали на германскія племена Узипетовъ и Тенхтеровъ на нижнемъ Рейнѣ и частію положили ихъ на мѣстѣ, а частію загнали въ рѣку, мы обязаны первымъ, краткимъ описаніемъ Германіи, которое оставилъ намъ Цезарь въ своихъ запискахъ о Галльской войнѣ. Черезъ два года былъ совершенъ вторичный переходъ на ту сторону Рейна. Впрочемъ римскій полководецъ не помышлялъ о прочныхъ завоеваніяхъ ни въ Германіи, ни въ Британіи, къ скалистымъ берегамъ которой онъ также два раза приставалъ (54). Онъ хотѣлъ только показать здѣшнимъ островитянамъ, которые съ почетомъ принимали у себя бѣглыхъ Галловъ, что «рука Римлянъ

[1] Обильная сосною полоса называлась Герциніей, то-есть «смолистымъ краемъ». По словамъ Цезаря, сплошной сосновый боръ простирался отъ Рейна до самой Вислы; но позднѣйшіе писатели, подъ именемъ Герциніи, разумѣютъ обыкновенно лишь пространство между Рейномъ и Дунаемъ.

хватаетъ и за Каналъ». Внушивъ страхъ и трепетъ передъ величіемъ Рима кельтійскимъ обитателямъ Британіи, одѣтымъ въ звѣриныя кожи и славно бившимся на военныхъ колесницахъ, подъ храбрымъ и осторожнымъ водительствомъ своего владыки Кассивеллауна, онъ покинулъ берега Темзы съ отобранными тамъ заложниками и поспѣшилъ на ту сторону Канала, привести въ полную покорность галльскія племена, которыя, по своему безпокойному и измѣнчивому нраву, отпадали отъ Римлянъ и брались за оружіе всякій разъ, когда Цезарь куда нибудь удалялся изъ ихъ края. Во время отлучки его въ Британію начались приготовленія къ общему возстанію всѣхъ галльскихъ племенъ. Съ досадой и стыдомъ сознавались между собой тамошніе вельможи, что великій воинственный народъ далъ наложить на себя позорное иго какимъ-нибудь 50,000 Римлянъ; надо было этому пособить. Казнь эдуйскаго князя Думнорикса, который вздумалъ бѣжать изъ римскаго лагеря, была сигналомъ къ общему возмущенью. Легіонъ, стоявшій у Адуатики (Тонгерна) подъ начальствомъ Сабина, согласился удалиться оттуда по просьбамъ и убѣжденіямъ главы Эбуроновъ, Амбіорикса; но дорогою, въ одной узкой балкѣ, на него сдѣлано было внезапное нападеніе, и весь онъ истребленъ—начальники и простые воины. Поддерживаемые Нервіями, Менапіями, Адуатукійцами и друг. племенами, Эбуроны бросились потомъ на другой отдѣльностоявшій отрядъ и страшно стѣснили его, пока самъ Цезарь не подоспѣлъ на выручку. Его превосходному полководческому искусству удалось подавить возстаніе и разъединить между собою галльскія племена (53). Напрасно Эбуроны прятались потомъ въ лѣсахъ и болотахъ; все племя было объявлено опальнымъ, преслѣдуемо какъ стая звѣрей и совершенно истреблено. Только немногіе изъ знатныхъ, и въ числѣ ихъ Амбіориксъ, успѣли кое-какъ спастись бѣгствомъ за Рейнъ. Страшно свирѣпствовалъ карающій мечъ во всѣхъ галльскихъ обществахъ. Но эта строгость наполняла яростью и отчаяньемъ все военное сословіе и вела къ новымъ возмущеніямъ въ средней и южной части края. Даже и преданные до сихъ поръ Римлянамъ Арверны, взялись теперь за оружіе подъ начальствомъ храбраго и умнаго правителя своего Верцин-

геторикса (52). Это была послѣдняя попытка, въ большихъ размѣрахъ, свергнуть съ себя чужеземное ярмо, и надо сказать правду, что трудно было народному возстанію найдти себѣ болѣе благороднаго и искуснаго руководителя. Арверискій государь, научась у самихъ Римлянъ военному дѣлу и искусству располагаться лагеремъ, пользовался пріобрѣтенными знаніями мастерски. Селенія и мелкія мѣстечки были имъ выжжены, и вся сила сосредоточена въ значительнѣйшихъ укрѣпленныхъ городахъ. Въ горномъ городѣ Герговіи (неподалеку отъ Клермонта) Верцингеторикъ выдерживалъ всѣ нападенія и приступы Цезаря и удачными вылазками привелъ его въ такое затруднительное положеніе, что онъ едва успѣлъ притянуть къ себѣ отъ береговъ Сены своего способнаго легата Лабіэна и потомъ отступилъ въ прежнюю черту римскихъ владѣній. Пришлось покореніе края начать съизнова. Но кельтійскому народу недоставало согласія и выдержки. Передъ Алезіей, въ Бургундіи, гдѣ собралась вся главная сила инсургентовъ, Цезарь расположился укрѣпленнымъ лагеремъ. Верцингеториксу хотѣлось взять его во что бы то ни стало. Когда намѣреніе его сокрушилось о непоколебимую стойкость легіоновъ, кельтійскій полководецъ на военномъ совѣтѣ объявилъ, что онъ готовъ самъ выдать себя Римлянамъ, чтобы этою жертвой сколько можно отвести грозу кары отъ своего народа. Такъ и сдѣлано. Кельтійскіе военачальники выдали своимъ врагамъ на заслуженную казнь славнаго вождя, торжественно избраннаго всѣмъ народомъ. Верхомъ на конѣ и въ полномъ вооруженіи явился царь Арверновъ передъ римскаго проконсула и объѣхалъ кругомъ его трибуналъ; потомъ онъ отдалъ коня и оружіе и, безмолвно, на ступеняхъ трибунала, опустился къ ногамъ Цезаря. Пять лѣтъ спустя его водили въ тріумфѣ по улицамъ Рима, а потомъ, какъ государственному измѣннику, отсѣкли ему голову у подошвы Капитолія въ то самое время, какъ на высотѣ побѣдитель несчастнаго плѣнника приносилъ торжественное благодареніе богамъ. Какъ послѣ пасмурнаго дня солнце иногда проглянетъ хоть на закатѣ, такъ иногда и погибающему племени судьба даритъ великую личность на послѣдяхъ. Только по усмиреніи этого общаго мятежа удалось завоевателю постепенно поко-

рить всю страну вплоть до Рейна. Горный городъ Укселлодунумъ на рѣкѣ Лотѣ (Ло) былъ послѣднимъ убѣжищемъ вольныхъ Кельтовъ. Судьба храбраго гарнизона, которому Цезарь велѣлъ отсѣчь руки по взятіи города, устранила наведеннымъ ею ужасомъ всякое дальнѣйшее сопротивленіе. Въ короткое время всѣ города и общества сами изъявили свою покорность, и теперь римскій полководецъ употребилъ всѣ старанія, чтобы кроткимъ и дружелюбнымъ обращеніемъ съ племеначальниками, принятіемъ общеполезныхъ мѣръ и умѣренностію налоговъ снова водворить спокойствіе и порядокъ и утвердить въ краѣ римское владычество. Введеніе римскаго языка, римскаго права, римской размѣнной монеты также пролагало этому владычеству вѣрную дорогу. Но полнѣе романизировать Галлію удалось лишь тогда, когда сокрушена была власть жрецовъ-друидовъ (§ 15), пользовавшихся своимъ великимъ вліяніемъ на народъ для поддержки въ немъ гордаго національнаго самодовольства и для униженія всего чужеземнаго. Когда религія друидовъ съ ея страшными людорѣзными жертвами должна была уступить греко-римскому язычеству, только тогда и открылась возможность начать здѣсь подготовку почвы для высшаго человѣческаго образованія.

Галлія во времена Цезаря, и какъ римская провинція. До прибытія Римлянъ Галлія стояла еще на низкой степени общественнаго быта. Земледѣліе не пользовалось уваженіемъ; считалось недостойнымъ вольнаго Кельта пахать ниву; особенно на сѣверѣ преобладало скотоводство. На сѣверо-востокѣ дремучіе лѣса, примыкая къ узлу Арденнскихъ горъ, тянулись почти сплошь отъ Нѣмецкаго моря до Рейна, и на цвѣтущихъ нынѣ поляхъ Фландріи и Лотарингіи, менагійскій и треверскій пастухъ пасъ тогда въ непроходимомъ дубовомъ лѣсу полудикихъ свиней цѣлыми стадами. Запашку и овцеводство ввели только Римляне. Къ многолюдному общежитію Галлы были наклонны отъ природы; открытыя селенія существовали повсемѣстно, но не мало было и окруженныхъ стѣнами городовъ; сами Римляне дивились, какъ удобно и красиво умѣли тамъ связывать брусья съ камнемъ при постройкахъ.— Сообщенія шли живо сухимъ путемъ и водой, вездѣ устроены были мосты и дороги; по большимъ рѣкамъ и по морю плавало множество парусныхъ и гребныхъ судовъ. Бретанскіе Кельты брали въ Англіи олово и доставляли его въ Мас-

силію и Нарбонъ. Въ промышленности, и именно въ обработкѣ металловъ, Кельты также имѣли нѣкоторую снаровку, но грубый чеканъ монеты показываетъ, что художественный смыслъ былъ у нихъ не великъ. Всѣ эти благородные начатки гражданственности только черезъ Римлянъ получили полное и практическое развитіе. Общественное устройство Галловъ было въ основаніи своемъ «родообластное», съ царемъ, княземъ или правителемъ во главѣ, съ совѣтомъ или думою старшинъ и съ общиною свободныхъ мужей, носящихъ оружіе. Далѣе этого они не шли; земская областная или волостная община была высшею представительницей власти. У нѣкоторыхъ народцевъ царская власть была совсѣмъ устранена и права ея перешли въ руки знати. Сильные и богатые вельможи имѣли подъ своей защитой и въ своей дружинѣ множество народа, принадлежащаго имъ лично или крѣпкаго имъ по землѣ. Отдѣльныя родовыя волости были независимы; система гегемоніи, или преобладанія одной сильнѣйшей изъ нихъ надъ другими, едва только зарождалась. Сильнѣйшій кантонъ вліялъ на слабѣйшаго сосѣда въ томъ смыслѣ, что служилъ ему заступникомъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и заключалъ договоры вмѣстѣ за себя и за него; а подзащитный обязывался примыкать къ заступнику съ своею военною силой, даже иногда платилъ ему и дань. Такимъ образомъ составился рядъ отдѣльныхъ союзовъ; но области, которая служила бы главою для всей кельтійской страны, — общей, хотя бы и слабой связи для цѣлой націи, вовсе не существовало. «Цивилизація за-альпійскихъ Кельтовъ, говоритъ Моммсенъ, представляетъ не мало интересныхъ сторонъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она ближе подходитъ къ новой, чѣмъ къ греко-римской, съ своими парусными судами, съ своимъ рыцарствомъ, съ своимъ такъ-сказать церковнымъ устройствомъ, особенно же съ своими, хотя и безуспѣшными попытками положить въ основаніе государства не городъ, но племя, и стало-быть, при дальнѣйшемъ ходѣ,—цѣлый народъ». Но по всему видимому, во времена Цезаря кельтійская нація достигла вершины доступнаго для нея развитія, и изъ неутѣшительныхъ явленій ея общественнаго быта мы можемъ заключать объ ограниченности лежавшихъ въ ней нравственныхъ задатковъ и самой способности ея къ образованію. Высшая культура и дальнѣйшее развитіе гражданскаго порядка являются только подъ вліяніемъ Римлянъ.

Вслѣдствіе Цезарева завоеванія, говоритъ Ранке, «оба обширные

полуострова Средиземнаго моря и прилежащіе къ нимъ острова и берега, на которыхъ распространилась греческая и римская образованность, надолго были обезпечены отъ всякой опасности, какая могла грозить имъ изъ внутри европейскаго материка; а вмѣстѣ съ тѣмъ въ глубинѣ его подготовлялась новая почва образованности, и народы, обладавшіе неисчерпаемою жизненною силой, мужественные и смышленые, втягивались мало-по-малу въ ея кругъ и подчинялись ея идеямъ. Галлы только по покоренiи своемъ стали разработывать родную землю во всѣхъ направленіяхъ и научились пользоваться выгодами ея географическаго положенія для удобствъ мирной жизни. Римляне наполнили эту страну замѣчательными сооруженіями, которыя повсюду остаются памятниками ихъ пребыванія, какъ напр. амфитеатры, бани, водопроводы, военныя дороги; послѣднія, пересѣкавшія край во всѣхъ направленіяхъ, были чутьли не всего важнѣе, потому что поддерживали непосредственную связь страны съ главными средоточіями римскаго управленія и вліянія: Лугдунумъ (Ліонъ) сдѣлался за-альпійскимъ Римомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что туземцы очень охотно примыкали къ переселенцамъ. Изъ родовъ и племенъ, изстари населявшихъ эту землю, и изъ римскихъ колонистовъ образовался новый народъ—единая и великая романская нація. Во второмъ столѣтіи Галлія была самою населенною, а въ четвертомъ одною изъ самыхъ образованныхъ римскихъ провинцій, хотя въ глубинѣ страны держалось еще много первобытно-народнаго. Гдѣ природное дарованіе туземцевъ встрѣчалось съ какою-нибудь отраслію латинской образованности, тамъ тотчасъ же давали они отъ себя замѣчательные плоды. Было одно время, когда школы нигдѣ такъ усердно не посѣщались, какъ въ Галліи; природные Римляне изучили латинское краснорѣчіе въ духѣ своего вѣка на берегахъ Гаронны». Крѣпостцы (castellae) и военныя становища, устроенныя Цезаремъ и его преемниками, быстро разрослись въ прекрасные города; таковы были Виндишъ на Ааре, Аугстъ близь Базеля, Цабернъ, Вормсъ, Кёльнъ, Кобленцъ, Триръ, Ахенъ, Суассонъ, Камбрэ и мн. др. Чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ покорена была и южная Германія до Дуная, такъ что сѣверную границу римскихъ владѣній стали составлять двѣ великія рѣки, Рейнъ и Дунай. Точно также и здѣсь изъ римскихъ стоянокъ мало-по-малу образовались города: Брегенцъ, Кемптенъ, Регенсбургъ, Аугсбургъ, Пассау, Зальцбургъ, Линцъ, Вѣна и др. (§ 221).

в) Вторая Междоусобная война (49—48).

§ 199. Между тѣмъ ярость партій въ Римѣ дошла до крайности, грабежи и убійства сдѣлались тамъ ни по чемъ. Могущественные предводители, окружаясь шайками вооруженныхъ клевретовъ, бились другъ съ другомъ на улицахъ и площадяхъ, и дерзостный коноводъ демократовъ Клодій, своевольничавшій нѣсколько лѣтъ сряду по всему городу съ толпами черни, отпущенниковъ и рабовъ, былъ наконецъ убитъ Милономъ на Аппіевой дорогѣ (52). Подкупность лицъ, занимавшихъ государственныя должности, достигла крайнихъ предѣловъ наглости и безстыдства; сокровища Галліи главнымъ образомъ шли въ Римъ для того, чтобы насытить продажныя души народныхъ трибуновъ Куріона, Антонія и др., и склонить ихъ на сторону Цезаря. Мнимые богачи съ разстроенными финансами, вліятельныя женщины, попавшія въ денежное затрудненіе, задолжавшая аристократическая молодежь, нуждающіеся купцы и банкиры, или сами отправлялись въ Галлію черпать у источника богатства, или прибѣгали къ столичнымъ агентамъ Цезаря. Къ этому присоединялись громадныя постройки, которыя Цезарь возводилъ въ Римѣ на свой счетъ, и при которыхъ бездна народу всѣхъ сословій, отъ консуляра до послѣдняго носильщика, находили случай къ наживѣ, и, наконецъ, несмѣтныя суммы, тратимыя имъ на общественныя увеселенія. Въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ дѣлалъ тоже самое и Помпей; ему обязана столица первымъ каменнымъ театромъ, и открытіе его онъ праздновалъ съ такою пышностью, какой никогда не видано прежде. — Недостатокъ общественной безопасности и анархія, соединенныя съ насиліемъ и подкупами, пагубно дѣйствовавшими на выборы и на суды присяжныхъ и сосредоточившими всю власть въ рукахъ политическихъ обществъ (содалицій) и ихъ коноводовъ, — все это побудило наконецъ сенатъ и старо-республиканскую партію искать въ Помпеѣ опоры противъ возрастающаго своеволія толпы и, предоставивъ консульство въ его полное распоряженіе, облечь его такимъ образомъ диктаторскою властью. Но это дало только новую пищу ревности партій, потому что Помпей, завидуя возрастающей

воинской славѣ своего соперника и еще болѣе разошедшись съ нимъ по смерти супруги своей, благородной и прекрасной дочери Цезаря, Юліи, сталъ всячески вредить ему своимъ вліяніемъ. Заодно съ Катономъ и аристократическою партіей сената, старался онъ не допустить его до консульства, боясь, чтобъ Цезарь не воспользовался этимъ для достиженія единовластія. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено было отмѣнить, какъ незаконныя мѣры, раздачу Цезаремъ гражданскихъ правъ и учрежденіе колоній въ верхней Италіи. При содѣйствіи Помпея, тотчасъ по окончаніи Галльской войны, сенатъ далъ Цезарю повелѣніе сложить свое верховное начальство въ тѣхъ странахъ и распустить армію; въ тоже время Помпей былъ облеченъ новою чрезвычайною властью и, сборомъ войскъ при Капуѣ, обнаружилъ свои непріязненные виды. Народные трибуны, Кв. Кассій, храбрый кавалерійскій начальникъ Маркъ Антоній и, особенно, продажный, задолжавшій Куріонъ, человѣкъ даровитый и остроумный ораторъ, но безъ политическихъ и нравственныхъ началъ и самаго безпутнаго и расточительнаго образа жизни, — всѣ эти люди, подкупленные Цезаремъ, наложили на рѣшеніе сената трибунскій запретъ (veto) и требовали, чтобы Помпей отказался отъ своей власти; когда же имъ отвѣчали на это однѣми угрозами, они, переодѣтые рабами, бѣжали въ лагерь Цезаря, и такимъ образомъ этотъ полководецъ, дѣйствовавшій до сихъ поръ очень бережно и умѣренно, и старавшійся предупредить полный разрывъ предложеніями полюбовной сдѣлки, получилъ благопріятный поводъ явиться мстителемъ за оскорбленіе священной власти трибуновъ и защитникомъ правъ народныхъ. Когда, въ блистательной рѣчи, онъ изобразилъ своимъ легіонамъ неблагодарные поступки аристократовъ противъ покорителя Галліи и безсовѣстное нарушеніе государственнаго устава, который основали и потоками своей крови запечатлѣли отцы, тогда и начальники, и солдаты изъявили полную готовность идти за нимъ безусловно въ открытый бой съ согражданами. Легіонеры уже уговорились между собой оставить въ рукахъ Цезаря, до окончанія войны, свое жалованье, которое онъ обѣщалъ имъ удвоить, и содержать между тѣмъ на общій счетъ тѣхъ товарищей, которые были побѣднѣе. Только

одинъ изъ нихъ, храбрый Т. Лабіэнъ, перешелъ въ станъ Помпея.

Клодій и Милонъ. Милонъ, другъ Цицерона, смѣлый и ловкій на интриги адвокатъ аристократической партіи, домогался консульства, но Помпей и Клодій помѣшали ему въ этомъ. Когда Милонъ хотѣлъ отправиться съ семействомъ въ свое загородное имѣніе, Клодій напалъ на него съ вооруженною толпой, но былъ убитъ среди происшедшей при этомъ схватки. Раздраженная смертью своего коновода, неистовая чернь перенесла тѣло его съ форума прямо въ курію, гдѣ засѣдали аристократы, и бросивъ туда факелъ, сожгла это зданіе въ видѣ погребальнаго костра надъ уличнымъ героемъ. Пять дней сряду осаждалъ народъ домъ Милона. Волненіе было такъ велико, что наконецъ Помпей былъ провозглашенъ консуломъ одинъ, безъ товарища, чтобы этимъ еще болѣе возвысить его власть. Онъ тотчасъ же началъ процессъ противъ Милона, нарядивъ для того особую коммиссію, и не смотря на мастерскую защитительную рѣчь Цицерона, обвиненный былъ осужденъ (51), послѣ чего онъ добровольно удалился изгнанникомъ въ Массилію. Въ слѣдующемъ году Помпей подѣлилъ консульство съ своимъ новымъ тестемъ, Метелломъ Сципіономъ.

§ 200. Жребій былъ брошенъ (alea jacta est); Цезарь, послѣ нѣкотораго раздумья, въ январѣ 49 г. перешелъ черезъ пограничную рѣчку Рубиконъ и, съ своими преданными, закаленными въ бояхъ легіонами, отъ береговъ По быстро и побѣдоносно прошелъ всю Умбрію и сабеллскія земли. Ему необходимо было застать противниковъ врасплохъ прежде чѣмъ они успѣютъ собрать вокругъ себя разсѣянныя войска. Его кротость и привѣтливость съ жителями отворили ему всѣ ворота и пріобрѣли всѣ сердца. Помпей слишкомъ поздно вышелъ изъ своей непонятной самоувѣренности, и теперь уже не отважился выждать Цезаря въ Римѣ; съ своими только что набранными и ненадежными войсками и съ огромною толпой сенаторовъ и аристократовъ поспѣшно бѣжалъ онъ черезъ Капуу въ Брундузіумъ, а когда побѣдитель приблизился и къ этому городу, онъ черезъ Іонійское море отплылъ въ Эпиръ. Его хвастливый отзывъ, что ему стоитъ лишь топнуть ногою, и легіоны явятся изъ-подъ земли, на дѣлѣ оказался пустою фразой. Быстрая рѣшительность противника

не дала ему времени собрать военныя силы, которыми располагала аристократо-республиканская партія. Цезарь не преслѣдовалъ бѣгущихъ за море; онъ прежде зашелъ въ Римъ (въ мартѣ) успокоить смятенные умы, ожидавшіе уже возвращенія маріевскихъ ужасовъ, оградить столицу отъ безначалія и лишить своего противника помощи войскъ Пиренейскаго полуострова. Онъ созвалъ разогнанный сенатъ, овладѣлъ огромными запасами и государственною казною (болѣе 20 милл. рубл.), которую бѣжавшій консулъ оставилъ на произволъ судьбы, а потомъ отправился въ Испанію. Тамъ, послѣ кровавой, но нерѣшительной битвы при Илердѣ, между Пиренеями и Эбро, Цезарь, благодаря своему полководческому генію и удивительной быстротѣ своихъ движеній, до того стѣснилъ войска противника, что они принуждены были сдаться на уговорѣ, по которому главные полководцы (Петреій, Афраній, М. Варронъ) и другіе начальники отпущены были къ Помпею, а большая часть войска или перешла на сторону побѣдителя, или сдавъ оружіе разошлась по домамъ. На возвратномъ пути онъ покорилъ богатый торговый городъ Массилію, которая изъ старой преданности къ Помпею затворила свои ворота сторонникамъ Цезаря и, вслѣдствіе того, во время всего испанскаго похода, была тѣсно обложена съ суши и съ моря Децимомъ Брутомъ; хотя граждане дозволили себѣ вѣроломное нападеніе даже по заключеніи съ нимъ договора, Цезарь смягчилъ однакожь ярость своихъ солдатъ и наказалъ городъ только отобраніемъ оружія и судовъ, да нѣкоторою урѣзкою его округа и его свободы. Но и послѣ этого удара Массилія все еще оставалась средоточіемъ эллино-римской образованности на Западѣ; только въ массаліотскомъ высѣлкѣ [1] Немаузѣ (Нимѣ), возведенномъ въ латинскую городскую общину и надѣленномъ недвижимостью и особыми правами, возникъ для древняго торговаго города могущественный соперникъ. Между тѣмъ подручные Цезарю полководцы успѣли отнять у помпеянцевъ Сицилію и другіе острова, и тѣмъ обезпечили Италію насчетъ продовольствія хлѣбомъ; напротивъ того, въ окрестностяхъ Утики, геніальнный Куріонъ далъ

[1] Уроженцевъ Массиліи обыкновенно называли *Массаліотами*.

своей пылкой отвагѣ завлечь себя въ невыгодную позицію и, окруженный нумидійскими конниками царя Юбы, погибъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. Онъ самъ искалъ смерти, стыдясь явиться къ своему повелителю послѣ такого позорнаго пораженія. Это былъ человѣкъ вообще легкій и часто легкомысленный, мило-откровенный и всегда весь живущій настоящею минутой, безъ всякихъ оглядокъ взадъ и впередъ. Но и противная партія не оставалась тѣмъ временемъ въ бездѣйствіи. Съ дальняго Востока, гдѣ у Помпея было много приверженцевъ и почитателей, собралось къ республиканскому полководцу столько силъ (въ сентябрѣ), что онъ могъ располагать 7,000 конниковъ, одинадцатью легіонами и флотомъ изъ 500 кораблей; а въ Ѳессалоникѣ съѣхалось такое множество эмигрантовъ сенаторскаго и всаднической сословія, что, казалось, Римское государство перенесло въ Македонію и свою столицу, и свой («трехсотенный») сенатъ. Однакожь присутствіе такого множества знати въ лагерѣ затрудняло главноначальствующаго въ борьбѣ противъ единодушныхъ и тѣсно сомкнутыхъ Цезаревыхъ легіоновъ, хотя Помпей снова показалъ въ это время свой прежній полководческій талантъ, быстро занявъ берегъ Эпира у порта Диррахіума (въ ноябрѣ). Аристократы не только внесли съ собою въ лагерь смуты и раздоры столицы и, обнаруженіемъ страшной исключительности и жажды мщенія, оттолкнули отъ себя всѣхъ колебавшихся и недоумѣвавшихъ; они еще водворили здѣсь обычную свою роскошь и изнѣженность. «Шатры такихъ господъ, замѣчаетъ Моммсенъ, были очаровательныя бесѣдки, съ красивымъ поломъ изъ свѣжаго дерна, съ стѣнами убранными плющемъ; столъ у нихъ былъ уставленъ серебряною посудой, и часто уже за-свѣтло полная чаша еще ходила тамъ кругомъ. Эти щеголеватые воины представляли странную противоположность съ Цезаревыми нечесами, которые приводили ихъ въ ужасъ однимъ своимъ грубымъ хлѣбомъ, а если не было и его, то питались сырыми кореньями и торжественно поклялись, хоть бы пришлось глодать кору, отнюдь не оставлять непріятеля въ покоѣ». По покореніи Массиліи, Цезарь возвратился въ Римъ (48) и велѣлъ избрать себя въ диктаторы, а потомъ, сохраняя для виду республиканскія формы, — еще и въ кон-

сулы на слѣдующій годъ, и старался успокоить взволнованное государство примирительнными законами. Послѣ этого онъ переправился съ своими испытанными въ бояхъ легіонами черезъ Іонійское море и вышелъ на берегъ Эпира, гдѣ стоялъ Помпей съ превосходнымъ по числу войскомъ. Рядъ кровавыхъ схватокъ при Диррахіумѣ, въ которыхъ перевѣсъ былъ на сторонѣ Помпея, усилилъ тщеславную самонадѣянность послѣдняго, и онъ, внявъ неотвязнымъ требованіямъ окружавшей его знатной молодежи, отважился вступить въ рѣшительную битву у Фарсала, на равнинахъ Θессаліи (9 авг. 48), куда Цезарь, преслѣдуемый врагомъ, отвелъ было своихъ утомленныхъ ветерановъ. Здѣсь эти привычныя къ битвамъ войска одержали блистательную побѣду надъ слишкомъ вдвое сильнѣйшимъ непріятелемъ и овладѣли его богатымъ станомъ, полнымъ драгоцѣнностей и всякаго рода припасовъ. Пятнадцать тысячъ враговъ легли мертвые или раненые, тогда какъ у цезаріанцевъ выбыло всего двѣсти человѣкъ; неразбѣжавшійся еще двадцати-тысячный остатокъ Помпеевыхъ войскъ положилъ оружіе на слѣдующее утро; изъ одиннадцати непріятельскихъ орловъ (знаменъ) Цезарю представлено было девять. Когда свирѣпствовалъ еще кровавый бой, Помпей снялъ съ себя перевязь полководца и поскакалъ ближайшею дорогой къ морю, чтобы отыскать какой-нибудь корабль. Съ небольшимъ числомъ преданныхъ ему людей бѣжалъ онъ потомъ черезъ Лесбосъ и Малую Азію въ Египетъ, но тамъ, вмѣсто гостепріимнаго привѣта, встрѣтилъ продажныхъ убійцъ. Птоломей, въ надеждѣ пріобрѣсти расположеніе Цезаря, приказалъ убить удрученнаго несчастіями героя при самой высадкѣ его въ Пелузіи, и даже тѣло его было брошено безъ погребенія на берегу. Когда онъ сходилъ съ корабля, военный трибунъ Луцій Септимій закололъ его сзади, передъ глазами его жены и сына, которые видѣли это съ палубы и однакожь не могли ни спасти его, ни за него отмстить. Въ тотъ же самый день (28 сент.), въ который тринадцать лѣтъ назадъ вступалъ онъ въ столицу съ тріумфомъ надъ Митридатомъ, погибъ теперь отъ руки своего стараго солдата на песчаномъ холмѣ негостепріимнаго берега этотъ человѣкъ, который цѣлую жизнь слылъ великимъ и многіе годы правилъ

Римомъ, какъ хотѣлъ. Его кольцо и голова были отосланы побѣдителю.

г) ПОБѢДЫ И СМЕРТЬ ЦЕЗАРЯ.

§ 201. Этотъ трагическій конецъ великаго полководца вызвалъ слезы состраданія изъ глазъ его противника, который вскорѣ послѣ этого самъ прибылъ въ Египетъ. Онъ не далъ виновнику убійства ожидаемой награды, и когда его избрали третейскимъ судьей въ спорѣ за престолъ между дѣтьми только-что умершаго Птолемея Авлета (т. е. «флейтщика»), десяти-лѣтнимъ Птолемеемъ Діонизомъ и его прекрасною, очаровательною сестрою Клеопатрой, онъ рѣшилъ дѣло въ пользу послѣдней, хотя это вовлекло его въ войну съ Египтомъ, задержало въ Александріи на девять мѣсяцевъ и поставило въ самое опасное положеніе. Съ удивительнымъ искусствомъ и ловкостью защищался этотъ полководецъ безъ войскъ противъ необузданной черни кишащаго народомъ торговаго города и противъ стараго помпеевскаго гарнизона, сперва въ укрѣпленномъ царскомъ дворцѣ, а потомъ, когда это зданіе вмѣстѣ съ большею частію книжныхъ сокровищъ объято было пожаромъ, — на маячномъ островѣ Фаросѣ, въ Александрійскомъ портѣ. Наконецъ, когда изъ Сиріи и Малой Азіи пришли къ нему подкрѣпленія, и Птолемей, послѣ одного несчастнаго сраженія, утонулъ во время бѣгства въ р. Нилѣ, Александрія безусловно сдалась побѣдителю (47). Въ траурныхъ одеждахъ, съ ликами боговъ своихъ въ рукахъ, умоляли граждане о мирѣ. Цезарь явилъ милосердіе. Указывая на громадный ущербъ, понесенный городомъ отъ сожженія флота и другихъ тяжелыхъ ударовъ, онъ настойчиво увѣщевалъ жителей заниматься впередъ только искусствами мира и стараться залѣчить раны, которыя они сами себѣ нанесли. За тѣмъ Цезарь передалъ управленіе Египтомъ Клеопатрѣ (которой прелести очаровали его вполнѣ) и ея маленькому брату, соединенному съ ней супружествомъ, а самъ удалился изъ Египта для новыхъ битвъ. Быстрая побѣда при Зелѣ, одержанная имъ надъ сыномъ Митридата, Фарнакомъ (который воспользовался смутами въ Римскомъ государствѣ

для завоеваній въ Колхидѣ, Арменіи и др.), однимъ только страхомъ своего имени увѣковѣчилась въ памяти потомства замѣчательнымъ письменнымъ донесеніемъ о ней Цезаря: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ (veni, vidi, vici). Фарнакъ лишился всѣхъ своихъ завоеваній, а вскорѣ потомъ и жизни, бывъ убитъ вѣроломнымъ слугой. Его незаконный сводный братъ, Митридатъ Пергамскій, оказавшій римскому полководцу добрыя услуги въ Египтѣ, получилъ корону царства Воспорскаго. Возвратясь послѣ того въ Римъ, Цезарь пробылъ тамъ недолѣе, сколько было нужно, чтобы успокоить примирительными мѣрами волнующійся народъ и унять ропотъ солдатъ посулами и осторожнымъ возбужденіемъ въ нихъ чувства воинской чести. Когда, въ полной увѣренности, что они для него необходимы, солдаты потребовали-было увольненія, онъ ихъ тотчасъ же уволилъ, заговорилъ съ ними какъ съ «гражданами» и обѣщалъ имъ, вслѣдъ за своимъ тріумфомъ, подарки и раздачу земель. Глубоко потрясенные тѣмъ, что полководецъ предоставляетъ имъ, какъ мирнымъ гражданамъ, только смотрѣть на побѣдоносные походы своихъ товарищей, смущенные чуждымъ для нихъ тономъ его рѣчи, которою онъ какъ-будто съ разу уничтожилъ всю ихъ прошлую солдатскую жизнь, и невольно покоряясь обаянію этого неодолимаго человѣка, — солдаты стояли нѣсколько времени безмолвно и въ нерѣшимости, потомъ вдругъ раздался со всѣхъ сторонъ кликъ, чтобъ полководецъ положилъ гнѣвъ на милость и позволилъ имъ опять называться воинами Цезаря. Онъ наконецъ склонился на ихъ просьбы, и потомъ, въ декабрѣ 47 г., отправился въ Африку, гдѣ вокругъ Катона, Метелла Сципіона и нумидійскаго царя Юбы, у котораго раздраженіе сторонника партіи соединялось съ свирѣпостью полуварварскаго Африканца, собрались приверженцы республики и Помпея и успѣли, въ долгую бытность Цезаря въ Александріи, снарядить большое хорошо вооруженное войско, подъ начальствомъ извѣстныхъ полководцевъ. Какъ нѣкогда Ѳессалоника, стала теперь и Утика мѣстопребываніемъ «трехсотеннаго» сената. Но въ кровавой битвѣ при Тапсѣ (6 апр. 46) погибли всѣ надежды республиканцевъ. Пятьдесятъ тысячъ непріятельскихъ тѣлъ покрывали побоище, тогда какъ у побѣдителя было только

пятьдесятъ человѣкъ убитыхъ. Солдаты, раздраженные безконечною войной, дали полную волю своей мстительности. Изъ оставшихся въ живыхъ многіе покончили самоубійствомъ; таковы были: Метеллъ Сципіонъ, тесть Помпея, главноначальствовавшій въ Тапсійскомъ сраженіи, и великодушный Катонъ, который съ полнымъ самосознаніемъ и стоической твердостью лишилъ себя жизни въ Утикѣ, вѣрный началамъ, которыя честно и мужественно исповѣдывалъ до послѣдняго конца. Юба, одна изъ тѣхъ одичавшихъ въ удали и разгулѣ натуръ, которыя дѣлаютъ себѣ шумный праздникъ даже изъ самой смерти, отправился съ побѣдителемъ Катилины, Петреіемъ, на одну изъ своихъ дачъ, велѣлъ подать себѣ богатую трапезу и послѣ стола предложилъ своему спутнику биться съ нимъ на поединкѣ до смерти. Когда Петреій палъ мертвый, царь велѣлъ пронзить себя рабу. Нумидійское царство было частію присоединено къ римской провинціи Африкѣ, частію же роздано Цезаревымъ союзникамъ въ томъ краѣ. Водворенные тамъ италійскіе колонисты скоро опять привели эту прекрасную страну въ самое цвѣтущее положеніе. — Великолѣпный четырехдневный тріумфъ, сопровождавшійся самыми льстивыми выраженіями преданности со стороны сената, самыми блистательными пиршествами и богатѣйшими дарами, ожидалъ побѣдителя при возвращеніи его въ Римъ; но и на этотъ разъ Цезарь скоро покинулъ столицу, чтобы поразить своихъ послѣднихъ враговъ, которые собрались въ Испаніи около двоихъ сыновей Помпея. Въ страшной битвѣ при Мундѣ (45), гдѣ обѣ стороны дрались съ отчаяннымъ мужествомъ и гдѣ счастливая звѣзда Цезаря и самая жизнь его были въ крайней опасности, послѣдніе остатки помпеянцевъ и республиканцевъ были уничтожены. Одинъ изъ сыновей Помпея былъ убитъ во время бѣгства послѣ битвы, въ которой пали тысячи его соратниковъ; другой велъ съ этихъ поръ тревожную жизнь морскаго разбойника и спустя десять лѣтъ погибъ насильственною смертью.

§ 202. Послѣ покоренія юго-западной Испаніи, Цезарь возвратился въ Римъ, какъ господинъ и повелитель римской державы; тутъ его привѣтствовали титуломъ «отца отечества», уничиженный сенатъ назначилъ его пожизнен-

нымъ диктаторомъ, а народъ избралъ трибуномъ и облекъ расширеннымъ противъ прежняго правомъ блюстительства за нравами. Титулъ императора, который остался за нимъ теперь постоянно, утратилъ мало-по-малу свое прежнее, чисто-военное значеніе, и сталъ выраженіемъ верховной правительственной власти (imperium), соединенной въ рукахъ независимаго отъ сената народнаго главы,—въ лицѣ котораго высшая судебная и административная власть совокуплялась съ верховнымъ военачальствомъ. Но какъ ни старался Цезарь благоразумными законами и учрежденіями успокоить взволнованные умы, какъ ни старался онъ привлечь къ дѣятельному участію въ новомъ государственномъ порядкѣ людей знатныхъ и образованныхъ, какъ ни старался примирить съ собою опальныхъ возвращеніемъ имъ всѣхъ имуществъ и правъ, какъ ни искалъ привлечь къ себѣ низшіе классы заботливостію объ ихъ прокормленіи и временномъ благѣ, не смотря на все это, его очевидное стремленіе нетолько къ власти, но даже и къ титулу и внѣшней почетной обстановкѣ единовластителя, побудило нѣкоторыхъ мечтательныхъ друзей свободы составить противъ него заговоръ, въ надеждѣ, возстановленіемъ древнихъ учрежденій, оживить въ народѣ и силу древне-республиканскаго духа. Возрастающая гордость императора, проявлявшаяся въ пренебреженіи къ сенату и республиканскимъ формамъ, и явно обнаруженная имъ радость, когда М. Антоній на одномъ праздникѣ поднесъ ему царскую діадему, хотя онъ и оттолкнулъ ее съ притворнымъ неудовольствіемъ, — ускорили исполненіе составленнаго противъ него замысла. Во главѣ заговорщиковъ стояли: благородный М. Юній Брутъ, воодушевляемый идеею свободы, соединявшій въ себѣ образованіе, даръ слова и нравственное достоинство съ мужествомъ воина, личный другъ Цезаря наконецъ, и вмѣстѣ съ Брутомъ Каій Кассій, пламенный республиканецъ, человѣкъ столько же честолюбивый, сколько отважный и рѣшительный. Хотя оба они стояли прежде за Помпея, а теперь были удостоены Цезаремъ почетной должности преторовъ и, наравнѣ съ большею частію другихъ заговорщиковъ, пользовались его расположеніемъ и довѣріемъ; однакожь древне-римское предубѣжденіе противъ всякаго еди-

новластія заставило ихъ позабыть все остальное. Съ величайшимъ лицемѣріемъ и скрытностью составили они планъ убійства. Не смотря на всѣ предостереженія, въ мартовскія иды (15 марта 44 г.) Цезарь собралъ въ Помпеевой палатѣ засѣданіе сената, чтобы, по поводу предпринимаемаго имъ похода на Парѳянъ, получить отъ него титулъ царя всѣхъ внѣ-италійскихъ провинцій. Тутъ, пронзенный двадцатью тремя кинжалами, опустился онъ съ восклицаніемъ: «И ты, Брутъ!» къ подножію статуи своего прежняго противника, успѣвъ однакожь тщательно завернуться въ свою тогу, чтобы упасть съ достоинствомъ и приличіемъ.

Цезаревы реформы и учрежденія. Принявъ титулъ императора, Цезарь старался усвоить себѣ вмѣстѣ съ нимъ сущность и права древняго царскаго сана; названія «царь» избѣгалъ онъ изъ уваженія къ народнымъ антипатіямъ, но впрочемъ восходилъ во всемъ къ преданіямъ царской эпохи. Монеты были украшены его погрудnымъ изображеніемъ; сенатъ, составленный самимъ Цезаремъ изъ сторонниковъ новаго порядка, изъ преданныхъ людей всѣхъ сословій, отчасти даже изъ провинціаловъ, и увеличенный въ составѣ до 900 человѣкъ, сталъ отнынѣ верховнымъ государственнымъ совѣтомъ, котораго содѣйствіемъ императоръ пользовался для того, чтобы заранѣе обсуждать съ нимъ новые законы и обнародывать чрезъ него, или по крайней мѣрѣ его именемъ, важнѣйшія административныя распоряженія. Къ древне-республиканской родовой знати, съ ея куріальными собраніями, присоединилъ онъ множество новыхъ фамилій и создалъ такимъ образомъ монархически-патриціанское дворянство; въ его рукахъ сосредоточивались всѣ государственныя дѣла, и онъ старался замѣщать всѣ служебныя должности людьми второстепенными и ему преданными; управленіе государственною казною предоставилъ онъ себѣ лично, поручивъ сборъ провинціальныхъ податей и завѣдываніе монетнымъ дѣломъ своимъ отпущенникамъ. Своею же властію раздавалъ онъ намѣстничества, однакожь изъ уваженія къ духу солдатъ обыкновенно избиралъ только значительныхъ людей въ проконсулы и пропреторы. Городскія должности, именно: консуловъ, ценсоровъ, преторовъ, трибуновъ и эдилей, онъ хотя и оставилъ въ прежнемъ видѣ, однакожь умаливъ ихъ значеніе и сокративъ ихъ права: изъ верховныхъ государственныхъ сановниковъ они сдѣлались городскими властями столицы, должностны-

ми лицами общины, и число ихъ отчасти было увеличено. Если императоръ сталъ такимъ образомъ своимъ собственнымъ министромъ по всѣмъ болѣе общимъ и важнѣйшимъ дѣламъ; если финансами завѣдывалъ онъ чрезъ своихъ слугъ, а войскомъ чрезъ своихъ адъютантовъ; если древне-республиканскія государственныя должности онъ снова обратилъ въ чисто-городскія, общинныя; если наконецъ, ко всему этому, онъ присоединилъ право назначать себѣ преемника, то самовластіе получило уже въ этомъ довольно прочныя основы. Цезарь менѣе вступался въ духовную іерархію, однакожь и тутъ онъ связалъ съ особой правителя санъ верховнаго жреца и званіе непремѣннаго члена трехъ высшихъ духовныхъ коллегій. Онъ не коснулся также судопроизводства; сенаторы и всадники по прежнему подѣляли между собою должности присяжныхъ; но императоръ присвоилъ себѣ одному право окончательнаго рѣшенія по уголовнымъ и тяжебнымъ дѣламъ; притомъ, въ силу своей трибунской власти, онъ имѣлъ верховно-судебное блюстительство за всѣми постановляемыми приговорами, вслѣдствіе чего и возникла, въ видѣ высшей инстанціи, «аппелляція къ лицу императора». Цезарь старался поднять пришедшее въ упадокъ военное устройство, хотя и не успѣлъ снова вызвать къ жизни старыхъ гражданскихъ легіоновъ, не успѣлъ пробудить воинственный духъ въ городскомъ населеніи. Начальническія должности считались собственностію высшихъ сословій, рядовые были согнанная изъ всѣхъ странъ міра народная толпа, принадлежавшая къ низшимъ классамъ или черни. Трудную задачу, удерживать солдатъ постоянной арміи въ сферѣ гражданской жизни, старался онъ разрѣшить сокращеніемъ служебнаго срока и правильнымъ водвореніемъ увольняемыхъ за выслугой, въ качествѣ пахатныхъ поселенцевъ. Тѣлохранителей онъ при себѣ не заводилъ. Финансовую часть привелъ Цезарь въ лучшій порядокъ, во-первыхъ тѣмъ, что прежнюю откупную систему удержалъ только для косвенныхъ налоговъ, а прямые налоги собиралъ непосредственно чрезъ правительственныя лица, какъ деньгами, такъ и натурою; во-вторыхъ — тѣмъ, что ограничилъ и привелъ въ правильность хлѣбную раздачу въ столицѣ; число лицъ, которымъ ежегодно выдавался хлѣбъ, положительно опредѣлено въ полтораста тысячъ, — начало тѣхъ «благотворительныхъ учрежденій, въ которыхъ безконечное состраданіе борется съ безконечнымъ бѣдствіемъ и нуждой». Многія области и города были совсѣмъ освобождены отъ податей или получили льготы; съ другихъ,

которые стояли за Помпея, подати были увеличены. Благодаря произведеннымъ въ большихъ размѣрахъ конфискаціямъ, въ государственную казну поступили громадныя суммы денегъ, что̀ дало возможность покрывать большіе расходы, причиняемые увеличеніемъ постоянныхъ войскъ для защиты предѣловъ государства и удвоеніемъ жалованья солдатамъ. Переполненію Рима толпами рабовъ, отпущенниковъ и пролетаріевъ старался онъ пособить огромными выводами простаго народа въ заморскія колоніи, имѣя при этомъ въ виду водворить болѣе безопасности въ столицѣ и устранить часто возобновлявшіеся тамъ голода. Вмѣстѣ съ этимъ численно усилена и приведена въ лучшее устройство торговая и городская полиція, а возведеніемъ новыхъ общеполезныхъ сооруженій главная городская площадь (форумъ) освобождена отъ чрезмѣрнаго стеченія народа и тѣсноты. Такъ устроены имъ на Марсовомъ полѣ Saepta Julia (Юліевы ограды),—новое помѣщеніе для выборовъ и народныхъ собраній, и особая судебная площадь —Forum Julium, между Капитоліемъ и Палатиномъ. Другіе планы громадныхъ построекъ остались невыполненными. Въ городскихъ баняхъ, по распоряженію Цезаря, масло для втиранія выдавалось даромъ. Но, что̀ онъ ни дѣлалъ, общественныя язвы столицы были такъ велики, что ихъ уже нельзя было исцѣлить. Жители распадались на классъ богачей и знатныхъ и на толпу нищихъ пролетаріевъ; средній классъ исчезъ здѣсь совершенно, и его можно было найдти только въ нѣкоторыхъ углахъ Италіи по провинціальнымъ городамъ. Въ окрестностяхъ Рима прибыльное хозяйство должно было уступить мѣсто безплодной роскоши: гдѣ въ старину латинскіе земледѣльцы сѣяли и жали, тамъ теперь возвышались великолѣпные загородные дома, изъ которыхъ многіе, съ принадлежащими къ нимъ садами, парками, водопроводами, бассейнами прѣсной и соляной воды для содержанія и разведенія рѣчной и морской рыбы, звѣринцами, птичниками и фазанниками, были объемомъ съ порядочный городъ. Въ остальной Италіи сельское хозяйство, производимое ватагами невольниковъ, совершенно вытѣснило собою дворы мелкихъ поселянъ и вольное хлѣбопашество. Конечно, земледѣліе выиграло отъ этого въ величинѣ размѣровъ и процвѣтаніи, такъ что поэты справедливо могли воспѣвать прекрасную родину, «гдѣ вдоволь напоенный лугъ, роскошная нива и веселый виноградный холмъ окаймлены темною изгородью маслинъ; гдѣ, среди улыбающихся и разнообразныхъ сельскихъ красотъ, лежатъ очаровательные сады, и все вмѣстѣ обсажено плодовы-

ми, питательными деревьями»; но именно это и загубило мелкое поселянское хозяйство доброй старины, и между богатымъ капиталистомъ и толпою безправныхъ нищихъ и рабовъ зіяла теперь ужасающая бездна. Древніе областные города Италіи превратились мало-по-малу въ оброшенныя села, между тѣмъ какъ цѣлое населеніе рабовъ, отпущенниковъ и мелкихъ торговцевъ, вызванное изъ чужи, болѣе и болѣе распространялось по всей Италіи. Цезарь старался по мѣрѣ силъ противодѣйствовать всеподавляющему преобладанію капитала, отчасти новыми законами о ростѣ и лихоимствѣ и отмѣною личной кабалы за долги; отчасти возобновленіемъ стараго закона, по которому невыплаченные проценты были сложены, а выплаченные зачтены въ капиталъ; отчасти, наконецъ, предписаніемъ всѣмъ скотоводамъ и землевладѣльцамъ брать третью часть своихъ рабочихъ непремѣнно изъ свободно-рожденныхъ гражданъ, и поселеніемъ выслужившихъ сроки солдатъ съ надѣломъ ихъ мелкими участками. Въ тоже время старался онъ законодательными мѣрами положить предѣлъ роскоши, расточительности и слишкомъ долгимъ отлучкамъ богачей изъ Италіи. Новыя городовыя положенія должны были возстановить опустѣлые областные города, а проведеніе дорогъ, каналовъ и облегченіе всѣхъ сообщеній — поднять торговлю и промышленность. Особенно старался Цезарь избавить провинціаловъ отъ притѣсненій римскихъ чиновниковъ и капиталистовъ; старый законъ противъ вымогательствъ исполнялся съ безпощадною строгостью. Какъ ни болѣли еще прежнія раны, но съ Цезаремъ явилась для тяжко-угнетенныхъ подданныхъ [1] заря новой, болѣе сносной эпохи, явилось впервые по прошествіи цѣлыхъ вѣковъ разумное и гуманное управленіе, явилась мирная политика, основанная не на боязни, а на чувствѣ силы. Цизальпинскіе Галлы по ту сторону По были приняты въ число римскихъ гражданъ и получили равныя съ Италіей политическія права. Начала италійско-эллинской образованности, насаждаемыя и лелѣемыя повсемѣстно, должны были создать національное единство въ цѣлой громадной державѣ, должны были укоренить въ ней одно и то же право, одинъ и тотъ же языкъ, одно и то же образованіе. Въ этихъ видахъ, Цезарь даровалъ право гражданства преподавателямъ свободныхъ наукъ и всѣмъ вообще врачамъ столицы.—Преобразовательную дѣятельность свою простеръ онъ и на составъ римскаго кален-

[1] То-есть—для провинціальнаго населенія.

даря, пришедшаго въ крайній безпорядокъ отъ невѣжества жрецовъ, которымъ поручено было наблюденіе за его исправностью. Поэтому Цезарь, самъ хорошо знакомый съ астрономіей и въ качествѣ верховнаго жреца обязанный вести лѣтосчисленіе, поручилъ александрійскому ученому Созигену составить юліанскій календарь; при этомъ введенный Нумою лунный годъ въ 355 дней былъ замѣненъ годомъ солнечнымъ, такъ что три года считались въ 365, а четвертый, високосный, въ 366 дней; но какъ при этомъ все-таки каждый годъ былъ короче истиннаго 11 минутами и нѣсколькими секундами, то въ 1582 г. папа Григорій XIII предпринялъ вторичное исправленіе календаря (§ 550). Юліанскій календарь введенъ былъ съ 45 г. до Р. Х., при чемъ предыдущій годъ пришлось продлить на 80 дней лишнихъ.—«Пять съ половиною лѣтъ,—говоритъ Моммсенъ, оканчивая очеркъ преобразовательной дѣятельности Цезаря,—онъ властвовалъ въ Римѣ настоящимъ царемъ, въ промежуткахъ семи большихъ походовъ, которые не дали ему пробыть въ столицѣ болѣе пятнадцати мѣсяцевъ въ общей сложности; онъ устроивалъ судьбы мира въ настоящемъ и въ будущемъ, начиная отъ установленія твердой границы между цивилизаціей и варварствомъ до устраненія дождевыхъ лужъ на улицахъ Рима, и при этомъ находилъ еще досугъ и охоту внимательно слѣдить за призовыми театральными піэсами и присуждать побѣдителю вѣнокъ импровизированными стихами. Быстрота и увѣренность, съ какими выполнилъ онъ свой планъ, доказываютъ, что онъ долго его обдумывалъ и заранѣе опредѣлилъ во всѣхъ подробностяхъ; но за всѣмъ тѣмъ, это выполненіе изумительно почти не менѣе самаго плана. Основанія были даны, и новое государство сложилось на долго. Въ этомъ смыслѣ Цезарь могъ прійдти къ убѣжденію, что вполнѣ достигъ своей цѣли, и можетъ быть таково именно значеніе его словъ: «я довольно жилъ», которыя иногда слыхали отъ него окружающіе. Но какъ предпринятая работа была безконечна, то зодчій, пока былъ живъ, неутомимо клалъ камень на камень, дѣйствуя всегда съ одинаковою сноровкой и съ неизмѣнною энергіей, никогда не торопясь, ничего не дѣлая какъ попало, словно для него существовало одно только сегодня, а завтра онъ и не считалъ своимъ».

Характеръ и свойства Цезаря. Прежде чѣмъ разстаться съ великою личностью, которая перевела отжившую республику въ новую монархическую форму, позволимъ себѣ представить нѣкоторыя ея

черты изъ сужденій и характеристикъ новѣйшихъ историковъ. «Цезарь, говоритъ Друманнъ, обладалъ прекрасною, мужественною и сановитою наружностью; онъ былъ высокъ и тонокъ, съ орлинымъ носомъ и черными живыми глазами, исполненными привѣта и веселости; соразмѣрность цѣлаго нарушалась только излишнею толщиною губъ. Современемъ онъ сталъ худъ и блѣденъ, а на головѣ явилась у него лысина, которую онъ тщетно старался прикрывать своимъ лавровымъ вѣнкомъ. Виною этому могли столько же быть труды его въ походахъ, сколько и юношескія излишества. (Изъ чаши модной жизни того времени онъ пилъ не одну легкую пѣну, но и густыя подонки, и побѣда надъ женщиной даже и въ позднѣйшіе его годы была для него выше всѣхъ другихъ побѣдъ). Только при сильномъ тѣлосложеніи можно было, подобно ему, быть отличнымъ всадникомъ, бойцомъ и пловцомъ, и дѣлить всѣ труды и лишенія съ своими войсками, перенося терпѣливо холодъ и зной, безсонныя ночи, голодъ и жажду». Объ его величавой натурѣ и духовномъ превосходствѣ Друманнъ говоритъ: «Онъ получилъ отъ природы даръ во всѣмъ быть великимъ; ему предоставлено было на выборъ прославиться въ качествѣ полководца, политика, законодателя, правовѣда, оратора, поэта, историка, лингвиста, математика или архитектора. У него никогда не становилось дѣло ни за силами, ни за временемъ, потому что онъ схватывалъ на лету то, что другіе усвоиваютъ себѣ тяжкими трудами; самое запутанное разрѣшалось передъ его орлинымъ взглядомъ быстро и легко, въ одно и тоже время онъ могъ обдумывать совершенно различные предметы. Его воспріимчивость соотвѣтствовала этимъ дарованіямъ; все достойное познанія, въ какомъ бы то ни было родѣ, имѣло въ глазахъ его значеніе и цѣну». Хотя умъ и политическій разсчетъ были преобладающими его свойствами, однакожь у него не было недостатка въ сердцѣ и задушевности. Къ достойной матери своей, Авреліи, хранилъ онъ всегда самое искреннее уваженіе; своихъ женъ, и особенно дочь свою Юлію, любилъ отъ всей души; съ лучшими людьми своего времени находился въ отношеніяхъ взаимной преданности и пріязни. Такой же хвалебный отзывъ слышимъ мы и отъ Моммсена, который ставитъ римскаго императора въ ряду великихъ людей всемірной исторіи на первомъ мѣстѣ. Онъ говоритъ о немъ между прочимъ слѣдующее: «Цезарь былъ совершенный реалистъ и человѣкъ разсудка по преимуществу; и за что онъ ни брался, что онъ ни дѣлалъ, все держалось и проникалось у него тою геніальною трезвостью, которая

составляетъ глубочайшее свойство его души. Ей обязанъ онъ способностью, не тревожась ни воспоминаніемъ, ни ожиданьемъ, жить энергически въ каждую данную минуту, — умѣньемъ дѣйствовать при всякомъ случаѣ съ сосредоточенною силой и обращать всю свою геніальность даже на самое мелкое, самое мимоходное изъ своихъ дѣлъ; ей онъ обязанъ также многосторонностью, съ какою овладѣвалъ онъ всѣмъ, что только можно понять разсудкомъ и одолѣть твердостію воли; ей—тою вѣрною легкостью, съ какою онъ и строилъ свои періоды и соображалъ планы своихъ походовъ; ей—тою изумительною веселостью, которая не покидала его ни въ добрые, ни въ худые дни; ей—тою полною самостоятельностью, которая не допускала его отдаться во власть ни фавориту, ни любовницѣ, ни же другу. Но эта же ясность разсудка не оставляла въ Цезарѣ ни какихъ самообольщеній насчетъ могущества судьбы и относительной немощи человѣка; для него была поднята та чарующая завѣса, которая обыкновенно скрываетъ отъ насъ недостаточность нашихъ силъ. Какъ ни умно строилъ онъ свои планы, какъ ни обдумывалъ заранѣе всѣ возможности, никогда не покидало его то чувство, что во всякомъ дѣлѣ главное все-таки счастье, то-есть случай; и поэтому-то, можетъ-быть, онъ такъ часто и ставилъ большіе куши въ игрѣ съ судьбою, то и дѣло рискуя своею собственной особой съ изумительнымъ хладнокровіемъ. Какъ человѣкъ и какъ историческій дѣятель, Цезарь стоитъ на той средней, уравнительной точкѣ, гдѣ великія противоположности жизни сходятся и упраздняются одна другою. Человѣкъ энергической силы творчества и вмѣстѣ самаго проницательнаго разсудка; уже не юноша, но и не старикъ; съ высшими стремленіями воли и съ величайшимъ умѣньемъ осуществлять эти стремленія; исполненный республиканскихъ идеаловъ и въ то же время рожденный быть царемъ; Римлянинъ въ глубинѣ своей сущности и вмѣстѣ призванный помирить въ себѣ и внѣ себя римское развитіе съ эллинскимъ, Цезарь былъ цѣльный и полный человѣкъ.—Его дѣятельность уже не то, что Александрово радостное стремленіе впередъ, порывъ въ даль безвѣстную и необъятную; онъ созидалъ изъ развалинъ и довольствовался тѣмъ, чтобы устроиться какъ можно сноснѣе и надежнѣе въ обширныхъ, но все же опредѣленныхъ пространствахъ, которыя отвела ему судьба. Тонкій поэтическій тактъ народовъ совершенно правъ, что не заботился о непоэтическомъ Римлянинѣ, и только сына Филиппова одѣлъ золотымъ блескомъ вымысла и изукрасилъ

всѣми радужными цвѣтами саги. Но государственная жизнь народовъ уже цѣлыя тысячелѣтія снова и снова возвращается къ тѣмъ основнымъ чертамъ, которыя проведены были Цезаремъ, и если народы, которымъ принадлежитъ міръ, доселѣ его именемъ называютъ высочайшихъ своихъ монарховъ, то въ этомъ лежитъ конечно глубокій смыслъ. Онъ дѣйствовалъ и творилъ какъ никто изъ смертныхъ ни прежде, ни послѣ, и этотъ дѣятель, этотъ творецъ живетъ и по прошествіи тысячелѣтій въ памяти народовъ, какъ первый, но вмѣстѣ и какъ единственный императоръ Цезарь».

д) Третья Междоусобная война, до уничтоженія республиканскихъ учрежденій (43—30).

203. Скоро оказалось, что мысль о свободѣ жила еще только въ головахъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, а въ груди народа уже давно угасла. Первоначальное воодушевленіе, съ которымъ была встрѣчена вновь пріобрѣтенная свобода, скоро обратилось въ ненависть и презрѣніе къ убійцамъ диктатора, особенно когда хитрый консулъ М. Антоній, въ рѣчи сказанной при погребеніи Цезаря, очень искусно выставилъ его заслуги и достоинства, привелъ изъ его завѣщанія множество дѣйствительныхъ или вымышленныхъ распоряженій въ пользу народа и одѣлилъ бѣдныхъ значительными денежными подарками. Напротивъ того сенатъ, гдѣ разливалось краснорѣчіе Брутова друга Цицерона, былъ большею частію на сторонѣ заговорщиковъ и роздалъ нѣкоторымъ изъ нихъ провинціи въ управленіе, именно: М. Юн. Брутъ получилъ Македонію, Кассій — Сирію, Децимъ Брутъ — Цизальпинскую Галлію. Но послѣдняя постановленіемъ народа назначена была Антонію по его происканъ, и онъ съ сильнымъ войскомъ выступилъ къ Мутинѣ (Моденѣ), чтобы вытѣснить заключившагося тамъ Децима Брута. Это побудило сенатъ, настроенный филиппиками Цицерона противъ Антонія, отправить къ Мутинѣ девятнадцати-лѣтняго племянника убитаго императора, Октавія, который, какъ наслѣдникъ имени Цезарей (Цезарь Октавіанъ, въ послѣдствіи Августъ), имѣлъ на своей сторонѣ ветерановъ Цезарева войска; при немъ послали обоихъ консуловъ Гирція и Пансу съ тѣмъ, чтобы

унять Антонія, объявленнаго врагомъ отечества. И дѣйствительно, въ этой Мутинской войнѣ Антоній потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ къ правителю Транзальпинской Галліи, Лепиду. Но такъ какъ теперь сенатъ сталъ оказывать явное расположеніе республиканцамъ и передалъ, по случаю смерти обоихъ консуловъ, главное начальство надъ войсками Дециму Бруту, то Октавіанъ, избранный вслѣдствіе грозныхъ требованій его войскъ въ консулы, рѣшился начать кровавую месть за убіеніе Цезаря и заключилъ близь Болоньи, на маленькомъ островѣ рѣчки Рена, съ Антоніемъ и Лепидомъ второй тріумвиратъ (ноябрь 43). Децимъ Брутъ, измѣнически покинутый своими войсками, былъ убитъ близь Аквилеи, и голова его доставлена Антонію. Увѣренные въ преданности войска, которому они роздали земли и деньги, тріумвиры приступили съизнова къ опаламъ и изгнаніямъ (proscriptiones); и какъ ихъ увлекало столько же корыстолюбіе, сколько и жажда мести, то при этомъ особенно пострадали сословія сенаторовъ и всадниковъ. Подъ ударами убійцъ пали люди самые заслуженные, самые значительные въ государствѣ; и теперь, какъ во времена Суллы, были разорваны тѣснѣйшія узы родства, дружбы и благоговѣйнаго уваженія; правители, полные алчбы, мстительности и властолюбія, позволяли и себѣ и другимъ самыя страшныя злодѣйства. Тѣла убитыхъ, которыхъ число, по нѣкоторымъ даннымъ, простиралось до 300 сенаторовъ и 2000 всадниковъ, были брошены въ Тибръ или отданы на съѣденіе дикимъ животнымъ. Ни одинъ изъ тріумвировъ не упустилъ своихъ личныхъ враговъ. Въ числѣ жертвъ Антонія былъ и 63-лѣтній Цицеронъ, умерщвленный во время бѣгства. Голова его, поруганная развратною женою Антонія, Фульвіей, была выставлена въ Римѣ на ораторской каѳедрѣ.

§ 204. Когда Италія вдоволь настрадалась отъ убійствъ, грабежей, конфискацій и денежныхъ взысканій, тогда властители начали войну мести противъ республиканцевъ, которые, собравшись вокругъ Брута и Кассія, стояли сначала на Востокѣ, а потомъ перенесли свой станъ въ Македонію. Здѣсь, на равнинѣ при городѣ Филиппахъ, произошла рѣшительная двойственная битва (42), въ которой Кассій долженъ былъ

уступить Антонію, а Брутъ оттѣснилъ легіоны больнаго Октавіана. Но Кассій, обманутый ложнымъ донесеніемъ объ участи товарища, преждевременно бросился на свой мечъ, а тріумвиры, спустя 20 дней, соединили свои силы и возобновили кровавое побоище; Брутъ былъ разбитъ и, подобно Кассію, самъ лишилъ себя жизни. Примѣру его послѣдовали супруга его Порція (дочь Катона), проглотившая горячихъ угольевъ, и многіе изъ поборниковъ свободы, такъ что поле битвы Филиппской стало настоящею могилой республики. Брутъ и Кассій были прозваны «послѣдними Римлянами». Послѣ этого бились за господство, но за свободу уже никогда. Побѣдители раздѣлили между собой Римское государство: Антоній взялъ Востокъ, Октавіанъ—Западъ. Слабый, корыстолюбивый Лепидъ, который управлялъ сначала Африкой, и никогда не имѣлъ значенія, скоро лишился и этой провинціи, и Октавіанъ возвелъ его въ почетное, но безсильное достоинство верховнаго жреца.

§ 205. Въ то время, какъ сластолюбивый Антоній, предаваясь самой отвратительной чувственности, тѣшился «ѳиміамомъ Греціи» и «всѣми азіятскими усладами» и расточалъ награбленныя суммы на роскошь и кутежъ при дворѣ Клеопатры, благоразумный Октавіанъ при помощи своего начальника флота, благороднаго Агриппы, привлекъ весь народъ на свою сторону щедрою раздачею пособій и великолѣпными зрѣлищами, наградилъ солдатъ земельнымъ надѣломъ и держалъ флотъ и войско въ исправности, постоянно ихъ упражняя. Попытка страстной Фульвіи и брата ея мужа, Луція Антонія, остановить эту раздачу земель, взволновавшую опять всю Италію, и возжечь междоусобную войну при помощи доведенныхъ до отчаянія италійскихъ народовъ, что̀ по ея мысли, должно было привести къ возврату Антонія и къ низверженію Октавіана,—эта попытка кончилась пораженіемъ ея приверженцевъ при Перузіи и истребленіемъ этого древне-этрурскаго города, который сдѣлался жертвою пламени, послѣ того какъ болѣе 300 сенаторовъ и всадниковъ были умерщвлены у алтаря божественнаго Юлія (41—40). Секстъ Помпей, утвердившійся въ Сициліи и оттуда своимъ смѣлымъ корсарствомъ господствовавшій на всѣхъ окрестныхъ моряхъ

(§ 201), былъ совершенно разбитъ Агриппой въ морской битвѣ при Милахъ (36) и въ слѣдующемъ году погибъ насильственною смертью. Между тѣмъ Антоній, который многократно уже ссорился съ Октавіаномъ и готовъ былъ идти на него войной, но всякій разъ опять съ нимъ мирился, предпринялъ несчастный походъ противъ Парѳянъ, въ которомъ напрасно пролилъ кровь и уронилъ честь римскаго народа; притомъ онъ до такой степени увлекся прелестями египетской царицы, что сталъ дарить сыновьямъ ея цѣлыя провинціи и, желая формально вступить съ нею въ бракъ, съ насмѣшкой отослалъ обрученную ему сестру своего прежняго друга, благородную Октавію. Тогда, по настоянію Октавіана, сенатъ лишилъ Антонія всѣхъ его званій и объявилъ Клеопатрѣ войну. Востокъ и Западъ возстали другъ на друга. Морская битва у акарнанскаго мыса Акціума (31), гдѣ въ послѣдствіи основанъ былъ «городъ побѣды»—Никополь, не смотря на численное превосходство египетскихъ силъ, при искусныхъ мѣрахъ Агриппы, рѣшило дѣло въ пользу Октавіана. Антоній и Клеопатра принуждены были бѣжать. Но когда побѣдитель подступилъ къ воротамъ Александріи, Антоній пронзилъ себя мечемъ, а Клеопатра, увидѣвъ, что ея прелести не въ силахъ очаровать новаго властителя и что онъ намѣренъ сдѣлать ее своей плѣнницей и украсить ею свой тріумфъ, припустила къ себѣ двухъ ехиднъ и умерла отъ ихъ яда. Египетъ сталъ первою провинціей Римской имперіи (30). Мѣсяцъ секстилисъ, когда побѣдитель возвратился въ столицу, былъ названъ въ честь его августомъ.

IV. РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ.

Цезарь Октавіанъ Августъ.

а) Государственныя учрежденія.

§ 206. (Августъ, отъ 30 г. предъ Р. Х. до 14 г. по Р. Х.) Въ кровавыхъ междоусобныхъ войнахъ погибло все лучшее, все что любило свободу. Остальная масса народонаселенія

утратила республиканскія доблести предковъ и не была способна къ ихъ суровой простотѣ. Народъ жаждалъ только хлѣба и игръ (panem et circenses) и жилъ для удовольствій въ настоящемъ, не думая о будущемъ. Поэтому преобразованіе римской республики въ монархію не представляло большихъ трудностей для Августа, въ которомъ глубокій умъ и правительственныя способности соединялись съ кротостью, умѣренностью и твердостью, а пламенное честолюбіе и гордость правителя искусно скрывались подъ наружною простотою формъ и нравовъ обыкновеннаго гражданина. Застарѣлымъ предразсудкамъ сдѣлана была уступка только въ томъ смыслѣ, что Августъ не принялъ титула царя или владыки (деспота), а сохранивъ республиканскія названія и формы, удержалъ за собою наименованіе цезаря (по греческ. выговору—кесаря) и, мало-по-малу, побудилъ сенатъ и народъ предоставить ему всю власть и всѣ государственныя должности, которыя отъ времени до времени принималъ отъ нихъ снова. Даже религіозно-почетный титулъ августа, т. е. «освященнаго», былъ ему дарованъ сенатомъ и народомъ. Какъ безсмѣнный императоръ, Августъ имѣлъ неограниченную власть надъ войскомъ и право мира и войны; какъ первенствующее лице (princeps), онъ стоялъ во главѣ сената, который значительно уменьшился и очистился послѣ добровольнаго или принужденнаго удаленія многихъ членовъ; онъ предсѣдательствовалъ въ государственномъ совѣтѣ, составленномъ изъ нѣкоторыхъ сенаторовъ, и сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ власть законодательную и судебную. Будучи облеченъ верховною трибунскою властью съ правомъ избирать остальныхъ своихъ товарищей, Августъ являлся представителемъ народа, собранія котораго бывали поэтому все рѣже и рѣже и утрачивали болѣе и болѣе значеніе. Достоинства блюстителя нравовъ и верховнаго жреца ставили частную жизнь гражданъ, религію и богослуженіе подъ непосредственное его наблюденіе; наконецъ, какъ постоянный консулъ и безсмѣнный проконсулъ, съ правомъ предлагать или самому назначать своихъ сотоварищей или преемниковъ по должности, Августъ завѣдывалъ управленіемъ Рима и провинцій. Всеобъемлющее верховное господство, принадлежавшее Августу на самомъ

дѣлѣ, ниспровергло всѣ законныя преграды и проложило путь деспотизму его преемниковъ. Сенатъ состоялъ изъ его креатуръ, народъ былъ привлеченъ на его сторону раздачею хлѣба и играми, войско приковано къ нему подарками и добычею. Такимъ образомъ курія являлась послушнымъ орудіемъ плановъ Августа; комиціи были отголоскомъ его желаній, а легіоны охотно выполняли данныя имъ повелѣнія. Сенатъ и народъ могли себѣ тѣшиться сохраненіемъ древнихъ формъ республиканскихъ; но это были ничтожные призраки передъ желаніемъ властителя исполнить свою волю. Государство, простиравшееся отъ Атлантическаго океана до Евфрата, и отъ Дуная и Рейна до горъ Атласа и Нильскихъ пороговъ, заключало въ себѣ 25 провинцій, соединенныхъ съ Римомъ посредствомъ военныхъ дорогъ. Границы защищаемы были постоянными арміями, берега эскадрами; военныя колоніи, заселенныя по окончаніи междоусобныхъ войнъ ветеранами Августа, упрочивали господство Рима. Правильная система податей и пошлинъ привела финансы и государственное хозяйство въ цвѣтущее состояніе, а бдительная полиція охраняла спокойствіе, порядокъ и безопасность и удерживала въ должныхъ границахъ порывы страстей. — Управленіе провинціями было улучшено; судопроизводству дано хорошее устройство; торговля и промышленность значительно поднялись; повсюду замѣчались довольство и наружное благосостояніе; но чувство свободы, воинскія доблести и энергія республиканской эпохи утрачены были навсегда. Раздольное житье и страсть къ наслажденіямъ ослабили духъ римскаго гражданина; любовь къ независимости, самоуваженіе и мужественная гордость прежнихъ лѣтъ выродились въ раболѣпство. Эгоизмъ сдѣлался единственнымъ двигателемъ всѣхъ сословій и побуждалъ ихъ подличать и пресмыкаться передъ всѣми, кто отличался знатностью рода, богатствомъ или силою при дворѣ. Граждане уже не стыдились заносить имена свои въ списки бѣдныхъ, чтобы пользоваться при раздачахъ даровымъ хлѣбомъ; нерѣдко свободные люди продавали себя содержателямъ гладіаторскихъ игръ, которыя день ото дня болѣе становились любимымъ зрѣлищемъ народа и дѣйствовали на его нравы тѣмъ ужаснѣе, что, по мановенію толпы,

побѣдитель или дарилъ жизнь побѣжденному, или прикалывалъ его безпощадно на мѣстѣ.

Римскія провинціи во времена Августа дѣлились на цезарскія и сенаторскія. Первыя, какъ не окончательно покоренныя и успокоенныя, находились подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ императора и охранялись бо́льшимъ числомъ войскъ. Вторыми управляли проконсулы безъ военной силы, назначаемые государемъ, сенатомъ и народомъ съ общаго согласія. Провинціи внѣ Италіи были слѣдующія: 1) въ Европѣ: Сицилія, Сардинія и Корсика; Ѳракія и Мизія (земли, лежащія къ ю. отъ Дуная), Македонія, Ахаія (Греція), Паннонія (нижняя Венгрія), Иллирія (Далмація), Норикъ (Австрія, Каринтія, Крайна и т. д.), Ретія (Граубинденъ и Тироль), Винделиція (земли отъ Альповъ до Дуная и отъ Инна до Боденскаго озера), Галлія, Испанія и Лузитанія (Португалія). 2) Въ Африкѣ: провинціи Африка и Нумидія съ Мавританіей, занимавшія западную часть сѣвернаго берега; въ восточной части находились Киренаика и Египетъ. Въ послѣднемъ, и подъ римскимъ владычествомъ, продолжала существовать притѣснительная податная система, установленная Птолемеями; она возбуждала въ теченіе вѣковъ множество возстаній, которыя вели только къ раззоренію народа, такъ что край наконецъ и обѣдиѣлъ и одичалъ. Въ непроходимыхъ болотистыхъ тростникахъ по среднему рукаву Нила гнѣздились многочисленныя шайки разбойниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ буколовъ, или вологоновъ, которые, укрывая женъ и дѣтей на мелкихъ баркахъ, не признавали ни какого гражданскаго порядка и производили хищническіе набѣги на всѣ сосѣдніе края. Для положенія границъ ихъ своевольству, слѣдующимъ императорамъ часто приходилось снаряжать военныя экспедиціи въ при-нильскую страну. 3) Въ Азіи: Сирія съ Палестиной, Киликія, Виѳинія; провинція Азія (Малая-Азія), Критъ. Управленіе провинціями было улучшено. Чтобы положить предѣлъ хищничеству правителей, Августъ установилъ для нихъ опредѣленное содержаніе, которымъ они должны были довольствоваться, а доходы велѣлъ собирать съ цезарскихъ провинцій прямо въ фискъ (императорскую казну и военную кассу), а съ сенаторскихъ — въ aerarium (государственное казначейство). Послѣдствія этихъ мѣръ вскорѣ обнаружились въ цвѣтущемъ состояніи промышленности, торговли, земледѣлія и т. п. Сообщенія облегчились многими военными до-

рогами, частью исправленными, частью проложенными вновь и связывавшими провинціи съ Римомъ. При устройствѣ колоссальныхъ водопроводовъ, каналовъ, клоакъ и т. д., выказалъ чрезвычайную заботливость Агриппа. — Особенное вниманіе обращено было Августомъ на улучшеніе законодательства и судопроизводства. Гражданское судопроизводство ввѣрено было смѣшанному суду, изъ лицъ разныхъ сословій, а уголовную процедуру удержалъ за собою сенатъ. Власть судебно-полицейская предоставлена была вновь назначенному должностному лицу, городскому префекту. Цезарь пользовался правомъ помилованія, и храмы его служили убѣжищемъ для преступниковъ. Глубокое изученіе права не внушило Римлянамъ болѣе законности въ дѣйствіяхъ, и занятія свободными науками не сдѣлали ихъ ни человѣчнѣе, ни нравственнѣе. Войску дано было Августомъ новое устройство, и оно превратилось въ постоянную армію; 25 легіоновъ (по 6100 пѣхотинцевъ и 726 конниковъ въ каждомъ) были расположены въ укрѣпленныхъ лагеряхъ на границахъ государства, именно по Рейну, Дунаю и Евфрату. Охрана Рима ввѣрена была императорской гвардіи, подъ начальствомъ префекта преторіанцевъ. Флотъ расположенъ былъ преимущественно въ портахъ Мизенскомъ, Равеннскомъ и Форумъ-Юлійскомъ (Фрежюсѣ). Прослуживъ въ военной службѣ установленный срокъ, отъ 12 до 16 лѣтъ, солдаты, теперь рѣзко уже отличавшіеся отъ гражданъ, получали при отставкѣ опредѣленное денежное награжденіе вмѣсто прежняго надѣла землею.— «Августъ былъ скорѣе малъ, чѣмъ великъ ростомъ (говоритъ Гёкъ), но отличался пріятною соразмѣрностью всѣхъ частей тѣла. Наружность его не производила сильнаго, потрясающаго впечатлѣнія, напротивъ — успокоительное. Молчалъ ли онъ, или говорилъ, — лице его дышало яснымъ спокойствіемъ, имѣвшимъ въ себѣ столько обаятельнаго, что однажды оно удержало руку убійцы, занесенную на императора. Видъ Августа дѣйствовалъ на окружавшихъ его, какъ видъ прямодушнаго и достойнаго старца. Только тонкій наблюдатель могъ подмѣтить многозначительное выраженіе большихъ и ясныхъ глазахъ: предъ ними невольно опускались устремленные на Августа взоры; въ нихъ просвѣчивала вся острота сосредоточеннаго ума. Какъ эта душевная способность брала у него перевѣсъ надъ прочими, такъ точно, пока Августъ не достигъ цѣли своихъ стремленій, политикъ постоянно заслонялъ въ немъ собою человѣка. Исторія всегда

произнесетъ строгій приговоръ надъ лицемѣрнымъ, обрызганнымъ кровью тріумвиромъ; но осужденіе, которому подвергнетъ она Августа, домогающагося верховной власти, не должно распространяться на него, какъ на полнаго властителя. Справедливость заставляетъ признать, что не обезпеченіе собственнаго господства было единственною и конечною цѣлью его жизни, а созданіе новаго политическаго устройства. Государство надѣлилъ онъ всѣмъ, чѣмъ только смогъ: миромъ и тишиною, благодѣтельными законами и лучшимъ управленіемъ».

б) Золотой вѣкъ римской литературы и искусства.

§ 207. Греческій языкъ и литература сдѣлались до такой степени господствующими въ Римѣ, что вошло въ обычай посылать для образованія знатную молодежь въ риторскія школы Греціи и Малой Азіи. Августъ и друзья его Меценатъ, Массала и Полліонъ были знатоками греческихъ поэтовъ и прозаиковъ. Творенія этихъ писателей собраны были, по повелѣнію Августа, въ первой публичной библіотекѣ на Палатинскомъ холмѣ. Поэтому естественное дѣло, что Римляне въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ подражали Грекамъ, и что извѣстные ученые, разсчитывая на обширнѣйшій кругъ читателей, охотнѣе писали свои сочиненія на греческомъ «всемірномъ» языкѣ, нежели на латинскомъ. Это цвѣтущее время литературы зависѣло сколько отъ щедраго благосклонства вельможъ къ умственнымъ занятіямъ, столько же и отъ общаго направленія умовъ въ цѣломъ народѣ. Пора гражданской дѣятельности миновала для него невозвратно; Цезарь и его сановники занимались управленіемъ внутри, войны на дальнихъ границахъ велись во имя Августа подчиненными ему полководцами. Это самое вызвало бездѣятельныхъ гражданъ посвящать свой досугъ чтенію и письму и искать развлеченія и занятій въ созданіяхъ творческой фантазіи. Такъ совершился переходъ отъ дѣла къ слову, отъ дѣятельности къ мысли. Тонкая образованность (urbanitas) проникла во всѣ слои общества; занятіе науками, развитіе вкуса и распространеніе литературныхъ знаній составляли душу общественныхъ сборищъ, но изнѣженность и возрастающая наклонность къ чувственнымъ наслажденіямъ загубили внутреннюю силу духа. Въ то время какъ знатные бары и барыни соревновали другъ съ другомъ въ стихосложеніи,

когда все общество услаждалось искусствомъ и литературой, когда даже застольныя бесѣды украшались чтеніемъ или декламаціей греческихъ стиховъ, — въ то самое время нравственность, степенность и гражданская доблесть исчезали съ каждымъ днемъ больше; внѣшняя утонченность шла объ-руку съ внутреннимъ огрубѣніемъ. Перехитренное умственное образованіе и избалованность чувствъ отнюдь не вытѣсняли страсти къ грубымъ гладіаторскимъ боямъ и къ непристойнымъ, развратнымъ выходкамъ мимовъ, — этихъ національныхъ сценическихъ представленій, которыя, въ отрывочномъ и вовсе не художественномъ видѣ, среди шутокъ, плясокъ и игры на флейтѣ выводили столичную жизнь во всей ея безграничной вольности и во всемъ безстыдствѣ.

§ 208. Цицеронъ. Правовѣдѣніе (jurisprudentia) и краснорѣчіе (eloquentia) были особенно выработаны Римлянами. Эти знанія, необходимыя при республиканской формѣ правленія, должны были наиболѣе соотвѣтствовать практическому смыслу Римлянъ и стремленію ихъ къ публичной государственной дѣятельности. Краснорѣчіе имѣло столь рѣшительное вліяніе на умственное направленіе Римлянъ, что вся ихъ литература, какъ проза, такъ и поэзія, приняла риторскій оттѣнокъ. Правовѣдѣніе и связанное съ нимъ сословіе юристовъ получили настоящія свои основанія отъ Серв. Сульпиція Руфа и его учениковъ; но полнаго развитія достигли они въ Римѣ только во времена императоровъ. Непрерывная борьба сословій и партій въ періодъ республики способствовала уясненію и тонкой выработкѣ юридическихъ понятій и породила законы, на ясномъ опредѣленіи и систематическомъ расположеніи которыхъ основывается правовѣдѣніе. Уже во времена Августа образовались двѣ школы юристовъ: прокулеянцы и сабиніанцы (называемые также кассіанцами), которыя продолжали свое существованіе до Антониновъ. Основателемъ первой былъ М. Антистій Лабеонъ; основателемъ послѣдней — К. Атеій Капитонъ. Сабиніанцы держались болѣе преданія и буквы закона, и лишь только то принимали за право, что могло опираться на какомъ-либо положительномъ источникѣ; прокулеянцы, напротивъ, обращали болѣе вниманія на основную мысль и цѣль юридическихъ опредѣленій и слѣдовали болѣе духу, чѣмъ буквѣ закона; по этой причинѣ они придавали одинаковое значеніе, какъ тому, что вытекло изъ сущности самаго дѣла и цѣли юридическихъ постановленій, такъ и положительнымъ и яс-

нымъ предписаніямъ права. Тѣсно связаннымъ съ наукою права государственнаго и гражданскаго является ораторское искусство, достигшее высочайшей точки развитія именно въ смутныя времена республики. Государственные люди, каковы М. Антоній и Муцій Сцевола, погибшіе во время маріанскихъ смятеній; народные трибуны, каковы оба Гракха, Меммій и др.; адвокаты, какъ Гортензій и соперникъ его (восемью годами моложе Гортензія, 106 — 43), М. Туллій Цицеронъ, были знаменитыми ораторами. Изъ рѣчей Гортензія сохранились только немногіе отрывки; онъ славился большимъ талантомъ, чрезвычайною дѣятельностью, необыкновенною памятью и изложеніемъ полнымъ прелести, огня и вмѣстѣ искусства. Многочисленныя, дошедшія до насъ рѣчи Цицерона служатъ свидѣтельствомъ, что онъ былъ истиннымъ художникомъ по краснорѣчію, изяществу языка и изложенію, исполненному вкуса. Словообиліе, мѣткая острота, ораторскіе обороты, жесты, — все очаровывало, обворожало толпу, а даръ убѣжденія сдѣлалъ Цицерона необходимымъ для знати. Обладая быстротою соображенія и пылкою фантазіей, онъ умѣлъ возбуждать страхъ, ненависть, сочувствіе и воспламенять по желанію всякую страсть изображеніями сильно потрясающими душу. Большая часть его рѣчей подвергалась тщательной обработкѣ послѣ изустнаго изложенія, при чемъ Цицеронъ старался замѣнить обаяніе живаго слова стилистическою отдѣлкою. Къ числу знаменитѣйшихъ рѣчей Цицерона принадлежатъ слѣдующія: рѣчь въ защиту Росція Америна, съ котораго онъ старался сложить обвиненіе въ убійствѣ; цѣлый рядъ рѣчей противъ Верреса, мучителя Сициліи (§ 179), въ двухъ отдѣленіяхъ; но уже одно первое произвело столь сильное впечатлѣніе, что Верресъ, не ожидая конца процесса, добровольнымъ изгнаніемъ уклонился отъ судебнаго приговора, такъ что второй отдѣлъ рѣчей произнесенъ не былъ; рѣчь въ защиту Манилiева закона, вслѣдствіе которой Помпей получилъ верховное начальство въ войнѣ противъ Митридата, съ чрезвычайнымъ полномочіемъ (§ 193); четыре рѣчи противъ Катилины (§ 196); рѣчь въ защиту Мурены, котораго Цицеронъ старался оправдать отъ взведеннаго на него обвиненія въ подкупѣ при выборахъ; рѣчь за поэта Архію, у котораго оспоривали право гражданства; превосходная и въ послѣдствіи тщательно обработанная рѣчь въ защиту Милона, обвиненнаго въ убійствѣ Клодія на Аппіевой дорогѣ (§ 197); рѣчь въ защиту П. Сестія, который хлопоталъ о

возвратѣ Цицерона изъ изгнанія (§ 197) и былъ обвиненъ приверженцами Клодія; рѣчь сказанная въ сенатѣ за Марцелла, въ пользу возврата его изъ ссылки; рѣчь въ защиту Деіотара, царя Галатіи, обвиненнаго въ покушеніи на жизнь Цезаря; наконецъ 14 рѣчей направленныхъ противъ М. Антонія, извѣстныхъ подъ именемъ филиппикъ и составляющихъ вѣнецъ и торжество цицероновскаго краснорѣчія; въ промежутокъ времени, протекшій отъ смерти Цезаря до сраженія при Мутинѣ (§ 203), рѣчи эти произнесены были частью въ сенатѣ, частью предъ народомъ, съ цѣлію разрушить честолюбивые и опасные для государства замыслы Антонія, выставить его какъ опаснѣйшаго врага республики и соединить всѣхъ Римлянъ на борьбу противъ преступныхъ его намѣреній.

Будучи превосходнымъ адвокатомъ и блестящимъ ораторомъ, Цицеронъ былъ способнѣе всякаго другаго обучать знатную римскую молодежь краснорѣчію. Для этой цѣли онъ прибѣгалъ отчасти къ изустному преподаванію, отчасти, по примѣру греческихъ ораторовъ, къ сочиненіямъ объ ораторскомъ искусствѣ. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательны: 1) три книги объ ораторѣ, гдѣ въ трехъ рѣчахъ, вложенныхъ въ уста знаменитѣйшихъ витій того времени, сначала изображается идеалъ совершеннаго оратора и исчисляются необходимыя для достиженія этого идеала средства, именно: образованіе научное и философское, талантъ и упражненіе; потомъ объясняется изобрѣтеніе, расположеніе и обработка содержанія по отношенію къ цѣли изготовляемой рѣчи; наконецъ, самое искусство декламаціи по отношенію къ языку и способу выраженія; 2) Брутъ, или о знаменитыхъ ораторахъ, содержитъ въ себѣ исторію римскаго краснорѣчія и намеки на ходъ образованія самого Цицерона; 3) Ораторъ, сочиненіе посвященное Бруту, гдѣ представляется идеалъ римскаго оратора и исчисляются необходимыя для того способности; 4) О наилучшемъ родѣ ораторовъ, гдѣ Цицеронъ отдаетъ предпочтеніе аттическому краснорѣчію передъ азіятскимъ.

Кромѣ этихъ двухъ, болѣе практическихъ направленій, дѣятельность Цицерона устремлена была преимущественно на философію. Онъ не создалъ ни какой новой системы, и склонялся болѣе къ эклектизму, изслѣдуя существующія ученія, и стремился уяснить, сдѣлать общедоступною для своихъ соотечественниковъ греческую мудрость. Цѣлію его было внести въ практическую жизнь Римлянъ

результаты греческаго мышленія и показать значеніе этихъ умственныхъ пріобрѣтеній какъ для государственнаго быта, такъ и для измѣнчивой жизни частнаго лица. Онъ долго колебался, какой школѣ отдать преимущество; наконецъ, въ практическомъ отношеніи избралъ стоическую, а въ теоретическомъ предпочелъ среднюю академію (§ 134). — Между философскими его сочиненіями особенно славятся: 1) трактатъ о государствѣ (de republica), гдѣ въ формѣ бесѣды Цицеронъ пускается въ изслѣдованія о наилучшей формѣ правленія и находитъ ее въ устройствѣ римской республики до временъ Гракховъ; заключеніемъ этому труду служитъ сновидѣніе Сципіона о ничтожествѣ всего земнаго. Въ тѣсной связи съ этимъ трактатомъ стоятъ по многимъ отношеніямъ три книги о законахъ, въ которыхъ авторъ стремится вывести начало законовъ изъ сущности человѣческой природы и дать наукѣ права философское основаніе. Послѣднія книги потеряны. 2) Тускуланскія изысканія, или мысли и мнѣнія о важнѣйшихъ для человѣка вопросахъ, о смерти, безсмертіи, существѣ души, о богахъ и т. п. 3) Въ бесѣдахъ о верховномъ благѣ и высшемъ злѣ Цицеронъ излагаетъ взгляды греческихъ философовъ на истинное благополучіе и на назначеніе жизни, не высказывая впрочемъ собственнаго мнѣнія. Его Академическія изысканія трактуютъ объ ученіяхъ старой и новой академіи, а въ сочиненіяхъ о существѣ боговъ, о дивинаціи, или гаданіи, и въ неоконченномъ сочиненіи о рокѣ (fatum), Цицеронъ даетъ весьма важныя указанія насчетъ религіозныхъ понятій своего времени. Менѣе значительныя по объему сочиненія: Катонъ, или о старческомъ возрастѣ, и Лелій, или о дружбѣ, отличаются изяществомъ языка и изложенія. Трактатъ объ обязанностяхъ, или ученіе о томъ, какъ долженъ вести себя государственный человѣкъ въ различныхъ политическихъ обстоятельствахъ, одинъ изъ превосходнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ трудовъ, Цицерона, посвященъ авторомъ его сыну, Марку, обучавшемуся въ Аѳинахъ, и написанъ имъ въ преклонныхъ уже лѣтахъ. — Кромѣ того мы имѣемъ значительное число писемъ Цицерона къ разнымъ лицамъ, а именно къ друзьямъ его Помп. Аттику и Бруту и къ брату его Квинту; тутъ же сохранились письма другихъ лицъ къ самому Цицерону. Эти сборники замѣчательны какъ по красотѣ слога и формы, такъ и по важности содержанія. Они рисуютъ наглядную картину того глубоко возмущеннаго времени и дѣйствующихъ въ немъ лицъ,

такъ что очень часто могутъ почитаться достовѣрнѣйшими источниками для разъясненія многихъ историческихъ явленій; притомъ они раскрываютъ намъ знаменитаго человѣка въ его глубочайшемъ существѣ: мы видимъ въ Цицеронѣ надежнаго главу семейства и услужливаго друга, богатаго, самодовольнаго члена оптиматскихъ родовъ, съ которыми онъ тягался въ великолѣпіи дачъ, въ сокровищахъ искусства и въ богатыхъ трапезахъ, причемъ лучшею для него усладой была пріятная, поучительная и остроумная бесѣда съ людьми, которые были ему ровнями по умственному развитію; мы видимъ въ немъ дѣятельнаго трудолюбиваго дѣльца, который ставитъ однако извѣстность и внѣшній почетъ выше всего на свѣтѣ, котораго сильно волнуетъ чужое порицаніе или чужая похвала, который, изъ безпредѣльнаго самодовольства и самолюбія, вѣчно становится краснорѣчивымъ глашатаемъ собственной славы и во всѣхъ дѣйствіяхъ помышляетъ прежде всего о собственной безопасности; короче, мы видимъ въ немъ человѣка, надѣленнаго многими талантами и гражданскими добродѣтелями, праводушіемъ и патріотизмомъ, политическимъ умомъ и чувствомъ законности, но безъ твердой воли, безъ мужества, безъ той силы характера, которыя въ тяжкія времена возбуждаютъ удивленіе и внушаютъ довѣріе.

§ 209. Виргилій. Горацій. Овидій. Элегическіе писатели. — Рядомъ съ Т. Лукреціемъ Каромъ (99 — 55), который, принадлежа къ лучшимъ кругамъ римскаго общества, умеръ не задолго до начала междоусобныхъ войнъ, въ пору цвѣтущаго мужества, первое мѣсто въ поэзіи занимаютъ Виргилій († 19 г. до Р. Х.), Горацій († 8 г. до Р. Х.) и Овидій († 17 г. по Р. Х.). Какъ ни неблагодаренъ философскій матеріалъ, на который Лукрецій расточилъ талантъ свой въ дидактической поэмѣ: «О природѣ вещей», нельзя однакожъ не признать, что по энергіи тона и важности содержанія, по художественности, хотя устарѣлыхъ впрочемъ, формъ и языка, эта поэма была однимъ изъ блистательныхъ свѣтилъ въ бѣдныхъ свѣтилами пространствахъ римской литературы. — Виргилій, уроженецъ мѣстечка Андовъ близъ Мантуи, отличаемый Августомъ и его друзьями, былъ поэтъ полный души, невинности и чистоты нравовъ. Въ эпической поэмѣ Энеидѣ, состоящей изъ 12 книгъ, Виргилій, подражая Гомеру и повѣствуя о судьбѣ и странствіяхъ Энея по разрушеніи Трои, о прибытіи его въ Италію и поселеніи на берегахъ Лаціума, привязываетъ къ этому основаніе города Рима

и прославленіе рода Юліевъ (происходящаго отъ Юла, сына Энеева). Этимъ произведеніемъ онъ воздвигъ памятникъ національной гордости Римлянъ и старался примирить императорскую эпоху съ Римомъ республиканскимъ, возводя племя Цезарей къ героическимъ временамъ и прикрывая или заставляя позабыть, что державный родъ возвысился ниспроверженіемъ древнихъ учрежденій. Съ большимъ искусствомъ придаетъ онъ чуждому содержанію національный колоритъ, относитъ къ Риму, какъ бы связующему средоточію, самыя разнообразныя сказанія и тѣмъ самымъ отмѣчаетъ свое произведеніе печатью народности. Смерть помѣшала ему подвергнуть окончательной отдѣлкѣ этотъ трудъ, замѣчательный по красотѣ языка, по точности мѣстоописаній и по благозвучію стиха. Болѣе согласны съ условіями таланта и настроеніемъ духа поэта, а потому и болѣе удачны, его идиллiи и пастушескія произведенія (Bucolica) и дидактическая поэма о земледѣліи (Georgica), которая, въ четырехъ книгахъ, разсматриваетъ всѣ отрасли италійскаго хозяйства и, по изяществу формы и языка, можетъ считаться образцовою. — Превосходя Виргилія геніальностью и талантомъ, Горацій уступаетъ ему въ ясности и простотѣ. Горацій былъ ловкій, свѣтскій человѣкъ, любитель удовольствій и послѣдователь Аристиппова ученія (§ 100). Покровитель его, Меценатъ, подарилъ ему маленькое имѣніе въ Сабинскомъ краѣ, гдѣ Горацій написалъ большую часть своихъ одъ (въ подражаніе Алкею и Сафо, § 75), сатиръ и юмористическихъ посланій, отличающихся остроуміемъ, ироніею, знаніемъ свѣта и людей. Основное его правило — пользоваться жизнью, пока она не ушла. Довольствуясь малымъ, онъ предпочиталъ блеску и роскоши большаго свѣта свободную и независимую жизнь при ограниченныхъ средствахъ и умѣренныхъ наслажденіяхъ. Горацію принадлежитъ также поэтика, или дидактическое стихотвореніе о томъ, какъ поступать при сочиненіи поэтическихъ произведеній. — Овидій былъ, можетъ статься, самымъ даровитымъ, но вмѣстѣ и самымъ легкомысленнымъ поэтомъ римскимъ. Онъ жилъ въ кругу образованнѣйшихъ людей своего времени, доколѣ неизвѣстный намъ проступокъ не послужилъ поводомъ къ изгнанію поэта въ суровый, негостепріимный край кочевыхъ Скиѳовъ на берегу Чернаго моря, гдѣ онъ и умеръ въ грустномъ одиночествѣ. Извѣстнѣйшія и замѣчательнѣйшія по легкости, гибкости языка и граціи произведенія Овидія — слѣдующія: героическія любовныя посланія (Heroïca), метаморфозы,

и Фасты, въ которыхъ поэтъ облекаетъ въ форму граціозныхъ разсказовъ греческіе миѳы и религіозныя преданія Римлянъ, завершая все это прославленіемъ Юліева рода; наконецъ жалобныя пѣсни (Tristia), написанныя Овидіемъ въ печальной ссылкѣ. — Къ этому же времени относятся подражатели греческимъ образцамъ, элегическіе поэты (§ 75) Катуллъ, Тибуллъ и Проперцій; напротивъ, Федръ, обработавшій Эзоповы басни на латинскомъ, жилъ позже цѣлымъ поколѣніемъ. Вслѣдствіе риторскаго характера всей римской литературы, форма у этихъ писателей важнѣе содержанія; они болѣе берутъ лоскомъ и отдѣлкою изложенія, благозвучіемъ и изяществомъ языка, пѣвучестью стихосложенія, нежели глубиною содержанія, полетомъ фантазіи или возвышенностью идей.

Лукрецій Каръ, своей поэмою «О природѣ вещей», занимаетъ въ дидактической поэзіи первое мѣсто. Цѣль этой умозрительной поэмы, задуманной съ энергическимъ одушевленіемъ, полной пламеннаго краснорѣчія и животрепещущихъ картинъ, единственно та, чтобы развитіемъ естествоученія Эпикура, «который выше всѣхъ другихъ философовъ на столько же, на сколько солнце свѣтлѣе звѣздъ», освободить людей отъ суевѣрія и религіознаго страха и тѣмъ самымъ привести ихъ къ высшему самосознанію. «Боги пожалуй и есть (говоритъ онъ), небожители ужь конечно, но имъ, я думаю, мало дѣла до людей». Пытаясь объяснить механическимъ путемъ начало и конецъ вселенной по Эпикурову ученію объ атомахъ и «избавить природу отъ ея строгихъ владыкъ», Лукрецій старался внушить убѣжденіе, что «смерть, вѣчный отдыхъ отъ надеждъ и боязней, гораздо лучше жизни; что муки ада терзаютъ человѣка не по кончинѣ, а заживо—въ дикихъ и неукротимыхъ страстяхъ его біющагося сердца», и что задача его настроить свою душу къ спокойному равновѣсію. Языкъ Лукреція мужественъ и силенъ, но не свободенъ отъ устарѣлыхъ оборотовъ и жесткостей. Его гексаметры, въ противоположность элегическимъ, не льются перекатными струями сладко журчащаго ручейка, а текутъ медленно и тяжело, будто рѣка расплавленнаго золота. — Виргилій Маронъ подражалъ въ своихъ идиліяхъ Ѳеокриту (§ 133); но при изображеніи простаго, безъискусственнаго быта пастуховъ, онъ не пользовался, подобно Ѳеокриту, говоромъ народнымъ, а писалъ языкомъ образованнаго, утонченнаго общества, вслѣдствіе чего между формою и содержаніемъ этихъ произведеній вышелъ у него непріятный разладъ. Изображеніямъ его недостаетъ естествен-

ности и истины. Если Римляне вообще выказывали мало сочувствія къ быту пастушескому и близкому къ природѣ, то могли ли быть вѣрны и удачно переданы картины этого быта въ стихотвореніяхъ, написанныхъ языкомъ изящнымъ и въ высшей степени искусственнымъ? По мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ, Буколики содержатъ въ себѣ по большей части намеки на личныя отношенія, скрытыя подъ простонародною одеждой: подобное толкованіе, конечно, устранило бы контрастъ между формой и содержаніемъ, и выставило бы его въ совершенно иномъ свѣтѣ, какъ милую замаскировку. — Его дидактическая поэма о земледѣліи истинно образцовое произведеніе; здѣсь не только форма исполнена красоты и художественности, но и самое содержаніе чисто національно, и потому особенно интересовало Римлянъ. Въ этомъ произведеніи (въ первой книгѣ его онъ трактуетъ о землепашествѣ, во второй — о садоводствѣ, въ третьей — о скотоводствѣ, въ четвертой — о пчеловодствѣ) Виргилій изобразилъ древній римскій бытъ и единственную отрасль знаній, которая на ряду съ воинскимъ искусствомъ была тогда въ почетѣ. — Кв. Горацій Флаккъ былъ сынъ зажиточнаго вольноотпущенника изъ Венузіи, въ Апуліи; получивъ хорошее образованіе, онъ посвятилъ нѣкоторое время изученію философіи въ Аѳинахъ. Будучи друженъ съ Брутомъ, Горацій сражался при Филиппахъ въ рядахъ республиканцевъ, но бросивъ свой щитъ, какъ онъ самъ объ этомъ шутя упоминаетъ, прибылъ потомъ въ Римъ; по предстательству Виргилія сдѣлался извѣстнымъ Августу и любителю утонченныхъ свѣтскихъ наслажденій, Меценату, и вскорѣ заслужилъ ихъ благосклонность. Горацій взялъ за образецъ греческихъ классическихъ поэтовъ, но произведеніямъ своимъ придалъ оттѣнокъ самобытный, національный. Красота и щеголеватость языка, гибкость и утонченность выраженій и разнообразіе оборотовъ у него таковы, что рѣшительно не даютъ замѣтить чуждаго вліянія. Знакомый съ нравами и образомъ мыслей высшаго римскаго общества и съ потребностями человѣческаго сердца вообще, Горацій училъ истинному наслажденію жизнью и житейской мудрости, надлежащему употребленію какъ внѣшнихъ благъ, такъ и внутренняго образованія. Горацій при этомъ одинаково далекъ отъ суровости крайнихъ стоиковъ и отъ изнѣженной чувственности позднѣйшихъ эпикурейцевъ; онъ умѣетъ искусно сочетать философію лишенія съ добрымъ совѣтомъ, какъ лучше пользоваться простыми наслажденіями жизни. Одно только иногда возму-

щаетъ въ Горацiи: онъ слишкомъ легко смотритъ на пороки своего времени и часто шутитъ надъ всеобщей испорченностью нравовъ, вмѣсто того, чтобы говорить о нихъ съ горечью и негодованiемъ. Нельзя не жалѣть объ этомъ, потому что «даже утратившiй истинное благо, не лишенъ еще всего, если въ немъ осталось по крайней мѣрѣ чувство его утраты». Являясь въ одахъ и эподахъ подражателемъ греческихъ поэтовъ, и перенося житейскую мудрость Эллиновъ на римскую почву, Горацiй остается вполнѣ самобытнымъ въ сатирахъ и поэтическихъ посланiяхъ, или бесѣдахъ (Sermones). Они обращены прямо на дѣйствительность и рисуютъ человѣка и его природу живыми красками, не впадая въ горькiй и ѣдкiй тонъ греческихъ сатиръ; они, если и язвятъ, то не глубоко, а больше наставляютъ или порицаютъ въ формѣ веселой и легкой шутки, и хотя, повидимому, учатъ только пользоваться вещественными благами, а придворнымъ преподаютъ искусство льстить и наслаждаться, тѣмъ не менѣе они нечувствительно приводятъ читателя на стезю лучшей жизни, основанной на нравственности, наукѣ и искусствѣ. — Въ третьемъ письмѣ къ Пизонамъ заключается поэтика, излагающая начала и развитiе поэзiи, и имѣющая въ виду положить предѣлъ упадку хорошаго вкуса и усиливающейся страсти къ стихоплетству. — Отлично образованный, геніальный, но легкомысленный и безнравственный Овидiй Назонъ былъ любимымъ поэтомъ Среднихъ Вѣковъ, благодаря граціозности, изящной отдѣлкѣ и нескромности своихъ произведенiй; на ряду съ нимъ ставили одного Виргилiя, между тѣмъ какъ Горацiй оцѣненъ былъ по достоинству только въ новѣйшее время. — Героиды, или поэтически-любовныя посланiя, которыя Овидiй заставляетъ писать женщинъ миѳическихъ временъ къ своимъ любовникамъ, принадлежатъ къ эпико-дидактическому роду поэзiи и суть не что иное, какъ выставка школьной ученности съ подбавкою риторическихъ прикрасъ. Метаморфозы, или превращенiя, содержатъ въ формѣ эпической поэмы, но безъ всякаго внутренняго единства, бездну миѳологическихъ разсказовъ, изъ которыхъ каждый оканчивается превращенiемъ, и образуютъ одно искусственно связанное цѣлое. Ловкое сочетанiе разнородныхъ предметовъ, граціозное, живое изложенiе и, наконецъ, пылкая фантазiя всегда доставляли этому произведенiю многочисленныхъ читателей и поклонниковъ. Жалобныя пѣсни (Tristia) и посланiя съ Понта имѣли несравненно большее значенiе при жизни поэта, чѣмъ въ по-

слѣдствій. Въ нихъ слишкомъ ясно обнаруживается изнѣженность Августова вѣка, убѣжденіе избалованныхъ Римлянъ, что жизнь внѣ вѣчнаго города не жизнь, и, главное, бросается въ глаза недостатокъ естественности, такъ что даже истинная скорбь выражается тутъ съ натяжкой. Кромѣ этихъ произведеній Овидій написалъ еще поэтическій календарь, подъ названіемъ Фасты (Fasti), содержащій въ себѣ описаніе римскихъ праздниковъ, и миѳовъ, послужившихъ для нихъ основаніемъ. Здѣсь указывается связь государственной римской религіи и исторіи съ частнымъ и общественнымъ бытомъ, и вмѣстѣ имена лицъ правительственнаго дома приводятся въ соотношеніе съ прославленными героическими именами преданія и національными праздниками. — Овидій былъ по преимуществу пѣвцомъ любви и ее избралъ предметомъ своихъ (элегическихъ) стихотвореній; кромѣ упомянутыхъ уже героидъ, сюда принадлежатъ три книги Amores (любовныхъ стихотвореній), отличающіяся оживленными и мѣткими изображеніями и характеристиками, которыя относятся преимущественно къ загадочному лицу Коринны; Искусство любить и Лѣкарство отъ любви, оба замѣчательныя по необыкновенной правильности слога и рисунка, по остроумію и затѣйливости сочетаній и по всестороннему пониманію свѣтской жизни. — Такъ какъ у Римлянъ практическая жизнь брала перевѣсъ надъ внутреннимъ міромъ духа, то поэтому и лирическая поэзія не достигла у нихъ того высокаго развитія, какое получила у Грековъ и у другихъ вдумчивыхъ народовъ. Ихъ элегическая поэзія, выработавшаяся по образцу александрійской, отличается важнымъ, меланхолическимъ характеромъ и часто лишена гибкости и мягкости. Вал. Катуллъ (родился въ Веронѣ въ 86 г. до Р. Х.), поэтъ пламенный и граціозный, умершій въ цвѣтѣ лѣтъ, писалъ элегіи, большею частію запечатлѣнныя силою и даже рѣзкостью живаго вдохновенія и увлекательной страстью; каждая его мысль, каждое его слово дышитъ истиннымъ, неподдѣльнымъ чувствомъ, изображаетъ ли онъ полную любви веселую жизнь дѣвушки, затѣйливыя шутки въ тѣсномъ кружкѣ друзей, или удовольствія образованнаго общества, пускаетъ ли стрѣлы насмѣшки въ плохихъ стихотворцевъ или въ сильныхъ міра, которые грозятъ опасностью свободѣ народной. Альбинъ Тибуллъ, происходя изъ всаднической фамиліи, обѣднѣвшей во время гражданскихъ междоусобій, родился около 54 г. и пользовался дружбою и покровительствомъ Мессалы, котораго сопровождалъ въ одномъ походѣ. Уваженіе къ

Мессалѣ, искреннее довольство простою, безъискуственной природою (вслѣдствіе чего Тибуллъ отдавалъ предпочтеніе сельской жизни въ своемъ имѣньецѣ передъ всѣми прочими удовольствіями) и самая пламенная любовь къ спутницѣ его жизни, составляютъ отличительныя черты душевнаго настроенія и воспріимчивости дѣтской натуры Тубулла, — черты, доставившія ему славу перваго элегическаго поэта. Нѣжность и истина чувства, естественность и простота изложенія, ясность и чистота языка, и оконченность поэтическаго рисунка составляютъ неотъемлемыя его достоинства. Полетомъ и силою воображенія онъ также превосходитъ своего нѣсколько старѣйшаго современника, Катулла, хотя и заслуживаетъ справедливый упрекъ въ изнѣженности и приторной чувствительности. М. Аврелій Проперцій, родившійся около 40 г. въ Умбріи, создалъ римскую любовную элегію, подъ вліяніемъ юношескаго пыла чувственной фантазіи и въ сознаніи величія своего народа. Проперцій ближе держался александрійскихъ поэтовъ, и именно оттого онъ кажется холоднѣе, разсудительнѣе и ученѣе Тибулла, котораго превосходитъ художественностью формы, но отнюдь не преимуществомъ духовныхъ свойствъ. — Такъ какъ римская литература вскорѣ приняла рѣшительно ученое направленіе, то дидактическая поэзія нашла себѣ тамъ особенно ревностную обработку. Такъ возникли поучительныя поэмы объ астрономіи, о воздѣлкѣ полей и садовъ (Колумеллы), объ охотѣ и мног. друг., но онѣ большею частью лишены всякаго достоинства; почетнаго отзыва заслуживаетъ одинъ только Федръ, оракійскій рабъ, которому Августъ даровалъ свободу. Собраніе его басенъ состоитъ частью изъ переводовъ греческихъ звѣриныхъ басенъ, распространенныхъ подъ именемъ Эзоповыхъ, частью изъ его собственныхъ произведеній, писанныхъ по греческимъ образцамъ. Онъ умѣлъ сообщить баснѣ нравоучительный смыслъ, пригодный для житейскаго обихода, неожиданно поражалъ читателей выходками остроумія, лукавою шутливостью и эпиграмматическою краткостью изрѣченій, а стихамъ своимъ, отличавшимся легкостью, чистотою и правильностью выраженія, придалъ столько привлекательности, что заслужилъ этимъ единодушное одобреніе всей образованной римской публики.

§ 210. Прозаическая литература. Исторіографія. Произведенія искусствъ. Гораздо выше нежели въ поэзіи были Римляне въ прозаической литературѣ, въ правовѣдѣніи и краснорѣ-

чіи (§ 208), равно какъ и въ исторіографіи, хотя и въ этомъ случаѣ Греки служили имъ образцами. Саллюстій въ сочиненіяхъ о Югуртинской войнѣ и о заговорѣ Катилины рисуетъ вѣрную и ужасающую картину глубокаго упадка нравовъ того времени; Титъ Ливій, воспитатель одного изъ внуковъ Августа, изложилъ въ 142 книгахъ (изъ нихъ уцѣлѣло только тридцать пять) полную, риторски и поэтически изукрашенную, исторію Рима до смерти Друза, въ 9 г. до Р. Х.; изложеніе его полно жизни и граціи, краснорѣчія и страсти. Чувствуя, въ чемъ именно его сила, Ливій предпочтительно изыскиваетъ положенія драматическія и эффектныя, и рисуетъ ихъ съ великимъ ораторскимъ искусствомъ. Жизнеописанія знаменитѣйшихъ полководцевъ, приписываемыя современнику его, Корнелію Непоту, дошли до насъ, кромѣ біографіи Аттика, только въ отрывкахъ, и подлинность ихъ подвержена сомнѣнію. Въ сферѣ изящныхъ искусствъ Римляне не создали ничего любопытнаго. Статуи и картины, служившія украшеніемъ дворцамъ и садамъ ихъ богачей, были произведенія греческихъ художниковъ. За то величіе Римлянъ выказалось вполнѣ въ ихъ громадныхъ сооруженіяхъ, въ устройствѣ каналовъ, водопроводовъ, военныхъ дорогъ и т. п. Воздвигнуты были храмы, театры, бани; видъ города измѣнился совершенно, и Августъ былъ въ полномъ правѣ сказать, что нашедши Римъ кирпичнымъ, онъ оставляетъ его мраморнымъ. Храмъ, посвященный Агриппою всѣмъ богамъ (Пантеонъ), служитъ и доселѣ лучшимъ украшеніемъ вѣчному городу.

Римская исторіографія, состоявшая вначалѣ изъ сухаго хронологическаго перечня событій (лѣтописи или хроники, § 177), вскорѣ перешла къ совершенно противуположному роду, — біографіямъ и запискамъ, частью оттого, что лѣтописи, страдая отсутствіемъ всякаго философскаго взгляда, отстали отъ хода общаго образованія, и не было ни одного римскаго труда, который шелъ бы путемъ настоящей исторіографіи; частью оттого, что вся римская исторія вращается около извѣстныхъ аристократическихъ фамилій, и поэтому легко усвоивала себѣ форму записокъ, или мемуаровъ. При изложеніи историческихъ былей въ формѣ записокъ обращается болѣе вниманія на причины, которыя произвели то или другое событіе, чѣмъ на самыя событія, и притомъ событія разсматриваются не по отношенію ихъ къ націи, а только по отношенію къ личности самого писателя. Таковы были записки Лутація Катула, сподвижника

Маріева въ войнѣ съ Кимврами, Эмилія Скавра, сенатора пользовавшагося большимъ значеніемъ въ Югуртинской войнѣ, диктатора Корн. Суллы, богатаго и образованнаго всадника Тита Помп. Аттика, друга Цезарева и Цицеронова, и мн. др. Но изъ всѣхъ этихъ записокъ или дошло до нашего времени очень мало, или несохранилось рѣшительно ничего. К. Юлій Цезарь въ своихъ запискахъ (Комментаріяхъ) о Галльской и Междоусобной войнѣ оставилъ прекрасный памятникъ своего ума и таланта. (Книги объ Александрійской, Африканской и Испанской войнахъ принадлежатъ другимъ авторамъ, и отчасти Гирцію). Цезарь въ своемъ повѣствованіи служитъ средоточіемъ всѣхъ предпріятій; воины ратуютъ за его дѣло и добываютъ себѣ славу только чрезъ посредство его собственной. Хотя сочиненіе это заключаетъ въ себѣ прославленіе римскаго народа, воинскаго искусства Римлянъ и ихъ храбрости, тѣмъ не менѣе Цезарь, съ достойнымъ полнаго уваженія чистосердечіемъ и безъ всякой поддѣльной гуманности, говоритъ о притѣсненіяхъ, грабежахъ и жестокостяхъ, которымъ онъ по необходимости долженъ былъ подвергать своихъ враговъ. Слогъ его отличается легкостью и одушевленіемъ; онъ обладалъ рѣдкимъ умѣньемъ соединять высокую художественность простоты съ величайшею небрежностью въ изложеніи. Сабинъ Криспъ Саллюстій (86—35 г. до Р. Х.) — остроумный и даровитый историкъ эпохи, отличавшейся нравственною порчею, но и высокимъ образованіемъ. Пользуясь дружбою Цезаря, Саллюстій чрезъ его посредство получилъ въ управленіе провинцію Нумидію, гдѣ запятналъ себя разными притѣсненіями; подобный образъ дѣйствій, равно какъ и роскошная жизнь, которую онъ потомъ велъ, очень мало гармонируютъ съ строгостію сужденій о нравахъ, выставляемою въ его сочиненіяхъ какъ на показъ. Впрочемъ онъ мастерски владѣетъ искусствомъ историческаго изложенія; вникая въ свое время проницательнымъ взоромъ политика и глубокаго знатока людей, Саллюстій рисуетъ съ потрясающею силой и наглядностью картину страшнаго упадка нравовъ, а его умѣнье художественно группировать событія и объективно изображать ихъ такъ велико, что его нерѣдко сравнивали съ Ѳукидидомъ, которому онъ старался подражать въ краткости и сжатости слога, и въ прагматическомъ изложеніи содержанія. Но то, что у Ѳукидида было произведеніемъ природнаго творчества и выводомъ собственнаго житейскаго опыта, то является

у Саллюстія плодомъ придумывающаго размышленія и искусства. Грекъ, слѣдуя внушеніямъ благороднаго сердца, вѣритъ въ добродѣтель, признаетъ въ человѣчествѣ все великое и высокое, и даетъ всему надлежащую цѣну; тогда какъ Римлянинъ, глубоко зараженный нравственною порчею своего времени и самъ погрязшій въ порокахъ, видитъ только одни дурныя свойства человѣческой природы, въ основаніе поступковъ и стремленій полагаетъ одни пошлыя или низкія побужденія; считая славимую имъ добродѣтель идеаломъ недостижимымъ въ дѣйствительности, выставляетъ наружу одну темную сторону нравственной жизни, и при случаѣ караетъ ее всею строгостью и горечью своихъ осужденій. Онъ охотно говоритъ о геніальности, до которой можетъ доходить нравственная порча, и уважаетъ талантъ безъ добродѣтели, идеализируя послѣднюю чрезмѣру, требуя отъ нея слишкомъ многаго и натягивая свою философію до совершенной пустоты. Обширнѣйшій изъ его историческихъ трудовъ, посвященный эпохѣ междоусобій, не дошелъ до насъ; сохранились только двѣ монографіи о заговорѣ Катилины и Югуртинской войнѣ, которыя проливаютъ впрочемъ яркій свѣтъ на предшествовавшія и послѣдующія событія римской исторіи. Это ловкіе памфлеты въ пользу демократической партіи, изъ которыхъ первый писанъ для того, чтобы смыть самое темное пятно съ личности Цезаря, — именно его участіе въ заговорѣ Катилины. Изложеніе его исполнено важности и достоинства; языкъ отличается умышленною сжатостью, тщательною обработкой, и носитъ на себѣ искусственный отпечатокъ старины, придающей какой-то почтенный видъ картинамъ нравовъ, рисуемыхъ Саллюстіемъ. Риторская форма и прагматическій характеръ его изложенія создали новую эпоху римскаго бытописанія, которое съ этихъ поръ старалось отличиться собственно историческою компоцизіей (художественной группировкою событій). Въ прямой противоположности съ Саллюстіевыми картинами нравственной порчи находятся жизнеописанія знаменитѣйшихъ полководцевъ, приписываемыя другу Цицерона, Корнелію Непоту. Саллюстій выставлялъ наружу только одни ужасающія, эгоистическія побужденія человѣческой души; Корнелій Непотъ наоборотъ раскрываетъ блестящія и благородныя свойства нравственной природы. Жизнеописанія славнѣйшихъ Грековъ и Римлянъ составлены имъ кратко; одно только жизнеописаніе друга Непотова, Помп. Аттика, изло-

жено нѣсколько пространнѣе; но всѣ эти біографіи равно замѣчательны по легкости и изяществу слога и чистотѣ языка. Остальныя сочиненія этого писателя и патріота не дошли до насъ. — Титъ Ливій, родомъ изъ Патавіума (59 г. предъ Р. Х. до 17 г. по Р. Х.), въ своей исторіи Рима слѣдуетъ наставленіямъ Цицерона о необходимой связи риторики со всѣми отраслями литературы. Его риторская исторія римскаго народа, въ которой онъ менѣе заботился о критическомъ анализѣ и прагматизмѣ, чѣмъ о живомъ и трогательномъ изложеніи при помощи заманчивыхъ картинъ,— эта исторія сдѣлалась національнымъ памятникомъ и перешла въ дѣйствительную жизнь Римлянъ. Богатая риторскими и поэтическими прикрасами, она имѣла цѣлью воспламенить въ сердцахъ Римлянъ любовь къ отечеству, пробудить въ нихъ чувство уваженія къ искренней вѣрѣ и доблестямъ предковъ и поднять ихъ изъ современной порчи высокимъ изображеніемъ лучшаго прошедшаго. Ливій одаренъ чувствомъ поэзіи и чутьемъ саги, ловкостью въ обрисовкѣ характеровъ и изображеніи замѣчательныхъ личностей, и отличается притомъ доброжелательнымъ, радушнымъ настроеніемъ духа. Сердце его открыто и для величія и для превратностей человѣческихъ судебъ; онъ живо сочувствуетъ нравственнымъ началамъ, высказывающимся какъ въ побужденіяхъ, такъ и въ поступкахъ, и это сочувствіе производитъ самое отрадное впечатлѣніе. За то политическая точка зрѣнія какого-нибудь Ѳукидида или Поливія совершенно чужда его взгляду; вообще онъ плохо понималъ государственность и политическое устройство, развитіе и органическое сложеніе общественныхъ отношеній и сословныхъ правъ, постепенное образованіе публичнаго права, относительное положеніе различныхъ факторовъ въ государствѣ; все это мало занимало Ливія и обо всемъ этомъ имѣлъ онъ сбивчивыя и поверхностныя понятія. Кромѣ того Ливію можно поставить въ упрекъ недостаточное изслѣдованіе источниковъ и документовъ, отчего въ сообщаемыхъ имъ показаніяхъ встрѣчается много неточностей, пробѣловъ и противорѣчій. — Греческій историкъ Діодоръ Сицилійскій (Siculus) составилъ во времена Цезаря и Августа «Историческую библіотеку», т. е. этнографическое обозрѣніе всемірной исторіи отъ древнѣйшихъ временъ до 60 г. въ сорока книгахъ, изъ которыхъ дошло до насъ только пятнадцать. Писатель этотъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе, потому что повторяетъ безъ размышленія и критики всѣ, даже самые невѣроя-

тные, миѳическіе и баснословные разсказы древнѣйшихъ писателей; изложеніе его сбивчиво и безпорядочно, и вообще имъ должно пользоваться съ большою осмотрительностью. Главная заслуга Діодора состоитъ въ томъ, что онъ сообщаетъ извлеченія изъ древнихъ, большею частью потерянныхъ сочиненій, какъ напр. изъ Эфора, Ктезія и др. (§ 101). Несравнено болѣе значенія для древней римской исторіи имѣетъ «Римская археологія», или исторія Рима отъ основанія города до первой Пунійской войны, написанная проживавшимъ въ Римѣ греческимъ историкомъ Діонисіемъ Галикарнасскимъ, современникомъ Ливія. Изъ двадцати его книгъ, полныхъ натяжки и риторства, девять дошло до насъ вполнѣ, а двѣ въ отрывкахъ; онѣ идутъ только до изгнанія децемвировъ, не далѣе: но, какъ добросовѣстное и тщательное изысканіе о первобытной исторіи Римлянъ, которыхъ Діонисій силится произвесть отъ Грековъ, онѣ имѣютъ весьма важное значеніе. Діонисій самъ указываетъ въ предисловіи на главную задачу своего труда: онъ имѣлъ въ виду «сообщить Грекамъ, своимъ соотечественникамъ, болѣе благопріятное и достойное понятіе о римскомъ народѣ; онъ хотѣлъ доказать исторически, что совсѣмъ не такъ, какъ по невѣдѣнію полагали Греки и какъ утверждали греческіе писатели по недоброжелательству, Римляне ведутъ свое начало не отъ сборища бездомовныхъ, варварскихъ бродягъ, а напротивъ, въ ихъ жилахъ течетъ кровь Эллиновъ, и они самаго почтеннаго происхожденія; что не одно слѣпое счастье, которое часто расточаетъ свои дары недостойнымъ, поставило ихъ на верхъ политическаго могущества, но и такое обиліе доблестей, какимъ не отличался ни одинъ народъ. Сочиненіемъ своимъ онъ хотѣлъ искоренить эти ошибочныя и враждебныя воззрѣнія, которыя распространились между Греками оттого, что у Римлянъ не нашлось до тѣхъ поръ ни одного извѣстнаго бытописателя». — Даровитый и образованный Азиній Полліонъ, имѣвшій гораздо болѣе склонности къ ученой и литературной жизни, нежели къ военному и политическому поприщу, на которое толкнула его судьба, также посвящалъ свои досуги изложенію «исторіи послѣднихъ гражданскихъ междоусобій»; потеря этого сочиненія, писаннаго «съ аттическою краткостью», весьма чувствительна для потомства. Огромное состояніе свое Азиній преимущественно тратилъ на собираніе книгъ и драгоцѣнныхъ произведеній искусства. — Архитекторъ Витрувій, изъ Вероны, который во

времена Августа воздвигъ въ Римѣ много зданій, былъ авторомъ уважаемаго доселѣ сочиненія о строительномъ искусствѣ; напротивъ, многочисленныя творенія ученаго и начитаннаго Теренція Варрона (116—27 до Р. Х.), который написалъ около пяти сотъ сочиненій о различныхъ предметахъ римскихъ древностей, потеряны всѣ за исключеніемъ весьма немногаго. Къ числу этихъ немногихъ остатковъ относятся: часть незначительнаго трактата «о латинскомъ языкѣ» и три книги о земледѣліи; между тѣмъ какъ важнѣйшія сочиненія о древностяхъ государственныхъ и частныхъ, имѣвшія, по свидѣтельству Цицерона, ту цѣль, чтобы «снова освоить съ отечествомъ тогдашнихъ Римлянъ, которые сдѣлались совсѣмъ чужими своему родному городу», — всѣ эти любопытнѣйшіе труды погибли почти безслѣдно. Сочиненія Варрона распадались на два отдѣла. Первый, «древности человѣческаго быта», изображалъ первоначальный Римъ, территоріальное дѣленіе земства и города, свѣдѣнія о годахъ, мѣсяцахъ и дняхъ, наконецъ общественную дѣятельность на войнѣ и дома; въ второмъ отдѣлѣ, подъ названіемъ «древностей божественныхъ», обозрѣвались: государственное богословіе, сущность и значеніе «коллегій вѣдуновъ», священыя убѣжища, религіозныя торжества, жертвенные и обѣтные приносы, наконецъ — самый сонмъ божествъ. Къ этому, кромѣ многихъ другихъ монографій, присоединялось, въ видѣ дополненія, сочиненіе «о жизни римскаго народа», — замѣчательный опытъ исторіи нравовъ и образованія въ различныя эпохи. Кажется, впрочемъ, что сочиненія Варрона, при всей учености автора, отличались нѣкоторою сбивчивостью. Какъ ни обширны и многосторонны были знанія этого человѣка, какъ ни достоинъ уваженія патріотизмъ, одушевлявшій его литературную дѣятельность; какъ ни важны для исторіи нравовъ и религіозныхъ древностей уцѣлѣвшія отъ него отрывочныя замѣтки; тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ томъ, что Варрону недоставало ясности, проницательности ума и здравости сужденія, и недостатки эти, при его поспѣшномъ и небрежномъ способѣ изложенія, особенно рѣзко выступаютъ наружу. Всего болѣе славились его «Менипповскія сатиры» (прозванныя такъ по имени одного, впрочемъ малоизвѣстнаго, греческаго философа), гдѣ стихи и проза чередовались между собою, и серьёзные предметы трактовались привлекательнымъ образомъ съ помощью веселой и остроумной обстановки. Варронъ умѣлъ «посмѣяться и въ мѣру по-

шутить». Сатиры его были послѣднимъ вѣяніемъ изчезающаго духа доброй старины, самымъ раннимъ отпрыскомъ, который пустила отъ себя народная латинская поэзія. Это былъ энергическій, мужественный человѣкъ, изъ одной древне-сабинской сенаторской фамиліи; въ войнѣ съ корсарами онъ заслужилъ себѣ корабельный (побѣдный) вѣнокъ, и будучи приверженцемъ старо-республиканской партіи, ратовалъ памфлетами противъ перваго тріумвирата, — этого «чудовища-триглава», какъ онъ его называлъ. Въ послѣдствіи онъ склонился передъ новымъ повелителемъ, Цезаремъ, который оказывалъ ему большое вниманіе.

в) Войны Германцевъ за независимость.

§ 211. Августъ не любилъ войны; онъ говорилъ, что лавры хоть и красивы, да безплодны. Войны его въ Испаніи и Альпійскихъ странахъ (Ретіи, Венделиціи, Норикѣ) вызваны были необходимостью защитить и укрѣпить границы государства; а Парѳянъ съумѣлъ онъ дотого расположить въ свою пользу, что они добровольно возвратили знамена и плѣнниковъ, захваченныхъ въ войскѣ Красса (§ 197). Кровопролитная и опустошительная война въ Далмаціи и Панноніи (7—11 г. по Р. Х.) велась для обороны противъ возстанія воинственнаго народа, стремившагося силою оружія освободиться отъ тягости податей и военной службы; впрочемъ послѣ геройской защиты и паденія города Ардубы, господство Римлянъ было признано на пространствѣ отъ Адріатическаго моря по Дунай. Въ одной только Германіи, храбрый пасынокъ Августа, Друзъ, обезпечившій Рейнъ множествомъ укрѣпленій (Майнцъ, Боннъ и др.), старался подчинить власти Римлянъ народы, жившіе между этой рѣкой и Эльбой. Онъ предпринималъ (12—9 г. до Р. Х.) изъ Майнца нѣсколько счастливыхъ походовъ противъ тамошнихъ племенъ, бывшихъ въ союзѣ со Свевами, или «перехожими», противъ Узипетовъ, Сигамбровъ, Бруктеровъ, Херусковъ, Каттовъ и др., и старался упрочить свои завоеванія сооруженіемъ укрѣпленія на Липпѣ (Ализонѣ), Друзова рва, идущаго черезъ хребетъ Таунусъ къ Веттерау, и моста черезъ Рейнъ, у Майнца. Паденіе съ лошади

на возвратномъ пути отъ Эльбы свело его въ могилу въ цвѣтѣ лѣтъ. Имя Друза еще долго жило въ памяти германскаго народа. Ему приписываютъ между прочимъ громадной толщины стѣны на «Эйхельштейнѣ»[1], въ Майнцѣ. Братъ и преемникъ Друза, Тиберій, окончилъ завоеваніе западной Германіи (4 г. по Р. Х.) болѣе чрезъ ловкіе переговоры съ враждующими между собою Германцами, чѣмъ силою оружія, и тогда на пространствѣ отъ Рейна до Везера учреждено было римское управленіе. Вторженіе чуждыхъ обычаевъ, языка и законовъ вскорѣ стало грозить своеобразности германскаго народа совершеннымъ уничтоженіемъ; уже воины его сражались въ рядахъ римскихъ легіоновъ и гордились отличіями, даруемыми отъ чужеземцевъ, какъ вдругъ высокомѣріе, алчность и необдуманность новаго намѣстника, Квинктилія Вара, пробудили въ Германцахъ уснувшую любовь къ независимости. Этотъ ограниченный и привыкшій въ Сиріи къ раболѣпству человѣкъ вздумалъ обложить побѣжденныхъ данью и подчинить ихъ римскому судопроизводству и уголовному законодательству *). Вскорѣ, при содѣйствіи смѣлаго и предусмотрительнаго предводителя Херусковъ, Арминія (Германа), который, въ бытность свою въ римской службѣ, изучилъ военное искусство подъ руководствомъ самихъ враговъ, образовался союзъ для сверженія чужеземнаго ига. Къ этому союзу приступили Херуски, Бруктеры и др. Напрасны были предостереженія Сегеста, дочь котораго Туснельда была похищена Германомъ и вступила съ нимъ въ бракъ противъ воли отца: они не подѣйствовали на безпечнаго римскаго правителя, считавшаго себя внѣ всякой опасности. Для подавленія нарочно поднятаго частнаго возстанія, ослѣпленный Варъ выступилъ въ походъ съ тремя легіонами, многочисленными вспомогательными войсками, съ большимъ обозомъ и огромнымъ числомъ вьючнаго скота. При переходѣ чрезъ Тевтобургскій лѣсъ (въ Липпе-Детмольдѣ), въ 9 г. по Р. Х., Варъ, настигнутый Германцами подъ верховнымъ начальствомъ Арминія, потерпѣлъ въ те-

[1] Эйхельштейнъ почитаютъ другіе за памятникъ, воздвигнутый Друзу его легіонами.

ченіе трехъ бурныхъ и дождливыхъ дней такое страшное пораженіе, что весь лѣсъ усѣянъ былъ трупами римскихъ воиновъ. Орлы достались въ руки враговъ, и Варъ, въ отчаяніи, лишилъ себя жизни. Дикіе Германцы отплатили кровавою местью противникамъ и умертвили множество плѣнныхъ у алтарей своихъ боговъ. Не одинъ Римлянинъ сенаторской или всадническої фамиліи дожилъ потомъ до сѣдыхъ волосъ, въ работникахъ или пастухахъ у простаго германскаго селянина. Узнавъ о пораженіи, Августъ въ отчаяніи вскричалъ: «Варъ, отдай мнѣ мои легіоны!» и съ той поры защита рейнской границы стала одною изъ главныхъ его заботъ.

*) «Съ глубокимъ огорченіемъ почувствовали Германцы внезапную перемѣну всѣхъ отношеній. Подчиняясь до сихъ поръ однимъ неписаннымъ законамъ, хранившимся у нихъ въ памяти и совѣсти, они вдругъ принуждены были безмолвно покориться велѣніямъ римскаго проконсула и отнынѣ принимать его эдикты за единственный источникъ своихъ правъ. Все, что дотолѣ рѣшалось на сходкахъ по волостямъ и маркамъ, или обсуждалось выборными посредниками, все это зависѣло теперь отъ воли чужеземнаго правителя, вершавшаго дѣла на основаніи непонятныхъ Германцамъ правилъ и формъ. Тѣлесное наказаніе, которое у этихъ племенъ не налагалось даже главнымъ начальникомъ во время самой войны и которое опредѣлялось только жрецами, исполнителями суда божія, — это наказаніе назначалъ имъ теперь среди мира ненавистный Варъ. За самые легкіе проступки свободные Германцы подвергались ударамъ розогъ, а это, по ихъ понятіямъ, лишало чести на всю жизнь. Самая жизнь или смерть Германца зависѣли отъ воли римскаго правителя, тогда какъ прежде смертный приговоръ считался въ этой странѣ за рѣдкость и могъ быть произнесенъ только сходкою всѣхъ свободныхъ людей. Этотъ новый порядокъ, вводимый Варомъ и его законниками, облеченными въ гражданскую одежду, и утверждавшій на берегахъ Везера римское право съ помощью ликторскихъ палокъ и сѣкиръ, казался равно возмутительнымъ для Германцевъ всѣхъ сословій».

§ 212. Августъ скончался на 76 году отъ роду въ Нолѣ (14 г. по Р. Х.) и, торжественнымъ обрядомъ апоѳеозы, былъ причисленъ къ лику божествъ Послѣ его смерти, воинственный и мужественный сынъ Друза, Германикъ, сопровождаемый благородною своей супругою, Агриппиною,

внукой Августа, переправился чрезъ Рейнъ, намѣреваясь спасти воинскую честь Римлянъ. Онъ опустошилъ страну Каттовъ (Гессенъ), предалъ землѣ бѣлѣющія кости римскихъ воиновъ, павшихъ въ Тевтобургскомъ лѣсу, и отвелъ въ плѣнъ великодушную супругу Германа, Туснельду, которую предалъ врагамъ вѣроломный Сегестъ. Глаза Туснельды были сухи, изъ устъ ея не вырывалось ни мольбы, ни жалобы; съ гордымъ видомъ, сложивъ руки на груди, слѣдовала она за побѣдителемъ, одушевляемая болѣе духомъ мужа, нежели своего враждебнаго отца. Возмущенный до грубины души позоромъ постигшимъ его семейство, Арминій облетѣлъ всю волость Херусковъ, вызывая народъ на месть Римлянамъ, «которые не стыдятся вести войну предательски и обращать оружіе противъ слабыхъ женщинъ». Ему удалось образовать изъ Херусковъ и многихъ сосѣднихъ племенъ воинственный союзъ и поставить римскаго легата Цецину въ весьма опасное положеніе на длинной плотинѣ, ведущей черезъ трясины отъ верхней Липпы до Рейна. Несмотря на то, Германцы потерпѣли пораженіе въ двухъ битвахъ (въ урочищѣ, называемомъ Идиставизъ, близь Миндена, и при Штейнгудерскомъ озерѣ, на рубежѣ Липпе-Шаумбурга съ Ганновером) и должны были уступить превосходству римскаго военнаго искусства и опытности Германика. Но какъ ни тяжки были удары, нанесенные союзу Херусковъ римскимъ полководцемъ, который, при помощи Батавовъ, сильно стѣснилъ Германію и со стороны моря, однакожь господство Римлянъ на правомъ берегу Рейна все-таки не успѣло упрочиться. Бурями разбило флотъ, а бездорожныя мѣстности и мечъ Германцевъ поставили сухопутное войско на край гибели. Когда же Германикъ былъ отозванъ своимъ завистливымъ дядею, Тиберіемъ, и вскорѣ потомъ умеръ въ Сиріи отъ отравы (19 г. по Р. Х.), тогда настало для Германцевъ время отдыха отъ господства и завоевательныхъ стремленій Римлянъ. Зато нижне-германскій союзъ Херусковъ обратилъ теперь оружіе противъ верхне-германскаго союза Маркоманновъ, во главѣ котораго стоялъ воеводою Марбодъ, извѣстный воинскою предпріимчивостью, умомъ и образованіемъ; а это доставило Римлянамъ случай тревожить Германію съ южной стороны. Марбодъ,

отступая передъ противникомъ, обратился за помощью къ Тиберію и тѣмъ самымъ только ускорилъ свою собственную бѣду. Изгнанный изъ Германіи, онъ искалъ наконецъ прибѣжища у Римлянъ и получалъ съ тѣхъ поръ по ихъ милости, въ Равеннѣ, кусокъ хлѣба въ теченіе 18 лѣтъ. Германъ, по окончаніи войны, погибъ на тридцать-седьмомъ году жизни отъ руки друзей-завистниковъ. Память объ его дѣяніяхъ сохранилась въ пѣсняхъ, и въ наше время благодарные потомки воздвигли въ честь освободителя Германіи колоссальную статую на Тейтбергѣ, близь Детмольда. Туснельда умерла въ плѣну у Римлянъ. Рожденный на чужбинѣ сынъ ея, Тумеликъ, былъ воспитанъ въ Равеннѣ для гладіаторскаго искусства («Равеннскій боецъ»): по крайней мѣрѣ таково мнѣніе новѣйшихъ изслѣдователей и поэтовъ, выводимое ими изъ одного темнаго намека у Тацита. Благодаря дочери Германика, Агриппинѣ, положено было начало процвѣтанію древняго города Убіевъ, Кельна (Colonia Agrippina).

§ 213. Племена Германцевъ и ихъ обычаи. Тацитъ. Около ста лѣтъ послѣ Августа, великій Тацитъ, изложивъ въ своихъ лѣтописяхъ и повѣствованіяхъ (Annales и Historiae) исторію эпохи римскихъ императоровъ, рѣшился, въ порывѣ благороднаго негодованія на нравственную порчу и развратъ Рима, изобразить въ вѣрной картинѣ нравы, образъ жизни и учрежденія германскихъ племенъ и противопоставить ихъ, какъ зеркало, состоянію своего гибнущаго отечества. Этой рѣшимости одолжены мы первыми точными свѣдѣніями о Германіи. Мы узнаемъ такимъ образомъ, что вся Германія населена была множествомъ независимыхъ племенъ, часто вступавшихъ въ союзы и часто враждовавшихъ между собою, которыя, слѣдуя внутренному влеченію къ непосѣдной жизни, перекочевывали съ мѣста на мѣсто. Кромѣ указанныхъ уже нами племенъ, жившихъ между Рейномъ и Эльбою, мы находимъ на западномъ берегу Эльбы Лангобардовъ; по германскому Дунаю и, позже, въ Богеміи—Маркоманновъ (т. е. украинцевъ, порубежниковъ); по венгерскому Дунаю—Квадовъ, въ странѣ по Одеру и Вислѣ—Вандаловъ; въ Силезіи — восточныхъ Свевовъ, къ которымъ причислялись Семноны и Бургунды; въ Тюрингенѣ — Гермундуровъ; у Фришъ-Гафа, между Вислою и Прегелемъ,—Готовъ; по низовьямъ Эльбы—Саксовъ, къ которымъ на юго-востокъ примыкали Англы; по

берегамъ Балтійскаго моря—Геруловъ и Ругіевъ, а по берегамъ Нѣмецкаго (Сѣвернаго относительно Германіи)—Фризовъ и Хауковъ; въ Шлезвигъ-Голштейнѣ — Кимвровъ, Тевтоновъ и Амбруновъ; на островѣ, образуемомъ Маасомъ и Рейномъ, — Батавовъ и Канинефатовъ; на лѣвомъ берегу Рейна — подвластныхъ Римлянамъ Раураковъ (съ Аугстомъ, родоначальникомъ нынѣшняго Базеля), Неметовъ (съ Шпейеромъ и Страсбургомъ), Вангіоновъ въ Вормсѣ и Тревировъ (Трирцевъ). Главнымъ занятіемъ Германцевъ были охота и война; суровая лѣсистая страна была мало удобна къ земледѣлію; успѣшнѣе шло скотоводство. Право поземельной собственности частныхъ лицъ было еще очень ограничено, и, по распоряженію властей, постоянно производился передѣлъ между владѣльцами пахатныхъ участковъ. Городовъ и деревень не было вовсе; дворы и избы стояли среди каждаго участка порознь; покойная застѣнная жизнь была несогласна съ ихъ любовью къ волѣ и къ военному дѣлу. Съ внѣшними преимуществами, высокимъ ростомъ, тѣлесною красотой (они были голубоглазы и бѣлокуры), гордою, обличавшею мужество осанкой, силою и храбростью, соединяли они чистоту нравовъ, гостепріимство, вѣрность и честность, любовь къ отечеству, уваженіе къ женщинамъ и строгое соблюденіе супружескихъ обѣтовъ. Германцевъ упрекаютъ только въ двухъ порокахъ,—въ наклонности къ пьянству и къ игрѣ. Добрые нравы значили у нихъ больше чѣмъ у другихъ хорошіе законы. Вѣра въ вѣщихъ женъ (Alrunen) существовала у нихъ, какъ и у Римлянъ (сивиллы, сивиллинскія книги). Они любили поэзію и пѣніе и устно передавали изъ рода въ родъ пѣсни, въ которыхъ слышалось созвучіе то начальныхъ согласныхъ (аллитерація), то гласныхъ (Assonanz). У нихъ существовали впрочемъ письмена, руны, которыя встрѣчаются и понынѣ изсѣченныя на камняхъ или вырѣзанныя на деревѣ (Runensteine, Runenstäbe). Липа была національнымъ деревомъ Германцевъ; они сажали ее передъ своими дворами, селами, городами, на кладбищахъ, на межахъ, передъ церквами и часовнями. Подъ сѣнью широковѣтвистой, благоухающей липы рѣзвились дѣти, тутъ же выводилъ молодецъ дѣвицу въ хороводъ, странствующій пѣвецъ наигрывалъ свои пѣсни, домохозяинъ отдыхалъ въ кругу семьи, а управитель, деревенскій староста, волостной или земскій графъ творили судъ и расправу. (О религіи Германцевъ см § 15).

К. Корнелій Тацитъ, величайшій изъ римскихъ историковъ, занимавшій при Веспасіанѣ нѣкоторыя правительственныя должности и оградившійся отъ ужасовъ Домиціанова деспотизма безмолвіемъ и благоразумною осторожностью, приступилъ къ бытописанію въ преклонныхъ уже лѣтахъ, при Траянѣ; онъ сочинилъ: 1) Лѣтописи, критически-обработанное обозрѣніе внутреннихъ и внѣшнихъ событій отъ 14 до 69 г. по Р. Х., основанное на достовѣрнѣйшихъ источникахъ и государственныхъ актахъ (уцѣлѣли первыя шесть книгъ; изъ нихъ пятая дошла до насъ только въ отрывкахъ, да книги 11—16 съ пропускомъ двухъ лѣтъ); 2) Повѣствованія, или Исторіи, описаніе современныхъ ему событій отъ Гальбы до смерти Домиціана (сохранились четыре книги и часть пятой до 71 года); 3) Жизнеописаніе тестя своего, Агриколы, завоевателя Британніи, котораго авторъ изображаетъ какъ истаго Римлянина добрыхъ старыхъ временъ, какъ свѣтозарный лучъ среди мрака страшной порчи нравовъ, какъ человѣка, вѣрнаго національному характеру среди всеобщаго растлѣнія; 4) Сочиненіе о бытѣ, нравахъ и обычаяхъ Германцевъ, которое въ ясномъ, хотя и не совсѣмъ связномъ изложеніи, раскрываетъ передъ нами съ величайшей откровенностью полнѣйшую картину величественнаго народнаго быта и противопоставляетъ утонченности и испорченности римскихъ нравовъ жизнь полную энергіи и первобытной простоты.—Тациту же приписываютъ обыкновенно Разговоръ объ ораторахъ, гдѣ проводится превосходная по обилію мыслей, способу изложенія и самой цѣли, параллель между республиканскимъ и монархическимъ краснорѣчіемъ; но, по всей вѣроятности, сочиненіе это принадлежитъ другому автору. Тацитъ смотритъ на свое время стоически-строго; съ горечью и негодованіемъ, невольно возникающими въ душѣ благороднаго патріота при видѣ нравственнаго униженія соотечественниковъ, рисуетъ онъ передъ нами картину глубокаго упадка и растлѣнія. Онъ принадлежалъ къ числу немногихъ благородныхъ людей той эпохи, вѣрилъ въ достоинство человѣческой природы и былъ исполненъ удивленія къ старымъ, лучшимъ временамъ римской жизни, когда каждый имѣлъ вѣсу настолько, насколько его заслужилъ, когда любой Римлянинъ, движимый благороднымъ сознаніемъ собственнаго достоинства и значенія своего въ государствѣ, стремился новыми подвигами стяжать одобреніе согражданъ. Съ потрясающею глубиной и необычайнымъ знаніемъ человѣческаго сердца обличаетъ онъ самыя сокровенныя

движенія развратныхъ душъ, выводить на позоръ гадости, козни, происки и весь обиходъ преутонченнаго, безнравственнаго и распутнаго двора, волнуемаго гоньбою за почестями, завистью и всякаго рода поползновеніями и страстями; съ грустью и отчаяньемъ изображаетъ порочность и низость цѣлаго поколѣнія, обнаруживаетъ самыя затаенныя свойства дѣятелей и изъ характеровъ ихъ объясняетъ побужденія, которыми они руководились; при этомъ онъ однакожъ не остается равнодушенъ ни къ величію, ни къ доблести души: героизмъ какого-нибудь Арминія, женственное достоинство Туспельды, величіе духа Арріи и Сенеки передъ кончиною, заслуживаютъ у него справедливую оцѣнку; мало этого: его сердцу, пылавшему пламенной любовью къ свободѣ, къ отечеству и къ достоинству человѣческой природы, сладко было выводить такія явленія, свѣтящія подобно звѣздамъ среди общаго мрака, потому что стремленіемъ его было— возвратить вялымъ душамъ жалкихъ современниковъ утраченную ими упругость, а одномыслящихъ укрѣпить еще больше на борьбу противъ напора гнетущихъ обстоятельствъ. Языкъ и слогъ Тацита новы и своеобразны; полная мысли сжатость выраженія, устарѣлыя, часто очень поэтическія, слова и обороты, богатое фактами изложеніе, отрывистая рѣчь,—все это, вмѣстѣ съ мрачнымъ, меланхолическимъ тономъ, разлитымъ по цѣлому, производитъ на читателя потрясающее впечатлѣніе.

§ 214. Германскія учрежденія. У Германцевъ было два сословія: люди свободные (свѣбоды), или привилегированные, и несвободные, или безправные. Первые подраздѣлялись на свободныхъ благороднаго происхожденія (адалинги, эделинги) и свободныхъ простолюдиновъ; послѣдніе дѣлились на крѣпостныхъ, обязанныхъ оброкомъ или работою (литовъ), и на рабовъ въ строгомъ смыслѣ (шальковъ), которые были первоначально военноплѣнные. Германскій рабъ былъ вещью, товаромъ въ прямомъ значеніи слова, и потому подлежалъ куплѣ, продажѣ, залогу и обмѣну, вообще — произвольному отчужденію. Крѣпостной отличался отъ раба (Schalke) тѣмъ, что получалъ въ пользованіе участокъ земли отъ господина, платя ему за то услугами и оброкомъ (феодъ), и имѣлъ собственное хозяйство, тогда какъ настоящій рабъ жилъ на хлѣбахъ и въ домѣ своего владѣльца. Первый изъ нихъ могъ быть отчуждаемъ только съ участкомъ земли, имъ обработываемымъ; второй, напротивъ, подобно всякой другой вещи, могъ свободно перехо-

дить изъ рукъ въ руки и быть проданъ изъ одной страны въ другую. Участь крѣпостныхъ вообще была сноснѣе, потому что, во-первыхъ, крѣпостной былъ въ нѣкоторомъ отношеніи самостоятельнѣе раба; во-вторыхъ, ему предоставлены были средства къ пріобрѣтенію, а тѣмъ самымъ и возможность откупиться на волю. Впрочемъ, въ отношеніи къ своему господину онъ былъ также безправенъ, какъ и рабъ; онъ не могъ являться въ судъ отъ своего лица; мѣсто его, въ этомъ случаѣ, также какъ и раба, заступалъ господинъ, землевладѣлецъ. Собственностью своею онъ также не могъ распоряжаться неограниченно, но долженъ былъ въ извѣстныхъ случаяхъ испрашивать напередъ разрѣшеніе у господина. На этихъ-то отношеніяхъ основывается сложившаяся въ послѣдствіи феодальная, или лэнная, система. Сословіе свободныхъ людей низшаго разряда образовалось изъ освобожденныхъ крѣпостныхъ или рабовъ, которые только въ третьемъ колѣнѣ вступали въ пользованіе всѣми правами свободнаго лица или причислялись къ привилегированному сословію; тогда какъ свободные благороднаго происхожденія, или аделинги, были такими искони (отсюда названіе Ur- или Semperfreie, исконно или вѣчно-свободные) и владѣли аллодомъ, т. е. земельнымъ участкомъ, наслѣдуемымъ въ мужскомъ колѣнѣ по праву первородства. Въ первобытное время они одни составляли привилегированное сословіе и назывались Frowen, т. е. господами, въ противоположность рабамъ и крѣпостнымъ, или людямъ (Leuten), т. е. народу. Изъ нихъ развилось въ послѣдствіи высшее дворянство, а изъ свободныхъ простолюдиновъ — низшее. Свободно-рожденный владѣлецъ аллода былъ законнымъ опекуномъ и главою своего рода-племени (Sippschaft). Родственники, какъ съ мужской стороны (Schwertmagen), такъ и съ женской (Spillmagen), состояли подъ его рукою (unter seinem Bann), т. е. обязаны были къ нему послушаніемъ. Марка, или община, была вольный союзъ нѣсколькихъ аллодо-владѣльцевъ, которыхъ совокупное владѣніе составляло такъ-называемую общинную дачу, или межу (Markung); все, что не составляло частной собственности, какъ-то: лѣса, выгоны, пустоши, считалось общимъ достояніемъ (Allmend); нѣсколько общинъ, соединенныхъ между собой вольнымъ договоромъ, составляли волость (Gau). Въ важныхъ случаяхъ всѣ аллодо-владѣльцы одной волости собирались на сходку подъ открытымъ небомъ (часто на древнихъ могильныхъ курганахъ, Hünnenringen). Мужчины были съ оружіемъ, однако миръ божій строго наблюдался въ этихъ священ-

ныхъ мѣстахъ. Здѣсь-то, изъ нѣкоторыхъ родовъ, отличавшихся особеннымъ почетомъ, богатствомъ и многочисленностью своей дружины, Германцы выбирали военачальниковъ или воеводъ (герцоговъ), которые шли во главѣ ополченія (Heerbann), состоявшаго изъ аллодо-владѣльцевъ съ ихъ людинами; здѣсь избирались волостные судьи (Gaurichter) или старцы (Graven) и, наконецъ, жрецы. Сходки же постановляли краткіе, изустные или писанные рунами, законы, основанные на обычномъ правѣ и дѣйствовавшіе на судбищахъ (Malstätten). Пеня денежная или натурой (Wehrgeld, вира) служила обыкновеннымъ наказаніемъ для лицъ свободнаго состоянія, а рабы и крѣпостные наказывались или увѣчьемъ, или жестокой смертной казнью. За убійство отплачивали сначала кровомщеніемъ роднѣ виновнаго, но вскорѣ кровная месть замѣнена была выкупомъ (продажею), и стало общимъ закономъ, что лице свободнаго состоянія можетъ избѣжать мщенія, вознаграждая обиженныхъ денежною суммой, которой размѣръ былъ въ точности опредѣленъ, такъ что обиженное семейство уже не властно было какъ прежде требовать съ обидчика вознагражденія по произволу. Даже преступленія противъ государства искупались обыкновенно денежною пенею; только военачальникъ платился жизнью за проигранное сраженіе. Въ сомнительныхъ случаяхъ свободные рѣшали дѣло судебнымъ поединкомъ, а крѣпостные и рабы подвергались испытанію кипяткомъ. Для свободнаго лица не существовало такимъ образомъ ни тѣлеснаго наказанія, ни смертной казни, если только оно было въ состояніи внести установленную виру, или продажу, и потому ему стоило лишь сообразиться съ своимъ состояніемъ, чтобы заранѣе знать, какія насилія можетъ оно себѣ позволить безъ существеннаго вреда для себя. — Около нѣкоторыхъ славныхъ воиновъ собирались вольныя дружины, выходившія съ ними въ поле и получавшія въ добычѣ свою часть. Эти вооруженныя братства, изъ которыхъ во время переселенія народовъ образовалось столь важное потомъ военное дворянство, слыли за самый прочный и тѣсный союзъ между свободными людьми.

Нравы и обычаи Германцевъ Тацитъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ: «Я готовъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые полагаютъ, что племена Германіи не выродились отъ брачныхъ союзовъ ни съ какими чужеродцами и существовали какъ самобытный, несмѣшанный и своеобразный народъ. Поэтому не смотря на великое

многолюдство, всѣ они одинаковаго тѣлосложенія; глаза у нихъ смѣлые, голубые, волосы рыжеватые, ростъ большой, но они способны только къ быстрому натиску, а на трудъ и устойчивую работу менѣе гожи, не въ состояніи переносить жаръ и жажду, но къ холоду и голоду пріучены климатомъ и свойствами страны. — Внутри края ведется по простому, стародавнему обычаю мѣновая торговля. Германцы любятъ старинныя, давно знакомыя деньги, и охотнѣе берутъ серебро, чѣмъ золото, не изъ пристрастія къ первому, но только потому, что значительный запасъ серебряной монеты удобнѣе для разнообразной мелочной торговли. Желѣза въ избыткѣ у нихъ нѣтъ; это очевидно по ихъ оружію. Рѣдкіе изъ нихъ употребляютъ мечи и большія копья. Въ замѣнъ этого у нихъ дротики, или по-ихнему Фрамеи, съ желѣзными наконечниками, хотя тонкими и короткими, но острыми и такъ ловко придѣланными, что они сражаются этимъ оружіемъ смотря по надобности и въ рукопашномъ бою, и издали. Конники вооружены только щитомъ и дротикомъ. Пѣшіе воины пускаютъ сверхъ того каждый множество стрѣлъ, и на невѣроятное разстояніе. Дерутся они нагіе или въ самомъ легкомъ плащѣ. Убранствомъ не щеголяютъ; только щиты ихъ раскрашены яркими красками. Рѣдко у кого есть панцырь, а еще рѣже встрѣчается каска или шлемъ. Лошади ихъ не отличаются ни красотой, ни рѣзвостью, и не пріучены, какъ у насъ, къ разнообразнымъ поворотамъ. Они ѣдутъ или совсѣмъ прямо, или полуоборотомъ вправо, и въ такомъ тѣсномъ строю, что ни одинъ не отстанетъ отъ товарищей. Вообще главныя силы ихъ заключаются въ пѣхотѣ; поэтому сражаются они смѣшанными толпами, причемъ быстрота пѣхотинцевъ какъ нельзя лучше согласуется съ движеніями конниковъ,— обыкновенно отборную молодежь выставляютъ впереди. — Къ бою строятся клиньями. Они не считаютъ постыднымъ отступленіе, если затѣмъ слѣдуетъ съ ихъ стороны новый натискъ; это у нихъ дѣло благоразумнаго разсчета. Тѣла товарищей они уносятъ съ собой даже и въ сомнительныхъ битвахъ. Бросить щитъ на полѣ сраженія слыветъ у нихъ величайшимъ срамомъ. Опозоренный этимъ уже не смѣетъ быть при жертвоприношеніяхъ, ни вступать въ народный сходъ, и многіе изъ пережившихъ войну кончали тѣмъ, что сами накладывали себѣ петлю на шею. Царей выбираютъ по знатности рода, воеводъ—по доблести. Цари не имѣютъ неограниченной или произвольной власти, а воеводы берутъ болѣе личнымъ примѣромъ, чѣмъ строгостью; если они расторопны, отважны, бьются впереди, то внушаютъ

къ себѣ удивленіе, и оно-то составляетъ ихъ силу. Никто, кромѣ жрецовъ, не смѣетъ ни казнить, ни связать, ни высѣчь Германца; да и жрецы дѣлаютъ это не въ видѣ наказанія и не по приказу начальника, но единственно по волѣ божества, которое, какъ они думаютъ, всегда соприсутствуетъ ратующимъ. Лучшимъ средствомъ возбудить мужество служитъ то, что при построеніи къ бою отряды и клинья сходятся не какъ попало, но по семьямъ и по родству; а затѣмъ еще и то, что все милое постоянно у нихъ поблизости, и воинамъ слышенъ и вопль женъ и крикъ грудныхъ дѣтей. Ихъ-то считаютъ они самыми священными свидѣтелями, ихъ похвалами всего болѣе дорожатъ. Къ матерямъ и къ женамъ приносятъ они свои раны, и тѣмъ нестрашно пересчитывать эти раны и подробно изслѣдовать ихъ. Онѣ же носятъ имъ на самое поле битвы пищу и подстрекаютъ ихъ мужество. Разсказываютъ случаи, что колеблющіеся и разстроенные уже ряды воиновъ смыкались вновь по настойчивымъ просьбамъ женъ, заграждавшихъ имъ грудью дорогу къ отступленію и указывавшихъ на близкую возможность плѣна, котораго Германцы всего болѣе страшатся изъ-за нихъ. Уваженіе ихъ къ женщинамъ таково, что всего лучше обезпечена покорность тѣхъ обществъ, отъ которыхъ въ числѣ заложниковъ взято нѣсколько благородныхъ дѣвицъ. Они видятъ въ женщинахъ что-то святое и вѣщее, а потому не только не пренебрегаютъ ихъ совѣтами, но и слѣдуютъ ихъ прорицаніямъ. Они считаютъ несовмѣстнымъ съ величіемъ боговъ заключать ихъ въ стѣны или дѣлать изображенія ихъ на подобіе человѣка. Они посвящаютъ имъ рощи и лѣса и призываютъ подъ именемъ бога то неисповѣдимое существо, которое доступно одному ихъ благоговѣнію. — Свобода влечетъ за собою то зло, что не всѣ вмѣстѣ сходятся (для совѣщаній) къ назначенному сроку, и въ этомъ замедленіи пропадаетъ два, три дня. Когда соберется значительная толпа, всѣ садятся по мѣстамъ вооруженные. Жрецы, которые и здѣсь имѣютъ понудительную власть, приказываютъ, чтобъ все замолкло. Тогда держитъ рѣчь царь, или старшина, или вообще, кому даютъ на то право лѣта, знатность, воинскіе подвиги или краснорѣчіе; но всякій убѣждаетъ больше совѣтомъ, а не повелѣніемъ. — Если предложеніе не нравится, общій ропотъ толпы устраняетъ его; если жъ оно любо, слушатели потрясаютъ копьями. Одобреніе оружіемъ почетнѣе всего. — На сходкахъ выбираютъ также старшинъ, которые творятъ судъ по волостямъ и селамъ. Каждому изъ этихъ старшинъ придается сотня вы-

борныхъ изъ народа для совѣщанія съ нимъ о дѣлахъ и для рѣшенія ихъ по большинству голосовъ. Ко всякому, общественному ли, частному ли дѣлу, приступаютъ они не иначе, какъ въ полномъ вооруженіи; никто впрочемъ не смѣетъ носить оружіе, пока община не признаетъ его достойнымъ этой чести. Когда дойдетъ до сраженія, стыдъ начальнику уступить кому-нибудь въ храбрости, стыдъ и дружинѣ не сравниться доблестью съ вождемъ. Обезчещенъ и осрамленъ на всю жизнь тотъ воинъ, который воротится съ боя, переживъ начальника. Священнѣйшій долгъ каждаго защищать своего вождя и своими подвигами пріумножать его славу. Вожди бьются изъ-за побѣды, дружина — изъ-за вождя. Если общество, откуда они родомъ, бездѣйствуетъ отъ долгаго мира и праздности, благородные юноши толпами отправляются къ другимъ племенамъ, занятымъ въ ту пору войною. Труднѣе склонить ихъ къ воздѣлкѣ земли и къ ожиданію жатвы, чѣмъ къ вызову врага и къ принятію на себя ранъ; они считаютъ лѣнью и вялостью добывать въ потѣ лица то, что можно пріобрѣсти кровью. Если нѣтъ войны, то они проводятъ время на охотѣ, а пуще въ праздности, предаваясь сну и ѣдѣ. Храбрѣйшіе и воинственнѣйшіе не дѣлаютъ тогда ровно ничего, предоставляя всѣ хозяйственныя работы женщинамъ, старикамъ и вообще слабѣйшимъ членамъ семейства, — а сами прозябаютъ. По какому-то странному противорѣчію природы одни и тѣ же люди любятъ бездѣйствіе и ненавидятъ покой.—Одеждой имъ служитъ плащъ, застегиваемый запонкой, а за неимѣніемъ ея, терновымъ шипомъ; впрочемъ цѣлые дни проводятъ они у очага передъ огнемъ совсѣмъ нагіе. Богатѣйшіе изъ нихъ отличаются особою одеждой, не широкою и распущенною какъ у Сарматовъ и Парѳянъ, но узкою и выдающею всѣ члены тѣла. Носятъ они и звѣриные мѣха, причемъ тѣ изъ нихъ, что сидятъ ближе къ Рейну, берутъ какіе попало, а напротивъ тѣ, которые живутъ далѣе (внутрь края) и которымъ торговля не доставляетъ другихъ нарядовъ, гораздо прихотливѣе на этотъ счетъ. Они выбираютъ того или другаго звѣря и украшаютъ шкуры ихъ нашивками изъ мѣха другихъ животныхъ, которыя водятся въ крайнемъ Океанѣ и въ морѣ намъ невѣдомомъ. Женская одежда не отличается отъ мужской; только что женщины чаще носятъ полотняныя хламиды, отдѣланныя красными нашивками; одѣяніе это безъ рукавовъ, такъ что плеча и руки остаются обнаженными, и верхняя часть груди также открыта. — Бракъ соблюдается у нихъ очень строго, и едвали какая-нибудь сто-

рона ихъ нравовъ достойна большей похвалы. Изъ всѣхъ почти варваровъ, только у нихъ мужъ довольствуется одной женою, за исключеніемъ весьма немногихъ, да и тѣ вступаютъ въ нѣсколько браковъ не изъ сладострастія, а только по знатности рода. У нихъ не жена приноситъ приданое мужу, а наоборотъ мужъ женѣ. Родители и родственники всегда бываютъ при этомъ и тщательно осматриваютъ подарки, избранные не въ угоду женской прихоти и не для украшенія новобрачной, а состоящіе изъ воловъ или коня съ уздой и приборомъ, изъ щита, копья и боеваго меча. Для того, чтобы жена не считала себя чуждою доблестныхъ помысловъ и всѣхъ случайностей войны, обряды при самомъ заключеніи супружества напоминаютъ ей, что она должна быть спутницей мужу въ трудахъ и опасностяхъ, что въ мирѣ и войнѣ она обязана все переносить, все предпринимать съ нимъ заодно: это знаменуютъ и спрягъ воловъ, и прибранный конь, и поднесенное оружіе. — Такъ живутъ онѣ подъ кровомъ чистоты, неиспорченныя ни безчинными зрѣлищами, ни возбуждающими сладострастіе пирами. — Тамъ никто не шутитъ порокомъ; соблазнять или уступать соблазну не называется тамъ жить въ духѣ времени. Добрые нравы значатъ тамъ болѣе, чѣмъ у другихъ хорошіе законы. — Каждый обязанъ поддерживать дружескія или враждебныя отношенія отца или родственника; вражда, однакожь, не остается непримиримой. Нѣтъ народа щедрѣе на гостепріимство и угощеніе. Считается за грѣхъ отказать кому-нибудь въ пріемѣ; каждый подчиваетъ гостя вдоволь, чѣмъ кто богатъ. Если не достанетъ припасовъ, хозяинъ, ставъ проводникомъ, идетъ съ своимъ гостемъ непрошенный къ ближайшему сосѣду, и это у нихъ ни почемъ: тамъ ихъ принимаютъ съ такимъ же радушіемъ. — Проснувшись по большей части довольно поздно за утро, они тотчасъ моются и, вымывшись, приступаютъ къ ѣдѣ. Потомъ идутъ по своимъ дѣламъ, а зачастую и на пиры, всегда въ оружіи. День и ночь провести за попойкой, никому не вмѣняется у нихъ въ стыдъ. Ссоры, какъ водится между пьяными, дѣло обыкновенное, и рѣдко оканчиваются онѣ одной побранкой, а чаще ранами и убійствомъ. Но на пирушкахъ же совѣтуются и о томъ, какъ примирить враговъ, какъ породниться между собою, кого выбрать въ начальники, быть ли войнѣ или миру, какъ-будто ни въ какое иное время душа такъ не открыта для простыхъ помысловъ и никогда такъ не горяча для высокихъ. Этотъ безхитростный, чистосердечный народъ на веселѣ готовъ открыть все, что у него задушою. Когда всѣ выскажутся

такимъ образомъ напрямикъ и наголо, дѣло на другой день обсуживается снова, и какъ время на время не приходитъ, то каждой порѣ дается свой чередъ. Они толкуютъ, когда нѣтъ мѣста притворству, и рѣшаютъ, когда нѣтъ мѣста заблужденію. — Игрою въ кости они занимаются (къ удивленію) трезвые, какъ дѣломъ важнымъ, и съ такою отвагою на выигрышъ и проигрышъ, что когда спустятъ все, то ставятъ на послѣдній кушъ самихъ себя и свободу. Проигравшій добровольно идетъ въ рабство, и будь онъ хотя моложе и сильнѣе своего противника, однако даетъ ему связать себя и вести на продажу: — такова ихъ стойкость даже въ столь непозволительномъ дѣлѣ, а они называваютъ это вѣрностью (данному слову). Рабовъ такого рода сбываютъ они для того, чтобы самимъ освободиться отъ стыда подобной побѣды.—Ростовщичество и лихоимство у нихъ неизвѣстно и устраняется этимъ лучше нежели какимъ бы то ни было запрещеніемъ. Пахатными полями всѣ земледѣльцы владѣютъ поочередно, и каждому отводится участокъ сообразно его званію. Кромѣ хлѣба не требуютъ отъ земли ничего; поэтому и раздѣленіе года по временамъ у нихъ не полно: зима, весна и лѣто имѣютъ у нихъ смыслъ и названіе, а осень имъ такъ же неизвѣстна, какъ и ея дары.—Въ похоронахъ не отличаются другъ передъ другомъ пышностью. Костровъ не обременяютъ ни покровами, ни благовоніями. Съ каждымъ сожигается его оружіе, а иногда и боевой конь. Могильный холмъ настилаютъ они изъ дерну. Многодѣльныхъ и пышныхъ памятниковъ чуждаются, какъ лишней тягости для усопшаго. Вопли и слезы перестаютъ у нихъ скоро, но печаль и скорбь остаются надолго. Женщинамъ приличенъ плачъ, мужчинамъ — воспоминаніе».

г) Іисусъ Христосъ.

§ 215. Когда міръ погрязъ въ грѣхахъ и порокахъ и гражданская доблесть языческой старины погибла безъ возврата, въ то время, для нуждавшагося въ спасеніи человѣчества, возсіялъ на Востокѣ новый свѣтъ надежды. Изреченія пророковъ, предсказанія провидцевъ, чаянія мудрецовъ и поэтовъ,— все предвѣщало явленіе Искупителя и Царя, съ пришествіемъ котораго долженствовалъ открыться путь ко спасенію для всѣхъ народовъ земнаго шара. Въ то время, какъ Іудеи ожидали въ своемъ Мессіи царя, окруженнаго земною силою

и славой, который поставилъ бы избранный народъ на верхъ мірскаго величія и могущества, а Римляне, упоенные національною гордостью, льстиво привѣтствовали въ лицѣ Августа основателя золотаго вѣка, въ Виѳлеемѣ іудейскомъ родился Спаситель міра въ бѣдности и смиреніи. Провождая жизнь въ тихомъ одиночествѣ, достигъ Онъ тридцатилѣтняго возраста, и тогда приступилъ къ дѣлу искупленія. Въ сопровожденіи двѣнадцати учениковъ (изъ нихъ Петръ, и Іаковъ съ братомъ Іоанномъ, были всего ближе Его сердцу), изъ простолюдиновъ, Іисусъ обошелъ страну іудейскую, поучая, благодѣйствуя и неся съ собою радостную вѣсть спасенія (Евангеліе), что всякій, кто чтитъ чистымъ сердцемъ Бога Отца, кто увѣруетъ во Христа, какъ Сына Божія, принесетъ покаяніе и приложится къ безпорочной жизни,— тотъ обрѣтетъ себѣ отпущеніе грѣховъ и жизнь вѣчную. Но закоснѣлый міръ не позналъ Его, и, въ своемъ невѣріи, презрѣлъ религію любви. Только уже послѣ, когда искупленіе человѣчества запечатлѣлось крестною смертію Христа, и Онъ, возставъ отъ гроба, снова возсѣлъ на престолѣ вѣчной славы, ученики Его и Апостолы успѣли проложить путь Евангелію царствія небеснаго и распятаго Іисуса, который, будучи Самъ безгрѣшенъ, кровію своею искупилъ человѣчество отъ первороднаго грѣха. Первая христіанская община возникла въ Іерусалимѣ, вслѣдствіе чего исповѣдники новой религіи вначалѣ ближе примыкали къ іудейству, и считались у Римлянъ за одну изъ іудейскихъ сектъ. Но когда юная община подверглась гоненіямъ, когда діаконъ Стефанъ, побитый камнями, первый изъ христіанъ стяжалъ вѣнецъ мученика, и когда наконецъ самый Іерусалимъ покорился мечу завоевательныхъ Римлянъ (§ 220), тогда члены новой церкви разсѣялись по сосѣднимъ краямъ и распространили Евангеліе между языческими народами. Этому всего ревностнѣе содѣйствовалъ непоколебимый въ вѣрѣ апостолъ Павелъ, который изъ противника евангельскому ученію обратился въ самаго пламеннаго его проповѣдника. Онъ предпринималъ два путешествія по городамъ Малой Азіи, Македоніи и Греціи для проповѣди, и учреждалъ вездѣ христіанскія общины; во время двухлѣтняго заключенія своего въ Римѣ устроилъ хри-

стіанскую общину и тамъ, и посланіями своими ревностно споспѣшествовалъ распространенію Евангелія. Для того, чтобы сдѣлать новое ученіе болѣе доступнымъ для всѣхъ, соборъ апостоловъ въ Іерусалимѣ постановилъ, что христіане, обращаемые изъ язычества, не обязаны подчиняться закону Моисея; вслѣдствіе этого постановленія христіанство стало независимо отъ стѣснительныхъ условій мѣста и племени, освободилось отъ узъ іудейства и приблизилось къ истинному своему назначенію—быть религіею всемірною, которой суждено совокупить воедино всѣ народы земнаго шара въ поклоненіи Богу духомъ и истиною. Но страданія, которыя претерпѣлъ безгрѣшный Искупитель, перешли въ наслѣдіе и на созданную Имъ церковь. Безбожные владыки царствъ земныхъ напрасно старались подавить царство духа гоненіями и ослабить пламенную вѣру его исповѣдниковъ муками и казнями; юная церковь вышла изъ тяжкаго искуса торжествующею, а козни враговъ послужили только къ вящшему ея прославленію.

2. Императоры Августова дома [1]).

§ 216. Домашнія несчастія помрачили житейскія радости Августа. Многообѣщавшіе сыновья (Каій и Луцій) дочери его Юліи, бывшей въ замужествѣ за Агриппою, умерли въ юно-

[1] Главные члены Августова дома:

1) Октавіанъ, супр. Скрибонія.

Юлія, въ супр. съ Агриппою.

Каій и Луцій Цезари; Агриппа Постумъ; Юлія младшая; Агриппина, въ супр. съ Германикомъ

Калигула, Агриппина младшая, въ супр. съ Домиціемъ.

Неронъ

2. Ливія, въ супр. съ Тив. Кл. Нероном.

Тиберій. Друзъ † 9 г. до Р. Х., супр. Антонія (вторая дочь Антонія и Августовой сестры Октавіи).

Друзъ. Германикъ, супр. Агриппина. Клавдій, супр. Мессалина (внука старшей дочери Антонія и Октавіи).

Октавія, въ супр. съ Нероном, Британникъ.

сти; подозрѣвали даже, что они были отравлены; сама Юлія, умная, но сладострастная женщина, такъ огорчала отца своимъ безнравственнымъ поведеніемъ, что онъ подъ конецъ отправилъ ее въ ссылку, а младшій сынъ Агриппы и Юліи (Агриппа Постумъ), рожденный уже по смерти отца, былъ убитъ наемною рукой на дальнемъ островѣ, куда онъ былъ сосланъ за дикій и необузданный нравъ свой. Такимъ образомъ государство перешло къ усыновленному Августомъ пасынку, коварному, человѣконенавистному Тиберію (14 — 37), по проискамъ честолюбивой матери его Левіи, третьей супруги императора. Первоначальная кротость лицемѣрнаго государя вскорѣ уступила затаенной злобѣ, особенно съ тѣхъ поръ какъ хитрый любимецъ его Элій Сеянъ, человѣкъ, способный на всякіе пороки и преступленія, помогъ ему основать военную деспотію. По совѣту Сеяна, былъ собранъ въ постоянномъ лагерѣ передъ одними изъ воротъ Рима отрядъ тѣлохранителей — преторіанцевъ (начальникомъ котораго, praefectus praetorio, былъ онъ самъ), вскорѣ превратившихся изъ стражи государя въ притѣснителей и мучителей народа, которые въ послѣдствіи возводили и низлагали императоровъ и водворили гнетущее владычество солдатчины. Съ тѣхъ поръ народныя собранія прекратились; раболѣпный, безсильный сенатъ, которому было передано назначеніе консуловъ и другихъ чиновниковъ, и выбранный изъ среды его государственный совѣтъ были лишь орудіями деспота, желавшаго разложить на многихъ ту ненависть, которую возбуждало его правленіе. Страшные суды, вѣдавшіе оскорбленіе величества, служили средствомъ губить всякаго благомыслящаго человѣка, ибо лишали жизни и имущества не только за поступки, но даже за слова и помыслы. Безсовѣстные, богато награждаемые шпіоны и доносчики подорвали всякое довѣріе въ народѣ и затушили послѣднюю искру свободы, между тѣмъ какъ разслабляющее, поощряемое правительствомъ сладострастіе истощало его нравственныя силы, а искательство титуловъ и почестей пробуждало и питало тщеславіе и мелкую суетность. Терзаемый недовѣрчивостью, угрызеніями совѣсти и боязнью, Тиберій провелъ послѣдніе годы своей жизни на островѣ Капреѣ (нынѣ Капри) въ нижней

Италіи, гдѣ предавался развратнѣйшимъ чувственнымъ наслажденіямъ и самымъ низкимъ похотямъ, между тѣмъ какъ въ Римѣ Сеянъ совершалъ злодѣйство за злодѣйствомъ. Отравою сбылъ онъ съ рукъ единственнаго Тиберіева сына (Друза) и устранилъ ссылкою или заточеніемъ многихъ членовъ императорской фамиліи, между прочимъ жену и двоихъ сыновей Германика. Теперь сталъ онъ добиваться руки вдовы убитаго имъ Друза, и ясно показалъ, что посягаетъ на тронъ. Императоръ, узнавъ объ этомъ не смотря на безчисленныхъ Сеяновыхъ шпіоновъ, съ свойственными ему хитростью и притворствомъ далъ повелѣніе сенату казнить сильнаго любимца и потомъ свирѣпствовалъ противъ его дѣтей, родственниковъ и довѣренныхъ. Подъ старость пагубная подозрительность его, повидимому, еще усилилась. Онъ велѣлъ уморить голодомъ въ тюрьмѣ благородную жену Германика Агриппину и сына ея Друза. Наконецъ Тиберій заболѣлъ, и упадокъ жизненныхъ силъ обнаруживалъ близость его смерти. Но онъ скрывалъ свое состояніе и, чтобы обмануть окружающихъ, вознамѣрился воротиться въ Римъ. Дорогою, въ своемъ помѣстьѣ Мизенѣ, онъ впалъ въ продолжительный обморокъ, что̀ и побудило нѣкоторыхъ его спутниковъ привѣтствовать наслѣдникомъ проживавшаго у него двоюроднаго внука Каія Калигулу. Но Тиберій вдругъ ожилъ, и тогда начальникъ гвардіи Макронъ и Калигула, чтобы избавиться отъ угрожающей имъ казни, ускорили медлившую смерть, задушивъ Тиберія подушками. — Его правленіе было особенно несчастно для Малой Азіи, гдѣ страшное землетрясеніе превратило многіе прекраснѣйшіе и богатѣйшіе города въ груды развалинъ, а въ сабинскомъ мѣстечкѣ Фиденахъ 20,000 человѣкъ были частію убиты, частію изувѣчены паденіемъ одного театра.

§ 217. Преемникъ его Каій Калигула (37—41), недостойный сынъ благороднаго Германика, былъ кровожадный, безумный тиранъ, который для собственнаго удовольствія подписывалъ и приказывалъ исполнять смертные приговоры, наслаждаясь муками и стонами истязаемыхъ; сумазбродный расточитель, предпринимавшій самыя нелѣпыя сооруженія и предававшійся самымъ безумнымъ потѣхамъ; тщеславный и высокомѣрный хвастунъ, праздновавшій пышные тріумфы надъ

Германцами и Британи, противъ которыхъ онъ лишь для вида предпринималъ походы, но которыхъ даже и не видалъ въ лице, и повелѣвшій дѣлать себѣ жертвоприношенія и воздавать божескія почести; обжора, который для своего роскошнаго стола истощалъ государственную казну и провинціи. Выведенные изъ терпѣнія безчисленными казнями, конфискаціями и грабежами, нѣкоторые знатные Римляне изъ числа придворныхъ составили заговоръ, вслѣдствіе котораго два начальника гвардіи убили безумнаго тиранна вмѣстѣ съ его супругою и ребенкомъ, а преторіанцы возвели на престолъ его дядю, слабаго Тиб. Клавдія (41—54), вытащивъ его дрожащимъ отъ страха изъ-за занавѣски, куда онъ спрятался, услыхавъ шумъ. Клавдій изучалъ себѣ древности, языкъ и исторію, а любимцы его (отпущенники Нарциссъ, Паллантъ и друг.) предавали между тѣмъ поруганію всякое право, судъ и законъ безсовѣстною продажею должностей и вымогательствомъ взятокъ, а супруга его Мессалина попирала ногами и нравственность, и приличія. Роскошный дворъ, утопавшій въ восточной пышности и нѣгѣ, гдѣ давали тонъ безстыдная женщина, принесшая въ жертву собственнымъ утѣхамъ и своей корысти благороднѣйшихъ людей (Аппія Силана, Аррію и мужа ея Пета, Валерія Азіатика), и праздные низко-поклонники безъ заслугъ и правилъ, долженъ былъ искоренить въ народѣ послѣдніе остатки нравственнаго достоинства. Мессалина такъ далеко простерла свое безстыдство, что не смотря на брачный союзъ свой съ императоромъ, публично и великолѣпно отпраздновала свою свадьбу съ однимъ молодымъ Римляниномъ. Когда разсорившіеся съ нею любимцы наконецъ открыли Клавдію постыдную жизнь его супруги и напугали его изображеніемъ предстоящихъ опасностей, онъ велѣлъ казнить Мессалину и потомъ женился на красивой и умной, но безнравственной и властолюбивой племянницѣ, Агриппинѣ, которая вскорѣ отдѣлалась ядомъ отъ падкаго до женщинъ мужа, чтобы возвести на престолъ, испорченнаго дурнымъ воспитаніемъ, сына своего отъ перваго брака, Клавдія Нерона.

Правленіе Клавдія замѣчательно двумя великими предпріятіями — прорытіемъ и укрѣпленіемъ (занесенной прежде пескомъ) гавани

Остіи и отводомъ Фуцинскаго озера посредствомъ громаднаго канала (эмиссарія), надъ которымъ одинадцать лѣтъ работали 30,000 человѣкъ. Устройство канала предпринято было съ цѣлью остановить наплывъ ила на окрестность и доставить земледѣлію довольно значительное пространство земли. Но это громадное предпріятіе далеко не принесло такихъ выгодъ, какъ сооруженіе гавани съ маякомъ и плотинами, далеко вдававшимися въ море.—Цецина Петъ былъ приговоренъ къ смерти за участіе въ заговорѣ противъ недостойнаго царскаго дома. Тогда отважная жена его Аррія подала ему примѣръ самоосвобожденія: она поразила себя кинжаломъ въ грудь и потомъ передала его мужу съ словами: «Петъ, это не больно!» Не смотря на всеобщій нравственный упадокъ, римское оружіе увѣнчалось побѣдами надъ внѣшними врагами. Мавританія была обращена въ римскую провинцію; въ Британніи совершены завоеванія, и въ Азіи (Арменіи) Домицій Корбулонъ возобновилъ военную славу древняго Рима.

§ 218. Внутренняя гнусность Нерона (54—68) вскорѣ положила конецъ той мягкости, которую онъ обнаружилъ въ началѣ своего правленія, изъ уваженія къ наставникамъ своимъ — философу Сенекѣ и начальнику гвардіи Бурру, и вовлекла его въ самыя изысканныя злодѣянія. Онъ, желавшій нѣкогда, при подписи смертнаго приговора, вовсе неумѣть писать, не только велѣлъ преслѣдовать, казнить и конфисковать имущества всѣхъ тѣхъ, въ комъ (какъ напр. въ Ѳразеѣ Петѣ) еще жила гражданская доблесть и древне-римскій духъ, но даже свирѣпствовалъ противъ самыхъ близкихъ своихъ родственниковъ, противъ своднаго брата Британника, отравленнаго за императорскимъ столомъ, противъ супруги своей Октавіи (дочери Клавдія) и противъ своей преступной, властолюбивой матери, которую велѣлъ потопить въ Баійской бухтѣ на устроенномъ для того нарочно кораблѣ, и которую лишилъ жизни чрезъ подосланныхъ убійцъ, когда не удался этотъ замыселъ. Онъ воспользовался также заговоромъ Кальпурнія Пизона, гдѣ былъ замѣшанъ республиканецъ по образу мыслей, поэтъ Луканъ (котораго эпопея Фарсалія, посвященная второй Междоусобной войнѣ, еще проникнута римскимъ духомъ), чтобы погубить не только его самого, но дядю его, а своего наставника, философа стои-

ческой школы Сенеку. Получивъ приказаніе умереть, Сенека самъ открылъ себѣ жилы. Подстрекаемый придворными льстецами и развратными женщинами (Поппея Сабина), тщеславный и чувственный Неронъ предался позорнѣйшимъ дѣламъ и неимовѣрнымъ безумствамъ. Театральныя представленія и сумазбродныя процессіи, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ съ своими паперсниками, переодѣтый въ пѣвца или игрока на цитрѣ, роскошные пиры и попойки (при которыхъ оказывали ему большія услуги префектъ преторіанцевъ Тигеллинъ и извѣстный своимъ остроуміемъ и занимательною бесѣдой распорядитель празднествъ Петроній Арбитеръ) и всякаго рода безсмысленныя траты поглощали государственные доходы и повели къ жесточайшему вымогательству. Влекомый прихотью къ искусству, онъ объѣхалъ провинціи съ нелѣпою торжественностью, принималъ побѣдные вѣнки отъ совершенно выродившихся и раболѣпныхъ Грековъ и предавалъ публичному позору сыновей первыхъ фамилій Рима, заставляя ихъ участвовать въ унизительномъ фиглярствѣ. Въ своей необузданной строптивости, деспотъ даже велѣлъ зажечь Римъ, чтобы съ балкона своего дворца воспѣвать пожаръ Трои, и потомъ, отклоняя отъ себя возбужденную этимъ ненависть народа, сложилъ всю вину на христіанъ[1], которые муками подъ мечемъ, на крестѣ и на кострахъ заплатили за эту прихоть злодѣя. Возобновленіе города въ болѣе красивомъ видѣ и «золотой дворецъ Нерона» на Палатинскомъ холмѣ еще усиливали гнетъ, пока накопившіяся во множествѣ злодѣйства не побудили, наконецъ, испанскіе и галльскіе легіоны къ возстанію. Когда же эти войска подошли къ столицѣ подъ начальствомъ Сервія Сульпиція Гальбы, Неронъ бѣжалъ въ одно помѣстье и, дрожа отъ страха, велѣлъ своему отпущеннику заколоть его (съ самохвальнымъ воскицаніемъ: «какого великаго поэта лишается во мнѣ міръ!»). Юлій Виндексъ, прежде другихъ поднявшій

[1] Въ то время христіанъ считали еще за іудейскую секту; Римляне ненавидѣли и презирали ихъ, какъ Іудеевъ, за религіозное отчужденіе и то опасливое отвращеніе, съ какимъ они избѣгали всякаго участія въ языческихъ обрядахъ. По преданію, жертвами перваго гоненія на христіанъ были, между прочими, Св. Апостолы Петръ и Павелъ.

въ Галліи знамя возстанія[1], не пережилъ своего заклятаго врага. Пораженіе его войска въ несчастномъ, происшедшемъ по недоразумѣнію дѣлѣ съ верхне-рейнскими легіонами, побудило его къ самоубійству.

§ 219. Гальба. Отонъ. Вителлій (68—70). Въ лицѣ Нерона пресѣкся домъ Августа. Ему наслѣдовалъ Гальба, открывшій собою рядъ государей, поставленныхъ солдатчиной. Но какъ этотъ строгій, скупой старикъ не удовлетворилъ алчности преторіанцевъ, то они провозгласили императоромъ Отона, убивъ Гальбу и назначеннаго имъ себѣ въ наслѣдники и соправители Пизона, безукоризненнаго юношу знатной фамиліи, у котораго тщетно старался перебить мѣсто страшно задолжавшій Отонъ. Въ это же время на Рейнѣ поднялся Вителлій, двинулся съ своими легіонами въ Италію и побѣдилъ войска своего противника близь По (при Бедріакѣ). Отонъ, нѣкогда участникъ въ потѣхахъ Нерона, возлюбленная котораго Поппея Сабина была его женою, сдѣлавшись императоромъ, обнаружилъ болѣе благородныя стремленія, и теперь, желая прекратить дальнѣйшее кровопролитіе, искупилъ свою многогрѣшную жизнь добровольною смертью. Многіе его приверженцы послѣдовали этому примѣру. Вителлій былъ грубый, пошлый гуляка, употребившій свое кратковременное правленіе на роскошные пиры и самыя возмутительныя вымогательства и взятки. Ожесточенные противъ него, сирійскіе и египетскіе легіоны провозгласили императоромъ своего храбраго вождя Флавія Веспасіана. Вскорѣ присоединились къ нимъ войска, стоявшія въ Мизіи, Далмаціи и Панноніи, вступивъ въ верхнюю Италію, разбили непріятельскую армію въ ночномъ сраженіи близь Кремоны, при чемъ этотъ красивый городъ поплатился за свою преданность къ Вителлію совершеннымъ опустошеніемъ. Когда Веспасіанъ двинулся къ Риму, Вителлій, облекшись въ траурное платье, со слезами отказался отъ престола и объ-

[1] Виндексъ, родомъ Галлъ, былъ пропреторомъ сѣверо-восточной галльской области, Секваніи. Во главѣ набраннаго изъ Галловъ войска, онъ сталъ поддерживать Гальбу и увлекъ за собою Л. Руфа Виргинія, начальника верхне-рейнскихъ легіоновъ; но войска, еще не зная о тайномъ соглашеніи начальниковъ, вступили въ бой, и Галлы потерпѣли пораженіе.

явилъ о своей готовности возвратиться въ частный бытъ. Но приверженцы его и стоявшія въ Римѣ войска воспротивились его отреченію и съ такою яростію напали на брата новоизбраннаго императора, городскаго префекта Фл. Сабина, бросившагося въ Капитолій, что великолѣпный храмъ Юпитера Капитолійскаго сдѣлался добычею пламени, а Сабинъ былъ убитъ, не смотря на заступничество Вителлія. Сынъ Веспасіана, Домиціанъ, скрылся, переодѣвшись жрецомъ Изиды, въ домѣ одного изъ преданныхъ кліэнтовъ своего отца.—Но вскорѣ дѣла приняли другой оборотъ. Едва успѣлъ Веспасіанъ подойдти къ стѣнамъ Рима, какъ шайка дикихъ солдатъ поспѣшила вытащить лѣниваго развратника Вителлія изъ его убѣжища въ какомъ-то углу дворца и убить его среди мукъ и оскорбленій; ему отрубили голову, а туловище багромъ стащили въ Тибръ. Вялый и отупѣвшій народъ, во время этихъ солдатскихъ неистовствъ, безчувственно предавался своимъ обычнымъ потѣхамъ, чувственнымъ удовольствіямъ и самому сумазбродному суевѣрію. Древне-римскіе знатные роды угасали одинъ за другимъ; всѣ, въ комъ сохранилась искра нравственнаго чувства и доблести, спѣшили изъ города въ Кампанскія помѣстья или добровольно избирали для себя какой-нибудь родъ самоубійства. Иные искали и находили опору и успокоеніе въ философскомъ ученіи стоиковъ (§§ 134, 224).

3. Флавіи и Антонины.

§ 220. Веспасіанъ (Титъ Флавій, 70—79), первый въ ряду хорошихъ императоровъ, строгостію возстановилъ военную дисциплину въ войскѣ и между преторіанцами, очистилъ сенатъ, удаливъ недостойныхъ его членовъ, улучшилъ судебную часть уничтоженіемъ судовъ, вѣдавшихъ оскорбленіе величества, бережливостію и порядкомъ въ сборѣ податей и таможенныхъ пошлинъ увеличилъ государственные доходы, и украсилъ возобновленный Римъ храмомъ Мира и большимъ амфитеатромъ, котораго колоссальныя развалины (колизей) доселѣ возбуждаютъ удивленіе всего міра. При этомъ онъ сообщилъ государству больше единства, даро-

вавъ и провинціаламъ возможность пріобрѣтать права сенаторовъ и всадниковъ и присоединивъ къ имперіи многія союзныя государства Азіи; онъ снова привелъ къ покорности, чрезъ посредство своего полководца Цереалиса, Батавовъ, Фризовъ и другіе германскіе народы, возставшіе подъ начальствомъ храбраго Клавдія Цивилиса и воодушевленные вѣщею Веледой; и расширилъ предѣлы имперіи покореніемъ Іудеи и Британніи. Будучи самъ простымъ, практическимъ человѣкомъ, Веспасіанъ уничтожилъ при дворѣ всякую роскошь, удалилъ изъ города толпу философовъ, астрологовъ и гадателей и поощрялъ только тѣ искусства и науки, которыя были полезны государству. При всей своей бережливости, доходившей иногда до скряжничества, онъ воздвигъ многія величественныя постройки и учредилъ обширныя заведенія.

Веспасіанъ ненавидѣлъ христіанъ и республиканцевъ; онъ поднялъ гоненіе на первыхъ, и сначала отправилъ въ ссылку, а потомъ казнилъ представителя послѣднихъ, смѣлаго Гельвидія Приска. Подобно своему тестю Ѳразеѣ Пету, человѣкъ твердаго характера, стоическаго и республиканскаго образа мыслей, Гельвидій Прискъ часто былъ въ тягость императору своею рѣзкою оппозиціей въ сенатѣ. — Присоединеніе нѣкоторыхъ союзныхъ государствъ къ Римской имперіи навлекло многія враждебныя столкновенія съ сопредѣльными дикими народами (Парѳянами, Кавказцами и др.).

а) Іудейская война. По смерти Иродова внука, Іудеею управляли римскіе прокураторы, тяжко угнетавшіе страну и оскорблявшіе народъ въ самыхъ завѣтныхъ его чувствахъ презрительною насмѣшкой и высокомѣріемъ. Самымъ тяжкимъ былъ гнетъ назначеннаго Нероном прокуратора Гессія Флора, соединявшаго алчность съ жестокостью и до того раздражившаго Іудеевъ, что руководимые національною партіею зелотовъ (т. е. «ревностныхъ»), они возстали на своихъ притѣснителей и принудили Римлянъ очистить Іерусалимъ. Но вскорѣ послѣдовала кара. Между тѣмъ какъ побѣдители водворили въ столицѣ господство ужаса, предавая смерти умѣренную партію и вѣроломно убивая римскихъ плѣнныхъ, Флавій Веспасіанъ выступилъ изъ Птолемаиды въ Іудею съ сильнымъ войскомъ. Съ отчаяннымъ мужествомъ бился ослѣпленный, раздираемый междоусобіемъ и смертельно ненавидимый язычниками народъ противъ легіоновъ Веспасіана; однако по взятіи горной крѣпости Іотапаты, храбро защищаемой

Іосифомъ, и послѣ одного страшнаго пораженія, въ которомъ легли 40,000 Іудеевъ, онъ принужденъ былъ ограничиться обороною одной столицы, которая, вслѣдствіе воцаренія Веспасіана, была осаждена уже сыномъ его Титомъ. Въ городѣ собралось множество народа и вскорѣ открылся ужаснѣйшій голодъ, который, въ соединеніи съ моровыми язвами и самогубительнымъ неистовствомъ партій, свелъ въ могилу тысячи народа. Напрасно человѣколюбивый полководецъ предлагалъ осажденнымъ пощаду; возложивъ надежду на Іегову, Іудеи продолжали войну съ прежнею яростью. Въ храмѣ защищались они отчаянно, до тѣхъ поръ пока, по взятіи всего города, это великолѣпное зданіе погибло наконецъ въ огнѣ, и смерть во всевозможныхъ видахъ стала свирѣпствовать между побѣжденными. Тогда послѣдовало совершенное разрушеніе Іерусалима (10-го августа 70 г.) и окончательное паденіе царства Іудейскаго. 11,000 Іудеевъ умерли добровольно или отъ голода; оставшіеся въ живыхъ частью были отправлены въ оковахъ на египетскія каменоломни, частію назначены для позорной гладіаторской службы, а все юношество моложе 17-ти лѣтъ подпало страшному жребію рабства. Говорятъ, что эта пятилѣтняя истребительная война поглотила болѣе милліона Іудеевъ. Въ числѣ плѣнныхъ, сопровождавшихъ тріумфальныя колесницы побѣдителей, находился іудейскій историкъ этой войны, Іосифъ, чудеснымъ образомъ спасшійся въ одной пещерѣ отъ гнѣва Римлянъ и губительной ярости своихъ соотечественниковъ, и посвятившій свой литературный талантъ и знакомство съ греко-римскою образованностію прославленію дѣяній и судебъ своего народа. Еще и теперь видны на тріумфальной аркѣ Тита въ Римѣ изображенія іудейскихъ святынь, которыя въ то время были перевезены во всемірную столицу, и отвращеніе живущихъ въ Римѣ Іудеевъ къ прохожденію подъ этою аркою до сихъ поръ свидѣтельствуетъ о глубокой ненависти, передаваемой ими по наслѣдству изъ рода въ родъ.—Страшенъ былъ гнетъ, которому подверглись уцѣлѣвшіе Іудеи подъ римскимъ владычествомъ; тѣмъ не менѣе, черезъ 60 лѣтъ по разрушеніи ихъ столицы, когда Адріанъ заложилъ языческую колонію на священной почвѣ Іерусалима, который съ тѣхъ поръ долженъ былъ получить названіе Эліи Капитолины, а на холмѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ Соломоновъ храмъ Іеговѣ, былъ построенъ храмъ Юпитера Капитолійскаго, Іудеи, увлеченые лже-мессіею (Баръ-Кохба), снова взялись за оружіе, чтобы отклонить отъ себя такое поруганіе. Послѣ трехъ-лѣтней убій-

ственной войны (122—135), въ которой истреблено больше полумилліона туземцевъ и почти всѣ города и мѣстечки разрушены до основанія, они должны были уступить римскому военному искусству. Оставшіеся въ живыхъ выселились поголовно, весь край сталъ похожъ на мрачную пустыню и іудейское государство исчезло безъ слѣда. Съ тѣхъ поръ Іудеи живутъ разсѣянные по всему міру, но не мѣшаясь съ другими народами и вѣрные своимъ обычаямъ, религіи и предразсудкамъ. Въ послѣдствіи позволяли изгнанникамъ, за извѣстную подать, плакать по одному разу въ годъ на развалинахъ ихъ священнаго города.

б) Британнія. Первыя завоеванія на островѣ, извѣстномъ со времени высадки Цезаря (§ 198), были сдѣланы при Клавдіи; но какъ Римляне, водворившіеся въ этомъ краѣ, жестоко и высокомѣрно поступали съ туземцами, то Бриты возстали подъ водительствомъ своей героини-царицы Боадицеи и, воодушевленные жрецами, въ кровавыхъ сѣчахъ оттѣснили Римлянъ къ морскому берегу; однако же потомъ, въ большомъ сраженіи, должны были уступить превосходству римскаго военнаго искусства и полководческому таланту Свѣтонія Пауллина. Въ порывѣ отчаянія Боадицея сама лишила себя жизни; жрецы были побиты, жертвенники сломаны, священныя рощи вырублены, При Веспасіанѣ удалось благородному Агриколѣ, тестю историка Тацита (§ 213), который и составилъ его жизнеописаніе, покорить Британнію до горъ Каледоніи (Шотландіи), завоевать островъ Мону (Ангельси), главный пріютъ кельтійскаго друидизма (§ 15), гдѣ находился наиболѣе чтимый, наполненный сокровищами храмъ ихъ, и своимъ умомъ, справедливостью и хорошимъ управленіемъ распространить мало-по-малу образованность и языкъ, нравы и учрежденія Римлянъ. Съ тѣхъ поръ Британнія около 400 лѣтъ оставалась подъ римскимъ владычествомъ. Цивилизація, къ благамъ и удовольствіямъ которой туземцы вскорѣ обнаружили нѣкоторую склонность, подорвала воинскую силу народа. Оттого ихъ отвыкшія отъ оружія руки впослѣдствіи такъ же мало могли противодѣйствовать нападеніямъ дикихъ Каледонцевъ (Пиктовъ и Скотовъ), какъ и Пиктская стѣна (укрѣпленный валъ), устроенная Адріаномъ.

в) Возстаніе Батавовъ. Возстаніе Батавовъ подъ начальствомъ испытаннаго въ бояхъ, знакомаго съ римскимъ воеустройствомъ Цивилиса, было вызвано негодованіемъ на притѣснительный наборъ батавской молодежи для римскаго войска и сдѣлалось чрезвычайно опаснымъ: во-первыхъ потому, что во главѣ движенія стоялъ умный и

храбрый полководецъ, умѣвшій воспользоваться усобицей между Веспасіаномъ и Вителліемъ; во-вторыхъ потому, что нижне-рейнскіе Германцы и Галлы подъ начальствомъ Юлія Сабина (см. ниже) и друг. были возбуждены къ участію въ возстаніи, такъ что на всемъ сѣверо-западѣ распространилось сильное броженіе. Кельнъ, Ветера и другія крѣпостцы на Рейнѣ были заняты возставшими. Но по разбитіи Требировъ при Бингенѣ, и обращеніи неладившихъ между собою Галловъ къ покорности и данничеству, большое пораженіе при Трирѣ, нанесенное Батавамъ Цереалисомъ, закончило войну и повело къ возстановленію прежняго порядка. Веледа умерла плѣнницею Римлянъ.

Юлій Сабинъ, предводитель галльскаго возстанія, принявшій уже императорскій титулъ, послѣ пораженія бѣжалъ въ свое помѣстье, и когда оно сгорѣло, всѣ думали, что и Сабинъ погибъ въ пламени. Но онъ самъ поджегъ помѣстье и съ умысломъ распространилъ слухъ о своей смерти, чтобы отклонить отъ себя дальнѣйшее преслѣдованіе. Впрочемъ, не смотря на опасность быть узнаннымъ, онъ все-таки остался въ Галліи изъ любви къ своей прекрасной женѣ Эпонинѣ, и укрывался въ одномъ подземельѣ, гдѣ вѣрная жена оберегала его девять лѣтъ; онъ даже провожалъ ее, переодѣтый, въ Римъ, когда она отправилась туда, стараясь выпросить мужу прощеніе. Но Веспасіанъ остался непреклоненъ, и когда тайное убѣжище Сабина случайно было открыто, жестокосердый государь, не тронутый такими свидѣтельствами любви и вѣрности, осудилъ на смертную казнь не только мужа, но и жену, раздражившую его своими упреками.

§ 221. Суровому, проникнутому древне-римскимъ духомъ Веспасіану наслѣдовалъ сынъ его Титъ (Флавій Веспасіанъ, 79—81), отбросившій послѣ своего воцаренія ошибки и грѣхи своей молодости и ставшій такимъ благороднымъ государемъ, что можно было назвать его «любовью и утѣхою человѣчества». Онъ велѣлъ бичами выгнать изъ Рима доносщиковъ и шпіоновъ и своею благотворительностію смягчилъ тяжкую участь, постигшую города Геркуланумъ, Помпеіи, Стабіи вслѣдствіе страшнаго изверженія Везувія [1], и Римъ

[1] Это изверженіе, при которомъ задохся отъ дыма любознательный естествоиспытатель Плиній Старшій, описано его племянникомъ, Плиніемъ Младшимъ, другомъ и панегиристомъ Траяна, въ двухъ письмахъ къ историку Тациту. Начатое сто лѣтъ тому назадъ разрытіе этихъ залитыхъ лавою городовъ, особенно города Помпеій, было въ высшей степени полезно для познанія древности и для развитія вкуса въ наше время.

—вслѣдствіе пожара и моровой язвы. Объ его художественномъ тактѣ доселѣ свидѣтельствуетъ величественныя развалины Титовыхъ бань. — Изъ снисхожденія къ предразсудкамъ римскаго народа, нелюбившаго чужеземокъ-императрицъ, онъ отослалъ обратно на родину свою супругу, іудейку Веренику.

Къ сожалѣнію, по кратковременномъ правленіи этого благороднаго государя, за нимъ слѣдовалъ жестокій братъ его, Домиціанъ (Титъ Флавій, 81—96), мрачный, ненавидѣвшій человѣчество тиранъ и малодушный развратникъ, до того посрамившій военную славу Рима, что послѣ позорнаго похода на Дунай, онъ купилъ миръ у Маркоманновъ и Даковъ цѣною ежегодной дани; это не помѣшало ему однако устроить великолѣпное побѣдное вшествіе въ Римъ, съ праздничными играми и тріумфальными арками. Помышляя лишь о боѣ животныхъ, гладіаторскихъ поединкахъ и грубыхъ удовольствіяхъ, онъ заглушалъ въ своей гордой, деспотической натурѣ всякое благородное движеніе, внималъ лишь злостнымъ донощикамъ, льстецамъ и шпіонамъ, и находилъ отраду въ пыткѣ и смертныхъ казняхъ. Море наполнилось ссыльными, говоритъ Тацитъ, подводные камни окрасились кровью убитыхъ, и въ самомъ Римѣ царствовалъ ужасъ. Постоянно преслѣдуемый и мучимый страхомъ и мрачною недовѣрчивостью къ людямъ, онъ наконецъ былъ убитъ въ собственномъ дворцѣ слугами и соучастниками его жестокостей и потѣхъ, по проискамъ пригожей и умной, но безнравственной жены своей Домиціи; а на престолъ былъ возведенъ престарѣлый сенаторъ кроткаго, чистаго нрава, Кокцеій Нерва (96—98). Онъ посильно старался залѣчить раны, нанесенныя Домиціаномъ. Узники были освобождены изъ темницъ, и ссыльные возвратились на родину. Чтобы обуздать все болѣе и болѣе дичавшихъ преторіанцевъ, онъ усыновилъ дѣятельнаго Испанца Ульпія Траяна (98—117), какъ бы созданнаго на царство по своей величественной осанкѣ и геройскому характеру. Траянъ заслужилъ внутреннимъ управленіемъ прозваніе Наилучшаго (Optimus), а своими военными дѣлами—славу величайшаго императора. Онъ заботился о безпристрастномъ отправленіи правосудія, возвратилъ сенату нѣкото-

рую власть, основалъ заведенія для воспитанія и призрѣнія (сиротскій домъ), облегчилъ торговлю и сообщенія устройствомъ большихъ дорогъ, каналовъ, мостовъ и гаваней (Чивита Веккіа) и учрежденіемъ почтъ, украсилъ Римъ храмами, тріумфальными арками, колоннадами, публичною библіотекой и новымъ форумомъ [1] (рынкомъ). Онъ уважалъ образованность и любилъ сближаться съ умными людьми, въ родѣ историка Тацита. Оратора и государственнаго человѣка Плинія Секунда (Младшаго) сдѣлалъ онъ консуломъ и потомъ назначилъ намѣстникомъ въ Виѳинію, за что тотъ выставилъ высокія качества и дѣятельность своего царственнаго друга въ торжественной благодарственной рѣчи (панегирикѣ, § 234). Образъ жизни Траяна былъ простъ, его обстановка чужда роскоши и придворной натяжки; но и онъ въ послѣдствіи сталъ угождать грубымъ вкусамъ римскаго народа, устроивая великолѣпныя гладіаторскія игры и бои звѣрей.

Свои завоевательные походы Траянъ направилъ сначала противъ при-дунайскихъ странъ (104—106), гдѣ онъ побѣдилъ воинственныхъ Даковъ, или Гетовъ, принудилъ геройскаго царя ихъ Децебала и знатнѣйшихъ князей выбрать для себя родъ смерти и учредилъ провинцію Дакію въ болотистыхъ, но плодоносныхъ краяхъ по сѣверному берегу Дуная (Валахіи, Седмиградіи и нижней Венгріи). Эта область, заселенная многочисленными колонистами и соединенная съ имперіею каменнымъ мостомъ черезъ Дунай, вскорѣ усвоила себѣ римскій языкъ, образованность и учрежденія. На Востокѣ воевалъ онъ съ Парѳянами, овладѣлъ городами ихъ: Вавилономъ, Селевкіей и Ктесифономъ, и раздвинулъ границы имперіи за Евфратъ обращеніемъ Арменіи, Ассиріи и Месопотаміи въ римскія провинціи. Даже сѣверная Аравія должна была испытать на себѣ силу его оружія. Увлеченный этими завоеваніями, онъ уже замышлялъ повторить индійскій походъ Александра, какъ вдругъ смерть по-

[1] Сооруженная на этой площади Траянова колонна съ барельефнымъ изображеніемъ императорскихъ походовъ на лицевой сторонѣ и съ колоссальною статуею императора на вершинѣ, послужила образцомъ Марку Аврелію при сооруженіи Антониновой колонны въ память войны съ Маркоманнами и Наполеону при сооруженіи Вандомской колонны въ Парижѣ.

стигла его въ Киликіи и доставила престолъ его родственнику и земляку Элію Адріану. Прахъ императора былъ отвезенъ въ Римъ и положенъ подъ Траяновой колонной.

Десятинный край (Decumates agri). Полоса, отъ истоковъ Дуная до верхняго Рейна (Шварцвальдъ), была уступлена галльскимъ и германскимъ поселенцамъ съ условіемъ платить за то десятую часть хлѣба, плодовъ и скота (отсюда десятинный край), и въ послѣдствіи защищена рвомъ и частоколомъ, или пограничнымъ валомъ (отъ Майна черезъ Якстъ и Кохеръ до Дуная у Зигмарингена). Вмѣстѣ съ римскою образованностью проникла въ этотъ край и нравственная порча, лишившая его обитателей воинской доблести ихъ предковъ. Богатырскія руки ихъ отвыкли отъ войны и ослабѣли, благодаря тому, что римскіе легіоны въ теченіе двухъ столѣтій отражали за нихъ всѣ непріятельскія нападенія. Оттого, когда при переселеніи народовъ, римское военное искусство должно было уступить германской мощи, Десятинный край съ сосѣдственными землями Гельвеціи и Галліи подпалъ владычеству воинственныхъ Аллемановъ, которыхъ неукротимую отвагу не могли сдержать на долго ни энергическій Юліанъ (§ 236), ни суровый Валентиніанъ (заложившій укрѣпленный валъ между Рейномъ и Неккаромъ и отведшій въ сторону одинъ изъ рукавовъ послѣдней рѣки). Нынѣшнее великое герцогство Баденское и значительная часть Виртембергскаго королевства принадлежали къ Десятинному краю и усвоили себѣ римскую образованность и римскія учрежденія. Это видно отчасти изъ памятниковъ и древностей, найденныхъ въ землѣ (алтарей, надписей, сосудовъ, колонъ, оружія, утвари, монетъ и пр.), отчасти изъ развалинъ древнихъ зданій и укрѣпленій въ городахъ, возникшихъ въ то время. Къ числу такихъ городовъ принадлежатъ, кромѣ главныхъ пунктовъ на Рейнѣ, Аугстъ (нынѣ Базель), Страсбургъ, Шпейеръ, Майнцъ и друг., особенно Констанцъ и Брегенцъ при Боденскомъ озерѣ, Баденвейлеръ и Баденъ-Баденъ (въ древности Aquae Aureliae) на предгоріяхъ Шварцвальда, Ладенбургъ при Неккарѣ и другія мѣста.— Огражденный такимъ образомъ край почти триста лѣтъ былъ лишенъ германской свободы, какъ данническая область Рима, но подъ защитою и опекою Римлянъ научился земледѣлію и временно пріобрѣлъ утонченный образъ жизни, тогда какъ другія, соплеменныя ему страны оставались чужды того и другаго въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія. Римляне не только превращали

очень скоро слабо-населенныя варварами пустыни въ цвѣтущія провинціи, не смотря на непрерывныя непріятельскія вторженія, и строили тамъ муниципальные города съ рынками, храмами, театрами, судебными мѣстами, водопроводами, банями, со всею роскошью своей за-альпійской родины, соединяли новыя поселенія отличными дорогами и мостами, и перерождали остатки осѣдлыхъ тамъ варваровъ въ настоящихъ Римлянъ по нравамъ, языку и понятіямъ: они умѣли притомъ вѣрно подмѣчать естественныя свойства новой провинціи и пользоваться ими съ величайшимъ разсчетомъ. Они искусно пересаживали свои плодовыя деревья, хлѣбныя растенія и овощи подъ чужое небо и, наоборотъ, высылали въ свою столицу свойственныя той или другой мѣстности полевыя и лѣсныя произведенія, даже напримѣръ рѣпу; они искусственно орошали луга и поля, и заставляли пустыню давать неизвѣстный ей дотолѣ плодъ или овощъ; они изслѣдовали ручьи и потоки для добыванія новыхъ родовъ вкусной рыбы и приручали домашнихъ животныхъ; они докапывались до металловъ и соляныхъ источниковъ, вездѣ находили прочнѣйшій камень для казенныхъ и частныхъ построекъ, употребляли предпочитаемые и до сихъ поръ крѣпчайшіе роды жернововъ (лаву) для своихъ мельницъ и самую вязкую глину для выдѣлки кирпича; они проводили каналы, направляли теченіе водъ, и въ странахъ, которыя, подобно при-мозельскому краю, изобиловали мраморомъ, строили пильныя мельницы для обработки камня; ни одинъ цѣлебный источникъ, ни одинъ горячій ключъ, столь желанные для изнѣженныхъ обитателей юга, не ускользали отъ ихъ вниманія; отъ Ахена до Висбадена, отъ Баденъ-Бадена до Бадена въ Швейцаріи, отъ Партенкирха (Партанума) въ Ретійскихъ Альпахъ до Бадена близъ Вѣны, воспользовались они этимъ даромъ богатой природы, собирая источники въ искусственные водоемы, обстроивая ключи красивыми колоннадами и залами, украшая ихъ изваяніями и надписями, которыя доселѣ съ изумленіемъ выкапываетъ изъ земли потомство; даже удостоивали своего вниманія скудное искусство туземцевъ, чтобы и его пускать въ дѣло на удовлетвореніе своихъ потребностей. Римскій языкъ и римская образованность пустили глубокіе корни и въ при-дунайскихъ краяхъ. Такіе города, какъ Виндобона (Вѣна), Карнунтумъ (С-тъ Петронелль), Мурса (Эссекъ), Таврунумъ (Землинъ), особенно Сирміумъ (на западъ отъ Бѣлграда), и потомъ ниже Наиссъ (Нисса), Сардика (Софія), Никополь близъ Гема, и весь богатый «Дунайскій трактъ» заставляютъ предполагать

здѣсь такой общественный бытъ, который по своей полнотѣ и значенію быть-можетъ оставлялъ за собой даже при-рейнскую границу.

§ 222. Адріанъ, государь миролюбивый, больше заботился о защитѣ, чѣмъ о расширеніи предѣловъ, и потому отказался отъ завоеваній своего предшественника на Востокѣ. Онъ былъ человѣкъ высоко-образованный и способный къ благороднымъ порывамъ, хотя тщеславіе и самомнѣніе дѣлали ему пріятнымъ опасный ядъ лести, а зависть, недовѣріе и пресыщеніе жизнію привели его подъ-конецъ къ жестокостямъ. Его любовь къ знаніямъ и къ искусству вызвала въ Римѣ новую цвѣтущую эпоху литературы и художества и побудила его предпринимать далекія многолѣтнія путешествія на востокъ (въ Грецію, Азію, Египетъ, гдѣ утонулъ его любимецъ, красивый Антиной, прославленный во многихъ произведеніяхъ искусства) и на западъ (въ Галлію, Испанію, Британнію и при-рейнскіе края). Къ этимъ путешествіямъ, съ немноголюдною свитой и по большой части пѣшкомъ, побуждался онъ какъ своею безпокойною натурой и любознательностью, такъ и желаніемъ ознакомиться съ нуждами провинцій и по возможности улучшить ихъ положеніе. — Адріанъ уважалъ сенатъ и заботился о безпристрастномъ отправленіи правосудія. Адріанова стѣна въ Британніи (§ 220. б.), колонія Эліа Капитолина на мѣстѣ разрушеннаго Іерусалима (§ 220 а), многія художественныя работы въ Аѳинахъ, гдѣ ему особенно понравилось во время его путешествій, свидѣтельствовали о многосторонней дѣятельности этого императора.

Любовь его къ искусству всего болѣе обнаруживаютъ, кромѣ водопроводовъ, мостовъ, храмовъ и т. п., сооруженныхъ имъ въ Римѣ, Аѳинахъ и другихъ городахъ, его превосходная, еще въ развалинахъ замѣчательная вилла близъ Тиволи съ своими великолѣпными садами и множествомъ построекъ и художественныхъ сокровищъ, и величественный мавзолей, замокъ Адріана (нынѣ Ангела) въ Римѣ; а любовь его къ наукѣ, причемъ онъ, конечно, впадалъ и въ астрологическія бредни, въ суевѣрныя гаданія, доказываютъ писатели и философы, жившіе при дворѣ его. Изъ нихъ былъ особенно замѣчателенъ его наставникъ, Грекъ Плутархъ (ок. 100, ум. 120), авторъ многочисленныхъ сочиненій философскаго и религіознаго, антиквар-

наго и историческаго содержанія, изъ которыхъ всѣхъ болѣе извѣстны и важны Сравнительныя жизнеописанія греческихъ и римскихъ полководцевъ и государственныхъ людей, преимущественно способныя пробуждать восторгъ къ славнымъ дѣяніямъ и удивленіе къ доблестямъ древнихъ героевъ. Долгое пребываніе императора въ Аѳинахъ, посреди льстивыхъ Грековъ, и въ Египтѣ, у лицемѣрныхъ жрецовъ и мистиковъ, способствовало развитію въ немъ не одной любви къ искусству, но вмѣстѣ и тщеславія, а также дало новую пищу его склонности къ мечтательному суевѣрію и таинственнымъ ученіямъ. Характеръ и царствованіе Адріана состояли изъ страннаго смѣшенія хорошаго съ дурнымъ, разумнаго управленія съ нелѣпыми причудами, мягкости съ несправедливою жестокостью, образованія, вкуса и заботы о наукѣ съ суевѣріемъ и покровительствомъ педантамъ и мнимо-глубокомысленнымъ обманщикамъ. При Адріановомъ пристрастіи ко всему греческому, самое благосклонство его духовнымъ стремленіямъ въ сущности не было полезно для римской литературы; онъ навязалъ послѣдней свой испорченный вкусъ и совершенно приковалъ ее къ судьбѣ приходившаго въ упадокъ государства, а склонность его къ многознанію, тайноученію и восточному мистицизму доставляла почетъ и уваженіе фразерамъ и напыщеннымъ софистамъ. Риторъ Иродъ Аттикъ жилъ по-княжески, Корнелій Фронтонъ, изъ Цирты (въ Африкѣ), считавшійся знаменитѣйшимъ ораторомъ временъ имперіи, пользовался расположеніемъ Адріана и Антониновъ, а знатокъ древности Фаворинъ, изъ Галліи, былъ самымъ сильнымъ человѣкомъ при императорскомъ дворѣ.

Усыновленникъ Адріана, прямодушный, доброжелательный и гуманный Антонинъ Благочестивый (Pius), былъ украшеніемъ трона императоровъ (138—161). Держась того правила, что «лучше сохранить одного гражданина, чѣмъ погубить тысячу враговъ», онъ избѣгалъ войны, чтобы посвящать всю свою заботливость мирнымъ искусствамъ. Правосудіе, учебныя заведенія и бѣдные пользовались особеннымъ его покровительствомъ, такъ что правленіе его можно назвать золотымъ вѣкомъ Римской имперіи. Преемникъ его Маркъ Аврелій Антонинъ Философъ (161—180) одинаково отличился въ мирѣ и на войнѣ. То былъ «мудрецъ на тронѣ», соединявшій любовь и способность къ образованію и наукѣ съ стоическою добродѣтелью, съ строгостью нравовъ, съ дре-

вне-римскою простотою и навыкомъ къ лишеніямъ и труду. Подобно своему предшественнику, онъ усердно заботился о правосудіи и образованіи, и даже среди воинскихъ и многосторонних практическихъ трудовъ своей необычайно-дѣятельной жизни, находилъ досугъ сосредоточиваться и писать сочиненіе, исполненное философскихъ размышленій автора о самомъ себѣ. Подъ его покровительствомъ въ Аѳинахъ снова зацвѣлъ разсадникъ образованности. Человѣкъ нравственныхъ правилъ, Маркъ Аврелій велъ воздержную жизнь, въ противуположность принятому имъ въ соправители, усыновленному брату— Луцію Веру и своей супругѣ императрицѣ Фаустинѣ, недостойной дочери кроткаго Антонина, которые оба предавались сладострастію, роскоши и самымъ низкимъ чувственнымъ удовольствіямъ. При этомъ, онъ возобновилъ военную славу древняго Рима. Онъ храбро защищалъ восточную границу имперіи противъ Парѳянъ и овладѣлъ городомъ ихъ Селевкіей; въ «Маркоманнской войнѣ», онъ отбросилъ за Дунай германскіе народы, составившіе между собою большой союзъ и уже проникшіе до самыхъ границъ Италіи, разбилъ воинственныхъ Маркоманновъ на льду замерзшей рѣки, а Квадовъ—въ ихъ собственномъ краѣ, и выпудилъ у нихъ миръ, который однако вскорѣ былъ нарушенъ новымъ возстаніемъ. Послѣднее еще не было подавлено, когда Маркъ Аврелій, изнуренный трудами и болѣзнію, скончался въ Виндобонѣ (Вѣнѣ). Преемникъ его поспѣшнымъ заключеніемъ мира обнаружилъ передъ смѣтливыми Германцами слабость по-дунайской границы. При Маркѣ Авреліи постигли Италію тяжкія испытанія: землетрясеніе, моровая язва и другія бѣдствія.

Сочиненіе Марка Аврелія: «Къ самому себѣ», есть собраніе размышленій, сентенцій и общихъ мѣстъ, которыя, хотя и заключаютъ въ себѣ много благороднаго и хорошаго, хотя и свидѣтельствуютъ о добрыхъ правилахъ и стремленіяхъ сочинителя, однако слишкомъ отзываются школой и доказываютъ, что императоръ почерпнулъ свои мысли не изъ свѣжей, полной одушевленія жизни и теплаго сердца, а изъ поученій и правилъ стоической философіи.

4. Образованность и литература послѣднихъ временъ язычества.

§ 223. Какъ у Грековъ, такъ и у Римлянъ, съ величайшимъ нравственнымъ упадкомъ соединялась самая высокая образованность. Искусствомъ и науками занимались при императорскомъ дворѣ, ихъ лелѣяли и поощряли во дворцахъ богачей, и всѣ сословія принимали въ томъ участіе. Торговля и городскія ремесла процвѣтали; благосостояніе и образованность вызвали житейскія наслажденія; красивые, изящно отдѣланные дома и густо населенные города свидѣтельствовали о внѣшнемъ благоденствіи. Въ Римѣ и важнѣйшихъ провинціальныхъ городахъ учреждались учебныя заведенія для распространенія образованности. Остатки сооруженій, большихъ дорогъ, мостовъ и т. п., которымъ мы и теперь еще удивляемся не только въ Италіи, но и во многихъ провинціальныхъ городахъ (Трирѣ, Нимѣ, Арлѣ и друг.), статуи, гробницы (саркофаги) и алтари съ барельефами и надписями, глиняные и мѣдные сосуды (вазы) изящной формы, отрываемые изъ земли, громадные водопроводы, все говоритъ о далеко распространенномъ искусствѣ и высокой культурѣ древнихъ народовъ во времена имперіи. Образованность Востока и греческаго міра слилась тогда въ Римѣ, и оттуда растекалась по Западу и отдаленнѣйшимъ провинціямъ. Римскіе города въ Испаніи, Галліи, Британніи, на Рейнѣ и на Дунаѣ были дѣятельными разсадниками гражданственности и смягченія нравовъ между покоренными народами, которые все болѣе и болѣе принимали римскій характеръ, отвыкая отъ своихъ національныхъ особенностей. Но такъ какъ эта образованность была лишь чужеземнымъ растеніемъ, то ей недоставало одушевляющей и возвышающей внутренней силы; она коснулась лишь поверхности и выровняла ее, но не проникала въ сердце. Нравственность, благородство души и твердость характера не получили при этомъ никакого значенія. Во дворцахъ богачей сіяли ослѣпительнымъ великолѣпіемъ домашняя утварь и убранство, драгоцѣнные ковры, изящныя вазы и украшенія, и люди предавались безмѣрно всевозможнымъ чувственнымъ удовольствіямъ, особенно излишествамъ стола. Все, что только производили вкуснаго земля и море, поступало на кухни и въ погреба римскихъ богачей. Мы даже имѣемъ сочиненіе Целія Апиція о римскомъ поваренномъ искусствѣ. Народъ, уже не укрѣпляемый въ си-

женія и правильностью стиля; злодѣйства, ужасы и пороки, выставляемые имъ въ безпощадной наготѣ, изящно отдѣланными стихами, не возбуждаютъ въ немъ нравственнаго отвращенія, а только подстрекаютъ его остроуміе и насмѣшливость. — «Сатириконъ» Петронія (неизвѣстно, того ли Петронія, который былъ распорядителемъ Нероновскихъ празднествъ) нѣчто въ родѣ романа, гдѣ съ необыкновеннымъ талантомъ, неизчерпаемымъ остроуміемъ и изумительною тонкостію слова, описаны позорнѣйшія забавы и пороки двора. Въ этой книгѣ о необузданной безнравственности говорится съ легкомысленною насмѣшкой.— Къ числу остроумныхъ и талантливыхъ сатириковъ, но чуждыхъ добродѣтели, стыда и нравственна годостоинства, принадлежитъ авторъ «эпиграммъ» Валерій Марціалъ, переселившійся неизвѣстнымъ бѣднякомъ изъ испанскаго города Бильбилиса въ столицу, чтобы погрѣться при блескѣ Домиціанова двора, но возвратившійся на родину разочарованнымъ и по прежнему бѣднымъ, послѣ испытанной въ Римѣ долголѣтней нужды и всякихъ лишеній. Изъ-подъ пера его легко и безъ напряженія выливались стихи, но безпокойный духъ Марціала не находилъ себѣ удовлетворенія, ибо генію его, чрезвычайно зорко подмѣчавшему тогдашніе пороки и недостатки, только отчасти дано было вѣрно воспроизводить задуманные образы. Нужда и разсчетъ побудили его избрать предметомъ своей шутки однѣ личныя смѣшныя стороны или совершенно общія несообразности; ему не было суждено бичевать существующія политическія обстоятельства. Оттого шутка его всегда мѣтка и остроумна, его очерки вѣрны и окончены, но чтобы постоянно интересовать свою публику, чтобы еще болѣе раздражать пресыщенный вкусъ царедворцевъ, онъ долженъ былъ спускаться въ страшную глубину отвратительнаго и вносить въ область поэзіи грязный скандалъ. И когда онъ нагло льститъ, когда изъ-за куска хлѣба сплетаетъ безчисленные лавры тѣмъ самымъ людямъ, которыхъ внутренно презираетъ или ужасается, когда голодъ заставляетъ его насиловать свой талантъ для воздаванія ложныхъ поклоненій, то мудрено ли, что чудовищныя преувеличенія и неестественность поражаютъ у него самымъ непріятнымъ образомъ. Лукіанъ, изъ сирійскаго города Самосаты, при всей своей бѣдности посвятилъ себя философіи и краснорѣчію, совершилъ большія путешествія по важнѣйшимъ областямъ Римской имперіи, и преподаваніемъ краснорѣчія пріобрѣлъ такое значительное состояніе, что могъ спокойно жить въ Аѳинахъ, исключительно зани-

маясь науками и собственными литературными трудами. Утрата состоянія побудила его вступить на службу при Антонинахъ; онъ получилъ судейское мѣсто въ Египтѣ, и занималъ его до самой смерти. Въ своихъ многочисленныхъ сатирическихъ и философскихъ сочиненіяхъ, которыя большею частію были облечены въ легкую, пріятную форму разговора и написаны простымъ, чистымъ языкомъ, онъ осмѣиваетъ съ неистощимою веселостью и мѣткимъ остроуміемъ недостатки и несообразности своего времени, но преимущественно религіозное суевѣріе какъ язычниковъ, такъ и христіанъ, причемъ легкомысленная насмѣшка его не различаетъ содержанія отъ формы, сущности отъ ея искаженія. Ему чужды почтеніе къ древности и ея поэзіи, уваженіе къ народнымъ вѣрованіямъ, пониманіе глубокаго смысла, присущаго евангельскому ученію. Этому умному и веселому собесѣднику знатныхъ кружковъ, предпочитавшему веселую жизнь праведной кончинѣ, казалась смѣшною тихая, воздержная жизнь первыхъ христіанскихъ общинъ, принадлежавшихъ къ низшимъ сословіямъ. Въ равной степени изливаетъ онъ свою насмѣшку на нравственный упадокъ и пустую, суетную жизнь большихъ городовъ, на раболѣпство и тщеславіе ученыхъ и философовъ, у которыхъ всегда на языкѣ избитыя правила и сентенціи ихъ учителей, и которые придаютъ больше важности внѣшнему виду, бородѣ и мантіи философа, чѣмъ правиламъ жизни; извращенный способъ воспитанія также былъ предметомъ его остроумныхъ нападокъ, при чемъ онъ постоянно имѣлъ въ виду не только доставить читателю удовольствіе веселою и умною бесѣдой, но и вызвать улучшеніе. Однакожь улучшенія не послѣдовало; осмѣянные имъ пороки и безразсудства остались господствующими, а легкомысленный тонъ, съ которымъ онъ относился даже къ тому, что было священно и достойно уваженія, поколебалъ послѣднія основы языческой религіи, нравственности и серьёзнаго образа мыслей.

§ 224. Люди благоразумные и здравомыслящіе очень хорошо понимали нравственный упадокъ и порчу своего временй и старались возстановить степенность, простоту, строгость нравовъ и крѣпость тѣла помощію стоической философіи (§ 134); но изнѣженное поколѣніе охотнѣе примыкало къ Эпикурову ученію, признававшему удовлетвореніе чувственности и честолюбія за цѣль кратковременной жизни человѣка. Строгій стоицизмъ, побудившій благороднаго Марка Аврелія написать его сужденія о самомъ себѣ и сообщавшій

республиканскій образъ мыслей своимъ послѣдователямъ, вскорѣ сталъ ненавистенъ порочнымъ и деспотическимъ императорамъ. Тѣмъ больше приверженцевъ находила въ третьемъ столѣтіи, чуждавшаяся дѣйствительной жизни, неоплатоническая философія какого-нибудь Плотина, Лонгина и др., которая соединяла въ себѣ восточное глубокомысліе, предразсудки и вѣру въ чудесное съ системою Платона, порабощала духъ сумасброднымъ мистицизмомъ, наполняла воображеніе фантастическими представленіями и грезами, и замѣняла практическую мудрость древняго Рима бездѣйственною созерцательностью Востока. Этотъ переходъ отъ дѣятельной жизни къ тихому уединенію ученаго кабинета обнаружился и въ другихъ отрасляхъ литературы. Вмѣсто прежнихъ ораторовъ, слѣдовавшихъ внушеніямъ сердца, явились теперь риторы, которые, какъ Квинтиліанъ († 118), учили ораторскому искусству лишь по правиламъ и предписаніямъ; вмѣсто древнихъ драмъ, назначенныхъ для сцены, Анней Сенека (неизвѣстно философъ ли, или другой) писалъ трагедіи для чтенія, въ которыхъ рядомъ съ нѣкоторыми высокими мѣстами господствуютъ неестественность, преувеличенія и риторская напыщенность; вмѣсто здравой поучительной исторіи, Курцій написалъ исполненное вымысла и риторски разукрашенное сочиненіе о жизни и дѣяніяхъ Александра Великаго; а прелести сельской жизни и преимущества земледѣлія, отъ которыхъ давно отвыкло выродившееся племя, нашли себѣ знаменитаго поборника въ лицѣ Колумеллы. Поэзія исчезла изъ жизни и литературы; зато грамматисты и комментаторы занимались объясненіемъ древнихъ классическихъ поэтовъ и писателей, старались спасти завѣщанное прошлымъ сокровище — словесность — отъ упадка и гибели, и пользовались готовою литературой для составленія сборниковъ и извлеченій смѣшаннаго содержанія.—Источники права, законы, судебныя рѣшенія и приговоры были теперь собраны, приведены въ порядокъ и объяснены, юридическія понятія разработаны, и такимъ образомъ положено начало наукѣ римскаго права, поставленной въ третьемъ вѣкѣ на высшую степень процвѣтанія — Папиніаномъ, Ульпіаномъ и Павломъ. Въ медицинѣ Галенъ (150) привелъ въ систематическій порядокъ опыты Гиппократа и друг. Для географіи древняго міра особенно важны труды Страбона и Птолемея (170), основателя планетной системы, господствовавшей во все продолженіе Среднихъ Вѣковъ (по этой системѣ, солнце и планеты вращаются вокругъ неподвижной земли), а объ искусствѣ, религіи и памят-

никахъ вымиравшей древности, Павзаній оставилъ драгоцѣнныя свѣдѣнія въ своемъ поэтически-изукрашенномъ путешествіи по Греціи. Испанецъ Помпоній Мела, жившій вѣроятно при Клавдіи, тоже написалъ географическій очеркъ Римской имперіи.

Риторика. Фаб. Квинктиліанъ (42 — 118), преподаватель краснорѣчія при Веспасіанѣ, человѣкъ съ благороднымъ характеромъ, но удрученный домашнимъ горемъ, написалъ многохваленое наставленіе въ краснорѣчіи, или основанную на нравственныхъ началахъ энциклопедію всей совокупности риторическихъ знаній, въ которой привлекательно изложены сущность истиннаго краснорѣчія и средства его достигнуть. — Еще прежде, жившій при Тиберіи Испанецъ Маркъ Анней Сенека, Риторъ (31 до Р. Х. — 37 по Р. Х.), составилъ «записки о жизни и мнѣніяхъ» древнѣйшихъ ораторовъ. Сынъ его былъ наставникъ Нерона, замѣчательный какъ ораторъ и стоическій философъ, человѣкъ весьма даровитый и умный, но въ жизни измѣнявшій своимъ убѣжденіямъ. Проповѣдуя, въ многочисленныхъ философскихъ сочиненіяхъ, строгую нравственность, преимущество внутреннихъ благъ передъ земными и достоинство добродѣтели, основанной на философскихъ началахъ, онъ предавался самымъ низкимъ порокамъ и страстямъ, корысти, сластолюбію и тщеславію, и былъ льстецомъ и угодникомъ знати. Вліяніе его сочиненій было очень велико, что̀ объясняется какъ содержаніемъ, такъ и формою ихъ. Сенека создалъ новый родъ словесности, гнавшійся за приторною, дидактическою краткостью и торжественностью. Отъ вялаго и тупаго изложенія, отличавшагося пустозвонною декламаціей, онъ перешелъ къ изложенію слишкомъ перехитренному, рѣзкому, сжатому и неудобопонятному. Если девять извѣстныхъ подъ его именемъ трагедій, съ лирическими хорами въ подраженіе Софоклу и Эврипиду, написаны не философомъ, а другимъ Сенекой, онѣ тѣмъ не менѣе обработаны въ его духѣ и по его манерѣ. Это большею частію пустыя декламаціи, безъ знанія характеровъ и нравовъ, безъ всякаго художественнаго достоинства и плана, но тѣмъ обильнѣе переполнены онѣ безцвѣтными разсужденіями и поученіями стоической философіи и мыслями, раздутыми до совершенной пустоты. При Антонинахъ, пользовавшійся большою извѣстностью риторъ Корн. Фронтонъ пытался умѣрить напыщенность въ краснорѣчіи, и возстановить простоту классическихъ временъ. — Римское правовѣдѣніе достигло высшей степени своего развитія въ первыя два столѣтія имперіи. Научное направленіе

юристовъ, обнаружившееся еще въ послѣднія времена республики, съ каждымъ днемъ становилось все глубже и основательнѣе, чему много способствовало то, 1) что императоры, при назначеніи въ разныя общественныя должности, обращали большое вниманіе на юридическія познанія, а это сообщало изученію права высшій интересъ; 2) что высшія, образованнѣйшія сословія, были вынуждены тогдашними обстоятельствами удалиться отъ публичной, прежде столь бурной жизни, и потому стали болѣе заниматься наукой, преимущественно правомъ; 3) что государственныя соображенія побуждали заботиться объ успѣшнѣйшемъ преподаваніи права чрезъ основаніе юридическихъ школъ и библіотекъ. Оттого юристовъ этой эпохи по преимуществу называютъ класическими. Особенно процвѣтало законовѣдѣніе въ теченіе ста лѣтъ отъ Адріана до Александра Севѣра, такъ что большая часть Пандектовъ (§ 250) заимствована изъ этой главной эпохи въ римской юридической литературѣ. Къ числу знаменитѣйшихъ правовѣдовъ принадлежали, кромѣ троихъ Сабиніанцевъ: Сальвія Юліана, Секст. Помпонія и Гаія, въ особенности префекты преторія Папиніанъ (при Септ. Севѣрѣ), Домицій Ульпіанъ и Юлій Павлъ (при Алекс. Севѣрѣ). Направленіе и методъ ихъ были преимущественно практическіе; въ юридическихъ сочиненіяхъ главнымъ образомъ имѣлось тогда въ виду только сопоставить и привести въ порядокъ дѣйствующее право, точно опредѣлить и выяснить смыслъ постановленій или отдѣльныхъ выраженій въ законахъ, и правильно развить заключенія, вытекающія изъ данныхъ началъ. — Юристы этой эпохи сильны не столько въ логическомъ изложеніи и философской разработкѣ матеріала, сколько въ діалектической ловкости и проницательности при анализѣ и обсужденіи данныхъ вопросовъ, случаевъ и отношеній. Значительнѣйшіе изъ нихъ были приверженцами стоической философіи, которая поэтому имѣла столь же сильное вліяніе на римское правовѣдѣніе, какъ философія Гегеля — на нѣмецкое.

Исторіографія: а) Латинская. Изъ историковъ временъ имперіи, кромѣ упомянутаго выше Курція Руфа, баснословно преувеличившаго великія дѣянія Александра громкими фразами, высокопарными описаніями и затѣйливою декламаціей, и не обнаружившаго въ этомъ сочиненіи ни стремленія къ истинѣ, ни знаній, замѣчательны: Веллеій Патеркулъ (19 до Р. Х.), льстецъ и поклонникъ Тиберія и Сеяна, которымъ онъ былъ современникомъ. Онъ написалъ сжатый очеркъ римской исторіи, въ которомъ отдѣлывается краткою пы-

шною похвалою отъ республиканской эпохи, а времена имперіи описываетъ слогомъ придворной газеты. Его стремленіе къ приторной краткости такъ же неестественно, какъ напыщенное многословіе Курція. При Траянѣ или, какъ полагаютъ другіе, при Адріанѣ, Луц. Анней Флоръ написалъ римскую исторію съ эпиграмматическою краткостью и надутою торжественностью, не обнаруживъ при этомъ ни знаній, ни исторической точности. Свѣтоній Транквиллъ (98 — 138), тайный секретарь Адріана, составилъ жизнеописанія двѣнадцати первыхъ римскихъ императоровъ, или собраніе біографическихъ и историческихъ свѣдѣній и анекдотовъ, относящихся ко временамъ имперіи и почерпнутыхъ большею частію изъ публичныхъ актовъ или словесныхъ разсказовъ. Еще при Тиберіи Валерій Максимъ составилъ сборникъ анекдотовъ изъ древней исторіи, отличающійся риторскою напыщенностью и пошлымъ направленіемъ. Юстинъ оставилъ намъ неточное и вообще посредственное извлеченіе изъ поучительнаго, систематическаго и прекрасно написанаго сочиненія Трога Помпея, галльскаго историка, жившаго при Августѣ и разработавшаго въ этнографическомъ порядкѣ и по лучшимъ источникамъ, исторію всѣхъ греческихъ и азіятскихъ государствъ, которыя входили въ составъ Македонской монархіи. Жалкое время господства солдатчины описано въ жалкомъ собраніи мелкихъ историковъ имперіи, изъ которыхъ только Вопискъ заслуживаетъ упоминанія[1]. Эти историки вносили въ свои сочиненія, безъ всякаго порядка и критическаго разбора, все, что только могли заимствовать изъ архивовъ, протоколовъ и другихъ офиціальныхъ источниковъ; своимъ грубымъ языкомъ, бѣдностію мысли и историческою несостоятельностію, они ясно свидѣтельствуютъ объ упадкѣ литературы и образованія. Евтропій, современникъ Юліана Отступника, оставилъ весьма распространенный Очеркъ римской исторіи, отличающійся «общепонятною посредственностью». Рядъ римскихъ историковъ, писавшихъ на латинскомъ языкѣ, заключаетъ собою современникъ Евтропія Амміанъ Марцеллинъ (ок. 410), изложившій позднѣйшую исторію имперіи въ послѣдовательномъ порядкѣ, съ критическою оцѣнкою матеріала и съ большимъ одушевленіемъ противъ господствующей порчи нравовъ и противъ подавленія благороднѣйшихъ стремленій и учре-

[1] Эти историки, такъ-называемые scriptores historiae augustae, жили въ 3 и 4 столѣтіяхъ и писали исключительно объ императорахъ, начиная съ Адріана до Нумеріана и Карина; сочиненія ихъ имѣютъ біографическій, или лучше анекдотическій характеръ.

жденій; сочиненіе его написано съ любовью къ истинѣ и безъ религіозныхъ предразсудковъ. Но тяжелый языкъ и надутое мнимо-поэтическою игрою красокъ изложеніе обнаруживаютъ литературное безвкусіе той эпохи.

б) Исторіографія греческая. Гораздо важнѣе греческіе историки временъ имперіи, хотя и на нихъ лежитъ отпечатокъ той эпохи, когда умы были скованы деспотизмомъ и суевѣріемъ. Недостатокъ свободнаго духа, сужденія и мужественнаго образа мыслей просвѣчиваетъ сквозь риторскую и софистическую отдѣлку, отличающую ихъ сочиненія. Раболѣпство и лесть, это коренное зло вялой и выродившейся эпохи, управляютъ ихъ перомъ и сужденіемъ. Важнѣйшими изъ нихъ были: Плутархъ изъ Херонеи, въ Беотіи, при Траянѣ—государственный человѣкъ, а при другѣ и ученикѣ своемъ Адріанѣ — намѣстникъ въ Греціи, плодовитый, многочитаемый писатель по части философіи и исторіи. Сочиненія его обыкновенно дѣлятъ на этическія (нравственныя), въ которыхъ онъ отчасти объясняетъ ученіе Платона, отчасти оспориваетъ начала стоиковъ и эпикурейцевъ, отчасти же распространяется о практическихъ предметахъ (напр. о воспитаніи дѣтей), и на біографіи (§ 222). Не безъ сочувствія къ величію древней Греціи и Рима, которыхъ дѣянія и героическія времена Плутархъ старается идеализировать съ помощью поэзіи и риторики, онъ умѣлъ въ тоже время пріятно завлекать знатные круги своего времени, къ которымъ принадлежалъ по своему образованію и общественному положенію, пробуждая въ нихъ фантазію и чувство и доставляя имъ умное и интересное занятіе. — Къ числу самыхъ почтенныхъ явленій въ эту вялую и безнравственную эпоху принадлежитъ стоикъ Эпиктетъ, рожденный въ рабскомъ сословіи въ 50 году по Р. Х., получившій свободу при Неронѣ и потомъ изгнанный изъ Рима Домиціаномъ: своею честною жизнію онъ показалъ, что ученія о внутреннемъ достоинствѣ человѣка, о нравственной свободѣ и ничтожествѣ внѣшнихъ страданій, могутъ облагородить душу даже въ самой низкой долѣ. Его ученія, сообщенныя сначала въ Римѣ, а послѣ изгнанія — въ Никополѣ (въ Эпирѣ) небольшому кружку воспріимчивыхъ друзей и слушателей, собраны и обнародованы ученикомъ его Арріаномъ (род. 100), Грекомъ изъ Малой Азіи, въ весьма распространенномъ Руководствѣ («Энхиридіонъ»). Подобно Эпиктету, Арріанъ показалъ собственною жизнію достоинство стоическихъ началъ, и свою дѣятельностью въ качествѣ государствен-

наго человѣка и полководца засвидѣтельствовалъ, что внутренняя жизнь и чисто-духовныя занятія не лишаютъ человѣка способности къ практическимъ дѣламъ, что настоящій философъ и въ дѣйствительной жизни на своемъ мѣстѣ. Сочиненія Арріана о военномъ искусствѣ, особенное сочиненіе его о походахъ Александра Великаго, написанное въ духѣ и манерѣ Ксенофонта, принадлежатъ къ числу лучшихъ литературныхъ памятниковъ того времени. — Діонъ Кассій изложилъ римскую исторію отъ основанія Рима до своего собственнаго консульства въ 229 году, въ 80-ти книгахъ, изъ которыхъ 36 совершенно утрачены, а остальныя неполны. Не смотря на риторическія прикрасы и недостатокъ благородства мысли и справедливости въ авторѣ, составленная имъ исторія имперіи имѣетъ большія достоинства, сообщаемыя ей учеными знаніями и изслѣдованіями, а также практически-политическимъ взглядомъ автора. Ему доступны вопросы о государственномъ устройствѣ, законодательствѣ, военномъ дѣлѣ, и онъ слѣдитъ съ проницательностію и особеннымъ вниманіемъ за развитіемъ и образованіемъ политическихъ учрежденій. Гораздо менѣе достоинствъ имѣетъ Геродіанова современная исторія, отъ Марка Аврелія до Гордіана, сочиненіе риторское, холодное, безжизненное и неточное. Исторія Римской имперіи отъ Августа до 410 года, сочиненіе Зосимы, современника императору Θеодоссію II, по своей формѣ и содержанію достойна лучшаго времени.

Изъ грамматистовъ и составителей сборниковъ нѣкоторые оказали большія услуги пониманію классической литературы своими примѣчаніями, поясненіями и выписками. Юл. Гигинъ, время жизни котораго нельзя опредѣлить въ точности, важенъ для миѳологіи своимъ собраніемъ басенъ изъ всего цикла древнихъ сказаній, а своимъ сочиненіемъ о свѣтилахъ небесныхъ — для знанія древней астрономіи и пониманія поэтовъ, хотя изложеніе его дурно и небрежно. — При Антонинахъ А. Геллій (ум. имежду 145 и 164 г.) написалъ «Аттическія Ночи», сборникъ выписокъ смѣшаннаго содержанія изъ древнѣйшихъ писателей, составленный безъ всякаго плана. Не имѣя литературныхъ достоинствъ, это сочиненіе весьма важно по множеству свѣдѣній о языкѣ, исторіи, древностяхъ и пр., а также по многочисленнымъ отрывкамъ изъ утраченныхъ сочиненій классической эпохи. — Такъ же важно сочиненіе грамматиста Нонія Мерцелла о латинскомъ языкѣ, при чемъ онъ явно имѣлъ въ виду, въ эпоху постояннаго упадка языка, дѣйствовать на риториче-

ское и стилистическое образованіе современниковъ сопоставленіемъ хорошо выбранныхъ и сгруппированыхъ выраженій, принадлежавшихъ прежнему періоду, и вмѣстѣ удовлетворить тогда уже сильно распространенному пристрастію къ устарѣлымъ словамъ, оборотамъ и пр. Главное достоинство этого сочиненія тоже заключается въ многочисленныхъ выпискахъ изъ утраченныхъ писателей, преимущественно поэтовъ прежней эпохи. — Въ началѣ 5-го вѣка, неоплатоникъ Макробій написалъ, кромѣ примѣчаній къ Сципіонову сну, Цицерона, сходную по содержанію съ трудомъ Геллія книгу, подъ названіемъ: Праздничныя Бесѣды (Saturnalia), съ многочисленными историческими, миѳологическими и антикварными замѣтками и указаніями.

Къ важнѣйшимъ писателямъ временъ имперіи принадлежатъ К. Плиній Секундъ Старшій (23—70) и племянникъ его Плиній Младшій. Первый, погибшій жертвою собственной любознательности при изверженіи Везувія (§ 221), оставилъ потомству громадный трудъ, свою Естественную Исторію, или энциклопедію естественныхъ наукъ (со включеніемъ астрономіи, географіи и исторіи искусствъ), для составленія которой онъ долженъ былъ заимствовать свѣдѣнія болѣе чѣмъ изъ 2,000 писателей. Хотя трудъ этотъ не во всѣхъ своихъ частяхъ одинаково точенъ и критически провѣренъ, хотя неровный слогъ его то высокопаренъ и напыщенъ, то мѣстами поэтиченъ и туманенъ, мѣстами же сухъ и вялъ, однако это сочиненіе въ высшей степени важно для исторіи общечеловѣческой образованности. Усыновленный имъ племянникъ Плиній Секундъ Младшій (род. 62, ум. ок. 110), Квинктиліановъ ученикъ и любимецъ императора Траяна, который сдѣлалъ его консуломъ и потомъ намѣстникомъ въ Виѳиніи, былъ благородный человѣкъ, украшенный всѣми благами образованности и счастія. Подражая Цицерону, онъ посвятилъ свой веселый, полный удовольствій досугъ сочиненію Писемъ къ Траяну и къ нѣкоторымъ друзьямъ, — писемъ, въ которыхъ тонкость и изящество языка, тонъ и обороты даютъ высокое понятіе объ общественномъ образованіи и умной бесѣдѣ того времени, но искусственность и прикрасы вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, что едва ли могло возникнуть тогда созданіе свободнаго творчества. Это видно и изъ втораго сочиненія Плинія, — произнесеннаго имъ съ сенатѣ, похвальнаго слова (Панегирика) Траяну, въ которомъ читателя съ естественнымъ чувствомъ непріятно поражаетъ стремленіе

къ замысловатымъ оборотамъ и изысканно-тонкимъ выраженіямъ (срав. § 221). Подобныя похвальныя слова сочинялись въ огромномъ количествѣ, въ теченіе 3-го вѣка. Они обыкновенно произносились какимъ-нибудь извѣстнымъ риторомъ въ торжественные дни, въ присутствіи императора или высокаго сановника. Все, что только могла придумать самая низкая лесть, все это панегиристы относили къ особѣ императора. Двѣ рѣчи Галла Клавдія Мамерція, посвященныя императорамъ Максиміану и Діоклеціану, и рѣчь ритора Эвменія о Констанціи Хлорѣ, соперничаютъ въ ревностномъ усердіи возвеличить властителей и сравнить дѣянія ихъ съ подвигами боговъ и героевъ. «Издыхать въ преданной покорности» — вотъ что считалось у нихъ за высшую добродѣтель.

Поэзія. Въ поэзіи не явилось ничего замѣчательнаго, кромѣ сатиры, о которой было сказано выше. Въ ней придерживались прежнихъ образцовъ, и почти рабски подражали Виргилію; такъ напр. Силій Италикъ, богатый и образованный государственный человѣкъ († 100 по Р. Х.), но лишенный всякаго поэтическаго таланта, написалъ эпическое стихотвореніе о второй Пунійской войнѣ. Гораздо талантливѣе былъ Папиній Стацій, льстецъ Домиціана, написавшій, кромѣ двухъ эпическихъ стихотвореній объ Ахиллѣ и сыновьяхъ Эдипа, нѣсколько изящныхъ лирическихъ піэсъ, которыя онъ назвалъ, по разнообразію ихъ, сильвами [1] («чащею»), и въ которыхъ удачно подражалъ греческимъ поэтамъ. Его стихотворенія, всего болѣе похожія на идилліи, были плодомъ минутнаго вдохновенія, импровизаціями, которыми вѣчно кипучая, поэтическая душа Неаполитанца удовлетворяла прихоти его высокихъ покровителей, и которыя онъ набрасывалъ на бумагу въ нѣсколько дней или часовъ безъ большаго искусства и отдѣлки; но духъ, вѣющій въ этихъ привлекательно-очеркнутыхъ образахъ, такъ чистъ и ясенъ, такъ наивенъ и почти дѣтски-простъ, что мы напрасно стали бы отыскивать въ нихъ ту мрачную оборотную сторону, которую они собою прикрываютъ. Нигдѣ нѣтъ даже намека на ужасы послѣднихъ лѣтъ Домиціана, хотя стихотворенія Папинія Стація большею частію писаны въ девяностыхъ годахъ: во всѣхъ господствуетъ невозму-

[1] Silva собственно значитъ лѣсъ, роща, садовая куртина и т. п. Въ переносномъ смыслѣ это слово употреблялось, во множественномъ числѣ (silvae), для обозначенія сборника мыслей, бѣгло набросанныхъ съ тѣмъ, чтобы воспользоваться ими въ послѣдствіи.

тимое спокойствіе или по крайней мѣрѣ тихая покорность судьбѣ. Порицаніе почти чуждо поэту; за исключеніемъ нѣсколько неодобрительныхъ отзывовъ о давно минувшемъ, настоящее вездѣ представлено имъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Это почти трогательное разобщеніе съ внѣшними обстоятельствами, при вынужденной нищетою готовности льстиво признавать все то, чего требовали, и притомъ именно такъ, какъ требовали, доставило поэту расположеніе Домиціанова двора. По смерти этого императора, онъ отказался отъ всего и въ бѣдности переселился въ свой родной городъ, гдѣ и умеръ всѣми забытый. «Сильвы» Стація пользовались большимъ уваженіемъ современниковъ и послѣдующихъ поколѣній, и вѣроятно это обстоятельство, въ связи съ сомнительнымъ преданіемъ о томъ, будто онъ принялъ христіанство, побудило итальянскаго поэта Данта (§ 351) присоединить его къ Виргилію. — Самымъ замѣчательнымъ поэтомъ временъ имперіи былъ Анней Луканъ (38—65), извѣстный по состоявшемуся надъ нимъ при Неронѣ (§ 218) смертному приговору,—хотя неоконченная эпопея его «Фарсалія» замѣчательна не столько поэтическими красотами, сколько по своему сильному содержанію и благородному патріотическому и республиканскому духу, которымъ она проникнута. Огражденный стоическою философіей отъ современныхъ пороковъ и соблазновъ любострастія, онъ излилъ въ стихахъ все то нравственное негодованіе, котораго не могъ высказать инымъ образомъ. Онъ старался возвысить избранный имъ, непоэтическій предметъ благородствомъ мысли, высокимъ поученіемъ и патріотизмомъ. При этомъ ясная послѣдовательность нагляднаго дѣйствія, конечно, нерѣдко замѣняется у него блестящими сентенціями, патетическими рѣчами и бурнымъ потокомъ объясненій.

Философія. Объ усиливающемся разливѣ мечтательности и мистицизма, суевѣрія и склонности къ чудесному въ эпоху Антониновъ и послѣ нихъ свидѣтельствуетъ въ высшей степени оригинальный человѣкъ — Апулей (род. 126 или 132), изъ провинціи Африки, который, выучась латинскому языку и литературѣ въ Римѣ и ознакомясь съ наукою и нелѣпостями современниковъ во время своихъ многократныхъ путешествій, блисталъ въ Карѳагенѣ какъ отличный преподаватель риторики и, своими многочисленными сочиненіями, распространялъ римскую образованность между земляками. Изъ этихъ сочиненій наиболѣе славится сатирико-фантастическій романъ: «О золотомъ ослѣ». Въ немъ находимъ мы главныя

характеристическія черты тогдашней литературы — языкъ, теряющійся въ чисто-поэтическихъ формахъ; пустую и суевѣрную мечтательность, которая услаждается въ фантастическихъ грезахъ, темныхъ образахъ и символахъ, напыщенномъ изложеніи и чудесныхъ вымыслахъ; и наконецъ, страшную нравственную порчу, благодаря которой авторъ занимаетъ набожныя и мечтательныя души читателей грязными картинами соблазновъ, которыхъ самъ онъ ужасается только на показъ. При помощи фантастическихъ ученій неоплатонизма, Апулей придумалъ новое духовѣдѣніе и новое чародѣйственное и прорицательное искусство, основанное на таинственномъ познаніи природы и соединенное съ мистическими посвященіями и символами. Покровительство и сочувствіе, встрѣченное этими бреднями въ высшихъ слояхъ общества, повели къ тому, что множество безхарактерныхъ, но впрочемъ остроумныхъ людей предавались этому направленію и старались извлекать выгоды изъ слабостей и несообразностей вѣка. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ Аѳинахъ и Малой Азіи, было ученые риторы и философы, выдававшіе свой мистическій вздоръ, свои фантастическія бредни за глубокую мудрость и чудодѣйственныя тайноученія. Даже такой разсудительный и практическій человѣкъ, какъ врачъ, естествоиспытатель и философъ Галенъ (род. въ Пергамѣ 131), поднявшій медицину на степень науки и связавшій ее съ философіей и риторикой,—даже и онъ не избѣгнулъ господствующаго суевѣрія въ сверхъестественное и во вліяніе чародѣйныхъ обрядовъ на видимый намъ міръ. Клавдій Птолемей, основатель научной астрономіи, географіи и хронологіи, котораго астрономическій учебникъ (Альмагестъ), составленный по образцу Гиппарха (§ 133), пользовался безусловнымъ авторитетомъ до временъ Коперника, — и тотъ соединялъ астрономію съ астрологіей. Всеобщая наклонность къ суевѣрію, мистицизму и мечтательности придала огромное значеніе неоплатонизму, который старался соединить восточныя понятія, тайноученія и жреческія мудрованія съ мыслями Платона и Пиѳагора, имѣющими часто характеръ не столько спекулативнаго умозрѣнія, сколько аллегорическихъ образовъ изъ царства поэзіи и фантазіи, и неоплатонизмъ принялся тѣмъ легче, что самъ онъ былъ только плодомъ господствовавшаго тогда направленія умовъ. Эпоха умирающаго язычества, которая не могла уже держаться на выгнившихъ мнѣніяхъ устарѣлыхъ философскихъ школъ

и софистическихъ фразахъ риторовъ, съ жадностью ухватилась за систему, которая удовлетворяла ея склонности къ мистическому и чудесному, выставляя впередъ блистательное имя, и давала блекнущему язычеству новую опору и новое оружіе противъ христіанства. Основателемъ этой системы, которая первоначально была довѣрена только немногимъ посвященнымъ, въ видѣ тайноученія, былъ Аммоній Саккасъ изъ Александріи. Его доктрина, заключавшаяся въ эклектическомъ сліяніи платоновскихъ, пиѳагоровскихъ, аристотелевскихъ и восточныхъ понятій и изреченій, была разработана и распространена его ученикомъ и единоземцемъ Плотиномъ († 270, въ Кампаніи), который такъ глубоко погрузился въ изслѣдованіе божественной и человѣческой природы, что неудовлетворенный египетско-греческимъ тайноученіемъ своего предшественника и наставника, жаждалъ еще персидской и индійской мудрости и присталъ къ войску младшаго Гордіана, чтобы хотя съ нимъ проникнуть въ Персію. По возвращеніи своемъ, онъ нашелъ въ Римѣ готовую почву для своего восточнаго мистицизма и 25 лѣтъ игралъ тамъ роль пророка. Императоръ Галліэнъ и его супруга, а также первыя лица въ городѣ, приняли его ученіе за «ниспосланное съ неба». Пока существовали язычники, «алтари его не остывали отъ жертвеннаго огня». Его писанія, въ которыхъ онъ выставляетъ погруженіе въ самого себя, восточную созерцательность, отрѣшенное отъ всего чувственнаго устремленіе мысли въ высшій міръ,—единымъ путемъ и средствомъ къ достиженію истинной мудрости и блаженства, считались пророческими вдохновеніями. Въ туманной формѣ прорицаній и загадочныхъ изрѣченій, и рядомъ съ самыми приторными и нелѣпѣйшими бреднями, они заключаютъ въ себѣ глубочайшія мысли и мудрость изумительную. Считая себя богопросвѣщеннымъ философомъ, Плотинъ приписывалъ себѣ всезнаніе по одному внутреннему вдохновенію, и потому пренебрегалъ опытными науками, этою основой всякой истинной мудрости. — Ученикъ его Амелій распространилъ это ученіе на Востокѣ, между тѣмъ какъ Финикіецъ Порфирій (род. 223), знаменитѣйшій ученикъ и біографъ Плотина, разсѣялъ сѣмена неоплатонизма изъ Рима по всему Западу. — Лонгинъ, великій философъ, риторъ, политикъ, и одинъ изъ благороднѣйшихъ людей своего времени, имѣлъ слишкомъ ясный умъ и былъ слишкомъ ревностнымъ изслѣдователемъ философской истины, а потому хотя и принялъ сначала ученіе неоплатониковъ, однакожъ остановиться на немъ онъ не

могъ. Онъ обратился къ практической дѣятельности, не оставляя впрочемъ науки, какъ показываетъ сочиненіе его «О высокомъ», равно замѣчательное по слогу, манерѣ и своему философскому достоинству, и умеръ министромъ Зиновіи при взятіи Пальмиры (§ 226), съ твердостью и спокойствіемъ героя и мудреца. — Неоплатонизмъ хотя и возникъ первоначально на языческой почвѣ, однако заключалъ въ себѣ много такого, что доставило ему вскорѣ вліяніе и на христіанскихъ писателей. Подобно христіанству, болѣе стремясь къ оживленію внутренняго міра, чѣмъ къ пробужденію практически-дѣятельныхъ силъ, неоплатонизмъ не могъ не отразиться на христіанскомъ вѣроученіи и на великихъ его проповѣдникахъ. Платоническія воззрѣнія на отношеніе человѣка къ божеству, даже въ искаженномъ видѣ, были такъ возвышенны и идеальны, что не только христіане древнихъ и новыхъ временъ усматривали въ нихъ отзвуки Евангелія, но даже во времена Калигулы александрійскій іудей Филонъ (ок. 40), человѣкъ съ греческимъ образованіемъ, въ своихъ философско-богословскихъ сочиненіяхъ старался связать ученія платониковъ, пиѳагорійцевъ и стоиковъ съ вѣроученіемъ Евреевъ и съ религіозно-философскими ученіями Востока вообще.—Что такое тайноученіе, разсчитывавшее, съ другой стороны, на человѣческую слабость, легковѣріе и вялость, должно было привести и къ противуположному направленію — къ насмѣшкѣ и сомнѣнію, это было въ порядкѣ вещей; и какъ въ 18 вѣкѣ мы встрѣчаемъ рядомъ съ Каліостро и Месмеромъ такихъ людей какъ Вольтеръ и смѣлые энциклопедисты, такъ въ 3-мъ вѣкѣ съумасброднымъ мечтателямъ, чародѣямъ и кудесникамъ противустояли такіе люди, какъ Лукіанъ и Секстъ Эмпирикъ (ок. 200), самый смѣлый и безусловный поборникъ скептицизма (§ 134), вооружавшійся настойчиво и рѣзко противъ всякой науки, противъ всякаго знанія.

5. Римъ подъ владычествомъ солдатъ.

§ 225. Тля, наполнившая Римское государство послѣ Антониновъ, быстро приближала его къ разложенію. Населеніе имперіи распалось на три главныя сословія: 1) солдатское, постоянно разроставшееся вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ въ пограничныхъ областяхъ: къ нему принадлежали преимущественно сельскіе, грубые и привыкшіе къ военному дѣлу жители отдаленныхъ, необразованныхъ провинцій;

оно все болѣе и болѣе наполнялось германскими, дакійскими и другими наемниками изъ варваровъ, — людьми, которыхъ можно было удерживать въ порядкѣ и повиновеніи только высокою платой, подарками и раздачею денегъ со стороны императоровъ. Сосредоточенныя въ постоянныхъ пограничныхъ лагеряхъ, эти войска были всегда готовымъ орудіемъ въ рукахъ честолюбивыхъ вождей. 2) Разслабленное, отвыкшее отъ военной службы и выросшее среди нѣги и чувственныхъ удовольствій, сословіе гражданъ: оно не имѣло никакой нравственной силы, было чуждо высшихъ стремленій, съ искусственнымъ, поверхностнымъ образованіемъ, съ вымиравшею народною вѣрой и бездушнымъ религіознымъ культомъ, заключавшимся въ суевѣрныхъ обрядахъ. 3) Всѣми презираемое, безправное сословіе рабовъ, чуждое чувства чести, энергіи и нравственнаго сознанія, не сообщавшее новыхъ силъ ни солдатскому сословію, ни сословію гражданъ: оно состояло частію изъ грубыхъ, полу-звѣрскихъ бойцовъ, носильщиковъ и полевыхъ рабочихъ, частію изъ перебалованныхъ и продувныхъ приспѣшниковъ роскоши, утонченности и любострастія. Императоры принадлежали или къ первому, или ко второму изъ названныхъ сословій; въ первомъ случаѣ они раздѣляли дикость, грубость и жестокость привыкшихъ къ кровопролитію солдатъ; въ послѣднемъ—любострастіе, чувственную изпѣженность и вялое растлѣніе городскихъ жителей. Плата и денежные подарки солдатамъ съ одной стороны, съ другой—роскошь и неумѣренность придворнаго штата, дорогія игры и увеселенія для жаднаго къ удовольствіямъ народа, заставляли ихъ прибѣгать къ захватамъ чужой собственности и стѣснительнымъ налогамъ, и нанесли глубокія раны благостоянію провинцій. — Доносы и шпіонскія продѣлки, на что всегда охотно шли продажные жители столицы, загубили преданность и довѣріе, и истребили послѣдній остатокъ гражданскаго духа. Подобно древнимъ царямъ Индіи и Египта, римскіе императоры еще при жизни своей заставляли воздавать себѣ божескія почести, и жертвоприношенія на ихъ алтаряхъ считались лучшимъ доказательствомъ благонадежнаго образа мыслей.

Упадокъ Рима начинается съ царствованія Коммода (180 — 192), недостойнаго Авреліева сына, испорченнаго своею порочною матерью Фаустиной. Между тѣмъ какъ императоръ, человѣкъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, наслаждался грубыми гладіаторскими играми и даже самъ сходилъ

на арену амфитеатра для боя съ мечниками и дикими звѣрями, начальникъ гвардіи свирѣпствовалъ его именемъ пуще моровой язвы и голода, постигшихъ въ то же время несчастную столицу. Наконецъ, когда этотъ тиранъ былъ убитъ своими приближенными, и добрый преемникъ его Пертинаксъ (193), по трехмѣсячномъ царствованіи, поплатился жизнію за свои преобразовательныя попытки, высокомѣріе и дерзость солдатъ дошли до крайней степени. Въ то время какъ въ городѣ преторіанцы формально продали престолъ съ молотка богатому гулякѣ Юліану, въ провинціяхъ легіоны провозгласили императорами своихъ предводителей. Это повело къ многолѣтней усобицѣ, доставившей престолъ храбрѣйшему изъ претендентовъ, Септимію Севѣру (193 — 211), который предварительно одолѣлъ обоихъ своихъ соперниковъ (на Западѣ Кл. Альбина, на Востокѣ Песценнія Нигера), завоевалъ и страшно наказалъ непріязненный ему городъ Византію, а потомъ утвердился и на престолѣ неумолимою строгостью. Будучи суровымъ солдатомъ по натурѣ, онъ расширилъ предѣлы имперіи завоеваніями на Востокѣ, гдѣ отнялъ у Парѳянъ провинцію Месопотамію съ городами Дарой и Низибомъ, и обуздалъ буйство преторіанцевъ, учредивъ новый отрядъ тѣлохранителей и требуя отъ всѣхъ строгой дисциплины. Но такъ какъ онъ лишилъ сенатъ послѣдней его власти, передавъ судебную часть и государственную экономію высоко-поставленнымъ императорскимъ сановникамъ и юристамъ, и полагался только на свое войско, то собственно онъ и былъ настоящимъ основателемъ владычества солдатъ. Кончина его въ Эборакѣ (Іоркѣ), въ Британніи, гдѣ онъ старался удержать неукротимыхъ Каледонцевъ новыми окопами и порубежными укрѣпленіями, доставила престолъ его жестокому и тщеславному сыну (Бассіану Антонину) Каракаллѣ (211 — 217), который, оставаясь вѣрнымъ системѣ отца, уважалъ только солдатъ, ко всѣмъ другимъ относился съ презрѣніемъ, въ порывѣ дикой жестокости убилъ брата своего Гету въ объятіяхъ своей матери (Юліи Домны), велѣлъ казнить своего наставника, знаменитаго юриста Папиніана, за то, что онъ отказывался оправдать братоубійство, и умертвилъ тысячи людей, чтобы присвоить себѣ ихъ состо-

яніе. О роскоши и расточительности его доселѣ свидѣтельствуютъ колоссальныя развалины «Бань Каракллы» съ обширными сводами и залами и безчисленными отдѣленіями и покоями. Чтобы увеличить сборъ податей, онъ далъ всѣмъ свободнорожденнымъ жителямъ имперіи права римскаго гражданства. Послѣ насильственной смерти порочнаго тирана въ походѣ противъ Парѳянъ, въ которомъ онъ ограбилъ и залилъ кровью Александрію, сначала воцарился убійца его Макринъ, а по умерщвленіи его собственными солдатами, Каракаллинъ родственникъ, жрецъ сирійскаго бога-солнца въ Эмезѣ, Антоній Геліогабалъ (Элагабалъ, 218 — 222), изнѣженный, жестокій развратникъ, искоренившій послѣдніе слѣды древне-римскаго благочинія и нравственности введеніемъ похотливаго служенія Ваалу изъ Сиріи. «Эмезское божество», черный, шарообразный камень, оправленный въ драгоцѣнные каменья, былъ удостоенъ особаго храма на Палатинскомъ холмѣ; Сиріянки славили его сладострастною пляской, а римскій сенатъ, также въ азіятскомъ нарядѣ, самъ совершалъ богослуженіе. Кончилось тѣмъ, что преторіанцы убили развратника и возвели на престолъ его двоюроднаго брата Александра Севѣра [1]. Послѣдній (222 — 235) хотя и былъ простой, нравственно благородный человѣкъ, сдѣлавшій нѣкоторыя хорошія распоряженія, и слѣдовавшій совѣтамъ своей умной, благосклонной къ христіанамъ матери Маммеи; но управленіе столь трудными государственными дѣлами было ему не по силамъ. Кротость его нрава и семейныя добродѣтели имѣли такъ мало вліянія, что преторіанцы, раздраженные строгостію Ульпіана, безнаказанно убили этого великаго юриста на глазахъ императора, и что между народомъ и гвардіей цѣлые три дня продолжалось кровопролитіе на улицахъ Рима. На восточной границѣ Ардширъ (Артаксеркъ) положилъ конецъ парѳянскому владычеству и, возстановивъ поклоненіе свѣту въ древней простотѣ его, основалъ

---

[1] Юлія Домна — Мэза (сестра ея).
Гета — Соэмида. Маммея.
Геліогабалъ. Александръ Севѣръ.

Ново-персидское царство Сассанидовъ (226), которые скоро вторгнулись завоевателями въ римскія провинціи. Древне-персидскіе алтари въ честь огня были возстановлены, и могущественное жреческое сословіе маговъ, съ царемъ своимъ во главѣ, совершало жертвоприношенія и молитвы на ихъ ступеняхъ. Греко-римское язычество и христіанство подверглись кровавымъ гоненіямъ со стороны возрожденнаго фанатизма Сассанидовъ. Столицею избрали они Маданнъ, бывшій Ктесифонъ съ Селевкіей. Царскій престолъ окружали сильное жреческое сословіе и военно-помѣстное дворянство, напоминающее собою христіанскіе Средніе Вѣка.

§ 226. Убіеніе императора и его матери, вслѣдствіе солдатскаго возстанія при Майнцѣ, возбужденнаго грубымъ и энергическимъ Ѳракійцемъ Максиминомъ (235 — 238), повергло имперію въ такое смятеніе, что въ 20 лѣтъ двадцать императоровъ были возведены на престолъ и низвергнуты. Изъ нихъ мы упомянемъ только о Филиппѣ Аравитянинѣ (243 — 249), который, подобно Александру Севѣру, былъ расположенъ въ пользу христіанъ. Это обстоятельство, въ соединеніи съ азіятскимъ происхожденіемъ Филиппа, возбудило противъ него народную ненависть, которую онъ тщетно старался заглушить великолѣпнымъ празднествомъ въ честь тысячелѣтія Рима. Онъ былъ убитъ солдатами подъ Вероной, и преемникъ его Децій (249 — 251), человѣкъ древне-римскихъ нравовъ и религіи, поспѣшилъ начать кровавое гоненіе на христіанъ. По смерти этого храбраго и твердаго императора въ борьбѣ съ Готами (§ 237), имперія повидимому приближалась къ своему концу, потому что въ разныхъ провинціяхъ явились свои особые императоры, такъ что тогдашніе историки, изъ слѣпаго подражанія исторіи Аѳинъ, назвали эпохою тридцати тирановъ тѣ годы, въ теченіе которыхъ слабый Галліэнъ (259—268) царствовалъ въ Римѣ, а несчастный отецъ его Валеріанъ томился въ плѣну у Персовъ. Между тѣмъ Ново-Персы вторгнулись въ Сирію подъ начальствомъ храбраго Сапора (Шапура), а германскіе народы, усилясь племенными союзами (§ 237), угрожали остальнымъ границамъ имперіи: Аллеманны — верхнему Рейну и Гельвеціи, Франки — нижнему Рейну и Галліи, Го-

ты — при-дунайскимъ областямъ и Малой Азіи. Когда храбрый побѣдитель Готовъ, Клавдій II Готскій (268—270), умеръ отъ моровой язвы подъ Сирміумомъ, возстановителемъ имперіи явился Паннонецъ Авреліанъ (270—275), человѣкъ древне-римскаго мужества и суровой военной дисциплины. Онъ одолѣлъ императора Галліи (Тетрика) и упрочилъ за собою Западъ; потомъ двинулся на основанное Оденатомъ въ Сиріи и храбро отстоявшее себя противъ Персовъ, Пальмирское царство, гдѣ по убіеніи Одената правила умная, прекрасная и отважная жена его Зиновія, и разрушивъ «Городъ Пальмъ» (Пальмиру), въ одномъ изъ оазисовъ Сирійской пустыни, возстановилъ восточную границу имперіи. Зиновія, образованная владычица этого царства, цвѣтущаго наукою, искусствомъ и торговлею, украсила въ золотыхъ цѣпяхъ тріумфъ императора, а наставникъ и совѣтникъ ея, отважный философъ Лонгинъ (§ 224, прим.), поплатился жизнію. Еще и теперь развалины Пальмиры привлекаютъ воображеніе путешественниковъ, посреди той безводной и безлѣсной песчаной степи, простирающейся между Сирійскимъ горнымъ кряжемъ и низменностями Евфрата и Тигра, гдѣ въ первобытныя времена сыны пустыни ставили свои шалаши, пасли своихъ верблюдовъ или на быстромъ конѣ гнались то за враждебнымъ иноплеменникомъ, то за странствующимъ торговцемъ. На сѣверѣ Авреліанъ возстановилъ дунайскую границу, отдалъ напирающему непріятелю провинцію Дакію по ту сторону рѣки и переселилъ жителей на правый берегъ (въ Мизію); а для безопасности столицы отъ внезапнаго нападенія, онъ окружилъ ее обводною стѣною. По умерщвленіи его солдатами, сенатъ провозгласилъ императоромъ богатаго Тацита (275 — 276), потомка знаменитаго историка; но и онъ былъ убитъ солдатами въ походѣ противъ Готовъ, и на престолъ возведенъ Авреліановъ соотечественникъ, храбрый и благородный Пробъ (276 — 282). Онъ окончилъ и увеличилъ устроенный для противодѣйствія Германцамъ пограничный валъ (такъ-называемую теперь «Чертову стѣну», § 221) отъ баварской части Дуная до Таунуса, и обезпечилъ его учрежденіемъ пограничной стражи, которой далъ земли, дома и гражданское устройство; побѣдилъ дикихъ Исавровъ въ ихъ

же горныхъ ущельяхъ и снова утвердилъ римское владычество въ Малой Азіи; велѣлъ разводить виноградныя лозы въ Галліи, на Рейнѣ и въ Венгріи; старался улучшить военный порядокъ допущеніемъ иноземныхъ солдатъ въ легіоны и возстановленіемъ строгой дисциплины; но смерть отъ возмутившихся солдатъ, въ родномъ городѣ его Сирміумѣ, помѣшала этому дѣлу. Спустя два года, когда императоръ Каръ (282 — 284), въ походѣ противъ Персовъ, былъ оглушенъ молніей и тутъ же сожженъ своими слугами въ палаткѣ, а сынъ его Нумеріанъ предательски убитъ, на престолъ вступилъ умный и искусный Діоклеціанъ, тотъ самый Діоклъ «зевсоподобный», изъ далматскаго города Діоклеи, который своею храбростію и талантами изъ невольника умѣлъ подняться до значительнаго военнаго чина, а теперь проложилъ себѣ дорогу къ престолу умерщвленіемъ лукаваго Апера («Вепря»), Нумеріанова тестя и убійцы: это былъ тотъ самый «вепрь», по одолѣніи котораго онъ долженъ былъ занять императорскій престолъ, какъ предсказывала ему еще въ юности одна друидянка въ дальней Бельгіи. Каринъ, старшій сынъ Кара, находившійся въ Италіи во время смерти отца, выступилъ съ войскомъ противъ новаго императора, но еще до сраженія былъ убитъ въ Сербіи однимъ тяжко-оскорбленнымъ военачальникомъ.

Дополненія и подробности. Грубый варваръ Максиминъ Ѳракіецъ (родомъ Готъ), въ теченіе своего трехлѣтняго царствованія не былъ ни разу въ Римѣ, но оставался во главѣ арміи, которую обогатилъ имуществомъ казненныхъ. Ненавистникъ изнѣженности и роскоши, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всякаго образованія, онъ довелъ до упадка всѣ учебныя заведенія и наложилъ руки на деньги, назначенныя для общественныхъ игръ. Жестокость и жадность его наконецъ вывели сенатъ изъ терпѣнія, такъ что онъ не только поспѣшилъ признать Гордіана, провозглашеннаго императоромъ въ Африкѣ и объявившаго своего сына сопровителемъ, но даже выбралъ изъ среды своей двоихъ сопротивныхъ императоровъ — Пупіэна Максима и Бальбина, — когда оба Гордіана были побѣждены и убиты намѣстникомъ сосѣдней Мавританіи. Разъяренный такою смѣлостью, Максиминъ (238) двинулся въ верхнюю Италію, но возроставшія съ каждымъ днемъ суровость и жестокость его стали уже до того нестер-

пимы собственнымъ его солдатамъ, что они умертвили его. И сенатскіе императоры вскорѣ были убиты преторіанцами, недовольными усилившеюся властью сената, а юный Гордіанъ (III), внукъ погибшаго въ Африкѣ императора, былъ возведенъ на престолъ. Подъ вліяніемъ хорошаго префекта преторіанцевъ Мисиѳея, выдавшаго свою дочь за Гордіана, послѣдній (238 — 244) царствовалъ не безъ славы; но когда Мисиѳей палъ въ походѣ противъ персидскаго царя Сапора, начальство надъ гвардіей перешло къ Филиппу Аравитянину, а тотъ убилъ императора и завладѣлъ престоломъ. По убіеніи Филиппа и по смерти Деція въ походѣ противъ Готовъ, верховную власть захватилъ Галлъ, купившій для себя спокойствіе у Готовъ цѣною дани; это раздражило солдатъ, которые обратились къ побѣдителю Готовъ, Эмиліану, предварительно умертвивъ Галла (253); но въ этомъ же году Эмиліана постигла участь его предшественника, когда храбрый Валеріанъ (253 — 260) возвратился съ своимъ войскомъ изъ при-альпійскихъ странъ въ Италію и былъ провозглашенъ императоромъ. Валеріанъ призналъ своего сына Галліэна соправителемъ; самъ онъ окончилъ жизнь въ мучительномъ плѣну у Персовъ; царь ихъ, Сапоръ, вѣроломно велѣлъ захватить его во времена переговоровъ и поступалъ съ нимъ очень жестоко. Галліэнъ, въ характерѣ котораго слабость и лѣнивая созерцательность по временамъ смѣнялись мужествомъ и готовностью дѣйствовать, умеръ насильственною смертью, и вѣроятный виновникъ убійства, Клавдій, занялъ послѣ этого престолъ. Человѣкъ храбрый, привычный къ лишеніямъ и простой, Клавдій побѣдилъ Аллемановъ при Гардскомъ озерѣ и счастливо воевалъ съ Готами въ Панноніи, но вскорѣ умеръ отъ заразительной болѣзни, вслѣдствіе чего войска провозгласили императоромъ искуснаго полководца Авреліана. На оазисѣ Пальмирѣ, который былъ присоединенъ къ Римской имперіи при Траянѣ и возвращенъ Авреліаномъ, со временъ Соломона существовалъ городъ (Ѳадморъ), служившій главнымъ торговымъ мѣстомъ между Персидскимъ заливомъ и Средиземнымъ моремъ. При Селевкидахъ этотъ городъ усвоилъ себѣ греческую образованность, и греческіе архитекторы украсили его великолѣпными храмами и другими зданіями. Самъ Адріанъ обратилъ на него вниманіе въ художественномъ отношеніи. Зиновія, «царица Востока», «новая Семирамида», хвалившаяся своимъ происхожденіемъ отъ Птолемеевъ, соединила въ немъ бытъ восточный, греческій и римскій въ одно

своеобразное цѣлое; она сама, въ своей одеждѣ и образѣ жизни, представляла сліяніе разнонародныхъ стихій. Задумавъ распространить свое владычество, уже обнимавшееє пространство отъ южныхъ предѣловъ Палестины черезъ очаровательный Дамаскъ до Евфрата, на Египетъ и Малую Азію, она потерпѣла сильное пораженіе при Эмезѣ и принуждена была кончить жизнь въ Тибурѣ безвѣстною плѣнницей. Пальмира, съ которою Римляне сначала поступали мягко, послѣ одного возстанія была взята приступомъ и, по избіеніи всѣхъ жителей, разрушена безпощадно. Въ послѣдствіи возобновленный городъ былъ опять срытъ до основанія Арабами въ 8-мъ вѣкѣ. Авреліанъ побѣдилъ отложившагося египетскаго намѣстника, неслыханною строгостью и жестокостью возстановилъ порядокъ, какъ въ этой странѣ, такъ и въ Италіи, и обезопасилъ границы имперіи отъ непріятеля, но былъ измѣнически убитъ въ Византіи.

§ 227. Діоклеціанъ (284—306) первый изъ императоровъ снялъ съ монархической власти всѣ ограничивающія формы и, при помощи юристовъ, положилъ основаніе единодержавію, вполнѣ выработанному въ послѣдствіи Константиномъ.

Онъ лишилъ сенатъ всякой политической власти и усвоилъ ее престолу всю вполнѣ; отмѣнилъ различіе между казною государя (fiscus) и казною государственною (aerarium) и предоставилъ обѣ въ неограниченное распоряженіе властителя; ввелъ опредѣленную, но тяжкую податную систему во всей имперіи, и уничтожилъ преобладаніе Рима, раздѣливъ государство на части и умноживъ число главныхъ городовъ. (Раздѣленіемъ имперіи между четырьмя цезарями или августами, Діоклеціанъ хотѣлъ лично заинтересовать каждаго изъ правителей въ благосостояніи подвѣдомаго ему края и положить предѣлъ своевольству начальниковъ пограничныхъ армій, которые ставили и смѣняли императоровъ по произволенію. Вмѣстѣ съ этимъ исчезла, разумѣется, и послѣдняя тѣнь различія между провинціями императорскими и сенатскими, тогда какъ еще незадолго до того, именно при императорахъ Тацитѣ и Пробѣ, сенатъ настоялъ на своемъ прежнемъ правѣ назначать проконсуловъ и пропреторовъ въ подвѣдомыя ему области. Ближайшимъ слѣдствіемъ этой перемѣны было совершенное отдѣленіе военной власти отъ гражданской, которыхъ сліяніе находится въ противорѣчіи съ сильнымъ монархическимъ началомъ. Раздро-

бленіемъ провинцій на болѣе мелкія части, раздѣленіемъ начальственныхъ властей, предоставленіемъ каждому права жаловаться на нихъ прямо императору въ теченіе двухгодоваго срока и, сверхъ того, уничтоженіемъ ненавистнаго для провинцій класса хлѣбныхъ подрядчиковъ (frumentarii), Діоклеціанъ умѣрилъ, хоть на короткое время, тотъ страшный гнетъ, подъ которымъ стенали до него провинціи). — Толпы чиновниковъ, блестящихъ царедворцевъ, слугъ и тѣлохранителей окружали съ тѣхъ поръ священную особу императора и сообщили двору восточный характеръ.

Дабы сильнѣе противустоять надвигавшимъ со всѣхъ сторонъ непріятелямъ, и легче управлять обширною имперіей, Діоклеціанъ постановилъ, что самъ онъ принимаетъ на себя управленіе Востокомъ съ Ѳракіею, въ званіи августа и государя, между тѣмъ какъ помощникъ его (цезарь) Галерій, бывшій нѣкогда «пастухомъ», избираетъ мѣстомъ своего пребыванія Сирміумъ, и получаетъ управленіе иллирійскими провинціями. Другъ и товарищъ Діоклеціана, храбрый, но грубый Максиміанъ, долженъ былъ точно также управлять, въ званіи августа, Италіею, Африкою и островами, живя въ Миланѣ, а зять его по дочери Констанцій Блѣдный (Хлоръ), тоже получившій званіе цезаря—охранять отъ непріятеля западныя провинціи: Испанію, Галлію и Британнію, имѣя свое постоянное пребываніе въ городѣ Тревировъ (Трирѣ). Двадцать лѣтъ искусно и твердо управлялъ Діоклеціанъ имперіею изъ Никомедіи, такъ что при немъ государство снова упрочилось и окрѣпло. Онъ улучшилъ судебную часть и законы о внутренней и внѣшней торговлѣ; давалъ работу художникамъ и ремесленникамъ, сооружая государственныя зданія, дворцы, храмы, бани, и благопріятствовалъ наукѣ и образованію. Но на всей его дѣятельности лежала печать произвола и безграничнаго полновластія. Назначеніе высшей рыночной цѣны (maximum) на всѣ жизненные припасы было нестерпимымъ посягательствомъ на право собственности. Одаренный необычайною силой и величественною осанкой, Діоклеціанъ желалъ казаться своему народу божествомъ, олимпійскимъ громовержцемъ, и однажды предсѣдательствовалъ въ этомъ видѣ на торжественныхъ играхъ въ священной рощѣ близъ Антіо-

хіи. Древней религіи хотѣлъ онъ снова доставить прежній блескъ и одолѣть мощное вліяніе христіанства. Но, имѣя въ виду эту цѣль и уступивъ внушеніямъ мрачнаго Галерія и жрецовъ—поднять кровавое гоненіе на христіанъ, а можетъ-быть, какъ видно изъ другихъ свидѣтельствъ, и въ предупрежденіе замышленной или уже состоявшейся попытки малоазійскихъ христіанъ къ возстанію, онъ омрачилъ закатъ своей дѣятельной жизни и на вѣки запятналъ свое имя и свое правленіе. Мечъ гоненія еще свирѣпствовалъ между исповѣдниками распятаго Христа, когда Діоклеціанъ, отпраздновавъ въ Римѣ вмѣстѣ съ Максиміаномъ послѣдній тріумфъ по поводу двадцатилѣтней годовщины своего царствованія, вдругъ отрекся отъ престола (305) и рѣшился провести остатокъ дней въ сельской тиши Солоны (въ Далмаціи), чтобы въ попеченіяхъ о дворцахъ и садахъ своихъ забыть треволненія жизни. Тамъ, въ бывшей своей родинѣ, велѣлъ онъ приготовить для себя величественное жилище съ превосходными принадлежностями, храмами, колоннадами, залами и длинными рядами комнатъ, въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что нынѣшній городъ Спалато помѣстился въ развалинахъ «дворца». Но бури, разразившіяся надъ имперіею, нарушили его спокойствіе. Жена и дочь его погибли на Востокѣ отъ руки убійцъ, и самъ онъ быть-можетъ ускорилъ свою кончину, чтобы избѣгнуть предстоявшихъ ему позорныхъ оскорбленій (313).

Возстанія. Максиміанъ сначала имѣлъ постоянное пребываніе въ Трирѣ или Арлѣ, чтобы защищать западныя провинціи отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Въ Галліи возстали крестьяне и колоны (мелкіе арендаторы); выведенные изъ терпѣнія гнетомъ знати у жрецовъ и подкрѣпленные невольниками, поденщиками и бродячимъ народомъ, соединились они въ багоды, т. е. шайки, и вели страшную, опустошительную войну (286), которая потрясла самыя основы края и не могла быть вполнѣ окончена даже съ помощію римскаго ратнаго искусства. «Вооруженные земледѣльческими орудіями, они на своихъ рабочихъ лошадяхъ разъѣзжали по полямъ не для того только, чтобы утолять свой голодъ, не и для того, чтобы опустошать страну въ изступленіи отчаянія. Потомъ они стали угрожать городамъ, куда нарочно впускала ихъ толпа хищной,

нищенской черни». Неподалеку отъ впаденія Марны въ Сену, вожди ихъ Эліанъ и Амандъ, принявшіе императорскій титулъ, построили багодскій «замокъ» среди укрѣпленнаго лагеря, и производя оттуда набѣги, возвращались съ богатою добычей. Древній городъ Августодунумъ (Отёнъ) былъ разграбленъ и разрушенъ ими. — Въ тоже время, опытный въ морскомъ дѣлѣ Батавъ Караузій захватилъ власть въ Британніи и держался тамъ до тѣхъ поръ, пока былъ убитъ однимъ изъ своихъ военачальниковъ (въ 293 г.), послѣ чего Констанцій Хлоръ снова покорилъ этотъ островъ. На Востокѣ тоже предстояло одолѣть сильнаго непріятеля. Персы, эти закоренѣлые враги имперіи, сначала успѣшно сражались противъ римскихъ войскъ Галерія и отбросили ихъ обратно въ Сирію. На встрѣчу побитому войску выѣхалъ подъ Антіохіей самъ Діоклеціанъ, который съ крайнею жестокостью и неумолимою строгостью только что возстановилъ тогда порядокъ и власть императора въ мятежномъ Египтѣ (§ 206). Галерій въ цезарьской багряницѣ подошелъ съ войскомъ къ колесницѣ императора и смиренно остановился передъ нею. Діоклеціанъ поворотилъ назадъ, и поѣхалъ къ городу въ сопровожденіи войска, а цезарь долженъ былъ смиренно пройдти пѣшкомъ за колесницей добрую римскую милю, весь въ пыли. Это уничиженіе произвело желанное дѣйствіе. Персы были побѣждены и уступили Месопотамію. Діоклеціанъ защитилъ границы имперіи, построивъ укрѣпленные лагери и замки.

§ 228. За отреченіемъ Діоклеціана слѣдовала эпоха, исполненная смутъ и кровавыхъ усобицъ. На Востокѣ неистовствовали угрюмый, порочный Галерій, и жестокій, лукавый племянникъ его Максиминъ Даза; въ Италіи захватилъ власть бездушный и развратный сынъ Максиміана, Максенцій, всюду распространившій ужасъ и опустошеніе; въ довершеніе безурядицы, самъ Максиміанъ, тоже отрекшійся отъ власти по требованію Діоклеціана, снова принялъ императорскій титулъ. Только на Западѣ Констанцій старался кротостью и примирительными мѣрами смягчить бѣдствія войны и остановить гоненіе на христіанство. По смерти его, послѣдовавшей въ Эборакѣ (Іоркѣ), управленіе Западомъ перешло къ храброму и умному, но властолюбивому сыну его Константину (306). Настроенный въ пользу христіанскаго ученія своею матерью Еленою, Константинъ сначала велѣлъ сол-

датамъ убить въ Массиліи Максиміана, который, бѣжавъ отъ собственнаго сына и проживая теперь у него, коварно старался привлечь на свою сторону галльскія войска; потомъ, послѣ славнаго похода чрезъ верхнюю Италію (310), подъ знаменемъ креста (labarum), побѣдилъ свирѣпаго Максенція у Мильвійскаго моста (ponte molle) и когда противникъ его, несмотря на храбрую оборону, погибъ съ большею частію своего войска въ волнахъ Тибра, Константинъ овладѣлъ его провинціями и самою столицей. Съ тѣхъ поръ Константинъ управлялъ Западомъ, а суровый и безразсудный зять его Лициній — Востокомъ, который достался ему по смерти Галерія (311) и послѣ побѣды надъ его преемникомъ (313), отважнымъ, деспотическимъ Максиминомъ, при Гераклеѣ (Перинѳѣ) на Пропонтидѣ, пока споры о границахъ и взаимное недовѣріе не возбудили опять новой войны. Лициній, имѣвшій много враговъ за свои крутыя мѣры противъ христіанъ, былъ наконецъ принужденъ отречься отъ власти (324) послѣ двухъ неудачныхъ сраженій при Адріанополѣ и Халкидонѣ съ самимъ Константиномъ и проигранной морской битвы при Хризополѣ съ сыномъ его Криспомъ; но такъ какъ онъ въ слѣдующемъ же году задумалъ возвратить себѣ утраченную власть, то императоръ велѣлъ повѣсить его въ Ѳессалоникѣ. Такимъ образомъ Константинъ сталъ единовластнымъ государемъ Римской имперіи (325). Онъ продолжалъ благопріятствовать христіанамъ, и миланскимъ эдиктомъ о вѣротерпимости защитилъ ихъ отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій; но это не помѣшало ему предавать плѣнныхъ непріятелей цѣлыми толпами на растерзаніе звѣрямъ, казнить жену свою Фаусту, своего благороднаго и храбраго сына Криспа, своего зятя Бассіана и своего племянника. Это былъ геніальный человѣкъ, стремившійся къ своимъ политическимъ цѣлямъ безъ всякихъ оглядокъ.

§ 228. б. Общее обозрѣніе и выводы. И такъ, мы дошли до той эпохи, когда перенесеніе императорскаго двора изъ Рима въ Византію и проникновеніе христіанства въ духовную жизнь образованнаго міра, сокрушили самые корни римскаго преобладанія, чѣмъ и завершилась исторія древности. Дальнѣйшая исторія Римской имперіи есть уже пред-

смертная борьба, которая обыкновенно предшествуетъ развитію новыхъ формъ жизни; а восточный отсадокъ Рима, Византія, вскорѣ получила до того особенный характеръ, что съ трудомъ можно догадаться объ ея происхожденіи. — Какъ въ исторіи эллинскаго народа, такъ и въ римской можно различить три періода исторической жизнедѣятельности и государственнаго развитія: періодъ мѣстнаго гражданства въ ограниченномъ общинномъ быту, періодъ великаго національнаго государства въ естественныхъ или по крайней мѣрѣ опредѣленныхъ границахъ, и періодъ міродержавства, въ республиканской и монархической формѣ. Такимъ образомъ мы и здѣсь встрѣчаемъ постепенное расширеніе, но не въ духовной области, какъ у Грековъ, а въ матеріальной и практической, низпроверженіе не внутреннихъ преградъ, но внѣшнихъ предѣловъ, поступательное движеніе не къ собственной свободѣ, но къ порабощенію другихъ. Среди сословныхъ раздоровъ въ Римѣ, во времена царей и господства патриціевъ, развились обѣ основныя черты римскаго характера, мужественность (virtus) и юридическая мудрость (prudentia); первая была источникомъ воинской доблести и гордаго сознанія собственныхъ силъ, вторая — остроумной разработки юридическихъ понятій о государствѣ, личности и собственности. Развитіе и примѣненіе двухъ этихъ свойствъ составляютъ главное содержаніе внутренней и внѣшней исторіи Рима, пока властолюбіе, увлеченія партій и личный призволъ не помутили ихъ и не вызвали злоупотребленій. Мужественная доблесть и юридическій смыслъ научили гражданъ древняго Рима защищать и расширять свою общину вовнѣ, установляя право и порядокъ внутри ея. Не упорное коснѣніе въ старинѣ, не произвольныя нововведенія, но живую разработку и развитіе унаслѣдованнаго и существующаго считали они истинною задачею римскаго гражданина, а благоденствіе и величіе отечества — высшею цѣлью дѣятельности и стремленій (піэтетъ). Господство опредѣленнаго закона надъ всѣми было въ глазахъ римскаго гражданина важнѣйшею формою жизни общественной; оттого плебеи, всѣми силами стремясь къ уравненію своихъ правъ съ патриціанскими, тѣмъ не менѣе придерживались строго древнихъ постановленій о под-

чиненіи сына и жены домовладыкѣ и остерегались ослаблять или расторгать первобытныя родовыя и семейныя связи. Добившись наконецъ уравненія правъ и составивъ въ соединеніи съ патриціями крѣпкую законностію общину, одолѣвъ окрестныя племена силою своего многоиспытаннаго оружія, они и въ покоренныхъ уважали гражданское и человѣческое право, ибо желали поставить родственныхъ Латиновъ и другіе итальянскіе народы въ правомѣрное отношеніе союзниковъ побѣдоноснаго города. Величіе отечества было общею цѣлью гражданъ, и потому положеніе союзниковъ, подзащитныхъ и подвластныхъ устроилось удовлетворительно, безъ ограбленія и излишняго гнета, безъ корысти и любостяжанія. Только отступники и измѣнники подвергались тяжкому наказанію. Въ установленіи государственныхъ и гражданскихъ правъ и учрежденій у самихъ себя, также обнаруживали они свойственныя римскому характеру умѣренность и самообладаніе; довольствуясь признаннымъ равенствомъ всѣхъ гражданъ передъ закономъ, они довѣрили управленіе общественными дѣлами сенату, и охраненіе своихъ правъ — трибунамъ; несокрушимые побѣдители въ бою были у себя дома покорными сыновьями, въ городѣ — вѣрными долгу подданными законнаго правительства, готовыми во всякое время съ безмолвною и непоколебимою преданностью идти на вѣрную смерть за отчизну.

Эти черты сохранились у Римлянъ и во второмъ періодѣ, обнимающемъ покореніе карѳагенскаго и греко-восточнаго міра, хотя онъ и помрачился нѣсколько ихъ высокомѣріемъ и властолюбіемъ, съ одной стороны, и отпаденіемъ нѣкоторыхъ союзниковъ, съ другой. Владычество надъ Италіею въ естественныхъ ея предѣлахъ было сначала высшею цѣлью римскаго сената. Эта цѣль была достигнута первою Пунійскою войной, поставившею италійскіе острова въ зависимость отъ Рима, и покореніемъ Галловъ, доставившимъ ему обладаніе долиною По до самыхъ Альповъ. Вторая Пунійская война и связанная съ нею борьба съ македонско-греческимъ міромъ, вслѣдствіе которыхъ Римская держава выступила изъ своихъ естественныхъ границъ, были почти оборонительными войнами; но успѣхи римскаго оружія пробудили охоту къ завоеваніямъ, а безсиліе и безпомощность небольшихъ го-

сударствъ и народовъ, терзаемыхъ и разрозненныхъ усобицами и завистью, соблазняли къ захвату и безцѣльному расширенію государства; — безцѣльному по паденіи великихъ державъ сирійской, македонской и карѳагенской. При такомъ расширеніи владычества надъ странами и народами, которыхъ уже не щадили и не желали поставить, какъ италійскія племена, въ правомѣрное отношеніе къ Риму, Римское государство утратило твердую юридическую почву и внутреннее самообладаніе; тогдашнее республиканское устройство, примѣнимое лишь къ малымъ общинамъ съ простыми формами и отношеніями, не годилось для усложнившихся дѣлъ и для тяжелаго организма обширной державы; оттого народное собраніе по центуріямъ все болѣе и болѣе нисходило на степень простой избирательной корпораціи съ малою властью, между тѣмъ какъ въ сущности власть переходила въ руки сенаторскихъ фамилій и знатныхъ родовъ, сначала раздѣлявшихъ между собою полюбовно должности, достоинства и почетныя званія, пока отдѣльные вожди партій, побуждаемые честолюбіемъ, жаждою власти и пылкими страстями и поощряемые ослабленіемъ государственныхъ узъ и разрозненными и противуположными интересами гражданъ и подвластныхъ, стали стремиться къ диктаторскому полновластію, съ цѣлью достигнуть единодержавія. Даже единственный опасный врагъ, отважившійся, во главѣ значительной коаліціи, остановить потокъ римскаго завоеванія, понтійскій царь Митридатъ, и тотъ не произвелъ того примирительнаго вліянія на враждовавшія партіи, какое нѣкогда имѣлъ Ганнибалъ; однако военная сила этого мужественнаго народа была еще такъ страшна, что онъ и среди сильнѣйшихъ усобицъ одолѣлъ самаго предпріимчиваго и самаго опаснаго изъ своихъ противниковъ, опытнаго въ боевомъ дѣлѣ и хитраго властителя воинственныхъ племенъ. Римъ, сокрушенный лишь самимъ собою, приближался къ дряхлой эпохѣ императоровъ. Это внутреннее разложеніе и постепенное ослабленіе Римскаго государства, естественнымъ слѣдствіемъ которыхъ было трехсотлѣтнее изнеможеніе подъ мечемъ преторіанцевъ и растлѣвающимъ чувственнымъ опьянѣніемъ императорскаго деспотизма, составляютъ содержаніе третьяго періода. Какъ скоро интересы сословій и партій за-

мѣнили общее патріотическое чувство, — не стало и высшихъ нравственныхъ узъ, соединявшихъ разнообразныя стихіи ради общей жизненной цѣли; знатныя и богатыя семьи сенаторовъ и всадниковъ устранили низшее гражданство отъ соучастія въ пользованіи государственнымъ имуществомъ, должностями и почетными званіями, урѣзали его права и умножили его обязанности; римскіе граждане старались расширить пропасть, лежавшую между ними и союзниками, умалить права Латиновъ, Италійцевъ, военныхъ поселеній и другихъ общниковъ, сократить преимущества, доставляемыя принадлежностію къ Римской державѣ, между тѣмъ какъ тягости, налагаемыя войною и податною системой, становились все болѣе и болѣе притѣснительны; обитатели провинцій, угнетаемые римскими чиновниками, истощаемые римскими сборщиками податей, ростовщиками и торгашами, удерживаемые въ покорности римскими солдатами и военачальниками, пользовались только однѣми невыгодами этой связи съ Римомъ; иноземная образованность, проникшая къ нимъ вмѣстѣ съ неволею, была сначала весьма скуднымъ вознагражденіемъ за утрату свободы, національности и завѣщанныхъ предками нравовъ, тѣмъ болѣе, что навязанное ими право было безпристрастно примѣняемо лишь къ взаимнымъ ихъ отношеніямъ, а относительно римскихъ гражданъ очевидно рѣшало спорные вопросы пристрастно и произвольно. Такое гнетущее юридическое положеніе, служившее для честолюбивыхъ демагоговъ и прохожденцевъ рычагомъ пронсковъ и смутъ, было причиною сильныхъ общественныхъ потрясеній, которыя, переходя въ яростныя и кровавыя усобицы, пошатнули основы республики и дотого истощили физическія и нравственныя силы, что единовластіе императоровъ было не только естественнымъ послѣдствіемъ общаго упадка, но даже необходимымъ и благодѣтельнымъ явленіемъ, снова совокупляя распавшіяся стихіи и предохраняя государство отъ полнаго разложенія. Жребій подвластныхъ, какъ въ Италіи, такъ и внѣ ея, сталъ гораздо легче и сноснѣе. Италійскіе союзники получили въ послѣдствіи право полнаго римскаго гражданства, перешедшее такимъ образомъ изъ предѣловъ общинной привилегіи въ болѣе широкое понятіе — въ право государственнаго гражданства; съ провинціями стали

поступать справедливѣе и удовлетворительнѣе и сдѣлали ихъ участницами не только въ тягостяхъ и обязанностяхъ, но и въ преимуществахъ на правахъ членовъ Римской державы.

Такой внѣшней перемѣнѣ соотвѣтствовала и внутренняя. Древне-италійскія божества, состоявшія въ тѣснѣйшей связи съ ежедневными дѣлами и заботами, съ полевыми трудами и войною, съ домомъ и семьей, съ временами года и всѣмъ, что они съ собой приносятъ, — эти божества мало-по-малу были вытѣснены тѣми изящными ликами боговъ, которые созданы греческимъ искусствомъ и миѳологіей; простые религіозные обряды съ безвредными жертвоприношеніями и веселыми сельскими праздниками обогатились исчадіями восточнаго мистицизма, съ тайноученіями и непристойными обрядами; и подлѣ авспицій и авгурій первобытной старины, сохранившихся какъ вѣтвь государственнаго и правительственнаго искусства, въ общественную жизнь проникли ворожба и колдовство, заклинанія духовъ и религіозныя посвященія, пока наконецъ языческая религія не разрослась въ какую-то пеструю, безсмысленную массу всяческихъ обрядовъ и суевѣрствъ, тайныхъ богослуженій и мистерій. — Искусство и литература тоже проложили себѣ дорогу въ Римъ, и ихъ вліяніемъ существенно объясняется перемѣна въ нравахъ и понятіяхъ, склонностяхъ и образѣ жизни Римлянъ; но міръ духа и сердечныхъ чувствъ не нашелъ себѣ теплаго пріюта у народа практическаго, сосредоточеннаго на интересахъ дѣйствительности и житейскихъ дѣлахъ. Греція осталась родникомъ, изъ котораго почерпали свою пищу римская поэзія и философія, и созданія пластическаго искусства, доселѣ украшающія вѣчный городъ, принадлежатъ греческимъ же художникамъ. Только то, что относится до государства и человѣческаго общества въ земныхъ его проявленіяхъ, бытописаніе, краснорѣчіе и наука права, — только это и принялось на римской почвѣ, только это на ней и разработывалось. Ни какой другой народъ не постигъ и не установилъ государственной и юридической жизни съ такимъ вѣрнымъ тактомъ и съ такимъ здравомысліемъ, какъ Римляне; по своимъ геніальнымъ созданіямъ Эллины заняли первое мѣсто; въ сооруженіяхъ и грандіозныхъ памятникахъ и учрежденіяхъ не уступали Римлянамъ нѣкоторые

народы Востока; въ торговлѣ и мореплаваніи Финикіяне и Карѳагенцы явили изумительныя способности; но въ развитіи государственнаго быта, общихъ законовъ и институтовъ, такъ же какъ и въ грандіозномъ военномъ искусствѣ, Римляне не имѣли себѣ равныхъ: объ эти отрасли знанія были плодомъ ихъ природныхъ дарованій.

Озирая бѣглымъ взглядомъ древній міръ, который намъ должно теперь покинуть, мы легко замѣтимъ, что въ немъ коренится вся наша духовная образованность, и что мы лишь въ немногихъ предметахъ, относящихся къ чисто-духовной области, пошли далѣе результатовъ, добытыхъ древнимъ человѣкомъ. Съ Востока получили мы наши религіозныя понятія, Греція оставила по себѣ вѣчные образцы и законы для искусства и разумѣнія изящнаго, а Римъ съ такою проницательностью и послѣдовательностью выработалъ и установилъ юридическія отношенія общества въ государственной, общинной и частной жизни, что преобладающее вліяніе римскаго законодательства и римскихъ юридическихъ опредѣленій замѣтно до сихъ поръ у всѣхъ образованныхъ народовъ міра.

СОДЕРЖАНІЕ I-го ТОМА.

стран.

Введеніе 7

1. § 1. Первые люди . . . . . —

2. §§ 2. 3. Раздѣленіе людей по породамъ, языкамъ и образу жизни 8

3. Государства и государственныя формы 14

§ 4. Народы цивилизованные и нецивилизованные. — § 5. Формы правленія. — § 6. Раздѣленіе на касты.

4. Религіи языческаго міра. 17

§ 7. Различіе языческихъ религій, стр. 17. — § 8. Языческія религіи Востока, стр. 19. — § 9. Религія Грековъ и Римлянъ, стр. 27. — § 10. Греческая ѳеогонія, стр. 29. — § 11. Олимпійскіе боги, стр. 31. — § 12. Боги подземнаго міра, стр. 35. — § 13. Герои, стр. 38. — § 14. Италійскія религіозныя системы, стр. 41. — § 15. Религіозныя вѣрованія Кельтовъ и Германцевъ, стр. 46. — Заключеніе и общіе выводы, стр. 49.

5. Понятіе, источники и раздѣленіе исторіи 51

§ 16. Возрасты народовъ, стр. 51. — § 17. Миѳическій періодъ въ исторіи, стр. 51. — § 18. Различіе источниковъ исторіи, стр. 53. — § 19. Хронологія, стр. 53. — § 20. Раздѣленіе исторіи, стр. 54.

Восточные народы. 55

§ 21. Географическій очеркъ Азіи, стр. 55: I. Полуостровъ Малая Азія, стр. 56. II. Кавказскія земли, Сарматія, Скиѳія, стр. 60. III. Серика и Индія, стр. 61. IV. Аріана, стр. 64. V. Мидія и Персія, стр. 65. VI. Страны по Евфрату и Тигру, стр. 66. VII. Сирія, Финикія, Палестина, стр 67. — § 22. Восточный бытъ, стр. 71.

1. § 23. Китайцы 74

2. Индійцы 79

§ 24. Арійцы на Индѣ. Эпоха Ведъ, стр. 79. — § 25. Арійцы на Гангѣ, стр. 81: а) Героическій періодъ, стр. 81. б) Арійцы

подъ властью браминовъ, стр. 84. в) Индійское государство и законодательство (законы Ману), стр. 86. г) Брамаизмъ и буддизмъ, стр. 89. — § 26. Позднѣйшая образованность Индіи, стр. 93.

3. Вавилоняне и Ассирійцы 96
§ 27. Вавилоняне и Ассирійцы (Нинивія), стр. 96. — § 28. Халдеи, стр. 100.

4. Египтяне и Эѳіопы 103
§ 29. Мероэ и Аммоній, стр. 103. — § 30. Раздѣленіе Египта, стр. 105. — §§ 31, 31 *б*. Фараоны, стр. 107. — § 32. Памятники искусства и учрежденія Египтянъ, стр. 112.

5. Финикіяне. 116
§ 33. Мореплаваніе. Торговля. Промышленность. Колоніи, стр. 116. — § 34 Исторія, стр. 121.

6. Народъ Израильскій. 122
А. § 35. Эпоха патріарховъ (праотцевъ), стр. 122.
Б. Образованіе патріархальной республики, стр. 124: §§ 36. Исходъ изъ Египта. — § 37. Законодательство Моисеево, стр. 126. — § 38. Раздѣлъ земли, стр. 128. — § 39. Судьи, стр. 129.
В. Ѳеократическая монархія, стр. 130: § 40. Саулъ и Самуилъ, стр. 130; § 41. Давидъ и Соломонъ, стр. 132.
Г. Гибель раздѣленнаго царства, стр. 135: § 42. Идолослуженіе и пророки, стр. 135.—§§ 43, 43 б. Ассирійское и Вавилонское плѣненіе, стр. 138. — § 44. Еврейская литература, стр. 143.

7. Мидяне и Персы 148
§ 45. Мидяне (Зендъ-Авеста), стр. 148. — § 46. Персы: Киръ и Крезъ, стр. 151. — § 47. Конецъ Кира, стр. 153. — § 48. Камбизъ, стр. 155. — § 49. Дарій, стр. 156. — § 50. Нравы, учрежденія и правительство Персовъ, стр. 157. — § 50 *б*. Общіе выводы, стр. 162.

Греческій міръ. 170

Страна Эллиновъ и ея жители . . . . . —
1. § 51. Материкъ, стр. 170. — Острова, стр. 177 . . . . .

I. Греція до Персидскихъ войнъ 180
1. Древнѣйшій пелазгическій періодъ:
§ 52. Пеласги, стр. 180. — § 53. Переселенцы съ Востока, стр. 183.

2. Миѳическій и героическій періодъ Эллиновъ 185
§ 54. Эллинскія племена. Геракъ и Тезей, стр. 185. — § 55. Походъ Семерыхъ противъ Ѳивъ, стр. 188. — § 56. Походъ Аргонавтовъ, стр. 188. — § 57. Троянская война, стр. 189.

3. § 58. Переселенія Дорійцевъ 191

4. § 59. Греческія колоніи 194

5. Эпическая (героическая) поэзія Грековъ 200

§ 60. Ея происхожденіе, стр. 200. — 61. Гомеръ, стр. 201.— § 62. Циклики. Гезіодъ, стр. 208

6. Эллинскій бытъ 211

§ 63. Общая характеристика, стр. 211. — § 64. Амфиктіоновъ судъ. Дельфійскій оракулъ. Національные праздники. Гостепріимство, стр. 212. — § 65. Древнѣйшія политическія формы Греціи, стр. 215.

7. Законодательство Ликурга и Мессенскія войны 217

§ 66. а) Государственное устройство, стр. 217. — § 67. б) Бытъ, стр. 219. — § 68. Мессенскія войны, стр. 222.

8. Солонъ, законодатель Аѳинянъ, §§ 69 — 71 225

9. Тираннія 233

§ 72. Начало тиранніи, стр. 233. — § 73. Писистратъ и его сыновья, стр. 236. — § 74. Завершеніе аѳинской демократіи, стр. 238.

10. Эллинская образованность и литература 241

§ 75. Лирическая поэзія, стр. 241. — § 76. Древнѣйшая философія Грековъ, стр. 250. — § 76. б. Древнѣйшее бытописаніе (логографія) Грековъ, стр. 258.

II. Цвѣтущая пора Греціи 260

1. Персидскія войны . . . . . —

а) 77. Возстаніе малоазійскихъ Грековъ, стр. 260. б) Первые походы при Даріи: § 78. Мардоній, стр. 262. — § 79. Мильтіадъ, стр. 263. — в) Походъ Ксеркса, стр. 265: § 80. Ѳермопилы, стр. 265. — § 81. Саламинъ, стр. 267. — § 82. Платея и Микала, стр. 268.

2. Преобладаніе (гегемонія) Аѳинъ 271

а) §§ 83—85. Павзаній. Ѳемистоклъ. Аристидъ. Кимонъ, стр. 271. — § 86. Аѳины до Периклова мира, стр. 276. б) Вѣкъ Перикла, стр. 278: § 87. Периклъ Олимпійскій, стр. 278.— § 88. Драматическая поэзія. Эсхилъ. Софоклъ. Эврипидъ, стр. 282. — § 89. Комедія. Аристофанъ, стр. 289.

3. Пелопоннезская война 295

а) Первый періодъ до Никіева мира, стр. 295: § 90. Коринѳъ и Керкира, стр. 295. — § 91. Героизмъ и паденіе Платеи, стр. 297. — § 92. Пилосъ, Деліонъ, Амфиполь, стр. 299.— б) Дѣятельность Алкивіада, стр. 302: § 93. Мантинея, стр. 302. — § 94. Сиракузы, стр. 302.—§ 95. Декелея и Эфесъ, стр. 307.—в) Паденіе Аѳинъ, стр. 310: § 96. Эгоспотамосъ. Ѳразивулъ, стр. 310.

4. Прозаическая литература Грековъ 313

а) Философія. Сократъ. Платонъ. Аристотель, стр. 313: § 97. Сократъ, стр. 313. — § 98. Платонъ, стр. 315. — § 99.

Аристотель, стр. 320. — § 100. Аристиппъ, Антисѳенъ и Діогенъ. Эвклидъ, стр. 324.—б) § 101. Исторіографія. Геродотъ. Ѳукидидъ. Ксенофонтъ. Ктезій. Филистъ, стр. 326.

5. Отступленіе Десяти Тысячъ 331

§ 102. Кунакса, стр. 331. — § 103. Коринѳская война и Анталкидовъ миръ, стр. 333.

6. Ѳиванская война 336

§ 104. Олинѳъ и Ѳивы, стр. 336. — § 105. Левктра, стр. 338.

7. Гегемонія Ѳивъ при Эпаминондѣ и Пелопидѣ 340

§ 106. Мантинея, стр. 340.

III. Македонская пора 345

1. Филиппъ Македонскій. . . . . —

§ 107. Прежняя исторія Македоніи и свойства Филиппа, стр. 345. — § 108. а) Время Священныхъ войнъ, стр. 347. — § 109. б) Ораторы: Исократъ. Демосѳенъ. Эсхинъ, стр. 350.— § 110. в) Паденіе греческой независимости, стр. 355.—§ 111. д) Изящныя искусства Грековъ, стр. 358.

2. Александръ Великій 363

а) § 112. Неудачныя возстанія Грековъ, стр. 363. — б) Паденіе Персидскаго царства, стр. 366: § 113. Состояніе Персіи. Битва при Граникѣ, стр. 367. — § 114. Битва при Иссѣ, стр. 369. — § 115. Тиръ. Александрія, стр. 370. — § 116. Арбела и Гаугамела, стр. 371. — § 117. Бактрія, стр. 373. — в) Походъ Александра въ Индію, стр. 373: § 118. Гифазисъ, стр. 373. — § 119. Пустыня Гедрозія, стр. 374. — г) Послѣдніе годы жизни Александра, стр. 375: § 120. Стремленія Александра. Филотасъ, стр. 375 — § 121. Смерть Александра, стр. 376. — § 122. Послѣдствія завоевательныхъ походовъ Александра, стр. 378.

3. Преемники Александра 379

§ 123. Войны между полководцами до битвы при Ипсѣ, стр. 379. — § 124. Образованіе государствъ, стр. 381.

A. Македонія и Греція 383

Послѣдняя борьба Греціи. Ахейскій союзъ: § 125. Ламійская война. Фокіонъ. Демосѳенъ. Димитрій, стр. 383. — § 126. Ахейскій союзъ. Аратъ. Клеоменъ Спартанскій, стр. 385.— § 127. Филопеменъ, стр. 388.

Б. Азія и Египетъ 391

1. Сирійское царство Селевкидовъ: § 128. Антіохъ, стр. 391.— § 129. Малоазійскія государства, стр. 392.

2. § 130. Египетское царство Птолемеевъ, стр. 394.

B. Іудеи при Маккавеяхъ 396

§ 131. Іудейское царство до рождества Спасителя, стр. 396.— § 132. Іудейскія секты, стр. 398.

Г. Александрійская образованность и литература. § 133 . . . 399

§ 134. Государственный бытъ. Религіозныя и философскія ученія (эпикурейцы и стоики), стр. 405. — § 134. б. Общее обозрѣніе и выводы, стр. 410.

Римское государство 414

§ 135. Географическій очеркъ Италіи, стр. 414. — § 136. Племена средней Италіи до римскаго господства, стр. 423.

I. Римъ подъ властью царей и патриціевъ 428

1. Періодъ царей (753 — 509) . . . . . —

§ 137. Основаніе Рима, стр. 428. — § 138. Римъ при Ромулѣ, стр. 429. — § 139. Религіозныя учрежденія Нумы Помпилія, стр. 430. — § 140. Туллъ Гостилій и Анкъ Марцій, стр. 431. — § 141. Тарквиній Прискъ, стр. 433. — § 142. Сервій Туллій, стр. 434. — § 143. Тарквиній Гордый, стр. 436. — § 143. б. Древнѣйшія государственныя учрежденія и законы Рима, стр. 439.

2. Римская республика до политическаго уравненія сословій (509 — 366) 443

а) Господство патриціевъ . . . . . —

§ 144. Республиканское устройство, стр. 443. — § 145. Героическій періодъ республики, стр. 444. — § 146. Народные трибуны, стр. 446. — § 147. Коріоланъ, стр. 447.

б) Борьба плебеевъ съ патриціями за равноправность 450

§ 148. Внѣшніе враги Рима. Цинциннатъ, стр 450. — § 149. 1. Полевые или аграрные законы, стр. 453. — § 150. 2. Децемвиры, стр. 453. — § 151. 3. Должности военнаго трибуна и ценсора, стр. 456.

в) Взятіе Рима Галлами (389) 458

§ 152. Камиллъ, стр. 458. — § 153. Бренъ. Кельты, стр. 458.

г) Законы Лицинія Столона (366) 461

§ 154. Манлій, стр. 461. — § 155. Уравненіе сословій, стр 462.

II. Героическій періодъ Рима 463

1. Покореніе народовъ средней и нижней Италіи . . . . . —

а) § 156. Первая Самнитская война (342 — 340). . . . . —

б) § 157. Латинская война (340 — 337) 466

в) Вторая и третья Самнитская война (325 — 290): § 158. Кавдинскія ущелья, стр. 468. — § 159. Сентинумъ, стр. 469.

г) §§ 160. 161. Война съ Тарентинцами и Пирромъ (281 — 275). Власть и характеръ сената 471

2. Война Рима съ Карѳагеномъ 475

а) §§ 162. 163. Карѳагенъ и Сиракузы . . . . . —

б) §§ 164. 165. Первая Пунійская война (264 — 241) 480

в) §§ 166 167. Галльская война. Карѳагенцы въ Испаніи. . . 484

г) Вторая Пунійская война: § 168 Движеніе Ганнибала черезъ Альпы до Тразименскаго озера, стр. 487. — § 169. Канны,

стр. 489. — § 170. Сиракузы. Капуа. Тарентъ, стр. 490.— § 171. Метавръ, стр. 492. — § 172. Зама, стр. 493.

д) Покореніе Македоніи и Греціи 496

§ 173. Фламининъ, стр. 496. — § 174. Магнезія, стр. 497.— § 175. Муммій въ Коринѳѣ, стр. 500.

е) § 176. Третья Пунійская война (149 — 146) 504

ж) Образованность и литература 507

§ 177. Плавтъ и Теренцій. Исторіографія и философія, стр. 507. — § 178. Борьба Катона съ новымъ направленіемъ, стр. 514.

III. Нравственный упадокъ Рима 518

1. §§ 179. 180. Римское провинціальное управленіе и возстаніе Нуманціи . . . . . —

2. Гракховскія смятенія 523

§ 181. Положеніе партій, стр. 523. — § 182. Тив. Гракхъ. Аграрный законъ, стр. 526. — § 183. Каій Гракхъ, стр. 529.

3. Время Марія и Суллы 533

а) § 184. Югуртинская война (112 — 106) . . . . . —

б) § 185. Кимвры и Тевтоны 537

в) Союзническая война (война съ Марсами) 540

г) §§ 187 — 190. Первая война съ Митридатомъ и первая междоусобная война (188 — 80) 547

4. Время Кнеія Помпея 562

а) § 191. Серторій . . . . . —

б) § 192. Невольничья война (72 — 71) 564

в) §§ 193 — 195. Война съ морскими разбойниками (67) и вторая Митридатовская (74 — 76) 567

г) § 196. Заговоръ Катилины и Маркъ Туллій Цицеронъ (63—62). 575

5. Время Каія Юлія Цезаря и гибель Красса 578

а) § 197. Первый тріумвиратъ (60) . . . . . —

б) § 198. Войны Цезаря въ Галліи (58 — 50) 582

в) § 199. Вторая Междоусобная война (49 — 48). — Фарсалъ 591

г) §§ 201. 202. Побѣды и смерть Цезаря. 597

д) Третья Междоусобная война, до паденія республиканскихъ учрежденій (43 — 30) 608

§ 203. Второй тріумвиратъ, стр. 608. — § 204. Филиппы, стр. 609. — § 205. Акціумъ, стр. 610.

IV. Римская имперія 611

1. Цезарь Октавіанъ Августъ (Освященный). . . . . —

а) § 206. Государственное устройство. . . . . —

б) § 207. Золотой вѣкъ литературы и искусства въ Римѣ. . . 616

§ 208. Цицеронъ, стр. 617.—§ 209. Виргилій. Горацій. Овидій. Элегики, стр. 621. — § 210. Прозаическая литература. Исторіографія (Цезарь, Саллюстій, Ливій). Созданія искусства, стр. 627.

в) Войны Германцевъ за независимость. 634
§ 211. Тевтобургскій лѣсъ, стр. 634.—§ 212. Германикъ, стр. 636. — § 213. Нравы и племена Германцевъ. Тацитъ, стр. 638. — § 214. Германскія учрежденія. Древнѣйшее общественное устройство Германцевъ, стр. 641.
г) § 215. Іисусъ Христосъ 648
2. Императоры Августова дома 650
§ 216. Тиберій, стр. 650. — 217. Калигула и Клавдій, стр. 652. — § 218. Неронъ, стр. 654. — § 219. Гальба. Отонъ. Вителлій, стр. 656.
3. Флавіи и Антонины. 657
§ 220. Веспасіанъ. а) Іудейская война. б) Британнія. в) Возстаніе Батавовъ, стр. 657—661. — § 221. Титъ. Домиціанъ. Нерва. Траянъ, стр. 661.—§ 222. Адріанъ. Антонинъ. Маркъ Аврелій, стр. 666.
4. Образованность и литература послѣднихъ временъ язычества. 669
§ 223. Персій. Марціалъ, стр. 669. — § 224. Стоическая философія. Квинктиліанъ. Правовѣдѣніе. Историки императорской эпохи. Плиній. Поэзія. Философія. Неоплатонизмъ, стр. 672.
5. Римъ подъ владычествомъ солдатъ 684
§ 225. Коммодъ. Александръ Севѣръ, стр. 684. — § 226. Филиппъ Аравитянинъ. Діоклеціанъ, стр. 688. — § 227. Діоклеціанъ, стр. 692.—§ 228. Константинъ побѣждаетъ Максенція (312), стр. 695. — § 228. б. Общее обозрѣніе и выводы, стр. 696.